

Великие русские старцы

Жития, чудеса, духовные наставления

Annotation

Книга охватывает двухсотлетнюю историю русского старчества — от преподобных Нила Сорского и Паисия Величковского до наших современников — архимандрита Иоанна (Крестьянкина) и протоиерея Николая Гурьянова.

В поучениях великих старцев указан не только путь ко спасению, но и отражен духовный опыт русского народа, церковные обычаи и предания. Любой из нас найдет здесь ответ на волнующий вопрос, получит совет, как жить, как верить, как поступать православному христианину в том или ином случае.

Это поистине бесценное сокровище.

Великие русские старцы

От издательства

Дорогой читатель, удивительная книга, которую вы держите в руках, изданная многими тиражами, стала настольной книгой десятков тысяч православных христиан. В ней впервые собраны жития, чудеса и духовные наставления великих русских старцев — от первого известного нам русского старца, преподобного Нила Сорского, до великих старцев двадцатого и начала двадцать первого века.

Вам предстоит встреча с теми, кто уже двести лет окормляет любовью Христовой, духовно просвещает, укрепляет и поддерживает Святую Русь. К этим великим старцам шли мудрецы и простецы, шли простые крестьяне и русские императоры, шли все, кто стремился узнать волю Божию, кто нуждался в помощи и совете. Особое значение приобрело старчество в годы богоборчества, в годы потрясения основ русской народной жизни.

«Старец — один из старших монахов, прошедший тяжелый путь самоотречения и взявший под свое духовное руководство молодых монахов и мирян, — писал исследователь старчества И. К. Смолич. — Свою задачу он видит прежде всего в руководстве и заботе о душе, воспитании воли тех, кто не имеет большого духовного опыта, стремясь провести их через все искушения и горести этой жизни. По собственной жизни и опыту он знает о разнообразии темных путей, на которых поджидает нас искуситель. Незнакомым, пришедшим извне, он дает советы, чтобы уберечь их от ошибок.

Старец есть воля к религиозному и общественному совершенству этих верующих сердец; люди, которые предали себя его руководству, совершенно отказываются от собственной воли.

В монастыре старец обычно не занимает никакой должности; он духовный вождь и советник. Вокруг него группируются в монастыре его ученики, и он смиренно и ответственно берет на себя эту тяжелую обязанность.

Ученик сам избирает того старца, которого хочет. И часто случается так, что человек, желавший поговорить со старцем только по одному вопросу, остается под его руководством на всю жизнь и даже принимает монашество.

Чистосердечие и послушание, смирение и готовность к исполнению воли отца со стороны духовного сына, сердечность и справедливая строгость со стороны руководящего старца образуют содержание двусторонних отношений, озаренных Божественной любовью, в которой

живут оба. Так достигает ищущая душа сладости внутренней молитвы, всепобеждающей силы любви и полной благодатности жизни в Боге, с воскресшим Христом. В этом заключается очень коротко сущность старчества».

Старцы появились уже в IV веке в монастырях Египта, Палестины, Сирии. Первый известный русский старец — преподобный Нил Сорский. На Святой горе он учился у афонских старцев аскетической жизни, умной молитве, хранению сердца и трезвению ума. Вернувшись на Русь, преподобный Нил основал скит с уставом, в котором выразились многие его представления о духовном делании.

С середины XVI века начинается медленный распад древнерусского монастырского жития. Строгий аскет уже не находил в монастыре покоя, не мог удалиться от мира. Теперь аскеты стали убегать в новые «пустыни», прятаться в сибирских лесах, на берегу Белого моря.

Отпадение староверов в конце XVII века и церковные реформы Петра I в начале XVIII века нанесли религиозной жизни еще более глубокие раны.

Возрождение старчества началось в России в конце XVIII века. Толчок к этому дал митрополит Новгородский и Петербургский Гавриил, опиравшийся на учеников преподобного старца Паисия (Величковского).

К этому времени на Руси были почти забыты не только многие из древних аскетов, таких, как Макарий Египетский, Нил Синайский, Ефрем Сирин, но и сами творения преподобного Нила Сорского. Всю свою жизнь посвятил преподобный Паисий восстановлению того, что грозило быть утраченным. Преподобный Паисий создал школу духовной жизни, зажег сердца многих любовью к духовной жизни, возбудил стремление к внутреннему монашескому подвигу, к духовному деланию.

В Россию вышло много учеников преподобного Паисия, и под их воздействием начался подъем духовной жизни — возросли интересы и любовь к чтению и изучению книг, появились старцы и настоятели монастырей, хранившие заветы старца Паисия.

Традиционно русское старчество делится на три главных течения: северное, центральное и южное.

Старцы Севера подвизались в Соловецком монастыре, на Валааме, в Александро-Невской лавре и Александро-Свирском монастыре.

Старчество центральных районов сосредоточилось, главным образом, в Москве, во Владимирской губернии, в Оптиной пустыни, в Брянском монастыре, в Орловской губернии, в Рославльских лесах Смоленской епархии, в Белобережском монастыре.

Южные старцы подвизались в Площанской пустыни Орловской епархии, в Глинской пустыни Курской епархии.

Но в этой схеме указываются только наиболее заметные или начальные пункты движения старчества, которое на самом деле охватывало сотни русских монастырей — ведь старцы переходили из обители в обитель, оставляя в них своих учеников и последователей.

К сожалению, наставления многих старцев не были записаны в свое время или же были утрачены. Так, ничего не известно о духовных наставлениях дивного старца Клеопы, Рославльских старцев, старца Нила, подвизавшегося в Нило-Сорской пустыни, и многих, многих других.

Но то, что сохранилось и вошло в эту книгу, составленную по идее священника Владимира Котова, — это бесценное духовное сокровище, теперь доступное каждому благочестивому читателю.

Значение этой книги трудно переоценить еще и потому, что, как говорили сами старцы, во времена отступления от веры Христовой, на Руси оскудевает и нива духовного руководства, и тогда творения святых отцов и подвижников благочестия заменят христианам их духовных водителей. Именно потому данное издание можно причислить к тем книгам, где «недоуменный ум — алчущая душа» православного человека найдут ответ и утешение в различных жизненных обстоятельствах.

Преподобный Нил Сорский (1433–1508)

Преподобный Нил происходил из дворянского рода Майковых, родился в 1433 году и положил начало иноческой жизни в Белозерской Кирилловой обители, где пользовался советами мудрого и строгого старца Паисия Ярославова. Вместе с учеником своим и сотрудником, монахом Иннокентием, из рода бояр Охлебининых, несколько лет преподобный провел на Афонской горе и в Константинопольских монастырях. Тут он изучил все виды монашеского подвижничества, и в особенности — скитское житие. Преподобный Нил главным образом везде старался вникнуть в смысл и дух так называемого умного иноческого делания, внутреннего самоиспытания, все применяя к себе, к собственной духовной жизни. Он внимательно изучал и опытом проходил наставления богомудрых древних отцов: Антония Великого, Ефрема и Исаака Сириных, Варсонофия, Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, Максима Исповедника, Исихия, Симеона Нового Богослова, Петра Дамаскина, Григория, Нила и Филофея Синайских. На Афоне у него явилась мысль начать, по возвращении на родину, новый скитский образ жизни по образцу восточных подвижников.

Во времена преподобного Нила на Руси было два вида иночества: общежительный и отшельнический. Преподобный положил начало третьему — среднему пути подвижничества: иноки селились один от другого в таком расстоянии, чтобы можно было только слышать голос друг друга, а подвизались каждый особо.

Возвратясь в Белозерский монастырь, преподобный Нил уже не остался жить в нем, но срубил себе келью невдалеке от него; потом отошел за пятнадцать верст, где, водрузив крест, поставил сперва часовню и уединенную келью, и при ней ископал колодец, а когда собралось к нему несколько братий, то построил деревянную церковь Сретения Господня. Как для себя, так и для учеников своих преподобный поставил правилом не общежительное житие, а строгое скитское. Труд и подвиг скитского жития состоит во внутреннем подвижничестве, строгом наблюдении над состояниями души, в очищении ее молитвами и богомыслием. В своем знаменитом «Предании о жительстве от святых отцов учеником своим», или скитском уставе, он сосредоточивает основное внимание на внутренней духовной жизни во Христе, на чисто духовном воспитании человека-христианина.

Слава блаженного Нила воссияла гораздо далее стен русских обителей. Его знали и уважали русские иерархи. Когда в Новгороде открылась ересь жидовствующих и всюду распространены были ожидания кончины мира в 1492 году, архиепископ Новгородский Геннадий просил Иоасафа, архиепископа Ростовского, посоветоваться между прочим с преподобным Нилом, что он думает о сих ожиданиях. В 1490 году старцы Паисий и Нил приглашены были в Москву на собор против ереси жидовствующих. По летописям и актам известно, что в 1503 году был еще собор на Москве, на котором преподобный тоже присутствовал. Им было внесено в соборные рассуждения предложение освободить монастыри от управления отчинами, то есть населенными имениями. Преподобный, предлагая, чтобы у монастырей не было сел, желая, «чтобы жили бы чернцы по пустыням, а кормилися бы рукоделием».

Умирая, блаженный Нил оставил следующее завещание ученикам своим:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Завещаваю яже о себе, моим присным господам и братиям, яже суть моего нрава. Молю вас, повергните тело мое в пустыни, да изъядят е зверие и птицы: понеже согрешило есть Богу много и недостойно есть погребения. Аще ли сице не сотворите, то, ископавши ров на месте, идеже живем, со всяким безчестием погребите мя. Бойтеся же слова, еже Великий Арсений завеща учеником своим, глаголя: на суде стану с вами, аще кому дадите тело мое. Тщание бо и мне было то, елико по силе моей, да не сподоблен буду чести и славы века сего никоторыя, якоже в житии сем, тако и по смерти моей. Молю же всех, да помолятся о души моей грешней, и прощения прошу от всех и от мене прощение да будет: Бог да простит всех нас».

И предсмертное желание великого ревнителя нищеты и смирения исполнилось; обитель его осталась одной из самых малолюдных и бедных на севере России.

Царь Иоанн Грозный в 1569 году хотел построить каменный храм над гробницею преподобного Нила. Но богоносный ревнитель скитской простоты, в сонном видении, запретил царю эту постройку.

Прошло несколько столетий, и уже в XIX веке возобновилась мысль о каменной церкви в честь преподобного Нила; но своды ее обрушились над самой ракой основателя обители, причем трое каменщиков, работавшие в церкви, чудесно спаслись от погибели.

Сейчас на территории обезображенной Нило-Сорской пустыни находится интернат для душевнобольных. Мощи преподобного Нила не обнаружены.

Духовные наставления

Как вести духовную борьбу

Святые отцы указывают различные степени нашей мысленной борьбы, сопровождаемой или нашею победою, или нашим поражением. Прежде всего они указывают на представление предмета — прилог; потом принятие его — сочетание; далее согласие с ним — сложение; за этим — пленение от него и наконец — страсть.

Прилог — это какая-нибудь мысль, невольно приходящая на ум. И его (то есть прилог) называют безгрешным, не заслуживающим ни похвалы, ни порицания, потому что он не исходит от нашей воли.

Сочетанием святые отцы называют собеседование с явившимся прилогом, то есть как бы тайное от нас слово к явившемуся помыслу, по страсти, или бесстрастию; иначе: принятие помысла, бываемого от врага, удержание его, согласие с ним и произвольное допущение пребывать ему в нас. И это не всегда безгрешно; но оно может быть и похвально, если богоугодно окончится.

Сложением называют отцы сладостное согласие души с помыслом, в нее вшедшим, или предметом, ей представившимся. Это бывает, когда, приняв внушаемые врагом помыслы и образы, человек вступит с ними в общение чрез мысленное разглагольствование и окончательно решит в уме своем, что так и быть должно, как внушает ему вражий помысл.

Пленение — это невольное и принудительное увлечение сердца к нашедшему помыслу, или постоянное водворение его в себе — совокупление с ним, что бывает весьма губительно для нашей доброй, богоугодной жизни. Это всего более происходит от смятения, ропота и многих бесполезных разговоров.

Страстию же называют такую склонность, которая гнездится долго в душе, чрез привычки, делается как бы ее природою, входит как бы в естество ее. Человек подвергается ей по своей воле, сознательно, и она обуревает его постоянно страстными помыслами, внушаемыми врагом; крепнет от частого представления себе и самоуслаждения, и тем обращается уже в обычай. Это бывает, когда враг, часто представляя какую-либо вещь, страстную человеку, тем самым разжигает особую любовь к ней, и человек — волей или неволей — мысленно побеждается от нее. Чаще всего случается это, когда человек, по небрежности, не обращал внимания на свои дурные мысли, а старался даже развивать их по своей воле. Страсть, во всех

своих проявлениях, подлежит или соразмерному с виною покаянию, или будущему мучению.

Нужно непрестанно каяться и молиться об избавлении от всякой страсти. Будущей же муке подлежат не за брань врага, а за свою нераскаянность.

◊ Разумная же и искусная борьба состоит в том, говорят святые отцы, чтобы отсекать и отгонять от себя дурной помысл, то есть прилог, в самом начале и непрестанно молиться; ибо кто сумеет противиться первому прилогу помысла, тот, так сказать, одним ударом пересечет все последующие его действия. Потому что, кто борется разумно, тот отвергается корня зла, то есть лукавого прилога мыслей.

◊ Особенно во время молитвы должно стараться сделать свой ум глухим и немым (к предметам посторонним, суетным), как сказал Нил Синайский, и иметь сердце безмолвным ко всякому помыслу, даже, по-видимому, доброму, говорит Исихий Иерусалимский: ибо за бесстрастными помыслами следуют уже страстные, как известно из опыта, и вход в сердце первых бывает причиной входа последних.

◊ И поскольку, как сказано, что за добрыми помыслами следуют и дурные, то и нужно принудить себя, не допускать и таких помыслов, о которых мы думаем, что они хороши, а постоянно созерцать глубину своего сердца и говорить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» Произносить эту молитву всю, а иногда половину ее: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» или же: «Сыне Божий, помилуй мя!», как это будет удобнее для новоначальных монахов, говорит Григорий Синаит. Не нужно, впрочем, часто переменять речения, но изредка. Ныне отцы прибавляют к молитве после слов: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» — слово «грешнаго». И это приятно Богу, особенно прилично нам грешным. И повторяй так всегда с усердием, когда стоишь, или сидишь, или лежишь, умом и сердцем…

◊ Когда же весьма сильно будут обуревать помыслы, тогда встань и молись об избавлении от них, потом принимайся за свое дело… Если же и после молитвы твоей помыслы одинаково будут одолевать тебя и умножаться настолько, что и ум не будет в состоянии блюсти сердце, — говори молитву беспрестанно, усердно и терпеливо.

Если и нападет на тебя леность или недомогание — призывай Бога на помощь и принуждай, сколько достанет сил, не прерывать молитвы.

Как бороться с помыслами

Отгонять и искоренять помыслы могут только совершенные в духовной жизни, а противостоять им — преуспевающие в ней.

А новоначальные и немощные только молятся об избавлении от них и стараются дурные помыслы заменить хорошими…

Мы, когда будем обуреваемы помыслами до такой степени, что не в состоянии будем молиться с сокрушением и внутренним спокойствием, прежде всего должны молиться об избавлении от них, или обращать их на полезные.

◊ Святые отцы указывают на восемь страстных помыслов и называют их главными, поскольку от них происходят и другие, хотя меньшие, но все же страстные и дурные мысли: 1) чревоугодие, 2) блудный, 3) сребролюбие, 4) гнев, 5) печальный, 6) уныние, 7) тщеславие и 8) гордость.

Как бороться с чревоугодием

Если будет одолевать нас помысл чревоугодия, представляя нам мысленно разные сладкие и изысканные яства, соблазняя вкусить их не во время, не по нужде и не в меру, то нужно вспомнить тогда слово Господа: «смотрите за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством» (Лк. 21, 34) и молитвенно, призвав Того Самого Господа на помощь, размышлять о сказанном отцами, что «этот порок… есть начало всех грехов, и прежде всего блуда». С начала жизни преступление праотца нашего, первого человека, Адама, произошло чрез этот порок. Вкусив запрещенной снеди, он изгнан был из рая и ввел всеобщую смерть, как сказано: «Хорош был на вид и очень вкусен уморивший меня плод». С тех пор и доныне многие, поработивши себя чреву, окончательно пали, как о том свидетельствуют святые писания.

Знай и то, что сладость и благоухание яства чрез малое время обращается в извержение и зловоние, так что годного в ней ничего не остается, как говорит Великий Варсонофий. Поэтому, рассудив о сем, укоряй себя, если пришло тебе желание вкусить что-нибудь сладкое и благоуханное, и что потом обращается в злосмрадие. Таким образом, вкушая в меру, и в свое время пищи — побеждай страсть.

Как бороться с блудными помыслами

Самый великий и тяжкий подвиг — это борьба против помыслов блудных, ибо эта борьба одновременно обнимает все наше существо — и душу и тело. Поэтому и нужно всегда бодрствовать и трезвиться, чтобы соблюдать свое сердце от сего помысла; особенное наблюдение над собой должно иметь во время святых собраний (имеется в виду богослужение. — Ред.), когда намерены приобщиться святых Тайн: враг в это время всячески старается осквернить нашу совесть. И когда такие помыслы одолевают нас, нужно оживлять в себе страх Божий и припоминать, что от Бога ничто не

может быть утаено, даже самые малейшие движения сердца нашего, и что за все это Господь будет судить нас и взыщет с нас.

◊ А кто по своему желанию часто прилепляется к блудным помыслам, скверня тем себя, тот уже любодействует в своем сердце, как сказали отцы; а бывает, что помыслы доводят его и до дела. А как велико бедствие — это самое дело, — видно из того, что ни один грех не называется таким именем, каким этот грех именуется у отцов: они прямо называют его — падением, потому что он лишает падшего дерзновения к Богу и повергает его в отчаяние.

◊ Итак, постоянно нужно стараться каким бы то ни было способом тщательно уничтожать эти помыслы. Особенно же советуют святые отцы в это время, для совершенной победы над ним, прибегать к молитве. Святой Максим Исповедник советует во время нахождения блудных помыслов молиться словами Давида: «Изгонящии мя ныне обыдоша мя» (Пс. 16, 11), «Радосте моя, избави меня обышедших мя» (Пс. 31, 7). И Иоанн Лествичник, говоря о том же, представляет в свидетели молившегося об избавлении от блудных помыслов так: «Боже, в помощь мою вонми!» (Пс. 69, 2) и тому подобное. При этом нужно призывать на помощь себе тех святых, кто при жизни прославились соблюдением целомудрия и чистоты. Так, Даниил Скитский повелел брату, обуревавшемуся блудной страстью, помолиться и призвать на помощь святую мученицу Фомаиду, убитую за соблюдение целомудрия, в таких словах: «Боже! По молитвам мученицы Фомаиды, помоги мне!» И, помолившись у ее гроба, брат был избавлен от блудной страсти. Имея такие примеры, и мы будем молиться тем святым, которых знаем из святых писаний (духовных книг. — Ред.), что они особливо прославились своим целомудрием и чистотою.

Как бороться со сребролюбием

Так как недуг сребролюбия вне нашей природы, говорят святые отцы, а происходит от маловерия и неразумия, то поэтому и не трудно победить его следящим за собою и со страхом Божиим желающим искренно спасения. Но если мы попустим ему укрепиться в нас, то он бывает лютейший всех недугов; и если подчинимся ему, то он в такую ведет погибель, что апостол называет его не только корнем всякого зла, как то: гнева, скорби и прочих, но именует даже идолопоклонством (см.: 1 Тим. 6, 10; Кол. 3, 5). Во святых писаниях указывают многие примеры, из которых можно усмотреть, как чрез сребролюбие люди не только уклонялись от благочестивой жизни, но даже погрешали в вере, страдали душевно и телесно и погибали. Сказано отцами, что «собирающий золото и серебро и на него возлагающий свое упование, уже не верует, что о нас печется Бог». И еще говорят святые

писания: если кто одержим будет гордостью или сребролюбием, или даже одною какой-либо из этих страстей, — бес уже не смущает его другой страстью — для него достаточно и одной из них, чтобы погубить человека. Поэтому как строго нужно соблюдать себя, дабы не подпасть этой пагубной и душетленной страсти и молить Господа, да исторгнет Он из нас дух сребролюбия. И не только золота и серебра и имений следует удаляться нам, не стараясь о приобретении их, но и всяких лишних вещей, кроме самых необходимых для употребления — одежды, обуви, келии, посуды, орудий для рукоделия, — и все это должно быть не многоценно, и не украшено, удобно находимо, просто — чтобы мы могли чрез то избежать мирских толков, осуждений и сплетен.

Истинная же победа над недугом сребролюбия и вещелюбия состоит в том, что не только не должно приобретать имения, но и не желать, чтобы оно у нас было. Это сообщит нам душевную чистоту.

Как бороться с гневом

Если одолевает тебя гневный помысл, принуждая к памятозлобию и поощряя к ярости, чтобы воздавать злом за зло оскорбителю, тогда вспомни слова Господа: если каждый из вас не отпустит брату своему согрешений его, — ни Отец ваш небесный отпустит вам согрешения ваши (см.: Мф. 18, 35; Мк. 11, 25). Поэтому всякий желающий получить прощение своих согрешений прежде всего должен от всего сердца своего простить брата своего. Ибо поведено просить у Господа оставления долгов наших под условием, что сами будем прощать другим; и если мы не оставим сами, ясно, что не оставится и нам (см.: Мф. 6, 12, 15). При этом нужно всегда иметь в мыслях, что если мы и делаем какое-либо доброе дело, но находимся во гневе на кого-нибудь, то доброе дело это не будет иметь цены пред Богом.

◊ Сказано отцами: «Гневливый, хотя бы воскресил мертвеца, — молитва его все же не угодна Богу». Впрочем, это сказано отцами только для сравнения и для указания на мерзость молитвы гневного, который конечно не может воскресить мертвеца. Потому не следует нам гневаться, не должно делать ближнему зла не только словами и поступками, но и вида не должно подавать неприязни.

Можно и взглядом оскорбить своего брата, говорят отцы. Самые помыслы гневные нужно искоренять из сердца, что и будет полным сердечным прощением. Великую же победу над гневным помыслом одерживает тот, кто не только прощает, но и молится за оскорбителя.

Молиться за брата — это есть любовь и прощение, а призывать в помощь его молитвы — это уже есть смирение. По возможности нужно и

добро ему делать и так исполнится заповедь Господа: «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 44). За то и награду Господь обещает тому высшую, нежели другим. Обещает не Царство небесное, не только утешение и радование как прочим, но усыновление: «да будете, — сказал Он, — сынами Отца вашего небесного» (Мф. 5, 45). Сам Господь наш Иисус Христос, положивший нам сию заповедь и обещавший такое великое, за исполнение ее, воздаяние, — как научал, так и Сам исполнил это, подавая нам пример, чтобы и мы, по возможности, подражали Ему. Сколько зла претерпел Он от иудеев за нас, грешников? И не только не гневался на них, но и молился за них к Отцу Своему, говоря: «Отче! отпусти им» (грех сей) (Лк. 23, 34). И все святые, шествовавшие таким путем, получили от Бога благодать не только не воздавать за зло злом своим оскорбителям, — но делали им добро, молились за них, прикрывали их недостатки, радовались об их исправлении, и когда те приходили в сознание своих зол — поучали их любовью своей и прощением.

Как бороться с духом уныния

Когда дух уныния сильно одолевает нас, то великий предстоит тогда подвиг душе. Лют и тяжек этот дух уныния, тем более что соединяется и пособствует духу скорбному. Особенно тяжек он пребывающим в безмолвии. Когда такие жестокие волны уныния восстанут на душу, человек теряет надежду когда-либо избавиться от них, ибо враг внушает, что если сегодня ему так тяжело, завтра и далее будет еще мучительнее; что он оставлен Богом, что Бог не печется о нем; что случается это с ним помимо промысла Божия, и случается именно только с ним одним, с другими же ничего подобного не было и не бывает.

Но не так это, не так! Господь, как чадолюбивый Отец, попускает по Своей любви такой духовный жезл не только нам грешным, но и избранникам Своим святым, от века благоугодившим Ему, для преуспения в добродетелях. И вскоре же бывает изменение состояния нашего духа, получается милость Божия, а затем и утешение. И подобно тому, как во дни скорбных испытаний человек не надеется продолжить свой подвиг, так как враг показывает ему все хорошее в дурном свете, точно так же, по изменении сих обстоятельств, все представляется ему в лучшем виде, все скорби — как бы и не было их; он становится усерднее к совершению добра и дивится перемене к лучшему. Тогда он не захочет уже отступить от добродетельного пути; поймет, что Сам Господь, по Своей милости, устраивает ему это на пользу и в назидание и по неизреченной любви Своей допускает искушение — для его усовершенствования.

Без попущения Божия враг не может сам по себе причинить нам ничего: он опечаливает дух наш не столько, сколько бы ему хотелось, но сколько попустит ему Бог.

◊ Тогда-то (при нападении духа уныния) особенно и нужно употреблять усилие, чтобы не впасть в отчаяние, — прилежать, сколько позволяют силы, молитве и, если можно, падать на лице в молитве, что очень полезно.

Пусть тогда молится молитвою Великого Варсонофия: «Господи! Ты видишь скорбь мою; помилуй меня, Боже, помоги мне грешному!» Или, как повелевает Симеон Новый Богослов: «Не попусти на меня, Владыко, выше сил моих искушение, или скорбь, или болезнь, но подай силу и крепость, чтобы я мог перенести все с благодарением!»

Иногда же молиться так, как Григорий Синаит велел молиться на сию страсть, то есть: возведши очи на небо и простерши руки на высоту.

И так подвизаяся, имей прилежание, насколько возможно, к чтению, также исполняй рукоделие, ибо и то, и другое служат великими помощниками во время подобной борьбы.

Случается иногда, что и во время сих занятий страсть не оставляет тебя, тогда еще усерднее, еще с большим умилением прибегни к молитве.

А против духа неблагодарности и хулы говори так: «Иди за мной, сатана: Господу Богу моему поклонюся и Тому одному послужу. Все болезни и скорби, ниспосылаемые мне, принимаю с благодарением, как от Него посланные для исцеления моих согрешений, по писанному: покоряюсь гневу Господню, ибо я согрешил Ему (Мих. 6, 9). Тебе же, сатана, на твою голову пусть возвратится неблагодарность и хулы и тебе да напишет это Господь! Отступи от меня! Бог, создавший меня по образу и подобию Своему, да отженет тебя!»

Если же и после того сатана будет смущать тебя, то обрати мысли твои на иной какой-либо предмет — Божественный или человеческий…

Прежде же всего душа, желающая угодить Богу, должна запастись терпением и надеждою, как пишет святой Макарий. Ибо в том и состоит хитрость врага, чтобы навести на нас уныние и чрез то лишить надежды на помощь Божию. Но Бог никогда не попускает врагу одолевать душу, уповающую на Него, поскольку знает немощи наши. И человек понимает, сколько вол, сколько осел, сколько верблюд может поднять тяжести, которую налагает каждому по его силе; и горшечник знает, сколько нужно продержать в огне сосуды, чтобы или от долгого пребывания в огне они не потрескались, или от недостаточного — не были негодны к употреблению. И если такое соображение является у людей, то не гораздо ли более, без меры более, — Божий разум знает, сколько и должно каждой душе понести искушений, чтобы, очистившись, быть достойно небесного Царствия и не

только будущей славы по смерти, но и здесь сподобиться утешения благого Духа.

Как бороться с помыслом тщеславия

Много и бдительно мы должны наблюдать за духом тщеславия, ибо враг весьма прикровенно, со всяким ухищрением, старается погубить все наши добрые намерения, сделать инока неуспешным, старается сделать так, чтобы всякое доброе дело наше совершалось не для Бога, но из тщеславия и человекоугодия.

Потому во всякое время должно нам со всякою осмотрительностью испытать себя — для Бога ли наше дело? для душевной ли пользы?

Должно избегать во всем похвал человеческих и, имея в памяти сказанное Давидом: «Бог разсыпа кости человекоугодников» (Пс. 52, 6), — отгонять помыслы, стремящиеся к похвале или понуждающие делать что-либо из человекоугодия. Так вседушно да утверждаем помысл свой, чтобы все творить нам по Бозе!

А если кто, имея всякое усердие к Богу, и будет побежден помыслом тщеславия, по своей немощи, невольно, то пусть с сокрушением сердечным исповедуется Господу, переменит тщеславные помыслы и будет прощен и похвалится от Того, Кто знает все намерения и движения нашего сердца.

Будем же поступать так: когда только зародится в нас дух тщеславия, вспомним в особой молитве будущее предстояние наше пред Богом на страшном суде, будем плакать, если имеем слезы, если же нет, припомним час исхода нашего из сей жизни и всячески, с презрением отвергнем от себя тщеславие.

А если не так, то убоимся хотя срама, преследующего тщеславных; ибо «Возносящийся в здешней жизни, прежде будущего суда, — будет посрамлен», — говорит Иоанн Лествичник.

А если кто когда-нибудь нас будет хвалить, или от врага будет нападение на ум наш невидимо помыслов тщеславия, со внушением, что мы достойны чести, величия и высокого положения более других, тогда вспомним и множество и тяжесть наших прегрешений, или припомним хотя бы одно какое, но тягчайшее других и скажем: «Неужели достойны похвалы поступающие так». И увидим, что мы недостойны похвал человеческих, а чрез таковое сознание своего недостоинства отступят от нас бесовские помыслы и не в силах будут смутить нас, сказал Никита Стифат.

Если же враг будет внушать, что ты не сделал никакого зла, — припомни заповеди, которые должен исполнить, и увидишь, что так мало соблюл их, как мала обыкновенная купель сравнительно с величиною моря. Поступая всегда так, сохраним себя от тщеславия. Если же мы не будем

наблюдать за собою и позволим укрепиться в нас тщеславным помыслам, то они породят в нас презрение и гордость, что и составляет начало и конец всякого зла.

Как бороться с гордостью и презрением

Что сказать о презрении и гордости? Хотя названия у них различны, но в сущности они одно и то же: и гордость, и презрение, и высокосердие, и кичение — все они окаянны, как говорит Писание: «Господь гордым противится», и: «нечист пред Богом всяк высокосердый» (Притч. 3, 34; 16, 5). Мерзкий и нечистый, имея противником себе Бога, — когда, и в чем, и где надеется найти какое-либо благо? От кого будет помилован? Кто очистит его? Горестно и говорить об этом. Побежденный духом гордости сам для себя и бес, и враг и в себе самом же носит готовую для себя погибель. Поэтому нужно нам бояться и трепетать страсти гордости, всегда избегать ее, помышляя, что никакое добро не может быть сделано без помощи Божией и если мы будем оставлены Богом на свой произвол, то будем смущаемы диаволом, как лист, колеблемый ветром, или как пыль, поднимающаяся от земли вихрем, будем в поругание ему и в плач для людей.

Размыслив обо всем этом, будем стараться во смирении проводить свою жизнь.

Положим такое намерение: всегда считать себя ниже всех людей, то есть признавать себя хуже всех людей, сквернее всех тварей, ибо поступаем против законов природы, горше самых бесов, поскольку допускаем их преследовать себя и даже побеждать. Думая так, сообразно потому должно и поступать, например: избирать себе и в трапезе и в братских собраниях последнее место, носить скромные одежды, не отказываться и любить низкие, черные работы; при встрече с братией предварять их низким, чистосердечным поклоном; любить молчание; в беседах не стараться высказывать свое мнение и опровергать мнения других; не спорить и не выставлять своего мнения за лучшее, что оно лучше других.

◊ А гордость тех, которые гордятся множеством сел и имений монастырских, или известностью в мире и знакомствами, не знаю как и назвать. Некоторые превозносятся хорошим голосом, отчетливостью в чтении и искусством в пении. Какую же они заслуживают похвалу за то, что не по их воле происходит, а есть прирожденное свойство? — говорят отцы. Иные гордятся искусством в рукоделии, и это подобно предыдущему. Есть и такие, которые славят себя тем, что имеют известных в миру родителей, или знаменитых родственников; или сами, живя в мире, имели высокий сан и честь. Это безумие; это нужно всячески скрывать! А кто, живя и в отречении

от мира, будет принимать честь и славу от людей, — это стыдно ему! Им нужно более унижаться, нежели превозноситься, и которые сим превозносятся — слава их есть стыд.

Если же кто и живущий добродетельно попустит в себе укрепиться помыслам тщеславия и гордости, то на это нет другого, более сильного оружия, как молиться Богу. Боримому нужно из глубины души взывать: «Господи, Владыко, Боже мой! Отжени от меня дух тщеславия и гордости; дух же смирения даруй ми, рабу Твоему!» А вместе с сим и укорять себя нужно, как было сказано прежде.

◊ На все злые помыслы должно призывать в помощь Бога; ибо мы не всегда имеем достаточно сил сопротивляться им, сказал святой Исаак, и негде нам искать помощи в этом деле, кроме как у Бога. Поэтому нужно молиться Владыке Христу с усердием, слезами и воздыханием, как говорит Нил Синайский, и говорить: «Помилуй меня, Господи, и не попусти погибнуть мне! Помилуй меня, Господи, ибо я немощен! Посрами, Господи, одолевающего меня беса! Упование мое, осени над главою моею в день брани бесовской! Побори одолевающего меня врага и обуревающие меня помыслы, умири тишиною Твоею, Слове Божий». Феодор же Студит, заимствуя у Давида свою молитву об избавлении от нечистых помыслов, так повелел молиться: «Суди, Господи, обидящия мя, побори борющия мя» (Пс. 34, 1), и прочее из того же псалма.

Или как песнописец написал: «Рассеянный мой ум собери, Господи, и оляденевшее (поросшее дурною травою) сердце мое очисти! Дай мне покаяние, как Петру, воздыхание, как мытарю, слезы, как блуднице, да зову к Тебе: помоги мне и от скверных помыслов избави меня! Подобно морским волнам восстают на меня беззакония мои, и я, как корабль утопающий, погружаюсь в пучину скверных помыслов; но приведи меня к тихому пристанищу, Господи, покаянием и спаси меня! Я весьма скорблю о том, что слаб умом, почему и нехотя иногда изменяюсь к худшему — потому-то и вопию к Тебе, Богоначальная Святая Троице: помоги мне, и в стоянии добрых помыслов и чувствований учини мя».

Так, выбирая из святых писаний приличное на каждый помысл и каждому времени потребное, подобным образом и будем призывать Бога в помощь против всех помыслов, и Он упразднит их в нас. Когда же явится нужда нам, немощным, выступить против одолевающих нас помыслов и отгонять от себя эти лукавые помыслы, то это должно совершить не просто, не как случится, но также призванием имени Божия и изречениями святого Писания и, по примеру святых отцов, скажем каждому помыслу: «да запретит тебе Господь» (Иуд. ст. 9). И еще: «отступите от мене вси, делающии беззаконие» (Пс. 6, 9), «уклонитеся от мене, лукавнующии, и

испытаю (познавать буду) заповеди Бога моего» (Пс. 118, 115). Также можно принять за образец некоторого старца, который повторял наедине сам с собою: «Отойди, окаянный, и приди, возлюбленный!» Однажды услыхал это живущий с ним брат и, думая, что он с кем-нибудь разговаривает, спросил его: «С кем ты говоришь, отче?» Тот отвечал: «Я отгонял злые помыслы и призывал благие». И если и для нас это потребно, будем произносить сии и подобные сим слова.

◊ Думаю, что полезно припомнить те разнообразные случаи смерти, бывшие в наше время, которые мы видели и о которых слышали. Многие, не только мирские, но и иноки, пользуясь хорошим здоровьем и потому любя настоящую жизнь и надеясь на продление ее, не достигши старости, умирали скоропостижно. Воспоминание о них сильно должно нас устрашить: одни из них в смертный час, не могши даже сказать что-нибудь, умирали во время еды и пития; иные во время пути; а иные — ложась на постель и думая кратким сном успокоить свое тело от трудов — успокаивались навеки. Некоторые же пред смертью приходили в исступление, поскольку им в последний час были грозные и страшные представления от врага.

Все это припомнив, размыслим: где наши друзья и знакомые? Что мы приобрели от них, хотя некоторые из них были почетны, славны, властны, богаты и хлебосольны? Не все ли они обратились в тление и смрад и прах? И вспомним песнописца, говорящего: «Какая житейская сладость не бывает причастна печали? Какая слава стоит на земле непоколебимо? Все это слабее тени и обманчивее сонных видений: в один час все это упразднит смерть! Поистине, в жизни сей все суета, кроме того, что с нами будет неразлучно и по смерти. Там не предыдет пред нами богатство, которым пользуемся мы в сей жизни, ни слава, окружающая нас здесь, — все это погубит пришедшая смерть…» (прп. Иоанн Дамаскин, стихира мертвена, гл. 1).

Вникнув таким образом в суету настоящей жизни, подумаем, для чего излишне трудимся, заботясь только о житейском? Краток путь, который мы проходим!

◊ Если бы сердце наше и не хотело сего, — будем принуждать его постоянно вспоминать о смертном часе и говорить своей душе: «Увы, мрачная душа, приблизилось время исхода твоего от тела! Доколе не отрешаешься ты от злых дел? Доколе пребываешь в унынии? Почему не думаешь о смертном часе? Как не ужасаешься страшного Спасова суда? Что можешь ответить или что скажешь в свое оправдание? Самые дела твои явятся как обличители и свидетели против тебя…»

Как претерпевать скорби

Если скорбь приходит от людей, претерпевать ее нужно благодушно, нужно молиться за оскорбителей, как и прежде было сказано, твердо зная, что не без промысла Божия случается все с нами, но Бог устраивает нам это на пользу и для спасения наших душ. Хотя в настоящее время посылаемые скорби и кажутся нам бесполезными, но впоследствии мы увидим, что истинно полезно нам не то, чего мы сами желаем, но то, что устраивает Бог. Поэтому не должно руководствоваться одним человеческим рассуждением, но от всей души веровать, что око Божие все видит, и без воли Его ничего не может случиться с нами; и что искушения посылает Он нам по Своей благости, дабы, претерпевши их, получили победные венцы от Него.

◊ Без искушений никто никогда не может получить венца, потому, находясь в искушении, должно возблагодарить Господа, благодателя и Спасителя нашего!

◊ Бог терпит все немощи человека, всегда же ропщущего не потерпит, даже и накажет его. Нам нужно иметь скорбь полезную, скорбь о грехах наших, с доброю надеждою на милосердие Божие чрез покаяние, зная, что нет греха, который бы победил человеколюбие Божие, что оно все прощает кающимся и молящимся. Эта-то скорбь для человека растворяется радостью, делает его усердным ко всякому добру и терпеливым во всех злоключениях. Ибо «печаль ради Бога, — говорит апостол, — производит неизменное покаяние ко спасению» (2 Кор. 7, 10). Противоположную сей печали скорбь, приносимую нам диаволом, нужно со всем тщанием изгонять из сердца и упразднять, как и прочие злые страсти, молитвою, чтением, общением и душеполезными беседами с благочестивыми людьми. Ибо скорбь, которая не «по Боге», причина всего зла; и если продолжится в нас, обратится в отчаяние, сделает душу пустой и унылой, слабой, нетерпеливой и ленивой к молитве и чтению.

Как проводить свой день

Восстав от сна, прежде всего прославь Бога устами своими; далее, исповедайся Ему; потом должны следовать молитва, пение, чтение, рукоделие, или, если найдется, какое-либо другое занятие.

Ум свой должно содержать в великом благоговении, надежде на Бога, чтобы все делать к благоугождению Его, а не из тщеславия и человекоугодия, постоянно помня, что Господь всегда с нами, все наполняющий и вездесущий. Создавший наше ухо и око, все слышит и видит.

Если случится с кем-либо поговорить, нужно стараться, чтобы разговор был по Богу, склонялся к душеполезному; избегай ропота, осуждения,

празднословия и споров.

Также и вкушать пищу и питие должно со страхом Божиим. Более же всего во время сна нужно соблюдать внутреннее благоговейное настроение и приличие в положении всех членов. Краткий сей сон есть подобие сна вечного, то есть смерти; и, лежа на постели, должно представлять себе возлежание во гробе; и при всем этом нужно всегда иметь пред очами Бога, как сказал Давид пророк: «Предзрех Господа предо мною выну (вижу Господа всегда предо мною), яко одесную мене есть, да не подвижуся (да не поколеблюсь)» (Пс. 15, 8). Поступающий таким образом всегда пребывает в молитве.

Пользующийся хорошим здоровьем должен утомлять свое тело постом, бдением, трудами, поклонами, трудным рукоделием, чтобы поработить тело душе и избавить от страстей, по благодати Христовой.

Если же тело немощно, должно поддерживать его, сообразно силам.

А о молитве не должен никто нерадеть, ни здоровый, ни немощный.

Труды телесные требуются только от крепких силами и здоровых, сообразно силам каждого; мысленное же делание, постоянное блюдение ума в благоговении, памятовании о Боге, в любви к Нему, — требуется от всех, даже и находящихся в великой болезни.

Равно, по заповеди Божией, должны иметь любовь и к ближним; находящимся близ нас должно выражать эту любовь и словом и делом, сохраняя в то же время любовь и к Богу.

К тем же, кто от нас далеко находится, должно быть расположенным сердцем и умом, изгоняя из сердец наших всякое злопамятство к ним, со смирением покоряя им свои души и исполняясь желанием благоусердно им послужить.

И Господь, видя нас так поступающих, простит и нам наши прегрешения, молитвы наши примет, как благой дар, и дарует нам богатые Свои милости.

Преподобный Паисий Величковский (1722–1794)

Духовному деланию преподобный Паисий Величковский учился на Афоне, родине русского монашества, колыбели аскетического просвещения, которого недоставало старцу в русских монастырях и молдавских скитах.

Но и Афон в то время переживал период упадка. Обходя иноков, преподобный искал себе духовного отца-руководителя, но не нашел и пребывал в уединении, проводя жизнь в большой строгости.

Двери кельи его никогда не замыкались, и ничего у него там не было, кроме икон и книг, которые он нашел с большим трудом и которые брал у болгарских иноков; их-то он изучал и читал с крепким вниманием. С них-то и начал дело обновления иноческой жизни.

Постепенно вокруг преподобного Паисия стали собираться монахи, желавшие строгой аскетической жизни. Преподобный Паисий, по совету со своей братией, купил у Пантократорского монастыря ветхую келью святого пророка Илии и заново создал Ильинский скит. Иноки устроили здесь церковь, трапезную, пекарню, странноприимницу и шестнадцать келий. Старец имел намерение братство более чем до пятидесяти человек не увеличивать, почему и устроил шестнадцать келий, каждую на троих. Славя Бога, с радостью перебрались иноки в новое свое убежище. Стройно потекла жизнь их. И увеличились еще более труды старца. Многие из святогорской братии и новоприходящие, когда видели такую богоугодную жизнь Паисиевского братства, усердно просили старца принять и их в свое стадо. Старец вынужден был принимать. Кельи для этих пришельцев не было, но они пристраивали келейки при каменной стене под первыми кельями, на двоих-троих. Трудились же все вместе, и сам старец днем делал ложки, а ночью, — он спал не более трех часов, — занимался переводом отеческих книг с греческого на славянский язык и исправлением древних славянских текстов. От одного из своих братий — Макария, он научился не только разговорному новогреческому языку, но и древнему книжному. Кроме скитского братства, многие святогорские иноки других обителей были духовными чадами преподобного. Даже Святейший патриарх Серафим, живший в Пантократорском монастыре, нередко навещал старца для духовной беседы, — то приходя пешком, то приезжал на ослике. Не раз патриарх и старейшие в обители Пантократорской иноки приглашали старца

для служения Божественной литургии и, когда он служил, утешались духовно.

Старец Паисий служил всегда с глубоким смирением, благоговением и слезами. Его служение так всех умиляло, что некоторые от избытка чувств и слез не могли достаивать службы и выходили на время из храма, чтобы успокоиться. Плакали почти все, плакал старец-патриарх, от избытка сердца говоря: «Слава Богу! Слава Богу!»

Братство преподобного все более и более умножалось, и обитель становилась уже тесной. По совету афонских монахов, преподобный Паисий половину братии переселил в запустевший монастырь Симоно-Петр, но турки заставили его уйти оттуда: они взяли с него семьсот левов в уплату числившихся за этим монастырем долгов и еще хотели взять, поэтому старец пробыл лишь три месяца. Это событие и было тем обстоятельством, которое побудило преподобного Паисия и его учеников оставить Святую гору и перейти в Молдо-Валахию, сперва в Драгомирну, а затем, после Русско-турецкой войны, когда часть молдавской земли перешла к Австрии, в Нямецкий монастырь.

То обстоятельство, что старец переселился в Молдавию, а не в Россию, легко объясняется. Преподобный Паисий горячо любил Россию и часто подписывался «Родимец Полтавский», но перейти в Россию для него значило бы погубить все свое дело. Тогда было время на Руси мрачное — от Екатерины I до Екатерины II. Царствование Екатерины II было ознаменовано введением монастырских штатов, погубивших множество монастырей. Было закрыто три четверти русских монастырей. Молдавия же была свободна от подобных опытов увеличения средств государства за счет разорения и закрытия монастырей. И те невзгоды, что пришлось перенести там преподобному Паисию, были ничто в сравнении с тем, что его ждало бы в России. Потому-то он мудро и избрал себе место вне России.

Замечательно, что митрополиты Платон и Гавриил, оказывая старцу любовь и внимание, в Россию его не звали.

Самая личность старца могуче влияла на всех, и одно его присутствие уже воодушевляло на подвиги. Он был преисполнен благодатных даров: духа премудрости и разума, совета и крепости, ведения и благочестия, духа страха Божия. Преисполненный великой любовью к ближнему, он был тих и мирен, кроток, долготерпелив и младенчески незлобив. Смиренный вид преподобного Паисия сиял чистотой целомудрия, и самое лицо старца сияло отблеском небесной славы. Его очищенному взору открывалось тайное. Он провидел смерть своего благодетеля воеводы Григория Гики; ему часто во сне виделся меч, висевший на волоске над головой воеводы, который вскоре был казнен султаном турецким. Двух нерадивых иноков старец со слезами умолял исправить свою жизнь, но они не послушали. И вот один вскоре утонул, а другой умер в пути. При его пламенной молитве в то время было немало чудес от иконы Божией Матери.

Вся жизнь старца была посвящена служению иночеству. Заслуга преподобного Паисия состоит в том, что он своим примером и примером своего братства обновил древние устои иноческой жизни, на которых она процветала и с забвением которых она падала все ниже и ниже. Эти устои — молитва Иисусова и весь чин молитвенного подвига, духовное, аскетическое просвещение, общежитие и старческое руководство новоначальных с откровением помыслов. На этих основах и создано было отцом Паисием его братство в несколько сотен человек. Этим братством он, сам подавая пример, и руководил в течение долгих лет, и сумел воспитать сонм таких подвижников, которые глубоко усвоили его дух и после его смерти явились обновителями монашества по всей России.

Но этим подвигом еще не исчерпывается великая заслуга старца. Он нес и другой подвиг: создание на русском языке аскетической литературы, то есть самого источника монашеского просвещения. Правда, и до преподобного Паисия были переводы некоторых аскетических творений древних отцов монашества, но эти переводы уже стали редки; они были случайны, а главное — были забыты в практической жизни.

Много труда, сил, здоровья, времени и средств положил на это преподобный, для этого выучившись древнегреческому языку. Время на Святой Афонской горе было временем преимущественно собирания рукописей, а жизнь в Молдавии была временем переводов и приложения к жизни учения святых отцов. Из переводов старца и составлялись настольные книги инока: «Добротолюбие», «Лествица» и «Поучения преподобного Исаака Сирина».

Подвиг перевода отечественных книг он, как и подвиг личного руководства жизнью монахов, нес до самой своей кончины. Когда уже изнемог от старости, то трудился сидя на постельке, весь обложенный книгами, и ночною порой, при свете свечи, писал и писал, несмотря на пролежни и раны.

За несколько дней до смерти он все еще перечитывал и исправлял переводы.

Будучи вождем иночества, преподобный Паисий, когда мог, служил и мирским людям. Издавна на Вознесение — храмовый праздник Нямецкой лавры — было громадное стечение народа. И старец всех богомольцев приветливо принимал; благодарил за труд посещения обители и каждому, оказывая радушие и гостеприимство, служил чем мог. В эти четыре дня двери его кельи были открыты и днем, и ночью.

При жизни старец пользовался уже большой славой в православной России как среди высших слоев общества, так и среди простого народа. Митрополит Санкт-Петербургский Гавриил находился с ним в переписке и издал «Добротолюбие». Архиепископ Амвросий Екатеринославский, Местоблюститель Валахской митрополии, когда был с князем Потемкиным в Яссах, нарочито на четыре дня приезжал в Нямецкую лавру и там провел время в беседах со старцем, которого за службой в его обители возвел в сан архимандрита (в 1790 г.). Слава старца среди простого народа влекла в его обитель сотни людей. Но эта слава его не только не надмевала, но еще более смиряла.

Исполнив свое великое призвание и достигнув глубокой старости, преподобный приблизился к кончине, пред которой был болен четыре дня. Старец почил 15 ноября 1794 года.

Частицы мощей преподобного Паисия находятся сейчас в Нямецком монастыре. Эти частицы были обнаружены в 1910 году, когда вскрывали могилу преподобного. В монастыре считают, что другие части мощей все еще под спудом.

Из духовных наставлений

◊ Живи как бы ежедневно умирая; скоро пройдет жизнь твоя, как облачная тень пред солнцем.

◊ В отношении к людям не предавайся печали, не смущайся, не убегай, но считай себя как за прах под ногами их. Без этого не можешь спастись и избежать вечной муки.

◊ Всяческим понуждением себя приобретается добродетель.

◊ Невозможно избавить душу от погибели, оберегая тело свое от неприятности.

◊ Если хочешь, душа моя, спастись, пройдя прежде указанный тот прискорбный путь, войти в Царство небесное, получить жизнь вечную, то утончи плоть свою, вкуси вольную горечь, понеси тяжелые скорби, как все святые вкусили и потерпели.

◊ Приди мысленно ко гробу, посмотри там на четверодневного мертвеца; как он чернеет, пухнет, испускает невыносимое зловоние, червями пожирается, потеряв вид и красоту. Посмотри в другом месте: тут лежат во гробе кости юных и старых, благообразных и безобразных, и рассуди: кто был благообразен или безобразен, кто был постник, воздержник и подвижник или нерадив, и принесло ли богатым пользу, что они покоились и наслаждались в этом мире?

Нямецкая икона Божией Матери

◊ Вспомни бесконечные муки, о которых говорят священные книги, огнь геенньский, тьму кромешную, скрежет зубов, тартар преисподней, червь неусыпающий; и представь себе, как грешные взывают там с горькими слезами, и никто не избавляет их, рыдают, оплакивают себя, и никто не сжалится над ними, воздыхают из глубины сердечной, и никто не сострадает им; умоляют о помощи, жалуются на скорби, и никто не внимает им.

◊ Первая добродетель — вера, ибо верою и горы переставляют и все, что хотят, получат, сказал Господь. Всякий во всех славных и дивных делах верою своею утверждается. От произволения нашего вера или уменьшается, или увеличивается.

Вторая добродетель — нелицемерная любовь к Богу и людям. Любовь обнимает и связывает воедино все добродетели. Одною любовью весь закон исполняется и жизнь богоугодная совершается. Любовь состоит в том, чтобы полагать душу свою за друга своего и — чего себе не хочешь, того другому не твори.

Третья добродетель — пост.

Четвертая добродетель — воздержание, матерь и союз всех добродетелей. Если удержишь чрево, войдешь в рай, ибо воздержание есть убийство греха, удаление от страстей, начало духовной жизни и ходатай вечных благ. Напротив, пресыщение лишает человека духовного дарования, потому что сытость чрева ко сну клонит его и возбуждает в нем скверные помыслы, и он не может совершать бдение, ни чтением, ни рукоделием заниматься и никакого другого доброго дела исполнять.

Пятая добродетель — бдение. Бдение с рассуждением очищает ум от рассеяния помыслов, делает его легким и вводит в молитву.

Шестая добродетель — молитва Иисусова. Это — общее дело у человека с ангелами; этою молитвою люди скоро приближаются к ангельскому житию. Молитва — источник всякому доброму делу и добродетелям и отгоняет от человека тьму страстей.

Седьмая добродетель — смирение и смиренномудрие. Смирение сердечное без труда спасает человека старого, больного, убогого, нищего и необразованного; ради него прощаются все согрешения; оно от самой бездны греховной возводит человека. Чрез смиренномудрие все вражеские сети и замыслы разрушаются, и оно укореняет жизнь духовную и соблюдает от падения.

Восьмая добродетель — безмолвие, то есть удаление от всякого житейского попечения и смущения, или безответное молчание среди многолюдства. Обуздавший и сдерживающий свой язык и все тело свое воздержит. Воздержанный на язык избежит и всякого зла, происходящего от

него. Язык — неудержимое зло; многие пали от острия меча, но не так, как от языка своего, ибо язык — обоюдоострый меч, невидимо закалающий душу и тело пустословящих всегда в праздных сборищах.

Девятая добродетель — нестяжательность вещей и крайняя нищета.

Десятая добродетель — рассуждение благорассмотрительное во всяком деле; потому что безрассуждение и добро приводит ко злу и посему бывает не добром.

Без этих десяти добродетелей невозможно спастись.

◊ Прежде всякого грехопадения бесы наводят на человека следующие страсти: мрачное забвение, гнев жестокий, то есть бесчеловечную и зверскую злобу, и неведение, как тьму беспросветную. Эти три страсти предшествуют всякому греху.

Ибо не совершит человек ни одного греха прежде, чем он предварительно не расположится ко всякому злу или забвением, или гневом, или неведением. От них происходит душевное нечувствие, то есть ум — душевное око — бывает темен и пленяется тогда всеми страстями.

◊ На каждый вечер мы должны испытывать себя, как прошел у нас день, и на всякое утро опять должны испытывать, как прошла ночь.

И не только в определенное, но и во всякое время, на каждом месте и о всякой вещи мы должны давать себе отчет и рассуждать о добродетелях и страстях, в каком состоянии жизни мы находимся — в начале, в середине или в конце; достойно ли награды мы трудимся и совершаем добродетели, или только трудимся, а награды не получаем. Когда в чем погрешим, то восполним недостаток добродетели слезами и плачем.

◊ Прежде нужно очистить царский дом от всякой нечистоты и украсить всякою красотою, и тогда уже можно войти в него царю. Подобным образом должно прежде очистить землю сердца и искоренить терние греха — страстные дела и умягчить ее скорбями и теснотами, посеять на ней семя добродетелей, оросить плачем и слезами; и тогда уже произрастет плод бесстрастия и жизнь вечная.

Ибо не вселится Дух Святой, пока человек не очистится от страстей душевных и телесных. Одному можно пребывать внутри человека: или Духу Святому, или страстям; где Дух Святой, туда страсти не приближаются, а где страсти, там не пребывает Дух Святой, а лукавый.

◊ Прежде всего должно отогнать от себя самолюбие во всех видах пожелания предметов сего мира и уничижить себя во всех видах покаяния — в помысле, в деле, в слове, в пище, одежде, в домашней обстановке и внутренних вещах, во всем должно смирять себя и осуждать; во всем избирать себе худшее, и таким образом умолкнут страсти душевные.

◊ Смирение никогда не падает, ибо ниже всех лежит.

◊ «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» Стоишь ли, сидишь ли, ешь ли, путешествуешь ли, другое ли что делаешь — постоянно говори сию молитву, усердно понуждая себя к ней, ибо она поражает невидимых врагов, как воин крепким копьем. Напечатлевай ее и в мысли своей; не смущайся тайно творить ее и в нужных местах. И когда изнеможет язык и уста, тогда одним умом молись.

Произносить же молитву Иисусову вслух, негромко, настолько, чтобы самому себе слышать. Не должно во время молитвы уклоняться мыслью туда и сюда к житейским тленным вещам, но пребывать неленостно в памяти сей только молитвы; ибо молитва есть не что иное, как отчуждение от видимого и невидимого мира. Посему должно затворять ум свой в молитве. Где стоит тело, там и ум да будет с нами, не имея никакого помышления во время молитвы.

◊ Святые отцы заботились только о нынешнем дне; о завтрашнем же, касательно всякой вещи и нужды, заботу возлагали на Бога, предавая в руки Господни душу и тело, да и Сам Он промышляет о жизни их и заботится о всякой потребности. «Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает» (Пс. 54, 23); только Им одним будь непрестанно занят; ибо Он всегда слышит день и нощь взывающих к Нему; особенно же взирает на непрестанную молитву их. Если же мы сами о себе заботимся, то Бог не заботится о нас; если сами мстим, то Бог не отомщает за нас.

◊ Если кто не возложит всего себя на Бога, — и в необходимых телесных нуждах и во всякой скорби не будет говорить: «как Богу угодно», — не может спастись… Когда болеем, получаем раны, или к смерти приближаемся и умираем, или терпим недостаток в необходимых потребностях и никого не имеем, кто бы помиловал нас; и если при этом скажем: «как Бог хочет, так да сотворит с нами», — то этим одним посрамлен и побежден будет диавол, враг наш.

◊ На всяк час ожидай кончины своей и пришествия Христова и говори: «Теперь постараюсь о своей душе, вечером могу умереть»; когда придет вечер, подумай: не в эту ли ночь скончаюсь, — или внезапно придет смерть, или дерево поразит меня, или жилище обрушится и убиет меня, или дыхание вдруг остановится и, как цвет отпадает, увяну и, как трава высыхает, умру и потом без вести останусь; Бог один знает, где я тогда буду находиться; ибо Он судит каждого по делам, говоря: „туда его определяю“». Так размышляй на всякий день и ни о чем не заботься, только о грехах своих, и таким образом душа твоя пойдет в смирение и плач и за страшного грешника будешь считать себя и непрестанно источать источники слез.

◊ В потребностях же, одежде, посуде и вещах соблюдай простоту, худость, скромность, — не потому, что не на что купить, а потому, что этим

душа смиряется и не удаляется от Бога, — и везде удобно найдет их; и просто сказать: в этом поступай так, чтобы ни в чем не обличала совесть.

◊ Не презирающий всякую вещь, и славу, и телесный покой, и еще самооправданий в чем-либо не может спастись.

◊ Если кто и трудился безрассудно, то есть не внимая себе, таковой не имеет награды от Бога, но даже и прогневляет Его. Как наполняющий худой сосуд водою не может никогда наполнить его, так и молящийся без внимания не получит награды. Требуется не просто проговорить псалом или сотворить молитву, как бы исполнить свой обычный урок; но псалмом и молитвою должно молиться Богу от всего сердца и постоянно в умилении душевном, с чистою мыслию. Бог не требует количества установленных псалмов и молитвословий, а внимает несмущенному и твердому уму нашему. Ибо многие тысячи молитв совершают языком, умом же помышляют суетное, скверное и нечистое; и как Бог услышит и послушает таковых?

◊ Приобрети пост и страх Божий, прими печальный и скорбный вид, то есть стой на молитве умиленно, скромно, и, представляя себя быть пред престолом Божиим и считая себя землею и пеплом, пауком и муравьем, а дело свое — паутиною, чувствуй себя, как судимый, от Бога, преступившим заповеди Его и соделавшим все злое. Ноги должны держать прямо, ступни вместе сжато и не поступать с места на место, руки привычно положить на груди. Подобно тому, как осужденный на смерть предстоит пред судьею, не смея смотреть туда и сюда, так должен и ты стоять пред Богом, Которому ангелы предстоят со страхом и прославляют Его в непрестанных песнях. Ибо недремлющее око день и ночь смотрит, что мы делаем, что помышляем или как живем, на кого возлагаем надежду во всякой скорби и нужде, — на человека ли, или на Его щедроты. А себя считай хуже всякого человека и всякой твари, и дело свое почитай неугодным Богу. Без этого же тайное бесстрашие возбуждает хульно высокоумие. По вере нашей и Бог помогает нам во всякой нужде. Если сильнее надеемся и уповаем, сильнее и Бог помогает нам.

◊ Вспомни от века святых, которых недостоин весь мир, бывших в лишениях, скорбях, гонениях, притеснениях. Ты же какой новый путь хочешь установить, которым думаешь спастись? Если не можешь трудиться по-отечески, то, по крайней мере, по-отечески разумно терпи.

◊ Если кто терпит напраслину или досаждение Бога ради с благодарением, — не малое дело творит. В этом смирение и любовь, чтобы терпеть скорби от брата. Этим одним многие спаслись, особенно этот путь принадлежит юродивым, ибо они много терпят напраслины. Великое дело — юродство Бога ради, ибо оно обнимает все добродетели; из всего

житейского они ничего не имеют у себя, только одно терпение всеусердно приобретают и тем все скорби преодолевают.

В нынешнее время лучше этого нет пути ко спасению. Будь глух, нем, слеп и как бы нечувственным ко всему житейскому и от самых людей как безумный уединяйся и считай себя ни к чему не способным, как бы юродивым Бога ради. Желающий быть мудрым и разумным в этом мире, буим (неразумным) пред Богом пусть будет и всем слуга.

◊ В нынешние времена требуется человеку самого себя учить, себе самому внимать во всякой добродетели. Воздыхающий один час о душе своей лучше пользующего весь мир. Каждый, делая что-либо из добродетелей, спасает себя одного; если же кто весь мир спасает, а себя погубит, то какая ему от этого польза? Все мы знаем, как спастись, но по лености не хотим, спасай же себя самого! Не всякий даст ответ в том, что не наставлял других, но те, которым дано; им и должно до смерти страдать и полагать душу свою за стадо; о себе же самом каждый даст ответ.

◊ К братнему недостатку, видя и слыша, относись как слепой, глухой и немой — не видя, не слыша и не говоря, как грубый умом, не понимая, не показывая себя мудрым; но к себе будь внимателен, рассудителен и прозорлив. Если кто, желающий спастись, видя и слыша всякое досадительное слово, не сделает око свое слепым, ухо глухим и язык немым, не может быть без смущения и в душевной тишине.

◊ Когда будешь кем-либо допрашиваться, не допускай себе оправдываться, или противоречить, но скажи со смирением: «Прости меня Бога ради», и остальное молчи.

◊ Не думай, что от брата твоего ты получаешь вред в чем-либо. Само собою без него восстает в нас зло. Если и потерпишь ради будущей награды какую-либо скорбь, то во всем укоряй себя, а не брата. Во всяком деле старайся себя укорять, показывая и считая себя, что ты земля и в землю опять отойдешь. Приобрети навсегда три слова: «прости, благослови и помолись за меня грешного».

◊ Никого не спрашивай о какой вещи, которая тебе не нужна.

Навыкни говорить о каждом человеке добро, а себя уничижай. В этом — великое смирение, возводящее душу из ада, отсечение страстей и великая победа и оружие против диавола. Господь Бог да укрепит нас терпеть напраслину.

◊ Если кто привыкнет убегать или избавляться от скорбей, или переходить с места на место, или выбирать время, и тогда начинать подвизаться, таковой во все дни своей жизни не найдет места и времени для получения пользы.

◊ Должно взирать и надеяться на милость Божию и вспоминать от века преславные чудеса Его и помощь надеющимся на него угодникам Его, что ни в какой нужде и скорби не оставляет Бог и никогда выше силы нашей не попускает искушение, и посему должно нам с благодарением, ради Бога и будущих вечных благ, мужественно нести свой крест — терпеть все скорбное в данном времени и месте. По слову апостола: «многими скорбями должно нам войти в Царство небесное» (Деян. 14, 22); этим узким скорбным путем придем в высочайшее совершенство терпения и на всяком месте не лишимся полезного, но получим его милостью Божией и не потеряем напрасно время нашей жизни.

◊ Подобает подвижнику, рабу Божию, быть крепким при всякой скорби, положить свое сердце как бы на твердыне, а не быть, как вода, слабым. Жизнь эта, как колесо вертящееся, не постоянна и не стройна; иногда бывает для человека благополучие, некоторый почет, к сему не прилагай сердца; иногда бывает гонение от людей — тогда не печалься; иногда от бесов скорби, нападения, страсти — тогда не скорби. Все это приходит нам и попускается Богом для нашего спасения, и опять отходит, как устроит благодать Его, чтобы наказать и помиловать нас.

◊ Если хочешь не гневаться на оскорбителя твоего, то прилежно от всего сердца молись о нем Богу и дай ему какой-либо подарок, или малое утешение; иногда сам приди к нему, когда увидишь, что он опомнился от гнева, и поговори о прощении греха, узнай причину и показывай ему еще большую любовь; при встрече предупреждай его низким поклоном, и каждому говори о нем, что он добр; ничто так не возбуждает гнев у него, как укоренив его оскорбителем, и отвращение от него, и заодно злословие его, потому что слышащий может передать ему о всем.

◊ Храни себя с великою осторожностью, потому что на всякий час ходишь среди страстей и сетей: повсюду окружают страсти, везде расставлены сети, да не будешь чрез страсти и сети привлечен врагом в его волю.

◊ Великая нужда настоит и необходимость бороться плотяному человеку с бесплотным, одному с тьмой врагов; много слез, много терпения, многого страдания и опасения и тысячи глаз всюду требуется. Ибо злобно, подобно льву, возлетают на нас злохитрые духи; они погубили бы нас, если бы не был с нами Господь. Многоопытны они в искусстве уловлять, более чем семь тысяч лет, без сна, пищи и отдыха всегда, на всякий час всеми способами ищут нашей погибели, со всякою хитростью и с великим старанием. В одном оказавшись бессильными, умышляют другое, также начинают иное и высматривают другое и кругом рыскают, где бы найти дверцы войти и оттуда начать борьбу и как бы напакостить и наделать зла.

◊ Разве возможно, чтобы, упитываясь, предаваясь сну, лежанию и постоянно утешаясь, и при этом получить спасение?

◊ Если желаем быть настоящими воинами Царя небесного и не ложными соучастниками, то удалим от себя всю молву и привязанность ко всему земному, от чего возникают умственные испарения и как туманом темным покрывают душу. Сбросим с себя всякое нерадение и малодушие, и женственную слабость, и так противостанем бесовскому коварству, потрудимся в молитвах и прочих добродетелях со всем усердием и силою, душою, умом, подобно тому, как кто-либо быстро бежит дорогою, не оглядываясь.

◊ Такова хитрость у лукавых бесов: они постоянно заняты нами; как сторожа подмечают наши наклонности и пожелания; о чем мы думаем и что любим, чем заняты помимо их; и какую страсть замечают в нас, к тому нас и побуждают, такие и расставляют нам сети; таким образом мы сами возбуждаем против себя всякую страсть и бываем причиною ее. Потому бесы ищут в нас повода, что чрез свою наклонность и пожелание мы скорее запутаемся. Они не принуждают нас к тому, чего мы не желаем, от чего отклоняем ум, с чем не соглашаемся по своей воле; они понемногу испытывают нас: не примем ли какую-либо страсть, и уже к нашему желанию и усердию присоединяют свои козни; ибо собственно нам принадлежит повод ко греху — пристрастие, слабость и небрежность, — не отсекаем начало каждой страсти.

◊ Неумеренный сон, леность, безвременное ядение бывают причиною входа бесов. Пришедши, они прежде всего толкают в двери сердечные, то есть тайно, как воры, влагают помысл и замечают: есть ли сторож, или нет, то есть принят ли будет помысл, или нет; если принят, тогда начинают производить страсть и побуждать к ней и окрадывать духовное богатство.

Если они найдут сторожа в сердечных дверях, то есть когда кто привыкнет уничижать и отгонять их помыслы, отвращаться умом начального мысленного прилога, имеет свой ум глухим и немым к лаянию их, то есть ничуть не соглашающимся с ними, — то таковому они не могут сделать пакости, так как ум у него трезвится.

◊ Если же враги, воздвигая все это, никак не могут удержать и отвратить от подвига твердой души и непоколебимого воина Христова, страстотерпчески положившего свое основание на камне веры, так что и реки скорбей своим устремлением не поколеблют его, тогда они обкрадывают его кажущимся добром неким, считая удобнее под видом добра поднести нечто свое, и таким образом лишают настоящей совершеннейшей добродетели, молитвы и подвига.

Так принуждают нас творить духовные беседы, ради любви, учить людей или прибавлять что-либо в пище, ради друга или для праздника усладить несколько, ибо знают, льстивые, что от сластолюбия пал Адам; прежде начнут помрачать умную чистоту и внимание к себе, и таким путем внезапно ввергают в ров любодеяния, или в какую-либо другую страсть. Если и таким образом не поколебают трезвящегося умом, то вооружаются ложными привидениями, возбуждают людей и сами с ними вооружаются, оскорбляя и смущая его разными болезнями.

Если и так не победят, то борят высокоумием, влагают помысл, что он свят, говоря ему тайно: «Сколько скорбей претерпел». Бесы, как хитрый ловец, когда первые средства их окажутся бессильны, тогда оставляют их, отходят, скрываются и представляются побежденными.

Смотри же, человек, внимай, не плошай, они и до гроба твоего не отойдут, но приготовляют большую засаду, высматривают внимательно, каким образом снова начать и восстать, ибо не отдыхают.

Когда теплота усердия остынет у подвижника, то они тайно, приготовив какую-нибудь сеть, опять приходят и расстилают, и ловят.

◊ Ищи в себе причину всякой страсти и, найдя, вооружись и выкопай корень ее страдальческим мечом: если не искоренишь, опять пустит отростки и возрастет; без сего средства не можешь победить страсти, прийти в чистоту и спастись.

Посему должно, если желаем спастись, отсекать первоначальный прилог помысла и пожелания всякой страсти; побеждай малое, чтобы не впасть в великое, и все последующее победишь этим одним.

◊ Бог попускает обуреваться бесовскою бранью или какою-либо другою упорною страстью за гордость и высокоумие, когда кто считает себя святым, или крепким и на себя надеется, а над слабейшими превозносится.

Пусть таковой сознает свою немощь, познает Божию помощь и вразумится, что без Божией помощи он ничего не может делать, и смирит свой помысл.

Или опять попускает это, как наказание за грехи, чтобы покаялись и были опытнее в подвиге; или же — ради венцов за победу.

◊ Чем ты побежден, от чего страдаешь, против того прежде всех страстей и вооружись и на то употреби все свое усердие.

Всякая страсть и страдание побеждается несомненною верою, сердечным трудом и слезами, горячим усердием и быстрым устремлением противостоять настоящей страсти, — это есть высокое и похвальное отеческое борение.

◊ Бесы очень боятся шести добродетелей:

1) алкания,

2) жажды,

3) молитвы Иисусовой,

4) крестного изображения, — кто хорошо изображает крест на себе, на лице своем,

5) частого причащения пречистых Тайн Христовых — кто достойно причащается

— и

6) несомненной надежды на Бога. Нет страшнее сего оружия против бесов.

◊ Когда найдет на тебя искушение по попущению Божию, как то: нагота, болезнь, голод или какое-нибудь другое искушение для твоего тела, даже пролитие крови ради Бога, то терпи во славу Божию, в надежде на Бога милостивого, чтобы с дерзновением и непостыдно сказать: «проидохом сквозе огонь и воду, и введе ны в покой».

◊ Если хочешь, человек, узнать в чем-либо волю Божию, скажу тебе кратко: в продолжении всего твоего подвига, во всяком деле присоедини, по силе твоей, скорбь ради Бога; вот воля Божия благая; ибо и малая скорбь ради Бога лучше великого дела без скорби. А мало-помалу послаблять себе, это — не от Бога, а от бесов.

◊ Если мы немощны и не в силах подвизаться, то приобретем смирение, благодарение и молитву Иисусову; если же здоровы, то должно нам понуждать себя до изнеможения; и так мало-помалу укрепится сердце наше и научится терпению и добродетелям. Иначе же спастись нельзя.

◊ Спор, хотя и о добром деле, есть противоречие.

◊ Если не имеешь в душе умиления, то знай, что имеешь горделивость или гнев на кого-либо, или много ешь, пьешь, спишь, или предался рассеянности и попечению, это не допускает душу умилиться.

◊ А кто надолго остается в лености, или впал в великий грех, или нерадит о страсти, в которой находится, от такового отходит Святой Дух.

◊ Начало послушания — совершенное отвержение своей воли и оправдания, отвержение своего тела. Не легок подвиг покорить свою волю и свой нрав; но не может кто-либо спастись без отвержения своей воли, хотя бы и усердно подвизался; ибо наша воля и наш нрав, как медная стена между нами и Богом.

Не можем приблизиться к Богу, пока не оставим своего нрава и воли.

◊ Всякое доброе и худое дело чрез навык растет, обычаем (привычкою) укрепляется; при всяком деле помни об этом.

◊ **Вопрос:** по чему можно узнать, Божие ли благоволение или вражеское искушение, когда случится доброе дело сомнительное, то есть один помысел побуждает сделать его, а другой, напротив, препятствует ему?

Ответ: враг имеет обыкновение скрывать истину и смешивать добро со злом. Но по чему можно узнать истину? Божие благоволение во всех наших намерениях кротко, благонадежно и несомненно; не только в добром деле нашем, но и в беззаконии нашем Бог с кротостью долготерпит и ожидает нашего покаяния. А по чему узнать вражий прилог? Враг обыкновенно препятствует нам и отвращает нас от добра. Однако же, если в чем-либо, по-видимому добром, ум смущается и расстраивает нас, отгоняет страх Божий, лишает спокойствия, так что без всякой причины сердце болит и ум колеблется, то знай, что это вражий прилог, и отрини его. Вражие — возмутительно, неспокойно и сомнительно для ума во всех наших намерениях. Нерасположению сердца нашего должно верить во всем, но рассудивши, полезно ли нерасположение. Когда же ум наш стеснен от врагов помыслами и омрачением, тогда должно совершенно оставить всякую мысль и рассуждение, ибо не знаем мы истины, пока ум не очистится молитвою, ибо тогда помышления, как мутная вода, поднимаются в уме, или, как облако, блуждают, и душевные чувства ко всему бывают нечувствительны. Посему желающий узнать истину пусть побуждает себя долгое время на горячую молитву и на желаемое дело, во время молитвы не может враг скрыть истины, так как тогда он не имеет власти; на деле можешь испытать истинность такой веры. Богу нашему слава вовеки. Аминь.

◊ Ничто не случится с нами помимо промысла Божия и устроения Его. Но судьбы Божии непостижимы, и посему должно в терпении спасать свои души, и претерпевый до конца спасется чрез Христа Иисуса, Господа нашего, Емуже слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

◊ Умоляю и увещеваю вас, возлюбленные мои отцы, братия, чада, в следующем: возлюбиши Господа твоего от всей души твоей и всем сердцем твоим, будь справедлив и правдив, покорен, головой вниз поникнут, а умом к небу обращен, имей умиление к Богу и людям, будь утешителем печального, терпелив в искушении и недосадителен, щедр, милостив, кормитель нищих, странноприимчив, печален ради грехов, радостен о Боге, алчен и жажден, кроток, терпелив, не славолюбив, не златолюбив, друголюбец, не лицемерен, не горделив, трудолюбив для Бога, молчалив, в ответах приятен, усерден в посте, частых молитвах, бдениях и псалмопениях, разумен; не осуждай всякого человека, но зазирай себя, — и будешь за все это чадо Евангелия, сын воскресения, наследник жизни во Христе Иисусе, Господе нашем, Емуже честь и держава, и поклонение со Отцем, и Пресвятым Духом, ныне, и присно и во веки веков. Аминь.

Как можно спастись мирянину?

Советую вам прилежнее читать Божественное Писание и учения святых и богоносных отцов наших, которым дано благодатью Пресвятого Духа разумети тайны Царствия Божия, то есть истинный смысл Священного Писания; в их духопросвещенном учении вы найдете все, что нужно ко спасению.

И я грешный, по скудоумию моему, отвечаю на вопрошение ваше: Бог премилосердый соделывает наше спасение православной верой, добрыми делами и Своей благодатью.

Православная вера есть та, которую содержит едина святая, соборная и апостольская Церковь Восточная; без этой веры православной никак нельзя никому спастись.

Добрые дела — это Евангельские заповеди, без исполнения которых, как и без веры, также невозможно никому спастись.

Вера православная без добрых дел мертва, и дела добрые без веры также мертвы.

И должно знать, что Христос Спаситель, истинный Бог наш, Который хощет всем человеком спастися, поставил в закон добрые дела, то есть Свои спасительные заповеди Евангельские, равно всем православным христианам, как монахам, так и мирянам, живущим с женами и детьми, и требует от всех православных христиан самого прилежного их исполнения, потому что Его святые заповеди не требуют больших трудов телесных, а одного доброго произволения души: иго бо святых Его заповедей благо и бремя делания их легко есть (см.: Мф. 11, 30).

Святые заповеди Христовы, при помощи благодати Божией, легко может исполнять всякий православный христианин, какого бы он ни был звания, пола и возраста: и старый и юный, и здравый и в немощи лежащий, лишь бы было к тому расположение души.

Поэтому-то те, кто преступает их и не кается, в страшное второе пришествие Христово будут осуждены вместе с бесами на муку вечную.

Таковы заповеди о любви к Богу и ближним, о кротости и смирении, о мире со всеми и терпении, о том, чтобы от сердца прощать ближнему обиды, никого не осуждать, не иметь ненависти, любить врагов, творить по силе милостыню и душевную, и телесную и понуждать себя со всем усердием исполнять все прочие заповеди Христовы.

А больше всего любить Бога всем сердцем своим, и всей душой своей, и всею крепостью своей, и всем помышлением своим, и ближнего своего как самого себя; и подражая кротости Христовой, до крови подвизаться против страсти гнева.

А жить в мире со всеми столь необходимо, что Господь счел нужным не раз повторить Своим святым ученикам и апостолам: мир вам; мир оставляю

вам; мир Мой даю вам. И где мир Христов, там и Сам Христос; а если в душе нет мира, то нет там и Христа.

И терпение необходимо для спасения; Христос говорит: «в терпении вашем стяжите души ваша»; а терпеть надобно не до известного только времени, а до самой смерти: «претерпевший до конца, той спасен будет».

Кто от всего сердца прощает ближнему согрешение его, тому и Бог прощает согрешения его.

Кто не осуждает ближнего, тот и сам не будет осужден от Бога.

А смирение, которое есть основание всем заповедям Евангельским, так необходимо для спасения, как дыхание для жизни: как без дыхания нельзя жить, так без смирения невозможно спастись. Различным образом спасались святые Божии, но без смирения никто из них не был спасен, да и невозможно это.

Поэтому, кто хочет спастись, тот от всего сердца должен считать себя пред Богом за грешника, самого грешного из людей, хуже всякого создания Божия, вменять себя за прах и пепел и в тайне сердца своего укорять себя за все, и винить только себя одного во всяком согрешении своем.

Исполняя таким образом в смирении сердца все заповеди Евангельские, часто молясь Богу с сокрушением сердца о прощении грехов своих, человек сподобляется милости Божией и прощения грехов, и посещает его благодать Божия, и спасается он милостью Божией несомненно.

Кроме того, православный христианин должен соблюдать еще и заповеди церковные. Они также необходимы для спасения.

Таинство покаяния состоит в том, чтобы раскаяться пред Богом в своих грехах, бросить их и положить твердое намерение при помощи Божией к ним не возвращаться. Потом пред отцом духовным как пред Самим Богом исповедать все свои согрешения и получить от него разрешение в них. Приготовлять себя к причащению Божественных Тайн должно постом, умилением, чистосердечным исповеданием грехов, совершенным примирением со всеми, выслушанием в назначенное время по обычаю христианскому всего правила церковного, а приступать ко святому причащению со страхом и трепетом, с верой и любовью, с поклонением, единому Богу подобающим.

О том, как вести себя в семействе, равно и о других обязанностях христианских, самое полное наставление можно найти в богодохновенных писаниях святого Иоанна Златоуста и других святых мужей, читая их книги со страхом Божиим и должным вниманием.

Преподобный Феодор Санаксанрский (1718–1791)

Преподобный Феодор происходил из известного дворянского рода Ушаковых (знаменитый флотоводец, праведный Феодор Ушаков — его племянник). Уже с юношеских лет, со времени службы в Преображенском полку, его мысли влеклись к монашеской жизни.

Тайно оставив службу, он переоделся в нищенскую одежду, ушел на берега Северной Двины, в пустынные поморские леса, и в заброшенной пустующей келье прожил три года, трудясь в молитве и посте, вынося всю трудность подвига отшельничества. Самую скудную пищу — достаточную лишь, чтоб не умереть, — доставляли подвижнику окрестные крестьяне.

Ему было двадцать лет.

Потом он перешел в Саровскую пустынь. Его долго не принимали из-за неимения вида, а когда настоятель смилостивился, то благословил его читать псалмы в церкви. По особой манере чтения настоятель понял, что Иоанн (такое имя носил преподобный до пострига) — господский человек или дворянский сын, и поселил его, подальше от неприятностей, в уединенной келье в лесу.

Но сыскная команда захватила Ушакова, как не имевшего документов. При допросе он сознался, что ушел из Преображенского полка, и его отправили в Петербург.

Когда Феодора привезли во дворец, гвардейцы с любопытством смотрели на бывшего товарища. Трудно было узнать блестящего преображенца в этом человеке с бледным сухим лицом, во власяной одежде, подпоясанной ремнем.

Императрица Елизавета Петровна, выслушав Ушакова, велела ему поступить в Александро-Невскую лавру. После трехлетнего испытания, 19 сентября 1747 года, двадцатидевятилетний Иван Ушаков, по высочайшему повелению, пострижен в иночество в присутствии императрицы Елизаветы Петровны с именем Феодора.

В лавре отец Феодор продолжал вести подвижническую жизнь. Императрица продолжала милостиво относиться к нему и, бывая в лавре, спрашивала его, хорошо ли ему жить и не терпит ли он от кого обид.

Многие из петербургских жителей, всех слоев общества, стали обращаться к отцу Феодору за духовными наставлениями. Как ни

отнекивался он, ему пришлось давать духовные советы. В числе обращавшихся к нему были и гвардейцы, прежние его сослуживцы.

Стечение народа к отцу Феодору возбуждало зависть в других монахах, которые донесли епархиальной власти, что отец Феодор беспокоит обитель и делает соблазн.

По расследованию оказалось, что, кроме добра, отец Феодор ничего не приносит, и ему позволено было продолжать свою деятельность.

Зависть братии не прекращалась, поэтому в 1757 году отец Феодор попросился на жительство в Саровскую пустынь.

Прожив там два года, он, из-за все увеличившегося числа учеников, просил дать ему приписанную к Сарову, захудалую и обедневшую Санаксарскую обитель. Ему нравилась красота местоположения и совершенная ее уединенность.

В 1759 году отец Феодор с учениками переселился в Санаксар. Обитель он застал в полном упаде. В ней была одна лишь деревянная старая церковь. Деревянная ограда и кельи почти разваливались. Отцу Феодору пришлось возобновлять монастырь.

13 декабря 1762 года преподобный, по желанию местного епископа, несмотря на свои отговоры и отказы, был рукоположен в иеромонахи с назначением настоятелем Санаксарским.

Отец Феодор с глубоким благоговением совершал служение в церкви и во время литургии весь сиял какою-то необычайной красотой.

Настоятелем он был твердым и строгим. В церкви отец Феодор требовал раздельного, неспешного чтения, — так, чтоб и простым людям было понятно.

В общей сложности на богослужения посвящалось в пустыни в сутки часов девять, а в воскресенья и полиелейные дни — десять и более того; при всенощном же бдении — до двенадцати.

Но при внятном чтении молящиеся чувствовали особую в себе силу и усердие и не скучали долготой службы.

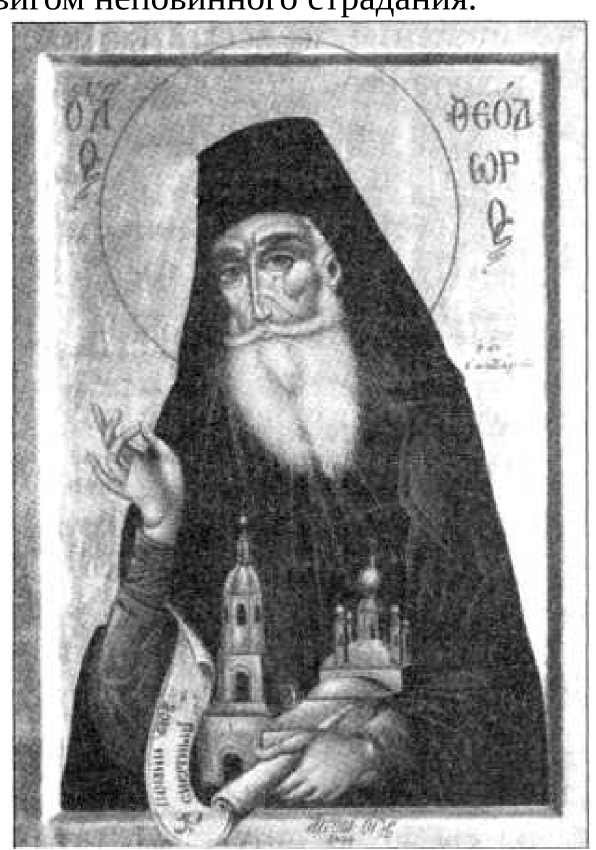
Старец завел у себя самую первую и прочную основу иночества: личное руководительство братии и полное откровение помыслов. И братия свидетельствовала, что при выходе от отца Феодора чувствовалась в душе какая-то приятная свобода и тишина.

Есть позволялось только за трапезой, в кельи можно было брать лишь квас. Пища была самая грубая. Огня никому не дозволялось иметь по кельям, кроме иноков, занятых ремеслами для монастыря; его давали только для топки печей. На монастырские послушания: покос, рыбную ловлю — выходили все, во главе с настоятелем.

Часто, кроме бесед наедине, по отдельности, отец Феодор поучал братию и в трапезе.

В монастыре воздвигнута была каменная двухэтажная церковь. Во время ее закладки, как рассказывали, рой пчел сел на место, определенное для алтаря. Отец Феодор велел одному из братии отрясти их в улей, и с тех пор повелись в обители пчелы.

Достойная жизнь подвижника, по промыслу Божию, была увенчана подвигом неповинного страдания.

Темниковский воевода Неелов пожелал иметь старца Феодора духовником. Старец предупредил его, что нужно полное повиновение во всем, что касается духовной пользы человека, избирающего себе духовного руководителя. Воевода обещал полное послушание и в течение трех лет исполнял советы духовника, но затем он стал нерадеть о душе и грубо грешить: нарушал посты, притеснял городских жителей, занимался поборами. Преподобный Феодор просил его, чтобы он перестал притеснять народ. Воевода велел записать, что отец Феодор назвал его грабителем, подал жалобу губернатору в Воронеж. Возникло дело, доходившее до Сената и Синода — и вскоре вышло повеление: преподобного Феодора отправить в Соловецкий монастырь.

Девять лет томился преподобный на Соловках; наконец, по предстательству отца Феофана (Соколова)[1], митрополит Санкт-Петербургский Гавриил доложил о его деле императрице, и старцу разрешили возвратиться в Санаксар.

Но и там старцу не удалось избежать гонений и скорбей. Новый настоятель, недовольный тем, что все ходят только к старцу Феодору, донес архиерею, что он производит смущение. Духовным чадам было запрещено посещать старца, а самому старцу запретили ездить в устроенную его трудами Алексеевскую общину.

Недолго оставалось жить отцу Феодору, когда он, наконец, по смерти настоятеля, теснившего его пять лет, получил некоторый покой.

Преподобный Феодор тихо скончался 19 февраля 1791 года, на 73-м году. Мощи его почивают в Рождество-Богородичном Санаксарском мужском монастыре.

Духовные наставления

◊ «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи! внидет в Царствие небесное; но творяй волю Отца Моего» (Мф. 7, 21).

Пусть не подумает кто из нас: мы ходим в церковь Божию, молимся, творя многие поклоны, за это и получим Царствие небесное. Нет; получит его тот, кто заповеди Божии соблюдает. Первая, чтоб любить Бога всем сердцем и всею душою, и всем помышлением; и вторая, — ближнего любить, аки самого себя, жить не себе точию, а и ближнему послужить. И ничего земного не любить, то есть не иметь мирского пристрастия.

Если бы жили вы так, в исполнении заповедей Божиих, то присвоили бы себе Духа Божия; а если вы так не живете, то присвоиваете себе духа вражия.

◊ Чтобы благоугодить Богу, необходимо молиться Ему сокрушенным сердцем, да отпустит нам согрешения наши, милостивно устроит жизнь нашу (во спасение), и благодарить за все Его к нам милости; в праздники Господни ходить в церковь Божию, во всем слушать, что повелевает святая Церковь; и в прочие дни трудиться без лености, кто какое дело имеет, и от всяких трудов давать милостыню убогим и в церковь Божию приношения; друг другу помогать в нуждах; кто с кем имеет вражду, простить ему без гнева; всякие находящие безвинно беды, напасти и другие нужды терпеть благодушно без печали, с благодарением Богу.

Всегда иметь в памяти страх Божий, чтобы избавиться вечного мучения, просить всегда Бога, чтоб сподобил нас быть в Царствии небесном.

Все сие угодно Богу!

◊ Чтоб отстать от злых дел, надобно — не обижать друг друга, не красть чужого и не захватывать каким-либо обманом, не лгать, не иметь ссоры между собою, не гневаться, не злопамятствовать, не быть блудным, ни пьяницею, ни смехотворцем и празднословцем; не быть скоморохом и плясуном, не заниматься волшебством и другими нечестивыми делами, и в болезнях не прибегать к знахарям и наговорщикам.

Все сие противно Богу.

Что такое душевная чистота

Душевная или духовная чистота в том, чтоб хранить душу от всякого любострастного греха, ибо душа, пребывающая в грехах, скверна и нечиста, и поистине именуется в Святом Писании блудницею и прелюбодейкою,

поелику отпала любовию от Жениха своего Христа и отдала оную душевредным страстям, более, по причине обладающей страсти, самому диаволу, князю страстей, и чрез это стала невестою сатаны, как отдавшая ему любовь свою.

Чистым от греха быть — значит не только от греховного дела себя сохранять, но даже и в помысле к этому делу не склоняться, по слову Господню: «блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5, 8).

Как учиться смирению

Смирение состоит в том, чтоб не думать о себе ничего великого и высокого как пред Богом, так и пред людьми: пред Богом потому, что всегда ты грешник, хотя бы что и сделал доброе, но должен знать, что сделал это (доброе) не сам собою, а единственно при помощи Господней, по слову апостола: «не яко довольни есмы от себе помыслити что (благое), но довольство наше от Бога» (2 Кор. 3, 5).

Поэтому отнюдь не думай о себе что-либо великое, а более всего помни слово пророческое о себе: «аз есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей».

◊ Пред людьми почитай себя последним и, живя в братстве, все последнее избирай: люби последнее между ними место, упреждай поклоном братию, одежды люби самые простые, и всякие трудные дела исправляй безропотно, и молчание храни: если что и скажешь необходимое, то и говори степенно, кротко и со смирением. Будучи укоряем и терпя досаду от других, не гневайся, а только думай, что ты самый последний и раб всем: вот в чем совершенное смирение.

О терпении

Терпение в том состоит, чтобы во всех прискорбных и трудных обстоятельствах не унывать и не печалиться, как в телесных трудах, так и в душевных помыслах, но мужественно и благодушно претерпевать все злострадания даже до смерти, в надежде на милосердие Божие, по слову Господню: «приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11, 28). И еще: «претерпевый до конца, той спасен будет» (Мф. 10, 22).

О воздержании

Воздержание есть умеренность во всем, кроме необходимого, и удержание излишних похотений, по слову апостола: «плоти угодия не творите в похоти» (Рим. 13, 14). Воздержание необходимо в разных

отношениях: в отношении к чреву, к языку, зрению, слуху и ко всякой мысленной похоти плоти и духа.

Воздержание чрева состоит в удержании его от излишества сладких брашен и безвременного ядения; если явится похоть к сластопитанию, то не удовлетворять этой похоти, а всячески воздерживаться от сего.

Язык охотно движется на празднословие, кощунство и на многое иное неподобное, необходимо удерживать его от этого всячески.

Глаза хотят видеть различные недозволенные дела и соблазнительные увеселения, не должно допускать их до того и всячески сдерживать.

Слух желает слышать празднословные и смехотворные беседы, или бесовские песни; не должно допускать их до ушей и всячески отвращаться от того.

И всякое излишнее пожелание, кроме необходимого, не допускать до исполнения на деле.

Вот в чем воздержание.

◊ Для восполнения вышесказанных добродетелей, потребна молитва к Богу, при содействии которой возможно было бы исполнять их, по слову Господню: «без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15, 5). Поэтому всякий человек, а наипаче монах, должен пребывать в непрестанной молитве, по слову апостола: «непрестанно молитеся» (1 Сол. 5, 17). «Трезвитеся, бодрствуйте (всегда молитесь), зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити» (1 Пет. 5, 8). Сего ради сказал Господь: «Бдите и молитеся, да не внидете в напасть» (Мк. 14, 38).

Заповедуя иметь всегдашнюю молитву, Божественный апостол разумеет молитву умную, а не одну словесную, ибо молитва двоякая: одна словесная, а другая умная; словесная молитва временная, то есть сколько кто и в какое время хочет — и молится, а молитва умная всегда может быть совершаема, по слову апостола: «аще ясте, аще ли пиете, аще ино что творите, вся во славу Божию творите» (1 Кор. 10, 31); то есть во всякое время Господа Бога своего помните (благодарно-молитвенно).

Молитва умная в чем состоит? В том, чтобы всякий человек, а наипаче монах, всегда возводил ум свой к Богу, прося Его Божественной помощи на побеждение супостата нашего (диавола) и душепагубных страстей его и на исполнение добродетелей.

Молитва не в (одних) поклонах состоит, но ей споспешествуют добрые дела. Молиться всегда и везде можно, ходя и сидя… Молитва есть возношение ума к Богу; при этом просить должно благость Его об отпущении грехов, говоря: «Господи! отпусти мне согрешения мои и не лиши меня Своего милосердия, даруй мне победу и одоление на врага и на все страсти». Так надобно просить Божией помощи, а самим-то жить

хорошенько. Я всегда вам говорю: молитва ваша будет бесполезной, когда не будете жить хорошо; молиться молитесь, а сами не стараетесь о своей жизни, живете в лености, так и молитва ваша ничто.

О внимании себе

Тот внимает себе, кто не вникает в чужие дела безвременно, бесстыдно и любопытно.

Внемлите себе: глаза бесчинные, похотливые и лукавые не видят своих падений, но чужие; своих грехов не замечают, а чужие погрешности ясно видят; своих дел вовсе не хотят и знать, а других обвиняют; при чужой погрешности воспламеняются ревностию, а при своей виновности охладевают; кратко сказать: по слову Господа — таковые очи бревна в себе не чуят, а в других видят и сучец (см.: Мф. 7, 3).

◊ Пусть думает о себе человек, что он грешен, а мщение ненавидит. Кто прощает другим, тот освободился муки, предварил Судию, избег суда, приготовил себе прощение прежде, нежели согрешил.

Архимандрит Феофан Новоезерский (1752–1832)

Первые годы подвижничества старца Феофана (в миру Феодора Соколова) проходили в Саровской пустыни и Санаксарском монастыре.

Здесь изучил он монашескую азбуку: терпение, строгость к себе, безусловное послушание. Вместе с другими он исполнял, после долгой церковной службы, разные послушания, в которых и настоятель принимал участие: рубил дрова, топил печи, готовил на кухне, пек хлебы, мел полы. Во время жизни в Санаксаре Феодор познакомился со святителем Тихоном Задонским, который приглашал его даже остаться в Задонске.

В 1774 году преподобный Феодор Санаксарский, по наветам людей, гневавшихся на его нелицеприятие и заступничество за обижаемых крестьян, был сослан в Соловецкий монастырь. Большая часть учеников его тогда разошлась по другим обителям. В числе их и Феодор Соколов перешел, после трехлетней жизни в Санаксаре, во Введенскую Островскую (близ города Покрова, Владимирской губернии) пустынь и здесь находился под руководством настоятеля старца Клеопы, который был постриженник афонский и долго упражнялся там в высшем молитвенном делании с преподобным Паисием Величковским. Перейдя в Россию и, после некоторого времени, назначенный во Введенскую пустынь, старец Клеопа ввел в ней общежительный афонский устав, чинную службу. Сам он проводил жизнь в постоянной молитве и богомыслии, братией же управлял любовью кроткой и прощающей; заботился не столько об упражнении их в суровых постах и трудах, сколько о водворении смирения, незлобия, миролюбия. И здесь, у такого наставника, дополнено было иноческое воспитание Феодора и, уже привыкший в Санаксаре к суровому долгу иноческому, здесь научился он высшим добродетелям: чистоте помыслов, духу любви и смирения. Между тем рассказы старца Клеопы возбудили в молодом послушнике сильное желание наставиться у старца Паисия и видеть Афон. В 1777 году Феодор отправился в Молдавию вместе с молдавскими иноками, возвращавшимися в свой монастырь. Он надеялся побывать на Афоне, в Палестине и затем поселился у старца Паисия, но когда он пришел в Молдовлахию, в Тисманский монастырь, игумен Феодосий удержал его и немедленно постриг с именем Феофан. Тогда Феодору было двадцать пять лет.

Тисманская обитель, совершенно удаленная от мира, процветала под управлением замечательного старца игумена Феодосия. Этот старец был, вместе с преподобным Паисием Величковским, учеником схимонаха Василия, общего старца молдавских иноков. Находясь в ближайшем общении с преподобным Паисием, он получил от него переводы отеческих писаний. Под руководством этого старца, ведшего своих учеников к высоким степеням внутренней духовной жизни, и завершилось окончательно монашеское воспитание отца Феофана.

Когда, после Кучук-Кай-Нарджийского мира, вследствие турецких притеснений, жизнь в Тисмане стала невозможной, игумен с братией решился вернуться в Россию. Среди братии монастыря находился Потемкин, родственник князя Потемкина. Одиннадцати лет от роду он бежал из родного дома и, скрывая свое происхождение, жил в монастыре, исполняя самые грубые работы. Он знал семь языков. Ему-то и предложил настоятель ехать в Россию и просить о переведении Тисманского монастыря в Россию. Но скрываясь еще, отец Анастасий (Потемкин) выбрал себе в спутники отца Феофана, которому были поручены написанные Анастасием письма к его родственникам, а сам Анастасий сопровождал отца Феофана в виде кучера.

В 1779 году в Петербурге было определено назначить для пребывания игумена Феодосия с тисманскою братиею Молчанскую Софрониеву пустынь (Курская губерния). В этой пустыни отец Феофан прожил полтора года.

А затем он был, несмотря на свое нежелание, вызван в Александро-Невскую лавру, где нуждались в хороших монахах; он просился в миссию в

Пекин, чтобы избегнуть этого, но просьбу его не уважили.

Старец Феофан прибыл в Петербург и, предавшись воле Божией, стал с усердием проходить возлагаемые на него послушания. Будучи ключником, он сберег половину тратившихся до него припасов. Его спокойная руссудительность, распорядительность и кротость обратили на него внимание митрополита Новгородского и Петербургского Гавриила, который взял его в келейники и приблизил его к себе, так что все десять лет службы своей отец Феофан пользовался его неограниченным доверием.

Митрополит Гавриил, человек большого ума и образованности, строгий подвижник, великий милостивец, был самоотверженно предан Православию и смело говорил всем правду. Постоянно опасаясь опалы за ревность к Церкви, он, отправляясь во дворец или в Синод, всегда клал несколько земных поклонов пред иконой и говорил: «Дай Бог, чтобы сегодняшний день так прошел». Когда отец Феофан предлагал ему улучшить скудную митрополичью трапезу, он говорил: «Надо привыкать; может быть, со временем, и этого не будет». Так и случилось — за несколько месяцев до смерти митрополит был уволен императором Павлом без пенсии. Митрополит Гавриил не вкушал пищи до трех часов, в те дни, когда служил; плакал, терзался, когда кого-нибудь считал обиженным собой; у него было положено по пятьдесят рублей в день на милостыню, кроме того, он раздавал триста рублей в месяц в тюрьмах. Этой милостыней заведовал отец Феофан. Однажды митрополиту донесли, что келейник ежедневно устраивает для кого-то обеды. Оказалось, действительно, что отец Феофан устраивает трапезу для не имеющих дневного пропитания. С этой поры митрополит стал еще более доверять своему келейнику. Благодаря старцу Феофану был вызван из заточения преподобный Феодор (Ушаков).

Но не хозяйственные поручения составляли главную часть службы отца Феофана. Когда митрополит близко узнал его, он стал во многих делах спрашивать его совета, поручал ему секретные дела, в особенности же сделал его помощником своим в трудах по устроению и обновлению монастырей, большинство которых, после введения штатов, находилось тогда в самом печальном состоянии. В эти времена происходило отнятие церковных земель и закрытие древних обителей (в России Екатериной II было тогда закрыто три четверти монастырей). Настоятелями же действующих монастырей назначались ученые монахи, большей частью из Киевской академии, которые, проходя в то же время учебно-воспитательные должности, не имели времени заниматься монастырями и, не получив сами иноческого воспитания, не могли иметь влияния на братию.

Митрополит Григорий издал в поучение иноков перевод на русский язык «Добротолюбия», искал духовных старцев, которые могли бы

посвятить себя самоотверженно делу внешнего и внутреннего обновления обителей. Старец Феофан указывал на них митрополиту, и таким образом были вызваны знаменитый Саровский старец Назарий, обновивший Валаам, Игнатий, первый архимандрит из неученых, назначенный в знаменитый Тихвин и восстановивший его и вслед за тем блистательно воссоздавший древнюю московскую Симонову обитель, которая была прежде обращена в казарму кавалерийского полка. В Пешношский монастырь был вызван Макарий. Был приведен в порядок Клопский (Новгородский) монастырь. Наконец, митрополит назначил старца Феофана строителем Моденского монастыря, где он привел в порядок старые и выстроил новые здания, завел чинное богослужение и порядок в жизни братии, так что, по слухам о настоятеле, стало приходить в монастырь много новых иноков.

В 1793 году, когда белозерские жители донесли митрополиту о крайнем упадке древней обители преподобного Кирилла Новоезерского и просили назначить опытного настоятеля, митрополит выбрал старца Феофана.

Обитель, расположенная на небольшом острове, на озере Новом, была в запустении. Братии было десять человек, постриженных двое; богослужение отправлял наемный священник, из белого духовенства, скудость была полная, здания падали.

За время тридцатилетнего управления старца Феофана обитель преобразилась. Обновив дух иноческий, отец Феофан собрал многочисленную братию; заведя чинную службу, привлек богомольцев, возбудил усердие к обители и богатые жертвы. Он обновил и величественно расширил собор, выстроил почти вновь две церкви, воздвиг колокольню, возвел двухэтажные здания келий и обвел остров на протяжении сажен каменной с башнями оградой, выстроенной на сваях, вбитых в воду; соединил монастырь с ближайшим островом мостом.

Значительны были труды его и по внутреннему устроению обители. Он ввел в ней общежитие, строгий чин богослужений, торжественное отправление служб, столповое пение, непрерывное чтение Псалтири, постоянные занятия для братии.

Больше всего старался он управлять посредством убеждения и поучал братию и наедине, и в полном собрании, после трапезы. Он не любил обличать в лицо, но, заметив недостаток инока, говорил о том в виде общего наставления братии. Его простые, дышавшие убеждением и кротостью, поучения производили неотразимое впечатление.

Но сильнее всего действовал его пример. Он не пропускал ни одной службы, исполнял с братией все послушания, работал на полях, ел в общей трапезе, носил самую бедную одежду и не имел имущества. При таком управлении старца число иночествующих быстро возросло до восьмидесяти

человек. Но не на иноков только новоезерских имел влияние старец Феофан. Назначенный благочинным нескольких монастырей, он заботился об их духовном преуспеянии, особенно же плодотворны были его заботы о Горицкой женской обители, которая находилась под управлением опытной и благочестивой игуменьи Маврикии и в которой он бывал несколько раз в год. Приезжая в монастырь, он подолгу, после службы, беседовал с инокинями. Некоторые из бесед ими записаны. Особенно настаивал старец на снискании добродетели смирения; о внешних аскетических подвигах, в применении их к Горицкой обители, где были инокини разного звания, старец Феофан держался мнения, что они должны быть применяемы по мере сил и со вниманием к прежним привычкам инокинь.

Кроме иноков, к отцу Феофану обращалось много мирских лиц. Он принимал всех. В обитель приходило много писем, на которые старец заботливо отвечал.

Слух о трудах старца Феофана дошел и до Петербурга. Государь Александр I пожаловал ему митру и наперсный крест и, по его ходатайству, увеличил штат Новоезерского монастыря.

В 1828 году старец сильно ослабел, в праздник Рождества собрал все силы, пришел в трапезу и сказал братии наставление, прося молиться, чтоб ему мирно отойти. Он написал завещание, в котором просил сохранить введенный им устав, и распорядился несколькими рясами и несколькими книгами — единственным, что он имел, и затем просил уволить его на покой.

Назначенный, по его указанию, преемником ему игумен во всем повиновался ему, но старец Феофан вел себя по отношению к нему, как к начальнику.

В конце 1832 года старец посетил в последний раз Горицкий монастырь, и беседа его отличалась той особой ясностью и спокойствием, которые отличают подвижников при конце их пути. Он вернулся домой больной, и 3 декабря 1832 года на восемьдесят первом году жизни, после причастия и елеосвящения, тихо преставился, в присутствии лишь одного келейника своего, произнося имя Господа Иисуса Христа.

Сейчас на территории Кирилло-Новоезерского монастыря находится тюрьма для особо опасных рецидивистов, кому смертная казнь за злодеяния заменена пожизненным заключением. Судьба захоронения старца Феофана неизвестна.

Духовные наставления

◊ Жизнь духовная должна быть проста, чистосердечна, кротка, благопокорлива, а паче смиренна. Смирение есть без труда спасение. Смирение сердечное есть первое и главнейшее основание дому душевного и монашеской жизни. Ибо и Христос Сын Божий говорит: «научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11, 29).

◊ Если кем будем обижены, должны сказать: согрешил, прости ради Бога; а в себе, представляя грехи свои, помыслить: я достоин наказания и больше сего.

◊ Христос Сын Божий, «укоряем противу не укоряше, стражда не прещаше» (1 Пет. 2, 23). Если же когда от нанесенной обиды сердце и смутится, то никак не должно выражать смущения словами, но всеми силами себя воздержать от оных, по рекшему: «смятохся, и не глаголах» (Пс. 76, 5); должно помнить апостольское слово: «солнце да не зайдет во гневе вашем, ниже дадите (в себе) места диаволу» (Еф. 4, 26–27). Иначе же не угодны будут Господу Богу ни молитвы наши, ни прочие добродетели, как бы они велики ни были.

◊ Не только должно воздерживаться от худых дел и слов, но и от скверных помыслов, приходящих нам от бесов. Сперва бывает прилог, то есть вражеское предложение нашей мысли, потом следует сочетание, то есть соизволение нашего ума вражию представлению, наконец и самое исполнение делом. А посему каждую мысль, могущую душе вредить, должно тотчас отражать памятью всегдашнего с нами присутствия Божия, по написанному: «предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся» от пути добродетельного (Пс. 15, 8). А святой Иоанн Лествичник так поучает: «Иисусовым именем бей супостаты, ибо не обрящеши на них крепчайшаго оружия на небеси и на земли, паче имене Иисусова». И потому должно всегда во уме иметь молитву сию: «Господа Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго»; «Господи, отыми от мене весь помысл лукавый»; «Господи, даждь ми мысль благу».

◊ Не должно внимать чужим недостаткам, но всегда взирать на свои грехи, и не осуждать других, а себя обвинять и укорять. Чрез сие можем получить в своей жизни исправление.

◊ За дела, противные воле Божией, должны будем наследовать червь неусыпающий, огнь неугасаемый, смолу кипучую (см.: Мк. 9, 44; Ис. 66,

24). Представляя сие в уме вашем, можем побеждать страсти, воюющие на дух наш.

◊ Не доставят пользы, ни вериги, ни вретища, ни пост, хотя бы кто ел по одному разу в неделю, ни продолжительные бдения и стояния, ни множество поклонов, ни все телесные изнурения; «ибо телесное обучение, — по слову апостола, — вмале есть полезно» (1 Тим. 4, 8), если нет добродетелей духовных. Надобно иметь между собою нелицемерную любовь, быть в послушании, в терпении со смирением. Железо же, голод и поклоны нас не спасут. Бог ищет мира и любви чистосердечной; ибо «плод духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание; на таковых несть закона» (Гал. 5, 22).

◊ Вера, надежда, любовь — три Евангельские добродетели. Вера — покуда живем, верим, но не видим, а когда увидим, прейдет, как и надежда, коею в жизни нашей подкрепляемся, любовь же умножаться будет в век. Когда «узрим Бога, якоже есть», тогда совершенная любовь будет! К этому надобно приуготовиться в здешней жизни, чтоб очистить душу от всех мнимых мыслей и чувств, препятствующих возрастанию в нас Божественной любви. Сподоби мя, Господи, любити Тя от всея души моея и помышления, и творити во всем волю Твою!

◊ На что мы ни посмотрим, — все есть творение Божие, даже и то, что сделано руками человеческими. Ум человеку дан от Бога, а без ума ничего не сделаешь. Много на нас милости Божией, неизреченно Его милосердие! «Се, удаляющии себе от Тебе погибнут… мне же прилеплятися Богови моему благо есть» (Пс. 72, 27–28).

◊ Можно разбирать мысли, отвергать недостойные, а принимать одни добрые, так и дела-то согласны будут; а ежели принимать всякую мысль, то их такая куча найдет, как саранча. Одни только мысли иметь надобно: что я и что Бог. А кто я? Комар, прах, земля.

◊ Ежели и есть какие тайные недостатки, должно всячески исповедоваться; Господь Бог радуется о кающемся, так, как заблудшую овцу приемлет его в объятия. Перекрестись и скажи: «изми мя от уст пагубнаго змия, зияющаго пожрети мя и свести во ад жива».

◊ Жалко, что мы о смерти-то мало думаем. Когда сделается скучно, так о смерти размышляйте, о пришествии Христовом. Помыслите, как на воздухе будете удержаны, да что будете отвечать на мытарствах. Как можно, принуждайте себя к чтению. Когда все сие исполните, то, кажется, и скучать некогда. Господь Бог знает, что вам надобно; взывайте к Нему: да будет воля Твоя!

◊ Когда кто оскорбит, утешать себя надобно мыслью, что Бог милостив, — и скорбь пройдет, а которая сестра оскорбила, за ту

помолиться: Господь и исправит всех. Мы вредное от врага для души своей принимаем; попробуем же для души своей принять от Спасителя полезное лекарство, хотя и горькое: «претерпевый до конца, той спасен будет» (Мф. 10, 22).

◊ И в здешней-то жизни Господь Бог больших даров удостаивает: иным дает дар исцеления, другим дар прозорливости, иные неизвестными для них прежде языками говорят: так Ефрем Сирин заговорил по-гречески, по молитве Василия Великого, чтоб понимать друг друга без переводчика. Но для сего нужно и смирение святого Ефрема. А ежели оскорбилась, чувствуешь внутреннее смущение, но не будешь оправдываться, не будешь говорить никаких противных слов, смолчишь, — за это не останешься без воздаяния! Всякое дело, всякое художество, все требует терпения.

◊ Господь Бог за смирение дает благодать. Один старец говорил с утра до вечера беспрестанно, а другой молчал. Один прозорливец сказал об них: который говорил, тот молчание соблюл, а который молчал — празднословец; молчал, да тщеславился сим. С каким ведь намерением, кто что делает, — это важно. Господь Бог наши намерения судит. Наука эта совсем другая, не философия: в мирскую науку вкрадывается тщеславие, а здесь смирение в основе.

◊ Себя возвышать, а всеми пренебрегать, — это дело бесовское, а лучше бы Христово смирение стяжать. «Аще бо быхом себе рассуждали, не быхом осуждени были» (1 Кор. 11, 31). Покуда не достигнешь смирения, в спокойствии быть не можешь никак, все из страсти в страсть, так, как из пропасти в пропасть, враг будет поревать тебя; а когда будет смирение, так тут все добродетели; это как цепь священная. Где же гордость, тут тщеславие, вражда, тут смущение, ссоры и зло всякого рода.

◊ С тем жить надобно, чтобы угодить Господу Богу, думать о себе, что мы земля и в землю возвратимся; недолго жить здесь в гостях. Бог продолжает нашу жизнь, чтобы душа наша от всех страстей очистилась; в Царство небесное не внидет никакая скверна.

◊ Надобно и скорби-то претерпевать с благодарением; мы думаем, что скорби так просто приходят. Нет! Господь Бог посылает, чтобы мы познали, что не достигли еще смирения, терпения. По попущению Божию, в Греции каких мучений не делали язычники христианам! А мы живем в спокойствии, в тишине. Ну, как Господь прогневается за нашу неблагодарность?

◊ Ежели ты по внешности смиренна, тиха, терпелива — это все еще недостаточно, это телесное, а надобно душевное, совершенное. Надобно думать: я хуже всех, я сама во всем виновата; а не так, чтобы других винить, что тебя оклеветали; оправдания никакого иметь не должно.

◊ Вся важность состоит в смирении. Сколько поклонов ни клади, а будешь мечтать о себе, что я жестокую жизнь веду, — так в этих трудах никакой пользы нет.

◊ Создатель мой! Младенец бежит к матери, а мы все от Тебя удаляемся. Видим в простом народе — какую нужду терпят, и не понимают, для чего это, а ежели с чувствами так терпеть, и все это относить к своим недостаткам, что я недостоин лучшего, так, конечно, будет жертва, благоприятная Богу, а ежели роптать, так никакой пользы нет. Ропщущий себя мучит. Бог все делает для твоей же пользы, а для Себя Самого Он, вседовольный и всеблаженный, надобности в тебе не имеет. Не многого Бог требует, вот краткая молитва, — выучите ее: «Владыко, Боже Отче Вседержителю, Господи Сыне Единородный, Иисусе Христе, и Святый Душе, едино Божество, едина сила, помилуй мя грешную и, имиже веси судьбами, спаси мя, недостойную рабу Твою»[2]. «Владычице моя Пресвятая Богородица, спаси мя грешную; Ты выше всех святых ангелов удостоилась сесть близ Святыя Троицы».

◊ Лгать не должно, а если случится нечаянно что солгать, сейчас надобно сказать себе: Бог лгать запрещает и повелевает поучаться правде.

◊ На молитве надобно воображать, что я только земля и пепел. Пред Богом надобно стоять со страхом и трепетом, чтобы как глава, так и мысль были преклонены. Все понемножку Бог исправит, когда будем просить Его: вот ведь мы видим, такие же люди были, которые Господу угодили.

◊ Иисусова молитва, после Господней молитвы, кажется всех молитв выше; ею-то прямо и просто говоришь ко Господу; но когда устами читаем молитву, а ум наш бродит, то, очевидно, не предстоим пред Богом. Ум или дух в нас так скоро перелетает, что в одно мгновение может представить, что мы видели или слышали; но зачем же нам заниматься пустым? Будем творить и молитвы, и говорить: «Господи, просвети ослепшие мои очи душевные», а всего лучше: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную».

◊ Просите Господа Бога, так как и святые апостолы просили: «Господи, научи ны молитися» (Лк. 11, 2). Мы сами не знаем, о чем молиться-то; Бог Духом Своим Святым да наставит нас. — Враг сеет свои плевелы, влагает свои мысли. Господи, даждь ми мысль благу! Господь Бог и поможет. Просите Господа Бога, чтобы «в разум истины приити». «Радуйтеся, праведнии, о Господе»; радоваться надобно о том, что нам обещано, чего ум человеческий постигнуть не может. К Царю небесному доступ от нас зависит; во всяком смущении прибегать можно. Говорят: кто на море не бывал, тот усердно Богу не маливался; а волнения житейские не те ли же? Где более волнения, где более смущения, тут-то и прибегать к Богу. Я читал

разговор одного ученого с пастухом: ученый спрашивал его: «Учен ли ты?» Пастух отвечал: «Никогда не бывал». — «Как же ты о Боге знаешь?» — «Я никогда с Ним не разлучаюсь, я всегда с Ним; знаю, что Он мой Создатель; в земных вещах я никогда ни к каким не прилепляюсь, зная, что житие наше на небесах». — Тогда ученый говорит: «Я ни от одного богослова так не пользовался». Будем и мы, подобно пастуху сему, прилепляться к небесному, будем думать, что житие наше на небесах, и будем стараться снискать оное.

◊ Молитесь ко Господу: «От тайных моих очисти мя, и от чуждих пощади рабу твою». Надобно ум свой соединять с Богом, а не в пустоте проводить жизнь свою.

◊ Восстав поутру, не принимайте никаких помыслов, и первое сотворите молитву к Богу, потом к Пресвятой Богородице, — читайте, что в ум придет, и ничем еще не занимаясь, соберите в уме своем грехи свои, да с ними и повергнитесь пред иконою Христа Спаса нашего с умиленною душою, моля Его, чтоб сохранил вас от падения; просите также и Пресвятую Богородицу, чтоб и Она защитила вас от врага и покрыла вас честным Своим покровом; содеянные вами грехи представляя, просите Пресвятую Богородицу, чтобы Она испросила вам прощение и отпущение оных у Сына Своего Христа Бога нашего.

◊ Без молитвы никуда из кельи вашей не выходите; прежде чем выйдете, прочитайте: «Богородице Дево, радуйся» и «Достойно есть» с умиленным чувством, с поклонением; и за водою в коридор не молясь не выходите; также и на ночь прочтите трижды: «Богородице Дево» и «Достойно есть» — и спите спокойно.

◊ Пресвятую Богородицу с каждым своим дыханием призывайте; на каждый свой вздох, что вздохнули, то в уме и вообразите молитву к Ней. Иногда повторяйте Архангельское благовестие, а иногда милости Ее просите, чтобы Она умилостивила к вам Сына Своего, предстала бы вам в помощь в час смертный.

◊ Прибегайте во всех нуждах ваших к Матери Божией: Она во всем нам помогает, заступает нас и хранит. Молитесь: даруй мне знать и чувствовать Твои благодеяния, Мати Божия, не остави мене, грешную, погрязнут в нечувствии!

◊ Твердо веруйте, что, когда читаете Архангельское приветствие, Она невидимо приветствует и соплетает вам венец. Иисус Христос предызбрал Ее в Матерь Себе, чтобы Она о грешных ходатайствовала. Кто о Пресвятой Богородице беседует токмо, и за то великое воздаяние будет: Она всех слышит и о всех ходатайствует. Пресвятым Ее молитвам все возможно!

◊ Во время душевных волнений и смущений ваших читайте краткие молитвы: Господи, помилуй! Сыне Божий, помилуй мя, грешную!

Пресвятая Богородице, помози ми! Не остави мене! Умоли Сына Твоего о мне, грешной!

◊ Во время скорби, вместо ропота и дерзкого обвинения других, молитесь и сознавайтесь, что за грехи ваши достойно страждете. Не говорите и не думайте, что в смущении не можете молиться, а лучше скажите сами себе: мне велено молиться, хотя и не хочется! Все силы употребляйте молиться насильно; не поддавайтесь врагу, потому что враг препятствует молитве; он ничего так не боится, как крестного знамения и молитвы. Если вы противитесь ему, — это значит борьба — и борьба, Богу приятная. Прослезитесь, покайтесь: Господи, прости, — согрешила; я всех хуже, я считаю себя лучше других! Ты меня, Господи, прости, высокомерную!

◊ Читайте чаще Иисусову молитву, да Богородичну. Рассуждайте чаще о смерти, о втором пришествии Христовом, о страшном суде; а более никаких мыслей не принимайте. Во время же молитвы и духовных рассуждений остерегайтесь; с запрещением говорите мысли своей: именем Божиим запрещаю тебе! И мысль непременно послушает. Иисусовой молитвой и крестным знамением удобно прогонится вся сила вражия.

◊ Не отлучайся от мене, Создатель мой! Какая мысль придет, тотчас к Господу обратитесь. Если мысль придет неполезная, будет звать: туда поди, или то скажи, а мы ей воспротивимся и молитвою отразим ее, то вот и победителями стали!

◊ «Блажени нищии духом, яко тех есть Царствие небесное» (Мф. 5, 3). Нищий, по-мирскому, тот, кто имеет недостаток в потребностях житейских, а мы нищими духом признавать себя должны, потому что ничего не имеем доброго. И как нищие просят себе от людей милостыни, так и мы непрерывно должны вопиять ко Господу: Господи, даждь ми смирение, терпение, послушание!

◊ Господь Бог нас утешает, а мы все свое творим; надобно за что-нибудь Царствие небесное получить. Ежели преодолеем скорбь какую, вот мы и сделаемся как бы мученики. Которые и из мучеников не терпели мук, те так и пропали, а которые все претерпели, те прославились.

◊ Враг, диавол может представить такое зеркало душевным очам твоим, что все чужие недостатки и грехи будешь видеть. Надобно смотреть более на самих себя. Христос Господь говорит: в своем глазу не видишь бревна, а в чужом и маленький сучок тебе кажется бревном. Это и есть дух пытливый, дух гордости, дух тщеславия. Избави, Боже, от сего пагубного духа! Враг предоставит тебе то, чего не бывало, а ты им влагаемое примешь, смутишься и будешь ему подручна. Смотри лучше за своими недостатками,

непрестанно о них помышляй, и старайся исправлять себя без отлагательства.

◊ Ежели скажем, что мы молимся, но взять рассмотреть молитву нашу, — сколько в ней непристойных мыслей, не принадлежащих к молитве! Языком молимся, а ум наш без плода. Таковая молитва бывает не в умилостивление, а в грех или раздражение Бога.

Должно все оставить мирское мудрование и пристрастие, мирскую любовь, которая уязвляет паче, нежели исцеляет душу, мирскую политику — по внешнему иметь мир с ближними своими, духовными сестрами, злая же в сердцах своих, — по-видимому скромность, а во внутренности досаду и мщение, — по-видимому смирение, а во внутренности гордость, и другие подобные сим страсти, как волны морские, восстающие во внутренности души. И ежели не будем ко Господу вопить, как святой апостол Петр, отважившийся ходить по водам, возопил во время обуревания: «Господи! Спаси мя, погибаю», то много страдать должны и в непрестанном будем душевном обуревании. Однако не бойтесь, Господь близ вас, ибо «близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его во истине: волю боящихся Его сотворит и молитву их услышит и спасет я» (Пс. 144, 18–19).

◊ В смирении все добродетели заключаются: смиренный — гордиться, тщеславиться, завидовать, враждовать, осуждать, гневаться, противоречить, отчаиваться, беспокоиться не может. Вот от чего вы беспокоитесь, что не достигли сего дара; просите, и дастся вам. Немного слов требуется, а только вам простенько сказать: Господи, даждь ми смирение.

◊ Ежели вы кого не любите, вспомните слова святого Иоанна Богослова в соборном послании: «ненавидяй брата своего (или сестру), во тьме есть, и во тьме ходит, и не весть камо идет, и тьма ослепи очи его». Сие должно помнить, ежели бы Господь Бог вразумил: всегда себя охуждать, всегда укорять себя, всегда на себя гневаться, а притом всех почитать за святых, а себя хуже всех, великое бы дело было, дело Божие! По слову святого Давида: «смирихся и спасе мя». На сердца смиренных Бог призирает.

◊ Занимайтесь более Божественными размышлениями и молитвою. Рассматривайте здешнюю краткую и многоболезненную жизнь. Вникайте в чудесное видимое небесное творение Божие; как все устроено, и безмерное пространство небес, и подумайте о себе: что мы? Червячки движущиеся.

◊ Надобно всегда помнить, что мы за все отдадим ответ: за помышления наша, за слова, дела и за намерения.

◊ Не надобно нам думать: любят ли нас или не любят; а лучше думать, что недостойна быть любимою, сама же люби всех, потому что нам не сказано быть любимыми; но велено всех любить. Даже не надо и замечать, кто сердится или кто как посмотрел; не надобно проникать в их намерения.

◊ Если сердце непреклонно к любви враждебных нам, тогда молитесь: Господи! Смягчи твердость, жестокость и окаменелость сердца моего.

◊ А когда уныние найдет: «вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему, спасение лица моего и Бог мой» (Пс. 42, 5).

◊ Не надобно иметь свое мудрование и не надо следовать мыслям своим; а надобно учиться отражать прилоги: это наша азбука.

◊ Когда услышишь, что о тебе говорят худо, тогда подумай: я дурно сделала, так о мне и говорят худо, и помолись Богу: Господи! Помози мне исправиться!

◊ Бог нарочно посылает огорчения, чтобы довести нас до совершенного незлобия. Были люди, которые просили Бога: Господи, пошли мне оскорбление; а когда найдет, они не снесут. После плачут, раскаиваются и опять просят, и когда снова найдет, опять не снесут, и снова готовятся переносить. И так посылается им до того, пока они достигнут до младенческого смирения. А если не будем сносить обидных слов, то это не полезно для душ наших.

◊ Когда будут поносить и укорять, молчанием отходите.

◊ На что нам о будущем много заботиться? Господь Бог лучше устроит о нас, нежели как мы думаем; надобно предавать себя Его святой воле.

◊ При всех добродетелях твоих, если подумаешь о себе, что ты нечто, вот и погибла; а лучше думай: я грешна и хуже всех.

◊ На хульные мысли надобно говорить слова архангела Михаила, когда Денница отпал: «Станем добре, станем со страхом! Ничтоже помыслим пред сотворившим нас!» Или: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Исполнь небо и земли славы Твоея! Станем добре, станем крепче за Господа!»

◊ Святые отцы говорят, что если придет дурная мысль, что это от дьявола, надобно скорее перекреститься и сказать: Господи! Даждь мне мысль благу! Просвети око мое душевное!

◊ Не надобно завидовать добрым делам других, а только свои недостатки смотреть и о них думать; браните себя мысленно: горе мне, что я горда и не могу трудиться!

◊ Смертных грехов должно бояться, и убегать, и остерегаться, как то: гордости, непокорства, тщеславия, сребролюбия. Они называются смертными потому, что ведут во дно адово.

◊ Иные уходили в затворы, другие носили тяжелые вериги, но этого не взыщется от нас, а надобно смириться, терпеть, иметь послушание, вот чего потребуется. Скорбное слово претерпишь — вот и вериги твои.

◊ Бога далеко искать не надобно, Он «везде Сый и вся исполняй», Он в сердце нашем.

◊ Зри: оскорбления посылаются нам от Бога, дабы посмотреть нашего терпения и воздать нам венцы. Если скажешь слово на пользу другим, то получишь венец; ежели стерпишь скорбь, за сие венец. Развратишь кого-нибудь, будешь мучена; попротивишься старшим, за сие будет мученье.

◊ Не надобно иметь своей воли: наша воля есть медная стена между Богом и человеком.

◊ Оправдываться не надобно потому, что много будет слов, а коротко сказать: простите, согрешила! Вот этим все и кончится.

◊ Господь просветит тебя, если будешь просить: «просите, и дастся вам, толцыте, и отверзется». Господи! Ты меня научи, Ты меня вразуми, Ты меня наставь творити волю Твою! Так просите, и Господь откроет вам, что Ему угодно.

◊ Господь наказует нас, любя: «егда наказание терпите, аки сыновом вам обретается Бог; биет же всякаго сына, егоже приемлет» (Евр. 12, 6–7).

А в чем состоит это наказание?

В попущении искушений: когда обидят тебя, оскорбят, уничижат, все это должно претерпеть и молиться: «Господи, даждь ми терпение!»

Ежели понесешь недостаток в чем-нибудь и претерпишь, — за сие будешь награждена от Бога, Он всеведущ; ничего не оставит без награждения, за малейшую черту, за полезное слово и дело, за все будет награждение: Он все видит и знает.

◊ Когда осуждаешь других, пренебрегаешь, а себя считаешь лучше; когда помнишь долго, кто тебе сделал обиду, держишь в памяти и не забываешь, — это и есть злопомнение и означает нечистоту сердечную; завидуешь, ненавидишь, — все сие грешно и противно Богу. Как нам дерзать прогневлять такое великое Существо — Бога, нам, горсти земли, пылинке и червячку? А прогневляем Его непокорством и роптанием.

Проси о любви к Богу и ко всем. Господи! Сподоби мя любити Тя от всея души моея и помышления и творити во всем волю твою! Господи! Даждь ми любовь нелицемерную, то есть не человеческую, но Божескую, безгрешную и бесстрастную. Господи! Даждь ми положити начало благое! Призри на мя и помилуй мя, по суду любящих имя Твое!

«Стопы мои направи по словеси Твоему, и да не обладает мною беззаконие! Избави мя от клеветы человеческия, и сохраню заповеди Твоя. Лице Твое просвети на раба Твоего и научи мя оправданием Твоим!»

◊ В судьбы Божии входить, во испытания не надобно: «исчезоша испытающии испытания». «Кто весть, яже в человеке, токмо дух живущий в нем» (1 Кор. 2, 11). А только говорите: я ничего не знаю.

◊ От человек славы не ищи, а надобно только слава от Бога! Со славой человеческой куда мы годимся? «Прославляющия Мя прославлю». С нашей

стороны не надобно нам и думать об этом, чтобы мы славились; а без нас знает Господь, кого прославить или уничижить. Надобно о себе побольше думать, мысли у тебя не расхищены ли, и если не исправлены мысли и душа, так об этом думай и себя исправляй; одна перемена лица может оскорбить ближнего.

◊ Не сердитесь ни на кого, потому что: «гнев правды Божией не соделывает». Эта жизнь такая, что надобно быть младенцем: «аще не будете яко дети, не внидете в Царство небесное». Не умом младенствуйте, а злобою.

◊ Многие желают видеть что-нибудь во сне, но от этого с ума сходят, и не надобно желать потому, что это иногда приводит в гордость, говорят: вот я удостаиваюсь видения какого — а это от врага.

Иные же хотят предвидеть что-нибудь будущее, и это не касается до нас, а только надобно, чтобы не погрешить пред Богом. Есть даже теперь и чудотворцы, вот они: смиренные, терпеливые и кроткие, которые отгоняют от себя вражии прилоги, соблюдают чистоту душевную и телесную; они не захотят чудотворения. Кто принимает достойно Тело Христа, Сына Божия, тот выше чудотворца.

◊ С благодарением кто претерпевает болезни, того Господь Бог скоро посетит; а кто за болезнию не ходит в церковь, тот не должен сомневаться, но говорить: Да будет воля Твоя! Виждь труд мой и болезни моя, и остави вся грехи моя! Бог выше сил не требует.

◊ Когда же стоите в церкви: «в храме стояще славы Твоея на небеси стояти мним!»

◊ Когда исповедываетесь, то просите единого Подателя благ: Господи, даждь ми помысл исповедания грехов моих! И когда священник скажет: «Прощаю и разрешаю!» — то в самую сию минуту и на небеси прощено и разрешено.

◊ Мы живем не во времена гонений; но нельзя сказать, чтобы и ныне не было гонений: есть гонения от врага, — то одно представить, то другое, чтобы привести в уныние, в печаль, отчаяние, чтобы как-нибудь отторгнуть от Бога, — представляет, чего совсем не было, увеличивает, из макового зерна делает гору. Терпеть надобно, — Господь Бог не оставит.

◊ Господь Бог знает, что нам надобно; взывайте к Нему: да будет воля Твоя! Он ко всем вопиет: «призови Мя в день скорби твоея, и изму тя» (Пс. 49, 15); призови, не сомневаясь, а с верою.

◊ Вот что хорошо иметь в мысли: я земля, мне дано только посмотреть на это премудрое здание, — посмотрю и опять обращусь в землю.

◊ «Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии» (Пс. 126, 1): надобно просить Господа, чтобы Он был камень краеуголен в душевном

нашем строении. «Разве бо Того ни деяние, ни слово совершается».

◊ Бог все и делает для твоей же пользы. Не надобно иметь своей воли: нужно предаться в волю Божию. И в моей жизни все шло не по моему желанию. Намерение было в Афонской горе жить, — нет, Бог не привел. Хотел пожить у отца Паисия, у такого великого старца, — нет, и этого не привелось. В Китае бы надобно быть, уж и прошение подал, — нет, пришлось быть в Петербурге, келейником у митрополита. Я не хотел быть и иеродиаконом, — как отпрашивался! Не успел и в этом. Потом Бог привел сюда. А сколько отказывался от архимандритства! Страшно и помыслить идти против воли Божией.

◊ Мы просим Господа: не лиши мене небесных Твоих благ; Он говорит: готов, научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, — будьте терпеливы, будьте послушны и получите Царствие небесное.

◊ На что отлагать покаяние, говорить: покаюсь еще? Вместо этого сказать тогда же, как согрешила: Господи, помилуй мя, падшую.

◊ Одни грехи повседневные, другие смертные. За смертный грех требуется большее покаяние. А случится солгать: Господи, прости мое согрешение. Святые дщицы (досочки) такие имели, записывали грехи и после читали.

Когда исповедаетесь и священник скажет: прощаю и разрешаю соделанное в ведении и неведении, — вот вы уже и прощены. Есть такие, что пренебрегают этим: какого же дара великого они лишаются!

Скажете: дел немного, — что же каяться только словами? — И это немало, лишь бы с сокрушением и верою. Но покаяться, с намерением опять приняться за грехи — это смертный грех. Излишнее упование на Бога без добрых дел — смертный грех. Надобно просить: не вниди в суд с рабой твоей, а не думать — меня Господь помилует.

Также и поплакать о грехах надобно. Одни слезы от огорчения, — эти не полезны, эти вредны; а такие — это я неисправную жизнь провожу, ленюсь, оскорбляюсь, не могу угодить сестрам своим, не имею столько любви к Богу, чтобы возлюбить Его всею душою, всем сердцем, всею мыслию, — эти слезы полезны и об них надобно молиться: Господи, даждь ми слезы и память смертную!

◊ Стоя пред чашей приобщения, имей в уме, к какому великому таинству приступаешь: Огнь Божественный достойные освящает, а недостойные попаляет. Недостойно приобщаются те, которые приступают к сей святыне без примирения.

◊ Не думайте, что, попостившись неделю, вы уже достойны причащения. Нет; сколько бы ни постились, один пост не делает достойными принятия страшных и пречистых Тайн.

Не в том состоит приготовление, чтобы не опускать ни одной службы, да чтобы масло не попало на ложку, чтобы от пищи воздержаться: надобно внутреннее очищение, — чтобы тщеславия не было, гордости, непокорности, чтобы худой мысли не удержать в душе ни на минуту.

Кто остается в ожесточении, не хочет испросить прощения у других в тайных и явных оскорблениях, или прощает не от сердца, — на таковых Господь гневается, и приобщение таковых бывает в осуждение. Приобщаться же без злобы, исповедавшись от чистого сердца, чем чаще, тем лучше.

◊ Вместо Бога мы обращаемся любовию к временным вещам; оставляем Бога, а прилепляемся к твари, — занимаем мысли суетным. Если возымеем пристрастие к пище, к одежде, это будет идолопоклонство. А ничего не надобно любить паче Бога. Старайтесь только Бога возлюбить и к Нему единому прилепиться. Помните, что в молитве на шестом часе читаете: не уклони сердца моего в словеса или помышления лукавствия, но любовию Твоею уязви души наша!

◊ Увидите в трапезе какой-либо недостаток, встретите в другом чем нужду, будьте терпеливы. Мы недостойны и того, чем здесь пользуемся: надобно и за это благодарить Господа. За все благодарите.

◊ Хотя бы кто приобрел все сокровища мира, будет нищ, если душевного сокровища не будет иметь.

◊ Телесные очи даны нам, чтобы созерцать великолепие мира, созданного Богом, а очи душевные — чтобы устремлять к Самому Творцу: «к Тебе возведох очи мои, живущему на небеси» (Пс. 121, 1).

◊ Сколь бы умны ни были, постигнуть Господа Бога никак не можем.

Вот мы на солнце не можем взглянуть: как же Бога-то можем видеть, как Его можем постигнуть? Ни ангелы, ни архангелы, все небесные силы не могут вполне постигнуть существа Божия; они только более и более успевают в познании Божества.

◊ Как самая малая мошка, которая чуть движется, столько-то и мы понимаем о Божестве. Ниже ангелы Божии могут постигнуть, что такое Бог.

Пред Богом надобно стоять со страхом и трепетом, чтобы как глава, так и мысль были преклонены.

С великим благоговением надобно произносить имя Божие: Кто мы? — червь и прах!

◊ В расслабление не надобно вдаваться, стоя на молитве; надобно, чтобы и члены в ней участвовали, чтобы и руки чувствовали и плечи чувствовали, — так и мысли-то будут покрепче к Богу, и понятие будет получше к тому, что читают. Ведь это-то и есть наука душевная.

Но с умной молитвой надобно соединить и устную. Враг и самых слов молитвы боится. Один говорил: я не понимаю умом, что читаю. Ты не понимаешь, отвечал старец, да враг-то понимает. Ведь дух наш облечен плотию. Нужно, чтобы тело свое служение приносило Богу, а душа свое! И умом, и словом служите Богу.

◊ Благоденствие и сладость временная не что другое, как одна мечта. Плакать должно о том, чтобы не лишил Господь вечного блаженства. Настоящая жизнь наша есть жизнь вечная. Там наше и богатство, честь и слава. А когда Господь позовет нас в будущую жизнь, — где она? На небесех. Какое расстояние от земли до небес? Кто может постигнуть? Однако должно оный путь совершать без провожатых, никто нам спутниками быть не могут, и самые ближние. Итак, не изнуряйте себя плачем и печалью о временном, а лучше говорите всегда: как Тебе Создателю моему угодно, так и да будет. Святой Давид говорит о себе: «помянух Бога, и возвеселихся» (Пс. 76, 4). От огорчений в здешней жизни никто свободен быть не может, но только и утешения нам, как един Господь Бог; к Нему должно прибегать, Его просить милости.

Иеромонах Филарет (в схиме Феодор) Новоспасский (1758–1841)

Старец Филарет (в схиме Феодор) родился 9 мая 1758 года, в богатой купеческой семье. В родительском доме Феодор (его мирское имя) обучился грамоте, чистописанию и, разумеется, закону Божию. С той поры чтение духовных книц находившихся в доме отца, составляло его любимое занятие. После смерти отца пожар уничтожил все имущество, и мать старца, Матрона Никитична, переехала с детьми в Петербург, к родному брату, богатому торговцу иностранными винами. В юные годы будущему старцу довелось вместе с братом торговать в винной лавке. Но Феодор скоро почувствовал отвращение от мирской суеты. То и дело он уходил на службу в Александро-Невский монастырь, а после обедни беседовал со старцем-монахом, за что много раз терпел побои от приказчиков. Тринадцатилетний мальчик умолил свою мать отпустить его для постоянного жительства в этот монастырь, к знакомому старцу. Ревность Феодора в служении Господу была велика, и он через полгода, по совету старца, перешел в Саровскую пустынь. Здесь три года юный послушник был звонарем, потом трудился в хлебной, квасоварне, три года в просфорне и, наконец, проходил пономарскую должность.

Из Саровской пустыни Феодор поступил в Московский Симонов монастырь, где принял пострижение и новое имя Филарет, в 1786 году, 4 апреля, на двадцать пятом году своей жизни; а 8 мая 1787 года преосвященным Григорием, епископом Грузинским, рукоположен во иеродиакона. Во время пребывания в Симонове, он своими нравственными советами имел большое влияние на родную мать, находившуюся в Новодевичьем монастыре. Рассказывают, что он несколько раз приходил к ней в этот монастырь, когда она была еще послушницей, и убеждал ее постричься; но та, по своему смирению, сначала отклоняла его советы, почитая себя неспособной выполнить строгие иноческие правила. Когда же наконец она постриглась, Филарет однажды, Пришедши к ней, застал ее плачущей, и на вопрос: «О чем она плачет?» — услышал, что не может в точности исполнять всех своих обязанностей. Тогда Филарет ее утешал и обещался молиться за нее, чтобы Господь даровал ей Свою благодатную силу вынести все трудности и искушения.

В 1788 году Симонов монастырь был обращен в госпиталь, а отец Филарет, по воле митрополита Гавриила, вызван в Петербург как монах строгой жизни и помещен в число братства Александре-Невского монастыря. 21 мая 1789 года рукоположен митрополитом во иеромонаха.

В феврале 1791 года отец Филарет переведен в Новгородское в Москве подворье для священнослужения и управления. Но эта должность, сопряженная со многими житейскими заботами, не совсем отвечала его настроению; кроме того, была тягостна для него по причине слабого здоровья. В 1794 году, 7 июля, он уволен, по его прошению, от управления подворьем и в сентябре того же года определен в Новоспасский монастырь «на больницу», то есть исправлял чередное священнослужение в Николаевской больничной церкви. В отсутствие настоятеля принимал участие в управлении монастырем в качестве одного из членов учрежденного при монастыре духовного собора. Сверх того, он был закупщиком всей годовой для братии провизии и устроителем общей трапезы.

В 1798 году отец Филарет, как опытный в духовной жизни, архимандритом Иакинфом и всем братством избран в должность братского духовника. Но в следующем году по случаю болезни и крайнего изнеможения и слабости от всех должностей уволен и оставлен на больничном содержании.

С этого времени отец Филарет исключительно подвизался в молитве, в чтении книг священных и писаний святых отцов. Редко переступал он за ворота монастырской ограды; только в тихие летние вечера, когда умолкало

движение народа, выходил он с другом своим архимандритом Александром (в 1811 году был сделан архимандритом в Арзамасе) и еще отцом Михаилом, близким к нему по духу, на уединенную прогулку вокруг монастырских стен. Кроме этих лиц, отец Филарет имел по временам духовное общение со схимонахом Афанасием, по фамилии Захаровым, постриженником старца Паисия, когда тот из Флорищевой пустыни (Владимирская епархия) приезжал в Москву.

Проведя несколько лет в строгом безмолвии, отец Филарет остальную часть жизни своей, приблизительно с 1809-го или 1810 года, посвятил открытому служению ближним, предлагая назидательные советы и утешение всем того требовавшим, без различия лиц и состояний. Но деятельность его на этом поприще на некоторое время была прервана, по причине несчастных событий 1812 года. Перед нашествием французов на Москву (они вошли в столицу 2 сентября, оставили ее 11 октября), старец уезжал с семейством Н. И. Курманалеевой в ее поместье, находящееся в Вологодской губернии. Здесь, на закате солнца, он любил прогуливаться с племянником помещицы, нежно любимым ею, Г. С. Карновичем, тогда еще мальчиком. Зная, что в их подмосковном имении есть каменная гора, Филарет сказал однажды Карновичу: «Не забудь, когда вырастешь большой, поставить из твоей горы камушек на моей могилке, только простой». Воля смиренного старца была по его смерти исполнена во всей точности.

На пути в Вологодскую губернию и потом на обратном в Москву Филарет посетил Ростовский Яковлевский монастырь, где незадолго пред тем была похоронена его мать и где настоятельствовал его брат архимандрит Аполлинарий.

Вероятно, в это время и началась дружба старца Филарета со старцем Амфилохием, иеромонахом Яковлевского монастыря, который сорок лет предстоял раке святителя Димитрия и скончался в 1824 году.

По возвращении в Москву старец Филарет продолжал почти до самой кончины наставлять и помогать ближним. Нередко случалось, что от множества посетителей старец не имел времени ни для трапезы, ни для краткого отдыха, несмотря на мучительную болезнь (грыжа), от которой страдал.

Прозорливость старца была поразительная. Он отвечал прямо на мысль: иногда случалось, что кто-нибудь говорил ему совсем противное тому, что знал или чувствовал, а старец, как бы не слушая рассказа, отвечал прямо на внутреннее настроение этого человека. И тот приходил в страх и исповедовал истину. Исповеди, как таинства, он не совершал, но ему многие открывали свои грехи с тем, чтобы получить от него назидание и умиротворение совести. Подобно другим новейшим подвижникам

благочестия Филарет давал письменные ответы спрашивающим его заочно (писал крупными буквами).

Крестьянка графини Орловой-Чесменской в слезах рассказывала старцу Филарету, что ее сын, приказчик московского торговца (на Калужском рынке), посланный своим хозяином для собирания долгов, уже несколько недель пропал без вести. «Сядь, друг, — сказал ей старец, — полно плакать: твой сын не пропал, он находится в хорошем месте и скоро придет». Действительно, сын вскоре возвратился; вместо того, чтобы производить сбор денег, он попытался поступить в какой-нибудь из дальних монастырей, но без паспорта нигде не был принимаем и принужден возвратиться. Через несколько времени этот молодой приказчик, по внушению матери, пришел к старцу — испросить благословение на поступление в монастырь. Старец сказал: «В монастырь не долго благословить, но трудно жить в монастыре, ты не вынесешь. Погоди, дитя мое, погоди!»

Племянница генерала Л-на, Екатерина, приехала к отцу Филарету вместе со своим женихом. Старец, благословляя невесту, сказал тихо, что ее ждет жених лучший. Через три дня она сильно простудилась и умерла.

Известна встреча старцев Зосимы (Верховского) и Филарета. Отец Зосима, основавший в 1826 году близ Москвы Троице-Одигитриевскую пустынную обитель для своих учениц, последовавших за ним из Сибири, хотел уйти в Соловецкий монастырь и решил обратиться за советом к старцу Филарету. По пути в Новоспасский монастырь отец Зосима зашел в Иверскую часовню и усердно молился Богоматери, прося открыть ему волю Божию чрез старца Филарета. Войдя в его келью, отец Зосима смиренно поклонился старцу Филарету в ноги и рассказал все истинно и чистосердечно. Тот, не размышляя долго, решительно с твердостью сказал: «Бога ради не оставляй врученные тебе души, — возвратись», — и старец Зосима вернулся к сестрам.

Оптинский старец преподобный Макарий на обратном пути из Петербурга в Площанскую пустынь, где он первоначально подвизался, имел утешение (в октябре 1832 года) видеть отца Филарета. Духовная беседа и глубокий разум Новоспасского старца, проникнутые силою и светом благодати, и его любовь навсегда запечатлелись в сердечной памяти отца Макария, который, отчасти по его совету, перешел из Площанской в Оптину пустынь. В келье преподобного Макария висел портрет старца Филарета.

Благочестие старца было назидательно. Из-за множества посетителей, и особенно по своей болезни, он не мог бывать в храме за всякой службой, но раннюю литургию (в больничной церкви) слушал неопустительно всякий день; сам он с некоторого времени (лет за шестнадцать до смерти) не

совершал литургии, но причащался святых Тайн через каждые шесть недель, после внимательного приготовления и исповеди.

Благоговейный старец, несмотря на немощи, никогда не садился не только в храме не в обычное время, но и в келье, когда совершал монашеское правило.

Старанием старца Филарета были устроены серебряные ризы на местные иконы Успения Божией Матери в Преображенском соборе, Спасителя в Покровской церкви, Успения Божией Матери, святителя Николая в Николаевской больничной церкви. На всех этих ризах после смерти его вырезана внизу надпись: «О упокоении схииеромонаха Феодора».

Кроме молитвы, преимущественно келейной, старец Филарет любил ранним утром и поздним вечером заниматься чтением отеческих книг, которое сделалось для него еще более необходимым с той поры, как он стал ревновать о спасении ближних.

Начитанность отца Филарета была замечательная.

Иногда проводил целые ночи в бдении и богомыслии. Раз это было кем-то замечено и простосердечно высказано ему. Он отвечал: «Я не спал, ты за меня соснул».

Воздержание старца в пище было постоянное: он кушал только один раз в сутки, обыкновенно кашицу на простом бульоне, пил чашку чая с коркой белого хлеба. В иные дни (преимущественно в четверг) питался одной просфорой, принесенной из храма. В понедельник (в честь бесплотных сил), в среду и пяток каждой недели он непременно говел, исключая праздников, которые случались в эти дни; особенно строго проводил Великий пост. На первой неделе поста и на Страстной седмице, слабый, худощавый старец вовсе не принимал никакой пищи, разве только иногда по вечеру испивал немного теплой воды.

Прозорливый старец Филарет предвидел приближение своей кончины. «Пора и костям на покой, — говорил благодушный страдалец на одре болезни, — что определено Богом, того не избежишь».

В этот день он имел утешение принять лично благословение святителя Филарета. Старец, извещенный о прибытии архипастыря, заплакал от радости. 17-го числа он исповедался и приобщился святых Тайн. Наместнику монастыря, своему духовному отцу иеромонаху Филарету, а потом и настоятелю архимандриту Аполлосу объявил о себе, что в 1826 году он келейно пострижен в схиму иеромонахом Афонской горы Иннокентием, бывшим в Москве, и тогда же переименован Феодором. Отец Филарет с молитвой на устах мирно и тихо скончался 28 августа.

Могила старца находится на территории Новоспасского монастыря.

Преподобный Серафим Саровский (1759–1833)

Преподобный Серафим Саровский (в миру Прохор Мошнин) родился 19 июля 1754 года. Родители его, Исидор и Агафия, были жителями Курска: Исидор был купцом и брал подряды на строительство зданий, а в конце жизни начал постройку собора в Курске, но скончался до завершения работ. Младший сын Прохор остался на попечении матери, воспитавшей в сыне глубокую веру.

После смерти мужа Агафия Мошнина, продолжавшая постройку собора, взяла однажды туда с собой Прохора, который, оступившись, упал с колокольни вниз. Господь сохранил жизнь будущего светильника Церкви: испуганная мать, спустившись вниз, нашла сына невредимым.

Вскоре юный Прохор, обладая прекрасной памятью, выучился грамоте, и любимым его занятием стало чтение Священного Писания и житий святых. Особенно его привлекало богослужение.

Как-то Прохор тяжело заболел, жизнь его была в опасности. Во сне мальчик увидел Божию Матерь, обещавшую посетить и исцелить его. Вскоре через двор усадьбы Мошниных прошел крестный ход с Курской-Коренной иконой Знамения Пресвятой Богородицы; мать вынесла Прохора на руках, и он приложился к святой иконе, после чего стал быстро поправляться.

Еще в юности у Прохора созрело решение всецело посвятить жизнь Богу и уйти в монастырь. Благочестивая мать не препятствовала этому и благословила его на иноческий путь медным распятием, которое преподобный всю жизнь носил на груди. Прохор с паломниками отправился пешком из Курска в Киев на поклонение Печерским угодникам.

Преподобный старец Досифей, которого посетил Прохор, благословил его идти в Саровскую пустынь. Вернувшись ненадолго в родительский дом, Прохор навсегда простился с матерью и родными. 20 ноября 1778 года он пришел в Саров.

Настоятель монастыря, отец Пахомий, назначил ему в духовники старца Иосифа. Под его руководством Прохор проходил многие послушания: был келейником старца, трудился в хлебне, просфорне и столярне, нес обязанности пономаря.

В 1780 году его постигла тяжелая болезнь — водянка, и он лежал в безнадежном состоянии. Игумен хотел послать за врачом, но больной

повернулся к нему и сказал: «Я поручил себя истинному Врачу душ и телес — Господу и Его пречистой Матери. Если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством». После этого он исповедался и причастился святых Христовых Тайн. Много лет спустя, незадолго до своей смерти, рассказывал преподобный Серафим одному монаху, какое видение он получил после этого причастия. Пресвятая Дева Мария явилась ему в небесном свете; слева и справа от Нее стояли апостолы Петр и Иоанн. Божия Матерь повернулась к апостолу Иоанну и сказала: «Сей от рода нашего». При этом Она положила Свою десницу на его голову, а жезлом, который держала в левой руке, коснулась больного и тотчас из образовавшегося углубления на его правом боку начала вытекать вода, переполнявшая тело. Шрам от раны остался на всю жизнь.

Когда прошли первые восемь лет послушания, Прохор был пострижен в монахи и вскоре посвящен в иеродиакона. Игумен Пахомий, знавший о его пламенеющей вере, дал ему при постриге имя Серафим.

После посвящения в сан диакона преподобный почти каждый день участвовал в совершении Божественной службы. Оставшееся время он проводил в келье, стоя читал Священное Писание и святых отцов.

В это время ему было еще одно видение. За литургией Великого четверга, которую совершал игумен Пахомий, преподобный Серафим, как диакон, вышел на амвон и возгласил: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!» При этом он должен был, по уставу, навести орарем на присутствующих. Но вдруг выражение лица его изменилось, он был не в состоянии произнести ни слова. Все поняли, что он имел видение. Два иеродиакона взяли его под руки и ввели в алтарь.

Три часа отец Серафим был не в состоянии что-либо сказать. Когда речь вернулась к нему, он смиренно сообщил игумену: «После малого входа и паремий возгласил я, убогий, в царских вратах: „Господи, спаси благочестивыя и услыши ны“, — и навел на предстоящих орарем и возгласил: „И во веки веков“ — вдруг озарил меня луч как бы солнечного света. Взглянув на сияние, я увидел Господа Бога нашего Иисуса Христа во образе Сына Человеческого, в славе, сияющего неизреченным светом и окруженного, как бы роем пчелиным, небесными силами: ангелами, архангелами, херувимами и серафимами. От западных церковных врат Он шел по воздуху, остановился против амвона и, воздвигши Свои руки, благословил служащих и молящихся. Затем Он, вступив в местный образ Свой, что близ царских врат, преобразился… Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса Христа на воздухе, удостоился особенного от Него благословения. Сердце мое возрадовалось тогда чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу».

Епархиальный епископ Феофил, сам требовательный монах, зная о смиренном житии молодого монаха и заботясь о пользе церковной, посвятил его 2 сентября 1793 года во иеромонаха. Облеченный благодатью священства, преподобный Серафим продолжал прежнее аскетическое житие. После смерти престарелого игумена Пахомия преподобный Серафим решил перейти к отшельничеству, вне монастыря. В холодное зимнее утро в конце 1794 года преподобный Серафим оставил обитель и с трудом, через высокие снега, лесом пошел к маленькой хижине. Он ничего с собой не взял, кроме Евангелия и священных сосудов для литургии.

Отшельник был одет в белый балахончик; на ногах лапти и старая камилавка на голове. На груди носил он крест — благословение матери, а на спине мешок с камнями и Евангелием. На груди под рубахой он носил, кроме того, несколько железных крестов, которые вместе весили около двадцати фунтов, а на спине такие же кресты весом около восьми фунтов. Он был препоясан железным поясом. Зимою рубил он дрова в лесу для своей печки, но топил ее так, что келья едва нагревалась. Летом разводил огород, от плодов которого питался.

Занимаясь работой, преподобный Серафим молился, пел псалмы и тропари, которые знал наизусть. Особенно любил он догматик 1-го гласа «Всемирную славу» — песнь, прославляющую Пресвятую Богородицу, и антифон 1-го гласа «Пустынным непрестанное Божественное желание бывает, мира сущим суетнаго кроме». Ежедневно он прочитывал несколько глав из Евангелия и Посланий, а также аскетические писания святых отцов, просиявших в отшельничестве.

Но основным его занятием оставалась молитва.

На первой неделе Великого поста преподобный не вкушал никакой пищи; только по воскресеньям принимал он святое причастие и ел просфоры. Два года во время своего отшельничества он питался только одним растением, сниткой, летом — свежей, зимою — сушеной и сваренной в воде.

Иногда он рассказывал другим старцам о бесовских искушениях, которые посещали его среди ночи, когда он молился. Ему казалось, что стены хижины исчезали и дикие звери с рычанием нападали на него.

Когда таким способом не удалось изгнать подвижника из уединения, враг напал на него через злых людей. Осенним днем 1801 года преподобный рубил дрова в лесу. К нему подошли трое мужчин в крестьянской одежде и начали требовать от него денег. Они думали, что он много получает от приходящих к нему. Отец Серафим ответил, что у него ничего нет. Несмотря на то, что в руках преподобный Серафим держал топор и был достаточно силен, чтобы защититься, но он решил не сопротивляться и опустил топор на землю. Тогда один из пришедших ударил его обухом по голове. У старца полилась кровь изо рта и ушей, он упал. Избив старца и обыскав хижину, грабители ушли, ничего не найдя. До глубокой ночи лежал старец без сознания на земле. Рано утром он появился в монастыре, весь в крови. Через восемь дней, не видя улучшения, игумен послал за врачами. Пока они совещались, больной заснул. Во сне ему было снова видение Божией Матери и апостолов Петра и Иоанна. Небесная Царица повернулась к врачам и сказала: «Что вы трудитесь?» А потом обратилась к апостолам, сказав: «Сей от рода нашего!» И в это мгновение больной пробудился.

Он решительно отказался воспользоваться помощью врачей и сказал, что хочет отдать себя в руки Божии и Пресвятой Богородицы. Через четыре часа он почувствовал облегчение, поднялся и вкусил немного хлеба. Но избиение не прошло бесследно: подвижник навсегда остался сгорбленным и мог ходить, опираясь на посох.

Через пять месяцев старец вернулся в свою отшельническую келью. Прощаясь с игуменом, он просил, чтобы преступников не наказывали, иначе он навсегда покинет Саров.

Спустя год умер игумен монастыря. Братия просили преподобного Серафима принять игуменство. Но преподобный отклонил это избрание и наложил на себя новый аскетический подвиг — молчание.

Три года жил старец в совершенном молчании. Он ни с кем не говорил, даже с монахом, приносившим ему хлеб. Когда в лесу кто-нибудь к нему приближался, он падал ниц на землю.

Молчание, однако, было только ступенью к еще более высокому аскетическому подвигу. Вечером 8 мая 1810 года Серафим снова появился в обители и стоял за вечерним богослужением. На другой день — это был день святителя Николая Чудотворца — старец пришел к ранней литургии, причастился святых Христовых Тайн и получил благословение игумена. После этого он вернулся в свою монастырскую келью и там затворился. Так начал Серафим новый аскетический подвиг — затворничество.

Сперва он спал только в сидячем положении на деревянном полене. Позже — в сделанном своими руками гробе, который постоянно должен был напоминать ему о смерти. Тело его, как и прежде, было отягощено веригами; для того чтобы больше себя утомить, он перетаскивал дрова с одной стороны кельи на другую. Стоя или на коленях преподобный молился умом в сердце; часто читал он вслух Священное Писание: каждый день по евангелисту, апостольское Послание и Деяния святых апостолов. По воскресным и праздничным дням он причащался святых Христовых Тайн, которые ему по благословению игумена подавались через окошечко в двери после ранней литургии. Он никого не принимал. Когда епархиальный архиерей, обозревая Саровскую обитель, пришел к его келье, двери ее остались закрытыми и для него.

Пятнадцать с половиной лет продолжалось его затворничество, закончившееся 25 ноября 1825 года. Затем началось служение миру — старчество.

Внешний мир снова пришел с ним в соприкосновение; теперь старец принимал всех посетителей с равной любовью и вниманием. Бедный или богатый, крестьянин или дворянин, мужчина или женщина, приходившие к нему, — все бывали приняты с одинаковой приветливостью. Целыми днями беседуя с людьми, старец творил непрестанную умную молитву и тому же учил и посетителей: «В этом да будет все твое внимание и обучение: ходя и сидя и в церкви до богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно держи в устах и в сердце твоем. С призыванием таким образом имени Божия ты найдешь покой и вселится в тебя Святой Дух».

Часто после беседы старец полагал свою епитрахиль на голову посетителя, произносил разрешительную молитву и помазывал крестообразно его лоб маслом из постоянно горящей лампады пред

келейной иконой Божией Матери «Умиление», затем давал испить святой воды, целовал его на прощанье со словами: «Христос воскресе, радость моя!»

Особо заботился старец об устроении Дивеевской обители, попечение о которой вручила ему при своей кончине основательница обители Агафия Симеоновна Мельгунова, в монашестве Александра. Преподобный говорил, что все в Дивеево он делает только по указанию Божией Матери.

Последние восемь лет жизни преподобного Серафима, когда он старчествовал, были одним смиренным делом любви.

Уже утром, после ранней обедни, на которой старец Серафим причащался животворящих Христовых Тайн и набирался новых духовных сил, к его дверям собирались толпы посетителей. Многие потом рассказывали о своих беседах со старцем, дивясь его благодатной мудрости и прозорливости. Они говорили, что его слова производили в их душе полную перемену, что сердце и разум их, обычно находившиеся в борьбе, объединялись, и вообще вся их жизнь изменялась.

Более полустолетия подвизался святой для славы Божией. Ему было уже семьдесят два года. Его земные силы начали медленно угасать. Он сам еще за год до смерти почувствовал, что силы слабеют. Но дух его пылал непрестанной любовью к Богу. Старец чаще оставался в монастыре и только иногда едва доходил до своей лесной хижины. Однако другим больным он помогал очень охотно и исцелял многих из них.

Много раз он объявлял о приближающемся конце: «Я слабею силами, теперь живите одни». Оставшееся время он большей частью употребил для того, чтобы достойно предстать пред Лицом Бога. Многие часы проводил он в молитве. С сияющим лицом и воздетыми руками погружался он в молитву без слов. Его глаза были устремлены к другому миру.

За год и десять месяцев до своей кончины, в праздник Благовещения, преподобный Серафим еще раз сподобился явления Царицы Небесной в сопровождении Крестителя Господня Иоанна, апостола Иоанна Богослова и двенадцати дев, святых мучениц и преподобных. Пресвятая Дева долго беседовала с преподобным, поручая ему сестер Дивеевской обители. Закончив беседу, Она сказала ему: «Скоро, любимиче Мой, будешь с нами». При этом явлении, при дивном посещении Богоматери, присутствовала одна Дивеевская старица, по молитве за нее преподобного.

В первый день нового года, в воскресенье, преподобный Серафим последний раз присутствовал за Божественной литургией. В келье он весь день пел пасхальные песнопения. Три раза старец выходил к тому месту, которое предназначил для своей могилы. На следующее утро, незадолго до ранней литургии, нашли его в келье пред иконой Божией Матери

«Умиление» лежащим со скрещенными на груди руками и светлым лицом. Глаза старца были закрыты, как будто он был погружен в молитву. Святой Серафим вошел в вечную жизнь.

Мощи преподобного Серафима сейчас пребывают, как он и предсказал, в Дивеевском монастыре.

Духовные наставления

◊ Укоряеми — благословляйте, гоними — терпите, хулими — утешайтесь, злословими — радуйтесь! Вот наш путь с тобою, и претерпевший до конца той спасется!

◊ Держитесь тех добродетелей, которые будут поминаться на страшном суде Божием, по святому Евангелию: «взалках и дасте Ми ясти, возжадах и напоисте Мя, наг бех и одеясте Мя» — вот в чем ваше спасение, и еще приложите чистоту, храните среды и пятки, и праздничные, и воскресные дни.

За нехранение чистоты, за несоблюдение среды и пятка супругами дети родятся мертвыми, а за нехранение праздников и воскресных дней жены умирают родами.

◊ Преподобный Серафим говорил, что очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочитать всю Библию разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостью, но исполнит его дара разумения.

◊ В своих наставлениях преподобный Серафим всегда говорил, что «хотя все старание надо иметь о душе, тело же подкреплять для того только, чтобы оно способствовало к подкреплению духа, но если самовольно изнурим свое тело до того, что изнуриться и дух, то такое удручение будет безрассудное, хотя бы это делалось для снискания добродетели».

◊ «Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами», — говорил преподобный старец Серафим.

◊ Преподобный Серафим сказал, что монастырь есть место для высшего духовного совершенствования, то есть для людей, которые желают исполнять заповедь: «Если хочешь быть совершенным, оставь все и следуй за Мной». Но исполнение всех остальных, сказанных Господом, заповедей есть, однако, обязанность для всех христиан, так что, другими словами, прохождение духовной жизни обязательно и для монаха, и для семейного христианина.

Разница в степени совершенствования, которое может быть и большим, и малым.

— И мы можем, — прибавлял преподобный Серафим, — проходить духовную жизнь, да сами не хотим! Духовная же жизнь есть приобретение христианином Святого Духа Божиего, и она начинается только с того времени, когда Господь Бог Дух Святой, хотя вмале и кратко, начинает посещать человека. До этого времени христианин (будь то монах, будь

мирской человек) проводит жизнь общехристианскую, но не духовную; проводящих же духовную жизнь людей мало.

◊ Вериг и власяницы преподобный Серафим не носил и другим не советовал надевать их. «Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски — вот и вериги наши, вот и власяница! Эти духовные вериги и власяница выше железных, которые надевают на себя нынешние люди. Правда, многие из святых отцов носили и власяницу, и железные вериги, но они были мужие мудрые, совершенные, и все это делали из любви Божией, для совершенного умерщвления плоти и страстей и для покорения их духу. Таковы были из наших русских православных святых: преподобные Феодосий Печерский, Феодосий Тотемский, Василий блаженный и другие. Но мы еще младенцы, и страсти все еще царствуют в нашем теле и противятся воле и закону Божию. Так что же будет в том, что мы наденем и вериги, и власяницу, а будем спать, пить и есть столько, сколько душе хочется? Мы не можем и самомалейшего оскорбления от брата перенести великодушно. От начальнического же слова и выговора впадаем в совершенное уныние и отчаяние, так что и в другой монастырь выходим мыслию, и с завистью указывая на других из своих собратий, которые в милости и доверенности у начальника, принимаем все его распоряжения за обиду, за невнимание и недоброжелательство к себе. Как, стало быть, мало или вовсе нет в нас никакого фундамента к монашеской жизни! И все это оттого, что мы мало о ней рассуждаем и ей внимаем. Можно ли же в таком состоянии духа и жизни покушаться на подвиг, свойственный мудрым и совершенным отцам, носить вериги и власяницу?»

◊ Преподобный говорил, что все святые, которых прославляет Церковь Христова, оставили нам по своем успении жизнь свою, как пример для подражания, и что все они были нам подобострастны, но, исполнением в точности от всей души заповедей Христовых, достигли совершенства и спасения, обрели благодать, сподобились разнообразных даров Духа Святого и наследовали Царство небесное, а пред ним вся слава мира сего, как ничто, все наслаждения мирские и тени не имеют того, что уготовано любящим Бога в небесных обителях: там вечная радость и торжество.

Для того же, чтобы дать духу нашему свободу возноситься туда и питаться от сладчайшей беседы с Господом, нужно смирять себя непрестанным бдением, молитвою и памятованием Господа.

«Вот, я, убогий Серафим, для сего прохожу Евангелие ежедневно. Понедельник читаю от Матфея от начала до конца, во вторник от Марка, в среду от Луки, в четверг от Иоанна; в последние же дни разделяю Деяния и Послания апостольские и ни одного дня не пропускаю, чтобы не прочитать Евангелия и Апостола дневного и святому. Чрез это не только душа моя, но

и само тело услаждается и оживотворяется от того, что я беседую с Господом, содержу в памяти моей жизнь и страдания Его, день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Искупителя моего за все Его милости, изливаемые к роду человеческому и ко мне недостойному».

◊ Преподобный сказал: «Радость моя! Молю тебя, стяжи мирный дух, и тогда тысячи душ спасутся около тебя», а это, по объяснению преподобного, значит прийти в такое состояние, в котором «надобно быть подобно мертвому или слепому, при всех скорбях, клеветах, гонениях и поношениях».

◊ Ах, если бы ты знал, какая радость, какая сладость ожидают душу праведного на небеса, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением, и если бы самая эта келия наша (при этом он указал на свою келию) была полна червей, и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания; там сладость и радость неизглаголанные; там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам батюшка святой апостол Павел (см.: 2 Кор. 12, 4), то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения, в котором водворятся праведных души?

◊ Страшно читать слова Спасителя, где Он творит праведный суд свой нераскаянным грешникам: «идут сии в муку вечную» (Мф. 25, 46), «идеже червь их не умирает, и огонь не угасает» (Мк. 9, 46–48), «ту будет плач и скрежет зубов» (Мф. 8, 12). Если этих мучений боится и трепещет сам сатана, то в каком состоянии, в каком ужасе будут нераскаянные грешники. И «если праведник едва спасется, нечестивый и грешный где явится?» (1 Пет. 4, 18).

Тем, которые заглушали свою совесть и ходили в похотях сердец своих, там, в ожидающем их аде, нет никакого помилования. Нет там милости не сотворившим здесь милости. Они услышат тогда Евангельские слова: «помяни, чадо, яко восприял еси благая в животе твоем» (Лк. 16, 25). В здешней, временной жизни еще может виновник как-нибудь отговориться от наказаний чрез случай или друзей; а там одно из двух: или «придите», или «отыдите»! Уста Божии, как меч обоюдоострый, в тот страшный миг решат все, и уже не будет возврата. Праведники наследуют обители небесные, а грешники идут «в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его».

◊ Преподобный Серафим советовал всегда иметь память о Боге и для сего непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. «В

этом да будет, — говорил он, — все твое внимание и обучение! Хотя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоем. С призыванием, таким образом, имени Божия ты найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и телесной, и вселится в тебя Святой Дух, источник всех благ, и управит Он тебя во святыне, во всяком благочестии и чистоте».

◊ Другое из частых наставлений преподобного Серафима было это: «Ради будущего блаженства стяжите целомудрие, храните девство. Дева, хранящая свое девство ради любви Христовой, имать честь со ангелами и есть невеста Христу: Христос есть жених ей, вводящий ее в Свой чертог небесный. Всякая человеческая душа есть дева; душа же, во грехах пребывающая, вдова нерадивая, в сластолюбии заживо умершая».

◊ Многие, приходя к преподобному Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это по безграмотности, другие — по недосугу. Преподобный Серафим завещал таким людям следующее молитвенное правило:

«Вставши от сна, всякий христианин, став пред святыми иконами, пусть прочитает молитву Господню: „Отче наш“ трижды, в честь Пресвятой Троицы, потом песнь Богородице: „Богородице Дево, радуйся“ — также трижды, и наконец символ веры: „Верую во единаго Бога“ — единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома, или на пути куда-нибудь, пусть читает тихо: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго или грешную“, а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только это: „Господи, помилуй“, и продолжай до обеда.

Пред самым же обедом пусть совершает вышепоказанное утреннее правило.

После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает также тихо: „Пресвятая Богородице, спаси мя, грешнаго“, и это пусть продолжает до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: „Господи, Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя, грешнаго или грешную“.

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает вышепоказанное утреннее правило, то есть трижды „Отче наш“, трижды „Богородице“ и однажды символ веры. После того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением».

Относительно достоинства этого малого правила преподобный Серафим толковал, что, «держась его, можно достигнуть меры христианского совершенства; ибо означенные три молитвы — основание христианства: первая — как молитва, данная Самим Господом, есть образец всех молитв; вторая — принесена с неба Архангелом в приветствие Деве Марии, Матери Господа. Символ же вкратце содержит в себе все спасительные догматы христианской веры».

Если кому невозможно выполнить, как бы следовало, и этого малого правила по обстоятельствам благословным, то старец советовал читать его во всяком положении: и во время занятий, и на ходьбе, и даже на постели, помня слова Господа: «всякий, кто только призывает имя Господне, спасется» (Иоил. 2, 32; Рим. 10, 13).

А кто располагает временем больше, чем какое требуется на это правило и, вдобавок, он человек грамотный, тот пусть к этому присоединит и другие душеполезные молитвословия и чтения, как то: чтение нескольких зачал из святого Евангелия и Апостола, чтение канонов, акафистов, псалмов и разных других молитв. Читая же, пусть благодарит он Господа со всяким смирением и за то, что имел время принести Ему в жертву и еще нечто из священных плодов. Таким путем христианин мало-помалу может подниматься на верх христианских добродетелей.

◊ Искушения диавола подобны паутине; что только стоит дунуть на нее — и она истребляется; что так-то и на врага — дьявола, стоит только оградить себя крестным знамением — и все козни его исчезают совершенно.

◊ Все святые подлежали искушениям, но, подобно золоту, которое, чем более может лежать в огне, тем становится чище, и святые от искушений делались искуснее, терпением умилостивляли правосудие Творца и приближались ко Христу, во имя и за любовь Которого они терпели.

◊ Тесным путем надлежит нам, по слову Спасителя, войти в Царствие Божие.

◊ Великое средство ко спасению — вера, особливо непрестанная сердечная молитва; пример нам святой Моисей пророк. Он, ходя в полках, безмолвно молился сердцем, и Господь сказал Моисею: «Моисее, Моисее, что вопиеши ко Мне?» Когда же Моисей воздвигал руки свои на молитву, тогда побеждал Амалика… Вот что есть молитва! Это непобедимая победа! Святой пророк Даниил говорит: «Лучше мне умереть, нежели оставить молитву на мгновение ока»; молитвою пророк Даниил заградил уста львов, а три отрока угасили печь огненную.

◊ Одному Саровскому брату подумалось, что уже близок конец мира, что наступает великий день второго пришествия Господня. Вот он и

спрашивает об этом мнения преподобного Серафима, который смиренно отвечал:

«Радость моя! Ты много думаешь о Серафиме убогом. Мне ли знать, когда будет конец миру сему и наступит великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его? Нет, сего мне знать невозможно.

Господь сказал Своими пречистыми устами: „О дне том и часе никтоже весть: ни ангели небеснии, токмо Отец Мой един. Яко же бысть во дни Ноевы, тако будет и пришествие Сына Человеческого. Яко же бо бяху во дни прежде потопа: ядуще и пиюще, женящеся и посягающе, донележе вниде Ное в ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческого“ (Мф. 24, 36–39)».

При этом преподобный тяжко вздохнул и сказал: «Мы, на земле живущие, много заблудили от пути спасительного; прогневляем Господа и нехранением святых постов; ныне всякий пост, среды и пятницы не сохраняют, а Церковь имеет правило: нехранящие святых постов всего лета среды и пятницы много грешат. Но не до конца прогневается Господь, паки помилует. У нас вера православная, Церковь, не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна, и непреоборима, имущая веру и благочестие в щит и во броню правду: сих врата адова не одолеют».

◊ Время, которое преподобному Серафиму оставалось от сна и занятий с приходящими, он проводил в молитве. Совершая молитвенное правило со всей точностью и усердием за спасение своей души, он был в то же время великим молитвенником и ходатаем пред Богом за всех живых и усопших православных христиан. Для этого, при чтении Псалтири, на каждой кафизме он неопустительно произносил от всего сердца следующие молитвы:

1. За живых. «Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычествия Твоего православно живущия: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами и меня, окаяннаго, помилуй».

2. За усопших. «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: праотец, отец и братий наших, здесь лежащих, и повсюду православных христиан преставльшихся; подаждь им, Господи, Царствие и причастие Твоея бесконечные и блаженные жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение вольное же и невольное».

◊ В молитве за усопших и живых особенное значение имели восковые свечи, горевшие в его келии пред святынею. Это объяснил в ноябре 1831

года сам старец преподобный Серафим в беседе с Н. А. Мотовиловым.

«Вы хотите знать, ваше боголюбие, для чего я зажигаю так много лампад и свеч пред святыми иконами Божиими? Это вот для чего. Я имею, как и вам известно, многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих мельничным сиротам моим. Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала единожды. А так как, по множеству имен, я не смогу повторять их на каждом месте правила, где следует, тогда и времени мне недостало бы на совершение моего правила, то я и ставлю все эти свечи за них в жертву Богу и, где следует на правиле поминать их, говорю: „Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свечи и кандила“ (то есть лампады). А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка, или так, простое мое усердие, ни на чем Божественном не основанное, то и приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: „Моисее, Моисее! Рцы брату твоему Аарону, да возжигает предо Мною кандилы во дни и в нощи: сия бо угодна есть предо Мною и жертва благоприятна Ми есть“. Так вот, ваше боголюбие, почему святая Церковь Божия прияла в обычай возжигать во святых храмах и в домах верных христиан кандила, или лампады, пред святыми иконами Господа, Божией Матери, святых ангелов и святых человеков, Богу благоугодивших».

◊ «Кто помнит, — говорил преподобный Серафим, — что нужно работать Господу со страхом и радоваться Ему с трепетом, тот внимает всему, что поется или читается в церкви, в особенности из священного Евангелия, которое есть пластырь на всякий струп греховный».

◊ Если бы мы океан наполнили нашими слезами, то и тогда не могли бы удовлетворить Господа за то, что Он изливает на нас туне, питая нас пречистою Своею Плотию и Кровию, которые нас омывают, очищают, оживотворяют и воскрешают. Итак, приступи без сомнения и не смущайся; только веруй, что это есть истинное Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, которая дается во исцеление всех наших грехов.

◊ Учить так легко, как с нашего собора бросать на землю камушки, а проходить делом то, чему учишь, все равно как бы самому носить камушки на верх этого собора. Так вот какая разница между ученым и учительством.

◊ Благоговейно причащающийся святых Тайн, и не однажды в год, будет спасен, благополучен и на самой земле долговечен. Помните слова апостольские: «всегда радуйтеся, непрестанно молитеся, о всем благодарите» (1 Сол. 5, 16–18). При таком блаженном и мирном состоянии души, верую, что, по великой благости Божией, ознаменуется благодать и на

роде причащающегося. Пред Господом один творящий волю Его — паче тьмы беззаконных.

◊ Если человек не имеет вовсе никакого попечения о себе ради любви к Богу и дел добродетели, зная, что Бог печется о нем, — таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек сам печется о своих делах, и обращается с молитвою к Богу тогда только, когда уже постигают его неизбежные беды, и в собственных силах не видит он средств к отвращению их и начинает надеяться на помощь Божию, — такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого Царствия Божия, и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет.

◊ Не должно без нужды другому открывать сердца своего; из тысячи можно найти только одного, который бы сохранил твою тайну.

Когда мы сами не сохраняем ее в себе, то как можем надеяться, что может она быть сохранена другим?

С человеком душевным надобно говорить о человеческих вещах; с человеком же, имущим разум духовный, надобно говорить о небесных.

Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно; особенно когда в них не примечается и желания к слушанию.

◊ Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

Особенно же должно хранить себя от обращения с женским полом: ибо, как восковая свеча, хотя и незажженная, но поставленная между зажженными, растаевает, так и сердце инока от собеседования с женским полом неприметно расслабевает, о чем и святой Исидор Пелусиот изъясняет так: если (глаголющу Писанию) кия беседы злыя тлят обычаи благи, то беседа с женами, если и добра будет, обаче сильна есть растлити внутреннего человека тайно помыслы скверными и, чисту сущу телу, пребудет душа осквернена. Что бо твердее есть камене? Что же воды мягчае? Обаче всегдашнее прилежание и естество побеждает. Если убо естество, едва подвижимое, подвизается, и от тоя вещи, юже имать ни во чтоже, страждет и умаляется, то како воля человеческая, яже есть удобь колеблема, от обыкновения долгаго не будет побеждена и превращена? (Исидор Пелусиот, письмо 284, и Четьи-Минеи в житии его февр. 4).

А потому для сохранения внутреннего человека надобно стараться удерживать язык от многословия: «муж бо мудр безмолвие водит» (Притч. 11, 12), и «иже хранит свои уста, соблюдает свою душу» (Притч. 13, 3).

◊ Не выслушав прежде от кого-либо о каком-либо предмете, отвечать не должно: «иже отвещает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение» (Притч. 18, 13).

◊ В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами во внутреннем внимании; открывать же очи разве тогда, когда уныешь или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи обращать должно на образ и на горящую пред ним свечу.

Если в молитве случится плениться умом в расхищение мыслей, тогда должно смириться пред Господом Богом и просить прощения, говоря: Согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствы.

◊ Тело есть раб, душа — царица, а потому сие есть милосердие Господне, когда тело изнуряется болезнями: ибо от сего ослабевают страсти и человек приходит в себя; да и сама болезнь телесная рождается иногда от страстей.

◊ Творить милостыню должны мы с душевным благорасположением, по учению святого Исаака Сирина (Слово 89): если даси что требующему, да предварит даяние твое веселие лица твоего, и словесы благими утешай скорбь его.

◊ С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видом оскорбления.

Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце прикладывается как бы камень.

Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить любовным словом.

Брату грешащему, покрой его, как советует святой Исаак Сирин (Слово 89): простри ризу твою на согрешающем и покрой его.

◊ Не должно входить в дела начальнические и судить оные; сим оскорбляется величество Божие, от Коего власти поставляются; ибо «несть власть не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть» (Рим. 13, 1).

Беседа преподобного Серафима с Богдановым

В день Рождества Христова 1832 года Богданов удостоился видеть преподобного Серафима в Саровской пустыни.

«Я, — говорит Богданов, — пришел в больничную церковь к ранней обедне еще до начатия службы и увидел, что отец Серафим сидел на правом клиросе, на полу.

Я подошел к нему тотчас под благословение, и он, благословивши меня, поспешно ушел в алтарь, отвечая на мою просьбу побеседовать с ним: «После, после».

По окончании же обедни я осмелился попросить его о назначении мне времени для выслушивания от него спасительных советов.

Старец на то отвечал мне так: „Два дня праздника. Времени не надо назначать. Святый апостол Иаков, брат Божий, поучает нас: если Господь восхищает и живы будем, сотворим сие и сие".

Наконец, приготовивши заблаговременно вопросы, которые хотел я предложить старцу, я пришел к нему в келию.

Я спросил его: „Продолжать ли мне мою службу или жить в деревне?"

Отец Серафим отвечал: „Ты еще молод, служи".

„Но служба моя нехороша", — возразил я.

„Это от твоей воли, — отвечал старец. — Добро делай; путь Господень, все равно! Враг везде с тобой будет. Кто приобщается — везде спасен будет: а кто не приобщается — не мню. Где господин, там и слуга будет. Смиряй себя, мир сохраняй, ни за что не злобься".

Я спросил еще: „Благополучно ли кончится мое дело?"

Старец отвечал: „Надобно полюбовно разделиться с родными, у кого есть что разделить. Было у двух родных братьев два озера; у одного все множилось, а у другого нет. Тот и хотел завладеть войною. Одному нивы надобно двенадцать сажень, а другому более. Не пожелай".

После того я спросил: „Учить ли детей языкам и прочим наукам?" И он отвечал: „Что же худого знать что-нибудь?"

Я же, грешный, подумал, рассуждая по-мирскому, что нужно, впрочем, ему самому быть ученым, чтобы отвечать на это, и тотчас же услышал от прозорливого старца обличение: „Где мне, младенцу, отвечать на это против твоего разума? Спроси кого поумней".

Вечером, когда я пришел к нему, первым его словом было: „Беседу лучше оставить. За каждое праздное слово воздадим Богу ответ".

Но я умолил его продолжить спасительную беседу и предложил ему следующий вопрос: скрывание дел, предпринятых во имя Господне, в случае, когда знаешь, что получишь за них скорее осмеяние, нежели похвалу, не похоже ли на отвержение Петра? И что делать при противоречиях?

Старец на это отвечал мне так: „Святой апостол Павел в послании к Тимофею говорит: пей вино вместо воды; а вслед за сим следует: не упивайся вином. На это надо разум. Не воструби; а где нужно, не премолчи“.

Я спросил еще, что прикажет он мне читать? И получил ответ: „Евангелие по 4 зачала в день: каждого евангелиста по зачалу, и еще жизнь Иова. Хотя жена и говорила ему: лучше умереть, а он все терпел и спасся. Да не забывай дары посылать обидевшим тебя“.

На вопросы мои, должно ли лечиться в болезнях, и как вообще проводить жизнь, он отвечал: „Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя. Иди средним путем; выше сил не берись — упадешь, и враг посмеется тебе; если юн сый, удержись. Однажды диавол предложил праведнику прыгнуть в яму. Тот было согласился, но Григорий Богослов удержал его.

Вот что делай: укоряют — не укоряй; гонят — терпи; покоряй волю свою воле Господней; никогда не льсти; познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это; люби ближнего твоего; ближний твой — плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу, и плоть погубишь; а если по Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти или и далее, кого Бог позовет".

Последние слова отца Серафима относились к желанию моему отправиться на богомолье в Киев и далее, если благословит. Впрочем, я не открыл ему еще этого желания, и отец Серафим узнал о нем единственно по дару прозрения, которое имел он по благодати Божией.

После того я спросил старца: „Обязан ли человек, для поддержания своего звания, вовлекаться в издержки, превышающие его достатки и не составляющие у людей необходимости? “

Он отвечал: „Кто как может; но лучше, чем Бог послал. Хлеба и воды довольно для человека. Так было и до потопа“.

Еще спросил я: „Должно ли угождение людям простираться и на те случаи, которые несогласны с волею Божьей, например праздно проводить время и тому подобное?“

На это отец Серафим возразил: „За эту любовь многие погибли: если кто не творит добра, тот и согрешает. Надобно любить всех, а больше всего Бога".

Я попросил его помолиться обо мне. Он отвечал: „За всех молюсь всякий день. Устрой мир душевный, чтобы никого не огорчать и ни на кого не огорчаться: тогда Бог даст слезы раскаяния“, и опять подтвердил: „Укоряют — не укоряй" и так далее.

На вопрос мой: как сохранить нравственность людей, мне подчиненных, и не противны ли Богу законные, по-видимому, наказания, он отвечал: „Милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напой, накорми, будь справедлив. Господь терпит; Бог знает, может быть, и еще протерпит долго. Ты так делай: если Бог прощает — и ты прощай. Сохрани мир душевный, чтобы в семействе у вас ни за что не было ссоры; тогда благо будет".

Я спросил старца: нужно ли молиться Богу об избавлении от опасных случаев?

Старец отвечал: „В Евангелии сказано: молящееся не лишше глаголите: весть об Отец ваш, их же требуете, прежде прошения вашего. Сице убо молитеся вы: Отче наш, и прочее, тут благодать Господня. Не забывай праздничных дней: будь воздержен, ходи в церковь, разве немощи когда; молись за всех, много этим добра сделаешь; давай свечи, вино и елей в церковь: милостыня много тебе блага сделает“.

Когда я спросил о посте и браке, старец сказал:

„Царство Божие не брашно и питие, но правда, мир и радость о Дусе Святе; только не надобно ничего суетного желать, а все Божие хорошо: и девство славно, и посты нужны для побеждения врагов телесных и душевных. И брак благословен Богом: и благослови их Бог, глаголя: раститеся и множитеся: только враг смущает все“.

Я спросил его: можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна и врачи приказывают есть скоромное?

Старец отвечал: „Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по сто лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих. А что Церковь положила на семи Вселенских соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит к сему или убавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением, и про жезл Моисея, которым Бог из камня извел воду? Какая польза человеку, если мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? Господь призывает нас: приидите ко Мне, вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть, да мы сами не хотим“.

Чем, спросил я, истребить гордость и приобресть смирение?

Он отвечал: „Молчанием. Бог сказал Исаии: на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих“.

Касательно духовной гордости он прибавил еще: „Проси Бога, чтобы Он продлил лета твои. Этого без труда не сделаешь. Молчанием же большие грехи побеждаются“.

Прощаясь со мною, он благодарил меня за посещение его убожества, как сам он выразил. Благословляя же, хотел даже поцеловать мою руку, кланялся мне все до земли и, наделяя сухарями, приказывал разделить их с моими подчиненными и, наконец, отпуская, сказал: „Гряди с Богом! Это сухари свежие: только что из печки“».

Из беседы преподобного Серафима с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божиего.

Пост же, и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святого Духа Божиего.

Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святого Духа.

Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «Всяк, иже не собирает со Мною, той расточает». Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: «Во всяком языце бояйся Бога и делаяй правду приятен Ему есть». И, как видим из последовательности священного повествования, этот «делаяй правду» до того приятен Богу, что Корнилию сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился ангел Господень во время молитвы его и сказал: «Пошли во Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящеши Петра, и той ти речет глаголы живота вечнаго, в них спасешися ты и весь дом твой».

Итак, Господь все Свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни пакибытия.

Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, пришедшего «в мир грешныя спасти», и приобретением себе благодати Духа Святого, вводящего в сердца наши Царствие Божие и прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века.

Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело.

Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит: «Многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: первая воля Божия, всесовершенная и всеспасительная; вторая собственная своя, человеческая, то есть если не пагубная, то и не спасительная, и третья бесовская — вполне пагубная».

И вот эта-то третья, вражеская, воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа.

Вторая — собственная воля наша — научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то и, как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую.

Первая же — воля Божия и всеспасительная — в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святого как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно олениться не могущего.

Вот почему сказано: «Бдите и молитеся, да не внидете в напасть», то есть да не лишитеся Духа Божия, ибо бдение и молитва приносит нам благодать Его.

Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святого, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет или случая сыскать не можно.

А до молитвы уже это никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому, и бедному, и знатному, и простому, и сильному, и слабому, и здоровому, и больному, и праведнику, и грешнику.

Стяжевайте благодать Духа Святого и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают.

Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение, бдите и молитесь; много дает Духа Божиего пост, поститесь; более дает милостыня, милостыню творите, и, таким образом, о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы, бывало, торговали

товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и, как в торговом деле, не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать.

Хотя апостол и говорит: «Непрестанно молитися», но да ведь, как помните, и прибавляет: «Хочу лучше пять словес рещи умом, нежели тысящи языком». И Господь говорит: «Не всяк, глаголяй Ми: Господи, Господи! спасется, но творяй волю Отца Моего», то есть делающий дело Божие и притом с благоговением, ибо «проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением».

У Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святого. Господь ищет сердца, преисполненные любовью к Богу и ближнему, — вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое! — говорит Он, — а все прочее Я Сам приложу тебе», ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие.

Господь заповедует ученикам Своим: «Веруяй в Мя дела не точию яже Аз творю, но и больше сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просисте ничесоже во имя Мое, ныне же просите и приимете…» Так-то, ваше боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все восприимете, лишь бы только то было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «Вся, яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе».

Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились.

Но если бы даже и для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его: «благ Господь всяческим», щедрит же и дает и непризывающим имени Его, и «щедроты Его во всех делах Его», волю же «боящихся Его сотворит и молитву их услышит», и «весь совет их исполнит», «исполнит Господь вся прошения твоя».

Однако опасайтесь, ваше боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, однако взыщет, зачем

тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Преподобный Марк Саровский (1733–1817)

Преподобный Марк подвизался в Саровской пустыни одновременно с отцом Серафимом. В старых жизнеописаниях его называют «другом и земляком» преподобного Серафима Саровского.

Схимонах Марк родился, как и преподобный Серафим, в городе Курске, тоже в купеческой семье. Во святом крещении назван он Михаилом.

С детства он чувствовал призвание к духовной жизни, к уединению и подвигам пустынножительства. Ему было одно духовное видение, и это видение побудило его окончательно оставить мир и служить Богу, готовясь к страшному суду Христову. В чем состояло это видение — осталось неизвестным. Но на молодую душу Михаила это видение, бывшее в состоянии среднем между сном и бодрствованием, подействовало так, что до конца его жизни день страшного суда постоянно стоял как бы живым в его памяти.

На двадцать четвертом году от рождения он пришел в Саровскую пустынь, которую выбрал по ее удаленности от мира, и в 1778 году пострижен строителем Пахомием в иночество с именем Мефодия, а в 1811 году — в схиму с именем Марка.

Еще в первые годы иноческой жизни он по временам принимал вид юродства.

Юродство есть один из самых тяжких путей спасения, есть всецелое распинание себя во имя Христа. Юродивый подвергает себя постоянным поруганиям, презрению и ударам, голоду, жажде, зною, всем лишениям бесприютной жизни. Принимая на себя личину малоумного, странного человека, истинный юродивый полон высокой мудрости, в поступках, с виду низких, сохраняет дух возвышенный, непрестанно осмеиваемый миром, полон величайшей любви к человечеству, а в бесстрашных обличениях своих имеет в виду назидание и спасение ближних.

Такой путь избрал себе и преподобный Марк.

Его одежда, многошвенная и часто ветхая, необыкновенная молчаливость, иногда употребление не вовремя пищи пред братиею и посторонними, отрывочность и непонятность речи — казались странными окружающим. Осуждения их он принимал благодушно. Задумав удалиться из обители, ушел в дремучий лес, окружающий Саров. Так исполнял он мудрое слово преподобного Ефрема Сирина: «Кто хочет быть монахом и не переносит оскорбления, уничижения и ущерба, тому монахом не бывать».

В лесу старец Марк не имел постоянного пристанища. То он ютился в пещерах, оставленных зверями, то в шалашах, которые сам устраивал из хвороста. Иногда же постелью служила ему голая земля, а крышей — небо. Так жил он довольно долгое время. Наконец, братия, видя чрезвычайное терпение его в этой отреченной жизни, поняли, что его юродство есть дело великой благодати Божией, и стали питать к нему большое уважение. Особенно возросло это уважение с тех пор, как за старцем Марком стали замечать некоторую прозорливость. Часто его отрывочные слова, с виду ничего не значившие, касались внутреннего устроения говоривших с ним лиц. Другие же его слова, казавшиеся ни с чем не сообразными, оправдывались впоследствии точными событиями. Но и, освободясь от насмешек братии, старец Марк не остался в монастыре. Хотя ему там отвели келью, он, увлекаемый жаждой пустынной и безмолвной жизни, удалился, по благословению строителя Пахомия, на совершенное безмолвие в лес, принадлежавший пустыни.

Придя в лес с тем, чтоб всегда остаться там, он сперва, как и прежде, не имел постоянного жилища и укрывался то в пещерах, то в шалашиках, то в маленьких келийках, которые едва защищали от холода и которые он сам

себе устраивал в лесу в разных местах. Впоследствии для него была устроена деревянная теплая келья в одной версте от обители. Здесь он принимал приходящую к нему братию и посторонних посетителей, искавших его наставлений.

Но теплая келья была единственным послаблением, какое позволил себе подвижник. Сюда укрывался он только, чтоб согреться и принять пищу, и все почти время проводил или на открытом воздухе, или в прежних убежищах своих.

Летом и зимой одеждой ему служили многошвенные ветхие рубища, во исполнение слов преподобного Исаака Сирина: «Возлюби убожеские ризы в одеянии твоем, дабы уничтожить возникающие в тебе помышления. Ибо любящий блеск не может стяжать смиренного помышления, потому что сердце внутри принимает образ, подобный внешним образам». Он носил на теле тяжелые вериги; никогда не разбирал кушанья, вкусно ли оно или не вкусно, свежо или гнило. Не дозволяя никому служить себе, он до глубокой старости сам ходил за пищей в обитель, сам ходил и за водой, хотя многие желали бы служить ему.

Нестяжательность его была так велика, что у него не было ничего, кроме ветхого рубища, вериг, рогожины, тыквенного кувшина для воды и пищи и немногих инструментов для ручной работы. Кроме восковых свеч, он ни от кого ничего не принимал. Он говорил: «У меня нужное все есть, а лишнее никогда не полезно».

Кто-то спросил его: «Батюшка, как ты не имеешь в келье своей даже самого нужного?» Он отвечал на это: «Я тридцать лет так веду себя, следуя словам Христа: „Иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик“. Ни в чем ином богатство монаха, как говорит о том преподобный Ефрем Сирин, как в утешении, сотворшемся от плача».

Некоторые просили его принять от них денег для раздачи нуждающимся. Он отвечал: «Это не мое призвание, а дело мирян. Отшельники должны быть свободны от мысли о внешних вещах и хранить свой ум в молитве».

Молчание его простиралось до того, что из братии он беседовал не более как с пятью человеками, с прочими же не говорил.

Если кто посещал его, он выходил тогда из кельи, имея на груди образ Богоматери с Предвечным Младенцем, который и давал целовать посетителям.

Советов, наставлений никому не давал. Он следовал тут словам Исаака Сирина: «Пусть лучше признают тебя невеждою по малому твоему сведению в том, как вести споры, нежели мудрым по бесстыдству. Учащих противному обличай силою добродетелей твоих, а не убедительностью слов.

Кротостью и тихостью уст своих заграждай уста и заставляй молчать бесстыдство непокоряющихся истине. Невоздержанных обличай благородством твоего жития».

Любимой его молитвой была молитва преподобного Иоанникия Великого: «Упование мое — Отец, прибежище мое — Сын, покров мой — Дух Святый; Троице Святая, слава Тебе!» Эту молитву творил он постоянно, ощущая от нее великую радость.

В ночное время он большей частью ходил по лесу и говорил, что ощущает сердечную сладость, когда вся природа безмолвствует, а наша молитва так легко возносится к Богу. В это время он любил, ходя, петь стих: «Воскресение Христово видевшее».

Рукоделие старца Марка состояло в изготовлении серных спичек, которые он пучками раздавал посетителям. Летом он занимался возделыванием грядок, на которых сажал картофель и другие овощи. Этим он и питался в пустыне.

Имея великое усердие к храму, он, невзирая на суровое время и отдаленность кельи, в воскресные и праздничные дни, — зимой, по глубоким нерасчищенным снегам, приходил к службам.

Правило, то есть последование молитв, которые совершал старец, было многосложно.

Из того, что говорил он нескольким инокам о том, как жить, памятно следующее:

«Ходи в церковь, имей послушание к настоятелю и братии. Сидя за трапезой, внимай себе и чтению. Каждого брата предваряй поклоном; много не говори, а более молчи. Ходи как мертвый, закрыв глаза, уши и уста. В келье имей поделие и молись почасту, а „умную“ молитву твори на всяком месте навсегда. Ни с кем не спорь, но всякому уступай, и себя считай хуже всех. Всякому только и говори: благослови и прости».

Больше же всего преподобный Марк учил смирению, терпению, самоукорению, вниманию. «Мы должны смиряться пред другим, — говорил он, — и считать себя худшими его, какие бы недостатки ни видели в его жизни. — Мы должны навсегда мысль свою утверждать в том, чтоб представлять себя худшими всех».

Однажды один инок, принеся ему пищу, увидел его сидящим в глубокой задумчивости, с лицом, обращенным на восток. Долго не смел он прервать размышления старца. Наконец спросил: «Что ты, отче, так задумался?» Старец отвечал ему: «Я размышляю об изгнании Адама из рая, когда он плакал и вопиял ко Господу: „Милостиве, помилуй мя, падшаго!“»

Господь посылал верному рабу Своему благодатные дары: прозорливости и исцеления недугов.

Как-то летом пришли к старцу два странника попросить его молитв и принять благословение. Старец встретил их и дал им приложиться ко кресту; потом он оторвал от полы своей ветхой рясы лоскут и дал одному из них, говоря, чтоб тот обмахнул им голову и разогнал комаров. Тот сделал это и, выйдя из кельи старца, рассказал своему спутнику, что, когда шел к старцу Марку, его тяготили хульные и злые помыслы. Но, только он обмахнул голову лоскутом, эти помыслы рассеялись, как комары, и он почувствовал какую-то легкость и спокойствие на сердце.

От долгого стояния и трудного хождения ноги старца чрезвычайно распухли: он не мог ходить. Братия советовала ему позвать врача, но старец отказался от человеческой помощи, возлагая всю надежду на Бога. Он взял в храме из лампады, горящей пред иконой Богоматери «Живоносный Источник», елея, помазал им ноги и вскоре получил облегчение.

Один из братии, живший отшельником в лесу и думая, что пост есть удобнейший путь спасения, — без благословения духовного отца назначил себе строжайший пост. Начав это дело без рассуждения, он ослаб так, что дело могло кончиться плохо. От долговременного поста силы его истощились, и он еле мог держаться на ногах. Марк узнал об этом и пошел навестить неблагоразумного постника. Он с собой принес кусок хлеба и, подняв правой рукой свой посох, а левой подавая хлеб, говорил ему: «Ешь!» Брат, устрашенный угрозой, съел принесенный хлеб и получил прежние силы. А старец Марк этим показал, что пост спасителен только тогда, когда бывает с рассуждением.

В семнадцати верстах от Сарова, в селе Круглые Паны, был помещик, женатый на лютеранке. Старец Марк знал еще предков его и любил семейство за благочестие. Он иногда к ним хаживал, и для него в их саду была выстроена уединенная келья. Он часто убеждал лютеранку принять православную веру. Его уговоры произвели на нее сильное впечатление, и она соглашалась присоединиться к Православной Церкви, если б Бог показал ей какое-нибудь знамение в удостоверение того, что Православная Церковь есть Церковь истинная. На это старец Марк сказал ей: «Я помолюсь об этом с твоим супругом, и надеюсь, что Господь для спасения души твоей дарует знамение». Вскоре она увидела такой сон. Она находилась на берегу быстрой и широкой реки. На той стороне, где она стояла, не росло ничего, была лишь одна сухая земля. У берега стояла лодка без людей; по другую сторону реки расстилался сад, и оттуда неслось благоухание. Над садом в воздухе был виден ангел, державший в руках святую Чашу. В саду ходил и отец Марк. В восхищении от красот сада, она всем сердцем захотела перенестись на ту сторону реки в прекрасный сад и начала просить отца Марка, чтоб он помог ей переехать в лодке. Отец Марк сказал ей: «Если ты

присоединишься к Православной Церкви, то можешь безопасно перейти эту быструю реку и без лодки». И, указывая правою рукою на ангела, сказал: «Вот, тогда этот ангел и причастит тебя святых Тайн». Когда она согласилась на это предложение, старец велел ей оградить себя крестным знамением, и она пошла с берега по реке. Но, дойдя до половины реки, испугалась ее быстроты и со страха проснулась. Она сейчас же рассказала этот сон своему супругу, и, так как они оба сочли его за указание Божие, она решилась перейти в православие.

Незадолго до кончины старец Марк был утешен таинственным видением небесных радостей, уготованных праведным. Это видение утешило его от тех искушений, которые наводил на него враг спасения, внушавший ему, что «несть спасения ему в Бозе его»

В конце октября 1817 года отец Марк сделался болен в своей пустыне и ослабел так, что ходить сам не мог; его перевели в отведенную ему в монастыре келью. Здесь он простился со всею братией, прося их молитв. Чувствуя кончину, он позвал духовника, исповедовался и приобщился святых Тайн Тела и Крови Христовой и, по совершении над ним таинства елеосвящения, тихо почил между ранней и поздней литургией. Это было в воскресенье, 4 ноября 1817 года.

Преподобный Марк был похоронен возле алтаря Успенского собора Саровского монастыря. В 1951 году, когда в монастыре расположился Федеральный ядерный центр, собор был взорван, судьба мощей неизвестна.

Иеромонах Иларион (1790–1841)

Старец Иларион — один из самых близких учеников игумена Назария, Валаамского старца.

Он был пострижен в монашество в Валаамском монастыре в 1797 году.

В монастыре прожил пятьдесят лет и впоследствии был общим духовником братии в Саровской пустыни. Это был муж, чистотой жизни известный многим лицам, которых назидал и утешал чудным своим словом и примерной ко всем любовью. Дар слова его в беседе столь был утешителен, что всякий, слышавший его, находил для себя душевную пользу. Вся жизнь сего старца была посвящена подвигам добра, молитвам о спасении ближних, милосердному врачеванию болезней греховных, душеспасительным наставлениям, и вообще строжайшему благочестию.

Особенными свойствами беседы отца Илариона были любовь и кротость. Кто бы ни был приходивший к нему и каким бы ни был обременен грехом, он никогда не порицал его укоризненно, не делал строгих выговоров и ни на кого не возлагал тяжкого бремени, сам неся крест Христов с его скорбями. Если старец кого и обличал, то всегда тихо и кротко, растворяя увещания смирением и любовью и стараясь возбуждать действия совести чрез указание путей спасения. Ни богатые, ни бедные, ни простые, ни вельможи не выходили от него без наставления. Для всех доставало живой воды от уст смиренного старца, все ощущали кроткую силу любви его; особливо же заботился он о тех, в ком видел расположение к добру.

Скончался в Саровской пустыни 12 ноября 1841 года на семьдесят первом году жизни.

Духовные наставления

◊ Старец поучал приходивших к нему из братии: «Келья духовная: смирение — утверждение, фундамент; терпение — ограждение, стена; любовь — покров, крыша».

Временно искушение, но вечна награда.

◊ В чем ближнего зазришь, в том сам постраждешь: аще видиши человека согрешающего, не осуди его, но помолися о нем единому человеколюбцу Богу, чтобы его Господь Бог исправил, а тебя от грехопадения избавил.

◊ Всякого вменяй себе в отца и благодетеля, а себя — в подножие всем.

◊ Пойди, куда хочешь, живи, где хочешь, и где жить ни будешь, а крест терпения не избудешь.

◊ Имей в себе, яко всяк человек лучше мене есть; без мысли бо сея аще кто чудеса сотворит, но далече будет от Бога,

◊ Живущим в мире и требующим его назидания старец Иларион часто приводил слова святителя Иоанна Златоустого:

«Велика крила милостыни: пресекают оне воздух, мимо луны пролетают, солнечные лучи преходят, на самый небесный верх восходят, да и тамо не останавливаются; но и неба достигают, ангельския соборы минуют и лики архангельския и вся небесныя Силы и стоят пред Царским престолом».

◊ Глава и начало всем добродетелям есть молитва, о которой сказано апостолом: непрестанно молитеся, то есть еже призывати имя Божие всегда, аще убо беседуем, аще сидим, аще ходим, аще делаем, аще ядим, аще что ино творим; на всяко бо время и на всяком месте подобает призывати имя Божие; сице бо потребляется искушение вражие, пишет Златоуст. Бей ратники, глаголет Лествичник, именем Иисусовым, и сего крепчайши оружия не обрящеши ни на небеси, и ни на земли.

Молитва есть печали и уныния прогнание, кротости и безгневия прозябание, радости и благодарения явление и бесчисленных благ приобретение и приумножение.

◊ Самоукорению подобает обучаться, то есть всегда себя во уме своем винить, а не людей; себя укорять, а не других, и себя называть юродивым и бестолковым, сонливым и нерадивым, ленивым и небрежным.

◊ Имеяй самоукорение имать покой, пишет авва Дорофей, и никогдаже смущается: таковому аще случится болезнь, обида, притеснение, и прочее какое несчастие, он все грехам своим приписует, и Бога благодарит;

такового аще настоятель наказует, или бранит, он все то за благо приемлет, и почитает делом Божественным. Гордость вселяется в человека тогда, когда он еще совершенно не познает себя. Итак, познавай себя и всемерно берегись гордости и тщеславия, как великого вреда душевного. Отгнать же их от себя ничем не можешь, как только беспрестанным самоукорением и уничижением самого себя.

◊ <Самопознание> есть, еже почитати себя ко всем вышним должностям неспособным и недостойным. Знати себя, еже есть считать бестолковым, сонливым, нерадивым и ленивым и прочее; не внимать чужим грехам, а на свои смотреть, и о них каятися всегда; о себе рассуждать, и себя осуждать, и ни во что внешнее, кроме своея должности, не вмешиватися: себе искушайте, аще есте в вере, пишет апостол.

◊ Кротости и смирению Сам Господь учит нас, глаголя: «научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим»; ни от ангелов, ни от человеков, но от Мене, глаголет, научитеся, то есть от вышния Премудрости. Внешняя кротость да является в сем: кроткое да будет тебе хождение, кроткое седание, кроткие взоры, кроткое слово; вся сия тебе да будут, от сих бо истинный христианин явишися; одеяние бо мужа, смех зубов и ступание ноги, возвещает о нем. Душевная же кротость есть, то есть по внутреннему человеку: удержание гнева, укрощение ярости, и егда кто от кого опечален быв, могий же отмстити, не отмщевает, и приемля досады, напротив, не досаждает. Кротость же есть, еже не досадити никомуже ни в словеси, ни в деле, и ни в повелении, но всякому человеку нравами своими сладить сердце, по глаголу Господню: «на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго» (Ис. 66, 2). И по пророческим словам: «наставит (Господь) кроткия на суд (на благоразумие), и научит кроткия путем Своим» (Пс. 24, 9). «Яко благоволит Господь в людех Своих, и вознесет кроткия во спасение». «Кротцыи же наследят землю, и насладятся о множестве мира» (Пс. 36, 11). А какой человек покой и мир получает от кротости, — о том пишет Златоуст, глаголя: нет ничего крепчае кротости, нет ничего сильнее; она душу нашу во всегдашней хранит тишине, и аки в пристанище ввести тщится, и всякаго удовольствия виною нам бывает; и ничто так душу в покое и великой тишине не поставляет, как кротость и смиреномудрие. Сие всех венцев честнейши есть тому, кто стяжал оные добродетели; сие всякого достоинства и славы полезнее есть. Душа правая есть, глаголет Лествичник, сожительница смирению; а злая есть раба злобы; души кротких наполняются знанием; но души гневливый разум покрывается мраком неведения. Кроткая душа приемлет словеса премудрости. Мнози бо высоцы и славни, но кротким открываются тайны, — пишет Сирах. Кто же ненавидит огорчевающих, тот ненавидит кротость; бегаяй же

огорчевающих, бегает еже о Христе покоя, — слова аввы Дорофея. В кротких сердцах опочивает Бог, а душа беспокойна есть жилищем диаволу; кроткая душа есть престол простосердечия, но гневливый ум есть раб злобы.

◊ Смирение наипаче стяжати потщися. Смирение есть истинное своего ничтожества познание и самого себя презрение. И егда кто немощь свою, грешничество и неключимость свою зная, нимало не превозносится умом своим, но имать себя хуже всех, грешнейша и последнейша всех, и у всех под ногами — тот смирен есть. Аще ли же и каковую добродетель исправит смиренный, он приписует не своим силам, а Божией помощи, в сходственность слов Иисуса Христа, глаголющаго: «аще сотворите и вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы». «Без Мене бо, — глаголет Господь, — не можете творити ничесоже». Смирение есть, еже разумети себе, и о себе ничтоже. Ко избежанию искушений, наипаче кротость со смирением духа и всегдашним бодрствованием ума наилучше послужить может. Велия высота смирения, по слову преподобного Макария, знатное достоинство и честность смиреномудрия. Несть смиреннаго выше, и худейшаго о Христе славнейша; и нет благополучнейшаго пути, возводящаго на небо, в жизнь вечную, паче смирения, по свидетельству Истины. Где нет света, там все тьмою покровенно; а где нет смиренномудрия, там все дела наши гнусны пред Богом, — глаголет Лествичник. В смиренных Бог вселяется, от гордых же изгонится; идеже бо смирение, тамо слава Божия возсиявает. Гордость — враждебница Христу, смирение же приятно Ему есть, — слова Димитрия Ростовского. Хотя бы кто бесчисленные добрые дела сотворил, и всякую добродетель совершил, а сам о себе высокомудрствует, тот всех беднее и окаяннее, — Златоустовы слова. Истинное благополучие человека в сей жизни, по словам святого Амвросия, состоит в смирении, а не в возвышении. Ничтоже тако творит сердце сокрушенно и душу смиренну, яко же уединятися в разуме, и от всех молчание. Смирение есть основание христианства. Внимай же крепко и сему: аще прилежно по сему наставлению начнешь сохраняти себя, то не потерпит сего завистливый бес и воздвигнет на тебя либо от начальника искушения, дабы искусить твое смирение и крепость, или лживых и нерадиво живущих вооружить на тебя; и станут тебя укоряти, ругати, а может быть, и заушати, презирати, ненавидети и сим самым много скорбей тебе наносити, но ты, в таком случае, еще более прилепися к молчанию и смирению. Держи беспрестанно молитву Господу Иисусу во устех и в глубине сердца твоего, дабы тебе на них за оное нимало не пороптать и не оскорбиться отнюдь, с благодарением все принимай, помышляя в себе: како могу аз окаянный на брата моего гневатися всуе? И притом беспрестанно

помни свои грехи: ибо и ты если не заушал, то укорял, злословил, пересмехал и поношениями ближнего уязвлял и обидою ближнего восставал на Христа Спасителя и уязвлял Его. Почему ты и должен от всей души признавать себя более достойным, нежели сколько терпишь; вспомни слова, которые Христос Спаситель сказал о благотворении ближнему и которые равномерно относиться должны и ко всякому обидному слову или делу против ближнего, «что ближнему своему сотвористе, то, — глаголет, — Мне сотвористе»; при сем поминай Его страдания даже до смерти, Его благость превеликую и Его к нам любовь, терпящую неправды наши, и рассуди, как не трудно тебе понести ради Его малые скорби, и при том с Его верною помощью, если верно возжелаешь ее. Если тако благо будеши рассуждати и с любовью претерпиши искушения, то скоро обрящеши Христа Спасителя помощь и утешение.

◊ Совесть чистую и откровенную подобает иметь, глаголющу апостолу: «и аз подвизаюся непорочну совесть имети всегда пред Богом и человеки» (Деян. 24, 16); «уповаем бо, яко добру совесть имамы во всем, добре хотяще жити» (Евр. 13, 18). Якоже невозможно есть без облака излиятися дождю: тако невозможно без совести благия благоугодити Господу. Сего ради не точию, яже глаголем, но и яже помышляем, открываем Отцем: являемое бо свет, а неявляемое тьма есть. Мы некогда будем судитися не по книге знания и разумения, но по книге чистыя совести. Испытывай, возлюбленне, прилежно себя и свою совесть; если не в том, то в другом грехе, если не в большом, то в малом; если не делом, то словом и помышлением, ты находишься повинным. Согрешившего брата не видишь помышления, ни сердечного сокрушения, то како можешь судити? Полагаю, что иногда лучше пасти самому и востати, нежели осудити ближняго, потому что согрешивший побуждается к уничижению себя и покаянию, а осуждающий согрешившего закосневает в мечтании о себе и в гордости. Что в дневные часы согрешишь, то по возможности немедленно исповедовай. После вечерней трапезы ты должен пойти к своему духовному отцу, поклонитися ему, аки Самому Христу, пади на колена, открой ему состояние души твоей в продолжение минувшего дня, испытывая себя во всем, что сотворил на деле или худо помышлял, или говорил, или дозволил себе противное совести своей, или оскорбил, или сам оскорбился на ближнего, или пороптал, или осудил ближнего. Старайся приметить и обличить и самые тонкие помыслы, нарушающие чистоту твоей совести; если не можешь всего помнить, то на бумаге записывай, что ты должен исповедовать. По такой тонкой истинной исповеди, разрешение и прощение приняв, аки от Самого Бога, и поцеловав образ и Крест, поклонися до земли духовному твоему отцу и иди молча в келью свою, сердечно благодаря Бога, что Он

удостоил исповеди и умиротворения совести. За неимением духовного отца, по нужде, брату обители, или другому близкому у тебя человеку, богоугодно живущему и духовный разум имеющему, можно исповедать то, что смущает твою совесть, и просить его молитв и благословения, если же и такового близ себя не имеешь: то во слух ангел и архангел со слезами, со обличением и укорением и жалением сердечным велиим исповедуяся Богу, бей перси своя, и, если совесть в чем зазирает и обличает, то и наказание некое духовное себе положи, и тако твори, пока получишь возможность духовному твоему отцу все оное исповедать. К духовному же твоему отцу, или наставнику, которому ты должен исповедовать дела и мысли твои, имей любовь, непоколебимую веру, и такое почтение, чтоб ни в чем его не осудить, не смутиться, если будут оглаголивати и осуждати его. Если бы и показалось тебе, что он согрешает, но ты не смутись и веры своей к нему не умали; укоряй же себя сколько можно, а не его, глаголи в себе сии слова: я грешный воззрел на отца своего нечистым оком и по своей нечистоте сужу о нем, а от того не вижу его непорочности, тако обличи себя, молись прилежно о нем ко Господу Богу, о исправлении его; если и в самом деле он преткнулся, помышляй о сем так: Господь Бог попустил на него искушение, а я как могу, грешный, его судити, не видя его дел, ни покаяния? Могу ли я прозреть в душу его? Если он и погрешил, то, может быть, уже совершенно покаялся и совершенное получил от Бога очищение, не упускай из сердца и помышления своего и сих слов: «своему Господеви стоит он или падает»; а я что за судия.

◊ Молчание, по словам преподобного Арсения Великого, есть корень безгрешия, а потому новоначальным весьма нужно оное иметь. Молчание же да будет до вопроса; мало говори, да и то тихо, а без нужды не говори. Иже хранит своя уста, соблюдает свою душу; дерзлив же устнама, опорочить себя. Молчание собирает, многословие же расточает. Премудрый учит, глаголя: «буди скор услышати, а косен глаголати, и косен во гнев» (Иак. 1, 19); молчаливый есть мног в разуме.

◊ Своея воли не исполняй, из своего разума ничтоже не составляй, и тем избавишися роптания; совлецыся своея воли, яко срамной одежды: понеже своя воля всех худых дел вреднее есть. Послушники все спаслись, а своевольники повредились, а иные и погибли; падение безмолвнику оставление молитвы; а послушнику составление своего разума. И аз ино падение иноку не вем, глаголет авва Дорофей, от еже составляти свой разум, и Петр Дамаскин: паки делание наше иноческо да вемы, яко всюду можем спастися, аще хотения наша оставим.

◊ Когда же в чем яко человек согрешил, в том пред Богом кайся; аще ли же укорен от кого будеши, тогда без всяких отговорок, скорее с поклонением

проси прощения, глаголя: прощения прошу, согрешил, виноват. Добро бо есть противу всякому словеси, учит авва Дорофей, глаголати: прости. Аще ли кто тебе укорит, досадит, или инако чем обидит, на того брата не гневайся; но отшедши прочь, сотвори о нем молитву к Богу тако: «Господи, прости его, и ту обиду бесу причитай, понеже бес нас научает друг друга обижать»; и никому ни в чем никогда не лги, и зла на сердце никакого не держи; понеже ненавидяй огорчевающих, ненавидит кротость, бегаяй же огорчевающих, бегает еже о Христе покоя; иже отметает наказание, ненавидит себе; соблюдай же обличения любить свою душу, — Сираховы слова.

◊ Старайся, как можно, с помощью Божиею приобрести терпение в перенесении лишений и скорбей; проси, толцы, ищи день и нощь; и обрящешь от Христа Спасителя помощь и крепость терпения, если от души и сердца твоего желаешь. Подобает обучатися великодушному терпению, вся приключающаяся нам безропотно терпети. Терпение мы тогда будем имети, егда вся приключающаяся нам, и веселая, и скорбная без разбору, аки от руки Божией будем принимати. «В терпении вашем стяжите души ваша», — поучает нас Христос. Терпи, рабе Господень, и приобрящеши твою душу, юже погубил еси грехами. В терпении собор есть всех добродетелей, ими же души наши спасаются, глаголющу святому Ефрему: терпение стяжавый всякой добродетели касается, радуется бо в скорбех и в бедах благоискусен, в напасти веселится, на послушание готов, любве исполнен, в досаждени славит, в укоризнах смиряется, в бедах непоколебим, Терпение стяжавый, стяжал есть упование, и всякими добрыми делы украшен таковый.

О прочих же добродетелях многих, как о вере, о надежде и любви, читай сам святые книги и слушай поучения, чрез что сделаешися мудрым и наследиши вечная благая, о Христе Иисусе Господе нашем, еже и буди всем нам получити Его же помощию и благодатию Божественною. Аминь.

Преподобный Назарий Валаамский (1735–1809)

Преподобный Назарий начинал свое служение в Саровской пустыни. Слава о нем, как об одном из великих светильников Сарова, разливаясь всюду, дошла и до преосвященного Гавриила, митрополита Новгородского и Петербургского. Святитель, желая восстановить на пустынном Валааме «селение святых и тем принести Спасителю мира Иисусу Христу благоугодную жертву», искал мужа, способного «утвердити иночествующих в спасительной жизни», чтобы определить его строителем в Валаамский монастырь. Узнав о старце Назарии, он и вызывал его тогда в Санкт-Петербург. Сначала настоятель пустыни и сам местный преосвященный Феофил, стараясь удержать у себя знаменитого отшельника, представили о нем высокопреосвященному митрополиту письмо, как о человеке малоумном и неопытном в духовной жизни; когда митрополит, проникая в тайну смирения Назариева, ответил, что «у меня много своих умников, пришлите мне вашего дурака», тогда невольно отпустили отца Назария из Сарова, — и он был определен строителем на Валаам. Это было в 1782 году.

В печальном состоянии была в то время Валаамская обитель. Она состояла за штатом и не имела никаких средств к содержанию; здания ветшали и разрушались; братство составляли все люди престарелые: некому было исправлять чреду священнослужения, некому было состоять в клире. В Валаамском монастыре введен был старцем Назарием общежительный устав Саровской пустыни; на основании этого устава, под руководством опытного наставника, братья начали преуспевать здесь во всех трех родах подвижничества: в общежитии, жизни скитской и отшельничестве. Тогда подвизались на горах Валаама знаменитые впоследствии ученики отца Назария: игумен Иннокентий, игумен Варлаам, духовник иеросхимонах Евфимий, монах Герман и другие. Тогда с удивлением стали смотреть на Валаам приходившие афонцы и, по его внутреннему устройству, предпочитали его даже монастырям Афонской горы. В несколько лет своего управления старец Назарий упрочил внешнее и внутреннее благосостояние Валаамского монастыря.

Преподобный Назарий много способствовал распространению православия в Америке. С благословения Святейшего Синода, по поручению митрополита Гавриила, он избрал из Валаамской братии десять человек для озарения светом евангельским диких обитателей тех земель —

тогда Российских владений. Между этими избранниками особенно просияли: многополезной, хотя и краткой по судьбам Божиим, деятельностью потонувший начальник миссии архимандрит Иоасаф, возведенный уже в сан архиерея; мученическим венцом — ревностный иеромонах Ювеналий, и сорокалетним подвигом самоотвержения апостольского, при дарах прозорливства и чудес, во благоухании святыни скончавшийся монах Герман — ныне прославленный преподобный Герман Аляскинский.

Воспитав сонм подвижников на Валааме, отец Назарий был сам подвижником во всю свою жизнь. Во всех трудах общежития, во всех работах монастырских он подвизался сам вместе с братией; от юности он сохранил девство и целомудрие; жизнь проводил до конца дней своих нестяжательную и постническую; едва только не рубище было его одеждой. Смиренный сам, он и всех искавших у него наставления прежде всего поучал смирению. Чтение Священного Писания и писаний отеческих составляло ежедневную пищу его души. Вся душа его была так проникнута мыслью о Божественных предметах, что единственным содержанием его бесед были истины веры и благочестия. О делах мирских он не знал, как и говорить; но если беседовал о подвигах против страстей, о любви к добродетели, то беседа его была неиссякаемым источником сладости.

Старец Назарий был основным советником для переводчиков «Добротолюбия». «Он, — сказал тогда преосвященный Гавриил переводчикам, — хотя и не знает, как вы, греческого языка, но из опыта лучше вас понимает духовные истины, а потому и правильнее может изъяснить наставления, содержащиеся в этой книге».

Быв истинным светильником и духовной утехой для окружавших, старец Назарий особенно любил безмолвие. Еще при трудах настоятельских, он целые недели проводил в уединенной пустыне; когда же, в 1801 году, испросил увольнение на покой, то пустыня была постоянным его пребыванием как на Валааме, так, впоследствии, с 1804 года, и в Сарове, куда он удалился по своему желанию, чтобы окончить свое земное подвижническое течение там, где его начал.

Определением Священного Синода от 11 мая 2004 года имя преподобного Назария внесено в Собор Валаамских святых.

Духовные наставления

◊ Боже наш, мы отвергаем любовь Твою, а Ты нас не престаешь любити. Мы нередко приемлем сатанинские внушения, паче Закона Твоего, мы, не щадя себя и спасения своего, прилежим к делам злобы, и несмотря на то, человек часто говорит: «Я люблю Бога!» Какое противоречие! Он думает, что любит Бога, но заповедей Его не исполняет, какая же это любовь? Это одно лицемерие!

Надобно знать, что без добрых дел любви к Богу не окажешь.

◊ Если любишь Христа Бога, терпи, якоже Он претерпел, и твори все то, что Ему угодно.

Он учил и творил; непременно и твоя любовь должна быть такова, чтобы добро творити, терпети, не смущатися ни о чем находящем, а во всем Его благодарити, не словами и языком, но самыми делами, сердцем, умом; от всей души, крепости и помышления возлюбить Его ты должен.

◊ Рассмотри, возлюбленне: век сей не есть покой и поливание, но борьба, рать, торжище, купля, училище, морское плавание; для сих-то причин подвизаться ты должен, не унывать, не быть в праздности, но упражняться в делах Божиих.

◊ Знай, что на всяку борьбу есть победа. Крепися, ратоборствуй, побеждай, ибо часто противоборствующие силы находят, яко львы рыкают и ищут, кого бы поглотити, берегися, да не побежден будеши.

◊ Смотри прилежно — се продают венцы, приобретай их, да не тщетен возвратишися без купли, старайся не лишить себя благодати Божией, в противном случае чужд будеши воздаяния, и сверх того, еще зле осудишися, и погибнеши.

◊ Если станут во уши тебе шептать помыслы твои, аки змий Еве, горделивые, либо осудительные в чем на ближнего, или тщеславные; то проразумевай оного душевредного хитреца. Он непременно первее вооружает на тебя кичение, что будто все худо делают, а ты все исправно и хорошо. Берегись, как можно, чтобы не впадать во оное, старайся не допущать к уму своему помыслов осуждения ближнего.

◊ Остерегайся сам себя похваляти, глаголя во уме; ах, как я то и то хорошо сделал, не стал с празднословящими, или не сделал того и того, я теперь исполнил заповедь Христову. Берегися, как можно, чтобы в сердце и в душу твою не принимати помыслов самооправдания и самохваления; ибо сие душегубное кроется зло, тихо скоро и даже неприметно входит в душу и сердце, как будто малыми нечувствительными и тончайшими скважинками.

◊ Дабы избегнуть ближних презрения и осуждения, так же тщеславия, кичения и гордости и прочих сему подобных, чтобы крепко заградить им вход в душу твою, для сего должен от всего сердца и от всей души представить себя совершенно странника, глупа, неразумна, ничего не смысляща и ничего не умеюща. Такое рассуждение о страничестве приими себе, дабы ты мог удалить себя от человеческих разглагольствий, суетных бесед и ты непременно сбережешь себя от смеха, осуждения, кощунства и вредного празднословия, душепагубного тщеславия и высокомерия.

◊ Смиряй себя от всего сердца, души и помышления: любит бо Сладчайший Иисус со смиренною мудростию спасающихся и желающих с сердечною и горячею любовию совершенного исправления и хощет всем нам в разум истины приити.

◊ Достигши времени Божественной литургии, поспешай, как можно, к началу ее и вниди в церковь с восхищением и с горячею любовию, стой со страхом и трепетом, воображай в уме и в душе и в сердце Сына Божия, за беззакония твои закалаема и жрема, во спасение всех верующих в Него.

◊ Аще было намерение и захощеши причаститися Божественных Тайн, и если духовник удостаивает тебя оного причащения, то сохрани всю тую неделю в сухоядении, пребудь в посте истинном, в воздержании от обильной и услаждающей пищи и пития, старайся пребыть во бдении, в любви к Богу и в прилежных молитвах, в сокрушении сердца, в стенаниях, в сетовании и воздыханиях сердечных и в слезах.

Знай же, что ничем так скверны души и тела не очищаются, как слезами, сокрушением сердца, стенаниями и воздыханиями, сердечными и усерднейшими и теплейшими молитвами и прочими Богоугодными делами, и истинным покаянием себя очистить. Внимай прилежно, да не присоединишися к распеншим Христа, да не уподобишися Иуде предателю. Рассмотри прилежно, что ты вкушаешь, сие есть оное брашно, не Самого ли Бога приемлешь? Чем ты питаешься — не истинною ли манною, сшедшей с небес, да жив будеши во веки?

Для сего должен ты великую и твердую веру иметь, и должен удалиться непременно от всех пороков и наичистейшую свою душу и тело соделати; ибо Святому в себе готовиши вход. Смотри, какою ты непостижимою почтен честию. Когда ты причащаешься сего Божественного таинства, чистейшие ангелы невидимо предстоят, трепещут и от ужаса зрети не могут. А ты бренный и всякие нечистоты исполненный сим питаешися, с Божественною Святынею соединяешися.

Рассмотри прилежно, кого дерзаеши приняти внутрь? Самого Пресвятейшего Бога. С кем хощеши в едином соединении быти? С сотворшим нас. Ужасайся и трепещи, ибо прикасается огнь

Божественнейший устом твоим, празднословия, сквернословия и всякия нечистоты исполненным.

Берегися, да не опалит язык твой, многая злая, беззаконная и неправедная глаголавый. Чем желавши окропити его? Кровию страшного Судии. Ужасайся, да не подпадеши праведному Его суду.

Благодари Бога за неизреченное милосердие Божие, что Он тебя сего удостоивает. При том понимай и сие, что если бы ты имел или имети будеши ангельскую чистоту или святость непорочну и преподобие Иоанна Крестителя, то и тогда без особенного милосердия Божия не можеши удостоиться сего Божественного таинства. Благодари за неизреченное милосердие Господа, что Он, страшный и непостижимый Бог, не гнушается нашею худостию, но соединяет Себя с нами, от любви неисчетныя к нам. Для чего и должен ты всеми силами Господа благодарить не словами только, но делом и помышлением. Старайся, как можно, сохранить себя от многоглаголания, имей упражнение чистое и святое, и не только пред причащением во благоговении пребудь, но и по принятии оной святыни блюдися от всего противного. Старайся иметь всегда пребывание со Христом Царем и Богом и не удаляй Его от себя. И так по отпетии Божественной литургии, вниди в келью с безмолвием языка, ума и всех чувств, пребывай в молитве и благодарении.

◊ Ты, конечно, негодуешь на Иуду предателя, также и на распенших и пронзивших гвоздием и копием Христа; внимай же и себе, да не и ты повинен будешь, яко предатель Тела и Крови Христовой. Иуда предал Христа единожды; а ты не предаешь ли многажды, когда не верен бываешь слову Его и заповедям Его? Единожды потерпел Он раны от распинателей: но ты не налагаешь ли Ему раны многажды разными богопротивными страстьми и грехами; поелику за всякий грех наш понес Он страдание?

Вникни в самого себя, в душу, сердце и помышления твои: не увидиши ли в себе бездну страстей и грехов, хулы, татьбы, объедения, сластолюбия, пьянства, зависти, лукавства, лести, братоненавидения, злопамятования, злоречия, осуждения ближнего, оклеветания, нелюбления, немилосердия, гордости, ярости, гнева и всякия нечистоты? Таковую гнусность в себе имея, не нерадиши ли о душе твоей?

Постарайся, как можно, сердечным сокрушением, воздыханиями и частыми слезами, скверну души и тела твоего омыть. Будь в опасении, да не в суд себе приемлеши с неочищенною твоею душою Святых Святейшего.

Рассуждай, что ты причащаешися неизглаголанному таинству из таинств, сладости из всех сладостей, и святости из всех святостей, от которого ты и сам делаешися святым.

Непостижимый Боже, кто изглаголет силы Твоя? кто может восхваляти Тебя достойно? кто может измерить милосердия Твоего пучину?

Помышляй, брате, что сей таинственной пищи и пития, то есть Тела и Крови Христовой, алкали и жаждали от первосозданного Адама, все наши праотцы и все пророки, но не получили; ты же, далеко от них отстоящий не достоинствами твоими, сея Божественные трапезы причащаешися.

◊ Посмотри, что Христос Спаситель глаголет Своими пречистыми устами: «Сие есть Тело Мое», глаголет: не образ Тела даю, но Тело Мое, под видом хлеба, вкусите и ядите во оставление грехов, «сия есть Кровь Моя», не образ Крови, но Кровь Мою, под видом вина, пийте во оставление грехов (Мф. 26, 27–28). Для чего и ты должен прилежно рассмотреть, с каким страхом, трепетом и истинным смирением, уничижением и сокрушением сердечным, воздыханиями и слезами, с любовию горячею, с несомненной верою и надеждою, с благоговением и радостию и благодарением величайшим от всея души и сердца приступати должен ты к сему причащению Божественному. Должен ты непременно по сему наставлению поступить, а именно: приступая ко святому алтарю, вообрази в себе, что ты действительно вместе со Христом, и святыми апостолами удостоен быть на тайной вечери.

Когда отверзут врата и скажут: «со страхом Божиим»; пади во ужасе на землю пред всемогущим Богом и Судиею; и старайся, как можно, не испущать из мыслей твоих вышесказанного, но все оное воображай и помышляй. Имея же руки крестообразно сложены, и к персям прижаты, — главу мало наклони, взор имей благоговейный, очи слезами наполнены, и читай молитву: «Верую, Господи, и исповедую» до конца. Читай же оную от всея души с воздыханием, со страхом и трепетом, и сокрушением сердечным. Трепещи стоя и помышляй, да не в суд яси Владычню Плоть, и Кровь пиеши. Проси милосерднейшего Бога, дабы хотя в сие мгновение посетил тебя благодатию Своею, чтобы ты оказать мог сокрушение и умиление, и слезы теплые источить.

А по прочтении со усердием помянутой молитвы, положи до самой земли поклон; моли паки всемилостивейшего Бога, да удостоишися без греха приобщиться сего Божественнейшего таинства, и тако помышляя смотри прилежно и умиленно на святую чашу и молися, да не опалит тя огнь Божественный, но исцелит душу твою и тело по принятии оного. Надейся же и веруй, что он все греховное терние, в тебе живущее, потребит, если тако будешь воображать и чувствовать, как здесь показано.

По сем, как скоро увидишь иерейскую руку, простираемую со святым таинством и ко устам твоим приносящую, то не думай, что ты от иерейской руки оный Божественный дар принимаешь, но воображай и веруй от всей

души, что приемлешь от руки Самого Христа, невидимо стоящего и во уста тебе оный влагающего. Воображай и веруй, несомненно, что ты точно яси самую Владычню Плоть, аки теперь из самого ребра Христова текущую Кровь и воду, пиеши; что видиши на кресте висящего Христа, и теперь из ран Его ссеши кровь, и свет, и жизнь. Тако причащайся; тако веруй несомненно; тако воображай беспрестанно во уме своем. С такими представлениями и чувствованиями приступая, глаголи во уме своем: «Врата и заклепы сердца моего, отверзитеся, да внидет Царь славы Христос. Вниди, Свете мой, и просвети тьму мою; вниди, Животе мой, и воскреси мертвенность мою; вниди, Врачу мой, и исцели язвы мои; вниди, Огню Божественный, и попали терние грехов моих; разжги утробу мою и сердце мое пламенем любве Твоея; вниди, Царю мой, и истреби греховное от мене царство: сяди на престоле сердца моего и царствуй во мне Ты един. Царь мой и Господь». С таким благомыслием причащайся Божественных Тайн.

При том не забывай частых воздыханий и сокрушения; беспрестанно плачи, сетуй, укоряй себя, что ты совсем недостоин, что ты еще не совлекся плоти и мира, и не умертвил себя еще от страстей телесных, а исполнен нечистых желаний и неправых душевных движений, ленив к труду духовному, уныл и нерадив, к слушанию словес Божиих студен; что ты малейший и скудный, и неочищенный, и недостойный сосуд к приятию Источника животного, Которого небеса небес объята не могут. Ему поклонилися святии и все преподобнии с великим благоговением, радостию и благодарностию соединившись причащением Телу и Крови Христовой, просветились, яко солнце, и живут с ними во веки. С таковым и ты желанием и великим усердием, как можно, потщися прибегнуть к сладчайшему источнику благостыни.

◊ Пришедши в церковь на соборную молитву, стани на удобном месте, собери все силы мыслей твоего разума, дабы не мечтали и не летали по всем странам и предметам, возбуждающим наши страсти; берегись, как можно, от зрения очима по сторонам, развлекающего ум и обольщающего чувства, и нередко обременяющего совесть и душу твою; старайся, как можно, углубить крепко в сердце твое чтение и пение церковное, и оное напечатлеть на скрижалях его. Берегись, как можно, чтобы отнюдь не сметь не только о чем-нибудь разговаривать, но ниже бы на кого или на что очима воззреть. Внимай чтению и пению церковному, старайся, как можно, не допущать празднословити уму своему. Если не можеши понимати, слушая пение и чтение церковное, то с благоговением тайно твори Иисусову молитву следующим образом: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй мя, грешнаго», старайся углубить сию молитву в душу и сердце твое. Твори оную умом и мыслию, не попускай оной ни малое время удалиться из уст

твоих; соединяй оную, как можно, с дыханием твоим, и сколько сил твоих есть, старайся при сем нудить себя к сокрушению сердечному, да не без слез каешися о гресех твоих.

Если же нет слез, то должны быть, по крайней мере, сокрушение и стенание сердечные, наблюдай, дабы церковная служба не проходила без сего.

При сем же постарайся хранить глубокое молчание, дабы во время пения, или чтения, или слушания, ты мог иметь неразвлекаемый ум, непорочное сердце и мысли чистые, ибо чрез сие можешь насытить душу свою пищею духовною, еже есть слово Божие. При сем же не возносися, но смирися (см.: Лк. 14, 11). «Господь Бог гордым противится, смиренным же дает благодать» (Иак. 4, 6).

◊ Предстоя в храме Божием, воображай, что ты в самом небеси с вышними силами пред Богом предстоишь и творишь с ними все то, что они творят.

◊ Пришедши в келью, затвори дверь, и аще можеши, то стани и со усердием, вниманием и благодарением помолись немного о себе, о родителях, о благотворителях и о всем мире; положи несколько земных или поясных поклонов с молитвою. По сем возьми книгу и мало почитай, обуздай ум и мысли твои молитвою. Берегись, дабы не парили мысли твои к предметам неполезным, вредным душе. Тако подобает творити и оберегати себя непременно после всякого церковного правила, отдохнувши мало.

◊ Если имеешь тебе врученное какое дело или общее послушание для тебя телесных трудов, то принимайся за оное, размышляя в себе, так как бы от Самого Христа оное дело тебе определено, а не так как от человека. Почему воставай спешно с любовию, пребывай в служении без роптания, трудися, измождай свою плоть.

◊ Внимай без лености, не ослабевай телом, не прислоняйся к стене или столбу церковному; но нозе соедини равно одну с другою, и утверди крепко к земле; руце приложи к персям; главою поникши к земле, а ум устреми в небесные селения.

Прошу тебя, любителю добродетели, приими все словеса с любовию сердечною, и поставь себе оные началом добродетели, ибо кто благочестиво и Богоугодно желает жити, тот всякое дело Божие творит не с небрежением, но с усердием и ревностию, дабы поспешнее преобразиться в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова. Если так будешь совершенно стояти по чину, как выше сказано, и от оного состояния очень ослабевши, или от случайной телесной болезни, или старости изнеможеши, то сяди, где ни есть в церкви, дабы не соблазнить брата своего.

◊ Рассматривай сам в себе, не от уныния ли и лености ослабеваешь, не от развлечения ли мыслей и страстей телесных терявши крепость и мужество. При сих рассуждениях, укоряй себя в нетерпеливости, в немощи, в дряхлости, в лености и аки стыдися Бога и ангелов Его и человеков, и помышляй в своей совести, что «претерпевый до конца, той спасется» (Мк. 13, 13).

◊ Грешник, удержи себя от осуждения ближнего. Хотя ты и своима очима будешь видети согрешающего, старайся, как можно, не осудить его, ибо един есть Судия всех Сын Божий. Остави тяжесть ближнего Всемогущему, смотри и заботься об исправлении своих немощей, ибо за свои грехи, а не за чужие воздаси ответ. Не отвергай заповедей Божиих, которые для тебя даны, не осуди и не будеши осужден, оправдывай ближнего и не осуждай, да не будеши аки баня, которая всех нечистоту обличает и отъемлет, а сама всегда остается нечистоты полна; не радуйся падению ближнего; ибо бесы только и супостаты нашего спасения о сем радость имеют, для того, что сами уже погибли и востати не могут. Постарайся не осуждати, а молитися, плаката и рыдати о падающих, радоватися же о востающем от падения и спасающемся, дабы и самому от праведного Судии страшным судом не осудитися. Старайся получить оправдание пред Всемогущим, глаголи всегда в себе сии слова: кто есмь аз? грешник есмь и беззаконник. Потому себя должен обличать, а не других по реченному: «глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися» (Ис. 43, 26).

◊ Береги себя, да не явишься тощ пред Богом. Если что доброе носиши с собою, то не хвалися сам, но паче преуспевай в делании добра, и по мере Богоугодных дел, являй себя новым, правым, измененным во всем на лучшее. Буди истинный христианин, который дает обеты Богу, сооружая в сердце своем жилище добродетелей, и исполняет оные без закоснения. Прелестна в мире жизнь, бесплоден труд, честь непостоянна и ничтожна. Горе надеющимся на нее. От сего многие без покаяния умирают. Блаженны и преблаженны удаляющие себя от мира и от похотей его.

Игумен Дамаскин (1795–1881)

Игумен Дамаскин был не только выдающимся строителем Валаама — он был духовником и старцем. Он имел дар умной молитвы и прозорливости; Господь открывал ему невидимое и неведомое. Как-то один архимандрит, прибыв на Валаам, посетил отца Дамаскина и спросил его: «Старец Божий, скажи мне слово на пользу». Старец, помолчав, отвечал: «Читайте пролог, там все есть». Архимандрит был поражен этими словами и сознался, что он всю жизнь свою собирался прочитать пролог, но что никак не удавалось ему найти свободный час для исполнения своего желания.

Однажды у монастырской гостиницы две женщины — одна православная, а другая раскольница — спорили между собой, кто из них правильнее молится: двумя ли перстами или тремя. В это время мимо гостиницы ехал отец Дамаскин; они, увидев его, пошли к нему за решением своего спора, и когда еще далеко не дошли до него, он, сложив три больших перста и подняв руку, громко закричал им: «Вот так, вот так молитеся».

Господь судил ему понести крест страдальческий: в 1871 году он был поражен легким параличным ударом; этот удар был началом постепенного угасания и его жизни, и его деятельности.

Чуждый всяких прихотей, когда был здоров, отец Дамаскин особенно поражал окружавших своею нетребовательностью во все время десятилетней своей болезни. Будучи последние три года совершенно расслаблен, но сохранивши полную чувствительность во всем организме, он никогда не обнаруживал ни малейшего неудовольствия на услужливость своего келейника, в какое бы положение тот ни приводил его своими мощными руками, и никогда не выражал желания чего-нибудь попить или поесть: полный жизни духовной, полный сознания, живой он как бы уже совершенно умер телом.

Скончался игумен Дамаскин на 86-м году от рождения.

Могила его находится на игуменском кладбище Валаамского монастыря.

Духовные наставления

◊ Прошу любовь вашу: старайтесь, сколь можно, ходить в церковь, а особенно кто ничем не занят, вне всяких послушаний, похаживайте также почаще к отцам вашим духовным, очищать исповедью свои погрешности; знайте, любезнейшие: в чем откроетесь отцу духовному, того не будет записано у диавола, а о чем не раскаетесь, то будет записано у него; то и прошу любовь вашу всмотреться — не лучше ли здесь загладить покаянием, нежели там мукою, — чего не дай Боже.

◊ Также прошу любовь вашу, старайтесь, сколько можно, избегать судить ближнего: судя ближнего, посмотришь, — по неосторожности коснемся и властей и начальства, но сие тяжкий грех, потому-то и не советую вам ходить на собрания; хорошо, если бы в собрании почитали или поговорили на пользу, как жить и как душу спасти, но — хотя бы и так, а все же лучше дома сидеть: вышел из кельи, таков уже не возвратишься. Велико падение душам в общежительных монастырях бывает от сих собраний: тут осуждение, празднословие и прочая, а осуждение — конь гордости, гордость же — отступление от Бога, так как Священное Писание говорит, что «гордым Бог противится, а смиренным дает благодать». Прощайте, Бог вас благословит!

◊ Вот прошли и праздники все, и старый год, — наступил и новый. Слава Богу за все, что терпит грехам нашим, ожидает покаяния; надо и с нашей стороны подумать, чтобы не упустить времени, данного на покаяние. Прошу не забывать обетов и звания и помнить, для чего мы собрались; вы скажете: спастись — та самая наша цель и звание; но я о том-то и напоминаю, чтобы не упустить времени, которого уже мы по смерти не найдем. Страшно! прошу ваших святых молитв обо мне грешном! Прощайте! Бог вас благословит.

◊ Ожидали Рождества Христа Спасителя, потом Нового года и Богоявления Господня; все скоро прошло, как пролетело; так возлюбленные и жизнь наша пройдет, если и не прошла. Но как и в чем она прошла? Вот и надо нам грешным спросить всякому у самого себя, а именно: как я время проводил, какой залог на душе стяжал, есть ли в ней мир, тишина и спокойствие совести; а все это рождается и весь покой душевный приходит от чистой совести, которая и сама приходит не иначе как от откровения и недоверчивости к самому себе.

◊ Знайте, любезные, что кто не творит своей воли, тот всегда творит волю Божию, а кто живет самочинно и творит свою волю, тот всегда творит

волю сопротивного, то есть диавольскую, то и прошу любовь вашу подумать, чтобы нам грешным не ошибиться и вовсе не забыть, зачем и для чего удалились от мира за такие обширные воды и водворились между гор и лесов в сию пустыню. Но если мы цель нашу забудем и будем жить по своей развращенной воле, то бегство наше от мира мало пользы нам принесет, — но увы, не горше ли мирских осудимся? Я, грешный, всегда сам себе говорю: горе мне грешному, если я не положу начала благого — жить стараться, сколь можно, Бога ради. Итак, братья мои возлюбленные, помолимся Господу Богу, да поможет нам грешным положить начало благое, начало жить мирно и любовно, друг друга тяготы носить, почаще ходить к духовным старцам, чисто и откровенно совесть свою открывать, в недостатках просить смиренно прощения и во всем признавать виновным себя, а на людей вину не полагать, потому что этот знак оправдания — мать всем порокам. За сим прощайте! Бог вас благословит, и вы друг другу поклонитесь: Богу сие угодно и мне, отцу вашему, приятно.

◊ Будьте осторожны от волков, губящих души наши: приходят они в одеждах овчих, но внутрь их волки сущие, показывают себя воздержными, постниками и молитвенниками, — сим неопытных и обольщают. Да и в самом деле, — если бы они были пьяницы, наглы и прочее, кто бы их послушал? Самый неопытный мог бы их видеть, видел бы, что жизнь их не согласна с учением их; но то горе, возлюбленные, что напротив: «умякнуша словеса их, паче елея, — и та суть стрелы» (Пс. 54, 22), и стрелы те, словеса их, все направлены против властей, Богом установленных. И в этом закрыт их яд: тонким обольщением, прямо они не говорят, но будто от жалости, начинают они говорить о немощах настоятеля, какие они могли узнать своей хитростью, — сим завлекают и довольно осторожных. Эта их цель: чтобы прежде всего охладить сердца и поколебать доверенность к начальству. О, зло! Отравленный сим опиумом, молчит до времени, в случае же какого-нибудь недостатка, погрешности, когда настоятель сделает ему выговор, — он, вместо того, чтобы со смирением просить прощения, чтобы успокоить себя и настоятеля, испускает из себя яд, противореча; если же не пришел еще в крайнее ожесточение, в глаза противоречить не может, то, отшедши, начинает говорить, и особенно при подобных себе: мне настоятель чинил выговор за то-то и то, — хотел я ему высказать, да побоялся; как они сами-то живут, самим бы им надо оглянуться, сами ослепли, а хотят других просвещать, — и подобная сим… Слушающий брат, если и сам сим отравлен, то еще больше поджигает бедняка, а если еще не совсем уловлен в сеть погибельную, то молчанием дает безумцу вящший повод к его и своей погибели; ежели же услышит такие безумные слова брат, водимый страхом Божиим, и начнет противоречить погибающему, то тот нагло начнет его

поносить и яко сообщнику доносом угрожать; и все старается, чтобы разговор их был без людей, то есть был бы во тьме: боится тьма, чтобы не приблизиться к свету, да не обличатся дела их! И так эти развращенные безумцы несчастные мало-помалу совращают незлобных, расстраивают братство, приводя в крайний беспорядок все общество; забыли, бедные, что судяй брата — антихрист есть, а судяй настоятеля — Бога судит, а кто противоратует настоятелю — тот диавола в себя вселяет, — по писанию святых отцов: аще кто не имеет веры к настоятелю, то всуе и время в монастыре препровождает, потому что его спасение сомнительно. Вот какое горе и какая беда от сообщества развращенных людей. Господи, помилуй создание Свое!

Преподобный Герман Аляскинский (1757–1837)

Преподобный Герман пришел на Валаам в 1778 году, в том же году, когда преподобный Серафим пришел в Саровскую обитель. Подвиги преподобного Германа на Валааме напоминают о подвигах его великого современника — Саровского чудотворца.

Духовным руководителем и наставником преподобного Германа был преподобный Назарий, Саровский старец, который ввел на Валааме устав Саровской пустыни. Таким образом, строй Саровского подвижничества, в котором совершалось духовное возрастание преподобного Германа на Валааме, стал неотъемлемой частью его души и сделал его родным и исключительно близким по духу преподобному Серафиму, Саровскому чудотворцу. По некоторым сведениям, преподобный Серафим пользовался, в свою очередь, наставлениями преподобного Назария во время его жительства в Сарове.

Преподобный Герман был в числе десяти валаамских иноков, которые в 1794 году были посланы преподобным Назарием в Америку проповедовать Евангелие алеутам.

Остров Еловый в Америке, где сорок лет прожил преподобный Герман, он назвал «Новым Валаамом». Сорок лет он сам копал огород, садил картофель и капусту, разные овощи. К зиме запасал грибы, солил и сушил их; соль приготовлял сам из морской воды, или рассола. Плетеный короб, в котором носил старец с берега морскую капусту для удобрения земли, был так велик, что трудно было эту ношу поднять одному; а отец Герман, к удивлению всех, переносил ее, без посторонней помощи, на далекое пространство. В одну зимнюю ночь случайно ученик его Герасим увидел его в лесу идущего босиком с таким большим деревом, которое нужно было бы нести четверым. Так трудился старец, и все, что приобретал таким безмерным трудом, все то употреблял на пропитание и одежду для сирот — его воспитанников и на книги для них.

Одежда преподобного Германа была одна зимой и летом. Рубашки он не носил; вместо нее он носил оленью кухлянку, род рубашки, которую по восьми лет не снимал и не переменял, шерсть на ней вся вытерлась и кожа залоснилась. Потом — сапоги, или башмаки, подрясник, ветхая полинялая, вся в заплатах, ряса и клобук. В этой одежде он ходил везде и во всякую погоду: и в дождь, и в снежную метель, и в бурю зимнюю, и в сильнейшие морозы. Постелью ему служила небольшая скамья, покрытая оленьей, вытершейся от времени, шерстью; изголовьем — два кирпича, которые под голою шкурою или равдугой (род замши) оставались незаметными для посетителей; одеяла не было; его заменяла деревянная доска, лежавшая на печке. Эту доску сам отец Герман назвал своим одеялом, завещав ею покрыть его смертные останки; она была совершенно в рост его.

Тело его, изнуряемое трудами, бдением и постом, сокрушали пятнадцатифунтовые вериги.

Рассказывая о таких подвигах старца Германа, его ученик, алеут Игнатий Алиг-яга, прибавлял: «Да, трудную жизнь вел апа (дедушка), и никто не может подражать его жизни!»

Описанные черты из жизни старца касаются, так сказать, внешнего его делания. «Главное же дело его, — писал преосвященный Петр, бывший епископ Новоархангельский, викарий Камчатской епархии, — было упражнение в подвигах духовных, в уединенной келье, где никто его не видал; только вне кельи слышали, что он пел и совершал богослужение по монашескому правилу».

Преподобный Герман был для новообращенных алеутов истинным добрым пастырем и защищал их, как мог, видя в этом свой долг и призвание, сущность которого он выразил просто: «Я — нижайший слуга здешних народов и нянька».

Но старец общался не только с алеутами. Недалеко от Елового острова жило много русских — и им также довелось испытать силу слова великого старца. «Мне было тридцать лет, когда я встретился с отцом Германом, — вспоминает один из них. — Надо сказать, что я воспитывался в морском корпусе, знал многие науки и много читал; но, к сожалению, науку из наук, то есть закон Божий, едва понимал поверхностно, и то теоретически, не применяя к жизни, и был только по названию христианин, а в душе и на деле — вольнодумец, деист. Тем более я не признавал Божественности и святости нашей религии, что перечитал много безбожных сочинений Вольтера и других философов XVIII века. Отец Герман тотчас заметил это и пожелал меня обратить. К великому моему удивлению, он говорил так сильно, умно, доказывал так убедительно, что, мне кажется, никакая ученость и земная мудрость не могли бы устоять против его слов. Ежедневно беседовали мы с ним до полуночи, и даже за полночь, о любви Божией, о вечности, о спасении души, о христианской жизни. Сладкая речь неумолкаемым потоком лилась из уст его… Такими постоянными беседами и молитвами святого старца Господь совершенно обратил меня на путь истины, и я сделался настоящим христианином. Всем этим я обязан отцу Герману; он мой истинный благодетель».

Преподобный Герман предсказал время своей кончины и объяснил, как похоронить его. 13 декабря 1837 года он попросил зажечь перед иконами свечи и почитать Деяния святых апостолов. Во время чтения о трудах святых благовестников святой старец и перешел от земных трудов к небесному упокоению на восемьдесят первом году жизни.

Рака с мощами преподобного Германа находится в храме Воскресения на Кадьяке (остров около Аляски). На ее крышке в центре изображен преподобный Герман и по бокам архангелы Михаил и Гавриил. Сверху раки лежат вериги, крест и камилавка преподобного.

Из духовных наставлений

◊ Истинного христианина делают вера и любовь ко Христу. Грехи наши нимало христианству не препятствуют, по слову Самого Спасителя. Он изволил сказать: «Не праведные приидох призвати, но грешныя спасти». Радость бывает на небеси о едином кающемся более, нежели о девятидесяти праведниках. Также о блуднице, прикасающейся к ногам его, фарисею Симону изволил говорить: имеющему любовь многий долг прощается, а с не имеющего любви и малый взыскивается. Сими рассуждениями христианин должен приводить себя в надежду и радость и отнюдь не внимать наносимому отчаянию; тут нужен щит веры.

◊ Грех любящему Бога не что иное, как стрела от неприятеля на сражении. Истинный христианин есть воин, продирающийся сквозь полки невидимого врага к небесному своему отечеству, по апостольскому слову: «отечество наше на небесех», а о воинах говорит: «несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем» (Еф. 6, 12).

◊ Пустые века сего желания удаляют от отечества, любовь к тем и привычка одевают душу нашу как будто в гнусное платье; оно названо от апостолов «внешний человек». Мы, странствуя в путешествии сей жизни, призывая Бога в помощь, должны гнусности той совлекаться, а одеваться в новые желания, в новую любовь будущего века, и чрез то узнавать наше к небесному отечеству приближение или удаление; но скоро сего сделать невозможно, а должно следовать примеру больных, которые, желая любезного здравия, не оставляют изыскивать средств для излечения себя.

Схигумен Иоанн (1873–1958)

Схиигумен Иоанн (Алексеев) родился 14 февраля 1873 года в крестьянской семье, в Тверской губернии. В шестнадцать лет он попал на Валаам и остался в монастыре. К братии он был причислен в 1907 году, а через три года пострижен в монашество с именем Иакинф. В 1921 году рукоположен во иеродиакона, а вскоре был назначен игуменом Печенгского монастыря, который после Октябрьского переворота по Тартусскому договору отошел к Финляндии, как и Валаамский, и Коневский монастыри.

Для самого отца Иоанна (в те времена монаха Иакинфа) назначение настоятелем Печенгского монастыря было неожиданностью. Прямо из простых монахов его посвятили в сан игумена с возложением золотого наперсного креста. Братия Валаамского монастыря тогда состояла примерно из пятисот монахов, в том числе иеромонахов было семьдесят пять и иеродиаконов тридцать пять. Многие иеромонахи были отмечены наградой — золотым наперсным крестом. Отец Иоанн сам себя считал ничем не выделяющимся, средним, и поэтому выбор вызвал у него удивление.

Но отец Иоанн не смог управлять Печенгским монастырем. Разница в устройстве иноческой жизни в Печенгском монастыре по сравнению с Валаамом давала о себе знать. Тоска по родной обители, да и внутренние разногласия в монастыре, однажды заставили отца Иакинфа заявить братии, что он хочет уехать обратно на Валаам. Но братия упросила его остаться, так и пришлось отцу Иакинфу еще восемь лет нести тяжелый крест настоятельства.

Только в октябре 1931 года он по собственному прошению был освобожден от должности настоятеля и смог вернуться на Валаам, где его постригают в великую схиму, наивысшую степень монашества, с именем Иоанн. Он стал монахом-пустынником, главное послушание которого — непрестанная молитва о спасении своей души и о душах всех скорбящих.

После Советско-Финской войны, когда Валаам вновь отошел к СССР, Валаамская братия, а вместе с нею и отец Иоанн, переселилась на Новый Валаам в Финляндии.

Схиигумен Иоанн нес послушание духовника Нового Валаама и в то же время был духовным старцем для приходящих мирян. Валаам, оставаясь для русских эмигрантов кусочком России, по-прежнему привлекал паломников и верующих. Именно их и опекал старец Иоанн.

Но кроме того, что старец принимал паломников на исповедь у себя в келье, он отвечал на многочисленные письма. В своих письмах он старался внимательно разобраться в вопросах, волновавших наставляемого, в его бедах и заботах.

Среди духовных чад старца была и Анна Вырубова, фрейлина Государыни императрицы. Она жила в Хельсинки, стала монахиней. Отец Иоанн называл сестру Анну «осколком затонувшего корабля».

Умер старец 24 мая / 6 июня 1958 года.

Похоронен схиигумен Иоанн на кладбище Нового Валаама.

Духовные наставления

◊ Ты не хочешь грешить и грешишь тяжело. Что делать? — Человецы есмы, плоть носящие, да диаволами искушаемые. Не трепещи и не унывай сице, когда и пошатнешься в какой добродетели, встань, выпрямись и опять иди вперед; знай, что устоять в добродетели зависит не от нас, а от благодати Божией. Имей смирение и не верь себе, пока не ляжешь в гроб; да других не осуждай ни в чем. Кто кого в чем осуждает, тот и сам в эти же грехи впадает, иначе и не бывает.

◊ Да, «довольство, богатство, любовь родителей и похвалы окружающих» — большая помеха в духовной жизни. Святые отцы этих причин ко греху очень боялись и всеми силами избегали их; не напрасно же уходили в монастыри да в пустыни, но тебе бежать не надо никуда, а старайся быть мудрой как змея, а кроткой как голубь, прочее все временное, пустота, точно мишура. Помнить надо, даже убедить себя, что не сегодня, а завтра однако умрем, а там вечная жизнь и время там стоит. Господи, помилуй.

◊ Пользы мало, если только будем читать да спрашивать, как спастись, но надо начать трудиться, работать, очищать свое сердце от страстей.

◊ Понуждай себя чаще, внутренно молиться насколько хватит сил и время, еще упражняйся в смертной памяти и молись Богу, чтобы Он дал память смертную. Замечай, какая наша временная жизнь: непостоянная, изменчивая и скоропроходящая, невнимательных увлекает к рассеянности; а чтобы приобрести внутренний свой мир, одно средство — непрестанная молитва. Скука и грусть пройдут, потерпи, не унывай, помоги и храни тебя Господь.

◊ На твои тревоги и претыкания скажу так: пока наш душевный кораблик плавает в житейском море, всегда будет подвергаться волнению как при переменных погодах: то дождь, то вёдро; а иногда сильная буря подымется, того и гляди, что выбросит на подводный камень или на берег; иначе и быть не может в сей юдоли плачевной; только в будущей жизни будет без перемен. Когда мы подвержены страстям — говорю о душевных — самомнения, тщеславия, гнева, лукавства и бесовской гордости, — то под влиянием этих страстей, думается нам, что все люди виноваты и не хороши. Однако, мы не имеем такой заповеди, чтобы требовать от других любовь и справедливость, а сами обязаны исполнять заповеди о любви и быть справедливыми. Однако, не унывай, во время неприятностей углубись в Святое Писание и святых отцов и в молитву, тогда опытом почувствуешь

мир и тишину в душе своей; своим рассудком, как не рассуждай, без Божьей помощи не можем умиротвориться сами и других умиротворить.

◊ Воображение и память — одно внутреннее чувство; иногда прежние события так напомнят, точно молотом ударят по голове. Тут требуется молитва внимательная, с терпением. Память надо набивать чтением святого Евангелия и творений святых отцов, одним словом, чтобы ум не был праздным. Прежние события надо заменить другими мыслями, и постепенно прежние воспоминания вытеснятся прочь и тоскливость пройдет. В одном сердце два господина не могут жить вместе.

◊ Грешных страстей никогда не удовлетворишь, чем больше их кормишь, тем больше они требуют пищи; они подобны псу, который привык ходить лизать мясной стул; как только возьмешь палку и отгонишь его, то и ходить не будет к стулу. Святой апостол говорит: «блюдите, како опасно ходите», еще «задняя забывай, впредь распростирайся».

◊ Не было бы скорбей, не было бы и спасения, сказали святые отцы; от скорбей две пользы: первая — усердие к Богу и благодарность от всей души. Вторая — избавляет от суетных попечений и забот. Из святоотеческих писаний видно: они, подобно нам, тоже унывали и малодушествовали, даже испытывали то, что не пожелали предать писанию, чтобы нас, неопытных в духовной жизни, не смутить и не привести в отчаяние. Конечно, Господь попускает быть скорбям соразмерно нашим силам, кто какие может понести. Они (скорби) нас смиряют: у нас есть какая-то самонадеянность, что мы своими силами хотим преуспевать в духовной жизни, а в скорбях-то и научаемся смирению, что наши усилия без Божией помощи не достигнут цели. Наш должен быть труд к добродетели, а успех в добродетели зависит уже от благодати, и благодать дается от Бога, именно только смиренным, а без смирительных случаев не смиришься.

◊ Мудрую духовную жизнь святые отцы до тонкости объяснили в своих писаниях; а их писание больше познается жизнью. Если сам будешь работать, очищать сердце от страстей, — тогда будет все яснее и понятнее. Преподобные отцы, молите Бога о нас грешных, и откройте наш умишко, чтобы уразуметь ваше писание.

◊ Не горячись, раньше времени не стремись к высшему, в духовной жизни скачки не уместны, должна быть терпеливая постепенность; отчасти стала уже замечать неполезное для тебя: светские книги, политика и без нужды ходить по людям. Да, это все вредит для внимательного. Твой способ борьбы со страстями правильный, какие страсти замечаешь в себе, с теми и борись, только не одними своими силами, а с Божией помощью. Однако, больше обрати внимание на главную страсть, которая больше борет; знай еще, что наш должен быть труд, а успех зависит от благодати, благодать

дается не за труды, а за смирение; кто насколько смирится, настолько и благодать приходит, и в добродетели устоять зависит не от нас, а от благодати.

◊ Еще должна знать, в одном устроении не может быть человек, подобно погоде бывают изменения. Хорошо быть на Фаворе, а иногда приходится быть и на Голгофе, внимательный и рассудительный находит много случаев понять это.

◊ Да, духовная жизнь сложная, она требует глубокого смирения, рассудком ее не поймешь, а постигается только опытом, кто старается жить по совету святых отцов. Если кто спросит у тебя совета, отвечай что знаешь, но предварительно помолись внутренне и расположись на волю Божию, говори просто, не мудрствуй, не старайся повлиять; если на пользу, благодать Божия это сделает.

◊ Знай, что без скорбей нам не прожить. Господь сказал, что в мире скорбеть будете. Не было бы скорбей, не было бы спасения, говорят святые отцы. Господь избрал на проповедь святых пророков и святых апостолов, однако скорби не отнял от них; а Господь наш Иисус Христос совершенный Бог и совершенный человек (кроме греха) скорбною жизнью жил на земле. От сотворенного им человека терпел укорение, поношение, презрение, побои, даже до позорной смерти распятием. Советую тебе, не унывай, терпи, молись и старайся быть мудрой, как змея, и кроткой, как голубь (см.: Мф. 10, 16). Если будешь прибегать к Богу, Он по Своей милости и умудрит тебя, и даст голубиную кротость.

◊ Ты жалуешься, что не можешь сосредоточиться на молитву, — «все есть еще бесчувствие», сознаешь свое нерадение, а не влияние внешних дел. Да, сладостна молитва, но требует большого труда, и «молитва до последней минуты жизни требует борьбы», сказал авва Агафон. Однако, должна знать, что всякому житию свой чин. Ты живешь в миру — вот и старайся исполнять свое дело добросовестно, на которое поставлена Божиим промыслом. Не осуждай никого ни в чем, всего, чего не любишь сама, того не делай другим. Не любишь, чтобы тебе говорили неприятное или укоряли, или досаждали, или грубо обращались, или злоречили — и ты ничего такого не делай никому. Вот твоего жития чин и старайся так жить, а в чем совесть обличает, кайся Господу. А куда ты стремишься, — это достояние иноческого отшельнического жития, и оно требует совершенного беспопечения, а главнее всего — глубокого смирения; без смирения суетны все подвиги. Ты ведь занята целый день заботами да хлопотами. Как возможешь сосредоточиться в молитве? Если найдется свободная минутка, прочти в Евангелии несколько и апостольских посланий, и еще загляни в святоотеческие книги. Умудри тебя, Господи.

◊ Немощей бояться не надо, ибо Господь снишел с небес для немощных. Человек, если сознает свою немощь и покается, Господь, по Своей благости, не помянет его немощей и грехов. Больше всего надо бояться дьявольской гордости, тщеславия, вражды и осуждения, а немощи смиряют наше мнимое благочестие.

Судьбы Господни непостижимы нам грешным, и никакой ум понять не может, и не будем допытываться, кому какой крест Господь дает. Если и поносит, и срамит нас, то не будем смущаться и осуждать ее, но будем молиться, чтобы Господь помог ей и избавил ее от бед и скорбей.

◊ Знай, что поношения и посрамления, хоть и неприятно переносить их, но очень полезно и спасительно для нас; если будешь внимать себе построже — узнаешь опытом. Надо бояться похвалы, ибо она воспитывает тщеславие и самомнение; горе, если похвала будет выше дела.

◊ Святой апостол Павел, перечисляя степени святых, сравнивает одних солнцу, других луне, а иных звездам, и звезды имеют большую разницу между собой, но нам бы с тобой быть хоть и малюсенькой звездочкой, но на том же небе. А если что и стрясется по человеческой немощи, унывать не надо, смиримся, сознаем свою немощь и покаемся; человеку свойственно падать, а диаволу не каяться.

◊ Скажу кратко, как должно молиться на основании богомудрых святых отцов. Ум надо заключать в слова молитвы и внимание держать в верхней части груди, ибо внимание — душа молитвы. На сердце нажимать не надо вниманием, если будет внимание в груди, тогда и сердце будет сочувствовать. Когда появится умиление и теплота сердечная, думать не надо, что получил что-то великое. Это бывает естественно от сосредоточения, но не прелесть. Все же от благодати Господь дает некоторое утешение молитвеннику.

◊ Всеми силами старайся, чтобы никого не осуждать ни в чем. Чего себе не хочешь, того и другим не делай и вражды не имей, иначе молитва не будет прививаться к сердцу.

◊ Знай, что во второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа на землю и страшный суд будет по святому Евангелию. Но мы так оземленились, что мало обращаем внимания на евангельские заповеди, но очень строго судим за какие-либо обряды. Конечно, обряды нужно исполнять; установленные святыми отцами, ибо они воспитывают душу в благочестии. Но все же, всегда надо обращать больше внимания на евангельские заповеди. Господь говорит: «Не судите, да не судимы будете, чего себе не хочешь, того и людям не делай». А мы-то, что глухие, не слышим, что Господь говорит нам, и свободно нарушаем Его святые заповеди.

◊ Осуждающий всегда ошибается и неправильно судит, ибо мы не знаем причину согрешающего, а судим по своему устроению. Кто как настроен, тот так и о других и заключает, ибо кривое око на всех криво глядит. Очень хорошо сказал преподобный Дорофей: «Вот, если стоит человек у угла какого-либо здания, пройдут мимо него трое и каждый подумает по своему устроению. Религиозный подумает о нем: вероятно, ждет, когда ударят в колокол и пойдет в церковь. А вор подумает: когда будет потемнее, пойдет воровать. А блудник подумает: наверно, поджидает женщину для греха». Очень справедливо сказано, и это видно почти на каждом шагу.

◊ Пишешь, что двадцать пять лет читаешь и слушаешь и питаешься словом Божиим, а толку нет. Какой же ты хочешь иметь толк? Или хочешь увидеть себя во всем исправной и святой? Но так в духовной жизни не бывает. Будь довольна тем, что видишь свои недостатки, ибо от этого, незаметно, постепенно приходит, хотя и в малой степени, смирение. А уклонения и увлечения очень смиряют вашу самость.

◊ Просишь меня сделать указание или определить правило и наладить твою жизнь на путь истинный. Это твоя просьба превышает мой ум и духовные способности, но за послушание, позабыв свою немощь и неспособность, пишу, что Господь положит мне на сердце.

Старайся не осуждать никого ни в чем. Чего себе не хочешь, того и другим не делай. Помни, что за каждое праздное слово дадим ответ пред Богом на страшном суде. Двум господам служить нельзя. Примиряйся с соперником, чтобы он не заключил тебя в темницу. Чтобы вражды не было ни с кем, иначе молитва не будет угодна Богу, даже послужит во грех. Как же будет у Бога прощение нашим грехам, когда сами не прощаем?

Вот тебе коренное указание, на котором зиждется наше спасение. Конечно, легко указать и легко пожелать, но исполнить очень трудно, и мы немощные; одних наших сил не хватит — должны просить помощи у Бога, чтобы Он по Своему милосердию помог нам грешным. Вот святые отцы и избрали молитву Иисусову — непрестанную. Вам, в миру живущим, очень трудно держать непрестанную молитву, однако, знай, святые отцы всякое доброе дело приписывают молитве: добрый разговор, память Божия, терпеть поношение, укорение, презрение и насмешки и т. д. Ты хочешь иметь определенное правило молитвенное. Преподобный Исаак Сирин не советует обременять себя вычитыванием количеством стихословий и быть рабом у правила. Ибо в рабском делании нет мира (Слово 30, 136 стр., издание 1911 г. «О том, как должно молиться без кружения мыслей»).

Можно читать утром и вечером несколько молитв, сами определяйте сколько, сообразуйте с временем, только, чтобы было не на ветер, а со

вниманием, ибо внимание — душа молитвы. Ежедневно надо прочесть главу святого Евангелия и главу апостольских посланий.

По Божией милости, что было у меня на сердце, то и написал, и прими это не как закон или повеление, а как совет. Сама усматривай и сообразуйся с условием вашей жизни.

◊ Святые отцы советуют читать святое Евангелие ежедневно, если очень недосужно, хоть одно зачало все же прочти. Читай не так, чтобы только прочесть, но внутренне помолись Господу, чтобы открыл очи твои сердечные для уразумения силы святого благовествования Христова; читай внимательно, точно по складам. Опытом познаешь духовную силу, исходящую от такого чтения, подобно кровоточивой жене.

◊ Во всех недоуменных вопросах, возьми себе за правило совет богомудрых святых отцов: если предстоит тебе два зла, выбирай меньшее, а если две добродетели предстоят — выбирай большую. Конечно, предварительно помолись, чтобы Господь вразумил.

О помыслах

Помыслы бывают трех родов: человеческие, ангельские и бесовские. Мысли человеческие не что иное, как мечтательные образы вещей мира сего, сказал преподобный Исихий. Ангельские помыслы всегда добрые, и на сердце бывает мир и тишина, даже некоторое веселие. А бесовские мысли всегда греховные, и в сердце чувствуется смущение. Иные люди иногда говорят: «Что ни шаг, то грех». Так говорить неправильно. У святых отцов все приходящие мысли названы прилогами, хоть и худые они, но безгрешны; мы по самовластию можем принять и не принять, если не примем их, то они безгрешны, а если примем и будем говорить с ними, тогда будут греховные и доведут они до телесного греха. Иногда приходят мысли неприятные: когда-то были ошибки, и вдруг они появятся, точно молния блеснет, я полагаю, что такие мысли естественные, человеческие прежние воспоминания. А бесовские мысли всегда греховные: о гневе, о блуде, о сребролюбии, о тщеславии, о гордости и о прочих страстях, и всегда в сердце бывает смущение. Конечно, мирянам трудно, даже невозможно, разобраться в помыслах, от каких причин они бывают. Ибо, иные мысли у писателей, иные мысли у изобретателей, а иные у торговцев.

◊ Вот, друг, как советую тебе читать Святое Писание: сперва помолись Богу, чтобы Он открыл твой ум уразуметь Писание; что понятно — старайся исполнять, а непонятное пропускай. Так святые отцы советуют. Святое Писание надо читать не для знания, а для того, чтобы спасти свою душу. А исследование непостижимого относится к гордости.

◊ Некий мудрый старец увещал гордящегося брата, но сей ответил ему: «Прости меня, отче, я не горд». Мудрый старец возразил ему: «Чем же ты яснее можешь доказать, что ты горд, как не тем, что говоришь: я не горд?»

Да, гордость слепая, сама себя не видит. Гордость — изобретение диавольское. Вот исчадие ее: гнев, клевета, раздражительность, лицемерие, ненависть, прекословие, непокорность; она крепко настаивает на своем мнении, трудно подчиняется другим, замечаний не терпит, а сама любит делать замечания другим, слова выбрасывает не осмысленно; она не имеет терпения, чужда любви, дерзка даже до нанесения оскорблений; стремление к власти; гордые очень страдают хульными помыслами. Написал кратко на основании святоотеческого учения.

◊ Теперь сообщу о смирении. О, блаженное смирение, ты Божественно, ибо преклонило небеса и воплотилось в человечество и грехи всего мира пригвоздило ко кресту. Душа моя трепещет, как я могу сказать что-нибудь о величии твоем?

Богомудрые святые отцы вот что говорят о смирении: от него происходит кротость, приветливость, удобоумиление, милосердие, тихость, благопокорность. Смиренный не любопытствует о предметах непостижимых; а гордый хочет исследовать глубину судеб Господних. Смиренный не хвалится природными дарованиями и гнушается людскими похвалами — как человек, одетый в шелковую одежду, отбегает, если брызнуть на него дегтем, чтобы не замарать своей дорогой одежды, так и смиренный убегает человеческой славы.

Свойство смирения — видеть свои грехи, а в других добрые качества; а гордости свойственно видеть в себе только хорошее, а в других только худое. Вот еще черта смирения: простота, откровенность и естественность. А что такое смирение и как оно рождается в душе, никто не может выяснить словами, если человек не научился сему из опыта. Из одних слов нельзя сему научиться.

◊ Господь сказал: «Просите и дастся, толцыте и отверзется».

У меня грешного есть устарелая привычка, долго она мучила меня, боролся с ней и попросил Господа, чтобы избавиться от нее, но Господь не помогал мне. Читаю книги святых отцов, знаю по теории способы борьбы со страстями.

Святые отцы говорят, что начало страстей происходит так: прилог, сочетание, пленение и страсть, если отсечем прилог, то за один раз отсечем всю страсть. Но я, по своей немощности и лености, попал в плен страсти, боролся и молился, но не мог освободиться из плена. Однажды, так было мне тяжело, сознал свою немощь и бессилие, возопил ко Господу: «Господи, помоги мне немощному избавиться от сей страсти», и Господь по Своему

милосердию помог мне грешному через людей, хотя они сделали бессознательно, а я ясно ощутил помощь Божию.

Молился и раньше, но, очевидно, не искренно и больше было надежды на свои усилия, а не на Божию помощь. Вот Господь и вразумил меня, чтобы я помнил Его слова: «без Мене не можете творить ничесоже».

Слава, Господи, святому милосердию Твоему.

Советы жене иноверца

Своему мужу старайся быть верной, не изменяй ему и слушайся его во всем. Конечно, исключая православных требований. На религиозные темы беседовать не надо, а если сам заговорит, отвечай что знаешь, но сперва мысленно помолись Богу. Учи его не словом, а добродетельною христианскою жизнию. Не принуждай его ходить в церковь, если сам пожелает — это другое дело; будь довольна и благодарна, что тебе не препятствует ходить. Молись о нем просто по-детски: «Спаси, Господи, и помилуй моего мужа Х., сохрани и вразуми его». И прочее все предоставь Божию милосердию и будь спокойна. Умудри тебя, Господи.

К его матери относись всегда хорошо и вежливо, когда что скажет неприятное, то терпи. На религиозные темы не говори с ней, иначе потеряешь свой мир. В гневе никакое дело не решай и разговор прекращай. Под влиянием гнева всегда грешишь и скажешь неправильно и после будешь сожалеть.

Письмо инокине 6.2.1954 г.

Христос посреди нас!

Твое почтенное письмо получил, прочел с любовью и порадовался, что Ты ревнуешь о молитве. Бог благословит — трудись, ибо молитва в духовной жизни — главное делание; однако знай, насколько она высока и полезна, настолько и достается дорогой ценой, то есть большими трудами. Преподобный Агафон сказал: «Ничего нет трудней, как молиться Богу, и молитва до последней минуты жизни требует борьбы». А чтобы она шла успешнее, постарайся, насколько сможешь, исполнять три условия: иметь чистою совесть к Богу, людям и к вещам. К Богу старайся исполнять Евангельские заповеди, к людям, чтобы не осуждать и не враждовать, к вещам — пользоваться не пристрастно. Это приготовительные условия.

А упражняйся в молитве так:

В уме не надо представлять Бога и Богородицу или святых, ум заключай в слова молитвы и внимание держи в верхней части груди, ибо внимание — душа молитвы. На сердце не надо нажимать вниманием, если будет внимание в груди, тогда и сердце будет сочувствовать. К умилению и

слезам не надо стремиться, а когда это само по себе придет и теплота сердечная, то остановись на этом, пока это не кончится; думать не надо, что что-то великое получила. Это бывает от сосредоточения, но это не прелесть.

Вот что еще скажу, на всякий случай: хоть у редких и редко бывает, слезы польются просто струей, люди все покажутся просто святыми, врагов нет, теплота пойдет по всему телу, но не кровяная, а особенная, благодатная, так, что на ногах не устоишь, надо садиться или ложиться. Это посетил небесный гость, тот только и знает, кто сам это испытал, посторонним непонятно. В молитве подражай Евангельской вдовице (см.: Лк. 18, 2).

Бывают сухость, леность, наплыв мыслей, скорби и от людей клевета и другое многое, но это все пройдет с Божиею помощью, только не унывай. Не верь себе, пока не ляжешь в гроб; имей смирение и никого не осуждай ни в чем. Ведь были такие подвижники, которые видели славу святых и такую имели благодать от Бога — творили чудеса, возложением рук исцеляли больных. Люди прославляли их, и они возмечтали о себе диавольской гордостью, благодать отошла от них, и они вели жизнь распутную на посмешище людям. Не удивляйся, что страсти сидят в тебе; они напоминают, что мы человецы, и смиряют нас; бойся самомнения и диавольской гордыни. Еще знай, что устоять в добродетели зависит не от нас, а от благодати Божией, а благодать хранит за смирение. Преподобный Исаак Сирский говорит: если трудишься в какой добродетели и не видишь плода и успеха, не дивись, ибо Господь дает дарование не за труд, а за смирение.

Без смирения никакой добродетели быть не может. Я по своей духовной слепоте не знаю молитвенников и не могу тебе указать. Молись сама, ибо Господь дает молитву молящемуся, если будет у тебя хоть некоторый молитвенный навык, тогда и тиканье часов не будет мешать, но время определить нельзя, может быть, пройдут годы. У юноши Георгия в «Добротолюбии» упомянуто особенное упражнение в молитве. Ты упражняйся общими правилами, которые я тебе хоть кратко указал. К схиме не стремись, она не прибавит тебе духовного преуспеяния. Или тебе интересно напялить одежду с крестами? Старайся о едином на потребу, а остальное все приложится.

В Киеве был такой случай: были похоронены схимник и послушник; когда открыли гробы, то на послушнике оказалась схима, а на схимнике — послушническая одежда. Вот тебе и схимник! Недостойно ты, бедняга, носил схиму, послужила она тебе не на спасение, а на осуждение. Пишу эти строки и краснею: ведь я тоже схимник. Увы, не послужила бы она мне тоже во осуждение! Однако не отчаиваюсь, Господь милостив, знает нашу

немощь и схимнику дал покаяние. Слава, Господи, святому милосердию Твоему!

Прошу святых молитв твоих о моем убожестве.

Иеросхимонах Михаил (1877–1962)

Отец Михаил (Питкевич) был последним великим Валаамским старцем.

В 1926 году обитель оказалась за пределами России, и в угоду интернациональному экуменическому движению Финская Церковь, руководимая Константинопольским Патриархатом, заставила Валаам перейти на западный календарь. Валаамцев, отказавшихся принять новое летоисчисление, судили, запугивали, ссылали в дальние скиты, с позором выгоняли совсем с монастыря. Некоторые даже были посажены в тюрьму в Выборге как «нарушители порядка». Не выдержав, многие монахи уехали в Сербию и даже в Советский Союз.

Отец Тимон (такое имя носил старец до принятия схимы) был во главе Старостильнико в и убеждал других крепко держаться чистоты православия. Уезжать он не хотел и решил все терпеть до конца в своем монастыре. «Хоть живьем закопайте, — отвечал он своим судьям (правящей партии монастыря), — не отступлю от своих слов, от того, что мне заповедал старец еще до поступления в монастырь».

Вместо старца Михаила, который был духовником монастыря до раскола и умер от разрыва сердца в ссылке на Предтеченском острове, духовником тех, кто держался старого стиля, стал отец Тимон.

Тяжелые дни наступили для оставшихся верными чистоте православия. За ними следили, придирались, обвиняли в том, чего они не делали, издевались. Посылали на всякие неподходящие послушания. Отцу Тимону приказали оставить Гефсиманский скит, где он подвизался, и перевели его в монастырский корпус, дали келлию среди других, что ему было очень тяжело после скитской тишины и уединения.

Пользуясь разрешением владыки, «старостильники», испросив себе пустое помещение — «глиномятку» (после прекращения производства изделий из глины), устроили в ней себе церковь, где совершалась служба в четыре часа утра ежедневно.

Многие миряне в те дни посещали Валаам, ища у старцев ответа на волновавший тогда всех вопрос о церковном расколе и о том, что правильно и чего надо держаться.

Отец Тимон непрерывно продолжал свой молитвенный подвиг, ежедневно служа литургию тихо, незаметно, стараясь не раздражать своих

преследователей.

В 1939 году, в декабре месяце, во время финской войны, Валаам был эвакуирован. С горечью и скорбью покидали старцы свою обитель. Иконы, утварь, ризница, музей и часть библиотеки были вывезены. Несколько колоколов тоже отцы взяли с собой. Но весь Валаам — его чудесные скиты в своей неповторимой красоте, ценнейший рукописный «Валаамский патерик», большие колокола — все это осталось.

Отцы были увезены в глубь Финляндии, в деревню Каннокоски. Здесь все они очень тесно и скученно были размещены в помещении школы, на берегу озера, среди леса, близ деревни.

Отец Тимон опять был лишен своего любимого уединения, но и тут, несмотря ни на какие трудности, не прекращал ежедневного служения Божественной литургии.

Отделив в сарае, где был сложен разный хозяйственный хлам, уголок, он его вычистил, прибрал, устроил там престол на снятой с петель старой двери, все вокруг закрыл пеленами, поставил иконы и на антиминсе совершал службу… Убогий сарай, подобно Вифлеемской пещере, превратился в палату, где совершалось величайшее таинство.

Одна мысль о величии этого таинства, совершаемого в углу убогого сарая, еще более поражала и умиляла.

После войны монастырь приобрел имение, которое ныне носит имя «Новый Валаам».

Война закончилась. Москва диктовала свои условия Финляндии. Тот же игумен, который преследовал за «старый стиль» под влиянием политических событий, сразу — также под их влиянием, а может быть, под влиянием страха, перешел опять со всей братией на «старый стиль». Раскол был ликвидирован. В монастыре водворилось единообразие, но все-таки осталось два направления — финское и русское.

После принятия схимы (в 1946-м или 47-м году) старец Михаил совсем уединился, даже в храм не выходил, совершая у себя каждый день литургию. Хотел он совершенно уйти в затвор и никого больше не принимать. «Но, — говорит, — как только хочу от вас всех отказаться — вижу вокруг себя множество бесов. Верно, за ваши молитвы Господь хранит еще меня», — смиренно заключил старец.

И духовные чада продолжали посещать старца.

У старца было десять — пятнадцать постриженниц монахинь, не считая монахов.

Своих духовных чад, особенно тех, кого хорошо знал, принимал у себя каждый день, и монахинь причащал святых Тайн каждый день. Кто приезжал к нему со своими горестями и тяжестями, хорошо знал его силу,

силу любви старца. Придя в убогую келлию, каждый чувствовал: будто все растает и уйдет без следа — как не бывало, а если что и останется — старец это сразу увидит и легко, наводящим вопросом, вскроет язву или, даже без вопроса, строго скажет: «Гони, гони от себя этого беса… — назовет то, чем страдает душа, — гони именем Иисусовым».

Отец Михаил, относясь к каждому очень снисходительно, по силе устроения и духовного роста, сам к себе был очень строг и был великий постник.

Уже до схимы перестал он брать из трапезной горячую пищу. Случилось это так: «Пришел я за едой к трапезнику, а он мне говорит: „Что ты пришел, ты ведь ничего не работаешь?“ И правда, подумал я, что от меня монастырю пользы? Поклонился трапезнику и ушел». С того дня уже больше не ходил он за горячей пищей.

Хлеб, чай, сахар, в скоромные дни — молоко, выдавали всем на руки, в келлии. Жившие при обители монахини-прачки приносили старцу то похлебку, то кашицу, но старец сокращал их все больше и больше, почти до минимума, а в последнее время и совсем отказался от посторонних услуг. Даже не позволял мести свою келлию. Сам варил иногда манную жидкую кашицу — две ложки, иногда, в скоромные дни, съедал яйцо; супов, похлебок никогда не варил, чай, хлеб, и в скоромные дни подкреплял себя кофе, который очень ему нравился, говорил: «Силы дает».

Когда в пятидесятых годах возобновилось церковное общение между Финляндской и Русской Церковью, русские иерархи — посланцы Московского Патриархата — стали приезжать в Финляндию устанавливать

церковные отношения. Почти все посещали Новый Валаам. Крутицкий митрополит Николай, посетивший Новый Валаам, спросил у тогдашнего игумена Иеронима, кто из братий мог быть его духовником, и игумен указал ему старца Михаила, с которым он беседовал долгое время. Митрополит Николай просил игумена, чтобы он разрешил старцу принимать и наставлять желающих получать духовные наставления, особенно священнослужащих. К митрополиту Николаю старец сначала относился очень сдержанно, но потом, видимо, переменил мнение. Старец считал что патриарх Алексий и митрополит Николай стремятся сохранить Церковь и сберечь от посягательства безбожников.

В оба свои приезда на Новый Валаам митрополит бывал у старца подолгу. Сидя против стены, где были фотографии Царской семьи и отдельно маленького наследника, митрополит Николай, покачав головой, скорбно сказал: «Мученики, они мученики» — повторил несколько раз. Старец подарил митрополиту четки.

Служа каждый день Божественную литургию в своей убогой келлии, начиная молитву в 11 часов вечера, старец ко времени отъезда на Родину (в 1957 году) поминал за восемь тысяч имен… И это были не только имена, но живые души, каждая со своим ликом, около каждого имени была сделана его рукой заметка, по которой он знал, кто тот, за кого он молится. Около семи утра можно было видеть в окне его келлии, затянутом плотной синей занавеской, сбоку полосочку света — он еще стоял на молитве, а около восьми — двери его были открыты для тех, кто нуждался в его поддержке, в утешении и совете, или приходил каяться в своих грехах.

Постепенно старец приходил к мысли оставить Ново-Валаамскую обитель и выйти из юрисдикции обновленческой Финской Церкви.

Когда валаамцам предложили переселиться в Троицкий монастырь в США, они отказались. Старец сказал: «Там капище сатаны, центр сатанистов». Когда же ему возразили: «А что же в нашей России теперь!» — он ответил: «Это земля мучеников, земля исповедников, полита их кровью, очищается как золото в огне».

Тогда же старец произнес слова, в которых изложил взгляд на положение Церкви в советской России:

«Во всем есть две стороны — вот святой Михаил, князь Черниговский, и боярин Феодор, попавши к татарскому хану, приняли мученическую смерть. Богу было угодно дать власть язычникам над нашей большой Родиной, и князь, повинуясь гражданским законам, соглашается поклониться этой земной власти; но, когда от него потребовали они, чтобы он поклонился их идолам — он отказывается от княжеской власти, славы, от жены, детей и отдает свою жизнь за верность Господу. Так и сейчас в

России, гражданским властям приходится повиноваться, но твердо держаться своего — хоть на крест, хоть на распятие. Так теперь у нас на Родине две стороны».

Старец хотел, по его словам, «умереть на своей Родине со своим страдающим народом».

Прожив в монастыре пятьдесят пять лет, восьмидесятилетний старец с шестью другими валаамскими монахами (отцом Лукой, отцом Борисом, отцом Исавром, отцом Геннадием, отцом Сергием, отцом Гурием) уехал на Родину.

В Псково-Печерской обители, куда старец попал после недолгого пребывания в одном из молдавских монастырей, он сразу стал затворником, в храме почти не бывал, ежедневно служил литургию у себя в келье. Он был слеп на один глаз, слаб, очень худ — и никуда не выходил…

К тому же старец сразу почувствовал новое отношение властей к Церкви — его письма проверялись, не допускали верующих, не разрешали встречаться с паломниками и духовными чадами.

В 1958 году он просит передать своей духовной дочери Марии, которая желала переехать из Финляндии в Пюхтицы, что выдержать здешнюю жизнь она не сможет.

Старец всегда хотел умереть на Пасху или Благовещение. И Господь действительно судил старцу мирно умереть на Благовещение, в 1962 году.

Духовные наставления

◊ Держи себя всегда в напряжении. То послушание спасительно, что тяжело дается, а что нравится и легко — дешево стоит.

◊ А я смотрю так на пост, — говорил батюшка, — это воздержание, а не изнурение себя. Главное в посте — это сердце сокрушенное, с искренним покаянием и смирением: «сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничижит» (Пс. 50, 19). Надо тебе работать, живешь в миру, нужны силы — не лакомься, не услаждайся, не позволяй себе излишества, и если по необходимости придется съесть тебе и в посте яйцо или молоко, Господь не взыщет, не вменит во грех…

◊ Какой бы ты ни соблюдала пост, даже самый строгий, если без истинного покаяния, то Господь не приемлет его. Такой пост не приведет ни к спасению, ни к утешению. Главное — внутри очищай сердце.

Надо смиряться и за все благодарить.

◊ Старец велел читать каждый день молитву Филарета Московского: «Господи: не знаю, чего мне просить у Тебя? Ты один ведаешь, что мне потребно. Ты любишь меня паче, нежели я умею любить Тебя. Отче, даждь рабу Твоему, чего сам я и просить не умею. Не дерзаю просить ни креста, ни утешения, только предстою пред Тобою, сердце мое отверсто; Ты зри нужды, которых я и не знаю. Зри и сотвори по милости Твоей; порази и исцели, низложи и подыми меня! Благоговею и безмолвствую пред Твоею святою волею и непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя в жертву Тебе; научи меня молиться. Сам во мне молись. Аминь».

◊ Да как ты молишься? Ко всему должна быть подготовка. Все эти приемы и дыхание, о которых читала, — оставь; только сердце может повредить, такие случаи бывали.

С Иисусовым именем, с этой молитвой должен быть вопль из глубины сердца — тогда и будет молитва.

◊ В другой раз старец сказал:

«Молись так:

1. Иисусе сладчайший и дражайший, молю Тебя и умоляю — вся мне прости и спаси мя.

2. Иисусе сладчайший и дражайший, научи меня молиться, научи любить Тебя, исполнять заповеди Твои.

3. Иисусе сладчайший и дражайший, обогати меня смирением, кротостью и слезами, ибо нет у меня другого пути к Тебе на небушко.

В такой молитве больше смирения».

◊ Всегда надо иметь хотя самую краткую молитовку и стараться всегда помнить, что Господь тебя видит, — ходить перед Господом старайся.

Как-то духовные чада спросили батюшку: «Теперь мы тайные монахини, батюшка, нам нужен устав — укажите нам».

Старец сказал: «Жили эти три тайные монахини вместе, в деревне ходили на работу или брали работу домой, постоянно имели общение с мирянами, бывали в их сообществе. А вот вам устав — заповеди блаженства знаете? Возьмите первую заповедь, начинайте ее исполнять, трудитесь над ней — вот вам и устав!

Все добродетели и уставы — ничто без этой заповеди. Это у Лествичника читали ведь?.. А если и все службы выстаивать будете, все вычитывать, весь устав выполнять, а внутри не будете очищаться, то будете мнимо-праведны, как фарисеи. И устав, и чтение — сами должны быть молитвою. От молитвы родился и создался устав и чин, и должен он быть внутренним, как и внешним. Готовиться надо к нему постепенно, со ступени на ступень восходить, а не сразу браться за высокое, труд и труд нужен повседневный». «Без борьбы и труда нельзя обойтись». «Кто без труда и опыта об уставе и чине только думает, тот подобен едва прошедшему сельскую школу и желающему понимать книги, которые изучают в Академии».

◊ «Многими скорбями — вот жертва Богу», — говорил батюшка. «Какая бы ни была тучная жертва — не угодна она Богу, если хоть капля жаления в ней есть, хоть малая доля стяжания и пристрастия. Все главное — в искренности, правдивости, чистоте сердца. Жертва, угодная Богу, была жертва бедной вдовицы, потому что была всецелая, от чистого сердца — такую жертву Он приемлет с любовью».

◊ Во всем надо быть очень внимательным к себе, во всех мелочах, не допускать ни малейшей лжи, или неискренности, или лести и человекоугодия.

◊ Главное же — это смирение и любовь. Кто много любит, тому многое и простится (ср.: Лк. 7, 47). Проявление любви к ближнему может спасти и большого грешника. Любовь покрывает все (ср.: 1 Пет. 4, 8).

◊ Терпи и терпи все — все злострадания, всю тяжесть труда, укорения, клевету, но больше всего бойся отчаяния — это самый тяжелый грех.

◊ Есть два пути: 1) путь самоукорения и смирения; 2) путь самооправдания и отчаяния.

Первый — есть истинный путь сокрушения и покаяния и ведет к утешению и спасению.

Второй — путь гордыни, самооправдания; тогда никто не поможет, ни мои молитвы, ни ангелы небесные, только милость Господня, а если не

Господь, то этот путь ведет к гибели.

◊ Какое бы ни произошло поползновение, падение, — надо вставать, не отчаиваться, а опять начинать — труд и труд нужен, борьба. Только за мужественную борьбу дают венцы. Должна быть борьба, сокрушение с искренним покаянием и твердое упование.

◊ «Сопротивляйся и борись, а остальное предоставь все Господу». Тут батюшка рассказал, как один брат, впадавший в грех прелюбодеяния, горько каялся, сокрушался всем сердцем — было так до семи раз; и так он каялся и боролся, что было ему прощено и старцу было открыто, что ради сокрушения и борьбы был этот брат увенчан венцами. Он не допустил отчаяния.

◊ Больше всего храни мир сердца. Все возложи на Господа, всецело предайся Ему — все у Него и все от Него.

◊ Все, что нарушает мир, отрезай, избегай, отходи — это необходимо.

◊ Прекрати все знакомства, сама не ходи в гости и к себе не пускай, беги от всех, но люби всех, не входи в чужие дела и не суди никого — тогда и будет мир в сердце.

А поведешься со многими — все вынесут от тебя, что успеешь собрать в себе. Знакомства и разговоры опустошают и рассеивают. Кто-то должен быть, с кем поделиться, без этого очень тяжело и трудно. Иногда это необходимо даже. Но выбирать надо очень осторожно, надо быть уверенным в человеке — не поймут того, что для тебя ценно… Более молчи, учись молчанию…

Близкого друга не ищи — не найдешь… будь одна, имея только Господа пред собой, — Он все устроит и поведет, как надо.

◊ Если случится не преодолеть искушение, если не выдержишь вражеских нападений, а они всегда будут со всех сторон и неожиданно, если и не делом, — помыслами увлечешься — есть покаяние.

◊ Никому о себе не рассказывай, не делись — могут не понять, а спорить и доказывать — нет ни смысла, ни нужды; только лишнее словопрение без пользы.

◊ Главное — снутри начинай, внутри очищай, а не напоказ — снаружи.

◊ [Проси:] Господи, оставь меня как есть, не надо больше мне никаких дарований, но — дай любви. Любовь покрывает все.

◊ Когда враг досаждает, хочет мелочами, досадами раздражить, разгневать, похитить мир сердца, скажи только: «Христос воскресе! Христос воскресе! Христос воскресе!» Этих слов он боится больше всего, они его жгут, как огонь, и он убежит от тебя.

◊ «Не только надо молиться: «Господи, помилуй», не только просить, надо и постоянно благодарить, и уметь славословить Господа — тогда будет

мир в душе.

◊ Мы легко обращаемся к заступничеству святых угодников, к ангелам, к Божией Матери, обучаемся непрестанной молитве Иисусовой, а Троицу Святую забываем, будто Троица Святая чудная далеко от нас…

Один старец усердно творил непрестанную молитву Иисусову, и было ему видение — предстали пред ним трое, потом двое удалились, остался один… что это значит?.. Он творил молитву Иисусову и увидел троих — Святая Троица — остался только Господь Иисус Христос… Которого призывал — Сына Божия, Одного… Надо чаще обращаться к Святой Троице.

◊ Не ищи правды на земле… ищи ее в себе. Я расскажу тебе сказочку. Жила Правда на земле. Плохо ей было: где ни появится, куда ни придет — везде ее гонят, везде ей нет места, всем она мешает… «Пойду, — думает Правда, — поближе к храму Божию, пойду в храм». Пришла, встала, но и в самом храме ее стали толкать: «Тут не стой, это мое место»; «Туда не иди — там для почетных, богатых…» Придвинулась Правда к амвону, но и здесь ей не нашлось места… Поднялась она — вошла в самый алтарь, стала у Престола… Один говорит: «Я — старше», другой говорит: «Я — саном выше, я — заслуженный; я ученый — здесь я должен стоять, а тут — я…» И вот даже там Правда не нашла для себя места…

Не ищи правды… Царица небесная, честнейшая херувим и славнейшая серафим, разве не видела кругом Своего Божественного Сына неправду, клевету, ложь, несправедливость, которыми платили Спасителю за Его бесчисленные благодеяния и чудеса, — но Она молчала! Она никого не упрекнула, никого не осудила. Вот как Она отнеслась к неправде этого мира!

◊ Царство небесное, Христово, силой берется, усилием — постепенно, не вдруг, непрестанным вниманием, самоотвержением, терпением, хранением чувств, покаянием — самоукорением, главное — безмолвием, молчанием и молитвою. Скорби от бесов не избежишь: если они сами не могут, посылают людей на то. Тут нужно всегда быть в напряжении, во внимании идущему по пути самоукорения и покаяния. Даже если и много злострадания встретится, Господь поможет терпеть, видя его твердую веру, решимость и смирение.

Бойся, бойся осуждать… не смотри на других.

Послушники — все спаслись, а своевольники — повредились, иные же и погибли…

◊ Священника не суди — бойся этого больше всего. Ты не можешь понять даже, в каком Таинстве он участник. Одной его слезы покаяния, упавшей на престол, довольно, чтобы смыть все его грехи.

◊ Из книги Сергея Большакова «На высотах духа»:

«Моя последняя беседа с отцом Михаилом на Новом Валааме была самая глубокая и поучительная. Отцу Михаилу было уже тогда за восемьдесят, но он был молод и сердцем, и умом. Я сидел у него в келлии. Дело было в августе… Солнце садилось по другую сторону озера, за бесконечные леса. Стояла глубокая тишина, как на картине Левитана „Вечный покой“.

— Скажите, отец Михаил, в чем главные этапы духовной жизни?

— Да вот, как тебе отец Аркадий объяснял в Псково-Печерской обители? Никто не спасся без смирения. Помни, что до конца жизни ты будешь впадать в грехи, тяжкие или легкие, гневаться, хвастаться, лгать, тщеславиться, обижать других, жадничать. Вот это-то сознание и будет держать тебя в смирении. Чем тут гордиться, если ежедневно грешишь и обижаешь ближнего. Но на всякий грех есть покаяние. Согрешил и покайся… и так до конца. Делая так, никогда не будешь отчаиваться, а постепенно придешь в мирное устроение. А для этого нужно блюсти помыслы. Бывают они добрые, безразличные и худые. Последних никогда не принимай. Как появился прилог, отсекай его сразу молитвой Иисусовой. А если станешь его рассматривать, то он к тебе приразится, ты им заинтересуешься. Он тебя очарует, и ты с ним согласишься и будешь обдумывать, как бы его исполнить, а потом его исполнишь делом — вот и грех.

Но есть и такие помыслы, которые представляются невинными, а доводят до великих искушений и тяжких грехов. Мне рассказывали, что была в Уфимском женском монастыре некая прозорливая старица, а духовником в том монастыре был очень хороший вдовый священник лет шестидесяти. Вот раз, ложась спать, вспомнил, как тридцать лет тому назад, когда еще его жена и дети были живы, он укладывал детей спать. И умилился. А потом вспомнил жену, ну и пошло, мысли уклонились, куда не подобает. Так что он провел всю ночь в молитве и поклонах, такое было искушение. А утром старица вызвала его к себе и спрашивает: „Что такое с Вами, батюшка, было? Силы нечистые роились вокруг вас, как мухи“. Духовник чистосердечно признался: вот куда могут завести нас мысли, сначала кажущиеся хорошими. Психиатры толкуют там о психоанализе и разном, но где же нам во всем этом разбираться, что хорошо и что нет. А посему взывай ко Господу непрестанно: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго“. Сказано у апостола Павла, что кто исповедует Христа Сыном Божиим и будет вопиять к Нему непрестанно — спасен будет (см.: 1 Фес. 5, 17). Ты вот, Сереженька, упражняйся, как можешь, в молитве Иисусовой и постепенно придешь в умиротворение, а знаком будет тебе глубокий мир души, необуреваемое спокойствие.

— А дальше что бывает, отец Михаил? — вопросил я старца.

— А вот что. Есть два вида безмолвия. Первый вид — молчание. И это неплохо, по крайней мере, других не соблазняешь и не обижаешь. Но оно недостаточно. Отцы пустынные говорили, что отшельник, сидящий в своей пещере и никого не видящий, подобен, однако, аспиду, сидящему в своем логове и полному смертоносного яда, если он вспоминает обиды, когда-то ему сделанные, и гневается. Второй вид безмолвия — это безмолвие внутреннее. О нем те же отцы говорили: есть старцы, которые говорят с утра до вечера, пребывая постоянно в безмолвии, ибо не говорят они ничего, что не было бы полезно другим и им самим. Вот это и есть безмолвие внутреннее. Его добивайся, Сереженька. А когда достигнешь и перестанешь судить других, то встань и возблагодари Господа, оказавшего тебе столь великую милость. Не далеко ты тогда от чистоты сердечной. А знаешь, что только чистые сердца могут узреть Бога (см.: Мф. 5, 8).

— А что значит, отец Михаил, „узреть Бога“? Метафора ли это или что?

Отец Михаил посмотрел на меня испытующе и задумался:

— Конечно, „Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил“ (Ин. 1, 18). Говорится еще: „Херувимы и серафимы, предстояще Богу, лица закрывающее“ (ср.: Ис. 6, 2). Бога, существо Бога, мы не только увидеть, но и уразуметь не можем. Но мы можем видеть славу Божию, нерукотворный и неизреченный свет Фаворский, который видели три избранных апостола на горе. Вот этот-то свет видел Мотовилов, когда беседовал с преподобным Серафимом. Это и есть наитие Святого Духа, Царствие Божие, пришедшее в силе. Видел таковое же и святитель Тихон Задонский, еще до епископства. Удостоился узреть его и игумен Антоний Путилов, Оптинский и Малоярославский, еще юношей. Я уже не говорю о видениях преподобного Симеона, Нового Богослова. Сподобляются видеть свет сей весьма немногие.

А стараться надо достигнуть тишины духа, ибо в душе мятежной доброго быть не может. А когда угомонишься, станешь умным, то многое сделаешь. Я говорил тебе о безмолвии внутреннем — вот это-то и есть истинный затвор и отшельничество, а молитва Иисусова, не прекращающая служение Богу внутри сердца, где и есть Царствие Божие, право понимаемое, поможет тебе во всем».

Преподобный Старец Досифей, Киево-Печерский затворник (1721–1776)

Преподобный Досифей в начале 1740-х годов поселился в пригороде Киева, на горе Китай. Вырыв пещеру и затворившись в ней, святой подражал подвигам древних печерских аскетов: держал строжайший пост, не пользовался огнем, проводя время в непрестанной молитве.

Он питался только хлебом и водой, которую приносил ему один инок Китаевской пустыни. С наступлением Великого поста Досифей затворялся наглухо и выходил только по ночам, чтобы набрать мху и корней, которые он ел во время поста.

Когда старца спрашивали, почему в его пещере так темно и холодно, нет света и огня, он со вздохом отвечал:

— Господи, Господи! Во свете лица Твоего узрим свет. Бедные мы грешники. Укрываясь от глаз человеческих темнотой ночи, мы все думаем, что нас не замечает никто. А Бог? Не на всяком ли месте очи Господни смотрят злые и благие? Ибо даже ад и пагуба явны пред Господом: како не и сердца человеков? Итак, око Божие видит все. Ангел хранитель да человеческая совесть суть свидетели всякого рода мыслей и дел. Сознавая сие, для меня все равно: горит ли огонь в моем жилище или нет, я всегда могу лицезреть своим умом Вышнего, Который стоит близ меня и внимает моим словам.

Другим Досифей говорил:

— Не говори о пище, жилище и других маловажных вещах, а со страхом и трепетом проходи житие свое. Как райскую птичку береги страх сей, чтобы не улетел. Улетит — не поймаешь. А для сего затвори двери своей кельи, собери мысли и свяжи чувства вниманием. Утехи минутны, а добродетель бессмертна. Коли ты обладаешь разумом — выбирай любое.

В 1744 году Киев посетила императрица Елисавета Петровна с наследником престола Петром Феодоровичем и его невестой Екатериной Алексеевной.

Государыня неоднократно посещала Ближние и Дальние пещеры, бывала в Софийском соборе, Михайловском и Флоровском монастырях, также и в других Киевских храмах и святых местах. Побывала она и у затворника Досифея. Узнав, что Досифей не пострижен, Государыня повелела немедленно постричь его в рясофор и даже сама, на другой день, присутствовала при обряде пострижения. При постриге подвижнику было дано то же имя Досифей. Расставаясь с Досифеем, государыня вручила ему кошелек, наполненный золотом. Но затворник, проводя императрицу, положил золото в глиняном черепке у дверей, пока по его совету знакомый крестьянин не отнес кошелек в Киево-Печерскую лавру, где и представил духовному Собору. С общего совета соборных старцев и с согласия монаха Досифея решено было на эти деньги выстроить в селении Пирогове церковь.

Долгое время, после пострижения в рясофор, прожил Досифей в пещере, проводя время в алчбе и жажде, терпеливо перенося тесноту, холод и различные страхования от бесов.

Одаренный от природы светлым и обширным умом и имея в себе великую духовную опытность, Досифей привлекал к себе сердца многих православных; паломники являлись к нему целыми толпами за советом и утешением. Досифей не выходил из своего убежища и никого не пускал к себе. Желавшие получить от него благословение и наставление могли беседовать с ним только через маленькое окошечко.

Советы его были мудры; он обладал даром прозрения и читал в сердцах людей.

— Батюшка, — сказал раз Досифею один знатный Киевский вельможа, — помогите!.. У меня случилось большое несчастье… Видно, Бог оставил и не слушает меня.

— А ты зачем затыкаешь уши свои от речей, коими умоляют тебя нуждающиеся? — спросил затворник. — Вот потому-то и не слушает тебя Господь. «Иже затыкает ушеса своя еже не послушати немощнаго, и той призовет и не будет услышан…» Но ты не скорби… Это не беда еще… А будет горе, если Господь не послушает тебя, когда станешь молиться Ему об отпущении грехов.

Со старцами Досифей говорил о молитвенном упражнении и постоянном богомыслии, с молодыми — об опасности страстей и прихотей, с отцами — о воспитании детей, с детьми — о страхе Божием. Он обличал тайные прегрешения, возбуждал к покаянию и предостерегал от будущих бед и искушений. Замечали, что когда Досифей давал просфору или жезл, то это означало выздоровление и благоденствие, а когда ладан, то этим предвещалась смерть…

Среди тех, кто приходил к пещере затворника, был и юный Прохор Мошнин — будущий преподобный Серафим Саровский. Старец Досифей одобрил намерение Прохора быть иноком и указал ему на Саров.

— Гряди, чадо Божие, в Саровскую обитель и пребудь там. Место сие будет тебе во спасение. С помощью Божией скончаешь там свое земное странствование. Только старайся стяжать о Боге непрестанную память и постоянно призывай имя Его тако: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго». В том да будет все твое внимание и обучение. Ходя и сидя и стоя в церкви да будет сие непрестанное твое во устах и в сердце. С ним найдешь покой и приобретешь душевную и телесную чистоту. И тогда вселится в тебя Дух Святой, и управишь жизнь свою во всяком благочестии и чистоте…

Когда последовал указ, чтобы «отшельникам не быть нигде» (это были времена правления Екатерины II, когда монастыри закрывались, подвижники подвергались гонениям), лаврские старцы предложили преподобному Досифею переселиться в лавру. Старец избрал себе место на Дальних пещерах, где жил затворником.

Преподобный Досифей был духовно связан с преподобным Паисием Величковским. Он послал в Молдавию, в Нямецкий монастырь, которым руководил преподобный Паисий, своего келейника, инока Феофана. Незадолго до кончины затворника Досифея преподобный Паисий отослал Феофана опять в Россию, послужить старцу Досифею.

Из жития преподобного Досифея известно о чудесном спасении киевлян во время эпидемии. Незадолго до ее начала старец стал раздавать каждому из приходящих к нему за благословением по кусочку ладана.

— На, возьми, — говорил он, — да покури хорошенько у себя на дворе… Скоро будет страшное несчастье… Люди станут падать на дороге и умирать, как мухи… Но вы не унывайте… Не падайте духом, дети… А молитесь, молитесь…

И действительно, в конце 1770 года на Украине вспыхнула эпидемия и быстро распространялась по Украине, вскоре первые больные появились и в Киеве. Пострадала от нее и Киево-Печерская лавра, где тогда немало вымерло иноков и паломников. Но те, кто получил от Досифея ладан, остались невредимыми.

Существует предание, что старец Досифей, в последнее время своего пребывания в лавре, был лекарем. Старцу стали предлагать сан иеродиакона, но он отказывался, и чтобы его не посвятили насильно, принял на себя подвиг юродства. Он начал бегать по городским улицам, обличал народ, тогда лаврское начальство предложило старцу снова переселиться в Китаевскую пустынь. С благословения митрополита Киевского Гавриила старец поселился в уединенной келейке, при пруде. Целый год провел там старец Досифей в великом воздержании, молитве и посте.

Чувствуя ослабление сил и приближение смерти, Досифей вышел из затвора и, опираясь на палку, пошел по всем кельям прощаться с братией.

Обойдя всех, он возвратился в свою келейку и снова затворился. До самого утра пел Досифей псалмы и, в ожидании предсмертного исхода, читал каноны — и, так, с молитвою на устах, предал, на рассвете, свой дух в руки Божии.

Утром 25 сентября 1776 года келейник Феофан пришел к старцу, чтобы спросить о чем-то, но старец не откликался… Когда отворили дверь кельи, то увидели, что перед образом теплится лампада, на коленях стоит старец… Казалось, будто он молится…

Существует устойчивая легенда, хотя и не подтвержденная никакими документами, будто бы преподобный Досифей в действительности был женщиной, дворянской дочерью Дарьей Тяпкиной.

Мощи преподобного Досифея пребывают сейчас под спудом, у северной стены Свято-Троицкого храма в Китаевской пустыни.

Преподобный Феофил Киевский (1788–1852)

Преподобный Феофил (в миру Фома Горенковский) в 1812 году поступил послушником в Киево-Братский монастырь, нес послушания в хлебне, кухне, палатной и на колокольне. В 1821 году он был пострижен в монашество с именем Феодорит, затем рукоположен в иеродиакона, посвящен в иеромонаха и назначен экономом.

Отказавшись от должности эконома, он принял подвиг юродства, а 9 декабря 1834 года был пострижен в схиму с именем Феофил.

Весь Киев знал этого великого подвижника, прозорливца и чудотворца, но старец не любил, чтоб на него обращали внимание, и если кто подходил к нему за благословением, он благословлял спешно и на ходу. Заметив, что его ждут богомольцы, он делал большой крюк, чтоб обойти их.

— Чего вам нужно от меня, смердящего? — говорил он. — Обращайтесь с чистой верой к Пречистой Божией Матери и святым угодникам Печерским. Они вам все дадут, что нужно. А у меня ничего нет. Подите!..

Тем, кто гордился своим образованием, старец говорил: «Я невежа, простец несведущий и неученый; в состязание с вами входить не могу, а пустословить не хочу; чего доброго, вы, нынешние мудрецы, пожалуй, и меня собьете с пути».

Но когда к нему приходил простой человек, жаждавший полезного слова, отец Феофил принимал его охотно. Он говорил иносказательно, и эти немногие слова показывали все душевное состояние человека. Часто он давал какую-нибудь вещь, незначительную, но содержавшую намек на предстоявшую человеку участь.

Обычно старец носил ветхую одежду, исшитую белыми нитками; грудь была почти всегда полуоткрыта, на ногах изорванные туфли, а то иногда на одной — сапог, а на другой — валенок. Голова была иногда повязана грязным полотенцем.

Но когда преподобный Феофил приступал к своим келейным молитвам, он преображался: надевал мантию, а перед чтением Евангелия и акафистов надевал епитрахиль и фелонь и зажигал три лампады.

Опоясанный железным поясом с иконой Богоявления, который он никогда не снимал, он клал множество поклонов, а для отдыха прислонялся к стене или ложился на узкую скамью.

Постоянно занятый внутренней своей жизнью, он не заботился о порядке в келье: «Пусть все вокруг меня напоминает мне о беспорядке в моей душе».

Кроме стола, аналойчика и скамейки, в келье ничего не было. В комнате бывало так холодно, что замерзала вода. Но старец, надев тулуп и валенки, становился на молитву и, весь охваченный ею, уже ничего больше не замечал.

Денег Феофил не брал, а если, после долгих уговоров, соглашался взять, то тут же раздавал их бедным.

Чтоб не оставаться праздным, он сучил шерсть, вязал чулки и ткал холст, который давал иконописцам для их работы. Трудясь, он читал наизусть Псалтирь и разные молитвы.

Получая пищу из братской трапезы, он перемешивал все вместе — сладкое с горьким и, когда ему говорили, как это он может делать, он отвечал: «Ведь и в жизни сладкое перемешано с горьким». Но часто старец вовсе не касался пищи, оставляя ее всю для бедных и странников. Вообще пост он соблюдал чрезмерный.

В конце 1844 года, крайне ослабев силами, подвижник стал проситься перевести его к Больничной церкви Киево-Печерской лавры. Но вместо того он определен в Голосеевскую пустынь, в окрестностях Киева. Слухи о его высокой жизни распространялись по Киеву, многие хотели видеть старца, и тогда он, для избежания мирской славы, усилил свое юродство. За это старец был удален на так называемую Новую пасеку, а затем в Китаевскую пустынь, окруженную высокими, поросшими густым лесом горами. Старец уходил в глубь леса и целыми днями погружался в молитву. Еще долго показывали тот пень, на котором он иногда целыми сутками молился о прощении всего мира, не ведущего, что он творит, и скорбел о растлении века.

Преставился преподобный старец в 3 часа дня 28 октября 1852 года.

Мощи преподобного Феофила пребывают в Китаевской пустыни, в монастырском храме в честь Двенадцати апостолов.

Духовные наставления

◊ Молиться надо за врагов. Они большей частью сами не ведят, что творят. Да они даже и благодетели наши: нападками своими они укрепляют в нас добродетели, смиряют на земле дух наш, а на небе сплетают нам райские венцы. Род человеческий приходит в изнеможение, подвижники ослабевают в силах, и тем только и спасаются, что их гонят и причиняют им скорби.

◊ Нечасто делился старец своими думами, и лишь в глубоком сознании о необходимости того. «Смотри, — сказал он одному из близких к себе, — не сей пшеницы между тернием, а сей на тучной земле; да и тут еще хорошо разглядывай, нет ли лебеды, чтоб не выросло плевелов, заглушая ростки пшеницы».

◊ «Любите, — повторял он, — любите друг друга любовью святой и не держите гнева друг на друга. Не прельщайтесь ничем. Не прилагайте сердца ни к чему земному. Все это оставим здесь. Только одни добрые дела пойдут с нами на тот свет. Чаще надо молиться и оплакивать свои грехи, да не свои только, но и своего ближнего».

Преподобный Парфений Киево-Печерский (1790–1855)

Старец Парфений (Краснопевцев) был духовником Киево-Печерской лавры. Познание падшей оскверненной человеческой природы погружало его в великую скорбь, сокрушало до изнеможения. «Бедные, бедные люди, — говорил он, — если б они знали, какие блага они меняют на смрад греховный», и эту склонность ко греху приписывал врагу спасения.

В 1838 году, в возрасте сорока восьми лет, он был облечен в схиму самим митрополитом Киевским Филаретом. И с еще большей всепоглощающей силой предался схимник молитве, которая вросла в сердце и действовала даже во сне. Он видел однажды в таком сне свое сердце, объятое пламенем. Его молитвенное правило состояло из чтения утром, в полдень и вечером по одному евангелисту, совершения ежедневно пения всей Псалтири, молитв утренних и вечерних, акафиста Спасителю, Божией Матери, поклонения страстям Христовым и песни «Богородице Дево, радуйся», которую он произносил триста раз.

Его усердие к Матери Божией было необыкновенно. Он имел к Пресвятой Владычице умилительную, нежную и детскую любовь и много раз сподоблялся видения Пречистой Девы. Он провел несколько лет в тесной келье, окно которой загородил иконой Пресвятой Богородицы, озаренной лампадой, и говорил: «На что мне свет чувственный: Пречистая — свет очей и души моей». Молясь однажды, чтоб открыла ему Владычица, что есть схимничество, услышал он голос: «Посвятить себя на молитву за весь мир».

Отлученный от всего земного, мирское достояние считал он грехом. Вещи, приносимые ему, связывал в узел и выносил на дорогу. Графиня Анна Орлова однажды, преклонив пред ним колени, сказала: «Отец, чем я тебя могу утешить? Не пожалею и миллионы». «Вот нашла, чем утешить, — отвечал он, — на что мне этот навоз?»

Старца Парфения смущало, что он не испытал гонения и что тем путь его скорбей не полон. Но митрополит Киевский Филарет успокоил его: «На что тебе гонение, — ты сам себя гонишь. Кто пожелает жить твоею жизнью?»

Величайшею отрадой подвижника было ежедневное совершение литургии в домовой церкви митрополита. Тут во время Херувимской, молясь пред престолом с воздетыми руками, видел он однажды отверстое

небо, Христа, сходящего на престол, Бога Отца, благословляющего Его снисхождение, и парящего над Ним Духа Святого. 13 ноября 1843 года видел он святителя Иоанна Златоуста с архистратигом Михаилом, пришедших к нему на помощь. Однажды, долго повторяя молитву: «Иисусе, живи во мне», — услыхал сладкий и тихий голос: «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает, и Аз в нем». Накануне нового года, созерцая духовно младенчество Богочеловека, погрузился он в тонкий сон и увидел двух ангелов, летящих от востока с Младенцем на руках, Которого они положили пред старцем. Невыразима была красота Божественного Младенца, и от любви, светившейся в его взоре, сердце старца разгоралось.

Последние свои годы старец прожил в келье у Ближних пещер. Большую часть времени он проводил в темной комнате с Распятием и иконой Богоматери. В соседней комнате устроили для него церковь. Его служение исполняло молящихся невыразимым благоговением.

Перед кончиной старец простился со всеми. Весной 1855 года, рано утром, в великий праздник Благовещения, совпавший в тот год со Страстной пятницей, старец Парфений был найден бездыханным, сидящим как бы в глубокой думе у дверей келейной своей церкви. Митрополит Филарет на своих руках выносил его гроб и схоронил его в Голосеевской пустыни, в храме Пречистой Девы в честь Ее иконы «Живоносный Источник».

Духовные наставления

◊ Рассуждение выше всех добродетелей; чрез него душа противится страстям и помыслам, обуревающим ее.

◊ Рассуждение выше всего; терпение нужнее всего; молчание лучше всего; многоречие хуже всего.

◊ Потеря благодати страшнее всех потерь; нет бедственнее состояния, как состояние человека, потерявшего благодать. Весьма немногие возвращали ее величайшими подвигами. Надобно иметь непрестанную бдительность, чтобы сохранить ее. Она дается нам туне, по единому милосердию Божию; но к сохранению ее мы должны прилагать все свое тщание.

◊ Враг неусыпно борется с нами. Прежде борет он нас с шуией стороны, то есть искушает нас нашими же страстями и похотями; а когда не успеет побороть с шуией, борет нас с десной, то есть в самых добрых делах наших устрояет нам сети к падению.

◊ Чем ближе приблизишься ты к Богу, тем сильнее враг ухватится за тебя. Потому-то «аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушение».

◊ Враг во все наше доброе всевает свои плевелы.

◊ Никогда не должно скоро последовать своему помыслу, хотя бы он и благ являлся, но испытывать его временем.

◊ Чтобы стяжать терпение в скорбях и искушениях, веруй, что все делается с нами по воле Божией.

◊ Крайне опасно последовать своим мыслям и рассуждению в деле спасения. Наш ум — ограниченное око плоти, которое может только видеть и распределять дела внешние и вещественные; а пути высшие должны мы предавать Самому Богу чрез отца нашего и наставника, и во всем следовать его рассуждению.

◊ Берегись осуждать ближнего, а чтобы не впасть в сие искушение языка, не присматривайся к чужим поступкам.

◊ Нищелюбие и нестяжание великие сокровища уготовляют душе.

◊ Нестяжание и молитва необходимы для спасения. Молитва рождает нестяжание, нестяжание — молитву.

◊ Неизреченная польза проистекает от уединения, но с ним неразлучна должна быть молитва.

Уединение и молитва выше всякого блага.

◊ Стяжавший молитву не имеет времени и подумать о чем-либо земном; ему тяжелы и беседы, и видение людей, и все, отвлекающее его от Бога.

◊ Истинную молитву стяжать неизреченно трудно. Не раз душа за подвиг сей приблизится ко вратам смертным. Но кто уже сподобится стяжать ее, у того она, как болячка, врастет в сердце, и ничто не изметет ее.

◊ Любовь к Богу можно возжечь в душе только одною непрестанною молитвою.

◊ Уединение внешнее должно сопровождаться уединением внутренним. Только совершенное удаление от человек, телом и мыслию, может даровать мир душевный.

◊ Враг наводит уныние на всякую душу, хотящую спастись.

◊ Страх Божий более поста и всех подвигов изможДает плоть. Кто стяжал его, для того нет на земле ни скорби, ни радости.

◊ Человек всеми своими усилиями, без содействия Божия, не может располагать ни внешнею жизнию своею, ни состоянием души своей. Без Бога ни до порога.

◊ Наша человеческая воля есть — только пожелать доброго и изыскивать на то средства, а совершитель и делатель всякого доброго есть Бог, а злое от нас.

◊ И добре жительствовать и добре творить и добре мыслить — несть жертва Богу, а долг человеческий пред Ним.

◊ Чтобы уклониться от смущения и сохранить дух молитвы, уклоняйся от всякого рода бесед и посещений, всему предпочитай уединение и часто

размышляй о смерти.

◊ Смерть вожделенна для любящих Бога, но страшна не уготовавшимся.

◊ Хранение чистоты телесной должно сопровождаться хранением чистоты мысленной.

◊ Чистоту телесную и мысленную можно стяжать только непрестанною молитвою и устремлением ума к Богу; пришествие Святого Духа попаляет и истребляет все страсти.

◊ Гнев, тщеславие или высокоумие и осуждение ближнего отгоняют благодать Святаго Духа.

◊ Честь, от человек бываемая, должна быть ненавистна душе, ищущей спасения и познающей свою немощь.

◊ Излишество в пище наносит душе больший вред, нежели телу, и излишний сон — от излишней пищи.

◊ Малейшее пристрастие не только к человеку, но и к вещи, наводит гнев Божий и дает место тли.

◊ Для достижения совершенной чистоты не имей привязанности, даже духовной, ни к человеку, ниже к вещи; люби всякого любовию совершенною, как самого себя, но без пристрастия, то есть не желай видения или присутствия любимого человека и не услаждайся мыслию о нем.

◊ Молчание есть великая добродетель; многоглаголющий не исправится на земле.

◊ Многоречие отгоняет благодать и погубляет теплоту души.

◊ Кто сам не достиг в меру совершенства и начинает учить других — погубляет и то, что имел.

◊ Все средства употребляй для снискания мира душевного, и ничем, кроме молитвы и уединения, не обретешь его.

◊ Оттого впадаем мы в немирствие с ближним, что не хотим, по слову Господню, отвергнуться самих себя.

◊ Человек облагодатствованный не может быть не мирен или досадовать за что на ближнего.

◊ Должно быть мирным и равнодушным во время гнева ближнего на нас, не трогаться словами, не смущаться угрозами; ибо они не могут иметь на наше будущее ни малейшего влияния; будет только то, что определит Бог.

◊ «Царствие Божие нудится, и нуждницы восхищают е». Это насилие не ограничивается одним воздержанием от страстей и пищи, но простирается на все внутренние и внешние действия и движения наши. Делай все вопреки хотения плоти: хочется лечь покойнее, принудь себя на противное; хочется облокотиться сидя, воздержись, и так во всем.

◊ Должно нудить себя и не хотяща к молитве и ко всему благому.

◊ Совершенное обнищание Христа ради — великое сокровище для души: но оно может быть вместимо человеком только при твердом и непоколебимом уповании на промысл Божий. Имей это упование несомненно, и Господь не попустит тебе умереть с голоду или иметь какую-либо нужду; а усумнись хотя немного, или взыщи помощи человеческой, или понадейся на себя — промысл Божий отступит от тебя. Петр, еще в теле сый, мог идти по волнам, доколе не усумнился мыслию.

◊ При помощи человеческой удаляется помощь Божия. Одному пустынножителю служили ангелы; а когда приблизились люди и стали служить ему — ангелы удалились от него.

◊ Промыслу Божию о нас нет предела. Он невидимо ведет нас. Ничто не случается без воли Божией; всему определен день и час. Возложи все упование на Бога, и Он будет промышлять о тебе; а пекись о себе сам — Он будет помогать тебе, но вседействующий промысл Его отступит от тебя.

◊ Для приятия Святого Духа необходимо изнурить плоть; «даждь плоть, и приими Дух».

◊ В тучном теле не вселяется Дух Святой, хотя бы кто и добродетелен был. Для того, чтобы быть храмом Божиим, надобно, чтобы душа и тело были чисты и святы.

◊ В простых сердцах почивает Дух Святой. Простота внутренняя должна изливаться и на все внешнее наше, — простота во всем: в речах, в наружности. Не представляйся благоговейным, не смотри вниз, не говори притворно тихим гласом; а то, хотя и с добрым намерением сочиняешь наружность свою, — благодать отступит от тебя.

◊ Всякая благословенная душа есть проста, справедлива, милостива, любезна, не горда, незлобива, не величава, не презорлива, воздержна и боящаяся Бога.

◊ Незлобие и простота паче всех добродетелей низводят на нас благодать и милость Божию.

◊ От памятозлобного отвращается Бог. Молящемуся и питающему злобу на ближнего вместо ангелов соприсутствуют демоны, и молитва его бывает в грех.

◊ Не хитри в деле спасения; не изыскивай особенных путей; не налагай на себя особенных подвигов; а как придется, как пошлет Господь силу тебе; только непрестанно и нещадно нудь себя на все благое.

◊ Зло пристает к нам, как заразительная болезнь. Если будешь часто обращаться с язычным, с клеветником, с миролюбцем — и сам незаметно впадешь в те же пороки. И наоборот: обращайся часто с мужем духовным и молитвенником, — и в тебя перельются те же добродетели.

◊ У человека нечистого и страстного и вещи его заражены его страстями; не прикасайся к ним, не употребляй их.

◊ Не должно рассказывать другим о своих подвигах и молитвенном правиле. Хотя бы это было и не из тщеславия, но у тебя отнимется дар, который ты обнаружил.

◊ Нищета и нестяжание — необходимое достояние монаха.

◊ Хотящий быть истинным монахом должен иметь крайнее нестяжание, изыскивать, как бы обойтись и без необходимого.

◊ Монах должен сам служить себе во всем и питаться трудами рук своих.

◊ Монах должен жить один, а другой с ним — Господь.

◊ Для истинного монаха не существует никто и ничто на земле. Его радость и наслаждение непрестанная молитва. Он любит всех людей, но скучает с ними, потому что они отлучают его от Бога.

◊ Монаху самый верный путь ко спасению — уединение и в нем непрестанная молитва. Без молитвы нельзя снести уединения; без уединения нельзя стяжать молитвы; без молитвы никогда не соединишься с Богом; а без сего соединения сомнительно спасение.

◊ Украшение монаху — келья его, то есть неисходное в ней пребывание. Никто не возвращался в келью свою таким, каким вышел из нее.

◊ Поругание, биение и заушение есть человеку инокующему дар Божий и благодать свыше; святые скорбями совершаются.

◊ Хорошо с Богом везде, а без Него очень скучно и в раю, и в аде: ибо подобный небесному и на земле есть рай, есть и ад, только невидимые, и на земле; только здесь все невидимо, а там все видимо, — и Бог, и рай, и ад.

◊ Если Бог с нами невидимо на земле — это знамение, что будет с нами и на небеси. Если же не узрим сердцем на земле Бога, и в небе не узрим.

◊ Монах, нерадивший о своем спасении, есть ругатель Божий. Лучше бы монаху согнить во чреве матери своей, когда он не печется о своем звании.

◊ Чтение Псалтири укрощает страсти, а чтение Евангелия попаляет терние грехов наших: ибо слово Божие огнь поядаяй есть. Однажды в продолжение сорока дней читал я Евангелие о спасении одной благотворившей мне души, и вот вижу во сне поле, покрытое тернием. Внезапу спадает огнь с небесе, попаляет терние, покрывавшее поле, и поле остается чисто. Недоумевая о сем видении, я слышу глас: терние, покрывавшее поле, — грехи благотворившей тебе души; огнь, попаливший его, — слово Божие, тобою за нее чтомое.

◊ Имев правилом своим — ежедневно читать Евангелие и прочитывать его часто все, старец давал это правило и ученикам своим, духовным своим детям. Дарил им и книги Евангелия с своими надписями, каковы:

«Вот тебе передаю благодать — святое Евангелие. Совершай прочтение в седмицу четырех евангелистов единожды, да сподобишися благодати и разума Божия истиннаго и добрую кончину получити, вечнаго наслаждения, видением трех ипостасей, сияющих в Божестве единосущнем, не лишишися».

«Вот вам, чада Божия, страстная Евангелия. Прочитывайте, когда прилучится, а паче в скорбное время, да утешит Господь тогда. Любящему Господа вся поспешествуют, и хорошо с Богом быти, а скучно без Него, и вся тогда злая нам».

«Сию книгу — Евангелие святое дарю за послушание мне чаду моему духовному… Прийми сию заповедь от мене, недостойнаго: совершай прочтением в две недели всех четырех евангелистов. Сия книга есть мати всех книг, также она есть молитва над молитвами, и есть управитель в Царствие небесное, и в разум истинный на земле человеков приводит, и сподобляет зрети Бога сердцем еще во плоти, а лицем к лицу в грядущем веце удостоивает наслаждатися сладким видением Святыя Троицы».

«Буди на тебе благословение Божие, чадо мое духовное, покров несомненной нашей надежды Богородицы и помоществование чудотворцев Печерских. Вот тебе заповеданное правило иноческое: от сна восстав — акафист Спасителю, а ко сну отходя — Богоматери и пять кафизм в сутки; Евангелие все в две седмицы, а каноны предай церкви. Не вдавайся в различные чтения, а междучасием Иисусову молитву твори, примешивая к ней и Богородично обрадование. Веси, что суетно спасение человеческое, а о Бозе сотворим силу, и Той уничижит враги наша. Молися и за меня и поминай любовь мою, а тебя поручаю благодати Пресвятаго Духа, аминь.

Иеросхимонах Парфений».

Старец Вонифатий (Виноградский) (1785–1871)

Старец Вонифатий был строителем и игуменом скита Феофании.

По словам келейника старца, келейная жизнь отца Вонифатия была постоянным подвигом молитвы и богомыслия. Ежедневно вычитывал он у себя в келье положенное правило, постоянно акафисты Спасителю и Божией Матери, утренние и вечерние службы по молитвослову и, кроме сего, в течение недели прочитывал обязательно двух евангелистов. За год до смерти старец Вонифатий почувствовал крайнее изнеможение сил телесных, но духом был бодр. Из своей кельи, отделенной только деревянной перегородкой от храма, он уже не мог выходить и слушал из-за стены церковное пение. Обычное свое правило он совершал не стоя прямо, а, облекшись в мантию, падал на колена. Тут же подле стояла скамейка, которая и служила подвижнику ложем, а посетителям — местом сидения.

Господь Бог за великие подвиги в христианских добродетелях и за победу его над злыми духами украсил старца даром прозорливости.

Старец Вонифатий говорил о себе: «Когда я посмотрю на человека, и особенно в глаза его, тогда я вижу все состояние его души. Но дабы не смутить известное лицо, я не всегда открывал его помыслы…»

Во время польского мятежа 1863 года некоторые из держав думали объявить России войну из-за Польши, старец Вонифатий, не читая никаких журналов и газет, сказал: «Войны с другими державами, по случаю польского мятежа, кроме усмирения мятежников, никакой не будет: потому что Александр II во время восточной войны смирился, темже и Бог его превознесет».

Так и сбылось. Другие державы не вмешивались в дело Польши, и Россия в 1865 году окончательно усмирила польский мятеж.

При старце Вонифатии скит Феофания не только разросся и благоустроился, но и стал местом паломничества, куда к старцу стекалось огромное количество богомольцев.

«Пустынь Феофания произвела на душу мою отрадное святое впечатление, которого я давно не испытывал в сердце моем, несмотря на то, что я в жизни объехал почти всю европейскую Россию и большую часть Европы, и посетил все места, прославившиеся своею красотою», — писал один из паломников.

За месяц до кончины старец возлег на свое убогое ложе и больше не вставал. В 10 часов утра 27 декабря 1871 года игумен Вонифатий, приобщившись святых Тайн, с миром предал душу свою Богу, на восемьдесят пятом году своей богоугодной жизни.

Погребен в Пантелеимоновском женском монастыре (Феофания), за алтарной стеной церкви Всех святых.

Ответы на вопросы от разных лиц

◊ Как могу я узнать свою греховность?

Для сего добрые наставники обыкновенно советуют обращаться с молитвою к Святому Духу о просвещении. Это очень хорошо и необходимо. Свет Всесвятого Духа, по нашей молитве, конечно, может показать и действительно показывает нам все, даже малейшие неисправности нашего сердца. Но одною только молитвою не должно довольствоваться; нам надо стараться и самим увидеть, что показывает Дух Святой. Дневной Божий свет ясно показывает все, что находится в нашем доме, но чтобы нам увидеть, что в нем есть, надо открыть глаза и самим внимательно осмотреть, что в нем находится. Иначе, как бы ясно ни показывал дневной Божий свет находящееся в нашем доме, мы не будем знать, что в нем, ежели не осмотрим его.

◊ Как мне приобрести верное познание себя или своей греховности?

Для этого есть зеркало, в котором всякий, кто только хочет, очень удобно и ясно может увидеть всю свою греховность. Но это чистое и совершенно ясно показывающее всю нашу внутренность зеркало наш век почти совершенно вывел из употребления, и довольствуется зеркалом, которое показывает нам только нашу наружность. Чистое зеркало, о котором говорю, — есть закон Божий, выраженный в десяти заповедях Божиих; кто беспрестанно смотрится в это зеркало, тот совершенно верно может усмотреть всю свою греховность.

◊ Как поступать, когда я соблазняюсь, видя, что другие вольно выражают свои мысли, или оскорбляюсь, когда не вижу у иных кротости в обращении с другими?

Уверь себя, что это тебе кажется от невнимательности и нерассуждения твоего. Но должно никого осуждать, ибо ты не знаешь, с какою целью они сие делают, равно и с какою целью и я с кем-нибудь так, а не иначе поступаю. Старайся более внимать себе, а не разбирать дела, обращение и поступки других. Ты христианин, а потому не имеешь права судить — где, когда, как и с кем поступают.

◊ Плотская страсть действует сильнее других на душу мою, какое бы найти удобнейшее средство к погашению ее?

Первое и обыкновенное средство к отсечению плотской страсти состоит в удалении от предметов, разжигающих душу, равно как и строгое воздержание. Трудно уцеломудриться среди соблазнов мира. Так же памятование о своей тленности и скором приближении часа смертного к

погашению ее очень полезно. Как жалко видеть людей, прежде обладаемых ею, поверженными в неудобоисцеленные болезни, или лишившимися ума, или изнуренными ревностью, пронзенными вероломством и изменой и мучившимися прежде смерти в адском огне отчаяния.

◊ Что мне делать, чтобы Господь услышал молитву мою?

Если желаешь приносить Богу молитву, то испытай прежде ум свой и устрой так, чтобы когда будем говорить: «умилосердись надо мною», и ты был бы милосердным к умоляющим тебя; когда будешь говорить: «не помяни моих согрешений», и ты не поминал бы согрешений ближнего своего; когда будешь говорить: «не помяни моих грехопадений вольных и невольных», и ты не помятовал бы обид, которыми был огорчен. Если этого не сделаешь, то всуе будешь молиться. И Бог не услышит тебя, как свидетельствует Святое Писание. Так, в Евангелии Господь заповедует молиться таким образом: «и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». «Аще бо отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный» (Мф. 6, 12). И в Евангелии Луки говорит: «отпущайте, и отпустят вам» (Лк. 6, 37).

◊ Как надо поступать при виде соблазнов?

Если ты видишь соблазны вокруг себя, обращайся от них к святилищу твоего духа, и они легко останутся вне тебя. Гнетут ли сердце твое обиды, обращайся к живущему в тебе духу благодати, и они составят евангельское блаженство. Затрудняют ли путь твоей жизни мрачные обстоятельства, держись «помазания еже имаши от Святаго, и оно научит тебя всему» (1 Ин. 2, 20, 27). Изнемогают ли в чем твои силы, ты и прежде не должен был надеяться на них, а теперь опытом убеждаешься прибегнуть к силе Божией, которая любит совершаться в наших немощах.

◊ Часто слышу от тебя, отче: терпи с благим упованием: доколе же терпеть?

Область терпения широка и протягивается в долготу всей жизни человека, равно как объемлет собою и все судьбы человечества в мире сем. С терпением человек приобретает и сохраняет все блага, успевает в предприятиях, достигает исполнения желаний, безвредно выдерживает приражения зол; вышед из терпения, он тотчас в опасности утратить благо и пострадать от зла или, что более бедственно, сделать зло. Без терпения нет подвига, а без подвига нет добродетели или дарования духовного, ни спасения. Ибо «Царствие Божие нудится» (Мф. 11, 12).

◊ Что потребно, чтобы всегда быть спокойным и ничего не бояться?

Дабы иметь всегда покой, не должно полагаться на свои силы, а постоянно поучаться в Божественном слове: оно нам опора, крепость и спокойное пристанище. Есть в Священном Писании обетование Господне,

которое для нас стена и ограда. Господь нам сказал: «Аз с вами во вся дни до скончания века» (Мф. 28, 20).

◊ Как возлюбить Господа Иисуса Христа?

Всего более укрепляет и усиливает любовь нашу ко Христу сердечное размышление о страданиях Христовых. Для сего хорошо всякий день поутру выбирать какое-либо одно из страданий Христовых, обстоятельно размышлять о нем и чаще вспоминать о нем в продолжение дня. От сего всегда получим дар терпения, кротости, ежедневного произвольного умерщвления и благодарной, совершенно преданной любви ко Христу. «Как ты проводишь время?» — спросили пришельцы одного почти не умевшего читать пустынника. Пустынник сказал: «Спаситель наш даровал меня зрением, и я все смотрю». — «На что?» — «На страсти Христовы. Оне всегда у меня пред глазами. В них я нахожу все, что мне нужно, и никто так не прилеплял меня любовию ко Господу своему Иисусу Христу, как дарованное Им мне зрение». Все мы без исключения можем подражать сему пустыннику.

◊ Чем предостерегать душу свою от пристрастия к тленным вещам?

Благоговейным и благодарственным размышлением о благодати и величии души. Представь себе, как на картине, обширное пространство земли, и рассмотри беспристрастно вещества, наполняющие ее: сколь они ничтожны покажутся тебе в сравнении с достоинством души человеческой, возведенной Божиим человеколюбием священно-тайне до степени совершенства равноангельского. Из сего увидишь, что всякая вещь до крайности малоценна пред высоким благородством души христианской. «Кая польза человеку, — говорит Господь нам, — аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит?» (Мф. 16, 26). Если ж это так, то, подумай, — несравненно худшее недостойно быть любимо пред драгоценнейшим и без сравнения лучшим, то есть тленное вещество пред нетленной и бессмертной душой. Посему, правильная любовь к своей душе требует ревновать о дарованиях благих духовных, для спасения нашего полезных, а не увлекаться пристрастием к тленным вещам, не могущим насытить бессмертную душу.

◊ Почему время земной нашей жизни весьма важно?

Время земной нашей жизни весьма важно, во-первых, потому, что оно коротко и неизвестно когда кончится; время земной нашей жизни весьма важно, во-вторых, потому, что оно невозвратно; время земной нашей жизни весьма важно, в-третьих, потому, что оно назначено для исполнения многих, весьма важных дел; время земной нашей жизни весьма важно, далее, потому, что оно находится в связи с нашей вечной жизнью; наконец, время земной нашей жизни для нас крайне важно потому, что только в настоящей

жизни дается нам благодать Божия, а посему только в настоящей жизни мы можем делаться способными получить вечное спасение, постоянно пользуясь Божией благодатью к нашему спасению. «Лежит человеку единою умрети, потом же суд» (Евр. 9, 27).

◊ Каким образом избавиться от развлечения мысли во время молитвы?

Молясь устами, молись и умом, то есть устремляй ум в силу слов молитвы. Если по немощи или прилогу вражию увлечешься среди молитвы размышлением о каком-либо предмете, то, ощутив свою неусмотрительность в том, вздохни с сокрушением ко Господу и с жаром углуби свое внимание в молитву; всегда поступай так, и ощутишь пользу. Постоянство ума и бодрственность привлекают в душу особенные дары благодати.

◊ Как избавиться мне от застарелых греховных привычек?

Как змее не можно совлечь с себя старой своей кожи, если она не проползет сквозь тесную скважину или ущелье, так и мы застарелых своих во грехах привычек и греховной одежды ветхого человека совлечь с себя не можем, если не будем ходить по тесному пути воздержания и самоотвержения.

◊ Как должен я творить милостыню?

Твори милостыню так, чтобы и шуйца твоя не знала, что творит десная твоя.

◊ Что такое есть свобода христианская?

Это есть даруемая нам благодатью Господа Иисуса Христа нравственная сила противиться греху и побеждать зло и вместе творить дела благие, или служить правде Божией, как говорит апостол: «свобождшеся от греха, поработистеся правде» (Рим. 6, 18).

Совершенство христианской свободы восходит постепенно чрез подвиги душевного делания и самоотвержения, чрез усиленную борьбу духа с плотью, так что постепенно возрастает перевес первого над последнею, пока наконец истребится в нас совершенно семя, или начало греховное, и воцарится в нас правда Божия о Христе Иисусе Господе нашем.

◊ Видимо, я грешнее всех, если скорби ежедневно меня посещают?

Скорби, подобно водам Мерры, неизбежно встречаются на пути нашем к небесному отечеству; ибо венец получается не иначе, как по неуклонном несении креста. Когда глава наша увенчана тернием, прилично ли ногам ходить по путям, усыпанным розами? Скорби и болезни суть святые врачевства; мы можем услаждать их верою и сердечной молитвою, но мы сами, по большей части, делаем их горькими, прилагая в чашу испытания примесь нашего нетерпения и маловерия. А при том скорби всегда полезны. Они в деснице Господа суть средства для уврачевания наших духовных

недугов, для смирения гордости, укрощения страстей. Они смягчают жестокое сердце наше, заставляют прибегать с молитвой к Богу, делают нас нищими духом и ничтожными в собственных глазах.

◊ Как избавиться от необыкновенно сильных ощущений сладострастия не только в присутствии женских лиц, но и при случайном воображении о них?

При виде жен должен хранить ум и чувства от всякого размышления и движения нескромных, особенно не должно говорить без осмотрительности, и скорее удаляться от их собрания. Если ж блазнит тебя воображение воспламененной демонской лестью, то нужно удерживать порывы мыслей и с благоговением ограждать себя крестным знамением. Для предохранения себя от плотских и мысленных сладострастных волнений полезна благоразумная во всем умеренность; но первее и более всего должно умолять Господа всемогущего о защите от нападений на нас лютейшей сей страсти, ибо человек сам собою никогда ее не искоренит. Но при нашем произволении и молитве Бог премилосердный угашает порывы сего пламени тихим наитием своей благодати.

◊ Ужасным образом побеждает меня леность — как избавиться от нее?

Если ты нерешительно будешь сражаться с леностью, то никогда не победишь оной; а коль скоро восстанешь против нее с твердым намерением, хотя и не без внутренней болезни, то с Божиею помощию можешь одержать над нею победу. Отражать врага есть знак верного и доброго воина; но обращать хребет свойственно одному ленивому и недостойному оруженосцу. Человек до гроба должен наблюдать за собой относительно сего порока, дабы не услышать в последний день ужасного определения сердцеведца. В Писании сказано, что верному до смерти даст Господь венец живота (см.: Апок. 2, 10). Значит, дается венец только тому, кто выходит на борьбу с твердым намерением вести брань до последнего издыхания, не оставляет оружия, даже в минуту самых ужасных опасностей, и не предает сердца своего врагу. Таковой, хотя и бывает иногда повержен, не оставляет своего священного рвения и никогда не теряет надежды, а потому успевает или не успевает, за одно свое намерение и непреклонность венчается как добрый воин, стремившийся к небесной почести.

◊ Какая страсть самая опасная?

Из всех страстей самая опасная для истины и добродетели — зависть. «Завистию диаволею смерть вниде в мир» (Притч. 2, 24); завистью же и грех плодится в земной юдоли. Сей один порок порождает многие другие, и особенно опасен потому, что обладаемые им скрывают его даже от самих себя. Сей непримиримый враг добродетели и заслуг раздражается всем тем, что возбуждает в людях удивление. Нет зла, к которому бы не сродни была

зависть, как скоро возобладает душою, то ее из сосуда, устроенного в честь, делает сосуд бесславия и великой мерзости.

◊ Чем можно помогать усопшим?

Усердная молитва к милосердному Спасителю о упокоении и помиловании душ почивших братий наших спасительнее всего для них. Чем пламеннее молитва, чем большее число усердно молящихся за умерших, тем обильнее на них изливается благодать Божия, тем более им отрады, утешения и блаженства. Посему-то благочестивые христиане подкрепляют свои молитвы богоугодными милостынями бедных братий.

Но еще спасительнее молитва всей Церкви и принесение за почивших бескровной Жертвы, которою открыт источник спасения для всего мира. Не помилует ли Господь бедную душу ради бесконечных заслуг Единородного Сына Божия, ради всесильного ходатайства Господа Иисуса, умершего и воскресшего для воскресения и вечного блаженства всех чад Адамовых?

◊ Бывает такое время в моей жизни, что я бываю недоволен своей участью; не богохульство ли это?

Верим ли, что над всеми нами бдит премудрый и преблагой промысл Божий, а не слепой произвол и случай? Тебе, христианину, должно быть известно, что и волос с головы нашей не падает на землю без воли Отца нашего небесного. Премудрость Творца видит все пути к нашему предназначению, благость Его избирает лучшие из них и ведет нас по ним. Все пути Божии ведут к добрым и спасительным целям, и судьбы наши составляют предмет высочайшего смотрения Божия.

Итак, что значит роптать на судьбу свою? Значит роптать на Самого Бога; и это не постыднейшее ли богохульство! Довольствуйся лучше всем, что пришлось и приходится на твою долю. Иначе ты будешь метать к небу каменье, которое будет падать на твою же голову.

◊ Отчего же рождается во мне недовольство своей судьбой?

Недовольство сие рождается:

1) от неумеренных ожиданий;

2) от неблагоразумного сравнения своей участи с участью других;

3) от незнания, где искать себе довольства.

Чего не вымышляют и не предпринимают люди для своего счастья? Все стихии мира в беспрестанной суете от них; а счастье не является им, — или всегда только в области их мечтаний. Какая причина сему? То, что его не там ищут, где должно, ищут весьма далеко.

Вечное слово истины так поведало нам: «Царство Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 21); «ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам».

◊ Когда никакая святая мысль и представление не действуют на сердце раздраженное или предавшееся бесчувствию, что должно делать, дабы умягчить его?

Должно принудить себя к молитве, к излиянию души пред Богом. Когда несколько умягчится душа, тогда должно изыскивать причину такой холодности. Если возникло нечувствие духовное от неудовлетворения какой-либо страсти, то презри движение страсти и удали от себя предмет, ее раздражающий; и когда сие горестное ожесточение водворилось от непроницаемых причин, то более проси Всемогущего Господа, да отразит Своею благодатью все страстные прилоги и теплотою ее да согреет охладевшее сердце твое.

◊ Что такое самолюбие, как оно возникает в человеке и чем истребляется?

Самолюбие усиливается в нас от недостатка самопознания, оно есть излишнее к самому себе уважение и возрастает в душе при невнимании нашем к себе и при внимании к льстивым похвалам от людей. Корень его есть прирожденная нашей природе гордость. Уничтожается самолюбие памятованием о смерти, внимательным исследованием своих поступков, а паче представлением страшного суда Божия.

◊ Можно ли спастись в мире, или для этого непременно нужно удалиться в монастырь?

На вопрос этот отвечать мне нелегко; знай только, что не место спасает человека, но добронравие и сердечное произволение.

Адам, живя и в раю, согрешил, а Лот и в Содоме спасся; Иов на гноище заслужил оправдание, а Саул, и находясь в царских чертогах, лишен царства настоящего и будущего. Спастися убо возможно на всяком месте и при всякой доле, по судьбам Всевышнего нам доставшейся.

◊ Кого из грешников Бог наипаче отвращается?

«Убога горда, богата лжива и стара прелюбодея» (Сир. 25, 4), отвращается еще и памятозлобного человека и гневливой души. Хотя бы мы были и довольно праведны, но если памятозлобствуем, то все дела наши тщетны и спасения получить не можем. А потому всякую вражду непременно должны уничтожать и всегда иметь мир и любовь со всеми, без коих «никтоже узрит Господа» (Евр. 12, 14).

◊ Как поступить с клевещущим на ближнего своего?

Никогда не должно слушать клевет и уважать того, кто клевещет на ближнего своего; лучше сказать таковому: «Перестань, брат, я сам ежедневно еще в тягчайшие сих впадаю грехи и потому не могу и не должен никого осуждать»; сими словами, как целебным лекарством, исцеляются две болезни: своя и клевещущего.

◊ В чем состоит истинное смирение?

Истинное смирение состоит в том, чтобы ничем не гордиться, ни за что не роптать, не оказывать неблагодарности, недовольства и за все судьбы Божии благодарить и хвалить Бога, Которого все дела ознаменованы или правосудием, или благостью.

◊ Какой добродетелью можно приблизиться к Богу?

На высоту Божию только выходят смирением. Предающий себя Богу приближается к Нему, а возносящийся далеко отходит от Него.

◊ Я прошу Бога — желаю получить от Него просимое и не получаю, — что мне делать?

Да не страшит тебя, христианин, то, что ожидаемое по вере твоей отлагается впредь. Хотя обетованное сокрыто, но ты продолжай молитву с упованием. Упражняйся в делании, возрастай в добродетелях. Когда испытуется постоянство веры, умножается слава возмездия.

◊ Если кто просит меня помолиться о нем, имею ли право отрицаться, чувствуя свое недостоинство?

Когда просят нас молиться о спасении другого, то мы не должны отрицаться, хотя и не стяжали еще дара молитвы. Ибо часто вера того, который просит, спасает его, при его старании исправить свою жизнь.

◊ Желательно мне стяжать добродетель; что для сего нужно?

Кто хочет стяжать добродетель, тот прежде должен возненавидеть противное ей зло. Итак, если ты хочешь иметь печаль о Боге и плач, должен возненавидеть суетные радости и смех. Хочешь ли иметь смирение? Возненавидь гордость. Хочешь быть воздержанным? Возненавидь пресыщение. Хочешь быть милостивым? Возненавидь сребролюбие. Желаешь быть целомудренным? Возненавидь сладострастие. Желающий удерживать язык пусть заградит уши свои, чтобы не слышать многого. Желающий всегда иметь страх Божий пусть возненавидит самомнение и тщеславие, возлюбит скорби, тесноту и тогда может служить искренно Богу.

◊ Как узнать, принадлежу ли я к числу спасаемых?

На этот вопрос никто из людей, доколе живет на земле, не может отвечать с несомненностью; ибо один Господь «знает сущия Своя» (2 Тим. 2, 19). Мы можем отчасти только судить о том, на пути ли стоим к Царствию Божию или, напротив, далече от прямого пути. Каким образом? Настоящая жизнь в отношении к будущей — то же, что время сеяния по отношению к жатве. Итак, кто здесь не посеет, тот и там не пожнет, кто здесь не положил начала к своему спасению, не соделал себя способным ко вступлению в Царство небесное, тот и там останется вне Царствия Божия.

◊ Какой верный путь ко спасению?

В каком бы кто состоянии ни жил, всякий по вере в заслуги Христа Спасителя, при помощи Его Божественной благодати, будет идти ближайшим путем спасения, если будет следовать примеру святых отцов, и если он до конца пребудет в истинной вере, любви и уповании на Бога, то приидет, наконец, туда, где все лики святых отцов, и будет участвовать с ними вечно в радостях небесных.

◊ Чего нет труднее для христианина?

Самая труднейшая добродетель есть молиться Богу непрестанно. Когда только человек захочет молиться, враги стараются отвлечь его, ибо знают, что ничто им так не противодействует, как молитва к Богу. Во всяком подвиге, какой бы ни предпринял человек, после усиленного труда получает успокоение, а молитва хотя и доставляет по временам небесные и святые утешения, но до последней минуты жизни христианина требует от него бдительности. Чтоб неослабно иметь побуждение к молитве, христианин должен непрестанно внимать себе и обличать душу свою, говоря: «Увы мне! Как я предстану на суд Христов и чем буду оправдываться пред Ним?» Если всегда будет размышлять, может спастись.

◊ В чем состоит последняя цель скорбей, посылаемых Богом человеку?

Последняя цель скорбей, посылаемых Богом, состоит в том, чтобы в яснейшем свете представить небесное блаженство, глубже дать почувствовать беспредельность милосердия Божия и премудрость Божественного промышления. Кто после сего без благодушия не будет переносить кратковременные страдания, которые ведут за собою столь спасительные действия? Кто не скажет с апостолом: «недостойни страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас» (Рим. 8, 18)? «Еже бо ныне легкое печали нашея по преумножению в преспеяние тяготу вечныя славы соделывает, не смотряющим нам видимых, но невидимых: видимая бо временна, невидимая же вечна» (2 Кор. 4, 17, 18).

◊ Должно ли отчаиваться о злых людях?

Не должно отчаиваться о злых, а должно молиться за них прилежнее, чтобы они сделались добрыми. Число святых умножается всегда от числа грешных.

◊ Какие подвиги особенно Богу приятны?

Три сии подвиги многоценны пред Богом: во-первых, когда человек, впадши в напасть и подвергаясь другим искушениям, принимает их с благодарением; во-вторых, когда кто старается, чтобы все дела его были сокровенны от людей и чисты пред Богом и не имели суетных побуждений; в-третьих, когда кто пребывает в послушании к своему духовному отцу и отказывается от всех своих желаний. Последний получает один лишний венец против прочих.

◊ Можно ли сердцу воспоминать прошедшее?

Не позволяй сердцу воспоминать прошедшее с услаждением, дабы не вкралось в душу твою похотение и не заставило ее возвратиться в Египет.

◊ Когда мы молимся с верой о своих нуждах, всегда ли Бог исполняет молитву нашу?

Когда с верой молимся о нуждах житейских, то молитву нашу Бог иногда и не исполняет по милосердию: что полезно больному, то лучше знает врач, нежели сам больной. Если просим того, что Бог Сам предписывает и обещает, то непременно будет. Любовь получает то, что готовит истина.

◊ За что потребуют от нас строгого ответа?

Не за то, что мы были бедны или богаты, благородны или худородны, много или мало имели дарований; а за то, как употребляли полученные нами таланты. Если получившему один талант и скрывшему его в земле сказано: рабе лукавый и ленивый! — то что скажется тому, кто имел счастье иметь пять или десять талантов, и все это скрывает в своей леностии и праздности?

◊ Чем сопровождается истинное раскаяние?

Человек, стяжавший истинное раскаяние, говорит мало, действует решительно. Придя в чувство, он спешит изменить к лучшему жизнь свою, в уверенности, что настала для него минута спасения. Волнуемый сильными размышлениями о превратностях мира и переменах своей прежней жизни, он изыскивает уединенное место, где бы мог свободно беседовать с собой и проливать обильные потоки слез. Не могши более владеть своею печалью, при воспоминании прежних своих дел, он преклоняет чело свое к земле и не смеет возвести взоров к небесам, откуда, впрочем, ожидает помощи и избавления: он часто из глубины сердца воздыхает ко Господу, прося у Него помощи к укреплению в добродетели.

◊ Отчего многие жалуются на мир сей?

Оттого, что мир сей исполнен сетей и все, что ни окружает нас, ополчается совокупно с растленною природою нашею против нас: богатство развращает нравы, бедность выводит из терпения, счастье надмевает, бездействие нежит, несчастье крушит, знание напыщает, невежество сдруживается с заблуждением, здравие поддерживает страсти, немощи наклоняют к нечувствительности или ропоту, словом, все, что ни есть в нас или окрест нас, становится для грешного человека сетью и камнем преткновения. Одна надежда остается ко спасению человека простирать вопль к престолу всемилосердного Бога, да благоволит Сам прийти на помощь нашу, обуздать неукротимые страсти, озарить невежество, укрепить немощи, управить на победу духовную борьбу и восстановить от падения.

◊ Велика ли сила славолюбия?

Как велика и вредоносна сила славолюбия, чувствует только тот, кто сражается с этой страстью. Ибо легко не желать похвал, когда не даются; но трудно не находить в них удовольствия, когда предлагаются.

◊ Кто презирает все блага мира?

Тот презирает все блага мира, кто презирает не только все, что мог, но и все, что хотел иметь. Впрочем, здесь нужна осторожность, чтобы не вкралась в душу гордость. Лучше удерживать земные блага со смирением, нежели оставлять их с гордостью.

◊ Отчего люди подвергаются несчастьям?

Всех несчастий первоначальной причиною суть грехи; за грехи посылаются печали, за грехи беспокойства, за грехи страдания; и все ныне приключающиеся нам неудобоцелимые болезни первоначально произошли от греха. Бог, полагая жене за преступление наказание, сказал ей: «в болезнех родиши чада» (Быт. 3, 16), и болезнь оказалась плодом греха. Но как рождающийся от дерева червь снедает самое дерево, так и печаль, от греха рожденная, потребляет грех, если приносится при покаянии. «Печаль яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделывает» (2 Кор. 7, 10).

◊ Есть ли на земле счастье?

На земле нет совершенного счастья; ибо здесь не время утешения, но скорби. Высокий сан имеет свой труд и лишения, простое звание — особенные печали и неудобства, мир — свои прихоти, уединение — свою горесть и скуку, брачное состояние — свои утраты и заботы, дружество — свои неприятности и вероломство, благочестие — свои горести. По уставу, неизбежному для чад Адамовых, всяк обретает на своем пути волчец и терние. Тысячи случаев убеждают нас, что к блаженству нашему на земле всегда многого и многого недостает.

◊ Как можно спастись?

Все мы знаем, как спастись, но по собственному нерадению теряем спасение. Прежде всего и паче всего должно сохранить нам то, что сказал Господь: «Возлюбиши Господа Бога твоего всею душею твоею, и искренняго твоего яко сам себе» (Мф. 22, 37, 39). Вот где спасение — в двойственной любви.

◊ Что должно думать при наступлении нового года?

Окончивши прошедший и встречая новый год, мы необходимо должны, сокрушаясь сердцем, размышлять: прошедшие дни жизни нашей безвозвратно протекли, но что в оные мы сделали доброго? Остальное время приближает нас к старости, кончина безвестна, а суд Божий не коснит. Потому непременно должно каждому начать новую жизнь о Христе Иисусе.

◊ Что отгоняет память Божию от души?

Память о Боге отгоняет следующее: многословие, услаждение чем-нибудь, смех, оставление размышления, излишнее попечение о суетности мирской, непамятование о смерти. Все сие отгоняет память о Боге. Если заметишь одно из сих зол, спеши исправиться, как усердный раб Божий, и избегнешь таким образом всех сетей лукавого.

◊ Что значит непрестанно молиться?

Молиться всегда и непрестанно не то значит, чтобы всегда читать псалмы или молитвы написанные, — это дело невозможное. Ибо всякому христианину надобно делать дело, по званию своему; так же плоть утружденная требует успокоения сном и прочее. Но значит то, чтобы часто, во всяком начинании о деле, возводить ум, и сердце, и воздыхание к Богу и просить у Него милости, помощи и заступления.

◊ Почему же нужно непрестанно молиться?

Потому, что сатана во всякое время со своими злыми слугами наветует нам, также плоть всегда похотствует на дух, а этим врагам мы сами противиться не можем. Посему должны молитвой вооружаться, стоять и крепиться. Умом и духом можно молиться во всякое время и на всяком месте. Ходишь ли, сидишь ли, лежишь ли, за трапезой ли сидишь или дело делаешь, в народе или в уединении находишься, всегда можешь ум и сердце к Богу возводить и таким образом просить у Него милости: ибо Бог везде и на всяком месте, и везде и всегда, по своему человеколюбию, готов нас слушать и нам помогать.

◊ Что более требуется для этой жизни от человека?

Требуется наипаче терпение и постоянство. «Претерпевый до конца, той спасен будет», — сказал Господь. «Иже на добрей земли, плод творят в терпении» (Лк. 8, 15).

◊ Как воспитывать малых детей?

Замечая в дитяти пробуждающееся чувство и мысль, нужно дать ему угодную христианину пищу. Эта пища преимущественно заключается в религиозных понятиях. Пусть на первом месте дитяти слышится сладчайшее имя Господа Иисуса; пусть первый луч сознания упадает на понятие о Боге, нашем Творце, Вседержителе, Промыслителе и Спасителе; пусть нежное чувство сотрясется ощущением любви к Отцу небесному, в обширном доме Которого живет он и родители его, из десницы Коего получает все нужное и все приятное для жизни, — и в самом начале возникающего разумного бытия дитяти возжжется тот небесный свет, который указывает путь истины и добра.

◊ Как я должен размышлять о конце человека?

Размышляй так: помысли, душе моя, что существование, которым ты наслаждаешься, Бог даровал тебе, создав тебя по Своему образу, без всякой

заслуги с твоей стороны. Помысли, какие угрызения совести и какое горькое сожаление почувствуешь ты в час смерти, если ты не старалась служить Богу. Какое горе, если ты узнаешь, при конце дней твоих, что тебе не остается тогда ничего из здешних богатств, удовольствий, славы, кроме улетающей тени и горького мучительного воспоминания.

Душе, сколько предпринимала ты трудов, чтобы губить себя, а нисколько не потрудилась, чтобы спасти себя! Научись же примерами других заниматься своим спасением, если не хочешь впасть в великое отчаяние, подумай, что все, что ты делаешь, говоришь, думаешь не для Бога, все потеряно. Начни же с Богом! Время переменить тебе жизнь. Ужели хочешь ожидать для раскаяния минуты смерти, дверей вечности и ада? Тогда будет поздно исправлять себя, тогда уже не будет времени для спасения.

◊ Каких особенно помыслов человек не должен принимать?

Человек не должен принимать особенно следующих двух помыслов: блуда и осуждения ближнего. Но когда враг подложит какой из них, то должно встать на молитву и с плачем против них молиться Богу, и Бог избавит его.

◊ Нужен ли страх подданному по отношению к властям?

Доколе всем нам нужны власти, правительства, нужны и законы, нужен и страх рабский потому, что люди склонны творить зло себе и другим, и нужно укрощать и прекращать зло. «Хощеши ли, — говорит апостол, — не боятися власти (то есть не иметь страха рабского)? Благое твори и имети будеши похвалу от правителя; аще же, — прибавляет, — зло твориши, бойся, не бо без ума меч носит» (Рим. 13, 3–4).

◊ Сколько врагов Царства Божия?

Три главные врага Царства Божия: плоть (или плотская, зараженная грехом природа наша), мир (или люди, живущие по духу века развращенного, не верующие) и диавол. Все они домогаются того, чтобы мы вместо воли Божией отдавались их воле, и хотят отвлечь нас от Царства Божия. Знай же и помни, что «творяще волю плоти и помышлений» мы бываем, по слову апостола, «чадами гнева» (Еф. 2, 3), что кто любит мир и его тройственную похоть: «похоть плотскую, похоть очес и гордость житейскую», «несть любви Отчи в нем» (1 Ин. 2, 15–16), и вместе с ними есть противник Богу. А зная сие, всегда желай и проси не того, что угодно плоти, миру и диаволу, а того, что благоугодно всеблагому и всеправедному Отцу нашему небесному.

Преподобный Алексий Голосеевский (1840–1917)

Старец Алексий (Шепелев) воспитывался митрополитом Киевским Филаретом и духовником митрополита, старцем Киево-Печерской лавры преподобным Парфением, который много говорил Владимиру (так звали старца Алексия в миру) о значении молитвы, рассказывал о великих подвижниках древности и о тех, которые почивали в пещерах лавры. Но особенно преподобный Парфений старался отвлечь сердце молодого послушника от пристрастия к деньгам и расположить его к нестяжанию.

Однажды посетивший владыку Филарета богатый купец подарил Владимиру блестящий червонец. Владимир после ухода гостя сидел в столовой вместе с владыкой и преподобным Парфением, играл монетой, подбрасывал и ловил ее. Преподобный Парфений, посмотрев на мальчика, строго заметил: «Зачем ты играешь с диаволом?» Эти слова мудрого схимника глубоко запали в чистую душу молодого послушника, и он, будучи преклонным старцем, любил вспоминать это наставление. Сохранилось в памяти отца Алексия до последних дней его жизни и другое наставление, полученное не от преподобного Парфения, а от владыки Филарета: «Деньги — это черви!» По словам старца Алексия, митрополит Филарет любил повторять это.

Господь посещал старца Алексия Своими дивными знамениями. Так, однажды Господь дивным образом открыл ему Своего угодника. Служил отец Алексий литургию в Ближних пещерах во Введенской церкви. Во время причащения народа подходит причащаться Христа ради юродивый старец Паисий. Отец Алексий, когда увидел старца Паисия, то даже отступил с Дарами назад в алтарь от страха: лицо старца Паисия сияло неземным светом!

Другой раз Господь открыл отцу Алексию день смерти Государя Александра II. 1 марта 1881 года отец Алексий совершал Божественную литургию в сослужении иеродиакона Тихона в пещерной церкви преподобного Антония. По совершении проскомидии перед покрытием дискоса и чаши покровцами взор отца Алексия остановился на частице, вынутой в честь Государя Александра II, — частица показалась ему не белой, какими были все прочие частицы, а светло-коричневой, как бы облитой вином. Тогда отец Алексий подзывает иеродиакона Тихона и, не говоря ему ничего о замеченном изменении частицы, спрашивает его, не

облил ли он нечаянно при влитии вина в чашу частиц. Иеродиакон заявил, что он вина, при влитии его в чашу, не проливал. Когда же старец Алексий указал ему на частицу Государя и сказал, что она пропитана вином, иеродиакон, посмотревши на частицу, сказал, что он ничего особого в ней не видит и отцу Алексию просто показалось, что она в вине. Отец Алексий замолчал. Здесь же в алтаре случился в это время бывший тогда в лавре на покое игумен Мелхиседек (раньше — Московский протоиерей Михаил, кандидат Московской Духовной академии). Отец Алексий обращает и его внимание на частицу Государя. Игумен Мелхиседек посмотрел на частицу, но она и ему показалась вполне белой, как и прочие частицы, а потом он заявил отцу Алексию: «Это просто у вас в глазах что-то неладно, а частица ничем не отличается от других». К литургии пришел и иеросхимонах Исихий, духовный отец отца Алексия. Тогда отец Алексий подозвал к жертвеннику отца Исихия и показал ему частицу Государя, не говоря ничего о том, что сказали по поводу частицы иеродиакон Тихон и игумен Мелхиседек. Иеросхимонаху Исихию частица показалась не белой, а такой же, как и отцу Алексию казалась, — светло-коричневой. Он взял даже ее в руки, чтобы лучше рассмотреть. После осмотра частицы он заявил: «Это ее иеродиакон облил вином». В великом смущении и скорби отец Алексий кончал Божественную службу. Теперь он не сомневался, что частица не была облита вином, а это было Божие чудо, предзнаменующее какое-либо событие в жизни Государя Александра II. Этим событием оказалась смерть императора, который в этот именно день был убит в Петербурге.

В Голосеевской пустыни отец Алексий прожил двадцать один год три месяца и двадцать четыре дня. Главными его обязанностями здесь были — чередное богослужение, наблюдение за ризницей и духовничество. Мудрыми советами, вовремя сделанными предупреждениями он стал обращать на себя внимание православных людей — сначала прилегающих к пустыни селений, затем города Киева и, наконец, всей необъятной России. О старце Алексии знали и в Петрограде, и в Москве, и на Урале, и на Кавказе, и в Сибири, и на Дону. Он был известен и в городах, и в селах, и в монастырях. Такую его широкую известность не трудно объяснить: посещавшие во множестве Киево-Печерскую лавру богомольцы знакомились здесь со старцем Алексием и, обласканные, успокоенные им, разносили весть о нем по всем уголкам нашего широкого отечества. В последние годы жизни отца Алексия у дверей его кельи ежедневно можно было видеть несколько посетителей, приходивших к нему за советами, за облегчением своего горя, с просьбами молитв за живых и умерших. В келью его люди входили расстроенные, с мрачными лицами, взволнованные, а выходили спокойными, умиротворенными, со слезами радости на глазах.

У старца Алексия искали умиротворения своей совести не одни паломники и монахи, но и архипастыри, и даже Киевские митрополиты. Так, Черниговский архиепископ Антоний вызывал отца Алексия к себе в Чернигов в апреле 1911 года для предсмертной духовной беседы и на его руках предал дух свой Богу. Голосеевская пустынь была дачей Киевских митрополитов, где они летом отдыхали от своих архипастырских трудов.

Неоднократно бывал у старца Алексия священномученик митрополит Киевский Владимир и просил его молитв.

9 сентября 1896 года состоялось открытие мощей святителя Феодосия, Черниговского чудотворца. На предварительное переоблачение мощей святителя Феодосия, по приглашению владыки Черниговского Антония, ездил старец Алексий, как лицо опытное в обращении со святыми мощами. Здесь, в Чернигове, старцу Алексию было видение. Ему явился ночью сам святитель Феодосий и, обращаясь к нему, повелительно сказал: «Поминай моих родителей». Отец Алексий ответил явившемуся святителю: «Святитель! Ты же сам прославлен». Святитель Феодосий тогда объяснил отцу Алексию причину своей просьбы: «Поминай на проскомидии, — говорил он, — она выше моей молитвы…»

Будучи в последний год своей жизни больным, старец не переставал принимать посетителей: «Я мог бы уйти от этой суеты в богадельню и там совершенно успокоиться, но не могу я бросить этих страждущих людей, приходящих ко мне за помощью». Что особенно привлекало народ к отцу Алексию — это его ласковое, любовное обращение. Всех он встречал с

радостной улыбкой, всем был рад. Встречая пришедшего к нему посетителя, он обыкновенно говаривал: «Пожалуйте, пожалуйте, мое сокровище». Пришедшего он ласково расспрашивал о его жизни, выражал сочувствие от всей души его скорбям и несчастиям, благодарил Господа за радости пришедшего к нему незнакомого человека; осведомлялся о том, как его гость добрался до него, не обидел ли его кто в дороге, не взял ли лишнего извозчик, есть ли деньги на обратный путь. И если бы у гостя не оказывалось денег, отец Алексий сейчас же, не медля ни минуты, вручал ему достаточную сумму на обратный путь. Но часто он и не спрашивал своих посетителей о том, есть ли у них деньги или нет, а просто при прощании вручал уходящему посетителю три или пять рублей денег и говорил: «На трамвай». Духовные дети отца Алексия встречали в келье своего старца не одни ласковые речи, но и угощение. Отец Алексий любил угощать своих посетителей. Всех, кто ни приходил к нему, он сажал за стол и поил чаем с булками, маслом и вареньем. Булки у батюшки были особенно вкусные; чай — особенно сладкий, так как он по своей щедрости клал в него много сахара. Умилительно было видеть, как старец, рассадивши своих гостей по всем своим комнаткам, сам суетился, угощал своих дорогих посетителей, приговаривая: «Кушайте, кушайте, пожалуйста, не стесняйтесь». Угощая по чувству любви своих гостей в келье, отец Алексий по тому же чувству не мог отказывать в содействии всем тем нищим, убогим, разбитым жизнью людям, которые приходили к нему за помощью. Всех таких несчастных он старался удовлетворить. Одним он давал деньгами, другим продукты… Бывая в городе, батюшка приобретал там в большом количестве чай, сахар и булки; все это сворачивалось в большие пачки и раздавалось отцом Алексием приходящим бедным, особенно под большие праздники. Старец Алексий посылал нуждающимся деньги по почте, развозил к праздникам подарки по больницам, богадельням и тюрьмам. К старцу все шли как к родному отцу. Каждый был убежден, что у батюшки он встретит одну ласку и сочувствие своему горю. А поэтому с полным доверием духовные дети отца Алексия раскрывали ему свои душевные раны и с радостью принимали от него отеческие наставления.

Но больше всего старец молился. Бывало так, что советы старца не принимались посетителями, тогда он переставал убеждать своего гостя, видимо соглашался с ним и даже благословлял его на предпринимаемое им дело; но когда тот уходил из кельи старца, батюшка начинал молиться о его вразумлении. И бывало, что человек, вразумленный советами старца, изменял свое намерение под влиянием его молитв, или обстоятельства так изменялись, что невозможно становилось этому человеку исполнить своего желания. И духовные дети отца Алексия высоко ценили молитвы своего

старца: они часто больше нуждались в молитвах своего батюшки, чем в советах или материальной помощи. Все приходящие к отцу Алексию особенно усиленно просили у него молитв. И старец молился за всех. Он молился не только днем, но и целыми ночами; не только в уединении, но и тогда, когда беседовал со своими посетителями.

Старец был наделен от Бога даром прозорливости, он безошибочно определял нравственное состояние приходящих к нему людей и предлагал им соответствующие советы.

Отец Алексий предвидел будущее, видел настоящее душевное настроение людей, постигал и их прошедшую жизнь. Но свою прозорливость батюшка не проявлял бесцельно, но обнаруживал большей частью только тогда, когда хотел поддержать слабого человека, или вразумить заблуждающегося, или обличить грешника, или предупредить об опасности…

Молитвенные подвиги старца Алексия были сокрыты от постороннего глаза. Но есть основания думать, что он иногда целые ночи проводил без сна за молитвой. Совершение же им общественного богослужения было для всех видно. Служение старца Алексия производило умиляющее впечатление. Особенно он воодушевленно читал акафисты Божией Матери. Для совершения проскомидии для него мало было двух часов: так многих он поминал. Во время поминовения на проскомидии он клал много земных поклонов. Светильничные молитвы старец Алексий прочитывал несколько раз. Во время произношения иеродиаконом на просительной ектении последнего прошения — «Христианские кончины живота нашего…» — отец Алексий падал ниц пред святым престолом. Любил старец ежегодно ездить в Никольскую пустыньку Черниговской губернии, там совершать литургию и молиться пред чудотворным образом святителя Николая. Несколько раз в году ездил он и в лавру для поклонения чудотворной иконе Божией Матери и святым мощам печерских угодников. Бывая в городе, старец каждый раз заезжал на Бессарабку и здесь, хотя на минутку, заходил в крытый рынок, где стоит большая икона святителя Николая, ставил перед ней свечу, клал земной поклон и молился святителю о том, чтобы он сохранил Киев от голода, как он спас некогда от этого же бедствия Миры Ликийские.

Старец Алексий, живя в пустыни для Господа, избегал славы и возвышений. Когда ему предложили занять должность блюстителя Дальних пещер, он отказался. Но митрополит Флавиан, почитавший старца Алексия и высоко ценивший его старческую деятельность, все-таки сумел почтить его: в 1913 году он наградил его палицей.

11 марта 1917 года старец мирно отошел ко Господу.

Мощи преподобного Алексия обретены в 1993 году и сейчас почивают в храме Покрова Божией Матери Голосеевской пустыни.

Духовные наставления

◊ Христианину необходимо всегда быть мыслями со Христом.

◊ Свое «я» везде следует устранять и на хуления и злословия других смотреть как на вразумление Божие.

◊ К себе должно относиться строго, а к другим — снисходительно.

◊ Человека борят нечистые помыслы; это пройдет — злость на сердце нападет, а после этого — уныние и так далее. А все это для нашего смирения.

◊ Смирение необходимо в себе воспитывать.

◊ Молитва, соединенная с милостынею, — великое дело: сам на себе испытал.

◊ Поститься должно так, чтобы никто не знал об этом.

◊ Делай добро, пока руки теплы.

◊ Лишнее раздавайте своими руками.

◊ Нельзя пройти по пути духовной жизни, не зная искушений, но Господь не посылает человеку искушений выше его сил.

◊ Страдания полезны для человека: они очищают наши сердца от грехов.

◊ Болезнь тела рождает смирение души, как апостол говорит: «Если внешний человек тлеет, то внутренний со дня на день обновляется».

◊ Сначала «поклоняемся Кресту Твоему», а потом и «воскресение Твое славим», — так и в человеческой жизни: сначала страдание, а потом радость.

◊ Во время скорбей необходимо терпение с великодушием.

◊ Единственный способ облегчения скорбей — это слезы, терпение и молитва.

◊ Когда ниоткуда нельзя ожидать помощи, тогда является небесная помощь.

◊ Люди ответят за страдания бессловесной твари.

◊ Во время исповеди отец Алексий обыкновенно говорил: «Веру имей. Как после бани бывает чисто тело, так после исповеди душа очищается Божией благодатью от грехов».

Старец Николай (Цариковский), духовник Киево-Печерской лавры (1829–1899)

Отец Николай поступил в Киево-Печерскую лавру в четырнадцать лет, после кончины своих родителей. Первым духовным наставником юного послушника стал его дядя, лаврский монах отец Израиль, который обучался у учеников преподобного Паисия Величковского умному деланию — непрестанной молитве Иисусовой. Отец Израиль передал племяннику тетради с наставлениями преподобного Паисия и его учеников.

Узнав скромного, безропотного послушника, архимандрит Мефодий, духовник братии, предсказал, что это будет великий старец.

В 1860 году Василий Цариковский (такое имя носил старец в миру) был пострижен в рясофор с именем Феодосий, а в 1862 году — в монашество с именем Руфин. В 1870 году был рукоположен во иеромонаха, вскоре был назначен помощником смотрителя лаврской странноприимницы, затем был определен на должность «кружечного» соборной лаврской церкви — это одна из самых значительных и ответственных должностей в Киево-Печерской лавре.

9 апреля 1883 года над иеромонахом Руфином совершили чин пострижения в великий ангельский образ с именем Николай, а вскоре он был определен на должность лаврского духовника. Так началось великое старческое служение.

Он стал не только духовным руководителем множества иноков, старцев и мужей, но и бесчисленного числа паломников-богомольцев, которые шли в лавру за многие тысячи верст, чтобы, поклонившись святыням, поисповедовать, побеседовать, или получить только благословение у святого старца-схимника, слава о котором шла по всей Руси.

В нашей книге мы печатаем беседы, которые отец Николай проводил с паломниками, пришедшими к нему на исповедь.

Духовные беседы

◊ Как только каждый из вас утром пробудится от сна, сейчас благодарите Бога за то, что еще оставлены на покаяние, и просите у Него помощи на труды послушания в течение всего дня.

А затем, начиная всякое дело свое, призывайте Бога на помощь. Желаешь ли молиться, поститься, творить поклоны, работать, идти или ехать куда-либо, призывай Господа Бога, Божию Матерь и святых угодников Его и говори: «Господи, благослови и помоги мне грешному!» Ибо Сам Господь сказал: «Без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15, 5), то есть без Меня и Моей помощи не можете свято исполнять свои дела и даже подумать ни о чем истинно добром. А если кто скажет: «Я (сам) то и то сделаю» — и не призовет Бога на помощь, то с ним силы и помощи Божией не будет. Тогда и диавол скажет свое «я» и будет старания употреблять, чтобы противиться начатому тобой делу и с успехом вредить ему, и достигнет того, что и молитва твоя будет в грех, вообще все дела так осквернит, что они будут противны Богу, ибо ты на себя надеялся, а не на Бога, и творил их без Его помощи и защиты.

Во-вторых, никого не нужно бранить, а тем паче проклинать, особенно же родители не должны делать этого в отношении к своим детям. От недоброго, злого, матерного слова иные дети всю жизнь болеют; другие, возрастая, не повинуются ни отцу, ни матери, сами мучаются и других мучают. Какая-то сила действует на них через матерные слова.

Также родители, а особенно матери, должны помнить, что они дадут на страшном суде ответ о детях. Господь спросит их тогда: «Я создал дитя, отдал тебе его для воспитания, дал тебе здоровье и все что нужно было. Где Мое создание?» Кто воспитывал детей и молился о них, тот скажет: «Господи, се аз и дети, их же дал ми еси!» А кто бранил, проклинал, истреблял отравой детей, которые бы получили Царствие небесное, те будут страшный ответ давать на страшном суде.

В-третьих, некоторые ходят к ворожеям, кланяются им, просят у них помощи. Диавол очень радуется, что христиане кланяются ему в лице ворожей и просят у него помощи через его слуг. Он записывает таких, и если кто, не покаявшись в этом на исповеди, умрет, то диавол скажет тогда ангелу хранителю: «Эта душа принадлежит мне: она оставила Бога, Божию Матерь и Церковь и просила помощи у меня» — и увлечет такую душу во ад. Вот только и пользы людям от посещения ворожей, что диавол низринет их души во ад, если они не покаются на исповеди. Тяжесть греха от

посещения ворожей особенно увеличивается оттого, что посещающие их отвергаются от Бога. А между тем Сам Господь наш никогда не отвергает нас, а, напротив, всячески привлекает к Себе, поучает всегда и за всем потребным обращаться к Нему. Он ведь говорит: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и откроют вам; если с верою попросите, все получите» (см.: Мф. 7, 7; 21, 22). И несмотря на это, посещающие ворожей не верят Богу, Который создал их, дал им душу и тело и все потребное, еще и Царствие небесное обещал даровать им. Они Ему не доверяют и не просят Его, а идут к ворожеям, им кланяются, их просят и славу Божию чрез это отдают диаволу. Это есть мерзость пред Господом и прикрытое идолопоклонство.

В-четвертых, некоторые на исповеди утаивают грехи свои. Кто так делает, тому нет ни прощения, ни спасения. Подходит к святой чаше и вкушает святые Тайны в суд и во осуждение себе. От чаши отходит более черным, чем был прежде. Сам Господь, зная нашу немощь, что человек после крещения не может остаться чистым и святым, дал покаяние и исповедь. Явившись апостолам после Своего воскресения, Он дунул на них и сказал: «Приимите Дух Свят, имже отпустите грехи, отпустятся им; имже держите, держатся» (Ин. 20, 22, 23). Если кающийся на исповеди чистосердечно открывает все свои грехи, то иерей прощает и разрешает его, и Сам Господь прощает и разрешает. А кто утаивает грехи, тому нет ни прощения, ни разрешения, ни очищения, ни спасения, так как, приступая ко причащению святых Тайн, вкушает их в осуждение себе. В случае же смерти диавол возьмет такового, как свой жребий, ибо никакая нечистота не явится пред Богом в блаженном Царствии небесном.

Нам Бог сказал: «В чем застану, в том и сужду». Кого застанет в покаянии, тот получит Царствие небесное и блаженство вечное, такое блаженство, какого, по словам апостола Павла, око не видело, ухо не слышало и на сердце человеку не приходило (см.: 1 Кор. 2, 9). А кто погордится и не покается в этой жизни, умрет без покаяния и исповеди, тот получит не Царство небесное, а наказание вечное, будет отлучен от Бога, рая, всего блаженства и вместе с диаволом будет ввержен во ад. А в аде огнь, который будет жечь без света; там червь, который будет есть тело, как колоду, — червь вечный и тело вечное. От этого всего будет происходить смрад. Тем смрадом нужно будет дышать и глотать его. Жажда будет такая, что хотя бы кто каплю воды дал, но никто не даст, ибо грешники отлучены от Бога. Во аде один кричит, другой скрежещет зубами, иной проклинает всех, но друг друга они не видят, потому что находятся в бездне и тьме.

В-пятых, помните, что жизнь наша краткая и приготовительная. Всякий должен приготовлять добрые дела. При смерти человек все оставит: и дома,

и серебро, и золото, и все свои вещи. С ним пойдут лишь добрые дела и злые. В зле содеянном заблаговременно кайтесь, а добрые дела собирайте для вечности.

В-шестых, помните также, что нужно ходить в церковь и молиться Господу Богу, Божией Матери и угодникам. Каждый должен и сам за себя молиться и просить о себе молитв у священника, а также и о священнике молиться. А без церкви и священников нельзя спастись человеку, как на море без корабля и кормчего. Священник есть посредник между Богом и людьми, а глава Церкви — Христос. Кто ходит в церковь, молится Богу, Божией Матери и Его угодникам и случается, что часто грешит и по правосудию Божию должен быть строго наказан, но за молитвы к Богу и Его угодникам еще оставляется на покаяние.

В-седьмых, знайте, что наша брань с диаволом за Царствие небесное продолжится до окончания нашей жизни. Диавол, как дух, сверженный с неба за гордость и непослушание Богу, позавидовал прародителям нашим — Адаму и Еве и, обольстив их, ввел в гордость и непослушание Богу и тем лишил рая. Также он и теперь преследует людей, а наипаче православных. Своей лестью он всячески старается войти в душу человека. При помощи притворства, скрывшись так, чтобы человек и не подозревал его, представляет ему разные прелести, разнообразные лица, скаредности, в соответствие с тем, какой кто страстью заражен в большей степени. Кто услаждается той или иной из возбужденных таким образом страстей, то диавол этим услаждением входит к человеку, как к своему дружку, соединяется с его душой, оскверняет ее, потом водворяется на его сердце и разжигает его на всякие скверные, греховные дела. Если являются у тебя на уме скверные, недобрые мысли, это есть диавольский приход, приступ. Тогда ты скажи диаволу: «Не соглашаюсь с тобой» — и не допускай себя услаждаться теми мыслями. Тогда твой ангел хранитель будет отгонять от тебя диавола, а Бог, за такое сопротивление врагу — диаволу, пошлет тебе отпущение грехов и награду: для тебя будет соплетаться неувядаемый славы венец. Поэтому всячески старайся не допускать диавола до души, ибо она есть невеста Христова. Бог ее создал для того, чтобы она вечно Его славила и вечно радовалась пред Ним. Диавол все силы употребляет, чтобы ее осквернить, чтобы чрез это она лишена была Царствия небесного и радости Божественной. А во время искушений нужно помнить (и не унывать), что за помыслы, всеваемые врагом в душу, еще нет осуждения человеку, ибо это вражеская брань. Только уже за услаждение помыслами и соизволение с доводом на грех постигают человека осуждение от Бога и праведный Его гнев.

◊ Старец говорил: «Когда призываете имя Божие, полагайте на себя крестное знамение. Старайтесь совершать всегда это знамение правильно: на челе, на персях, на правом и на левом раменах, чтобы и все тело чувствовало прикосновение руки, сложенной для крестного знамения. Тогда и тело освящается, и враг трепещет».

◊ Утверждая чад своих духовных во смирении, старец советовал им не забывать и крепко помнить, что мы ничего своего не имеем, а все, что имеем, не наше, а Божие. Тело — от Бога, душа — от Бога, ум и все душевные силы — от Бога, различные знания и искусства, образование — дар Божий, сан, власть и все благое, что мы имеем для душевной и телесной жизни, своей и ближних своих, — это дары милости Божией, за пользование которыми нужно будет отдать Богу в свое время строгий отчет. Мы и греха не должны считать своим собственным произведением, принадлежащим нашей природе. Ибо если грех и живет в нас, людях, то и он не наше произведение, а вошел к нам от врага Божия и нашего. Поэтому если мы оказываемся неимеющими ничего своего, а все у нас от Бога, то у нас нет чем тщеславиться или гордиться. Напротив, мы должны за все и всегда благодарить Бога и всячески смиряться, готовясь дать во всем ответ Ему. Ибо наша жизнь земная есть жизнь подготовительная и краткая и дана нам не для того, чтобы мы тщеславились или гордились один перед другим своими достоинствами и преимуществами. Мы рождаемся в этом мире для того, чтобы прославлять Творца и послужить Ему, потрудиться во славу Его над созданием Его рук, этим видимым миром, порученным нам во владение, и чрез это обрести милость у Бога, потрудиться для своего блага и спасения, и для блага и спасения ближних. И, несмотря на то, что мы должны весьма много в жизни своей трудиться и всегда молиться, как неключимые рабы, нам нельзя ни на минуту забывать того, что спасает нас Господь Бог по единой милости Своей, а не по делам нашим.

◊ Старец говорил, что нужно стараться и не смотреть за тем, как другие живут и действуют, а непрестанно следить за собой, что и как сам делаешь. А если человек перестает строго следить за собой, то, естественно, сейчас же обращает внимание на других и начинает судить их: «Тот или этот не так живут, как следует, а вот этот не так, как подобает, действует». Но пройдет немного времени, смотришь, а сам судивший и осуждавший других за осуждение и гордость так расстроится, ибо благодать отступает от него, — что не знает, как и быть, как исправиться, поправить свои обстоятельства, и сам начинает допускать такие поступки, каких и другие, осужденные им, не делали, и не может перестать их делать, хотя и самому стыдно, и от Бога и людей осуждение. И сам, без особой милости и помощи Божией, пока не

покается, не может выйти из своего поистине бедственного состояния. Всегда должно помнить, что каждый сам за себя даст ответ Богу.

Но если тебе попущено будет, продолжал старец, за гордость и тщеславие, чтобы ты подвергся такому наказанию или впал в грех, а то просто, чтобы постигли тебя за грехи разные испытания, несчастья, неприятности и скорби, то всячески старайся не допустить в себе и на малое время жить унынию, этому самому ядовитому и погибельнейшему плоду гордости и тщеславия.

◊ Старец говорил: что бы ни случилось с тобой, не показывай и вида печали, скорби, уныния. Враг не знает того, что в глубине души христианина скрывается, а узнает об этом только из того, как человек ведет себя. Ища только повода, чтобы «морочить» человека, заметив, что он начинает унывать от чего-либо, враг сейчас подносит ему еще и еще что-либо тяжелое, обидное, оскорбительное, чтобы увеличить печаль и скорбь и незаметно довести до полной бездеятельности, отчаяния и погибели, когда человек, как говорится, голову потеряет, опустит руки и не хочет уже придумывать и просить у Бога помощи найти какие-либо средства выйти из бед и несчастья.

◊ Старец говорил: если заметишь, что согрешил в чем-либо, познаешь себя в грехе, сейчас, не медля ни минуты, иди до Бога и кайся, проси у Него прощения, ибо несть грех, побеждающ человеколюбие Божие. Мы должны в этом отношении уподобляться малому дитяти, которое если во время игры упадет, или ушибется, или его кто обидит, то сейчас же бежит к отцу или матери, ища защиты и утешения. А мать тотчас берет его на руки, утешает его, и оно сейчас же забывает о своем несчастье и снова весело начинает играть и бегать.

Так бывает и с душой человека; согрешила ли она или впала в какое-либо несчастье, если тотчас с искренним покаянием и усердной молитвой прибегает к Богу, то снова получает благодать и помощь от Бога и снова радуется и утешается милостью Божиею.

◊ Старец говорил: мы должны стараться, чтобы всегда иметь радость о Бозе неотъемлемой.

Жизнь нам дана не на печаль, а на радость, и потому каждый должен стараться всегда быть веселым: это освежает все силы человека, воображение, память, ум.

При унылом же и сумрачном, печальном настроении все в душе бывает сдавлено, стиснуто, а это только и нужно диаволу: он особенно на мрачно настроенных, унывающих и угрюмых нападает.

◊ Старец говорил: работу, то есть послушания свои разные, нужно исполнять со смирением, прося усердно у Бога помощи. Успех же дела

должно предоставлять воле Божией и не особенно о нем беспокоиться. А главное — никогда не хвалиться и не говорить с похвальбой: «Я то и то сделаю», потому что, если за тщеславие благодать отступит от человека, то хотя бы он и начал работать, например там писать какое-либо сочинение, то уж не будет в нем той силы, какую давала благодать.

В чем есть нужда, сейчас до Бога, проси Его, потому что Он Сам сказал: «Просите и дастся вам». Если просим, то и получаем, а не просим, то и не получаем. Во всем должно на Бога надеяться, а не на себя, на свои силы, способности и средства; то Бог никогда не оставит Своей всесильной помощью и благодатью, ибо сказал: «Скорее мать забудет свое дитя, чем я забуду тебя».

Преподобный Иона Киевский (около 1802–1902)

Старец Иона (Мирошниченко), в схиме Петр, основатель и благоустроитель Киевского Свято-Троицкого монастыря, несколько лет был послушником у преподобного Серафима Саровского. В 1851 году отец Иона переселился в Киев, который с того времени стал местом его подвижнической жизни. Он задумывает и затем начинает постепенно подготовляться к устроению своего общежительного монастыря. Местом для новой обители он избрал участок земли, который был расположен рядом, несколько выше Выдубицкого монастыря, и который был приобретен при содействии и на средства духовной дочери старца княжны Е. А. Васильчиковой.

Об основании Свято-Троицкого Ионовского монастыря еще за много лет предсказал блаженный иеросхимонах Феофил.

В 1864 году старец Иона положил начало будущему монастырю устройством небольшой деревянной церкви во имя Пресвятой Троицы и малой кельи для себя при ней. Подвижническая жизнь старца привлекла к нему учеников, из которых и образовалась, на началах строгого общежития, небольшая обитель, утвержденная в 1866 году. Строителем обители тогда же был назначен ее основатель, который и оставался ее настоятелем до 1889 года, будучи удостоен звания игумена в 1872 году и архимандрита — в 1886 году.

Немало потрудился старец Иона и над восстановлением и благоустройством Межигорского Спасо-Преображенского монастыря, настоятелем которого он состоял в течение 1886–1896 годов.

В последние годы отец Иона стал особенно болеть ногами, и силы его начали заметно ослабевать. Обнаружившаяся в последнее время водянка предвещала близкий конец земной жизни его. В последние дни старец почувствовал приближение смерти, перестал принимать пищу и только ежедневно причащался святых Тайн. 8 января 1902 года отец Иона предстал пред Богом.

Мощи преподобного Ионы сейчас почивают в возрожденном Троицком Ионинском монастыре.

Рассказы о преподобном

◊ Однажды после общего благословения старая крестьянка добивалась попасть к отцу Ионе на совет и рассказала, что ей трудно жить. В это время незаметно сзади проходил отец Иона и, схватив за рукав, строго сказал ей: «Ты помнишь, как ты жила? Помнишь? Так теперь терпи да Бога благодари». Она отвечала: «Помню, батюшка».

◊ Часто к отцу Ионе обращались женщины, у которых вследствие болезней приостанавливалось деторождение. Старец всегда спрашивал, делала ли женщина операцию, и если да, то уклонялся от советов. Если же операции не было, он давал советы.

А на прочие болезни, кто спрашивал лечения, то старец отвечал так: «Если хочешь во гроб скорее, то лечись, а если хочешь жить, то не лечись, а молись Богу, Божией Матери и святым угодникам, и пей святую воду Богоявленскую натощак по чайной ложке, и святым маслом на ночь делай крестик на груди против сердца». Перед тем как пить Богоявленскую воду или же мазать маслом грудь, надо прочитать по одному разу «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся…» и положить земной поклон, и это делать сорок дней, в особенности для припадочных.

◊ Старец очень редко благословлял ехать в Иерусалим — вероятно, из-за соблазнов, встречаемых там от смешения полов. Бывало, посмотрит вверх, подымет палец: «В горний Иерусалим Бог благословит, а туда не благословляю».

◊ Вскоре после того, как старец был возведен в сан архимандрита, мантийный монах Макарий, старик уже лет семидесяти, во время всенощной стоял у иконы «Троеручицы» и смотрел на то, что совершалось посредине храма, где стояли служащие и певчие, выйдя на полиелей. Когда пришло время чтения Евангелия и с батюшки сняли митру, он увидел, что лицо у отца Ионы стало, как у малого ребенка, и такое светлое, что нельзя было продолжать на него смотреть. Когда же, по прочтении Евангелия, надели митру, лицо стало обыкновенным.

Наступило время прикладываться к иконе и помазываться, тут одна странница, стоявшая сзади священнослужителей, видела, что из алтаря в епитрахили и с поручами на руках вышла Женщина. На ней было зеленое платье и голубой платок на голове, доходивший до ног. Женщина приложилась к иконе, помазалась Сама по-священнически и вошла в алтарь царскими дверями. Она даже возмутилась, как это монахи пустили женщину в алтарь. Она рассказала, что видела, монастырским старцам, и только тогда поняла, Кто была эта Женщина.

Схиархимандрит Феофил (Россоха) (1929–1996)

Сорок лет совершал старец Феофил монашеский и священнический подвиг. Ему довелось восстанавливать из руин три храма и древнюю пустынь. Его гнали, переводили из епархии в епархию. Он сам говорил: «Пятнадцать лет в Азии и двадцать пять в Европе…» Жизнь его была полна трудов, гонений и скорбей, но до последнего издыхания совершал он труд молитвы за мир.

Великие современники, преподобный Кукша Одесский и старец Феофил (Россоха), встречались несколько раз, и прозорливый старец Кукша предсказал ему гонения и нелегкую жизнь.

Но где бы ни служил старец, к нему стекались православные. Отец Павел Буланов, выдающийся подвижник нашего времени, живший в Туркестане, в 1982 году сказал об отце Феофиле (тогда еще, до пострига в схиму, Пафнутии): «Это светильник — великая звезда нашего Православия. Это великий человек» — и особо благословил его молиться о бесноватых.

В 1988 году открывается Киево-Печерская лавра, и старец, вышедший к тому времени по состоянию здоровья за штат, просит тогдашнего Киевского митрополита Филарета (Денисенко) принять его в братию монастыря. Но митрополит, невзлюбивший старца еще со времен совместного обучения в Духовной академии, отказывает ему. Однако старец не уезжает из лавры, живет там, поет на клиросе, помогает возрождать обитель. И только после того, как митрополит Филарет уходит в раскол, а новым Киевским митрополитом становится Владимир, старца принимают в число братии Киево-Печерской лавры и он получает благословение проводить «вычитки» болящих и немощных, проводить исповеди.

На исповедь к старцу приходили не только прихожане и паломники, но и братия монастыря, и семинаристы, и послушники. Обладавший даром прозорливости, старец выслушивал человека как бы на бегу, давал краткий совет, — и этих нескольких слов хватало, чтобы дать ответ на то, что тревожило и мучило.

Фактически у батюшки не было свободного времени. К нему ехали и ехали люди. С горем, радостью, за советом, благословением. Возле корпуса, где жил старец, постоянно толпился народ — ждал своего пастыря. И когда батюшка выходил на улицу, этот людской поток поглощал его: все стремились хотя бы прикоснуться к нему, получить благословение.

Особенно много людей собиралось в среду и субботу, то есть в то время, когда батюшка проводил «вычитку» для болящих. Сидит старец на стуле после чтения святого Евангелия и помазывает подходящих к нему людей, а в помещении стоит духота, народ напирает со всех сторон, несколько послушников пытаются сдержать эту людскую лавину, но — тщетно. Любой бы человек встал и возмутился, а батюшка лишь повторяет: «Будьте смиренны и кротки».

Старец никогда не настаивал ни на чем. Он ненавязчиво направлял людей на путь истинный. И всегда в разговоре с людьми проявлял заботу, такт и смирение. В каждом его совете, в каждом слове чувствовалось такое знание сердца человеческого, такое проникновение в самую глубь народного быта, душевной жизни народа, что ни один из подходивших, иногда приступавший к нему с глазами, красными от слез, не уходил от него с лицом непросветленным. Чувствовалось, что каждый получал свое утешение. Именно то, которого жаждала, и без отца Феофила не находила, его скорбная, измученная душа…

Помогал батюшка людям и молитвой, и деньгами, и продуктами. И делал это все так, чтобы никто не знал.

На литургии батюшка обычно поминал очень много имен. Для того, чтобы помянуть всех, подавших ему записки, он приходил обычно заранее, даже если не служил, располагал свои записки на поминальном столике и вынимал очень много частиц. Обычно к нему подходили послушники или монашествующие с просьбой помянуть своих близких: «Батюшка, помяните Андрея!»

— Андрея, Андрея, Андрея, — поминал старец, вынимая частицы, — всех Андреев, всех Андреев, всех Андреев, всех сродников, всех Андреев…

Сам тяжело болевший, старец молился Господу о здравии своих духовных чад. Известны многие случаи излечений по молитвам старца.

И братия монастыря, и духовные чада батюшки знали о его прозорливости.

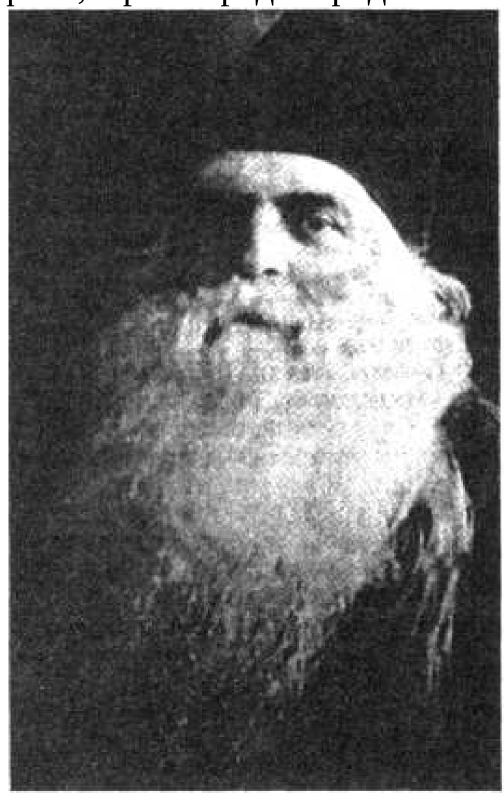
14 апреля 1993 года отец Пафнутий возводится в сан архимандрита, а 24 августа назначается скитоначальником Китаевской Свято-Троицкой пустыни. В этой некогда знаменитой пустыни подвизались старец (девица) Досифей, святой Христа ради юродивый иеромонах Феофил и другие.

Невозможно перечислить те труды, которые положил старец для возрождения этой порушенной святыни Православия.

Сразу же по своем приходе в пустынь отец Пафнутий открыл больницу-богадельню, полностью содержавшуюся на скудные средства обители, а для болящих стал по четвергам проводить особый молебен о даровании душевного и телесного здравия.

Но не только болящие стекались к старцу в Китаево. В коридорчике перед его кельей, каждый день переполненном народом (порой очередь тянулась через весь монастырский дворик), можно было увидеть кубанского казака и шахтера с Луганщины, сельского учителя и воспитателя колонии для несовершеннолетних, который пешком пришел из Одессы за советом и благословением всей семьей вступить в монастырь, кадрового военного и вора-рецидивиста, известного литератора и председателя колхоза, оккультиста, выходящего периодически в астрал, и иеромонаха из Троице-Сергиевской лавры, экстравагантную барменшу из Севастополя, которая приехала передать письмо своей матушки (духовной дочери старца) и благословиться продать свою квартиру в центре города и купить домик в Дивеево, и прикованного болезнью к инвалидной коляске сотрудника госбезопасности. Некоторые из паломников жили при обители неделями, лишь бы попасть на прием к прозорливому.

5 апреля 1994 года был совершен постриг в великую схиму архимандрита Пафнутия с наречением имени Феофил, в честь святого Феофила, Христа ради юродивого.

Старец жил в нищете. В келье у него была только монашеская одежда, иконы, фрукты и консервы, которые он раздавал приходящим к нему людям.

Несмотря на бедность, на тяжелое положение, от старца продолжала идти помощь не только его духовным чадам, но и многим, которые и не

знали о его существовании. Помогал он и строящимся храмам.

Несмотря на болезни, старца часто видели в Чернигове, в Козельце, в Феофании — он приезжал туда вместе со своими духовными чадами, помогал восстанавливать порушенных храмы и обители — и помогал не только советом или материально, но часто и сам принимал участие в строительных работах.

В это время продолжалась помощь старца детским домам, неимущим семьям, ограбленным перестройкой. Старец посылал денежную лепту во многие адреса бывшей огромной страны — и это обнаружилось только после смерти старца, когда в его келье нашли благодарственные письма.

Особую заботу отец Феофил имел о тех, кого в народе называют «бесноватыми» — множество таких людей приходило в Китаевскую пустынь на молебны к старцу, и он принимал всех, заботился о них, молился.

В Прощеное воскресенье Великого поста 1996 года многочисленные паломники и молящиеся, заполнившие храм Двенадцати апостолов Китаевской пустыни, чувствовали, что совершается особая, действительно прощальная служба. Когда старец вышел из алтаря с крестом, стал на колени и принялся просить у молящихся прощения, в храме стоял плач. Батюшка действительно прощался со своими многочисленными духовными чадами. Они подходили по одному, и батюшка, внимательно глядя на каждого, говорил несколько слов, самых важных, напутственных.

21 марта старцу посоветовали лечь в больницу. Обитель сразу как-то опустела. 22 марта 1996 года, в 16 часов, за полчаса до своего успения, старец угостил сестру больного, который лежал с ним в одной палате, блинчиками и попросил их пойти погулять, чтобы ему остаться одному.

Когда через полчаса они вернулись, старец лежал на боку, со спокойным, умиротворенным лицом — будто уснул.

Духовные наставления

◊ Наши страсти — это наши великие болезни. Когда наша природа желает, боится, или иным каким-нибудь образом приходит в возбуждение, она тогда страдает, терпит, волнуется и выходит из того спокойствия, в котором и заключается ее здоровье.

Но из всех страстей самая большая — это ненависть, особенно когда она сопровождается смертоносными признаками мщения.

О, что это за недуг! Это возгоревшая желчь, которая изнутри возбуждает дух, стесненный тысячами волнений, а извне обнаруживается на лице, искаженном от печали. Это великая тяжесть уныния, которая падает на сердце и подавляет его. Это внутренняя возбужденность души, вызывающая самые страшные движения, это мрачный туман в уме, подымающий волны пагубных помыслов. Яд в крови, отравляющий всякое удовольствие, поджигающий и распаляющий жестокость.

◊ Мы должны воспитывать в себе дух кротости, смирения, незлобия, долготерпения и умеренности во всех поступках. А чтобы иметь в себе такое расположение духа, надо помнить общую слабость человеческую, общую склонность ко грехам, в особенности — свои великие немощи и грехи, а также бесконечное к нам самим милосердие Божие, которое прощало и прощает нам грехи многие и тяжкие за покаяние и умоление наше.

Да уже одно чувство благодарности к Богу за Его бесчисленные к нам милости обязывает нас быть снисходительными и милостивыми к нашим ближним, которые одной плоти и крови с нами и имеют одинаковые немощи, страсти, преткновения.

◊ Господь сказал: «Милости хочу, а не жертвы». Он, многомилостивый, хочет и от нас милости, милосердия, незлобия и терпения относительно ближних наших. Он же готов всегда помогать нам во всяком добром деле. Если у тебя злое сердце, проси в покаянии, чтобы Он смягчил твое сердце, сделал кротким и долготерпеливым, и будет оно таково. «Сыне, даждь Ми твое сердце».

◊ Сея вокруг себя семена любви и милосердия, мы как бы обязываем Господа милостью к себе. То, что мы подаем нищему, голодному, нуждающемуся, то, что мы делаем страдающему, плачущему, утешая его — привлекает благословение Божие к нам. Сказано в слове Божием: «Благотворящий бедному дает взаймы Господу…» (Притч. 19, 17). А Господь воздает всегда щедрым Своим отеческим воздаянием.

«Блажен разумеваяй на нища и убога, в день лют избавит его Господь. Господь сохранит его и живит его… Господь поможет ему на одре болезни его» (Пс. 40, 2–4).

Вот каковы плоды этой добродетели, этой священной заповеди нашего христианского закона о любви и милосердии, преподанной всем нам к неуклонному исполнению в жизни земной нашим Господом Спасителем.

◊ Наш Господь Бог, в Которого мы веруем, назван в слове Божием Отцом сирот и убогих. И чем мы больше можем заслужить благоволение своего небесного Отца, как не своим милосердием к нищему, убогому, плачущему, скорбящему, ко всем, требующим и жаждущим от нас сострадания, утешения, нашей помощи?

А тот, кто оскорбляет нищего, убогого, просящего о нашем сострадании, кто закрывает свое сердце к горю брата своего, тот оскорбляет Самого Господа Бога в лице меньшего брата своего…

◊ Чтобы жить по-христиански, держитесь Православной Церкви. Раз в месяц причащаться надо, дома употреблять крещенскую воду и часть святой просфоры по утрам. Как первые христиане, подражать им надо. А то книги читаем часто: прочитали, закрыли, забыли.

Как они жили — первые христиане? А первые христиане жили очень высокой духовной жизнью: сегодня они принимали христианство, завтра у них отнимали имущество. На третий день на страдание приглашали. Они на все готовы были. Вот и вы подражайте. Книги читайте, все хорошее закрепляйте.

В Евангелии говорится: «Вера твоя спасла тебя», то есть первые христиане обладали великой верой. Они старались и жить по-настоящему. Господь их благословлял на труды, на подвиги. Они крепко исповедывали Христа, веровали Ему и часто отдавали свою жизнь — как святой целитель Пантелеимон, Георгий Победоносец (первый министр Диоклетиана), великомученица Варвара, великомученица Параскева, великомученица Екатерина и другие… Вот светочи первых христианских людей! Им подражайте, их читайте, следуйте им.

В храмах чаще бывайте, веруйте, посещайте главные святыни Киевской Руси, особенно лавру Киево-Печерскую. Угодникам Божиим целуйте ручки, подражайте им в жизни их.

Вот и будете вы настоящими, тоже хорошими христианами.

Дай вам Бог преуспевать во всем, и идти от силы в силу, и достигать высшего духовного совершенства.

Преподобный Антоний
(1792–1877)

О том, что отец Антоний (Медведев) станет наместником Троице-Сергиевой лавры, ему предсказал преподобный Серафим Саровский: «Помысл Божий вверяет тебе обширную лавру».

Известно, что ректор Московской духовной академии профессор протоиерей Александр Горский, глубоко его уважавший, обыкновенно называл преподобного Антония по обилию познаний «самородком», а по строго иноческой жизни — «аввой».

Преподобный Антоний был духовным отцом святителя Филарета Московского. Святитель не только посылал для проверки к отцу Антонию некоторые из своих проповедей, но и обсуждал и свои личные дела, и дела, связанные с управлением епархии. По совету преподобного святитель Филарет отказался освящать Триумфальные ворота в Москве, на которых были изображения языческих богов. Это могло вызвать недовольство Государя, но преподобный сказал своему духовному сыну: «Помните, что вы епископ христианский, пастырь Церкви Христовой, которому страшно одно — разойтись с волею Иисуса Христа».

Наместником Сергиевой лавры преподобный Антоний был назначен 23 февраля 1831 года. За сорокашестилетнее наместничество он привел обитель преподобного Сергия к процветанию. Но главное, о чем заботился отец Антоний — это духовная сторона иночества.

Он устроил Гефсиманский скит; где позднее просияли великие старцы. Устав для скита был заимствован частью из афонских, частью из молдавских монастырей, и руководителями иноческой жизни приглашены были питомцы монастырей, основанных преподобным Паисием Величковским.

Для возбуждения и поддержания духа истинного монашества, отец Антоний собирал переводы аскетических сочинений преподобного Паисия Величковского. Он также помогал оптинским инокам в издании полезных для иночества книг. По поручению святителя Филарета отец Антоний просматривал перевод творений преподобных Исаака Сирина и Иоанна Лествичника, когда их готовили к изданию в Московской духовной академии. Получив записки о жизни и наставлениях игумена Назария Валаамского, он просил профессора Московской духовной академии Петра Симоновича Казанского отредактировать их для печати.

Богомольцев преподобный Антоний привлекал и своим благоговейным служением, и беседами. Он обладал обильным даром слова и в беседах обнаруживал обширные сведения и мудрость суждений. Беседуя с ним, можно было подумать, что он получил образование в одном из высших учебных заведений, хотя это было совсем не так. Весьма крепкая память его сохраняла полученные им сведения, и обыкновенно одухотворенная его беседа лилась нескончаемым потоком. При его впечатлительной душе, при его живом воображении часто и сухие факты, облекаясь в живые образы, обставлялись все объясняющими подробностями. Если он сочувствовал теме рассказа, то сам как бы становился действующим лицом, мимикой оживляя повествование.

Заботами отца Антония под трапезной церковью была устроена для странников-богомольцев кухня и столовая. Летом здесь кормили каждый день по тысяче и более человек. В случае болезни их принимали в лаврскую больницу на полное содержание; прочие получали в благословение крестики, иконы, снабжались продуктами и, если нужно, теплой одеждой.

Преподобный окормлял и заключенных. В одно из посещений тюрьмы он поражен был нечистотой, сыростью и теснотой помещений. «Это ведь тоже люди», — сказал он и решился устроить для них лучшее помещение. Он проектировал здание в десять тысяч рублей, но одна благотворительница — его духовная дочь — приняла на себя все расходы, какие почтет нужным сделать для этого отец Антоний. И он истратил не менее семидесяти тысяч на тюрьму, при которой устроил церковь в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали».

Отец Антоний много помогал и частным лицам. Собственные средства его были ограниченны, но его духовные чада давали в его личное распоряжение значительные суммы. Нуждающиеся получали от него постоянные пособия в виде пенсий. Как рассказывали очевидцы, преподобный ходил всегда с кошельком, полным мелкого серебра, и раздавал монеты всем, кто просил его подаяний.

Для многих преподобный Антоний был духовным отцом. Святитель Филарет, сам избравший его в духовные отцы, нередко посылал к нему людей, нуждающихся в назидании или утешении, и уведомлял потом, что такие лица возвращались утешенными.

Духовное общение отца Антония с преподобным Серафимом, «любезнейшим его сердцу», не прерывалось до самой кончины великого старца. Однажды, идя по лаврскому сосновому лесу, отец Антоний нашел плоский и гладкий камень, наподобие аспидной дощечки, велел написать на нем явление Божией Матери преподобному Сергию, освятил этот образок на мощах угодника Божия и послал в благословение преподобному Серафиму. За неделю до смерти преподобный Серафим вручил этот образ одному из монахов с такими словами: «Сей образ наденьте на меня, когда я умру, и с ним положите меня в могилу: он прислан мне честным архимандритом Антонием, наместником святой лавры, от мощей преподобного Сергия». Завещание старца было исполнено.

То глубокое уважение к подвигам и наставлениям преподобного Серафима, каким потом проникнут был святитель Филарет Московский,

было внушено ему более всего рассказами преподобного Антония о великом старце.

Еще более ясным свидетельством того, как отец Антоний чтил память преподобного Серафима и какое благоговение к его памяти успел внушить самому святителю Филарету, служат их общие хлопоты об издании составленного архимандритом Сергием первого «Жития преподобного Серафима», которое было напечатано в 1841 году, а также их особое попечение о Дивеевской обители.

Кончина святителя Филарета, последовавшая 19 ноября 1867 года, в тот именно день, о котором ему было откровение, поразила преподобного Антония. С момента кончины митрополита стало заметно, что у отца Антония нет былой бодрости духа, той работоспособности, которые составляли отличительную черту его натуры.

В 1872 году отец Антоний просил у митрополита Иннокентия увольнения от должности. Архипастырь отклонил эту просьбу, а на указание архимандрита Антония на его немощь, заставлявшую его лежать в постели, отвечал поговоркой: «Хоть лежа, да в корню оставайтесь». Возвратившись в свою келью, старец пал на колени перед иконой и сказал со слезами: «Да будет воля Твоя, Господи!» — и решился оставаться уже до конца жизни на месте служения.

В 1873 году у отца Антония случился инсульт, после которого он еще более ослабел и оставался прикованным к постели; не только ходить, но и сидеть для него было тяжело. Изредка он решался совершать литургию, но при этом нужно было, чтобы его постоянно поддерживали двое диаконов. Управление лаврой передано было Духовному собору; к отцу Антонию обращались за советом лишь в наиболее важных делах. Старцу, привыкшему ежедневно быть за службой, тяжело было переносить такое лишение. Поэтому митрополит Иннокентий благословил при его кельях устроить домовую церковь. Свои физические страдания преподобный Антоний переносил всегда благодушно, но нередко со слезами говорил о том, что не имеет сил к долгому вниманию в молитве.

Известно о явлении отцу Антонию уже почившего к тому времени святителя Филарета. Святитель приблизился к старцу, лежащему на одре болезни, и спросил: «Тяжело тебе?» «Тяжело, владыко Святый», — ответил преподобный Антоний. «Читай пять раз „Христос воскресе“ и один раз „Отче наш“», — сказал святитель и стал невидим.

Силы преподобного Антония постоянно ослабевали. Но всегда с любовью и ласковым взором встречал он тех, кто приходил его навестить, и продолжал оказывать кому мог личные благодеяния.

Братия по его желанию, чередуясь, беспрерывно читали ему Евангелие.

12 мая 1877 года архимандрит Антоний, напутствованный святыми таинствами причащения и елеосвящения, тихо почил о Господе.

Из писем преподобного к Е. И. М

Письма преподобного Антония к его духовной дочери Е. И. М. относятся к 1870–1874 годам. Эти письма хранились Е.И.М. в бархатном золотообрезном переплете как драгоценная святыня. О значении для нее этих писем Е. И. М. говорила: «Оставшись вдовою с малолетними детьми, я была убита горем. На меня нашел такой столбняк, что я все молитвы перезабыла. Даже „Отче наш“ не могла прочесть. Отец Антоний своими беседами, письмами и частым причащением меня святых Тайн воскресил, оживил меня. Письма его и до сего времени утешают и успокаивают мое сердце и руководят меня на пути к небесному Царствию».

◊ За все надо благодарить Бога. Всякое мановение мира душевного есть Его милость.

Жизнь человеческая складывается из многого скорбного. Господь же, как источник любви, ибо «Бог любы есть» (1 Ин. 4, 8), проводит чрез скорбную жизнь человека, помогая ему и тайно и явно, и посредством человека и без посредства, посылая умирение и оживление скорбной души, как росу утреннюю засыхающему цветку.

◊ Не спеши ни в чем быть щедрой в подаяниях, но будь всегда смиренна и любовна. Давай и малое просящему, но всегда с любовью и смирением.

Благо детей твоих должно учить тебя бережливости. Тот неправильно мыслит, кто думает, что женщина не может заниматься делами. Мера разума, даваемая Господом мужчине и женщине, одинакова. Только последняя менее расположена прилагать его к делу.

◊ Много есть в нас помышлений, желаний и чувств, относительно которых требуется терпение.

Терпение нужно ко всему окружающему нас. К самому прекрасному и любезному для матери — к детям, и к ним много требуется благоразумного терпения.

Недаром слово Божие говорит: «в терпении вашем стяжите души ваша» (Лк. 21, 19).

Надобно, как бы кто сказал в торговле, приобрести себе капитал. Желаю тебе, друг мой, духовного капитала в обогащение души твоей — терпения.

◊ «Ко Господу, внегда скорбети мне, воззвах» (Пс. 119, 1), учит царь-пророк. И ты, друг мой, включи себя под это наставление, и получишь пользу.

Всякая скорбь наводит на душу некоторую темноту, а Бог есть Свет истинный. Стоит только человеку обратиться ко Господу, — и облегающая его темнота начнет разрешаться и удаляться. С тем же пророком чаще говори Господу: «Радосте моя, избави мя» (Пс. 31, 7) от отягощающих меня! И поможет тебе Господь.

◊ Исполняя обязанности, не охай и не смущайся, если достает возможности; а невозможного и Господь не требует от нас.

Сделав должное, не хвастайся в мыслях своих и не ожидай благодарности. Любовь к правде заключает в себе высшую благодарность, не в словах людей выражаемую, а действуемую в совести право поступающего.

◊ Несправедливо жалуешься ты на одиночество: два крыла у тебя[3], и одно из них ты называешь ангельским.

Расправляй их перушки лаской и заботливостью о них, и они будут помогать тебе не чувствовать одиночества.

◊ Не балуй себя фантазиями, когда в практике сей жизни есть доброе и прекрасное положительное.

Благодари Бога за прошедшее и настоящее! Чаще и более всего фальшивый слой мыслей делает нас в самих себе несчастными, и мы кукушечью поем песнь вместо соловьиной.

◊ Если собой не совладаешь в мыслях, обратись к чтению. Можно хороший сделать выбор книг исторических; но полезнее обуздывать мысли чтением Священного Писания, а наипаче молитвенным чтением псалмов. Эта книга подобна великолепному саду с своими парками и цветниками. Не ленись, и выберешь по своему сердцу и разуму, — и стихнут помышления.

Бог есть свет и жизнь. Обращай чаще к Нему свое лицо, и будут исчезать мрак и мертвящая тоскливость.

◊ Пророк говорит: «Аще пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты, Господи, со мною еси» (Пс. 22, 4). И со всяким, кто призывает Господа, есть Господь.

Итак, не бойся ни мыслей мрачных, ни обстоятельств смущающих, как сеней смертных. Иди твердою стопой и призывай Господа в помощь, говоря: «Боже мой и Господи, в помощь мою вонми» (Пс. 69, 1) и помоги мне! И Он, как Отец милостивый, во всем поможет тебе.

Не плачь, но возбуждай себя разумом к мужеству. Иди, с упованием на помощь Божию, как христианка, средним путем.

Делай добро со смирением, сколько можешь. Никого не осуждай и не ропщи, а молись за враждующих, и будет время, Бог обратит сердца их, на радость тебе.

◊ Вся жизнь человеческая соединена с терпением, как каменоздание с растворенной известью. Что известь для кирпича при созидании стены, то при каждом шаге жизни терпение.

Еще не явился человек на свет, а уже терпит за него мать, а вероятно — и само дитя, и с первой пеленкой приучается ребенок к терпению — на пользу и спокойствие себе.

И отселе до последнего могильного покрова вся жизнь складывается в терпении: терпение в возрасте, терпение в науке, терпение в обращении с людьми, в трудах и болезнях. Наконец, терпением обретается спасение: «претерпевый до конца, той спасен будет» (Мф. 10, 22), говорит Господь.

Так не обегай же терпения, не ропщи, когда оно посетит тебя, но как старого знакомого встречай, и надеждой на Бога провожай его с миром, — и будешь не только смиренная, но и мудрая.

◊ Надо быть благодарной и за минуту мыслей и чувств прекрасных. Нельзя, и не должно быть требования, чтобы все было и длилось так хорошо, как наградили временно добрые впечатления, вызвавшие в душе твоей прекрасные чувства. Пока живем мы на вертящейся этой планете, нельзя рассчитывать на постоянно хорошее. Оно там, за пределами земли.

Случалось мне летом с приятностью смотреть, как пчелка или бабочка, летая с цветка на цветок, весело взвивались в воздухе. И усваивал я себе мысль, что надо благодарить Бога и за минуту наслаждения разумной души. И это так! А себялюбие готово кричать: подольше и побольше. И это так!

Что же будем делать? — Смиряться пред обстоятельствами и терпеть.

◊ На Бога взирать можно и стоя, и сидя, и лежа.

Ему нет ни востока, ни запада. Это вечное полудне! И вечные красоты Его премудрости, любви и милосердия.

Так, друг мой, люби находить Бога в себе, в своем сердце, люби созерцать Его в природе, в красотах небесных! Мудрствуй о Нем выше облаков и солнца! Там, где свет Его, в Его свете. И там падай пред Ним и молча, покуда не дастся слово сердцу — Отец мой, помилуй меня! И как после света молнии облака разрешаются дождем, так чувства освященные твои прольют теплые отрадные слезы.

◊ Ты просила христианского любомудрия. Оно, между прочим, заключается и в том, чтобы уравнивать терпением беспокойства душевные и скорби, с бывающими радостями и удовольствиями сердечными. Чрез это душа навыкает мужеству. Нет скорби, которая не изменится, и радости, которая не пройдет. Так и псаломник говорит: «вечер водворится плач, а заутро радость!» Срединой надо идти в пути настоящей жизни, что называется царским путем.

Терпеливо переносить скорбное и не лакомиться до преизбытка удовольствиями. В скорби призывать в помощь Господа, а в радостном настроении благодарить Его за щедрую милость, и не лишится душа мира сладостного в жизни.

Иеросхимонах Александр, затворник Гефсиманского скита (1810–1878)

Старец Александр (Стрыгин) положил начало своей монашеской жизни в Оптиной пустыни, где вместе с будущим преподобным Амвросием Оптинским проходил одно послушание и вместе с ним ходил для духовного наставления к старцу Леониду. Эта духовная дружба не прекратилась и впоследствии: когда отец Александр принял старчество в Гефсиманском скиту, преподобный Амвросий нередко присылал к нему своих духовных чад на исповедь.

Прожив в Оптиной пустыни, по смерти отца Леонида, еще несколько лет, будущий старец, по предложению преподобного Антония (Путилова, брата игумена Оптиной пустыни), перешел в его Николо-Черноостровский монастырь в городе Малоярославце Калужской губернии. Здесь он прожил пять с половиной лет и был сначала рясофорным, а затем и мантийным монахом, и при пострижении наречен Агапитом. В 1849 году отец Агапит, по совету своего товарища и побуждаемый нерасположением к нему братии, подал прошение о переходе в город Харьков. Там же он был рукоположен в иеродиакона, а через год — в иеромонаха и был назначен на должность эконома при архиерейском доме. На этом новом месте, при полной свободе, при больших доходах и других соблазнах, отец Агапит незаметно начал было свыкаться с жизнью, наполненной мирской суетности. «И вот, однажды, — рассказывал старец, — я подумал: прежде, когда я был послушником, у меня было тогда одно только желание спасти душу; а теперь, что я делаю? Леность мною начала обладать.

И этого я убоялся; думаю: погибну от нерадения о своем спасении. Вскоре после этого я подал прошение об отпуске на богомолье и, получивши разрешение, отправился. Слышал я тогда, что близ Троице-Сергиевой лавры устроился скит Гефсимания, весьма удобный для безмолвия. Отправившись туда, я по дороге заехал на свою родину; взял с собою своего родителя Димитрия и с ним поступил в число братства Гефсиманского скита».

Это было в 1851 году. Поступив в скит по благословению святителя Филарета, отец Агапит построил келью на пчельнике, по примеру Георгия, затворника Задонского, чтобы проводить жизнь свою в безмолвии. В 1858 году некоторые из старцев скита (среди них был и отец Агапит) перешли

для большого безмолвия в глубь леса, где была вскоре выстроена церковь во имя Святого Духа Параклита, с приделом во имя святого Иоанна Крестителя Господня. На день Введения во храм Пресвятой Богородицы в Гефсиманском скиту отец Агапит принял пострижение великого ангельского образа — схиму и наречен опять Александром. Но архимандрит Антоний (Медведев) просил старца: «Отец Александр, прошу тебя, пожалуйста, перейди опять в скит, потому что в скиту осталась более молодежь, надо там поддерживать дух монашества» — и старец Александр, повинуясь своему духовному отцу, в 1861 году вернулся в скит.

23 ноября 1862 года святитель Филарет благословил отца Александра на полное затворничество. В 1871 году, отслужив раннюю обедню в Успенском храме, он затворился в келье и прожил в ней до самой своей блаженной кончины.

Однако свет духовной мудрости не мог укрыться от очей любивших и искавших этого света: поэтому к отцу Александру ходила братия из скита, из Сергиевой лавры, Киновии, Параклита и других обителей. К старцу ходило и множество мирских.

Отец Александр всегда бегал известности, которая, не принося пользы, могла питать только суетное тщеславие. Известность тяготила его, и старец, смиряя себя, часто говаривал со вздохом: «Горе тому, слава которого выше дел его».

9 февраля 1878 года старец мирно отошел ко Господу.

Духовные наставления старца Александра, выдержки из которых публикуются в нашем сборнике, были записаны его келейником, преподобным Германом (будущим старцем Зосимовой пустыни), который поступил в Гефсиманский скит в феврале 1868 года и прожил в послушании у старца Александра семь лет.

Преподобный Герман рассказывал: «Я это все записывал, когда келейником был у него… Дивный был старец. Вот он был делателем молитвы Иисусовой. Бывало, приду к нему, а он сидит в углу на низеньком стуле и весь ушел в молитву, так что не замечает моего прихода. Стану я на коленки у входа в его келью, да так и стою, долго стою; наконец, он меня заметит: „Ты что пришел?“ Я скажу, да и опять стою, как стоял, все хочется, хочется услышать от него что-нибудь поучительное, а старец опять весь ушел уже в молитву… И вот когда старец мой умер, так меня очень многие просили эти записки издать, да я все не решался; а потом послал эти записки отцу Амвросию Оптинскому, он их одобрил. И епископу Феофану Затворнику, так вот он в них кое-что исправил, пересмотрел да и написал мне, чтобы я их непременно издал, и даже выразился так, что „сохранять их под спудом было бы не совсем безгрешно“. Ну вот я и решился их напечатать. Некоторые из моих духовных детей, ученые иеромонахи, мне эти записки и поправили: расставили, где нужно, знаки, все в порядок привели, и потому хорошо и вышло».

Духовные наставления

◊ Скажу тебе главное: храни ум твой в смирении и самоукорения.

◊ Что пользы будет, если дать тебе правило, установить для тебя известное количество поклонов и облечь прочими формами? А ум у тебя будет занят только тем, как бы исполнить и когда исполнить удобнее и ты будешь, как работник, ожидать награды от своего хозяина за работу и не будешь замечать, как ум твой будет кичиться этим и осуждать других. Не лучше ли всегда считать себя должником и грешником пред Господом Богом и воссылать сердечные к Господу молитвы, чтобы Он умилосердился на нашу нищету?

◊ Если иногда случалось, что кто-либо не исполнит правила келейного, то в таких случаях отец Александр советовал пополнить недостающее смирением и самоосуждением; иногда же скажет шутливо: «Смирнее будешь». Другим советовал заменять правило в случае нужды молитвой Иисусовой. Так, монахине Каллисфении говорил: «Когда не можешь совершить правила, то сядь, твори молитву Иисусову, сколько можешь — один час или полчаса, и вменится это вместо правила». И вообще советовал более всего заниматься молитвой Иисусовой сердцем и устами: «Старайся, — говорил он, — имя Господне произносить устами: оно очищает и избавляет сердце от страстей».

◊ Если мы имеем усердие ко храму Божию или к молитве, то никакие дела нам не воспрепятствуют. Когда придет, например, к вам в гости кто из родных или знакомых или случится что-либо подобное, то вы оставляете свои дела и идете к гостям. А на молитву у вас нет времени: так мы делаем дело Божие с леностью и небрежением. Провести с кем-либо в праздной беседе несколько часов мы готовы и рады были бы продолжать беседу после того, как она окончится. А когда станем на молитву, тотчас становится скучно, и представляются дела неотложные, и что настало уже время отдыха, и прочие невзгоды приходят. Мы сами здесь уже себя осуждаем, потому что насколько в здешней жизни приобретаем мы усердие к всегдашнему памятованию Господа, настолько познаем Его и в будущей жизни (подобно тому, как в воинском искусстве, в разных художествах, в языках и науках только тот преуспевает, кто наперед потрудился, чтобы их изучить); если же в здешней жизни мы ленивы к молитве, то и в будущей окажемся в таком же положении.

◊ На вопрос ученика: «Батюшка, как исполнить слово Евангелия: „Болен бех и посетисте Мене?“» — старец ответил: «Не заботься о сем;

посещай свою душу усердною ко Господу Богу молитвою, ибо душа твоя больна».

◊ Старец не предписывал иметь при молитве какое-либо определенное положение тела: «Молиться, — говорил он, — можно и сидя, и лежа, и ходя, и одному, и в присутствии других, чтобы ум внимал тому, что говорится устами, а не о другом чем мечтал».

◊ Один из учеников спрашивал: «Не грех ли молиться сидя и лежа?» Старец отвечал: «Нам старцы говорили: — хотя бы вверх ногами, да творить молитву; — многие по немощи лежа творили молитву, да бесов стоящих побеждали полки».

◊ Еще спрашивал старца один ученик о том, часто ли зажигать ему лампаду в келье? Старец отвечал: «Надо зажигать лампаду своего сердца, чтобы оно горело любовью к Господу Богу».

◊ Добродетели достигаются усиленными трудами и долгим временем. Тогда-то будешь ты их ценить, когда они достанутся тебе чрез труды твои. Если же что без трудов приобретено, то скоро и потерять можно. Мы бываем спокойны, когда беспрепятственно можем исполнять все свои желания и когда ничто нас не тревожит; захотим что есть, едим; захотим пить, пьем; захотим спать, спим; захотим пройтись куда, тоже себе не отказываем; а если захотим бороться против этого, то увидим скорби.

◊ Больше молчи и не внимай никаким помыслам, даже и добрым, никого не осуждай и не раздражайся. Авва Арсений сказал одному брату: «Молчи, непрестанно молчи».

◊ Необходимо потребно для спасения смирение: насколько человек смирит себя пред Господом, настолько и обрящет благодать. В житии святого Евстафия Плакиды (20 сентября) мы читаем, что Господь явился ему и сказал: «Егда же в глубину смирения приидеши, Аз вознесу тя и прославлю на небеси пред ангелы Моими». «Многие, — говаривал старец, — творили великие добродетели и даже претерпели некоторые мучения, как видим мы из слов пятидесяти святого Макария Египетского, а после впали в гнусные страсти и погибли».

«Батюшка, это страшно, как же спастись можно?» — спросил однажды по поводу этих слов ученик.

«Со смиренномудрием легко можно спастись, если захотят; надо полагать, — ответил старец. — Они погибли, не имея этой добродетели, то есть смирения, понадеялись на себя и развратились».

◊ Старец постоянно внушал своим ученикам, что смирение есть наиболее удобный путь ко спасению; смирение, говорил он, пусть восполняет недостаток других добродетелей.

Когда ученик сказал старцу: «Батюшка, у меня нет ни молитвы, ничего доброго, и оттого я бываю в великой печали и о сем скорблю», то старец ответил: «И у царя земного не все воины бывают генералами, есть и офицеры и простые солдаты; так и у Царя небесного, если не будешь генералом, то будешь простым солдатом, а все будешь воин небесного Царя. Смиряй и укоряй себя во всем, как непотребного раба». Другой ученик сказал: «Батюшка, у меня нет ни поста, ни молитвы, ни воздержания». Старец ответил: «Заготовляй себе более смирения и самоукорения; придет время, и ты будешь поститься, а то теперь ты будешь поститься, а прочих зазирать и осуждать; многие плоть свою постом иссушили, а страсти ни одной не победили; ибо без смирения трудно спастися».

◊ Нередко старец говаривал: «Если в мирской жизни торговец торгует каким-либо товаром и видит, что у него есть избыток и барыш от торговли, то он радуется этому, потому что приобретает богатство. Так и монах или обыкновенный добродетельный человек, если живет благочестно и приобретает истинное смирение от дел своих, то пусть радуется, что не с пустыми руками отыдет от здешней жизни, а если нет смирения, то всуе все его труды и подвиги, предпринятые им в здешней жизни».

◊ Не за то мы будем осуждены, что не совершили великих подвигов внешних и добродетелей (это все хорошо, но при внутреннем делании и когда совершается со смирением[4]) или не творили чудес, а за то, что не плакали о себе, как говорит святой Иоанн Лествичник (ст. 7, ст. 70).

Будем осуждены за наше неправильное (высокое) мнение о себе и за успокоение себя и совести своей такими помыслами (то есть будто достаточно одних внешних добродетелей).

◊ Брат сказал старцу, что он столько-то лет не ест ни мяса, ни рыбы, в известные дни вкушает с маслом, в прочие же дни сохраняет пост и воздержание; но он не может спокойно выносить от кого-либо слова против него, как бы забывает себя при этом от сильного гнева и ярости.

Старец ответил: «Поститься ты научился, но смирять свое сердце не научился; полной пользы не получим от поста, если не научимся смиряться и укорять себя во всем и если не обратим все наше внимание на внутреннее делание наше. Многие много сеяли, но когда пришло время жатвы, ничего не могли пожать: так как сеяли они неразумно, то и ничего не пожали. Но ты, если хочешь послушать меня, исправь то, что неразумно в твоем посте. Пост бывает разумен, когда человек при сем смиряет своего внутреннего человека и очищает сердце свое от страстей».

◊ Не желай получить или достигнуть каких-либо духовных дарований; самое это желание неправильно и пагубно. Но старайся хранить себя, как можно более, в глубоком смиренномудрии, а остальное все предай воле

Божией. Ибо мы не знаем, полезно ли нам получать какие-либо дарования. И еще скажу тебе: малоразумное дитя просит у отца своего ножик, но отец не дает ножа, зная, что дитя, по неразумию своему, может им себя обрезать. Брате мой, все тщание и все намерение твое обрати на то, чтобы увидеть себя, как пишет о сем Святый Исаак Сирин: «Сподобившийся увидеть себя, той лучший есть сподоблынагося увидеть ангелов» (Слово 41, ст. 198).

◊ Увидеть себя — это значит сознать себя великим грешником, и счесть себя хуже всякого великого грешника, увидеть свои грехи паче песка морского и недостойным себя считать даже хождения по земле.

◊ Человеческое сердце как зеркало или чистое стекло; если оно чисто от страстей и пороков, то эту чистоту только и видит во всяком человеке и никого не осуждает и не порицает. Поэтому надо молить Господа Бога, дабы даровал нам «зрети своя прегрешения и не осуждати брата моего» (молитва святого Ефрема Сирина). Как велик этот грех осуждения ближних и какую великую доставляет нам потерю и препятствие ко спасению, — об этом Спаситель наш Иисус Христос сказал в святом Евангелии: «Не судите, да не судими будете, имже судом судите, судят вам» (Мф. 7, 1–2).

Но если сердце у кого нечисто и осквернено страстями и пороками, то эту нечистоту видит почти во всяком человеке, за всеми замечает и подозревает дурное.

◊ Если бы ты знал, какие враг делает усилия, чтобы отклонить человека от молитвы; враг готов дать тому человеку все сокровища мира. Знает он, коварный, какие человек приобретает блага чрез молитву.

◊ Трудно спастись без смирения. Хотя бы мы познали всю мудрость сего века, но если у нас не будет смирения, то толку никакого не будет, и душа наша будет пуста, если только на одном познании будем основываться.

◊ Иногда старец Александр говаривал: «Масла старайся немного есть, а то ни одной страсти не победишь!»

Преподобный Варнава Гефсиманский (1831–1906)

На монашеский подвиг преподобного Варнаву благословил старец Геронтий, подвизавшийся в Зосимовой пустыни, что близ Нарофоминска.

Среди множества посетителей, искавших совета и руководства в жизни, старец Геронтий особенно полюбил и приблизил к себе богобоязненного юношу Василия (так звали преподобного Варнаву в миру), нередко подолгу оставляя его у себя для беседы. Под влиянием этого опытного в духовной жизни старца в юном Василии возникла и постепенно созрела мысль отречься от мира и всех его суетных, скоропреходящих радостей.

В 1851 году двадцатилетний Василий оставил суетный мир, получив родительское благословение на новую жизнь, и удалился в обитель преподобного Сергия Радонежского.

Вслед за учеником своим в обитель прибыл и наставник его — отец Геронтий, пожелавший окончить свой иноческий путь у мощей преподобного Сергия. Здесь он принял схиму с именем Григорий.

Но только один месяц Василий и старец-наставник прожили вместе, в одной обители. Множество братии и тысячи богомольцев не давали юному ревнителю благочестия и подвижничества наслаждаться уединением, которого так искала его душа. Вследствие этого Василий, по благословению своего старца и с разрешения наместника лавры преподобного Антония (Медведева), перешел в Гефсиманский скит.

Здесь среди многих подвижников перст Божий указал ему духовного руководителя в лице монаха Даниила, у дверей кельи которого постоянно толпился народ, жаждущий слова истины из уст праведника-прозорливца. Юный Василий всем сердцем прилепился к нему, совершая дело послушания ради Господа.

Уроженец Вятской губернии, монах Даниил почти двадцать лет подвизался отшельником в уединенной келье в глубине леса, окружающего Гефсиманский скит. По внешнему виду это был высокий старец, в белом подряснике, поверх которого надевалась полумантия. С виду он казался весьма суровым. Действительно, он был таковым, то есть строгим и немилостивым, но только по отношению к себе; по отношению же к другим и в обращении с посетителями, от которых большей частью уклонялся, он всегда был добр, кроток и снисходителен. В скиту он был известен как строгий подвижник и постник. Старец Даниил, скрывавший под видом

юродства дар прозорливости, своим примером и вообще всей своей личностью имел нравственное влияние на послушника Василия — будущего старца Варнаву, оставил глубокий след во всей его жизни.

Но сравнительно недолго пришлось Василию пожить уединенной скитской жизнью. По воле начальства с великою скорбью он был вынужден оставить свою тихую Гефсиманию и переселиться к пещерам. Промыслом Божиим Василий вновь оказался лицом к лицу с миром — на новом послушании проводника богомольцев в пещерах. Как ни тяжко было ему лишение тишины и безмолвия, однако достойный питомец своих наставников хранил сердце свое в мире и на новом делании. А его благоговейная настроенность, неизменная кротость и благодушие при исполнении послушания вскоре создали добрую славу о нем среди богомольцев, посетителей пещер, и молодой послушник, сам того не ведая, мало-помалу становился для них старцем-утешителем.

Не переставал он трудиться и в Гефсиманском скиту — то в качестве слесаря, то свечника, нес с любовью и послушание келейника старца Даниила вплоть до самой его кончины.

В последние дни жизни монаха Даниила одна его духовная дочь спросила: «Батюшка, кто же будет нас утешать без вас?»

В эту минуту в келью вошел Василий, и старец, к большому ее недоумению, с улыбкой ответил: «Вася будет утешать вас!»

Василий по-прежнему посещал и старца схимонаха Григория в лавре, всякий раз, впрочем, испрашивая на то благословения у начальства «Пещер». В одно из таких посещений, во время предсмертной болезни

схимонаха Григория, послушник Василий долго оставался у своего первого наставника и руководителя, в последний раз утоляя мудрыми его наставлениями свою жажду знания духовной жизни. В это время на него был возложен подвиг старчества, который он подъял после смерти обоих своих наставников. Завещая ему принимать с любовью всех приходящих и не отказывать никому в советах и наставлениях, старец Григорий дал ему две просфоры и сказал: «Сим питай алчущих — словом и хлебом, тако хощет Бог!» Затем он присовокупил, открывая ему волю Божию, что им должна быть устроена женская обитель в местности, отдаленной отсюда и сплошь зараженной расколом, что обитель эта должна послужить светочем для заблудших чад Православной Церкви, о чем Сама Царица небесная печется. Она и укажет ему место, и во имя Ее должна быть освящена обитель.

При этом старец, с любовью и грустью взглянув на возлюбленного ученика своего, не скрыл от него, что много придется ему потерпеть и перенести скорбей.

На следующее утро послушник Василий услышал, что старец Григорий, его дорогой наставник, разбит параличом и потерял дар речи, а через два дня, 2 января 1862 года, схимонах Григорий тихо предал дух свой Богу.

В 1865 году Василий лишился и другого наставника — монаха Даниила, который перед смертью завещал ему принять на себя подвиг старчества. Когда же Василий просил со слезами снять с него это бремя, вдруг, к ужасу своему, увидел, что у старца Даниила пошла гортанью кровь, и он на руках возлюбленного ученика своего отошел ко Господу.

Вступление Василия на путь старчества совершилось естественно. Еще при жизни старца Даниила послушник Василий, как келейник его, по поручению старца и от его имени нередко давал посетителям советы и ответы на их различные вопросы. В последние же годы жизни старец Даниил, и прежде неохотно принимавший посетителей, совсем стал уклоняться от всяких бесед с ними, вследствие чего почти все они стали обращаться к его келейнику — послушнику Василию. Последний же, обязанный к тому послушанием, не мог отказывать никому из обращавшихся к нему. Вследствие этого имя его скоро стало известно среди богомольцев, отовсюду приходивших в скит и в пещеры.

20 ноября 1866 года послушник Василий Меркулов был пострижен строителем Гефсиманского скита иеромонахом Анатолием в монашество с наречением имени Варнава (что значит: «дитя милости, сын утешения») в честь святого апостола Варнавы.

29 августа 1871 года монах Варнава был рукоположен во иеродиакона, а 20 января 1872 года — во иеромонаха.

Вскоре широкая известность иеромонаха Варнавы в народе побудила наместника лавры преподобного Антония утвердить его в звании народного духовника пещер Гефсиманского скита. Как ни отклонял от себя такую ответственную должность отец Варнава, его начальство твердо решило — «быть по сему», и батюшка покорился.

Должность духовника сделала отца Варнаву еще более известным среди богомольцев, о чем пророчески предрекали его старцы. Теперь посетители в еще большем количестве стали стекаться к нему за получением благословения, совета в каких-либо важных жизненных обстоятельствах, утешения в скорбях. Все дни — с раннего утра до глубокой ночи — он посвящал теперь служению им. Двери его убогой кельи были одинаково открыты для всех. Для всех он был одинаково доступен, всех одинаково привечал словом отеческой любви, утешения как истинный «сын утешения». И само лицо его всегда бывало озарено светлой радостью, несмотря на то, что он часто испытывал крайнее переутомление, так что порой едва-едва слышным голосом беседовал с посетителями.

«Проста, убога была келийка старца, — пишет профессор Московской духовной академии Д. И. Введенский, — но думается, что ни одно благотворительное учреждение за все время своего существования не собирало столько обездоленных, несчастных, больных духовно и телесно, сколько их перебывало в этой убогой обстановке у неутомимого старца. С раннего утра и до позднего вечера, и особенно в великопостные и летние дни, идут и идут, бывало, к старцу в эту скромную келийку люди всех званий, сословий и состояний — и сановники, и ученые, и духовные, и простецы-паломники, вытаптывающие иногда своими лапотками тысячеверстные тропинки, ведущие к великому угоднику преподобному Сергию, от него в «Пещеры», а здесь и к «редкостному» старцу… И всех-то с улыбкой и любовью принимал прозорливый, благообразный, несколько согбенный старец с умными, проницательными глазами, в поношенной ряске, в простой иноческой скуфейке. Недолюбливал только, бывало, старец тех, кто заходил прямо к нему, не приложившись к чудотворной Черниговской иконе Богоматери…»

Вставал преподобный Варнава очень рано. Исполнив свое келейное правило, он присутствовал на всех богослужениях, а остальное время дня, часто забывая даже о пище, беседовал с народом. Никому не было у него отказа: одного утешит, другого предупредит о грядущем испытании, наставит, как поступить в данном случае, всех благословит. А случалось, что и побранит кого, но так отечески-ласково, что под влиянием его взгляда

и слов, чувствуя, что и сам он скорбит вместе, приходивший невольно изливал перед ним свою душу и уходил ободренным и готовым измениться к лучшему.

Приходят к нему какие-нибудь посетители и жалуются на духовные немощи. Старец приветливо улыбнется и скажет: «Ах, сынок, сынок… Когда же начнем лучше-то жить… Смотри, терпит, терпит Бог да вразумлять начнет. Ну, на этот раз Бог простит тебя, да смотри, собирайся с силами, не греши более…» «А посты-то соблюдаешь ли?» — спросил старец уходящего посетителя. «Плохо», — ответит тот. «Вот это нехорошо… Слушаться нужно Церковь, слушаться».

Надо было видеть, с какой любовью относился отец Варнава к тем, в ком видел искреннее раскаяние. «Сынок, — говаривал он часто, — а ты попробуй, постарайся этого не делать, удержи себя хотя один разок, а я за тебя помолюсь — Господь и поможет». И, действительно, велика была сила его молитвы.

Бывало иногда, что старца не заставали дома. Вера в его молитвы, в его духовное прозрение и здесь находила себе выход: богомольцы записывали свои имена, а иногда и скорби на стенах деревянной постройки, где жил старец Варнава, и заочно просили его молитв. И, несомненно, всякий посещавший старца видел эти карандашные надписи на стенах тесовых сеней, прилегающих к старческой келье. «Батюшка, помолись о нас», «Были такие-то, жалеем, что не застали вас», «Ради Бога, помолитесь о нас», «Помолитесь о болящей» — вот надписи, которые в изобилии можно было читать здесь.

В 1890 году преподобный Варнава был назначен духовником братии. Духовные дети-монахи обычно приходили к отцу Варнаве вечером, и батюшка бывал им всегда рад. «С какой любовью занимался он с нами, — вспоминает один из них, — с каким терпением выслушивал он наши неразумные вопросы и как мудро, просто и отечески ласково наставлял он нас». Для братии монастыря двери его кельи всегда были открыты. Когда монахи спрашивали его, можно ли прийти к нему и когда, батюшка отвечал: «Во всякое время можете, как только свободны и имеете что-либо сказать мне, хотя самое маловажное, по вашему мнению. Мы и сами советуемся и оттого в грязи не валяемся».

Во время церковной службы, когда не было исповедников, отец Варнава всегда уходил в алтарь и там молился. В молитве он черпал силы, находил покой. С какой верой он ежедневно утром преклонял свои колена перед чудотворными иконами Божией Матери — Черниговской и Иверской — и долго молился, прося Ее помощи себе и тем, кто вверил себя его молитвам!

Тем, кто приходил к старцу с жалобой на свои духовные немощи и телесные недуги, старец предлагал иногда довольно оригинальные лекарства, но никто не раскаивался, принимая их с полной верой.

Больные глаза старец советовал смачивать комнатной водой; флюс быстро излечивал, благословляя съесть натощак два-три сухих кусочка антидора без святой воды; боль в груди или боку, не поддававшаяся никаким лекарствам, утихала, когда по благословению старца больное место натирали маслом из его келейной лампады; горчичники и прочие домашние средства предлагались им часто, иногда даже в весьма серьезных случаях. Он признавал необходимость обращаться и к врачебной помощи, но не всегда одобрял операции. Чаще же всего, ради двоякой пользы человека, старец советовал усерднее молиться Богу, почаще приступать к принятию святых Христовых Тайн, воздерживаться во всем от излишества и вообще быть повнимательнее к себе.

«Каждый день пейте святую воду натощак и просфоры кушайте — это лучшее лекарство!» — советовал батюшка. «Поменьше сладкого да жирного кушать, и здоровым будешь: хлеб да вода не сделают вреда», — пояснял он необходимость такой диеты. «Барыня благая, брось ты свой табак курить, вот и будешь у меня золотая!» — поразил батюшка своей прозорливостью одну особу, жаловавшуюся ему на боль в груди и на то, что доктора не могут правильно определить ее причину, и по ложному стыду умолчавшую о своем пристрастии. Впрочем, иногда, смотря по «сыночку» или «дочке», мудрый «врач» предписывал и иное средство, вроде такого: «Ешь, пей больше за послушание, больше спи, гуляй — и будешь молодцом!»

Не так встречал батюшка жалобы на болезни духовных детей из монашествующих, особенно молодых. С той же отеческой лаской он, бывало, вдруг и объявит им в ответ на их скорбь о болезнях: «Ах, да я очень и очень даже рад, что вы хвораете, это ведь на пользу вам — смирнее будете! Вот кладите-ка на ночь хоть по полсотенки земных поклончиков — вот и полегчает! Поменьше спите — и голова не будет болеть».

На лечение у доктора в случаях неопасных он давал благословение неохотно, однако серьезно больным батюшка не только благословлял серьезно полечиться, но и докторов указывал сам.

Все приходящие назывались старцем «сынками» и «дочками», и никогда никто не назывался на «вы» — всегда на «ты». Среди «сынков» был, например, обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер и, наконец, Государь император Николай II, пришедший с покаянием к старцу в начале 1905 года.

Среди многочисленных трудов и подвигов преподобного Варнавы первое место, бесспорно, займет достославное дело создания Иверской

Выксунской обители и окормления ее насельниц.

В последние пять лет жизни иеромонах Варнава посещал Иверскую обитель чаще прежнего. Он как будто торопился при своей жизни упрочить ее внутреннее и внешнее благосостояние и потому сам старался наблюдать за всем. Зимой и летом, во всякую погоду, забывая свою старость и тяготы дальнего пути, совсем не обращая внимания на свое здоровье, преподобный всегда ездил налегке и в дороге так же мало заботился об удобствах, как и в скиту.

Отец Варнава умер, как и жил, на службе Богу и ближнему. Совершив таинство исповеди над начальницей Дома призрения, он в поручах и епитрахили склонился до земли перед престолом Божиим в алтаре и уже более не встал. Это было 17 февраля 1906 года.

Мощи преподобного Варнавы сейчас пребывают в Гефсиманском скиту.

Духовные наставления

◊ Помните и веруйте, что все бываемое от Господа бывает — и влас главы нашея не погибнет без Его святой воли. Сей тернистый путь скорбей и терпения есть путь всех избранных Божиих. Сказано: «образ Приимите злострадания и долготерпения пророков и всех святых». Да, вот и святые Божии, коих весь мир недостоин, и те подверглись скорбям, и скорбям таким, о которых мы, грешные, и помыслить не можем: вспомните Иова, плачущего на гноище, Предтечу, алчущего в пустыне, Петра, распятого на кресте, Саму преблагословенную Матерь Спаса нашего, стоящую у Креста Своего Божественного Сына; нам ли сетовать и роптать на наши сравнительно с теми ничтожные скорби?

◊ Много таких людей, которые бедствуют, по-видимому, без всякой причины, и мы, видя несчастных, невольно думаем: «За что они страждут?» За что, например, страждут младенцы невинные и безгрешные и другие прочие? Ответ на этот вопрос тот же, какой Иисус Христос дал апостолам, когда вопросили они о слепце: «Ни сей согреши, ни родителя его, но да явятся дела Божия на нем» (Ин. 9, 3). Кто бы как ни страдал, при благодушном терпении и благодарении Богу много пользы получит от своих страданий: страждет телом — зато не будет страдать душою, страдает несколько времени — зато будет блаженствовать вечно.

Но все же Богу возможно без этих тяжких страданий спасти нас? Да, Богу возможно все, но Бог творит, что нам полезно, — этого требует закон Его любви и правды. Нет человека без греха, мы все рождаемся во грехах, во грехах живем, во всех есть семена злобы. Скорби, посылаемые нам от Бога, хотя и горькое, но верное лекарство, которое исцеляет наши греховные немощи, останавливает в нас действие злых наклонностей. «Хвалимся в скорбех, — говорит апостол, — ведяще, яко скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит, яко любы Божия излияся в сердца наша Духом Святым, данным нам» (Рим. 5, 3–5). Нет ни одного страдальца, который бы терпел случайно и понапрасну, и нет ни одного бедствия, которое бы не принесло страждущему пользы, не содействовало бы к лучшему; это лучшее иногда сбывается на земле, но большею частию оно там, на небе, ибо «многими скорбьми подобает нам внити во Царствие Божие» (Деян. 14, 22). Сказано: «егоже бо любит Господь, наказует» (Евр. 12, 6); в другом месте: «от Господа наказуемся, да не с миром осудимся» (1 Кор. 11, 32); и еще: «в

терпении вашем стяжите души ваша» (Лк. 21, 19). Давайте терпеть — и спасемся; «претерпевый же до конца, той спасен будет» (Мф. 10, 22).

◊ Непрестанно памятуйте совет Писания: «солнце да не зайдет в гневе вашем» (Еф. 4, 26), тем паче в нынешние дни, когда готовитесь принести Господу жертву поста и покаяния; простите — и простится вам, не осуждайте — и не осуждени будете, и «в нюже меру мерите — возмерится и вам». Вспомните притчу Спасителя о царе, который захотел сосчитаться с рабами своими (см.: Мф. 18, 23–35; Мк. 11, 25–26). Кто ужасом не содрогнется, не прощающий ближнего? Да будет же между всеми вами мир и любовь Божия, ибо «Бог любы есть, и пребываяй в любви в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает» (1 Ин. 4, 16).

◊ Прошу вас и молю: мир имейте между собою и святыню во всем, и в мыслях и в делах; без сего никтоже узрит Господа. Христианской душе, жаждущей спасения, благое дело удерживать мысли добрые, а злые, когда они находят, от себя отгонять. Полезно для этого непрестанно содержать в памяти молитву Иисусову.

◊ Не от искры ли одной, иногда весьма малой и едва заметной, бывают великие пожары и от малого зерна вырастает с течением времени великое дерево. Так и у нас: не из сердца ли «исходят вся помышления злая» (Мф. 15, 19), за помышлением — слова и беседы, а там уже дела и деяния. Поэтому всемерно нужно остерегаться греховных мыслей и мечтаний, свободных слов и разговоров. Всего больше искушаются наши мысль и слово, но вот тут-то и подвиг. Нужно бороться с такими искушениями; лучше перенести скорбь и скуку, нежели впасть в сию прелесть и обман. Памятуйте, что за всякое слово праздное воздадим ответ в день судный. Если бы даже случилось кому-либо из вас скорбные и поносные слышать слова, не смущайтесь, а благодарите — это по большей части служит на пользу нам; ласкательные слова душу расслабляют и лишают ее твердости и мужества. По-мирскому жить — так по течению воды плыть, но духовно жить, нужно противиться миру, уклоняться от суетного ласкания, презирая всякое плотское успокоение, умерщвлять духом всякие страсти и любить нищету духовную, со всяким смирением ради Господа, как научает нас святое Евангелие. Хотя сие вначале кажется трудным и горьким, но последствия бывают благие и добрые.

«Положи, Господи, хранение устом нашим» и «не уклони сердца наша в словеса лукавствия» (Пс. 140, 3–4).

◊ Всякому искренно желающему работать Господеви для спасения душевного надлежат прежде всего пост и молитва, а за сим смирение и послушание — в сем заключается и от сего истекает вся полнота христианских добродетелей. Пост и молитва составляют самую безопасную

ограду от нападений вражеских. Как чрез вкушение от запрещенного древа Адам изгнан был из рая, так чрез пост и послушание снова возвращается нам сие потерянное блаженство. Ныне часто приходится слышать: постов много, зачем они? Постная пища вредна и тому подобное. Не верьте таким и не слушайте их. Вспомните, что говорит Писание. Когда три отрока и Даниил пленены были Навуходоносором в Вавилоне и другие отроки с ними, то царь повелел им есть от стола своего. Но Даниил и три отрока не захотели вкушать от трапезы царской и сказали прислужнику, смотревшему за ними: «Давай нам от плодов земных, да ядим и воду да пием». Прислужник отвечал им: «Опасаюсь господина моего — царя, от такой пищи он увидит лица ваши исхудалыми противу сверстников ваших, питающихся от трапезы царской, и осудит меня». Они сказали ему: «Испытай нас до десяти дней». Он исполнил их просьбу, и потом когда ввел пред царя, то оказалось, что лица их были лучше лиц отроков, питавшихся от трапезы царской (см.: Дан. 1). Вот видите, что производит в нас пост, — он врачует болезни, иссушает вредные соки тела, чрез это отгоняет злые помыслы, ум соделывает светлым, сердце чистым, тело здоровым. Однажды апостолы вопросили Господа: «Какой силой и властию изгоняются бесы?» «Сей род, — ответствовал Спаситель, — ничимже может изыти, токмо молитвою и постом» (Мк. 9, 29). И так всякий раз, когда нападает на нас смущение помыслов или еще какие-либо прилоги вражии, нужно тотчас же пользоваться сим врачевством, то есть нужно наложить на себя пост, и наветы вражии рассеются. Великая сила сокрыта в посте, и великие дела совершаются чрез него. Пост есть ангельская жизнь, содержащий его ангелам уподобляется. Впрочем, не думайте, возлюбленные, что так просто, — только телесный пост есть истинный пост. Нет! Не тот исправно постится, кто воздерживается только от пищи, но то почитается полным постом, когда при этом удаляется и от всякого дела злого, и не только дела, а всякого слова праздного и мысли неподобной, словом — всего Богу противного. «Постящеся, братие, телесне, постимся и духовне, — учит нас святая Церковь, — разрешим всякий союз неправды: расторгнем стропотная нуждных изменений. Всякое списание неправедное раздерем, дадим алчущим хлеб и нищия безкровныя введем в домы: да приимем от Христа Бога велию милость» (стих. в среду 1-й седм. вечера). Вот он, истинный-то пост, целитель наш и спасение. Боже, помоги нам!

◊ Самое первое, о чем мы должны молиться, это — «Господи, научи ны молитися» (Лк. 11, 1). Молитвы наши только тогда бывают приятны Господу и благоплодны для нас, когда мы просим действительно нужного и полезного душе нашей, а этого нужного и полезного мы часто не знаем, потому-то и следует прежде всего просить Господа: «Научи ны молитися».

Спаситель, научая нас молитве, говорит: «Егда молишися, вниди в клеть твою и, затворив двери твоя, помолися Отцу твоему» (Мф. 6, 6). Клеть есть сердце наше; если хотим достойно молиться, мы должны изгнать из него все внешние посторонние попечения и все чувства свои устремить горе ко Господу. Слова, произносимые только языком, а не сердцем и душою, не достигают до слуха Божия. Господь внимает не устам нашим, а сердцу сокрушенному и смиренному. Иногда одно только воздыхание, от души и чистого сердца вознесенное, приятнее Господу продолжительного чтения молитв, где только язык один говорит, а сердце холодно и немо. «Хощу пять словес умом моим глаголати… нежели тьмы словес языком» (1 Кор. 14, 19), — учит святой апостол. Истинно сердечная молитва всегда бывает смиренна, она единственно только на милость и благость Божию уповает, а никаким своим заслугам цены не дает, да и не находит их в себе. Она детски проста, доверчива и дерзновенна, как вопль почтительных детей к любимому отцу. «Батюшка, помилуй! Родимый, Кормилец, помилуй!» — молился святитель Тихон Задонский со слезным умилением. Вот она истинно сердечная-то молитва. Здесь все: и сознание своей немощи, и недерзновенное упование на всесильную помощь Божию, и истинная любовь ко Господу, и полная, живая и крепкая вера в милость Его. Вот таких-то свойств и должны мы достигать в нашей молитве. Это нелегко. Это особый дар благодати Божией. Недаром говорится в молитве: «Господи, даждь ми слезы умиления»; потому прежде всего и должны мы просить: «Господи, научи ны молитися». А потом сие дается не вдруг, а постепенно. Вначале молитва — труд, а потом привыкнешь к ней — наслаждение. Для сего нужно чаще и неленостно упражняться в молитве. Тут-то вот и пригодны правила монастырские: исполняй их неленостно — и приобретешь навык и любовь к подвигу молитвы. Непрестанная молитва необходима нам, ибо мы непрестанно окружены врагами. Но как это можно непрестанно молиться? Это не значит, по учению отцов и подвижников, чтобы всегда стоять да класть поклоны, а — про себя, или умом, или устами взывать ко Господу или святым Его. И ежели и стоять, да в рассеянии быть, телом молиться, а умом что-нибудь земное созерцать, — труд бесполезный, как древо без плода. Восстав поутру, первое дело — сотворите молитву. Без молитвы никуда не входите, хотя бы в коридор за водой. Занимаетесь ли рукоделием или ходите, имейте непрестанно в устах молитву, говорите: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешную; Матерь Божия, заступница наша, милостива буди мне недостойной; ангеле Божий, хранителю мой добрый, не отступайся от меня». Дело в руках — молитва в устах, в уме, в сердце. Можно молиться и разговаривая с другими, только бы разговоры были не праздные: имя Божие, с благоговением произносимое, — та же

молитва. Скорбь ли какая придет, не ропщите, не жалуйтесь: пади пред Господом и со слезами помолись, скажи: «Господи, я достойно стражду». Не говорите и не думайте, что в смущении не можете молиться, а лучше скажите сами себе: «Мне велено молиться, хоть и не хочется», — и молитесь, чрез это успокоитесь и утешитесь. Сему подобным образом и можно молиться непрестанно.

◊ Покаяние и сокрушение сердечное — вот прямой путь ко Господу и верное средство ко спасению. Покайтесь, взывал Предтеча, приготовляя народ к сретению Господа; словом покайтесь Сам Господь предначал Свое спасительное учение и потом, посылая Своих апостолов на проповедь, заповедал им везде и всегда говорить: покайтеся. Пойдемте же и мы ко Господу, сотворившему нас, Господу праведному, но всегда готовому помиловать нас ради слез наших сокрушительных. Не подумайте, что слезы покаяния нужны только тем, кои запутывались в страстях бесчестия и больших грехах. Нет! Нет! Всем нам и тем, кои, по мнению нашему, живут исправно, — всем необходимы слезы покаяния. Если и в ангелах Господь усматривает «нечто стропотное» (у пророка Исаии), то мы-то что?.. Один святой муж, кажется Ефрем Сирианин, однажды шел с учениками своими в город или селение и, проходя мимо кладбища, увидел одну женщину, которая проливала горькие слезы над могилой и никаким утешениям от окружающих ее не внимала. Она все, кажется, забыла, ничего не видела и не слышала, плакала неутешно. Миновав ее, старец, обратясь к ученикам своим, сказал: «Видите — как убивается жена эта на могиле сей, так бы и мы должны убиваться плачем о душе своей, которую мы уморили грехами своими и похоронили на чуждой ей земле страстей и похотей плотских». Сказав это, старец зарыдал. Вот как и сами святые Божии разумели о себе и какое приносили покаяние; нам ли, грешным, не скорбеть и не плакать о нашей греховности? Слезы сердечного покаяния — это основа нашей праведности, ими восполняются недостатки правых дел в нашей жизни, истребляются в душе нашей порочные страсти и греховные навыки, чрез них приближаемся мы ко Господу: «сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19). Некоторый человек был подвержен великим грехам, но наконец раскаялся и, удалившись в монастырь, в течение многих лет каждый день плакал неутешно о содеянных им прежде грехах. Умилостивленный столь истинным покаянием, Господь восхотел утешить раба Своего. Он явился ему в видении, облаченный в иерейские ризы, держа в руках чашу. Инок, узревши Господа, пал к ногам Его и с благоговением вопросил: что хранится в принесенной Им святой чаше? «Это слезы грешницы, плакавшей у ног Моих в дому Симона прокаженного, — ответствовал явившийся Господь. — Я доныне сохранил их в целости,

потому что они весьма приятны Мне». По окончании видения инок почувствовал в душе своей неизреченную радость и утешение и во все продолжение жизни своей не переставал служить Господу. Так приятны Господу Богу слезы искреннего покаяния. Пойдемте же ко Господу сим путем слезного покаяния. Праведника нет ни одного на земле, все грешники пред Богом, а все оправдываются туне, благодатию Господа Иисуса Христа, ради веры в Него и слез раскаяния и сокрушения. Будем же плакать о грехах наших да спасемся: «блажени плачущии, яко тии утешатся» (Мф. 5, 4). Господи, даждь нам слезы умиления, покаяния и сокрушения.

◊ Просишь ты от меня вразумления и руководительства, но ведь я и сам нуждаюсь в учителе и научении, а вот лучше поучимся вместе у святителя Димитрия, чудотворца Ростовского, великого молитвенника о нас, грешных. В кратких словах, но весьма ясно и вразумительно изображает он добродетельную жизнь, которую должен учредить у себя христианин, душевно желающий служить Господу. Вникни со вниманием.

1. От сна воставшу ти, первая мысль буди о Боге, первое слово и молитва к Богу, Создателю твоему и Содержителю живота твоего, могущему всегда мертвити и живити, поразити и исцелити, спасти и погубите.

2. Поклонися и воздаждь благодарение Богу, воздвигшему тя от сна и не погубившему со беззаконии твоими, но долготерпеливо ожидающему твоего обращения.

3. Положи начало к лучшему, глаголя со псаломником: «рех ныне начах» (Пс. 76, 11) и прочее. Путь бо к небеси никтоже добре совершает, разве кто на всяк день добре начинает.

4. С утра буди в молитве серафим, в делах херувим, в обхождении ангел.

5. Времени отнюдь вотще не изнуряй, кроме нужных исправлений.

6. Во всех делах, и словах, и в помышлениях ум имей в Боге; не написуй в уме что ино, кроме Христа, никакой образ да не прикоснется сердца чиста, разве образ чист Христа Бога и Спаса.

7. К любви Божией себя возбуждай всячески, сколько можеши, наипаче сие рассуждение со псаломником в себе глаголя: «в поучении моем разгорится огнь» (Пс. 38, 4).

8. Егоже изволяеши непрестанно любити Бога, на Того присутствование всегда внутренними очами да взираеши, и сего ради от всякого злаго дела, и слова, и помышления престани. Почему вся честно, смиренно и с сыновнею боязнию твори, глаголи и помышляй.

9. Кротость с похвалою и смирение с честностию купно буди.

10. Слово тихо, смиренно, честно и полезно буди: молчаливость же да рассуждает словеса, яже имаши глаголати. А праздное и гнилое слово отнюдь да не исходит из уст твоих.

11. Смех аще случится, до осклабления только буди, и то не часто.

12. Ярости и запальчивости и свара блюдися; в гневе же умеренно имей себя.

13. В ядении и питании воздержание да хранится всегда.

14. Во всякой вещи снисходливый буди, и Бог тя ублажит.

15. Смерть всему конец, о которой всегда молиться должно.

Вот, смотри, что надлежит делать христианину, желающему спасения. Молиться и трудиться в подвигах добродетели. Без молитвы не может быть и истинно добрых дел. «Без Мене, — говорит Спаситель, — не можете творити ничесоже» (Ин. 15, 5). Потому и советуется непрестанно молиться. И, наоборот, без добродетели и молитва ничто: как станешь молиться, когда душа обременена невоздержанием, или возмущена гневом, или в злобе на кого, или развлечена посторонними заботами и находишься в рассеянности и прочее? Потому, если хочешь достойно служить Господу и благоугождать Ему, молись и трудись непрестанно, в труде и молитве проводи всю твою жизнь. Для сего ведь и от мира мы уклоняемся, и в монастырь идем. Ты скажешь: трудно это. Нелегко, правда, но ведь «Царствие небесное нудится, и только нуждницы восхищают е» (Мф. 11, 12). Надо возыметь одно только — ревность о Боге и спасение в Нем души своея. Вот и старайся прежде всего возбудить в себе сию спасительную ревность ко Господу, а там в дальнейшем благодать Божия и поможет, и сохранит, и защитит; не смущайся, а предай себя всеблагой воле Божией.

◊ Стяжи прежде всего смирение и послушание. «Научитеся от Мене, — поучает нас Сам Христос Спаситель, — яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11, 29). Но чтобы ты вернее уразумела, что такое истинное смирение, я в сем письме изображу тебе эти признаки. Смиренным можно назвать того, кто питает в себе всецелую преданность воле Божией, кто всякий успех свой приписывает благодати Божией, а не своим способностям или заслугам; кто ни в чем не доверяет своему разумению, но во всем последует повелениям настоятельницы или рассуждениям отца своего духовного; кто не только сам не оскорбляет никого, но с радостью переносит оскорбления, причиняемые ему другими; кто с благодарностью довольствуется малым и скудным, считая себя даже и того недостойным; кто истинно считает себя низшим всех и ни в чем не поставляет себя выше других; кто обуздывает язык, не скор на слова и не сварлив в беседе; кто не любит празднословия и многословия. В сем и сему подобном обнаруживается истинное смирение. Успевший в сем востекает на

высоту любви, посредством которой не с нуждою и трудом, а с ревностью и душевным расположением проходит подвиги христианских добродетелей.

Если хочешь достигнуть смирения, соблюдай в общении с сестрами следующее правило пророка: «аз же яко глух не слышах, и яко нем не отверзаяй уст своих» (Пс. 37, 14). Если случится, что кто-нибудь смутит тебя, вспомни следующее правило: «рех: сохраню пути моя, еже не согрешати ми языком моим» (Пс. 38, 1) и другое: «смятохся и не глаголах» (Пс. 76, 5). Не подражай тем, которые недугуют строптивостью, и не обращай внимания на их речи, как бы не слышишь их и не замечаешь. Паче же всего сохрани следующее: поставь себя в число буиих и неразумных да премудра будеши (см.: 1 Кор. 3, 18), то есть не рассуждай, не испытывай и не раздумывай, когда что приказывает тебе делать настоятельница, но со всякою простотой и верой, как можно скорее, исполняй повеленное. Утверди сердце твое в таком расположении, и ты легко можешь до конца понести благое иго послушания, и никакое искушение, никакая кознь диавольская не могут поколебать твоего душевного мира в общежитии иноческом.

◊ Читай, ради Бога, как можно больше читай Четьи-Минеи. В житиях святых угодников Божиих найдешь все, что только нужно для твоего спасения, — и назидание и утешение. Тут увидишь ты, что делание о Христе есть действительно иго благое и бремя легкое (см.: Мф. 11, 30), что только наша леность почитает это делание тяжким бременем, будто бы превышающим силы человеческие, а святые в этих подвигах находили для себя отраду и наслаждение.

◊ Предосторожностью от осуждения ближних, которые обижают вас и соблазняют других, могут служить: во-первых, воспоминание о своих грехах, какого рода они ни были бы; во-вторых, мысль, что нам не предоставлено право судить и осуждать ближнего; в-третьих, то, что после падения брата или сестры мы не видим их восстания и не знаем всей прелести искушений и соблазна, коими увлеклись и пали наши братья или сестры; в-четвертых, то, что Сам Господь восставит их, а нас, быть может, за гордыню низложит, как фарисея, и осудит за суд, нам не предоставленный, и, наконец, в-пятых, молитва о ненавидящих и обидящих нас.

◊ Тщеславию постоянно противополагай: самоосуждение, воспоминание о грехах своих, о крайней нашей слабости и невозможности без Господа Бога сделать что-либо доброе, а также и то, что суд Божий — не наш суд и что хорошо, велико в глазах наших, то может быть признано худым, если не вследствие побуждений нечистых, то средств не вполне законных или цели и видов земных, утверждаемых нами в себе, а не в Господе Боге. Так Иисус Христос осуждал фарисеев, делавших добрые дела,

но для дурных целей. С другой стороны, известно, что до тысячи миллионов людей населяют теперь с нами землю, что же среди такого сонма насельников земли могут значить имя, знание, дарование, заслуги одной твоей или нашей личности? «Не высокомудрствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе», — говорит святой апостол Павел (Рим. 12, 16).

◊ «Могу ли я спастись?» — говоришь ты. Можешь, если искренно и от всей души пожелаешь своего спасения; можешь, если с каждым днем станешь все более и более восходить от силы в силу. Но тебе хотелось бы вдруг сделаться совершенною? Это нелегко — все в мире Божием растет и развивается мало-помалу. Чтобы облечься в нового человека, надобно совлечься прежде ветхого. Посмотри на дерево, когда оно пускает новые побеги? Не тогда ли, как уже опали с него старые листья? То же предварительно должно быть и с нами, а до той благодатной поры станем нудить себя, бороться, сражаться до крови. Будем внимательны к себе, следуя наставлению преподобного Лествичника, чтобы, утверждая, будто идем путем узким и тесным, не обмануть себя самих, на самом деле держась пути широкого и пространного. Узкий путь покажут тебе: томление чрева, всенощное стояние, вода в меру, хлеб в скудости, очистительное питие бесчестия, насмешки, поругания, отсечение своей воли, терпение нападок, безропотное переношение пренебрежения, вменение ни во что оскорблений и навык, когда обижают, не сердиться, когда унижают, не гневаться, когда осуждают, смиряться. Блаженны, которые идут одним из исчисленных путей: «яко тех есть Царствие небесное» (Мф. 5, 10).

◊ Спрашиваешь ты меня, грешнейшего из грешных, как убежать язвы греха? Недоумеваю, что скажу и что возглаголю в ответ на вопрос твой. Ты бы спросила: «Как сделать, чтобы мы грешили сколь возможно менее и реже, если же не можем удержаться совершенно от греха?» На это, пожалуй, напишу тебе нечто, но и то не от себя, а по писаниям мужей, опытных в духовной жизни. Опытные в христианской жизни и достигшие величайшей степени христианского совершенства мужи предлагают для сего следующие средства или правила.

1. Надобно избегать всех случаев ко греху, всяких мест, лиц, вещей, которые могут быть для нас соблазнительными и внушают нам греховные желания.

2. Надобно непрестанно памятовать «последняя своя»: смерть, суд, воскресение, будущую жизнь.

3. Как можно чаще представлять себе вездеприсутствие Божие, размышлять о благодеяниях Божиих, особенно о жизни Господа нашего

Иисуса Христа на земле, Его страданиях и смерти и вообще — о главных истинах православной христианской веры.

4. Сердечная и усердная молитва и частое призывание имени Господа Иисуса Христа весьма способствуют удерживаться от греха.

5. Надобно внимать себе, то есть бодрствовать, наблюдать за собою, за своими чувствами, желаниями и поступками.

6. Как можно чаще должно прибегать к таинству покаяния, исповедоваться пред отцом духовным, просить у него и слушаться его советов и достойно причащаться святых Тайн.

7. Не опускать случая и возможности присутствовать при церковном богослужении и дома читать духовные книги.

8. Чаще беседовать с людьми благочестивыми и избегать разговоров праздных.

9. Постоянно в свободное от богослужений время иметь какое-либо полезное занятие, нести должность, заниматься какой-либо работой, чтобы не быть в праздности.

Итак, вот, смотри, что подобает делать христианину, чтобы по возможности избегать греха, — это, кратко сказать, молиться, трудиться непрестанно и непрестанно же быть внимательным к себе. Господи, помоги нам!

◊ Чтобы обновить душу покаянием, для сего необходим пост; но не будем ограничиваться одною скудною пищею, постараемся оградить себя от всего худого: от уныния, беспечности, лености, зависти, самоугодия и вообще всего того, что отдаляет нас от Бога. Вооружимся неотступною молитвою, принесем покаяние и слезы сокрушения о грехах; сему же да научит нас память о страшном суде; утесним себя и свои желания, ибо Господь говорит: «Подвизайтеся внити сквозе тесная врата» (Лк. 13, 24) и еще чрез пророка призывает нас к покаянию, говоря: «Измыйтеся, и чисти будите, отымите лукавства от душ ваших» (Ис. 1, 16). Итак, чтобы отнять нам лукавства от сердец наших, для сего необходимо нам облечься во смирение и послушание, ибо без сих двух добродетелей невозможно укрепиться на пути к Царству небесному. Господь говорит: «На кого воззрю, токмо на кроткаго, молчаливаго и трепещущаго словес Моих» (Ис. 66, 2). Святой Феодор Студит говорит: «Кто имеет в себе действо смирения и послушания, то сими двумя добродетелями, как двумя крылами, воспаряет он на небеса и собеседником Богу бывает» (Доброт. IV).

Схиархимандрит Захария (1850–1936)

Приняв монашество по благословению преподобного Амвросия Оптинского, старец Захария некоторое время подвизался в Белых Берегах, был келейником у отшельника Даниила, который сорок лет жил в одном уединенном месте Калужской губернии.

Тяжело заболев, Захария дал обет поселиться в Троице-Сергиевой лавре.

Когда послушник Захария прибыл из Белых Берегов в Гефсиманский скит, где жил знаменитый старец преподобный Варнава, он увидел толпу паломников. Из-за огромного количества людей нельзя было даже подойти к келье старца. Неожиданно отец Варнава вышел из кельи и, обратясь к толпе, спросил: «Где тут лаврский монах? Иди-ка сюда». Среди паломников не было лаврских монахов, и никто не откликался. Тогда преподобный Варнава сошел по лесенке вниз и со словами: «Дайте, дайте пройти лаврскому монаху» — подошел к Захарии, взял его за руку и повел к себе в келью. «Я не лаврский монах, я из Белых Берегов», — возразил Захария. — «Ну я знаю, что ты там жил, а теперь будешь жить в лавре и будешь лаврским монахом». В келье старец благословил Захарию и сказал: «Ты живи у преподобного Сергия и ко мне будешь в Гефсиманский скит приходить». «А вдруг да меня не примут здесь?» — спросил Захария. — «Примут! Иди к лаврским воротам, там тебя уже три начальника дожидаются».

После приема у старца Захария пошел в лавру, и, действительно, у ворот стояли игумен и два монастырских начальника.

До принятия монашества Захария был келейником, трапезником, стоял у раки преподобного Сергия, был свечником возле мощей святых Серапиона, Иосифа, Дионисия — здесь он должен был продавать свечи, натирать полы, очищать песком раки угодников, во все время службы неотступно стоять у ящика. Впоследствии Захария, вспоминая время своего послушничества, всегда говорил: «Слава и благодарение Господу за все, за все».

В постриге ему было дано имя Зосима. Затем его посвятили в иеродиаконы, а вскоре — в иеромонахи. Рукополагал его преосвященный Трифон, который давно знал отца Зосиму, уважал и любил его. По получении сана, на него было возложено послушание быть общим лаврским духовником — не только монахов, но и паломников.

Его духовные чада заметили, что он обладает особыми духовными дарами. «Впервые я увидела старца в Сергиевом Посаде, — вспоминала его духовная дочь. — Он был в келье, окруженный разными страждущими людьми. Он поил их чаем, а ложечек чайных не хватало. Я вспомнила, что у меня еще от родного отца осталось несколько чайных серебряных ложечек, и подумала: „Вот, в следующий раз, как приеду к старцу, привезу ложечек и подарю ему“. Едва только эта мысль пронеслась у меня в голове, старец ласково взглянул на меня и сказал: „Несколько? Да я ни одной серебряной ложечки не возьму, не надо монаху серебряных ложечек“. Я удивилась прозорливости старца.

Ему можно было ничего не говорить, он знал все прошлое и будущее.

Один старый священник пришел к нему на исповедь, и очень трудно было ему все открыть, что мучило его. Старец начал перечислять грехи его и говорит: „Вот, сколько у меня грехов и какие, ну, ведь и у тебя те же грехи, кайся, и я отпущу тебе их“. Священник был поражен. Старец перечислил все его грехи и, чтобы прикрыть свою прозорливость, сказал: „Вот какие у меня грехи…“

Это священник сам мне рассказывал».

Отец Зосима как-то рассказывал: «Я просил Господа, чтобы Он вошел в меня, чтобы я ничего не смел сам говорить, а говорил лишь то, что повелит мне сказать Господь. И бывает иногда благоговейно страшно мне изнутри себя ощущать силу и голос Божий. Знаю, что больно иногда делаю словом своим людям, а иногда Бог утешает словом моим; но я обязан им говорить то, что внушит мне сказать Бог. Своего я никогда не говорю теперь ничего, ничего. И сбывается всегда слово Божие, потому что оно есть истина и жизнь».

Когда после революции стали закрывать лавру, старец молился за всех и просил преподобного Сергия простить тех, кто нарушил заповедь Бога. Просил благословения для всех разъехавшихся по частным квартирам братий. Просил преподобного снова, когда будет это угодно Царице небесной, открыть свою лавру, чтобы в ней спасалось монахов множество. Он вспоминал видение преподобному Сергию, который однажды узрел множество птиц, и было ему откровение, что так умножатся ученики его, что и счесть их будет трудно.

Наконец пришло и его время, и старец Зосима последним ушел из Троицкой лавры.

Он перебрался в Москву, на Сербское подворье, к своему духовному сыну отцу Серафиму В. В это время у отца Серафима была в гостях Е. Г. П. Узнав, что старцу негде жить, она пригласила его к себе, и старец Зосима переехал на Тверскую. Во дворе дома было еще не закрыто Саввинское подворье, и старец иногда там служил.

Через некоторое время народ почувствовал благодать, живущую в старце Зосиме, и множество людей стало приходить к нему в келью. В церкви возле старца Зосимы всегда теснились люди.

Бог открывал старцу жизнь каждого человека. Некоторым людям он предсказывал их близкую кончину, других же, как нежная заботливая мать, ничего не говоря, подготавливал к переходу в вечность. Не раз старец

говорил: «Иной раз я говорю совершенно неожиданно для себя нечто такое, чему и сам иной раз дивлюсь».

Девушке, которую привела старушка родственница, старец сказал: «Ты завтра приобщись святых Христовых Тайн, а я исповедую тебя. А сейчас иди и вымой мне лесенку, она, правда, почти чистая, да это я так для тебя говорю, да на каждой ступеньке вспоминай свои грехи и кайся. А когда будешь вытирать, вспоминай все хождения душ по мытарствам».

Когда девушка ушла мыть лесенку, ее родственница с удивлением спросила: «Зачем же ей причащаться завтра, ведь не пост, она не готовилась, здоровье ее цветущее, она и после поговеет».

«Завтра поймешь, почему ей нельзя откладывать причастия. После ранней обедни сама придешь ко мне, тогда и поговорим», — ответил отец Зосима.

Когда девушка вымыла лесенку, старец ее исповедал за всю ее жизнь, отпустил ей грехи и утешительно, с отеческою любовью глядел на нее. Напоив гостей чайком, старец простился с ними.

На другой день девушка причастилась, чувствовала себя прекрасно и, радостная, пришла домой. Ее родственница напекла пирогов и пошла ставить самовар. А девушка присела на стул и как бы заснула. Господь взял ее душу безболезненно, моментально. Пораженная ее кончиной, старушка прибежала к старцу Зосиме и застала его на молитве за новопреставленную. Он утешал старушку: «Ну, что же ты, я знал ведь, что Господь ее возьмет, потому и благословил ее спешно причаститься».

Однажды, когда старец служил в церкви, на службу пришла какая-то дама, не знавшая его. Увидев отца Зосиму, который оказался очень худым, дама подумала: «Ну, уж какой монах, где ему привлечь в церковь народ, он и ходящих-то всех разгонит». Вдруг старец, вместо того чтобы ему входить в алтарь, стал пробираться сквозь толпу прямо к этой даме и сказал ей: «Ольга, не бойся, никого не разгоню». Изумленная дама, имя которой действительно было Ольга, упала в ноги, прося у него прощения за свои мысли, и потом всегда приходила к старцу за советом.

Одна монахиня, сидя за столом с батюшкой, подумала: «Если бы я была ученая, совсем бы другое дело было, я бы угодила Господу скорее, чем теперь, когда я такая малограмотная». Старец взглянул на нее и сказал: «Богу ученых не нужно, Ему одна любовь нужна».

Одной рабе Божией, которой негде было отдохнуть, ни у знакомых, ни у родных, старец сказал: «Не горюй, каждый кустик ночевать пустит». И, к удивлению, малознакомые люди стали умолять ее приехать к ним на отдых в деревню.

Однажды старец сидел со своими духовными детьми за столом и угощал их обедом, вдруг быстро встал и говорит: «Вот так Пелагия моя, как кается, как просит меня отпустить ей грехи, плачет даже; подождите, деточки, оставьте трапезу, помолитесь со мной».

Старец подошел к углу с иконами, прочел разрешительную молитву и благословил кающуюся духовную дочь. «Да где же она сейчас кается, батюшка?» — «Да она на Севере сейчас. Вот я спрошу ее, когда приедет, о ее покаянии. Запомните нынешний день и час». И действительно, через полгода приехала на родину Пелагия, рассказала старцу, как глубоко она каялась и плакала и просила старца разрешить ее точно в тот час и день, в который старец разрешил ее от грехов.

Еще был случай с двумя дамами. Они шли в келью к старцу, и одна всю дорогу каялась в своих грехах: «Господи, как я грешна, вот, и то-то не так сделала, того-то осудила, прости же Ты меня, Господи…» И сердце ее и ум как бы припадали к стопам Господа. «Прости, Господи, и дай силы больше так не оскорблять Тебя. Прости, Господи».

Другая же шла спокойно к старцу. Решив, что исповедоваться она будет в келье старца, дама по дороге обдумывала, какую материю купить на платье дочери и какой выбрать фасон.

Обе они вместе вошли в келью к старцу Зосиме. Обращаясь к первой, старец сказал: «Становись на колени, я сейчас тебе грехи отпущу». — «Как же, батюшка, да ведь я вам не сказала…» — «Не надо говорить, ты их все время Господу говорила, всю дорогу каялась Ему, а я все слышал, так что я сейчас разрешу тебя, а завтра благословлю причаститься».

«А ты, — обратился он через некоторое время к другой даме, — ты иди купи на платье своей дочери материи, выбери фасон, сшей, что задумала. А когда душа твоя придет к покаянию, приходи на исповедь. А сейчас я тебя исповедовать не буду».

Две студентки решили выяснить все недоуменные вопросы жизни. Они записали вопросы самые разнообразные: и общественные, и эстетические, и философские, и семейные, и просто психологические затруднения. У одной студентки оказалось таких вопросов чуть ли не сорок, а у другой пятнадцать. Когда они пришли к старцу, у него было очень много людей, и он просил их подождать. Студентки ждут и ждут. Вот, уж и терпения не хватает больше ждать. Вдруг старец взглянул на них: «Что, спешите? Ну, ты первая, Любовь, вынимай свои сорок вопросов, бери карандаш и пиши». — «Я сейчас прочту их вам, батюшка». — «Не надо читать, так пиши ответы». И на все сорок вопросов старец дал ответы, не пропустив ни одного, и все ответы были исчерпывающие.

«Ну а теперь ты, Елизавета, вынимай свои пятнадцать недоумений». И опять, не читая, не спрашивая, что хотят узнать от него, дал ответы в том порядке, как были написаны вопросы.

Всю свою жизнь эти две студентки были глубоко преданы старцу. Одна из них умерла в сорок лет от чахотки и на смертном одре увидела старца, который пришел к ней и благословил ее. Живой стоял у кровати. А когда она была в ссылке, то старец приснился ей во сне, совершая над нею постриг, и нарек имя Анастасия, хотя жизнь ее сложилась так, что и думать о постриге было трудно.

Екатерина Висконти, духовная дочь старца, рассказывала: «Я была не православная, но верила в Бога. Живя в Москве, похаживала в православные церкви. И вот однажды, находясь в скорбях, я побеседовала со знакомым мне священником из церкви Николы Звонарей, отцом Александром. Побеседовала, и он предложил мне познакомиться с одним великим старцем, которого зовут Зосимой (в схиме Захарией), монахом из ТроицеСергиевой лавры, теперь архимандритом. Я не имела никакого желания с ним знакомиться, я была не православная, как говорила уже, верующая, но не углубившаяся в веру и не имевшая никакого понятия о конфессиональных различиях.

В это время случилось большое горе с одной моей знакомой, человеком религиозным и на редкость хорошим. Мне стало очень жаль ее. На свои молитвы я не надеялась и решила: ну, вот и пойду к старцу, которого мне посоветовал отец Александр, — чтобы он помог ей, раз он такой великий.

Прихожу. Меня впустили в большую комнату, где я впервые увидела этого дивного старца, одетого в белый балахончик. Не спрося никакого благословения, я сказала: „Здравствуйте“, — но он мне ничего не ответил. Тогда трепетным голосом я говорю: „Батюшка, простите меня, что вас побеспокоила. У меня есть одна знакомая, которая в великой скорби. Помолитесь за нее“. А сама пробираюсь к стулу, чтобы сесть, а старец с другой стороны стола подошел к стулу своему. Ответа опять не было. Меня это смутило, и я дрожащим голосом стала излагать, как она хороша (моя знакомая), как добра, как несчастна. Наконец, нервы мои не выдержали, я упала на стул и зарыдала. И тут впервые я услышала его голос: „Что ты чужие крыши кроешь, когда у тебя своя раскрыта?“

На что я ответила: „У меня крыша есть, я не без комнаты“. — „Нет, у тебя нет крыши. Зачем у тебя стоит образ святителя Николая и Владычицы Божией Матери, когда у вас полагается одно распятие?“ Я внутренне удивилась, откуда он все знает, когда он никогда не бывал у меня.

„Батюшка, да ведь я их очень люблю и всегда припадаю к святому Николаю Чудотворцу, когда у меня бывает какое-нибудь горе, или скорбь,

или просто печаль“.

„Ах, ты их любишь? Ну, скажи, пожалуйста, вот, я теперь за тебя помолюсь, а если ты умрешь, кто вынет частичку за тебя? А крест-то есть на тебе?“ — „Есть“. — „Да кто же его надел-то на тебя?“ — „Сама“. — Батюшка усмехнулся и повторил мой ответ: „Сама…“

Потом батюшка обратился к иконам и поднял руку. Я удивилась изменению его лица. Оно сделалось каким-то неземным, Божественным. И проговорил он тихо, указывая рукою на иконы: „А если бы что — я бы за ту умолил, о которой ты просишь“.

После этого я встала, поклонилась и сказала: „Всего вам хорошего, батюшка“, — и ушла.

Пришедши домой, я подошла к своей божнице и с глубокой грустью сказала: „Вот до чего я дошла, от одного берега отстала, к другому не пристала“. Меня обуяло необыкновенное беспокойство и трепет, я не находила себе места. Слова старца: „А если бы что…“ — все стояли у меня в ушах. Я побежала к тому священнику, который направил меня к старцу. Вошла к нему со словами: „Батюшка, не могу я больше терпеть, я хочу принять православие“, — и рассказала ему о своем посещении старца.

Накануне принятия православия я решила разыскать старца и взять у него благословение. Не застав его дома, я пошла к тем людям, у которых он гостил. Застала я старца сидящим в небольшой комнате. Он необыкновенно приветливо меня встретил.

„Батюшка, я пришла вашего благословения просить на принятие православия“. „Очень, очень рад, — был ответ батюшки, — я сейчас только отчитывал бесноватого, бес так сильно крикнул и ушел в шкаф“. И старец стал теребить свое ухо, говоря: „Я почти оглох, разговаривая с бесами. Я их спросил: „Можете ли вы видеть крест?“ — „Нет, не можем, он нас жжет“.

Когда старец отчитывал бесноватых, бесы кричали: „Старец Зосима мучает нас, читая заклинательные молитвы“.

Многих бесноватых старец освободил от мучивших их духов.

После разговора я встала, взяв благословение, и направилась к передней.

Батюшка подошел ко мне и взял мою голову обеими руками. Вдруг я увидела у него на лбу от висков исходящие тонкие золотые лучи, наподобие ярко светящихся нитей солнечных. Я была поражена, и вместе с тем моему сердцу сделалось удивительно легко. Даже идя по улице, я думала: есть ли злые люди на свете? Мне казалось, что все преисполнены той же радости, как я. Я чувствовала благодать, данную мне старцем. Такой неземной радости, покоя и мира я сама никогда не чувствовала. Это была милость Божия, которую я получила благодаря молитвам старца.

На третий день после принятия православия я пришла к старцу. Постучала в дверь. Он сам мне открыл с восклицанием: „А, Екатерина, покажи мне свое православие“. — „Я, батюшка, не знаю, как показать свое православие, я приняла его“. — „Ну, покажи же свое православие“. — „Честное слово, не знаю, что мне делать“. Когда в третий раз он настоятельно сказал мне: „Так покажи же свое православие“, тогда взор мой упал на его божницу и я перекрестилась. — „Ну, вот, ты теперь мне сестра, Матерь у нас одна“. Подошел, поцеловал меня в лоб и пригласил пить чай. Взяв с окна кастрюльку, полную молока, он вылил мне в стакан все сливки, так что наполнилось и блюдечко. Подойдя к буфету, взял черного хлеба фунта три-четыре и большую горсть сахара, так с полфунта, и положил все это рядом с моим стаканом. Тогда я ему сказала: „Батюшка, что это вы делаете? Мне все это не поесть“. Не отвечая мне ничего, он подошел и все благословил со словами: „Твоя от Твоих, Тебе приносящее“.

„Хлебом-то ты нуждаешься?“ — был вопрос. — „Нуждаюсь". Отрезав большой ломоть хлеба, батюшка благословил его и сказал: „Вот тебе мое благословение, чтобы ты никогда в жизни не нуждалась в хлебе. А белый-то у тебя есть?" — „Нет, батюшка". Тогда он дал мне кусок белого хлеба со словами: „Пусть и белый заведется у тебя“. И вот, за молитвы старца меня вспомнила живущая за границей знакомая, у которой я работала раньше, и прислала мне из Риги три посылки подряд. Каждая посылка состояла из 20 кг белой муки, 8 кг сахара, 7 кг риса, 20 банок сгущенного сладкого молока, 2 кг чаю и 4 кг какао. Я ей ничего не писала, а за молитвы старца она меня вспомнила и прислала мне такие чудесные богатые посылки.

До получения этих посылок со мною был еще такой случай: я была в это время без места, да и голод был в эти годы. Шла я к старцу, и встретился мне нищий. После большого колебания я отдала ему последний двугривенный. Когда вошла в келью старца, прося его благословения, он немедленно позвал меня к своему столу: „Иди сюда, иди сюда", — и выдвинул ящик своего стола, где у него лежали деньги, говоря: „Бери, сколько нужно, бери, не стесняйся".

Незадолго до своей смерти отец Зосима ездил на богомолье в Саров. Как-то раз подошел он к источнику преподобного, в который погружались для исцеления приезжие. Подошел и никак не решится войти в воду. Наконец, вздохнул и сказал: „Отче Серафиме, ты знаешь, какой я старый, слабый, больной, дохлый, снести не могу холодной воды, как искупаюсь — заболею и домой не попаду. Помоги мне, согрей воду".

И когда старец вошел в источник, вода стала очень теплая, почти горячая. С великою благодарностью вспоминал об этом старец.

Несмотря на свои тяжкие болезни, отец Зосима всегда был бодр и за все благодарил Бога. Нас он учил особенно остерегаться уныния. Уныние — это преддверие ада, оно убивает волю, чувства и разум.

Еще старец часто говорил нам эти слова: „В чем застану, в том и сужду“. Это говорил он нам для того, чтобы мы никогда не забывали смертного часа, ибо в любой миг можем быть позваны в вечность и потому всегда должны к этому готовиться.

Старец очень не любил многословия и неоднократно говорил нам: „В раю много покаявшихся грешников, а говорливого нет ни одного“.

Глубокое молитвенное общение было у старца Зосимы с митрополитом Трифоном (Туркестановым).

Когда старец заболел, митрополит Трифон посетил его, а затем просил всех молящихся в храме вознести молитву о старце: „Братия и сестры, прошу вас, помолитесь за болящего старца Зосиму. Его не все здесь знают, но я скажу вам, кто он такой. В молодости я служил в Петербурге в сане архимандрита и был в таком ужасном состоянии, что хотел снять свой сан и начать совсем другую жизнь, но мне предложили познакомиться с одним послушником из Троице-Сергиевой лавры, который приехал в Петербург по сбору, что это не простой человек. Для вас, говорили, он будет небезынтересен. Я выразил свое желание познакомиться. И вот, после проведенной ночи с ним в беседе, наутро мои мысли и чувства стали совсем другие. И, благодаря этому старцу, вы видите перед собою старого, дряхлого митрополита Трифона“.

После этого весь народ пал на колени и митрополит отслужил молебен о здравии тяжело больного старца Зосимы (в схиме Захарии).

Этот соборный молебен совершил чудо. Через несколько дней старцу стало лучше: он начал поправляться. Когда ему сказали о молебне, прослуженном за него в церкви Большого Вознесения, то отец Захария, слегка улыбнувшись, произнес: „Да уж слыхал, слыхал — чудак-огарок этот Трифон“. „Огарком“ владыку Трифона старец назвал потому, что знал, что жизнь его земная скоро, скоро кончится.

Когда владыка смертельно заболел, старец с трогательной любовью молился о нем. А когда владыка преставился, молитвы старца о нем усилились, и всем своим духовным чадам старец велел поминать владыку и всех его умерших духовных чад и сродников.

Похоронили владыку на Немецком кладбище.

„Друг мой владыка Трифон хотел, чтобы я после его смерти еще два года прожил. Ну, так и будет по его святым молитвам“, — сказал старец.

И старец остался на земле еще на два года.

Совсем ослабевший, погруженный всецело в молитву, он попрежнему направлял души людей к Господу, приводя их к покаянию, которое за его святые молитвы перерождало их.

Последние месяцы старец почти все время лежал. Говорил редко, а если что-нибудь скажет, то только на пользу душам.

Болезнь старца была так ужасна, что другой бы просто кричал от боли и непрестанно жаловался, а старец Захария терпел молча, воздавая благодарение Богу за все, посылаемое Им.

К приходящим к нему он относился с таким материнским вниманием и любовью, как будто бы его страждущего тела не существовало. Душа его обнимала Божественной любовью каждого, обращающегося к нему, совершенно забывая о себе.

„Из дел на земле нет ничего более важного, чем молитва. Молитва рождает прочие добродетели. Много бы я мог вам сказать, да нет у меня уже сил“, — были одни из последних слов старца. Когда кто-то из учеников заплакал, старец сразу же, едва слышным голосом (видно, ему трудно было говорить) в утешение нам сказал:

„Чада мои, я после смерти буду гораздо более жив, чем сейчас, так что не горюйте после моей кончины, бойтесь излишней печали, она может приблизить вас к унынию. Помните только крепко, что ваше старание стяжать Духа Святого, ваша любовь к Спасителю, Господу Иисусу Христу, и старание исполнить все Его заповеди, ваше трепетное, благоговейное преклонение пред Богом Отцом в страхе и величайшем смирении, радостью будет наполнять все сердце мое, ведь я же ваш духовный отец. Благословляю вас всеми силами стараться достичь этого“.

Старец молча благословил учеников и закрыл глаза».

Старец скончался в полном сознании 2/15 июня 1936 года, около 10 часов утра.

Его почитаемая могила находится на московском Введенском кладбище.

Духовные наставления

◊ Не забывайте, что первая евангельская заповедь призывает нас к покаянию: «Покайтесь и веруйте в Евангелие», — вот слова Самого Господа (Мк. 1, 15).

◊ Приобретайте добродетели, противоположные грехам. Уныние — это палач, который убивает энергию, необходимую для получения в сердце Духа Святого. Унылый теряет молитву и умирает для подвигов.

Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не унывайте.

◊ Почаще осеняйте себя крестным знамением. Помните: «Крест воздвизается, и падают духов воздушных чинове»; «Господи, оружие на диавола крест Твой еси нам». К прискорбию моему, видел я, что некоторые просто машут рукой, не касаясь даже лба и плеч. Это прямо издевательство над крестным знамением. Вспомните, что говорил преподобный Серафим про правильное крестное знамение. Прочтите это его наставление.

Чада мои, вот, как надо накладывать, с молитвою, которая есть воззвание ко Пресвятой Троице. Говорим: Во имя Отца, сложив три перста вместе, показывая этим, что Господь един в трех лицах. Прикладывая сложенные три перста ко лбу, мы освящаем свой разум, возносясь молитвой к Богу Отцу, Вседержителю, Творцу ангелов, неба, земли, людей, Творцу всего видимого и невидимого. И затем, касаясь нижней части груди этими же перстами, мы поминаем все муки Спасителя, за нас потерпевшего, Его распятие, нашего Искупителя, Сына единородного, от Отца рожденного, несотворенного. И освящаем сердце свое и все чувства свои, вознося их к земной жизни Спасителя, нас ради и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившегося, и говорим: и Сына. Затем, вознося персты на рамена (плечи), говорим: и Святаго Духа. Просим третье лицо Пресвятой Троицы не оставить нас, освятить нашу волю и милостиво помочь нам: все силы наши, все действия наши направить на то, чтобы стяжать Духа Святого в сердца наши. И, наконец, смиренно, благоговейно, со страхом Божиим и надеждой, и с глубокою любовью ко Пресвятой Троице, заканчиваем эту великую молитву, говоря: аминь, то есть истинно, да будет так.

Эта молитва навсегда соединена с крестом. Вдумайтесь в это.

Я сколько раз с болью чувствовал, что многие совсем механически произносят эту великую молитву, будто не молитву, а нечто такое, что принято говорить перед началом молитвословия. Так вы никогда не поступайте. Это грех.

◊ Не стремитесь вы к богатству, не ищите ничего на этой земле. Отдай душу в ад — будешь богат.

◊ Живите честно и помните, что нет у нас здесь постоянного града, но грядущего взыскуем.

◊ О, христиане, мы живем так суетно и не думаем о вечности, а думать очень и очень надо. Пред лицем Господа ходите и помните, что каждый ваш добрый поступок записан ангелом хранителем, приставленным к вам Господом, а каждый грех — темной силой. Ничего нельзя сделать такого, чтобы не стало явным. Кайтесь же, пока не поздно, смиряйтесь и спасайте душу свою. Читайте Евангелие, читайте слова сии, надо им внять. Стремитесь, чтобы Дух Божий был в вас, чтобы вы были Христовы ученики: «Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим». Надо любить людей делом и истиною, а не словом и языком. Надо учиться любить людей, как самого себя, то есть проявлять к другим такую же всепрощающую любовь и заботу, которые проявляете к себе.

Смотрите, не творите милостыни напоказ. Не хвалите себя, как фарисей. Но творите милостыню ежедневно. Пропал для вечности тот день, в который не сотворил милостыни ты, пропал для души твоей. Милостыня помогает нам получить благодать Святого Духа. «Блажени милостивии, яко тии помиловани будут». Милостыня может даже из ада извлечь душу грешника. Ангел этой добродетели безгласно предстоит пред престолом Господним и вопиет в сотворившем милостыню. Не заботься о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о себе, довольно для каждого дня своей заботы.

◊ Смотрите на каждый день свой, как на последний день своей жизни. Всегда помните, что Господь смотрит на вас и каждое движение ваше видит, каждую мысль и чувство. Возненавидьте грехи, так как это самое большое зло. Грех родил диавол. Грех нас ввергает в геенну огненных страданий, оторвав нас от Господа Бога, в Троице единого.

◊ Наши сердца, хуже, чем в муках всех видов земных страданий, будут болеть об утраченном благе, навеки попав в ад. Будьте же добры и осторожны, деточки. Не унывайте, терпеливо несите каждый свой крест, возложив всю печаль на Господа. Энергично понуждая себя ко всякому доброму делу, идите по узкой святой дорожке добродетелей, которая приведет вас в Царство небесное.

◊ Помните, что Бог дал нам свободу и насильно Он не берет к Себе никого. Надо проявлять усилие в воле своей, чтобы получить в сердце своем благодать Святого Духа. Если бы Бог не дал нам свободы, Он бы уничтожил путь веры и привел бы к Себе всех путем принудительного знания. Не

говорите, как некоторые невежды говорят: «Докажи нам существование Бога, и тогда мы поверим…» Тогда не будет веры, если доказать, а будет принудительное знание и не будет тогда дороги к спасению.

А когда в сердце свободно совершен акт веры, тогда Бог дает такие доказательства истинности веры, которые несравненно выше всех научных доказательств.

◊ Всегда помните: нужно проявить в жизни свободное усилие для приобретения добродетелей и для общения с Богом в молитве. Насильно к Себе Господь души не берет. Берегите же жемчужину веры, которая есть путь к вечному блаженству нашему и близких сердцу нашему людей.

◊ Старец учил своих детей духовных чтить и любить Пресвятую Троицу.

«Бог один, но троичен, и эта тайна Святой Троицы есть величайшая любовь, мудрость и истина. Вне Троицы мыслить и чувствовать Бога нельзя. Бог есть Троица».

Все, что напоминает Святую Троицу, отец Зосима отмечал и благоговейно возносился сердцем к Богу. Если просто соберутся три человека, он тотчас же вспомнит Святую Троицу и говорит: «Хорошо, хорошо втроем, и в честь Святой Троицы, и трапезы вкусить, и побеседовать о вышнем».

Горит ли лампадка, старец говаривал: «Вот, теплится огонек, гореть он может потому, что есть фитилек, масло, огонь. Три составляют одно — горение лампадки».

С иконой Святой Троицы не расставался старец и всегда держал ее в своей келье, а после смерти эта же икона сопровождала тело его и в церковь, и в могилу.

«Надо каждому христианину познавать и любить Святую Троицу, — наставлял своих детей старец. — «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый. Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святый, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради. Господи, помилуй» (три раза).

Необходимо каждому христианину знать службу Святой Троице. Нужно изучать церковную службу и церковный устав, так как красота христианского богослужения и глубина выше ангельской, это связь земли с небом. Это хор ангелов и людей, стремящихся к соединению своих сердец с Богом и воли своей с волею Божией».

◊ Нужно следить за тем, чтобы чиста была душа, чтобы предана она была вся Богу. Не надо лгать, лукавить, унывать. Твердо надо различать разные виды лжи: мыслию, языком, делом и жизнью, и помнить надо, что диавол — отец лжи, и кто лжет, делает себе отцом диавола.

◊ Особенно отец Зосима любил Царицу небесную. Он всегда как бы предстоял пред Нею.

Старец велел чадам своим, как к Игумении своей, постоянно к Ней обращаться и на все дела свои брать у Нее благословение.

«Без благословения Царицы небесной, дети мои, ничего не начинайте делать. А закончив дело, опять благодарите Ее, нашу скоропослушницу и помощницу во всех делах благих».

Возжигать лампады пред иконами Царицы небесной старец считал необходимым. А если заболеет кто, надо мазать маслом, горевшим пред чудотворной иконой Божией Матери, и это будет в исцеление души и тела болящего. У старца в келье были две чудотворные иконы Царицы небесной: Владимирская и Казанская. Много чудес совершалось от этих икон, многие больные получили исцеление.

Когда старец молитвенно обращался к Царице небесной, то говорил с Ней, как с живою, будто он видел Ее тут же в своей келье. И действительно, Царица небесная была с ним всегда, и вся жизнь, внутренняя и внешняя, старца протекала под Ее покровом. И всех своих духовных чад наставлял он ежедневно по числу суточных часов читать: «Богородице Дево, радуйся» (всю молитву до конца) — и испрашивать благословение Приснодевы на каждый час жизни своей и своих близких.

Радовался старец, если кто-нибудь из его духовных детей исполнял Богородичное правило, читая 150 раз в сутки «Богородице Дево…».

«Христа дает душе пречистая Матерь Его. Молись Пресвятой усердно и будешь с Сыном Ее. Запомните эти слова», — говорил старец.

◊ Еще очень чтил и не оставлял никогда старец чтение Псалтири. Ежедневно читал три кафизмы, а когда бывал болен, то благословлял прочесть ему вслух. Ежедневно читал Евангелие и Псалтирь и творил постоянную молитву.

◊ Духовных детей своих старец учил почаще обращаться с молитвой к преподобному Сергию, Радонежскому чудотворцу, которого он раз видел наяву.

«Свидетельствую моею совестью, — говорил старец, — что преподобный Сергий с воздетыми руками стоит у престола Божия и молится за всех. О, если бы вы знали силу его молитв и любви к нам, то каждый час обращались бы к нему, прося его помощи, заступничества и благословения за тех, о которых болит наше сердце, за живущих здесь на земле родных и любимых и находящихся уже там, в той вечной жизни».

Одну из своих духовных дочерей старец вручил преподобному Сергию:

«Благословляю тебя на постоянную молитву преподобному и Богоносному отцу нашему Сергию, игумену Радонежскому. Приими эти

четки, как из рук его».

Часто, отпуская грехи ей, говорил: «Не отпускаю грехи твои, а преподобный Сергий их отпускает тебе».

В епитрахили старца была зашита часть мощей преподобного Сергия.

Много чудес видел старец, стоя по послушанию у раки мощей преподобного. Видел, как отец Иоанн Кронштадтский подошел к раке и сказал: «Преподобне отче Сергие, друг мой, я хочу тебе подражать, по твоим стопам идти». И мы знаем, что внял его прошению преподобный Сергий.

«Не забывайте, чада мои, никогда подвигов преподобного Сергия и преподобного Серафима, Саровского чудотворца, подражавшего ему. Оба эти святые особенно связаны с милостью Божией Матери. Владычица наяву являлась им, укрепляла, исцеляла их. Не будем же забывать Ее любви к этим святым, о которых Владычица сказала: «Этот рода нашего». Будем как можно чаще прибегать к их заступничеству, будем тщательно запоминать их жития. Будем выучивать на память их наставления. И Матерь Божия не оставит нас и близких нам за молитвы избранников Своих. Святые любили Бога и в Боге любили всех людей. Весь мир во зле лежит, но мир не зло» (миром называются все страсти вместе).

◊ Мы должны святой, глубокой любовью облегчать жизнь других людей, особенно страждущих. Мы должны сами, приближаясь к Богу постоянным покаянием, и других приближать к Богу. Бог наш есть Бог любви.

◊ Некоторые люди, не имущие в сердце Бога, называют любовью нечто совершенно противоположное любви, а именно: страсть, эгоистическую привязанность, увлечение и так далее. Но мы, христиане, знаем хорошо, что не это есть любовь.

«Бог любы есть». Он молится за нас так: «Отче, которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною. Да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира. Отче праведный, и мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня; и Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них» (Ин. 17, 24–26).

Учитесь, учитесь, чада мои, у преподобного Сергия и преподобного Серафима, учитесь у них постоянной молитве и смиренной православной любви к Богу и ближним.

◊ Старец говорил, что необходимо прославлять имя Господне. Апостолы и все святые именем Господним творили чудеса. Им же и все таинства совершаются. Имя Божие есть самое сильное оружие против

нечистой силы, против всех грехов и страстей. Именем Господним «бесы ижденут».

◊ Навыкайте ни единого дела без молитвы не начинать. Работаешь ли ты по специальности твоей, прежде всего возьми благословение у Царицы небесной. Пред Ее лицом произнеси молитву Иисусову. А во время службы всем сердцем чувствуй присутствие Господа. Он все видит, даже мысли и чувства твои. Старайтесь каждое движение ваше, каждое прикосновение к предмету соединять с молитвою. Молитва рождает смирение, а без смирения нет спасения. Окончив работу, возносите благодарение Господу и Царице небесной.

Чада мои, даже когда по лесенке поднимаетесь или спускаетесь, на каждой ступеньке говори (внутри себя) по словечку из постоянной молитвы. Не благословляю иначе ходить по лестнице.

Не спешно говорите молитву — и для души это оздоровление и для сердца польза: «не задаром воздух бьем». Каждое слово святое — это великая творческая сила. Каждое слово молитвы приближает нас к Богу. Мы опустошили наши слова, оторвав их от Господа. Даже если нужно что житейское сказать, надо в сердце держать молитву. А кто еще не привык держать молитву при разговоре, тот пусть хоть помнит, что говорит он в присутствии Бога и все, что он скажет, что почувствует, все видит Он, Отец наш небесный, находясь здесь. Никогда нельзя забывать о вездеприсутствии Божием. Забывать это — грех.

Для водворения в сердце постоянной молитвы требуется, чтобы молящийся не говорил ничего лишнего, праздного, а также, чтобы не мечтал, не беспокоился необдуманно, не делал ничего, что ему захочется, а старался бы во всем творить волю Божию. Беседуйте же, чада мои, как можно больше с Господом в молитвах келейных. Это очищает сердце, укрепляет ум, дает силу в действиях исполнять волю Божию.

Вот вы обратились с благодатными словами святых к Богу, но, может быть, это для вас все? Нет. После прочтения молитв, с великим вниманием, в безмолвии мыслей и чувств, нужно постоять хотя несколько минут, ожидая сердцем своим ответа, вразумлений и так далее.

Эти несколько минут вас многому научат: сначала три минуты, пять минут, а потом… сами увидите, кому сколько нужно. Прошу вас это исполнять и благословляю. Это усилит вашу постоянную молитву и отречение от своей воли и даст жажду получить (стяжать) в сердце Духа Святого.

Молитва — это начало вечной жизни, это дверь, через которую мы входим в Царство небесное; это дорога, которая ведет нас к Господу и

соединяет с Ним. Без молитвы человек не живет, а постоянно умирает, хотя и не сознает этого.

Чада мои, старайтесь приобрести постоянную молитву. Крепко просите о том неусыпающую за нас молитвенницу Матерь Божию, как я уже не раз повторял вам.

Будьте мужественны даже тогда, когда великие испытания Господь посылает.

◊ Одолевают страсти, молитва слабеет, даже не хочется ее творить, все внимание поглощают разные желания и страсти. Да тут же как нарочно такие беды внутренние и внешние встречаются, от которых слабый человек в уныние впадает.

Эта страсть, уныние, мертвит все святое, все живое в человеке. Скорее тогда распнитесь крестом, молясь так, как в древности многие из подвижников молились, борясь со страстями. Читайте «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его». Если у кого есть, прочтите канон честному и животворящему кресту Христову, а потом опять распнитесь крестом и умоляйте Утешителя душ и телес наших умилосердиться над вами, простить вас и войти в душу вашу и изгнать то ужасное уныние, которое убивает вас.

◊ Начало ревностной борьбы со страстями и порождаемыми ими грехами должен положить страх Божий. Он есть начало премудрости. Премудр тот, кто стяжал Духа Святого, стараясь исполнить все заповеди Христовы, боясь грехами оскорбить Спасителя. И если он премудр, то и смирен. Чем выше человек в духовном отношении, тем больше он видит, сколь велик Господь и сколь он, человек, ничтожен и беспомощен, сколь грешен в сравнении с тем, к чему мы должны стремиться.

Величайший святой Иоанн Златоуст в своей молитве перед причащением говорит: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистинну Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз».

Одна из вас сказала мне как-то: «Если не согрешишь, не покаешься». Чада мои, эта мысль скверная, она может натолкнуть человека на грех. Будто и хорошо, что согрешил, по крайней мере, покаялся. Нет! Хуже греха ничего нет.

Грех родил диавол. Избегайте греха, боритесь с помощью Царицы небесной со всем нечистым. И чем ближе вы будете к Господу, тем больше откроются очи смирения в вас и вы будете иметь глубочайшее и постоянное покаяние. И творя молитву Иисусову: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго», вы еще ближе будете к Господу и Он даст вам небесную любовь ко всем, даже к врагам вашим.

Бывают иногда и такие беды с людьми, когда человек вместо того, чтобы смиренно соединиться с Господом, впадает в гордыню, в прелесть, в воображение, осуждение других, а себя чуть ли не святым считает, а некоторые даже святыми себя воображают. На таких Господь попускает, как наказание и вразумление их, то, что они впадают в какой-нибудь тяжелейший, постыднейший грех, от тяжести которого они иногда начинают приходить в себя. Как бы опомнятся. Каются и иногда совсем исправляются. Но это бывает не всегда. Очень часто они погибают. Не дай Бог никому быть на их месте.

Еще раз прошу бояться впадать в грехи. Не распинайте ими еще и еще Спасителя. Берите на все благословение у Царицы небесной, и Господь даст вам первую степень благодати: зрение грехов своих.

Берегите совесть свою, она есть глас Божий — голос ангела хранителя. Нельзя не заботиться о своей совести, ибо можно и потерять ее, она может стать сожженной, немощной, и тогда не будет она голосом Божиим. Как надо беречь свою совесть, учитесь у моего старца отца Амвросия Оптинского, от которого я получил благословение на монашество и наставления на всю мою жизнь. Читайте его биографию, его письма, там найдете его рассуждения о совести.

Великий мудрец был отец Амвросий, он стяжал благодать Святого Духа. Мудрость без благодати есть безумие. Это вы хорошо поймете, когда будете стараться жить для Бога и в Боге.

Помните слова отца Амвросия: «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного».

◊ Достигайте простоты, которую дает только совершенное смирение. Словом этого не объяснишь, только опытом познается. А в Боге и для Бога можно жить только в смирении и простоте. Достигайте в смирении любви простой, святой, совершенной, обнимающей молитвой всех. А милосердием к немощным, больным, непонятным, несчастным, в грехах погрязшим подражайте своим небесным покровителям — святым. Радость небесную постарайтесь стяжать, чтобы с ангелом радоваться покаянию всякого заблудшего человека.

◊ Итак, чада мои, берегите этот великий дар Божий — совесть свою, она соединяет нас с небом, она покоряет нашу слабую грешную волю святой всесильной воле Божией.

Надо, родимые чада мои, иметь правую совесть. Молитесь же о сем Царице небесной и просите помощи у Оптинских старцев, поминая их за упокой[5].

Учитесь, дети, смирению у святого старца Макария Оптинского, которого так чтил мой старец Амвросий, что велел себя похоронить в

рубашке отца Макария, который был его духовным отцом.

Старец Макарий несомненно свят. Об этом сказала мне недостойному, многогрешному Сама Царица небесная, явившаяся мне наяву, когда я шел к старцу Амвросию. Я молился на его могилке по Ее благословению, как уже вам говорил.

Прошу вас, всегда поминайте его. Когда поминают праведников, то и они поминают нас у престола Господня.

Учитесь же у отца Макария Оптинского, все усваивайте, что он писал своим духовным детям. Есть 3–4 тома напечатанных его писем. Лучшего для нас учителя смирения я не знаю. В сердца свои вкладывайте все его советы и исполняйте их. Без смирения нет спасения. «Бог гордым противится, смиренным же дает благодать». Всегда носите в сердцах ваших слова Спасителя: «Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11, 29).

Преподобный Зосима (Верховский) (1767–1833)

В девятнадцать лет юный Захария (так звали преподобного Зосиму в миру) оставил мир. В Брянских лесах он был учеником старца Адриана, а после того, как старец переселился в Коневскую обитель, — старца Василиска. В Коневской обители (на одном из островов Ладожского озера) Захария был принят в число братии и пострижен старцем Адрианом в иноческий чин с именем Зосима. Вскоре в этот же монастырь перебрался и старец Василиск, который вместе с преподобным Зосимой поселился в лесных дачах монастыря.

Безмолвствуя в течение пяти дней недели, пустынники в субботу приходили в обитель ко всенощной, проводили ночь в кельях настоятеля и в воскресенье, отслушав литургию и отобедав с братией за общей трапезой, снова возвращались в свое уединение.

Вскоре об отцах Василиске и Зосиме стало известно во всей округе, и Коневский остров стал наполняться приезжавшими и приходившими издалека за благословением, советами и утешением к этим пустынникам. Но слава человеческая была так тяжела для них, что они просили отца Адриана отпустить их на Афонскую гору или на какой-нибудь необитаемый остров. Престарелый настоятель долго не соглашался на их просьбу и, только уезжая на покой в Московский Симонов монастырь, дал им благословение удалиться из Коневца и посоветовал поселиться в дикой, необитаемой пустыне далекой Сибири.

Получив увольнение из Коневского монастыря, Василиск и Зосима хотели все же отправиться на Афон, но это им никак не удавалось, и только тогда старцы отправились в Сибирь. Зима застала в Тобольске, и, по благословению Тобольского епископа, они до самой весны остались в этом городе и жили в Ивановском монастыре. Весной и летом они стали объезжать и обходить разные пустынные места и следующую зиму провели в Кузнецком округе, в семи верстах от деревни, в землянке, вырытой ими среди дремучего леса. Когда началось таяние снегов и разлитие рек, крестьянин, который всю зиму доставлял им их муку, крупу и соль, перестал приходить, и Василиск и Зосима, боясь умереть голодной смертью, решились выйти из леса и добраться до ближайшего селения, до которого было сорок верст. Они надеялись пройти это расстояние за три дня, но заблудились, едва не утонули, переходя через замерзшую реку, и только

через десять дней, полумертвые от голода и холода, добрались до деревни. Около двух месяцев бедные пустынники не могли ходить от изнеможения.

В Кузнецке Василиск и Зосима решили основать пустынное жилище и выбрали для своих двух келий поляну, окруженную пихтовым и кедровым лесом и озерами, богатыми рыбой. Старцы поселились здесь осенью 1799 года и прожили в этой пустыни более двадцати лет. Они жили в строгом уединении и часто по нескольку дней даже не видели друг друга.

Старцы Зосима и Василиск являются основателями женского Туринского монастыря, где, среди прочих сестер, подвизались и племянницы старца Зосимы.

Отцу Зосиме, попечителю и духовнику обители, пришлось претерпеть гонения и клевету, обвинения в расколе, неправильном употреблении монастырских денег, в притеснении сестер.

Начался долгий процесс, закончившийся тем, что отец Зосима был уволен с должности попечителя и удален из Туринского монастыря. К этому времени старец Василиск уже умер.

Получив свободу, отец Зосима хотел снова удалиться в пустынь, но вместе со старцем монастырь покинули двадцать сестер, которые из-за него претерпели столько скорбей и гонений. Чтобы устроить их и приготовить им какое-нибудь пристанище, старец решился отправиться в Москву.

В Москве он явился к святителю Филарету, своему неизменному покровителю, и рассказал ему все свое горе. Святитель дал убежище старцу в Чудовом монастыре. Здесь, в Москве, вдова Бахметьева приняла сестер в своем пустующем доме, а затем предложила им для проживания свою загородную мызу.

Получив благословение святителя Филарета, а от благодетелей материальную помощь, старец Зосима с согласия сестер приступил к устройству обители, которую назвал Одигитриевской в честь чудотворной Смоленской иконы Божией Матери, особенно почитаемой на его родине.

Неустанно трудясь над устроением новой обители, отец Зосима чувствовал, что силы его с каждым днем слабеют. Свои последние дни он хотел провести в уединении, в пустыни. После того, как старец принял великий ангельский образ (схиму), он стал еще более желать уединения и, несмотря на слабость, решил отправиться пешком в Соловецкий монастырь. Сестер старец просил не препятствовать этому и обещал возвратиться через год.

Простившись с сестрами, старец Зосима хотел принять благословение у святителя Филарета, но его тогда не было в Москве (он находился в Петербурге), и отец Зосима пришел в Новоспасский монастырь к старцу Филарету, которого он давно знал, любил и уважал. По пути к нему отец

Зосима зашел в Иверскую часовню и усердно молился Божией Матери, прося открыть ему волю Божию через старца Филарета. В монастыре, выслушав отца Зосиму, старец Филарет сказал, что ему надо вернуться к оставленным сестрам.

Эти слова успокоили преподобного Зосиму, и он, к великой радости сестер, возвратился в обитель.

Кончина старца наступила на шестьдесят седьмом году его жизни, в день праздника иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость», 24 октября 1833 года.

Духовные наставления

◊ Чем, как не безумием и ослеплением, говорил старец, можно назвать то, что Божии заповеди, легкие, и приятные, и утешительные, не любим и не исполняем, а диавольские внушения, и мучительные, и тяжкие, и горестные, охотно исполняем?

Вот размыслите: быть в любви святой утешительно и радостно; а в смущении и во вражде и в зависти — и мучительно сердцу и весьма горестно.

Быть нестяжательным — значит не иметь никаких попечений и печалей, а чтобы обогащаться, сколько надобно хлопот, безпокойства, ответственности! И сколько против сего зависти и разных бед и скорбей!

◊ Когда живешь в чистоте и целомудрии, то как мирна совесть и какое бывает в душе утешение от милости Божией и от людей похвала и уважение, а вдавшихся в развращение преследует обличение совести и разные неприятности и поношения, и стыд.

Имеющий смирение и Богу, и людям любезен, и все с ним бывают в мирном и дружелюбном обхождении; а гордый и презорливый всем неприступен и тяжек и ни с кем не может быть в искреннем дружестве; не может самолюбивое, надменное сердце его ощущать никакого чистого, сердечного утешения.

Помыслите еще: что легче, уступить ли обидящему или ссориться и драться?

Что лучше: быть ли молчаливу и скромну или много говорить и быть дерзку?

Что полезнее: быть ли всегда в умеренном воздержании или объедаться и опиваться? И простою ли пищею довольствоваться, которую без излишних забот можно иметь по милости Божией, — или стараться неусыпными хлопотами и ласкательствами около богатых снискивать удовлетворение чреву?

Скажем для примера: один употребляет хорошую пищу, а другой простую, и оба, насытившись, перестали есть. Теперь вопрос: когда прошла минута ядения, чем первый счастливее последнего? Напротив, последний, вероятно, и здоровее, и крепче, и трезвее, а первый сколько хлопотал, безпокоился для гнусных последствий и неминуемых болезней!

Еще посмотрите на примере: один носит одежду простую, не дорогую, а другой драгоценную и щегольскую. Кто из них более спокоен и свободен? Богатая или красивая одежда есть не что иное, как тяжкие оковы, не только

души и уму, но и самому телу. Садясь, надобно остерегаться, чтобы не замарать, не смеешь ни прилечь, ни прислониться, чтобы не измять; все должно думать о платье, чтобы его не испортить, и как не тяжко и не скучно в такой неволе?! А в простом платье без забот можно заниматься и трудиться во всяком деле; а утрудившись, свободно можно полежать и посидеть и на лугу и на земле и как случится; и не обращая мысль на одежду, можно весь ум занять лучшими и достойнейшими предметами, нежели платье.

Итак, видите, что Господь требует от нас всего того, что и в этой жизни и легко и приятно и свободно, а в будущей заслуживает вечное благо. Диавольское же и здесь все мучительно и тяжко, и трудно, и в вечности готовит горькую участь. Вот какое бесчувствие и злонравие наше! Божие легкое и доброе оставляем, а диавольское трудное и неприятное любим и исполняем. И так справедливо правосудный Господь наказует за сие, но еще счастлив тот, кого по милосердию Своему наказует в этой жизни, а не блюдет на день суда.

◊ Старец нередко повторял: «О угодники Божии! Где ваши страдания, где мучения? — прошли как минутный сон, и за то теперь вы вечно ликуете с Господом. А мы, сестрицы, что покажем на страшном суде, ежели и малого труда, и малой печали, и малой какой скорби или болезни не захотим потерпеть Господа ради? И между тем хотим быть там, где святые, которые пролили кровь свою за Господа. Мы и малого отсечения своим прихотям и своей воли не терпим, а хотим быть вместе с теми, кои терпели для Господа отсечение всех удов своих и переносили ужасные мучения! Если не будем со святыми, то будем с диаволами; третьего места ведь нет для нас. Старайтесь же, сестрицы, о своем спасении; одно время! одна душа! Спохватимся при смерти; но ах! уж поздно будет, — уж не воротимся!»

◊ Когда старец узнавал, что кто-либо получал от его наставлений пользу для души и приступал к исправлению жизни, то говорил: «Я знаю и чувствую, что я груб и глуп; но нужды ради и чрез осла Бог проговорил».

◊ Если которая из сестер скорбела, что ее обидели или кто на нее имеет неудовольствие, то старец говорил: «Смирись, и смирится тебе небо и земля».

◊ Когда старцу хвалили что-нибудь: «Посмотри, отче, как это хорошо», то старец отвечал: «Хорошо, да не вечно; всякая вещь говорит: не люби меня, — уйду от тебя».

◊ Часто старец говорил: «Все хорошо, все хорошо; но как-то умирать будем; и уже не воротимся. Что как да не угодим Господу?»

Еще говорил: «Нельзя одним глазом на небо, а другим на землю глядеть. Так нельзя и душе к земному и к небесному прилепляться; а одно

что-нибудь надобно избрать и одного держаться».

◊ Если происходили ссоры между сестрами, старец говорил: «Как вам не стыдно; все это земное не вечное — стоит ли огорчаться? Не будьте подобны известным животным (свиньям. — Ред.), которые глядят только в землю; но они так и созданы, что не могут зреть на небо. Кто забывает небесное и прилепляется к земному, тот подобен сим животным, но несчастнее их: они не имеют разумной души, — а ты безсмертною душою если будешь углубляться в одно только земное, то бойся, чтобы не уронить ее под землю, в ад, навеки».

◊ Старец говорил: «Помнить надобно, что сказал Господь, что сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом (Мк. 9, 29; см. также: Мф. 17, 21). И так без воздержания и поста и молитвы нельзя избавиться от бесовских страстей».

◊ «Не гонитесь за одним постом, — говорил старец сестрам. — Бог нигде не сказал: аще постницы, то мои ученицы; но аще любовь имате между собою. И диавол никогда не ест и не спит, но все он диавол. Без любви и смирения, от одного поста и бдения, из человека сделается, пожалуй, бесом».

◊ Говорил также: «Превозноситься постом — безумие; ибо может ли мастер превозноситься тем, что у него много орудий, если он ими не делает полезных и хороших работ? Так точно и пост и все телесные труды суть как бы только орудия добродетели, а не самые добродетели».

◊ Старец часто повторял: «Не теряйте дорогого времени, возлюбленные; молитесь, поститесь, трудитесь в простоте, любви и смирении; придет конец — тогда будем жалеть и раскаиваться, да не поможет».

◊ «Слышал я, — говорил старец Зосима, — от одного духовного и благорассудительного настоятеля, что в обители его был брат, который, часто приходя к кузнецу монастырскому, также послушнику той обители, неотступно убеждал его сковать ему втайне вериги, чтобы этим подвигом мог он удручать тело свое для спасения души. Не могши более отказываться, кузнец, скрытно от брата, сказал об этом настоятелю. Настоятель приказал ему: когда придет к тебе брат просить о веригах, то ударь его в щеку: если он со смирением перенесет, скуй ему вериги; а ежели осердится или оскорбится, то обличи его, говоря: «Научись прежде переносить обиды, а тогда носи вериги». Так и сделал кузнец; при сем брат не только осердился, но даже отомстил за себя кузнецу таким же образом и, обличенный и пристыженный от кузнеца, ушел от него и уже более не упоминал о веригах.

И действительно, — продолжал старец Зосима, — подвиг терпения скорбей, обид и поношений выше всяких вериг и власяниц. Ибо Иисус Христос не дал нам заповеди о веригах и власяницах, но заповедал нам переносить обиды и любить обидящих нас, и молиться о них. И подлинно, мы должны почитать их даже нашими благодетелями, потому что они со вредом для души своей соделывают наше спасение».

◊ Юный родственник открыл старцу свое маловерие. «Простите меня, — говорил он, — не совсем верю я тем ужасным и безобразным бесовским явлениям, о которых много пишется в Четьих-Минеях и о коих много слыхал я рассказов; и чтобы убедиться в этом, я пожелал сам видеть безобразного и страшного беса; и для того нарочно, ложась спать, не помолился Богу и не оградился крестом; и долго лежал не спавши и потом уснул, — и не видал ни наяву, ни во сне никакого страшилища».

Старец Зосима сказал ему: «Этим-то самым, что не явился тебе, он и провел тебя. Сам подумай, какая была выгода бесу явиться тебе? Только бы возмутил и устрашил юное сердце, а между тем ты бы еще в испуге стал молиться и прибегать к Богу, и он, побежденный от юноши, постыдился бы! А не явясь тебе, он много приобрел: усилив твое маловерие, влечет тебя в неверие о его существовании; он ни о чем так не старается, как только о том, чтобы везде скрывать себя; ибо этот враг никогда не опасен в явной войне, но скрытною войною своею он губит многих».

◊ «Отчего человек не может быть ничем доволен? — говорил старец. — От того, что душа его не сотворена для сего мира. Рожденное от Духа дух есть, и душе, происшедшей от Божественного источника дуновением Божиим, все временное не угодно, и потому ни в чем земном, как не сродном себе, она покоиться не может.

Что ни давай ей земное, не будет довольна, все будет еще желать. Один Бог может вполне удовлетворить ее».

◊ Еще говорил: «Кто желает Царства небесного, тот богатства Божиего желает, а не Самого еще любит Бога».

Иногда, поощряя сестер на труды и подвиги, говорил: «Есть из чего потрудиться, возлюбленные. Должно быть, великое чтонибудь ожидает нас, если Сам Сын Божий Кровь Свою пролил для сего».

◊ Когда сестра жаловалась на скуку, старец отвечал: «Это от того, что Бога еще не любишь. Если невеста любит жениха своего, то ей с любимым ни нищета, ни беды, ни темница не тяжки; только тяжко ей разлучение с ним; а в разлуке с любимым ни богатство, ни радости не утешают.

Если любовь человеческая сие делает, то чего не сделает любовь Божия? Возлюбите Господа и вселите Его в сердца ваши — и тогда не будет скучно, но будете чувствовать всегда несказанную радость и сладость,

всегда будете жить в утешении духа. Сказано: вкусите и видите, яко благ Господь» (Пс. 33, 9).

— Да как же, отче, научиться любить Бога и вселить Его в сердце?

— Любите прежде друг друга о Господе, — отвечал старец, — ибо где любовь, там и Бог. И будьте смиренны и простодушны, ибо в простых сердцах Бог обитает: «Близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренныя духом спасет» (Пс. 33, 19). Впрочем, кто не познал и не вкусил любви Божией, тот подобен слепорожденному: сколько ни толкуй ему, какое светлое солнце, — не может вообразить, никогда не видав его; и если кто от роду не ел меду, как ни рассказывай ему, какая сладость во вкусе оного, все не может понять.

◊ Одна сестра была послана в Москву по некоторому обительскому делу и, возвратясь, говорила старцу: «Простите меня, отче мой, я могла бы вчера возвратиться, да не захотела праздник быть в дороге и осталась всенощную и обедню пробыть в Москве; но очень раскаивалась и смущалась духом и осуждала мыслями, оттого, что в том приходе, в котором случилось мне быть, не хорошо поют и много пропускают, и в два голоса, и не хорошо читают и спешат». — «Ты не хорошо молилась, — сказал старец Зосима. — Себя осуждай; ибо кто хорошо молится, тот не может замечать, хорошо ли, худо ли читают и поют. Если бы ум твой и сердце твое молились духом и истиною и если бы как странница стояла ты где-нибудь подалее в углу и как мытарь внимала бы только грехам своим и взывала бы с усердием: «Боже, милостив буди мне грешной», тогда недосуг бы было тебе следить за чтением и пением, а тем более не имела бы дерзновения осуждать и не возмущалась бы».

◊ Сестра со скорбью сердца говорила старцу Зосиме: «Что мне делать, отче мой? Очень я побуждаюсь невоздержанием языка, и когда много празднословлю, то всегда скучаю и жалею о том и полагаю в мыслях намерение исправиться, но опять то же делаю».

«Старайся помнить, — отвечал старец, — что сказал Спаситель: за каждое праздное слово отдадим ответ; и проси Его помощи. А когда опять согрешишь, проси у Него прощения. И Кто велел ученику до седмидесяти крат седмерицею прощать, Сам ли не простит согрешающих и к Нему прибегающих, с прошением помощи и прощения?»

«Иногда, — продолжала сестра, — говорю что-нибудь нужное, или даже душеспасительное, или с сестрами или и с мирскими: сперва духовная начнется беседа, а потом и не чувствую, как увлекусь в празднословие, или даже пересуды и осуждение, или в любопытство и тщеславие, даже с любопоказанием и прикрасою иное говорю, а после всегда так скучаю и унываю. Что мне делать? Не могу исправиться».

«Чтобы научиться хорошо и непогрешительно говорить, — сказал старец, — прежде надобно выучиться молчать. Я читал в старчестве, что баня, хоть как ни жарко натоплена будет, но если часто отворять двери в сени — остынет. Да и сткляницу с ароматами, если часто откупоривать, выдохнутся ароматы. И потому-то говорит святой Давид: „Онемех и смирихся, и умолчах от благ“ (Пс. 38, 3). Слышишь: умолчах от благ; предпочел лучше молчать, нежели благое говорить, и тогда: „Согреяся сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огнь“ (ст. 4). Ибо „и благая глаголати низше есть молчания с разумом“, — сказал Каллист Катафигиот (гл. 40). Хорошо молчание уст, а молчание ума выше сего, и на столько выше, на сколько душа выше тела. Однако пока мы в теле, оно должно во всем помогать душе, а потому невозможно достигнуть молчания ума, или премирной чистоты, то есть богомыслия, прежде исправления молчания уст с рассуждением. Для того-то и учит нас царь-пророк молиться: „Положи, Господи, хранение устом моим, и дверь ограждения о устнах моих“ (Пс. 140, 3)».

◊ — Я помню, отче, в прологе, — говорила сестра, — что один подвижник (авва Агафон. — Ред.) три года носил камень во рту, чтобы выучиться молчать. Благословите и мне что-нибудь носить всегда во рту, чтобы помнить и удерживать мой окаянный язык.

— Носи камень, Бог благословит, — сказал старец, — камень же наш Христос! И так старайся всегда иметь в устах молитву Иисусову, и лучше всякого камня она поможет не только в молчании, но и во всем исправиться. Что делалось редко и по особому смотрению Божию, то нам не пример, и за то не осудимся, если не сделаем, а что положено Церковью и правилами святых отец, о том надобно стараться, чтобы исполнять. Носить камень во устах никто из святых не заповедал, а иметь Иисусову молитву в устах, в уме и сердце сие предано всем хотящим монашествовать.

Да и всем христианам апостол Павел сказал: «Непрестанно молитеся» (1 Фес. 5, 17).

— Неужели же молчание Бога ради бывает не должное и не благословное? — спросила сестра.

— Бывает, — отвечал старец Зосима, — ибо преподобный Пимен говорит: «Иной человек, кажется, молчит, но в сердце своем осуждает других; — такой непрестанно говорит. А другой с утра до вечера говорит, а между тем соблюдает молчание, потому что он ничего не говорит без пользы». Да и Сам Господь сказал: «от избытка сердца уста глаголют». И царь Давид, который учит молиться: «положи, Господи, хранение устом моим», в благословное время говорит: «и устнам моим не возбраню». И потому-то премудрый сын его (Соломон. — Ред.) сказал: «всякой вещи

время». И так, если бы молчали все святые богодухновенные, как бы прославился Бог? Как бы проповедалась вера? Как бы люди пришли в познание закона Божия и Его заповедей? Как бы обратились и исправлялись грешники и все неверные? Сказано: иному дается Дух премудрости, поучать, проповедовать; иному Дух разума, размышлять, углубляться и молчать, — и все действует один и тот же Дух (см.: 1 Кор. 12, 8-11). Господь сказал в Евангелии: «от словес бо своих оправдишися и от словес своих осудишися» (Мф. 12, 37). Если бы мы помнили всегда присутствие Вездесущего, то и молчали бы и говорили бы все во славу Божию и не посмели бы ни говорить, ни делать что Ему не угодное. «Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся» (Пс. 15, 8).

Старец Агапит Задонский (1750–1825)

Старец Агапит (до принятия схимы в монашестве — Аввакум) был в Задонском монастыре келейником у святителя Тихона, а затем жил в келье схимонаха Митрофана.

Старец Митрофан искренно любил отца Аввакума за благоразумную строгость к себе и горячее усердие к Богу. Однажды будучи в духе озарения духовного, отец Митрофан, возложив на голову Аввакума обе руки свои, благословляя его, сказал: «Да почиет на тебе Божие благословение и мое схимонашеское… Тецы, брат, о Господе — да постигнеши небесное отечество, которое Бог обещал любящим Его! Доброе дело от доброго конца познается».

Этим благословением старец Митрофан пророчески указал на грядущие скорби и тесноту жизни, которые доведется перенести отцу Агапиту.

По возникшему от братии гонению, старец вынужден был оставить Задонск и поступил в Алексеевский Акатов монастырь (в Воронеже), и впоследствии перешел в Предтечев Трегуляев (близ Тамбова), где принял схиму с именем Агапита. Но жить и умереть в Задонском монастыре, где положил начало своему иночеству, было всегдашним желанием Агапита, и в 1817 году исполнилось его желание: он вернулся в Задонскую обитель.

Принял он схиму по особенному Божию призванию, о чем впоследствии рассказывал сам: «Любил я взирать на схимников, на их ангельскую жизнь, уединенную и высокую, и на их ангельское облачение, а сам восприять на себя схиму и думать не смел, считая себя недостойным и неспособным к сему трудному подвигу; впрочем, молился усердно, да будет со мною и в сем по воле Господней. Что же однажды во сне вижу? Благолепнейшую и величественную Деву и слышу от Нее: „Схима (такому-то) готова, да он не дождется ее, ты же прими ее“. А в это время, нужно сказать, представлен был к схиме некоторый иеромонах Трегуляевского монастыря, который, действительно, еще до разрешения на пострижение епархиального начальства, скончался. Между тем благословение архипастырское последовало и настоятель рассуждал с братией: кого посвятить в схиму? К удивлению моему, братия указала на меня. Когда объявили мне это, я с благоговением покорился воле Богоматери, изреченной устами настоятеля, и начал готовиться к принятию великого

ангельского чина. Помолившись и приняв благословение настоятеля, определил я себе сорокадневное говение. Двадцать дней провел без тягости — в молитве, без сна и пищи, но ослабел и, по совету настоятеля, скушав гривенную просфору, около фунта весом, и испив чашу воды, продолжал говение, которое только с помощью Божией совершил. Предпоследние дни были чрезвычайно тяжки: я весь горел, изнеможение одолело, я впал, так сказать, в забытье тонкого сна, и вижу опять оную Деву, Которая, напомнив мне о немощи моей, приказала с опасением и надеждой не на Себя, а на Господа Бога, приниматься за особенные подвиги, и произнесла: „Крепись и надейся на Меня“. Затем благословила подкрепляться пищею и питием. Подкрепленный таковым духовным утешением Богоматери и пищею, я уже бодрственно совершал говение. Так Богоматерь приветливо воззвала и благословила меня недостойного к подвигам жизни ангелоподобной. Это благодатное видение ободрило мой дух, укрепило во мне телесные упавшие силы, и я в радостном трепете пал тогда пред иконою Богоматери и излил горячую благодарственную молитву мою благой Утешительнице и Покровительнице всех христиан».

Старец был высокого роста, внешне казался суровым и строгим, но главными чертами его характера были незлобие и простота евангельская.

Никто не знал о железных веригах, которые носил старец на себе до самой кончины. Вериги опоясывали его наподобие диаконского препоясания орарем пред святым причастием и сжимали плечи, поясницу. На молитве старец, несмотря на вериги, совершал частые земные поклоны с изумительной и для молодого человека легкостью.

Почти всегда молитва его орошалась обильными слезами сокрушения, умиления и той крепкой веры, которая во всяких душевных состояниях, припадая к Спасителю своему, держится края ризы Его и вопиет: «Господи, хощу или не хощу, спаси мя!»

Воздержание отца Агапита было разумно строгое. В среды и пятки он ничего не вкушал, а в дни святой Четыредесятницы говел и по целым неделям. Сам упражняясь в воздержании, боголюбивый старец требовал того и от своего келейника и всем советовал, по крайней мере, не вкушать рано; ибо начало дня, говорил старец, должно быть сретаемо по долгу христианскому молитвенным возношением к Богу.

Однажды придя из церкви в свою келью, он взял просфору в левую руку и, прикрыв ее правой, сказал, обратившись к келейнику: «Кто предварил день молитвою и не завтракал, тот будет кушать благословенный хлеб». Келейник смутился при сих словах, но, желая оправдаться скрытностью, возразил: «А кто же завтракал?» «Лжешь, не так глядишь!» — отвечал отец Агапит. Когда виновный искренно признался в своей

невоздержности, он простил его и снова, во избежание своеволия, повторил ему заповедь свою, смиренно умоляя: «Господа ради не ешь рано до литургии, от сего ум будет светлее и тело здоровее… Скоты рано едят… Старца же не обманывай! Тогда благословение Божие пребудет с тобою во всю жизнь. Божественный дух истины, — присовокупил он, — влечет нас в рай — вечное блаженство, а преисподний дух лжи влечет в ад — вечную муку».

Отец Агапит обладал даром прозорливости. Так однажды пришел к нему какой-то чиновник, очень растолстевший, и едва мог пройти в узкую дверь кельи. Келейник, проводив его, сказал с улыбкой: «Экий толстый!», но старец иначе рассудил: «Толстый! Да; ибо горячей любви полный. Едва в келью зашел и зарыдал, слушает, вспоминает о жизни и льет обильные слезы, а мы с тобою тонкие, сухие, перепостились и нет слез о грехах. Никогда не суди по взгляду о ближнем, — присовокупил старец. — Не лучше ли каждому следить за самим собою и учиться познавать ближе самого себя?»

Добродетельная и подвижническая жизнь старца Агапита, несмотря на всю его скромность, была известна многим.

Множество паломников специально приезжали в Задонский монастырь, чтобы увидеть старца Агапита, принять от него благословение и услышать его душеспасительные наставления.

За восемь лет до кончины отец Агапит затворился в кельи по любви к уединению; впрочем, допускал к себе искавших его благословения.

Наконец старец, тщательно искавший Царствия Божия, приблизился к рубежу вечности. Он таял как свеча; дыхание его все более и более стеснялось; он все видимо слабел телом… «Кончина отца Агапита, как человека, отдающего свой долг закону природы, — по словам Георгия затворника, — была не безболезненна и очень томительна, но непостыдна, мирна, как смерть истинного христианина». Чувствуя приближение смертного часа, он благословил келейника своей иконой Божией Матери с обетованием, что Она не оставит его ни в сей день, ни в будущей жизни, только бы молился и жил богоугодно, и велел попросить к себе любимого своего духовника отца Димитрия.

Скончался старец 17 сентября 1825 года.

Духовные наставления

◊ «Видел некто из прозорливцев тайное некое зрелище и поведал мне, — писал старец Агапит. — Седящу де некогда мне, — говорил он, — в братском собрании, подошли ко мне два злые духа — тщеславие и гордость, и первый из них, подстрекая меня под бок перстом тщеславия, принуждал, дабы я при братии сказал что-либо о каком-нибудь мне видении или подвиге. Когда же я его от себя отринул, сказав ему: „Да возвратятся вспять и постыдятся хотящии ми злая“, — то вдруг сидящий по левую сторону дух гордости шепнул мне на ухо: „Прекрасно, прекрасно ты поступил, что победил моего отца, духа тщеславия”. Я же, к нему оборотившись, изрек те слова, кои после реченного мною стиха следуют: „да приимут абие студ свой глаголющии ми: благоже, благоже“ (Пс. 39, 15–16)».

◊ Иисус — пресвятое сие имя — о, коль есть сладко сердцу, любящему Его — Христа Иисуса! Иисус бо прилепляющемуся к Нему есть просвещение ума, красота души, здравие тела, сердцу веселие, помощник в скорбех, радость в печалех, врачевание в болезни, во всех бедах отрада, спасения надежда, и Сам той любителю Своему мзда и воздаяние.

Наставление о предсмертном напутствии, назидательное для священников и для мирян, умирающих в отсутствие священника

В самом исходе души от тела, тогда всем предстоящим, преклонше колена, опасно (внимательно) молитве прилежати достоит.

Иерей, или ин кто от предстоящих, влагает свещу возжженную в руку умирающего и, дондеже жив есть, придержит своею рукою; аще сам немощный не может держати, то ин кто от предстоящих да держит.

Посему умираяй да глаголет трижды: «Иисусе, Иисусе, Иисусе Сыне Божий, помилуй мя!»

Аще сам не может, то ин кто сие да глаголет. Таже: «В руце Твои, Господи Иисусе, предаю дух мой! Господи Иисусе, приими дух мой с миром! Госпоже моя Пресвятая Владычице Богородице, помощнице всему роду христианскому, избави мя воздушных мытарств, и умоли Сына Твоего, Христа Бога нашего, да приимет дух мой с миром».

И водою святою да кропит умирающего, глаголя: «Благодать Святаго Духа, освятившая воду сию, да избавит душу твою от всякаго зла»; также: «окропиши мя иссопом, и очищуся, омыеши мя, и паче снега убелюся; во имя Отца и Сына ж Святаго Духа, аминь».

Архимандрит Агапит Нило-Столобенский (1805–1860)

Преподобный Серафим Саровский был одним из учителей отца Агапита (Воинова) — когда старец, тогда еще совсем молодой послушник, пришел в Саровскую пустынь, преподобный в долгой беседе преподал ему правила иноческой жизни. Преподобный Серафим предсказал также, что он будет архимандритом.

Старцу Агапиту довелось послужить в Санкт-Петербурге, где во время холеры в 1831 году он ходил по городу для помощи больным. Посещая без разбора дома богатых и бедных, знатных и незнатных, старец везде встречал страждущих, которые малодушно оставлены были ближними без помощи и умирали в корчах и судорогах.

Жизнь отца Агапита в Ниловой пустыни была девятилетним непрестанным мученичеством, которое он выносил с христианским терпением и самоотвержением. Гнусная клевета преследовала старца, и только через два года он из этой грязной бездны вышел пред судом Святейшего Синода чистым и непорочным. Никто не слышал его жалоб, никто не видел его недовольным, печальным или гневным. Казалось, глубокий мир обитал в добром сердце старца Агапита.

Рассказывают, что один важный чиновник, приехавший в пустынь для дознания дела, узнал о строгой жизни отца Агапита и поспешил принять его благословение. Он с чувством обнял подвижника и, ощутив тяжелые вериги на его теле, тогда же обещал ходатайствовать за старца пред высшим начальством. Вскоре, как бы в награду за свое терпение, отец Агапит получил наперсный золотой крест.

Особенными добродетелями старца были нестяжательность, пост, молитва, милосердие, смирение.

Он подавал всякому просящему, никому не отказывая, и часто доходил до того, что, раздав все свое жалованье до последней копейки, просил у духовных чад рубль для подаяния нищим, которые всегда толпились вокруг него. Когда бывало много нищих, он клал в карман серебряные и медные монеты разного достоинства и подавал их, не разбирая, что кому попадет. Многие семейства были избавлены старцем от нищеты, от разорения,

нередко с пожертвованием значительных сумм. После его смерти стало известно, что старец тайно посещал бедные жилища и тюрьмы.

Только самые близкие к отцу Агапиту знали о его воздержании и посте. В первую и последнюю седмицу Великого поста он почти не принимал пищи — и при этом в положенные Церковью дни сам литургисал, продолжая литургию от четырех до пяти часов и говоря поучения.

Вообще жизнь старца была сокровенным, молчаливым внутренним деланием о Господе.

Он всегда являлся первый к церковным службам и нередко, упреждая очередного, сам читал за него полунощницу или часы. Благочиние, великолепие и продолжительность его службы утешали души богомольцев. Древнее трогательное столповое пение, которое он воссоздал в Нило-Столобенской пустыни, располагало к молитве и вызывало слезы. По лицу самого старца часто струились слезы, и он, как бы отрешаясь от всего земного, погружался в невидимое дивное созерцание. Нельзя было смотреть на старца без глубокого чувства умиления.

Особенно же умилительно было служение его в Страстную седмицу, когда он среди церкви читал святое Евангелие: в эти минуты по лицу его струились обильные слезы и от плача прерывался его голос.

Нередко, простояв на келейной молитве всю ночь, старец, при первом ударе к утрени, весело и бодро шел в храм, облачался для церковных выходов, читал и пел, и никому в голову не приходило, что он во все ночное время не смыкал глаз.

От ночных стояний на коленях его были затверделости; его ноги, черные и постоянно отекшие, были покрыты ранами. Но, несмотря на боль, он стоял иногда в служении Богу и человекам по восьми и более часов сряду, не садясь, не опираясь и не прислоняясь к стенке. Этот последний подвиг он усвоил себе, подражая преподобному Сергию Радонежскому, и исполнял его до конца своей жизни.

Страдал он также от вериг, но никогда об этом не говорил. И только прислуживавшие ему видали кровь на белье. Вообще он слабел телом и часто молча страдал, не прекращая своего служения Богу и человекам.

У старца Агапита было много духовных чад, он с пастырской кротостью и любовью принимал всякого желавшего принести чрез него покаяние Богу. При выслушивании исповеди кающихся старец плакал и от страха Божия изнемогал телом.

Ревностно занимаясь душами своих чад, отец Агапит назначал им по силе каждого молитвенные и другие правила, строго требуя их исполнения. Но никогда и ничего он не заповедовал, сам не испытав и не пройдя этого.

Он учил своим примером, и ему было горько, если его духовные чада не исправлялись или впадали в какой грех.

Старцу была присуща особая благодать Утешителя Духа, и он осиявал ею каждого приходящего и надолго укреплял дух его в подвигах спасения, в терпеливом несении креста, часто весьма тяжкого.

Духовные чада знали, что их духовного отца всегда можно разбудить, отвлечь от трапезы, прервать его отдых, что даже в болезни старец всегда поможет и утешит.

Замечательна была в отце Агапите еще одна добродетель: он никогда никого не осуждал, даже клеветников и своих врагов, и не любил слушать, когда другие при нем судили кого-либо.

Кроткий и смиренный, доверчивый, общительный и простой душою и сердцем, старец всех любил, всем прощал, всем был слугой, но и при этой простоте оставался настоятелем монастыря, имея твердый, основательный и непоколебимый характер. Уже ничто на свете не могло изменить его решений, если однажды, по воле Божией, принимал он на себя, для собственного спасения или для пользы человека, какое-нибудь иго, хотя бы оно оказалось тяжким и неудобоносимым.

Старец Агапит со слезами говорил и писал друзьям своим, что он грешнее всех человеков, что Господь только премудро скрыл от них грехи его, дабы они не соблазнялись ими и, потеряв к нему доверие, не пошли блуждать по непроходимым дебрям самости, да не сделались добычею врага. Он молился, чтобы умереть ему под гнетом страданий, и, считая себя недостойным христианского погребения, хотел, «чтобы псы или звери растерзали мертвое тело во очищение его души». Когда старец говорил это, у него струились слезы, а когда писал, листок был влажен и носил следы смиренного его плача.

Бедных паломников, приходивших в Нило-Столобенскую пустынь, старец Агапит принимал с отеческой приветливостью и любовью. В его гостиной, за его трапезой, в его экипаже часто видали нищих или странников в лаптях и грязном одеянии — были у старца и такие духовные чада. Иногда он оставлял их обедать, сажал за стол, где уже сидели почетнейшие гости, — и оказывал засмущавшимся беднякам особенное внимание.

Более чем за полгода до своей кончины отец Агапит стал часто напоминать о ней близким.

Собираясь ехать в Тверь, старец письменно пригласил некоторых близких к себе лиц приехать к нему проститься, чего прежде никогда не делал.

В дороге отец Агапит простудился, но перемогал себя и, до 2 февраля живя в архиерейском доме, несколько раз служил соборне с преосвященным архиепископом Гавриилом. В праздник Сретения Господня (в среду), преосвященный снова назначил его служить с собой в кафедральном соборе.

Отправляясь к служению, старец заехал в дом соборного священника, своего родственника. Заметив смертную бледность на лице отца Агапита и холод рук, бывшая там духовная дочь его со слезами умоляла его отказаться от служения и лечь в постель. «Нет, — отвечал отец Агапит, — я желаю и буду служить; ты сама знаешь, как благоговею я к служению архипастыря, а эта литургия, может быть, последняя в моей жизни».

После литургии он возвратился к тому же священнику и в ту же минуту слег в постель: у него открылся жестокий тиф. Как вся земная жизнь его была одно тихое, молчаливое перенесение страданий, так тихо и молчаливо кончил старец и последние дни свои: не произнес ни одного нетерпеливого слова, не показал даже знака нетерпения и не требовал ничего у служивших, но лежал молча и молился.

Позвали доктора, чтобы он снял вериги. «Завтра снимете», — сказал страдалец, не хотевший и при кончине снять бремя, возложенное им ради Господа и спасения души своей. — «Завтра будет поздно, — сказали родные и друзья: — позволь нам снять теперь». «Ну, как хотите», — согласился старец. Но вериги были заперты. На вопрос, как они отпираются, старец сказал, что не знает. Тогда позвали слесаря, и слесарь распилил железо. Вериги были сняты или, точнее, сорваны с кровью и с кусками тела, в которое вросли. Ужас и жалость охватили окружающих, даже врачей, привычных к кровавым операциям. Старец попросил, чтобы вериги положены были с ним в гроб (что и было исполнено).

На следующий день, в пятницу, 4 февраля, старец, после соборования и испрошения прощения у священнослужителей, обратился к предстоящим и, осенив всех знамением креста, сказал: «Бог да благословит вас всех», потом опустился на постель и начал тихо кончаться.

Духовные наставления

◊ Все мы люди — семья Божия, все мы дети единого Отца, все мы члены Господа Иисуса, и потому, распаляясь любовью Божиею, я желал бы слить весь род человеческий в одно целое, дабы прижать это целое к груди моей и умереть за спасение его в лютых пытках муки.

◊ Опытно знаю, что умеет Господь наш Иисус Христос утешить нас, успокоить и возвеселить; а что мы неутешны, в том виноваты сами.

Стоит только в скорби из глубины души сказать вместе скорбящему с нами Господу вашему Иисусу Христу: «Господи! Ты мой помощник!» — Он тотчас же поможет. Мне грешнику Он всякий день, тьмочисленно и при всяком скорбном случае милосердно помогает.

◊ Господь наш сказал: «Блажени будете, егда возненавидят вас»: почему же нам не терпеть обид от других? Всякий бы любил нас, ежели бы Господь видел, что мы, любимые от всех, спасемся. А как многих из нас Господь спасает чрез скорби, то и должны быть такие люди, чрез которых бывает нам скорбь. Однако ж нам не следует винить их, потому что не они навели на нас скорбь: она определена для нашего спасения Самим Господом. Следовательно, мы не остались бы без скорби, когда бы оскорбляющих и не было.

◊ Занимаясь спасением своей души, — говорил старец, — променяй благородство твое на рабство Иисусу Христу и будь всем слугою; не отказывайся во всякое время послужить кому бы то ни было, не жалей ни силы, ни здоровья, ни покоя, благотвори, чем можешь, членам Христовым — всем христианам; утешь всякого, нуждающегося в твоем утешении.

◊ Смирение в том и состоит, когда человек считает себя грешнее всех, никого не унижает и не осуждает, внимает лишь себе, не ищет богатства, похвалы, славы, чести, считая себя вовсе недостойным этого; когда мужественно терпит уничижение, брань, укорение, признавая себя в сердце своем заслужившим это; когда со всеми обходится радушно и всякому готов служить с любовью; когда не видит добрых своих дел и не говорит о них без нужды.

◊ Советую вам усвоить одно из моих правил, которое давно уже возлюбил я и взял на себя.

Это правило: подражать псу, который, если хозяин замахнется на него палкой, бежит прочь; а если приласкает, бежит к нему.

Так делаю и я: если человек прогоняет меня от себя злобою, недоверием и тому подобным, то поневоле отхожу от него; а стоит ему

взглянуть на меня с любовью, и я тотчас забываю обиду и бегу к нему, как к сыну.

Это я усвоил себе, потому что всякий раскаивающийся в дурных поступках, по милости Божией, столько мне мил, что и изъяснить этого не умею.

◊ Диавол может пленить только того, кто добровольно отдается ему в плен, оставив смирение, любовь и молитву; а вооруженного сими тремя добродетелями он боится и трепещет.

◊ Мы живем в благословенном царстве Отца и Сына и Святого Духа, в благодатном царстве Христа, победившего власть диавола и давшего нам силу побеждать его сказанными добродетелями — любовью, смирением и молитвою, — хотя, по испорченности нашей в праотце Адаме, нельзя нам много надеяться на себя и слишком доверять себе.

◊ Будьте великодушны, когда наносят вам обиды; не бойтесь ни порицаний, ни поношений, ни насмешек; не слушайтесь внушения злых своих помыслов, не убегайте отеческой строгости и не бесчестите благого ига смирения дерзостью самоугодия и своенравия, но, положив в сердце своем то слово Господне: «Претерпевый до конца, той спасен будет», с терпением теките на предлежащий вам подвиг послушания, «взирающе на начальника веры и совершителя Иисуса».

◊ Не считайте себя достойными получать от отца вашего исполнение всех своих желаний и прошений: он, при Божией помощи, лучше вас понимает, чего вы достойны, и лучше знает, что для вас сделать и в чем вам отказать.

◊ В минуту отчаяния знайте, что не Господь оставляет вас, а вы — Господа.

◊ Во имя Божие, вот как приказываю вам жить. Когда вы бываете одни, хоть бы и скорбно вам было, хотя бы и не хотелось, — всегда мысленно сердцем вашим призывайте Господа Иисуса Христа, живущего в душе вашей и ожидающего от вас призвания.

Если придут вам на память ваши родители, то просите у них благословения, просите и им у Господа Бога милости, и верьте, что и вас и их Господь не оставит, и что благочестивая ваша жизнь и молитва может помочь им на пути ко спасению.

Если взбредет к вам в голову вопрос: какова будет ваша будущность, то отвечайте, что она будет такая, какой будете достойны.

У послушников Христовых в предмете должна быть воля не своя, а Божия, которая и апостолам и нам воспретила исследовать будущее, которое Бог положил в Своей власти.

Если живете вы с другими, то служите им, как Самому Богу, — не требуйте за любовь любви, за смирение похвалы, за службу благодарности.

Чем можете соблазнить или оскорбить живущих с вами ближних, того отнюдь не делайте; а если они оскорбят вас, смотрите на это не как на оскорбление, а как на приготовленное вам от Господа Бога орудие, которым, если хотите, можете потребить в себе всякую нечистоту сердечную.

Прежде нежели что скажете или сделаете, рассудите, не оскорбит ли ваше слово либо дело Бога или ближнего.

◊ Не судите чуждого раба, стоящего и падающего: у него есть Бог, сильный удержит его от падения и восставит по падении.

◊ Всевозможно берегитесь осуждать или осмеивать в ближнем как телесные, так и душевные недостатки: почему вам осуждающим знать, что вы пред Богом лучше осуждаемого вами?

С большими недостатками в словопроизношении был Моисей, вождь Израильский; но и при этих недостатках украшался именем друга Божия. Худо делал разбойник, за дурные дела свои распятый одесную Господа; однако ж он первый вошел в рай.

◊ Вспомните, что та минута, которую отнимает у вас лень, есть, может быть, последняя минута вашей жизни, а за ней смерть и суд.

◊ Оставьте негу; не огорчайте никого и не платите бранью за брань, скорбью за скорбь — и в книге животной имя ваше будет написано с преподобными.

◊ Любовью моею умоляю вас, благоговейно поступать с родителями.

◊ Если люди коснутся вашего самолюбия и гордости, признавайте их, кто бы они ни были, за посланных от Бога обуздателей душевного вашего порока, и потому не сердитесь на них, а благодарите Господа, что Он, милосердный, доставляет вам благоприятный случай к приобретению смирения.

Больные не бранят своих операторов за то, что они вырезывают зловредные язвы из тела их, но хотя с прискорбием, а переносят болезнь свою: так и вы, творя молитву Иисусову, как бы ни тяжко вам было переносить обиду от касающихся вашего самолюбия, переносите ее, не вооружаясь на них, — и Бог да благословит вас идти в след Иисуса Христа и нести крест Его.

◊ Прекрасные розы распускаются на колком кустарнике: так сладостные утешения суть удел того, кто идет в след Иисуса Христа и несет крест Его.

Принадлежите Ему смирением, терпением, любовью; всем будьте слугами, всех прощайте, всех любите, и всегда и везде будете утешены; утешение дается в награду, а даром никогда.

◊ Прошу вас, други мои, не презирайте никаких средств, которыми можете угодить Господу Богу; а таких средств множество, как то: ласковое обхождение с людьми, утешение печального, успокоение рассерженного, заступление обиженного, подаяние неимущему, отвращение очей от дурных предметов, противостояние дурным помыслам, понуждение себя на молитву, терпение, милосердие, справедливость и прочее тому подобное.

Исполнение этих священных добродетелей привлечет к вам всесильную помощь Господа; а с нею вы одолеете все трудное, прежде казавшееся невозможным к преодолению нашими силами.

◊ Всячески остерегайтесь на что-нибудь сердиться; всякая неприятность не сама по себе постигает нас, но допускается промыслом Божиим, для тех же спасительных целей, для коих святого апостола Павла постигали «беды в реках, беды от разбойник, беды от сродник, беды от язык, беды во градех, беды в пустыни, беды в мори, беды в лжебратии, внеуду брани, внутрьуду болезни» (2 Кор. 11, 26).

Зная это, не обращайте внимания на то, кто обидел вас и за что обидел, а только помните, что никто не осмелился бы нанесть вам оскорбления, если бы не Господь восхотел допустить это, и потому благодарите лучше Господа, что постигающими вас скорбями Он ясно показывает, что вы Ему не чужие, и ведет вас в Царствие небесное. Писание святое глаголет: «аще наказание терпите, якоже сыновом обретается вам Бог; который бо есть сын, егоже не наказует отец?» (Евр. 12, 7).

◊ Оставляйте свою серьезность и будьте пред Господом в обхождении с людьми, как дети незлобивые.

◊ В любви Божией пребывайте, ей учитесь, ею дышите. Бог есть любовь, и кто в любви пребывает, тот в Боге и Бог в нем. И в скорбной жизни сладко жить с Божией любовью.

◊ Не говорите ничего без благочестивого рассуждения, без благочестивых целей.

◊ Не в многоглаголании состоит спасение, а в совершенном внимании себе.

◊ Отвыкайте от споров: они, возмущая сердце, лишают нас мирного состояния души. Всякой вздорной мысли противоставьте молитву Иисусову. Не верьте предрассудкам.

◊ Подозрение совсем не христианское свойство, а потому и не усваивайте его. Мудрости же, непорочности и осторожности требует от нас Сам Бог чрез святое Писание: «Будите мудри яко змия, и цели яко голубие». Всегда держитесь средины; крайности нигде и ни в чем не похвальны.

◊ Спасайтесь понуждением себя ко благому.

Всегда будьте преданы воле Божией, всецело для нас спасительной.

◊ Я уверен, что вы будете обходиться с ближними весело и любовно. Любите их, служите им; они дороги, за них пролита кровь Спасителя, они члены Христовы — не оскорбляйте их даже едва заметным знаком.

Я за высшее для себя служение почитаю быть рабом всех христиан; подражайте мне в этом и вы, чада мои, и утешите душу мою.

Спасайте себя благоугождением пред Господом Богом, благоугождая Ему всеми видами любви. О том только и заботьтесь, чтобы обогащаться любовью; в ком есть любовь, тот имеет в себе Бога.

Заметьте, что вы тогда только бываете вполне довольны всем, когда имеете терпение, смиренномудрие, покорность и ко всем любовь.

◊ Не вспоминайте в упрек (другим) о прошедшем; иначе Господь Бог вспомнит и взыщет с вас то, что уже простил вам.

◊ В унынии заставляйте и сердце и язык ваш молиться так: «Господи, спаси мя, погибаю».

◊ В минуту неблагочестивых мыслей, молитесь так: «В бездне греховней валяяся, неисследную милосердия Твоего призываю бездну: от тли, Боже, возведи мя» (ирмос 2-го гласа. — Ред.).

◊ Если кого просите о чем-нибудь, то просите с терпением жены хананейской.

◊ Доверять чужие пороки есть грех; посему избегайте такой греховной доверенности.

◊ Делайте все с разборчивостью, не спеша, чтобы дела ваши были кстати.

◊ Злое побеждайте добром. Худого худым исправить нельзя.

◊ Если представится вам нужным сделать какое-нибудь правильное замечание старшим, то сделайте это с предварительною молитвою и глубочайшим смирением. С кем мы живем, теми Господь Бог и наказывает и спасает нас. Поэтому не гневайтесь ни на кого, кто оскорбляет вас, но при каждом оскорблении, миновав оскорбителя, обратитесь прямо к близ пребывающему Господу Богу и скажите: «Знаю, Господи, что грехов имею множество, и что Ты за грехи мои достойно наказываешь меня. Итак, накажи меня, Господи, накажи в этой жизни, но помилуй в будущей».

◊ Без отречения своей воли нельзя положить и начала спасению, не только спастись. Испрашивайте же себе у Господа самоотречения, чада мои; оно пренеобходимо ко спасению.

◊ Если вздумаете навестить ближнего, то при посещении его положите себе за непременную обязанность сохранить к нему ту же любовь и то же расположение, с которым вошли к нему, хотя бы и получили от него какое-либо оскорбление.

Во всякой случившейся неприятности при общении с ближним, обратитесь прежде к себе: по строгому исследованию мы почти всегда находим, что сами были причиной неудовольствия.

◊ В минуты вспыльчивости молчите и внутренне говорите молитву Иисусову.

◊ Не оправдывайтесь, не спорьте, снисходите к характерам и летам. Утешайте всех и каждого чем можете, не осуждайте никого, не платите за зло злом, всех любите, всех прощайте, всем будьте слугами.

Себя считайте последними и грешнее всех.

◊ Любите Господа Бога, молитесь Ему как Отцу, смиряйтесь пред всеми христианами, и возлюбит вас Господь Бог ваш, и возрадуется о вас ваш пастырь.

◊ Оправдайте мою надежду на вас, чада мои, переносите непонятливость, бестолковость, невежество, напрасный гнев, без прекословия.

◊ Будьте ревностными хранителями заповедей Божиих и отеческих, хотя бы сохранение их стоило вам не только здоровья телесного, но и расстройства душевного: это расстройство тотчас заменится неожиданным мирным состоянием души.

◊ Когда возымеете к кому-нибудь невольное чувство неприязни, старайтесь победить это греховное чувство; заставьте себя так молиться: «Спаси, Господи, раба Твоего и святыми его молитвами умири сердце мое», и принудьте себя оказывать нелюбимому вами человеку всякого рода внимание и услуги, и Господь, видя доброе ваше намерение, не только вырвет из сердца вашего греховную неприязнь, но и наполнит его святой любовью.

◊ Если не утешает вас молитва при исполнении ее, то знайте, что она готовит вам Божественное утешение и сладость вскоре по исполнении. «Терпя потерпех Господа, и внят ми».

◊ Во всю свою жизнь, пред каждым своим действием, руководитесь следующим христианским рассуждением: задуманное мною действие не противно ли Господу Богу, не губительно ли оно для спасения души моей, не обидно ли для ближнего моего? Если, по строгому исследованию, совесть не зазирает вам, то намерение свое приводите в исполнение; а когда зазирает — удержитесь от исполнения.

◊ Не касайтесь языком своим чести ближнего, но свой язык употребляйте только на славословие Божие, и на чью-либо пользу или назидание. А если уже непременно захотите злоречить, то вспомните грехи, соделанные вами от юности, и порицайте себя за то, что вы сделали их: порицайте глаза свои, что они видели чужие слабости и тем приводили вас к

осуждению; порицайте уши свои, что они слушали неполезное и греховное; порицайте язык свой, что он произносил праздный и богопротивый грех, что осуждал, порочил, укорял ближнего, что роптал на Господа; порицайте свои ноги, что они шли на совет нечестивых и стояли на пути грешных (см.: Пс. 1, 1); порицайте свои руки, а более всего укоряйте окаянную и необузданную свою волю, потому что она есть настоящая виновница всех ваших грехопадений.

◊ Не тяготитесь жизнью; она несносна только для злочестивых, а кто верует в Иисуса Христа, уповает на Него и любит Его, для того она всегда сносна. Это можно видеть на разбойнике, который распят был одесную Иисуса Христа: он был весь скорбь и болезнь, но рассуждал как во дни мира и благополучия. Не говорите же: я не люблю жизни — этими словами вы незаметно для себя самого говорите Иисусу Христу как бы так: ненавижу я Тебя, пострадавшего за нас, и небрегу о приготовленном мне Твоими страданиями вечном блаженстве. Жизнь дана нам только для того, чтобы мы славили Бога, благотворили ближнему и достигали вечного Царства указанным в Евангелии узким путем, а не для того, чтобы веселиться в ней. «Блажени плачущии ныне», а не смеющиеся.

◊ Если, нарушая заповеди Божии, вы когда-нибудь осмеивали ближнего, издевались над его слабостями, осуждали его за грехи и пороки, ненавидели и злословили, и если за это, как нарушители и преступники заповедей Божиих, сами терпите от Господа, чрез кого-нибудь из ближних, поношения, озлобления, клеветы и ругательства, то хулителя своего не считайте врагом своим, а любите его как брата и очистителя ваших беззаконий. Пусть бы не чрез него Господь достойно наказал вас, так наказал бы чрез одного из своих ангелов, как древле послал наказание нечестивым содомлянам. Положим, что, живя по заповедям Божиим, вы никого никогда не оклеветали и не оскорбили, а вас оскорбляют: вспомните, однако ж, что этот мир есть место, где не только вы, но и Сам Господь наш Иисус Христос скорбел, тужил, был осмеян, оплеван, изранен, избит и распят; и помня это, не сердитесь на своих врагов и озлобителей, но жалейте их и молитесь за них, ибо они подлинно достойны сожаления, потому что «не ведят, что творят». О, если бы знали они, несчастные, что творят волю диавола, то, конечно, отстали бы от дел своих!

Не отрывайте же их от любви своей за неведение, но молитесь за них, как за людей, находящихся в прелести и близких к гибели.

◊ Смирение получило свое начало от смирившегося Господа Иисуса, и есть венец и красота всех добродетелей: что засохшей земле дождь, то человеческой душе смирение.

◊ Смирение есть такая добродетель, которою любуется Сам Бог. «На кого воззрю? — говорит Он, — токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих» (Ис. 66, 2).

Подобного смирения я испрашиваю вам у Господа Бога, чада мои, потому что оно не только избавит вас от греха, но и приведет в любовь к Тому, Кто «смирил Себя до смерти, смерти же крестныя».

◊ Проезжая селение или дом, положите на себе знамение креста с молитвою: «Господи, спаси жителей сих, и по молитвам их помилуй меня грешного»; потом молитесь пред святыми иконами в домах селения и говорите: «Вам, святии Божии, поклоняюсь и прошу, помилуйте меня грешного и сохраните в пути сем во всю жизнь мою». При входе в чей-нибудь дом, прежде поклонитесь пред иконами, там находящимися, а потом уже приветствуйте хозяев. То же делайте и при выходе из дома.

◊ Если вы будете печальному утешением, несчастному облегчением, бедному помощью, сироте отцом и матерью, больному упокоением, врагу доброжелателем, слуге милостивцем, заблудшему руководителем ко спасению и всякому христианину усердным по возможности служителем, то за такую любовь вашу к меньшим братиям и членам Иисуса Христа, не только изгладятся ваши грехи, но и узрите вы Господа лицом к лицу и возрадуетесь во веки.

◊ Полагайте на уста хранение, упражняйте сердце в молитве Иисусовой, прилежите всякого рода воздержанию — и получите дар бесценный, дар любви Божией к вам.

◊ Жилищ и мест, благословенных Церковью, не избегайте, и если должны быть в них, то будьте с молитвой. Напротив, гнушайтесь мест, Богу ненавистных, каковы: театры, балаганы, дома нехристианских увеселений и собраний, маскарадов и прочих богопротивных и недостойных христианина зрелищ, — этих мест, говорю, убегайте как идольских капищ, потому что в них приносится жертва диаволу, а не Господу нашему Иисусу Христу.

◊ Так живите в этом Вавилоне, мире сем, чтобы беспрестанно памятовать свой горный Иерусалим и свое предназначение.

◊ Променяйте благородство ваше на рабство Иисусу Христу. Неге противьтесь, роскоши избегайте, и не превозноситесь над вашими рабами — в высшем они с вами равны, потому что Господь наш призывает и их к святой Своей трапезе теми же словами, как и вас: «Приимите, ядите: сие есть тело Мое; пийте от нея вси: сия есть кровь Моя, яже за вы и за многия изливаемая», и прочее.

◊ Нижние долины всегда почти бывают тучны и плодоносны; а высокие горы большей частью сухи и не способны к плодорождению. Равным образом, который колос держит вверх голову, всегда бывает пуст, а который

стоит поникнув, в том много зерен. — Имейте сердце смиренное — и обогатитесь всем нужным ко спасению.

На долину плодоносную дождь льется и прямо с облаков, и с высоких гор: таково смирение. Под именем дождя я разумею благодать Божию, которая дается смиренным и непосредственно от Бога, и чрез людей, вознесенных Господом в сей жизни духовно, как вознесены горы. Если внутреннее ваше будет смиренно отдано в волю Божию и заперто для входа врагам его, то приидет к вам Утешитель Дух Святой и вселится в вас.

◊ О пространном пути забудьте; Господь, по милосердию Своему, ведет вас вратами тесными в Царство небесное, а тот приведет в пагубу вечную.

И вам, и себе желаю в этой жизни только очищения от грехов и прошу Господа Бога, чтобы Он все то соделал с нами, чем угодно будет Ему очистить грехи наши и омыть беззакония, хотя бы для сего нужно бесчестие и бесславие. — И вам и мне должно жить по заповедям Божиим, а не по толкам людей.

◊ Для пользы своей души любите уединение и, покорившись совершенно велениям отца, приучите свое сердце к непрестанной молитве Иисусовой. От внутреннего пребывания в вас Господа Бога вы сделаетесь во всем терпеливее, любвеобильнее и смиреннее.

◊ Не дела собственно спасут нас, а милость Божия, которой вас, моих другов, поручаю во все дни живота вашего. Слабы ли вы, дурны ли — все прибегайте к милосердному Господу Иисусу Христу и надейтесь на Него крепко. Эта надежда не посрамит вас во веки.

◊ В мире мир теснил и ненавидел и Создателя мира Господа Иисуса. Не о сладчайшем ли Господе нашем Иисусе Христе гласит святое Писание: «Сын человеческий не имеет, где главы подклонити… Во своя прииде, и свои Его не прияша?» Да, мир постоянно и жестоко гнал и преследовал Его в земной жизни; постоянно и жестоко преследует и подражателей Христовых. Мир коварен, злобен, любостяжателен, горд и притеснителен. Пусть же он и обходится с нами по губительным своим правилам.

Иеромонах Адриан Югской Дорофеевой пустыни
(1800–1853 |

Старец Адриан (в миру Андрей Семеновский) начал свой монашеский путь в Адриановом Пошехонском монастыре, где был в послушании у старца Иннокентия. В 1826 году он принял постриг, вскоре был рукоположен во диакона, а затем — во иеромонаха. В обители он нес послушание гостиничного, а затем казначея.

Отец Адриан всегда вставал с восходом солнца и даже раньше. В продолжение нескольких лет он круглые сутки ежечасно звонил в часовой колокол, порой влезая на колокольню, порой за веревку. Этим упражнением он научился бдению: сон его был краток и легок. Часто он спал то стоя, то сидя на стульчике. Когда раз прочитал, что преподобный Серафим спал на локотках, он воскликнул: «О, если бы и нам выучиться так спать. Те, кто попали в рай, немного спали». Он спал только тогда и столько, когда и сколько того требовали или изнуренная плоть, или ум, истомленный напряжением молитвенным и размышлениями о прочтенном.

Проводя время в молитве домашней и церковной, старец Адриан много времени посвящал чтению слова Божия и отеческих писаний. Постоянно читая слово Божие (в частности, ежедневно прочитывая всю Псалтирь), он особенно любил читать и выучивать наизусть Новый Завет. «Добротолюбие», Четьи-Минеи, Прологи — были его ежедневным чтением. Особенно старец любил «Лествицу» святого Иоанна.

Отец Адриан возлюбил пост с самого начала иноческих подвигов и был ему верен до смерти. В стеклянной банке старец смешивал в воде ржаные сухари, немного овсяной муки, солод; все это неделями хранилось в ней, и — что замечательно, не портилось. Этим раствором он и питался. Но даже и его старец отмеривал на своих специальных весах.

С молодости соблюдший себя в целомудрии, старец до последних сил боролся с плотью и нередко пешком хаживал в Пошехонье для молитвы у чтимого им образа Спасителя. В одну из таких отлучек он отморозил себе ноги и долгое время пробыл для излечения у своих знакомых. На ногах у него вскоре, как их оттерли, появились волдыри, началась сильная ломота, опухоли; потом открылись раны. Около шести недель пробыл старец Адриан в Пошехонье у соборного диакона. Все время болезни он был в самом радостном состоянии духа; его речи были поучительны тем, кто за

ним ухаживал, но еще более поучал он безропотным и радостным перенесением недуга.

После этой болезни старец уже открыто вступил на путь служения спасению ближних. И это служение продолжалось до дня его смерти. К старцу шли богатые и бедные, крестьяне и дворяне, и старец принимал всех одинаково. Нередко он провожал за стены обители бедняка-богомольца и, беседуя с ним, сам нес его убогую сумочку.

Широко и далеко разносилось слово старца Адриана. Его советы и наставления, письма, а после смерти, и портреты его по многим городам и селам благоговейно хранились в рамках и под стеклом, и в трудные минуты эти наставления, а порою и один вид старца приносили и утешение, и вразумление, и вселяли бодрость в несении жизненного креста. При жизни старца многие не только простые люди, но и из дворян и помещиков оставляли свои родовые заветные гнезда и поселялись вблизи старца: то в слободе, то в монастырской гостинице, и жили в подвигах поста, молитвы и чтения слова Божия и аскетических писаний под опытным руководством старца, восходя в делании духовном на высокие степени благодатного устроения.

Немало времени провел старец Адриан в подвиге сбора средств для обители. Но эти материальные приобретения были лишь слабой тенью того, что этим странствованием приобрел подвижник для небес и для своей души. Это странствование было временем новых подвигов и еще более широкого служения людям.

Это время было для него временем молитвы и поста. Он молился в пути: в лесу, в полях, а в зимнее время близ дорог он выкапывал своими руками ямы в снегу и до пота молился в этих снежных пещерках. На лошадь в пути не садился, а шел или несколько впереди или сзади, в молитвенном самоуглублении. В холодной одежде и обуви, старец Адриан, когда приезжали в деревню и спутники его скорее забирались на теплую печь, спешил на двор. Так, где-либо в закоулке, незаметно он становился на молитву и поклоны; там он так усердно молился, что, несмотря часто на крепкий мороз, приходил поздно, весь в поту. Во все время нахождения в доме он входил с глубоким участием в нужды хозяев и служил им молитвой за них и советами. Несмотря на пребывание в домах мирян, он хранил свой суровый пост неопустительно и питался хлебом с водой или чаем. Притом за столом он так увлекал беседой слушателей, что те и не замечали, что старец умудрялся посидеть и ничего не вкусить. Приезжая в село или город, он искал дом не только бедный, но и пользовавшийся самой дурной известностью в том месте. Проводя в таких домах то несколько дней, то

несколько недель — в городах, он незаметно так влиял на хозяев, что те скоро исправлялись.

Много добра, много семян слова Божия заронил старец Адриан во время своего хождения по сбору. Много семейств облагодетельствовано им нравственно в это время. Неудивительно, что и переписка старца разрослась после этого, и число его по читателей стало еще более. Его после этого стали почитать не только отдельные лица, но, можно сказать, и целые города.

Когда отца Адриана хотели сделать настоятелем обители, он принял на два года на себя подвиг юродства. В эти годы старец более всего находился в лесу и там молился, питался же то дягилем, то верхушками молодых деревьев. Ходил в рубище.

Отец Адриан имел много духовных чад. Он приучал их к строгому посту, подвижничеству. Чада старца составляли как бы особое семейство. Они отличались особенной любовью и скромностью, чистотой нравов, глубочайшей кротостью, смирением и покорностью во всем Богу, неутомимостью в трудах, усердием к молитвам, любовью к чтению Священного Писания и отеческих книг.

«Поразительно было искусство старца, — рассказывал один из его духовных чад, — приучать людей к любви и смирению христианскому.

Никакой характер, никакая быстрота ума, никакая гордость и самонравие человеческое не могли устаивать против мудрых распоряжений старца, — все благоуспешно направлялось им к желанному концу смирения и любви христианской. Старец обладал необыкновенным искусством и мудростью облегчать и смягчать жестокости и трудности указываемого им пути подвижничества и строгости жизни духовной делать любезными и приятными в глазах предавшихся его руководству; иго Христово, при его внимании и руководстве, казалось для них благом, и бремя Его — легким».

Для научения смирению некоторым из дворян, пришедших к старцу учиться духовной жизни, старец поручал жать, ставил прислуживать, заставлял носить старую и рваную одежду.

Новый настоятель Адрианова Пошехонского монастыря, игумен Сергий, который возглавил обитель после кончины благоволившего к старцу игумена Иринея, не мог понять старческого служения отца Адриана и с самого начала своего настоятельства стал относиться к подвижнику недоверчиво, запретил принимать народ, и разрешил это только после того, как многочисленные духовные чада стали донимать его.

Сам старец, видя большое смущение среди братии из-за себя, смиренно решил уйти из обители… «Кто я такой, — говаривал он, — что из-за меня, убогого, смущается настоятель и братия святой обители?»

В 1851 году отец Адриан переходит в Югскую Дорофееву пустынь. Здесь отец настоятель Варфоломей разрешил старцу принимать богомольцев, вести обширную переписку.

Два с половиной года прожил в этой обители старец Адриан.

Он с радостью встречал жаждавших очиститься от грехов в покаянии, скорбел глубоко о нераскаянных и всех умолял жить благочестиво. Когда к старцу приходили люди, желавшие исповедаться, но не решавшиеся открыть грехи, он, по присущему ему дару прозрения, сам, говоря как бы примерно о другом, открывал пришедшему всю его жизнь, так что тот уже не видел ни смысла, ни даже возможности скрываться; являлась у него решимость открыться. И такой успокаивался, принеся чистое покаяние, и уходил радостный и мирный от благодатного мужа.

Сам же отец Адриан время проводил по-прежнему в подвигах бдения и поста. Молитва его была столь постоянна и напряженна, что волосы от пота сбивались в одну как бы шапку, рубашки от пота истлевали в несколько дней; вкушал также только хлеб то с водой, то с водой и уксусом и чаем.

Но и здесь враг не оставил его в покое. И здесь скоро нашлись среди братии ненавистники подвижника и злословили его всячески: называли его сумасшедшим, его преданных учеников малоумными, называли его ханжой, хвастуном, обманщиком, лакомкой, бесполезным для обители человеком,

которому только ходить да чай пить с богомольцами. Но это шипение злобы шло втихомолку.

Только одно время, когда отец Варфоломей был вызываем в Соловецкие настоятели и ездил в Петербург отказываться, а настоятелем был гонитель старца Адриановский настоятель игумен Сергий, злоба эта прорвалась наружу, и снова начались было притеснения старца, но это было недолгое время: когда возвратился отец Варфоломей, старцу снова дали покой и свободу в приеме богомольцев.

Сам же старец, зная и видя вражду против себя, смиренно переносил все: никого не осудил, ни на кого не пороптал, никого ни в чем не обвинял; и только говорил соболезновавшим ему, чтобы усерднее молились за него Богу, и часто повторял: «Конец моей жизни все скажет». И усиленно предавался молитве в храме и в келье.

Старец чувствовал конец своего земного жития и в последний год жизни часто, то явно, то прикровенно, говорил о своей кончине. «Не теряйте времени, — говорил он, — спрашивайте меня обо всем, торопитесь, я уйду от вас. Меня переведут в другую обитель, где келья в темной пещере (то есть могила). Если не найдете себе истинного друга-руководителя духовного, изберите себе другом „Добротолюбие“ и крепче его держитесь. Я душевно рад был послужить всем во славу Божию, но слаб стал: сегодня я жив, а завтра меня может уж не быть, так и держитесь крепче, Добротолюбия“».

4 июля 1853 года он принял в последний раз почту, а с 13 июля приступил к неусыпной молитве, не вкушая пищи. Он молился до самой кончины, почти ежедневно ходил в церковь, водимый уже под руки. 23-го числа он, изнемогший уже совсем, вышел, однако, в братскую трапезу и там у всех испросил себе прощение; обессиленного его уже под руки отвели в келью.

Глубокое покаяние охватило братию. Духовник обители после исповеди старца со слезами говорил: «Что это мы делали? Как мы много ошибались насчет батюшки отца Адриана! О, мы были в великом искушении относительно великого человека, необыкновенного подвижника… То-то наша гордость и беспечность! Хотя бы немного нам уподобиться ему в душе!» Скончался праведник 7 августа 1853 года, в пятницу, в первом часу дня.

Погребен старец Адриан в Югской пустыни, напротив алтаря соборной церкви. В 1941 году пустынь была затоплена искусственным Рыбинским водохранилищем.

Духовные наставления

◊ Когда старцу жаловались, что не дают покоя помыслы отчаяния и неминуемости вечной погибели, старец Адриан говорил:

«Не робей, мой друг. Это — вражия мечта из зависти христианскому доброму твоему началу в благочестивой жизни! Ты думай о себе так и понимай себя так, как если бы ты сейчас родился и знать никого и ничего не хочешь, кроме своего Создателя; все забудь, будто не жил и не делал ничего ни хорошего, ни худого, а только сейчас начинаешь жить. И в самой детской покорности отдайся душой и телом в распоряжение Господа! Так, в простоте сердца молись Ему с любовью, именем Иисусовым поражая врага. И будешь ты покоен во всю свою жизнь! В славу Божию и общую пользу не должно утаить, что подобного рода мечты много времени и меня беспокоили, когда только начинал я молиться. Вдруг снимался потолок моей кельи, разрушались стены, разверзалась предо мною земля, представлялась мне огненная бездна: в ней будто уже посажены грешники — кто по шею, кто по пояс, кто по уши, кто весь погружен. А мне оставалось местечко только на той половичке, где стоял и молился. Да и с той меня хотели стащить в огненную бездну. При таких страшных бесовских, томительных мечтаниях детская покорность Господу Создателю своему, при усердной молитве Иисусовой, чтение соответствующих этому положению псалмов — спасали меня, от чего мечты разлетались, и привидения исчезали… Таким образом, что бы ни случилось с тобою, какое-либо привидение, страхование, мечта, что бы ни показывали тебе демоны, наяву или во сне — не робей, ничему не доверяй, отдайся с живой покорностью Божию попечению о тебе, твори усердно и чисто молитву Иисусову. А если в таких обстоятельствах не молиться усердно, смиренно и чисто и не ограждать ума именем Иисусовым, то можно и с ума сойти. Смиренномудрие с усердною молитвою Господу и Царице небесной — великая защита от всех сетей вражиих».

◊ Жаловавшемуся на томление в келейном уединении старец говорил:

«Что делать, брате?! Припоминай страдальцев, заключенных в темницах и оковах, и всех многоразлично бедствующих. При этом себя считай преступником. Так и будешь все охотно терпеть в уединении. Для кого же написано: «проидохом сквозе огонь и воду, и извел ны еси в покой?» Нужно пройти чрез огонь всякого рода искушений, скорбей, томлений душевных, чтобы войти в покой Божий. Здесь прибавлено: «и воду». Стало быть — и поплакать здесь человеку неизбежно, чтобы радоваться вечно. О,

брате! Если бы ты знал, какими страхованиями, бедами, сетями бесовскими, невыносимыми страшилищами наполнен воздух?! Так что, если бы человек прозрел в это, то едва бы мог остаться в живых. Но все это от нас сокрыто благим промыслом Господа, по Его милости. Днем нам светит солнышко, ночью луна и звездочки, — какая утеха. Таковые-то искушения и сети, скрытые сатанинским ухищрением в воздухе, непременно должны коснуться всякого. И тогда человеку бывает томительно, тяжело. И в такой скорби он повергается пред Господом, ища Его милости и покровительства, как дитя у маменьки! И ему бывает легко. Поэтому-то и заповедано: «бдите и молитеся, да не внидете в напасть». Итак, брате, терпя потерпи для Господа, благодаря Его за все милости к нам, коих для кротких и покорных Ему сердец у Него бездна многая. Ведь не избежать же нам адских томлений от бесов, если не решимся потомиться здесь ради Господа и добродетели — где кому определено, а тебе в уединении с, Добротолюбием“».

◊ Еще рассказывал старец: «Порадовался диавол моей опрометчивости. Раз я, торопясь по нужде какой-то, вышел не перекрестясь. Всею силою бесовской своей ярости он устремился на меня. Мне казалось, что и земля задрожала под моими ногами. Но покров Царицы небесной и предстательство преподобномученика Адриана чудотворца спасли меня». Рассказывая об этом, отец Адриан советовал: всегда, когда выходит кто из дома, помолиться усерднее.

◊ Нередко старцу высказывали свое сомнение о том, будет ли вечная жизнь? На это старец, давая разъяснение, особенно останавливался на том, что ради Царствия небесного святые претерпели столько мучений, чего не могло бы быть, если бы не было будущего воздаяния, и прибавлял: «Для чего столько веков читается Символ веры в святой Церкви апостольской, и в нем гремит она: «чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века»? О, это истина святая и непреодолимая вратами адовыми. Хотя в нынешнее время и нашлись такие, которые стали бы доказывать, что все это басня, что этого не будет, что этим обманывают простой народ, — но это сделать никак невозможно: неверующий осужден, а Церковь Божию и врата адова не одолеют. Ведь сколько мы по гордости и беспечности и неверию от Бога-то ни бегаем, а уже не уйдем; найдет! Он давно нам сказал: страшно впасть в руки Бога живого».

◊ Когда смущенные своими грехами болезновали пред ним своею душой и выражали боязнь вечного осуждения, старец говаривал: «Понесение стыда — уменьшение наказания за грехи. Да, не принявши горького, не узнаешь и сладкого. Но не малодушествуй: в Прологах, Четьях-Минеях примеров много. Припоминай себе, что нет греха, побеждающего Божие человеколюбие».

◊ Часто к старцу обращались люди образованные. Им старец особенно усердно советовал читать слово Божие, Прологи, Четьи-Минеи и приговаривал, что книги эти «хотя не красноречивы по-светски, но многоречивы для устроения нашего благополучия и временного, и вечного». В беседах с образованными лицами, особенно часто старец, когда жаловались на неудовлетворенность духовную при обилии всех развлечений, на томление и тоску, останавливался в беседах на причинах такого явления и объяснял такую неудовлетворенность тем, что запросы духа, влечение к Богу, к миру духовному, — все это заглушается служением одной плоти в ущерб духу.

◊ Когда заходила речь о пастырях, старец говорил: «Любите, уважайте, берегите вы своих священников. Доставляйте им все нужное к содержанию. Покупайте им книги, чтобы они, не развлекаясь нуждами телесными, читали и рассказывали бы вам из книжек, вами им купленных, и, взамен вашего обеспечения их телесных нужд, обеспечивали бы вас в деле спасения душевного, по вашим недосугам, и своими молитвами и поучениями. Если же что они сами делают несправедливо, на это не глядите, а слушайте, что они говорят, и это исполняйте на деле».

◊ Родителям старец особенно настойчиво советовал воспитывать детей в страхе Божием, водить чаще в храм и научать чтению слова Божия. «Для кого же, — говаривал старец, — писаны священные книги? Они дарованы Духом Святым собственно для нас, чтобы чрез них приобретали мы благополучие. О, страшно ответите пред Господом вы, родители, не прилагающие по своей беспечности попечения о просвещении детей ваших в духе христианского благочестия. Если бы захотели да порадели, то это во всяком звании и состоянии было бы возможно. Что за родители христианские, кто предоставляет детям все потребное для тела, о душе же их нисколько не радеет?.. И рождать, и питать умеют и язычники, и скоты. У нас же воспитание должно быть в недрах Православной Церкви, под руководством Библии».

Крестным же родителям говаривал: «Если поручились за детей при святом крещении, то крепко держитесь вашего поручительства; если вы крестные, то и сами будьте на кресте, и детям указывайте на него. Вас Господь поставил для распространения царства света и истины Его, быть помощниками пастырей Церкви, и в том вы поручились пред Церковью. Так смотрите, чтобы по вашему нерадению не лишиться вам такой милости Божией и не попасть бы вместе с крестниками в тьму кромешную». «Если, — говорил еще старец, — вы не станете сами читать и детей не станете обучать чтению книг, указанных Церковью, то не будете благоумны и способны на дела вашего призвания».

◊ В храме всем старец советовал стоять внимательно к чтению и пению, не развлекаться, не разговаривать, оказывая уважение и ко всему церковному; антидор и просфоры вкушать советовал благоговейно и с молитвой.

Из храма выходить тихо и идти одиноко, а после службы отдаваться назидательному чтению.

◊ В отношениях с теми, с кем приходится жить вместе или вблизи, старец советовал жить мирно и кротко. Своих убеждений и строгостей относительно жизни другим не навязывать. С людьми других взглядов не спорить. А если и говорить что на пользу, то только в особо благоприятные минуты расположения ближних к такой беседе. На обиды не отвечать мщением; от людей неверующих и нечестивых он советовал удаляться и никак не вторить им, хотя чрез это пострадали бы материально сами, исполняя всякое дело благоговейно и тем служа Богу и ближним; в отношении пищи и одежды нужно соблюдать строгую умеренность; осуждал он и всякое лакомство.

◊ Давая разные советы, старец часто останавливался вниманием на книгах, которые, по его убеждению, необходимы для желающих идти путем спасения. «О, Библия, Четьи-Минеи и Прологи — драгоценнейшие спутники нашей временной жизни к вечному благополучию», — говаривал он часто. «„Добротолюбие“ — прямая дорога в рай». «Преподобный Ефрем Сирин, Иоанн Лествичник, Исаак Сирин — да будут вам советниками. Исполнители их советов наслаждаются благополучием».

А когда виделся недостаток этих книг, старец советовал приобретать Алфавит Духовный святитель Димитрия Ростовского.

«Полюби Алфавит, — говорил он, — он лукавство и леность посрамит и во все вразумит!»

Некоторым он советовал: «Если хочешь скоро научиться любить Бога, усерднее с молитвою читай «Добротолюбие» и Макария Египетского». «Алфавит» же он часто покупал в большом количестве экземпляров и раздавал своим духовным детям.

Он также высоко ставил житие и писания старца Паисия Величковского и письма затворника Георгия Задонского.

Что же касается обыкновенных книг, то даже и по содержанию духовные он советовал читать с большим разбором и опаской, ища указаний от своих духовных отцов и руководителей.

◊ Упрашивая чаще ходить в храм, отец Адриан советовал возможно чаще и сердечнее творить милостыню, которая может возместить недостаток подвигов благочестия. Осуждая щегольство, пьянство, плотские грехи, корыстолюбие, злобу, нерадение о своем спасении, старец сродникам

страждущих такими пороками давал совет творить о них шестинедельное заздравное литургийное поминовение, подавать за них милостыню и служить молебны пред иконами Божией Матери, особенно «Всех скорбящих Радость», также некоторым святым.

◊ Особенно настоятельно всем советовал старец укреплять себя умеренным постом. Посту, его пользе, возможности и уместности и для мирян было посвящено им много речей. Избравших девственную жизнь он более всего располагал к соблюдению постоянного поста.

◊ Желавшим иметь чистый ум и свежую голову при молитвенных подвигах отец Адриан советовал пить нехолодную сырую воду, о которой говаривал притом так: «Водою при частых земных поклонах я пользовался в многоразличных недугах моих и, о, какую тогда имел я легкость в природе моей, здоровье, веселье, чистоту мыслей».

◊ Старым, неспособным к трудам, он советовал покаянную молитву мытареву.

◊ Старец имел особенное сострадание к больным разными недугами — и просто телесными болезнями, и греховными навыками, как запой, плотские грехи и так далее. Он советовал им поездки к святыням, по монастырям, литургийное поминовение, также давал и разные практические советы; более же всего советовал вести воздержную, постническую жизнь; также часто советовал приносить чистое сердечное исповедание грехов и приступать к таинству святого причащения, и читать Минеи и Прологи, останавливаясь вниманием на соответствующих примерах. Нередко сам молился с больными у мощей преподобномученика Адриана, возлагал на больных его вериги; пред чудотворной иконой Успения Божией Матери; и многие недужные, по молитвам сего старца, получали благодатное исцеление от самых застарелых и тяжелых недугов.

◊ Советовал он также младенцев чаще носить к святому причащению, говоря, что чрез это они будут потом и здоровее, и умнее, и счастливее.

◊ «Да избавит Господь Россию, — замечал старец в своих записках, — от адского жала змеиного — от душепагубной заразы западных лжемудрых философов, которые, кроме природы, Бога не признают; видят в человеке одни только телесные органы, будущую жизнь считают мечтою, добро и зло называют изобретением человеческим». С великой скорбью сердца старец говаривал о подобном безумии людей светских, когда заходила речь о гордости их и неверии многих светских умников.

Лечение от запоя

В записках старца найден собственной его руки совет для излечения подверженных запою, следующего содержания:

«Проскомидия каждодневная (из верных рук, то есть что день, то и подача) по свечке за престол по просфоре от себя; святому мученику Вонифатию водосвятный молебен — эту воду по утрам пить, чтение Псалтири и Прологов: по утрам (хотя бы и с полночи) пить миндальное молоко (его и перед сном хорошо). Еще кипяченую воду подслащенную, теплую или простуженную, сколько можно больше (пока до чаю), а чаю пить хоть десять раз в день, тем лучше; напиточков давать почаще, только по полурюмке. Пищи, когда бы только захотелось или какой бы то ни было, лишь бы поелось; и слабительным прочистить себя; ходить почаще по комнате; прогуливаться на открытом воздухе. Быть при таком больном неотлучно или родной матери, или супружному лицу, или верной служанке, а за неимением таких, — приискать подобных сердцам их, чтоб с больными обращались как с малюточкой». Это выписано подлинными словами с записок старца.

Иеромонах Амфилохий Ростовский (1748–1824)

Старец Амфилохий (в миру Андрей Яковлевич Порецкий) происходил из священнического рода — его дед был рукоположен в сан священника святителем Димитрием Ростовским, священником был и отец. Сам будущий старец с семнадцати лет служил причетником в храме, позднее был посвящен в стихарь, поставлен в диаконы. Талантливый иконописец, он вместе с другими мастерами поновлял в 1773 году росписи Московского Успенского собора.

В 1777 году, овдовев, отец Андрей вступает в братство Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря, а в 1779 году принимает монашеский постриг с именем Амфилохий, становится иеромонахом.

В разное время отец Амфилохий исполнял в обители послушания уставщика и благочинного, ризничного и духовника. Сорок семь лет он посвятил служению святителю Димитрию, являясь «гробовым» иеромонахом, которому поручалось постоянно находиться при гробе святителя, следить за сохранностью мощей и должным отношением богомольцев к святыне, а также читать монастырский синодик. Дорожа возможностью служить при мощах святителя, старец упорно отказывался от настоятельских мест, которые ему предлагали.

Когда отец Амфилохий стал братским духовником, он, кроме исповеди, принимал братию и с откровением постоянных, случавшихся с ними недоумений или искушений, что уже представляло собой отношения старчества. И батюшка не жалел времени на разговор в таких случаях с тем, кто нуждался в немедленной духовной поддержке.

Вслед за иноками к отцу Амфилохию стали обращаться и миряне. Многие писали ему.

Не только письма и речи старца производили отрезвляющее духовное действие. Даже от взгляда на его просветленное лицо лучше становилось на душе. Отца Амфилохия еще при жизни почитали святым мужем — за его аскетизм, смирение и благочестие.

Старца чтил Государь император Александр I и его мать, императрица Мария Феодоровна: приезжая в Ростов, они посещали отца Амфилохия и долго с ним беседовали.

Иеромонах Амфилохий скончался 26 мая 1824 года, он был погребен на паперти храма Зачатия святой Анны. Гробница над местом его захоронения сохранилась до наших дней.

Духовные наставления

◊ Советую вам не весьма оскорбляться и печалиться злоключениями, но на промысл Божий положиться; без воли Божией ничто не бывает. Несчастия здесь нам великодушно понесшим ходатайствуют на небе радость, и сеющие здесь слезами, радость в будущем веке пожнут. Жизнь наша не здесь кончится, но в будущем веке продолжится. Когда здесь кого кто обидел, в будущей жизни Бог отмстит тому; а кто обиду претерпит, вечно в славе радоваться будет с Богом.

◊ Крайне сожалею о ваших несчастных положениях. Советую вам всю печаль свою возложить на Господа Бога; возьмите мужественное терпение, и безсумненное упование имейте на Его святой промысл. Он попустит напасти вам в сей временной жизни и готовит вам в будущей присносущной жизни некончаемую радость: «многими скорбми подобает нам внити в Царство небесное»; сии скорби потерпите, да вечно с Ним возвеселитесь. Молю Бога, да подаст вам помощь от скорби!

◊ Будите к бедным сострадательны и милостивы: «блажени милостивии, яко тии помилovани будут»; и «даяй нищему, Богу взаим дает».

◊ Наша жизнь есть искушение; писано: «аще хощеши поработати Господу Богу, уготови душу твою во искушение»; и «претерпевый до конца, той спасется».

Дай Бог ту жизнь получить, где не будет ни печали, ни воздыханий, по реченному Господом: «егда же узрю вы, возрадуется сердце ваше и радости вашея никтоже возьмет от вас».

◊ Христос Спаситель изрек: «иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть».

Святый Златоуст толкует сие, что иго Христово не есть легко, но в сравнении будущих от Бога воздаяний, уготованных любящим Его, легко есть.

К сему и апостол Павел упоминает, что «недостойни страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас». Он испытал, когда восхищен был на небо, то и пишет: «радуюсь в страданиих моих». Так и мы должны великодушно сносить скорби.

◊ Господь Бог вся на пользу строит, хотя нас соделать наследниками небесного Своего Царствия: того ради и на меня, окаянного, попущает различные болезни и скорби, понеже «многими скорбми подобает внити в Царствие небесное». О, дабы сбылось на мне, окаянном, сие хотение Божие; да будет Его святая воля!

◊ Не смущайтесь много в скорбех своих. Помысли, что все, Богу угодившие, сим скорбным путем шествовали. Возложи на Господа печаль свою, и Той поможет. К Нему вопи: «радосте моя, избави мя от обышедших мя!»

◊ «Хотящии благочестно жити гонимы будут». «В терпении вашем стяжите души ваша». Молю Господа, да подаст вам терпение; без воли Божией ничто не бывает. Всему будет конец, но воздаяния в Царствии Божием бесконечны.

◊ Нужнейшие добродетели человеку и без коих он быть не может: смирение с кротостью и долготерпение с любовью.

◊ Поститься не всегда здоровье позволяет, молиться не всегда время есть; а смириться всегда и везде ничто не мешает.

Иеромонах Арсений (Минин) (1823–1879)

Старец Арсений (в миру Александр Иванович Минин) родился в Тверской губернии, в купеческой семье. На Святую гору Александр приехал в августе 1857 года, стал послушником в Пантелеимоновом монастыре, в 1859 году постригся в монашество с именем Арсения, был рукоположен в иеродиакона, а затем — в иеромонаха.

Отец Арсений возлюбил святой Афон всем сердцем, но Господь судил старцу прожить большую часть жизни в России и умереть в Москве.

В 1862 году афонскими старцами он был благословлен на поездку по России для сбора средств на монастырь. С этого времени старец будет проживать в России, где ему доведется выстроить в Москве часовню во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона, основать и развить книгоиздательство святой Афонской горы.

В Москве, в храме Богоявленского монастыря, а затем и в самой Афонской часовне, у старца было много духовных чад, и еще больше тех, за кого он молился.

Мирное и любвеобильное выражение лица старца невольно вливало духовную теплоту в сердце скорбевшего. Обыкновенно молчаливый, отец Арсений, когда нужно, изливал обильный поток духовной беседы. Речь его была сильная, как основанная на духовном опыте богомудрых отцов Церкви и их писаниях и как изученная собственным его опытом.

Старец Арсений умел как-то тотчас распознать человека, пришедшего к нему за духовной помощью, а потому и преподать каждому потребное духовное Врачевство.

Во время исповеди все существо его как бы преображалось — лик горел неземной святостью и умилением, а вдохновенные уста с небесной радостью изрекали благодатное прощение грехов.

Старец весь как бы светился небесной благодатью, и ощущалась при его разрешительной молитве такая невыразимая радость, которую описать нельзя словами.

Смирение отца Арсения было изумительно. Он всегда считал себя первым из грешников. Старца смущало, что, среди разнообразных занятий, вдали от святого Афона, он не мог исполнять во всей точности его устава иноческой жизни, — и это нарушение устава старался восполнять делами любви христианской.

Огромные средства, которые давались старцу окружавшими его богатыми почитателями, тут же распределялись среди нуждающихся, среди бедных, среди пострадавших от несчастий. Ни одно общественное полезное учреждение не обходилось без живого участия старца Арсения, — и в Россию, и в Японию, и на Алтай, и в Кульджу шли его пожертвования.

Много было сделано старцем и братией Афонской часовни для наших единоплеменников и единоверцев в годы Русскотурецкой войны за освобождение славян от иноземного ига.

Старец стал членом «Общества Красного Креста», заботившегося о раненых и больных воинах, устраивал госпитали.

«Господь не прежде о нас позаботится, — говаривал старец Арсений, — как только мы сами будем заботиться о других».

После того, как в Москве была построена и освящена Афонская часовня, отец Арсений просил афонских старцев снять с него послушание служения при часовне и дозволить ему возвратиться на святой Афон, по которому постоянно тосковала его душа, тем более, что зрение и ноги его стали ослабевать, но Господь, ведающий «сущия Своя», судил ему иначе. Афонские старцы не только не сняли с него послушания при часовне, но дали ему еще другое послушание, еще более трудное — приискать на Кавказе место, где бы могла быть устроена иноческая обитель, служащая как бы неким новосаждением Русского Пантелеимонова монастыря.

И старец Арсений с обычными ему жаром и энергией принялся за новое дело. Вскоре он нашел в Абхазии близ Сухуми удобное место для обители. Впоследствии там был устроен НовоАфонский Симоно-Кананитский монастырь. Старец Арсений предназначался афонскими старцами в настоятели новой обители, но из-за Русско-турецкой войны начатые работы приостановились.

В начале осени 1879 года старец Арсений, идя по улицам Петербурга, нечаянно споткнулся, упал и ушиб себе ногу. Нога его так разболелась, что он принужден был, по совету врача, довольно продолжительное время не выходить из кельи, а затем лечиться в Москве. Но едва прошла боль в ноге, старец заболел острым воспалением легких и принужден был слечь в постель. Тут уж отец Арсений понял, что Господь взывает его к Себе. Старец поспешил известить о себе афонских старцев и испросить у них последнего прощения и благословения.

В болезни он неоднократно приобщался святых Христовых Тайн и только жалел, что Господь не судил ему принять схиму.

17 ноября совершено было над ним молитвенное последование на исход души, и около двух часов дня старец Арсений мирно почил о Господе. Погребен отец Арсений на монастырском кладбище московского

Алексеевского монастыря. В годы советской власти на месте кладбища был устроен пионерский парк. Судьба захоронения неизвестна.

Духовные наставления

◊ И устно и письменно старец всегда внушал любить Бога беспредельной любовью, всем сердцем, всей душой, всеми силами существа своего, чтобы не полсердца отдавать Богу, другую же половину миру, а всецело предаваться Господу и святой воле Его.

◊ Учение о благодатном смирении, терпении и благоразумном несении креста было любимейшей беседой старца. Он всегда говорил: «Благодарите Господа за скорби еще больше, чем за радости, потому что скорби — это обручальный залог души с Господом, это драгоценнейший дар распятого за нас Спасителя, оставленный Им в наследие и благословение любимейшим Своим ученикам, апостолам, мученикам и всем святым подвижникам. Без скорби не войдешь в рай».

И все это высказывалось с таким сочувствием, с такой теплотой Евангельской любви к страждущему от скорби, что хотелось бы еще более страдать, чтоб только удостоиться подобных утешений.

◊ Старец говорил, что от страстно танцующих отступают ангелы хранители.

◊ «Скучаете вы уединением жизни, стеснением свободы, а когда заключат вас в гроб, тогда не еще ль более стеснены будете? — говорил старец. — Но знайте, что все, живущие здесь весело, идущие широким путем, будут по переселении в вечность в большей тесноте, в большей беде, тут и скорби, — и скорби этой конца не будет. Лишенные же здесь, или лишающие себя ради Бога свободы, там будут в великом просторе, в великой и бесконечной радости».

◊ «Род человеческий, — говорил старец, — насколько преуспевает в изобретениях, открытиях и прочих делах века сего, настолько тупеет в понятиях своих о духовной жизни.

Разными прихотливыми желаниями человек опутал себя, как сетями, и от них не освободится до гроба».

◊ Чтоб утвердился в нас спасительный страх Божий, должно поставить себе за непременное правило уделять ежедневно, в определенное нами время, несколько минут на беседу с душой, дабы постоянно следить за собой и поверять свою жизнь.

◊ Земная жизнь Начальника жизни нашей, Пречистой Его Матери, святых учеников и апостолов Его, мучеников, преподобных и всех угодивших Богу лишена была земных утешений; из этого очевидно, что мы в эту жизнь сотворены не для насаждения ею.

Примером этого служит упоминаемый в святом Евангелии богач, который на вся дни веселился светло (см.: Лк. 16, 19) и сошел во ад. И другой Евангельский богач, сказавший душе своей: «имаши многа блага, лежаща на лета многа, почивай, яждь, пий и веселися» (Лк. 12, 19), в ту же ночь поражен был смертью. Почему и сказал Господь, что неудобь богатый внидет в Царствие небесное (см.: Мф. 19, 23). Богатый тогда только будет спасен, если он щедро будет наделять неимущих, истаивающих от глада и хлада, которых всегда и везде множество.

◊ Кто истинно заботится о душе своей, тот не может удержать у себя богатство; оно будет постоянно беспокоить его совесть, что он, имея возможность оказать помощь многим бедным, не исполняет сего, ограничиваясь малозначащими по богатству его пособиями.

◊ Жажда богатства — жажда ненасытная, ибо часто видим, что люди чем делались богаче, тем скупее…

Богач, увеличивающий свое богатство, подобен человеку, имеющему неутолимую жажду.

◊ Мы похожи на людей, стоящих на берегу моря и бросающих в него золото — это драгоценнейшее время, данное нам для спасенья души; пройдет пора, поищем его, но уже не найдем.

◊ Если презришь все мирское, будешь драгоценнее целого мира.

◊ Глядя на суету мира сего, приходит на мысль; какое великое люди имеют попечение о временной жизни своей, сколько забот, предприятий, предположений, какая неусыпная деятельность, неутомимость в трудах, долготерпение в достижении целей своих! И все это делается ради маловременной жизни земной. Все это имеет главных двигателей: самолюбие, сребролюбие, честолюбие. Эти три гиганта весь греховный мир держат.

◊ Грешное твое тело, которое ты так нежишь, украшаешь и о благосостоянии коего все тщание употребляешь, думаешь ли ты, что оно некогда будет пищей червям, и чем оно добротнее будет, тем обильнейшим послужит им питанием? Приходило ли тебе когда на мысль, что все, так теперь желающие быть близкими с тобой, некогда далеки будут от тебя? — смрад тела твоего отгонит их. Размысли о всем этом и поменьше заботься о бренном своем теле, а побольше о бессмертной душе.

◊ Ангел, наш хранитель, ни о чем столько не радуется, как если когда мы делаем добрые дела — дела милосердия и любви к ближнему, ибо не чем иным, как только подобными делами мы можем быть оправданы на суде Божием. Там вполне увидим мы, как драгоценны и спасительны добрые дела; душа наша радоваться будет о каждом добре, сделанном в этой краткой жизни.

◊ Сребролюбец не имеет покоя душевного, день и ночь он занят мыслью об умножении богатства, страшится за потерю, и когда какой части по обстоятельствам лишается, хотя самой малейшей, то невыразимо страдает и покоя себе не находит, терзаемый злой страстью, о коей не вотще сказал святой Златоуст: «лют недуг сребролюбия». И на суде Божием сребролюбцы будут судимы как идолопоклонники, ибо вместо Бога поклонялись золотому тельцу.

Честолюбие тоже ненасытная страсть. Чем более человек в почете, тем более желает иметь его. Когда видит в ком превосходство, то завистью снедается и мучится, как уязвляемый. По переходе же от жизни временной в вечную наследует он муку нескончаемую, как чуждый Бога и святого Его Евангелия, как усердный исполнитель воли учителя своего, гордого дьявола.

Такие же мучительные последствия производят и другие грубые страсти: объедение, пьянство, сластолюбие и прочее.

Человек за маловременные удовольствия готовит себе самую печальную будущность, преждевременную старость и раннюю смерть, а затем вечное осуждение.

Несмотря на такие гибельные последствия, проистекающие от страстей, люди нынешнего века, к сожалению, поработили себя им: каждый имеет своего мучителя, от коего избавиться возможно не чем иным, как сердечной к Господу молитвой, искренним раскаянием и затем совершенным оставлением греховных навыков.

◊ Сластолюбивая гортань и несытая утроба — стена между Богом и человеком.

◊ При начале всякого доброго дела является препятствие; преодолевай его, с радостью перенося прилучившееся и желая большего.

◊ Человек, живущий благочестиво, — как он покоен, как у него все благоустроено; а проводящие жизнь в страстях — всегда в смущении.

◊ Живущим в многосуетном мире всего необходимее иметь страх Божий, угашающий все греховные страсти, навыки и пожелания. Приобретается страх Божий усердной к Богу молитвой и частыми размышлениями о разлучении души от тела и о будущей участи, неминуемой каждому из земнородных.

◊ Часто случается видеть какое-нибудь насекомое, попавшееся в тенета паука; сколько оно бедное ни силится выпутаться, — не может. Это точное подобие души человека, уловленной дьяволом. Сама она собственными усилиями никак не может освободиться из сетей греховных, но если возопиет от всего сердца к Господу, то Он се избавит.

◊ Младенец, только что начинающий ползать, не имеет ни силы, ни ума, даже послужить себе ни в чем не может, но во всех своих нуждах

обращается к родителям и во всем руководится их расположениями, не возражает и не прекословит им, а что понимает — поспешает исполнять. Вот точное изображение человека, полагающего начало спасения души своей. Сам собой он ничего не может ни сделать, ни рассудить правильно, считает, что, полагаясь на свой разум, удобно заблуждается на пути к спасению; а потому, видя свое бессилие, во всем просит помощи Божией и вразумления свыше, и подражает младенческой простоте, покорности, кротости и незлобию. «Аще не будете яко дети, не внидете в Царствие небесное», — сказал Господь (Мф. 18, 3).

◊ «Без Мене не можете творити ничесоже», — сказал Господь (Ин. 15, 5). При каждом благом начинании мы должны испрашивать помощи Божией и благословения Его, так как без помощи Божией мы ничего не можем сделать, а потому все благое, совершаемое нами, мы должны относить к Богу, и Он в день суда Своего все оное отнесет к нам; а если мы что-либо сделанное нами доброе присвоим себе, своим трудам, усилиям, то вместо награды получим осуждение, что ясно изображено в притче о фарисее: он похвалился добродетелями своими и чрез это потерял их. Помнить должно сказанное в Евангелии: «Аще сотворите вся повеленная вам, глаголите: яко раби непотребни есмы».

◊ Когда прикоснется к нам скорбь какая, и мы возомним, что тяжкий крест несем, то приведем себе во ум скорби единородного Сына Божия, ни единого греха не сотворившего, Его предсмертную лютейшую тугу и томление в саду Гефсиманском. Его моление до пота кровавого и Его, наконец, по бесчисленных поруганиях и мучениях, позорное распятие на кресте; прочувствуем все это, то увидим, как окажутся ничтожными все наши скорби в сравнении с скорбями Богочеловека, претерпенными ради спасения нашего. Но мы, неблагодарные, ожесточенные, ни во что вменяем Кровь Христову, только и смотрим что на свои скорби, происходящие от наших грехов, и по неразумию иногда даже ропщем на Бога, тогда как скорби эти спасительны, ибо очищаемся ими от своих грехов.

◊ Скорби выше добродетелей, а болезни выше скорбей, и терпеть их труднее скорбей. За скорби и болезни венцы светлее, нежели за добродетели.

◊ Скорби сего века — удары лозы, наносимые рукой умной матери.

◊ Всякую скорбь и тесноту принимай с благодарением и радостью, как дорогую гостью, и легка будет тебе скорбь твоя, и даже желательно продолжение ее при рассуждении о пользе.

◊ Кто терпит добровольные скорби, тот избавляется тяжких невольных скорбей. Первый подвиг выше, ибо от произволения.

◊ Когда идешь с просьбой к высшему тебя лицу, то ты обдумываешь, как изложить просьбу свою, дабы оная была благоприятно принята.

Приступая с молитвою к Царю царей — Господу, подумай, кто ты и кто Тот, Кому ты готовишься предстать.

Во время молитвы все земное должно как бы не существовать для тебя, но если помыслы суетные вторгаются против воли твоей, за это ты не ответишь; именем Христовым гони от себя это бесовское нашествие и будешь награжден за борьбу.

◊ Если ты, молясь, имеешь на кого-либо вражду, то тщетна твоя молитва. Не каждодневно ли ты говоришь: «и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Как можешь надеяться на прощение, когда сам не прощаешь?

◊ Дух смирения, покорности, преданности воле Божией привлекает на молящегося благоволение Божие: «на кого воззрю, токмо на кроткаго и смиреннаго, и трепещущаго словес Моих» (Ис. 66, 2).

◊ Не ослабевай в молитве, если и не видишь исполнения твоих прошений. Господь иногда медлит исполнять и полезные наши прошения, дабы мы продолжали наши просительные молитвы, через что показали бы более надежды на Его милосердие, более очистили бы сердце свое от грубых пороков, тем самым сделались бы более достойными Его милосердия.

◊ Если грешник молится Богу, не имея раскаяния и желания оставить грехи свои, то не услышана будет молитва его.

◊ Одного инока враг одолевал перед началом молитвенного правила: его в озноб и жар бросало, разболевался, хоть умереть. Что же он сделал? Ну, говорит, душа, умирать пришло время, помолимся в последний раз и поплачем перед Господом. Стал на молитву и нудил себя. Голова трещит, а он продолжает молитву. Кончил правило, и боль прошла. На другой день опять то же. Тогда боголюбивый инок понял, что это от врага, и уже никогда не оставлял своего молитвенного правила, чем бы ни был отклоняем.

◊ Громоотвод. Если когда (что в прискорбии нередко бывает) ты на кого прогневаешься, то вспомни, что начальник всякого зла — дьявол, он посевает между людьми раздоры и вместо того, чтоб гневаться на ближнего, обрати твой гнев на того, кто главная причина всех зол. Человек нередко бывает слепым орудием духа злобы, а потому заслуживает снисхождения и сожаления.

◊ Быть гневливым и раздражительным есть не что иное, как наказывать себя за чужие глупости.

◊ Страсти наши подобны пламени, худо загашенному, — всегда могут возгораться и даже произвести пожар.

◊ Будем бороться с собою, чтоб не тиранствовал над нами гнев и не властвовала похоть. Будь готов всегда сказать с святым апостолом:

«умерщвляю тело мое и порабощаю».

◊ Слышим — сегодня помер тот, завтра другой, а послезавтра, быть может, слух пройдет и о смерти кого-либо из нас, а живем мы так, как будто и умирать не будем. Отчего такая беспечность? Без сомнения, от увлечения миром и суетностью его, поглощающей всю нашу жизнь, завладевшей и умом и сердцем и всем нашим существом. Мы, как пленники греха, усердно ему работаем, его волю исполняем; грех царствует в нас, действие его мучительно: мучится сребролюбец от зависти, что у других больше, или от боязни за потерю своего кумира; мучится честолюбец, видя других в большей, нежели он, чести; мучится сластолюбец, потерявший здоровье от неумеренного наслаждения благами жизни; и так все рабы греха мучатся в этой временной жизни, будут мучиться вечно и за пределами гроба, если не принесут истинного покаяния.

◊ Каждый час, каждая минута дорога, ибо даны счетом, и в них потребуют отчета.

Лови минуты, чтоб уловить годы и не упустить всей жизни.

Собираясь куда-либо в дорогу, особенно подальше, мы тщательно озабочиваемся приготовлениями нужного для путешествия, стараемся предусмотреть, не забыть чего-либо нужного или в дороге, или там, куда приедем, но приходит ли такая мысль, что, быть может, неожиданно Создатель повелит душу твою разлучить от тела и переселить ее в оный мир, в страну вечности, из коей уже ты не возвратишься в дом твой? Вот об этом далеком путешествии думаешь ли ты? А что оно может последовать сегодня или завтра, то не ежедневно ль видишь ты переселяющихся в загробный мир, которые, как и ты, жили беспечно, суетились, заботились обо всем, кроме того, о чем действительно следовало бы позаботиться. И вот их уже нет, как и нас с тобою не будет сегодня или завтра. Все мы пришлецы в этом мире.

По разлуке с телом будешь сожалеть, что столько имел попечения о предметах, какие не принесут тебе никакой пользы.

Каждый день будем готовиться к смерти, тогда ни на кого не прогневаемся, не увлечемся ни на кого похотью и ничего земного не пожелаем, ибо сильный страх и опасение мук уничтожает приятность удовольствия и восставляет падающую душу.

Неужели во мнении твоем так ничтожна будущая жизнь, что ты о ней мало думаешь, или вовсе не думаешь? Опомнись, ты стоишь на краю пропасти. Оставь безумное пристрастие к земному. С последним дыханием все земное перестанет существовать для тебя, земные блага, как призраки, исчезнут.

◊ Почему так неохотно мудрствуем мы о небесном, почему слова Спасителя многим из нас кажутся жесткими? Это от того, что мы не готовы на самоотвержение, не хотим потрудиться, а думаем спастись без особенных усилий. Но слово Божие иное говорит, — оно вещает: «Царствие небесное нудится, и нуждницы восхищают е». В чем же себя нудить? Во многом или почти во всем, ибо мы грехами, как Лазарь укроями[6], связаны по рукам и по ногам.

◊ Необходимо ежедневно уделять хотя немного времени на беседу со своею душой, размышляя о том, что час исхода из сей жизни Господом скрыт от нас для того, чтобы ежечасно готовы были предстать пред суд Божий. Спасения своего до завтра не откладывать, ибо завтра, быть может, будет уже поздно.

◊ Назидательно и спасительно для души — проследить мысленно минувший год: как он проведен нами, какие последовали перемены в жизни нашей, сделались ли мы лучше, преуспели ли в делах благочестия? Утешительно увидеть в себе исправление жизни, умножение любви к Богу и ближним, преуспевание в смирении, воздержании и иных добродетелях. Если же мы вступили в новый год с теми же недостатками, какие и прежде имели, с той же холодностью к Богу и вообще к делу спасения нашего, то поскорбим и поболезнуем душой об этом, станем поусерднее просить всеблагого Бога, да укрепит Он нас впредь во всем благоприятном Ему и для нас спасительном, будем чаще напоминать себе слова Евангельские: какая польза человеку, если и весь мир приобрящет, а душу не спасет?

◊ Время нашей жизни очень коротко, надо пользоваться им, — успевать делать добрые дела, ибо они предстанут с нами на суд Божий в оправдание наше. Помнить надо постоянно, что мы здесь странники и пришельцы, а истинное наше отечество на небесах. Туда мысленно должны мы стремиться; там уготовано неизреченное блаженство любящим Господа и исполняющим Его святую волю. Житие наше кратковременно. Будем дорожить каждым днем, каждым часом, дабы проводить оные душеполезно. Мы стоим, как на торжище; надо успевать приобретать небесные блага; а когда торжище закроется, тогда кто что успел приобрести, с тем и останется. Это ясно изображено в притче о мудрых и юродивых девах.

◊ Должно быть внимательными и благоговейными к путям промысла Божия, через что ум наш просвещается светом истины, по слову Господню: «Аз есмь путь и истина и живот» (Ин. 14, 6). В Святом Писании не все открыто человеку, по ограниченности его разума. Полнейшее прозрение получит человек по переходе в вечность. В настоящей жизни открыто человеку столько, сколько может он вместить и сколько нужно для него, по

смотрению Божию, для этой жизни, в которой он живет верой. На вере стоит он, как на незыблемом фундаменте.

◊ Все добродетели Господу приятны, а милость выше всего, ибо она свела Господа с неба на землю, и она только столь сильна, что одна может нас возвести с земли на небо.

◊ «Блажен разумеваяй на нища и убога, в день лют избавит его Господь» (Пс. 40, 2), — говорит Божественный псалмопевец. «В день лют», то есть в день всемирного страшного суда Божия, одни лишь милостивые сподобятся милости Божией. Господь, вменяющий Себе Самому оказываемое ближним благотворение, скажет им: «взалкахся и дасте Ми ясти, возжадахся и напоисте Мя… наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира». Блаженны, кои сподобятся услышать сии сладчайшие слова Спасителя.

◊ Что посеем в здешней жизни, то и пожнем в будущей. Там вполне узнаем, как благотворны и драгоценны добрые дела, ибо только они могут доставить нам вечное блаженство. Как часто видим мы в этом мире: иные имеют большое богатство, но нисколько не заботятся о добрых делах, и так проживают свой век только в свое удовольствие. Таковые там услышат: «чадо, помяни яко восприял еси благая в животе твоем» (Лк. 16, 25). За временные наслаждения они лишатся вечного блаженства. Милостивых Господь наименовал блаженными, наследниками Царствия небесного, ибо и Сам Он многомилостивый. Кто милосерд, тот подражает Господу и сподобится пребывать в неизреченной радости с Ним и всеми угодившими Ему.

Блаженны внимающие слову Божию и заботящиеся о том, что всего нужнее, то есть о небесном, ибо все земное суетно, непрочно, ненадежно. Чаще и чаще нужно нам думать о жизни вечной, ни для кого из нас неминуемой. Там истинное богатство, о умножении коего мы должны денно и нощно заботиться.

◊ Поминовение для душ почивших о Господе всего необходимее. Напрасно иные воздвигают дорогие памятники, — это ни малейшей пользы не принесет. Поминовение же и милостыня — это два крыла, на коих душа возносится к Господу.

◊ О внезапно умерших, не сподобившихся христианского напутствия, надобно усиливать молитвы, и церковные, и домашние, и по возможности подавать милостыню, чем самым и восполнится их недостаток, по безграничному милосердию Божию.

◊ Изучая какое-либо искусство, мы все старание и внимание прилагаем к тому, дабы в точности исполнить все то, чего требует дело, и таким образом достигаем своей цели. Спасение души — искусство искусств, как

сказали святые отцы, но как мы нерадивы, невнимательны, беспечны в деле, несравненно превосходящем все наши земные суеты, в деле, составляющем суть нашего земного существования, в деле, имеющем прямое и всецелое влияние на предлежащую нам загробную жизнь, не имеющую конца!

Отчего же такая беспечность и нерадение в деле самом важном, касающемся лично каждого из нас? Причин сему много, главная же — самолюбие, самоугождение, во всех его видах, от него неминуемо рождается: маловерие, бесстрашие, холодность ко всему будущему, которое считается чем-то отдаленным от нас, как бы едва касающимся нас. — Таким образом, не подвизаясь в деле спасения, мы более и более вовлекаемся в грех, делаемся потом пленниками его. О таковых сказал святитель Димитрий Ростовский, что «многие в живых телах, как в гробах, имеют мертвые души».

Само собой, что во всем этом руководитель, помощник и заправитель — дух злобы, вечно жаждущий поглотить души человеческие. Из слова Божия и опытов жизни, человек не может не знать «приседящего в ловительстве» лютого врага своего, но это познание затемняется, закрывается, по действию того же духа злобы, дабы усыпить человека, и тем вернее устроить его погибель.

Как же спастись, как избавиться страшного диавольского ловительства? — Нужно воспрянуть душою, возбудить ее от смертоносного усыпления, изменить образ жизни, отсечь плотоугодие, по реченному: «любяй душу свою, погубит ю» (Ин. 12, 25). А также: «Царствие небесное нудится, и нуждницы восхищают е» (Мф. 11, 12).

◊ Ежечасно, даже ежеминутно, находится человек в опасности внезапной смерти, которая мгновенно пресечет путь земной его жизни; казалось бы, вся наша земная жизнь должна бы проходить в опасении этом, но люди, погрузившись всецело в суеты мирские, даже забыли, что они смертны, что им дарована бессмертная душа, они живут лишь животной жизнью, по слову псаломника: «приложися скотом несмысленным и им уподобися» (Пс. 48, 13).

◊ Самолюбие и действо диавольское — вот две главные заставы на пути к спасению; немногие освобождаются из них.

◊ Если б открылась какая-нибудь, хотя и дальняя страна, куда б желающие отправлялись на несколько лет трудной работы, сопряженной со всевозможными лишениями, но потрудившись, возвращались бы с миллионами, без сомнения, весь мир потек бы туда!

Господь уготовал человечеству не тленные миллионы, а бесконечное блаженство, но люди, прельщенные суетными благами мира сего, на зов Господень ответствуют: «имей мя отреченна» (Лк. 14, 18). И им скажет

Господь: «не вем вас, отыдите от Мене вси делающии беззаконие» (Мф. 7, 23).

◊ Пристрастие к чему-либо земному привлекает гнев Божий. Блюдите убо, како опасно ходите.

◊ По мере отрешения человека от земного водворяется в душе его мир и тишина.

◊ Если сердце человека прилагается к суетным вещам века сего, то уже он не раб Божий, а раб мира, и вместе с ним осудится.

◊ Люди века сего постоянно гонятся за счастьем, а оно как клад не дается им, они подобны жаждущим, пьющим соленую воду, ибо вместо того, чтоб умерять свои суетные желания, они расширяют их.

◊ Не возвышайся, не выставляй себя чем-либо в своем мнении и многих, а будь в числе прочих, подлежащих падению ошибкам и разным немощам, а то как раз рожки суемудрия вырастут.

◊ Главный труд истинного подвижничества состоит в уничижении своего «я». Послушание выше подвижничества. Почему и сказано: настаивающий на своем мнении, или хотящий взять в разговоре перевес, да знает, что он болен диавольской болезнью. Подобен сему и считающий себя разумнее других. Если имеешь разум, то не присваивай его себе, а иначе возьмется он от тебя за неблагодарность.

◊ Ищи случая всюду во всем себя обвинить. Не успокаивайся, пока Господь тебя не успокоит, а иначе обкраден будешь.

◊ Любящих мир — миллионы, а любящих Бога — единицы, и их недостоин весь мир.

◊ Будь всем раб и слуга, подражая Господу Иисусу Христу.

◊ О том да будет все твое попечение, дабы быть угодным возлюбившему тебя. Воображай Его всегда зрящего на тебя и рассматривающего движения души твоей. Ходи перед лицом Его. Воздержание, смирение и всякую добродетель тщись совершать, дабы сподобиться любви Его.

◊ Послушание — духовное мученичество; отсечение воли равняется отсечению членов. Этим объясняется бесовское непрестанное ловительство, дабы запнуть послушника. Сохранивший до конца жизни своей послушание духовным отцам несомненно станет одесную Распятого. Послушание покроет его немощи.

◊ На все житейское, земное, надо смотреть холодно, вопрошая себя: по Бозе ли оное?

◊ Если к чему земному приложил ты сердце, то ты уловлен. О том только и тщится ловитель, дабы ум и сердце твои отвлечь от Бога.

◊ Самое нужное: непрестанная молитва, и во время трапезы и чая, и непрестанное памятование смертного часа.

◊ Внутреннее делание — всему голова. На каждом шагу тебя Бог хранит, а ты?..

◊ Путь к просвещению греховной тьмы:

«Без Мене не можете творити ничесоже…» (Ин. 15, 5)

Отречение от своей воли, разума и сердца.

Всецелое вручение себя воле Божией.

«Уста духовника — уста Божии».

Послушание братии, любовь, снисхождение, неосуждение никого.

Пост и молитва.

Терпение с благодарением за все находящее: скуку, тоску, болезни.

◊ Ежедневно утром, помоляся Богу, подумай о прожитом тобою, о конце своем, о предлежащем тебе в сей день, а главное — о безвестности последнего часа. На все сие 1/2 часа.

Принимая пищу и питие, благодари Бога, ибо многие лишенные сего страждут. По окончании трапезы с благодарением учти себя за полдня. На сие и прочее 1/4 часа. Напившись чая с благодарением, учти себя и прочее 1/4 часа. Отходя ко сну, за весь день учти себя. Одр — гроб, подрясник — халат мертвенный, одеяло — покров.

◊ Жизнь духовная требует: уединения, тишины, сострадательности, молчания, самоуглубления, самоотвержения, отречения от сует житейских и утешений.

Не всем это дано. «Могий вместити да вместит». «Ведущему добро творити и не творящему, грех ему есть».

◊ Живя в мире, нельзя вовсе не заботиться о потребном для жизни; но заботы эти должны быть на втором плане, не прилагая к ним сердца и с совершенной преданностью в волю Божию. Излишние о житейском попечения святой Кассиан именует «смертоносными».

Обставляешь ты себя удобствами жизни, обеспечиваешь в будущем, а не ведаешь и не помышляешь, что, быть может, в самом разгаре твоей суетной деятельности, внезапно найдет на тебя смертный час, не памятуешь ты сказанного: в чем тебя застану, в том и буду судить тебя.

Если бы позвали тебя на веселый пир и сказали бы, что по окончании пира закуют тебя по рукам и ногам и предадут суду, поехал ли бы ты на пир при всей сладости его? Не это ли самое изображено в притче о богаче, светло жившем и вверженном за то в огонь вечный? За маловременное услаждение тела….

◊ Смотри на деньги и все земное, как на дуновение ветра и как на сети диавольские (последнее еще вернее).

◊ В который день не висел на кресте, — не далеко ушел.

◊ Когда ты сердишься, настаиваешь на своей воле, или противозаконно услаждаешься чем-либо, то бес, зауздав тебя, пляшет около тебя с торжеством, а ангел хранитель посуплен отдаляется.

◊ Какое тебе дело до кого-либо? Вспомни жену блудницу! Если помысл побуждает кого осудить, то обвини в этом себя, и искуситель уловится сетями своими.

◊ Сам слова не снесешь, а других безвинно дерзко оскорбляешь, не разобрав дела. Вот каков смиренник!..

◊ Чем строже и беспристрастнее кто судит о собственных своих делах, тем снисходительнее, но вместе и вернее бывает суд его о делах других.

◊ Начало воздержания — отсечение помыслов и заранее учрежденный порядок (но все это без призвания имени Божия не устоит), и еще во время трапезы или чая внутренняя молитва; она не допустит до излишества.

Чаще должно взывать к Царице небесной о помощи. Знай и ведай, что ты, ягненок, вышел на борьбу с чудовищем — мамоной, или тебе предстоит путь в жар по камням с пятипудовыми гирями на руках и ногах; что ты тут можешь своими силами?..

◊ Ты объедаешься, опиваешься, а сколько тысяч юных детей и стариков в это время гибнут от голода, не имея куска гнилого хлеба. Ты изящно одеваешься, сидишь в богато убранной комнате, тебе служат; а сколько неимущих, где главу подклонить, и гибнущих от холода, голода и болезней.

◊ Помни, как тебя Царица небесная спасла. Если бы не Она, то где бы ты был теперь. Всегда моли и проси Ее быть твоей учительницей. Это одно спасение тебе.

◊ Во всяком деле вопрошай себя: служит ли оно к спасению?

◊ Лучшее средство против чревоугодия — воздержание в количестве даже хлеба, так чтоб выходить из-за трапезы не вполне сытым. Тогда уже не будешь желать лучшей пищи, а доволен будешь самой простой, лишь бы насытить чрево свое. Содержа его постоянно не в полном насыщении, привыкнешь, при помощи Божией, одновременно и к умеренности, и к неразборчивости в пище.

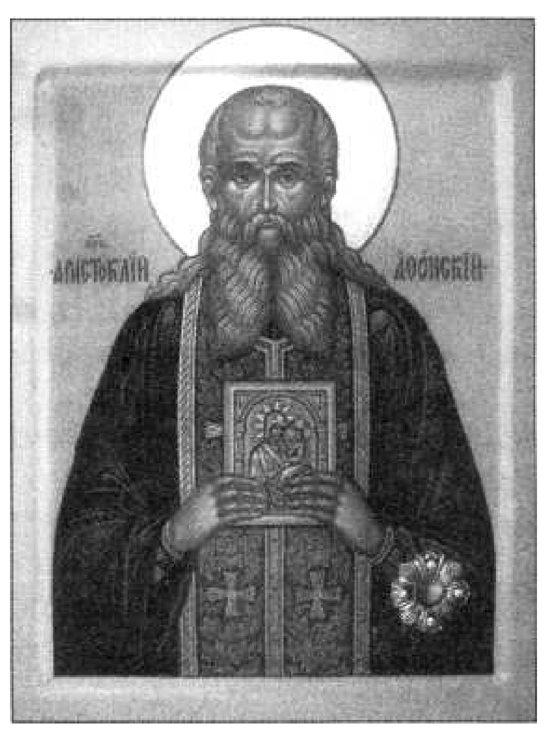
Преподобный Аристоклий (1838–1918)

Преподобный Аристоклий был продолжателем дела старца Арсения.

Более четверти века он подвизался в русском Пантелеимоновом монастыре на святой горе Афон, а середине 1880-х годов старец начал служить в Москве, на Большой Полянке, где в то время размещалось подворье афонского Пантелеимонова монастыря. Десять лет он возглавлял подворье и был настоятелем часовни святого великомученика Пантелеимона, возведенной напротив церкви Владимирской иконы Божией Матери, что на Никольской улице у Китайгородской стены.

Москвичи потянулись к батюшке за духовным окормлением, зная, что добрый пастырь никому не откажет. Как и святой праведный Иоанн Кронштадтский, старец Аристоклий передавал пожертвования одних на нужды других, оплачивал обучение детей из неимущих семей, помогал, как святитель Николай Чудотворец, выдать невест замуж, устраивал жизни многих людей, вразумлял, наставлял, молился за своих чад, всем сердцем и душой желая им спасения.

Старцу довелось продолжить и развить книгоиздательство святой Афонской горы. Духовная литература с абрисом Святой горы все больше пользовалась спросом. При Афонском подворье начал выходить «Душеполезный собеседник». Здесь сообщалось о том, чем живет Пантелеимонов монастырь, приводились жизнеописания афонских подвижников, святоотеческие толкования Священного Писания, письма старцев к своим духовным чадам, мудрые мысли святых отцов. Много было рассказов об исцелениях от чудотворных икон, происходивших как на Афоне, так и в России от привозимых сюда заботами старца Аристоклия святынь.

В 1894 году старец вернулся на Афон, был назначен казначеем, принял схиму, и, по решению собора духовников Пантелеимонова монастыря, снова приехала в Москву настоятелем Афонского подворья.

Отцу Аристоклию было уже за семьдесят лет, он страдал от многочисленных болезней и нуждался в преданном ему человеке. Рядом с ним в это время был его послушниж, впоследствии знаменитый старец Исаия.

От Бога преподобный Аристоклий получил дар изгнания бесов, дар исцелений, предвидения будущего.

К отцу Аристоклию в часовню часто приводили одержимых. Когда старец начинал их отчитытвать, а потом помазывал маслицем, они и визжали, и гавкали, и скулили, а иных выкручивало и трясло — видеть это было страшно. Старец приказывал бесам уйти, и они слушались его. Однажды притащили к нему одержимую бесами женщину. Она так сопротивлялась, что двое крепких мужчин с трудом могли удержать ее, и то только потому, что связали ее веревкой, которую она старалась сорвать с себя. Когда ее поставили перед старцем, он так строго на нее посмотрел и говорит: «Тебе кто разрешил в нее входить, а?» И тут одержимая каким-то тоненьким, визгливым голоском, как бы не она сама, ответила: «Я не входил в нее. Она сама, она сама! Она соблудила с кузнецом, имея законного мужа… И я имел право в нее войти!» По молитвам старца Господь на глазах у всех исцелил эту женщину.

Старцу довелось встретить и Октябрьский переворот, и первые послереволюционные годы. Умер афонский подвижник 26 августа 1918 года.

Сейчас мощи преподобного Аристоклия пребывают в храме великомученика Никиты, на московском подворье афонского Пантелеимонова монастыря.

Воспоминания о преподобном Аристоклии

Первого числа каждого месяца батюшка служил молебен с водосвятием. Народу бывало столько, что во всей квартире не найти свободного места. Стояли, сидели на полу, лежали. Многие с детьми… И батюшка в полном облачении, торжественный такой, служил с иеродиаконом и певчими. После молебна он помазывал маслом, раздавал иконочки; некоторые спрашивали совета, и он, несмотря на усталость и болезненность свою, с любовью и таким радушием всех удовлетворял, особенно посетителей с детьми. Удивительно он любил детей… И всегда, всегда его окружали дети, были такие приверженные к нему, что никак не хотели уходить от своего батюшки.

Бывало, старец идет из келлии двором, а уж народ его ожидает, он всех благословит, затем ему подадут ящик небольшой с кормом для голубей, и батюшка с молитвой им насыплет и благословит. И так каждое утро, а голуби — где только не усядутся, дожидаясь его. Потом старец входил черным ходом, и дети его уже ждали вместе со старшими, с парадного же впускались только взрослые. Сперва он принимал всех с детьми, а потом шел в большую комнату, всю заставленную иконами, наподобие часовни, для общего благословения. Батюшка изнемогал от народа, бывали дни, когда он принимал не одну тысячу человек.

Старец любил, чтобы все было покрыто, чтобы ни просфорочки, ни хлеб не были раскрытыми. Батюшка всегда учил: «Пожалуйста, все покрывайте, чтобы ничего у вас не было непокрытым. У кого есть коровка — подойничек, молочко — все покрывайте, чтобы все было с молитвой покрыто. И хлеб не выкидывайте с сором в нечистую яму, а раскрошите птичкам. Все должно быть благоговейно, все чинно». Он вообще был очень аккуратным и ни в чем не любил неряшливости.

Слишком мало могу я сказать об отношении старца к людям, потому что утром я спешила на работу, а вечером меня ждала моя мамаша, и старец, зная это, велел пускать меня к нему без очереди, когда бы я ни пришла. Редко приходилось мне ожидать его, и потому я не могла видеть всех скорбей, всех болезней телесных, душевных и духовных, с которыми приходили к нему, но, как говорили, уврачевано им недугов было множество.

◊ Каждое второе число, на другой день после молебна, старец раздавал через отца N. пособия: кому десять рублей, кому пять, кому по рублику, кому чай с сахаром, кому из одежды или обуви что. А скольких невест

батюшка пристроил, сколько за учение бедных платил! Перед началом учебы вся детвора, знавшая его, собиралась к нему за благословением.

◊ Каждое воскресенье и в двунадесятые праздники старец служил в Богоявленском монастыре, где обычно служили архиереи, которые его очень любили, особенно преосвященный Трифон (Туркестанов). И наш патриарх Тихон был очень расположен к нему. Бывало, идешь, а там уж народ дожидается старца: и в монастыре, и на лестницах в храм по обеим сторонам, и в храме, чая его благословения, нашего молитвенника. Войдя в церковь, старец всегда благоговейно прикладывался к иконам, так же и при выходе. А если к какой-либо иконе нельзя подойти, то он, благоговейно взглянув на нее, молитвенно вздохнет.

◊ А эти необыкновенные праздничные воскресные молебны в часовне святого великомученика Пантелеимона! Кто там бывал, никогда не забудет. Народу собиралось столько, что, чуть запоздаешь, уже и не пройдешь. Я всегда приходила к трем часам, чтобы встать впереди, где старец служит, а молебен начинался в пять, а зимой в половине пятого, и кончался в восемь или в начале девятого. Особенно много бывало больных: нервных или, как говорят, порченых, и, как только старец начнет спускаться по лестнице из келлии в часовню, тут же узнаешь, что он вышел, так как среди больных поднимается крик и шум. «Идет, идет!» — кричат так, что ужас возьмет. — «Ну, как помолилась вчера?» — бывало, спросит старец, когда утром на другой день придешь к нему за благословением.

— Ах, батюшка, — скажешь, — уж так хорошо было! Только вот сзади одна раба Божия так кричала, что не давала молиться, а так хотелось молиться!

— А ты, — скажет старец, — не обращай внимания, что сзади тебя делается, стой пред Господом и внуши себе, что здесь только Господь, Который тебя видит, да ты, а остальных как будто никого и нет.

◊ После молебна батюшка почти всегда говорил небольшое наставление. Особенно он любил Божию Матерь и, что бы ни стал говорить, всегда сводил речь к Ней. Такую необыкновенную, такую нежную и благоговейную любовь имел он к Божией Матери, что не мог без особенной радости говорить про Нее. И когда он принимал народ, и на исповеди он не сводил взора с лика Богоматери, находившегося перед ним, как бы спрашивая Ее о чем-то.

◊ Никогда я не видела старца гневным или смеющимся, но какая-то тихая радость, какой-то свет озаряли его всего, когда он был доволен чем-нибудь; и тихая грусть была видна, а из груди исходил глубокий вздох, когда он видел грех, неисправность, порок. Иногда, бывало, вразумит, как отец сердобольный, а то промолчит, вздохнет глубоко-глубоко, с внутренней

молитвой. Я приметила его молитву: у него лицо так менялось, так одухотворялось, что невозможно было не заметить. А его служение в храме — самое благоговейное, самое умилительное, точно он один пред Господом. Ему служит! Раз старец служил литургию в храме Владимирской иконы Божией Матери, а мы были с мамашей.

Вдруг она мне говорит: «Посмотри, как у батюшки лицо сияет!»

Я взглянула и не могла опомниться от удивления: что-то необыкновенное с ним было, лицо его было прозрачно, бело, внутри его точно свет какой сиял и проникал сквозь кожу.

◊ А как батюшка был внимателен! Он всегда замечал, как ты молишься.

— Не думай, что твои слезы народ растоптал ногами, ангел хранитель все их собрал и сбережет их.

А я и забыла, что вчера так помолилась и поплакала от души…

◊ Иногда, бывало, стоишь в церкви с рассеянностью, идет батюшка кадить на «Хвалите имя Господне…», как поравняется с тобой, замедлит, взглянет в упор и скажет: «Жертва Богу — дух сокрушен», — и так скажет, так возбудит душу, таким благоговением исполнишься, что невольно опустишься на колени в молитве ко Господу. Именно со страхом, благоговением и сокрушением сердечным.

◊ Несмотря на свою видимую снисходительность, любовь и какую-то тихость по отношению к людям, отец Аристоклий имел твердую волю и не допускал в духовных детях ни малейшего непослушания. Довольно было одного тихо сказанного слова или взгляда его, как отпадала всякая попытка к непослушанию. Но я не скоро привыкла и уразумела непозволительность самочиния. Так, однажды я ему говорю:

— Батюшка, меня сегодня просила раба Божия (где я работала) пойти работать в закройную, а я сказала: «Нет, я туда не пойду работать, я лучше тут буду, я уж тут привыкла». Он, выслушав, сказал, не глядя: — Иди. — Потом, взглянув прямо на меня, добавил: — А у нас на Афоне — так лучше выгнать послушника из монастыря, чем дать ему волю.

И так батюшка это сказал, что у меня как лихорадка какая сделалась, я не соображала, что надо попросить прощения. Я упала к нему в ноги и все говорила:

— Что же мне теперь делать? Я пойду, я скажу ей…

Батюшка, видя мое состояние, сказал сдержанно, спокойно:

— Нет, и виду не подавай, работай как работала; а если опять попросит, иди беспрекословно.

◊ Пришла как-то к старцу вечером, дождалась своей очереди. Он благословил и говорит:

— Нельзя ли там у тебя сказать: три рабы Божии, сестры, нуждаются в работе. Попроси дать им работу. Да только у них машинки нет, — может, и машинку им купят?

— Знаете, батюшка, — говорю, — лучше я попрошу их устроить на место, а не на дому работать, скорей устроят и удобнее просить об этом. И для них лучше: отслужили свои часы, а там и ко всенощной успеют, и к обедне утром.

Батюшка молча выслушал, благословил меня и отпустил. Иду я домой, а тяжело сделалось на душе. Вскоре встретила неожиданно этих самых сестер и говорю:

— Батюшка что придумал: чтоб я работы попросила вам из нашей закройной, да еще машинку! Это же совершенно невозможно. Я ему сказала: «Батюшка, лучше я попрошу их на место устроить».

Они смотрят на меня во все глаза:

— Вы старцу так сказали? Да как же это вы могли? — И смеются, и обнимают меня. — Ах, вы! Да разве батюшка не знает, что можно и чего нельзя? Если он сказал, значит, можно.

— Да как же можно? — говорю им. — Да мне скажут: «А вы ненормальная?» Это совсем невозможно!

Но они начали меня убеждать, что у старца невозможного нет, и так меня пристыдили, что я пошла к нему и сказала:

— Батюшка, простите меня, что я осмелилась прекословить вам в вашей просьбе. Благословите, я попрошу о сестрах.

Прихожу в закройную, стала говорить, чтобы дали им работы и что машинки они не имеют. И вдруг заведующая говорит:

— Скажите им, пусть придут утром.

Прошло несколько дней, прихожу к старцу, он меня благословляет и говорит:

— А машинка-то какая! Ножная, зингеровская!

И с такой радостью, с такой любовью он это говорит, а я ничего не понимаю — про что это он? Потом уж узнала, что эти сестры были у нас в закройной и им дали работы — самой выгодной — и купили машинку, будут у них два рубля в месяц удерживать за нее. Они были очень довольны и говорили: «Все это старец устроил!» Я просто не верила своим ушам — ведь я считала его просьбу невыполнимой. И вдруг так просто и так скоро все совершилось!

◊ Прихожу как-то к старцу вечером, беру благословение. А он, когда благословлял, любил говорить: «Аминь». Поцеловав его руку, я взглянула на него и смотрю, ожидая, что он скажет «аминь», а он отодвинул меня и говорит:

— Пойди в комнату, посмотри на Николая Угодника.

Я пошла, не понимая, что это значит, посмотрела на большой образ святителя Николая, Мир Ликийских чудотворца, приложилась к нему и ушла домой. Мною была только что куплена первая духовная книга — «Поучения аввы Дорофея». Дома открыла ее и вдруг читаю: «Смотреть в глаза — это есть дерзость, нужно подходить и говорить, опустив глаза вниз». Тут я поняла, почему старец так сказал. Он вообще иногда учил, не прямо сказывая или обличая, но как бы притчей.

◊ Там, где я служила, одна раба Божия так завидовала мне и ревновала меня к хозяйке, что своими обидами довела — хоть с работы уходи! Не знала я, что и делать. Старцу не говорила: ну как я буду жаловаться? Прихожу раз после искушения с нею, а он благословляет меня и говорит:

— Ты знаешь отца…?

— Знаю, батюшка.

— Ведь вот, видеть меня не может! Никогда не пройдет, чтоб не оскорбить, а я всегда за него молюсь. И ты также, если случится тебе потерпеть, положи за того человека по три поклонника, утром и вечером.

— Батюшка, и меня тоже… — говорю я. А он отвел меня рукой и не стал слушать. Поглядел серьезно, будто хотел сказать: «Я про тебя и говорю».

◊ А как батюшка утешал меня своими беседами! Бывало, скажет:

— Ах, чадо мое возлюбленное, если бы ты знала, как хочется мне спасти вас! Все бы претерпел ради вас, пусть Господь вас спасет! Только бы вас к Нему привести! Только бы вы спаслись, нет у меня большей заботы, как только привести вас ко Господу, и нет серьезнее дела на земле, как спасение души, весь мир не стоит одной души, работающей Господу. — И слезы крупными каплями падали из его глаз.

◊ Когда я с молитвой входила в его келлию за благословением или советом, он всегда поглядит в глаза и запоет: «Во смирении помяну ны Господь: Аллилуиа!» — и этим вкладывает в мое сердце: «Смиряйся!»

◊ Раз пришла я к батюшке и говорю, что я делаю в день по триста поклонов. Он спрашивает: «Что?» Я повторила, а он, ударяя меня по лбу, говорит:

— Что ты! Кто же тебе позволил?

А вскоре я в книге прочитала, что нельзя без благословения принимать на себя никакие подвиги и труды, иначе можно в такую гордыню и прелесть впасть, что вместо спасения придешь к погибели.

◊ Однажды пришла со своим исповедальным листком с грехами, а тут к старцу зашел иеромонах по делу. Я стою на коленях, но читать перестала, а он говорит: «Читай». Я продолжаю читать еле-еле, почти про себя, —

стыдно очень. А он громко повторяет да переспрашивает. Как же мне было тогда тяжко и скорбно! Думаю: «Ох, уж поскорей бы он уходил, монах этот!» Потом только поняла, что этим старец душу мою от гордыни и своеволия излечивал.

◊ У мамаши моей очень болела рука уже несколько лет. И каких только лекарств мы ни испробовали, и к каким докторам ни обращались, но боль не унималась. Бывало, зайдешь посмотреть ночью матушку, не раскрылась ли во сне, а она сидит на постели и качается — так ей больно! Я говорю раз:

— Поедем к старцу, он поможет.

— Ну, что он может сделать, чем поможет? Уж что ни делали! — А сама просто плачет.

Но я все-таки убедила ее. Поехали утром. Старец был не совсем здоров и находился в келлии. Он с такой любовью принял нас! А сам как-то все улыбался, сидел он не на своем месте, а как бы кого дожидаясь. Благословил нас и стал разговаривать. Взял мамашину руку, стал ее тереть. Я сняла с нее кофту, он все продолжал тереть руку, а сам улыбался, точно для нас у него было нечто утешительное и он не мог от удовольствия не улыбаться. Мне дал рассматривать целую стопочку видов на открытках. Потом оставил матушкину руку, дал просфорочку, помазал маслом и так, радуясь, отпустил. Я посадила мамашу свою на трамвай, а сама пошла на работу. Вечером к нам люди приходили, утром я рано ушла к обедне, и так несколько дней прошло. Сижу раз за работой и думаю: «А что у мамаши рука-то? Что-то она молчит». Вечером спросила. Матушка схватила руку и, как бы удивившись, говорит:

— Не больна! И ни разу не болела после того, как мы были у батюшки.

С тех пор болей не было. Только к концу жизни, лет десятьдвенадцать спустя, она иногда жаловалась, но уже на перемежающуюся боль — в руках и ногах. Думаю, мой старец и радовался, зная, что Господь исцелил мою мамашу.

◊ Батюшка всегда радовался, когда видел усердие наше, детей духовных, друг ко другу или к другим. У него была необычайная благодарность за малейшее участие со стороны другого. Помню, я делала венки из живых цветов к большим праздникам на молебен в часовне целителя Пантелеимона. И не раз приходилось мне слышать от него благодарность, когда подходила ко кресту или после под благословение. Он с такой любовью скажет: «Спаси тебя Господь, чадо мое возлюбленное».

◊ Раз я прочитала в книге, что смирение во всем нужно: не только по отношению к людям, но и к себе, например, даже на постели, чтобы тело твое было в смиренном положении, не раскидывалось. И так меня это удивило, что я все думала: «Ну, неужели и поспать-то нельзя, как хочется, —

протянуться или как иначе?» Привязался ко мне этот помысл. Через несколько дней пошла к батюшке. Отец N. говорит: «Идите, старец в келлии». Вхожу, а он лежит на постели, смотрит на меня. Я остановилась в недоумении, и вдруг мне вспомнились мои мысли о том, как нужно лежать. Батюшка лежал в точности так, как описано было в книге: на боку, с немного согнутыми коленями, одну руку подложил под голову, а другая на коленях вдоль тела. И старец как-то глазами мне показал, и мне сделалось все понятно, будто он меня и призвал, чтобы разрешить мое недоумение, а ведь с утра я не имела намерения к нему идти.

◊ Как теперь, так и прежде, я как-то не умею высказываться, к тому же, не зная духовной жизни, я не понимала, что нужно сказать старцу, о чем спросить. Однажды говорю ему:

— Батюшка, вот как часто я к вам хожу, а ни о чем вас не спрашиваю и не знаю, что спрашивать.

Он нагнулся ко мне и тихо-тихо сказал:

— Нет-нет, ты все-таки ходи, да почаще ходи!

Батюшка не раз говорил:

— Не надо утомлять себя до того, чтобы ослабеть для духовного делания, надо, чтобы все было соразмерно. А вставать нужно в три часа или в половине четвертого. И непрестанно призывай Богородицу — идешь ли на работу, или что делаешь — говори: «Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим». Или так: «Богородице Дево, не презри мя, требующу Твоея помощи и Твоего заступления». Или иначе, как умеешь, только призывай Ее.

◊ Старец меня учил:

— Когда говеешь, поститься нужно дня два, правило к исповеди и причастию исполнять, как полагается. На исповеди стоять на коленях, сложив руки крестообразно и опустив голову. К причастию подходить со сложенными крестообразно руками, перед святой чашей не креститься и, отходя, не креститься, а только, не опуская рук, поклониться. Руки опустишь, когда запивать подойдешь, не раньше. В день причастия в гости отнюдь никуда не ходить, днем не спать, а только, если немощна, полежать немного, бодрствовать и читать Евангелие.

◊ Работать в праздники батюшка запрещал, говоря:

— Праздничную работу взять и в печку бросить. Спорости не будет тому, кто в праздник работает.

◊ — Батюшка, — говорю однажды, — мне дали работу, благословите хорошо ее исполнить.

— Ах, чадо мое возлюбленное, — отвечает он, — плюнуть на твою бы работу. Все это временное, а ты к Господу стремись!

◊ Старец говорил мне, что нас ожидает другая жизнь, полная скорбей, что веры не будет, будут все друг другу врагами, восстанут друг на друга, будут карточки на хлеб, голод — все, что пришлось нам пережить во время революции. Говорил он и об антихристе, о предшественниках его.

— Дорожи, дорожи этим временем, не вернется оно.

— А я, батюшка, — говорю, — плохо исполняю все: то по немощи, то по нерадению.

— Да ты, главное, веру-то, веру крепко держи! Не будет веры. У очень-очень немногих она будет. — И потом снова: — Чадо, храни веру.

И все это он говорил, когда еще была мирная жизнь, когда мы еще не чувствовали над собой грозы. И с такой скорбью он говорил! После этого несколько раз было: придешь к нему, он возьмет кусок белого хлеба, как нарочно приготовленный, весь заплесневелый, тщательно завернет его в белую писчую бумагу, перевяжет веревочкой, бережно мне подаст и скажет:

— Скушай.

Приду домой и думаю: «Ну как его есть, такой хлеб, уж от него пыль идет, он весь зеленый». В то мирное время таким хлебом разве только скотину кормили. Думаю, думаю, а есть-то надо — батюшка велел. Еле-еле, бывало, проглотишь… И пришло время, когда и такой хлеб с удовольствием ела!

◊ — У меня духовная дочь умерла, — сказал он в другой раз (в 1915 году), — будет служба.

— Кто же, батюшка?

— Паша Дивеевская.

◊ Батюшка не любил, когда духовные дети жаловались ему, что у них что-то нехорошо, или чем-то бывали недовольны.

— Нужно, — говорил он, — за все «слава Богу!» говорить. Мы недостойны получать и то, что нам Господь посылает.

◊ Раз пришла к батюшке — он уже был болен. Благословил он и вдруг говорит:

— Чадушко, какое время-то наступает! Детки-то просить будут хлебца, хлебец-то будет, а его не дадут. А потом все хуже и хуже будет. А там и печати будут: вот поставят тебе печать, и хлебца получишь. А народ будет жестокий от такой жизни.

◊ Старец учил избегать многословия, разговоров, а лучше пребывать в молчании.

— Если зайдешь куда и видишь, что разговор идет не по делу, пустой, то ты поклонись, скажи: «Простите меня», — и отойди. А то и так уйди, потихоньку, незаметно. Но не осуждай никого: за свои дела каждый сам отвечает пред Господом.

◊ Батюшка велел обязательно в среду и пятницу поститься, а если можно, то и в понедельник, потому что среда — это день, когда Иуда сказал первосвященникам, что предаст им Христа, в пятницу Спаситель претерпел издевательства, поругание, биение и крестную смерть во искупление рода человеческого, а понедельник — день Архистратига Божия Михаила, предводителя небесных сил, этот пост ради ангела хранителя.

◊ Все чаще и чаще стал батюшка прихварывать, почти совсем не выходил, принимал все меньше. Говорил, что ожидают нас великие скорби, голод, болезни, просил не терять веры и стараться о любви друг к другу.

Если не будет у вас любви, все ваше делание ни во что будет.

— Батюшка, как ваше здоровье? — спросишь иногда, хоть и видишь, что тяжело ему. А он всегда весело ответит: «Слава Богу».

◊ И вот не стало моего дорогого старца. Осталась только его могила, к которой я прихожу, и чувствую, что старец не оставляет меня, чувствую его общение со мной, его молитвы и помощь.

Много раз я получала помощь от батюшкина предстательства пред Господом: и в болезнях, и в искушениях, и в скорбях, но особенно во время голода. Бывало, нет ничего и взять негде, а подойдешь к портрету старца, откроешь ему свою нужду или попросишь у него прощения, и всегда было облегчение. Этот портрет он мне подарил незадолго до смерти, со словами: «Вот тебе от меня».

Схиархимандрит Кирик

К сожалению, нам очень мало известно о старце Кирике. Он родился в небогатой семье. Светское его образование ограничилось городским училищем. Но всю жизнь он обогащал свои богословские познания и умножал духовное сокровище. Молодым он поступил в Пантелеимонов монастырь на Афоне. Некоторое время трудился на Афонском подворье в Москве, участвовал в издании книг святителя Феофана, Вышенского затворника. Позднее был назначен настоятелем Афонского подворья в Одессе, где обрел широкий круг духовных чад, «от градоначальника до торговок». Вернувшись на Афон, он деятельно боролся с ересью Булат-Булатовича, который утверждал, что Бог присущ в самом слове имени Иисуса Христа. По этому делу он был послан с докладом в Святейший Синод в Петербург.

После революции старец Кирик оставался в своем монастыре, где был духовником братии. В 30-х годах, по совету митрополита Антония (Храповицкого), его вызвал в Югославию сербский патриарх Варнава.

Старец Кирик был опытным делателем сердечной молитвы и назидал своих чад прежде всего собственным примером. Словами простыми и всем доступными он говорил им о великом подвиге сердечного сокрушения, смирения и послушания; напоминал, что, становясь на молитву, надо помнить, что Бог смотрит на молящегося; не на «одеяния риз лепоту», но на «потаенного сердца человека» (1 Пет. 3, 4).

Духовные наставления

◊ Надо иметь благожелательный дух ко всем без исключения. Избегать как гееннского огня осуждения ближнего, гнева, вражды, злопамятства, подозрения, насмешек, недоброжелательности и тому подобных пороков, так как кто имеет сии пороки, тот человекоубийца есть и сын антихриста.

◊ Надо знать, что есть непременный закон возмездия, то есть что сделаешь ближнему, то непременно будет и тебе — хорошее либо плохое — и хотя мысленно кого осудишь, то будет и тебе, ибо: «имже судом судите, осудят и вас, какою мерою мерите, возмерится и вам», сказал Господь Бог наш.

◊ При молитве церковной или келейной надо одеть себя с головы до ног как бы одеждою виновности перед Богом, и вменить себя в лепечущее дитя и тогда сказать Богу: «Господи, благослови меня приносить молитвы и моления Твоему благоутробию о моем недостоинстве и о всех родных моих, как здравствующих, так и почивших (имя рек), за коих Ты умер на кресте»; а потом читай молитвы медленно, как бы в слух Святому Духу. Молиться надо и о самой молитве.

Таким же образом обращайся к Богу и пред чтением Святого Писания.

◊ А когда подходишь к святой чаше для причастия, тогда ничего не мысли о грехах своих, но лишь скажи себе (мысленно): «Господи, я не достойна Твоего сладкого причастия, но верую, что Ты меня удостоишь»; а затем открывай двери уст твоих широко, при благоговейном внимании и живой вере, что Сам Христос тебя причащает невидимо для людей, но действительно это так, хотя видимо священнической или архиерейской рукой. При том, после святого причастия надо целовать край святой чаши, как бы самое ребро Христово, из которого лилась святая Кровь.

◊ Надо иметь благоговение пред величеством Божества, то есть крайнее опасение, чтобы не прогневать Бога ни делом, ни словом, ни помышлением.

◊ Никому не смотреть в глаза, ибо это есть (по святым отцам) духовная дерзость, но иметь всякого (в своей мысли) больше себя и лучше себя. Сознание этого надо иметь при разговоре и при встрече с другим лицом и предварять друг друга поклонением, «друг друга больше честью творяще», как сказал святой апостол Павел.

◊ Когда кто в глаза хвалит, то не надо отвечать ему на похвалу, хотя бы и смиренными словами, ибо это значит, что принята похвала, которую без вреда для души слушать нельзя, но надо смолчать и во время молчания думать о своих грехах, ведомых Богу, хотя их люди не знают. А когда

услышишь укорение и досаждение, тогда также не надо отвечать на сии слова, но надо мыслить, что Бог попустил сие для твоего смирения и терпения; а когда так будешь мыслить (что я сего достойна), тогда Дух Святой приходит в душу нашу и строит там спасение неведомым для нас самих образом.

◊ Надо благодарить Бога за все Его благодеяния, нам явленные и не явленные: «Слава Тебе, Боже, что еще жива и есть время к покаянию».

◊ Самые главные добродетели суть следующие: искренняя исповедь, считать себя хуже всех и грешнее всех и отсечение своей воли.

Вот основные добродетели всякого человека, а также иноческие в особенности.

Правило краткое для всякого православного человека о том, как проводить жизнь богоугодно и спасительно

Помни Бога молитвенным призыванием имени Его и заповеди Его твори, кои тяжки не суть.

Многие желают спастись, но не многие знают, с чего начать спасение. Начать надо с последнего, то есть — с памяти о смерти. Рече бо Господь: «земля еси и в землю отыдеши»!..

Человеку православному, содержащему правила, святой Церковью установленные, надлежит еще, помимо догматических истин, молиться Богу, творить добрые дела, любить и помнить Создателя своего, прилепляться Ему духом своим, исполнять Его заповеди, которые касаются до самых мелочей, служащих для памяти о Боге в жизни и деятельности православного человека.

Об этих-то мелочах и предлежит наше слово. Не соблюдая этих мелочей, нельзя соблюсти и больших спасительных заповедей. А посему и спасение наше будет сомнительно.

Мелочи эти заключаются главным образом в нижеследующих четырех положениях.

Первое. Как начинать всякое малейшее дело или занятие. Второе. Как обращать оное во славу Божию. Третье. Как приносить Богу покаяние за несоблюдение внимания к проступкам, учиненным в продолжение дня, — против Бога, против ближнего и против своей совести. — И четвертое. О памяти смертной, то есть об исходе из сей жизни в жизнь вечную.

О начинании всякого дела и малейшего занятия

Не начинай прежде никакого дела, по-видимому самого малого и ничтожного, пока не призовешь ты Бога, чтобы Он помог тебе произвести оное в действо. Рече бо Господь: «без Мене не можете творити ничесоже»

(Ин. 15, 5), то есть ниже сказать, ниже помыслить. А по сему надлежит призывать благодатную помощь Божию либо словами, либо мысленно: Господи, благослови! Господи, помоги! Призыванием имени Божия получаем мы благословение от Господа, Который скажет в день он: «придите, благословеннии Отца Моего, и наследуйте Царство, уготованное вам от сложения мира». А те, кто не будет иметь на себе печати благословения Божия, — тем скажет: «отойдите от Меня, Я вас не знаю…» Вот как важно для нас призывание имени Божия и получение благословения от Него на все дела и начинания наши (и в особенности пред чтением Святого Писания, а наипаче пред молитвой!). Итак, при всяком малейшем деле и начинании сего дела всегда взывай к Господу о помощи, иначе не будет благополучия, не только при обычных занятиях житейского обихода, но даже и при святом деле, но конец его будет печальный и даже греховный, по словам святителя Иоанна Златоуста. Во всяком же случае, при отсутствии призывания помощи Божией мы являемся презрителями промысла Божия и обнаруживаем духовную гордость пред Богом, которая происходит от забвения Бога. А Святое Писание говорит нам: «да возвратятся грешницы во ад, вси языцы, забывающии Бога!»

Память о Боге означает молитвенное призывание, а не простое воспоминание имени Иисусова.

Нашему нерадению и забвению способствуют бесы, они всюду населены: обитают на земле, и в воздухе, и в поднебесной, и в преисподней и следят за каждым человеком, как бы совратить его с истинного пути.

Вследствие нашего забвения о Боге бесы так близки к нам бывают, как воздух, окружающий нас; они касаются нашего тела и даже мозгов по попущению Божию; но верою в крестную силу Христову и крестным знамением можем все стрелы лукавого угасити.

Как обращать наши дела во славу Божию

Святой апостол Павел сказал: «непрестанно молитесь, и вся во славу Божию творите, сие бо угодно и приятно пред Спасителем нашим Богом». Итак, непрестанно молиться — это не значит стать пред святыми иконами и молиться целый день, хотя и надо молиться в определенное время. Можно и должно молиться за всяким делом, как говорит святитель Иоанн Златоуст: «можно молиться и сидя за прялкой и ум возводить к Богу разумов, взирающему на ум и сердце наше». Итак, имея в руках дело житейского обихода (без коего нельзя обойтись всякому человеку), можно и должно молиться и от видимого предмета, нами воображаемого и в данный момент в руках наших находящегося, — переносить мысль свою на невидимое имя Божие. Например: взирая на огнь, либо в плите, либо в примусе или в

лампе, или где-либо, скажи себе мысленно: Господи, избави мя от вечнаго огня!

Затем, по подобию вышереченного, надлежит переходить от видимого предмета на невидимое имя Божие при всех без исключения случаях и занятиях наших, как то: моешь ли белье, или что иное, или чистишь какой-либо предмет — скажи себе (мысленно): Господи, очисти скверну души моея! Также начинаешь пить, или есть, после обычной молитвы, — помысли о том, как Господь Бог наш желчь и оцет вкусил нашего ради спасения, а нам вся благая предлагает! Сим образом смиришь свой гордый помысл и воздохнешь и возблагодаришь Господа, за нас пострадавшего! Ложась на одр свой или кроватку свою, скажи себе мысленно же: Господь и Бог наш не имел, где и главы подклонити, а нам всякое удобство даровал. Пробудившись во время сна, перекрестись, а когда встанешь от сна своего, скажи себе: Слава Тебе, показавшему нам свет! Начинаешь обуваться, говори мысленно: Господи, благослови, Господи, помоги!

При надевании на себя свойственной тебе одежды скажи себе (мысленно): Господи, просвети одеяние души моея и спаси мя! Начиная убирать власы главы своея, вспомни, как римские воины терзали Спасителя нашего за пречистые власы Его, когда вели Его на распятие, и тогда скажи: Слава страстем Твоим, Господи! Увидишь ли прекрасный предмет, достойный Творца и Промыслителя нашего о Своей твари, — прославь Создателя всех! Пред выходом из комнаты своей читай мысленно: «Достойно есть…» до конца, а также, когда придешь обратно, читай сию же молитву. Когда при выходе из комнаты (или кельи) берешься за ручку двери, читай мысленно молитву: «Милосердия двери…» до конца. — И так всегда при всяком видимом предмете переходи (мысленно) на невидимое имя Божие. Здесь отчасти лишь приведены примеры, кто же с усердием возьмется исполнять оные, того благодать Святого Духа научит, как надлежит относиться ко всякому (без исключения) предмету и творить все во славу Божию, с соответствующими мыслями и чувствами, то есть движениями души: либо прославительными, либо благодарными, либо покаянными, или самоуничижительными; подобного рода движения души — уже молитва, как о сем сказал святитель Василий Великий.

Таким образом, так действуя, человек находится в состоянии непрестанной молитвы, согласно слову святого апостола Павла, и, следовательно, в единении с Богом, Который сказал: «Кто не со Мною, тот против Меня». Так действуя, будешь все творить во славу Божию по научению святого апостола, и в то же время будешь иметь богоугодную и спасительную молитву, на которую, так сказать, наталкивает нас всякий предмет, пред нашими глазами сущий.

А когда нападает на нас уныние или ожесточение сердца, не допускающее до молитвы, тогда, чтобы прогнать такое бесовское искушение, надо сказать себе: Господи, нет у меня ни умиления, ни усердия, ни сокрушения, чтобы молиться Тебе достодолжно!.. После такого сокрушения сердечного Бог даст богоугодную и спасительную молитву, так как «сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19), то есть не оставит без помощи. При такой заботливости нашей о славе Божией и при сознании немощи естества нашего вселится в тебя благодатная сила Божия и ты будешь в числе тех, о коих сказал апостол Христов: «чадца, болезную о вас, дондеже вселится в вас Христос!»

Царство Божие не отверзается для того, в кого еще здесь на земле не вселится (по вере его) Христос; а где Христос, там свет незаходимый и нет тьмы; и будет у тебя на душе мир и радость ради пребывания в сердце твоем благодати Духа Святого как залога спасения нашего и вечной радости, иже на небесах.

О покаянии пред Богом

Каяться должны все без исключения, и великие грешники, и люди с малыми грехами сущие, кои думают, что нет нужды каяться в малых повседневных грехах, как то: в словах, в мыслях, желаниях и намерениях греховных и тому подобных мелочах. Но так думающие ошибаются, бедные!.. Ибо и святые апостолы своим примером побуждают нас на покаяние. Так святой апостол Иоанн Богослов пишет: «аще речем (в уме своем): греха не имамы — себе прельщаем, и истины несть в нас» (1 Ин. 1, 8), так как и в самом помышлении о неимении греха уже грех есть! А святой апостол Иаков сказал: «много согрешаем все». Святой Павел апостол говорит: «от нихже (грешников) первый есмь аз». — Итак, если такие светильники всемирные так каются, то каждый из нас может ли дерзнуть сказать, что у меня нет грехов, за которые бы надо каяться пред Богом?! Такое самомнение есть погибель душевная, ибо так мыслящие отвергают от себя Судию Бога, но сами себе судиями бывают. Сохрани нас, Господи, от такового бесчувствия! Без помощи Божией или без благодати Святого Духа мы не можем сделать что-либо доброе и спасительное, даже и помыслить о добре, но по необходимости должны просить себе у Бога благодатной помощи на все дела и начинания наши. Однако, при исполнении всякого дела и начинания его, по немощи естества своего, человек по необходимости будет падать, будучи преследуемый врагами нашего спасения… Тогда надо встать и исправиться. Но как это? — через покаяние пред Богом. Например: как только заметишь в себе (при свете совести и закона Божия) — грех ума, слова, мысли, либо какой греховной страсти или

привычки, борющей тебя во всякое время и месте, — сию же минуту кайся Богу (хотя бы и мысленно): Господи прости и помоги! (то есть прости, что я оскорбил Тебя, и помоги, чтобы не оскорблять Твое величие). Эти три слова — «Господи, прости и помоги» — надлежит произносить медленно и несколько раз, или вернее, пока вздохнешь; вздох сей означает пришествие благодати Святого Духа, простившего нам грех сей, за который мы в данный момент каемся Богу. Тогда всякое действие бесовское в мыслях наших, и особенно в воображении, отпадает от нас. Если же бесовское действие снова придет, снова же сотворить покаянную молитву; этим только способом человек достигнет чистоты сердца и мира душевного. При таком покаянии никакая страсть (то есть беспорядочная мысль) или привычка греховная не может устоять, но постоянно умаляться будет и наконец совершенно исчезнет по мере чистоты сердца. Рече бо Господь: «блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» — и прежде всего в сердце своем, исполненном мира душевного, ибо Святое Писание говорит: «в мире место Его (в мирном устроении сердечном), и жилище Его в Сионе». Но чтобы иметь благой навык к покаянию пред Богом, надо возыметь твердую решимость на это спасительное дело и просить Бога укрепить волю нашу на дело сие; и начать оное с того времени, когда день склонился к вечеру и наступает ночь, и тогда пред отходом ко сну надо помыслить: как проведен день?

Вспомни — где был, что видел, что говорил и что худое сотворил: против Бога, против ближнего и против своей совести и если что-либо усмотришь греховное, тогда покайся Богу за весь день, а если не усмотришь, не вспомнишь ничего, это не значит, что ничего не случилось, но то значит, что по рассеянности мыслей все забыто; тогда надо каяться Богу и за самое забвение о Боге, говоря себе: забыл я Тебя, Господи! Увы мне! Не забудь же меня, Господи, Тебя забывающего!!

Вечерний навык покаяния пред Богом поведет дальше к средине дня, а потом будешь ловить себя на месте преступления греховного падения (в мелочах). Такое покаяние пред Богом поведет к полному совершенству (или святости) — без особых подвигов! Как о сем сказали древние святые отцы, Бог не требует от нас чрезвычайных подвигов, но малых, только постоянных, по словам святителя Иоанна Златоуста.

О памяти смертной

Смерть всему конец! О ней необходимо надо помнить всякому человеку. Память о смерти не есть то, чтобы воображать гроб, могилу, погребальную обстановку и тому подобное, но лишь иметь уверение — что не ныне — завтра нас здесь не будет и переселят нас в вечность, которая, по

словам святителя Иоанна Златоуста, страшнее самого ада! Нет сильнее способа к побуждению к добродетели, кроме памяти смертной, которая отрешает дух от временной видимой твари и прилепляет его к Богу; в особенности с утра надо настраиваться на помышление о вечности, ибо какое будет утреннее настроение, такое останется и на весь день. О важности и пользе памяти смертной (утренней, а также вечерней пред отходом ко сну) святой Антоний Великий, умирая, оставил как бы завещание и окружающим его одр монахам сказал: «дети, не забывайте об исходе из сей жизни в жизнь вечную!»… Говоря так, он находил, что нет более могущественной добродетели, чем память смертная, способствующая ко благоугождению Богу и спасению «души, вещи бессмертной». А святитель Димитрий, Ростовский митрополит, сказал: «кто о муке не памятует, того мука не минует». Недаром же и Святое Писание говорит: «помни последняя твоя и во веки не согрешишь». И святой Иоанн Лествичник сказал: как невозможно, чтобы голодный не вспомнил о хлебе; так невозможно и спастись тому, кто не вспоминает о смерти и о последнем суде и вечности! Итак, начало спасения души зарождается от помышления о вечности, или, что то же, от погружения ума в вечность и уязвления сердца страхом Божиим. От сего бо рождается дух сокрушен; сердцем же сокрушенным и духом смиренным привлекается благодать Святого Духа, строящего в нашей душе спасение незаметным для нас образом, во славу Спасителя нашего Бога: Царствие Божие не приходит с соблюдением, то есть приметным образом. Итак, из мелочей слагается у нас нравственный характер, по коему либо осудимся, либо оправдимся (на страшном суде).

Уста затворяются при памяти смертной, что особенно важно и ценно для иночествующих, ибо многословие отнимает у человека помышление о вечности, столь полезное в деле спасения души! — Враг нашего спасения — сатана особенно борется с нами за то, чтобы отнять у нас память о смерти. Он готов (по словам святых отцов) дать нам сокровища всего мира, лишь бы отнять у нас помышление о смерти, ибо знает, треклятый, что такое помышление ведет нас к спасению «души, вещи бессмертной» и блаженству, с коего он ниспал; на этом основании зависти он еще в раю отклонял Еву от памяти смертной, говоря ей: «не смертью умрете, но будете как боги…» Так и теперь враг нашего спасения всячески и всякими приманками и благовидными предлогами подходит к нашей душе, суетой и заботами всегда занятой, и отвлекает нас от спасительной памяти о смерти и вечности!

Кончая же сие нравоучение, молим Бога разумов, да даст нам, яко бесконечно благий, разум о всем и ниспошлет нам благодать Святого Духа или спасительную силу Божию на помощь немощи естества нашего, к

благоугождению Создателю нашему и Его Пречистой Матери, и Приснодеве Марии — на спасение нашей «души, вещи бессмертной»!

Поучение ко всем, желающим спасения души

Священное Писание указывает нам на одну из первоначальных добродетелей, — она именуется: благоразумное молчание. Если она полезна для всех вообще, то для монашествующих в особенности. А посему святые отцы сказали: всякую добродетель надо начинать от языка; если кто не удерживает язык свой, то у сего не ищи добродетели, ибо душа его опустошена, весь дух благочестия испарился. Лучше упасть с высоты, нежели от языка…

Недаром же святая Церковь заставляет нас ежедневно повторять в течение всего года, а в Великий пост даже поет среди храма: «положи, Господи, хранение устом моим, и дверь ограждения о устнах моих» (Пс. 140, 3). Почему? Потому, во-первых, что ничем так часто и так много не согрешаем мы, как языком; потому, вовторых, что крайняя умеренность и осторожность в словах есть не только высокая добродетель христианская, но и лучшее средство к мудрой и счастливой мирной жизни, как в обществе, так наипаче в монастырской жизни.

«Аще кто в слове не согрешает, — говорит святой апостол Иаков, — тот совершен муж, силен обуздать все тело». «Язык — это огнь», — как называет его тот же святой апостол, — мгновенно возгорается, и прежде чем успеешь опомниться, опаляет кого-либо, — либо укоризной, либо клеветой или осуждением и оскорблением. «Язык неудержимое зло: тем благословляем Бога Отца, и тем же клянем человека. От тех же уст исходит благословение и клятва» (Иак. 3, 8, 10). Но слово Божие гремит на таковых: «за всякое слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день судный».

Удерживай язык свой в то время, когда сильное огорчение взволновало тебя, — и ты предотвратишь ссору, быть может жестокую и опасную, угасишь вражду, быть может долговременную и нескончаемую.

Привыкшему к празднословию придет ли охота молиться? Откуда придет к нему благое слово молитвы, когда язык его привык переливать одни пустые и праздные слова? Удерживай язык твой тогда, когда ни время, ни место не позволяет суесловия, например в храме Божием, и предохранишь себя от тяжкого греха — оскорбления святыни и величия Божия, и не подашь пагубного соблазна душе брата или сестры.

Итак, есть ли человек «хотяй видети дни благи» в жизни своей? — «Удержи язык твой от зла и устне твои, еже не глаголати льсти» (Пс. 33, 13–14). А прежде и паче всего возводи ум твой к Богу и воздыхай к Нему

усердием своим: да оградит Он слух твой от пустых и душевредных бесед, да охранит душу твою от мечтаний и помышлений лукавых. «Положи, Господи, хранение устом моим и дверь ограждения о устнах моих!» (Пс. 140, 3).

Итак, при заботливости о сей добродетели, надо еще иметь благоговейный страх Божий, то есть иметь постоянное крайнее опасение, чтобы не оскорбить величия Божия, ни мысленно, ни словом, и делом не прогневать Его благость, присно с нами сущую, и не удалиться от благодати Святого Духа, в нас живущего. А если мы удалим от себя Духа Святого, то по необходимости впадем в руки врага нашего спасения, который влечет нас туда же, где и сам живет, то есть — в ад преисподний.

Но да избавит всех нас Господь Бог от таковаго несчастья, о чем и должны мы к Нему прибегать за помощью в деле спасения, памятуя Его слова: «Яко без Мене не можете творити ничесоже» доброго и спасительного.

Некоторые иноческие опыты (не чуждые и для мирян)

Спасительные пути (то есть церковное правило и келейное) должно проходить с великим смирением, не помышляя о себе, якобы что благо творишь, но тем ища помощи от Бога к побеждению страстей, борющихся с нами, и тем очищать образ Божий, потемненный страстями, воспаляясь в любовь Божию, но не могши ее достигнуть по высоте ее, нисходить в глубочайшее смирение; а Господь награждает нас духовными дарованиями. Но искать или желать награды духовной за подвиги — погрешительно: это состоит в воле Божией, когда и кого чем наградить.

Остерегайтесь думать о том, что благо творим, чрез что бывают худые последствия. Все надо делать со смирением, от чего и рождается плод духовный: «любы, радость, мир, долготерпение, кротость, воздержание» (см.: Гал. 5, 22) и прочее. Помните, молитва — дар, а не собственность моя; надобно сей дар заслуживать не только одною молитвою, но и прочими добродетелями: смиренномудрием, простотой, терпением, простодушием; а без сих добродетелей, хотя и молится кто, думая, якобы стяжал молитву, но прельщается: не молитва это, но маска молитвы!

Не должно отчаиваться, не имея чистой молитвы, и не оставлять оной. Приуготовляться же должно с верою и представляя себе величество Божие, а свое ничтожество, требующее помощи Божией; и более всего, когда хотите приносить молитву, должно изгнать из сердца своего злопомнение на ближних.

Через воспоминание об исходе из сей жизни, стяжим слезы, в нихже несть падения, то есть высокоумия. Нередко к Божественному сему

рыданию примешиваются богопротивные слезы, проистекающие от тщеславия. Часто случается, что слезы легкомысленные надмевают людей. От всегдашнего упражнения рождается навык, навык обращается в чувство, а что делается в чувстве, то бывает неудобоотъемлемо. Хотя бы ты и великие подвиги проходил, но если ты не приобретешь болезнующего сердца, то все они притворны и суетны. Если при слезах думаешь, что они приходят от любви к Богу, то явная прелесть. Прежде надобно понести скорби, встречающиеся при делании заповедей Божиих, и оными исцелять страсти, и тогда не искать утешения, но оно само по себе приходит.

Надо пребывать больше в покаянии, а не искать утешений. А один духовный муж предпочитает еще крест духовным наслаждениям и говорит, что мы ищем в них не Бога, а себя.

Когда будешь смирением идти и не искать утешений и еще недостойным себя вменять оных, то и духовные плоды обрящешь, если не скоро, то при конце жизни. Высокоумием, самонадеянностью и возвышением ума погубляются все подвиги и добродетели: так опасна сия неприметная болезнь души! Всегда несовершен пребывает тот, кто думает, что он сам есть доволен руководствовать самого себя.

Так и молитву Иисусову надо творить не с тем, чтобы приобрести дар молитвы, а с тем, чтобы побеждать страсти по воле Божией.

У нас три врага: своя воля, самооправдание и человекоугодие. Путь Божий — отсекать свою волю.

Невозможно спастись иначе, как только строгим вниманием и хранением ума.

Желающий соблюдать заповеди должен начать со страха Божия, чтобы не поскользнуться в пропасть. «Начало премудрости — страх Божий».

Всегда надо иметь благоговейное расположение духа, особенно на молитве, или когда говорим или слушаем о Боге: к этому приводит нас непостижимость Божества.

Наши мысли, наши слова, наши дела — все это сохраняется! Мы не можем уничтожить их! Они уже здесь на земле не отступают от нас; когда-то они вернутся к нам после смерти, и с ними мы будем жить в одиночестве вечности! Бог благоугождается внутренним настроением — верою, страхом Божиим, преданностью Ему, сердечным к Нему прилеплением и упованием. Кто снисходит брату своему по страху Божию, на том почивает Дух Божий.

Молитву Иисусову должно творить при сознании присутствия Божия, в убеждении, что не ты Бога зришь, а Бог тебя видит и знает все, что есть внутри тебя; при поддержании теплоты мирной, неподвижной, размышлении о страданиях Христовых и благодарении Бога за все, за все!

Страх Божий да не отходит и трезвенность да не угаснет и не ослабеет!

Преуспеяние в духовной жизни означается все большим и большим сознанием своей негодности в полном значении сего слова, без всяких ограничений. Много есть чувств добрых, но чувство негожества есть основное, так что коль скоро нет его, все не впрок, все пошло криво.

Читать с размышлением и себе приложением.

Как огня беречься тщеславия, лицемерия, лукавства и осуждения.

Считай каждого человека лучшим себя; без мысли сей, если б кто и чудо сотворил, не угоден Богу.

У тех, кто нимало не заботится об очищении и исправлении своего ума, ум упоевается самомнением и приводится в оцепенение бесовским действием.

Ходить непрестанно в памяти Божией и памяти смертной и тем самым возбуждать помысл бодренный и ревнующий о спасении.

Молитвы, приносимые без всякого сердечного чувства, неприятны Богу и скорее воспламенят Его гнев, нежели благоволение и милость.

Начиная молитвы, нужно приготовиться к ним. Надо представить себе живо величие Божие, от Него потом обращая взор на самих себя и видя, что при всем нашем тщеславии, в основании — мы не более как горсть праха.

Мы не должны излагать перед Ним ни одного из наших желаний без того, чтобы испросить у Него прощения в том, что мы дерзаем говорить Ему.

Все от Бога, всякое дарование: нечем хвалиться человеку.

Стой пред Господом прямо, со страхом и трепетом, сделай на челе крестное знамение и приноси Ему молитвы.

Поутру, за прошедшую ночь, в вечеру же за день, скажи со умилением в молитве своей ко Владыке Богу: «Владыко! Прости ми все, имене ради Святаго Твоего, и исцели душу мою, яко Согреших Тебе».

Душевный сон есть нерадение и непамятование о смерти.

Забвение, нерадение, беспечность и неведение суть исполины, борющиеся с нами до гроба.

Храни ум и сердце во всякое время; береги его от всяких пустых мыслей и в чувстве страха Божия и Его непостижимого вездеприсутствия внимательно принуждай себя в покаянном расположении духа к молитве; при помощи Божией храни ум и все обретешь молитвою и спасешься.

Покаяние пред Богом: Господи, прости и помоги! Мало слов, но покаяние сие может повести человека к совершенству без особых подвигов, ибо память о покаянии — не даст воли согрешить.

Опасайся останавливать внимание и ласкать в душе нечистые помыслы, потому что, хотя бы от сего ничего беспорядочного не произошло в теле твоем, однако ты останешься виновным перед сердцеведцем Богом,

Который сказал о воззрении на жен «ко еже вожделети ея»: «уже любодействова в сердце своем».

Постоянно бодрствуй над душою твоею и духом твоим, над телом, чувством, языком, взором (через который наипаче демоны проникают в сердце наше), слухом, над мыслями и всеми действиями твоими. Наблюдай в особенности, чтобы во время, посвященное молитве, воображение твое не блуждало от предмета к предмету, но ходи всегда в страхе и как бы перед лицом Божиим, изгоняй из сердца твоего все мысли и попечения земные, будь во время молитвы как бы одним из блаженных духов, созерцающих Бога на небе, прилепляйся Ему подобно херувимам и серафимам.

Прилепляяйся духом Богу — един дух с Ним есть (см.: 1 Кор. 6, 17).

Не суди и не уничижай никого, потому что от сего изнемогает сердце и ослепляется ум: отсюда же является нерадение и рождается сердечное нечувствие. Кто снисходит брату своему по страху Божию, на том почивает благодать Святого Духа. Своя воля препятствует прийти в умиление. К смирению приводят: вера, надежда и любовь. Новоначальному иноку прилично следующее: глубокое смирение, — почитать себя за ничто и ни с кем себя не сравнивать; полное послушание и покорность и чтобы, будучи презираем, не негодовал.

Терпением скорбей спасаем мы души наши и не иначе делаемся сообщниками Христовых страданий, как терпением скорбей. За все благодари Бога, ибо благодарение ходатайствует о немощах наших.

Телу твоему дай посильный труд и весь подвиг твой обрати на ум.

Один Бог везде и во всем, так что видит и все помышления наши, и все движения внутренние, и все сокровенности душевные. Нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его! И Он праведно испытует сердца и утробы.

Бог благоугождается внутренним настроением, верою, страхом Божиим, преданностью Богу, сердечным к Нему прилеплением и упованием. Внешняя же деятельность вся почти идет у нас в соприкосновении с братьями, и тут-то главное: не себе угождать, не своих си искать, чего бы это ни касалось.

Невозможно спастись иначе иноку, как только строгим вниманием и хранением ума! По смерти вечный сон не освежит нашей души; нет, наши мысли, наши слова, наши дела будут беспрерывно и неутомимо приходить и уходить… ужасное раскаяние, как пожар, будет пылать в нашей душе. Это — чистый ад!

Яд для души — злопамятство, злоба, вражда, лесть, неприязнь, ненависть, зависть, подозрительность, мстительность, мнительность; недоброжелательство, тщеславие, гордость, лукавство, сердитость, клевета,

ревность, ссора, спорливость, осуждение, огорчение, гнев, человекоугодие, самоугодие, сребролюбие, плотская похоть и ею услаждение посредством сласти в помыслах своих, недоверие, бесстрашие пред Богом, уныние, печаль, противоречие, объедение, любоимание, безнадежие, уныние, леность, беспечность, самодовольство, самоцен, самомнение и прочие тонкие скрытые страсти, приводимые в движение демонами в мыслях наших.

В малое время можно достигнуть совершенства души своей, только надо взяться за главное: иметь смирение духа, считать себя перед всеми слугой и как бы проданным рабом, иметь простоту и любовь детскую ко всем, а в разуме быть мужем совершенным. Путь этот трудный, но кратчайший.

Взирай на конец внимания и молитвы и не прельщайся. Сея бо конец, умиление есть всегдашнее, сокрушение сердца, любовь к ближнему и сим подобное.

На страшном суде больше всего спросят за недостаток любви к ближнему, — любовь есть Сам Бог!

Вступившему на путь духовный не столько бывают опасны страстные искушения, как явное зло, сколько разленение, оставление внимания, забвение. Рассеяние, конечно, причина забвения того. О, как потребно бодренное сердце и трезвенная мысль — зрети пред собою Бога, без Негоже не можем и помыслить что доброе!

Когда человек молится, тогда он беседует с Богом, а когда читает Святое Писание, тогда Бог с человеком беседует.

Хранение рассудительности лучше всякого жития, каким способом и в какой бы человеческой мере оно проводимо ни было.

Тот — храм благодати, кто в единении с Богом всегда озабочен мыслью о суде Его. Что же значит иметь попечение о суде Его, как не искать всегда упокоения Его, как не печалиться, не заботиться непрестанно о том, что не можем достигнуть совершенства по немощи естества нашего? Иметь непрестанную печаль о сем — значит непрестанно носить в душе своей памятование о Боге, как о сем сказал Василий Великий.

Водружение в душе памятования о Боге есть вселение в нас Бога. Так соделываемся мы храмом Божиим. Попечение об этом и сердце сокрушенное являются уготовлением упокоения в Боге.

Имей Божий страх в сердце твоем и молись Богу часто со слезами.

Целью ума твоего имей испрашивание себе благодати Святого Духа.

При молитве надо вменять себя в лепечущее дитя и с детскою любовью и простотою говорить молитвы свои Богу — Создателю своему.

Бойся во время молитвы воображения какого-либо, чтобы во время молитвы твоей между Богом и тобою не иметь в уме никого и ничего, иначе отринет тебя Бог от лица Своего.

Убеди себя, что ты ничто и тогда будешь нечто, а если будешь думать, что ты нечто, тогда ты — ничто.

Всегда надо стараться ходить во смирении, согласно заповедям Господним. Господи, помоги мне! Господи, укрепи немощь мою и отврати очи мои от суеты и всего неполезного.

Аминь и Богу нашему слава!

Преподобный Силуан (1866–1938)

Жизнь преподобного Силуана была умеренно суровая, с совершенным невниманием к внешности и большим небрежением о теле. Старец одевался грубо, как рабочие монахи; носил на себе много одежды, потому что за годы полного небрежения о теле часто простужался и страдал от ревматизма. Во время своего пребывания на Старом Руссике он сильно простудил себе голову, и мучительные головные боли вынуждали его ложиться в постель. Ночи тогда он проводил вне стен собственно монастыря, в большом помещении продовольственного склада, которым заведовал; делал он это ради большого уединения.

Когда отец Силуан впервые был назначен экономом, то, придя от игумена в свою келлию, он горячо молился, чтобы Господь помог ему исполнять это ответственное послушание. После долгой молитвы был ему ответ в душе: «Храни благодать, данную тебе». Тогда понял он, что хранить благодать важнее и дороже всех прочих дел, и потому, вступив в послушание эконома, он неусыпно следил за тем, чтобы не прерывалась молитва его.

Как эконом монастыря, преподобный Силуан имел под своим началом до двухсот рабочих. Утром, обходя мастерские, он давал в общих чертах указания старшим мастерам и затем уходил в свою келлию плакать о «народе Божием». Сердце его болело от скорби за рабочих; он оплакивал каждого.

Тайно молился старец, но рабочие это чувствовали и любили его. Он никогда «не висел у них над душой» во время работы, не подгонял их, но они, обласканные, веселее работали и с большей энергией, чем у других.

Преподобный Силуан был малограмотный, в детстве ходил в сельскую школу только «две зимы», но от постоянного чтения и слышания в церкви (на Афоне во время ночных служб и особенно всенощных бдений, которые длятся по восемь, девять и более часов, читают вслух много поучений из святоотеческой письменности) Священного Писания и великих творений святых отцов он очень развился и производил впечатление начитанного в монашеском отношении человека. От природы у него был живой, сообразительный ум, а долгий опыт духовной борьбы, внутренней умной молитвы, опыт исключительных страданий и исключительных

Божественных посещений — сделал его нечеловечески мудрым и проницательным.

В 1932 году один католический доктор, отец Хр. Б., посетил монастырь и с удивлением узнал, что монахи читают Иоанна Лествичника, авву Дорофея, Феодора Студита, Кассиана Римлянина, Ефрема Сирина, Варсонофия и Иоанна, Макария Великого, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Никиту Стифата, Григория Синаита, Григория Паламу, Максима Исповедника, Исихия, Диадоха, Нила и других отцов, тогда как на Западе их только изучают ученые.

Старец Силуан тогда заметил: «Наши монахи не только читают эти книги, но и сами могли бы написать подобные им… Монахи не пишут, потому что есть уже многие прекрасные книги, и они ими довольствуются, а если бы эти книги почему-либо пропали, то монахи написали бы новые».

За время своей долгой жизни на Афоне отец Силуан встречался со многими большими подвижниками; некоторые из них опытом познали те состояния, о которых пишут такие великие аскеты, как Исаак Сирин, Макарий Великий, и другие, и потому слова старца вполне естественны. Сами великие афонские подвижники считали, что преподобный Силуан «достиг в меру святых отцов».

Отец Силуан в беседах словно стыдился идти дальше намека, благодаря чему его великая мудрость и совершенно исключительный опыт часто оставались сокрытыми от собеседника. При жизни своей преподобный остался для большинства «неявленным». Несомненно, это была не только воля Божия о нем, но и его собственное желание, которое принял Бог и исполнил, скрыв его даже от большинства отцов Святой горы. Лишь некоторые монахи и немонахи, лица, посетившие Афон или имевшие с ним переписку, оценили и глубоко полюбили его. Среди них были и епископы, и священники с высшим богословским образованием, и благочестивые миряне. Особенно любили старца Силуана сербские монахи из сербских монастырей. Они видели в преподобном старце духовного отца, возрождавшего их своей любовью.

В монастыре немалое время гостил один православный иностранец, на которого встреча с отцом Силуаном произвела глубокое впечатление. Он полюбил старца и часто ходил к нему; об этом узнали монахи. Как-то один из наиболее влиятельных соборных старцев, иеромонах Н., человек начитанный и живого ума, встретив его в коридорах монастыря, сказал: «Не понимаю, почему вы, ученые академики, ходите к отцу Силуану, безграмотному мужику? Разве нет кого-нибудь поумнее, чем он?» «Чтобы понять отца Силуана, надо быть академиком», — ответил гость не без боли в душе.

Тот же иеромонах Н., продолжая не понимать, почему старца Силуана почитают и посещают «ученые» люди, беседуя с отцом Мефодием, монахом, много лет заведовавшим книжной лавкой монастыря, заметил: «Удивляюсь, зачем они к нему ходят. Он, небось, ничего не читает». «Он ничего не читает; но все делает, а другие много читают, но ничего не делают», — ответил отец Мефодий.

Скончался схимонах Силуан во втором часу ночи на 11/24 сентября 1938 года и был погребен в тот же день вечером в четыре часа.

Духовные наставления

◊ Что надо делать, чтобы иметь мир в душе и теле? Для этого надо всех любить, как самого себя, и каждый час быть готовым к смерти. Когда душа помнит смерть, то приходит в смирение, и вся предается воле Божией, и желает быть со всеми в мире и всех любить.

◊ Господь любит людей, но посылает скорби, чтобы люди познали немощь свою и смирились, и за смирение свое приняли Святого Духа, а с Духом Святым — все хорошо, все радостно, все прекрасно.

Иной много страдает от бедности и болезней, но не смиряется и потому без пользы страдает. А кто смирится, тот всякою судьбою будет доволен, потому что Господь — его богатство и радость, и все люди будут удивляться красоте души его.

◊ Ты говоришь: у меня много горя. Но я тебе скажу, или лучше Сам Господь говорит: смирись и увидишь, что твои беды превратятся в покой, так что ты и сам удивишься и скажешь: почему же я раньше так мучился и скорбел?

Но теперь ты радуешься, потому что смирился, и пришла благодать Божия; теперь ты хотя бы один сидел в бедности, радость не оставит тебя, потому что на душе у тебя мир, о котором Господь сказал: «Мир Мой даю вам». Так всякой смиренной душе Господь дает мир.

◊ Все хотят иметь мир, но не знают, как этого достигнуть. Паисий Великий раздражался и просил Господа избавить его от раздражительности. Явился ему Господь и говорит: «Паисие, если хочешь не раздражаться, то ничего не пожелай, никого не осуди и не возненавидь и не будешь раздражаться». Так всякий человек, если отсекает свою волю пред Богом и людьми, всегда будет мирен в душе, а кто любит творить волю свою, тот никогда не будет мирен.

◊ Душа, предавшаяся воле Божией, легко несет всякую скорбь и всякую болезнь, потому что и в болезни она молится и созерцает Бога: «Господи, Ты видишь мою болезнь; Ты знаешь, как я грешен и немощен; помоги мне терпеть и благодарить Твою благость». И Господь облегчает болезнь, и душа чувствует Божию помощь и бывает весела пред Богом и благодарна.

◊ Если постигнет тебя какая неудача, то думай: «Господь видит сердце мое, и если Ему угодно, то будет хорошо и мне, и другим», — и так душа твоя всегда будет в мире.

А если кто будет роптать: это не так, а это нехорошо, то никогда не будет мира в душе, хотя бы он и пост держал, и много молился.

◊ Как сохранить мир душевный среди соблазнов наших дней?

Судя по Писанию и по характеру народа нынешнего, мы живем последнее время, и все же надо сохранить мир душевный, без которого нельзя спастись, как сказал великий молитвенник земли Русской преподобный Серафим. При жизни преподобного Серафима за молитвы его Господь хранил Россию; а после него был другой столп, достигавший от земли до неба, — отец Иоанн Кронштадтский. На нем мы остановимся, он нашего времени, и мы видели его молящимся, тогда как других мы не видели.

Помним, как после литургии, когда ему подали лошадь (экипаж) и он стал садиться, окружил его народ, ища благословения, и в такой сутолоке душа его непрестанно пребывала в Боге, и в такой толпе он не рассеивался и не терял душевного мира. Как же он достигал этого? — вот наш вопрос.

Он достигал и не рассеивался, потому что любил народ и не переставал за него молиться Господу: «Господи, даруй мир Твой людям Твоим».

«Господи, даруй рабам Твоим Духа Твоего Святого, чтобы Он согревал сердца их любовью Твоею и наставлял их на всякую истину и добро».

«Господи, хочу, чтобы мир Твой был во всем народе Твоем, который Ты возлюбил до конца, и дал Сына Своего Единородного, дабы спасти мир».

«Господи, даруй им благодать Твою, чтобы они в мире и любви познали Тебя, и возлюбили бы, и сказали бы, подобно апостолам на Фаворе: „Добро нам, Господи, быть с Тобою“».

Так, непрестанно молясь о народе, он сохранял мир душевный, мы же теряем его, потому что нет в нас любви к народу.

Святые апостолы и все святые желали народу спасения и, пребывая среди людей, пламенно молились за них. Дух Святой давал им силу любить народ; и мы если не будем любить брата, то не сможем иметь мира.

Пусть каждый подумает об этом.

◊ Слава Господу, что Он не оставил нас, сирых, но дал нам на землю Духа Святого. Дух Святой учит душу неизглаголанной любви к народу и жалости ко всем заблудшим. Господь пожалел заблудших и послал Сына Своего Единородного спасти их; и Дух Святой учит такой же жалости к заблудшим, которые идут во ад. А кто не стяжал Духа Святого, тот не хочет молиться за врагов.

◊ Преподобный Паисий Великий молился за своего ученика, который отрекся от Христа, и, когда он молился, явился ему Господь и говорит: «Паисие, за кого ты молишься; ведь он же отрекся от Меня», но преподобный продолжал жалеть своего ученика, и тогда Господь сказал ему: «Паисие, ты Мне уподобился любовью».

Так стяжевается мир, и, кроме сего, другого пути нет.

Если кто много молится и постится, но любви к врагам не имеет, то не может иметь он мира душевного. И я не мог бы говорить об этом, если бы Дух Святой не научил меня любви.

◊ Брата надо вразумлять кротко, с любовью. Мир теряется, если душа потщеславится, или вознесется пред братом, или осудит кого-либо, или брата будет вразумлять, но не кротко и не с любовью; если будем много кушать или будем вяло молиться, — за все сие теряется мир.

Но если привыкнем усердно молиться за врагов и их любить, то мир всегда будет пребывать в душах наших, а если брата возненавидим или осудим, то ум наш омрачится, и мы потеряем мир и дерзновение к Богу.

◊ Не может душа иметь мира, если она не будет поучаться в законе Божием день и ночь, ибо закон сей написан Духом Божиим, а Дух Божий от Писания переходит на душу, и душа чувствует в этом услаждение и приятность, и уже не хочет любить земное, потому что любовь к земному опустошает душу, и тогда она бывает унылая, и дичает, и не хочет молиться Богу. Враг же, видя, что душа не в Боге, колеблет ее и свободно влагает в ум, что хочет, и перегоняет душу от одних помыслов к другим, и так целый день душа проводит в этом беспорядке и не может чисто созерцать Господа.

Кто носит в себе мир Духа Святого, тот и на других изливает мир; а кто носит в себе злого духа, тот и на других изливает зло.

◊ Человек сам бессилен исполнить заповеди Божии, поэтому и сказано: «Просите, и дастся». И если мы не просим, то сами себя мучаем и лишаем благодати Святого Духа; а без благодати душа во многом смущается, потому что не разумеет воли Божией.

Чтобы иметь благодать, человек должен быть воздержан во всем: в движениях, в слове, в смотрении, в помыслах, в пище. И всякому воздержанию помогает поучение в слове Божием. Сказано: «Не одним хлебом будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих».

Преподобная Мария Египетская взяла у святого Зосимы перстами немного сочива и сказала: «Довольно при благодати Божией». Надо приучить себя как можно меньше кушать, но это с рассуждением, насколько позволяет твоя работа. Мера воздержания должна быть такова, чтобы после обеда хотелось молиться.

◊ Вот самый короткий и легкий путь ко спасению.

Будь послушлив, воздержан, не осуждай и храни ум и сердце свое от плохих помыслов, а помышляй, что все люди добрые и их любит Господь. За эти смиренные мысли благодать Святого Духа будет жить в тебе, и ты скажешь: «Милостив Господь».

Если же ты осуждаешь, ропотлив, любишь творить свою волю, то, хотя бы ты и много молился, душа твоя оскудеет, и ты скажешь: «Забыл меня

Господь». Но не Господь тебя забыл, а ты забыл, что тебе нужно смиряться, и потому благодать Божия не живет в душе твоей; в смиренную же душу она легко входит и дает ей мир и покой в Боге. Божия Матерь была смиренна более всех и потому прославляется и небом и землею; и всякий, кто смиряется, будет прославлен Богом и будет видеть славу Господню.

◊ Великое благо — предаться на волю Божию. В душе тогда один Господь, и нет другой мысли, и она чистым умом молится Богу, и чувствует любовь Божию, хотя и страдает телом.

Когда душа всецело предалась на волю Божию, тогда Сам Господь начинает руководить ею, и душа непосредственно учится от Бога, а раньше наставлялась учителями и Писанием. Но редко бывает, чтобы Учитель душе был Сам Господь Своею благодатью Святого Духа, и мало кто знает об этом, а только тот, кто живет по воле Божией.

Горделивый не хочет жить по воле Божией: он любит управлять собою сам; и не понимает того, что не хватает у человека разума без Бога управлять собою. И я, когда жил в миру и не знал еще Господа и Его Святого Духа, не знал, как нас любит Господь, полагался на свой разум; но когда Духом Святым познал я Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, то душа моя предалась Богу, и все, что случается со мною скорбного, принимаю и говорю: «Господь смотрит на меня, чего мне бояться?» А раньше я не мог так жить.

◊ Тому, кто предался на волю Божию, жить много легче, потому что и в болезни и в бедности и в гонении он думает: «Так Богу угодно, и мне за грехи мои нужно терпеть».

Вот у меня много лет болит голова, и трудно мне терпеть, но полезно, потому что чрез болезнь смиряется душа. Душа моя пламенно хочет молиться и совершать бдения, но болезнь мне мешает, потому что больное тело требует покоя и отдыха; и я много просил Господа исцелить меня, но Господь не послушал меня. Значит, мне не на пользу.

А вот другой случай был со мною, и Господь скоро услышал меня и спас. Однажды в праздник в трапезе дали рыбу; и когда я ел, кость вошла в горло, очень глубоко, в груди. Я призвал святого великомученика Пантелеимона, прося исцелить меня, потому что доктор не сможет вынуть кость из груди. И когда я сказал: «Исцели», получаю в душе ответ: «Выйди из трапезы, надуйся, и кость выскочит вместе с кровью». Я так и сделал: вышел, надулся, кашлянул, и кость большая с кровью выскочила. И понял я, что если Господь не исцеляет мне голову, значит, для души моей полезно так болеть.

◊ Как узнать, живешь ли ты по воле Божией?

Вот признак: если ты скорбишь о какой-либо вещи, то, значит, не вполне предался воле Божией, хотя тебе, быть может, и кажется, что ты живешь по воле Божией.

Кто живет по воле Божией, тот не заботится ни о чем.

И если ему нужна какая-либо вещь, то он и себя и вещь предаст Богу. А если не получит нужную вещь, то все равно остается покоен, как если бы имел ее.

Душа, которая предалась воле Божией, ничего не боится: ни грозы, ни разбойников, ничего. Но что ни случится — она говорит: «Так Богу угодно». Если болен, думает: «Значит, мне нужна болезнь, иначе бы Бог не дал мне ее».

И так сохраняется мир в душе и теле.

◊ Кто заботится о себе самом, тот не может предаться на волю Божию так, чтобы душа его имела мир в Боге. А смиренная душа имеет преданность в волю Божию и живет пред ним в страхе и любви. В страхе: как бы не оскорбить чем-нибудь Бога. В любви: душа познала, как нас любит Господь.

Самое лучшее дело — предаваться воле Божией и нести скорби с упованием. Господь, видя наши скорби, лишнего никогда не даст. Если скорби нам кажутся великими, это значит, что мы не предались воле Божией.

◊ Все люди на земле неизбежно несут скорби; и хотя невелики те скорби, которые посылает нам Господь, но людям они кажутся непосильными и сокрушают их, и это потому, что не хотят они смирить свою душу и предаться на волю Божию. А кто предался воле Божией, тех Господь Сам руководит Своею благодатью, и они мужественно переносят все ради Бога, Которого возлюбили и с Которым прославляются вечно.

◊ Всегда надо молиться, чтобы Господь вразумил, что надо сделать, и Господь не оставит нас заблуждаться.

Адам не был мудр, чтобы спросить Господа о плоде, который дала Ева, и потому потерял рай.

Давид не спросил Господа: «Хорошо ли будет, если я возьму себе жену Урия?» — и пал в грех убийства и прелюбодеяния.

Так и все святые, которые согрешили, согрешали потому, что не призвали Бога на помощь, чтобы вразумил их. Преподобный Серафим Саровский сказал: «Когда я говорил от своего ума, то бывали ошибки».

Но есть и безгрешные ошибки несовершенства; их видим даже у Божией Матери. В Евангелии говорится, что когда шла Она из Иерусалима с Иосифом, то думала, что Сын Ее идет со сродниками или знаемыми… И

только после трех дней искания нашли Его в Иерусалимском храме беседующего со старцами (см.: Лк. 2, 44–46).

Итак, только Господь всеведущ, нам же всем, кто бы ни был, надо молиться Богу о вразумлении и спрашивать духовного отца, чтобы не было ошибок.

◊ Как мне понятно, что Господь управляет нами. Без Него мы не можем даже помыслить благое; поэтому нам нужно смиренно предаться воле Божией, чтобы Господь руководил нами.

◊ Мучимся все мы на земле и ищем свободы, но мало кто знает, в чем свобода, где она.

И я тоже хочу свободы, и день и ночь ищу ее… Я познал, что она у Бога, и от Бога дается смиренным сердцам, которые покаялись и отсекли свою волю пред Ним. Кающемуся Господь дает мир Свой и свободу любить Его. И нет ничего лучшего в мире, как любить Бога и ближнего. В этом душа обретает покой и радость.

◊ О, народы всей земли, на коленях припадаю пред вами и умоляю со слезами: придите ко Христу. Я знаю Его любовь к вам. Я знаю и потому кричу всей земле. Если чего не знаешь, то как будешь говорить о том?

◊ Ты спросишь: «Но как можно знать Бога?» А я говорю, что мы видели Господа Духом Святым. И ты, если смиришь себя, то и тебе Дух Святой покажет Господа нашего; и ты тоже захочешь кричать о Нем всей земле.

Я стар, и жду смерти, и пишу истину по любви к народу, о котором скорбит душа моя. Быть может, хоть одна душа спасется, и за нее буду благодарить Бога, но сердце мое болит за весь мир, и молюсь, и слезы проливаю за весь мир, чтобы все покаялись и познали Бога, и жили в любви, и наслаждались свободою в Боге.

◊ Все люди на земле, молитесь и плачьте о грехах своих, чтобы Господь простил их. Где прощение грехов, там свобода совести и любовь, хотя бы и малая.

◊ Многие люди не знают пути спасения, зашли во тьму и не видят Света истины. А Он был, есть и будет и всех милостиво зовет к Себе: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, познайте Меня, и Я дам вам покой и свободу».

Вот истинная свобода — когда мы в Боге. И я раньше не знал этого. До двадцати семи лет я только веровал, что Бог есть, но не знал Его; а когда душа моя познала его Духом Святым, то стала с жаром рваться к Нему, и теперь, горя, ищу его день и ночь.

◊ Господь хочет, чтобы мы любили друг друга; в этом свобода — в любви к Богу и к ближнему. В этом и свобода и равенство. А в земных чинах равенства быть не может, но это не важно для души. Не всякий может

быть царем или князем; не всякий может быть патриархом, или игуменом, или начальником; но во всяком чине можно любить Бога и угодить Ему, и только это важно. И кто больше любит Бога на земле, тот в большей славе будет в Царствии. Кто больше любит, тот сильнее стремится к Богу, тот ближе будет к Нему. Каждый будет прославлен в меру любви своей. И я узнал, что любовь бывает разная по силе своей.

Кто боится Бога, чтобы Его чем-нибудь не оскорбить, — это первая любовь. Кто имеет ум чистый от помыслов — это вторая любовь, большая первой. Кто ощутимо имеет благодать в душе своей — это третья любовь, еще большая.

Четвертая, совершенная любовь к Богу, — это когда кто имеет благодать Святого Духа и в душе, и в теле. У того освящается тело и будут мощи. Так бывает у великих святых мучеников, у пророков, у преподобных. Кто в этой мере, тот неприкосновенен для плотской любви. Он может свободно спать с девицею, не испытывая к ней никакого желания. Любовь Божия сильнее, чем любовь девицы, к которой влечется мир, кроме тех, кто имеет благодать Божию в полноте, ибо сладость Духа Святого перерождает всего человека и научает его любить Бога в полноте. При полноте любви Божией душа не прикасается к миру; хотя и живет человек на земле среди других, но от любви Божией забывает все в мире. И горе наше в том, что по гордости ума своего мы не стоим в этой благодати, и она оставляет душу, и душа ищет ее, плача и рыдая, и говорит: «Скучает душа моя о Господе».

◊ Милостивому Господь сразу прощает грехи. Милостивый не помнит зла. Хотя бы его обидели или отняли имения, он будет равнодушен, ибо он знает милость Божию, а милость Господню никто из людей не может отнять, потому что она высока, она у Бога.

◊ Если ты зло думаешь о людях, то, значит, злой дух живет в тебе, и это он тебе внушает злые мысли на людей. И если кто не покается и умрет, не прощая брата, то душа его отойдет туда, где живет злой дух, который овладел душою.

◊ Такой у нас закон: если ты прощаешь, это значит, что и тебе Господь простил; а если не прощаешь брату, то, значит, и твой грех остается с тобою.

◊ Господь хочет, чтобы мы любили ближнего; и если ты помышляешь о нем, что любит его Господь, то значит, что любовь Господня с тобою; и если ты думаешь, что много любит Господь создание Свое, и сам жалеешь всю тварь, и любишь врагов своих, себя же считаешь хуже всех, это значит, что с тобою большая благодать Святого Духа.

◊ Ты говоришь, что много людей страдает от всяких бед и от злых человеков; но прошу тебя, смирись под крепкую руку Божию, и тогда

благодать научит тебя, и ты сам захочешь страдать ради любви Господней. Вот чему научит тебя Дух Святой, Которого мы познали в Церкви.

А кто ругает плохих людей, но не молится за них, тот никогда не познает благодати Божией.

◊ Если хочешь познать, как нас любит Господь, то возненавидь грехи и плохие помыслы и молись усердно день и ночь, и тогда даст тебе Господь благодать Свою, и ты познаешь Господа Духом Святым, и после смерти, когда придешь в рай, то и там ты узнаешь Господа Духом Святым, как познал Его на земле.

◊ И на небе и на земле Господь познается только Духом Святым, а не от науки. И дети, которые совсем не учились, познают Господа Духом Святым. Святой Иоанн Креститель, когда был еще во чреве матери, ощутил пришествие Господа. Симеон Столпник (память 24 мая), Дивногорец, был семилетним мальчиком, когда явился ему Господь, и он познал Его. Преподобный Серафим был в совершенном возрасте (двадцати семи лет), когда Господь явился ему во время литургии. А Симеон Богоприимец был глубоким старцем, когда познал Господа, приняв Его на руки свои.

Так Господь применяется к нам, чтобы больше утешить всякую душу.

◊ Ныне люди стали гордыми и спасаются только скорбями и покаянием, а любви очень редко кто достигает.

Великий Антоний сказал: «Я уже не боюсь Бога, но люблю Его». Так он сказал, потому что в душе его была большая благодать Святого Духа, Который свидетельствует эту любовь, и тогда душа не может сказать иначе. Но кто не имеет великой благодати, того святые отцы учат покаянию; и покаяние недалеко от любви, которая приходит по мере простоты и смирения духа.

◊ Если кто помышляет о брате доброе, что любит его Господь, и особенно если ты помышляешь, что в душе его живет Святой Дух, то ты близок к любви Божией.

◊ В добром Бог помогает, а в худом — враги. Но зависит это и от нашей воли; надо себя понуждать на добро, но умеренно, и знать свою меру. Надо изучить свою душу, что ей полезно; одному полезно больше молиться, другому читать или писать. И читать полезно, но лучше нерассеянно молиться, а еще дороже плач; кому что дает Господь. Конечно, восстав с постели от сна, должно благодарить Бога, потом каяться и молиться досыта, а потом читай, чтобы ум отдохнул, потом снова молись и работай. Благодать приходит от всего доброго. Но больше всего — от любви к брату.

Однажды на Пасху шел я с вечерни в Покровском соборе к себе на мельницу, и на дороге стоял один рабочий. Когда я приблизился к нему, он попросил меня дать ему яйцо. У меня не было, и я вернулся в монастырь,

взял у духовника своего два яйца, а одно из них дал рабочему. Он говорит: «Нас двое». Я отдал и второе, и когда я пошел от него, то от жалости к бедному народу я заплакал, и стало мне жалко всю вселенную и всякую тварь.

Другой раз, тоже на Пасху, шел я из главного монастырского порта в новый Преображенский корпус и вижу — бежит мне навстречу маленький мальчик, лет четырех, с радостным лицом, — благодать Божия веселит детей. У меня было яйцо, и я отдал это яйцо мальчику. Он обрадовался и побежал к отцу показать свой гостинец. И за эту мелочь я получил от Бога великую радость, и возлюбил я всякое создание Божие, и Дух Божий был слышен в душе. Придя к себе, от жалости к миру я много с плачем молился Богу. О, Душе Святый, обитай в нас всегда; с Тобою нам благо.

◊ Люди не учатся смирению и за гордость свою не могут принять благодать Святого Духа, и потому страдает весь мир. А если бы люди познали Господа, какой Он милостивый, смиренный и кроткий, то за один час изменилось бы лицо всего мира, и у всех была бы великая радость и любовь.

◊ Господь милостивый дал нам покаяние, и покаянием все исправляется. Покаянием мы получаем прощение грехов; за покаяние приходит благодать Святого Духа, и так познаем Бога.

Если кто потерял мир и страдает, то пусть покается, и Господь даст ему Свой мир.

Если какой народ или государство страдает, то надо всем покаяться, и тогда все исправится от Бога.

◊ Вся наша брань за то, чтобы смирить себя. Враги наши пали гордостью, и нас они туда же влекут. Но мы, братья, смирим себя и тогда увидим славу Господню еще здесь, на земле (см.: Мф. 16, 28; Мк. 9, 1), ибо Господь смиренным дает познать Себя Духом Святым.

◊ Не скрою от вас, за что Господь дает Свою благодать. Не буду я много писать, но прошу вас — любите друг друга и увидите тогда милость Господню. Возлюбим брата, и возлюбит нас Господь. Не думай, душа, что любит тебя Господь, если ты на кого-нибудь косо смотришь. О, нет. Скорее бесы тебя любят, ибо ты стал слугою их; но не медли, покайся, и проси у Господа силу любить брата, и увидишь тогда мир в душе.

◊ Всеми силами просите у Господа смирения и братской любви, ибо за любовь к брату туне дает Господь благодать Свою. Испытай над собою: один день проси у Бога любви к брату, а другой — живи без любви, и тогда увидишь разницу. Духовные плоды любви ясны: мир и радость в душе, и все будут тебе родные и милые, и будешь проливать обильные слезы за ближнего и за всякое дыхание и тварь.

◊ Часто за одно приветствие душа чувствует в себе благую перемену; и, напротив, за один косой взгляд теряется благодать и любовь Божия. Тогда скорее кайся, чтобы возвратился мир Божий в душу твою.

◊ Блаженна душа, которая возлюбила Господа и от Него научилась смирению. Любит Господь смиренную душу, которая крепко надеется на Бога. Каждую секунду чувствует она милость Его, так что хотя и с людьми говорит, но занята любимым Господом, и от долгого времени борьбы с врагами возлюбила душа смирение паче всего, и не дает врагам отнять у себя братскую любовь.

◊ Долго я мучился, не зная пути Господня, но теперь многими годами и многими скорбями и Духом Святым познал волю Божию. Все, что заповедал Господь (см.: Мф. 28, 20), надо в точности исполнять, ибо это есть путь в Царство небесное, где будем видеть Бога. Но не думай, что ты видишь Бога, а смиряй себя и помышляй, что по смерти будешь ввержен в темницу и там будешь томиться и скучать по Господу. Когда мы плачем и смиряем душу, то благодать Божия хранит нас, а если оставим плач и смирение, то можем увлечься помыслами или видениями. Смиренная душа не имеет видений и не желает их, но чистым умом молится Богу, а тщеславный ум не бывает чистым от помыслов и воображения и даже может дойти до того, что будет видеть бесов и говорить с ними. Пишу об этом, потому что сам я был в этой беде.

Знай, что если помысл твой уклоняется следить за людьми, кто как живет, то это признак гордости.

Внимай себе. Наблюдай за собою и увидишь: как только душа превознесется пред братом, так вслед за этим приходит плохой помысл, который неугоден Богу, и чрез это душа смиряется. А если не смирится, то придет некое малое искушение. Если опять не смирится, то начнется блудная брань. Если же опять не смирится, то впадет в некий малый грех. Если и тогда не смирится, то будет больший грех. И так до тех пор будет грешить, покамест не смирится. Но как только покается, так милостивый Господь даст душе мир и умиление, и тогда пройдет все плохое, и уйдут все помыслы. Но после держи смирение всеми силами, иначе опять впадешь в грех.

◊ Кто хочет чисто молиться, тот не должен знать никаких газетных новостей, не должен читать плохих книг или любопытно знать что-либо из жизни других. Все это приносит в ум много нечистых мыслей, и когда человек хочет в них разобраться, то они все больше и больше запутывают и томят душу.

◊ Недавно был пожар на келии святого Стефана. Монах этой келии, когда загорелся корпус, был снаружи, и, чтобы спасти какие-то вещи, он

бросился вовнутрь и сгорел сам. А если бы он помолился Господу и сказал: «Господи, хочу спасти такую-то вещь, внуши мне, могу ли я это сделать?» — то Господь непременно известил бы его и сказал бы «иди», если можно, и «не иди», если нельзя. Так близок к нам Господь, и так много Он нас любит.

◊ В жизни своей я много раз в час беды спрашивал Господа и всегда получал ответ. Эту любовь мы постигли не своим умом, но милосердием Божиим от благодати Святого Духа. Быть может, кто-нибудь скажет, что так бывает только со святыми, но я говорю, что и самых грешных любит Господь и дает Свои милости, лишь бы отвратилась душа от греха, и Господь с великою радостью принимает ее в свои объятия и ко Отцу приносит, и радуются тогда о ней все небеса.

◊ Если ты говоришь или пишешь о Боге, то молись и проси у Господа помощи и вразумления, и Господь будет тебе содействовать и вразумлять. И если есть у тебя недоумение, то сделай три поклона и скажи: «Господи, Ты видишь, милостивый, душа моя в недоумении и я боюсь погрешить. Вразуми меня, Господи». И Господь непременно вразумит, потому что Он очень близок к нам. Если же ты усомнишься, то не получишь просимого. Так Господь сказал Петру: «Почто усумнелся еси, маловере?» (Мф. 14, 31), когда тот стал утопать в волнах. Так и душа, когда усомнится, то начинает утопать в плохих помышлениях. «Господи, даруй нам полную веру к Тебе Духом Святым».

◊ Кому не дано учить, а он учит, тот оскорбляет величие Божие.

◊ Есть люди, и даже великие, которые, когда приходит недоумение, не спрашивают у Господа; а надо прямо говорить: «Господи, я человек грешный и не разумею, как должно, но Ты, милостивый, вразуми меня, как нужно поступить». И милостивый Господь не хочет, чтобы душа наша была в смущении от врага, и внушает, что надо делать и чего не делать.

◊ Знай, что когда случится беда народу и душа заплачет пред Богом за этот народ, то он будет помилован. Для этого Дух Святой коснулся души и дал ей молитву за людей, чтобы они были помилованы. Так милостивый Господь любит создание Свое.

◊ Молись просто, как дитя, и Господь услышит твою молитву, ибо Господь наш настолько милостивый Отец, что мы ни понять, ни вообразить этого не можем, и только Дух Святой открывает нам Его великую любовь.

◊ Раньше я думал, что Господь творил чудеса только по молитвам святых, но теперь узнал, что и грешному сотворит Господь чудо. Как только смирится душа его, ибо когда человек научится смирению, тогда Господь слушает его молитвы.

◊ Как узнать, любит ли меня Господь или нет?

Вот признаки. Если ты крепко борешься с грехом, то любит тебя Господь. Если ты любишь врагов, то еще больше ты любим Богом. А если душу свою полагаешь за людей, то много любезен Ты Господу, Который и Сам положил душу Свою за нас.

Великая наука

Покамест мы живем на земле, нужно научиться вести брань с врагами. Труднее всего умертвить плоть ради Бога и победить самолюбие.

Чтобы победить самолюбие, необходимо всегда смирять себя. Это — великая наука, которую скоро не одолеешь.

Нужно считать себя хуже всех и осудить себя во ад. Этим смиряется душа и стяжевается покаянный плач, от которого рождается радость. Хорошо душу свою приучить помышлять: я буду гореть в огне адском. Но жалко, что мало кто разумеет это. Многие отчаиваются и пропадают. Души их дичают и не хотят потом ни молиться, ни читать, ни даже мыслить о Боге.

Надо осудить в душе самого себя, но не отчаиваться в милосердии и любви Божией. Нужно стяжать смиренный и сокрушенный дух, тогда отойдут все помыслы, и очистится ум. Но надо знать при этом свою меру, чтобы не перетрудить души. Изучи себя и давай душе подвиг по силе ее.

Старец Феофан (1744–1819)

Монашеский путь отца Феофана начинался в Киево-Печерской лавре. Он был учеником преподобного Досифея, КиевоПечерского затворника, который направил его в Нямецкий монастырь, к преподобному Паисию Величковскому.

Молодому послушнику пришелся по сердцу уклад Нямецкого монастыря, и он просил преподобного Паисия оставить его в Молдавии, но тот велел ему возратиться в Киев, послужить еще старцу Досифею, а затем идти в ту обитель, куда тот благословит. Перед своей праведной кончиной преподобный Досифей велел идти отцу Феофану на север, в Соловецкий монастырь.

Инок Феофан сначала не исполнил завета своего старца и остался жить в Киеве. Ископав себе пещеру, он думал поселиться в ней, но ему не позволили; потом он удалился в пустыню подле лавры, но и здесь запретили ему жить. Видя неблаговоление Божие за ослушание старцу, он оставил Киев и направился в отдаленную Соловецкую обитель.

Он прибыл в обитель при архимандрите Иерониме и был поставлен на послушание в просфорню. Здесь он встретился с иноком Климентом, стремившимся к подвижнической жизни. Беседуя, они говорили о древних пустынножителях на Соловецком острове, о том, как они жили в алчбе и жажде, питались мхом, ягодами и грибами, терпели тесноту, мороз и страхования от врагов спасения. Эти беседы воспламенили в отце Клименте желание безмолвного жития, и он просил у своего старца благословения идти в пустыню. Старец, по испытании, видя его непреклонное желание и зная его терпение, с молитвою отпустил его в уединение. Отец Климент нашел удобное место, выкопал под горой пещеру, начал жить в ней в посте и молитве.

Отец Феофан заботился о своем друге и посылал ему все необходимое для жизни. Но вскоре местопребывание отца Климента было открыто одним из монастырских служителей, который донес о пустыннике архимандриту Иерониму. Архимандрит распорядился привести его в монастырь и возвратить в просфорню. С наступлением весны отец Климент опять получил от старца дозволение идти в пустыню. Отец Феофан, потеряв друга, тайно ушел из монастыря и начал искать его по всему острову. Но ему не удалось найти отца Климента, и тогда он близ так называемого

Ягодного озера, в десяти верстах от монастыря, выкопал землянку, в которой и поселился. Давнее желание его пустынножительства теперь было удовлетворено; душа его чувствовала себя в пустыне, как совершенно в сродной стихии. Ночью он пел Псалтирь и клал поклоны, а днем занимался трудами и собирал мох и корни для пищи. Диавол страшил старца Феофана разными видениями: иногда, казалось ему, являлись дикие звери, или прилетали во множестве хищные птицы и поднимали крик; иногда представлялось как бы конное войско врагов, иногда даже страдал он от биения. Тогда повергался он пред Богом, прося помощи и заступления, — и Господь спасал его.

Между тем, отец Феофан, в надежде отыскать отца Климента или найти других отшельников, обходил соседние горы и удолия. Однажды он отыскал двух пустынников, семь лет обитавших в одной келье. Проведя у них ночь, он узнал чин их моления: встав в полночь, один делал поклоны, а другой, воздев руки, молился о себе и о брате своем; потом первый становился на его место, а второй брат творил поклоны. В другой раз, ходя по острову, он встретился с посланными отыскивать его самого: с ними он вернулся в монастырь.

Через некоторое время отец Феофан был поставлен на должность эконома всего Соловецкого монастыря. Ему часто приходилось ездить в Архангельск и делать закупки.

Однажды звонарь обители передал ему приветствие от отца Климента. «Разве он еще жив?» — с некоторым страхом спросил отец Феофан. «Жив», — отвечал звонарь и рассказал о том, как, будучи в Анзерском скиту и посетив Голгофскую гору, он на обратном пути свернул с дороги, собирая ягоды, сбился с пути, два дня блуждал по острову и на третий увидел дым на горе. Подойдя к горе, он нашел малое отверстие, и затем и самую дверь в келью, в которую и вошел по обычной молитве. Здесь он увидел пустынника, разговорился с ним и признал в нем отца Климента.

Рассказ звонаря потряс отца Феофана. Друг его подвизается, а он погружен в житейские попечения и не имеет времени подумать о душе!

Скоро Господь открыл ему путь покаяния. Новый архимандрит Герасим, ревностно желающий водворить порядок в обители, делал отцу Феофану, надзиравшему за монастырскими работами, строгие внушения. Отец Феофан решился оставить Соловецкий монастырь, взял лодку и запас хлеба, пустился в море, желая поселиться где-либо на берегу. Сначала дул тихий ветер, но потом поднялась буря. Отец Феофан лежал на дне лодки, молясь и каждую минуту ожидая смерти. Так его носило по морю десять дней; наконец он был выкинут на берег… Здесь его, плачущего, и нашел один из местных жителей. Он спросил отца Феофана, почему он плачет, и подвижник рассказал ему о своем чудесном спасении и желании поселиться в уединении. Селянин отвел отца Феофана в хижину в густом лесу.

Вскоре отца Феофана нашли в хижине, привели в Кемь, где заключили под стражу, чтобы отправить в Соловецкий монастырь. Увидев, что сторож заснул, отец Феофан выбрался из заключения и побежал в лес. Дорогой он встретил проходивших людей и просил их указать ему такое пустынное место, где бы никто его не нашел. Эти путники накинули на него ветхое рубище, дали еды и отвезли далеко по реке вверх, где поселили в шалаше звероловов.

Но вскоре поморские звероловы нашли отца Феофана и, узнав, что это бывший соловецкий закупщик, подумали, что он бежал из монастыря с деньгами. Когда же отец Феофан стал уверять, что у него нет никаких денег, звероловы сожгли шалаш, били его, пытали на огне; потом, привязав веревкою, протаскивали отца Феофана подо льдом на озере из одной

проруби в другую и грозили или отвезти его в монастырь, или совсем утопить в озере.

Ничего не добившись, они бросили пустынника полуживым.

Придя в чувство, отец Феофан благодарил Бога за претерпенные страдания, признавая себя достойным и большего наказания за свои грехи. Увидев, что его шалаш сожжен, все имущество и съестные припасы разграблены, он ушел с этого места, нашел уединенную пустынь и выкопал там пещеру. Наступала зима, а у него не было хлеба, никаких припасов, и приходилось собирать гнилое дерево и мох, варить их в воде в берестяной посуде. Позднее отец Феофан рассказывал, что желудок отказывался принимать такую пищу. Когда он проглатывал ее, чувствовал тяжкую боль, так что много раз падал на землю и, как бы прощаясь с жизнью, говорил: «Господи, приими в мире дух мой». Потом, ощущая в себе некоторую теплоту, вставал и просил Бога о укреплении своей немощи.

В таких страданиях Феофан дожил до лета, тогда он наготовил кореньев, мху, ягод. Такой пищей он питался пять лет, а затем соседние поселяне, узнав о пустыннике, стали иногда приносить ему необходимое.

Поморяне, живущие в Кеми, любили старца Феофана как своего духовного отца. Местные власти с подозрением смотрели на то, что старец Феофан учит народ, и угрожали ему изгнанием. Действительно, вскоре прибыл Соловецкий иеромонах Иосиф и, взяв пустынника, привез в Соловецкий монастырь. Это было в 1817 году, при архимандрите Паисии. Старец прибыл ночью и, придя к утрени в церковь преподобных Зосимы и Савватия, приложился к мощам и стал с умилением слушать службу. Странен был вид пустынника: он был малого роста, почерневший от дыма, на голове ветхая камилавка, вся одежда изорвана.

Вскоре старец Феофан был отпущен из Соловецкой обители на Анзерский остров, в Голгофский скит. Сюда приходили к нему поморяне, сетовали, что он оставил их, предлагали старцу переселиться к ним. Но отец Феофан с угрозой отгонял соблазнителей.

Старцу было в это время уже семьдесят три года; он не мог поднимать дрова и воду на гору, и поэтому ему поставили келью под горой.

В эту келью к старцу приходило много желающих услышать его мудрое слово — приходили братия из монастыря, шли миряне.

Незадолго до кончины старца Феофана, злые люди, ища денег, били его, вырвали волосы на голове и бороде, горящей головней опалили все его тело и, оставив едва живым, ушли. Старец Феофан три дня лежал полумертвый, изнемогая от голода и холода, и до конца жизни уже не мог совершенно оправиться. Приходящим в монастырь странным казался этот престарелый

отшельник — без бороды, без волос на голове, с пришибленным хребтом, с избитым телом.

Но близок был конец страдальческой жизни отца Феофана. Однажды свет осиял его келью и ему явился иеромонах Иисус Анзерский: «Радуйся, брат, — сказал он, — скоро наступит твой конец».

Предстал пред Господом старец Феофан 26 июля 1819 года, семидесяти пяти лет от роду.

Духовные поучения

◊ «Ища вечных благ, — говорил старец, — думаем ли мы получить спасение, не оставляя своих страстей? Невозможно работать двум господам, Богу и мамоне (см.: Мф. 6, 24)».

Обливаясь слезами, старец прибавлял: «Воззрите на сладчайшего Владыку Иисуса Христа! Совершая наше спасение, сколько Он претерпел мучений, биений, оплеваний, заушений, наконец и распятие на кресте? И тогда, как Он, во истощение сил телесных, просил пить, неблагодарные иудеи даже не дали капли воды, а поднесли оцет с желчью смешен, и, взяв губу на трость, этим утоляли жажду Спасителя (см.: Ин. 19, 28, 29). А мы сладостраствуем! Подвижники Христовы не искали утешений, как, например, преподобный Парамон, мучимый огневицей, не дал телу своему никакого утешения. А мы без нужды безвременно едим и пьем, не считая этого для себя предосудительным. Разве нет у нас общей трапезы? На ней мы досыта едим и пьем — что же еще потребно? Но мы, придя в келью, вместо того, чтобы творить молитву и читать книги и после краткого отдохновения заняться в молчании другими богоугодными делами, проводим время в праздности, угождая плоти и удовлетворяя сластолюбию без всякой нужды: призовем брата или двух и празднословим, кто что видел или слышал о ком-либо; иной начинает поносить кого-либо, а товарищи из угождения поддакивают; иной высказывает свои мечты то-то купить, там-то побывать, и таким образом «кийждо суетная глаголет ко искреннему своему», развращая один другого. Это ли любовь братская, духовная? Увы, не только не духовная, но и праведная. Лучше будем слезы источать из глаз наших».

◊ Каждый из нас пусть старается положить благое начало к деланию добродетелей; поелику и мзда от Бога готовится по мере трудов. Послужим Господу в жизни сей во смирении и кротости; Он Сам говорит: «на кого воззрю, токмо на кроткаго, и молчаливаго, и трепещущаго словес Моих» (Ис. 66, 2).

◊ В церкви Божией стойте со вниманием и усердием, подвизайтесь ради сладчайшего Иисуса от всей души и отриньте мирские пристрастия.

◊ Некогда старец Феофан пришел из скита в монастырь, чтобы поклоняться мощам преподобных и навестить своих учеников. Придя в церковь к утрени, старец стал в углу и смотрел, как иноки прикладываются к святым мощам. И вот духовными очами, он видит, что преподобные Зосима и Савватий как бы сидят при своих раках и одних благословляют, а

от других отвращаются. Поэтому старец заповедал ученикам ежедневно с благоговением прикладываться к ракам угодников.

◊ «Чада мои о Господе, — говорил старец, — возлюбите Господа от всей души своей; служите Ему со страхом и любовию; исполняйте Божественные заповеди Его; умерщвляйте тело воздержанием и трудом; обеты, данные при пострижении, усердно соблюдайте; пристрастия в миру и его удовольствиям убегайте; слабости телесные отсекайте, не чреву, но Богу работая; да будет наше исшествие из мира ради сладчайшего Иисуса; возлюбите единаго Бога, и все вас полюбят; почитайте братию, и вас будут почитать.

Считайте себя недостойнее всех, чтобы Господь возвысил вас над страстями.

Отжените от себя гордость: ибо «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» (Притч. 3, 34).

Прошу вас, чада мои, когда молитесь, будьте внимательны, чтобы молитва, возносимая для умилостивления Господа, не обратилась вам в грех.

Блюдите, чтобы в то время, когда считаете себя совершающими молитву, не быть вам далеко от молитвы и не трудиться без приобретения, устами поя псалмы, а умом бродя по разным местам.

Совершайте молитву со страхом Божиим; ибо молитва есть беседа с Богом; потому, произнося слова молитвы, всем умом своим взирайте к Богу.

Собираясь в церковь, стойте в ней, как пред лицом Божиим, языком совершая псалмопение, а умом внимая слышимому. Помните, с Кем беседуете.

В келье же никак не оставайтесь праздными; ибо праздность вредит и усердным, а тем более вам юным. Юный, оставаясь в келье праздным, не избежит лености и расслабления; в это время лукавый влагает множество помыслов, а праздный не в силах противиться им и падает, исполняя волю врага. Святые отцы говорят, что сидящий в келье праздно борется с тьмою бесов и постоянно бывает побеждаем. А тот, кто исполняет послушание, или занимается рукоделием, борется с одним бесом и легко одолевает его. Вспомните повесть о великом отшельнике, жившем со своим учеником. Бесы говорили, что к старцу не могут приблизиться, а ученика никогда не застают праздным, так как он постоянно строит и разрушает. Старца соблюдала благодать Божия, а ученик строил стену из камней и разорял ее, избегая праздности; трудясь так, он избавлялся духовного врага.

Вы, чада мои, в келье занимайтесь молитвою и трезвитесь умом, последуя псалмопевцу: «предзрех Господа предо мною выну, яко одесную

мене есть» (Пс. 15, 8); и: «очи мои выну ко Господу, яко Той исторгнет от сети нозе мои» (Пс. 24, 15).

Слава Создателю моему, я творю умом молитву Иисусову без принуждения. Подвизайтеь и вы в юности, вселите в сердца ваши сладчайшего Иисуса, да, стяжав ныне Утешителя Духа, возможете возвеселиться в старости своей.

Если вы послушаете меня, то узрите свет Божественный, который и наставит вас на всякое доброе дело.

И еще говорю вам: если сохраните мои заповеди и послушаетесь моих увещаний, то неотлучны от меня будете там, где уготовано и мне быть.

Если преслушаете мои слова, то я не повинен, потому что все вам сказал».

Иеросхимонах Иероним (1765–1847)

Старец Иероним (в миру Иерофей Лукин) принял монашество в 1799 году в Новгородском Хутынском монастыре. В 1808 году отец Иероним был рукоположен в иеромонаха в Московском Новоспасском монастыре, после чего был поставлен на служение при Московском Синодальном доме.

Во время Отечественной войны 1812 года, перед оставлением Москвы, отец Иероним вывозил патриаршую ризницу. Спасая церквовные сокровища, он растерял все свое имущество…

После окончания войны отец Иероним перешел в Черноморскую Николаевскую пустынь Екатеринославской епархии, а чрез четыре года — в Новгородскую епархию, в которой и начинал свой монашеский путь.

Он был близко знаком с иеромонахом Фотием (Спасским), в ту пору законоучителем кадетского корпуса в Санкт-Петербурге. Отец Фотий резко выступал против господствовавших в то время в дворянском обществе мистических учений, или, как он сам писал, «против масонов, иллюминатов, методистов, Лабзина, Сионского Вестника и прочих». Через своих учеников и почитателей отец Фотий собирал разнообразную информацию о деятельности масонских лож и о различных мистических изданиях. Он составил список из множества мистических и масонских книг, которые он поделил на «бесовские», «еретические и антихристианские», «революционные» и «масонские». Такие книги тогда наводнили Россию… Отец Фотий был убежден, что сам император Александр I попал под влияние масонов, которые окружали его.

Отец Иероним, узнав от отца Фотия о распространении масонства, решился донести об этом правительству. Но за это донесение он был арестован, помещен в Петропавловскую крепость, в которой находился несколько лет, пока в 1830 году не последовал указ о переводе его под строгий надзор в Соловецкую обитель. Отец Иероним со слезами услышал указ о переводе из Петропавловского каземата. «О чем ты плачешь?» — спросил комендант. «Поверьте, — отвечал отец Иероним, — я не нашел лучше сего места для иноческого подвига».

В Соловецком монастыре отец Иероним был помещен в Анзерском скиту. Старец не получил образования, но чтение духовных книг, беседы со старцами, с которыми приходилось ему встречаться на жизненном пути, сделали его мудрым, проницательным. Он имел увлекательный дар слова и

редкую силу убедительности; советы его были полезны для боримых помыслами и смущаемым совестью. Наставления его, основанные на опыте, были истинным врачевством духовным.

В последние годы жизни он вел дневник.

Старец иеросхимонах Иероним почил с миром о Господе в Анзерском скиту 23 сентября 1847 года.

Духовные наставления

◊ Без Бога жить скучно. Христос сказал: «Без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15, 5). Следовательно, Он объявил нам Свою волю: быть нам с Ним неразлучно. Поэтому святые отцы оставили нам в «Добротолюбии» наставления, как соединяться с Богом умом в сердце.

◊ Упражняющийся в Иисусовой молитве не пренебрежет церковной службой. Он прежде всех спешит в церковь и последний исходит. Одни самочинники пренебрегают церковную службу. Я лучше хочу сказать в церкви одно: «Господи, помилуй», нежели прочитать в келье на воздух всю Псалтирь.

◊ Благодать Духа, вселившаяся в сердце, умудрит его более всякой науки. Если кто после внешнего образования поклонит свою выю благодати Духа, такой может сделаться премудрейшим между премудрыми, какими были апостол Павел, Иоанн Златоуст, Василий Великий.

◊ Многие, пребывая в страстях, тщатся стяжать благодать от Иисусовой молитвы. Если в какой бочке держали деготь, согласится ли кто, и по испразднении дегтя, влить в нее благовонное масло? Так в сердце, в котором гнездились или гнездятся еще страсти, скоро ли примет в себя благодать Святого Духа? Поэтому постараемся прежде очистить сердце от дегтя страстей, и потом уже можем надеяться получить лучшее.

◊ Прежде молитвы Иисусовой, подобает испросить у Бога прощение прегрешений и умертвить в себе ярость и похоть. Тогда Сам Бог будет тебе учителем в молитве сердечной. Сердечная молитва есть дар Божий, подаваемый возлюбленным рабам Божиим; сподобляется сего один из тысячей. Мнится мне, что одна молитва Иисусова, без делания заповедей, быть не может. Как некоторые думают, что они молитвенники, и учат других молитве Иисусовой, нимало не заботясь об исполнении заповедей Господних?.. Еще: и всесвятое Его имя (Иисус) должно часто произносить устами. Хорошо строить храмину с основания, а не с крыши. Писано есть: мельзи млеко, и будет масло. То есть: поговори молитву Иисусову устами подольше, заговорит и сердце. Возлюби количество и придет качество, то есть: после долгого и многолетнего пребывания в устной молитве, стяжешь сердечную. Кто же сначала учит, или учится творить молитву в сердце, тот, видно, и устами творить ее не умеет. Божия благодать приходит незаметно. Иногда благодать дается подвижнику в начале подвига, а иногда под конец жития.

◊ Я знал в Москве простого мужа гр. Ф-ча, по прозванию Гончар. Он был знаком митрополиту Платону и пользовался его расположением. Однажды между разговорами о спасении Гончар сказал владыке: «Научи меня молиться». Платон велел ему творить молитву Иисусову. Послушал Гончар, начал творить молитву и потом просил у Платона дальнейших наставлений. Владыка послал его в Песношский монастырь к иеромонаху Самуилу. Пошел к нему Гончар, посоветовался и возвратился домой в крайнем молчании; оставив всю домашнюю заботу устроил себе в доме укромный чуланец; поставил в одном образ с лампадкою и начал безмолвствовать. В церковь же ходил всегда и был до смерти церковным старостою. За смирение и милосердие к нищим Бог явил ему его кончину.

Старец Наум
(1777–1853)

Старец Наум двадцать восемь лет был в монастыре простым послушником — ловил морских зверей в Сосновой губе, трудился на монастырском кожевенном заводе, в свободное время изучая русскую грамоту, которою не занимался в детстве (по происхождению он был корел).

Главными чертами его характера были всегдашнее спокойствие духа, кротость и незлобие. Опытным подвижникам уже была видна его высокая жизнь. Так, старец Феофан, двадцать пять лет проживший в пустыне, спрашивал, когда пришел в монастырь: «Кто у вас Наум? Покажите мне его: он строит себе прекрасную палату».

Только в 1819 году отцу Науму дозволили носить рясу, и он был поставлен в Анзерском скиту на постоянное чтение Псалтири. Здесь отец Наум впервые получил уголок, где каждую ночь, пред ликом Божией Матери, совершал свои молитвословия и коленопреклонения. Две только книги он имел у себя: Псалтирь, по которой отправлялись молитвословия, и «Лествицу» преподобного Иоанна Лествичиика, по которой учился подвижничеству.

Когда выяснилось, что отец Наум проживает в монастыре, не имея увольнительного свидетельства от своего сельского общества, было решено выслать его в родное село. Без прекословия отец Наум покорился своей участи; его посадили на карбас и отправили с попутчиками поморцами. Но встречный ветер заставил остановиться у Заяцкого острова. Проходит день, другой, неделя; ветер не сменяется; еще неделя — ветер тот же. Смущенные корабельщики решили отвезти отца Наума обратно в монастырь. Так он вернулся на Соловецкий остров, а поморцы, когда ветер переменился, отправились домой.

Тихо и спокойно текла жизнь подвижника в Анзерской пустыне. Он любил уединяться для богомыслия и слезных молитв; по ночам, по возможности, сокращал время сна; от рождения не пил ни вина, ни пива, ни чаю, не носил теплого платья, довольствуясь одним рубищным подрясником и ветхой рясой, которых не взял бы и нищий, если бы нашел эту рухлядь брошенной на дороге.

Молитвенные подвиги до того умягчили сердце подвижника, что он постоянно проливал слезы умиления, особенно в церкви, во время поучений. «Ты плачешь, отец Наум; что же я не могу плакать?» — говорил

ему один молодой инок. «Придет время, придет», — отвечал Наум, едва сдерживая слезы.

В 1826 году Соловецким настоятелем был определен архимандрит Новгородского Кирилловского монастыря Досифей. Он был Соловецкий постриженник; во дни новоначалия трудился вместе с отцом Наумом в звериной и рыбной ловле и обучал его тогда русской грамоте. Новый настоятель, прибыв в скит, едва узнал в хилом и изможденном старце, одетом в рубище, бывшего своего сотрудника, тридцать шесть лет безропотно трудившегося на пользу обители. Призвав его в монастырь, архимандрит Досифей, уволил его от обязательных трудов и поручил ему чтение синодика в церкви преподобных Зосимы и Савватия и возжжение лампады в часовнях преподобных Германа и Иринарха.

Двадцать семь лет, до самой кончины, как неугасимая свеча, простоял Наум на определенной ему службе при гробах святых чудотворцев Соловецких, не изменив и здесь образа своей жизни, несмотря на преклонные лета.

Церковь преподобных никогда не отапливалась и зимой, а отец Наум, во время самых сильных морозов, никогда не надевал теплой одежды и по-прежнему носил только подрясник и рясу. Иногда ему говорил: «Батюшка, ведь ты застыл», но он с улыбкой отвечал: «Ничего; зато не дремлется».

Будучи свободным от общих послушаний, отец Наум не позволял себе быть в праздности. Зимой он занимался заготовлением дров и деланием для сетей деревянных поплавков. Этими поплавками постоянно была наполнена его келья, так что едва оставалось место для прохода. Для летних трудов он имел в разных местах пять небольших, им самим устроенных, огородов, на которых, как неутомимый муравей, он трудился ежедневно; сеял ячмень и овес; сажал разные овощи. Но редко он вкушал от плода рук своих, раздавая все братии и приезжавшим корелам. Сон отца Наума был очень короткий: днем он никогда не спал; ночью же за час до утреннего пения будил своих соседей звоном в колокольчик, повешенный в коридоре. Постелью служила ему простая доска, а изголовьем — полено.

Пребывая в постоянных трудах, отец Наум не держал продолжительных постов, но воздержание его можно назвать постоянным постничеством. Не имея в келье ничего съестного, он в трапезу ходил ежедневно к обеду и ужину, но пищи употреблял немного.

Старец неопустительно ходил в церковь к богослужению, и никто не запомнит, чтобы он когда-либо оставил какую службу. Бывало только, что он иногда не поспевал к началу утрени, и в таком случае, называя себя ленивым и нерадивым, обыкновенно говорил: «Заспался я сегодня и не

слыхал благовеста», хотя на самом деле за час до утрени будил других от сна.

При всем старании старца укрыться от людей и быть незнаемым, его посещали многие великие и малые мира сего. Два архиерея — олонецкий Игнатий и архангельский Варлаам, в бытность свою в Соловецком монастыре, посещали его келью и беседовали со старцем.

1853 год был последним в жизни старца Наума. Впрочем, он до последних дней ходил в церковь, не оставлял своих трудов; и, судя по его бодрости, даже нельзя было предполагать близость его кончины. Дня за четыре до смерти братия заметили болезненное изнеможение его, но сам больной, едва передвигая ноги, ходил в церковь. За два дня пред смертью, Пришедши к вечерни, он с большим трудом мог зажечь свечу пред иконой Божией Матери, заметив подошедшему на помощь ему иноку: «В последний раз сам зажгу». После этого он не был уже в церкви.

Старец Наум скончался 10 июня 1853 года.

Духовные поучения

◊ Старец Наум не имел дара слова, но простые и краткие наставления его, взятые с опыта, исполненные силы и духа, производили глубокое впечатление на того, кто искренно искал у него совета.

«Келья — та же пустыня», — говаривал старец Наум сетующим о пустынном безмолвии.

В самом деле, живя в многолюдстве, он, кроме своей, не бывал ни в одной братской келье; любя одинаково всех, не питал ни к кому особенного пристрастия; и постоянно погруженный в заботу о своем спасении, ко всему казался равнодушным. При таком настроении, действительно, и среди людей можно быть как в пустыне.

◊ «Читай Псалтирь, одну Псалтирь», — советовал он ученым и неученым, и не похвалял читающих много книг. Видно, что он был вполне проникнут учением о Псалтири великих отцов Церкви, как изложено в предисловии к церковному изданию книги псалмов.

◊ Находящимся в послушаниях и не имеющим возможности быть при церковных службах старец Наум говорил, что «памятью о Боге, усердное отправление всякого труда равно церковной молитве; то и другое равно благоугодно Богу и нам полезно».

◊ Наемных людей, живущих за монастырем и от утра до ночи занятых работами, он увещевал, встав от сна, полагал с молитвою к Богу какое-либо число поклонов. Вероятно, и сам старец поступал так в первые три года монастырской жизни.

◊ Всем вообще инокам и мирянам, спрашивавшим у него, как спастись, обыкновенно говаривал: «Спрашивай у своей совести, слушайся ее, и она наставит тебя на путь спасения».

◊ С любезностью приветствуя новопостриженных, он увещевал их с внешним пострижением власов отложить все пожелания и страсти тела и души, — «уста удалять от празднословия и клеветы, чрево — от невоздержания; руки — от худых дел, а ноги, чтобы знали два пути — в церковь и к послушанию, и особенно оберегал ум и сердце от греховных помыслов, и таким образом всецело прославлять Бога в душах и телесах наших».

◊ Старец Наум считал иноческую жизнь выше мирской и первую называл царством, а последнюю — состоянием рабства. «У монахов два царства: они царствуют здесь и по смерти надеются царствовать», — так восклицал он, при виде свободных от многопопечительности мирской и от

всяких соблазнов и поводов к греху, в тихом пристанище служащих Богу в подвигах молитвы.

◊ Испытав в жизни своей скорбь и тесноту, старец Наум обладал особенною способностью утешать изнемогающих под бременем напастей и искушений. «Не скорби, брат, бедами и искушениями мы идем в Царство небесное». Скорби он уподоблял буре, которая временно шумит, но скоро сменяется тишиной и спокойствием.

◊ Поучительны были наставления старца Наума боримым плотскою похотью. В назидание им старец рассказывал, какой ценой бесстрастие досталось ему самому: «Раз привели ко мне женщину, желавшую поговорить со мною; недолго была моя беседа с посетительницею, но страстный помысл напал на меня и не давал мне покоя ни днем, ни ночью, и притом не день или два, а целых три месяца мучился я в борьбе с любой страстью. Чего не делал я! Не помогали и купания снеговые. Однажды после вечернего правила вышел я за ограду полежать в снегу. На беду, заперли за мною ворота; что же делать? Я побежал кругом ограды к другим, третьим монастырским воротам; везде заперто. Побежал за кожевню, но там никто не живет. Я был в одном подряснике, и холод знобил меня до костей; едва дождался утра и чуть жив добрался до кельи; но страсть не утихала. Когда настал Филиппов пост, я пошел к духовнику, со слезами исповедал ему свое горе и принял епитимию; тогда только, благодатию Божиею, обрел я желаемый покой».

Преподобный Георгий, Задонский Затворник
(1789–1836)

Преподобный Георгий, затворник Задонского Богородицкого монастыря, был дворянин (его мирское имя — Георгий Алексеевич Мишурин), офицер, участник войны 1812 года.

Пламенная любовь к Богу, начавшаяся с детства, охватывала Георгия все сильнее и сильнее; мирские обязанности, вынужденные отношения с людьми сильно тяготили его; новая жизнь, проникнутая одним духом и одной мыслью о Боге, звала его к себе, и в 1818 году Георгий, с чином поручика, оставил службу.

7 сентября 1818 года, накануне праздника Рождества Пресвятой Богородицы, Георгий прибыл в Задонскую обитель и вступил в нее послушником. Ему было двадцать девять лет.

С великой ревностью исполнял он обеты послушания, пребывая в постоянной молитве, трудах и посте. Особенно старался он соблюдать безмолвие; в храме он не только не говорил, но и не отвечал на вопросы, так что некоторые в посмешище называли его немым.

Приблизительно через год по вступлении в монастырь послушник Георгий затворился в тесной, самой худшей келье. Она была каменная, закрыта со всех сторон, и в летнее время в ней был очень тяжелый воздух. От сырости здесь завелось множество насекомых. Зимой она промерзала. Терпя тесноту, холод и духоту, испытывая недоброжелательство приставленных к нему келейных, которых обязанность состояла лишь в подаче ему пищи, что они исполняли нерадиво, — послушник Георгий начал жестокую жизнь.

Ложился он очень редко, несколько суток проводил без сна, отдыхал недолго, сидя на стуле до утреннего благовеста; одежду носил до обветшания, пищу принимал не ежедневно, и только вечером — на два дня небольшая булка и две кружки воды с уксусом. Иконы были единственным украшением кельи.

Умножая труды, Георгий выкопал под полом глубокую пещеру и в ней уединялся на день, так как тогда мимо его жилища ходили и нарушали тишину. В келью к нему никто не входил.

После пятилетнего пребывания в этой келье по требованию настоятеля преподобный Георгий перешел в другую, более просторную, деревянную. В

это время подвижник походил лишь на тень живого человека. Покинутую им келью он всегда вспоминал с сожалением.

В новой келье половину помещения он отделил для келейников; теперь преподобный иногда отпирал двери тем, кто искал духовного назидания.

И после пятилетних усиленных трудов, невидимая тяжелая брань не оставляла подвижника в покое. Когда находило на него состояние сухости душевной, он старался оживить душу горячими слезами. При нападке лености он обливался холодной водой, или ночью, обнажившись, бросался в снег. Он возлагал на себя вериги и надевал пояс из проволоки с острыми шипами.

Келью свою преподобный содержал в величайшем порядке. У дверей коридора стоял гроб без крышки, далее шли небольшие сени, в которых следовало произнести краткую молитву. Отклик «Аминь» означал позволение войти. В одном углу кельи стояла крышка гроба, на стене — образ Святой Троицы с неугасимой лампадой; по стенам — скамьи, разделенные столиками; на полу — рогожка вместо кровати; в каморке — книги.

Большим праздником для затворника было, когда приносили к нему, для совершения молебна, чудотворную Владимирскую икону Божией Матери, главную святыню Задонского монастыря. В келье было много икон, и некоторые осуждали это как роскошь. Свою убогую обстановку и сам Георгий считал роскошью и говорил: «Как я засорил свою келью, как стал жить роскошно! Осмотрись, Георгий, так ли тебе надо поступать!»

Когда кто входил, Георгий, вместе с вошедшим, клал три земных поклона, прикладывался с посетителем ко кресту и Еванге лию, лежавшему на столе, и затем, после взаимного поклона в ноги, давал братское лобзание. Затем начиналась беседа.

Своими речами он часто отвечал на внутренние, еще не высказанные запросы приходящего.

Многие писали затворнику письма, и он некоторые сжигал, не распечатывая, зная, что такие письма с лукавством и лестью; другие же истинно радовали его.

Когда стучались к нему посетители, он знал, с каким духом кто приходит. Часто называл своим келейным знакомых лиц, говоря: «Как замедлили они прибытием к гробу преосвященного Тихона». Эти слова всегда означали их скорый приезд. Иногда, провидя, что кто-либо из знакомых его страждет, затворник посылал утешительные письма. Предупреждал также он некоторых о близкой смерти, увещевая принести покаяние.

Из жития Георгия Затворника известно о его духовном общении с преподобным Серафимом Саровским. Около двух лет боролся Георгий с помыслом перейти в другой монастырь, потому что письма и посетители отвлекали его от молитвы. Однажды келейный доложил, что странник из Сарова принес от отца Серафима поклон и благословение и хочет сказать несколько слов наедине. Странник вошел и сказал: «Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться». Странник тотчас же вышел, оставив Георгия в изумлении, так как он никогда не видал и не писал отцу Серафиму. Опомнившись, он велел вернуть странника, но его нигде не могли отыскать.

Преподобный Георгий всю жизнь называл себя этим именем, еще до рождения таинственно указанным его матери. Между тем он был тайно пострижен в монашество — когда, неизвестно — с именем Стратоник.

Недолга была жизнь затворника. В конце января 1836 года преподобный Георгий опасно занемог. Страдания были тяжкие и все усиливались, но он продолжал принимать людей и не ослаблял своих молитв. В конце мая он окончательно изнемог; накануне смерти вечером лег на рогожу в средней комнате; но вскоре снова встал для совершения молитв. Окончив свое длинное правило, он прилег. Ударили к заутрене, и келейники его пошли в церковь; когда они вернулись — в седьмом часу утра, Затворник Георгий лежал коленопреклонным и бездыханным пред образом всех святых и страшного суда Христова.

Старец предстал пред Богом 25 мая 1836 года. Ему было сорок семь лет от роду, но, по словам святителя Игнатия Брянчанинова, «духовным успехом заменил лета многа». Будучи в затворе, он вел переписку с духовными чадами, и после его смерти эти письма были собраны и напечатаны. Святитель Игнатий говорил, что Георгий Затворник превосходит всех духовных писателей своего времени, «с пера его текут струи благодатные».

Мощи преподобного Георгия Затворника пребывают в Задонском Рождество-Богородицком мужском монастыре.

Духовные наставления

◊ Не нужно терять время, чтобы разыскивать: откуда, через кого и как, справедливо ли или напрасно мы оскорблены; одно нам необходимо нужно — благодарно принять и благодушно ради Бога перенесть оскорбления, побеждая благим злое, и что бы когда ни приключилось, по всей возможности обращать во благо, и всеми чувствами служить во славу Божию.

◊ Чего нам недостает, чего еще не имеем мы, попросим с верою у Господа, и дастся нам… Господи, Сподоби нас любити Тя от всея души и помышления и творити во всем волю Твою… Господи, научи меня молиться Тебе и просити подобающее спасению моему… Хотя медленно идем, но день и ночь приближаемся ко гробу: тут-то мы остановимся до всеобщего воскресения мертвых… Покуда еще живы, в нашей воле есть презреть временное, почтить вечное и готовиться долготерпением вечному блаженству…

◊ Вот первый шаг ко спасению: отступить от людей празднословящих. Куда же отступить, ежели нет другого места, где бы хранить можно было спасительное безмолвие? Скажу вам с приятностью, куда отступить душе от пустых разговоров: надобно удержать только свой язык и помыслить о конце жизни и о истязании ответа пред Богом не только за слова и дела, но и за самое тайное помышление… Размышление об этом будет уже отступлением от празднословия. Таким образом удобно можно отступить от греха и направляться ко спасению где бы мы ни были.

◊ Не любите много говорить и убегайте от любящих празднословие. Не подумайте, чтобы это невозможно было выполнить: только пожелайте получить небо и возненавидьте всякий грех — и пустое слово не будет у вас на сердце. Не знакомьтесь никогда с вольными и невоздержными; полезнее плакать, а не смеяться; будьте знакомы с боящимися Бога, научитесь страху Божию: это начало премудрости!

◊ Вот вам мой подарок — примите его для удобного и охотного терпения находящих оскорблений: имейте размышление о вечных муках, о гееннском огне, о тартаре, как будут терпеть осужденные грешники без отрады, без конца! Страшно и ужасно! Лучше здесь все болезни претерпеть с благодарностью и никого не обвинять, не осуждать, чтобы там не быть самим обвиненным и осужденным; любите терпеть скорби, не любите временных утешений — и Господь посетит вас вечным утешением. Теперь радуйтесь о Господе.

◊ Когда вы печальны, обратитесь к утешению вашему: Господь наше утешение! Помолимся Ему в тайне сердца своего: «Господи, огради сердца наши благими мыслями, даруй веру и терпение, да не печалимся о временных, но о вечных помышление наше да будет сие: буди, Господи, милость Твоя на нас; Ты еси упование наше, вразуми нас на истинный путь и научи творити волю Твою. Вот нас окружает суетность мира сего, и тьма мысленная заставляет нас недоумевать о спасении нашем: помилуй нас, Господи; светом слова Твоего просвети сердца наши: выведи нас из недоумения и отгони от нас тьму находящих помышлений, да узрим и мы свет спасения Твоего. Молимся Тебе, Спасителю наш, удиви на нас милость Твою». Так и подобным образом все чувства ваши можете исповедовать пред всевидящим Богом и умолять Его благость. Мир вам и благоволение Господне. Покойтесь в Господе! Не задумывайтесь и не унывайте и охотно претерпевайте ради Господа все, что вам ни приключится скорбное; Господь, видя ваше произвольное и безропотное терпение, скоро вознаградит вас щедротами Своими.

◊ Грусть прогоняется молитвой и чтением Псалтири; не только же прогоняется грусть, но, при усердном внимании к читаемому слову, озаряется душа и просвещается мысль, да и самое сердце исполняется радости о Господе. Вот чем надлежит заниматься печальной душе, а не унывать, не отчаиваться. При сем занятии приложится и истинный разум: как надобно провождать кратковременную жизнь в здешнем суетном мире, чтоб спастись и не погибнуть вечно. «Горе миру от соблазн!» И видим, и слышим молву и суету, зависть и злобу, вражду и клевету; повсюду всяко встречаются соблазны, однако ж можно и не соблазняться. Верующим о Господе вся возможна суть. А чтобы не внимать суесловию, всегда надобно помнить смертный час и размышлять о вечной жизни и о праведном суде Божием; ежели несносно кажется потерпеть временно что-нибудь досадное и прискорбное сердцу ради спасения и благочестия, то представить себе надобно гееннский огнь и бесконечные муки, в которые пойдут все осужденные праведным судом Божиим за то, что не хотели последовать учению Господа и Бога Иисуса Христа, не хотели идти тесным и прискорбным путем и потерпеть за благочестие ради имени Христова. Таковые и нехотя идут терпеть нестерпимое мучение, только не сто и не тысячу лет, а вечно — без конца. Господь милостив и праведен; любит пребывающих в правде Божией и грешников кающихся милует; всех зовет «ко спасению обещания ради будущих благ»; но «уклоняющихся в развращения отведет с делающими беззаконие» (Пс. 124, 5). Итак, благое содеявшие пойдут в жизнь вечную, злое же — в огонь вечный.

◊ Кто здесь в жизни своей безропотно терпит наказание за грехи свои, и благословляет сердцем Господа Бога своего, к тому милость и щедроты Божии неотъемлемы. Ни одна душа на свете, от всего сердца покаявшаяся и исповедавшая грехи свои пред Господом, никак не была отринута от Божией милости. Господь кающихся приемлет, прощает и милует.

В унынии ж и отчаянии нет спасения. Не унывайте и не отчаивайтесь, и надежда ваша на Господа спасет вас от вечной смерти. Временные скорби окончатся; все временное, горькое и сладкое скоро проходит, и вы сегодня не терпите того, что терпели вчера; так, проходя мало-помалу, и совсем минется, так и дорога ваша, по которой вы ныне идете, неся свою сумочку за плечами; своя ноша не тяжела, скоро и всю дорогу скорбной жизни окончите, проходя ее с терпением. Мир вам! Путешествуйте мирно, моляся непрестанно в сердце своем ко Господу. Да услышит Господь смиренно молящихся Ему во истине и правде! Примиритесь сами в себе о Господе и будете покойны. Возлюбите душевный мир более всех земных сокровищ, и вы не захотите просить себе вещей, подлежащих тлению: сии сами прилагаются на потребность вашу. Держите со всеми мир и правду и увидите скорое помилование Божие…

◊ Не страхом болезней, не страхом скудости и нищеты, но страхом Божиим да покроется сердце ваше. Ублажаются те, которые боятся Господа: они пребывают в любви и хранят святые заповеди Его. Ни зависти, ни злобы, ни клеветы, ни порицаний и ни малейшего лукавства в таковых душах никак не содержится: от всех сих да спасет нас Господь страхом Своим!

◊ Оставьте наш гнев на оскорбляющего вас и вместо зла заплатите ему благим делом; помяните его о здравии и обедню попросите отслужить; тогда получите уже защиту не человеческую, но от правосудного суда Божия! А сегодня утешьте нищих; святой ангел вас утешит душевным спокойствием.

◊ Вот вам слово к сердцу: внимательное размышление о нестерпимых и вечных болезнях легко может потушить теперешнее чувствование временной болезни. Размышляйте о вечности и о муках, в которых осужденные грешники за непокаяние мучаются без конца, без отрады; взгляните на Евангельского богача: он, весь проникнутый пламенем, горя в гееннском огне, просит капли воды на язык для отрады и не получает; а к тому же слышит ужасный ответ: «Восприял еси благая в животе твоем: сего ради зде страждеши», и это страдание бесконечно (см.: Лк. 16, 19–26). Господь наш, милуя нас, любя здесь наказывает болезнями, чтобы за безропотное претерпение временных страданий избавить нас от вечных, несравненно мучительнейших. Тамо все болезни забудутся!

◊ Что высоко пред людьми, то мерзость есть пред Богом. Подумайте, матушка, чем мы можем похвалиться? — Какими науками, какими познаниями? — Самая преимущественная и высочайшая наука есть, еже знати Господа и творити волю Его, но мир о сей науке небрежет…

Вот что надобно говорить: «Даруй, Господи, молитву, да отступит прочь всякое строптивое мечтание». Воздохните ж от всея души и произнесите мыслию в сердце своем: «Господи, Сподоби мя любити Тя от всея души моея и помышления, и творити во всем волю Твою»; — вот это всего нужнее, потому что «любящим Бога вся споспешествуют во благое». Неподобныя же и парительныя мысли душе очень вредны, как дым глазам.

◊ Любящие Господа любят заповеди Его и живут по ним, соблюдая и храня слово Божие: таковым-то «вся споспешествуют во благое», и они на приключающиеся скорби никак не ропщут, но во всякой вещи благословляют Господа и прославляют имя Его. Хотя некоторые против них и враждуют, но они все терпят со смирением, всем добра желают и самой нищете своей радуются о Господе: ибо знают, что временное скоро все пройдет, и сладкое и горькое, и по сих настанет вечное! Да сподобит нас Господь здесь безропотно потерпеть, всякие оскорбления, чтобы там утешиться вечно! Прошу вас, сколько можно, терпеть с молчанием всякие оскорбления и скрывать то в сердце своем, да видит Господь смирение ваше и покроет вас щедротами своими. Хотя бы в самой горькой крайности находились вы, и тогда никому не жалуйтесь на участь вашу, но о всем благодарите Господа, и Господь силен удивить на вас милость Свою.

◊ Как вести жизнь, чтобы достигнуть спасения? — Для извлечения истинных христианских правил на сие обращаюсь к великому святому мужу Макарию. Он пишет в одной статье из многих следующее: «Должны христиане во всех подвизаться и никого отнюдь не осуждать, ниже явную блудницу, ни грешников, ни бесчинников, но с простодушием и неподзорчивым оком на всех взирать, и иметь сие, яко природное и вкорененное, чтобы никого не презирать, не осуждать, никем не гнушаться, ниже делать какое различие и лицеприемство: единоокого аще узриши, не посмейся сему в сердце своем, но аки на здраваго, на него взирай; на безрукого, не яко на безрукого; на хромого, яко на правоходящего; на расслабленного, как на здравого смотри. Сие бо есть чистота сердца, чтоб, увидевши грешников, или немощных, сострадать и милосердствовать о них. Иногда случается, что угодники Господни на позорище седяще, взирают на прелести мирские; но в то же время они по внутреннему человеку с Богом беседуют; а по внешнему только человеку кажется, что очами взирают на мирские происшествия».

◊ Лечиться магнетизированием (гипнозом. — Ред.) не должно; а лучше советую вам, при болезни, попросить священника отслужить молебен с водосвятием, и потом окропиться святой водой, и ежедневно пить оную воду, и с нею употреблять часто просфоры. Сим средством многие избавились от болезни и беснования: ибо когда человек употребляет просфору и святую воду, тогда не приближается к нему нечистый дух, душа и тело освящаются, мысли озаряются на угождение Богу, и человек бывает склонен к посту, молитве и ко всякой добродетели. В странные же учения не вдавайтесь, а слушайте Церковь Божию.

◊ Не старайтесь находить предсказателей, кои будущее предрекают, ибо, кроме Бога, никто будущего знать не может. Господь силен назначить и отменить самую минуту смертную, что мы видим в предании: ниневитские жители чрез молитву, пост и добрые дела получили отпущение грехов и самая смерть, им предсказанная пророком Ионой, отменена была. Посему, кто соблюдает с верою посты и молитвенные правила, того Господь со избранными причтет, а кто постов не уважает, тот на Вселенских соборах подвержен проклятию, что в Требнике усмотреть удобно можете.

◊ Не отлагая до другого времени, воззовите к Нему от всего сердца: Господи! Тебе открыто все сердце мое, все мысли, слова и дела мои, все грехи мои, волею и неволею, в знании и по незнанию сделанные мною, явны Тебе! Жалею и сокрушаюсь, что оскорбляла Тебя! Каюся со всею преданностью себя в волю Твою, Господи; дай мне истинно всегда приносить Тебе в жертву сокрушенное сердце; даждь ми помысл исповедания грехов моих. Прости немощи моей, и вместо многого моления и поста, удостой принять мое скорое послушание на глас призывания Твоего: «приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии». Господи! прибегаю и падаю к стопам Твоим, по подобию омывшей слезами ноги Твои (блудницы. — Ред.). Благослови, Господи, посредством служащего Тебе, Богу моему, священника принять исповедание мое и отпустить грехи мои, и Сподоби достойно причаститься святых Тайн тела и крови Твоея, во освящение души моея и в жизнь вечную (поклон Господу).

◊ Царствие Божие внутри вас есть, сказал Иисус Христос. Из этого видно, что какие бы наружные вещи ни окружали нас и сколько бы ни услаждали взор и чувственность, однако в них Царствия Божия нет. А где нет его, там тьма объемлет идущих; и все те идут во тьму, которые не возвращаются к свету, которые полюбили тьму паче света, полюбили темные и дымные мечтания, воображения, мысли и разговоры, предались неправым предрассудкам, ложно представляющимся вольномысленному суждению за истину, и привыкли действовать и жить по чувственному

желанию сердца своего, а не по заповеди Божией. Вот несчастье больше всякого несчастья и опаснейшее самой смерти!

Как же избавиться от этого несчастья — в малом времени здешней жизни? Кого другого нам спрашивать о средствах к тому, когда Сам Спаситель Иисус Христос научает всех спасаться молитвою и постом? — А которые шутят и смеются, не хотя принять на себя сего нужного предлагаемого Богом подвига, те как разумеют себя, и как познают Бога, презирая заповедь Его?

◊ Потерпите ради Господа в болезни вашей. Милосердный Господь знает, как и чем нас призывать к Себе. Болезнями душа очищается от многих грехов, — и еще от таких, которых мы и за грех не признавали. Душа, безропотно претерпевающая болезни, удостаивается мученического венца. Божие посещение болезнями приготовляет душу к вечному блаженству.

Болезнями душа приводится в сознание грехов своих, как она оскорбляла ими Господа, и чрез сие размышление приходит в чувство совершенного покаяния. Она уже не просит Господа о телесном здоровье, но плачет и умоляет об отпущении грехов: и тогда Господь, видя ее смирение и безропотное терпение, милостиво ее разрешает, — и приемлет в радость вечную, где всех веселящихся жилище. Которые здесь в жизни своей плакали, гонимы были от своих и от чужих, и все претерпевали безропотно ради Господа, те там вечно радуются и веселятся с ангелами в Царствии Божием.

◊ Некто спросил: «Как судиться будет человек?» — Ответ: совесть каждого человека откроется пред всеми, и обнаружатся не только все дела, какие кто соделал во всю свою жизнь на земле, но и все сказанные слова, тайные желания и помышления. Еще спрашивает: «Неужели Господь осудит нас за худые слова и мысли?» — Без сомнения осудит, если не загладим их покаянием, верою и исправлением жизни.

А когда спросили: «Скоро ли приидет Иисус Христос на суд?» — Сие неизвестно, и потому надобно жить так, чтобы мы всегда были к тому готовы. «Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением, но продолжает терпеть нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию. Приидет же день Господен, как тать» (2 Пет. 3, 9-10). Итак, бдите, «потому что не знаете ни дня, ни часа, в который приидет Сын человеческий» (Мф. 25, 13).

◊ Любовь к Богу и к ближнему человека земного претворяет в небесного. — Но какие знаки сея любви? — Убегать, сколько можно, человеческого почитания, удаляться от всякой временной чести, презирать себя и уничижаться, покрывшись смиренномудрием, чтобы лучше и удобнее

взирать на открытые язвы Господа славы Иисуса Христа. И когда в сердце возгорится Божественный огонь, тогда все сладости, все приятности земные обратятся в несносную горечь; все удовольствия временные и видимые прелести столько сделаются противны, что душа почувствует нестерпимую болезнь от них и будет искать иного убежища. Всякое праздное слово слышать — для нее язва и болезнь неизъяснимая! Она жаждет Любимого; она к Нему воссылает сердечные вздохи. Нет! уже более не могут утешать ее человеческие беседы; она мучится, когда видит и слышит смеющихся и осуждающих своего ближнего. Она оставляет все обыкновения, которые разлучают ее с Иисусом Христом.

◊ Иисус Христос свидетельствует нам, что «Царствие Божие внутрь вас есть», и что «от сердца исходят помышления благие и злые»: поэтому мы все внимание и старание должны обратить на мысли; и когда, при помощи Божией, проразумеем свое мысленное качество, тогда станем познавать и сердце, любит ли оно всего более своего Творца и Господа или уклоняется только на то, чего когда пожелает. Пожелание же какой-либо вещи или утешения, кроме Бога, увлекает нас в пространство прелестей, и мы сами произвольно отвращаемся от света истины и во мраке собственных удовольствий лишаемся сладчайшего утешителя — Бога.

◊ Часто надобно спрашивать себя: какою любовью уязвлено сердце мое? Люблю ли я Иисуса Христа более всего? Он ли, Господь и Бог мой, — утешением мне? Не иное ли что-либо занимает меня и памятуется более Бога в сердце моем? Не пристрастилось ли к чему паче Господа окаянное сердце мое, и не мечтает ли воображениями, противными святой любви Божией? Приди в себя, душа моя, и помысли: ежели Сам Бог не утешит и не призрит тебя, то кто может дать отраду тебе? Какая тварь, любимая тобою? — Ах, «возвратись, душе моя, в покой твой, ибо Господь благодействова тя» — и ты ли иного ищешь удовольствия? Так скажем же в заключение сущую правду: горе, горе некающимся грешникам! Ждет их мука вечная! Конец приближается: покайтесь и веруйте! Спасайтесь о Господе!

◊ Память и размышление о смерти, о судьбе, об аде, о Царствии небесном, в несомненной вере — есть истинная мудрость. Такое памятование и размышление никак не допускает человека согрешить смертным грехом пред Богом, или чем-нибудь обидеть ближнего, или укорить, или озлословить. Забвение же сего вовлекает человека в такую тьму, в которой он никак не видит самого себя — ни дел своих, ни того пути, по которому идет, ни того конца, который внезапно может постигнуть его; забыв о праведном суде Божием, он небрежет о бессмертной душе своей и, лестно надеясь на единое милосердие Божие, не алчет, ни жаждет ее

духовной пищи, да и помыслить о ней не хочет; питает же всяких вкусов изобретением свое гнилое тело и со всем усердием ему служит, чтобы усладить и успокоить похотение сердца своего, кипящего кровью от плотских вожделений: вот в чем более погружается весь ум его — сие тьмою ослепленное око души!..

Видите, что бывает, когда не помним и не размышляем о смерти, о суде, об аде и Царствии небесном: тогда всякое праздное слово, как гнилой ручей из навозной кучи, неудержно катится с языка и разливается от заразившегося на заражение многих всякою нечистотою сердца… Непрестанно нужно молиться: «Господи, избави мя от всякаго неведения, и забвения, и малодушия, и окамененнаго нечувствия. Господи, избави мя от всякаго искушения».

◊ Спасение вечное состоит в том, чтобы Бога любить более всего, и более души своей, а ближнего любить ради Бога, как самого себя, и помнить и хранить так слово Божие, чтобы жить и мудрствовать не иначе, но как Господь наш и Бог Иисус Христос научает. Любить же и не любить то или другое зависит от произволения души, которая не есть машина, движимая и движущая невольно.

◊ Кто ропщет на Бога и обвиняет Его, говоря, что Он причиною его малодушия и нетерпения, тот подражает и угождает тому змию, который в раю оклеветал Бога пред женою; а следствием сего было то, что она поверила обласкавшему ее клеветнику и преступила заповедь Божию.

Господь грешника призывает на покаяние чрез смирение и труд, чрез пост и молитву, но змий, дух лукавый, шепчет к его сердцу: не трудись; Господь милостив; — только вздохни, и помилует. Уклоняющиеся же от Господних повелений слушают змия. Напротив того, спасающиеся о Господе не смехом и шутками спасаются, но идут вслед Христа тесным и прискорбным путем; между тем как неспасающиеся гуляют по изволению сердца своего и идут путем пространным; не рассуждая о том, что заповедано Богом, и не веря Его праведному воздаянию «комуждо по делом его». Подлинно милостив Господь и дарует прощение, но кому? — Только обращающимся и кающимся в сокрушении и смирении сердца.

◊ Ничего нет опаснее, как льстить себя тщетной надеждой и отлагать исправление свое до завтрашнего дня, а сегодня жить как-нибудь; и числа нет, сколько таких самоласкателей похищено неожиданною кончиною! — За гробом уже поздно каяться. Всегда надобно быть осмотрительным и разбирать мысли и желания свои. Господь зовет к Себе: «Се время благоприятно, се день спасения!» Дух же лукавый отвлекает к себе и влагает помышление: еще успеешь, время не ушло, куда тебе спешить? Насладись

еще всяким по плоти утешением, и тогда покаешься; и так обольстивши, похищает соизволяющую его советам душу…

Видите, что спасающимся о Господе надобно помнить слово: «блюдите, како опасно ходите», и всегда быть осторожными.

◊ Ежели зеркало обращено будет к земле, то земля в нем и видится; ежели обращено к небу, небо и отражается в нем: так сердце, когда обратится к свету заповедей Божиих, тогда светло и радостно на сердце; а когда погружено будет во тьму, тогда все покроется тьмою, томится, мучается, тоскует, унывает и не видит света истинной своей радости… И то, и другое обращение предоставлено здесь вашему самовластному произволению: миру ли, во зле лежащему, хотим угождать и сообразоваться по всем его прелестям; или Богу единому угождать и сообразоваться Ему по заповедям Его, в кротости и смирении духа, и в претерпении прискорбности до самого конца; но, чтобы могли мы угождать вместе и миру и Богу — этого и помыслить не можно… О, как нужно нам почаще поверять себя самих: что мы делаем? и в каких занятиях проводим дни свои? Господь не хочет половины сердца нашего, но все сердце просит Себе для царствования в нем вечного… Что ж вы скажете теперь, какая еще скорбь мешает вам радоваться о Господе? Надобно почаще уединяться для молитвы, для чтения и внимания слову Божию: оно неизреченно вас обрадует и обвеселит все ваше сердце.

◊ Весьма полезно вам каждое утро, по принесении утренних молитв, усердно повторять тропарь и кондак вашему ангелу… Святой ангел Христов, данный вам при святом крещении во имя Отца и Сына и Святого Духа, да сохранит вас в жизнь вечную. Спасайтесь!

◊ Вы говорите, что не имеете человека, который бы руководствовал вас к вечной жизни. — Как можно ныне сказать то, что говорит при Силоамской купели расслабленный? Он тогда действительно не имел человека, который бы погрузил его в Силоамскую купель; мы же ныне убеждаемся верою исповедовать, что Христос посреди нас, Бог совершенный и Человек совершенный, руководствующий нас словом заповедей Своих и спасающий нас яко Богочеловек. Господь Иисус, наставник ваш и мой, и всех истинно послушающих его — вот истинный посредник между Богом Отцом и верующими в него грешниками, вземлющий грехи мира, — следственно и наши, и ходатайствующий о спасении нашем; «един есть Свят, един есть Господь Иисус Христос, в славу Бога Отца. Аминь». К сему же и еще имеется земной посредник — иерей, служитель Божий, ваш и мой духовник, свидетельствующий исповедание наше пред Господом, и благодатью Его кающимся подающий оставление и всепрощение грехов наших. Довольно ли для вас этого, когда вы, притом, удостаиваетесь и самого причащения

святых и животворящих Христовых Тайн, во оставление грехов и в жизнь вечную?

◊ Как вы проводите часы вашего времени и какими занятиями наполняете их? — Нет ничего дороже времени! Прошлое невозвратно; будущее неизвестно, а настоящее пользует или не пользует, смотря по употреблению, кто в каких занятиях оное провождает. Прошу вас, не унывайте; покуда время есть, благотворите душе вашей словом Божиим. Читайте, внимайте тому, что читаете, молитесь и поучайтесь день и ночь в заповедях Господа нашего Иисуса Христа! Для вечной жизни нет ничего нужнее и необходимее этого занятия.

◊ Вольны вы избирать и тьму, и свет,
И в воле нашей — уклоняться от вредных обществ и бесед,
От злых обычаев и всех мирских сует.
Одним чтоб Богом наслаждаться,
Ему всем сердцем предаваться,
От всех беги, и всех люби!

Вот что нам крайне нужно наблюдать в здешней жизни. Нужно также повторять сию молитву: Господи, даждь ми смирение, целомудрие и послушание; Господи, Сподоби мя любити Тя от всея души моея и помышления и творити во всем волю Твою.

◊ Вы сострадаете вашим родным в неполучении ими желаемого. Посоветуйте лучше им благодарить Господа и довольствоваться в славу Божию и тем, что Господь им дал. Кто благодарен за все Господу, тот не завидует другим, много имеющим, и не желает ничего такого, что неугодно пред Господом.

◊ Был спрошен я, что значит «дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41)? Вот что значит: чтобы не превозносился человек сам собою о себе, но чтобы молился со смирением и просил Божией помощи, да совершается в немощи его сила Божия. Сам Господь заповедал всем верующим во имя Его: будите готовы: не весте бо, в кую годину Господь (Судия) приидет: утром ли, или в полдень, или в вечер, или в полночь; тайна неисповедимая! Готовьтесь на всякий час; когда не мните и не ожидаете, тогда приидет. «Когда вси рекут: мир и утверждение, тогда внезапно — всегубительство…» Мнози восстанут лжепророки и антихристы, и многих прельстят; блюдитеся, будьте осторожны; разумевайте духа истины и духа лестча; смотрите, како опасно ходите… непрестанно «молитеся, да не внидите в напасть». Не прельщайтеся! Плоть духовная будет по воскресении мертвых; а ныне плоть душевная, которая страдает, скорбит, болит и молится, да укрепит Господь претерпети в чистоте и целомудрии до конца… Спасайтесь о Христе Иисусе Господе нашем.

◊ Здесь быть гонимым и уничиженным ради Бога — есть дар превыше всех земных сокровищ. Здесь смертью все кончается, но претерпевших ради Господа скорби, мучения, язвы и озлобления воздаяние велико ожидает на небеси, преисполненное радости и веселия вечного. Пока время в нашей воле есть, очень нужно здесь поучаться о вечности и приходить в истинный разум будущей жизни; а настоящая жизнь кратковременна; одною минутою оканчиваются и многие годы. Бедственно прилепляться к вещам мимотекущим, как вода, и истаивающим, как снег от солнца. Бессмертная душа в жизни плотской покойна быть не может. Ей нужно перейти в жизнь вечную. Многие много засматриваются на прелесть мира сего, останавливаются, обольщаются суетными помышлениями своими, уклоняются от заповедей Божиих и не идут, куда Господь призывает по надлежащему пути, которым входят в Царствие Божие. «Се время благоприятно! Се день спасения!» И завтрашнего — Господь не обещал, только повелел быть готовыми. Простите; спасайтесь Божиею милостию в благом долготерпении до конца, провождая житие свое не как-нибудь и не на авось-либо, но верно и истинно по заповедям Божиим; и Господь, видя таковое благое произволение сердца вашего, поможет вам преодолеть силу вражию и удостоит вас неизреченной радости!!!

◊ Я знаю христианский долг — самого себя уничижать и все безропотно сносить, а о других всегда иметь благие мысли и благотворить, по силе и возможности своей, и только удаляться от всякого греха, или иметь ненависть и к малейшим грехам, чтобы нимало не оскорблять Господа Бога, в Котором вся наша любовь утверждается.

◊ Христиане всегда должны ожидать оскорблений от гонителей Христа; нам надлежит со всех сторон ограждаться терпением и блюдением благих мыслей сердца и ума; надлежит побеждать зло благим делом, словом и мыслью.

◊ Ограждай себя в делании всякого добра ради Христа долготерпением: прими меч духовный — глагол Божий; секи, руби, истребляй сим мечом возникающие помышления, наносимые от сопротивной силы. Веруй, надейся, прославляй; помни, чей есть меч столь сильный, что сопротивная сила от единого показания его сотрясается, а от действия вовсе исчезает.

◊ Когда очень смутится ваше сердце, принудьте сами себя непременно прочесть одну кафизму и поблагодарите Господа. — Возьмите себе за правило, когда кто оскорбит вас, в ту минуту ничего не говорите; а потом, размысливши, удобно можете подействовать полезным словом. В одном я не могу согласиться с вами, будто нужно требовать себе уважения и чести, любить быть почитаемым и уважаемым: такая страсть устраняет нас от подражания Христу и пленяет душу к службе человекоугодия. Прошу вас,

согласитесь со мной, не искать себе здесь человеческого воздаяния; что бы вы ни сделали достойное чести и уважения, не ищите оправдания от человека — и будет Сам Господь вам оправданием, и воздаст воздаянием великим на небесах. Когда станем так поступать с собою, то, как тень, последует за нами неуважаемая нами человеческая слава и честь; но вменим вся за уметы, да приобретем единого Христа (см.: Флп. 3, 8)…

◊ Ныне мы существуем во времени; но временное наше скоро имеет измениться на вечное. Все, что мы делаем и как обращаемся, будет нам во свидетельство пред праведным судом.

Не только дела и вещи, вверенные нам для распоряжения, но и самые в тайне сердца помышления имеют вес и меру, тяжесть и пространство. Поэтому мы видим, какое блюдение надлежит иметь, чтобы сохранить делом заповеди Господни.

◊ Внутреннего человека смирение выражается в сих словах: нет меня грешнее и презреннее на свете. Господи, помилуй мя; буди воля Твоя и во мне, грешнем; удиви на мне милость Твою, спаси мя.

◊ Об этом известно всему свету: ежели не будете усердно молиться Богу и творить милостыню, то сами подвергнетесь злой напасти.

◊ Читаете ли вы когда-нибудь славянские книги — ЧетьиМинеи? Ежели их читать, да подражать по возможности своей, то человек, как золото в горниле, может во имени Христове очиститься.

◊ Мы не можем заблудиться в жизни нашей, когда всякий подвиг будет освещаться Евангелием, и Апостолом, и преданием святых отцов, свидетельствованных Богом.

◊ Душе, жаждущей спасения о Господе, возможно спастись повсюду, где бы то ни было, а удобнее в монастыре. Только молись и своей воли отрекись; терпи, смиряйся, вся Господу отдайся и заповеди Его храни; а если их не знаешь, то узнай. Имей молчание, целомудрие и чистоту, во всем блюди святую простоту — и ангел святой, хранитель твой, не отступит от тебя, вразумляя тебя на всякое благое дело.

◊ Терпи алчбу, жажду, нищету и смиренный труд: сим путем в жизнь вечную идут.

◊ О всем благословляй Господа, непременно молись ему — и будешь в Царствии небесном.

◊ Знай и то, и будь удостоверена сама в себе, что и одна неподобающая мысль в тебе, ежели примешь ее на сердце твое и соизволишь ей пожеланием, может тебя отлучить от Бога и подвергнуть всякой муке. Но исповедующей грехи свои и кающейся приболезненно и слезно от всего сердца Божиею милостью даруется от Господа прощение и благодать, на утверждение молящейся душе.

◊ В терпении нашем Господь обучает стяжанию душевного богатства. Истинный покой где искать? Кого спросить об этом? Ответов много получим. Всякий по своему мнению может чтонибудь сказать. Но Сам Господь вещает нам и убеждает нас Своим словом. Он, будучи Создатель неба и земли и наш Творец, увещательно говорит к нам: «Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11, 29). Где же Его кротость и смирение видеть нам? На кресте Иисуса Христа. Вот теперь знаете, как обрести покой душе своей — не беспокойтесь же ни о чем другом, тленном и погибающем. Сами знаете, что не можно вкупе угождать Богу и миру. Бог возлюбит вас, а мир возненавидит. Многие прежде возлюбили было Бога, а потом, видя тесный и прискорбный путь, обратились к миру, чтобы от своих любимыми быть, прельщая себя, что и так можно спастись; однако не напрасно сказано, что «многими скорбьми подобает внити в Царствие Божие» (Деян. 14, 22).

◊ Всякая печаль, оскорбление и тоска истребляются памятью пострадавшего Господа Иисуса Христа; подумайте, какие болезни перенесла Матерь Божия! Ежели мы что претерпеваем, как нам кажется, напрасно, то чрез сие уподобляемся Спасителю и пречистой Его Матери; а поэтому должны радоваться. Чрез скорбь очищается душа и смиряется сердце; а сердце сокрушенное и смиренное, как заверяет нас святой псалмопевец, Бог не уничижит. Иногда бывает скорбь величиною с червяка; но враг — возмутитель душевный — выводит ее, как большого слона, представляя чрез мысли глазам нашим, чтобы уязвить сердце. Ежели скажете себе в мыслях своих: мало мне этого за мои грехи! — то в ту же минуту исчезнет злой возмутитель; и тогда сердце начнет покоиться в добрых мыслях.

◊ Кто не любит уединения, безмолвия, тишины, тот не может наблюдать своего сердца, мыслей, слов, разговоров и потому произвольно уклоняется от Царствия небесного и увлекается в прелесть древней злобы.

◊ Слышу: говорят, сказывают и пересказывают одни другим, что мы ездили на богомолье в Ростов, были в Тотьме, у Троицы Сергия; и мы едем в Киев; — хочется побывать и у Соловецких — так обыкновенно пересказывают одни другим. Слышу: говорят о одних только поездках, и не слышу, чтобы кто сказал: «Я хочу переменить худую и суетную жизнь на богоугодную и постоянную». Что за польза только ездить к угодникам Божиим, а не подражать их терпению и не исправлять свои нравы? Да они сами будут посещать, когда кто хотя и не делает обетов, и не ездит по дальним странам; но, пребывая на одном месте, ведет жизнь постоянную и благоугождает Богу.

Так говаривал покойный Василий Федорович Галафеев.

Преподобный Иларион Троекуровский (1774–1863)

Преподобный Иларион родился в крестьянской семье и с детских лет почувствовал любовь к Богу. Он был воспитан дедом, который вел строгую жизнь в отдельной избе. Родители считали, что кроткий и молчаливый Иларион не сможет стать хорошим помощником в хозяйстве, и дед взял его к себе. Не раз внук и дед бывали на богомолье, в том числе в Троице-Сергиевой и КиевоПечерской лаврах.

После смерти деда Илариону пришлось вернуться к родителям, но юноше приходилось у отца трудно, особенно когда тот надумал его женить. В день брака преподобный скрылся из дома и долго странствовал по монастырям, терпя холод, голод и нищету.

После странствований он поступил в один из монастырей Рязанской епархии. Но жена, имевшая на него, по мирским законам, свои права, подала просьбу в консисторию. Преподобный ушел из монастыря и удалился в дремучий Зенкинский лес, недалеко от родного села.

Но первая неудача не отклонила его от мысли о монашестве, — он определился в Петропавловскую Раненбургскую пустынь и был пострижен в рясофор с именем Иларий.

Строгим соблюдением устава он выделялся среди прочей братии, а внимание настоятеля к безупречному иноку возбудило к нему общую зависть. Когда он ездил за сбором подаяний, его оклеветали и обвинили в утайке денег. Монахи не давали ему прохода укорами и насмешками; тогда он перестал ходить на трапезу.

Настоятель же требовал этого. Преподобный Иларион повиновался, но не принимал пищи за общим столом; его обвинили в упорстве и запретили как пускать на трапезу, так и давать ему хлеб. В продолжение года Иларион ел только в день по просфоре, которую тайно носил ему пономарь, жалевший его.

Отцу Илариону не суждено было долго оставаться в Петропавловской пустыни, так как после нескольких посещений его жены, которая требовала его к себе, настоятель решил удалить его из пустыни.

После изгнания из Петропавловской пустыни для отца Илариона начались годы неимоверных подвигов.

Он поселился в четырех верстах от села Головинщины, в Воловом овраге. Тут он сам выкопал несколько пещер, одна из которых, главная, молельная, соединялась переходами с остальными. Громадный камень служил ему столом. Здесь он жил и совершал молитвенные правила: вечерню, всенощную и утреню; для литургии ходил иногда в село Головинщину. А в знойное летнее время, на открытой поляне, под лучами солнца, клал в день по три тысячи земных поклонов.

В продолжение шести лет, летом и зимой, пищей служила ему редька, которую он посадил в устроенном им самим огороде и ел без хлеба. Воды вблизи не было, и в летнее время, дожидаясь дождя, он дней по десяти страдал иногда жаждой. Раз он, во время великого поста, за обедней упал в обморок — он не ел ничего 18 дней. Тут обнаружились на теле тяжелые вериги и сорочка, сделанная из медной проволоки — и от нее тело было в ранах.

Постель его была устроена из самых жестких сучьев дуба, и на ней видны были следы крови. Он не носил ни зимой, ни летом обуви. Единственная его одежда — длинная рубашка из холста и халат из белой тонкой материи.

Среди этих безмерных подвигов на него обрушилась грозная борьба вражьей силы. Нечистые духи принимали вид хищных зверей и гадов, иногда страшного змея, висевшего над входом пещеры с зияющей пастью.

Однажды темным вечером посетил Илариона священник села Головинщины, отец Трофим, а Иларион отправился на село, за огнем, предупредив гостя, чтоб он никого не впускал без молитвы Иисусовой. Хозяин ушел; священнику было жутко.

Вдруг за дверью раздался торопливый стук. С радостью стал священник отворять, думая, что вернулся хозяин, но вспомнил слова Илариона и сказал: «Сотвори молитву». — «Отворяй». — «Не пущу без молитвы».

За дверью поднялся неистовый шум. Священник осенил с молитвою дверь крестом; тогда раздался страшный хохот и хлопанье в ладоши, и затем все стихло. Иларион застал священника в ужасе.

Между тем молва о подвижнике, как ни скрывался он, стала расходиться. К нему пошел народ, бедные и богатые, ища сочувствия в горе, совета в несчастии и молитвы.

Он принимал всех, брал то, что давали богатые, — и отдавал бедным, и даже сам просил у богатых с целью помочь этими деньгами неимущим. Но многолюдство тяготило его. Чтоб никто не мешал его молитвенным размышлениям, он оставлял временами пещеры, чтобы скрыться, влезал в гуще леса на деревья, причем проводил дня два без сна и без пищи. Однажды зимой во время такого отсутствия его землянка застыла от мороза; он протопил ее и чуть не умер от сильного угара. Но, падая без чувств, он головой ударился об дверь и отворил ее, и свежий воздух привел его в чувство.

А молва все росла… К старцу присоединились трое людей, которые хотели разделить его подвиги. Но у них не было воды, и безуспешно они рыли землю. После долгой молитвы о воде Иларион заснул и, проснувшись, увидал около себя прекрасный куст цветов, которого раньше тут не было. Он стал копать, и открылся чистый ключ. Вода из этого колодца была целебной для верующих.

Для того чтобы точно распределять время для совершения молитвенных правил, у Илариона был петух, по крику которого он узнавал часы.

Предаваясь уединенной молитве, пустынник не лишал себя и присутствия при святой литургии, в храме села Головинщины. Однажды он поздним вечером возвращался из села. Была страшная вьюга. Он сбился с дороги. Босой, в своем тонком холщовом халате, борясь с ветром, он обессилел и упал в снег без чувств, но Господь не попустил его гибели.

Вслед за ним ехал крестьянин и наткнулся на старца. Он узнал отшельника по одежде, положил на сани и привез в село. В селе более часа пролежал замерзший на дровнях, потому что боялись принять мертвое тело в дом. Наконец, внесли его, без признаков жизни, и только через час привели в чувство. Он слабым голосом просил священника отслужить молебен Божией Матери «Целительница», и когда по окончании священник поднес к его губам крест, он благоговейно приложился к нему и затем, поклонившись священнику, ушел из дома, несмотря на бушующую вьюгу.

На следующее утро его видели совершенно здоровым в церкви.

Весной он задумал устроить себе столп из кирпича, с дуплом, и провести остаток жизни в беспримерном затворе — на коленях, согнутым.

Но Бог не дал ему осуществить мысль о спасении на столпе. Ему были назначены иные тяжелые испытания.

Постоянный прилив посетителей обратил на отшельника внимание полиции, и ему приходилось часто покидать свое уединение. Он уходил тогда в Елец, или в Киев, или в Задонск.

В Ельце подвижнику пришлось испытать много искушений. Один протоиерей обвинял его в том, что он благословляет народ священническим знамением; между тем отец Иларион если крестил некоторых, то крестом мирян, а при этом иногда ему целовали руки. Однажды, во время чтения двенадцати Евангелий, какие-то люди, не из простых, так громко говорили, что Иларион им это заметил. На него пожаловались, и городничий засадил его в тюрьму, выпустил только в среду, на Светлой неделе, и то только потому, что сам сильно заболел и боялся держать долее подвижника.

Однажды, на пути из Киева, старец Иларион в Коренной пустыни, под Курском, сильно заболел; по предложению настоятеля, хорошо его знавшего, он был тайно пострижен в монашество, оставив себе прежнее свое имя. Однако он выздоровел и вернулся в свои пещеры. Опять к пещерам пошел народ за наставлением, молитвой и исцелением недугов, а отшельника все не покидали разные скорби.

Управляющий помещика, на земле которого находились пещеры отца Илариона, невзлюбил подвижника. Ему казалось, что крестьяне ходят в пещеры жаловаться на трудность жизни, и он решил избить отшельника и выселить его. Но вышло иначе. Целый день он со своими работниками проплутал по знакомым полям и не мог добраться до пещер. Вернувшись к ночи домой, он видел грозный сон, который потом исполнился над ним и его семьей.

Вскоре после истории с управляющим на отца Илариона была возведена клевета, что он проводил в своих пещерах безнравственную жизнь. Подвижник был отослан в Петропавловскую пустынь, что под

Раненбургом, для отбывания в ней шестимесячной эпитимии. Когда же время заключения истекло, возвратиться в пещеры было нельзя: их не существовало.

Преподобный Иларион поселился в селе Каликине, но пробыл там только два месяца. Отсюда он ненадолго перешел в церковную караулку села Головинщины. В это время случилось, что засуха угрожала полным неурожаем соседнему помещику села Карповки, князю Долгорукову. Он письменно просил молитв отца Илариона. В тот же день обильный дождь прошел над его посевами. Благодарный князь предложил отцу Илариону перейти к нему в усадьбу, где его приняли необыкновенно радушно. Сама княгиня обивала сукном пол поставленной для него келии.

К 1817 году относится знакомство преподобного Илариона с юродивым Иоанном, который сделался потом затворником Сезеновским. Преподобный Иоанн был привезен одной благочестивой женщиной к помещику села Сезенова, князю Несвицкому.

Между тем, хотя здоровье все слабело, преподобный Иларион не оставлял своей трудной жизни. По-прежнему и зиму, и лето он ходил в холодном халате и без обуви. Когда в сильные морозы он босой приходил в церковь и становился неподвижен на чугунном полу, то около его ног была заметна оттепель.

Когда князь Долгоруков умер, то дворня опустевшей усадьбы старалась выжить отца Илариона. Молодому князю, жившему постоянно в Москве, они доносили, что на подвижника одной покупной провизии в год выходит на 800 рублей. Князь приезжал нарочно исследовать эту клевету и, убедившись в ее несправедливости, приказал всячески беречь отца Илариона. Но дворня после отъезда князя стала обращаться с подвижником еще хуже.

Зимой келью не топили по нескольку дней, или натапливали очень жарко и рано закрывали трубу; не давали пищи; однажды от небрежности случился пожар, и отец Иларион должен был заливать его один без посторонней помощи. Наконец, в 1819 году он просил почитавшую его семью Сухановых помочь ему переехать и перешел в село Колычево, но и тут должен был переменять несколько раз свое местопребывание.

В последнее время пребывания в Колычеве старец часто живал у помещика Менщикова, который для него устроил в глубоком овраге келью.

В Лебедянском уезде жил в своем поместье Троекурове именитый и богатый помещик Иван Иванович Раевский. Он был замечательный человек, посвятил всю свою жизнь на служение ближним и Церкви; отыскивал бедных и помогал им, жертвовал много на бедные деревенские храмы.

Раевский, горячо привязавшийся к отцу Илариону, просил его поселиться в Троекурове. Отец Иларион отправился на богомолье в Киев, прося у Бога вразумления. На возвратном пути в дремучем лесу был ему голос: «Будет тебе ходить! Спасайся на одном месте». В благоговейном трепете блаженный упал на землю, прославляя милосердие Господа, открывающего волю Свою со смирением молящимся Ему; — отец Иларион тут же дал обет остаться до смерти на месте, на которое благоволил указать ему Господь.

В начале ноября 1824 года Иван Иванович Раевский сам отправился в Колычево за отцом Иларионом, который только что за несколько часов до его приезда возвратился из Киева, и лично доставил старца на его новое местожительство — в выстроенную для него келью, состоявшую из трех комнат.

Когда отец Иларион переехал в Троекурово, ему было пятьдесят лет.

В Троекурове старец остался затворником, хоть народ имел к нему доступ, и сам он выходил в церковь.

По его просьбе, в храме стали ежедневно совершаться богослужения. Литургию он стоял всегда в алтаре, приобщался каждый двунадесятый праздник.

Число посетителей отца Илариона в Троекурове было огромно. При входе каждого из них, он клал пред иконами три земных поклона и осенял входящего крестным знамением. Весьма редким из посетителей предлагал маленький диванчик, а сам садился в кресло, но чаще всего принимал стоя. Вспоминали слова старца, которыми он приветствовал входивших в его тихую келью: «Положим три поклона, помолимся Царице небесной». Говорил он просто, кратко и часто притчами, иногда на устах его показывалась улыбка. Лично старец принимал немногих, а передавал советы и наставления чрез своих келейников. Во время же правила никого не принимал, кроме чрезвычайных обстоятельств.

Сила советов преподобного Илариона особенно ясно выказалась над А. М. Гренковым, будущим великим старцем преподобным Амвросием. В 1839 году он, будучи преподавателем Липецкого духовного училища, почувствовал желание уйти из мира, отправился за благословением к отцу Илариону. Тот сказал ему: «Иди прямо в Оптину». В келии преподобного Амвросия всегда висело изображение отца Илариона.

Приблизились последние годы жизни старца. Года за три до кончины он уже не мог ходить в церковь, еще реже говорил с посетителями. Но чрез келейника отвечать никому не отказывался.

От сурового поста его желудок сделался почти неспособным к принятию пищи, — так что трапеза готовилась ему по одному разу в месяц.

За шесть недель до кончины он так ослабел, что не мог вставать с диванчика и ничего не ел, даже просфоры; он единственно глотал воду из колодца, вырытого им когда-то в Головищинском Воловом овраге. По молитвам старца о том, чтоб смерть была предсказана ему видимым знаком, за шесть недель до смерти почернел у него на левой ноге большой палец. Чувствуя близость конца, отец Иларион торопил окончание строительства церкви в селе Губине, о которой особенно радел, и много думал, и молился о будущем открытии и устроении Троекуровской общины.

5 ноября 1853 года, в полночь, на девяностом году, тихо почил старец Иларион. Тело его стояло пять дней. Число народа, собравшегося на похороны, было свыше десяти тысяч человек. Весь народ свидетельствовал, что все время келья почившего и храм были наполнены неземным благоуханием, разливавшимся от гроба старца.

Святые мощи преподобного Илариона Троекуровского почивают в Димитриевском Иларионовском Троекуровском женском монастыре (в селе Троекурово Лебедянского района Липецкой области).

Духовные наставления

◊ Апостол Павел говорит: «телеса ваша суть храм Духа Святаго». После того как же Вы будете окаждать храм сей табачным дымом? Да приятна ли будет Богу и жертва духа сокрушенного и смиренного сердца Вашего, при самом непрестанном умном делании Иисусовой молитвы, если Вы будете осолять ее табаком и прочими неприличными занятиями, как то: картами и тому подобным? Конечно, Вам будет трудно отвыкать от сих мерзких привычек в христианстве. Но Вы применяйте эти маленькие томления к вечному мучению и подумайте, каково же будет там терпеть вечно — без конца. Ах! Лучше здесь всего лишиться, чтобы только там иметь покой.

◊ В жизни христианской запрещается всякое пристрастие. Во всем должно держать себя, аки есть, аки нет, не утешаться мягкими одеждами и не отрицаться, если нужно, и грубых, не пресыщаться сладкою пищею и не унывать от суровых яств. Во всем храните мерное воздержание, ибо ничто, кроме дел, не поставит нас пред Богом, — одни дела наши или оправдают нас, или обвинят на муку вечную.

◊ Ах, матушка! Кто желает спасти душу, тот во всем должен быть очень осмотрителен. А Вы, как кажется, скорбите уже и здесь от многих недостатков. Но как Вы хотите владеть безбедно сокровищами Божиими, когда по нерассудительности своей расточаете их часто на богопротивные дела? Поверьте, что доколе Вы не будете во всем бережливыми и строгими к самим себе, дотоле не избудете Вы нищеты и стечения обстоятельств. Коль же скоро умудритесь Вы и будете достойны того, чтобы вверил Вам Господь Свое богатство на всякие благие устроения, то Он разверзет Вам все хляби земные, и Вы будете, по слову апостола, «ничтоже имуще, а вся содержаще».

◊ Прошу вас, матушка, воздерживаться от долгов. Живите так, как велит Вам Господь, отнюдь не превышайте своей возможности. Смиренным Бог дает благодать. Испытайте скудость, пройдите все пути ко спасению и насильно не равняйтесь с сынами века сего. «Претерпевый до конца, той спасен будет» (Мф. 10, 22).

◊ Каждый человек, от самого рождения своего, имеет у себя трех врагов: плоть, мир и диавола, с которым он должен непрестанно бороться во всю свою жизнь, чтобы не лишиться Царствия небесного. А потому, если Вы веруете в жизнь будущую, муку вечную и Царствие небесное, то всеми

силами должны восставать на «похоть очес и гордость житейскую» (1 Ин. 1, 16).

◊ Советую Вам непременно читать всякий день утренние и вечерние молитвы, акафист Спасителю и Божией Матери, канон ангелу хранителю и хотя несколько псалмов из Псалтири. Это правило будет разжигать Ваше сердце к Богу и будет уклонять от мирских сует.

◊ Не будьте никогда праздны. Занимайтесь рукоделием, приличным Вашему званию, с Иисусовой молитвою на устах, или, оставя рукоделие, возьмите книгу, возбуждающую ум и сердце к благочестию. Словом сказать, не теряйте ни одной минуты из жизни Вашей, но каждую из них употребляйте на благоугождение Богу. Поверьте мне, что если Вы вникните хорошо во все, что нужно совершить всякому христианину для получения Царствия небесного, то Вы и сами не захотите терять напрасно Вашего времени. Ибо сколько бы ни жили здесь и сколько бы Вы ни подвизались в подвиге добром, все это ничто в сравнении с будущей вечностью, и горько будет увидеть себя на браке Агнчем с угасшим светильником от недостатка елея добрых дел. Вступая в борьбу со врагами Вашими, просите помощи от Архистратига Михаила, вечного победителя диавола.

◊ Блюдитесь уныния. Оно есть смертный грех и не облегчит скорби, а только лишь приложит скорбь к скорби; ибо прогневается Господь и отвратит Свое лицо от вас. Кто же тогда утешит вас? Молитесь Господу, и Он отымет печать вашу и даст вам по сердцу вашему.

◊ Для верующих Господь и ныне может явить чудеса. Итак, я советую Вам, отложивши надежду на сребро, предаться воле Божией.

◊ Идеже хощет Бог, тамо побеждаются естества уставы, но орудием к Нему должна быть вера крепкая и упование несомненное; и тогда елико будет веры, толико будет благодеяний Божиих. Итак, если можете Вы иметь веру хоть на горушечное зерно, то вверьте устройство дел Ваших промыслу Божию; Той бо попечется о Вас, и без всяких Ваших хлопот устроит все во благое.

◊ Подвергнувшись скорбям, нет другого утешения и нет другого прибежища, как премилосердая Царица небесная. Она есть «всех скорбящих радость, обидимых заступница и алчущих питательница, странным утешение, обуреваемым пристанище, больным посещение, немощным покров и заступница».

Преподобный Иоанн, Затворник Сезеновский (1791–1839)

Преподобный Иоанн уже с ранних лет тянулся к духовным подвигам. Будучи сыном крепостного, он в детстве дружил с сыном своего барина. Детей тянуло к духовным подвигам, они часто молились, даже надели на себя железные пояса, заперли их замками и ключи бросили в реку Потудань. Эта тайна обнаружилась, когда от них пошел дурной запах. Чтобы снять обручи, железо пришлось пилить — оно так врезалось в тело, что образовались раны.

Подвиг юродства Иоанн принял в пятнадцать лет.

Чтобы удержать Иоанна дома, помещик отдал его в обучение к столяру. Но он постоянно только портил материал, как будто ничего не понимал. Тогда его сделали пастухом. Но и тут, углубленный в молитву и размышления, он не замечал, как его скот заходил в засеянные поля. Помещик его наказывал, а другие пастухи били иногда до того, что он терял сознание.

Подкрепляемый священником, который беседовал с ним иногда целые ночи напролет, Иоанн не оставлял избранного пути.

Он молился часами, плача и вздыхая, часто обращаясь к иконе святителя Димитрия. Однажды во время такой ночной его молитвы, священник, бывший в соседней комнате, увидел от образа ослепительный свет, падавший на лицо Иоанна.

Однажды Иоанн со своим старшим братом Иларионом пошли на праздник в соседнюю деревню и, возвращаясь, зашли ночевать на свой пчельник. В эту самую ночь Иоанн тайно ушел из дому и сперва побыл у двух подвижников, потом вступил в Киево-Печерскую лавру, где три года провел послушником при трапезной.

Но в лавре его увидели богомольцы из родного села, об этом сообщили помещику, Иоанн вынужден был вернуться в родное село.

Здесь он снова стал юродствовать, и тогда помещик сковал его и запер под караулом в амбаре, приказывая не давать ему ни пищи, ни питья. Может быть, барин относился к Иоанну с особым раздражением потому, что родная сестра Иоанна, Марья, тоже проникнутая стремлением к Богу, ушла неизвестно куда.

Только письмо знаменитого острогожского юродивого Ивана Васильевича, когда написал помещику, что его крепостной — Христов раб, а не его раб, и уверения о том же священника заставили помещика оставить Иоанна в покое.

В продолжение шести лет Иоанн странствовал, посетив Киев, Почаев, Воронеж, Задонск, Саров.

Некоторое время он жил в Задонске, куда привез его купец Плетнев, раздавший все свое имение нищим и посвятивший себя на служение Богу. Иоанн ходил летом и зимою босым, в ветхом рубище, едва прикрывавшем его изнуренное тело.

Он был образцом воздержания и смирения и поражал послушанием и услужливостью. Когда Воронежский архиерей, будучи в Задонске, пожелал видеть Иоанна, о духовной жизни которого он слышал, тот пришел к нему, прыгая и кривляясь. Но архиерей понял намерение Иоанна отклонить от себя славу.

В таком подвиге юродства Иоанн провел десять лет.

В Раненбургском уезде, в селе Головинщине, в особой келье у церкви жила крестьянка Дарья Кутукова. Она занималась печением просфор для окрестных церквей и для жившего тогда в селе Колычеве Данковского уезда старца Илариона. Она также прислуживала ему.

Будучи для богомолья и говенья в Задонске, она увидела Иоанна, и решила взять его к себе и служить ему. Иоанн не противился.

По дороге они заехали в село Сезеново, к владельцу его, князю Несвицкому.

Под этот день (19 декабря 1817 года) князь видел во сне, что из образа Божией Матери вышел младенец и сказал ему: «Возьми меня к себе на руки и дай место для молитвы — я Иоанн многострадальный».

Когда к князю вошла Дарья с Иоанном, князь смутился: именно его лицо он видел во сне… Простившись с Несвицким, путники поехали дальше к преподобному Илариону, которому Дарья предложила взять к себе преподобного Иоанна для услуг.

«Не Иоанн мне, а я Иоанну должен служить: он старее меня», — отвечал преподобный Иларион.

Между тем князь Несвицкий приехал к старцу Илариону с рассказом о своем сне и о встрече с Иоанном. Отец Иларион посоветовал князю взять к себе Иоанна.

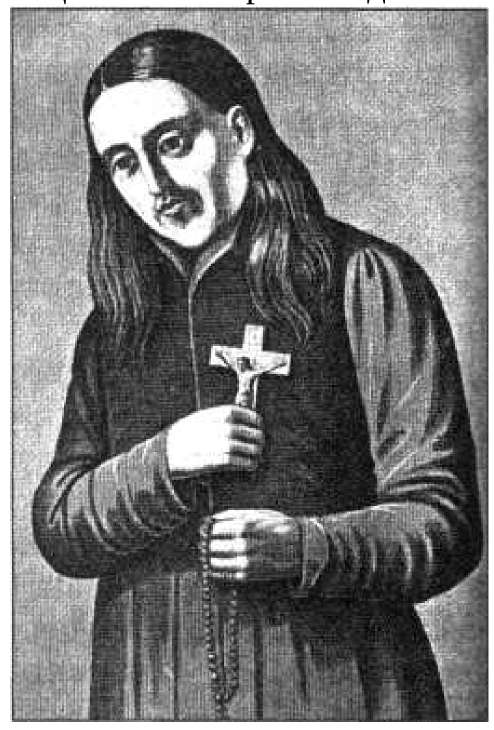
В господском доме было тесно и шумно, и Иоанн упросил, чтоб ему отдали баню. Он наглухо забил единственное окно, чтоб к нему не проникал дневной свет.

После трех лет, проведенных в бане, Иоанну устроили особую келью близ Казанской церкви.

В этой келье Иоанн жил еще уединеннее.

По смерти князя, его наследница, сестра, сперва сочувствовавшая затворнику, отняла у старца келью. Ее раздражало то, что он настоятельно советовал ей не обременять крестьян чрезмерными поборами. Но приверженный к Иоанну крестьянин Бирюков поставил ему другую келью.

Ночь и большую часть дня Иоанн никуда не выходил, кроме как в церковь, за водой для себя и для поливки деревьев на речку Скворню, также в лес за деревьями для посадки. В келье он занимался рукоделием, молитвой, чтением, иногда писал. В девятом часу он пел Херувимскую так сладко, что нельзя было слушать его без волнения. Пищей ему были пшеничный хлеб, картофель, кашица из манных круп, яичница из одного яйца, капуста, — все с приправой из деревянного масла. Иногда по два, по три дня он ничего не ел. Приобщать его ходил из недалекого города Лебедяни его духовник, и сам он ходил иногда к нему ночью для исповеди. Приобщался он сперва каждые шесть, а потом каждые три недели, и чаще.

Подаяние принимал он не всегда. Деньги сейчас же отсылал в церковь. Из вещей, оставив себе крайне нужные, отсылал бедным или сам выносил ночью в лес или на дорогу — где и находили часто обернутые в салфетку или полотенце блюда с плодами, медом и разным съестным, или на кустарниках холсты, платье и обувь.

Келейник роптал, когда преподобный отказывался от вещей. Однажды принесли манных круп, Иоанн не хотел их брать, но уступил келейнику и просил его на следующий день сварить из них кашицу. Когда келейник взялся за чашку, он увидел в ней белых червей вместо крупы. Иоанн сказал ему тогда: «Знай, что не приносится от усердия, а потому и не так хорошо, как кажется с виду».

Иоанн не показывал никому своего лица. Только изредка случалось увидать его келейнику и немногим избранным. Они говорили, что лицо его было смуглое, волосы черные, длинные, редкие, бороды почти не было, роста высокого с сутуловатостью, глаза немного прищуренные. На всем лице печать мирного и святого настроения души.

На теле его были раны, которые он не лечил, а закладывал щепочками. Рану, бывшую на ноге от топора, закрывал травой «медвежье ухо», накладывая сверху лубок и бинтуя полотенцем. Кроме того, он носил на своем слабом теле вериги в 18 фунтов, железные башмаки, обтянутые сукном, и чугунные четки.

Далеко стал расходиться слух о строгой жизни затворника, и к дверям его кельи стали собираться толпы народа, — Иоанн не отказывал никому в беседе. Он говорил с посетителями чрез запертую дверь, речью приветливой и убедительной, хотя она и была прикрыта притчами. Особенно убеждал он надеяться во всем на Бога, стараться исполнять заповеди, иметь незлобие и воздержание от мщения.

Мало-помалу преподобный Иоанн собирал вокруг себя вдов и дев. Они устраивали себе неподалеку кельи и жили в благочестии.

В 1833 году для преподобного выстроили двухэтажную келью в виде столба. Незадолго до смерти он приказал сделать там в подполье каменный склеп, говоря: «Где мой дом, там мой гроб».

8 сентября 1838 года, в день Рождества Богородицы, затворник заложил в Сезенове новый семипрестольный каменный храм, но не дождался окончания этого строительства — он почил 14 декабря 1839 года, после двадцатидвухлетнего затвора.

Он скончался наедине.

Когда выломали двери, увидели его мертвым пред иконою Божией Матери, у аналоя.

Тело было немного наклонено на правый бок, правая рука, стоя на локте, поддерживала голову, а левая лежала на ладони правой. Лицо было обращено к иконе.

Во время приготовления тела для положения в гроб на лице был румянец, он казался спящим. Когда приехала полиция и потребовала вскрытия тела, то руки, сложенные у почившего на груди, вытянулись, и из

раны, заткнутой щепочкой, потекла кровь. Духовенство еле уговорило полицию не производить вскрытия.

Так как для погребения затворника в приготовленном им склепе потребовалось разрешение тамбовского епископа, то тело стояло в келье двадцать семь дней. С утра до поздней ночи в ней толпился сходившийся отовсюду народ, и, несмотря на спертый воздух, тело не только не предалось тлению, но от него исходило благоухание.

Наконец 12 января состоялось погребение. Гроб продвинули в нарочно сделанную пробоину, так как в дверь он не проходил.

Во время заупокойной литургии на лице почившего выступил пот, и больные вытирали его своими платками и, прикладывая эти платки к больным местам, исцелялись. Все стремились прикоснуться ко гробу, и многие больные и одержимые возвратились домой здоровыми.

Святые мощи преподобного Иоанна Сезеновского почивают в Иоанно-Казанском Сезеновском женском монастыре (село Сезеново Лебедянского района Липецкой области).

Духовные наставления

◊ «Дурашка ты, — говорил затворник в ответ на жалобы, — разве ты не знаешь, что без врагов никому не пройти в Царствие небесное? Мы должны благодарить безвинно оскорбляющих и поносящих нас, ибо они наши благодетели: они поношением своим способствуют нам заслуживать венцы от нашего Спасителя и Господа, Который Сам для нас пример, потому что, вися на кресте в ужасных страданиях, не укорял, а молился за своих распинателей к Богу Отцу Своему: „Отче, отпусти им, не ведят бо что творят!“ Не ведят этого и наши оскорбители, ибо действуют под влиянием духа тьмы. Его возненавидим, а за клевещущих и оскорбляющих нас будем всякий раз молиться: Господи, помилуй их, не ведят бо что творят! Таким образом будем мы сраспинаться распявшемуся за нас Господу Иисусу, на том кресте, который каждому из нас дается от Него соразмерно нашим силам».

◊ «Я не пришел бы к тебе, — говорил он, — но бесы сильно грохочут в овраге, радуются, что люди тебя смутили, вот и нужно мне было идти тебе помочь. Разве не знаешь ты, или никогда не слышала чтомого в Святом Евангелии, что блажени те, на которых рекут всяк зол глагол лжуще Господа ради (см.: Мф. 5, 11). Вот ты служишь мне непотребному единственно ради Господа; это ты знаешь хорошо, потому и не должна смущаться пустою болтовней людей праздных и злоречивых, отдавших дар слова своего на служение не Богу, а сатане. Вместо того чтобы радоваться за понесенное бесчестие, ты плачешь и сокрушаешься, и этим радуешь врага и показываешь, что в тебе много тщеславия и гордости».

◊ Однажды старец дал одной своей почитательнице выпить чашку чая, вкуса необыкновенно приятного, и затем налил другую чашку чая, но горького и неприятного, так что она не могла его пить.

«Чай не всегда бывает вкусен, — сказал затворник, — такова и жизнь наша бывает, потому мы должны обучать себя равно переносить сладкое и горькое в ней, радостями не прельщаться, а скорбями не тяготиться, но за все Бога благодарить, ибо в благополучии Господь подает нам средства благотворить ближним нашим, а в скорби и лишении приводит нас к молитве о своих нуждах, которая сама есть дар Его».

Преподобный Стефан Вятский (1830–1890)

Старца Стефана знали не только тысячи людей, бывших в его пустыни, но и тысячи читателей его духовных книг, издаваемых Афонским Пантелеимоновым монастырем. В скит, находившийся в маленькой деревне Филейка под Вяткой, приходили за тысячи верст — так велика была известность старца и так нужны были людям его советы.

Старцу Стефану пришлось немало странствовать: он подвизался и в Соловецкой обители, странствовал по святым местам России. Он был во многих благоустроенных монастырях, отыскивая руководителя-старца, опытного в духовной жизни. Наконец Симеон Куртеев (так звали старца в миру) дошел до монастыря преподобного Нила Сорского; там славился в то время духовной мудростью и святостью жизни иеромонах Нил.

Старец, взирая прозорливыми очами на юного Симеона и предвидя благодать, имеющую на нем почить, благословил его идти на свою родину учить детей и сказал: «Ты там получишь спасение». Вернувшись домой, Симеон выкопал в горе пещеру; поставил в ней сруб, в котором можно было только сидеть, стоять или лежать, но не ходить, без дверей, с двумя окнами: одно — внизу, в которое он едва пролезал, а другое — наверху, под самым потолком.

По примеру древних отцов Симеон возложил на себя железные вериги, пищу принимал в очень малом количестве и то в два часа пополудни, а вечером уже совсем не ел.

После смерти матери Симеон снова отправился странствовать по монастырям и по святым местам, с целью посетить также и святую Афонскую гору. Брат дал ему на дорогу только пятьдесят копеек, но он все-таки пошел, уповая лишь на милость Божию.

Дойдя до Саровской пустыни, Симеон остался там и прожил там пять месяцев, был на послушании в кухне и ходил на клирос, для исполнения обязанностей канонарха, так как обладал звучным, приятным тенором.

Из Саровской пустыни он направился в Киев, зашел по пути в Глинскую пустынь и наконец добрался до Афона.

Там он провел зиму в келье Сретения Господня. Возвращаясь с Афона, Симеон направился в Таврическую губернию к своему родственнику и, оставшись там, пробыл у него целый год, обучая детей.

Оттуда Симеон перешел в новооткрытые скиты в Таврических горах и там, томимый, в течение двух лет, перемежающейся через два дня лихорадкой, едва не умер и с трудом мог прийти домой.

Из прежней своей пещерной кельи он перешел в другую деревянную, выстроенную им уже на земле. Это было в 1862 году.

Он не мог зарабатывать себе кусок хлеба не чем иным, как только одним уменьем — поучить детей из ближних деревень грамоте.

Отказавшись от мира и возлюбив пустынную жизнь, Симеон, тем не менее, любил всех людей и помогал им чем мог, преимущественно своей молитвой; особенно же любил он Боговенчанного Самодержца земли Русской и всегда молился за него весьма усердно.

В 1866 году, в ночь на 4 апреля, он не спал, молился, произнося непрестанно: «Господи, спаси царя». И уже после узнал, что 4 апреля было покушение на жизнь императора Александра Николаевича, но Господь, по Своей милости, спас драгоценную жизнь Государя.

В 1870 году Симеон путешествовал в Иерусалим для поклонения гробу Господню и другим святым местам Палестины и оттуда вторично посетил

святую Афонскую гору и жил там некоторое время. Но жить долго на Афоне он не мог, его влекло на родину, и отец Иероним, духовник Пантелеимонова монастыря, который любил Симеона за его доброту душевную и откровенность, благословил его, говоря: «Такова воля Божия, чтобы ты жил на своей родине, гряди с миром Божиим».

Вернувшись домой, Симеон снова стал заниматься с детьми.

В 1877 году, 23 февраля, на сорок седьмом году от роду, Симеон Петрович пострижен в монашество с именем Стефан. Через день его посвятили во иеродиакона, а на третий день рукоположили во иеромонаха. По слабости здоровья Стефан не мог долго служить, и через семь месяцев он был отпущен на покой от службы в Слободском Крестовоздвиженском монастыре, и начал жить в той же пустыньке, где прежде жил.

«Это было для того дано мне от Бога, — говорил отец Стефан, — чтобы я мог заниматься сочинением новых книг». Это были небольшие брошюрки, написанные простым и понятным языком, очень любимые народом. Теперь он издавал их для Афонского Пантелеимонова монастыря.

Пищей старцу служили черный хлеб и картофель, приносимые крестьянами-богомольцами, у которых он обучал прежде детей.

Не без скорбных искушений проходила жизнь подвижника. Однажды отец Стефан, во время одиночества его в лесу, утомившись, лег отдохнуть и заснул. Видит во сне, что к нему прилетело множество черных птиц и начали его клевать; проснулся отец Стефан от сильной боли, но не видел никого в келье. Усмотревши в своем теле множество синих пятен, отец Стефан понял, что это было вражеское наваждение.

Прожив иеромонахом в лесу шесть лет, отец Стефан в 1883 году у себя в пустыньке выстроил небольшую церковь.

Молва о его богоугодной жизни стала распространяться все далее и далее, чему много помогали книжки, им составленные, которые быстро расходились в народе и с любовью читались многими.

Вскоре в скиту старца подвизались уже шестеро насельников, потянулись туда и паломники. Многие приходили издалека: кто получить благословение, кто попросить совета и святых молитв. Всем приходящим старец давал спасительные советы и наставления, иконки и книжки своего сочинения, и все уходили от него, получая душам своим великую пользу и духовное утешение.

Старец Стефан желал, чтобы все люди спасались, приходили в разум истины, укреплялись словом Божиим, для чего многим раздавал свои книжки бесплатно. Особенно посещало его много народа в мае месяце, когда народ шел в Великую реку за чудотворным образом святителя Николая Чудотворца. Пустынная местность отца Стефана находилась на

расстоянии версты от села Филейки, мимо которого проходило народу тысяч двадцать на Великую реку. И почти каждый, проходя мимо Филейки, заходил к отцу Стефану, когда он выстроил церковь.

Когда храм был внутри украшен иконостасом и живописными иконами, он перенес туда из своей кельи образ великомученика Пантелеимона с частицами мощей и стал служить молебны пред святым образом. Слух об этом образе разнесся далеко, и в скит стали привозить больных. Старец Стефан служил для них молебны и мазал их елеем из лампадки пред образом великомученика, и многие, по вере их, избавлялись от своих недугов.

Преподобный Стефан давно желал основать около Филейки монастырь и потому просил Господа, чтобы Он помог ему в этом деле. И в 1889 году по указу Святейшего Синода там был учрежден общежительный монастырь во имя благоверного великого князя Александра Невского, по уставу святой Афонской горы, в память чудесного спасения жизни Государя императора и всего Августейшего семейства, при крушении императорского поезда 17 октября 1888 года. Управляющим монастырем, в звании строителя, назначен был иеромонах Августин, долгое время живший на Афоне в Пантелеимоновом монастыре.

Церковь, построенная отцом Стефаном, была освящена 27 июля 1889 года, в честь Успения Божией Матери.

В 1890 году, Великим постом, отец Стефан очень тяжело заболел, и продолжалась его болезнь с месяц; потом он начал было поправляться.

Старец знал о своей скорой кончине — 10 июля 1890 года у него был один паломник из Кронштадта, и преподобный Стефан попросил передать свою книгу святому праведному Иоанну Кронштадтскому и просить молитв за упокой иеромонаха Стефана.

В 1890 году, в праздник Успения Божией Матери, лишь только зазвонили к обедне, преподобный старец мирно отошел ко Господу, чего и жаждала душа его во всю жизнь. Так исполнилось его предсказание: «Скончаюсь 15 августа».

Духовные наставления

◊ После многократных путешествий старец Стефан пишет: «Многое испытав в жизни, я не нашел ничего лучшего для мира и спокойствия души моей, как умеренное принятие пищи, пребывание на одном месте и прилежное занятие Божиим словом. Ибо от сего происходит отдаление от всех суетных людей, постоянное богомыслие, очищение сердца, озарение ума, который, прозревая в таинственную жизнь будущего человека, успокаивает душу небесной тишиной. Как началом всего худого служит угождение чреву и забота о временном, так и исполнением добродетели и путем к блаженству — воздержание в пище и занятие ума духовным размышлением. Душа такого человека ограждается глубоким миром, ум объемлется безмолвием и сердце покоится под кровом Божиим: не слышно от него смехотворных слов, в глазах заметны слезы, а внутри печаль по Боге, которая и ведет душу его ко спасению».

◊ «Сказано в Писании, — говорил старец Стефан: — горе единому (Еккл. 4, 10), — это очень верно. Вот, когда я жил один, то много встретил горя: тяжелая грусть и унылая тоска находили на меня, на мое сердце, и я только тогда находил себе утешение, когда возьму Псалтирь и читаю до тех пор, пока пойдут слезы; когда поплачусь наедине пред Богом, проходит у меня унылая тоска и тяжелая грусть и настает в душе мир и радость о Господе».

◊ «Не о том заботьтесь, — говорил старец Стефан, — чтобы как можно скорее прочитать свое правило молитв Иисусовых, старайтесь, чтобы сердце и ум ваш участвовали в молитве к Господу и находили себе все благо в общении с Ним».

Самый лучший способ безмолвной Иисусовой молитвы, — умной или духовной, по наставлению старца Стефана, состоит в следующем: обрати внимание или ум на сердце и наблюдай, чтобы в этом последнем не возникло никакой посторонней мысли, внутренне же говори: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго».

И вот такое-то простое молитвословие приводит душу в самое мирное состояние — водворяет внутри нас Царствие Божие, производит дивное утешение, ничем не преодолимое упокоение в Боге.

◊ «Кто презирает все земное, — говорил старец, — и избирает одну благую часть, по слову Господню (см.: Лк. 10, 42), — поучение в законе Господнем, того ум скоро отторгается от жизни сей и устремляется к небесным благам, и радуется душа его радостью о Господе. И потому прошу

вас, братия, поучайтесь в чтении слова Божия: при чтении или слушании слова Божия душа может скоро очиститься от худых дел, слов и помышлений, как и Господь сказал Своим ученикам: „вы уже очищены чрез слово, которое Я проповедал вам“ (Ин. 15, 3). Потому и нам нужно очищать себя от грехов чрез слово Божие, чтобы получить жизнь вечную, ибо туда (то есть в Царствие небесное) ничто не войдет скверное (см.: Ап. 21, 27), сказано в Писании. Итак, будемте и мы внимать словам апостола Павла, говорящего всем нам: «слово Христово да вселяется в вас обильно со всякою премудростью». И будем потому назидать друг друга псалмами, славословием и песнопениями духовными (см.: Кол. 3, 15–16). И потому, кто читает слово Божие, с верой в него, тот так же, как и гора Сион, по слову пророка Давида, „не подвижется во век“. И если есть у вас привязанность к земным вещам или к деньгам, то просите Господа со слезами, чтобы Он избавил вас от привязанности к земным стяжаниям, но уязвил бы сердца ваши любовью к Нему. „Ибо, — говорит святой Максим Исповедник, — чей ум привязан к какой-либо вещи, тот не любит Бога“. И Царствие небесное уготовано только любящим Бога (см.: 1 Кор. 2, 9). Поэтому со страхом и трепетом совершайте свое спасение» (Флп. 2, 12).

◊ «Если есть у кого что лишнее, — говорил старец Стефан, — то надо отдавать нищим, и тогда получите великую радость духовную, когда отдадите нищим лишнее имение, а в день судный получите милость от Господа; ибо милостивые будут помилованы (см.: Мф. 5, 7). Где бы вы ни жили, не имейте привязанности ни к чему земному, в особенности не копите деньги: чрез это будете мирны и покойны духом, и Господь вас ни в чем не оставит. Тяжело мне поэтому видеть, как многие люди не обращают внимания на повеление Господне — оставить ради Господа имение свое: они были бы покойны и получили бы сторицей здесь и наследовали бы жизнь вечную. Но все обратили ум и сердце к исканию видимых благ, и от этого души их умирают в печали мирской, ибо апостол говорит: „Печаль мира сего смерть соделывает“ (2 Кор. 7, 10). Верьте, со слезами говорю вам, верьте всем словам Господним, апостольским и пророческим: в них все — одна истина».

◊ «Вследствие частого приобщения святых Тайн, — говорил старец, — мы освобождаемся от скверных, лукавых помыслов, и возрастает в нас плод духовный: любовь, мир, долготерпение, милосердие, кротость, воздержание. Пред исповедью храните молчание, чтобы удобнее было сознать свои грехи, прежде чем пойти к духовнику и с сокрушенным сердцем исповедаться — чистосердечно, без стыда, ибо тогда только обымет душу мир и радость».

◊ «Дорога и пред людьми милостыня, но несравненно она дороже пред Богом; потому я и говорил вам всегда, и ныне еще говорю: творите

милостыню, творите всегда, дорога милостыня для человека нуждающегося, — это я сам на себе испытал; я вам сказывал, как кусок черствого хлеба заставлял меня иногда проливать горячие слезы, и просить у Бога милости милостивому человеку».

◊ Верьте слову Господнему: «блажени нищии духом, яко тех есть Царство небесное»; сознание своей бедности в добродетели, чувствования окаянства своей души, служа побуждением к жизни богоугодной, соделывает всякого наследником блаженства; только не отчаивайтесь в милосердии Божием, но из глубины души взывайте: Боже! Милостив буди мне, многогрешному.

Делаете ли вы какое дело, или бываете без дела; дома ли находитесь, или идете куда, сидите или лежите, — всегда и за все осуждайте себя; как можно чаще напоминайте себе: все люди лучше меня живут; все люди как люди, а я один живу хуже скотины.

Если вы будете постоянно сами себя осуждать, во всяком случае укорять только самого себя, то верьте Богу, что не погибнете; вот еще вам свидетель верный — апостол Павел, который говорит: «аще бо быхом себе осуждали, не быхом осуждены были», то есть если мы будем в сей жизни сами себя осуждать, то в будущей (жизни) не будем осуждены Богом. Надейтесь на милость Божию, надейтесь; а свою жизнь порицайте. Любите милосердного Бога, любите Бога, милующего грешников; а самого себя возненавидьте. Будьте готовы пред всяким человеком смириться, всякому человеку в ноги пасть, или, по крайней мере, низко поклониться; если заметите — кого чем огорчили, — старайтесь поклониться и попросить со смирением прощения.

◊ Не сопротивляйтесь воле своих родителей, не огорчайте их; вспоминайте прежние труды отца своего; не забывайте никогда болезни своей матери, денно-нощные попечения ее о вас, когда вы были малы; сколько у нее было хлопот всегда, сколько разного рода неприятностей она терпела и тогда от вас; если еще и ныне вы будете какие-нибудь огорчения делать ей, то подумайте, как к вам милостив будет Господь, когда вы немилостивы оказываетесь к величайшим своим благодетелям? Как Богу умиротворить вашу душу, когда немирно живете со своими родителями? Потому прошу я вас, если действительно желаете вы спасения души своей, то за всякий раз, как огорчены будут чрез вас родители ваши, наедине где-нибудь вы должны кланяться им в ноги и сто раз просить у Бога милости себе в тот день с земными поклонами.

◊ О молитвенном чтении акафистов заботьтесь, делайте себе понуждение во всякий день прочитывать хотя по одному акафисту. Еще для успокоения вашей души хорошо вам накануне воскресных дней и

праздников спать по ночам где-нибудь одному и хоть по десяти поклончиков творить началом своего спасения; в воскресные же дни и большие праздники непременно быть у литургии, а то не будете мирны в душе своей.

◊ Избирать себе жену надобно не глазами, а слезами; потому что многое у человека зависит от жены, которая может всего лишить своего мужа — как Ева нашего праотца Адама лишила всякого блаженства; потому полагаться на себя или на совесть других в сем случае весьма опасно. Кто прельщает себя одною видимостью, тот не порадуется, а скорее наплачется, от своей прелестницы; и хорошо, если только здесь на земле, а то и в вечности будет плакать вместе с нею и злобно скрежетать на нее зубами…

◊ Счастлив я буду, когда вы будете поступать так: поутру молиться о том, чтобы днем ничуть не злиться, хотя что и не по вашему будет. Кто злится, тот с дьяволом дружится; этот его ученик. Христос говорит: «Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем; и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11, 29). Если осердишься когда, то и тужи о том, что ты не послушница Христова, а подруга противника Его — диавола.

◊ Злословие губит душу, и посему обуздывай язык, сказано в Писании, и тихо, мирно поживешь (см.: Сир. 19, 6); женские души ад душит больше за злой язык.

Преподобный Гавриил (Зырянов) Седмиозерный (1844–1915)

Преподобный Гавриил в юности был послушником в Оптиной пустыни. Оптинские старцы преподобные Амвросий, Иларион, Исаакий, старец Мелхиседек и другие сформировали и воспитали в будущем подвижнике дух иноческого смирения, дух кротости и трепетной любви к Богу. Старцу довелось подвизаться во многих обителях, но он всегда помнил Оптину пустынь и ее великих подвижников.

Заболев в Седмиозерной пустыни, где он подвизался, тяжким и внезапным недугом, старец был пострижен 5 октября 1892 года в схиму и в борьбе с телесными скорбями снискал особую благодать Божию. Пять лет был прикован преподобный Гавриил к постели тяжкой своей болезнью, о которой он вспоминал в течение всей последующей жизни с величайшим умилением. Сначала его положили на левый бок: в этом положении он пролежал полтора года, не вставая и не поворачиваясь, потом положили на правый бок, и на нем старец тоже пролежал полтора года; и, наконец, на спине лежал еще два года.

В продолжение первых трех лет старец был еле жив и умирал каждый день по три, по пяти и более раз от слабости сердца. Но духом он был весьма бодр и радостен. Он видел, что Господь дает ему не только болезнь, но и силу переносить страдания — терпеть болезнь, как средство к очищению грехов, и потому старец радостно принимал болезнь как дар Божий, как послушание и дело, которое дается ему ко спасению души и славе Божией. Он радовался тому, что уже невозможно более грешить, что устранен от всякой суеты и пристрастия…

Когда старец мог подниматься на своей постели и немного сидеть, доктор стал разрешать прием посетителей. Сначала их было немного — главным образом свои же братия и ближайшие крестьяне. Но количество их постепенно стало возрастать до такой массы, что отцу Гавриилу пришлось даже перегородить двери в свою комнату особой решеткой, чтобы народ не мог теснить его. Один раз от напора народа сзади и из коридора, передние так стали теснить старца на его постельке, что чуть не задавили его. После этого случая и сделали решетку. Народ приходил к ней, слушал слова старца или его ответы на отдельные вопросы, принимал благословение и уходил. Возле кельи старца всегда была теперь толпа. Но он начал уставать от

разговоров и тогда стал раздавать посетителям листочки религиозно-нравственного содержания. Эти листочки он обычно клал под свою подушку и, не выбирая, давал как раз тот, какой по содержанию подходил к духовным нуждам вопрошавшего.

Старцу не хотелось смотреть на приходящих к нему — он боялся отвлечения от боголюбия; поэтому он говорил с ними, стараясь не открывать глаз. Но хотя посетители и молчали, — мысли их слышались старцу, как разговор с ним. Когда такой случай произошел в первый раз, посетители пришли в испуг и изумление, а старец все продолжал отвечать на их мысли: те даже заплакали. И отец Гавриил стал догадываться, что они не говорят потому уже только, что когда откроет глаза, — видит, что уста их не шевелятся, а между тем слова их он продолжает слышать. После такого случая старец стал остерегаться открывать свой дар людям, и прежде чем отвечать, внимательно приглядывался, действительно ли его спрашивают словами. Таких случаев было немало.

В стремлении иметь чистоту сердца и поддерживать ее, отец Гавриил все время старался припомнить свои прежние грехи, каялся в них духовнику и часто приобщался святых Христовых Тайн. От этого он всегда чувствовал себя бодрым, жизнерадостным и свободным от всего мирского. Одновременно и здоровье постепенно прибывало. Старец мог уже сам подыматься и сидеть в постели, мог читать книги и писать.

Как-то, сидя в постели, старец читал житие преподобного Серафима Саровского. К концу чтения книги пришла ему мысль: «Если бы угодник Божий помог мне встать и ходить, — заказал бы я написать икону с него на кипарисной доске!» — и потом, продолжая чтение, забыл об этом. Докончил книгу о преподобном Серафиме, закрыл ее и без всякой мысли, как бы в забытье, встал на ноги и отнес книгу в моленную комнату, положил ее на место с прочими книгами и таким же образом вернулся к постели. И тут только он как бы очнулся, заметил, что он — на ногах, а ведь до этого пять лет не вставал!.. Но все же от ходьбы утомился и, лежа, не переставал удивляться, как это он один — без посторонней помощи мог встать и отнести книгу? — и тут же вспомнил о своем желании написать икону преподобного Серафима. Однако, как написать? — Угодник Божий еще не был прославлен.

Своим затруднением на этот счет старец поделился с отцом Виссарионом, и тот дал благой совет: написать икону явление преподобному Серафиму Матери Божией с мученицами-девами: — вот тут-де будет изображен и сам преподобный Серафим. Старец так и сделал; потом икона эта всегда была его келейной.

Со страхом и благоговением принял отец Гавриил в 1902 году настоятельство в Седмиозерной пустыни. Сознавая всю ответственность за спасение братии и за благоустройство обители, он всегда старался иметь пред глазами святые примеры Оптинских настоятелей: преподобного Моисея и преподобного Исаакия и подражать им в мудром сочетании духовного преуспеяния братии с внешним порядком и благополучием.

К заботам и трудам по хозяйству старец присоединил еще труды по духовному воспитанию братии и обращавшихся к нему за наставлением мирян. Братии он никогда не отказывал в беседах и исповеди, ибо многие по-прежнему желали иметь его своим духовником. А духовным детям своим не монастырским он часто писал глубоко назидательные письма.

К этому времени старец был известен уже далеко за пределами родной епархии. Среди высоких покровительниц, почитательниц, а позже и духовных чад старца была и преподобномученица великая княгиня Елисавета, которая почти ежегодно посещала пустынь, неопустительно бывая на всех монастырских службах.

По наветам недоброжелателей старец был отстранен от настоятельства, и когда игумен Иувеналий — он устраивал тогда Елеазарову пустынь (недалеко от Пскова) и очень нуждался в мудром наставнике-старце — позвал преподобного Гавриила, тот согласился.

Старец не мог молиться в древнем каменном монастырском храме, простужался, болел, а осенью, когда началась сырость, вынужден был отказаться от присутствия при церковном богослужении. Взамен этого он стал усиленно заниматься молитвой Иисусовой. И прежде он всегда, можно сказать, — «дышал» ею, других обучал и даже написал и напечатал целое поучение о ней. Но здесь он стал заниматься ею с особенным трудом и усилием, поставил себе задачей — по четкам проходить ежедневно по двенадцать тысяч молитв: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Помимо этого он неопустительно вычитывал положенные по уставу святой Церкви службы. При этом он никогда никому не отказывал в беседе или даже в простом разговоре, принимал приходивших к нему богомольцев, писал письма, читал Псалтирь, Святое Писание и творения святых отцов.

Вскоре почитатели старца выстроили ему на территории пустыни домик — уютный, удобный, светлый, достаточный для самого старца и его келейников.

Поселившись в нем, батюшка к прежнему молитвенному деланию теперь настоящим образом присоединил еще духовное руководство народа, обращавшегося к нему все в большем количестве, так как молва народная стала быстро распространять весть о приезде нового старца-схимника.

Невозможно передать всего содержания бесед, советов, наставлений, которые были преподаны старцем. Удивительно, как иногда в совершенно простых словах, по виду обычных и не обращающих на себя внимания, он высказывал какую-нибудь истину, и слова эти на вопрошающего производили могущественное действие: то приводили в слезы умиления, то в страх, то к разумению пути спасения; то в полное благонадежие при совершенной безнадежности и кажущейся безвыходности жизненного положения. Бывало скажет старец: «Надейся на Бога… — Господь не оставит!» — и этого уже было довольно, ему верили, воскресали духом и утешенные возвращались домой. И обстоятельства жизни, действительно, поправлялись.

Было много случаев, что старец, не дожидаясь письма, сам писал кому-либо в тревоге и заботе — и всегда потом оказывалось, что его письмо было уже ответом на тягостные недоумения или скорбные чувства и потому поспевало как раз вовремя, приносило разрешение сомнений и утешение.

Однако, должно сказать, что старец всячески старался замаскировать свое прозорливое «чувство», то как бы шуткой, то обращая все в дело «простое» и «обыкновенное». А между тем ему хорошо было известно состояние души, — он как бы читал в открытой книге. Один раз человек, близкий ему, согрешил и только что хотел было открыть уста, поведать старцу о своем падении, а старец уже говорит: — «Я знаю!» — «Как так?» — «Да так… — я чуток на эти вещи-то». И потому на исповеди он иногда помогал своими вопросами, как будто вперед знал об определенных грехах.

Духовные дети и почитатели старца видели, как трудно ему самому вычитывать все церковные службы, и вместе чувствовали (хотя старец ничего не говорил), что в большие праздники ему хотелось бы самому послужить литургию, а между тем ходить в собор и выстаивать там длинные службы он уже не имел силы. Поэтому в начале 1910 года явилась мысль — устроить для него домовую церковь, в которой он мог бы всегда сам послужить или вообще иметь утешение от церковной службы.

Решено было к одной из комнат пристроить с восточной стороны деревянный сруб-алтарь. Деньги на строительство дала преподобномученица великая княгиня Елизавета. Она же пожертвовала иконы в иконостас (рисунок которого был сделан по ее мысли и под ее же наблюдением), подсвечники, облачение на престол и жертвенник и облачение для самого старца. На освящение храма съехались многие духовные дети старца, в числе их были — преподобномученица великая княгиня Елизавета и преосвященный Иннокентий.

К старцу каждое лето стекались многочисленные богомольцы и гости. С первых чисел мая и до конца августа в домике у старца было полно их, особенно в последние четыре-пять лет. Тут были и академики (владыки, архимандриты, иеромонахи, студенты, чиновники, священники), и люди высшего круга, и простецы, и дамы, и барышни, и купцы, и монашки из разных монастырей и притом — целыми группами, семьями. Никто, конечно, не считал, сколько перебывает за лето народу и гостей, но бывшим у старца известно, что несколько лет подряд за стол у него садились от десяти до восемнадцати человек.

Каждый год приходили к старцу монахини и послушницы из Псковских женских монастырей. Бывало, собирались целыми клиросами, со своими нотами и регентшами, и тогда в старцевом храме шла служба за службой: певчие говели и сами себе пели всенощные и обедни.

С 1912 года старец стал заметно слабеть.

Все чаще он заговаривал о своей смерти. Духовные дети его принимаются плакать и умолять — еще пожить, хотя бы ради пользы их спасения. Батюшка как бы не мог отказать:

— Да… вас-то мне жаль, — так жаль, что и высказать не могу!

Когда в июле 1914 года началась война, старец был сильно встревожен. Все дальнейшие события он переживал как-то особенно напряженно. Но вот пошла полоса тяжелых военных неудач 1915 года. Много стало осиротевших, вдов и скорбящих о потере близких. Старец сочувствовал им всей душой, болел за них, молился, — но что же он мог сделать? Эта масса горя как-то придавила его. Он изнемогал от неутешных жалоб людей, искавших его утешения и поддержки. Жалостно было смотреть на него, — ибо сил у него не хватало.

Военные тревоги, приближение фронта и полное нездоровье старца побудило его духовных чад просить о переезде куданибудь из пустыни. Старец сам выбрал Казань и 24 августа уехал туда с двумя своими келейниками. В этом городе он и отошел ко Господу 24 сентября.

Духовные наставления

Поучение, как жить и молиться

Вы спрашиваете меня: как жить и как молиться? Этот глас вопиющего в пустыни во мне и везде раздастся, но гласом вопиющего в пустыне и остается… Сам-то я не научился, могу ли кого научить?.. Но попытаюсь исполнить послушание. Господи, благослови!

Вы говорите, что тяжелое несете послушание — и слава Богу! Что налагают на нас — это крест; велят — это гвозди приколачивают ко кресту!.. Неси иго Христово, этот крест Христов! Раздай имение твое, возьми крест и следуй за Мной, и будешь иметь сокровище на небеси (см.: Мф. 19, 21).

«Раздай имение» — отсеки волю свою и послужи в самоотречении и послушании; что наложат на тебя нести, — неси безропотно и сознавай при этом, что ты — грешница, подобно как на кресте сознавал свои грехи благоразумный разбойник и с креста взывал: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Своем!» Будем и мы так взывать ко Господу Богу, как Он взывал на кресте. И ты на послушании взывай: «Боже, милостив буди мне грешнице!» «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Своем!» — И ты скоро, скоро будешь в раю.

Вот, пред нами Иисус Христос: Он — безгрешен, а страдает за нас на кресте!.. Эти лучи Его милосердия падают на нас и зажигают в нас надежду и пламенную веру в Него, что Он, милосердный, облегчит наши страдания, когда мы несем эти послушания ради Христа и ради спасения нашего. С Ним состраждем, с Ним и прославимся.

Молитвы мы не умеем читать, но пусть жертвой нашей будут труды и послушание — вместо устной молитвы. И пусть будет сердце чисто, сокрушенно и смиренно, и Бог его не уничижит, а ублажит, — приидет и обитель Свою сотворит в нас. Только смиренные сердца могут быть престолами и жертвою, и мы — небом тогда, когда Бог благодатию Своею вселится в сердцах наших.

Вот тогда-то мы и заживем небесною радостью, ибо окружат нас святые ангелы, и пророки, и апостолы, мученики, преподобные, праведные и все святые просиявшие…

У, как хорошо, весело будет и умирать при таких пособниках!.. Смиряющие себя так — вознесутся торжественно пред Царя славы.

Томи томящего тя, смиряй и умягчай сердце свое, и оно само тебя научит.

Завещание духовным детям

Скоро, может быть, я умру… Оставляю вам в наследство великое богатство, для всех неоскудеваемое. Его всем хватит, только пусть пользуются и не сомневаются, — будут жить безбедно, кто сумеет его себе присвоить.

1. Когда кто почувствует себя грешником и не находит выхода себе, — пусть затворится в келье один, читает Сладчайшему Иисусу Христу канон с акафистом и плачем утешится уврачеванный…

2. Когда кто находится в напастях, каких бы то ни было, пусть читает молебный канон Божией Матери («Многими содержим напастьми…»), и пройдут для него все напасти бесследно, к стыду нападающих на него.

3. Когда нуждается кто во внутреннем душеосвящении, — пусть читает со вниманием 17-ю кафизму: и откроются ему внутренние очи, последует потребность осуществить то, что в ней написано, возникнет потребность чаще очищать свою совесть исповедью и причащаться святых Тайн Тела и Крови Христовых, явится добродетель милосердия к другим, чтобы не зазирать их, а страдать о них и молиться. Тогда явится и внутренний страх Божий, в котором проявятся для внутреннего ока души заслуги Спасителя, как Он страдал за нас, любя нас, явится и любовь к Нему благодатная с силою Святого Духа, Который наставляет нас на все подвиги, научает совершать их и терпеть…

В терпении нашем мы увидим и восчувствуем в себе пришествие Царствия Божия в силе Его, и воцаримся воедино с Господом и обожимся…

Тогда для нас покажется мир сей совсем не тем, каким нам теперь рисуется. Впрочем, мы его не станем судить, так как судить его будет Иисус Христос, но мы увидим мирскую ложь и грех в нем. Мы увидим и правду, но — только в Спасителе, и будем ее почерпать только в Нем одном.

Ложь! Мы ее видим и не видим… Ложь, — это сей век со всеми его прелестями скоропреходящими, ибо все минует и не воротится… Правда же Христова пребудет во век века. Аминь.

Преподобный Моисей (1782–1868)

Преподобный Моисей происходил из благочестивой семьи Путиловых, в которой все трое братьев стали игуменами: игумен Моисей — в Оптиной пустыни, игумен Исаия — в Саровской пустыни, игумен Антоний — в Малоярославецком Николаевском монастыре.

Свой монашеский путь преподобный Моисей начал в Сарове (в это время там пребывали великие старцы: преподобный Серафим, преподобный Марк, старец Назарий), а в 1811 году поступил послушником в Свенский Успенский монастырь Орловской епархии. Вероятно, его привлекала близость Рославльских и Брянских лесов, где в то время спасалось много пустынножителей. В Рославльских лесах преподобный Моисей провел под духовным руководством старца Афанасия десять лет.

В 1816 году к преподобному Моисею приехал его младший брат Александр. Через четыре года Александр был пострижен в монашество с именем Антоний и поручен руководству своего брата преподобного Моисея, к которому всю жизнь сохранял великое послушание.

Во время пустынной жизни в Рославльских лесах отец Моисей приобрел сосредоточенность и молчание, внимание и дар молитвы и уничижения себя, глубокое знание учения святой Церкви и святоотеческих творений.

Когда преподобный Моисей возрос до меры учительного и крепкого в духовной жизни мужа — Господу угодно было призвать его на высшее служение.

В 1820 году отец Моисей проездом посетил Оптину пустынь и был представлен ее игуменом Калужскому святителю Филарету (Амфитеатрову). Этот знаменитый подвижник (скончавшийся в сане митрополита Киевского и в схиме) и мудрый архипастырь всею душой от юности любил монашество. Дикий сосновый бор, окружающий Оптину пустынь, навел его на мысль, устроить при Оптиной скит. Он знал о рославльских пустынниках и именно им желал поручить устройство скита. После переписки и приглашения, преподобный Моисей с братом Антонием и еще двумя монахами 6 июня 1821 года прибыли в Оптину.

С великим трудом пустынники должны были очистить избранное место для скита от сосновых вековых деревьев — вырубить и выкорчевать их. Им помогали несколько нанятых работников. Из срубленного леса выстроили

небольшую келью, церковь во имя святого пророка Иоанна Предтечи, поставили забор.

В начале 1822 года храм был освящен, и святитель Филарет прибыл в Оптину. Преподобный Моисей просил у него разрешение принять схиму, но вместо схимы владыка предложил ему принять священство. Шесть недель сопротивлялся преподобный Моисей и только после слов владыки: «Если ты не согласишься, буду судиться с тобою на страшном суде Господнем» — согласился. 22 декабря 1822 года отец Моисей был рукоположен в иеромонахи и определен духовником Оптиной пустыни, а через три года — избран в ее настоятели.

Сорока трех лет от роду принял преподобный Моисей в свое заведование Оптину пустынь и тридцать семь лет пекся о ней. За это время его трудами Оптина совершенно преобразилась. Число братии увеличилось, были разведены фруктовые сады, устроена обширная монастырская библиотека, расширен собор, воздвигнуты две церкви, выстроены трапеза, гостиницы, конный и скотный дворы, семь корпусов келий, два завода, мельница и знаменитая белая Оптинская ограда; служба стала совершаться благолепно, но, что всего важнее, возвысился нравственный строй обители.

Каменные гостиницы и обширная ограда строились в голодный год, когда пуд муки продавали по огромной цене. Хлеба и у братии было мало; монастырь был набит голодным людом из окрестностей, и в это самое время преподобный Моисей вел постройки и кормил народ. Народная беда отозвалась глубоко в его сердце. Однажды, когда его стали уговаривать оставить стройку в таких тяжких обстоятельствах, старец, обливаясь слезами, ответил: «Эх, брат, на что же мы образ-то ангельский носим? Для чего же Христос Спаситель наш душу Свою за нас положил? Зачем же Он слова любви проповедал нам? Для того ли, чтоб мы великое Его слово о любви к ближним повторяли только устами? Что же народу-то с голоду, что ли, умирать? Ведь он во имя Христово просит… Будем же делать, дондеже Господь не закрыл еще для нас щедрую руку Свою. Он не для того посылает нам Свои дары, чтоб мы их прятали под спуд, а чтоб возвращали в такую тяжелую годину тому же народу, от которого мы их получаем».

При преподобном Моисее началось паломничество богомольцев в Оптину. Все паломники встречали самый заботливый прием — настоятель сам обходил гостиницы.

В гостинице не было установлено платы, паломникам предлагалось класть в кружку по усердию. Один богатый купец спросил отца Моисея, не боится ли он, что многие не станут платить, а жить даром?

— Не заплатят девяносто девять, Бог пошлет сотого, который за всех заплатит, — сказал преподобный.

Купец после того стал благодетелем Оптиной.

При преподобном Моисее Оптина пустынь, под непосредственным руководством преподобного Макария, издала 16 духовно-аскетических книг

древних подвижников. Эти книги преподобный Моисей целыми тюками рассылал бесплатно в разные стороны.

Но главная заслуга преподобного Моисея состоит в поддержании в Оптиной старчества.

С любовью приняв в обитель преподобных Леонида и Макария, отец Моисей и сам преклонил пред ними свою волю, во всем советовался с этими великими старцами. Сам преподобный Моисей, зная, что руководитель в духовной жизни должен быть один, воздержался от руководства братии словом, скрывал свои старческие дарования. Немногие при жизни преподобного Моисея знали, что он — великий старец. Он казался большинству простым и добрым иноком, способным заботиться лишь о внешних нуждах обители, таким образом он утаил то высокое духовное разумение, какое стяжал своей подвижническою жизнью.

На восьмом десятке лет, дойдя до глубины смирения, преподобный говорил: «Теперь дознал я, что действительно я хуже всех».

6 июня 1868 года преподобный Моисей постригся в схиму, сохранив свое имя.

16 июня, в 10 часов утра он тихо отошел ко Господу.

Духовные наставления

◊ Не угашай духа и не ослабляй себя нерадением и излишней дебелостью тела и рассеянием ума в страстные воображения, да не постраждеши последи жребия Евангельского ленивого раба, скрывшего талант благодати, приятой в крещении, которая отнюдь не должна быть тща и бесплодна в душе каждого христианина.

◊ Для возбуждения нашего нерадения надо всегда приводить себе на память, что мы смертны: жизнь наша скоропреходяща и неизвестностью смертного часа очень опасна, ибо хотя известно знаем, что умрем, но не знаем, когда умрем: сегодня или завтра, рано или поздно, в день или ночь?

Неизвестна судьба каждого человека, когда кого постигнет смертная коса и в каком устроении обрящет, готового ли благими делами, или неготового, и злыми преисполненного?

В чем бо застанет кого, в том и на суд пред Богом представит и от дел своих всяк или прославится, или постыдится.

И никто нам в часе оном смертном не поможет, точию с Богом добрые дела.

◊ Известно нам от Святого Писания, что созданы мы не только для того, чтобы есть вкусно, да пить, да приятно гулять и веселиться без памяти. Мы созданы на дела благая, посредством коих в краткой сей жизни стяжеваем вечную, блаженную жизнь, к которой все благодатию Божией призваны. Итак, здешний век наш есть время непрестанных дел телесных и душевных, а будущий век — приятие по делам.

◊ Наши дела называются сеянием: одни — во внутреннего человека, другие — во внешнего, и различные каждого плоды видятся.

«Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6, 8).

Внешнего человека сеяние и собирание в здешнем веке содержится в трех видах: в похоти плоти, в похоти очес и в гордости житейской (см.: 1 Ин. 2, 16). Ежели внутренний человек не поучается в законе Божием и не питается, не укрепляется чтением и молитвой, то побеждается от внешнего, и кем побежден будет, тому и работает.

От сего видятся дела, угодные телу, но противные Богу: гордость, сребролюбие, чревообъядение, совершение всякого рода похотей, празднословие, смех, гуляние, пьянство, злоба, лукавство, ложь, зависть, леность и прочие — вот плоды сеяния в плоть, и потому плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия (см.: 1 Кор. 15, 50).

Когда же душа закону Божию поучается, а тело благоразумию души покорено, тогда дела видятся сии: любовь к Богу и ближнему, мир со всеми, кротость, простота, благосклонность, милосердие ко всем, скромность, воздержание, целомудрие, незлобие, и прочее, и сии дела суть плоды Духа Святого и называются сеянием в дух.

◊ В здешнем веке дела наши суть сеяние, а будущий век есть жатва посеянного нами, и кто что посеет здесь, то и там пожнет.

Ежели кто сердечную свою ниву потщится возделать и удобрить и насеять семенами бессмертного жита, то верно может надеяться по сеянию своему узреть и жатву к покою вечному и удовольствию.

Сеющий слезами покаяния — радостию пожнет (см.: Пс. 125, 5), и насытится тогда, говорит пророк Давид, ибо по трудам благочестия следует приятный покой.

Не трудящемуся же в деле благочестия покой и утешение отречено: праздный, сказано, да не ест.

Воображай себе истину сию всегда, что еже сеет человек в здешнем веке, то самое и пожнет в будущем стократно, и на этой истине поверяй себя каждодневно: что ты посеял в счет будущего века — пшеницу или терние?

Испытавши себя, располагайся к исправлению лучшего на следующий день и таким образом жизнь проводи.

Ежели плохо был проведен день настоящий, так что ты ни молитвы порядочно Богу не принес, ни сокрушился сердцем ни однажды, ни смирился в мысли, ни милости или милостыню никому не сделал, ни простил виноватого, ни стерпел оскорбления, напротив же того, не воздержался от гнева, не воздержался в словах, пище, питье, или в нечистые мысли ум свой погружал, — все сие рассмотрев, по совести осуди себя и положи на следующий день быть внимательнее во благое и осторожнее в злое.

◊ Не смущайте своей души о том, что вы немощны и исправления не имеете. Конечно, вы больших исправлений, может быть, и не имеете, однако, уповаю, имеете малые, которых вы не видите, а их может набраться довольно. Они, по-видимому, не велики, будто ничего не значат, однако могут быть ко спасению не только не малы, но и довольны. Я вам, хоть отчасти, перечту те самые, которых вы не чужды, но они точно бывают в вас при случаях.

Если кому когда милование какое-нибудь сделаете — за то помилованы будете.

Если пострадете со страждущим (невелико, кажется, сие) — с мученики счисляетесь.

Если простите обидящего, и за сие не только все грехи ваши простятся, но дщерью Отца небесного бываешь.

Если помолишься от сердца о спасении, хотя и мало, спасешься.

Если укоришь себя, обвинишь и осудишь себя пред Богом за грехи, совестью чувствуемые, и за то оправдана будешь.

Если исповедуешь грехи свои пред Богом, за сие вам прощение и мзда.

Если попечалуешь о грехах или умилишься, или прослезишься, или воздохнешь, воздыхание твое не утаится от Него: «Не таится бо от Него, — говорит святой Симеон (Новый Богослов. — Ред.), — капля слезная, ниже капли часть некая». А святой Златоуст глаголет: «Аще посетуеши точию о гресех, то приимет Он в вину твоего спасения».

Видите ли, сколько дел вы исправили, о которых и не знаете. Да тем и лучше для вас, чтобы вы сладце похвалялись в немощах своих, а не исправлениями своими любовались: пусть ценит их праведный Мздовоздаятель, а мы только на грехи свои смотреть будем и о них каяться во все дни, и о прощении их пещися.

Преподобный Лев (1768–1841)

Иеросхимонах Лев (в миру Лев Даниилович Наголкин, в монашестве Леонид) принес и утвердил в Оптиной дух старчества.

К этому великому старцу в Оптину пошли иноки и миряне — и с тех пор людской поток не прекращался, пока уже в годы богоборческой власти Оптина не была закрыта.

В 1834 году прибыл в Оптину иеромонах Макарий (Иванов), который стал достойным помощником старцу Льву. Они делили свои труды, покорствовали и смирялись друг пред другом, вместе подписывались в письмах, а в последние пять лет жизни старца Льва были как бы один дух в двух телах. Так что, когда не стало старца Льва, осталась живой другая половина его — старец Макарий.

О старце Льве и старце Макарии святитель Игнатий Брянчанинов писал: «Оба старца были напитаны чтением отеческих писаний о монашеской жизни; сами руководствовались этими писаниями, руководствовали сими и других, обращавшихся к ним за назидательным советом. Память их была богато украшена мыслями святыми. Никогда они не давали советов от себя, но всегда представляли в совет изречение Святого Писания или святых отцов. Это давало советам их силу: те, которые хотели бы возразить на слово человеческое, с благоговением выслушивали слово Божие и находили справедливым покорить ему свое умствование».

При старце Льве стал меняться внутренний строй монастырской жизни. Ничего важного в монастыре не предпринималось и не делалось без благословения старца. К его келье ежедневно, особенно в вечерние часы, стекалась вместе братия. Каждый спешил покаяться пред старцем, в чем согрешил в продолжение дня делом, словом или помышлением, просить его совета и разрешения в встретившихся недоумениях, утешения в постигшей скорби, помощи и подкрепления во внутренней борьбе со страстями и с невидимыми врагами нашего спасения. Старец всех принимал с отеческой любовью и всем преподавал слово опытного назидания и утешения.

Мудрость старца и искусное врачевание немощствующих душ скоро сделали отца Льва известным и вне обители. Ради духовных советов начали приходить к дверям его кельи из городов и селений дворяне, купцы, мещане и простой народ. Все были принимаемы старцем с отеческою любовью, и никто из них не выходил из его кельи, не быв утешен им духовно.

К старцу Льву привлекал дар благодати Божией, почивавшей на нем. В его присутствии все ощущали внутренний мир, успокоение сердечное и духовную радость. Часто приходили к нему с великим горем, а войдя в его келью, забывали, зачем приходили и что за горе тревожило их, — оно оставляло их на пороге. Помыслы, казавшиеся страшными и неодолимыми, в присутствии старца исчезали, как будто их никогда не было; но они опять появлялись, когда относившиеся к старцу ленились приходить к нему. Благодатной силой наставлений старца Льва многие семейства были умиротворены, проводившие порочную жизнь наставлены на путь истины, многие раскольники обращены к Православной Церкви.

Из рассказов учеников старца Льва можно видеть, что он как бы читал в душе каждого из них, что от проницательного его взора не могли утаиться и сокровенные их помыслы, которые он нередко явно обличал к душевной пользе приходивших к нему. Особенно старец имел от Бога дар открывать и напоминать забытые грехи.

Принимая отеческое участие во всех нуждах обращавшихся к нему, старец Лев, кроме душевного назидания, не отказывался подавать им помощь и в телесных болезнях, указывая некоторым на испытанные народные средства. Преимущественно он употреблял для лечения так называемую горькую воду, которой у него выходило в день иногда до полутора ушата. Примечательно, что и после смерти старца в обители приготовляли горькую воду, но она вдруг потеряла почему-то свою целебную силу…

Некоторых из приходивших к нему старец отсылал к мощам святителя Митрофана Воронежского; и бывали примеры, что болящие, прошедши сотни верст, исцелялись на пути и возвращались благодарить целителя.

Многим страдавшим от недугов телесных, часто соединенных с душевными недугами и потому не всегда понятных для людей обыкновенных, старец Лев преподавал благодатную помощь, помазывая их елеем от неугасимой лампады, теплившейся в его келье пред Владимирской иконой Божией Матери, которая была благословением старцу от его духовного отца схимонаха Феодора.

В 1839 году было воздвигнуто гонение на Белевских (женского монастыря) учениц старца Льва, отразившееся и на нем. Старца перевели в

другую келью, подальше от ворот, и запретили прием посетителей; ему приказали, невзирая на болезнь, ежедневно ходить в церковь. Народ ждал этих выходов, падал на землю, целовал края одежды его, выражая жалость к нему. Малое расстояние до храма преподобный Лев, обуреваемый народом, шел не менее получаса. В церкви, близ старца, собиралась толпа.

Разнеслись слухи, что старца Льва сошлют в Соловки или в больницу Боровского монастыря, под надзор. Ученики, в ужасе разлуки со своим отцом, решили написать настоятелю Сергиевой пустыни под Санкт-Петербургом архимандриту Игнатию Брянчанинову, его бывшему ученику, чтоб он сыскал старцу защиту у членов Синода. Долго отказывался старец, но, наконец, по неотступным просьбам, подписался, не читая, под письмом, составленным отцом Макарием. Святитель Филарет Московский, бывший в то время в Петербурге, по просьбе архимандрита Игнатия написал калужскому архиерею, и слухи о заточении замолкли. Письмами же обоих Филаретов (Московского и Киевского) к тульскому преосвященному были оправданы и вновь приняты изгнанные Белевские ученицы старца. Впоследствии эти изгнанницы были игуменьями.

В 1841 году отец Лев ясно стал говорить о конце своем.

Отходил старец 11 октября, накануне празднования памяти святых отцов VII Вселенского собора, как бы в обличение тех, кто упрекал его в еретичестве.

В 7 часов 30 минут, в последний раз взглянув на икону Пресвятой Владычицы, старец Лев закрыл глаза и тихо испустил дух. Ему было семьдесят два года.

Духовные наставления

Ответы старца Льва на вопросы отца Павла Тамбовцева

1. Каким образом поступать, когда я, находясь в кругу братьев, не могу воздержаться от слов, и когда говорю, то кого-либо обижаю словами?

— Должно помнить произносимый святой Церковью к Богу глас сей: «Положи, Господи, хранение устом моим и дверь ограждения о устнах моих».

Притом надобно воображать, что те, которые говорят, делают сие в разуме духовном. Они сего достойны, а ты считай себя недостойным разговора с ними; и когда спросят тебя, отвечай с благоговением.

Когда же увлечешься сему противным, кайся и старайся неотложно исправиться. — Должно еще вести себя так, чтобы братья не заметили в тебе твоей отличности в исправлении.

2. Как поступать, когда я вижу в других вольное выражение мыслей и соблазняюсь; равно как и в тебе, отче, иногда, не видя старческой кротости в обращении с другими, также оскорбляюсь?

— Это тебе кажется так от невнимательности и нерассуждения твоего. Не должно никого осуждать; ибо ты не знаешь, с какой они целью сие делают, и с какой целью с кем-либо я поступаю. Таковыми поступками скорее обнаруживается внутренний людской характер, и для дышащих презорством это нужно. Итак, ты несправедлив. Старайся более внимать себе, не разбирать дела, обращение и поступки других. Ты пришел в училище самоотвержения, — исполнять повеленное тебе, но не иметь права судить, где, когда и как с кем поступать.

3. Я не вижу в братьях любви и для исследования какого-либо предмета из Святого Писания не нахожу собеседников.

— Не может быть, чтобы у них не было любви, — так должно думать и по справедливости заключать. Если же ты не видишь в них любви, то это потому, что ты сам в себе любви не имеешь. Покажи прежде сам истинные черты любви и тогда увидишь, что любовь у них обитает, и к тебе хранится обильно. Притом мы имеем заповедь Божию любить чистосердечно ближних, а искать от них любви — о том нигде не сказано. А что они не могут или, лучше сказать, не дерзают беседовать с тобою от Писания, то ты не должен искать сего с ревностью. Где смирение у них, там и простота, а сия Божественная отрасль не испытывает судеб Божиих; она только верой повинуется и до времени довольствуется только теми понятиями, которые ей открывает вера. Не будет Бог о том послушника испытывать, почему он

не богословствовал, но почему не внимал себе. Бог не оставит их относительно спасения. Если Ему благоугодно будет, то и откроет им тайны Своего смотрения. А разум, просвещенный светом Божиим по мере веры, выше всякого учения, ибо, естественно, разум изобрел учение, а не учение — разум.

4. Почему, в течение пятилетнего жительства в пустынной здешней обители, стараясь сколько-нибудь о собственном назидании, я чувствую, напротив, что действительно сделался хуже, о чем свидетельствуют неосмотрительные мои поступки, хладность сердца и недостаток великодушия?

— Весьма редкие в столь короткое время возлетали крылами веры и добродетелей на духовное небо, ощущали в себе нелестные залоги упований, обручение будущей славы. Весьма немногие, после непродолжительных трудов, ощущали таинственно утешительную награду, или цветы искренней деятельности о Господе, обещающие собрание плодов в вышнем вертограде Иисуса Христа. А иные и во свою жизнь на земле не ощущали того и не ощутят, по смотрению небесного Покровителя Бога, Который всегда лучше о нас промышляет. Ибо мы, как бы младенцы в рассуждении судеб мироправителя, нередко у Него просим таких орудий, кои по достоинству своему и силе спасительны, но по нашему неискусству могут быть употреблены нами в совершенный вред. Почему любвеобильный Отец светов скрывает от некоторых благочестивых дары, которые одним спасительны, а других приближают к погибели. Что бы было, если бы Бог Всеведец совершенно исполнял все наши желания? — Я думаю, хотя и не утверждаю, что все бы земнородные погибли. Бог, хотя и не презирает молитвы избраннейших Своих, но желаний их иногда не исполняет, и единственно для того, чтобы, по Божественному Своему намерению, устроить все лучшее.

При сем можно заметить, что живущие без внимания к самим себе никогда не удостоятся посещения благодати; а если по единственной благости Божией и удостаиваются, то уже пред кончиною. Но видеть себя вне преспеяния не есть еще совершенное непреспеяние. Таковые чувства могут насаждать в сердце искреннее смирение. А когда ты подлинно имеешь сознание, что лишен плодов духовных, то старайся неослабно усиливать стремление к Богу. Когда мы находим себя лишенными добродетелей и потому не имеем о себе мнения, то сие самое может привлекать Божественное призрение, которое укрепит нас надеждой против смертного духа отчаяния. Когда мы не успели в добродетелях, то нет ближайшего средства ко спасению, как смиренномудрие. Высокомерие и при

добродетелях богопротивно; но кроткая мысль пред Богом забвенна не будет.

5. От чего это возникло, что я к советам вашим потерял веру и благоговение, что назидания ваши перестали действовать на мое сердце и что все кажется для исполнения неудобным?

— Вера потеряна от подозрительности, благоговение — от дерзости, а недействие назиданий на сердце бывает от того, что ты слушаешь с некоторым любопытством, считаешь, что я делаю сильные переходы от предмета к предмету и что решаю твои вопросы простыми выражениями.

Оставь любопытство, храни умеренность в дерзновении, веруй, что Бог тобою руководствует в лице других, не высокомудрствуй; держись с простотой послушания и будешь тогда ощущать совсем другое в душе твоей. Если же ты благоразумной простоты не имеешь, приобретай оную не доверием к себе, а памятью твоего намерения, — зачем пришел в обитель; вспоминай тот жар, те расположения души, которые ты ощущал в самом начале посещения твоего сердца Богом, священную «измену десницы Вышнего». — Для истинного послушника, при Божией помощи, нет ничего неудобоисполнимого. Истинное самоотвержение всегда будет чувствовать спасительное иго легким. Если искушения не превышают даров Божиих, то желающий спастись все может силою имени всех укрепляющего Господа Иисуса. И это столь священная истина, что всякий, имеющий сколько-нибудь живой веры, никогда не усомнится. Для маловерия и пылинка кажется горою; равно как для верующего переставлять горы искушения весьма удобно и легко.

6. Каким образом поступать тогда, когда бываю в кругу первейших обители нашей старцев, которые иногда между собою в разговорах помещают такие происшествия, что, слыша оные, трудно одержать победу над смехом?

— О словах их должно думать так: я не понимаю, по скудоумию моему, на какой конец они говорят это; а не зная их цели, не должно смеяться. Если же нечаянно и невольно усмехнешься, обвиняй самого себя, помня истинные свидетельства святых отец, что ничто так не разрывает цепь добродетелей и любви евангельской, как смех и смехотворство. Как обращение скверных мыслей во внутренних чувствах лишает присутствуя благодати, так упражнение в смехе и склонность к нему удаляет ангела хранителя; добродетели бывают тщетными, будучи сопряжены каждая с душевными какими-либо пороками, и ограда преспеяния разрушается. И Спаситель мира назначил вечную горесть углубляющимся в смехотворения: «горе вам смеющимся ныне».

7. Как избавиться от необыкновенно сильных ощущений сладострастия не только в собрании с женским полом, но и при одном воображении о нем?

— При виде их должно хранить ум и чувства, особенно ничего не говорить без осмотрительности, стараясь скорее удалиться, а при воображении удерживать мысли. Полезно воздержание, а еще вернее — благоразумная умеренность. Но первее всего должно умолять Господа всемогущего о избавлении от нападений лютейшей сей страсти; ибо человек сам собою никогда ее не искоренит. Но, при нашем произволении, Бог премилосердый угашает порывы сего пламени.

8. Когда мой ум насильно влекут за собою помыслы сладострастия, как избавиться от нападения их?

— Пойди умом твоим во ад и чрез зерцало Священного Писания посмотри на плотоугодников. Ужели и ты пожелаешь за временную греха сладость вечной погибели? Помни, что ты смертный. Смиренно проси Бога, яко победителя страстей, да отразит мысленные оные стрелы плоти, — сего врага, неукротимо бунтующего против закона ума и духа; ибо без Вышнего сделать блага не можем ни малейшего.

9. Какое средство употреблять против помыслов, сильно влекущих меня к осуждению ближнего, и особенно того, который меня чувствительно оскорбляет, которого поступки кажутся несообразными званию о Христе и дерзкими и который также очевидно других братий оскорбляет, на что взирая и приемля участие в их неудовольствии, более раздражаюсь, не в состоянии быть мирным; а не быть покойным в духе значит носить душевредную тяжесть?

— При появлении помыслов, побуждающих тебя к осуждению ближнего за нанесенную им тебе обиду, когда рассвирепевшая буря мысли устремится ко взаимному отмщению, сообрази состояние скорби твоей с бывшим состоянием скорби Спасителя мира. Сей великого совета ангел, Сын Божий, будучи без греха, терпел великодушно величайшие скорби. Не тем ли более должны терпеть горестные случаи мы, люди грешные, достойные наказаний? Мы должны также более и обвинять себя. В сем случае оружием самоосуждения мы будем сражаться с возмутителем духа нашего, невидимым филистимлянином, окрадывающим богообразный кивот души нашей. Того, напротив, который наносит нам оскорбления, мы должны почитать благодетелем нашим: он не другое что, как орудие, коим Бог устраивает наше спасение.

Таким образом, мы будем почитать обижающих нас благодетелями. И когда начнем приучать себя к самообвинению, тогда неприметно успеем во внутреннем обвинении (себя); тогда сердце наше, с помощью Вышнего, может сделаться в духовном смысле мягким, кротким. Человек сделается

вместилищем благодати и мира духовного. Тогда душа почувствует такой мир, которого мы в состоянии горести ощущать или, лучше сказать, вкушать не можем. Сей-то мир будет просвещать разум подвижника. Заря кротости духовной прострет свои лучи на ум, слово, умное чувство. Тогда он удобнее может отразить зло, покорить и посвятить сердце всему тому, что только спасительно. Неудовольствия будут уже казаться радостными и приятными.

10. Когда никакая святая мысль и представление не действуют на сердце раздраженное, или предавшееся нечувствию, что должно делать, дабы умягчить себя?

— Должно уединяться, принудить себя к молитве, к излиянию души пред Богом. Когда несколько ослабеют волны нечувствия, тогда изыскивай причину такой хладности. Если возникло от какой-либо страсти, удали оную от себя. А когда сие толь горестное ожесточение водворилось от непроницаемых причин, то более проси Вездесущего, да отразит благодатью Своей все причины неверия — злые порождения нечувствия.

11. Каким образом согревается охладевшая душа?

— Словом Божиим, молитвой, смиренным благодарным чувствованием сердца к Богу во всех изменениях, не только наружного состояния, но и внутреннего.

12. Ощущая в себе не только склонность, но и самые действия тщеславия, и желая оного избавиться, каким образом можно успеть в том?

— Если ты будешь продолжать послушание с откровенностью, если не будешь ни в чем настоятельно склонять старших к соглашению с твоей волей и выискивать их благоволение к себе, если совершенно повергнешь свое ничтожество перед Богом, то всемогущей благодатью Его можешь, со временем, избавиться от тщеславия. Сия страсть от юности до преклонных лет и до самого гроба нередко простирается. Она не только страстных преуспевающих, но иногда и совершенных преследует, почему и требует немалой осмотрительности. Бесстрастный Творец лишь может искоренить ее. О! коль трудно избегнуть сего яда, убивающего плоды и самых зрелых добродетелей.

13. Когда я читаю книги Священного Писания, то назидательные изречения отмечаю. Должно ли так делать и полезно ли?

— Старец мой, которому, с помощью Всемогущего, повиновался я более двадцати лет, мне это запрещал. Назначенные тобою заметки неприметным образом рождают в сердце следы высокоумия, черты пагубнейшей гордости. Это познано из опыта. Когда Бог мира озарит истинным светом память твою, тогда и без замечаний будешь помнить, где о чем писано и на какой конец. Разум, просвещенный благодатью, укажет тебе в Святом Писании все, что нужно для твоего спасения. Ибо Писание, хотя

вообще дано нам от Бога, как бы некоторое руководство к преспеянию, однако имеет свои разделения. Например: что особенно относится к властям, что к подчиненным, что к преклонным в летах, что к среднему и малому возрастам, что к инокам, мирским лицам, супругам, девам и прочее. Но ты читай книги просто; проси Всепремудрого, чтобы Он начертал волю Свою святую в душе твоей. А когда ты оную исполнишь со смирением, тогда будешь богомудр и остропамятен о Господе.

14. Видя новоначального брата в некоторых поступках неосмотрительным, или делающим что-либо неблагопристойно, должно ли поправить его?

— Если ты обязан более внимать себе, если ты не имеешь на то благословения от начальника и признаешь себя подверженным страстям, то не входи никак в те предметы и случаи, кои до тебя не касаются. Молчи. Всяк своему Господеви стоит или падает.

Старайся всемерно сам не быть соблазнителем ближних. «Врачу, исцелися сам!»

15. На субботу должно ли исполнять келейное правило?

— Должно, исключая праздников и тех дней, в которые бывают бдения. Поклоны должны быть поясные.

16. Если я, по случаю отлучки или какого послушания, не могу иметь другого времени для келейного правила, как самое позднее, как поступать?

— Если ты, быв в отлучке, изнемог, то успокойся, — правило оставь, смиряясь и не смущаясь о том. А когда послушание будет умеренное, постарайся совершить твое правило, и получишь от того немалую пользу. Так однако же делай до десяти часов. А когда сие время протечет, то, прочитав со вниманием вечерние молитвы, успокойся, творя молитву Иисусову, доколе уснешь, дабы готовее быть к утрени и к продолжению послушания на следующий день, если угодно будет Богу благополучно тебя восставить. Но это должно относиться только к послушникам.

17. Я весьма желаю исправить себя, но все увлекаюсь стремлением страстей. Что должно делать для преодоления их?

— Желай, и Бог всемогущий даст тебе по сердцу твоему; ибо начало добродетелей и источник есть расположение, желание добра о Господе. Страсти победить сам собою человек не может. Это дело десницы Вышнего, действие силы Божеской. С нашей стороны должно только непосредственно хранить данное нам от Бога святое произволение и по оному прилагать старание достигнуть в страну бесстрастия. И Вышний, без сомнения, совершит подвиг желающего. Итак, если желаешь воскреснуть от гроба страстей, то имей о том всегда внимательную мысль, попечение,

неуклонную деятельность, ревность. Уповай на Бога, могущего показать силу Свою в немощах наших благодатью Своею, и спасешься.

18. Каким образом избавиться от рассеяния мыслей и в самой молитве?

— Молясь устами, молись и умом, то есть заключай ум в силу слов молитвы.

Если увлечешься размышлением о каком-либо предмете, то, ощутив свою неосмотрительность в том, углуби свое внимание в молитву. Всегда поступай так и ощутишь пользу.

Постоянство ума привлекает особенные действия благодати.

19. Сильно одолевает меня леность. Как избавиться от нее?

— Если ты нерешительно будешь сражаться с леностью, то никогда не победишь оной. А коль скоро восстанешь против нее с твердым намерением, хотя не без внутренней болезни, то с помощью Божьего можешь одержать победу. Отражать, хотя и быть гониму, есть знак верного и доброго воина; но обращать всегда хребет прилично одному ленивому оруженосцу. Человек до гроба должен наблюдать за собою относительно сего порока, дабы не услышать в последний день ужаснейшего определения Сердцеведца: лукавый рабе и ленивый!..

В Писании сказано: «побеждающему дам венец», а не победившему; потому что мы без помощи Вышнего не можем одолеть врага совершенно, не можем никогда приобрести над ним никакого перевеса. Только побеждающему дается венец, и только тому, кто выходит на борьбу с твердым намерением вести брань до последнего издыхания и никогда не оставляет оружия в минуту самых ужасных опасностей; будучи даже в невольном плене, не предает сердца своего врагу. Таковой, хотя и бывает иногда разбит, никогда не послабляет своего священного рвения, жертвует собою неуклонно с духом надежды и потому успевает, и за одно свое намерение венчается, как храбрый и достойный небесных почестей.

20. Как избавиться от угнетения духа уныния?

— Вероятно, ты увлекаешься к нему собственной волей. Если оставишь самораспоряжение и будешь начинать всякое дело с благословением Божиим, то с благословением пожнешь мир душевный и прочие плоды Святого Духа. Если оставишь совершенно свою волю, то никогда не будешь ощущать тягостного мрака уныния. Свирепейшие волны страстей утихнут. На их месте возникнут: ясность мыслей, тишина помыслов, кротость духа, нелестный мир, которые приосенят тебя и водворятся в душе твоей. Если ты сохранишь непрерывное внимание и самонаблюдение, то уподобишься мудрым девам и внидешь в чертог бессмертного Жениха. Жених грядет в полуночи. Блюди же, да не отягчишь сердце твое унынием. Даждь славу Господеви Богу твоему, прежде даже не смеркнется. Гряди во имя Господне

путем самоотвержения, если желаешь истинно спастись. Уныние преследует всех; даже в великих людях уничтожает спасительные плоды трезвения. Но в простом и истинном послушнике оно не должно иметь места. Кто себя отвергся с упованием на Бога, — о чем когда будет унывать? — В таковом «врагу оскудеша оружия в конец».

21. Услышал я о представлении к монашеству некоторых братьев, особенно тех, кои вступили в сию обитель после меня. Я, равно желая принять ангельский образ и не имея на сие благословения начальника, весьма о том беспокоюсь и сетую, не достигая цели. Каким образом водворить в себе потерянное чрез то спокойствие духа?

— Во-первых, ты должен смиренно и без дальнего рассуждения покориться воле Божией. Решение начальника есть воля Правителя всяческих. Посему кто не повинуется начальнику, тот не повинуется воле Божией, всем управляющей. А кто не повинуется хотению Божескому, тот горестно подвергает себя удалению благодати, тлетворной печали духа, нестроению, бедствию и всем безрассудным предприятиям. Те, которые прежде тебя представлены к монашеству, вероятно и должны почитаться достойнее. Желая получить внешний образ ангельского обручения, потщись прежде сделаться внутренним ангелом. Без внутреннего монашества одно наружное не спасет тебя. По намерению твоему и званию, подражай по силе жительству древних святых отцов и веруй, что всеми нами управляет всемогущий Бог. Начальника почитай исполнителем святой и прозорливой воли Его, ибо он таинственно носит образ Иисуса Христа. Так веруя, конечно, не будешь безрассудно приступать к начальнику. Да и смеем ли мы на Господа Иисуса Христа иметь возмущенный дух, когда и с ненавидящими мира мы обязаны быть мирными, кроткими, благопокорливыми? Но о сем я более говорить не стану. Если Бог взирает на сердце и произволение и призирает на дела каждого, если Он видит все будущие действия наши и самую кончину жизни, то должно ли сомневаться, что Он, яко Всеблагий, устраивает о нас все лучшее? Бог только восхощет, естество уже и теряет свой порядок; ибо благодать Его сама собою есть, без сомнения, превыше всякой мудрости и сил мира сего. Что Бог предположил, того никакой совет человеческий разрушить не может. Конечно, Богу неугодно, чтоб ты был воспринят в ангельский чин. Если ты сделаешься его достойным, то будь уверен, что или пред кончиною удостоишься оного, или, по разрешении от тела, от ангелов будешь представлен ко Господу в чине иноческом. Это истинно. И если ты имеешь в душе сколько-нибудь веры, превышающей разум, то можешь сие принять. Но если ты такой веры не имеешь, потщися веровать и со святым апостолом Петром взывай: Господи, приложи ми веру.

Бог зрит на произволение.

Возьми в пример блаженную Таисию, которая, бывши непотребной женщиной, мгновенно, посредством одного решительного самоотвержения, сделалась совершенною инокиней. Когда она возымела произволение быть единственно рабою Бога и с непоколебимостью предала сердце свое водительству Иисуса Христа и когда в такой решительности постигла ее на пути чувственная смерть, тогда спутник ее, преподобный Иоанн, обративший ее помощью Вышнего от стезей разврата на спасительный путь покаяния, к величайшему удивлению, увидел чистой душой, как ангелы восхитили в неприступный свет примиренную с Богом душу Таисии. Она еще не достигла пустыни, не знала, в чем состоит жизнь иноческая, не была облечена в вожделенный ей образ оный, но, посредством обращения к Богу и презрения самой себя, мгновенно удостоилась премилосердного суда Господня и переселения в нерукотворенные Божии обители. Не совершенной ли она посему сделалась инокиней? Тайной воле всевысочайшего милосердия угодно было прекратить дни ее в минуту решительного произволения; и вот один благой помысл ее венчается наравне с самым делом. «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит». Если ты желаешь иметь на сие еще яснейшее доказательство, то посмотри очами смирения и веры на того послушника, который, за благое произволение и достойную жизнь, тотчас по погребении облечен был ангелами в схиму, что мы видим в истории печерских святых отцов. Но увы тому схимнику, с которого суд Божий определил снять внешний образ, в доказательство внутреннего его бесплодия!

Если и ты облечешь себя о Христе во образ внутреннего инока, то не беспокойся много о внешнем образе, хотя и непогрешительно желать сего. Сердцеведец, всегда лучшее о нас строящий, по мере твоей веры и дел, Ему угодных, устроит о тебе. Вспомни о преподобном Пимене Многоболезненном. Множество окажется монахов единственно по произволению, хотя они в здешнем мире не могли, по судьбам мироправителя, быть постриженными от рук смертных. Преподобная Пелагия лишь только получила просвещение, познала истинную веру, как пожелала принести плоды, достойные покаяния. Крепостью неописанных подвигов сделалась она преподобной, хотя и не была облечена в мантию от человеков. Мантия означает тесноту, обещание вольной нищеты, чистоты, послушания и смирения монашеского жития; но мантия внутреннего облачения, предопределенная от Вышнего в награду вечную на небесах, есть священнейшее возложение одежды Святого Духа.

22. Должно ли верить снам, которые (по-видимому) живо представляют будущность?

— Не должно, хотя бы они в своем роде и действительны были; ибо чрез вероятие снов многие прельстились. Любомудрый старец Феостирикт, сочинивший Параклис Пресвятой Богородице, вверившись снам, наконец так прельстился, что погиб. Посему тот весьма искусен, кто не верит и живейшим представлениям.

Ответы старца Льва на вопросы Алексия Поликарповича Бочкова, впоследствии Антония, игумена Черменецкого монастыря

1. Что такое осуждение, и почему отцы применяют осуждающего к антихристу?

— Осуждение есть, когда ты, видя или зная грех или порок брата твоего, говоришь от сердца: «Он, по моему мнению, достоин или муки, или казни, или болезни». Тогда ты становишься якобы судия ближнего и хочешь возсесть на престол единого Судии Христа; потому за гордое безумие твое ты и применяешься ко антихристу. Иное есть злоречие и оглаголание, но это еще не осуждение. Иное есть соблазн, когда невольно, по естественному чувству, душа соблазняется на постыдное дело или слово. Молчание отцов, занимавшихся внутренним деланием, не знало грехов ближнего, а видело только одно свое падение.

2. Могу ли я на исповеди говорить о согрешившем со мною в слове или в деле?

— Разве ты хочешь каяться за него? Если он не хочет сознаться в своем грехе, говори только о своем: Согреших злословием, или страстными разглагольствиями, или чем-либо от таковых.

3. Могу ли я предложить брату принести покаяние старцу в соделанном вместе словесном грехе?

(Старец улыбнулся.) — Слишком велико твое рачение о спасении брата твоего. Думаю, что помолиться лучше, чтобы Господь Сам то ему внушил.

4. Отцы говорят, что подробное изъяснение блудных помыслов и дел напрасно, что довольно объяснить их кратким общим словом, что воспоминание о них сквернит уста и помыслы. Так ли это?

— Это так. Отцы были опытнее нас в душевных делах. Но каждому человеку различное правило. Иной старец может бесстрастно и безвредно выслушать твое исповедание. Да и ты, положим, можешь не очень страстно и с сокрушением исповедываться подробно и, ко смирению твоему, посрамить себя, потому и подробное исповедание (хотя и редко) бывает на пользу. Но, видно, старцы знали великое милосердие Божие, не желающее крайнего пристыждения нашего, потому и заблагорассудили исповедание худых помыслов сократить. Иногда тебе диавол внушит их, и ты будешь являть не свои помыслы, а его навевание, и он поругается тебе во благом.

Иногда и старец, не очень твердый, не вывеет помыслы твои из уха своего сердечного.

5. Поэтому злые и хульные помыслы на старца, на его жизнь и слабости лучше умалчивать?

— Каков старец. Лучше умалчивать о подробностях помыслов, а сказать только вообще, что были хульные помыслы на вас. Диавол иногда хочет поругать и похулить твоими устами старца; а ты потешишь диавола, ставши его передатчиком. Если же старец опытен, то он, не злобясь, тебе это разъяснит; а если малосилен, то возмутится, особливо, если такая брань твоя будет продолжительна. Старец может отринуть тебя за твою и свою неопытность. Обличение старца редко Господь попущает сделать младшему, хотя мы должны возлюбить обличающих нас.

6. Как же узнать: какие помыслы собственно наши и какие от противного?

— Мне сказывал один коневский пустынник, что, занимаясь немалое время умным вниманием, он не мог отличить свои помыслы от вражеских. Враг, увлекая мысль твою на что-либо, не говорит тебе: «иди, сделай то и то», а как будто думает за тебя и говорит тебе мыслью твоею: «мне хочется сделать то и то; я полагаю, что это полезно, а это вредно; я решился на то и то». И все это частенько не твои, а вражеские помыслы, прикрытые твоим или его «я». Ты полагаешь, что это твои мысли. Нет, ты только слушаешь вражеские внушения.

7. Некоторые священники-богословы требуют тончайшего исповедания для очищения души?

— Оставим их, — это их дело. А могут ли они свои правила выполнить, например, если исповедников у иного пятьсот в три часа?

8. Всем ли дается умная молитва?

— Кого посетит Господь тяжким испытанием, скорбью, лишением возлюбленного из ближних, тот и невольно помолится всем сердцем и всем помышлением своим, всем умом своим. Следственно, источник молитвы у всякого есть; но отверзается он или постепенным углублением в себя, по учению отцов, или мгновенно Божиим сверлом.

9. Некоторые знаемые мною отцы имеют великую любовь к Матери Божией и хвалятся тем. Мне сомнительно в них такое усердие.

— Да! Кто выставляет на вид свое ублажение, в тех сомнительно. Иногда мы хвалимся и нашими молениями, а между тем далеки от Царицы небесной. Матерь Божию восхвалим Ее добродетелями — чистотою, смирением, а не нашим восхвалением.

10. Какие книги святых отцов лучше читать: Лествичника, Исаака Сирина или аввы Варсонофия?

— Слова святых деяниями читай.

11. Что скажете об акафистах, которыми иные переполняют свои правила?

— Слова акафиста кто понимает так, как их песнописец, и вникает в каждое их слово, тот и в акафисте молит, или хвалит не без ума. Только бы он не приписал себе и своему уму чужие труды и чужие слова, псалмы или гимны — мы только их чтецы. Еще не все прочетшие Псалтирь — Давиды, и не все прочетшие каноны — Дамаскины. Лучше простое, всем нам близкое мытарево моление.

12. Как легче спастись? Каким путем? Я о себе только спрашиваю.

— Вообрази, что Господь Иисус Христос ходит по земле со всей Своей простотой человеческой и евангельской. Ходя при Нем, был ли бы ты лучше, нежели теперь?

Подумавши, я отвечал старцу: полагаю, что остался бы попрежнему, без особенной благодати Божией. Мало ли было последовавших Христу и отпавших?

Вопрос старца: А чем наипаче привлекается благодать Божия?

Ученик: Не ведаю, батюшка.

Старец: Если бы ты был, яко апостолы, простосердечен, то не скрывал бы своих человеческих недостатков, не притворял бы себе особенного благоговения, ходил бы не лицемерствуя, — этот путь, хотя как будто легкий, но не всем дается, не всем понятен. А этот путь ближайший ко спасению и привлекает благодать Божию. Непритворство, нековарство, откровенность души — вот что приятно смиренному сердцем Господу. «Аще не будете яко дети, не внидите в Царствие Божие».

13. От чего я досадую на приходящих к вам, на их глупости, на их невежество, хоть и знаю, что многие пользуются (получают пользу. — Ред.) вами?

— От того, что сердце твое не сокрушенно. Кто болит любовью к ближнему, тот мало замечает их глупости, а молит Господа со страхом, да внушится, что сказать ближнему на пользу, и дело совета исполняет благоговейно, яко дело Божие. Иногда и после молитвы не находишь ответа полезного. Тут устыжаешься и окаяваешь самого себя. При таком чувстве собственного недостоинства не до глупостей человеческих. Готов всякому сказать: помолися обо мне, рабе Божий.

14. От чего я вас иногда так люблю, как вот теперь (при этом у меня были слезы на глазах и голос дрожал), а иногда на вас досадую за множество к вам приходящих и стужающих вам?

— Поймешь ли ты меня? — От того, что ты еще не монах, а мимоходящий, еще не оторвался от мира. Ты на лету хочешь схватить мои

слова, мимоходом спастись, наскоро научиться. Потому у тебя и восторги, целованье батюшкина плеча или руки. А я при отце Феодоре был к нему без фанатизма, мысленно же готов был кланяться ему в ноги с сыновним почтением. Посмотри на игуменью Анатолию и матушку Аркадию[7]. Они не завидуют приходящим ко мне, готовы уступить всякому свое время и место, а между тем любят меня более твоего, потому что слова мои исполняют делом. Когда-то Господь и тебя совсем освободит от мира? Может быть, и ты возлюбишь ближнего своего, яко сам себя. Не желаю тебе и после того Тавифина устроения.

Объяснение последних слов старца Льва

Упоминаемая матушка Тавифа жила в Борисовской девичьей пустыни, Курской губернии, и была не только строгая по жизни монахиня, но и бойкая старица, принимала участие в других и многих наставляла. Но сама была восторженного настроения духа и искала высокого в духовной жизни, не презревши еще вполне человеческой славы и не очистивши себя и от других страстей; недостатки же других судила строго, вероятно по недостатку собственного смирения. Хотя и много была вразумляема старцами, но не оставляла неправильного своего стремления и восторженного настроения; чрез что и впала в прелесть вражью и скончалась в помешательстве ума, или в полупомешательстве.

Слова же старца Льва, что, может быть, и он возлюбит ближнего своего, яко сам себя, сбылись более тридцати лет спустя после кончины старца Льва. Отец игумен Антоний Бочков, отказавшись от настоятельства в Черменецком монастыре, в 1871 году поместился в скиту Николо-Угрешского монастыря, близ Москвы. В этом году в Москве стала усиливаться холера, и потому просили Угрешского настоятеля прислать в Москву иеромонахов, в помощь московским священникам, для напутствования больных и умирающих и для отпевания умерших. Тогда отец Антоний сам изъявил желание посвятить себя этому делу человеколюбия и в начале 1872 года перешел в московскую больницу чернорабочих, где для него была устроена особая келья. В продолжение двух месяцев семидесятилетний старец-игумен ежедневно исповедывал многих больных и приобщал святых Христовых Тайн, и сам каждый день приобщался; также соборовал человека по три в день и, случалось, человек по шести в день отпевал умерших, в зимнее время, в холодной часовне. Исполняя все это, отец Антоний говорил о себе, что во всю свою жизнь никогда не пользовался таким здоровьем и не был так покоен духом, как в это время. Наконец 17 марта, в день бывшего своего тезоименитства, на

память Алексия человека Божия, сам заболел тифом и 5 апреля скончался. Похоронен в Николо-Угрешском монастыре.

Преподобный Макарий (1788–1860)

Старец Макарий (Иванов) поселился в Оптинском скиту в сорок шесть лет. В первые два года своего пребывания в скиту отец Макарий, находясь при старце Льве, помогал ему в обширной его переписке; в 1836 году определен духовником обители, а с 1 декабря 1839 года назначен скитоначальником.

Преподобный Макарий был строителем скита, и при нем в скиту возводились многие строения.

Скитская церковь, стоящая в средине остальных зданий, была предметом особенного попечения старца. Каждое украшение занимало в ней то, а не иное место по особой мысли старца и его личному указанию; и потому-то она с первого взгляда так и привлекала соединением благолепия с простотой. Даже росписи были сделаны по замыслу старца.

Скит превратился в один огромный цветник, все скитские дорожки покрылись шпалерой цветов, начиная с низкорастущей, благоухающей резеды, до разноколерных красивых георгин. Внутренность скита еще основателем его, отцом Моисеем, обращена в плодовый сад. Усердием одного из ближних учеников старца сад этот не только поддержан, но приведен в наилучшее состояние. Урожай не продавался, и скитская братия имела за своей скромной трапезой «утешение» из плодов своего сада.

В 1857 году при участии святителя Филарета Московского, уважавшего преподобного Макария, были утверждены особые штаты для скита.

Келья старца Макария была всегда открыта для учеников. Предварясь Иисусовой молитвою, ученики могли войти к старцу в любое время. Старец даже беспокоился, не видя у себя долго тех, кто постоянно обращался к нему.

По смерти преподобного Льва, на попечении отца Макария осталась вся духовная паства мирян почившего старца, и эта паства все расширялась. В последние годы жизни, удрученный усталостью, старец не раз выражал скорбь о том, что не должен и не может уклоняться от обуревавшего его огромного количества народа. И он нес с верой возложенный на него крест.

Служение старца Макария совершалось посредством устных бесед и разговоров с приезжавшими для свидания с ним в Оптину, и переписки. На все это нужно было урывать время и без того заполненное иноческими и начальническими обязанностями.

Мужчин старец принимал у себя в келье во всякое время, от раннего утра до закрытия врат; женщин — за вратами, или во внешней келье, у ворот. Кроме того, после трапезы, отдохнув с полчаса на узкой кровати, он отправлялся в монастырскую гостиницу. По скитской дорожке и повсюду на пути ждало много народу, сошедшегося сюда к старцу со своими грехами, горестями, недоумениями, скорбями. Седой старец, среднего роста, летом в мухояровой поношенной ряске и башмаках, зимой в старой драдедамовой шубке, шел с костылем и четками. Некрасивое и неправильное по внешности лицо его, с выражением самоуглубления, сияло неземной красотой, умягчая сердца.

Не только души врачевал старец. Помазуя елеем из лампады, горевшей в его келье перед чтимой им Владимирской иконой, старец приносил великую пользу больным телом, и случаи таких исцелений немалочисленны. Особенно часты были исцеления бесноватых.

Слово старца было со властью. Оно заставляло повиноваться неверующего, обнадеживало безнадежных, и власть его была в великом опыте и примере и в кротости. С верой приходившие к нему получали не только духовную пользу, но и устроение своих земных дел. Споров он не любил, зная, что пользы в них нет: с лицами, приходившими из любопытства или с желанием поучить его, был смиренен и молчалив. Когда же пред ним были действительно скорби, душевные и болезни, какое одушевление и сочувствие наполняло его! Он забывал и слабость сил, и необходимость отдыха, и пищу, и нередко выходил после бесед, едва переводя дыхание, изнеможенный совершенно. После такого утомления обнаружилась и его последняя болезнь.

В отношениях к старцу требовалась простота сердца; поэтому люди из народа всего скорее получали от него пользу.

Переписка у старца была обширная. На вопросы, требующие духовного рассуждения, он отвечал сам. Ученики же помогали ему в письмах практического содержания, малосложных и кратких, не составлявших тайны. Письма не сходили с его стола. Отрываясь от них для бесед или скитских правил, он, освободившись, сейчас же брался за них снова. Только два раза в неделю, в день отхода почты, по утрам, старец прекращал прием посетителей и занимался исключительно письмами. Помощниками в переписке старца были иеромонах Амвросий (впоследствии преподобный оптинский старец), монах Иустин (Половцов, затем архиепископ Варшавский) и Леонид (Кавелин, впоследствии наместник Троице-Сергиевой лавры). Лучшим памятником по себе старец оставил свои

письма, изданные по кончине его в нескольких томах и представляющие сокровищницу духовных советов.

За два года до кончины старец келейно постригся в схиму. Мысль о том подала ему кончина митрополита Киевского Филарета (в схиме Феодосия).

Последняя болезнь старца началась 26 августа, в день празднования чтимой им Владимирской иконы.

7 сентября, в предпразднество Рождества Богородицы, в среду, 1860 года, в семь часов утра — чрез час по приобщении, по окончании чтения канона на разлучение души с телом, преподобный Макарий, окруженный учениками, тихо предал дух в руки Божии.

Духовные наставления

◊ Вы ищете от меня пророчеств и предсказаний о счастии жизни вашей и о судьбе. Я отнюдь не могу сего разуметь, что Господь положил во Своей власти, нам неприлично проникать в будущность и испытывать; судьбы Божии для нас непостижимы. Господь даровал нам Свои заповеди и повелел оные исполнять; когда будем жизнь нашу по оным провождать, то получим благая Божия, и здесь, и в будущей жизни; а ежели явимся преступниками заповедей Божиих, то не только здесь наказуемся, но, аще не покаемся, и в будущем веке не избегнем наказания. — Более ничего не могу вам сказать, а паче о будущем, которое все состоит в святой воле Божией. При исполнении Его заповедей, молитесь Ему, предавая себя в волю Его.

◊ Когда полагаетесь на Бога, то Он устроит все во благое.

◊ Мы, ища внутренних утешений, ищем не Бога, а себя. Ежели мы смиримся, силен Бог и утешить нас Своею милостью, только убоимся искать и будем считать себя сего недостойными: как здесь, так и во многих случаях, потребна есть преданность Богу чрез веру.

◊ Где ж искать христианину утешение в находящих ему искушениях и скорбях, как не в вере в Бога? Но вера не просто есть только веровать, что Он наш Создатель, но веровать, что Он и промышляет о нас всесильною Своею десницею, и все устрояет для нас на пользу, хотя мы сего и не можем разуметь по дебелости нашего разума, помраченного мглою страстей наших, от нашего произволения нами действуемых, а водимые страстьми и скорбь сильнее ощущаем. Премилосердый же Господь, любя нас и хотя нас спасти и избавить от заблуждения и порабощения страстей, посылает различные скорби, лишения и болезни, дабы мы, познав суету свою и не находя утешения, обратились к Нему, «желаний наших краю». Сердце наше, поражаясь нечаянными приключениями и печалями, невольно умирает миру, то есть страстям, и ищет утешения в лучшем. Не тогда только мы можем назваться верными, когда получаем благодеяния Божии, но когда принимаем с благодарением и наказания от руки Его, — тут-то и вера наша искушается: истинно ли мы веруем?

◊ На вопрос ваш, в чем состоит счастливая жизнь: в блеске ли, славе и богатстве, или в тихой, мирной, семейной жизни, скажу, что я согласен с последним, да еще прибавлю: жизнь, проходимая с неукоризненной совестью и смирением, доставляет мир, спокойствие и истинное счастье. А богатство, честь, слава и высокое достоинство нередко бывают причиной многих грехов, и ненадежно это счастье. Притом мы видим в евангельском

учении Господнем, что богатый, наслаждавшийся в сей жизни всеми благами, по отшествии в будущий век желал прохладиться в своем страдании хотя каплею воды, но услышал ответ: чадо, помяни, яко восприял еси благая в животе твоем, и прочее (см.: Лк. 16, 25). И еще: здешнее блестящее, роскошное и мнимо счастливое житие Господь называет пространным путем, вводящим в пагубу, и многие суть ходящие по нему; а узкий и прискорбный путь — вводящий в живот вечный, и мало ходящих по нему (см.: Мф. 7, 14.).

Но мы видим нередко, что Господь, любя нас и желая спасти многих, и против воли их, сводит с пространного пути, поставляет на тесный и прискорбный, и оным вводит их в живот вечный.

◊ Касательно же того, что вы затрудняетесь сказать духовнику о некоторых предметах, скажу вам: мысленные приражения страстных плотских помыслов не изъясняйте подробно, а просто говорите: «побеждаюсь плотскими помыслами»; довольно и сего. Бог видит сердце ваше, скорбящее о сем. Если же стыд не допускает и сего сказать, то прибегните к смирению и помните, что здешний малый стыд пред одним человеком освобождает от будущего вечного стыда.

◊ Вы смущаетесь, что во время молитвы не можете собрать своих мыслей, но рассеиваетесь. Молиться без развлечения — есть дело совершенных; но мы, немощные и находящиеся в борьбе (со страстями), должны собирать скитающиеся мысли наши и смиряться при нахождении помыслов, и отнюдь не смущаться; ибо смущение подает врагу силу больше на нас вооружаться, а смирение прогоняет его. А если бы всегда имели молитву чистую без развлечения, то опять не избежали бы тщеславных и гордых помыслов, от врага наносимых. Помните, что Бог приемлет молитву смиренных. Пишете, что трудно молиться дома; — на это требуется понуждение. Просите, — какие вам назначить молитвы читать каждый день? Не зная ваших домашних отношений, занятий и сил, не могу в точности сказать; а если вам удобно — предлагаю: утром читать утренние молитвы, а когда достанет время — кафизму или одну «славу»; вечером — молитвы на сон грядущий, и в течение дня утром или вечером канон Божией Матери и ангелу хранителю; в субботу — акафист Божией Матери, а в воскресенье — акафист Иисусу, Апостол и Евангелие по главе и несколько поклонов, — и все это проходить со смирением, не думая, что «я хорошо делаю», как думал фарисей. В случае же неисполнения чего-либо, по какимлибо препятствиям или даже от разленения, отнюдь не смущаться, не унывать и не упадать духом, а смиряться и считать себя меньше всех.

◊ Люди большею частью желают и ищут благоденствия в сей жизни, а скорбей стараются избегать; и кажется это очень хорошо и приятно, но

всегдашнее благоденствие и счастье человека вредит. Мы видим в учениях святых отцов и в примерах, что некоторые находятся в болезнях и терпят с благодарением, получают всякую милость Божию. Примите сей совет с покорностью воле Божией, несите посланный вам болезненный крест. Сохраняйте себя твердо в православной вере, почаще приступайте к духовному врачевству исповеди и причастия пречистых Христовых Тайн, не дожидаясь постов, но, смотря по усиливающейся болезни, можете чрез две и три недели сообщаться, это будет вам подавать великую отраду, и даже если будет воля Божия, можете и исцеление получить, — «от человека невозможно, но от Бога вся возможна суть» (Мк. 10, 27).

◊ Мы, скудоумные, думая устроить свое состояние, печалимся, суетимся, лишаем себя покоя, оставляем исполнение долга веры, за суетами, для того, дабы оставить детям хорошее имение; но знаем ли мы — послужит ли оное им пользою? Не видим ли детей, оставшихся с богатством, — но глупому сыну не в помощь богатство, — и оное только послужило им поводом к худой нравственности. Надобно пещися оставить детям добрый пример своей жизни и воспитать их в страхе Божием и в заповедях Его; это их главное богатство; когда будем искать Царствия Божия и правды Его, то сие — здешнее и нужное вся нам приложатся (см.: Мф. 6, 33).

◊ Не должно изыскивать причин, справедливо ли или напрасно обижают нас люди; когда прегрешаем пред Богом, то сия есть важная причина, промысл Его, побудившая воздвигнуть на нас бурю скорбей. Долг кающегося христианина есть благодарить Бога, наказующего здесь его, дабы в будущем веке не быть наказану вечно, и потому оскорбляющим должно прощать, не только по заповеди: «любите враги ваша» (Мф. 5, 44), и: «оставите и оставится вам» (Мф. 6, 14), но вменять их своими благодетелями, потому что чрез них сподобляемся получить прощение грехов своих.

◊ Молитесь просто, не ища в себе высоких дарований, считая себя недостойною оных, то будете и спокойны; и хотя видите хладность молитвы своей, тем паче имейте в чувстве смирение, что «я недостойна», но без смущения — то верно оная принята будет у Господа лучше той, о коей вы мните, что молитесь хорошо.

◊ О церковной же молитве знайте, что она выше домашней вашей молитвы; ибо оная возносится от целого собора людей, в числе коих, может, много есть честнейших молитв, от смиренных сердец к Богу приносимых, кои Он приемлет, яко кадило благовонное, с коими и ваши, хотя немощные и ничтожные, приемлются. Совет мой вам: не оставлять церковной молитвы, но смиренно во оной молиться, и не смущаться о том, что будто бы «не

молилась и не была», и сию мысль от себя отвергать, а о домашней не возноситься, то и будете мирны.

◊ Знайте, что плод гордости и возношения есть смущение и неустроение; а плод смирения есть мир и спокойствие; от гордости произошло все зло, а от смирения — все благо.

◊ Жить по заповедям Христовым обязаны все православные христиане и ничем не можем оправдаться пред Богом за неисполнение их, кроме как Его предражайшими заслугами и истинным сознанием и покаянием в наших преступлениях. Надобно же знать, что христианская жизнь есть духовная война, как пишет святой апостол Павел: «несть наша брань к крови и плоти» и прочее (Еф. 6, 12), а святой апостол Петр пишет: «супостат наш диавол ходит, яко лев рыкая, некий кого поглотити» (1 Пет. 5, 8). Всезлобный враг всеми мерами старается восставать против христиан, прельщая их суетою мира, и гордостью житейскою, и похотью плотскою. Еще более вооружается на тех, кои желают приблизить себя к Богу. Он их борет «десными и шуими»: ежели не может увлечь в порочную жизнь, то мнением о своих добродетелях вводит в высокоумие, и прельщая, помрачает их разум и отводит от Бога так, что скорее может порочный, от пороков обратившись, покаянием примириться Богу, нежели прельщенный своею святостью; потому-то я вас и предостерегал, чтобы не мнить того, что вы имеете любовь Божию; она есть верх совершенства, то как мы осмелимся мечтать о стяжании ее? Хотя вы и ощущаете иногда утешительные чувства и слезы, но на них не должно полагаться и не считать за велико; но паче смиряться, полагая себя недостойну быти таковых дарований. Святые отцы чем выше были жизнью, тем более себя уничижали и смиряли; а смирение еще более привлекало к ним Божию благодать и дарования.

◊ Вы, читая оные святые книги, не беритесь за высокое жительство, или за умную молитву, но держитесь более животворных заповедей Христовых, и зря высоту их и свое недостоинство, погружайте мысль свою во глубину смирения, на которое призрит Господь.

◊ Пекитесь более всего о исполнении заповедей Христовых; для познания же оных читайте Святое Евангелие и Апостольские деяния и послания, также и святых отцов учения, о страстях и добродетелях нас учащие; проходя путь жития, познавайте свою немощь, смиряйтесь и приносите Господу покаяние о неисправлении; отнюдь же не полагайте надежды на дела свои, но на милосердие Божие. Правило молитвенное исполняйте по силе, и по возможности своей, более с чувством мытаря, а не фарисея. Святой Исаак пишет: «Кто не помышляет себе быти грешна, молитва его несть благоприятна пред Богом» (Сл. 55). За высокое делание и за большое правило не беритесь; святой Исаак поучает, что: «умеренному

деланию цены несть». Но храните совесть свою. Воздаяния же здесь не ищите в утешении, оставьте это на волю Божию: Он знает, когда дать.

◊ Приготовляя детей ваших для светской жизни, попеклись ли вы насадить в сердцах их веру и страх Божий, которые бы были руководителями их к будущей жизни? Молитесь Господу, да сохранит Он сердца их от плевел, насеваемых супостатом посреди пшеницы.

◊ Мы видим и несомненно веруем, что промысл Божий, пекущийся о всякой твари, а вместе с тем и об нас, устраивает так быть для нашей душевной пользы, отводя нас от чего-нибудь неполезного, или искушая веру нашу, иных же и наказуя за грехи, и с покорностью воле Его несем тяготу, на нас налагаемую, по Его правосудию. Людей же, причиняющих нам скорби, должны почитать орудием, коим Бог действует в деле нашего спасения, и молиться за них. Другим же средством вы не можете найти себе утешения, а паче когда требуете от людей, чтоб вас любили, но смотря сквозь завесу самолюбия, не вините себя; когда бы вы, по учению Господа нашего Иисуса Христа, прибегнули к добродетели смирения, то оная бы успокоила. Он заповедал так: «научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11, 29).

◊ Видя себя в скорбях, веруйте, что вы не оставлены от Бога. Но паче Он, любя вас, посещает оными, дабы спасти вашу душу. Чрез все сие старайтесь иметь упование на Бога, которое купно с верою здесь вас укрепит и утешит, и в будущей жизни удостоитесь вечных благ, милосердием Божиим дарованных.

◊ Жизнь человеческая исполнена скорбей, да и в Царствие небесное многими скорбьми подобает нам внити. Прочтите историю древних веков, найдете, что великие мужи и герои, правители царств и повелители народов не были чужды скорбей, которые посылает всепремудрый промысл Божий каждому или по благоволению, или по попущению, испытывая веру или наказуя за грехи. Ежели с покорностью будете переносить, представляя грехи свои, то скорее пошлет Бог вам утешение, а если будете принимать с малодушием, то сами себе увеличите и отяготите скорбь.

◊ В трудных минутах прибегайте к Богу, изливайте пред Ним сердце ваше, помня пророческое слово: «Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех, обретших ны зело» (Пс. 45, 2). «Внегда уны сердце мое, ко Господу воззвах». «К Тебе, Господи, воззову и к Богу моему помолюся» (Пс. 29, 9). «Пролию пред Ним моление мое, печаль мою пред Ним возвещу» (Пс. 141, 3). «Слыша Господь, и помилова мя, Господь бысть помощник мой. Обратил еси плач мой в радость мне, растерзал еси вретище мое и препоясал мя еси веселием» (Пс. 29, 11, 12).

◊ Вы находитесь посреди мира и соблазнов его, по необходимости или по долгу службы, быв поставлены на сем поприще, не имея возможности уклониться с него, должны иметь в памяти заповеди Божии и смирение; то хотя и не можете подняться на высоту добродетелей, старайтесь не нисходить в бездну пороков; но всегдашние хотя малые проступки очищайте всегдашним покаянием и смирением, мысленно считая себя последнейшим из всех. Смирение одно сохранит вас от всех сетей и козней вражиих. А как я вижу, что вы при недостатке ваших исправлений в добродетели, скорбя, порабощаетесь смущению и лишаетесь спокойствия; а это знак самолюбия и гордости. Вы хотите видеть себя праведным и, не достигая сего смущаетесь; а когда бы достигли, то тоже бы увлеклись в гордость, — и стали бы строгим судиею других порочных и больше бы погрешили пред Богом.

◊ Вы пугаетесь при мысли о тесном пути: боитесь ложного стыда миролюбцев, насмешек, преследований и озлоблений — но все это происходит от самолюбия, гордости и от маловерия; по мере веры вашей и смирения, и страх сей исчезнет. Когда веруете, что без Божией воли и влас главы нашей не погибнет, то кольми паче касающееся до чувств сердца не может быть без Его воли, а когда что и случится, то верно к искусу нашему и для пользы нашей, по Его воле попустится; тут надобны вера и смирение, покорность воле Божией и молитва о укреплении.

◊ Стремление к приближению к Богу есть звание Его, к которому надобно присовокупить наше содействие, исполнением святых Его заповедей: где бы мы ни находились, в пустыне ли или в сообществе, в мире или в монастыре, — везде надобно пещись о исполнении заповедей, и везде есть искус произволению нашему и противоборство со стороны врага, попущением Божиим бываемое. А мы должны самовластие наше преклонять к исполнению воли Божией. Видя же свою немощь или неудобство, как вы пишете, надобно повергать себя пред величием Божиим, прося Его помощи и заступления от врагов видимых и невидимых; получивши же помощь и исправив что благо, берегитесь помысла хвалящего вас, а других осуждающего; это также сеть вражия, завлекающая в высокоумие и все плоды добродетелей отъемлющая.

◊ Бог не требует от болящего подвигов и трудов телесных; но душевное благое устроение всегда надобно наблюдать и иметь попечение о исправлении оного. Говорите, что дух находится в раздражительности и в неудовольствии против всех. На сие надобно обращать больше внимания, понуждать себя к любви и смирению, как пишет святой Макарий Египетский в 1-м слове, в 13-й и 14-й главах. Чрез понуждение себя и самоукорение получите помощь Божию и успокоение.

◊ Вы говорите, что не можете перенести укоризны и обличения; и остается в вас внутреннее мщение. Это значит, в вас сильно действует яростная часть, от гордости происходящая. А как с оною бороться и побуждать, имеете на сие учителей: святого Иоанна Лествичника, степени 8, 9, 10, 24 и 25, святого аввы Дорофея: «О еже укоряти себя, а не ближняго», и Нила Сорского «О страсти гнева», и еще у аввы Дорофея: «О еже како ходити в путь Божий. Без самоукорения, терпения и любви нельзя победить сей страсти и требует сие многого времени, подвигов и труда. Видя же себя в такой нищете, невольно надобно смирять себя — а где смирение, тамо и милость Божия. И спокойствия не можете найти без оного. Ибо Сам Господь научил нас сему, говоря: «научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11, 29).

◊ Все, что мы ни делаем, ни ухищряем, желая обрести спасение, но без смирения не пользует оное нам. И что чудно, по слову святого Исаака, смирение и без дел спасает нас, а дела без оного нимало не пользуют. Вы делали много и правил, и прочих мнимых добродетелей, полагая основать на них свое спасение, но ничтоже обрели — видно потому, что делание ваше не было растворено смирением. Не думайте же, чтобы сие богатство скоро и безтрудно можно было стяжать; но многим временем, трудами, самоукорением и сознанием своей немощи и нищеты. Читая книги духовные, научайтесь средствам, как бы приобрести оное, — и Бог, видя желание сердца вашего и старание о сих, пошлет вам Свою помощь.

◊ Бог иногда подает нам утешение и, по мере нашего устроения, отнимает их, да не превозносимся, и потому мы не должны смущаться в отнятии оных, в сухости и в холодности, но паче смиряться и видеть в себе причину сего — нашу гордость, от которой попущается впасть и в нерадение, леность и раскаяние.

◊ Вы должны веровать, что никакая скорбь не может с нами случиться, ежели не попустит Господь. А Он посылает скорби из любви к нам, или в наказание за грехи, чтобы очистить здесь от оных, или к искусу нашей веры, и в предостережение от грехов. А что самое наказание Божие происходит от любви Божией к нам, научает нас Святое Писание: «егоже бо любит Господь, наказует, биет же всякаго сына, егоже приемлет. Аще наказание терпите, яко сыновом вам обретается Бог, аще ли же без наказания есте, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове» (Евр. 12, 6–8). Видите, когда мы наказуемся, то обретаемся как дети у Господа, а ежели не имеем наказания, то уподоблены прелюбодейчищным, а не родным детям. Так когда вы имеете скорби, то знайте, что не забыты у Господа, и Он промышляет об вас; и в том будьте уверены, что Он не пошлет выше меры искушения, «но со искушением пошлет и избытие». В наносимых вам скорбях никого не

вините из оскорбляющих вас, ибо Господь вас наказует, а люди суть токмо орудия Божии, коими Он действует. Когда же будете винить людей и малодушествовать в скорбях, то более отягощаете себе оные, а великодушием успокоятся.

◊ Вы имеете желание приблизить себя к Богу и получить спасение. В этом состоит весь долг каждого христианина; но сие совершается чрез исполнение заповедей Божиих, которые состоят все в любви к Богу и ближнему и простираются до влюбления врагов. Читайте Евангелие, там найдете путь, истину и живот; сохраняйте православную веру и уставы святой Церкви, поучайтесь в писаниях церковных пастырей и учителей и соображайте жизнь свою по их учениям; но одни правила молитвенные не могут нам принести пользы. Я не охуждаю ваших правил, о которых вы пишете, и предоставляю на волю вашу продолжать оные, но советую стараться сколько можно обращать внимание ваше на дела любви к ближним: в отношении к матушке вашей, супругу и детям; пещись о воспитании их в православной вере и доброй нравственности, — к подчиненным вам людям и ко всем ближним. Святой апостол Павел, исчисляя разные виды добродетелей и подвигов самоотвержения, говорит: аще сотворю сие и сие, любве же не имам, ни кая польза ми есть (см.: 1 Кор. 13, 1–3).

◊ Терпение необходимо в нашей жизни. Много может предстать случаев, чрез кои искушается наша вера к Богу и терпение; надобно твердо веровать в промысл Божий, что Он ведет нас путями недоведомыми, но не стесняя нашего самовластия. Бог даровал нам разум, и свободную волю, и заповедь — что делать и чего не делать; по избранию нашим разумом и волею того или другого, подвергаемся награждению или наказанию здесь еще, или в будущем веке; а как мы часто подвергаемся преступлениям заповедей Божиих, то Он, по милосердию Своему, посылает нам скорби, наказуя оными, отвращая от грехов и приводя к покаянию. Кающихся грешников Он прощает и приемлет — как мытаря, блудного сына и разбойника; а некающихся и неисправляющихся ожидает вечное наказание.

◊ Наша цель должна быть: ищите прежде Царствия Божия и правды Его, то есть исполнение заповедей Божиих, очищающих наши страсти и дарующих нам покой и надежду спасения, по неизреченному человеколюбию Божию, а не от дел наших: ибо мы хотя и все повеленное сотворим, должны считать себя неключимыми рабами. И пока мы еще находимся в страстях, то необходим труд к исторжению плевел сих из сердца нашего. Но не надобно стремиться и скоро хотеть достигнуть бесстрастия и покоя; на сие надобно время, труд и помощь Божия; а все, что

скоро достигается, то скоро и пропадает. Не унывай и не смущайся, но предавайся в волю Божию.

◊ На вопрос, — просить ли прощения у тех, коим сделаешь какую-нибудь неприятность? Когда попросишь, то из этого выходят насмешки и острые слова, коим опасаешься подвергнуться. Надобно иметь рассуждение и рассматривать людей и случаи, расположение первых и важность последних. Если кто-либо оскорблен тобою, и знаешь, что он с любовью примет твое извинение, то можешь просить прощения, а особо когда резко оскорблен тобою. Но сего невозможно сделать, пока не сознаешь внутренне своей вины и обвинишь себя. А если знаешь, что те лица, коих ты оскорбила, примут извинение твое с насмешкою, то и не нужно пред ними извиняться, а обвинить себя в сердце своем, и мысленно просить у них прощения — тем надобно и успокаиваться.

◊ Будущее для нас неизвестно, посему надобно предавать все воле Божией и молиться о сем: да будет воля Твоя, Господи, о нас и о детях наших.

◊ О застраховании жизни, то есть обеспечении пенсией семейства, не могу дать совета: нигде о сем не читал в священных книгах. Это дело не моего ума, а только здесь проявляется неверие в промысл Божий и наше умствование искусственным образом обеспечивать себя или семейство. Я не могу воспрещать, но и совета давать, а паче благословения. У нас есть лучшее средство к обеспечению — заповедь Божия: «ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся вам приложатся» (Мф. 6, 33).

◊ Вникните в действие сердца вашего и ума: нет ли в оных и о себе высоких мнений, как в духовных, так и в светских делах — не уничижает ли мысль ваша других? Ежели ощутите оные, старайтесь скорее изгонять из сердца своего и не давать им места, а вкравшимся им, к наказанию за их дружество, бывает и попущение Божие к падению в какие-нибудь грехи, укоряющие совесть. Имейте сострадание к ближним, требующим вашей помощи; к бедным, сирым и убогим, по силе своей, обращайте внимание. Все сие привлечет к вам Божие милосердие.

◊ Вы должны знать, что главные три страсти вооружаются на нас: славолюбие, сластолюбие и сребролюбие: а от них побежденным бывшим, и прочим делам свободный не только приступ, но и вход в сердца наши. Рассмотрите себя, не воюют ли на вас оные сильные исполины, все или который-нибудь из них? Все равно и один, победив, отнимает свободу и ослепляет душевные очи. Ежели найдете, и непременно найдете, себя борющимся с ними, то и старайтесь вооружаться против их, противными оным добродетелями; вас смущает, что «не буду иметь большого состояния, а посему слава моя умалится, будут меня поносить, и я не могу иметь

достатка в содержании»; все сие, заблаговременно вступая в мысль, наводит смущение вашему сердцу. Сопротивляясь сему, отдавайтесь верою в волю Божию и на смирении успокаивайте себя. Не силен ли Бог и нища обогатить, а богатого в нищету привести? Он «сего смиряет и сего возвышает, убожит и богатит»; не всегда и богатство бывает полезно, но многим оно послужило к погибели души; а, напротив, умеренное состояние, и даже бедность, послужили приобретением спасения.

◊ Вы завидуете людям добродетельным, удивляетесь их чистой радости, внутреннему миру, покою душевному, конечно чувствуя себя оных лишенными. Но знаете ли вы и их внутренность? и также какую они претерпевают борьбу о неустроении? равно как вашего устроения никто не знает, кроме вас, так и вы не знаете их. Но они также имеют борьбу, попущается быть и во мраке. Видя свои недостатки, поневоле должно смириться, по слову святого Лествичника: нищие, видя богатство других, смиряются пред ними и больше познают свою нищету.

◊ У каждого христианина должен быть свой крест, как у странника свой посох, по словам любомудрых. Но кресты сии различны и не по нашему выбору должны быть; а какой кому пошлет Господь; и невозможно, чтоб мы и не ощущали тягости оных.

◊ Ежели мы признаем себя грешниками, то должны признать себя и достойными наказания, и когда они нам посылаются, то видеть в сем праведную руку Божию, карающую нас здесь, дабы избавить вечного наказания; вместо ропота, понудить себя смиренно подклонить выю свою под крепкую руку Божию и благодарным сердцем воссылать к Нему молитвы за любовь Его; ибо: «егоже любит Господь, наказует; биет же всякаго сына, егоже приемлет» (Евр. 12, 6).

◊ Надобно в скорбных сердечных чувствах принимать в память Божию к нам любовь и попечение о нашем спасении, ибо по Писанию: «многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие» (Деян. 14, 22), и посему вы стоите на скорбном пути, ведущем в живот вечный. Излейте пред Богом скорбь сердца вашего, являя покорность святой Его воле, то Он ниспошлет бальзам утешения от Своего милосердия; а когда будет Его воля и вам полезно, то и совсем освободит от скорбей.

◊ Все святые, как в Ветхом, так и в Новом Завете бывшие, имели высокое смирение, считая себя — землю и пепел и последнейша и худша всех. И вы старайтесь подражать им в смирении. Что бы ни сделали благое, все это не своею силой, а помощью Божиею делаете; и когда так будете себя смирять, то и в навыкновение придете. При этом надобно памятовать, ежели были прежде какие-либо грехи свои, и они нас смирят. Апостол Павел, при всех великих дарованиях, все помнил, что он грешник: «Христос пришел

грешники спасти, от нихже первый есмь аз» (1 Тим. 1, 15). Хотя мы и получаем прощение грехов, по исповедании оных и разрешении от духовного отца и сообщением святых Христовых таинств; но памятовать, что я грешник, спасенный Христовыми заслугами, всегда должно. Еще надобно помнить, что все то, что в человецех высоко, мерзость есть пред Богом, и что Господь на смиренные призирает, а гордым противляется.

◊ Сильная борьба страстей попущается за возношение наше и за мнение о себе и о своем разуме, так же и за уничижение других; врачевство оным есть — смирение, всегдашнее самоукорение; все это доставляет нам мир и успокоение; ибо Господь на смиренных призирает и дает им благодать.

◊ Тщеславие и гордость — одной закваски, различие же оных такое: тщеславие побуждает высказывать свое благочестие или свой ум, дорожить мнением людей, любить похвалу, склонно к человекоугодию, боится ложного стыда человеческого и подобное. Гордость же обнаруживает себя порывами гнева, смущением, презорством, осуждением и уничижением ближних, надымая душу самомнением и возношением о своих делах и достоинстве, или внешнем или внутреннем. Плод гордости: падение мужей и духовных; и вообще падения людей и жизнь нехристианская и все бедствия человеческие, в отношении души и тела, началом своим имеют гордость. Как и напротив, началом и основанием всего благого есть смирение.

Преподобный Амвросий (1812–1891)

В Оптину пустынь будущий великий старец преподобный Амвросий (Гренков) был направлен старцем Иларионом Троекуровским, который сказал: «Ступай в Оптину и будешь опытным». Отец Амвросий был келейником старца Макария и ближайшим его учеником. Как человек образованный, отец Амвросий принял большое участие в важном деле, предпринятом преподобным Макарием, — в переводе на русский язык и издании творений древних великих пустынножителей о монашеской жизни.

Уже с самого поступления в скит выделялся отец Амвросий своей приветливостью. Постепенно вырабатывалась в нем та высота духа, та сила любви, которую он посвятил на помощь людскому горю и страданию, когда сделался старцем. Тихо, без потрясения, по смерти старца Макария паства его перешла к преподобному Амвросию.

Любить ближних так, чтобы желать им всякого счастья, благословляемого Богом, и стараться доставить им это счастье, — было его жизнью и его дыханием. И в этом потоке любви, который буквально обливал всякого, приходившего к отцу Амвросию, была такая сила, что она чувствовалась без слов, без действий. К нему довольно было только подойти, чтобы почувствовать, как сильно он любит, и, вместе с этим, в ответ на его чувство открывалось сердце приходившего, рождалось полное доверие и самая тесная близость. Каким образом возникали такие отношения — это тайна отца Амвросия.

Он слушал, сидя или полулежа на своей низенькой кроватке, все понимал еще лучше, чем тот, кто рассказывал. Собеседник знал, что в эти минуты старец весь вошел в его жизнь и заботится о нем больше, чем он сам. А могло быть так потому, что свое собственное существо отец Амвросий позабыл, оставил, отрекся от него и на место этого изгнанного «я» поставил своего ближнего и перенес на него, но в сильнейшей степени, всю ту нежность, которую люди тратят на себя.

У преподобного Амвросия можно было искать разрешения всех вопросов. Ему поверяли как самые заветные тайны внутренней жизни, так и денежные дела, торговые предприятия, всякое жизненное намерение.

Любовь преподобного шла рука об руку с его верой. Он твердо, непоколебимо верил в человека, в его Божественную душу. Он знал, что в самом сильном искажении человеческом, там, где-то далеко, лежит искра

Божественного дара, и эту искру чтил преподобный Амвросий. Уже тем была велика его беседа (как бы ни был грязен тот, кто говорил с ним), что она давала грешнику сознание, что святой старец смотрит на него как на равного, что поэтому он не окончательно погиб и может возродиться. Он самым падшим людям подавал надежду, бодрость и веру, что они могут стать на новый путь.

С утра до вечера к нему приходили люди с самыми жгучими вопросами, которые он усваивал себе, которыми в минуту беседы жил. Он всегда разом схватывал сущность дела, непостижимо мудро разъяснял его и давал ответ. Но в продолжение десяти — пятнадцати минут такой беседы решался не один вопрос, в это время батюшка вмещал в своем сердце всего человека, со всеми его привязанностями, его желаниями, — всем его миром внутренним и внешним. Из его слов и его указаний было видно, что он любит не одного того, с кем говорит, но и всех любимых этим человеком, его жизнь, его вещи. Предлагая свое решение, преподобный Амвросий имел в виду не какое-нибудь отдельное дело; он смотрел на всякий шаг со всеми его разнообразными последствиями как для этого лица, так и для других, для всех сторон всякой жизни, с которыми это дело сколько-нибудь соприкасалось. Каково же должно быть умственное напряжение, чтоб разрешить такие задачи? А таких вопросов, и каждый помногу, предлагали ему ежедневно несколько десятков мирян, не считая множества монахов и тридцать — сорок писем, приходивших и отсылавшихся ежедневно. При такой громадной работе, продолжавшейся тридцать лет изо дня в день, в этой бесконечной сети самых запутанных и тонких отношений, самых отчаянных жизненных положений, ни разу не ошибиться, ни разу не сказать: «Я тут ничего не могу, я не умею» — это сила не человеческая. Старец говорил не от себя, а по вдохновению Божию; было видно, что иногда он берет свой ответ откуда-то извне. Его слово не было только словом опытного старика — оно было со властью, основанной на близости к Богу, давшей ему всезнание.

Много говорилось о прозорливости преподобного. Он старался скрыть от людей этот свой дар и не имел обыкновения предсказывать. Но в тех советах, которые он давал, этот дар обнаруживался во всем своем непостижимом величии.

Для него не существовало тайн; он видел все. Прозорливость старца часто обнаруживалась для отдельных лиц на так называемых общих благословениях. Старец обходил ожидавших его благословения людей, внимательно вглядываясь во всякого, осеняя крестным знамением и некоторым говоря несколько слов. Часто он, обращаясь ко всем, рассказывал что-нибудь такое, что служило ответом на сокровенную мысль кого-нибудь из присутствующих. Это был чудесный способ общения старца с детьми в том, чего они ему не высказывали, но что ему было открыто.

Преподобный Амвросий знал не только чувства тех, кто находился пред ним, — ему было известно настроение тех, кто приходил в первый раз; когда ему докладывали, он уже знал, привела ли к нему нужда или любопытство, надо ли принять поскорее или смирить ожиданием. Кто был внимателен к себе, тот замечал, что чем тяжелее ноша, с которой шли к батюшке, тем ласковее был его привет, хотя бы и не было видно выражения лица приходящего.

Батюшкино смирение было так велико, что и других он заставлял забывать о том громадном явлении, которое представляет собой преподобный Амвросий.

О людях, которые сделали ему очень много зла, он отзывался с самым искренним участием. Ни недоверие, ни оскорбления не могли заглушить в нем самой теплой любви и заботы о каждом человеке. В тех случаях, где другой бы хоть невольно смутился, он отделывался шуткой.

Его милостыня не знала предела. Он сам держался такого правила — никому никогда не отказывать. Через его руки прошло множество денег, которые приносили ему его духовные дети, и эти деньги расходились с необыкновенной быстротой. Этими деньгами жил и строился основанный старцем Шамординский монастырь с его обширными богадельнями, из этих денег давались десятки, сотни и тысячи — в виде подарков, займа без отдачи и просто помощи всем, кто просил, а часто кто и не просил, но кому было нужно.

Что касается исцелений, то им не было числа и перечислить их невозможно. Эти исцеления старец всячески прикрывал. Посылал больных в пустынь преподобного Тихона Калужского, где был источник. До старца Амвросия в этой пустыни не было слышно об исцелениях. Можно думать, что преподобный Тихон стал исцелять по молитве старца. Иногда преподобный Амвросий посылал больных к мощам святителя Митрофана Воронежского. Бывало, что исцелялись на пути туда и возвращались назад благодарить старца. Иногда он, как бы в шутку, стукнет рукой по голове, и болезнь проходит. Случилось, чтец, читавший молитвы, страдал сильной зубной болью. Вдруг старец ударил его. Присутствующие усмехнулись, думая, что чтец сделал ошибку в чтении. На деле же у него прекратилась зубная боль. Зная это, некоторые женщины обращались к старцу: «Батюшка Абросим! Побей меня, у меня голова болит».

Духовная сила старца проявлялась иногда в совершенно исключительных случаях.

Однажды преподобный Амвросий, согбенный, опираясь на палочку, откуда-то шел по дороге в скит. Вдруг ему представилась картина: стоит нагруженный воз, рядом лежит мертвая лошадь, а над ней плачет

крестьянин. Потеря лошади-кормилицы в крестьянском быту — беда! Приблизившись к павшей лошади, старец трижды медленно ее обошел. Потом, взяв хворостину, он стегнул лошадь, прикрикнув на нее: «Вставай, лентяйка!» — и лошадь послушно поднялась на ноги.

Многим людям преподобный Амвросий являлся на расстоянии, подобно святителю Николаю Чудотворцу, или с целью исцеления, или для избавления от бедствий.

Со всех концов России стекались к хибарке старца бедные и богатые, интеллигенция и простолюдины. Его посещали известные общественные деятели и писатели: Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Толстой, М. П. Погодин, Н. Н. Страхов и другие. И он принимал всех с одинаковой любовью и благорасположением.

В последние годы жизни старца в двенадцати верстах от Оптиной, в деревне Шамордино, была устроена по его благословению женская Казанская пустынь, в которую, в отличие от других женских монастырей того времени, принимали больше неимущих и больных женщин. К 90-м годам XIX века было в ней пятьсот инокинь.

Именно в Шамордине суждено было старцу Амвросию встретить час своей кончины 10 октября 1891 года.

Сразу же по кончине начались чудеса, в которых старец, как и при жизни, исцелял, наставлял, призывал к покаянию.

Духовные наставления

◊ Свои советы и наставления преподобный Амвросий преподавал часто в форме самой простой, отрывочной и нередко шутливой. Шутливый тон назидательной речи старца был его характерной чертой.

«Как жить?» — слышал старец со всех сторон общий вопрос.

«Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать — и всем мое почтение».

На этот вопрос преподобный отвечал иногда несколько иначе:

«Нужно жить нелицемерно и вести себя примерно, тогда наше дело будет верно, а иначе выйдет скверно».

Или так: «Жить можно и в миру, только не на юру, а жить тихо».

«Мы должны, — еще говорил старец, — жить на земле так, как колесо вертится, — чуть только одной точкой касается земли, а остальными непременно стремиться вверх; а мы как заляжем на землю, так и встать не можем».

«Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного».

«Кто нас корит, тот нам дарит, а кто хвалит, тот у нас крадет».

«Чтобы жить в монастыре, надо терпения не воз, а целый обоз».

И еще: «Чтобы быть монахиней, надо быть либо железной, либо золотой». Батюшка пояснял это так: «Железной — значит иметь большое терпение, а золотой — большое смирение».

◊ Если кто тебя обидит, не рассказывай никому, кроме старца, и будешь мирна. Кланяйся всем, не обращая внимания, отвечают ли тебе на поклон или нет. Смиряться нужно пред всеми и считать себя хуже всех. Если мы не совершили преступлений, какие совершили другие, то это может быть потому, что не имели к тому случая, — обстановка и обстоятельства были другие. Во всяком человеке есть что-нибудь хорошее и доброе; мы же обыкновенно видим в людях только пороки, а хорошего ничего не видим.

◊ Сказал старец однажды на общем благословении: «Бог посещает Своею милостию только смиренных». После этого, немного помолчав, вдруг прибавил: «Будите готови, не весте бо ни дне ни часа…» Чрез несколько минут, тут же, на общем благословении, известили батюшку о кончине одного скитского послушника (Алексея Кронштадтского).

◊ О том, что без смирения невозможно спастись, старец рассказывал пример: «Одна госпожа видела во сне Господа Иисуса Христа и пред Ним толпу народа. На Его зов первой подошла к Нему девушка-крестьянка, а потом мужик в лаптях и еще, все люди крестьянского сословия. Госпожа

подумала, что и ее за доброту и вообще за все ее добродетели Он также возьмет. Каково же было ее удивление, когда она увидела, что Господь перестал уже и звать! Она решилась было сама напомнить о себе Господу, но Он совсем отвратился от нее. Тогда она упала на землю и начала смиренно сознаваться, что действительно хуже всех и недостойна быть в Царствии небесном».

Батюшка затем прибавил: «А вот такие-то и годятся, таких-то там и надо».

На слова одной, стоявшей около старца: «Гордость мешает во всем», он ответил: «А ты закутайся в смирение, тогда, если и небо к земле прильнет, не страшно будет».

◊ На вопрос, как это праведники, зная, что они хорошо живут, по заповедям Божиим, не возносятся своей праведностью, старец ответил: «Они не знают, каков ожидает их конец. Потому, — прибавлял он, — спасение наше должно содеваться между страхом и надеждою. Никому ни в каком случае не должно предаваться отчаянию, но не следует и надеяться чрезмерно».

◊ Вопрос: можно ли желать совершенствования в жизни духовной?

Ответ старца: «Не только можно желать, но и должно стараться совершенствоваться в смирении, то есть в том, чтобы считать себя в чувстве сердца хуже и ниже всех людей и всякой твари».

Человеку-грешнику естественно и необходимо смиряться. Если же он не смириться, то смирят его обстоятельства, промыслительно устремляемые к его душевной пользе. В счастье он обыкновенно забывается и все приписывает себе, своей бессильной силе и мнимой власти, но, лишь посетит его какое-либо несчастье, просит пощады даже и у воображаемого врага. Истину эту старец выражал притчей:

«Человек, как жук. Когда теплый день и играет солнце, летит он, гордится собой и жужжит: „Все мои леса, все мои луга! Все мои луга, все мои леса!“ А как солнце скроется, дохнет холодом, и загуляет ветер, — забудет жук свою удаль, прижмется к листку и только пищит: „Не спихни!“»

Или еще рассказывал старец, как иногда нечаянно обстоятельства смиряют человека:

«Раз кто-то устроил у себя обед и разослал своих слуг приглашать гостей. Один из приглашаемых и спрашивает присланного к нему неаккуратного слугу: «Неужели у твоего господина получше тебя никого не нашлось послать ко мне?» На это посланный отвечал: «Хороших-то по хорошим разослали, а меня послали к вашей милости»».

Говорил и еще старец Амвросий в назидание своим ученицам о смирении:

«Пришел было к настоятелю отцу архимандриту Моисею один посетитель, но, не застав его дома, отправился к его родному брату, отцу игумену Амвросию. Среди разговора гость и спросил отца игумена: „Скажите, батюшка, какого вы держитесь правила?“ Отец Антоний отвечал: „Много было у меня правил, жил я в пустыни и по монастырям, и все разные были правила, а теперь осталось одно мытарево: Боже, милостив буди мне грешному!“».

При этом батюшка еще рассказал, как одна из духовных чад все хотела странствовать туда и сюда — и в Киев, и в Задонск, а старец один и говорит ей: все это тебе не на пользу, а сиди-ко лучше дома и твори мытареву молитву.

«Лишь только смирится человек, — говаривал старец, — как тотчас же смирение поставляет его в преддверии Царства небесного», которое, прибавим к сему апостольские слова, „несть… брашно и питие, но правда и мир и радость о Дусе Святе“ (Рим. 14, 17)».

◊ «Царствие Божие, — говорил еще старец, — не в словах, а в силе: нужно меньше толковать, больше молчать, никого не осуждать, и всем мое почтение».

◊ Когда тебе досаждают, никогда не спрашивай — зачем и почему. В Писании этого нигде нет. Там, напротив, сказано: если кто ударит тебя в десную ланиту, обрати ему и другую. В десную ланиту на самом деле ударить неудобно, а это разуметь нужно так: если кто будет на тебя клеветать или безвинно чем-нибудь досаждать — это будет означать ударение в десную ланиту. Не ропщи, а перенеси удар этот терпеливо, подставив при сем левую ланиту, то есть вспомнив свои неправые дела. И если, может быть, ты теперь невинен, то прежде много грешил и тем убедишься, что достоин наказания.

◊ «Не могу понять, как можно не возмущаться обидами и несправедливостями», — сказала батюшке Амвросию другая сестра.

Ответ старца: «Будь сама справедлива и не обижай никого».

Если кто-либо из братии, по малодушию и нетерпеливости, скорбел о том, что его не скоро представляют к мантии или к иеродиаконству и иеромонашеству, старец имел обыкновение так говорить в назидание:

«Это, брат, все придет в свое время, все дадут; добрых дел никто не даст».

О монашеском послушании

«Отчего это, батюшка, — спросила одна особа, — игуменье дано право распоряжаться монахинями как крепостными?»

Старец ответил: «Более, чем крепостными. Крепостные могли хоть за глаза поворчать на своих господ и побранить их, а у монахинь и это право отнято: монахиня сама добровольно отдает себя в крепостное право».

О раздражительности

«Никто не должен оправдывать свою раздражительность какою-нибудь болезнью, это происходит от гордости. А «гнев мужа, — по слову святого апостола Иакова, — правды Божия не соделовает» (Иак. 1, 20). Чтобы не предаваться раздражительности и гневу, не должно торопиться».

Беседуя о зависти и памятозлобии, старец сказал:

«Нужно заставлять себя, хотя и против воли, делать какоенибудь добро врагам своим; а главное — не мстить им и быть осторожным, чтобы как-нибудь не обидеть их видом презрения и уничижения».

Одна особа спросила: «Мне непонятно, батюшка, как это вы не только не гневаетесь на тех, кто об вас нехорошо говорит, но и продолжаете любить их».

Старец много этому смеялся и сказал: «У тебя был маленький сын; сердилась ли ты на него, если он что не так делал и говорил? Не старалась ли, напротив, как-нибудь покрывать его недостатки?»

О любви

«Любовь, — говорил старец словами апостола, — все прощает, долго терпит, не осуждает, ничего чужого не желает, не завидует».

Любовь покрывает все. И если кто делает ближним добро по влечению сердца, а не движимый только долгом, то таковому диавол мешать не может; а где только по долгу, там он все-таки старается помешать тем или другим.

Трудящемуся Бог посылает милость, а любящему утешение.

Любовь, конечно, выше всего. Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь ее иметь, то делай дела любви, хотя сначала без любви. Господь увидит твое желание и старанье и вложит в сердце твое любовь. А главное, когда заметишь, что погрешила против любви, сейчас же исповедуй это старцу. Это может быть иногда от дурного сердца, а иногда и от врага. Сама ты не можешь этого разобрать, а когда исповедуешь, враг и отойдет.

Кто имеет дурное сердце, не должен отчаиваться, потому что с помощью Божией человек может исправить свое сердце. Нужно только внимательно следить за собою и не упускать случая быть полезным ближним, часто открываться старцу и творить посильную милостыню. Этого, конечно, нельзя сделать вдруг, но Господь долго терпит. Он тогда только прекращает жизнь человека, когда видит его готовым к переходу в вечность или же когда не видит никакой надежды на его исправление.

Если будешь принимать людей Бога ради, то, поверь, все будут к тебе хороши.

Чтобы человеку исправить себя, не надо вдруг налегать, а как тянут барку: тяни-тяни-тяни, отдай-отдай! Не все вдруг, а понемногу. Знаешь рожон на корабле? Это такой шест, к которому привязаны все веревки корабля; и если тянуть за него, то потихоньку и все тянется; а если взять сразу, то все испортишь от потрясения.

Бесстрастными ведь не сейчас можно сделаться, а всякий раз, чувствуя свою греховность, говори: Господи, прости мне! Господь один силен вложить в сердце человека любовь.

◊ О милостыни старец Амвросий говорил: «Святой Димитрий Ростовский пишет: если приедет к тебе человек на коне и будет у тебя просить, подай ему. Как он употребит твою милостыню, ты за это не отвечаешь».

Еще: «Святой Иоанн Златоуст говорит: начни отдавать неимущим что тебе не нужно, что у тебя валяется, потом будешь в состоянии давать больше и даже с лишением себя и, наконец, уже готов будешь отдать все, что имеешь».

◊ На вопрос, как понимать слова Писания: будьте мудры, как змии, старец ответил: «Змея, когда нужно ей переменить старую свою кожу на новую, проходит через очень тесное, узкое место, и таким образом ей удобно бывает оставить свою прежнюю кожу; так и человек, желая совлечь свою ветхость, должен идти узким путем исполнения евангельских заповедей. При всяком нападении змея старается оберегать свою голову. Человек должен более всего беречь свою веру. Пока вера сохранена, можно еще все исправить»[8].

◊ «Я говорила как-то батюшке, — пишет его духовная дочь, — об одной семье, что мне всех их очень жаль — они ни во что не верят: ни в Бога, ни в будущую жизнь; жаль именно потому, что они, может быть, и не виноваты в этом сами — их воспитывали в таком неверии, или были другие какие причины». Батюшка закачал головой и так гневно сказал: «Безбожникам нет оправдания. Ведь всем, всем решительно, и язычникам, проповедуется Евангелие, наконец, по природе всем нам от рождения вложено чувство познания Бога, стало быть, сами виноваты. Ты спрашиваешь, можно ли за таких молиться. Конечно, молиться за всех можно». — «Батюшка! — говорила я вслед за тем, — ведь не может ощущать в будущей жизни полного блаженства тот, которого близкие родные будут мучиться в аду?» А батюшка на это сказал: «Нет, там этого чувства уже не будет — про всех тогда забудешь. Это все равно как на экзамене. Когда идешь на экзамен, еще

страшно и толпятся разнородные мысли, а пришла, взяла билет (по которому отвечать) — про все забыла».

◊ Пришел к старцу какой-то господин, не верующий в существование бесов. Батюшка рассказал ему следующее: «Приехал один барин в деревню в гости к своим знакомым и выбрал сам себе комнату для ночлега. Ему говорят: не ложитесь тут — в этой комнате неблагополучно. Но он не поверил и только посмеялся над этим. Лег, но вдруг слышит ночью, что кто-то дует ему прямо в лысину. Он укрылся с головой одеялом. Тогда этот кто-то перешел к его ногам и сел на постель. Гость испугался и со всех ног бросился бежать оттуда, уверившись собственным опытом в существовании темной силы». Но и после сего рассказа господин сказал: «Воля ваша, батюшка, я даже не понимаю, что это за бесы». На это старец ответил: «Ведь и математику не все понимают, однако она существует». И еще прибавил: «Как же бесы не существуют, когда знаем из Евангелия, что Сам Господь велел бесам войти в стадо свиней?» Господин возразил: «Но ведь это иносказательно?» — «Стало быть, — продолжал убеждать старец, — и свиньи иносказательны, и свиней не существует. Но если существуют свиньи, значит, существуют и бесы».

◊ «Некоторые, — говорил еще старец, — отрекались от веры в Бога из подражания другим и по ложному стыду. И вот случай: один так-то не верил в Бога. А когда во время войны на Кавказе пришлось ему драться, он в самый разгар сражения, когда летели мимо него пули, пригнулся, обнял свою лошадь и все время читал: «Пресвятая Богородица, спаси нас!». А потом, когда, вспоминая об этом, товарищи смеялись над ним, он отрекся от своих слов». Затем батюшка прибавил: «Да, лицемерие хуже неверия».

О лености и унынии

Скука унынию внука и лени дочь. Чтобы отогнать ее прочь, в деле потрудись, в молитве не ленись; тогда и скука пройдет, и усердие придет. А если к сему терпения и смирения прибавишь, то от многих зол себя избавишь.

Когда найдет хандра, не забудь укорять себя; вспомни, сколько ты виновата пред Господом и перед собою, и сознай, что ты недостойна ничего лучшего, и ты тотчас почувствуешь облегчение. Сказано: многи скорби праведным, и многи раны грешным. Такова жизнь наша здесь — все скорби и скорби, а ими-то и достигается Царствие небесное. Когда будешь непокойна, повторяй чаще: «взыщи мира и пожени и».

◊ О нечувствии и бесстрашии, по поводу внезапной смерти С. батюшка сказал: «Вот смерть-то не за горами, а за плечами, а нам хоть кол на голове теши».

Еще говорил: «Если на одном конце деревни будут вешать, на другом конце не перестанут грешить, говоря: до нас еще не скоро дойдут».

О покаянии

Чтобы дать надлежащее понятие о силе и важности покаяния, старец раздавал брошюру: «О покаянии» преподобного Марка Подвижника. Между прочим говорил: «Какое ныне настало время! Бывало, если кто искренно раскается в грехах, то уже и переменяет свою греховную жизнь на добрую; а теперь часто бывает так: человек и расскажет на исповеди все свои грехи и в подробности, но затем опять за свое принимается».

Передавал еще старец назидательный рассказ: «Сидел бес в образе человека и болтал ногами. Видевший это духовными очами спросил его: что же ты ничего не делаешь?» Бес отвечал: «Да мне ничего не остается делать, как только ногами болтать — люди все делают лучше меня».

О силе покаяния рассказывал следующее: «Один все грешил и каялся, и так всю жизнь. Наконец покаялся и умер. Злой дух пришел за его душой и говорит: „Он мой“. Господь же говорит: „Нет, он каялся“. — „Да ведь хоть каялся, и опять согрешал“, — продолжал диавол. Тогда Господь ему сказал: „Если ты, будучи зол, принимал его опять к себе после того, как он Мне каялся, то как же Мне не принять его после того, как он, согрешив, опять обращался ко Мне с покаянием? Ты забываешь, что ты зол, а Я благ“».

«Самооправдание, — говорил старец, — большой грех. Сказано в Писании: „егда прииму время, Аз правоты возсужду“ (Пс. 74, 3)».

Грехи, как грецкие орехи, — скорлупу расколешь, а зерно выковырить трудно.

Три степени для спасения. Сказано у святителя Иоанна Златоустого: а) не грешить; б) согрешивши, каяться; в) кто плохо кается, тому терпеть находящие скорби.

«Бывает так, — говорил батюшка, — что хотя грехи наши чрез покаяние и прощаются нам, но совесть все не перестает упрекать нас. Покойный старец отец Макарий для сравнения показывал иногда свой палец, который когда-то был порезан: боль давно прошла, а шрам остался. Так точно и после прощения грехов остаются шрамы, то есть упреки совести».

Хотя Господь и прощает грехи кающимся, но всякий грех требует очистительного наказания.

Для грешников, которые умирают тотчас после покаяния, очищением служат молитвы Церкви и молящихся за них; а те, которые еще живы, сами должны очищаться исправлением жизни и милостынею, покрывающею грехи.

◊ «Креста для человека (то есть очистительных страданий, душевных и телесных) Бог не творит. И как ни тяжек бывает у иного человека крест, который несет он в жизни, а все же дерево, из которого он сделан, всегда вырастает на почве его сердца». Указывая себе на сердце, батюшка прибавлял: «Дерево при исходищах вод, бурлят там воды» (страсти).

В иное же время, прилагая к себе высказанную истину, говорил: «Вот я, например, всегда был болтуном, любил с людьми поговорить, поразвлечься; Господь и устроил так, что пришлось мне всю жизнь свою толковать с народом. Теперь и рад бы помолчать, да не приходится».

◊ «Когда человек, — говорил еще старец, — идет прямым путем, для него и креста нет. Но когда отступит от него и начнет бросаться то в ту, то в другую сторону, вот тогда являются разные обстоятельства, которые и толкают его опять на прямой путь. Эти толчки и составляют для человека крест. Они бывают, конечно, разные, кому какие нужны».

◊ Иди, куда поведут; смотри, что покажут, и все говори: да будет воля Твоя!

◊ Бывает крест мысленный, смущают иногда человека греховные помыслы; но человек не бывает в них виновен, если не соизволяет им.

Говорил старец пример: «Одна подвижница долгое время обуреваема была нечистыми помыслами. Когда же явившийся ей Господь отогнал их от нее, она воззвала к Нему: „Где Ты был доселе, о сладкий мой Иисусе?“ — Господь ответил: „Был в твоем сердце“. — Она же сказала: „Как же это могло быть? Ведь сердце мое было исполнено нечистых помыслов“. И сказал ей Господь: „Потому разумей, что Я был в твоем сердце, что ты никакого расположения не имела к нечистым мыслям, а более старалась избавиться от них, но, не имея возможности, болезновала о сем и этим уготовила Мне место в сердце твоем“».

◊ Во всех же делах требуется человеку помощь Божия. Старец говорил: «„Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии“ (Пс. 126, 1). Это значит: если Господь не благословит что, то напрасны будут труды, всуе будет бдеть стрегий и ничего не устережет; и напрасно человек тот будет рано вставать — не пойдут дела его без благословения Божия».

А потому требуется всегда и во всем просить помощи Божией, требуется усердная молитва.

◊ «Отчего люди грешат? — задавал иногда старец вопрос и сам же решал его: — Или оттого, что не знают, что должно делать и чего избегать, или если знают, то забывают, если же не забывают, то ленятся, унывают. Наоборот: так как люди очень ленивы к делам благочестия, то весьма часто забывают о своей главной обязанности — служить Богу; от лености же и забвения доходят до крайнего неразумия или неведения. Это три исполина

— уныние, или леность, забвение и неведение, — от которых связан весь род человеческий нерешимыми узами. А затем уже следует нерадение со всем сонмищем злых страстей. Потому мы и молимся Царице небесной: „Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами отжени от мене, смиренного и окаянного раба Твоего, уныние, забвение, неразумие, нерадение и вся скверная, лукавая и хульная помышления“, и прочее».

◊ Бог да благословит оставить обычное правило и постоянно держаться молитвы Иисусовой, которая может успокаивать душу более, нежели совершение большого келейного правила. Из прежних опытных старцев по имени Василий объяснял это так: держащийся большого келейного правила, когда исполняет оное, подстрекаем бывает тщеславием и возношением; когда же почему-либо не может исполнить своего правила, то смущается. А держащийся постоянно молитвы Иисусовой одинаково пребывает в смиренном расположении духа, как бы ничего не делающий, и возноситься ему нечем.

На словах же старец прибавлял: «Да и чем в самом деле человеку тут возноситься? Оборванный, ощипанный, просит милостыни: помилуй, помилуй! — а подастся ли милость, это еще кто знает».

Говорил еще старец: «Один брат спросил другого: кто тебя обучил молитве Иисусовой? А тот отвечает: бесы. «Да как же так?» — «Да так — они беспокоят меня помыслами греховными, а я все творил да творил молитву — так и привык».

◊ Один брат жаловался старцу, что во время молитвы множество бывает разнообразных помыслов. Старец на это сказал: «Ехал мужик по базару, вокруг него толпа народа, говор, шум, а он все на свою лошадку: но-но! но-но! — так помаленьку, помаленьку и проехал весь базар. Так и ты, что бы ни говорили помыслы, все свое дело делай — молись!»

◊ У одного боголюбца был обученный говорить скворец, который, постоянно слыша произносимую хозяином молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», — и сам навык ее повторять. Раз летом вылетел он в растворенное окно на улицу, а тут и налетел было на него ястреб, но скворец, по привычке, в испуге проговорил Иисусову молитву, и тотчас ястреб отскочил от него. Так даже бессмысленно произносимая молитва послужила во спасение от угрожавшей беды.

◊ Чтобы люди не оставались в беспечности и не возлагали всю свою надежду на постороннюю молитвенную помощь, старец повторял обычную народную поговорку: «Боже-то поможи, — да и сам мужик не лежи».

И еще говорил: «Премудрость созда себе дом, а потом она сказала: кто мой и пейте вино, еже растворих вам, и просите разума ведения». А Т.

сказала: «Батюшка! Чрез кого же нам просить, как не через вас?». Старец ответил: «И сама проси; ты вспомни: двадцать апостолов просили Спасителя за жену Хананеянку, но Он не услышал их, а сама стала просить — упросила».

◊ Так как молитва есть сильнейшее оружие против невидимого врага, то он и старается всячески отвлекать от нее человека. Передавал старец такой рассказ: «На Афоне у одного монаха был скворец-говорун, которого монах очень любил, увлекаясь его разговорами. Но вот странно — лишь только монах начнет исполнять свое молитвенное правило, скворец тут и разговорится и не дает молиться монаху. Раз на светлый праздник Воскресения Христова монах подошел к клетке и говорит: „Скворушка, Христос воскресе!“ А скворец отвечает: „Вот то-то и беда наша, что воскрес“ — и тут же околел; а в келии монаха разлилось нестерпимое зловоние. Тогда понял монах свою ошибку и раскаялся».

◊ В подтверждение того, что Бог более всего смотрит на внутреннее молитвенное настроение души человека, старец говорил: «Пришел как-то к отцу игумену Антонию один больной ногами и говорит: батюшка, у меня ноги болят — не могу класть поклоны, и это меня смущает. Отец Антоний ответил ему: „Да уж в Писании сказано: «даждь ми, сыне, сердце твое», а не ноги“».

◊ Одна монахиня сказала старцу, что видела во сне икону Божией Матери и услышала от Нее: «Принеси жертву». Батюшка спросил: «Что же, ты принесла жертву?» Та ответила: «Что же я принесу? У меня ничего нет». Тогда батюшка сказал: «В псалмах написано: „жертва хвалы прославит Мя“ (Пс. 49, 23)».

◊ О силе крестного знамения передавал старец такой рассказ: «Любил один лишнее выпивать. В таком виде он где-то заблудился, и ему представилось, что кто-то подходит к нему, наливает из графина в стакан водки и предлагает выпить. Но тот заблудившийся, предварительно, по своей привычке, осенил себя крестным знамением, и вдруг все исчезло, а вдали послышался лай собак. Пришедши в себя, он увидел, что забрел в какое-то болото и находится в весьма опасном месте, и если бы не лай собаки, не выбраться бы ему оттуда».

◊ О поживших во смирении и простоте: «Пришел один молодой человек в какой-то московский монастырь и стал просить настоятеля принять его в число братии. Настоятель же, смотря на его кротость, посоветовал ему лучше поступить в Оптину пустынь. Молодой человек послушался, прибыл в Оптину и немедленно принят был отцом архимандритом Моисеем, который сказал о нем старцу отцу Макарию. Поместили его отдельно в письмоводительской. Послушник этот всегда

держал себя как старец — в церкви стоял тихо, опустивши глаза, и со строгим благоговением и смирением; без благословения настоятеля из церкви не уходил. И вот когда он умирал, все улыбался». Тут батюшка еще прибавил: «Вероятно, ему было видение, и умер тихо. Избранники Божии всегда так, им особенно покровительствует Бог. Кто отдает себя промыслу Божию, о том бывает особенное попечение Божие».

При разговоре о Дарьюшке-страннице старец, вздохнув, сказал: «Да, Господь почивает в простых сердцах. Золото везде видно и везде проглянет, несмотря даже на угловатость; а другой, как ни кудрявься, все золотом не будет». На замечание, что Дарьюшка хорошо умерла, батюшка сказал: «Оттого и кончина была хорошая, что жила хорошо. Как поживешь, так и умрешь».

◊ О том, как трудно искореняются греховные навыки в человеке и как сильно действует на него пример других, старец говорил: «Как на пойманную в табуне одичалую лошадь, когда накинут аркан и поведут, она все упирается и сначала идет боком, а потом, когда присмотрится, что прочие лошади идут спокойно, и сама пойдет в ряд; так и человек».

О сетях диавольских

◊ «Паук ленивый сидит на одном месте, выпустит ниточку и ждет; как только попадается муха, сейчас и голову ей долой; а муха-то жужжит». При этом батюшка многозначительно прибавил: «Зажужжим! Так и враг всегда протягивает сети, как кто попадется, сейчас ему и голову долой». Затем старец обратился к кому-то и говорит: «Смотри, — не будь мухой, а то также зажужжишь».

◊ Вышел как-то старец в хибарку, чтобы преподать благословение, и говорит: «У хозяина были гуси, он и ласкает их: те-жа, те-жа; а они все те же».

◊ Был старец нездоров и на общем благословении сказал: «Ну уж меня сегодня прихватило! Если еще несколько раз так повторится, то едва ли долго проживу. Да ведь надо же когданибудь и на тот свет пойти». — «Только не теперь, батюшка, — возражают ему, — как же мы без вас останемся? Вам еще надо с нами пожить».

На это батюшка сказал: «Да с вами-то мне иногда уже очень трудно бывает. Вот я вас учил, кажется, все вам говорил, всему учил, только не знаю, выучил ли чему-нибудь. Вот я и больной задавал себе этот вопрос. По крайней мере, имейте мир между собою».

◊ Нередко преподобный Амвросий говаривал на общих благословениях:

«Благое говорить — серебро рассыпать, а благоразумное молчание — золото».

«Лучше предвидеть и молчать, чем говорить и потом раскаиваться».

«Вот я как бы закидываю удочку о многих концах и крючках. На каждом из них — добыча. Умейте только брать».

«Отчего человек бывает плох? Оттого, что забывает, что над ним Бог».

«Кто мнит о себе, что имеет что, тот потеряет».

«Люди с фарисейской правдой Царствия Божия не наследят. Правда наша в сем случае выходит кривда».

◊ Несравненно легче изучить дело, нежели его исполнить. Старец говорил: «Теория — это придворная дама, а практика — как медведь в лесу».

«Научить человека жизни духовной очень трудно. Это все равно, — продолжал старец в шутливом тоне, — что выучить мужика сказать слово „секретарь". Он все будет говорить „слекатарь". Ты говоришь ему: вот тебе рубль, скажи только: „секретарь", а он выговаривает по-своему: „слекатарь". Ну, повторяй за мной: се. И тот говорит: се; кре — кре; тарь — тарь. Ну, говори теперь один раздельно: се-кре-тарь. Говорит не спеша: сле- ка-тарь».

◊ Объясняя псаломские слова: «горы высокия еленем, камень прибежище заяцем» (Пс. 103, 18), старец говорил: «Елени, то есть олени, — это праведники на горах, то есть высоко стоят. А зайцы — грешники. Им прибежище — камень. А камень — это Сам Христос, пришедший в мир не праведных спасать, а грешных привесть на покаяние» (см.: Мф. 9, 13).

◊ Еще сказал: «Праведных ведет в Царство Божие апостол Петр, а грешных Сама Царица небесная».

◊ Напрошенный крест трудно нести, а лучше в простоте сердца предаваться воле Божией. Не попустит бо Бог искуситися паче силы, «но сотворит со искушением и избытие» (1 Кор. 10, 13). В одном месте молились о дожде, а в другом — чтобы не было дождя; вышло же, что Бог хотел.

◊ Одна в старости очень боялась поступить в монастырь и все говорила: «Не могу исполнить правил монашеских».

Батюшка ответил на это рассказом: «Один купец все так же говорил: то не могу, другое не могу. Раз ехал он по Сибири ночью, закутанный в двух шубах. Вдруг увидел вдали свет, точно огоньки мелькали. Стал всматриваться и заметил, что это стая волков приближалась к нему. Спасения ждать было неоткуда. Он выскочил из саней и в одну минуту влез на близстоящее дерево, забыв свою старость и слабость. А после рассказывал, что раньше того он отроду не бывал ни на одном дереве. Вот тебе и не могу», — добавил старец.

◊ Монахине, жаловавшейся на скорби, отвечал:

«Если солнце всегда будет светить, то в поле все повянет, потому нужен бывает дождь. Если все будет дождить, то все попреет, потому нужен ветер, чтобы продувал. А если ветра недостаточно, то нужна бывает и буря, чтобы все пронесло. Человеку все это в свое время бывает полезно, потому что он изменчив».

◊ Когда я был маленький, очень любил стегать одну лошадку в конюшне у отца. Она была смирная. Но мать моя предостерегала меня: оставь! А я все не слушался: подползу к ней и все ее стегаю. Она же все терпела, да как вдруг ударит меня задней ногой, так и вырвала у меня кожу на голове, и до сих пор знак есть.

◊ На вопрос кого-то из толпы: сколько раз надо есть в день, — батюшка ответил примером: «Спасался в пустыни один старец, и пришла ему в голову мысль: сколько раз надо есть в день? Встретил он однажды мальчика и спрашивает его о сем, как он думает. Мальчик ответил: „Ну, захочется есть — поешь“. — „А если еще захочется?“ — спросил старец. „Ну так еще поешь“, — сказал мальчик. „А если еще захочется?“ — спросил старец в третий раз. „Да разве ты осел?“ — спросил в свою очередь старца мальчик». «Стало быть, — добавил батюшка, — надо есть в день два раза».

◊ Говорил одной монахине также: «Ум хорошо, два лучше, а три — хоть брось».

На ее имя в рифму говаривал часто: «Сама не юли и другим не вели».

На тщеславие: «Не хвалися горох, что ты лучше бобов: размокнешь — сам лопнешь».

На рассказ одной, что она избежала какой-то опасности, а то могло бы случиться то и то, батюшка, смеясь, сказал:

«Две женщины жили в одной избе. Вдруг как-то с печки упало полено. В испуге одна баба и говорит другой: хорошо, что моя дочь не замужем, да нет у нее сына Иванушки, да не сидел он тут, а то бы полено разбило ему голову».

Еще говорил: «В скорбях помолишься Богу, и отойдут, а болезнь и палкой не отгонишь».

Учил старец смирению, чтобы оно было не наружное только, а и внутреннее. На общем благословении он стал однажды рассказывать:

«Жил в монастыре монах, который все говорил: „Ах я окаянный!“ Раз игумен пришел в трапезу и, увидав его, спрашивает: „Ты зачем тут со святыми отцами?“ Монах отвечает: „А затем, что и я тоже святой отец"».

Еще говорил: «Распустили про одного монаха слух, что он святой. И все даже в глаза ему говорили это. А он все называл себя грешным и при этом смиренно кланялся всем. Но вот раз он кому-то по обыкновению

своему сказал: „Я грешный". А тот ему в ответ: „Знаю, что ты грешный". Он так и встрепенулся: „Как? Разве ты что-нибудь про меня слышал?“»

«А вот, — говорил еще старец, — приехал раз в острог покойный Государь Николай Павлович, да и стал спрашивать арестантов, за что каждый из них сидит в остроге. Все оправдывали себя и говорили, что посажены в острог безвинно-напрасно. Подошел Государь и еще к одному из них и спросил: „А ты за что тут?" И получил такой ответ: „За великие мои грехи и острога для меня мало". Тогда Государь обернулся к сопровождавшим его чиновникам и сказал: „Отпустить его сейчас на волю“».

◊ Монахиня из Шамординской обители самоуверенно сказала: «Мы знаем, что вы, батюшка, молитесь за нас каждый вечер». Батюшка сказал: «Да, когда не устаю, а то и свинья забудет своих поросят, когда ее палят».

Преподобный Антоний (1795–1865)

Преподобный Антоний был младшим братом игумена Оптиной пустыни преподобного Моисея. С юных лет, подобно братьям, стремился к монашеству. При нашествии французов в 1812 году оказался в Москве и жестоко пострадал от них — еле спасся. После многих мытарств присоединился к преподобному Моисею, жившему пустынником в Рославльских лесах. Здесь он навык истинному подвижничеству, смирению, послушанию. Потом вместе с братом он собственными руками выстроил скит в Оптиной пустыни. Начальником скита он стал в тридцатилетнем возрасте, после назначения его брата игуменом.

В Оптиной пустыни в скитском братстве не было такого смиренного послушника, каким был молодой скитоначальник Антоний, который ни малейшего распоряжения не делал без благословения своего брата преподобного Моисея. Скитская братия состояла главным образом из почтенных старцев, и какой кротостью и каким тактом надо было обладать молодому начальнику, чтобы не иметь ни с кем недоразумений. Ввиду малочисленности братства, сам начальник исполнял многие братские послушания. Часто доводилось ему оставаться без келейника, который исполнял обязанности то повара, то садовника, то хлебопека. Однако ни преподобный Антоний, ни преподобный Моисей не брали на себя прямой обязанности душепопечения лиц монастырской братии. Но будучи сами духоносными старцами, они понимали значение старчества и предоставили тем великим старцам, которых они привлекли в Оптинский скит, самое широкое поле деятельности. Таким образом, насаждение в Оптиной пустыни старчества было всецело делом этих двух братьев. И не только насаждение, но и процветание.

Вот как о ските писал один паломник: «Величественный порядок и отражение какой-то неземной красоты во всей скитской обители часто привлекали детское мое сердце к духовному наслаждению, о котором вспоминаю и теперь с благоговением и считаю это время лучшим временем моей жизни. Простота и смирение в братиях, везде строгий порядок и чистота, изобилие самых разнообразных цветов и благоухание их, и вообще какое-то чувство присутствия благодати, невольно заставляло забывать все, что вне обители этой. В церкви скитской мне случалось бывать преимущественно во время обедни. Здесь уже при самом вступлении, бывало, чувствуешь себя вне мира и превратности его. С каким

умилительным благоговением совершалось священнослужение! И это благоговение отражалось на всех предстоящих до такой степени, что слышался каждый шелест, каждое движение в церкви. Клиросное пение, в котором часто участвовал сам начальник скита отец Антоний, было тихое стройное, и вместе с тем величественное и правильное, подобно которому после того нигде уже и не слыхал, за сем тем, что мне очень часто приходилось слышать самых образованнейших певчих в столицах и известнейших певцов Европы. В пении скитском слылись кротость, смирение, страх Божий и благоговение молитвенное, между тем как в мирском пении часто отражается мир и его страсти, а это уже так обыкновенно! Что ж сказать о тех вожделеннейших днях, когда священнодействие совершалось самим начальником скита отцом Антонием? В каждом его движении, в каждом слове и возгласе видны были девственность, кротость, благоговение и вместе с тем святое чувство величия. Подобного священнослужения после того я нигде не встречал, хотя был во многих обителях и церквах».

К добровольным трудам и подвигам монашеским преподобного Антония вскоре присоединился и невольный крест тяжкой болезни. От непомерных подвигов развились в нем разные тяжкие недуги, от которых он и страдал до самой кончины. От продолжительного стояния на молитве сперва заболели ноги; потом, получив в ногах облегчение, он стал чувствовать головокружение; затем подступила к глазам темная вода, так что на некоторое время лишался зрения. Когда и от этого получил исцеление, возобновилась болезнь в ногах, потом открылась водяная и так далее. В 1836 году, в день святой Пасхи (29 марта), в самую полночь, поспешая по лесной тропинке из скита в монастырь к утренней службе, он крепко ушиб себе правую ногу об дубовый пенек; но, несмотря на боль, понудил себя выстоять всю пасхальную утреню. От ушиба на ноге открылась рожа. Не поняв болезни, усердные лекари растравили ее разными примочками, отчего сделалось сильное воспаление, которое потом обратилось в скорбут, и никакие средства не помогали. Болезнь осталась неизлечимой и около тридцати лет причиняла самые сильные страдания, которые отец Антоний переносил с изумительным благодушием.

3 декабря 1839 года преосвященный Николай, епископ Калужский, поставил преподобного Антония игуменом в Малоярославецкий Черноостровский монастырь, с начала текущего столетия получавший настоятелей от Оптиной пустыни. Тяжело было пустыннику оставить скит и перейти в городскую обитель. И порой он очень унывал. И вот однажды он видит во сне сонм святых отцов. Из них отделился один — святитель Митрофан — и сказал ему: «Ты был в раю и знаешь его, а теперь трудись, не

ленись и молись» — и благословил его. Это видение глубоко успокоило преподобного Антония.

Больной настоятель игумен Антоний часто мог только лежа давать приказания и не был в состоянии следить за точным исполнением своих распоряжений. Он многократно просился отпустить его на покой, но епископ Николай был неумолим. Только через четырнадцать лет, в 1853 году, по просьбе святителя Филарета старца отпустили на покой в Оптину пустынь.

В строгом подвиге преподобный Антоний стал проводить житие свое на покое. В короткое время от непомерного понуждения и продолжительного стояния до крайности усилилась болезнь в ногах, и они до колен были покрыты ранами. Однажды, во время всенощного бдения, из обеих ног столько вытекло крови, что новые кожаные сапоги насквозь промокли, как будто отец Антоний по колено стоял в воде. Ежедневно, днем и ночью, он испытывал в ногах невыразимую боль. Больные ноги были тверды, как дерево, и скорее походили на прямые круглые бревна, темно-красного цвета, постоянно рделись; из ран, глубиной до самой кости, сочилась всегда кровяная сукровица, виделись иногда в ранах черви длиною с полвершка.

Многие, видя всегда светлое лицо старца и слыша его оживленную беседу, не понимали, какого страдальца видят пред собой; некоторые же, видя наружную его полноту, полагали, что он совершенно здоров, но притворяется. Не только ради духовной беседы, но и для простого приема посетителей до последней крайности понуждал он себя, даже во время тяжких страданий выходил навстречу гостям, принимал их с радушным веселым лицом, сидел и беседовал с ними, благодушно выслушивал даже то, что ни им, ни ему не было нужно, провожал и отпускал всех приветливо с искренними благожеланиями.

Он был книголюб, читал и разыскивал такие книги, на которые другие обращали мало внимания. Он всегда следил за объявлениями книгопродавцев, выписывал заглавия еще не читанных им сочинений, и при случае старался приобрести их. Духовные его дети и знакомые, зная, что никаким приношением они не могли столько утешить его, как какой-либо новой книгой, почему-либо достойной быть в руках духовного старца, с своей стороны часто дарили ему разные книги. Если же он от кого когда принимал и денежное приношение, то большей частью опять-таки обращал оное на приобретение книг. Таким образом с течением времени составилась у него замечательная келейная библиотека. Если какую книгу трудно было достать, то он в продолжение многих лет с великим терпением изыскивал способы найти ее. Еще при жизни старец все свои книги, которых было у

него более двух тысяч томов, сдал в монастырскую библиотеку; но, рачительный во всем, прежде позаботился о том, чтобы каждая книга была переплетена.

По глубокому своему смирению преподобный всегда хотел уклоняться от учительства, тем более что в Оптиной пустыни уже был старец, преподобный Макарий, который, по назначению блаженного старца Льва, духовно руководствовал всех прибегавших к нему. Твердое желание старца Антония было — считаться сверхштатным, живущим в обители на покое. Но духовные дарования его, и даже самое смирение, с которым он от всех уклонялся, привлекали к нему всех, — и скоро кельи его стали наполняться множеством посетителей, желавших принять от него благословение и духовное назидание. Сердце старца всегда принимало самое теплое участие в скорбях ближнего, а потому он особенно любил утешать приходящих к нему. Он не отчаивался ни в чьем исправлении и умел воздвигать людей нерадивых и малодушных; и как бы кто ни упадал духом, всегда успевал беседами своими вдохнуть благонадежие. В советах и наставлениях старец был крайне осторожен и указывал на слова святого Исаака Сирина, что надо с людьми обходиться, как с больными, и успокаивать их наиболее, а не обличать; ибо это больше их расстраивает, нежели приносит им пользы. «Больному, — говорил старец, — надо говорить — не хочется ли тебе какой похлебки или чего другого? А не следует говорить так: я тебе дам такую микстуру, что глаза выпучишь». Незаметно и нечувствительно привлекал старец Антоний всех к сознанию душевных своих немощей. Так однажды некто покаялся перед ним в некоторых согрешениях, а о других умолчал. Старец Антоний не стал обличать неполноту покаяния, но, напротив, сказал каявшемуся, что он своим покаянием порадовал ангелов на небеси, и этими словами возбудил в этом человеке великое сокрушение и усердие к совершенному очищению совести. Никогда он не старался насильно убедить кого-нибудь; назидания свои предлагал не в виде заповеди, а более намеком, или в виде дружеского совета; а если кто начнет возражать, то старец сейчас и замолчит. На вопросы посетителей своих почти никогда не отвечал прямо, и даже избегал таких вопросов, через которые бы открыто возлагалось на него значение и ответственность наставника; а между тем искусно направлял общую беседу, так что в течение ее, говоря в третьем лице, или рассказывая как будто про себя, он как бы мимоходом и обличал, и наставлял своих собеседников. Часто случалось, что только по выходе от старца, посетитель опомнясь понимал, что какое-нибудь, как будто к слову сказанное, замечание прямо относилось к нему, к сокровенным его недоумениям и недостаткам, разрешало вопросы, которых старец не дал выговорить; а иному даже открывал и то, чего тот сам в себе прежде не

замечал. Если кто не кстати высказывал, что понимает мысль и намерение старца, то он тотчас заминал беседу и вел уже разговор о предметах житейских; вообще весьма боялся обнаружить духовные свои дарования и очень с немногими любил беседовать о предметах чисто духовных. Впрочем, с великой опытностью и мудростью умел различать, кому как говорить.

Общее правило преподобного Антония, равно как и всех духовных старцев, было такое, чтобы без вопроса никому не предлагать своих советов, считая это не только бесполезным, но и вредным празднословием. Вместе с тем он зорко следил за вопрошавшими: если кто предлагал вопросы не по душевной потребности, а из пытливости или подобных побуждений, в таком случае ничего не отвечал.

Отец Антоний обладал даром какого-то естественного красноречия, даже и в шутливой форме оно содержало высокое назидание и отличалось особенной меткостью и своеобразной выразительностью. Познакомившись с кем-нибудь, преподобный иногда как бы присматривался к нему; сначала говорил мало и только молился о нем. Но зато, когда наконец начинал говорить, его слово имело такую неотразимую силу, что иногда в течение одной беседы человек духовно перерождался. Люди с железным непреклонным характером чувствовали, что упорство их сокрушалось, сердце их наполнялось какими-то новыми чувствами; и между тем как прежде во всю свою жизнь никому ни в чем не уступали, от слов старца Антония возгоралось в них желание ни в чем не следовать своей воле и своему разуму, но всю волю свою предать святому старцу. Многие испытывали над собою духовную силу старца Антония; сначала были привлекаемы его любовью и снисходительностью, а потом незаметно переходили к тому, что и всю жизнь свою отдавали в его руки.

Двенадцать лет продолжалось пребывание преподобного Антония на покое, и в то время Оптина пустынь украшалась тремя преподобными старцами: старцем Моисеем, старцем Антонием и старцем Макарием. Из них старцу Антонию пришлось пережить других. В 1860 году скончался отец Макарий; а в 1862 году свершил свое течение отец Моисей.

9 марта 1865 года, когда отцу Антонию исполнилось ровно семьдесят лет, он принял великую схиму. Еще с начала 1865 года он перестал выписывать книги и отказывался от предлагаемых, говоря, что ему теперь уже ничего не нужно. Одному из духовных своих детей поручил написать крупными буквами: «Не теряй времени!» — и эту записку прикрепил над своим одром.

7 августа старец мирно предал чистую свою душу в руки Божии.

Духовные наставления

◊ Вы в письме своем намекаете о грядущих скорбях и военных действиях. А я, признаюсь Вам, никаких ведомостей не читаю; посему ничего и не знаю, что в мире делается. Впрочем, давно уже объявлено во Святом Евангелии, что в мире скорбь будет. И святой апостол тоже подтверждает, что человеку во всю жизнь должно иметь брань, не то чтоб браниться со всеми и ссориться, но выдерживать от всех неприятности и нападения; ибо беды не только от разбойников и злых людей, но и от сродников, и от недрузей и друзей, и от дальних и от ближних; а к сему еще непримиримый враг диавол, как лев голодный, ходит, «иский кого поглотити», и посему всякому человеку должно быть не без опасения, как бы не попасть ему в зубы. Я грешный, для успокоения себя от сего страха, всегда читаю Давидов псалом 26: «Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся», и прочее. Советую и Вам прочитывать его, и Вы не будете страшиться ничего.

◊ Сказано святым пророком Давидом о нынешнего времени людях, что все от правого пути уклонились, «вкупе неключими быша, несть творяй благостыню, несть до единого». Но, невзирая на то, что все почти неключимы, советую вам, возлюбленным моим, дух благочестия сохранять в себе всеми силами своей души, то есть ограждать себя крестным знамением и при ястии и при питии, и при выходе из дому и при входе, и при начинании всякого дела; ибо крестом ограждаемые врагу бывают страшны, хотя неблагомыслящим и кажется это юродством, то есть (говорят они): что скажут о нас? Но при этом должно воображать не то, что скажут люди, а то, что скажет нам Господь Бог на страшном суде за человекоугодие наше! Вот об этом-то должно подумать, а не о том, что высокоумные скажут или подумают о нас.

◊ Долг человека — благодарить Бога за спасительный промысл Его, а не малодушествовать и отчаиваться; ибо и святой богоотец Давид имел в жизни своей премногое множество скорбей от своих и от чужих, но ободрял себя молитвою и крепким упованием на Бога, говоря и успокаивая себя так: «вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога!»

Так и Вы успокаивайте себя. На святого Давида нападали и человеки, и бесы, и подчиненные люди, и добрые и злые; и чем он против их вооружался? Сказывает: «обышедше обыдоша мя, и именем Господним противляхся им». Каким же именем Господним? Сим: «О, Господи, спаси же! О, Господи! поспеши же!» и: «Боже, в помощь мою вонми, Господи,

помощи ми потщися»; или: «Боже, милостив буди мне грешному»; или: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного», и прочее и прочее. Подобным образом и Вы поступайте, то есть когда сильно нападут люди и одолеет уныние, поклонцев сто положите с молитвою ко Господу, и тогда не только дроби, но и пушки не устрашат Вас.

◊ Сердечно соболезную я и о том, что Вы, при весьма тяжкой и изнурительной телесной болезни своей, еще страдаете и душой своею от разных мыслей и воображений об муже, об детях и об многом будущем, и чрез то еще наиболее увеличиваете страдания свои, и средства лечения своего делаете малодейственными. Советую Вам, вместо всякой мечты, душу свою напитывать молитвою ко Господу, и упованием на Него, Который как Вас, так и мужа с детьми не оставит; чему и матерь наша святая Церковь учит — «самих себе, и друг друга, и весь живот свой Христу Богу предавать». Говорите: «В руце Твоего превеликаго милосердия, о Боже мой, вручаю душу мою и многоболезненное тело, мужа, от Тебе мне даннаго, и всех возлюбленных детей. Ты будь помощником нашим и покровителем во всей жизни нашей, во исходе нашем и по кончине, и во всем, как в радости и печали, в счастии и в несчастии, в болезни и здоровье, в жизни и смерти, во всем да будет с нами воля Твоя святая, яко на небеси и на земли. Аминь».

◊ По истине не всякому слуху должно верить, наипаче тем, которые смущают нас. В таком случае должно ободрять дух свой твердым упованием на Господа Бога, без воли Которого и влас главы нашей не погибнет; и ежедневно, при всяком беспокойном воображении, прочитывать пред Богом 26-й псалом Давидов до конца: «Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся?»

◊ Должно бояться не холеры, а тяжких грехов; ибо смертная коса скосит человека, как траву, и без холеры. А посему все упование свое возложите на Господа Бога, без воли Коего и птицы не умирают, кольми паче человек.

◊ Вас прошу не малодушествовать в болезни, а благодушествовать, и печаль свою во всем возложите на Господа. Ибо так устроено Господом Богом, пекущимся о душевном спасении нашем, чтобы каждый человек в жизни сей свой имел крест, который с детскою покорностью к Отцу нашему небесному должно несть. Многие достойные люди сколько невинно претерпевают различных искушений и бед! А мы, обремененные грехами, не думая ни о чем, посиживаем в теплой комнате, и покоясь на мягком пуховике, должны хотя болезнями расплачиваться за свои грехи, почему и будем из глубины души взывать ко Господу: «Отче наш, да будет со мною во всем Твоя святая воля; точию не лиши мя небеснаго Царствия Твоего». И тако размышляя, милость Божию обрящем.

◊ Советую Вам во все святые посты приобщаться святых Тайн; а кроме сего, если когда случится какая болезнь, то не к лекарю посылать и в аптеку, но к иерею Божию, и просить его исповедывать и приобщить, а потом уже к лекарю послать; ибо весьма спасительно питать свою душу нетленным и святым Хлебом. Если бы случилось человеку в тот день умереть, в который он приобщался святых Тайн, то душу его приемлют святые ангелы на руки свои, чести ради приобщения, и все воздушные мытарства безбедно проходит.

◊ Действительно, посреди сетей многих ходим мы. Посему и нужно с болезнью сердечною молить Господа, и взывать к Нему почаще: «Заступник души моея буди, Боже, яко посреде хожду сетей многих, избави мя от них, и спаси мя, Блаже, яко человеколюбец». Из всех сетей вражиих, наиболее должно остерегаться любодеяния; даже и шуток с женским полом должно остерегаться, как повода к падению; притом и к любоимению не привязывать себя, но, по писанному, «богатство аще течет, не прилагайте сердца»; поелику страсть сребролюбия названа корнем всего зла. И оным наиболее страждут старики, которые нередко и за грош готовы побраниться; от чего да сохранит Вас Господь Бог.

◊ Прежде времени никаким воображением не смущайте свою душу, и не унывайте, и к шепчущим Вам злым духам смиренно отвещайте: «Страха вашего не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог. Аще бо паки возможете, и паки побеждени будете, яко с нами Бог. И иже аще совет совещаваете, разорит Господь, яко с нами Бог. Ибо уповать буду на Господа и Той спасет мя, яко с нами Бог», и прочее (Ис. гл. 8).

◊ Как бы человек осторожно себя ни соблюдал, но весьма редко проходит, чтоб юности своей чем не запятнал. Пятна же оные ничем столь скоро не изглаживаются, как устным исповеданием. И хотя Господь Бог все ведает слабости наши, и даже не соделанная предвидит, и не имеет нужды, чтобы пересказывать Ему о том, что известно Ему; однако за нашу пользу, чрез пророка Своего (Исаию) говорит, или приказывает: «глаголи ты первее беззакония твоя, да оправдишися». И так видите, сколь необходимо нужно для очищения грехов устное исповедание, без коего невозможно ни начала благого положить, ни спастись, ни спокойну в духе своем быть; почему и должно рассмотреть бывшее и раскрыть.

◊ Вы приучили себя к тому, чтобы и милость Божию, и утешение себе иметь только в исполнении своей воли и желаний; а воля Божия исполняется в отсечении своих волей, о чем мы ежедневно и должны просить Матерь Божию, молитвенно взывая к Ней: «Не попускай, Пречистая, воли моей совершатися, не угодна бо есть, но да будет воля Сына Твоего и Бога!»

Положим, если бы воля Ваша и эта совершилась, но и тогда противник придумал бы, чем смутить Вас. А посему благодарите Господа Бога за спасительный промысл Его и не желайте ничего, кроме единой воли Божией, говоря: «Отче наш, да будет воля Твоя, а не моя».

◊ Недавно читал я в книге у святого Исаака Сирина, в 36-м слове, где сказано: «не благоволит Бог, чтобы возлюбленные Его покоились в жизни сей, но восхотел, чтобы они пребывали в скорби, в трудах, в скудости, в одиночестве, в болезни, в удалении от сродников, в печальных мыслях и прочее. Поелику Господь знает, что живущим в телесном покое невозможно угодить Ему и пребывать в любви Его, и потому воспретил им покой и услаждение оным».

◊ Просите Вы меня сказать Вам: в чем состоит путь спасения? На сие Сам Христос ответствует Вам, говоря: «Иже хощет по Мне идти, да отвержется себе!» Это означает не то, чтобы отказаться от родительского наследства, но отказаться или отречься от своей воли и от своего разума.

◊ Если заглянешь в свое сердце, то увидишь настоящий толкучий рынок: сколько перебывает в нем различных помыслов, и наиболее пустых. Посему гораздо полезнее зреть свои согрешения, а не других.

◊ Замечено святыми отцами, что когда человек готовится к приобщению святых Тайн, или ожидает встретить какой-нибудь великий праздник, то всеми силами старается диавол причинить человеку досаждение, и тем смутить его душу, дабы день той проведен был не в радости о Господе, но в печали бесовской. Причины же к нападению его на нас бывают различны; но самая главная есть осуждение ближних наших, каковой грех, и кроме блуда и кроме иного искушения, оскверняет не тело точию, но и самую душу нашу…

◊ Святой Давид указывает, откуда проистекают скорби. Он говорит: «несть мира в костех моих от лица грех моих». А посему грешный человек хотя бы жил в Петербурге или Москве, где разных утех бывает по самые уши, он и там от досады и тоски, повеся голову, с презрением смотрит на все окружающее.

◊ Не желайте смерти, как развязки; ибо каждому человеку неизвестно, какая ожидает его участь за гробом; посему гораздо будет лучше словами святого Давида умолять Господа Бога: «не возведи мене, Господи, во преполовение дней моих!»

◊ Именем Божиим прошу Вас не унывать, не малодушествовать и не смущаться духом о том, что видите «беззаконие и пререкание во граде», и что чувствуете и днем и ночью «труд посреде его и неправду». Ибо действительно посреди мира (то есть во граде) несть мира.

◊ «Наказуя, наказа» Вас Господь опасною и продолжительною болезнью, но «смерти не предаде» Вас. Эта милость Божия оказана Вам того ради, чтоб последующее время жить посмирнее и поисправнее; а может быть, еще и того ради, чтоб послужили нуждам и вверенной мне обители. И так слава Богу о всем!

◊ Мне очень жаль, что Вы, читая отеческие книги, несколько духом их не напитываете своей души. Преподобный Варсонофий советует иметь невменяемость, то есть не сравнивать себя ни с кем, — не в том, чтоб считать себя умнее всех и воспитаннее, но в том, что нет никого противу Вас грешнее, глупее и несноснее. А святой Симеон Новый Богослов в 1-м слове своем советует думать не о баронстве своем, но о ничтожестве, и говорить всегда так: кто есмь аз, худая и худородная?

◊ Одни только смиренные сердцем наслаждаются спокойствием душевным! Впрочем, и те не свободны иногда бывают от скорбей; но скорби свои переносят великодушно, не укоряя никого ни за что — кроме себя, говоря: «благо мне, Господи, яко смирил мя еси», и несмь достойна по грехам никакого покоя. А не смиренные люди ничем не довольны, на всех ропщут и всех мысленно, а иногда и произносно укоряют и осуждают, посему от таких грешных людей далече спасение!

◊ Продолжение жизни, невзирая на случающиеся с нами болезни, скорби и многие огорчения, есть продолжение милости Божией к человеку, за которую и должен он из глубины души своей благодарить Господа Бога! Конечно, есть на белом свете и такие умники и умницы, которые тяготятся жизнью и желают себе скорой смерти, но мы не будем подражать им в этом. Они, не ведая хорошо, не знают, чего себе желают и чего просят? Им приличествует Христово слово сказать: не знаете, чего просите! Благоволительно Господь Бог выслушивает ту молитву, которую смиренные рабы Его произносят к Нему: «Безплодие зря многоболезненныя моея души, еще потерпи Христе, и не посецы мене, якоже смоковницу оную проклятую!» Будем и мы с Вами читать это всегда, тогда и жизнь нам не наскучит.

◊ Прискорбия душевные, как осенние мухи, обеспокоивают и приводят иногда в нетерпение, но по пословице — за мухой не с обухом, то есть не кулаком, должно отмахиваться от них, но ограждать себя всякий раз крестом святым и говорить: Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй меня нетерпеливую!.. и они (то есть скорби), как мухи, прочь отлетят.

◊ Святой Макарий Великий говорит, что иной и большие скорби претерпевает, но в молчании, и к таковым страдальцам благоволит Господь; а кто и от малой болезни или усталости охает, и смущается, и вопит, тех

уподобляет детям, которых, если прибаюкивают и помажут чем по губкам, то успокаиваются и улыбаются.

◊ Что это за искушение? На кого ни посмотришь, видишь болезнь на лице. Об ком ни спросишь, услышишь или о болезни, или о страданиях души и разных искушениях. Истинно, все мы живем на земле, как будто бы в больнице какой, наполненной слепыми, глухими, немыми, расслабленными и уязвленными, и прочее и прочее; и несть исцеления в плоти нашей. Воистину, в юдоли плачевной мы живем, и несть мира в костех наших; и все сие многое скорбное постигло людей на земле, как святой Давид замечает, грехов ради наших: ибо кто есть человек, иже жив будет и не согрешит?

◊ Я советую Вам, как богоданному моему сыну, возложить печаль свою на Господа и не думать, что «ямы и что пием» «во время старости, внегда оскудевати телесной крепости», ибо не видно, чтобы кто-нибудь умер с голоду; а ищите по слову Христову Царствия Божия и правды Его, а прочее все без искания Бог пошлет.

Новой послушнице Христовой N. на вопросы ее ответы

1. Унынию и лености в плен себя не отдавать, но молитвою краткою: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй мя грешную», — оные отражать.

2. Должно в лице настоятельницы своей зреть лицо Божие, и к оной иметь преданность и всю доверенность; и если она сама расскажет все слабости Ваши другим, или Вам прикажет, то за сие самое спасет Вас Господь Бог.

3. Гордость любит иметь преимущество пред всеми, а смирение ни с кем себя не сравнивает, считая себя хуже всех.

4. Отдавая всю себя Богу, не должно беспокоиться о тряпицах, и к оным привязывать свое сердце.

5. В трапезу должно ходить всегда, — кроме немощи, а во время оной можно с благословением покушать и в келье своей.

6. (О обхождении с сестрами) — с уважением к ним и любовью о Господе, соблюдая себя от празднословия и кощунства.

7. (О укоризнах) Все это может случиться, но не должно раздражаться, показывая себя худо слышащую укоризны их.

8. Для горделивых укорение — нож острый; а для смиренных — находка богатая.

9. (О неполезных разговорах) Должно по примеру святого Давида поступать: «аз же яко глух не слышах, и яко нем не отверзая уст».

10. Един Бог действует во всех духовниках и в старицах; и по мере веры своей к ним, такие и ответы услышите от них.

11. Что случится не по Вашему, в том и ощутительная польза для души Вашей будет.

12. В таких случаях должно говорить: благо мне, Господи, яко смирил мя еси горделивую и грешную.

13. (О соживущей) с искреннею любовью, будьте к ней, не как к старшей, но как к матери родной, и что она не одобрит Вам, того и не делайте.

14. Все свое за святое послушание должно оставлять без смущения, ибо святое послушание выше своего правила и больше есть поста и молитвы.

15. Чадо, «аще приступавши работати Господеви Богу, то уготови душу твою во искушение», памятуя апостолово слово: «а иже Христовы суть, те — плоть свою распяша со страстьми и похотьми».

Послушнице Христовой Н. Н. для всегдашнего памятования

Какое бы ни постигло тебя огорчение, какая бы ни случилась тебе неприятность, ты скажи: стерплю это я для Иисуса Христа! Только скажи это, и тебе будет легче. Ибо имя Иисуса Христа сильно, при нем все неприятности утихают, бесы исчезают; утихнет и твоя досада, успокоится и твое малодушие, когда ты будешь повторять сладчайшее имя Его. «Господи! даждь ми терпение, великодушие и кротость! Господи! даждь ми зрети моя согрешения и никого не осуждати!» — К сему еще полезно почаще прочитывать 20-е слово святого Исаака Сирина, которое облегчает чтущего от малодушия.

Преподобный Иларион (1805–1873)

Преподобный Иларион (Пономарев) был келейником старца Макария в течение двадцати лет, до дня его блаженной кончины, последовавшей 7 сентября 1860 года. Как и другая братия, преподобный Иларион исповедовался у преподобного Макария, вместе с тем он ходил ежедневно на откровение помыслов в монастырь к преподобному Леониду. Уроки смирения, любви и кротости отец Иларион получал от преподобного Леонида до самой его кончины. Наставления старца Макария, его жизнь и деятельность глубоко западали в сердце молодого инока и служили руководительным началом в дальнейшей его иноческой жизни.

Преподобный Макарий передал в последние дни своей предсмертной болезни отцу Илариону, вместе с другим своим учеником, отцом Амвросием, продолжение после себя своей старческой деятельности и вручив его духовному руководительству многих духовных детей своих.

Приняв на себя от своего старца это послушание, преподобный Иларион нес его до последнего дня жизни своей — по 18 сентября 1873 года.

Став скитоначальником и общим духовником обители через два с половиной года по смерти преподобного Макария, отец Иларион старался и по управлению и по духовничеству поддерживать те порядки, которые были заведены его дорогим учителем.

Пять раз в году, во все посты совершалась им исповедь всем относившимся к нему братиям — исповедь не общая, а с подробным опросом каждого исповедывающегося о всем касающемся до его внутренней жизни и устроения. Каждый по своей нужде получал при этом наставление для дальнейшей деятельности. Несмотря на такой труд и слабое здоровье, старец все-таки выстаивал все церковные службы, как известно, особенно продолжительные на первой и седьмой седмицах Великого поста. Заканчивалась братская исповедь, начиналась исповедь женского пола. Сестер монастырского скотного двора, монахинь или мирян обоего пола, прибывших для того к старцу со стороны. Исповедь часто продолжалась до чтения правила на сон грядущим. По субботам перед праздниками приходили для исповеди чередные иеромонахи и иеродиаконы.

Преимущественно после вечерней трапезы старшие монахи или имевшие особенную нужду, а многие почти ежедневно приходили к старцу,

по заведенному порядку, для очищения совести откровением помыслов, покаянием и для получения себе от старца в руководство наставлений и совета, сообразно с устроением каждого. Старец говорил большей частью не от себя, а приводил слова и примеры из Святого Писания или святоотеческих писаний или припоминал, что в подобных случаях говаривал, советовал или приказывал старец Макарий. Слова наставлений отца Илариона были кратки, ясны, просты и имели силу убедительности, потому что он сам первый исполнял то, что советовал братии, и сам уже опытно побывал в различных случаях, в которых приходилось наставлять братию.

При занятиях с братией обители у старца не было отказа никому из посторонних посетителей, приходивших поговорить с ним о своих духовных нуждах. Во всякое время к нему был свободный доступ и знатным, и незнатным; и богатым, и бедным; и ближним, и дальним; и монашествующим, и мирским. Мужчин принимал в своей приемной келье, а женский пол в так называвшейся хибарке, особой пристройке, состоящей из сеней и небольшой келейке с одним окном, с отдельным входом извне скита, близ скитских ворот, так как женщинам входить в скит не разрешалось.

Многие из посетителей для того и являлись в обитель, чтобы поведать старцу Илариону о своих духовных нуждах как опытному наставнику. После обычных приветствий старец вопросами вызывал откровенное объяснение посетителя о цели его посещения и составлял себе понятие о его душевном состоянии. Когда находил нужным, предлагал посетителю подготовиться к очищению своей совести исповедованием, назначая для этого не менее трех дней, пересмотреть всю свою прежнюю жизнь с семилетнего возраста, припомнить и отыскать в себе преимущественно забытые грехи, в которых не было принесено покаяние и в которых часто и таилась причина душевной болезни. Ежели же посетитель почему-либо не достигал этого, то старец сам на исповеди искусными вопросами уяснял, в чем дело, вызывал посетителя на воспоминание о нераскаянном грехе, по невниманию обратившемся в навык.

Возбудив сознание и сокрушение о грехах, старец иногда, по степени и важности их, налагал на кающихся епитимии, сообразуясь с родом жизни, званием, состоянием, занятиями, здоровьем, возрастом, причем требовал, чтобы кающийся исполнял ее в точности и неопустительно. Епитимия состояла из молитв, покаянного канона, чтения кафизм, поклонов, раздачи милостыни, в прощении обид и оскорблений, примирении с обидевшими, возвращении долгов или чего неправильно присвоенного, оставлении неприличных для христианина навыков, забав и удовольствий, праздного времяпрепровождения и тому подобное. По исповеди допускал к принятию святых Тайн. Многие, получив на исповеди от старца ощутительную пользу душевную, продолжали и после жить по наставлениям старца, исправлялись от душевных недугов и жили за молитвами старца благочестиво и благополучно и имели его уже своим постоянным духовником и наставником. Также многие приводили к старцу страдающих нервными и

духовными болезнями, которые чудесным образом, силою благодати, пребывающей в нем, он исцелял.

Помимо устных бесед со старцем, многие обращались к нему письменно. Таким образом, последнее десятилетие своей деятельной и многоплодной жизни преподобный Иларион провел не в упокоении и отдыхе, а в постоянных трудах как внешнего, так и внутреннего делания, оставаясь и по кончине своего старца его присным послушником и исполнителем его мудрых заветов и наставлений.

Последний искус, смотрением Божиим определенный старцу к усовершенствованию меры его духовного возраста, была тяжкая, почти двухлетняя болезнь.

Духовные наставления

◊ Церковь есть для нас земное небо, где Сам Бог невидимо присутствует и назирает предстоящих; поэтому в церкви должно стоять чинно, с великим благоговением. Будем любить церковь и будем к ней усердны; она нам отрада и утешение в скорбях и радостях.

◊ Послушание должно проходить с хранением совести, без небрежения, лености и невнимания; должно наблюдать за собою и быть внимательным ко всем своим и малым действиям и послушаниям. Тогда привыкаем ко вниманию и в важных делах, а от небрежения в малом незаметно перейдем к небрежению и в большем.

◊ Каждое дело необходимо начинать с призыванием в помощь имени Божия, ибо занятия, освященные молитвою, будут благотворны для нашего душевного спасения.

◊ Много учил старец Илларион о незлобивом и безгневном перенесении оскорблений, учил принимать их с самоукорением, как посланные промыслом Божиим за грехи наши для душевной пользы; гнев свой обращать не на оскорбившего, а на духа злобы и на себя, что не можем оскорбление с кротостью и миролюбием перенести; за оскорбившего же молить Бога и стараться примириться с ним и не оставлять в себе неприязненного к нему чувства.

◊ В ободрение скорбящих старец часто говаривал: «аще Господь по нас кто на ны?» (Рим. 8, 31). Потерпим немного и получим вечное блаженство. Предадим забвению все утехи и радости земные, — они не для нас. Сказано: «где сокровище наше, ту будет и сердце наше»; а сокровище наше на небеси; поэтому будем стремиться всем сердцем к небесному отечеству. Тем все скорбное наше превратится в радость, поношение и уничижение — в славу, печали, слезы и воздыхания — в утешение; болезни и труды — в вечный безболезненный покой.

◊ Часто говорил старец о хранении совести, о внимательном наблюдении за своими мыслями, действиями и словами, и о покаянии в них.

◊ Замечания делай, не давая пищи собственному самолюбию, соображая, мог ли бы ты сам понести то, что требуешь от другого. Знай, когда можно сделать замечание, а когда лучше смолчать. Если чувствуешь, что гнев объял тебя, сохраняй молчание и до тех пор не говори ничего, пока непрестанною молитвою и самоукорением не утишится твое сердце; а тогда можешь говорить с братом. Если нужно вразумить брата, а ты видишь, что он возмущен гневом или смущен, не говори ничего, чтобы еще более не

раздражить его. Когда же увидишь, что и ты, и он покойны, говори, не укоряя, а с кротостью.

◊ Не будем давать цены собственным нашим трудам, говорил старец.

◊ Когда старший делает тебе замечание или выговор, который не соответствовал твоему ожиданию, и если это даже случится и при других, ты перемолчи и со смирением скажи: «прости Бога ради»; ибо сказано: «уготовихся и не смутихся». Ничего ты этим не потеряешь во мнении других, а, напротив, выиграешь. Полезнее для души сознавать себя во всем виноватым и последним из всех, нежели прибегать к самооправданию, которое происходит от гордости, а «гордым Бог противится, смиренным же дает благодать» (Прит. 3, 34). Вспомни, что если бы ты был и прав, или не так в этом случае виноват, как говорят, то все же мы пред Богом все виноваты и во грехах, аще и один день будет жития нашего на земли. Господь же туне (даром) оправдывает только тех, которые в сердце своем сознают себя великими грешниками.

◊ Желавшим вступить в брак старец советовал, чтобы брак совершался не иначе, как с согласия и благословения родителей, или старших в семействе, но чтобы не было и со стороны старших принуждения; чтобы вступающие в брак один другому нравились и при выборе жениха или невесты внимание обращалось не на капитал, а на то, чтобы брачующиеся и их родители были благочестивы и хорошей нравственности. Тогда можно надеяться на счастье новобрачных. Не одобрял старец большое неравенство лет, от которого могут потом возникать скорби. Некоторое старшинство можно еще допустить в мужчине, но в женщине оно может быть причиною многих скорбей. Не одобрял старец заключения браков по страсти, ибо когда страсти утихнут — любовь может исчезнуть. Не одобрял брака между лицами различных вероисповеданий: муж и жена, составляя одно тело, должны быть и духовно соединены.

Преподобный Анатолий (Зерцалов) (1824–1892)

Отец Анатолий (Зерцалов) был учеником старца Макария. Старец сам обучал преподобного Анатолия молитве Иисусовой, и он уходил далеко в лес, где и молился в уединении. Так как старец Макарий был очень загружен, то он благословил отца Анатолия, кроме него, по своим духовным запросам обращаться еще к преподобному Амвросию. Старец так объяснял свой выбор: «Он пошустрее». И отец Анатолий был одним из самых первых учеников старца Амвросия, преемника Макария. Так, неисповедимыми путями приведены были в самое тесное общение эти два инока, столь много потом вместе потрудившиеся для Шамординской пустыни.

Под мудрым старческим окормлением преподобных Макария и Амвросия отец Анатолий, путем бдительного и неустанного духовного делания, назидаясь чтением слова Божия и аскетических писаний, быстро преуспевал в духовном своем развитии, и уже тогда можно было видеть его будущее нравственное величие.

Однажды приехал в Оптину святитель Игнатий Брянчанинов. Он пожелал видеть и беседовать с тем из иноков, кто опытно проходит святоотеческое учение о молитве Иисусовой. Ему указали на преподобного Анатолия. Святитель долго беседовал с ним. Беседа эта очень ему понравилась. Прощаясь с преподобным Анатолием, святитель не мог не выразить своего удивления и говорил, что рад был встретить такого образованного инока: и опытного в духовных предметах, и знакомого со светскими науками.

Возвращаясь к себе после беседы со святителем Игнатием (а пошел к нему только после двукратного приглашения, и то по приказанию старцев), отец Анатолий встретился со старцем Макарием, который шел к скиту, окруженный инокинями и другими лицами. Старец спросил преподобного: «Ну, что тебе сказал преосвященный?» Отец Анатолий в простоте все передал ему. Тогда преподобный Макарий стал его при всех бить палкой и говорить: «Ах ты, негодяй, вообразил о себе, что он такой хороший! Ведь преосвященный — аристократ, на комплиментах вырос, он из любезности и сказал тебе так, а ты и уши развесил, думая, что это правда!» Со стыдом пошел потом к себе инок. А старец Макарий, как только преподобный Анатолий отошел от него, сказал бывшим с ним: «Ведь как вот не пробрать?

Он монах внимательный, умный, образованный, и вот — уважаемый такими людьми. Долго ли загордиться?»

Когда умер старец Макарий, преподобные отцы Анатолий и Амвросий особенно сблизились между собой, потеряв любимого ими обоими старца и руководителя. Отец Амвросий, увидев, что отец Анатолий стал уже достигать меры высокого духовного устроения и созрел, чтобы наставлять других, постепенно стал вводить его в свой старческий труд, делая своим сотрудником, подобно тому, как его вел в свое время преподобный Макарий. Отец Амвросий скоро выпросил отца Анатолия себе сначала в помощники, потом в благочинные, наконец, — в скитоначальники.

К старцу Амвросию и после того, как он был сделан скитоначальником, преподобный Анатолий продолжал относиться с прежним почтением и, как и прочие, когда бывал у старца, становился на колени. Однажды старец Амвросий побеседовал с ним, стоявшим на коленях, позвал одну особу и, показывая на отца Анатолия, сказал: «Рекомендую: мой начальник», преподав этим поучительный урок смирения.

По должности духовника и скитоначальника, преподобный Анатолий был великим и самоотверженным тружеником, и в этих должностях был поистине достойным преемником своих приснoблаженных предшественников. Ничто не ускользало от его взора, и он ревностно заботился как о духовном преуспеянии братии, так и покоил их, устраивая получше их скитскую жизнь с ее несложными и строгими порядками.

Преподобный Анатолий своих духовных детей по всем важным делам за советом направлял к старцу Амвросию, но старец Амвросий при таких случаях всегда спрашивал: «А что сказал Анатолий?» И когда узнавал, что тот не советовал так делать, как просили, — и сам не давал своего благословения.

Игуменья Шамординской пустыни мать София не раз говаривала, что хороший монах ничем не отличается в приемах обращения от самого благовоспитанного аристократа. Но разница между ними есть, и большая: аристократ держит себя с тактом из приличия, а примерный монах — из убеждения и любви к ближним. И как на образец для подражания указывала в этом случае на отца Анатолия.

К преподобному Амвросию шамординские инокини обращались как к старцу, а к преподобному Анатолию — как к отцу, который входил всегда во все их нужды и редко кому при встрече не задавал вопроса: «А у тебя все есть?» Старец Амвросий не раз говаривал Шамординским насельницам: «Я редко вас беру к себе на беседу потому, что я за вас спокоен: вы с отцом Анатолием».

Преподобный Амвросий называл отца Анатолия великим старцем и делателем молитвы Иисусовой: «Ему такая дана молитва (умно-сердечная) и благодать, — говорил он, — какая единому из тысячи дается».

После смерти старца Амвросия преподобный Анатолий стал быстро слабеть. Задумчивый и грустный, он тяжело чувствовал свое духовное сиротство и сам быстро приближался к закату своей жизни.

В конце 1892 года он ездил в С.-Петербург и Кронштадт повидаться со святым праведным Иоанном, которого давно чтил, и посоветоваться с врачами. Вместе с отцом Иоанном Кронштадтским преподобный Анатолий служил в день памяти старца Амвросия 10 октября и утешился беседой с ним. Врачи же нашли у него слабость сердца и отек легких. Согласно их советам, он начал было лечиться, но это лечение, требовавшее прогулок, скоро прекратилось: ноги старца стали пухнуть, перестали входить в обувь, и он не смог больше ходить.

Старец Анатолий кротко переносил недуг. 15 декабря 1893 года он тайно принял схиму, о чем знал только его духовник отец Геронтий да несколько близких лиц. Через три с половиной месяца после этого, 25 января 1894 года, во время чтения отходной, преподобный Анатолий тихо почил на семьдесят первом году своей жизни.

Духовные наставления

◊ Надо так молиться Богу, чтобы между душой молящегося и Богом ничего не было и никого. Только Бог и душа. Чтобы молящийся не чувствовал ни неба, ни земли и ничего, кроме Бога, а то молитва будет несовершенная. Когда молишься под впечатлением хорошего пения или чтения, эта молитва еще не есть истинная молитва. Вот истинная молитва: пророк Илия положил голову на колени, молясь, и в несколько минут умолил Господа изменить гнев Свой на милость.

◊ Еще старец говорил: «Когда в церкви беспокоят дурные помыслы, то ущипни себя побольнее, чтобы помнить, где стоишь».

◊ Однажды монахиня сказала преподобному: «Очень боюсь, что со мною будут искушения». Батюшка ответил: «Живи, не осуждай, гляди на всех в хорошую сторону, не зазирай за людьми, и Бог покроет тебя. А еще скажу: кто читает молитву Иисусову, у того не бывает искушений».

◊ Относительно пути подвижнического старец говорил сестрам: «Держись средины, вперед не забегай и назад не отставай».

◊ Не думай, что мир обитает в здоровом теле: там жабы и пиявицы. Нет, мир обитает лишь в мертвенной плоти нашей.

И этот-то есть истинный мир, мир Иисусов, «мир, всяк ум превосходящий».

◊ Нам все хочется на клирос, а Господу все хочется, чтобы мы смирились и походили бы на Него, смиренного и кроткого, и понесли бы подобно Ему скорби, хотя и не такие, какие Он нес за наши грехи, а маленькие и в тысячную долю; а мы и совсем не хотим Божьего, а чтоб непременно было — хоть хуже, да наше.

◊ Потерпи, смирись — и обрящешь рай в себе самой. Как говорит один святой: «не ищи ни Рима, ни Иерусалима, а уготовь дом души, и к тебе придут не только Петр и Павел, но Сам Господь с Пречистою Матерью Своею и с сонмом ангелов и святых». Поэтому не унывай, что ты еще не достигла сего, а старайся и начинай не с верху, а с нижней ступени, — то есть со смирения, самоукорения. Говори себе: недостойна, чтоб живою жить в раю, Сподоби меня, хоть по смерти, вместе с благоразумным разбойником наследовать Твой рай.

◊ Ты просишь наставления и назидательного урока, как бы тебе не сбиться с истинного пути? Начни со смирения, делай со смирением и кончай смирением, и вчинишься со святыми. Этот путь, то есть путь

смирения, самый надежный и, как говорят Отцы, «непадательный». Ибо куда может упасть смиренный, когда он считает себя хуже всех?..

Что же касается высоких дум — бойся их как огня. «Мерзостен пред Богом всякий высокосердый». Пред Ним чистым и Святым — самое небо нечисто. И что такое наша всякая правда, оценил давно пророк Исаия: «рубище жены нечистыя поверженное!»

◊ Всяк, кто желает достигнуть Христова Царства, не должен озираясь припоминать свои высокие добродетели — и особенно высокие думы, — а зреть подвиги и славу святых: и будет с ними! А свои зри немощи, грехи и исход души и ужасающие истязания тогдашние — и не согрешишь.

◊ Враг только внушает помыслы, а сделать ничего не может, без попущения Божия и если мы сами не согласимся с ним. И ты не соглашайся с ним, вот он и ничего не сделает тебе.

◊ От блудных помыслов средства: смирение, самоукорение, воздержание, а паче всего — любовь к ближним — к слабым, немощным, больным, плененным страстями сестрам. Впрочем, святой Исаак Сирин пишет: «юному хранение паче дел».

◊ Знай, что в сем мире ничего не бывает постоянного. Гляди на улицу: утром был дождь, а в полдень ясно, а к вечеру опять холодно. То ветер, то тихо, то гроза, то жара; — так и в нашей жизни: всегда будь готова следовать воле Божией, нравится ли то нам или нет.

◊ Сказываю по секрету, сказываю тебе самое лучшее средство обрести смирение. Это вот что: всякую боль, которая колет гордое сердце, потерпеть. И ждать день и ночь милости от всемилостивого Спаса. Кто так ждет, непременно получит. В этом я тебя могу уверить честным моим словом, если только ты веришь моей чести. Начни, так и увидишь. Главное, ты не понимаешь, что эта-то боль, это-то самое горькое острое жало, укалывающее чувствительность сердца, и есть настоящий источник милостей Божиих и смирения. В них-то сокровенна есть милость Божия. Отыми от тебя болезни эти, темноту твою, оскорбления, укоры, недостатки, и ты останешься совсем нагая!

◊ Богом, спасающим нас, устроено так, что никто не обойдется без скорбей, потому что Господу всех хочется спасти, а без скорбей спастися невозможно.

◊ Известно, от чего гнев происходит. Пес, когда не дают ему или отнимают кусок мяса, рвет и лает. Значит, и мы с тобою любим свою вольку. И если нам препятствуют улучить ее или не обещают покою, мы, особенно я — лаем и — пожалуй — кусаем брата (а сестра сестру).

◊ Ты, матушка, просишь научить тебя терпению… Чудная ты какая! Ее учит Бог! Ее учат люди — сестры! Ее учат обстояния всей жизни! И все они

учат тебя терпению, учат делом, самою вещью, самим естеством способности терпеть — и ты просишь у меня урока теоретического терпения… Терпи все находящее — и спасешься!

◊ Какие книги читать тебе? Ты не памятлива? Ну, нечто затверди покрепче, например: «Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем… и ближнего яко сам себе». И из другой также, но не ради того, что, дескать, мы знаем, но мы исполняем. Сила не в слове, а в деле.

Начнем сначала. Приведем на память: как звать Бога. И будем детски звать Его, пока Он Сам не придет и научит всякой истине. Вижу, что ты много читала — и это тебе не помогло. Попробуй — начни читанное, по силе, приводить в дело. Да к этому присовокупи (опять по силе) непрестанную Иисусову (устную) молитву и узришь милость Божию. Чтоб ты туне не ретилась и не смущалась тем, что читаешь, читаешь, а в остатке нет ничего, скажу тебе секрет, добытый долголетним опытом: приступая к книге, прицеливайся прежде всего улучить ту мету, которой, как ты говоришь, нет у тебя, но которая во всякой добродетели неизбежна, то есть терпеливо ждать милости Божией в разумении; ибо Бог разумов Господь, даяй премудрость и разум.

Второе — книга не есть существо и сущность ведения: она — одно из средств к нему. А потому может человек знать тайны Царствия без книги; может и прочитавши воза книг, не знать оных таин. Кто подготовил себя делом, тот не крепко нуждается в книге. Говорю это не к тому, чтобы отвращать тебя от книг, но чтоб предостеречь, чтобы ты не возненавидела их, если, зубря их, не обретешь желаемого. Третье и главное скажу к ободрению твоему: «вопросившу о мудрости, мудрость вменится».

◊ Ты затрудняешься исполнением молитвы и чтений, так как не одна в комнате. В таком случае оставь обрядовый чин, например читать перед святыми иконами со свечой и прочее, а делай проще: или ходя, читай и молись, или уткнувшись в уголок, или где в передней… Конечно, надо стараться, чтобы не подать повода к насмешкам.

◊ Считай себя хуже всех, не ищи ни любви, ни чести ни от кого, а сама ко всем оные имей — вот и улучишь мир! А как только начнешь искать, чтобы другие тебя заметили да отыскали бы в тебе достоинства и некоторые добродетели — тогда прощай, мир душевный!

◊ Чистота и бесстрастие даются не по летам («седина есть — мудрость человекам»), а по смирению. Святой Иоанн Лествичник учит: дарования (значит, и чистота) даются не трудам (тем более не по годам), а смирению. Смиримся, и Господь покроет, и будем святы.

◊ Ты спрашиваешь, чем можно избавиться от злых людей? Простым образом мыслей и чувств, что ты пришла работать не демону, но Богу. И что

Владыка неба и земли, и всей вселенной — не демон, а Бог, повелевающий и ангелам, и демонам, а душам нашим мир дающий. На приписку твою ответствую припиской: «Если скорби твои смиряют тебя, дают духу спокойствие, и влекут к молитве, то знай: чувство твое не обманчиво. Потому святой Марк Подвижник говорит: „В скорбях сокровенна есть милость Божия“».

Преподобный Исаакий (1809–1894)

В 1809 году отец старца Исаакия (Антимонова) был в Киеве и посетил преподобного Парфения. Говорят, что старец Парфений при входе его приветствовал словами: «Блаженно чрево, родившее монаха».

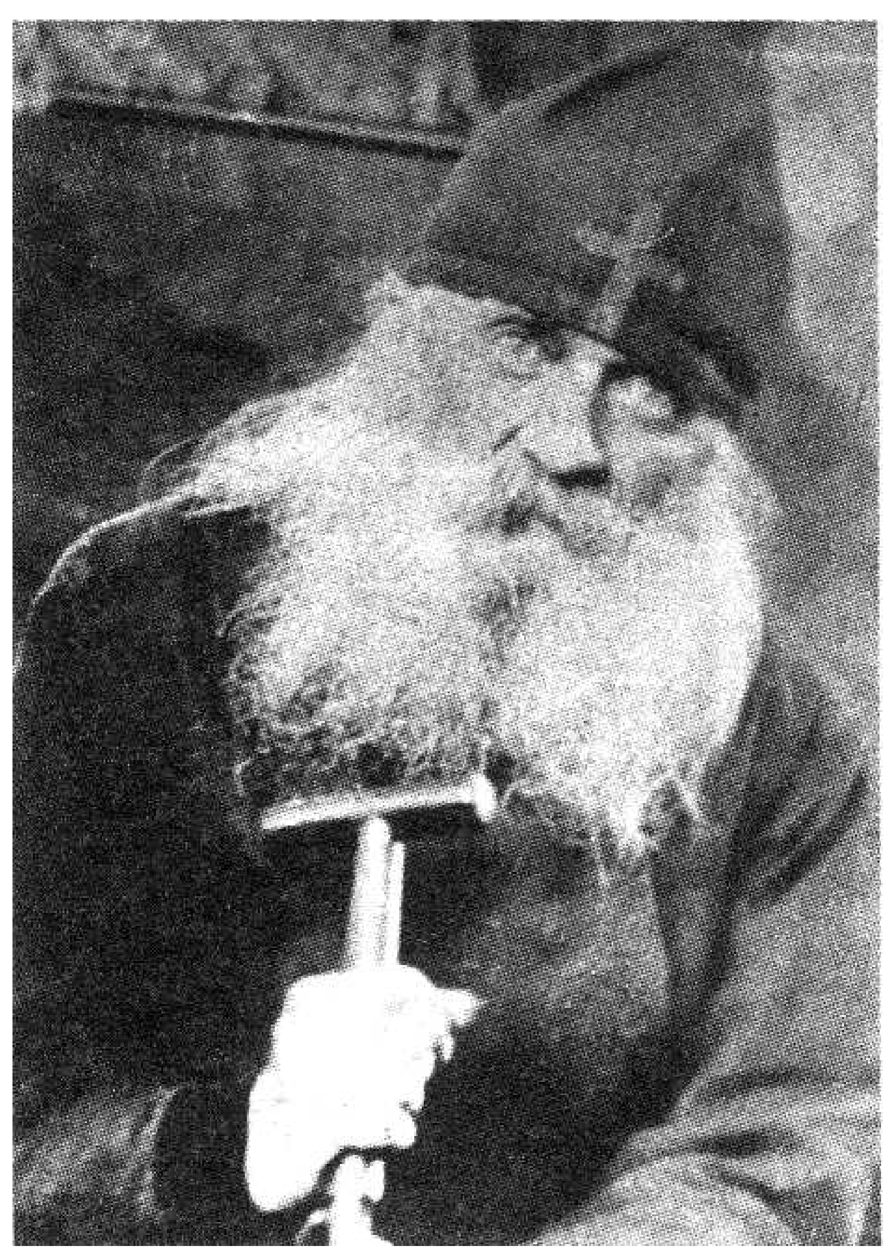
Старец Макарий и склонявшийся к своему концу Оптинский настоятель отец Моисей — оба желали видеть отца Исаакия преемником отца Моисея, что и совершилось.

С величайшею скорбью, сознавая себя недостойным, неспособным, принял преподобный Исаакий в 1862 году бремя настоятельства.

Не надеялся он на свои силы. Больше веровал в наставления преподобного Амвросия, на которого перенес после смерти старца Макария (1860 г.) все то доверие, которое имел к почившему старцу.

Деятельность преподобного Исаакия на пользу святой обители с внешней стороны почти не отличалась от деятельности предшественника его, преподобного Моисея. Разница только в том, что при отце Исаакии обитель внешне устроилась, когда у нее уже были достаточные средства, а отец Моисей во все время своего настоятельствования, по его собственному выражению, был «богат только нищетою».

Но если преподобный Исаакий обращал такое большое внимание на внешнее благоустройство монастыря, то тем большее попечение имел он о внутреннем благоустроении насельников его, которое после преподобного Моисея было в цветущем состоянии, причем духовные силы преимущественно сосредоточены были в скиту, откуда, как светлое солнце, сияло самое старчество, столь прославившее Оптину пустынь.

Здесь во главе духовных подвижников стоял великий ученик блаженного старца Макария — отец Амвросий.

В продолжение своего долгого, почти тридцатидвухлетнего, управления обителью преподобный Исаакий всячески старался поддерживать все добрые, завещанные оптинскими старцами предания.

К мирянам старец относился с неизменным сочувствием. Он радушно принимал тех приезжих в Оптину, которые заходили к нему, и беседовал много о духовных предметах. Но сам никого к себе не звал.

Беседа старца Исаакия была при внешнем его спокойствии одушевленная. За всяким его словом слышалась безграничная вера, духовный опыт и глубочайшее чувство.

Он любил с образованными людьми говорить о великой пользе духовного чтения. Часто в глазах его блистали слезы.

После таких бесед ясно становилось, какое горячее сердце в этом человеке, с виду столь суровом, потому что внешность его внушала некоторую робость: простая суровая одежда, сосредоточенный вид, опущенные книзу глаза.

Он сохранял и настоятелем любовь к уединению и склонность к молчанию. Однажды на обеде в Шамордине архиерей пригласил его принять участие в беседе. А он ответил, что его участие то, что он слушает: ведь надо же кому-нибудь исполнить и эту обязанность.

Еженедельно в субботу ходил он к старцу Амвросию и ждал — иногда немало — в приемной своей очереди, наравне с другими.

После же смерти его ходил к преемнику отца Амвросия, старцу Иосифу.

Когда митрополит Московский Иннокентий настоятельно вызывал старца Исаакия в наместники Троице-Сергиевой лавры, он употребил величайшие усилия, просил заступничества влиятельных лиц, чтоб избежать этого высокого назначения.

Старец почил в восемь часов вечера, 22 августа 1894 года, восьмидесяти пяти лет от роду.

Преподобный Иосиф (1837–1911)

Старец Иосиф, в миру Иоанн Литовкин, был ближайший ученик великого старца Амвросия, — ближайший не по внешности только, но и по духу, по силе послушания, преданности и любви. Это было поистине «чадо любимое» старца Амвросия. Это чадо послушания воспитывалось в стенах смиренной убогой «хибарки» преподобного Амвросия, проникнутой заветами великих старцев Льва и Макария и молитвами их продолжателя старца Амвросия. Здесь, в этой тесной келье, сделавшейся для него училищем благочестия, он прошел делом самую высшую из наук — монашество, и стал в свое время сам наставником монахов. И как это было все просто, скромно, даже для многих незаметно!

В «хибарке» старца Амвросия он прожил ровно пятьдесят лет.

По болезни старец Амвросий не выходил в церковь. Отец Иосиф начал служить в его келье всенощные бдения. Как старший келейник, он считал своей главной обязанностью заботиться о спокойствии старца Амвросия. Поэтому он часто выходил в приемную и внимательно выслушивал посетителей. Ответ старца он передавал в точности, ничего не прибавляя от себя. Старец Амвросий постепенно подготовлял преподобного Иосифа к старческому служению, уча его и словом, и собственным примером.

В последние годы жизни преподобного Амвросия к нему стало приходить так много посетителей, что он не мог принять всех. Многих он посылал к отцу Иосифу. После смерти старца Амвросия духовное окормление Шамординской обители также перешло к отцу Иосифу. А вскоре после смерти скитоначальника отца Анатолия отец Иосиф занял и эту должность и с нею стал старцем для всей братии Оптиной пустыни.

Батюшка как сам был непрестанный молитвенник, так и других располагал к занятию Иисусовой молитвой, и в своих наставлениях особенно хорошо говорил о молитве, как о самом необходимом для каждого человека деле. Если же в ком видел особенное расположение к ней, то старался развивать и поддерживать в нем искру этого стремления своими опытными мудрыми советами, согласно святоотеческих писаний об этом предмете, изложенных в «Добротолюбии».

Преподобный Иосиф пробыл на своем посту скитоначальника и старца братии двенадцать лет. Последние пять лет он стал ослабевать и иногда по два дня не принимал никого. С 1905 года он стал особенно часто прихварывать, но духом был все так же бодр и ясен. Старец скончался 9 мая 1911 года.

Духовные наставления

◊ Если возмущают тебя поступки и грехи ближнего и похищают твое душевное спокойствие, то вспомни о сем:

а) Погрешность ближнего, которую ты хотел бы исправить, если она нарушает твой душевный покой и раздражает тебя, то и ты погрешаешь и следовательно не исправишь погрешности погрешностью, — она исправляется кротостью.

б) Ревность, хотящая истребить всякое зло, сама есть великое зло.

в) Помни, что в твоем глазе бревно, а ты указываешь на сучец брата.

г) Есть несовершенства неизбежные, есть и полезные. Бывает, что злом искушается добро.

д) Пример долготерпения Божия должен обуздывать нашу нетерпеливость, лишающую нас покоя.

е) Пример Господа Иисуса Христа показывает нам, с какой кротостью и терпением должны мы переносить погрешности человеческие, и если мы не начальствуем над людьми, то должны равнодушно взирать на зло.

ж) Каждому тот поступок ближнего кажется великим, который обличает его самого в чем-нибудь.

з) Ничто так не успокаивает и не примиряет нас с поступками ближних, как молчание, молитва и любовь.

◊ Однажды выйдя на благословение, старец вел беседу об исповедании грехов и между прочим сказал: «Если не можешь сказать грехов своих, то уж лучше написать их. И рассказал при этом, как одна женщина написала грехи свои и подала епископу (святителю Василию Великому), прося разрешение, но тот послал ее к преподобному Ефрему Сирину. Преподобный все грехи разрешил, кроме одного, с которым послал ее снова к святителю. Придя в город, женщина узнала, что архиепископ скончался, и в страшном горе и слезах она припала к его гробу и положила бумагу, на которой были написаны грехи, а сама упала, обливаясь слезами. Тогда все стали спрашивать ее, и она рассказала свою скорбь. В это время один священник взял из гроба бумагу и развернул ее, — она оказалась совсем чистой, — грехи все были изглажены».

◊ Совесть человека похожа на будильник. Если будильник прозвонил и, зная, что надо идти на послушание, сейчас же встанешь, то и после всегда будешь его слышать; а если сразу не встанешь несколько дней подряд, говоря: полежу еще немножко, то в конце концов и просыпаться от его звона не будешь.

◊ Однажды гуляя по лесу, сказали старцу, что в N-ском монастыре есть затворницы. Батюшка ответил: «Это путь опасный, — в уединении-то страсти растут, а на народе полезнее. Вон где ходят (на дороге), там и трава не растет, а где не ходят, там она густая. Они и в уединение-то уходят от нетерпения. А нам полезно, когда нас толкают. То дерево, которое ветер больше качает, больше корнями укрепляется, а которое в тишине, то так сразу и валится».

◊ Одна монахиня из этого монастыря сказала: «Батюшка, благословите вечным домком заранее запастись». — «Запасайся терпением! Сказано: в терпении вашем спасайте души ваши. Без терпения и временный дом не строится, тем более вечный. Терпение рождает утешение, и такое утешение истинно. А мы все ищем что полегче. Что легко для тела, то неполезно для души, а что полезно для души, то трудно для тела, — вот и надо трудом идти в Царствие небесное».

◊ Однажды гуляя со старцем по лесу, сказали ему: «Хоть бы вы пожили, батюшка». Старец на это сказал: «Поживем: пока новое орудие не приготовлено, Господь не отнимает старого». Но затем лицо его вдруг сделалось серьезно и он, помолчав, несколько добавил: «Только надо самим стараться жить хорошенько, а то за наше непослушание Господь берет старцев и никого не оставляет».

◊ Сказали старцу: вот опять неурожай. — «Да, — сказал он, — всего мало, только грехов много. Неурожай Господь посылает за то, что теперь совсем перестали посты соблюдать, даже и в простонародии; так вот и приходится поневоле поститься».

◊ В нынешнее время частые самоубийства происходят кроме неверия еще и от нетерпения, — ничего не хотят терпеть, — и если бы Господь не вложил в человека естественное желание жить, то почти все бы себя убивали. Святитель Василий Великий пишет об одном языческом философе, который говорил: «Прежде я хотел, чтобы все делалось по-моему, но видя, что ничего не делается так, как я хочу, я стал желать, чтобы делалось все так, как делается, и через это стало выходить то, что все стало делаться так, как я хочу». Вот — и язычник самым делом дошел до этой истины, что неизбежно надо терпеть что случается. И святые все просили у Бога терпения, значит, и они в этом нуждались.

◊ Однажды старцу высказали желание, чтобы он сам открывал затаенные и какие не хочется высказать грехи. Он ответил: «Нет, этого не должно; нужно, чтобы каждый сам высказывал и каялся, а то ему пользы не будет в этом; а за забытые и невысказанные грехи должен терпеть все находящее. И батюшка Амвросий этого никогда не делал, только в очень

редких и особенно важных случаях, когда видел, что человек может умереть не раскаявшись».

◊ Кто-то пожаловался, что все болеет. Старец сказал: «Делать нечего; видно, Господь хочет нам спастись и очищает от скверны греховныя. Хотя и не легко терпеть прижигания, но ради здравия душевного надо терпеть все. Если неисправно живем, то будем иметь о сем сердце сокрушенное и покаянное, и на это призрит Господь и не оставит Своею милостью».

◊ Чтобы совсем не рассеиваться на молитве, для нас, грешных людей, невозможно. Но все-таки должно стараться по возможности собирать свой ум, заключая его в слова молитвы, то есть вникать в каждое слово молитвы. Холодностью и окаменением смущаться не следует, а продолжать понуждать себя к молитве, сознавая себя недостойным утешения и умиления. Если молитва холодна, то из этого не следует заключать, что она и неугодна Богу, а иногда даже такая молитва вменяется человеку в подвиг, если только человек смиряется и всячески укоряет себя перед Богом.

◊ Не принимайте близко к сердцу случающиеся напасти, помня мудрую русскую старинную пословицу: «Бог не попустит, свинья не съест». Хоть и восстают на Вас недовольные монахини, но без попущения Божия ничего не могут Вам сделать. Оскорбления же с их стороны по необходимости должно потерпеть; ибо за грехи что-нибудь должно терпеть, если не здесь, то в будущей жизни. Только в будущей-то жизни скорби очень ужасны. От них да избавит нас Господь Своею благодатию и человеколюбием.

◊ Приучись больше молчать, тогда грешить и осуждать не будешь. Когда перестанешь роптать, усердней будешь ради Бога служить больным, то избавишься от своей болезни не только тела, но и души. Если же при твоем исправлении болезнь и не оставит тебя, то, значит, это для того, чтобы за твое терпение дать тебе венец в будущей жизни на бесконечное время. Потерпи. Пройдет жизнь, как сон. С верою без сомнений больные места мажь маслом, как я и прежде благословлял, и Господь даст облегчение по вере твоей.

◊ Святые отцы советуют особенно внимательно следить за своим сердцем после святого великого таинства причащения Тела и Крови Христовой, потому что тогда злоба врага умножается из-за того, что причастник из раба диавола делается наследником Царства небесного; то же самое озлобление у врага является, когда человек получит улучшение душевное. Видя его особенные искушения, ты не унывай, а терпи и борись, ибо за такую тяжесть ты получишь сугубую награду. Мир ти. Трудись, молись, спасайся о Господе.

◊ Кому завидуешь, за того Богу молись!

◊ Смущаешься, и в душе кипит на всех зло. Это от самолюбия и тщеславия. Старайся всегда считать себя пред Господом хуже и грешнее всех на свете и молись в это время: «Господи, помилуй нас грешных», — разумея и себя, и тех, на кого гневаешься.

◊ Не деньги виноваты, а пристрастие к деньгам. Мало ли было царей и князей, которые жили в богатстве; но так как они не имели пристрастия к богатству, то и оказались в лике святых, о чем свидетельствуют их нетленные мощи. Можно жить и в крайней бедности и в то же время иметь пристрастие к богатству, и чрез это одно душа сможет погибнуть, если человек при жизни не покается в этом грехе. Можно и, наоборот, иметь деньги и не иметь к ним пристрастия, то есть есть ли они, нет ли их — человек бывает равнодушен, тогда и деньги не помешают его спасению.

◊ Подавать милостыню нуждающимся следует по силе и возможности. Преподобный Варсонофий Великий говорит: «Если кто-то не даст нуждающемуся самому ему нужной вещи, тот не погрешит».

◊ Удивляться трудам святых — дело похвальное; ревновать им — спасительно, а хотеть вдруг сделаться подражателями их жизни — есть дело безрассудное и невозможное.

◊ Жить так, как святые жили, мы с тобой не можем, потому что очень мы грешны и слабы стали. А по силе исполнять их советы должны.

◊ Надо понуждаться и просить у Господа помощи. От страстей смущаться не надо, а надо сознавать свою немощь и неисправность и приносить Господу покаяние. И больше стараться смиряться, а то гордость бывает по самовластию нашему, и мы должны отражать ее. Надо просить терпения, помощи и наипаче смирения. А смерти просить или другого креста не должно, это грешно.

◊ Страсти исцеляются не способами, а благодатию Божией. А благодать Божия дается за покаяние, за смирение наше.

◊ Царствие небесное не дается лежащим на боку, а только трудящимся и скорби терпящим.

◊ Бог будет судить о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения. В оный день Бог будет судить нас не о псалмах, не за оставление нами молитвы, но за то, что не покаялись!

◊ Каждый день утром говори себе: быть может, этот день — день последний моей жизни. Потерплю же я по любви ко Господу Иисусу Христу, хотя ныне, какая бы ни была скорбь, и прощу каждому оскорбившему меня обиду, да воспомянет и меня, многогрешную, Господь, и помилует, и спасет по неложному Своему обещанию.

◊ Только через терпение скорбей и можно спасти свою душу. Замечают святые отцы: если бы не было скорбей, не было бы и святых.

◊ Страсти и падения смиряют человека, приводят его в сокрушение сердечное и тем привлекают к нему Божие милосердие.

◊ Тело у меня не мое, оно сотворено Богом во чреве матернем. Душа дана мне от Господа. Потому и все способности душевные и телесные суть дары Божии. А моя собственность — только одни мои бесчисленные грехи…

◊ Помыслы высокоумия приходят, и нельзя, чтобы они не приходили. Но должно им противоборствовать помыслами смиренномудрия.

◊ Постоянное утешение расслабляет душу и приводит ее к лености, а то и к большему вреду. Потому Господь и отнимает его вскоре, и дает нам опять почувствовать немощь нашу, и бессилие, и греховность. Надо больше смиряться, себя укорять, покаяние приносить в прегрешениях и не желать утешений, а с терпением переносить попущения.

◊ Проверь-ка свое сердце: не от зависти ли оно у тебя возмущается.

◊ Без скорбей все-таки обойтись нельзя. Но при единодушии с близким человеком скорби облегчаются.

◊ Если будешь осуждать других, да еще старших, то и без других грехов пойдешь на дно адово.

◊ Тогда хорошо покрывать недостатки ближних, когда можно это делать и когда это не причиняет вреда; а если недостатки эти уже сами собою начнут обнаруживаться, тогда лучше держаться правды, полагаясь на волю Божию.

◊ В словах самохваления и самооправдания всегда кроется непокорность и гордость, чего отвращается Бог.

◊ Гордым нет места на небе — но во аде с бесами… За осуждение, укорение, злопамятность и за гордость никто не будет наследником Царствия Божия; если не исправится таковый, то не миновать ему геенны огненной.

◊ Вступающие в брак по влечению страсти чаще всего бывают несчастливы в жизни.

◊ Неприятных случаев в жизни сей избежать невозможно… Такие случаи даже могут приносить пользу душе. Именно: через неприятные случаи мы познаем, что мы нетерпеливы, а если нетерпеливы, значит, самолюбивы. А познание это должно расположить нас к самоукорению и покаянию. Без неприятных же случаев человек склонен к самомнению.

◊ Одно безропотное терпение и покорение своей участи спасет нас, слабых, а если и это последнее средство отвергнем, то не спасение, а погибель наследуем.

◊ Всегда должно помнить мудрую пословицу: «Живи не как хочется, а как Бог велит». Как устроились обстоятельства, так и должно жить: потому

что окружающие нас обстоятельства устрояются не просто случайно, как думают многие современные нам новомодные умники, а все делается с нами промыслом Божиим, непрестанно пекущимся о нашем душевном спасении.

◊ Должно понуждать себя к молитве, хотя бы она была и рассеянная. Молиться с самопонуждением состоит в нашей воле, а молиться с умилением — зависит от Бога. Мы же должны молиться молитвою, какою можем, а за самопонуждение Бог даст и умиление в свое время, когда Ему благоугодно будет. Лучше сухим хлебом питаться, нежели оставаться совсем без хлеба.

◊ Однажды батюшка сказал: внимай себе и будет с тебя. Еще говорил, чтобы чаще себя укорять, во всем быть терпеливу и за все находящее благодарить Бога. При этом старец в назидание рассказывал следующее:

«Однажды один святой отец слышал, как нищий укорял себя. Время было зимнее, а он полунагой лежал на куче навоза, едва прикрытый рогожей, и трясся от холода. Между тем он говорил себе: сего ли не хочешь потерпеть, окаянный! святые мученики не то терпели, — зиму нагие, в темницах проводили, ноги забиты были в колодах; а ты ноги-то вот как протянул, да еще и рогожей покрыт».

◊ Батюшка! мне помысл говорит давно: не имей ничего, как святые отцы учат.

Старец на это сказал: «Имей, что нужно и необходимо, а лишнего не собирай, а если не будешь иметь, да будешь скорбеть, то что толку? — лучше держись середины. Можно иметь, только не привязываться ни к чему и быть как неимущему; такое устроение и было у святых».

Преподобный Анатолий (Потапов) (1855–1922)

Преподобный Анатолий был келейником старца Амвросия. Богомольцы шутили: «Какой чудесный келейник у отца Амвросия, лучше самого батюшки».

В это же время начинает иноческий путь преподобный Нектарий (Тихонов), последний Оптинский старец, который будет избран соборно. Они часто ходили друг к другу за духовными советами — преподобный Амвросий, предвидя их совместное старчество, уже в те годы приучал их жить в духе сотрудничества и советования.

С 1906 года начинает преподобный Анатолий свое старческое служение.

Он впитал дух оптинского подвижничества — суровое, напряженное бодрствование духа, скрытое в своей келье, той «расселине в скале, где Господь говорил к Моисею», по выражению преподобного Исаака Сирина, простое искреннее отношение ко всему внешнему, видимому — к братии, посетителям, природе, свету Божию. Уставной ход жизни обители, с ее богослужением, старцами, насыщенный духовно просветительной деятельностью, воспитали в нем аскета, делателя Иисусовой молитвы, проводившего ночи напролет в молитве, искусного борца с врагом рода человеческого, выдающегося общественного деятеля, воспитавшего тысячи русских душ в духе истинно христианского благочестия.

Усвоив основы монашеского духовничества у великого Амвросия, старец Анатолий властно руководил монашеской внутренней жизнью.

К мирянам преподобный обычно выходил в сени и благословлял каждого коротким, быстрым крестным знамением, слегка ударяя вначале несколько раз по лбу пальцами, как бы внедряя и запечатлевая крестное знамение. Маленького роста, необычайно живой и быстрый в движениях, он, обходя всех, отвечал на задаваемые вопросы, а затем принимал некоторых отдельно для беседы у себя в келье. Любовь и ласковость обращения привлекали всегда к старцу толпы людей. Во время своей болезни преподобный Анатолий, не выходя из кельи, только подходил к окну и сквозь стекло благословлял народ, собравшийся снаружи у окна. Увидев его, вся толпа припадала к земле.

У него была грыжа, и часто он принимал сидя на маленькой скамеечке, а люди наклонялись, подходя по очереди. Старец постучит по лбу «цок, цок,

цок» и благословит.

Особая духовная связь была у старца Анатолия с отцом Алексием Мечёвым, московским «старцем в миру». «Мы с ним одного духа», — говорил отец Алексий о преподобном Анатолии. Связь отца Алексия со старцем была постоянной, между Москвой и Оптиной существовало не только молитвенное общение (как шутили, «беспроволочный телеграф»), но и преподобный Анатолий всегда посылал москвичей к отцу Алексию.

Старца Анатолия некоторые близко стоявшие к Государю хотели использовать, чтобы удалить от царской семьи Распутина, заменив его «настоящим», Оптинским, старцем. Однако преподобный Анатолий не пошел на это — «ибо не было на то произволения Божия».

Широко известны пророческие слова старца, сказанные 2 февраля 1917 года: «Будет шторм, и русский корабль будет разбит. Да, это будет, но ведь и на щепках и обломках люди спасаются. Не все же, не все погибнут». Когда слушавшие эти слова были поражены и невольно заплакали, старец подошел к монахине Варваре, положил руку на голову и сказал: «Ничего, ничего не бойся только. Бог не оставит уповающих на Него. Надо молиться, надо всем каяться и молиться горячо». Потом, обратясь к своему брату, спросил: «А что после шторма бывает?» Кто-то сказал, что после шторма бывает штиль. «Вот ведь, — сказал батюшка, — так. И будет штиль». Присутствовавшие говорили:

— Но уж корабля-то нет, разбит, погиб, погибло все!

— Не так, — ответил старец, — явлено будет великое чудо Божие, да. И все щепки и обломки волею Божией и силой Его соберутся и соединятся, и воссоздастся корабль в своей красе и пойдет своим путем, Богом предназначенным. Так это и будет, явное всем чудо.

Преподобный Анатолий, как и другие старцы и насельники Оптиной, стал свидетелем исполнения многих пророчеств Оптинских старцев о новых гонениях на христиан.

10/23 января 1918 года декретом СНК Оптина пустынь была официально закрыта. В 1919 году первый раз был арестован настоятель Оптиной отец Исаакий.

Чтобы сохранить монастырь, оптинская братия создала сельскохозяйственную артель во главе с последним настоятелем Оптиной

архимандритом Исаакием. Это было сделано по благословению старцев.

Первые годы после революции старец Анатолий продолжал жить в том же доме неподалеку от Владимирской церкви. В зимнее время в доме из-за нехватки дров почти не топили. Щепки для топки приходилось разыскивать под снегом. «Распропагандированная» молодежь била стекла в доме старца, одну зиму дом простоял с несколькими выбитыми окнами. В морозные ночи вода, если ее забывали вылить, застывала в кружках на столе. Келейное правило читали при свете единственного светильника. Келейники и гости спали, не раздеваясь. На голову, кроме шапки и платков, надевали башлыки. С каждым днем приходили все более тревожные вести, страшные слухи. Старец при этом сохранял удивительное спокойствие, ободряя тем самым и монашескую братию. Старец видел во всех страшных событиях революционной смуты праведное Божие наказание за грехи и, как библейский пророк, обличал нераскаянность народа: «Видите, как жестоко Господь наказывает. Но ведь вразумления и покаяния в народе не видать. Конечно, возможно, что и последние времена, в святом Евангелии ясно сказано, что когда Господь придет, обрящет ли веру на земле. Будем благодушно терпеть, не унывать и усерднее молиться. Советую почаще приобщаться святых Тайн».

Во второй половине 1918 года в монастыре стало не хватать хлеба, недоставало вина для Божественной литургии.

Братия терпела голод. Научились делать хлеб из гречневой мякины и давали по триста — четыреста граммов.

Православный народ шел к старцу как к утешителю за духовной поддержкой. В смутное время старец давал ясные ответы на вопросы, как жить, что делать, как сохранить верность Господу Иисусу Христу. Ответы и слова старца расходились по всей России.

«Спрашиваете, чем заняться. Этот вопрос трудно решить, положитесь на промысл Божий и усердно молитесь, Господь Вас не оставит, и ко всему относитесь равнодушно. Тем более к переживаемым событиям. Это, что делается, все по воле Божией. Мы только имя носим христиан, но делами далеко отстоим. Обвиняем мужика, который глуп, груб… Кто дал ему свободу, тот более виновен. Что Господь сказал? „Горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит“ (Мф. 18, 7). Мы переживаем такое время. Мы, сознательные люди, подражаем ли библейскому покаянию или ревности к храму Божию?.. Увы, нет и нет! Поэтому-то будем каждый из нас внимать себе, оплакивать свои грехи. Помните, в каноне святого Андрея Критского начало: „Откуда начну плакати окаяннаго моего жития деяний“».

Скорби старец советовал претерпевать, взирая на образ Господа Иисуса Христа: «Потщимся взирать выну к пастыреначальнику и

подвигоположнику Христу Иисусу. Близ Господь всем призывающим Его во истине. Весь живот наш Христу Богу предадим в единении со святой Церковью Православной, ея же врата адовы не одолеют; будем ходить непорочно в заповедях Его, немощи смирением, самоукорением и покаянием исправляя, в светлом уповании и благой надежде на помощь вездесущего и всевидящего Господа, отчаяния и нечаяния устраняясь; все с молитвой… и благоуправится житие наше во спасение. „Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам“ (Мф. 6, 33), — говорит Господь. „Весть бо Отец ваш небесный, ихже требуете, прежде прошения вашего“».

Своей духовной дочери Ольге Михайловне старец писал: «Очень сочувствую Вам в том, что Вы, живя в миру, задыхаетесь. Да, очень тяжело верующему сердцу смотреть на все то, что творится вокруг. Не отчаивайтесь и не унывайте, избегайте — насколько возможно — всех обществ, забав и увеселений. Пусть будет Ваша комната Вам келья. Свободные минуты посвящайте на молитву, на чтение книг Священного Писания и на домашний и ручной труд. В праздники посещайте храм Божий, навещайте во узах жениха своего, оказывайте ему побольше внимания, любви, ласки, утешайте его, ибо все это для него очень дорого. Конечно, такой образ жизни от мира Вы не скроете, над Вами будут смеяться. Не обращайте на это внимания, пусть смеются. Помните, что, по слову святого апостола Павла, „вси хотящии благочестно жити, гоними будут“. Быть может, и Вам придется понести что-нибудь, уготовьте душу свою во искушения».

В одном из последних писем к монахине Амвросии, отвечая на ее вопрос, как жить, старец писал: «Живи просто, по совести, помни всегда, что Господь видит, а на остальное не обращай внимания!»

В последнем дошедшем до нас письме старец наставлял: «Вы пишете: „скорбные обстоятельства жизни“ и просите совета, как устроить свою жизнь. Живите, как живете… Ходите как можно почаще в церковь, она укрепит вашу веру, и посвящайте… свободное время на чтение Священного Писания, оно приблизит Вас к Богу. Скорби терпите благодушно. Сам Иисус Христос Своими устами рек: „в мире скорбни будете“. „Многими скорбьми внидите в Царствие небесное“ (Деян. 14, 22). До конца претерпевый спасется (см.: Мф. 24, 13). Царица небесная укрепит Вас в терпении. Призываю на Вас Божие благословение».

В трудное и скорбное время старцы становились пророками, призывавшими народ твердо стоять в православной вере и с должным христианским терпением нести скорби, попущенные Богом.

Пребывание старца в Оптиной пустыни, постоянный прием посетителей, огненные пророчества и наставления — все это было подвигом

исповедничества.

Монастырь был объявлен «рассадником контрреволюционной пропаганды». В келье старца Анатолия произвели обыск. Вскоре последовал арест, правда кратковременный.

В наступивший 1921 год, поздравляя семейство Шатровых, старец наставлял: «Всецело и вседушно предайтесь в волю Божию, благую, всесовершенную, еюже мир управляется и стопы наши исправляются. „В терпении вашем стяжите души ваша“ (Лк. 21, 19), о всем, „за все благодарите“ (1 Фес. 5, 18). Если праведным попущения Божии бывают, как Иову многострадальному, то нам, грешным, остается, как не в смирении и самоуничижении покориться Господу». Сам старец всецело предал себя в волю Божию.

Тяжелые переживания последних лет сильно расстроили и без того слабое здоровье старца Анатолия. Летом 1921 года, за год до кончины, он пережил сильное обострение болезни — грыжи.

Несмотря на всю заботу помощников, болезнь обострялась. Старец все более слабел, ничего не ел, стал совсем бледным, часто впадал в забытье. Положение старца было столь тяжелое, что настоятель архимандрит Исаакий благословил его принять схиму.

Во время болезни, вскоре после принятия схимы, старец попросил мать Амвросию, дежурившую у его постели, почитать одну книжку, где описывалось, как на море тонул корабль и каждый спасался как мог: кто садился в лодку, кто на доску, кто просто уплывал, только капитан стоял у руля и молился, никуда не уходил, стоял и молился до конца, и перед ним разверзлись небеса — и он увидел Спасителя…

Этим чтением старец прикровенно указал на смысл подвига последних Оптинских старцев, оставшихся в Оптиной пустыни до конца, несших во время «шторма» молитвенное и исповедническое служение у руля накренившегося корабля России.

Едва окрепнув, старец вновь открыл двери своей кельи для приходившего народа.

Многочисленные духовные чада спрашивали старца, кому он передаст их после смерти своей. Старец говорил келейнику: «Ну кому, кому я их передам? Ну скажи, кому? Пусть Царица небесная их управит Сама».

За две недели до кончины старец Анатолий после Божественной литургии зашел на могилку своего великого аввы старца Амвросия, стал на место, где впоследствии был погребен, и несколько раз повторил: «А тут ведь вполне можно положить еще одного. Как раз место для одной могилки. Да, да, как раз…»

Вечером 29 июля 1922 года в монастырь приехала «чрезвычайка». Комиссары допрашивали старца, хотели тут же увезти. Старец Анатолий, как всегда, сохранял мирное расположение духа и только попросил отсрочить арест на день, чтобы ему можно было приготовиться «в путь». Чекисты согласились, пригрозив при этом отцу Варнаве, чтобы назавтра старец был обязательно готов к отъезду.

Преподобный Анатолий скончался 30 июля 1922 года в пять часов сорок минут утра.

Наутро приехала комиссия. Выйдя из машины, спросили: «Старец готов?» — «Да, готов», — ответил отец Варнава и открыл перед посетителями дверь: посреди кельи стоял гроб с телом «приготовившегося» старца.

Духовные наставления

◊ Вот вы спрашиваете скорейший путь к смирению. Конечно, прежде всего следует сознать себя немощнейшим червяком, ничего не могущим сделать доброго без дара Духа Святаго от Господа нашего Иисуса Христа, подаваемого по молитве нашей и ближних наших и по Своему милосердию…

◊ Наш учитель — смирение. «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». А благодать Божия — это все… Там тебе и величайшая мудрость. Вот ты смирись, да скажи себе: «Хотя я и песчинка земная, но и обо мне печется Господь, и да свершается надо мною воля Божия…» Вот если ты скажешь это не умом только, но и сердцем, и действительно смело, как и подобает истинному христианину, положишься на Господа, с твердым намерением безропотно подчиниться воле Божией, какова бы она ни была, тогда рассеются пред тобою тучи и выглянет солнышко, и осветит тебя и согреет, и познаешь ты истинную радость от Господа, и все покажется тебе ясным и прозрачным, и перестанешь ты мучиться, и легко станет тебе на душе…

◊ Трудно было бы жить на земле, если бы и точно никого не было, кто бы помог нам разбираться в жизни. А ведь над нами Сам Господь Вседержитель, Сама Любовь… Чего же нам бояться да сокрушаться, зачем разбираться в трудностях жизни, загадывать да разгадывать… Чем сложнее и труднее жизнь, тем меньше нужно это делать. Положись на волю Господню, и Господь не посрамит тебя. Положись не словами, а делами. Оттого и трудной стала жизнь, что люди запутали ее своим мудрованием, что вместо того чтобы обращаться за помощью к Богу, стали обращаться к своему разуму да на него одного полагаться. Не бойся ни горя, ни болезней, ни страданий, ни всяких испытаний — все это посещения Божии, тебе же на пользу. Пред кончиною своей будешь благодарить Господа не за радости и счастье, а за горе и страдания, и чем больше их было в твоей жизни, тем легче будешь умирать, тем легче будет возноситься душа твоя к Богу…

◊ Неопустительно читайте утренние и вечерние молитвы по молитвеннику, со вниманием вникая в смысл каждого слова и углубляясь в него. Четочки употребляйте в церкви, а когда и дома при самом начале враждебного настроения мыслей и чувств. Читайте каждодневно по главе из Евангелия и Апостольских посланий и Деяний. Если же захочется поближе беседы с Господом, прочтите кафизму или акафист Сладчайшему Иисусу, Богоматери…

◊ Окончательно ничего не предпринимайте, не отслужив молебна Спасителю, Матери Божией и всем святым. Если духом будете покойны, то намерение можете приводить в исполнение, если же страх и боязнь по болезни почувствуете, то не следует.

◊ Говорят, храм скучен. Скучен — потому что не понимают службы! Надо учиться! Скучен, потому что не радеют о нем. Вот он и кажется не своим, а чужим. Хотя бы цветов принесли или зелени для украшения, приняли бы участие в хлопотах по украшению храма — не был бы он скучен! Не скучна же своя изба…

Преподобный Варсонофий (1845–1913)

Известно про встречу будущего старца Варсонофия со святым праведным Иоанном Кронштадтским в Москве. «Когда я вошел в церковь, обедня уже кончилась. Я прошел в алтарь. В это время отец Иоанн переносил святые Дары с престола на жертвенник. Поставив чашу, он вдруг подходит ко мне, целует мою руку и, не сказав ничего, отходит опять к престолу. Все присутствующие переглянулись и говорили после, что это означает какое-нибудь событие в моей жизни, и решили, что я буду священником. Я над ними потешался, так как у меня и в мысли не было принимать сан священника», — рассказывал сам старец.

Когда полковник Павел Иванович Плеханков (так звали старца в миру) тяжело заболел и почувствовал приближение смерти, он велел своему денщику читать Евангелие, а сам забылся… И здесь ему было чудесное видение. Он увидел открытыми небеса и содрогнулся весь от великого страха и света. Вся жизнь пронеслась мгновенно перед ним. Он глубоко проникся сознанием покаяния за всю свою жизнь и услышал голос свыше, повелевающий ему идти в Оптину пустынь. К удивлению всех, больной полковник стал быстро поправляться, выздоровел и уехал в Оптину пустынь. Старцем в Оптиной был в это время отец Амвросий. Он велел ему покончить все дела в три месяца, предупредив, что если он не приедет к сроку, то погибнет.

И вот тут начались различные препятствия. Приехал он в Петербург за отставкой, а ему предложили более блестящее положение и задерживают отставку. Товарищи смеются над ним, уплата денег задерживается, он не может расплатиться со всем, с чем нужно, ищет денег взаймы и не находит. Но его выручает старец Варнава из Гефсиманского скита, указывает ему, где достать денег, и тоже торопит исполнить Божие повеление. Люди противятся его уходу, находят ему даже невесту… Только мачеха его радовалась и благословила его на иноческий подвиг. При Божией помощи он преодолел все препятствия и явился в Оптину пустынь в последний день своего трехмесячного срока. Старец Амвросий лежал в гробу в церкви, и батюшка приник к его гробу.

Преподобный Нектарий говорил о старце Варсонофии: «Из блестящего военного в одну ночь по соизволению Божию он стал великим старцем».

Преподобный старец Анатолий дал батюшке послушание быть служкой при иеромонахе Нектарии. Около преподобного Нектария отец Варсонофий прошел в течение десяти лет все степени иноческие вплоть до иеромонаха и изучил теоретически и практически святых отцов.

Во всем облике старца Варсонофия было что-то подобное великим пророкам или апостолам, отражавшим ярким светом славу Божию на себе.

Это был гигант духа. Без совета и благословения преподобного Варсонофия никто — даже настоятель монастыря отец Ксенофонт — ничего не делал. О его духовных качествах и великом воздействии, которое он имел на всех своих духовных чад, можно судить по краткому выражению из надгробного слова: «Гиганта малыми деревцами не заменишь».

Как у ног старца Макария был И. В. Киреевский, а у старца Амвросия — К. Н. Леонтьев, так у старца Варсонофия был Сергей Александрович Нилус, которому Господь судил больше всех потрудиться в деле увековечения просиявшей в Оптине святости. С благословения старцев Сергей Александрович с супругой поселился возле Оптины в доме, где ранее жил Леонтьев, и занялся исследованием неизданных агиографических материалов в монастырской библиотеке. Результатом его трудов появились книги, свидетельствующие о духовной мощи подвижников на Святой Руси: «Сила Божия и немощь человеческая», «Святыня под спудом», «Жатва жизни, пшеница и плевелы» и его оптинский дневник «На берегу Божьей реки» в двух частях. В этом дневнике имя старца Варсонофия встречается нередко. Он был духовником четы Нилусов, они постоянно приходили к нему на благословение.

Когда началась японская война, иеромонах Варсонофий был отправлен на фронт в качестве священника при лазарете имени преподобного Серафима.

Когда же по окончании войны отец Варсонофий вернулся обратно в Оптину пустынь, старец Иосиф подал на покой, а на его место скитоначальником был назначен отец Варсонофий, возведенный в сан игумена.

В Оптиной снова стало два старца… Новый скитоначальник твердой и властной рукой восстановил порядок в скиту: он внес в его казну 60 тысяч рублей своего личного капитала, уплатил долги, отремонтировал скит, обновил ризницу, устроил библиотеку. Твердым своим прямолинейным характером, не допускавшим ни малейшей уступки духу времени, он со строгостью умел соединить и нежно-любовное отношение к скитской братии, был полон забот о них. Он не стеснялся смирять, когда это требовалось. Но к кающимся старец Варсонофий был милостив и говорил, что тех, кто не хочет спасаться по доброй воле, тех надо спасать силой, и силу эту применять умел.

Особенно много занимался старец Варсонофий с интеллигентной молодежью, посещавшей Оптину пустынь.

Много было у отца Варсонофия неприятностей после кончины старца Иосифа. Разные лица предъявляли свои претензии, кто относительно своих процентных бумаг, кто — вещей, якобы оставленных на хранение у старца Иосифа, и тому подобное.

Подземная работа врага рода человеческого с целью добиться упразднения старчества и закрытия скита не ослабевала. Им подготовлялась катастрофа. Новые монахи являлись из упадочного предреволюционного мира. Им дела не было ни до старца Варсонофия, ни до старца Иосифа. Им нужно было свергнуть существующую власть и захватить в свои руки начальственные должности.

В результате смуты, занесенной в Оптину, слухов, клеветы, преподобный Варсонофий был переведен настоятелем монастыря в Голутвин. Был даже поднят вопрос о закрытии скита и о прекращении в Оптиной пустыни старчества. К счастью, это не было исполнено.

В день отъезда старец служил в скиту литургию и затем прощался с братией у себя. Прощание было трогательное, почти всем он кланялся в ноги, а поклонившись некоторым, не хотел и вставать. Много было слез.

Земная жизнь преподобного Варсонофия закончилась 1 апреля 1913 года.

Духовные наставления

◊ Поминать молитвенно непрославленных подвижников, известных своей святой жизнью, — великое дело. Не столько они нуждаются в наших молитвах, сколько мы в их молитвах. Если мы молитвенно вспоминаем их, они внимают нашему голосу и молятся за нас.

◊ Псалом «Живый в помощи Вышняго» надо знать наизусть и ежедневно читать. Он имеет великую силу и избавляет от опасности.

◊ Диавол не даст вам сделать ни одного шага в деле духовного преуспеяния. За каждый шаг надо бороться. Для борьбы с ним у нас одно оружие — Иисусова молитва. Сказано: «Бей этим мечом невидимых ратников, ибо нет более сильного оружия ни на небе, ни на земле» (Лествица. Сл. 21, отд. 7). Если вдуматься в эти слова, страшно подумать, что нет более сильного оружия даже на небе. «О имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних, и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос» (Флп. 2, 10–11).

◊ Человек, обладающий великими добродетелями, но гордый, подобен кораблю, нагруженному драгоценностями, но не входящему в пристань, а гибнущему среди моря.

◊ И отец Макарий, и отец Амвросий, и все наши старцы всегда говорили: «Смиряться, смиряться надо!» Подобно тому как Иоанн Богослов под конец своей жизни только и говорил: «Чадца! Любите друг друга!» Так и наши старцы твердили: «Смиряйтесь!» Эти две добродетели — любовь и смирение как бы обусловливают одна другую, как теплота и свет.

◊ Не гордитесь и не тщеславьтесь ни сами в себе, ни перед другими. Считайте себя хуже всех и свыкайтесь с мыслью, что вы приговорены к адским мучениям и что избавиться от них можете только по милости Божией. Это нелегко. Только святые достигали того — считали себя достойными адских мучений, считали себя хуже всех.

◊ Чем более живешь в монастыре, тем все более и более убеждаешься, что Господь смотрит только на кроткого и смиренного и только таким внимает. Гордость есть диавольская черта.

◊ Все это хорошо — покаяние даже в мелких грехах, которые многие и за грех не считают, но надо больше всего заботиться о самом главном. Более всего надо стараться приобретать смирение. Смиряться, смиряться и смиряться. Есть смирение — все есть. Нет смирения — ничего нет, хотя бы человек и чудеса мог совершать. Смиряйтесь!.. «Блажени чистии сердцем». Смиренный не может не быть чистым сердцем. Да, они — «Бога узрят»!

◊ Смиряйтесь… Смиряйтесь… Вся наука, вся мудрость иноческой жизни заключается в сих словах: «смирихся, и спасе мя Господь». Смиряйтесь и терпите все. Научитесь смирению и терпению, а в душе имейте мир. Поверьте: у кого в душе мир, тому и на каторге рай.

◊ «Самоукорение есть невидимое восхождение», — говорит Иоанн Лествичник. Подобно тому как человек не замечает, как он растет и из маленького мальчика становится взрослым мужчиной, так и духовный рост человека идет незаметно для него. Этот невидимый духовный рост человека делает самоукорение.

Надо укорять себя за свои немощи и смиряться, а не впадать в уныние и расслабление. Что бы ни случалось, унывать никогда не надо. В борьбе со страстями, если и побеждаемся ими, но укоряем себя, каемся, смиряемся и продолжаем бороться, мы непрестанно идем вперед… Нам остается одно — смирение. Время суровых подвигов прошло, по-видимому, безвозвратно.

Как укорять себя? Очень просто. Совесть сразу заговорит, будет обличать, если будете внимать себе. Вам остается только согласиться с голосом вашей совести, или что плохо сделали, или помыслили, смиренно обратиться к Богу с молитвой о прощении… Были святые отцы, у которых вся жизнь была самоукорение. Прямая черта, без всяких перерывов. Но нам до этого далеко… Когда мы укоряем себя, мы исполняемся силы — духовной конечно. Почему так, мы не знаем. Это закон духовной жизни… Что такое самоукорение? Это и есть смирение. Считать себя виновным, грешным — это и значит смирять себя. А что такое смирение? Это — риза Божества, по слову Лествичника. Мы идем и касаемся этой ризы тогда, и когда укоряем себя. Помните евангельскую кровоточивую жену? Она смиренно шла через толпу, чтобы прикоснуться к краю одежды Христа, и, прикоснувшись, исцелилась…

За гордостью, как по пятам, идет блуд. Это хорошо, когда укоряем себя и смиряемся. Многие на небо лезут, подвиги накладывают на себя, а смиряться не хотят. Не хотят смиряться. Это — язва, язва современного монашества. Смиряйтесь!..

◊ Не принимать тщеславные помыслы — это значит не обращать на них внимания. У монаха все время идет брань в помыслах. Тщеславие, усилившись, переходит в гордость. Тщеславие делает то, что безголосый начинает петь, ленивый становится ретивым, сонливый — бодрым и так далее. Преподобный Кассиан Римлянин, замечая это, удивляется лукавству, хитрости и злобе этого беса. И как все святые избегали тщеславия, как осторожно они к нему относились! Старец Амвросий всегда имел палочку около себя, и, когда кто-либо начинал говорить могущее возбудить тщеславие, он брал палочку и начинал ею помахивать. Его однажды кто-то

спросил: «Зачем вы, батюшка, палочкой-то машете?» — «Да вот, я думаю, что скоро она по твоей спине прогуляется». — «Да, да. Оставим лучше этот разговор…» — «Ну вот, так-то лучше…» Старец Амвросий при жизни своей часто являлся в чувственном виде, не во сне, во сне это понятно, — давал советы, избавлял от опасностей. Когда его спросили об этом, как он, не выходя из кельи, является некоторым наяву, он ответил: «Это не я, это мой ангел…»

◊ Смирение очищает всякую греховную грязь, всякую скверну… Первое и главное условие исправления — сознание своего недостатка и немощи.

◊ Все люди немощны, у всех есть страсти. Мы должны прощать…

◊ Никогда нельзя осуждать кого-либо, особенно по наружному виду и поведению. Удивительная эта страсть, и трудно с ней бороться.

◊ Бойтесь подозрительности. Диавол, возобладав над человеком, доверяющим его внушениям к подозрительности, может показать ему то, чего и не было. Когда вам диавол указывает на чужие недостатки и немощи и побуждает вас к осуждению, вы говорите себе: «Я хуже всех. Я достоин вечных мук. Господи, помилуй мя». Если даже будете так говорить без чувства, все-таки нужно так говорить.

◊ Сомнения, так же как блудные и хульные помыслы, надо презирать, не обращать внимания на них. Презирайте их, и враг диавол не выдержит, уйдет от вас. Он не вынесет презрения, ибо он горд. А если будете входить с этими помыслами в разговор, ибо все такие помыслы не ваши, а внушенные врагом, то он закидает вас, завалит и убьет. Верующий человек, любящий Бога не может хулить, а в то же время замечает в себе две нити: и любит, и хулит. Из этого очевидно, что есть какая-то злая сила, навевающая сомнения, блудные и хульные помыслы. Поэтому презирайте эти помыслы, они тогда вам не повредят, особенно если будете открывать их старцу. Но, открывая их, нельзя вдаваться в подробности, иначе можно повредить и себе, и старцу. В особенности блудные помыслы нельзя открывать в подробном изложении. Надо поскорее засыпать, закрыть эту смердящую яму, а не копаться в ней. Блудные помыслы вам в грех не поставятся, если вы не услаждались ими. Прогонять помыслы, противиться им могут только святые, а нам от них надо бегством спасаться. Если у вас своих сил нет бороться с помыслами, то призывайте Господа Иисуса, и имя Его будет прогонять их…

◊ Неисповеданный грех разрушающе действует на человека и приводит душу к смерти.

◊ Когда читаете книги, не входите в тонкости, не вдавайтесь в анализ, а молитесь Богу, да просветит ваш ум. Мне так сказал старец Анатолий, а на

мой вопрос: «Почему так?» — ответил: «Запутаешься…»

◊ Кто пустословит, тот не может внимательно жить, постоянно рассеиваясь. От молчания рождается безмолвие, а от безмолвия — молитва. Как может молиться тот, кто находится в рассеянии? Внимайте себе. Внимательная жизнь способствует молитве и приближает к Богу. Сказано: «внемлите себе» (Лк. 21, 34). Молчание — это есть подвиг. Кто решается на этот подвиг, тот должен приготовиться к скорбям. Да и само молчание не скоро и не легко дается. Оно потому так высоко и необходимо для спасения души, что «молчание есть тайна будущего века». Кто молчит, тот готовится к будущей жизни. Старец Макарий это часто говорил.

◊ Мы не должны сердиться на людей, причиняющих нам скорбь, ибо они лучшие наши благодетели, указавшие нам наши немощи, которые мы, может быть, и не предполагали в себе. Мы должны с такими обойтись кротко и помолиться за них. Кроткое обращение совершает чудеса.

◊ Берегите сознание своей греховности. Это самое драгоценное пред Богом. Что спасло мытаря? Только это сознание своей греховности… «Боже, милостив буди мне грешнику!» (Лк. 18, 13). Эта молитва прошла уже два тысячелетия. Но, смотрите, — мытарь сознает себя грешным, а в то же время надеется на милость Божию. Без надежды нельзя спастись. Господь сказал: «Я пришел призвать не праведных, а грешников к покаянию» (Мф. 9, 13). Кто здесь разумеется под праведными? Это, конечно, относится и к грешным человекам, не сознающим своей греховности, но, кроме того, это сказано и про бесов. Ту гордыню, в которой они стоят пред Богом, мы себе и представить не можем. Мы не можем понять, какая у них ненависть к Богу… «Бог гордым противится, смиренным же дает благодать» (см.: Притч. 3, 34; Иак. 4, 6 и 1 Пет. 5, 5).

Почему не сказано, что Бог противится блудникам или другим каким-либо грешникам, а именно — гордым? Потому, что бесовское это свойство. Гордый становится как бы сродни бесу…

◊ Есть грехи смертные и есть несмертные. Смертный грех — это такой грех, в котором человек не кается. Смертным он называется потому, что от него душа умирает и после смерти телесной идет в ад. Ожить душа может только при покаянии. Смертный грех убивает душу, делает ее неспособной к духовному блаженству. Если слепого человека поставить на место, откуда открывался бы чудесный вид, и спросить его: «Не правда ли, какая красота?» — слепой ответил бы, конечно, что он не видит ничего, что он слеп. То же самое можно сказать о неспособности души, убитой грехом, узреть вечное блаженство.

◊ Есть музыка — искусство. И есть музыка души. Это — покой душевный. Тот самый покой, о котором говорится в Евангелии: «возьмите

иго Мое на себе и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим, ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мф. 11, 29–30). Вот этот самый покой… Изучали математику? Знаете, что такое знак равенства? Так вот: покой души = блаженство = музыка, гармония всех душевных сил.

◊ Женщина без веры жить не может. Она после временного неверия опять возвращается к Богу. В противном случае она начинает быстро разлагаться. Другое дело — мужчина. Он может жить без веры. Окаменеет совершенно, станет соляным столбом. Таким окаменелым и живет.

◊ Старец Макарий однажды сказал отцу Анатолию, впоследствии тоже старцу, что в храм непременно надо ходить до начала службы. «Почему?» — «После скажу». И через несколько лет сказал: «Потому что в это время Божия Матерь входит в храм».

◊ Всегда и во всем есть некое сцепление обстоятельств, но цель этого сцепления нам неизвестна… Замечайте события вашей жизни. Во всем есть глубокий смысл. Сейчас они вам непонятны, а впоследствии многое откроется… Вся наша жизнь чудно располагается по некоему таинственному плану, которого мы не замечаем и не понимаем. Я даже думаю, что мы оттого так нерадиво живем и грешим, что не понимаем внутреннего смысла событий нашей жизни… Случайного ничего нет в нашей жизни. Даже то, что кажется нам пустяками, имеет свой смысл… Проникать во внутренний смысл событий мы не можем своею силою. Это — дар свыше. Если вы будете идти этим путем, то есть вникать в смысл событий при занятии молитвой Иисусовой, то и «больша сих узриши», как сказал Господь Нафанаилу (см.: Ин. 1, 50). Когда человек начинает видеть то, чего прежде не замечал, чего и другие не замечают, то это есть начало очищения ума.

◊ Неизглаголанные муки ждут грешников во аде. Точно так же и неизглаголанное блаженство ожидает праведников. Слова апостола: «ихже око не виде и ухо не слыша» (1 Кор. 2, 9) — одинаково можно отнести как к блаженству, так и к мукам… Мы слишком отвлеченно думаем об адских муках, поэтому и забываем о них. В миру совсем не признают их. Диавол всем внушает, что ни диавола, ни адских мук не существует. А святые отцы учат, что обручение геенны, так же как и блаженства, начинается еще на земле. Грешники еще здесь начинают испытывать адские муки, а праведники — блаженство. Только с той разницей, что в будущей жизни и то и другое будет несравненно сильнее… Адские муки несомненно существуют, и эти муки будут вещественны. Души праведников и грешников имеют даже одежду. Только будет не это грубое тело, а более тонкое… Все, о чем учит святая Церковь, — истина. И загробные муки

существуют… Вход в рай, в вечное блаженство можно получить не нашими трудами и добрыми делами, а заслугами и искупительной жертвой Спасителя Христа, Бога нашего. Наши добрые дела, то есть совершение Евангельских заповедей, нужны только как доказательство нашей любви ко Господу. Без любви ко Господу невозможно блаженство и недоступен рай.

◊ Долго я не понимал слов псалма: «глас Господа, пресецающаго пламень огня» (Пс. 28, 7). Я подумал так: на земле пламень огня имеет и жар, и свет. Но между раем и адом огонь разделяется так: свет находится в раю и веселит праведников, а жар без света жжет грешников в аду, ибо написано, что бездна адского пламени находится во тьме и грешники не видят друг друга… Господи, спаси и помилуй!.. Чем хочешь накажи, Господи, здесь, только помилуй там!..

◊ Лица людей святой, благочестивой жизни имеют на себе отпечаток этой святости. Эти лица имеют ту особенность, что при взгляде на них они как бы поражают, производят сильное впечатление и даже по прошествии продолжительного времени не забываются. Таких людей видел я. Однажды, глядя на одного епископа, я подумал: не видение ли вижу, ибо было что-то неземное.

◊ Религиозность передается наследственно. Подобно тому, как по плоти передается наследственность, так же идет наследственность и в душевном, и в духовном отношении.

◊ Приходит ко мне однажды мирской человек и спрашивает: «Как проходить путь Божий? Научите меня». Я задумался. Что ему сказать? А потом и говорю: «Вы читали Псалтирь?» — «Читал». — «Там сказано: Господь „научит кроткия путем Своим“ (Пс. 24, 9).

Значит, прежде всего надо знать, что путям Господним учит Сам Господь, но учит не всех, а только тех, кто кроток, кто смиряется. Так вот и вы смиряйтесь, будьте кротки, и Господь вас не оставит и Сам научит, как проходить этот путь».

◊ Всякому человеку нужно претерпеть время искушений и борьбы. Тяжелое, болезненное состояние… Про эти муки говорится в псалме: «объяша мя болезни, яко рождающую» (Пс. 47, 7).

Всякий человек, рождаясь духовно в новую жизнь, испытывает болезнь, пока еще не вышел на широту. Эти болезни заключаются в борьбе со страстями. Страсти будут восставать на вас. Враг вас не оставит. Здесь нужно терпение. Нужно терпеть самого себя и не слагать оружия, зная, что это неизбежно.

◊ Непрестанные скорби, посылаемые Богом человеку, есть признак особого Божия промышления о нем. Цель скорбей различна. Они

посылаются или для пресечения зла, или для вразумления, или для большей славы в будущей жизни, или же в наказание за прежде содеянные грехи.

Все несут свой крест. И вы несете свой крестик. Хотя и одним пальчиком, а все-таки несете. Несение креста необходимо для спасения каждому христианину, не только монаху. Да… Все несли крест и несут. Даже вочеловечившийся Бог нес крест, и Его крест был самый тяжелый, потому что содержал в себе все кресты. А человек помогает (Симон Киринейский) тем, что берет от Него крест и сам несет его. И мы, неся свои кресты, помогаем Господу в несении креста, готовимся быть Его слугами на небесах в лике бесплотных духов. Какое высокое назначение!

◊ «Не надейтеся на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения» (Пс. 145, 3). Любил я читать Священное Писание и творения святых отцов. В особенности — Псалтирь. И какие глубины иногда открывались мне!.. Всегда надейтесь только на Бога, но никогда — на человека. Тогда всякое зло будет отпадать от вас как отрубленная ветка.

◊ Чем внимательнее, чем строже живешь по отношению к себе, тем сильнее восстает враг. В особенности к празднику старается чем-либо угостить. Всего надо ожидать, ко всему быть готовым… Но Господь милостив. Да к праздникам и подарки дают… И вы что-нибудь получите. Только вы это заметите лет через сорок, может быть. Тогда вы узнаете, какой дар послал вам Господь в этот праздник.

◊ Когда вы находитесь в хорошем, благодушном настроении — ждите бури. Так почти всегда бывает… Всякому доброму делу или предшествует, или последует искушение.

При наплыве скорбей надо говорить себе: «Наверное, я достоин всех этих скорбей. Значит, все они нужны, чтобы очистить меня от страстей, а наипаче — гордости…» Мало того, чтобы перенести оскорбление, надо позаботиться и о том, чтобы не озлобиться на нанесшего оскорбление.

Скорби всегда будут. Но внутреннее состояние человека будет другое… Хотя скорби и будут, но достигший внутренней молитвы будет легко их переносить, ибо с ним будет Христос. Он будет наполнять неизреченной радостью сердце подвижника, и эту радость о Господе не сможет преодолеть никакая скорбь.

Когда беспокоят помыслы страха о предстоящих скорбях, то не надо входить в разговор с ними, а просто говорить: «Да будет воля Божия!» Это очень успокаивает.

◊ Я замечал в своей жизни, что недоуменные вопросы и обстоятельства непонятные сами собой разъяснялись — иногда вскоре, а иногда — через несколько лет. В таких случаях я не останавливался особенно на

разъяснении их, веруя, что впоследствии все будет понятно. И Господь действительно посылал в свое время разрешение недоумений.

◊ Исповедь — одно, а откровение помыслов — другое. Святые отцы говорят: когда не к кому обратиться, то избери себе единодушного брата и ему открывай свои помыслы. Помыслы можно открывать даже человеку, не имеющему священного сана.

◊ Деточки, берегите святую веру, это неоценимое сокровище, с ним войдете в Царство. Ведь не для малого мы трудимся, а для завоевания Царства, да еще какого — небесного! Хотим сделаться его гражданами. Вот и я, грешный игумен, с утра до ночи не знаю покоя. Из-за чего? Очень хочется попасть в Царство, а то вдруг, сохрани Бог, в ад попадешь, вся жизнь пойдет насмарку.

◊ Жизнь есть блаженство. Эти слова могут показаться странными. Как можно жизнь назвать блаженством, если в ней на каждом шагу встречаются неудачи, разочарования, огорчения. Сколько горя терпят люди! Жизнь, говорят некоторые, есть труд, и часто труд неблагодарный, какое уж тут блаженство? Блаженством для нас станет жизнь тогда, когда мы научимся исполнять заповеди Христовы и любить Христа. Тогда радостно будет жить, радостно терпеть находящие скорби, а впереди нас будет сиять светом Солнце правды — Господь, к Которому мы устремляемся. Все евангельские заповеди начинаются словом «блаженны»: «Блаженны кроткие… Блаженны милостивые… Блаженны миротворцы…» (Мф. 5, 5, 7, 9). Отсюда вытекает как истина, что исполнение заповедей приносит людям высшее счастье. История христианских мучеников с особенной яркостью подтверждает это. Какие только мучения ни переносили они, каким пыткам ни подвергались, весь ад восставал на них. Резали и жгли тела исповедников Христовых, разрывали их на части, измученных бросали в смрадные темницы, а иногда в склепы, наполненные мертвыми костями и всевозможными гадостями. Иногда для большего устрашения им показывали покойников, восстающих из гробов и устремляющихся на них, а мученики радовались.

◊ В миру редко кто знает об этой борьбе (со страстями. — Ред.). На вопрос, как спастись, более благонамеренные отвечают, что надо молиться Богу для спасения, а будешь молиться — и спасешься. И не выходят из этого круга. А между тем молитва человека страстного не спасет его. Цель, единственная цель нашей жизни и заключается в том, чтобы искоренить страсти и заменить их противоположным — добродетелями. Начинать эту борьбу лучше всего так: хотя нам присущи все страсти, но одни в большей степени, другие в меньшей. Надо определить, какая страсть в нас господствует, и против нее вооружиться. Вести борьбу со всеми страстями

сразу невозможно — задушат. Победив одну страсть, переходить к искоренению другой и так далее.

Человек, достигший бесстрастия, получает как бы диплом на право входа в Царство небесное, делается собеседником ангелов и святых. Человеку, не победившему страсти, невозможно быть в раю, его задержат на мытарствах. Но предположим, что он вошел в рай, однако остаться там не в состоянии, да и сам не захочет. Как тяжело человеку невоспитанному быть в благовоспитанном обществе, так и человеку страстному быть в обществе бесстрастных. Завистливый и в раю останется завистливым, гордый и на небесах не сделается смиренным. Люди с противоположными взглядами не понимают друг друга и часто приносят вред.

◊ Совершение молитвы Иисусовой очень важно. В Оптиной пустыни все иноки обязаны ежедневно совершать пятисотницу, то есть правило, состоящее из трехсот молитв Иисусовых, ста — Божией Матери, пятидесяти — ангелу хранителю и пятидесяти — всем святым. Хотя это правило обязательно только для иноков, но хорошо было бы, если бы миряне совершали его по возможности. Хорошо также ежедневно прочитывать 90-й и 50-й псалмы, 90-й псалом «Живый в помощи Вышняго» полезно читать три раза в день: утром, в полдень и вечером. В полдень на человека особенно нападает блудный бес, этот псалом далеко отгоняет его прочь. Апостол Петр говорит: «трезвитеся, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити» (1 Пет. 5, 8). Как поэтому необходимо всегда творить молитву Иисусову, которая есть крепкое оружие против врага! Господь сказал: «именем Моим бесы ижденут…» (Мк. 16, 17). Молитва эта открывает человеку вечные тайны Божии…

◊ Есть три пути: замужество, девство и монашество. Каждый путь может привести в Царство небесное. В замужестве — исполняя во имя Христово обязанности матери и жены; в девстве — посвящая его Богу; в монашестве — отрекаясь от всего ради Царствия Божия. Я не зову вас в монастырь, при настоящем упадке монашеской жизни иногда легче спастись в миру. У всякого своя дорога, только бы человек искренне искал Бога, стремился к Нему. Конечно, путь монашеский — это путь царский, и кто, поступив в монастырь, будет истинным монахом, сподобится великой награды.

◊ Ужасную вещь выдумал Бенджамин Франклин, предлагавший на особых табличках отмечать, что ты преуспел за день, за неделю и так далее. Этим путем до невероятной прелести можно дойти и в бездну погибели рухнуть.

Нет, у нас путь иной, мы все должны стремиться к Богу, небу, к востоку. Но должны видеть свои грехи и немощи, исповедуя себя первыми из

грешников, видя себя ниже всех и всех над собою. А это-то и трудно. Все мы норовим замечать за другими: вот он в чем слаб, а я нет, я паинька, я лучше его — и так над всеми… С этим надо бороться. Тяжела эта борьба, но без нее нельзя узреть Бога.

◊ Пишет мне один мятущийся интеллигент: «Очень тяжело мне. Внешне все обстоит благополучно, и дела идут хорошо, семья дружная, жена хорошая, но беда в том, что душу свою мне открыть некому. Того, о чем я тоскую, не понимает жена, а дети теперь еще малы. Что мне делать? Как избавиться от тоски и скорби?»

Я посоветовал ему читать Псалтирь. Там есть в 93-м псалме: «по множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою» (Пс. 93, 19). «Возьмитесь за этот стих, — написал я ему, — и принимайтесь читать Псалтирь. Думаю, что Бог Вас утешит».

Проходит некоторое время, получаю письмо: «Послушал Вас, начал читать Псалтирь и ничего там не понимаю». Отвечаю: «Ты не понимаешь, но зато бесы понимают и бегут прочь. Читай пока не понимая, а когда-нибудь понимать начнешь». Не знаю, что будет с ним дальше. И вам повторяю: читайте Псалтирь ежедневно, хотя бы понемногу, и Господь не оставит вас Своею милостью, будет всегда вам помощником и утешителем.

◊ Греховные страсти губительно действуют на душу и тело. Уже находясь в монастыре и читая святых отцов, я узнал, что страсти столь же заразны, как и болезни, они также могут передаваться через предметы, как и зараза.

◊ «Даждь Ми, сыне, твое сердце…» (Притч. 23, 26) — обращается Бог к человеку. Не давайте сердцу привязываться к тленным благам мира сего, гоните из него всякое пристрастие, так как только в свободном сердце, свободном от всех пристрастий может сотворить Себе обитель Господь.

◊ Основание всего закона Божия — любовь к Богу и ближним. Старайтесь возлюбить Господа. Как достичь этого? Он Сам сказал об этом: «имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя…» (Ин. 14, 21). Итак, по слову Самого Господа, путь к Нему, к Божественной любви один — исполнение заповедей Его, о которых Он, в свою очередь, говорит: заповеди Мои не тяжки.

Заповеди эти все знают, каждый день они читаются или поются на Божественной литургии: «блажени кротцыи; блажени милостивии» и другие (см.: Мф. 5, 3-12). Иная скажет: «Этой заповеди я соблюсти не могу, так как у меня нет средств на милостыню». Нет, и такая может исполнить заповедь о милости, и она может подать если не материальную, так духовную милостыню. Спросите: как же это? А вот как: тебя оскорбила такая-то или такой-то — прости его, вот и будет духовная милостыня. Не можешь? Опять

обратись к Господу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную, и помоги мне стерпеть». Попробуй так просить и на опыте увидишь, что из этого выйдет. И так во всяком трудном положении обращайся к Господу — и поможет. Исполняй заповеди Его и проси Его помощи. Беда, если кто понадеется на свои силы и вздумает сам, не прибегая к Божественной помощи, исполнять заповеди, кто вздумает обойтись без смирения. Две добродетели необходимы в деле спасения: одна — любовь, другая — смирение. Без этих двух не только умная молитва, но и само спасение невозможно. Ведь вот Толстой, как он ужасно кончил, а раньше был религиозный человек, молебны заказывал, молился со слезами, все, казалось, было, одного не было — смирения. Любил осуждать других, не умел прощать людских недостатков.

◊ Вот теперь иная думает: «Я в церковь хожу, а вон та не ходит, ну какая же она! И та вон что делает, на что уж это похоже», — да так все машет да машет ручкой, себя лучше других считает. Глядишь, и домахала до того, что упала ниже тех, кого осуждала.

◊ Земля — это место изгнания, ссылка. За уголовные преступления людей осуждают на каторгу, кого на двенадцать лет, кого на пятнадцать, а кого и навсегда, до смерти. Вот и мы провинились перед Господом и осуждены на изгнание, на каторгу. Но так бесконечно любвеобилен Господь, что даже в этом месте изгнания оставил Он нам много красот, много отрады и утешения, которые особенно понимаются натурами, обладающими так называемым художественным чутьем. Эти красоты здешнего мира только намек на красоту, которой был преисполнен мир первозданный, каким его видели Адам и Ева. Та красота была нарушена грехом первых людей.

◊ Представьте себе чудную статую великого мастера, и вдруг хватили по ней обухом. Что от нее останется? Осколки. Мы можем подобрать их, отыскать шею, часть лица, руки. Признаки красоты сохраняются и в этих отдельных осколках, но уже не обрести прежней гармонии, цельности, прежней красоты еще не разрушенной статуи. Так и грехопадение первых людей разрушило красоту Божия мира, остались нам только осколки, по которым мы можем судить, как прекрасно было все раньше — до грехопадения.

Но придет время всемирной катастрофы, весь мир запылает в огне. Загорится земля, и солнце, и луна — все сгорит, все исчезнет, и воцарится новый мир, гораздо прекраснее того, который видели первые люди. И настанет тогда вечная радость, полная блаженства во Христе. По этой-то блаженной жизни и тоскует теперь на земле человеческая душа. Есть предание о том, что раньше, чем человек рождается в мир, душа его видит

те небесные красоты, а вселившись в тело земного человека, продолжает тосковать по этим красотам. И эта тоска о Боге — удел большинства людей.

◊ Так называемые неверы сами по себе верят и, не желая в этом признаваться, тоскуют о Боге. Только у немногих несчастных так уж загрязнилась душа, так осуетилась она, что потеряла способность устремляться к небу, тосковать о нем. Остальные ищут. А ищущие Христа обретают Его по неложному евангельскому слову: «ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам» (Мф. 7, 7).

◊ «В дому Отца Моего обители многи суть» (Ин. 14, 2). И заметьте, что здесь Господь говорит не только о небесных, но и о земных обителях. И не только о внутренних, но и о внешних. Каждую душу Господь ставит в такое положение, окружает такими обстоятельствами, которые лучше всего способствуют ее преуспеванию. Это и есть внешняя обитель. Когда душа исполняется мира, покоя и радости — это внутренняя обитель, которую готовит Господь любящим и ищущим Его.

◊ Враг сильно нападает, внушая уныние, отчаяние и какой-то необычайный страх. «Тамо убояшася страха, идеже не бе страх…» (Пс. 13, 5). Иногда человек чувствует свое полное бессилие и руки опускает. Но такая печаль незаконна: нужно молитвой и крестным знамением, в котором сокрыта непостижимая сила, противиться козням врага. Второе средство для получения спасения — это пост. Пост бывает двоякий: внутренний и внешний. Первый есть воздержание зрения, слуха и всех наших чувств от всего скверного и нечистого, второй — воздержание от скоромной пищи. Тот и другой пост неразрывно связаны друг с другом. Некоторые люди все внимание обращают только на внешний пост, совсем не понимая внутреннего. Приходит такой человек куданибудь в общество и в разговорах там сплошь и рядом принимает деятельное участие в осуждении ближних, и много похищает от их чести. Наступает время ужина. Ему предлагают скоромную пищу: котлеты, поросеночка. Он долго отказывается.

— Ну покушайте, — уговаривают хозяева, — ведь не то, что входит в уста, оскверняет человека, а то, что из уст!

— Нет, в этом я стоик, — заявляет он, совершенно не сознавая, что, осуждая ближнего, он уже нарушил и даже совсем перечеркнул пост.

Вот отчего так необходимо трезвение над собой и хранение своих мыслей и вообще всех чувств. Трудясь для своего спасения, человек мало-помалу очищает свое сердце, и вместо прежних зависти, ненависти и злобы в нем рождается любовь.

◊ Читайте Священное Писание, а также и жития святых, особенно святых великомучениц Екатерины, Варвары, Ирины, Евдокии, потому что

каждый святой дает частицу своей крепости читающему его житие с верой и поможет при прохождении мытарств.

◊ Скорби и радости тесно соединены друг с другом. Вам это кажется странным, но вспомните слова Спасителя: «ена егда рождает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир» (Ин. 16, 21). День сменяет ночь, и ночь сменяет день, ненастная погода — ведро; так и скорбь, и радость сменяют одна другую.

◊ Апостол Павел произнес грозное слово на тех, которые не терпят от Бога никакого наказания: если вы останетесь без наказания, вы — незаконные дети (см.: Евр. 12, 6–8). Не надо унывать, пусть унывают те, которые не веруют в Бога; для тех, конечно, скорбь тяжела, так как, кроме земных удовольствий, они ничего не имеют. Но людям верующим не должно унывать: скорбями они получают право на сыновство, без которого нельзя войти в Царство небесное.

«Отроцы, благочестию совоспитани, злочестиваго веления небрегше, огненнаго прещения не убояшася, но, посреде пламене стояще, пояху: Отцев Боже, благословен еси» (ирмос канона Рождества Христова, глас 1, песнь 7). Скорби и есть огненное прещение, или испытание, но не надо их бояться, а, как преподобные отроки, воспевать Бога в скорбях, веруя, что они посылаются Богом для нашего спасения.

Читайте Священное Писание, Евангелие, Послания, а также жития святых. Великое значение имеет это чтение, но вот что грустно: жития святых печатаются, может быть, некоторыми приобретаются, но большинство их не читает. А между тем какую пользу можно извлечь из этого чтения! В нем найдем мы ответы на многие наши вопросы, святые научат нас, как выйти из затруднительного положения, как устоять, когда мрак со всех сторон окутывает душу, так что кажется, будто и Бог оставил нас.

Посещайте храм Божий, особенно в скорби: хорошо встать в каком-нибудь темном уголке, помолиться и поплакать от души. И утешит Господь, непременно утешит. И скажешь: «Господи, а я-то думал, что и выхода нет из моего тяжкого положения, но Ты, Господи, помог мне!»

◊ Охранять свою душу от помыслов — это трудное дело, значение которого даже непонятно людям мирским. Нередко говорят: «Да зачем охранять душу от помыслов? Ну, пришла мысль и ушла, что же бороться с ней?» Очень они ошибаются. Мысль не просто приходит и уходит. Иная мысль может погубить душу человека, иной помысл заставляет человека вовсе свернуть с определенного пути и пойти совсем в другом направлении.

Святые отцы говорят, что есть помыслы от Бога, помыслы от себя, то есть своего естества, и помыслы от бесов. Для того чтобы различить, откуда приходят помыслы, внушаются ли они Богом или враждебной силой или происходят от естества, требуется великая мудрость.

Преподобный Нектарий (1857–1928)

Преподобный Нектарий (Тихонов) был учеником скитоначальника преподобного Анатолия (Зерцалова) и старца Амвросия, а впоследствии архимандрита Агапита, широко образованного и духовно опытного монаха. В период его старчествования в Оптиной были еще старцы Варсонофий и Феодосий, а позже преподобный Анатолий (Потапов).

В миру Николая (так звали старца до пострижения в монашество) хотели женить. За советом, жениться ли ему, Николай пошел к престарелой схимнице Феоктисте, духовной дочери святителя Тихона Задонского. Схимница, когда он пришел, сказала ему: «Юноша, пойди в Оптину к Илариону, он тебе скажет, что делать». Николай пошел в Оптину, но он не знал, кто такой Иларион, и спросил одного монаха. Тот улыбнулся на простоту юноши и сказал: «Хорошо, покажу тебе Илариона, только уж не знаю, тот ли это, что нужен тебе» — и привел его к скитоначальнику преподобному Илариону. Николай рассказал о матушке Феоктисте, просил решения своей судьбы, но преподобный Иларион ответил: «Сам я ничего не могу сказать тебе, а пойди ты к батюшке Амвросию, и что он тебе скажет, так ты и сделай».

В то время народу к старцу Амвросию шло столько, что приема у него ждали неделями, но Николая преподобный Амвросий принял сразу же и говорил с ним два часа. О чем была эта беседа, старец Нектарий никому не открывал, но после нее навсегда остался в скиту и домой уже не возвращался ни на один день.

Первое послушание, данное преподобному Нектарию в Оптиной, было ходить за цветами, а потом назначено ему было пономарить. На этом послушании он часто опаздывал в церковь и ходил с красными опухшими, словно заспанными, глазами. Братия жаловались на него старцу Амвросию, а тот отвечал, как было у него в обычае, в рифму: «Подождите, Николка проспится, всем пригодится».

Стал он духовным сыном преподобного Анатолия (Зерцалова), впоследствии скитоначальника, а на совет ходил к преподобному Амвросию.

И отец Амвросий, и отец Анатолий вели Нектария строго истинным монашеским путем. Преподобный Нектарий так рассказывал о том старческом окормлении: «Вот, некоторые ропщут на старца, что он в положение не входит, не принимает, а не обернутся на себя и не подумают: а не грешны ли мы? Может быть, старец потому меня не принимает, что ждет моего покаяния и испытывает? Вот я, грешный, о себе скажу. Бывало, приду я к батюшке старцу Амвросию, а тот мне: „Ты чего без дела ходишь? Сидел

бы в своей келье, да молился!“ Больно мне станет, но я не ропщу, а иду к духовному отцу своему батюшке Анатолию. А тот грозно встречает меня: „Ты чего без дела шатаешься? Празднословить пришел?“ Так и уйду я в келью. А там у меня большой, во весь рост, образ Спасителя; бывало, упаду я перед Ним и всю ночь плачу: „Господи, какой же я великий грешник, если и старцы меня не принимают!“»

Однажды старца спросили, не возмущался ли он против своих учителей. Тот ответил: «Нет! Мне это и в голову не могло прийти. Только раз провинился я чем-то и прислали меня к старцу Амвросию на вразумление. А у того палочка была. Как провинишься, он и побьет (не так, как я вас!). А я, конечно, не хочу, чтобы меня били. Как увидел, что старец за палку берется, я бежать, а потом прощения просил».

Получив мантию, отец Нектарий почти совсем перестал выходить из своей кельи, не говоря уже об ограде скита. Даже были годы, когда окна в келье его были заклеены синей сахарной бумагой. Сам он любил повторять, что для монаха есть только два выхода из кельи — в храм да в могилу. Но в эти же годы он учился и читал. Читал он не только святоотеческую и духовную литературу, но и научную, занимался математикой, историей, географией, русской и иностранной классической литературой. Все это для того, чтобы лучше понимать приходивших к нему людей, среди которых было много образованных.

Изучал языки: латынь и французский (по-французски он даже говорил, познакомившись с одним французом, принявшим в Оптиной Православие; по-латыни он часто цитировал). Был близок с Константином Леонтьевым; тот, живя в Оптиной, читал ему в рукописи свои произведения. У художника Болотова, принявшего монашество, он учился живописи. Художник Болотов, окончивший Петербургскую Академию художеств, товарищ Репина и Васнецова, основал в Оптиной иконописную мастерскую, в которой преподавал по методам Академии, и преподобный Нектарий сохранил интерес к живописи до конца жизни.

В это время вдруг обуяло преподобного Нектария желание поехать путешествовать, поглядеть дальние страны. Тут как раз пришло в Оптину требование откомандировать иеромонаха во флот для кругосветного путешествия, и отец архимандрит предложил это назначение батюшке Нектарию. Тот с радостью стал собираться. Только уже перед самым отъездом он пошел за напутственным благословением к старцу Иосифу, а тот не благословил. Так и пришлось батюшке остаться в Оптиной.

В эти же годы учения и духовного возрастания старец начал юродствовать. Он носил цветные кофты поверх подрясника, сливал в один котел все кушанья, подаваемые на трапезе, — и кислое, и сладкое, и

соленое, ходил по скиту — валенок на одной ноге, башмак на другой. Еще более смущал он монахов не только в это время, но и в период своего старчествования своими игрушками. У него были игрушечные автомобили, пароходики, поезда и самолетики. По игрушкам он составлял себе представление о современной технике. Еще были у него музыкальные ящики, и он даже завел граммофон с духовными пластинками, но скитское начальство не позволило. Для него характерен был этот интерес к общему течению жизни. До последнего года своей жизни он знакомился с современной литературой, прося привозить ему книжные новинки, расспрашивая о постановке образования в школах и вузах, знал обо всем, что интересовало интеллигенцию. Но все это знание нужно ему было для его служения Богу и людям. Он рассказывал, как однажды, еще до революции, пришли к нему семинаристы со своими преподавателями и попросили сказать им слово на пользу. «Юноши! — обратился он к ним, — если вы будете жить и учиться так, чтобы ваша научность не портила нравственности, а нравственность научности, то получится полный успех в вашей жизни».

В 1913 году оптинская братия избрала преподобного Нектария старцем. Тот, по смирению своему, на соборе братии не присутствовал. Когда его избрали, послали за ним отца Аверкия. Тот приходит и говорит: «Батюшка, вас просят на собрание». А преподобный Нектарий отказывается: «Они там и без меня выберут, кого надо». — «Отец архимандрит послал меня за вами и просит прийти!» — говорит отец Аверкий. Тогда батюшка сразу же надел рясу, и как был — одна нога в туфле, другая в валенке, пошел на собрание. «Батюшка, вас избрали духовником нашей обители и старцем», — встречают его. — «Нет, отцы и братие! Я скудоумен и такой тяготы понести не могу», — отказывался батюшка. Но отец архимандрит сказал ему: «Отец Нектарий, приими послушание». И тогда батюшка согласился.

«Когда его назначили старцем, — вспоминает монахиня Нектария, — он так скоморошничал (юродствовал), что даже его хотели сместить, но один высокой духовной жизни монах сказал: „Вы его оставьте, это он пророчествует“.

Вскоре все, что тогда прообразовывал старец, сбылось. Например, наденет халатик на голое тело, и на ходу сверкают у него голые ноги: в 20-х — 22-м годах даже студенты, курсистки и служащие ходили на службу босые, без белья или в пальто на рваном белье. Насобирал разного хламу: камешков, стеклышек, глины и так далее, устроил крохотный шкафчик и всем показывает, говоря: это — мой музей. Теперь там музей (в скиту. — Ред.).

Взял фонарик электрический, спрятал его под рясу, ходил по комнате и от времени до времени сверкает им: „Это я кусочек молнии с неба схватил и под рясу спрятал— „Да это же не молния, а просто фонарь!“ — говорили ему. „А, догадались!“ Вот и теперь время от времени делает он нам свои небесные откровения, но по великому своему смирению весьма редко и по великой нужде».

Принимал старец в хибарке покойных своих старцев отцов Амвросия и Иосифа, где и стал жить сам. Но по глубокому своему смирению старцем себя не считал, а говорил, что посетители приходят собственно к батюшке отцу Амвросию в его келью, и пусть келья его сама говорит с ними вместо него. Сам же отец Нектарий говорил мало и редко, и притом часто иносказательно, как бы полуюродствуя. Часто давал что-нибудь, а сам уходил, оставляя посетителя одного со своими мыслями. Но этот молчаливый прием в обвеянной благодатью келье величайшего из Оптинских старцев, где так живо ощущалось его личное присутствие, как живого, эти немногие слова его смиренного заместителя, унаследовавшего с даром старчества и его дар прозорливости и любви к душе человеческой, это одинокое чтение и размышление оставляли в душе посетителя неизгладимое впечатление.

Был случай, когда посетил отца Нектария один протоиерейакадемик. «Что же я мог ему сказать? Ведь он ученый, — рассказывал после сам старец. — Я и оставил его одного в батюшкиной келье. Пусть сам батюшка его и научит». Протоиерей же, в свою очередь, горячо благодарил старца за его прием. Он говорил, что, оставшись один, обдумал всю прошлую свою жизнь и многое понял и пережил по-новому в этой тихой старческой келье.

Но не всех принимал старец таким образом. С некоторыми он много и очень оживленно говорил, поражая собеседника своими многими и всесторонними знаниями. В этих случаях он оставлял свою манеру немного юродствовать. После одной из таких бесед его собеседник, также протоиерей с академическим образованием, поинтересовался: «Какой батюшка Академии?» Еще в другой раз отец Нектарий имел разговор с одним студентом об астрономии. «Где же старец окончил университет?» — полюбопытствовал этот последний.

В конце 1917 года паломники приходили в Оптину в смятении, с болью и неуверенностью, порожденными первыми месяцами революции. Многие из них искали ответа на главный вопрос: долго ли еще продержится советская власть?.. И многие были уверены, что оптинские старцы это должны точно знать… Старец никому не подавал ни малейшей надежды на то, что новая власть скоро кончится. Напротив, преподобный Нектарий многим говорил о необходимости терпения, молитвы, подготовки к еще

большим испытаниям… Но тем не менее общее состояние у всех, возвращавшихся от него, было бодрое и радостное. Духовные чада старца возвращались из Оптиной, чтобы попасть опять в хаос большевистской революции, но все воспринималось ими совсем иначе. Вспоминались слова Евангелия: «Не бойся, малое стадо!..»

Святитель Тихон, патриарх Московский, не был у батюшки отца Нектария, и батюшка не был у святителя. Кажется, не было и переписки между ними. Однако многие вопросы решались святителем Тихоном в соответствии с мнением старца. Это происходило через лиц, близких к патриарху и общавшихся с батюшкой. Последний на тот или иной вопрос высказывал свою точку зрения или говорил иносказательно, рассказывая о какомлибо случае. Эта беседа передавалась патриарху, который всегда поступал по совету старца.

Положение святителя Тихона было чрезвычайно тяжелым. Власть стремилась разбить христианские устои. Организовывался раскол, выразившийся в так называемом обновленчестве; образовывались и другие группы, основанные не на чисто христианских, а на политических соображениях. В то же время Оптина, находясь под руководством старцев вообще и последнего старца батюшки отца Нектария в особенности, шла по твердому пути, не уклоняясь в стороны. Оптина авторитетом старца распространяла свое влияние во все уголки России, так как к ней текли со всех сторон преданные Церкви люди, несмотря на трудности и опасности. Архиереи, священники и миряне и лично, и письменно, и устно — через других лиц обращались к старцу за разрешением духовных, церковных и житейских вопросов. Взгляд старца на тот или иной вопрос был абсолютным авторитетом и быстро распространялся среди истинно верующих людей, которые и являлись опорой патриарху во всех его начинаниях.

Оптина была закрыта большевиками на Красную Горку (Фомино воскресенье) в 1923 году. Храмы запечатаны. Отец Нектарий был арестован и вывезен в Козельск. Об этом моменте сохранились заметки монахини Нектарии: «В келию свою старец никого никогда не впускал, так что келейники не знали, что там находится. Когда же пришли описывать его имущество, в первый раз вошли туда и келейники. И что же увидели? Детские игрушки! Куклы, мячики, фонарики, корзинки! Делавшие опись спрашивают: „Зачем это у вас детские игрушки?“ А он отвечает: „Я сам как дитя“. Нашли у него церковное вино и консервы — он им и говорит: „Выпейте и закусите“. Они и распили вино. Во время ареста у него распух глаз, и его поместили сначала в монастырскую больницу, а потом в тюремную. Когда он выезжал из монастыря (на санях), последние слова его

были: „Подсобите мне“ — это чтобы ему помогли влезть на сани; сел, благословил путь свой и уехал. Мы тогда были там, но его не видели».

После отъезда отца Нектария из Оптиной в его келью большевики привели некоего оккультиста для обнаружения, как они думали, скрытых здесь сокровищ. Известно, что они широко пользовались оккультными силами для своих целей. Была ночь, в келье горела керосиновая лампа. Колдун-оккультист начал свои чародейства, и, хотя лампа продолжала гореть, в комнате наступила мгла. Здесь находилась одна монахиня (их было в это время много в Оптиной). Она взяла четки отца Нектария и ими начертала крестное знамение. Сразу стало светло, а чародей бился на земле в эпилептическом припадке.

По выходе из тюрьмы отец Нектарий сначала жил в селе Плохино в близком соседстве от Козельска, а потом перебрался за пятьдесят верст в село Холмищи.

Рассказывали, что еще во время ареста, когда власть требовала, чтобы батюшка отказался от приема посетителей, ему явились все оптинские старцы и сказали:

— Если ты хочешь быть с нами, не отказывайся от духовных чад твоих!

И старец не отказался. До самой смерти его посещали ученики, знавшие его еще в Оптиной пустыни, и не было ни одного несчастного случая с людьми, приезжавшими к нему.

Скончался великий старец преподобный Нектарий 29 апреля 1928 года.

Духовные наставления

◊ Положение Иова — закон для всякого человека. Пока богат, знатен, в благополучии, Бог не откликается. Когда человек на гноище, всеми отверженный, тогда является Бог и Сам беседует с человеком, а человек только слушает и взывает: «Господи, помилуй!» Только мера унижения разная.

◊ Главное — остерегайтесь осуждать близких. Когда только придет в голову осуждать, так сейчас же со вниманием обратитесь: «Господи, даруй ми зрети моя согрешения и не осуждати брата моего».

◊ Еще старец Нектарий говорил: «Россия воспрянет и будет материально не богата, но духом будет богата, и в Оптиной будет еще семь светильников, семь столпов».

◊ Он говорил: «В последние времена мир будет опоясан железом и бумагой. Во дни Ноя было так: потоп приближался. О нем знал Ной и говорил людям, а те не верили. Он нанял рабочих строить ковчег, и они, строя ковчег, не верили, и потому за работу свою они лишь получали условленную плату, но не спаслись. Те дни — прообраз наших дней. Ковчег — Церковь. Только те, кто будет в ней, — спасутся».

◊ Старец определял духовный путь как канат, протянутый в тридцати футах от земли. Пройдешь по нему — все в восторге, а упадешь — стыд-то какой.

◊ Старец говорил о высокой постепенности духовного пути, о том, что «ко всему нужно принуждение. Вот если подан обед и вы хотите покушать и обоняете вкусный запах, все-таки сама ложка вам не поднесет кушанья. Нужно понудить себя, встать, подойти, взять ложку и тогда уже кушать. И никакое дело не делается сразу — везде требуется пождание и терпение.

◊ Человеку дана жизнь на то, чтобы она ему служила — не он ей, — то есть человек не должен делаться рабом своих обстоятельств, не должен приносить свое внутреннее в жертву внешнему. Служа жизни, человек теряет соразмерность, работает без рассудительности и приходит в очень грустное недоумение, он и не знает, зачем живет. Это очень вредное недоумение, и часто бывает: человек, как лошадь, везет и везет, и вдруг на него находит такое стихийное препинание.

◊ Преподобный Нектарий много, с любовью, говорил о молитве. «Молитвой, словом Божиим, всякая скверна очищается. Душа не может примириться с жизнью и утешается лишь молитвой. Без молитвы душа мертва перед благодатью».

◊ Многословие вредно в молитве, как апостол сказал. Главное — любовь и усердие к Богу. Лучше прочесть один день одну молитву, другой — другую, чем обе зараз. Одной-то будто бы и довольно.

Это не значит, что старец ограничивал молитвословие или ежедневное правило одной молитвой. Он говорил о мере новоначальных, которые имели силу сосредоточиться только на одной молитве, а другие читали рассеянно. Это снисхождение к немощи, что старец и пояснил дальнейшим примером. «Спаситель взял Себе учеников из простых безграмотных людей. Позвал их — они все бросили и пошли за Ним. Он им не дал никакого молитвенного правила — дал им полную свободу, льгогу, как детям. А Сам Спаситель, как кончал проповедь, уединялся в пустынное место и молился. Он Своих учеников Сам звал, а к Иоанну Крестителю ученики приходили по своему желанию — не звал их Креститель, а к нему приходили. Какое он им давал правило, это оставалось прикровенным, но молиться он их научил. И вот, когда ученики Иоанновы пришли к Спасителю, они рассказали апостолам, как они молятся, а те и спохватились — вот ученики Иоанновы молятся, а наш добрый Учитель нам ни полслова не сказал о молитве, и так серьезно к Нему приступили, как бы с укором, что, вот, ученики Иоанновы молятся, а мы нет. А если бы ученики Иоанновы им не сказали, то они бы и не подумали об этом (это последнее заметил старец, поглядывая на одну послушницу, которая попросила у него молитвенное правило, узнав, что другим ученикам старец такое назначает). А Спаситель им сице: „Отче наш“. И так их научил, а другой молитвы не давал.

Есть люди, которые никогда не обращаются к Богу, не молятся, и вдруг случается с ними такое — в душе тоскливо, в голове мятежность, в сердце грусть, и чувствует человек, что в этом бедственном положении ему другой человек не поможет. Он его выслушает, но бедствия его не поймет. И тогда человек обращается к Богу и с глубоким вздохом говорит: „Господи, помилуй“. Казалось бы, довольно мы в церкви это говорим и три, и двенадцать, и сорок раз. Это за тех страдальцев, которые даже не могут вымолвить: „Господи, помилуй“, — и за них говорит это Церковь. И Господь слышит, и сначала чуть-чуть благодать, как светоч, а потом все больше и больше, и получается облегчение».

◊ Шестопсалмие надо читать не как кафизмы, а как молитвы. Значение шестопсалмия очень велико: это молитва сына к Богу Отцу.

◊ Преподобного спрашивают, как молиться о тех, о ком неизвестно, живы ли они? «Вы не ошибетесь, если будете молиться как о живых, потому что у Бога все живы. Все, кроме еретиков и отступников. Это мертвые».

◊ Одна женщина говорит старцу: «Батюшка, сильно раздражаюсь», а он отвечает: «Как найдет на тебя раздражение, тверди только: «Господи,

помилуй». Ищи подкрепления в молитве и утешения в работе».

◊ Старик-возчик Тимофей падает перед батюшкой на колени. Лицо у Тимофея все преображается верой, умилением и надеждой. «Батюшка, дайте мне ваше старческое наставление, чтобы ваш теплый луч прогрел мою хладную душу, чтобы она пламенела к горнему пути, — после этой мудрой фразы он просто говорит: — Батюшка, у меня слез нет». А старец с чудесной улыбкой наклоняется к нему. «Ничего, у тебя душа плачет, а такие слезы гораздо драгоценнее телесных».

◊ Как-то одна его духовная дочь горестно говорила своей подруге в батюшкиной приемной: «Не знаю, может быть, образование совсем не нужно и от этого только вред. Как это совместить с Православием?» Старец возразил, выходя из своей келии: «Ко мне однажды пришел человек, который никак не мог поверить в то, что был потоп. Тогда я рассказал ему, что на самых высоких горах в песке находят раковины и другие остатки морского дна, и как геология свидетельствует о потопе, и он уразумел. Видишь, как нужна иногда научность».

◊ Часто он говорил: «Я к научности приникаю». Об истории он говорил: «Она показывает нам, как Бог руководит народами и дает как бы нравственные уроки вселенной». Говоря о математике, он любил спрашивать, может ли быть треугольник равен кругу, и часто приводил святоотеческий пример: «Бог — центр круга, люди — радиусы. При приближении к центру они сближаются между собой».

◊ О внешнем делании он говорил: «Внешнее принадлежит вам, а внутреннее благодати Божией. А потому делайте, делайте внешнее, и когда оно все будет в исправности, то и внутреннее образуется. Не надо ждать или искать чудес. У нас одно чудо: Божественная литургия. Это величайшее чудо, к нему нужно приникать».

◊ Он учил внимательности в мысли: «Перестаньте думать, начните мыслить. Думать — это расплываться мыслью, не иметь целенаправленности. Отбросьте думанье, займитесь мышлением. Была „Дума“, которая думала, а не мыслила государственно. Наполеон думал, а Кутузов мыслил. Мысли выше дум».

◊ О жизни он говорил: «Жизнь определяется в трех смыслах: мера, время, вес. Самое доброе, прекрасное дело, если оно выше меры, не будет иметь смысла. Ты приникаешь к математике, тебе дано чувство меры. Помни эти три смысла. Ими определяется вся жизнь».

◊ Однажды старец сказал: «Бог не только разрешает, но и требует от человека, чтобы тот возрастал в познании. В Божественном творчестве нет остановки, все движется, и ангелы не пребывают в одном чине, но восходят со ступени на ступень, получая новые откровения. И хотя бы человек учился

сто лет, он должен идти к новым и новым познаниям. И ты работай. В работе незаметно пройдут годы». В это время лицо его было необыкновенно светлым, таким, что трудно было смотреть на него.

◊ В другой раз он сказал: «Одному пророку было явление Божие не в светлом окружении, а в треугольнике. И это было знамением того, что к неисследимой глубине Божией человек не может приближаться и испытывать ее. Человеку позволено испытывать окружение Божества, но, если он дерзает проникнуть за черту, он гибнет от острия треугольника».

◊ Смотрите, какая красота: солнце, небо, звезды, деревья, цветы… А ведь прежде ничего не было! Ничего! — медленно повторил старец, протягивая рукою слева направо. — И Бог из ничего сотворил такую красоту. Так и человек: когда он искренно придет в сознание, что он — ничто, тогда Бог начнет творить из него великое.

◊ Старец Нектарий заповедовал так молиться: «Господи, даруй мне благодать Твою!» И вот вдет на вас туча, а вы молитесь: «Дай мне благодать!» И Господь пронесет тучу мимо.

◊ Старец сказал, что замужество для женщины — это есть служение Пресвятой Троице. Вся ее жизнь в замужестве — есть служение Пресвятой Троице — вот как велика для женщины ее участь быть женой и матерью.

◊ Старец сказал, что когда обокрадут, то не надо скорбеть, а решить, что дали милостыню, и Господь вернет в десять раз.

◊ На вопрос, как возлюбить Христа, старец ответил: «Взять урок у Самого Христа: „да любите друг друга, якоже Аз возлюбих вы“. Прежде всего надо стараться ближнего возлюбить, а с ближнего любовь перейдет на Христа. Но ближнего надо возлюбить искренно, а не с расчетом — тогда только может быть успех».

◊ На вопрос, что делать с дурными помыслами, старец ответил: «Повторяй «Господи, помилуй!» и увидишь, как все земное отходит».

В другой раз он сказал: «Не обращай на них внимания».

◊ Старец говорил, что «раньше благодарили Господа, а теперешнее поколение перестало благодарить Господа, и вот оскудение во всем, плоды плохо родятся и какие-то больные».

◊ Старец советовал, если кому удастся сделать что-либо доброе или подать милостыню, говорить: «Твоим благословением, Господи, совершил я это: „не можете творити без Мене ничесоже“».

◊ Еще старец говорил, что очень хорошо, если Господь долго не слушает молитвы. Нужно только продолжать молиться и не унывать: «Молитва — это капитал: чем дольше лежит капитал, тем больше процентов приносит. Господь посылает Свою милость тогда, когда это Ему благоугодно; тогда, когда нам полезно принять. Если нам что-либо крайне

необходимо, тогда следует два-три раза помолиться и за исполнение просьбы надо благодарить Бога. Иногда через год Господь исполняет прошение. Пример брать надо с Иоакима и Анны. Они всю жизнь молились и не унывали, а все надеялись, и какое послал Господь им утешение!»

◊ Старец сказал: «Молись телесно — Господь Бог пошлет Свою благодать в помощь тебе». Это значит, чтобы молиться с поясными поклонами, и когда нужно, то и с земными. Старец даже встал перед иконами, положил медленно крестное знамение на себя и поклонился низенько, коснувшись рукой правой до земли, и мне сказал: «Молись так».

◊ «Молись, чтобы Господь воцарился в сердце твоем — тогда преисполнится оно великим ликованием и радостью, и никакая печаль не в силах будет потревожить его». Для этой цели старец советовал молиться так: «Господи, отверзи двери милости Твоей».

◊ Большое искусство — слово. Слово воскрешающее и убивающее (псалмы Давида). Но путь к этому искусству через личный подвиг, путь жертвы. И один из многих тысяч доходит до него.

◊ Батюшка приучал всячески к терпению. Любимая его поговорка: «Всюду нужно терпение и пождание».

Преподобный Никон
(1888–1931)

Поступить в Оптину братьев Николая (так звали в миру отца Никона) и Ивана Беляевых благословил епископ Трифон (Туркестанов).

Письмоводство стало основным занятием Николая в течение всей его жизни в скиту. Почти все свободное от молитвы время проводил он у старца Варсонофия, который, помимо официальной, деловой переписки, вел большую переписку со своими духовными детьми и почитателями. Старец сразу увидел, а вскоре и убедился в том, что в этом юноше он найдет не только примерного ученика и примерного монаха, но и достойного последователя своих заветов и наставлений. Весь свой опыт и все свои знания, накопленные за годы пребывания в скиту, решил он передать Николаю как достойному принять и сохранить этот дар. Старец делился с ним своими воспоминаниями, поверял ему свои скорби и радости, учил, наставлял, предостерегал.

В отношениях Николая с преподобным Варсонофием был истинный образец древнего старчества и ученичества. Так и в древности вырастали духовные гиганты из истинных учеников.

С изгнанием старца Варсонофия из скита в результате смуты для Николая наступила полоса скорбей. Тихое, безмятежное состояние души его, благодатная радостность и беспечалие уступили место страданиям, как и предрекал ему старец. Вскоре после отъезда отца Варсонофия Николая перевели в монастырь, разлучив не только со старцем, но и со скитом. Вскоре пришло известие о кончине отца Варсонофия. Страдания душевные усугублялись физическими: Николай заболел острым ревматическим воспалением суставов и сердца. И хотя старца Варсонофия хоронили не в Голутвине, а в Оптиной, Николай, прикованный тяжелым недугом к постели, не смог даже присутствовать на погребении, проститься со старцем, дать ему «последнее целование». Выйти из больницы и припасть к дорогой могиле он сможет только через месяц после погребения.

Постриженный в мантию с именем Никон, 3 ноября 1917 года преподобный был посвящен в сан иеромонаха. Иерейская хиротония состоялась через 9 дней после революции…

Когда отец Никон был еще мальчиком, он написал однажды на деревянном киоте: «Обязуюсь в течение десяти лет уничтожить язычество во всем мире. Н. Беляев». И именно десять лет продолжалось его служение

пред престолом Божиим — именно тогда, когда в Православной России начались невиданные дотоле гонения на христианство.

В это трудное и грозное время во всей широте развернулись административно-хозяйственные способности преподобного Никона. Он никогда не желал и не искал начальственных должностей. Его заветным желанием было тихое, мироотреченное житие аскета. Но Господу угодно было вести его по иному пути. Хотя юридически отец Никон нес послушание в канцелярской работе, фактически же как-то само собой и не без воли Божией получалось так, что решающий голос в том или ином деле обители, а потом сельскохозяйственной артели, как переименовали власти объявленный закрытым монастырь, принадлежал ему.

В те годы весьма многие, даже пожилые, не говоря о молодежи, покинули Церковь. Все меньше монахов и послушников оставалось в Оптиной пустыни, а самые стойкие иноки каждый день и каждый час ожидали изгнания, ареста, тюрьмы, ссылки, смерти… Осенью 1922 года преподобный Никон написал своей матери: «Непостижимы для нас пути промысла Божия, не можем мы их понять, а потому необходимо со всем смирением предаваться воле Божией… Теперь как будто пришло время испытания, в вере ли мы».

В 1923 году закрылась сельскохозяйственная артель, под видом которой еще держалась обитель, и она была переименована в музей, поскольку имя Оптиной было неразрывно связано с именами выдающихся русских писателей и поэтов. Монахам был оставлен только Казанский храм. Преподобный Исаакий, ставший настоятелем после смерти отца Ксенофонта, благословил отца Никона служить и принимать на исповедь приходящих. Старец Никон принял благословение преподобного как проявление воли Божией, отказавшись от приглашений на приходы в города и села, — а таких предложений ему было немало, ибо многие уже знали о нем как о выдающемся священнослужителе. Волею судеб Божиих именно ему пришлось последним покинуть родную обитель. Ему был поручен Казанский храм и ключи от него. Ему, после ареста и ссылки в Холмищи, передал своих духовных чад старец Нектарий, соборно избранный на старчество после изгнания старца Варсонофия. И отец Никон стал духовником святой обители. Несмотря на его молодой возраст, духовные чада начали относиться к нему как к старцу. Нравственное просветление выделяло его из среды многих. Благодать освещала и освящала его душу и всю его жизнь. Она светилась и сияла во всех его делах и словах. Мудр и рассудителен он был не по годам, а дар прозорливости, которого сподобился от Господа за свою подвижническую жизнь, прикрывал глубочайшим смирением. Людей, впервые приходивших к нему на исповедь, он просил

рассказывать все свои духовные немощи и болезни от самой юности. Но если он и делал предсказания, пусть в самой завуалированной форме, то они обязательно сбывались.

Отцу Никону пришлось не раз томиться в тюремном заключении, но даже там, в общей камере, среди самых разнообразных по характеру и убеждениям людей, он не оставлял своего пастырского долга.

Осенью 1927 года, когда прошли слухи, что следствие по его делу подходит к концу, отец Никон во время свидания с преданной духовной дочерью монахиней Амвросией сумел незаметно передать ей книгу, которая оказалась 5-м томом сочинений святителя Игнатия Брянчанинова. В книгу

был вложен пакет с маленькими, аккуратно заклеенными киселем записочками, адресованными многим духовным чадам. В каждой записочке содержалось несколько изречений, соответствующих духовному устроению той или иной сестры. Но наиболее драгоценным было то, что в самой книге на полях и вклеенных чистых страницах отец Никон написал пояснение к тексту, дополнения и наставления. Драгоценны эти записи были потому, что как нельзя более соответствовали переживаемому духу времени. Они были как бы завещанием, последними, заключительными словами наставника и отца.

Преподобный Никон был осужден на три года в Соловецкий концлагерь и 27 января / 9 февраля 1928 года, в день памяти святителя Иоанна Златоуста, отправлен этапом с Калужского вокзала в последний, далекий и неведомый путь.

В марте месяце этап прибыл в Кемь и по причине циклона, прервавшего сообщение с Соловками, оставлен в Кемьском пересыльном пункте. В апреле 1929 года отец Никон из Кеми был переведен на Попов остров, где в качестве счетовода работал в лагерной канцелярии. Пробыв в лагере немногим более двух лет, отец Никон был назначен на «вольную высылку» в Северный край, в город Архангельск. Вместе с преподобным Никоном на жительство в Архангельские пределы направлялся и оптинский монах отец Агапит. Старец Никон и отец Агапит приехали в Архангельск в июне 1930 года. В августе отца Никона переместили в город Пинегу Архангельской области, за двести двадцать километров от центра. Долго скитался он в Пинеге и ее окрестностях в поисках квартиры и, наконец, уже осенью нашел пристанище в деревне Воепола, в трех километрах от города, в доме старой одинокой женщины, которая поставила ему условие выполнять все работы по хозяйству.

На праздник Рождества Христова, 25 декабря 1930 года / 7 января 1931 года, отец Никон ходил в Троицкий собор в Пинеге. В храме было очень холодно, и он сильно простудился. Состояние его здоровья с каждым днем становилось все хуже и хуже. Но хозяйка его квартиры оказалась женщиной с характером исключительно сварливым и жестоким. Она быстро увидела беспримерное терпение и смирение преподобного Никона и заставляла его делать все, что ей вздумается, не считаясь ни с чем, помыкала им, как рабом своим, как невольником. Казалось, что сам бес вселился в нее, заставляя мучить отца Никона, чтобы испытать его терпение. И он смиренно терпел все, беспрекословно выполняя все ее требования. В лютый мороз, с постоянно повышенной температурой, он возил на санках воду из колодца, пилил, колол и носил дрова, очищал снег. Когда же он совсем изнемог, бесчеловечная хозяйка со словами: «Иди куда хочешь, ты работать не

можешь и мне не нужен», — выгнала его из квартиры. Но отец Никон сам идти уже никуда не мог. Вспомнилось ему, не в первый уже раз за время скитаний и злостраданий, как, когда был он еще послушником Николаем в тихом и уютном скиту, старец Варсонофий молитвенно произнес над ним пророческие слова: «Господи! Спаси сего раба Твоего Николая! Буди ему помощник! Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта!..»

И Господь не оставил Своего избранника. 22 марта / 4 апреля 1931 года, в Лазареву субботу, ссыльный оптинский иеродиакон отец Петр Драчев (впоследствии схиигумен Павел) перевез старца в соседнюю деревню Валдокурье на квартиру, которую снимал у благочестивой вдовы Александры Ефимовны Прялковой, и с этого дня сам стал за ним ухаживать.

Однако жестокий недуг быстро прогрессировал, подтачивая силы. С каждым днем отец Никон слабел все более и более. Если в начале мая он хотя бы лежа мог читать Священное Писание и писать письма духовным чадам, то к концу мая уже и лежа не в силах был ни читать, ни писать. Но молитва и молитвенные воздыхания и тогда не сходили с уст его. По слову апостола: «Непрестанно молитеся» (1 Сол. 5, 17), — непрестанно творил он молитву Иисусову. Читал на память каноны Иисусу Сладчайшему и Божией Матери. Часто повторял: «Да будет воля Божия, — и добавлял: — Инии же избиени быша, не приемше избавления, да лучшее воскресение улучат» (Евр. 11, 35) — это было его любимым местом Писания.

25 июня / 8 июля 1931 года, в 22 часа 40 минут, под праздник Тихвинской иконы Божией Матери, которая хранит и благословляет северные пределы Русской земли, преподобный Никон тихо отошел ко Господу.

Духовные наставления

◊ Всякое дело, каким бы ничтожным оно вам ни казалось, делайте тщательно, как пред лицом Божиим. Помните, что Господь видит все.

◊ Кто верит предрассудкам, у того тяжело на душе. А кто считает себя в зависимости только от промысла Божия, у того, наоборот, на душе радостно.

◊ Если хочешь избавиться от печали, не привязывайся сердцем ни к чему и ни к кому. Печаль происходит от привязанности к видимым вещам.

◊ Противодействовать и бороться с людьми, причиняющими зло, не надо, не только делом или словом, но даже в помыслах своих. Иначе бесы будут побеждать. За таких людей надо молиться. Тогда Господь поможет и бесы отступят.

◊ Лучше прочитать не все молитвенное правило по недостатку времени, но со вниманием. Страшные слова сказаны в Священном Писании: «проклят всяк, творяй дело Господне с небрежением» (Иер. 48, 10).

◊ Грех кладет печать не только на душу, но и на внешность человека, на его внешнее поведение и вид.

◊ Когда метут комнату, то не занимаются рассматриванием сора, а все в кучу да и вон. Так поступай и ты. Исповедуй свои грехи духовнику, да и только, а в рассматривание их не входи.

◊ Многие ищут, как необходимого, духовника высокой жизни и, не находя такого, унывают, и потому редко, как бы нехотя приходят на исповедь. Это большая ошибка. Надо веровать в самое таинство исповеди, в его силу, а не в исполнителя таинства. Необходимо лишь, чтобы духовник был православный и законный. Не надо спорить, что личные качества духовника много значат, но надо веровать и знать, что Господь, действующий во всяком таинстве Своею благодатью, действует по Своему всемогуществу независимо от этих качеств.

◊ Смирение — это нечто великое и Божественное, а путь к нему — считать себя ниже всех. Что это значит — считать себя ниже всех? Не замечать чужих грехов. Смотреть на свои грехи. Постоянно молиться.

Помни: все ангелы, а я — грешник.

◊ Участь всех хотящих спастись — страдать. Поэтому, аще страдаем, да радуемся, ибо содевается наше спасение.

◊ Прощение преподается тем только, кто считает себя виновным. Смирись пред Богом и людьми, и Господь тебя никогда не оставит.

◊ Скорби попускаются, чтоб обнаружилось, кто любит Бога действительно.

◊ Твердое терпение скорбей равночестно мученичеству.

◊ Необходимо всем приготовиться к скорбям. Без признания себя достойным скорбей за свое падение нельзя познать Спасителя.

◊ Бесскорбная жизнь — признак неблаговоления Божия к человеку. Не следует завидовать живущим бесскорбно, ибо конец их бесскорбия плачевен.

◊ Избранный Богом человек познается по тому, что ему постоянно посылаются скорби и печали.

◊ Никогда не было, нет и не будет беспечального места на земле. Беспечальное место может быть только в сердце, когда Господь в нем.

◊ Не наше дело рассуждать, зачем и почему нас постигает то или иное; надо знать, что это воля Божия, надо смириться, а требовать, так сказать, у Бога отчета — есть крайнее безумие и гордость.

◊ Цель попущения Господом преткновений заключается в приобретении человеком смирения и отвержении самонадеянности.

◊ Крестное знамение — все равно что произнесенная молитва. Если почему-нибудь нельзя было бы креститься — можно заменить молитвой. Если даже и без внутреннего чувства, и то демоны боятся крестного знамения. Есть в Прологе рассказ, как в пещеру, где обитали бесы, вошел еврей и перекрестился, испугавшись их. Они удалились и говорили: «Там есть один сосуд запечатанный, пустой, и мы не можем там быть». Еврей, как нехристианин, пустой сосуд, но и его крестное знамение было действенно — бесы ушли…

◊ Нет внимательной молитвы… Не от человекоугодия ли?.. Нет… Оттого, что ум неподготовлен. Как же подготовиться? Старайся, — так говорят святые отцы, Иоанн Лествичник и другие, и батюшка Варсонофий так мне всегда говорил — старайся всегда ум вводить в слова молитвы. И каждый раз, когда он отходит, снова его вводи…

◊ Очень важно, чтобы у вас во всем был порядок — как в распределении времени, так и в обстановке кельи. Беспорядок влияет на душу. Даже в уныние можно впасть при беспорядке. Надо, чтобы в одно определенное время была молитва, в одно время самовар ставить, в одно время вставать, ложиться и так далее. И в келье должен быть порядок. Лучше уж истратить время на то, чтобы все в порядок привести, а потом поддерживать…

◊ У святых отцов сказано: если утопающий просит руку, подай ему палку, а иначе он может и тебя стащить в воду. Значит, надо прежде о себе заботиться, о своей душе, а затем и о других.

◊ Надо всегда твердо помнить — это страшный закон духовной жизни: если в чем кого осудишь или смутишься в чем-нибудь у другого человека, то

тебя это же самое постигнет. Ты сделаешь сам то, в чем осудил другого, или будешь страдать этим самым недостатком.

◊ Когда прощения просишь, то надо это делать от чистого сердца, с полной искренностью. Точно так же и прощать, говорить: «Бог тебя простит», — и в душе твоей в это время должно быть чувство искреннего прощения, чтобы уже потом и не поминать этого дела, чтобы мир и любовь установились между вами.

◊ Внимательно слушайте слово Божие в церкви и читайте дома. Очень важно помнить слово Божие. Ведь большая часть наших грехов происходит оттого, что в то время мы не помним заповеди Божии. Редко бывает это, чтобы человек помнил, что это запрещено Богом, и все-таки делал, чаще в тот момент забывается. Обратите внимание на это, как важно помнить слово Божие. Господь обещает, что и молитва наша тогда будет услышана, конечно, если мы просим должное, полезное для нашего спасения.

◊ Христос был гоним. Он наш заступник. Нужно быть всегда готовым на смерть за Христа. Не только терпи, но терпи охотно.

◊ Исполнение закона заключается в прощении обид.

◊ Во всем храни себя. Необходимо знать этот закон.

◊ Доброе дело есть не всякое доброе дело, а лишь такое доброе дело, которое делается ради Бога. Внешность дела не есть его сущность. Бог зрит на сердце. Как должны мы смириться, видя, что ко всякому делу нашему примешивается страсть.

Преподобный Филарет (1777–1841)

При старце Филарете (Данилевском) глухая, малоизвестная, бедная заурядная Глинская обитель начала славиться по всей России. Ее стали посещать не одни простые богомольцы, но и высокопоставленные особы.

Настоятель отец Филарет радостно принимал паломников, всем давая спасительные наставления. В отеческих беседах его высказывалось много духовной опытности.

Архимандрит Пимен в своих «Воспоминаниях» называет отца Филарета «одним из самых искусных и лучших настоятелей; его уважали не только (простые) монашествующие, но и самые иерархи».

Старца Филарета знали многие великие подвижники. Он был знаком со святителями Филаретом (Дроздовым) и Антонием Воронежским.

Глубокую любовь о Христе питал к нему преподобный Серафим Саровский. Случалось, что просивших благословения на вступление в монастырь преподобный Серафим посылал к старцу Филарету, указывая на Глинскую обитель, как на великую школу иноческой жизни. Известен, например, такой случай. Некто Авксентий, живший в Глинской пустыни, по малодушию своему и некоторым другим обстоятельствам, оставил монастырь и пришел в Саров к преподобному Серафиму. Тот, никогда не видав его и не зная, называл его по имени и, не ожидая вопроса с его стороны, сказал, чтобы он возвратился в Глинскую обитель. Но Авксентий решился идти во всякий другой монастырь, только не в тот, какой указывал ему святой старец. Провидя мысль Авксентия, преподобный Серафим сказал: «Нет на земле места, где бы тебя не посетил гнев Божий, кроме Глинской, — иди, тебя примут». Авксентий послушался и, принятый старцем Филаретом, через полгода трудовой и послушливой жизни, мирно отошел к Господу, предузнав и предсказав свою кончину. Так смотрел великий подвижник на обитель Глинскую, под мудро-отеческим управлением отца Филарета.

Старец Филарет в свою очередь не мог не почитать великого Саровского подвижника. Уже одно то, что он удостоился видеть душу его, со славой возносимую ангелами на небо, показывает нам близкое взаимное духовное общение этих святых. Отец Филарет многим рассказывал о своем видении. Это было так. Ночью 2 января 1833 года после утрени, стоя на крыльце своей кельи, старец увидел сияние на небе и чью-то душу, ангелами

с пением возносимую на небо. Долго смотрел он на это чудное видение, подозвал к себе некоторых братьев, тут случившихся, указал им на необыкновенный свет и, подумав, сказал: «Вот как отходят души праведных! Ныне в Сарове почил отец Серафим». Видеть сияние сподобились только отчасти двое из братьев. После узнали, что точно в ту самую ночь скончался преподобный Серафим.

И не только великие благочестивые подвижники, но и Сама Матерь Божия изъявила Свое особое благоволение к Глинской пустыни при старце Филарете. Однажды накануне празднования Иверской иконе Богородицы, после бдения, отец Филарет читал акафист Царице небесной и во время пения последнего кондака: «О всепетая Мати» — удостоился видения Преблагословенной Девы Марии.

От полного изнеможения сил однажды за два дня до праздника Рождества Христова с отцом Филаретом случился удар. Пономарь, пришедший в полночь принять обычное благословение звонить к утрени, на свой молитвенный возглас не получил ответа. Смущенный этим, он с помощью келейника выломал дверь кельи и нашел старца в бесчувственном состоянии. Отец Филарет лежал одетый на скамье у стола, за которым работал ночью. После долгих усилий собравшиеся братия успели привести его в чувство. Больной открыл глаза и, как бы не понимая причины собрания братьев, смотрел с удивлением. Ему сообщили о случившемся с ним припадке и предложили совершить над ним елеосвящение. Во время святого таинства силы старца восстановились. По окончании соборования, он надел поверх мантии епитрахиль и, прочитав молитву: «Верую, Господи, и исповедую» — и причастился святых Тайн. Тогда некоторые сказали: «После Вас, батюшка, обитель наша совсем разорится». «Не разорится, а созиждется, увеличится и процветет», — ответил им старец. Понимая опасения братьев о его здоровье, он добавил: «Я еще проживу два года, да и ныне пропоем Трипеснец, а послезавтра — „Слава в вышних Богу“». С этими словами он поблагодарил братьев за преданность и любовь к нему. На другой день уже был бодрым, служил царские часы, и в праздник Рождества Христова литургию. Но с этого времени начал чувствовать сильную боль в груди, которая впоследствии перешла в жестокую чахотку. Старец, всю жизнь устранявшийся медицинских пособий, не изменил этому правилу и при конце жизни. Несмотря на крайнее изнеможение телесных сил, он не оставлял обычного многотрудного образа жизни. За шесть недель до своей кончины, всю первую неделю Великого поста 1841 года ходил в церковь, становился на клирос и пел; в неделю Православия еще служил литургию, но уже ослабевшим голосом. Это была последняя бескровная жертва Богу, совершенная отцом Филаретом о спасении мира.

31 марта 1841 года, в шесть с половиной часов утра, старец отошел ко Господу.

Духовные наставления

◊ Мы, христиане, имеем долг идти вслед Спасителя. Взирая на страдания и смерть Его, должны всегда понуждать худшее покорить лучшему и плоть поработить духу, чтобы сделать себя по образу и по подобию Божию. Образ — в душе человеческой, подобие же — в добродетелях.

◊ Более всего надобно стараться иметь чистую совесть и делать все, как пред очами Божиими. «Со страхом и трепетом свое спасение содевайте», — говорит апостол.

◊ Сколько можно не давайте даже входа в сердце скверным мыслям, — «от сих бо исходища живота» (Притч. 4, 23). Соблюдая чистоту сердечную, можем сохранить и телесную. Тогда сподобимся пети «песнь нову», еяже «никтоже может навыкнути, токмо тии, иже суть с женами не осквернишася; зане девственницы суть» (Апок. 14, 3–4).

◊ Во всем предписанном (для спасения) требуется рассуждение. Всякий, ищущий спасения, пусть следует умеренности, а более — совета предуспевших в делании и боговедении, и Сам Господь управит жизнь таковых.

◊ Многие козни враг душ наших простирает на подвижников Христовых, и десными, и шуиями тщася уловить во всех путях трудолюбия, молитвы и богомыслия; посему, хранение ума — важнее дел.

◊ Истинно хотящий спастися, — внимай себе. Подобает тебе стараться о внимании и молиться о устроении души своей, чтобы душевная храмина твоя созидалась на камне веры, а не на песке колебания и неустройства. Посему сначала приучи ум различать греховные мысли, всеваемые врагом спасения, и прогоняй их молитвою.

◊ Если случится влечение какой страсти, прилежно ищи причины. Найдя ее, смири себя, и страсть отойдет.

Отчего многие обуреваются страстями? Оттого, что не искусны в познании причины приходящих страстей.

Когда страсти молоды, не пустили корней в уме и в сердце, легко побеждаются, а после без посторонней помощи их не одолеешь.

◊ Труден путь спасения и тесны врата в Царствие для не имеющих доброго произволения, для порабощенных страстями, но для ревнующих ничего нет тягостного, им иго Господа благо и бремя Его легко.

◊ Где согласие и повиновение друг другу о Господе, там радость, мир, любовь и всякое благо.

◊ Кто совершенно покорит себя воле Божией (чрез послушание старцам и старшим), кто свою волю во всем оставит, тому и не бывает скорби, ибо врагу места там нет. Своевольным же и непокорным враг никогда не дает покою и будет всегда наводить смущение. Что сделается не так, как хочется, все Богу неугодным вмени (то есть свое хотение и желание) и мирен будешь, и враг не будет тревожить. В сем понудь себя и узнаешь душевную пользу: мир и благодать Господня управит твою жизнь во спасение.

◊ Понуждай себя считать меньшим и худшим всех в добродетелях и недостаточным в познании духовного делания.

◊ Не показывай ума своего, особенно пред старшими.

◊ Если против кого совесть обличает, иди со смирением и проси у него прощения без всякого оправдания, хотя бы и вины твоей, по-видимому, не находилось. От этого ты придешь в душевное преуспеяние.

◊ «Если конек твой (то есть тело), — так говаривал старец, — начинает резвиться, — немедля накинь на него узду строгого воздержания; когда ж изнемогает, дай ослабу и благоразумно подкрепляй его: ибо аще чрез меру понудиши твое тело, смущение души наведеши».

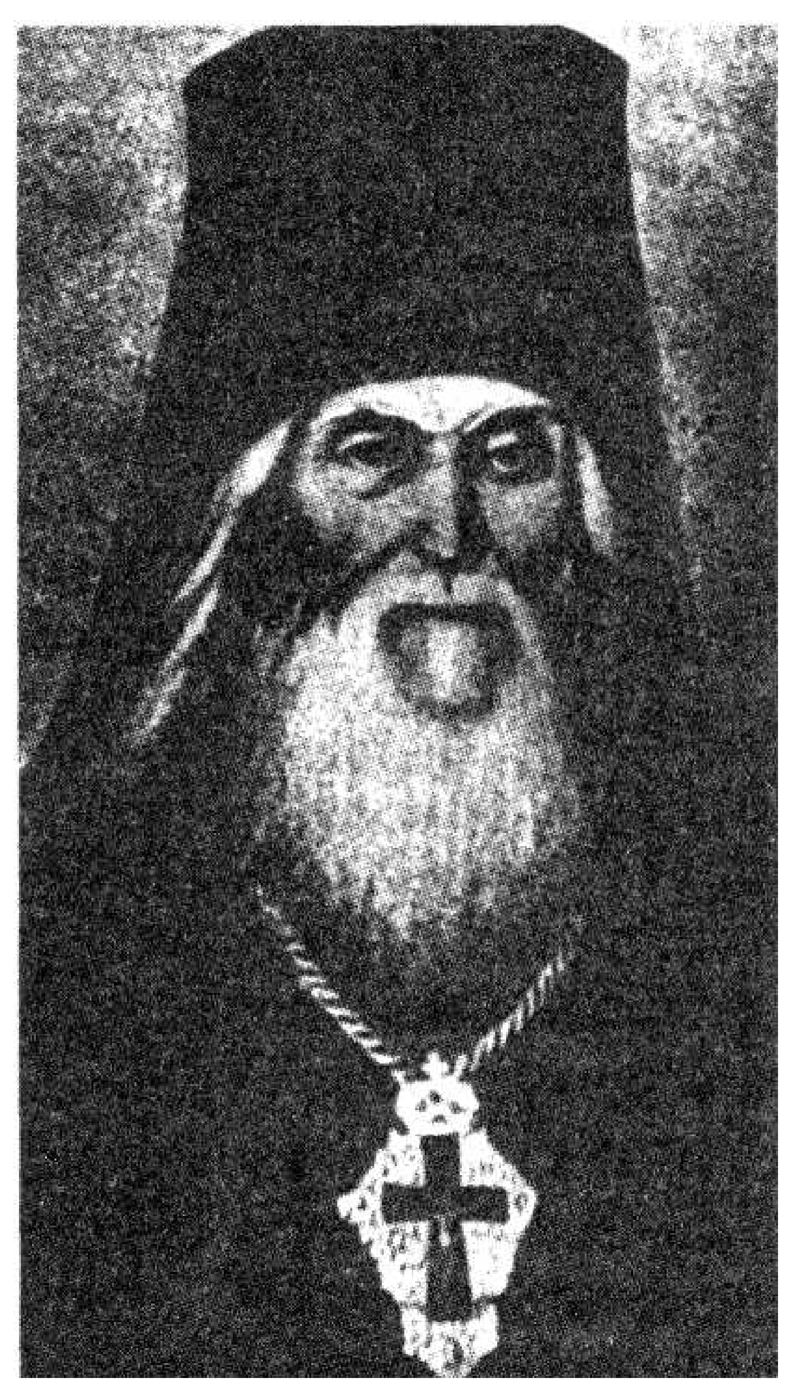
◊ Вот ты на меня, настоятеля, оскорбился за слово, что же будет, когда тебя другой оскорбит? Ты ответишь ему тем же, завяжется ссора, а может, и драка и Бог знает, чем все может кончиться, а стерпи одно слово и все мирно будет.

◊ Некие посетители из братии извинялись пред одним старцем, что приходом своим помешали его келейному правилу, он им ответил: «Мое правило такое: да не сотворю воли моей».

◊ На чудотворные иконы, как и на прочие явления перста Божия, подобает взирать, как на исполненные любви к человекам, любовью изобретаемые стези премудрости Божией, глаголющей: веселие Мое с сынами человеческими.

Преподобный Иоанникий, в схиме Илиодор
(1795–1879)

Здесь, ревностно стремясь к высшим духовным подвигам, 24 декабря 1858 года он принял святую схиму с именем Илиодор.

Имея давнее стремление к уединенным сосредоточенным молитвенным подвигам, подвижник испросил разрешение у настоятеля построить в гуще леса уединенную келью. Настоятель дал на это благое дело разрешение, но монастырских средств на строительство не было. Сам же старец не имел денег на сооружение даже убогой хижины. Тогда отец Илиодор сказал: «Верую, что Господь не оставит меня, буду молиться, чтобы Он послал мне средства на это дело». Молитва его была услышана. Вскоре нашлись

благодетели, которые помогли построить желанную для старца келью, строительство которой было закончено летом 1863 года.

Отец Илиодор, как и все ученики старца Филарета, был строгим блюстителем сердечной чистоты, внимательным хранителем своей совести, стяжателем смирения — «этой добродетели, неприступной для врага».

Переселившись в пустынную келью, он принял еще более суровый по отношению к самому себе образ жизни, усилил духовные подвиги. Кроме общего правила, он еще исполнял и другое — личное правило, состоявшее во всенощном бдении, исполнении пятисотницы с земными поклонами, чтении Евангелия и апостольских посланий и так далее. Так в молитве и посте подвизался он в своей пустынной келье более одиннадцати лет. На месте его подвигов впоследствии был основан Дальний (СпасоИлиодоровский) скит.

Занимаясь Иисусовой молитвой, бдительно охраняя свои чувства и мысли, отец Илиодор за свою святую жизнь сподобился Божиих откровений. Во время совершения святой литургии он видел Божию Матерь. Ему была открыта загробная благая участь старца Филарета; он провидел будущие места своих собратьев, предостерегал новоначальных иноков от проступков, примирял враждующих, утешал скорбящих, по своему смирению тщательно скрывая дар прозорливости.

За наставлениями и советом к отцу Илиодору стали обращаться не только братия и богомольцы, но и многие архиереи — авторитет его был очень велик. Кто бы ни приходил к старцу, он с сердечным вниманием выслушивал каждого, если беседа была душеполезная, а когда собеседник переходил к осуждению ближних, то старец кротко замечал: «Писано есть: „яко да не возглаголют уста моя дел человеческих…“» (Пс. 16, 4). Душевная простота старца Илиодора уподоблялась состоянию незлобивого младенца, но духовно он проникал в глубины человеческих душ. Например, если келейник готовил пищу, будучи в немирном устроении, то старец не мог вкушать ее. Память смертная всегда была присуща подвижнику, и часто он говорил себе: «Бедный Илиодор! Скоро предстоит тебе предстать на суд Божий».

Блаженная кончина старца Илиодора последовала 28 июня 1879 года.

Духовные наставления

◊ Духовной дочери, спрашивавшей старца: «Как и чем любить Господа?» — старец писал: «Отвечаю Его Божественными словами. Он сказал: „Любяй Мя заповеди Моя исполняет“. Быть может, спросите: какие? Те самые, которые нам твердит едва ли не всякий день святое Его Евангелие… „болен бых и посетисте Мене, в темнице бых, и приидосте ко Мне“, и прочее и прочее».

◊ На вопрос: «Что значит самоотвержение?» — старец Илиодор отвечал: «Не иметь ни в чем своей воли и не привязывать ума своего к тому, к чему безрассудно увлекаются страстные наши желания».

◊ Часто старец говорил: «Отцы святые советуют для охранения себя от самомнения проходящему путь подвижничества… покорять свою волю другому искусному, чтобы на себя не надеяться, а на молитвы другого и, смиряя себя, иметь сильное оружие против гордого врага… Одно то, что ты не будешь на себя надеяться, а на молитвы другого, будет защитою от врага, так как в этом есть смирение».

◊ Монахине, спрашивавшей «Что есть своя воля?», старец отвечал: «Исполнение временных желаний, не соответствующих воле Божией, и увлечение сердца к тем предметам, в коих грешит душа», и добавлял: «Живя по своей воле, не успеешь ни в чем».

◊ Желающих направлять свою волю по внушению собственных мыслей старец предостерегал от опасности: «Чадо! будь осторожна в своей жизни и не доверяй своему рассуждению, оно бесполезно». В другом письме он писал: «Не составляешь ли своего мудрования? Этого ты берегись, иначе потеряешь навсегда и время, и подвиги, и надежду, и награду за труды».

◊ На вопрос: «Что может ускорить ход к приобретению душевного спасения: труды ли, пост, молитва или уединение?» — старец Илиодор отвечал: «Телесные труды для тебя необходимы всегда, в особенности когда заметишь, что тело твое начнет восставать на дух и над оным брать поверхность. Пост считать должно в том же смысле; но он не для всех одинаково нужен, ибо старые и больные не могут содержать оного. А для тебя пост не только не полезен, но и опасен, потому что ты живешь по своей воле, а не по распоряжению своей старицы, а равно опасна и сама молитва, совершаемая тобою самочинно, хоть и необходимо нужна. Всего лучше для тебя, если ты будешь иметь беспрекословное послушание матушке игумении и станешь пред всеми смиряться. Только этот подвиг для тебя не

опасен, ибо первое полезно для тела, а последнее для тела и души. О безмолвии же и не думай. Оно выше твоих сил».

◊ Старец говорил, что полезнее смиряться и терпеть, чем поститься и быть затворницей.

◊ Когда старца Илиодора спрашивали: «Чем очищать душу от вредных помыслов?» — он отвечал: «Чем же больше, если не памятью о смерти».

◊ Духовной дочери, страшившейся искушений вражеских, старец пишет: «Не бойся! Будь только внимательна к своему спасению, и ты не будешь оставлена Отцом небесным, у Которого много благ для всех», другой он желает: «Дай Бог, чтоб она была внимательною».

◊ Скорби допускаются Самим Богом или для того, чтоб испытать твое терпение, верна ли ты своему призванию, или же для того, чтоб очистить тебя от грехов. Скорби доставляют душе нашей много добра, если станем переносить оные с великодушием и принимать все скорбное, как дар, ниспосылаемый от Господа с благодарностью.

Они нам полезны и для того еще, чтоб мы не возносились мнимыми своими подвигами, которые по своей ничтожности не заслуживают и внимания, а между тем, нам так и хочется сказать что-нибудь о себе, и, вознесшись, не пали бы падением лютым; от сего да сохранит нас Господь. Не унывай, сестра, если тебя скорби преследуют… ибо через оные ты сделаешься опытнее в своей жизни.

◊ Крест означает огорчения, досады, напасти, укорения и другие скорби, находящие извне, которые следует каждому из нас переносить с благодушием и от всей души благодарить всеблагого Бога, что Он посылает нам оное по Своему благоусмотрению и чрез то по неизреченной к нам Своей любви делает нас участниками Своих страданий.

◊ Все то, что ни посылает тебе Господь, служит на пользу твою. Предайся во всем воле Его святой и мужественно переноси огорчения, находящие извне… Нужно же чем-нибудь загладить свои греховности пред Богом, Который ищет твоего спасения. Это доказывается тем, что тебе ниспослан от Него крест. Неси оный без ропота, и ты сама увидишь, до какой степени он легок. Крест для всякого из нас неизбежен.

Сам Господь сказал святому Петру: «Возьми крест свой и последуй Ми». И если это было сказано одному из первых апостолов, то кольми паче сказанное приличествует нам.

◊ Мужественное перенесение болезни и преданность себя воле Божией более очищает душу от грехов, чем скудные наши подвиги.

◊ Терпи, благодари Бога, и не ропщи на Него, что Ему угодно было послать тебе болезнь, и спасешься.

На долю нашу, в продолжение дня, приходится только небольшая частица из благих дел и то не совсем чистая, а все почти одни грехи, для очищения коих много нужно и трудов, а у нас весьма мало заботы, чтоб омыть покаянием, как должно, оные; а если и каемся, то уж как каемся? Такое плачевное состояние трогает Отца небесного, Который, чтобы спасти нас, посылает нам, по всеблагой Своей воле, в наказание, как очистительные средства, разные бедствия, из коих болезни едва ли не самые легчайшие испытания Его. Оными-то благоутробный Отец наш, по Своей благости, и посещает нас, дабы очистить нас от грехов и соделать нас участниками небесных Своих благ… Человек, уверенный в том, что он наказывается за грехи, радуется, что Господу угодно было посетить его, и благодарит Господа за то, что Он дает ему время и средства покаяться.

◊ Ты спрашиваешь меня в своем письме, «как можно приметить в себе вражескую прелесть?» — Замечать, если мы, проходя внимательную жизнь, ставим в оной ближнего ниже себя, а себя выше и хвалимся пред другими без нужды своими подвигами, приписывая оные себе, а не помощи Того, без Которого не можешь творити ничесоже, то это явная прелесть. «В чем заключаются действия прелести?» — В самочинии и гордости. «Что я должна делать, чтоб истребить в себе самый малейший ее признак?» — Смиряться, как мрак при виде света от прикосновения солнечных лучей уничтожается в летние часы, так во всякое время прелесть вражеская исчезает от присутствия глубокого смирения, которое, впрочем, приобретается лишь поднятием на себя спасительного ига — креста Господня и несения оного.

◊ На вопрос одного монаха: «Батюшка! меня страсти беспокоят, а я немощен, не могу противостоять им, что мне делать?» — старец Илиодор отвечал: «Чадо, сами собою мы ничего не можем сделать, нам нужна помощь Божия. Древние святые подвижники говорят: страсти те же скорби, а о скорбях Господь сказал через пророка Давида: „Призови Мя в день скорби твоея и изму тя и прославиши Мя“ (Пс. 49, 15), видишь, чадо, нужно нам призывать Господа в помощь, а без Него мы не можем ничего сделать. Спаситель нам сказал: „Без Мене не можете творити ничесоже“ (Ин. 15, 5). А что Господь не оставляет тех, которые взывают к Нему о помощи, то об этом свидетельствует тот же пророк, говоря: „Близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его во истине“ (Пс. 144, 18)… Что страсти нас борют, от сего унывать не должно, это наша брань, против которой мы должны быть всегда готовы. Нужно только усиленно противиться их требованиям. А чтобы успешнее против них действовать, надо повнимательнее рассматривать, которая сильнее в нас действует страсть, против оной следует и вооружиться всею крепостию».

◊ Молодые люди, предавшись необузданно ветрености и бесстрашию, думают, что в старости могут исправиться. Тщетная надежда. Они, бедные, не знают, что привычка есть вторая природа, которую искоренить трудно. Не лучше ли во всякое время противиться врагу душ наших, влагающему в нас страсти. Этим мы только и можем восторжествовать победу над страстями.

◊ Чадо, если ты желаешь, чтобы твои действия были не погрешительны, постарайся, чтобы они всегда были основаны на Евангельских истинах, на учении святых апостолов и на изречении святых отцов-подвижников. В этой святой сокровищнице ты найдешь основание на все, что для тебя будет нужно, на всякий случай, на всю жизнь.

◊ Чтение духовных книг весьма полезно. Оно утоляет душевный голод, происходящий от недостатка слова Божия, и бывает причиною истинного покаяния — питая душу, как питает нашу плоть насущный хлеб.

◊ Священное Писание старайся изучать тщательно и понимать правильно, чтобы не толковать его в пользу своих прихотей и от горделивого мнения показывать себя сведущим для применения к другим.

◊ Обуреваемым страстями старец Илиодор непременно советовал читать святоотеческие творения. Он писал: «Книги отеческие преимущественнее потому, что раскрывают в нас затаенные страсти и научают, как побеждать их. Из них можно почерпать правила духовной жизни».

◊ Старец постоянно призывает читать такие из отеческих книг, как творения преподобных Ефрема Сирина, аввы Дорофея, Лествичника, аввы Варсонофия, аввы Исаии и Марка Подвижника, в писании коих виден дух подвижнической жизни и неуклонный путь к вечному блаженству.

Отец Илиодор предостерегает от чтения книг умозрительных, призывая более читать книги деятельные. Он писал: «То чтение преимущественно должно быть, в котором представлено одно только то, как познавать себя. Смирение есть высокая добродетель, и кто достиг до степени оной, тот стал познавать себя».

Старец Илиодор советует также быть крайне осторожным при чтении «Добротолюбия», поскольку эта книга написана не для тех, кто начинает духовную жизнь, а для людей духовных. По мысли старца Илиодора, «духовным может называться человек тогда только, когда все плотские желания угаснут в нем или станут покоряться духу».

Принимая во внимание эти препятствия, которые могут возникнуть при чтении, старец Илиодор многократно призывает прежде всего стремиться к смирению, а не искать высоких дарований и, главное, советоваться по этому вопросу с людьми, опытными в духовной жизни. Он говорил: «При всем сказанном нужно руководствоваться строгим рассуждением, без которого

иногда в наши, по-видимому, добрые предприятия, по хитрости врага, вкрадываются тонкие погрешности. Отцы святые говорят: „Рассуждение выше всех добродетелей“; следовательно, должно стремиться к приобретению этой добродетели. Приобретается же она не иначе, как постоянным обращением с человеком, имеющим этот дар». Даже при богатстве рассуждения старец советует покорить свою волю другому, чтобы надеяться не на себя, а на молитвы другого и, смиряясь, иметь сильное оружие против гордого врага. Благотворно действие чтения слова Божия и духовной литературы на душу человека, идущего по пути к вечной жизни. Однако это духовное упражнение само собой не может спасти человека, но только указывает на Христа, чтобы от Него искать исцеления и спасения.

Преподобный Архипп (1835–1896)

По поступлении в обитель будущий схимонах Архипп пять лет не имел кельи. Он нес послушание в хлебопекарне и еще послушником оправдал священные слова, которые вышиваются на схимнических одеждах: «плещи моя вдах на раны и ланиты моя на заушение, лица же моего не отвратих от студа заплеваний». Однажды на пекарне он стал просить новоначального брата месить хлебы. Тот в гневе бросился на него и закричал: «Как ты смеешь меня заставлять?» — и бил его до тех пор, пока сам не уморился. К изумлению окружающих, отец Архипп поклонился обидчику в ноги и просил прощения. После этого избиения он несколько дней болел.

Другой раз тот же брат, в пылу напрасного гнева, схватил отца Архиппа за бороду и вырвал у него клок волос. Смиренный и кроткий старец огладил бороду и, падая в ноги обидчику, сказал: «Прости меня, верно, я тебе не понравился».

Кто-то на пекарне сильно ударил отца Архиппа в висок; он четверть часа лежал без памяти на грязном, мокром каменном полу, а очнувшись, встал и молча взялся за свое дело, как будто с ним ничего не случилось.

Раз его сильно побил один брат за то, что ему не понравилось пение Архиппа на клиросе.

Спал старец или на грязном каменном полу в пекарне и на угольях, лицом в угол, или на полке под столом, при самом входе в пекарню. Иногда старец нарочно рассыпал муку, разливал воду или ронял тесто. Начнут его ругать, а он кланяется и у всех прощения просит.

Одежду подвижник носил порванную, грязную. От простуды и долгого стояния в храме у него на ногах образовались отеки, обыкновенных сапог одеть было невозможно. Он некоторое время носил на одной ноге сапог, на другой валенок, потом ходил в худых опорках, которых никто не поднял бы на дороге, если бы нашел.

Часто старец тер лицо руками или ерошил волосы на голове. Все это подавало повод называть его юродивым, безумным, прельщенным.

Старец Архипп говорил: «Лучше всего дураком быть, да надо уметь им сделаться».

Уже много позже старец говорил своим послушникам: «Путей спасения много, каждый идет своим путем. Наш игумен идет открытым прямым путем; отец Игнатий также идет открытым прямым путем; Иероним идет закрытым путем смирения, а я сделал себя дураком, и дурак на самом деле.

Трудны все пути, но дураком себя не всякий может сделать. Трудно не обижаться, когда оскорбляют, а надобно все терпеть. Мальчики (молодые послушники) мне говорят: Архипп, ты дурак; и я говорю: дурак. Ты, говорят, не так сделал: простите, я — дурак, не понимаю».

Желая «положить хранение устом своим» и не согрешать языком, старец, в начале подвигов своих, пред тем, как на пекарню собираться братии на послушание, клал в рот щепку, пока не навык молчать или говорить только кратко одно полезное. Когда заговаривали о душеполезном, он оживлялся, причем глаза его начинали искриться какою-то неземной радостью, и на устах появлялась улыбка.

Пустословие других старец прекращал громким произнесением молитвы Иисусовой или заставлял кого-либо читать Священное Писание. Когда спрашивали у него не должное, он отвечал: «Прости, Бога ради, я ничего не знаю», и громко начинал повторять: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго». Вообще надобно сказать, что у него в словах, делах, движениях, а главное — в сердечном чувстве, всегда был страх Божий.

Незлобие, прощение обид, добровольное юродство и вся жизнь старца Архиппа свидетельствовали о его глубоком смирении. В начале своих подвигов в обители он руководился советами братского духовника иеромонаха Анастасия, а после его смерти обращался к известному старцу схиархимандриту Илиодору, с которым некоторое время жил в одном коридоре. Старец Илиодор полюбил Архиппа за строгую жизнь и смирение и отзывался о нем высоко. Старец Илиодор говорил: «Вот мы видим образец живого святого». Другим монахам схиархимандрит Илиодор, указывая на отца Архиппа, не раз говорил: «Это один из древних старцев живет в наше время».

По терпению своему старец Архипп выделялся от многих. Об этом свидетельствует даже одно то, что на послушании в пекарне он пробыл тридцать три года подряд. Ему несколько раз предлагали быть старшим, но старец предпочитал лучше подчиняться, чем повелевать. «Я ничего не смыслю, простите меня неразумного, — говорил он, падая в ноги, — назначьте другого».

Десятками лет позже его поступившие рясофорные послушники были старшими, а он, мантийный монах, покорно повиновался им, оставаясь младшим.

Лишь с принятием схимы в 1885 году он освобожден был от этого послушания и стал только читать Псалтирь по благодетелям.

Но и после увольнения из пекарни старец Архипп не переставал добровольно трудиться на прежнем послушании; нередко его можно было

видеть ночью месящим хлебы вместе с послушниками. Когда некем было заменить отсутствующего брата, просили отца Архиппа; он беспрекословно шел на послушание в пекарню.

В 1890 году отца Архиппа, как высокого подвижника, назначили в ближний скит для принятия посетителей, ищущих духовного совета. Для строгого аскета такое послушание было весьма тягостно, но он, привыкший во всем повиноваться, не прекословил.

В скором времени старца Архиппа перевели на дальнюю монастырскую пасеку, место пустынных подвигов схиархимандрита Илиодора. Через некоторое время там был выстроен храм и начал основываться Спасо-Илиодоровский скит. Под руководством отца Архиппа и началась скитская жизнь Глинских иноков, пока не назначен был скитоначальник-иеромонах. Но и после того, до января 1896 года, старец Архипп оставался в скиту на покое, по болезни и старости, продолжая всегда быть примером послушания, смирения и терпения. Слово «покой» здесь разумеется только в том смысле, что старец не нес обычного монастырского послушания, но не переставал трудиться в подвигах, добродетелях и приеме посетителей.

Тогда многим стал известным его дар прозрения и сила молитв. По благословению отца настоятеля старца просили на монастырскую гостиницу и возили на монастырские хутора; он повиновался, как дитя, готовый на всякое послушание.

Будучи в схиме, старец продолжал ходить в братскую трапезу, но воздерживался от насыщения, стараясь, впрочем, не показать и виду. Когда все кушали, он весьма медленно, не торопясь, понемногу принимал пищу; хлеб кушал крошками. Старец не употреблял рыбы, и для него никаких разрешений не существовало.

Благообразие души старца Архиппа невольно сказывалось в лице: оно сияло бледностью святого воздержания. В посты старец был особенно воздержан. С переходом в Спасо-Илиодоровский скит он усилил свой пост. Начал причащаться еженедельно, а если на неделе был праздник, то и чаще. Поэтому у него было всегда сухоястие, без масла. Горячую пищу подвижник употреблял по субботам и воскресеньям, а в остальное время для него пищей были: хлеб, сырая капуста, огурцы, редька, картофель. Раз на первой неделе Великого поста, видя старца Архиппа сильно отощавшим, брат Леонид предложил старцу подкрепиться пищей. Строгий воздержник побежал от него. Так боялся он нарушить пост.

Отец Архипп так же был крайне воздержан в зрении. На женщин он вовсе не смотрел, в их присутствии взор обращал на другие предметы или вниз. Если необходимость заставляла сидеть с женщиной, он садился

далеко, голову опускал и отвечал на вопросы собеседницы, не обращая к ней лица своего.

По смирению своему старец Архипп не считал себя достойным уважения, иногда удивлялся, зачем к нему идет народ. «Огарок догорает, смерть на носу, глаза оловянные, глупый…» Так он называл себя. Иногда он скрывался от народа, а раз в ближнем скиту вылез в окно, когда келью его окружило много народа, и келейник объявил, что старца нет в келье.

Почетные посетители иногда сопровождались к старцу Архиппу кем-либо из братий. Это стесняло смиренного подвижника. Тогда он, вместо советов, говорил разные несообразности, и многие оставались в недоумении относительно хваленого старца, который не умеет толком сказать двух-трех слов. Как-то в обитель приехали почетные посетители. NN расхвалил им прозорливость старца Архиппа и, между прочим, сказал: «Он даже угадает имена ваши». Старец, действительно, называл некоторых паломников по именам, не зная их и видя их в первый раз. Когда эти почетные гости вместе с NN вошли к старцу, он обращается к одному из них и спрашивает: «Вас зовут Петр?» — «Нет». — «Иван?» — «Нет». Второго гостя старец также назвал двумя случайными именами, а потом с улыбкою повернулся к NN и спросил: «А что, угадал»?..

Однажды старец Архипп сказал своим посетителям: «Вы ученые, а я малограмотный, что скажу вам? Молитесь Богу… Хорошо, что посетили нашу обитель… Ваше имя как? Помолимся». Он начал молиться с поклонами: «Помяни, Господи, раба Твоего (имя), помяни, Господи…» Так до десяти раз. «Даруй ему, Господи, здравие и спасение… Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, Пресвятая Богородице, спаси нас!» Опять сделал несколько поклонов. С ним молились все присутствовавшие.

Смиренный подвижник, бегавший всякой славы, и келью имел смиренную. В ней не было никаких украшений; иконы с лампадкой пред ними, подставка с Следованной Псалтирью, стол, стул, табуретка и кровать. Все это было старое и самое простое. На кровати побитый войлок и чем-то жестко набитый толстый мешок, вместо подушки; на закоптелых стенах в беспорядке прибиты листы бумаги различной величины с молитвами и изречениями. Видно, вся забота старца была не о внешнем убранстве жилища, а о внутреннем украшении души. В последнее время келья старца Архиппа имела несколько лучший вид, но только потому, что келейники ее убирали, а старец ни во что не вмешивался. Почитатели заботились о возможном упокоении немощного подвижника и посылали ему — кто мягкое кресло, кто коврик. Он, не желая оскорблять отказом, принимал все с благодарностью, но, привыкнув к простоте, видимо, всем этим тяготился.

Все время вне храма и послушания старец Архипп проводил в молитве или чтении Священного Писания. Кто бы ни пришел к старцу из братий, он заставлял прочитать главу-две из Апостола, Евангелия или кафизму из Псалтири. Иногда он приходил сам к кому-либо живущему с ним в одном коридоре и также просил почитать Псалтирь или Евангелие. Кроме того, любил читать или слушать акафисты и Киево-Печерский патерик. Из последнего — преимущественно жития Марка Пещерника, Пимена Многоболезненного и Прохора Лободника. Нередко старец Архипп просил кого-либо читать акафист святителю Тихону Задонскому. Старец питал благоговение к святителю особенно за то, что тот поклонился в ноги ударившему его юродивому. Смирению святителя подражал старец Архипп и также падал в ноги своим оскорбителям, прося у них прощения.

Желая всякую минуту употребить на служение Богу, старец Божий на себя лично, для обеда, ужина, чая, старался употребить как можно менее времени. Он мало спал. Когда жил в монастыре, то спал большею частью, сидя на узком выступе печки, а чтобы не упасть, протянул веревку и во время сна держался за нее. Иногда отец Архипп спал, сидя на стуле.

В юности старец не любил денег и, будучи монахом, остался верным обету нестяжания. Если брат присылал ему немного денег, или если впоследствии ему давали деньги посетители, старец не прилагал к ним сердца, тратил их на чай для угощения братий, приходивших к нему за духовным советом, и на нужды обители. Старец никогда не запирал денег; жившие близ него всегда знали, где находятся его деньги, их он клал в щели стен своей кельи, по углам или на полу, и не скрывал этого.

Зная, что страдающий плотью перестает грешить, старец Архипп для сохранения блаженного бесстрастия без всякого сожаления изнурял себя разными способами, и когда был совершенно больной, лично не принимал никаких мер к излечению. Но это происходило у него не от пренебрежения жизнью, а от полного упования на Бога, без воли Которого и волос с головы человека не спадет. Заботясь, насколько возможно, поддержать здоровье подвижника, отец настоятель в 1895 году благословил старца Архиппа распарить больные ноги в бане. Старец, как поступил в обитель, сорок три года не был в бане и, неизвестно, бывал ли когда, но он не посмел ослушаться своего пастыря. Келейник невольно высказал удивление: «Столько лет вы, батюшка, не ходили!» — «А послушание?.. Отец игумен благословил», — сказал старец Архипп.

При раздевании старца келейник увидел, что он туго опоясывался по белью толстою веревкой. Большой узел веревки упирал в желудок подвижника. Келейник говорил: «Жаль было смотреть на отца Архиппа. Тело у него было очень сухое, точно скелет, обтянутый кожей».

Иногда зимой, в мороз, уже будучи в дальнем скиту прославленным подвижником, старец Архипп больными ногами станет на снег по колено и стоит. «Вот тебе, вот тебе!.. Не хочешь? Стой!» Так укорял он плоть свою, противящуюся требованиям духа.

Когда по послушанию отцу Архиппу необходимо было ехать из скита в обитель, он просит запрячь лошадь, а сам идет пешком или еще побежит. Запрягут лошадь и нагонят его где-либо лежащего в снегу или в грязи, едва переводящего дух.

Еще более было ревности у старца к посещению храма Божия. Все Божественное он изучал не словами, а трудами, ибо хорошо понимал, что не слов, а дел потребуют от него во время исхода. С освобождением от обязательного послушания на пекарне, отец Архипп всегда находился в церкви, пока храм был открыт. Можно сказать, что он жил более в храме, чем у себя в келье. С полпервого ночи до трех-четырех часов утра он был на утрени, а в праздники на бдении с семи часов вечера, четыре-шесть часов подряд; днем старец находился там с раннего утра до обеда, пока не отслужит две литургии, акафист и не отбудут все требы; час на вечерни, час на повечерии, а иногда и более. Кажется, не было случая, чтобы старец Архипп проспал утреню или не выстоял ее до конца; если и могли быть исключения, то не по его вине.

Не видели старца Божия разговаривающим в храме или смеющимся, но всегда внимательным; поистине, он содевал спасение со страхом и трепетом. Были случаи, когда отец Архипп заболевал, едва мог идти, но хотя ползком, как говорил про него один почтенный старец, а все же направлялся в церковь. Эту ревность ко храму Божию он сохранил до смерти.

Старец Архипп в отношении богослужения был строг и к своим приближенным и ученикам. Их он вел тесным путем труда, терпения и смирения. Когда ему за послушание благословлено было принимать посетителей, то ему назначили келейника. Иногда при нем жил кто-нибудь из братий. Им он благословил делать все необходимое, не спрашивая каждый раз благословения, кроме некоторых случаев, и требовал, чтобы они всегда были чем-либо заняты. Если видел кого праздным, был недоволен и немедленно назначал какое-либо дело.

Отец Архипп был старцем преимущественно Глинских схимников. Приведем здесь примеры его отношений к ученикам. Однажды старец Архипп пришел в больницу к ученику своему, схимонаху Варнаве, и спрашивает его, почему не ходит в церковь. Тот отговаривался болезнию ног. «Надо принуждать себя», — заметил старец Архипп и показал ему свои ноги. Они, по выражению бывшего тут инока, были толстые, как бревна, багрового цвета и в ранах; страшно было смотреть на них.

Старец Архипп, находясь на послушании в пекарне, более двадцати лет подчинялся монаху Лонгину, а, по принятии последним схимы с именем Луки, сделался его старцем. Они потом одновременно жили в ближнем и дальнем скитах и помогали друг другу идти тесным путем. Для посторонних и не понимающих сокровенного их подвига взаимные отношения сих старцев казались чуть ли не враждебными, но это была своего рода духовная мудрость. Старец Архипп неопустительно посещал службы, а схимонах Лука, такой же ревнитель посещения храма Божия в обители, с переводом в Спасо-Илиодоровский скит, держал себя как бы в затворе и не всегда посещал храм Божий, но вычитывал все службы у себя в келье. Старец Архипп говорил: «Я хожу в церковь, а Лука не ходит, посмотрим, кто из нас выгадает». Схимонах Лука находил тоже кое-что сказать про старца. Под обычными слабостями осуждения и пересуда друг друга (а не посторонних) они скрывали свои добродетели. Неопытные этим соблазнялись, высказывали нездравое состояние своей души и уврачевывались или совестию, или самими старцами.

Так однажды старец увидел идущего к нему отца Луку и говорит: «Глухой идет». Находящийся у старца один брат стал осуждать идущего отца Луку. «Я говорю, а ты про него говорить не можешь, он выше меня», — заметил брату старец Архипп и заставил осуждающего класть поклоны. Отец Лука действительно был великий подвижник Божий. Его глухота была неодинакова. Отец Лука не слышал вообще, когда его спрашивали или говорили о неполезном. Глухотой подвижник прикрывал подвиг своего молчания. Среди бумаг, оставшихся после смерти отца Луки, была такая заметка: «Скорый путь к добродетели есть молчание, смежение очей и глухота».

Как-то раз отец Лука ночью пришел к отцу Архиппу, пал ему в ноги и просил прощения, тот тоже пал в ноги ученику. Так они несколько раз падали друг другу в ноги. Келейнику, умиленному смирением старцев, они запретили об этом кому-либо говорить.

Молитва смиренного, говорит слово Божие, проникает облака (см.: Сир. 35, 17). Молитва смиренного старца Архиппа даже за других была действенна пред Богом. Вот лишь один пример. Юный послушник Петр просил старца помолиться, чтобы ему во сне увидеть загробную участь еще живых его родных. Старец Архипп ответил: «Увидишь, не спи до двенадцати часов». Брат Петр, уснув после двенадцати часов, увидел отца, мать и других родных веселящимися в каком-то красивом доме, а бабушка в это время ругалась, была мрачная, черная. Сон свой послушник передал старцу. Старец Архипп велел сорок дней молиться за бабушку, а бабушке на

сорок дней затвориться и поститься, чтобы избежать участи грешных за гробом.

В последнее время жизни отец Архипп был совсем слаб, особенно ногами, вот, кажется, сейчас умрет; но — заблаговестили, он напрягал последние силы и не шел, а бежал к богослужению, показывая другим пример, как надо монаху спешить на церковную службу. «Зазвонят в церкви, — как на пожар беги», — говорил он другим. Находясь в дальнем скиту, совершенно больной, он лежит и едва дышит. Но вот зазвонили к богослужению, он говорит келейнику: «Веди, веди меня!» И идет, едва передвигая ноги, поддерживаемый келейником, и еще укоряет себя за нежность.

В последний год старца носили или возили в храм; стоять он не мог, а сидел или лежал, не желая оставаться в келье во время богослужений. Вообще старец Божий побуждал себя на всякое дело благое; благочестием поборал разленение, молитвой, терпением и трудом прогонял уныние, обычное на долгом иноческом пути.

Великий подвижник умер в пятницу 27 сентября 1896 года.

Духовные наставления

◊ «Бог нам всем приготовил звездочки, а получить их от нас зависит».

Под звездочкой старец Архипп разумел райские обители святых.

◊ У старца был тяжелый чугунный крест, с тяжелой железной цепочкой. Иногда он его надевал на себя или на других и приговаривал: «Тяжел крест, но спасителен».

◊ В дальнем скиту старец однажды после вечерни лег на пол храма головою в угол и не вставал. Брат Иван говорит ему: «Батюшка, тут жестко». — «За мои грехи и этого мало», — ответил подвижник.

◊ Иногда старец давал особые уроки труда и терпения. Раз осенью отец Архипп пригласил отца N помочь ему обмазать келью. Для обмазания стен он брал не глину, а грязь, которая была тут же, у кельи; грязь не прилипала и отваливалась. Так немало потрудились. Наконец, старец Архипп говорит: «Пойду самовар ставить», и ушел, а инока оставил работать. Тот и подумал: «Руки зябнут, грязь не пристает, только напрасный труд, лучше бы старик пригласил штукатуров, — они сделали бы все как следует». В это время старец Архипп позвал его на чай и говорит: «Руки зябнут, грязь не пристает», и повторил все, что тот думал. Потом добавил: «Раб Божий, не скорби; Матерь Божия каждый шаг твой видит и запишет, ничего не пропадет». После этого уже не работали, келья осталась необмазанной. Для старца, как видно, нужна была не обмазка кельи, а урок.

◊ Недоверие к своему рассуждению старец Архипп сохранил до самой смерти. Будучи уже прославленным подвижником и старцем, руководителем в духовной жизни Глинских схимников, а также давая другим наставления, он не переставал спрашивать у других: «Так ли я сказал?» — и при этом прибавлял: «Я ничего не знаю».

◊ Когда при старце кого-то осуждали, старец обыкновенно говорил: «Он выше (достойнее) меня».

◊ Послушник-живописец летом расписывал внутри теплую церковь. Входит туда старец Архипп. Послушник подумал: «Хорошо бы, если бы старец сказал что-либо на пользу». Старец подошел к нему и говорит: «Мы не можем подвизаться и поститься, как древние: будем есть, трудиться и смиряться, и Бог помилует нас».

◊ Как-то раз во время богослужения в скитском храме старец подошел к монаху Г. и говорит ему: «Не скорби», а потом спрашивает: «Ты не скорбишь?» — «Нет, батюшка, теперь особенных скорбей не имею». — «Ну, так будут скорби, только ты не скорби, на свете все перевертывается и

изменяется. Тебе бы лучше отказаться от старшинства». Сказав это, старец пошел на свое место и схиму, которая у него была надета наизнанку, перевернул на правую сторону.

Через некоторое время отца Г. сменили со старшинства и назначили на другое послушание.

◊ Один благодетель Глинской обители, несмотря на свои старческие лета, ходил в сюртуке и носил накрахмаленную рубашку. Старец Архипп говорит ему: «Сюртук замени длинной свиткой и подпояшься поясом; рубашку носи простую: к чему тебе наряжаться, ты старик, — тебе надо к смерти готовиться».

◊ Старец Архипп, несмотря на свой претрудный образ жизни, не только сам всегда благодушествовал, но, движимый любовию к ближнему, то рано утром, то поздно вечером, то в одном, то в другом месте являлся утешать скорбящих и малодушных.

«Чудный он у нас, — говорил про старца скитянин отец В., — сам едва ходит, а когда надобно утешить другого, прибежит веселый, запоет о смерти, ободрит словом; видя его, невольно сам ободришься».

Преподобный Серафим (Амелин) (1874–1958)

Великий старец Серафим (Амелин) был истинным последователем богомудрых настоятелей Глинской пустыни. Именно ему во многом обязана обитель своим духовным расцветом и внешним благоустройством. При нем прославилась Глинская пустынь святыми старцами — духовными руководителями иноков и мирян к вечному спасению.

С 1919 года отец Серафим нес ответственную и особенно тяжелую в те тревожные годы должность казначея, в которой он подвизался до закрытия монастыря, будучи во всех делах «правой рукой» настоятеля. За усердное исполнение своего послушания в 1920 году он был награжден наперсным крестом. После закрытия обители старец Серафим жил в селе Ковенки Шалыгинского района Курской (а после 1938 года — Сумской) области, занимался столярно-слесарной работой.

Еще во время революции он тайно принял схиму с тем же именем Серафим. Став схимником, отец Серафим как бы совсем ушел от внешнего мира в свой внутренний, сердечный мир, обретая там Бога. Поразительно было его дарование жить среди мира внутренне по-отшельнически.

Отец Серафим был свидетелем трагедии Глинской пустыни. Он видел, как избивали монахов, уничтожали скиты, храмы, изымали ценности, оскверняли могилы. Он и сам пережил изгнание, арест, ссылку, издевательства. Но Господь сохранил его жизнь и здоровье до глубокой старости, словно бы для того, чтобы сподобить восстанавливать святую обитель, пусть не в полном объеме, хотя бы «размером с ноготь», чтобы видеть, знать, что в ней снова затеплились лампады, снова творится молитва. Это все было предсказано старцем Архиппом перед смертью в 1896 году и передано келейнику Аристоклию: «Вы еще много лет проживете и перенесете много горя, окажетесь не однажды в тюрьме, но все-таки скончаетесь в Глинском монастыре, который к тому времени не будет как этот, большой, но станет таким», — и указывал при этом на ноготь мизинца.

После разрушения зданий, разграбления имущества, оставался нетронутым один лишь новый лазарет, который приспособили под жилье; храм превратили в клуб. Когда же в 1941 году началась война, то новые «хозяева» покинули территорию монастыря. Вскоре сюда вернулись двенадцать монахов с архимандритом Нектарием, которые до того жили уединенно в близлежащих лесах и деревнях; они вернулись в свой

поруганный дом. Правда, отец Нектарий вскоре тяжело заболел и спустя несколько недель мирно преставился, завещав наместничество старшему из отцов, которым по жребию и стал отец Серафим, возведенный потом в сан игумена.

С верой в помощь Божию и в защиту Предстательницы рода человеческого отец Серафим принял это тяжелое бремя без какой бы то ни было материальной поддержки извне. Но вместе с малым, духовно единым, старческим братством, он возродил прежний киновийный устав игумена Филарета и строгую монашескую жизнь.

Старец своей жизнью, кротостью и любовью всех привлекал к себе. Многие избирали его своим духовным отцом и ходили к нему на откровение помыслов.

В должности настоятеля отец Серафим усилил свои подвиги, предался великому воздержанию и слезно молился о возрождении духовной жизни обители во всей ее былой славе. Он принял настоятельство в возрасте шестидесяти девяти лет и был уже преисполнен благодатных дарований.

Всю свою подвижническую жизнь старец Серафим любил молчание, так как занимался Иисусовой молитвой, а она несовместима с многословием. Путем этого внутреннего делания он достиг духовного безмолвия и ангельского бесстрастия. До самоотвержения преданный заботам о благе обители, о спасении вверенных его руководству душ, старец оставался спокойным и самособранным, несмотря на многотрудные и разнообразные обязанности настоятеля монастыря. Никогда не было в нем суетливости или раздражения. Благоразумный и рассудительный, старец и среди многих попечений умел жить как затворник, пребывая в умно-сердечной молитве. Эта его непрестанная, вдохновенная молитва незримо ограждала братию от всех козней вражеских.

Путем непрерывной внутренней борьбы, самоуничижения, скорбей и всякого рода испытаний старец Серафим получил великое дарование — любовь к Богу и ближним, горящую в его душе, подобно сильнейшему огненному пламени. С братиями обращался он как с родными детьми. Из любви к ним только и вступал в беседу, и то очень редко, при этом говорил лишь о работе над умом и сердцем. Он учил братию жить в благочестии, волю свою не творить, а иметь полное послушание. Наставлял всегда коротко, четко, ясно. Слово его содержало высокое назидание и отличалось особенной меткостью, так как ум отца Серафима, просветленный благодатью, ясно постигал истины Божии. Он всей душой любил эти

истины, и когда говорил о них, то слово его шло от сердца к сердцу и было всегда действенно и плодоносно.

Старец во всей полноте имел дар прозрения в тайники человеческих душ. Приходившие к нему ясно видели, что все их мысли и чувства открыты ему и без слов. Когда старец в последние годы жизни болел и ему трудно было говорить, то ради его святых молитв многие, лишь побыв в его келии и даже не сказав ни слова, получали благодатные дарования, уходили утешенные, исцеленные душой. Недаром просившиеся к нему во время болезни уверяли келейника, что ни слова не скажут, не будут беспокоить отца настоятеля своими вопросами, они стремились хоть недолго побыть возле благодатного старца. Рядом с ним отлетало все ненужное, суетное, наносное. Человек становился самим собой и получал редкую возможность видеть себя как бы со стороны, таким, каков он есть. Каждый сам ощущал свои грехи и невольно приходил к искреннему раскаянию. И вот тогда старец с кротостью говорил два-три слова на пользу душе, и эти слова человек, как драгоценное сокровище, хранил незабвенно всю жизнь, благодаря за них Бога.

Пребывая в своей келии в молитве, отец Серафим всегда знал все, что происходит в монастыре. Его взору были открыты все духовные нужды братии. Например, однажды он неожиданно вызвал к себе в келию молодого ревностного монаха, который стал так сильно поститься, что даже заболел. Был Петров пост, а отец настоятель налил ему полный стакан кефира и велел пить; из послушания монах выпил, хотя никогда в жизни не нарушал поста. Тогда старец Серафим сказал ему: «Вот так, и не перегибай палку!» Мудро удерживал он молодых подвижников от непомерных подвигов.

Смирение было господствующим качеством его души. Оно проявлялось во всем: и во внешнем виде, и во внутренних поступках. Даже схиму старец носил тайно; не только в документах, которые он подписывал по делам обители, но и в своем послужном списке никогда не указывал, что он схимник. Смирением всех он покорял, даже тех, кто был недоволен, замечания делал с кротостью, но в случае необходимости своим кротким словом мог и сам смирить людей, много о себе думавших; этим он оказывал ближнему духовное милосердие.

Но особой отличительной чертой духовности старца Серафима было его миротворчество. Этот дар его начал проявляться еще в молодые годы, но теперь он раскрылся во всей полноте. Внутренний мир, мир Христов, который царил в его смиренномудрой душе, нес старец Серафим всем окружающим и объединял миром и любовью самых разных людей. Недаром во все время настоятельства отца Серафима жизнь обители была наполнена

миром духовным и тишиной. Это отмечали не только братия, но и многочисленные паломники, приезжавшие в Глинскую пустынь.

Богослужение, совершаемое старцем, имело особую благодатную силу; своей благоговейностью, красотой, духовностью и величием потрясало человеческую душу, влекло ее к небу.

Отец Серафим весь как бы растворялся в молитве. Молитва переносила его в неземной мир, делала его жителем иного мира. Порой от одного взгляда на ангелоподобный облик старца у человека происходил в душе нравственный переворот.

Господь еще при жизни прославил Своего угодника явными чудесами. Например, редкий был день, когда старец Серафим не обходил всех послушаний; он шел по монастырю, но не каждому было дано его видеть. Это открывалось только духовным старцам. Старцы низко кланялись, а молодые монахи спрашивали, кому они кланяются. Те с благоговением отвечали: «Отец настоятель пошел!» Сами великие Глинские старцы учились у него, а известный святостью жизни схиархимандрит Андроник (Лукаш) особо благоговел пред ним и был у отца Серафима келейником.

Старец Серафим обладал и даром прозорливости. В последний год, прощаясь с некоторыми из близких, он уже предупреждал, что расстаются они навсегда. Чувствуя близость кончины, он очень переживал о братстве обители, искал себе замену, приглашал занять свое место архимандрита Зиновия (впоследствии митрополита Тетрицкаройского).

В день памяти великих Московских святителей, 18 октября 1958 года, старец Серафим созвал братию, сделал наставление, благословил всех и с миром отошел к Господу, держа в руках святой крест.

Преподобный Андроник (1889–1973)

Отец Андроник (Лукаш) принял монашеский постриг в 1921 году. После закрытия Глинской пустыни епископ Павлин (Крошечкин) взял отца Андроника к себе в келейники и в 1922 году рукоположил во иеродиакона. О первой ссылке старец рассказывал так: «Однажды в храме подошла ко мне какая-то женщина и со слезами говорила, что все церкви закрыты, колокола перестали звонить, а я сказал: „Бог даст и зазвонят“; за эти слова сослали меня на Колыму в 1923 году на пять лет». В ссылке отец Андроник был санитаром в больнице. Он ухаживал за больными с искренним состраданием и любовью, сам мыл их. Все его полюбили, а сосланные узбеки даже звали «мамой».

Однажды в больницу привезли умершего епископа Иринарха (Синькова). «Привезли его на повозке, повозка коротка, голова висит… Он такой был худой, одни кости…» — вспоминал старец. Отец Андроник обмыл его и упросил врача, чтобы тот отдал для погребения епископа большой гроб, который несколько лет стоял в больнице, потом «застелил гроб белой простыней, из полотенца сделал омофор, надел на епископа свою шапку и в руки дал четки». Отец Андроник написал епископу Павлину, что Господь сподобил его похоронить епископа Иринарха. По амнистии старец Андроник вернулся из ссылки раньше срока и по-прежнему был келейником у епископа Павлина, который в 1926 году в Московском храме Воскресения в Сокольниках (к этому времени преосвященный Павлин был назначен епископом Можайским, викарием Московской епархии) рукоположил его в сан иеромонаха. Через год, когда отец Андроник сильно заболел, он был пострижен в схиму с оставлением имени Андроник (в честь преподобного Андроника, память 26 (13) июня).

В 1939 году отец Андроник во второй раз был осужден и сослан на Колыму. Сначала одиннадцать месяцев держали его в тюрьме, где каждую ночь вызывали на допросы и принуждали оклеветать епископа Павлина, но он молчал. Ему угрожали, мучили. «Поставят к стене и начинают стрелять, но мимо, запугивают…» Следователь кричал на отца Андроника: «Я тебя убью»; однажды сорвал с него крест и бросил в печь. Отец Андроник сказал: «Что ты делаешь? Меня крестили, мне дала мать крестик, а ты срываешь». Но на допросах его не били и бранными словами в его присутствии не ругались. Только один раз во время допроса вошел в комнату какой-то верзила и сказал следователю: «Сколько ты будешь возиться с этим стариком?» — и ударил отца Андроника так, что тот

потерял сознание. «Очнулся уже в тюремной больнице и на вопросы, что с ним случилось, отвечал, что шел на допрос, упал да о камень ударился». Как-то привели старца в большую комнату, в которой была раскаленная печь, и сказали: «Ну, Лукаш, садись на печку». Отец Андроник спросил: «Как, разуваться? Босым лезть?» Тогда его удержали: «Пока подожди». Во время другого допроса раздели до нижнего белья, вывели в коридор, где стояли огромные ящики в рост человека, в таком ящике его и заперли, а мороз был пятьдесят градусов. Старец думал, что замерзнет и умрет там, но в последний момент ящик открыли, под руки вывели его, так как сам он идти уже не мог. Много раз предлагали подписать какие-то бумаги, но отец Андроник отвечал: «Я неграмотный, не знаю, что там написано», — и не подписывал. Затем перевели его в лагерь; там было легче, допросов не было, «только шпана очень беспокоила, если к ней попадешь». В лагере много работали; отец Андроник был там дневальным. Его трудолюбие, послушание и внутреннее благородство вызывали уважение не только у осужденных, но и у охранников. Сам начальник лагеря очень его уважал, дорожил им и в конце срока взял к себе в дом, где отец Андроник вел все домашнее хозяйство. «Я повесил картиночку „Воскресение“, молился, а когда начальник стал за это упрекать, то сказал: „Не нравится — уйду в лагерь“», — рассказывал старец. По-видимому, он сильно болел в то время, так как просил начальника в случае его смерти сообщить в Патриархию, что скончался такой-то схимник. В семье начальника лагеря очень полюбили отца Андроника; жена начальника расспрашивала его о духовной жизни, а когда у него закончился срок и он уезжал в Глинскую пустынь, она дала ему денег на дорогу. Сам же начальник всеми силами пытался удержать отца Андроника, так жалко ему было расставаться с ним.

28 сентября 1948 года отец Андроник вернулся в Глинскую пустынь. С самыми теплыми чувствами братской любви встретили его настоятель и старцы обители. Видя высокоподвижническую жизнь старца Андроника, епископ Сумской и Ахтырский Иларион в апреле 1949 года назначил его благочинным и ризничим монастыря.

Душа отца Андроника, очищенная многими скорбями, была переполнена благодатных даров Святого Духа. Эта духоносность и привлекала людей к старцу. Великодушно претерпев все страдания, он делом исполнил заповедь «любите врагов ваших» и стяжал в своем сердце величайший дар благодати Божией — христианскую любовь к ближнему. Вначале братия обращались к нему лишь по делам послушаний, но, чувствуя его горячую, искреннюю, снисходительную ко всем человеческим немощам любовь и духовную опытность, стали поверять ему всю свою душу. После беседы со старцем, его молитв тихое и благодатное утешение

наполняло их сердца. В короткое время он снискал такое доверие, что стал братским духовником.

Ни одного решения не принимал старец без усердной молитвы. За своих духовных детей молился он непрестанно, как сам писал: «Сколько есть моих сил, всегда днем и ночью я вас поминаю в своих грешных молитвах». Мудрый духовный наставник, отец Андроник имел дар от Бога безошибочно видеть внутреннее состояние человека. Вся сила духовного руководства старца заключалась в том, что ему свыше было открыто, как и каким путем вести каждую душу ко спасению. Спасая других, он и сам восходил на вершину богообщения и слушающих его возводил за собой.

Он редко говорил сидя, больше между дел, на ходу. На вопросы, иногда даже еще незаданные, отвечал кратко. Обычно он приводил слова Священного Писания, церковных песнопений, примеры из житий святых. Часто говорил даже довольно резко, всегда энергично, но не грубо. Мог сказать ласково, даже нежно, но не ласкательно и без притворной слащавости. Всегда неизменное чувство меры ощущалось в его словах и, конечно, понимание того состояния, в каком человек находился. Пользовался и пословицами, поговорками. «Как спастись?» — «Не видь, не слышь». При всей краткости ответа, каждый, его получивший, слышал в нем свое, ему особенно нужное. Любил он повторять: «Знай себя и довольно с тебя». Молодые тогда послушники рассказывали, что старец Андроник, «вбивая» нужную мысль, стучал по лбу пальцем. Замечали, что мысли не улетучивались, крепко держались, и на душе становилось спокойнее, и бодрости прибавлялось.

В 1955 году Сумский епископ Евстратий возвел старца Андроника в сан игумена, на что подвижник возражал, говоря, что схима превышает все награды и что она есть предел всех наград.

Велик был духовный авторитет старца. Не только братия, но и сам настоятель обители архимандрит Серафим исповедовался у него. С глубоким почтением и уважением относился к нему епископ Евстратий. В прошениях обители к архиерею самым убедительным для него аргументом были слова: «Сам схиигумен Андроник лично просит Вас». Однако старец мог и воспротивиться епископу, если того требовали обстоятельства. Когда правящий архиерей запретил кормить из монастырской кухни паломников, отец Андроник, будучи членом совета старцев обители, выступил против такого распоряжения, пояснив, что не братия кормит богомольцев, а богомольцы кормят монахов, ибо они все шлют и везут сюда. Братия поддержала старца, и общая трапеза продолжалась.

В праздники после служб и трапезы отец Андроник не отдыхал, а прочитывал несколько глав Евангелия, акафисты, затем спешил на кухню и

чистил картошку для общей трапезы, назначив одного из братий на чтение житий святых, чтобы не было празднословия и братия назидалась словом Божиим.

Старец обладал поразительным смирением, не гнушался никакой работой, всем показывал своим примером, как следует поступать. Нужно на какое-нибудь послушание идти — на уборку ли сена или на какую-нибудь самую грязную работу — он никого не звал, а только сам брал грабли или пилы и моментально брался за дело. Чистят, например, выгребную яму от нечистот, черпают, черпают, потом уже надо туда спуститься, чтобы со дна дочерпать — никому не хочется, все стоят. Проходит мимо отец Андроник, видит, что дело не движется, берет черпак, прыгает в эту яму и быстро начинает работать.

После закрытия Глинской обители в 1961 году старец Андроник переселился в Тбилиси под непосредственное попечение бывшего насельника Глинской пустыни митрополита Тетрицкаройского Зиновия (Мажуги), который очень любил и почитал старца. В Тбилиси послушником отца Андроника был инок Глинской пустыни Вениамин (Селиванов).

В Грузии отец Андроник продолжал свое старческое служение. Он совершал богослужения и исповедовал в храме святого благоверного князя Александра Невского, кафедральном храме владыки Зиновия. Сюда, как раньше в Глинскую пустынь, со всех концов страны устремились к нему ищущие спасения. Поистине старец был вождь духовный. Вся его жизнь была направлена к одной цели — спасению своей души и ближних. Своим благодатным словом он врачевал язвы страждущих, утешал любовью и участием, разделял скорбь и горе, давал отраду и духовную поддержку. По его молитвам врачевались не только духовные раны, но и болезни телесные. Его пастырство побуждало иерархов Грузинской Церкви ревностнее относиться к своему служению, поскольку у них в храмах было немного богомольцев, а церковь, где исповедовал старец Андроник, — всегда была переполнена, благодаря молитвенному подвигу старца.

Достигнув преклонного возраста, 21 марта 1973 года, в четверг, в начале шестого часа утра старец в мирной и безболезненной кончине предал дух свой Богу.

Духовные наставления

◊ Не надевай одежды, которая приводит тебя в тщеславие.

◊ Уста твои да говорят всегда правду.

◊ Не ропщи и не позволяй себе оскорбить кого-либо. Если кто укорит тебя в каком-нибудь грехе, которому ты не причастен, смири себя перед укорившим и наследуешь нетленный венец.

◊ Наблюдай за помыслами, потому что для тех, которые соглашаются с блудными помыслами и услаждаются ими, нет надежды на спасение; напротив же, те, которые не соглашаются с ними, но противятся со всевозможным усилием, молясь против них, получают венцы от Бога.

◊ Какая бы ни постигла тебя скорбь, не обвиняй в ней никого, кроме себя, и говори, что это случилось со мной за грехи мои.

◊ Злоба злобы не уничтожает, но если кто делает тебе зло, тому ты делай добро, чтобы добрым делом уничтожить злобу.

◊ «Помни последняя своя и во веки не согрешишь». Пока жив, спасайся, время не теряй, плачь, молись, смиряйся, будь готов и знай, что когда оставишь свет, будешь позван на ответ.

◊ Кто терпеливо переносит презрение, бесчестие и убыток, тот может спастись.

◊ Хранящий в душе своей памятозлобие подобен тому, кто хранит огонь в соломе.

◊ Всякое дарование Божие обращается нам во вред, когда от него не Божией, но собственной славы ищем.

◊ Превосходнейшая из добродетелей — никого не презирать.

◊ Если желаешь получить Царство небесное, возненавидь все земные имения, потому что если будешь сластолюбив, сребролюбив, то невозможно жить по Богу.

◊ Злое похотение извращает сердце и изменяет ум. Удаляй его от себя, чтобы не огорчился в тебе Дух Святой.

◊ Помышляй всегда и говори себе, что не останусь в этом мире дольше этого дня, и не будешь согрешать. И днем, и ночью болезнуй о своих грехах.

◊ Прежде всего приносите молитву непрестанную, не прерывая ее, и за все, случающееся с вами, благодарите Бога.

◊ Никого, ни по какой причине, не обличай в его недостатках.

◊ Люби смирение. Оно покроет тебя от грехов. Будь готов отвечать «прости меня» на всякое слово, которое услышишь, потому что смирение разрушает все козни врага.

◊ Не нарушай посты иначе, как по величайшей болезни.

◊ Не страшись бесчестий, наносимых человеком.

◊ Не умножай слов, многословие удалит от тебя Дух Божий.

◊ Не возвышай голоса. Находясь в обществе братии, сохраняй молчание; если понадобится тебе обратиться к ним с чемлибо, тогда скажи им об этом коротко, со смирением.

◊ Не приклони слуха, чтобы услышать зло о ближнем, будь другом человеков, и стяжешь жизнь вечную.

◊ Люби бесчестие более, нежели почести; люби телесные труды более, нежели упокоение тела; люби ущерб более, чем приобретение.

◊ Великое дело — научиться молчанию. Молчание — подражание Господу нашему, Который «ничтоже отвеща, яко дивитися Пилату» (Мк. 15, 5).

◊ Любящему человеческую славу невозможно достичь бесстрастия; зависть и рвение живут в нем.

◊ Вспоминай о геенне и ненавидь дела, влекущие в нее.

◊ Приготовляйся предстать Ему — и будешь творить волю Его.

◊ Во всякой погрешности приноси покаяние — и не подвергнешься недоумению в час смерти.

◊ Кто ищет славы Божией, тот старается уничижить в себе всякую нечистоту.

◊ Не надейся на крепость свою, и помощь Божия всегда будет содействовать тебе.

◊ Постоянно совещайся с отцами — и всю жизнь свою проведешь спокойно.

◊ Если тебя поносят и ты скорбишь от этого, то нет в тебе истинного плача. Если тебя кто прославляет и ты принимаешь похвалу, то нет в тебе страха Божия. Если скажут о тебе что-то несправедливо и ты смутишься, то нет в тебе страха Божия.

◊ Кто оправдывает себя, тот отчуждает себя от покаяния. Кто осуждает грешников, тот разрушает в себе покаяние.

◊ Страсти: блуд, похотение греховное, сребролюбие, уныние, злоречие, гнев, ненависть, тщеславие и гордость — это главные ветви зла. Все страсти, если попущена им будет свобода, действуют, возрастают, усиливаются в душе, наконец, объемлют ее, овладеют ею и отлучат ее от Бога; это те тяжкие бремена, которые возлегли на Адама после того, как он вкусил от древа; эти страсти убил на Кресте Господь наш Иисус Христос. Это те ветхие мехи, в которые не вливается вино новое; это те пелены, которыми обвязан был Лазарь; это бесы, посланные Христом в стадо свиней; это ветхий человек, которого повелевает апостол христианину

совлечь с себя; это волчцы и терния, которые начала извергать Адаму земля после того, как он был извергнут из рая.

◊ Старец Андроник, когда его спрашивали, что делать, если меня раздражает тот-то, обижает этот, отвечал: «Не видь, не слышь». Этим он призывал обратить внимание на себя, начать с себя, в себе увидеть причину духовной слабости. Старец говорил, что нет хуже гордости, она хуже блуда и сребролюбия, ибо через нее светлые ангелы сделались бесами. Так же и люди в своей гордости уподобляются демонам. Спросили демона, чего он боится, он ответил: «Смирения». Богу приятнее смирение грешника, чем гордость праведника. На вопрос, что должен делать монах в своей келии, отец Андроник отвечал: «Плакать. Посади дерево, не поливай — оно засохнет. Так и монах, сидя в келии, к молитвенному правилу должен добавить слезы. Под деревом разумею молитву, а под поливанием — слезы, которые надо просить у Господа: „Даждь ми слезы и память смертную“. Иначе нас ожидает ад». На вопрос о том, что есть страх Божий, старец сказал: «Ничего не делать по своей воле, на всяком месте ощущать присутствие Божие, потому и делать все как перед Богом, а не перед людьми».

◊ У келейника отца Андроника сохранилась тетрадь, в которой старец делал выписки из прочитанного. Судя по дате, он начал ее в то время, когда был назначен благочинным. В этой тетради есть большие выписки из Евангелия, Апостола, краткие изречения святых отцов, слова псалмов, которые были ему особенно по душе.

1. «Знай себя и будет с тебя».
2. «Сон моея лености ходатайствует души моей муку».
3. «День и ночь молиться надо».
4. «Книги читаем, а сами не исполняем. Горе нам, если внезапная смерть настигнет».
5. «В церкви не говори».
6. «В молитве надо просить: „Господи, даждь ми слезы и память смертную“, иначе ад нас ожидает».
7. «Возлюби труд и скоро пошлется тебе спокойствие от Бога».
8. «Приятнее Богу смирение грешника, чем гордость праведника».
9. «Понуждай себя в рукоделии и будет обитать в тебе страх Божий».
10. «Не тщеславься и не смейся».
11. «Что в юности посеешь, то в старости пожнешь».
12. «Не подражай фарисею, который все держал напоказ».
13. «Да не возглаголют уста твои дел человеческих».
14. «Спи мало, в меру, и будут наблюдать за тобою ангелы».

15. «Если хочешь обрести покой в этом и будущем веке, то при всяком случае говори: „Кто я?“ И не осуждай никого». Авва Пимен.

16. «Боюсь трех вещей: когда умру, как умру и где обрящусь».

17. «Пред небом и землей мы должны отдать Богу ответ во всей жизни, а ты смеешься…»

18. «Люби более молчать, нежели говорить, ибо молчание собирает сокровище, а говорливость расточает». Авва Исаия.

19. «Старчество наше состоит в том, чтобы человек обуздал язык свой». Авва Тимофей.

20. «Монах, не удерживающий языка своего во время гнева, никогда не удержит своих страстей».

21. «Всяким хранением блюди каждый свое сердце». Авва Геронтий.

22. «Монах должен носить такую одежду, которую никто не взял бы, если бы выбросить ее из кельи». Авва Памва.

23. «Если желаешь Царства небесного, презирай богатство и ищи воздаяния Божия». Авва Исидор.

24. «Жить тебе по Богу невозможно, когда ты сластолюбив и сребролюбив». Авва Исидор.

25. «Простота и немечтание о себе очищает от злых помыслов». Авва Исаия.

26. «Если кто обращается с братом с хитростью, не минует печали сердечной».

27. «Если желаешь спасения, делай все то, что приводит к нему».

28. «Не живи в том месте, где видишь, что тебе завидуют, иначе не будешь уметь успеха». Авва Пимен.

29. «Не монах тот, кто жалуется на свой жребий. Не монах тот, кто воздает злом за зло. Не монах тот, кто гневается». Авва Пимен.

30. «Сила Божия не может обитать в человеке, преданном страстям». Авва Пимен.

31. «Поистине мудр тот, кто не словом поучает, но назидает делом».

32. «Старец сказал, что если дерево не будет колебать ветер, то оно не будет расти и не даст корней. Так и монах, если не будет терпеть искушений, не станет мужественным».

33. «Много значит молиться без развлечения, а еще более — петь без развлечения».

34. «Малодушие и порицание кого-либо в мысли не позволяет человеку видеть свет Божественный».

35. «Старец сказал, что начало спасения — познание самого себя».

36. «Любовь славы человеческой рождает ложь». Авва Исаия.

37. «Подражай мытарю, чтобы не подвергнуться осуждению с фарисеем».

38. «Старца спросили: „Почему так восстают против нас демоны?“ Он ответил: „Потому что мы отвергли наше оружие: бесчестие, смирение, нестяжательность и терпение“».

39. «Старца спросили: „Что такое смирение?“ Он сказал: „Когда согрешит против тебя брат твой и ты простишь ему прежде, нежели он перед тобою раскается“».

40. «Старцы говорили: „Когда мы не имеем брани, тогда должны смиряться, ибо Бог, зная нашу немощь, охраняет нас.

А если будем хвалиться этим, то отнимется у нас охранение и мы погибнем“».

41. «Если тебе действительно явится ангел, не принимай, говоря: „Я, живущий в грехах, не достоин видеть ангела“».

42. «В чем преуспевание духовное? — В смирении. Насколько кто смирился, настолько преуспел».

43. «Чистота сердца доказывается нерассеянною молитвою».

44. «Мир души от повиновения сил ее уму».

45. «Душевный пост состоит в отвержении попечений».

46. «Если будем внимательны к своим грехам, то не будем смотреть на грехи ближнего». Авва Моисей.

47. «Три главных делания необходимы: бояться Бога, молиться и делать добро ближнему». Авва Пимен.

48. «Человек, познавший сладость кельи, избегает ближнего, хотя любит и почитает его». Авва Феодор.

49. «Кротость является в терпении».

50. «Все, что выше сил — от бесов». Авва Пимен.

51. «Не оставь воли Божией для исполнения воли человеческой».

52. «Страх Божий хранит человека от греха».

53. «Многие говорят о совершенстве, но мало кто достигает его на самом деле». Авва Пимен.

54. «Господь до тех пор хранит душу твою, пока ты хранишь язык свой».

55. «Если будешь соблюдать молчание, то найдешь покой везде, где бы ты ни жил». Авва Пимен.

56. «Все грехи мерзость перед Богом, но мерзостнее всех гордость сердца».

57. «Страсти рождаются от нерадения».

58. «От многих попечений и рассеянности рождаются страсти».

59. «Где бы ты ни был, не выказывай себя остроумным и учительным, но будь смиренномудр, и Бог дарует тебе умиление». Авва Пимен.

60. «Не любопытствуй и не расспрашивай о суетных делах мира».

61. «Люби молиться часто, чтобы просветилось сердце твое».

62. «Любяй же неправду, ненавидит свою душу».

63. «Необходимо заботиться о стяжании духовного делания («умной молитвы»)».

64. «Если не будем осторожно вести себя внешне, то не сможем сохранить и внутреннее».

65. «Не позволяй себе ни слышать, ни говорить о чем-нибудь неполезном для души».

66. «Этот век дан для покаяния. Если истратишь его попусту, живя худо, то очень пожалеешь потом, не найдя его вторично».

67. «Если ты не смиришься, то Я смирю тебя», — сказал Господь.

68. «Молитва, совершаемая с небрежением и леностью, — празднословие».

69. «Предпочитаю правило легкое, но постоянное, правилу трудному вначале, потом вскоре оставленному».

70. «Венец монаха — смиренномудрие. Злословие есть смерть души». Авва Ор.

71. «Берегись лености, она потребит весь плод трудов твоих».

72. «Телесные труды охраняют человека от врагов его: грехов и демонов».

73. «Во всем себя принуждать — путь Божий».

74. «Какое дело монаха? — Рассуждение!»

75. «Нет ничего хуже осуждения»,

76. «Послушание бывает за послушание. Кто Бога слушает, того Бог послушает».

77. «Люби смирение, и оно покроет тебя от грехов».

78. «Не считай себя мудрым, иначе гордостью вознесется душа твоя и ты впадешь в руки врагов твоих».

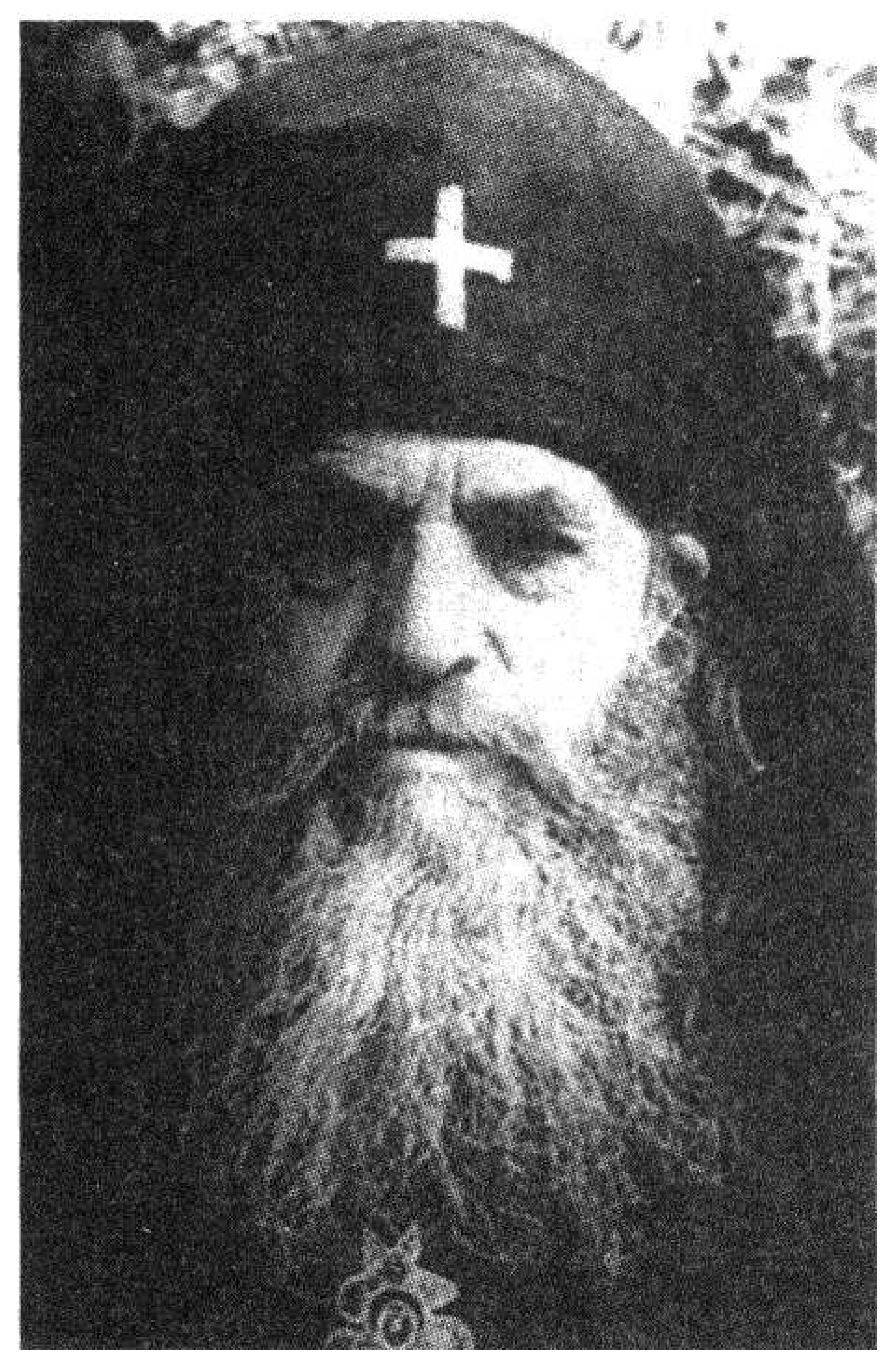
Преподобный Серафим (Романцев) (1885–1976)

Глинский старец схиархимандрит Серафим прошел тот путь, которым было суждено пройти множеству русских монахов и священников — он был арестован, отправлен на строительство Беломорканала, выслан в Киргизию, после войны жил в Ташкенте, где был духовником при кафедральном соборе.

30 декабря 1947 года старец вернулся в Глинскую пустынь, а в следующем году был назначен духовником обители.

Это был духовник опытнейший, знаток всех сокровенных движений человеческого сердца, обладатель духовных сокровищ, которые он приобрел долгим и многотрудным подвигом. Особым духовным даром старца было умение принимать исповедь, вызывать людей на полную откровенность. В тяжелое послевоенное время старец Серафим выслушивал все скорби и тотчас накладывал пластырь на раны душевные. Утешение, успокоение и отраду вливали в души скорбящих наставления и молитвы любвеобильного старца. Его беседы, преисполненные истинного смирения, согревали охладевшие сердца людей, открывали им душевные очи, просвещали разум, приводили к раскаянию, душевному миру и духовному возрождению.

Наделенный духовным рассуждением, старец Серафим всякому приходящему к нему давал наставления. Его советы имели огромный вес, так как он соблюдал сам в своей жизни то, чему учил других. К нему могут быть приложимы слова Христа Спасителя: «Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии небеснем» (Мф. 5, 19). Все, что говорил старец, было основано на Священном Писании и святоотеческих творениях. Особенно зоркое внимание обращал старец на душевные страсти тех, кто к нему обращался, и учил всех следить за ними, не действовать по их внушению, а, призывая помощь Божию, противоборствовать им. Он учил не оправдывать себя, а осознавать свои грехи и полагать твердое намерение исправиться.

День старца начинался с двух часов ночи, когда он исполнял свое келейное правило, затем неопустительно бывал на богослужении, после которого всего себя отдавал на служение ближним: принимая богомольцев, распределял их на жительство в пустыни, исповедовал, решал все возникшие вопросы, и так до позднего вечера. Ночью отвечал на письма. Переписывал сам и духовных детей благословлял переписывать отрывки из творений святых отцов, которые потом рассылал.

Времени на отдых у отца Серафима оставалось совсем мало, но даже и это время он использовал для молитвы о своих духовных чадах. Любовь побуждала его самоотверженно заботиться о каждой душе. Сколько людей привел он к Богу своими благодатными советами, своей сострадательной любовью! Как писал сам старец в своем духовном завещании, прося молитв о самом себе: «Все вы были в моем сердце, и ибо всех вас болезновал, со скорбящими скорбел, с воздыхающими воздыхал, с плачущими плакал… Помяните мою любовь к вам, ради которой я пренебрегал моею собственной пользой, но всегда искал только вашу пользу. Всем вам сострадал и во всякой скорби вашей сочувствовал вам».

После закрытия Глинской пустыни схиигумен Серафим переехал в Сухуми, где продолжал свои старческие труды, будучи духовником кафедрального собора. И сюда к нему стекалось множество богомольцев. Никогда до этого Сухумский храм не был переполнен так, как при отце Серафиме. В последние годы своей жизни, удрученный многими подвигами, старец безропотно нес свой тяжелый крест пастырства. По-прежнему он не только принимал людей, но и рассылал множество писем, отвечал на вопросы своих духовных детей. И никогда никто не слышал от него гласа нетерпения или ропота, никто не видел его в унынии. Как пастырь, он жил во Христе, утвердился в истинной святости, был истинным мучеником, распинался со Христом ради паствы, был достойным носителем благодати Христовой. До конца жизни отец Серафим сохранил бодрость духа и ясность ума, крепкую веру в Бога и глубокую молитвенность.

18 декабря 1975 года, во время всенощного бдения в канун праздника святителя Николая, отец Серафим почувствовал себя плохо. Он слег в постель. Все время старец читал вслух молитву Иисусову, а когда уставал, то просил других продолжать ее чтение. В течение двух недель он ежедневно причащался святых Христовых Тайн. Будучи в полном сознании, старец сподобился увидеть многих своих братий по духу, которые, по его словам, пели стихиру Божией Матери «Совет превечный». И затем слабым голосом старец сам запел: «Вкусите и видите, яко благ Господь. Аллилуиа». После видения он сказал: «О чем я молился всю жизнь и чего искал, то открылось сейчас в моем сердце; моя душа исполнилась благодати настолько, что не могу ее даже вместить». И далее сказал: «Теперь я буду умирать». 31 декабря отец Серафим закрыл глаза и уже ни с кем не говорил. 1 января 1976 года благодатный старец мирно предал дух свой Богу.

Духовные наставления

◊ Заметишь, что не удалось сделать все, что хотелось, скажи: «Господи, помилуй!» Надо бы заставить себя, да лень одолела — «Господи, прости». Если кого, забывшись, осудишь — скорее кайся, если что нарушишь — тоже. Покаявшись, старайся не грешить, а на допущенном не останавливай внимание, чтобы всегда иметь покойный дух, ни на что и ни на кого не возмущайся.

◊ Учись переносить приятное с благодарением, неприятное — с молитвой покаяния, все же вообще — с преданностью Богу и благодарением, повторяя: «Слава Богу за все!»

◊ Во всем полагаться на Господа: в скорбях, болезнях, искушениях; возрастать в сознании: все от Бога и Господь всем управляет и все ведет ко благу, к душевной пользе и спасению.

◊ О молитве: «Главное не в том, сколько прочитать, а прочитать внимательно, погружаясь в разум святых молитв, как рыба в воду от находящего обуревания».

◊ Оберегая душу от смущения, лучше уступить в чем можно, что не противоречит заповеди Божией, наблюдая за собою, чтобы в душе не оставить раздражения, гнева, обиды.

◊ Руководствоваться словом Божиим всегда и во всем необходимо, наблюдая за тем, чтобы вера жизнью свидетельствовалась.

◊ Духовные богатства возрастают в терпении, а терпение испрашивается молитвой.

◊ Поздравляя с Пасхой, говоря о ней как о духовной весне, желая духовного пробуждения, старец напоминал, что «этому способствует молитва, память о Боге, страх будущих вечных мук и желание вечного блаженства».

◊ В ответ на бесконечные жалобы на скорби, бессилие, уныние и другие препятствия к добродетельной жизни старец напоминал: «Познание своей немощи и смирение тверже всякой иной добродетели».

◊ Если жаловались на усталость и неспособность ни на что, старец советовал дать душе отдых. Кому-то легче отдохнуть, переключившись на физический труд, кому-то в рукоделии, кому в занятиях ремеслами или в работе по хозяйству. Можно при этом не спеша читать молитву Иисусову. Кто любит читать акафисты — можно и акафисты, но один-два в два-три дня. Не больше, чтобы не было спешки и механического вычитывания.

◊ В церкви старайся стоять не «бездушной головешкой», а слушать, что читают и поют. Нельзя разговаривать, а любящим поговорить можно сделать замечание, только без раздражения.

◊ Батюшка подчеркивал и в словах, и в письмах, что надо выработать привычку сразу каяться, как только согрешил. Если есть кому сказать — хорошо, а если нет — перед Богом.

◊ Многие жаловались на болезни, на что старец говорил: «Болезни допускаются тогда, когда мы не способны к подвигам. Наше горе в том, что мы очень нетерпеливы и малодушны».

◊ Большим утешением в болезнях был бы навык непрестанной Иисусовой молитвы. Она «прививается» только при сокрушении о грехах и смирении. Старец говорил, что опытно знающие о том, какую радость дает молитва, уже не хотят перемен, так как боятся потерять молитву в суете будней.

◊ Осуждение ближних — душевная немощь, а не пустяк. Осуждающий разделяет ответственность с согрешившим.

◊ Не любил старец утверждений о чьей-то духовной высоте, случаев «откровений» и того, что кому-то «дано пережить». Он предупреждал, чтобы не спешили верить таким, чтобы не было беды, когда слепой поведет слепого.

◊ Убеждал старец держаться середины, не впадая ни в безумную радость, ни в чрезмерную скорбь. Крайности многих приводили к плохому концу, вплоть до самоубийства. Указан всем узкий путь в Евангелии, но есть на нем помощь и утешение — в молитве.

◊ Когда тяжело вспоминать прошлое, лучше только покаяться в том, что было плохого, и больше об этом не думать. Чтобы не унывать и не расслабляться от этого — «вспоминай примеры великого милосердия Божия и к великим грешникам. Главное: не осуждай, не завидуй, знай себя и будь с Богом».

◊ Утешительным снам не очень-то доверяй. Лучше не принять ангела, чем принять беса в виде ангела. Мы горды, легко можем ошибаться в этом.

◊ Почему страдают невинные, даже дети? — «Может быть, для того, чтобы явились дела Божии, как было в Евангелии. Может быть, страдают телом, чтобы не страдать душой. Может быть, страдают теперь, чтобы не страдать вечно. Как бы ни было — мы все грешны и потому виновны, а страдания — необходимые лекарства. Скорбь терпение соделывает, терпение же — искусство, как у апостола сказано».

◊ Кто бы где бы ни был — без скорбей не прожить. Вооружайся терпением.

◊ — Неприятно всегда чувствовать зависимость…

— Научись принимать это как послушание и помни, что послушание с памятью о Боге и доверием к Нему выше трудов пустынника, живущего там по собственному избранию и усмотрению.

◊ — Как спасаться, если нет старцев?

— Все имеют скорби. Они заменяют старцев, так как их попускает Господь, зная сердце каждого. Никто не поможет и не изменит, если не менять себя. Начинать надо со внимания к языку и уму. И надо постоянно следить за тем, чтобы обвинять себя, а не других.

◊ — Так хочется пожить поспокойнее…

— Не давай воли уму и языку. Ум займи чтением и молитвой, которой можно заниматься на всяком месте и при всех обстоятельствах, а язык укрощай благоразумным молчанием.

◊ Крест скорбей надо преобразить для себя в крест Христов. Господь его принял от Отца, не обвиняя иудеев, Каиафу, Пилата, но сказал: «Чашу, юже даде Мне Отец…» Снисходи немощам других, не огорчая их, не упрекая, не ропща.

◊ Не требуй от других совершенства, не ищи правды у них. Требуй только от себя и поймешь, как всем трудно. Требовательность (к другим) больше разрушает, чем созидает…

◊ За то, что мы не так живем, как надо, будем себя осуждать и просить у Господа прощения и милости. Поревнуем мытареву смирению — и довлеет нам.

◊ — Как спасаться?

— Как мы внимаем посторонним мыслям и разговорам, так будем внимать молитве и чтению и следить за тем, чтобы не отвлекаться от этого спасительного занятия.

◊ — Как начать исправляться?

— Начинай каждый день утром полагать начало благое, прося словами Златоуста: «Господи, Сподоби мя любити Тя…»

◊ Нельзя забывать, что на пути к Богу необходимо совершенное незлобие, благое смирение и послушание. Руководствоваться во всяком деле надо словом Божиим.

◊ Берегите душевный мир, он выше поста и молитвы.

◊ Не стоит разбирать чужие мысли, доверять своим оценкам, вникать в чужие дела, кляузы, сплетни. Это враг старается рассеять и отвлечь от молитвы.

◊ Если душа боязлива, а кругом столько устрашающих искушений, надо особенно приучить себя помнить о присутствии Божием везде. Это скорее усвоится теми, кто привык к непрестанному покаянию. Теперь особенно надо учиться преданности воле Божией.

◊ В наши дни, среди суеты и многопопечительности, трудно молиться. Поэтому надо учиться молиться короткими молитвами (можно Иисусовой), читая их, когда можно, вслух, только внимательно, не спеша, не механически.

◊ Не стоит терять время на отыскивание виноватых в своих огорчениях и на рассуждение о том, справедливо или нет допущенное испытание. Лучше проверить себя — могу ли я благодушно и благородно перенести оскорбление?

◊ Предостерегая от страшного вреда тщеславия, старец говорил, что «лишний раз покушать, побольше поспать, даже, рассердившись, покаяться, не так страшно, как принять внутреннюю бесовскую похвалу. Только истинное смирение недоступно тонкому внутреннему тщеславию».

◊ Более всего стремился он привести своих духовных чад ко смирению, о котором писал: «Всего необходимее для спасения смирение истинное, внутреннее убеждение, что вы хуже и грешнее всех и всего, но это величайший дар Божий и приобретается он многими трудами и потами. Тогда человек в душе своей ощущает такое спокойствие, которое никакими человеческими словами неизъяснимо. Ищите денно и нощно этот драгоценный бриллиант. Истинно смиренный всех как себя любит, никого даже и мысленно не осудит, всех сожалеет, всем желает спастись, видит свою греховную нечистоту и со страхом помышляет, как будет отвечать на суде Божием, но не предается отчаянию или унынию, а твердо уповает на Создателя и Спасителя своего. Истинно смиренный, если имеет какие от Бога дарования: молитву, или слезы, или пост, или иное что, то все оное тщательно скрывает, ибо похвала людская, как моль или ржа, все изъедает».

◊ Мы должны все переносить с детской покорностью — и приятное, и неприятное, и за все прославлять благого Бога. Пришла какая скорбь или болезнь, будем говорить: «Слава Тебе, Господи». Умножились ли скорби и болезни, опять: «Слава Тебе, Господи». Безотрадные скорби и болезни усилились и ведут ко гробу, и опять: «Слава Тебе, Господи». Ибо по смерти вечно будем жить и радоваться во светлостях святых. А потому, что бы ни случилось с нами, за все будем благодарить Бога и говорить: «Слава Тебе, Господи». Болезнями и скорбями Господь врачует греховные раны нашей души. Переноси все трудности с благодарением к Господу, Он никогда не дает человеку крест, который тот не смог бы понести, и Своей благодатью укрепляет нас к преодолению трудностей. А ропотом и отчаянием мы отталкиваем от себя Божественную помощь и, будучи сами не в состоянии нести бремя своих грехов, все более и более удаляемся от Бога.

◊ Великий старец преподобный Серафим так говорил: «Не имеющий скорбей не имеет спасения», — а поэтому нам надо взять свой крест скорбей

и трудностей житейских и понести его безропотно, благодаря за все Господа. Господь не возлагает на нас Своего великого Креста, но заповедует взять каждому свой собственный, то есть быть готовым перенести столько страстей, внешних и внутренних искушений, сколько на каждого наводит наказующее, очищающее и вместе с тем милующее Провидение Божие. Так и настройтесь, чтобы всегда говорить, всем существом своим чувствовать: «Все для меня делает Господь». Так и во всей жизни: при нападении страстей и при всяких искушениях вражиих, в болезнях, в скорбях, в бедах и напастях — во всех трудностях жизни говорите: «Все для меня делает Господь, а я сама не могу ничего сделать, ничего стерпеть, превозмочь, победить. Он — сила моя!»

◊ Не исполнили благие желания по немощи, со спокойным духом скажите: «Помилуй мя, Господи, яко немощна есмь». Не исполнили благие желания от лености и нерадения, опять со спокойным духом скажите: «Господи, не вниди в суд с рабом Твоим». Пришли дурные мысли — снова со спокойным духом скажите: «Господи, избави меня от сих». Рассердились на кого или осудили за что, паки с тем же покойным духом обратитесь к Господу и скажите: «Согреших, Господи, прости меня, горделивую и нетерпеливую». Вдруг, как туча, нашли тоска и отчаяние, паки к Господу обратитесь и скажите своей унылой душе: «Вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя, уповай на Бога». И таким образом во всех случаях старайтесь сохранять сердце свое в спокойствии от смущения, как от неприязненного духа. Это рецепт от болезней душевных и телесных на все время жизни Вашей.

◊ За обидчиков молись, они твои друзья, через них тебе Господь дает венцы, а если ропщешь, то лишаешься венцов… Избегай любопытства, пересудов и всего лишнего, не относящегося к тебе. Каждый день готовь себя к искушениям, и скорбям, и всякого рода обидам, клеветам и тому подобному; знай — это к тебе милость Божия идет. За претерпение всего встанешь в ряды мучеников и без других подвигов сподобишься Царствия небесного. Помни главное: 1) Считай каждый день последним и проводи его в страхе Божием и с сокрушением сердечным. Сокращай суету, избегай празднословия. Памятуй о Боге и взывай к Нему с покаянием. 2) Не суди и не осуждай никого, иначе себя осудишь. Не разбирай чужих мыслей, дел, и кляуз, и сплетен, проходи мимо; это враг старается рассеять тебя и отвлечь от молитвы. 3) Знай Бога, храни Его заповеди, слушай духовного отца. От ближних принимай в душу только доброе, что согласно с заповедями Божиими.

◊ Итак, не печалься, предайся воле Божией, Он не оставит того, кто на Него надеется. Самые страшные бури послужат верному рабу Христову в

великую пользу. Пусть эти бури послужат для тебя предуготовительным, опытным учением к перенесению более страшных и опасных будущих бурь. А эти бури последуют непременно, потому что так установил премудрый промысл Божий, чтоб многими скорбями входить нам в Царствие небесное, которое мы потеряли, да и сейчас теряем, снимая с себя иго Христово — скорби, ища преждевременного утешения и наслаждения. Смертоносен крест для того, кто креста своего не преобразил в крест Христов, кто с креста своего ропщет на Божественный промысл, хулит его, кто предается безнадежию и отчаянию. Таковые снимаются с креста своего только для того, чтобы снизойти душами в вечный гроб, в темницу ада… Выпей мужественно горькую чашу обстоятельств на работе и среди родных, так как ее подает тебе Отец всеблагой и премудрый. Подумай: ведь не фарисей, не Каиафа, не Иуда приготовили ее тебе, не Пилат и его воины подают тебе эту чашу, и «чашу, юже даде Мне Отец, не имам не пити?» Старайся всеми силами не огорчать мать и сестер, старайся снисходить к их немощи, это будет для них утешением, а для тебя наградой… Ограждай себя страхом Божиим. Бог всемогущ, любящих Его Он спасает от искушений, а лукавых предает погибели. Старайся непрестанно устремлять помышления к Богу, и Он сохранит тебя среди клокочущего моря страстей. Оберегай себя от праздных и растлевающих душу бесед. Кто вроде бы ищет Бога, но вместе с тем любит плотскую волю сердца и руководствуется плотским мудрованием, тот храм своей души оскверняет.

◊ На спасительном пути нужно хранить совершенное незлобие, благое смирение и благое послушание, во всякой вещи и деле необходимо руководствоваться словом Божиим. Жизнь духовная действуется верой, а вера свидетельствуется делами. Когда хотите побеждать бесов, уступать должны человекам. Оскорбит ли кто? Уступи ему, и наступит мирная тишина, избавляющая душу от смущения. В духовной жизни не воздается злом за зло, но зло побеждается благочестно. «Добро творите обидящим вас, молитесь за творящих вам напасть», и всю печаль возложите на Господа. Он заступник и утешитель страждущим. Духовное богатство приобретается в терпении. Терпение же испрашивается непрестанной молитвой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», — и помилует. «Милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9, 13; 12, 7). Милостивые помилованы будут и ублажатся. «Имже судом судите — судят вам. В нюже меру мерите, возмерится и вам. Якоже хощете да творят вам человецы, и вы творите им такожде. Любите друг друга, якоже Аз возлюбих вас» (Мф. 7, 2; 7, 12. Ин. 13, 34–35). Христос говорит: «Аще любовь имете между собою — Мои ученицы есте… Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5, 8). Итак, очистим чувствия и узрим в неприступном свете блистающаго Христа. И за праздное слово

воздать надобно будет ответ в день судный. «Блюдите убо, како опасно ходите». Нельзя служить вкупе Богу и миру. Спасайтесь о Господе».

◊ Прошу вас не унывать, но и о своем спасении не обнадеживаться, что, дескать, Господь Бог не ради праведников, но ради грешников с небес на землю сошел, дабы их спасти, посему и вас и меня, грешного, спасет… Мы не так ныне живем, как праведные отцы и матери, за то должны в мысли своей осудить себя и сказать: «Горе нашему нерадению, горе нашему ленивству, горе нашему нетерпению, горе нашему непослушанию» — и прочее…Фарисей больше нашего и молился, и постился, но без смирения, и весь труд его ни во что, потому вы ревнуйте более мытареву смирению, которое обычно рождается от послушания…

◊ Среди докучливых, а иногда и устрашающих искушений, добро же всегда иметь Господа перед собой и в Его присутствии находиться в непрестанной молитве, при себе удерживать это вожделенное присутствие Сладчайшего Господа. Надо также помнить, что в умном делании, или непрестанной молитве Иисусовой, скрыты тайны Царствия Божия, и эти тайны открываются постепенно только тому, кто находится в непрестанном покаянии, истинно кающемуся (видит себя хуже всех). Если же мы будем относиться к этому великому деланию нерадиво и без страха Божия, небрежно, невнимательно, неблагоговейно и если будут произрастать в нас раздражение, гневливость, досадование на близких, осуждение и прочие недобрые плоды нашей гордости: тщеславие, самолюбие, спокойно гнездящиеся под кровом нашей молитвы, — то такое наше молитвенное делание будет в опасном положении, не на правильном пути. Скажу же коротко, что для каждого живущего в мирской обстановке лучше всего и безопаснее проходить первый образ умной молитвы, то есть непрестанно произносить, если никого нет, вслух слова молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Старайся на всяком месте иметь в устах это сладчайшее имя Иисусово. Его всегда ищи, о нем всегда помышляй. Возлюби это, насколько можешь, и получишь от Господа разум и силу… чтобы победить вражию силу, и сподобишься неизреченного в этот и в будущий век.

Преподобный Герман (1844–1923)

В молодости отец Герман провел три с половиной года в Гефсиманском скиту в послушании у старца Тихона и семь лет — у старца Александра.

Отец Герман был иконописцем. Ему выпало счастье расписывать пещерный храм и реставрировать Черниговский образ Божией Матери, так дивно прославившийся. Написанные старцем иконы внушали особенное молитвенное чувство.

Старец сам рассказывал: «Был я однажды в Киеве. Захожу по пути в часовню и спрашиваю: „Какая у вас здесь святыня“ — „А вот чудотворный Черниговский образ Божией Матери“. Подхожу и вижу, что он писан моей грешной рукой, гляжу, а на нем уже много различных привесок — ручек, ножек, глаз и других эмблем исцелений, полученных болящими в разное время».

Отец Герман в течение всей своей подвижнической жизни искал молитву Иисусову. Он не успел ей научиться у своего наставника, вследствие его скорой кончины, а еще более потому, что этот старец по смирению не брался обучать других.

Господь, видя со стороны отца Германа искреннее и усердное искание, внушил ему обратиться за разъяснениями к святителю Феофану. Завязавшаяся между ними по этому поводу переписка издана отдельной брошюрой под заглавием: «Ответы епископа Феофана, затворника Вышенской пустыни, на вопросы инока о молитве».

В последующее время отец Герман так утвердился в мыслях Вышенского затворника о молитве, что не иначе говорил о ней, как словами своего великого наставника, перед памятью которого весьма благоговел. Свою любовь к нему он засвидетельствовал потом сооружением неугасимой лампады на его гробнице.

Тихо, мирно проходила иноческая жизнь отца Германа в Гефсиманском скиту. Он успел стать монахом, иеродиаконом, иеромонахом и даже братским духовником. Узнала о нем Московская Духовная академия. И вот келья его сделалась уютным уголком, где многие ученые иноки находили себе окормление и утешение. Такие видные деятели того времени, как ректор академии Антоний Храповицкий (впоследствии митрополит Киевский и Галицкий; был первым кандидатом на патриаршество на Всероссийском Поместном соборе 1917–1918 годов; с 1919 года — в

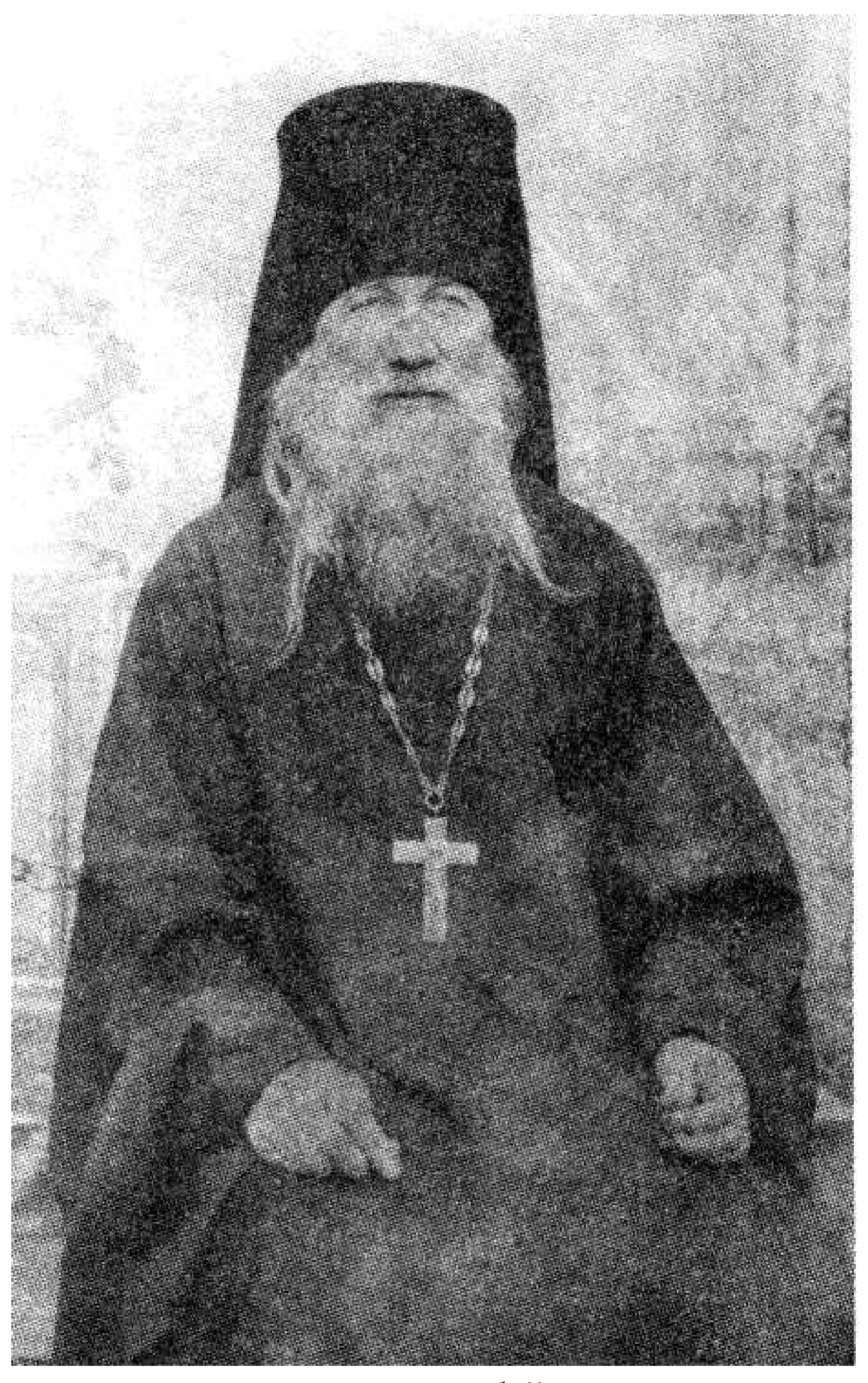
эмиграции, возглавлял Русскую Православную Церковь за границей), инспектор Григорий Борисоглебский, и другие были духовными детьми отца Германа. Но Господь готовил старца к иному деланию.

Когда наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандрит Павел пожелал возобновить Зосимову пустынь и начал искать туда настоятеля, то остановился на старце Германе. Никогда не искал отец Герман начальнических трудностей, не думал расставаться с Гефсиманской обителью, в которой протекло уже тридцать лет его лучшей иноческой жизни, однако за послушание принял в 1897 году предложенное назначение. С ним в Зосимову пустынь перешли двенадцать его преданных учеников.

Старец Герман не только обустроил Зосимову пустынь, но и насадил духовное окормление братии. Сам ученик великого старца Александра, отец Герман видел в старчестве великую силу для нравственного созидания инока; в этом еще много помог ему отец Алексий (Соловьев), поступивший в обитель почти одновременно с ним. Их трудами Зосимова пустынь процвела, «яко крин в пустыне», и сделалась известна не только в Москве, но и во всей России. Со всех сторон потянулись сюда мирские люди, ища молитвы, покаяния, совета и утешения.

В эти годы в пустыни у старца Алексия получали духовное окормление святая мученица великая княгиня Елисавета Феодоровна и сестры Марфо-Мариинской обители, члены Императорского Дома, высшие сановники государства, иерархи Церкви.

Пустынь стала одним из духовных центров русского Православия того времени. Офицеры и чиновники, священники и монахи, крестьяне и ремесленники, промышленники и торговцы — все они, мужчины и женщины, старики и молодежь, молодые супруги и юные девы, обновлялись духом, принимая наставления старцев Зосимовой пустыни, и уносили с собой в мир ее особенный свет — отблеск Света невечернего.

Сам старец Герман являл собой пример строгого инока. Он всегда духовно бодрствовал. Ежедневно он проходил круг суточного богослужения, для чего неопустительно посещал храм, и только в крайнем случае вычитывал службу в келье. Когда во время болезни братия советовала ему посидеть дома и не ходить на полунощницу и утреню, он говорил обыкновенно: «Как вы жестоки ко мне, не хотите, чтобы я умер в храме. Ведь это для инока высшее счастье, вожделенное благо! Монаху ли

нежиться в келье, когда он должен принадлежать Богу?» Та же ревность о спасении не давала ему предаваться излишнему и продолжительному сну. Спал старец в подряснике, то и дело вставал с постели, чтобы положить несколько поклонов или же потянуть четки с молитвой Иисусовой.

Кроме молитвы Иисусовой, старец имел еще дар самоукоренения. Некоторым странной казалась его привычка что-то потихоньку говорить. Иные думали, уж не осуждает ли он кого-либо. Оказывается, батюшка постоянно охаивал себя. А ночью часто у него происходила целая война с самим собой. В полночь, приводя к итогу пережитое днем, он так себя обличал: «Откажись от игуменства, на что ты похож: слепой, глухой, беспамятный, забыл даже своего брата, какой же ты игумен, откажись, откажись…»

При этом он часто пускал в ход четки, изрядно ударяя ими себя.

Старец не получил законченного образования, но путем чтения святоотеческих творений, общения с учеными людьми, а еще более христианским воспитанием ума и сердца достиг большого духовного опыта и богословских познаний. Он отличался любознательностью, доказательством чего служит оставшаяся после него библиотека, а также изданные им книги.

На монашеский съезд в Троице-Сергиевой лавре старец Герман был командирован в качестве представителя от Московской епархии.

Духовный опыт отца Германа ценил и Святейший Синод. При так называемых афонских спорах об имени Иисусовом Высшее Церковное Управление запрашивало письменно старца дать свое суждение, и он отвечал, что молитва Иисусова есть дело сокровенное, а потому возникшие разногласия следовало бы покрыть любовью, что и сделал митрополит Макарий.

«Иметь общение с отцом Германом было великим счастьем и утешением, — вспоминал епископ Арсений (Жадановский). — Какое-то спокойствие водворялось в душе при беседе со старцем. Хотелось все откровенно ему говорить, а главное, бодрствовать духовно; дурное, греховное отходило в сторону, высокие святые намерения и чувства переполняли ум и сердце. Особенную приятность доставляло совместное с батюшкой путешествие. Благодатный мир, царивший в нем, выступал тогда наружу и обвеивал спутника. Никогда не забуду нашу поездку в брянские леса по предложению его духовного сына Д. А. О. осмотреть принадлежащее ему имение для устройства женской обители. Забрались мы в самые глухие места, где по полотну железной дороги, временно устроенной с целью эксплуатации леса, пришлось нам катить на дрезине верст двадцать к месту назначения. Батюшка благодушествовал, и я с ним.

По приезде мы все осмотрели кругом, облюбовали близ речки красивый бугорок, пропели здесь тропарь Успению и благополучно возвратились домой.

Отец Герман был поистине родным отцом для меня, ибо относился ко мне с необыкновенно нежной любовью, снисходительностью и доброжелательством. Он радовался моим успехам и искренне скорбел при болезнях и невзгодах, постигавших меня.

Я не имел более близкого человека, чем батюшка, которому всегда все можно было говорить, не боясь, что осудит он, не поймет, позавидует.

С другой стороны, и отец Герман любил делиться со мной своими скорбями и думами или, как он выражался, „проверять себя“.

Вся его внутренняя жизнь была мне известна. За несколько лет до смерти, чувствуя слабость здоровья, он принял от моей грешной руки пострижение в тайную схиму. Искал отец Герман ее еще будучи в Гефсиманском скиту, о чем писал преосвященному Феофану Затворнику, но последний отклонил тогда желание старца, заметив: „Будет время, когда схима сама к Вам придет“. Так и случилось. Слепота, глухота и дряхлость организма заставили батюшку в конце жизни почти все время пребывать в келье в безмолвии, что собственно и требуется от схимника. Считая себя недостойным этого монашеского чина, он, однако, решился принять его по следующим мотивам.

«Схима, — говорил он, — облегчит и покроет от содеянных в монашестве грехов и даст случай подтвердить пред лицом Божиим иноческие обеты, которые так часто я нарушал, а вместе низведет на меня, немощного, благодатную помощь к их выполнению».

Постригал я отца Германа в келье, в глубокой тишине, вечером под 29 июля 1916 года, когда в обители совершалось всенощное бдение. Присутствовали три лица: духовный мой друг архимандрит Серафим и два самых преданных ученика старца — иеромонахи Мелхиседек и И. Трогательная и вместе с тем торжественная была минута. Батюшка переживал высокий подъем духа; распростираясь на земле, он всего себя отдавал Богу. Тут были и слезы: плакал сам старец и мы с ним. Замечательное при этом произошло совпадение. Когда я начал пострижение, раздался третий звон, при окончании же — четвертый, торжественный, заключительный. Невольно тогда я подумал: может быть, братия не чувствовала сердцем, какое святое событие происходило с ее отцом, зато созданная им обитель отметила столь важный момент в жизни своего строителя».

Между тем жизнь подвижника заметно приближалась к концу: он стал дряхлеть и болеть. Чувствуя все увеличивающееся телесное недомогание, за

несколько лет старец начал особенно готовиться к исходу. Прежде всего, надо отметить плач его о грехах и сокрушение о том, что ничего он полезного не сделал ни для себя, ни для других.

У старца было желание очиститься от всех грехов, содеянных им в жизни. Каждый раз на исповеди он говорил что-либо новое, бывшее с ним давно-давно: «А вот я и еще вспомнил такой-то грех…» Очевидно, он старался во всем покаяться, боялся умереть с неочищенной совестью. То же обстоятельство заставляло его искать частого причащения и соборования, от которых он наглядно для всех получал освежение, подкрепление и духовное утешение.

С Преображения Господня старец не в силах был посещать церковные службы, но в келье у него до самой смерти вычитывался весь круг богослужений. Рассказывали, что, когда он последний раз присутствовал в храме, лицо его особенно сияло и очи были устремлены к небу. Вообще на отца Германа в последнее время часто находило какое-то духовное озарение: он поднимал свой взор и в молчании долго сидел неподвижно, как бы что-то созерцая, потом глаза его опускались, и старец снова приходил в свое обычное состояние.

Свою болезнь отец Герман переносил с поразительным терпением, а она, как видно, была нелегкая, потому что спрашивавшим его о здоровье старец обыкновенно отвечал: «Все болит у меня, я весь больной».

В понедельник 16 января 1923 года утром отец Герман почувствовал себя особенно плохо. По совету старца-затворника Алексия больного пособоровали. Пока совершалось таинство елеосвящения, авва лежал тихо, спокойно, то открывая, то снова закрывая глаза.

Отцу Мелхиседеку не давали покоя незадолго перед тем сказанные старцем слова: «Мелхиседек, смотри не упусти меня». «Как и в чем, батюшка?» — спрашивал преданный ученик. «Причасти меня перед исходом», — просил старец. И вот теперь, сознавая близость кончины старца, отец Мелхиседек мысленно усердно просил Господа и святую великомученицу Варвару помочь ему исполнить предсмертную просьбу своего наставника. Однако больной казался настолько слабым, что братия считали, что он не сможет принять причастие, но верный келейник после некоторых колебаний все-таки решился оказать батюшке послушание, предварительно дав ему выпить немного святой воды, которую больной свободно проглотил. Это ободрило отца Мелхиседека, он поспешно принес Святые Дары и, раздробив как можно мельче частицу, приобщил умирающего. Батюшка принял ее, запил святой водой и видимо стал приближаться к переходу в вечность.

Присутствовавшие теснее окружили постель своего аввы и, опустившись на колени, погрузились в молитву; отец Мелхиседек со слезами в голосе чуть слышно повторял: «Господи, приими батюшку!»

Дыхание старца становилось все реже и реже, еще один последний вздох… и глаза умирающего навеки сомкнулись, все тело замерло, а чистая, светлая душа его легким облаком понеслась туда, к Тому, Кого Единого возлюбила и возжелала от юности своей…

В девятом часу вечера 17 января 1923 года большой колокол мерными ударами оповестил братию о кончине старца-игумена.

Духовные наставления

◊ Смиренномудрие — великая это вещь и глубина безконечная.

Святые отцы сравнивают и говорят, что вот как жемчуг драгоценный из глубины моря достают, так и из глубины смиренномудрия драгоценнейшие жемчужины духовные достаются.

◊ Читайте непременно молитву Иисусову, имя Иисусово должно быть постоянно у нас в сердце, уме и на языке: стоите ли, лежите ли, сидите ли, идете ли, за едой — и всегда-всегда повторяйте молитву Иисусову. Это очень утешительно! Без нее нельзя. Ведь можно молитву Иисусову и короче говорить: это отцы святые советуют для новоначальных. Это полезнее и крепче будет. Помните шесть слов: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешнаго». Повторите медленнее: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешную» — и еще медленнее: «Господи — Иисусе — Христе, — помилуй мя, — грешную». Так хорошо!

◊ Учитесь самоукорению: без него нельзя. Вот я пятьдесят лет в монастыре живу, мне семьдесят шесть лет, слепой, еле ноги передвигаю; и только потому меня Господь милует, что я вижу свои грехи: свою лень, свое нерадение, гордость свою; и постоянно себя в них укоряю — вот Господь и помогает моей немощи.

◊ Молитва — это главное в жизни. Если чувствуете лень, нерадение, что же делать? Таков уж есть человек! А вы молитесь Богу в полном внимании, просто, как дети, говорите слова молитвы Самому Господу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную». Господь Сам знает, что вы — грешная. Так и молитесь: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Так легче, короче и лучше будет внимание удерживать на словах. Вот так и молитесь.

◊ Любить надо Господа. Ведь Господь добрый! Господь Кровь Свою за нас пролил. За это надо Господа благодарить; и, как дети Отца, молить простить нам наши грехи. Молитесь стоя или даже сидя: ведь Господь видит, что вы дети маленькие, сил у вас мало. Он не взыщет. Просто говорите с Господом. Ведь Он так близок к нам. Святитель Тихон Задонский так молился: «Кормилец мой! Батюшка!» Вот как он Господа призывал!

◊ Вникайте в каждое слово молитвы умом; если ум отбежит, опять его возвращайте, принуждайте его тут быть, а сами языком слова молитвы повторяйте. Так будет хорошо! А сердце пока оставьте и не думайте о нем, довольно вам такой молитвы. Главное, чтобы чувство самоукорения неотступно было бы, чувство своей греховности и безответности — перед

Богом. Разве это трудно? Говорите: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную» — и чувствуйте, что говорите. Вы говорите: «Страшно». Но разве сладчайшее имя Господа может быть страшно? Оно благодатно, но надо произносить его с благоговением. А укорять себя надо не только в делах плохих. Дел-то греховных у вас, может быть, и немного, а за мысли греховные тоже будем отвечать.

Преподобный Алексий (1846–1928)

Преподобный Алексий (в миру Федор Алексеевич Соловьев) после окончания курса Московской Духовной семинарии стал диаконом в церкви Николы в Толмачах, что за Москвой-рекой. Овдовев через два года, он задумал оставить мир и идти в монастырь, но близкие убедили прежде воспитать сына. После молитвы и раздумья отец Алексий согласился и в течение двадцати пяти лет жил в Москве. Последнее место службы его было в Кремле, в Большом Успенском соборе, куда он попал за выдающийся голос (бас).

Как только сын окончил учебу, отец Алексий оставил Москву. 30 ноября 1898 года протоиерей Феодор Соловьев был пострижен игуменом Зосимовой пустыни Германом в монашество с именем Алексий, в честь святителя Алексия, митрополита Московского.

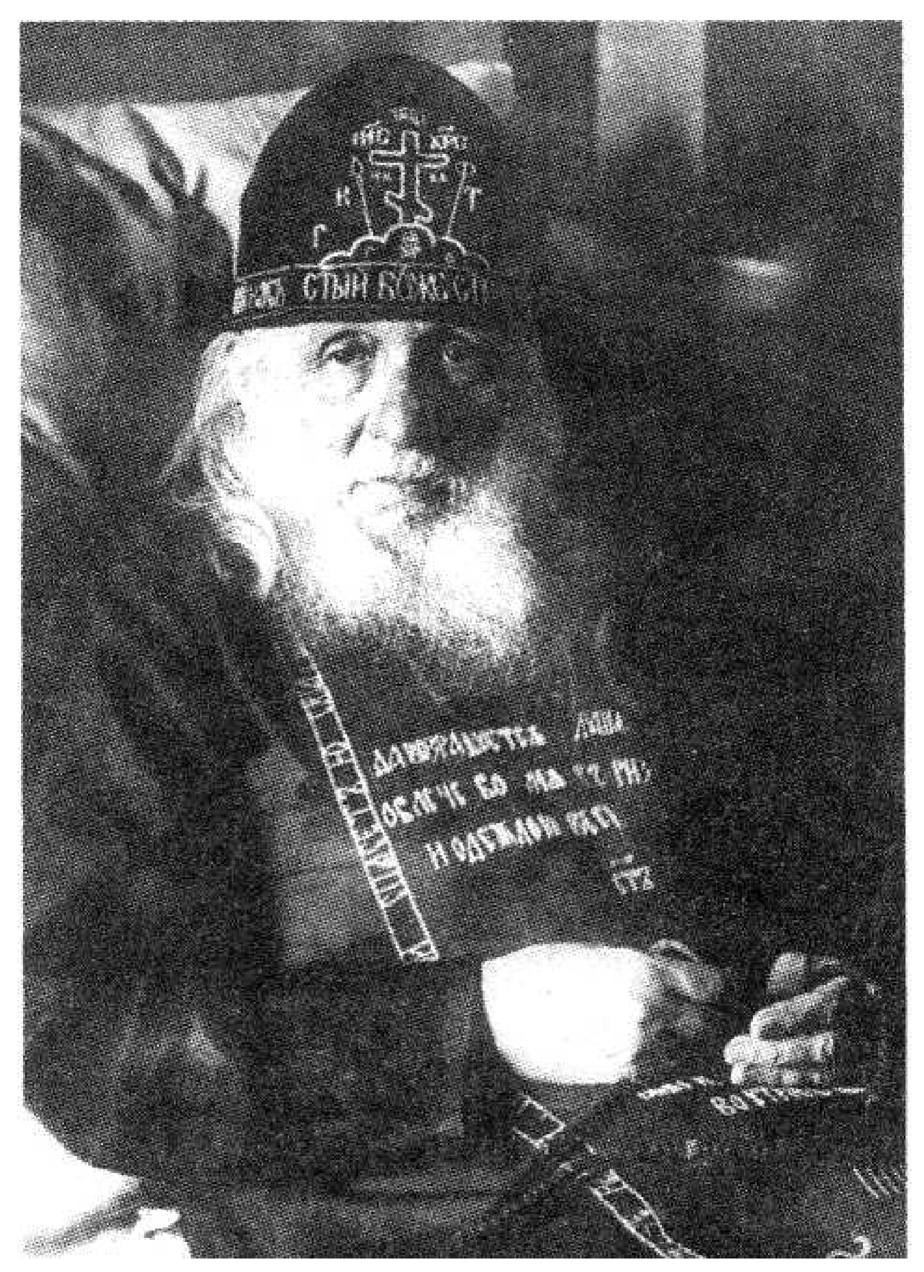
Отец Герман, принимая в Зосимовскую обитель протопресвитера Успенского собора, опасался, что у того могли появиться ростки гордости и самомнения. И он начал смирять отца Алексия. Поэтому первое время отцу Алексию жилось нелегко. Первыми послушаниями его были клиросное пение и совершение богослужений. Обращались с ним сурово, ставили во время службы ниже братии, облачения давали самые плохие. Правда, его определили духовником и освободили от тяжелых физических работ. Пришлось терпеть и на клиросе. Регентом хора тогда был иеромонах Нафанаил, бывший артист оперы, окончивший консерваторию и Синодальное училище, хороший музыкант, но нервный и беспокойный человек. Отец Алексий стал петь на клиросе по-соборному. Отец Нафанаил прервал его и резким тоном стал ему выговаривать: «Это не Успенский собор, вы не забывайтесь, здесь реветь нельзя».

Сразу же став духовником отца Алексия, отец Герман исповедовал его до конца жизни. Он скоро узнал высокие душевные качества инока, его искреннее смирение и богатый опыт священнослужителя, понял его светлую душу. Настороженность сменилась уважением, а затем и большой любовью. Отец Алексий отвечал ему взаимностью. Увеличилось и число исповедников у отца Алексия: вместо старушек-богомолок, приходивших к нему в первое время, его духовными детьми стали многие молодые монахи. Через несколько лет его духовным сыном стал и сам отец игумен Герман.

Клиросное послушание ему отменили и поручили учить молодых монахов Закону Божию.

Первые годы пребывания в монастыре были сопряжены для отца Алексия с большими трудностями и огорчениями, но братия считала это время для себя блаженным, потому что посторонний народ почти не бывал в пустыни и отец Алексий оставался безраздельно с монахами. Скорби и трудности опытно познакомили отца Алексия с иноческой жизнью, и он говорил, что только через два с половиной года понял, что такое монашество. Когда уроки по Закону Божию закончились, отец Алексий после ужина читал братии творения святых отцов и делал это до своего частичного ухода в затвор. Кроме того, по праздникам он говорил поучения народу. Его проповеди были простые, полезные и понятные. Незадолго до ухода в затвор он прекратил проповедовать, находя, что это может возбудить в нем тщеславие.

Отец Алексий очень любил природу, но в лес или поле не ходил. Его прогулки ограничивались стенами пустыни. Не торопясь, бродил он по дорожкам, останавливался и внимательно вглядывался в окружающую его красоту: природа его умиротворяла. В то время он жил в северо-восточной угловой башне. В 1906 году, Великим постом, постоянно осаждаемый исповедниками, он стал изнемогать, здоровье его пошатнулось, и он тяжко захворал воспалением легких. Положение было настолько серьезно, что доктор Мамонтов, лечивший его, открыто говорил, что отец Алексий может умереть. То помещение, где он жил, было сырым и холодным, и его перенесли в игуменские покои. Когда его переносили, ударили в колокол к богослужению… Братия все плакали. В Великий четверг отца Алексия соборовали, участвовали все братия, а сын его, Михаил Федорович, плакал, как дитя. Инок Зосимовой пустыни Владимир пишет, что после соборования, когда иноки подходили по очереди прощаться с батюшкой, подошел и он. Отец Алексий простился с ним, потом тихо сказал: «Молись, я надеюсь на Бога, ради ваших святых молитв Господь дарует мне здоровье». После этого отец Алексий стал поправляться. Летом 1906 года он перебрался в небольшую избушку, пожертвованную одним крестьянином, расход по постройке которой взял на себя сын отца Алексия.

Мало-помалу главным делом батюшки в монастыре стало старчество и духовничество. 17 февраля 1906 года скончался старец отец Варнава из Гефсиманского скита, и сразу же многие из его духовных чад обратились за помощью и поддержкой к отцу Алексию.

Игумен отец Герман, увидев, как много людей стало приходить к отцу Алексию за советом и духовным руководством, отменил все другие послушания, назначив ему только старчество и духовничество. Это и стало самым главным делом монашеской жизни старца.

Когда отец Алексий еще только готовился поступать в монастырь, его главной целью были затвор, молитва, безмолвие. Однако в первые годы это желание батюшки не осуществлялось.

Потому батюшка и стал ходатайствовать перед начальством о позволении уйти в затвор. Его просьба была частично удовлетворена, и 3 февраля 1908 года старец ушел как бы «в полузатвор», сначала временно, до Пасхи. Вход в его избушку был закрыт для всех мирян, кроме семейства сына, даже братия могла входить туда на откровение помыслов в известные часы по пятницам. Отец Алексий стал принимать исповедников только в церкви по субботам и воскресеньям.

Период пребывания отца Алексия в полузатворе (1908–1916) был особенно труден и многоплоден. Его известность среди людей, ищущих духовного наставления, росла не по дням, а по часам. К нему, как к свету, стремились отовсюду люди: государственные деятели, митрополиты и архиепископы, епископы и архимандриты, священники и иеромонахи — большей частью из воспитанников Московской Духовной академии, простые монахи, особенно много монахинь из разных монастырей, военные, врачи, чиновники, учителя, профессора и студенты, рабочие и крестьяне. Среди духовных детей старца к этому времени были и такие известные деятели Русской Православной Церкви, как великая княгиня Елизавета Феодоровна, основательница Марфо-Мариинской обители милосердия, ныне причисленная к лику святых, и матушка Фамарь, которая, по благословению отца Алексия, в 1908 году основала ставший скоро известным Серафимо-Знаменский скит под Москвой. Сам обложенный, как говорится, немощами, старец врачевал и духовно и физически всех, кто с верой прибегал к нему, каждому давал то, что ему требовалось для выздоровления.

Иногда отцу Алексию приходилось принимать народ почти безвыходно по многу часов. Можно было удивляться, как его больное сердце выдерживало это огромное напряжение. Конечно, то было чудо, в немощи совершалась сила Божия. Со временем пришлось ввести специальные билеты для исповедников: сто десять билетов на два дня. Отец Иннокентий их раздавал. Когда на исповедь пускали выборочно, батюшка был недоволен. «Я, — скажет, — не на лицо, а на человека должен смотреть».

В ноябре 1909 года в Зосимову пустынь приехал наместник лавры отец Товия, и тогда на совместном совещании трех старцев — Германа, Алексия и Товии — было решено, что отцу Алексию мало двух дней в неделю для приема, прибавили еще один день — пятницу.

Переписка отца Алексия со своими духовными детьми была не столь обширна. Он полагал, что только личное общение, разговор от сердца к сердцу может подсказать лучший совет. Поэтому письменные советы старец давал только в случаях крайней необходимости, при этом, понимая свою ответственность, он всегда долго обдумывал и взвешивал каждое свое

слово. После же ухода в затвор всякая переписка с батюшкой была прекращена: ее запретили по новым правилам.

Летом 1909 года в Сергиевой лавре состоялся монашеский съезд, и старец Алексий был среди его участников. Его голос имел там большое значение, с его духовным опытом считались, и все с почтением прислушивались к его словам. Здоровье отца Алексия уже давно все ухудшалось. В 1914 году, в ночь на первый день Пасхи, когда он готовился служить литургию, у него случился сильный сердечный приступ. Такое бывало и раньше, но с тех пор приступы стали повторяться чаще. Старец заметно сдал, осунулся, сгорбился. Почти постоянно он чувствовал головокружение и головные боли. Достаточно было ему немного поволноваться, чтобы появились сбои в сердцебиении. Между тем число приезжающих к старцу увеличивалось с каждым годом. Принимать народ торопливо и спешно старец, по складу своего характера и дарования, не мог, но всех удовлетворить как следует не хватало времени. Отец Алексий от этого страдал, волновался, что еще больше ослабляло его здоровье. Летом 1915 года у него случилось полное расстройство сердечной деятельности, он буквально умирал и полтора месяца никого не мог принимать. Телесная немощь и чувство близости смерти вынудили его задуматься об уединении и затворе.

В июне 1916 года старец окончательно «ушел от мира», затворившись в своей келье.

После ухода в затвор отец Алексий покинул свою избушку и поселился на втором этаже братского корпуса, пристроенного к святым вратам с восточной стороны. Его келья размещалась вплотную к алтарю надвратной церкви Всех святых, и старец через особую дверь мог незамеченным входить прямо в алтарь. По правилу жизни в затворе, отец Алексий каждый четверг исповедовался, каждую пятницу молился за литургией в алтаре и причащался. Старец считал таинства исповеди и причастия самыми важными для спасения души и поэтому относился к ним с величайшим благоговением. Он говорил: «Я прихода отца Германа каждый четверг ожидаю, как манны небесной. Вот придет, все оберет, успокоит».

Жизнь пустыни после ухода старца Алексия в затвор изменилась. Так как количество богомольцев значительно уменьшилось, гостиница пустовала. По воскресным дням бывало всего около двадцати исповедников, а в будни — один-два. В сентябре в соборе стали служить только по большим праздникам. Обычно служили раннюю литургию в церкви Всех святых, позднюю — в церкви преподобного Сергия.

Уединение отца Алексия, снявшее с него огромную нервную нагрузку, конечно, благоприятно сказалось на его самочувствии: сердечные приступы

стали слабее и возникали гораздо реже. Старца продолжали безпокоить только письма и телеграммы с просьбами молиться о родных и близких, находившихся на фронте, где тогда шли жестокие бои. Все просьбы старец с любовью выполнял, и его молитвы часто помогали.

Февральская революция никак не отразилась на спокойной и тихой жизни пустыни, политические страсти ее не волновали. В апреле 1917 года отец Алексий получил разрешение отслужить литургию на первый день Святой Пасхи, не разглашая об этом. На той же Пасхальной неделе в Зосимову пустынь приехал митрополит Московский Макарий, вскоре вынужденно ушедший на покой. Он очень любил и почитал отца Алексия, хотел поговорить с ним и получить мудрый совет.

Принимая владыку, игумен Герман пригласил к себе старца Алексия и двух-трех представителей духовенства, гостивших тогда в пустыни. Владыка рассказал собравшимся об обстановке, сложившейся в Русской Церкви после Февральского переворота, и упомянул о решении Временного правительства о необязательности преподавания Закона Божия в школах и гимназиях. Это решение очень взволновало отца Алексия, потомственного преподавателя Закона Божия, и он резко сказал: «Это такое дело, что пусть руки и ноги рубят, нельзя уступать ни на йоту». А затем, смутившись, уже другим тоном, обращаясь к отцу игумену, промолвил: «Вот вы выпустили меня из затвора, а я тут же и нагрубил». «А если бы ты сидел в затворе, то и не знал бы, какой ты есть», — негромко заметил отец Герман.

Все присутствовавшие в тот день в игуменских покоях Зосимовой пустыни не могли и подумать, что события, происходившие в это время в России, в самое ближайшее время скажутся на личной судьбе затворника этой пустыни и на судьбе всей Русской Православной Церкви.

Идея восстановления упраздненного Петром I патриаршества зрела давно. Она обсуждалась еще в начале XX века. Особенную актуальность проблема учреждения патриаршества приобрела в ходе революционных событий 1917 года. В его восстановлении духовенству виделось одно из средств укрепления Православной Церкви в нестабильной обстановке социальнополитических потрясений. Поэтому было принято решение созвать Всероссийский Поместный собор в Москве. Началось выдвижение делегатов.

15 июля 1917 года в Троице-Сергиевой лавре открылся предсоборный монашеский съезд Московской епархии. По личной просьбе святителя Тихона, бывшего в то время митрополитом Московским, отец Алексий принимал в нем участие и был избран членом Всероссийского Поместного собора. 14 августа старец прибыл в Москву.

В октябре 1917 года грянула новая революция. Старец с другими соборянами перешел жить в подвал Чудова монастыря и таким образом избежал смертельной опасности.

Вследствие тех серьезных событий, которые произошли в России в конце октября 1917 года, было решено безотлагательно восстановить на Руси патриаршество. Избрание патриарха было назначено на воскресенье 5(18) ноября в храме Христа Спасителя. 30 октября (12 ноября) голосованием были избраны три кандидата в патриархи: архиепископ Харьковский и Ахтырский Антоний (он получил в качестве кандидата наибольшее число голосов), архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений и митрополит Московский Тихон. Избрание патриарха должно было решиться жребием. Вынуть жребий поручили старцу-затворнику Зосимовой пустыни иеромонаху Алексию.

Вот как описаны последующие события в акте избирательной комиссии: «Перед началом Божественной литургии митрополит Владимир (Киевский) в алтаре написал на жребиях (пергамент) имена кандидатов на патриаршество и положил в специальный ковчежец, который запечатал сургучной печатью. Затем этот ковчежец был установлен на солее слева от царских врат на специальном тетраподе перед малой Владимирской иконой Божией Матери. Во время службы из Успенского собора была принесена чудотворная Владимирская икона Божией Матери, заступница и покровительница Москвы и России, и установлена на том же тетраподе. По окончании Божественной литургии и после совершения особого молебна митрополит Владимир на глазах у всех молящихся распечатал ковчежец и открыл его. Старец-затворник Зосимовой пустыни иеромонах Алексий, во время молебна стоявший в мантии перед чудотворной иконой Божией Матери и горячо молившийся о том, чтобы достойно исполнить волю Божию, принял благословение митрополита, трижды осенил себя крестным знамением и вынул из ковчежца один из трех жребиев».

Митрополит Владимир огласил имя избранника Божия. Остальные два жребия были также предъявлены народу. И сразу же высокие своды огромного храма Христа Спасителя огласились мощным «Аксиос!».

Между тем гонение на Церковь разворачивалось, появились новые жертвы, начиналась гражданская война. 25 января 1918 года в Киеве был зверски убит митрополит Владимир. Старец Алексий переживал это как личное горе: владыка Владимир, будучи в течение четырнадцати лет митрополитом Московским, покровительствовал Зосимовой пустыни, часто посещал ее и был связан узами дружбы со старцем Алексием.

После перевода в Москву нового правительства в марте 1918 года доступ в Кремль был окончательно закрыт и во всех кремлевских соборах

прекратились церковные службы.

На Пасху, 8 (21) апреля, начавшуюся впервые в истории без удара большого колокола Ивана Великого, Поместный собор закрылся, а осенью возобновил свою работу, но уже без старца Алексия, который, по немощи, был освобожден от участия в работе собора и вернулся в Зосимову пустынь продолжить свой монашеский подвиг в полном затворе.

Жизнь же в тихой Зосимовой пустыни под мудрым управлением игумена Германа шла пока по-прежнему: согласно уставу, совершались богослужения, усерднее, чем прежде, монахи трудились на покосах, в поле и на огороде. Паломников было мало. В первое время после возвращения старца Алексия их не было совсем, но потом постепенно, с разрешения патриарха Тихона, стали наезжать духовные дети на исповедь или беседу к старцу Алексию.

Получая все новые сведения о продолжающихся преследованиях и физических расправах над представителями Церкви, старец Алексий понял, что настали тяжкие времена гонений, что появятся новые мученики. Осмысливая все это, думал о том, что может сделать, чем может помочь своему горячо любимому народу и своей Церкви он, немощный, старый монах. Наконец, после долгих размышлений, старец Алексий решил, что должен увеличить свой молитвенный подвиг и принять второй, более высокий монашеский чин — схиму.

28 февраля 1919 года иеромонах Алексий был пострижен в схиму. Имя у него осталось то же, но день ангела стал праздноваться не 12 февраля, а 17 марта — в день святого праведного Алексия, человека Божия.

В конце 1920 года Зосимову пустынь превратили в сельскохозяйственную трудовую артель, и монахи выполняли уже не послушания, а ходили на работу. Но и под новым названием пустынь продолжала свое святое делание: строго соблюдался устав, так же благоговейно велось богослужение.

Несмотря на слабое здоровье и преклонный возраст, старец принимал многих, не торопясь и вкладывая в каждую беседу всю свою душу, до полного изнеможения.

18 января 1923 года мирно почил игумен Герман.

На следующий день после погребения отца Германа из Александрова приехала комиссия для выполнения большевистского декрета о ликвидации всех монастырей уезда, в том числе и преобразованных в трудовые артели. Началось жестокое уничтожение мирной обители. Официально уездные власти закрыли пустынь 8 мая 1923 года. Первым делом выгнали всех ее насельников, предварительно изъяв у них серебряные ризы с личных икон и

другие ценные вещи. Все они разъехались кто куда. Отец Алексий отправился в Сергиев Посад.

Ему было семьдесят семь лет, его терзали немощи, близких родных у него уже не было. С ним был только его верный ученик, друг и келейник отец Макарий, проживший с ним более двадцати лет, тоже одинокий человек. Оба они оказались без крова и без средств к существованию. Но милостивый Господь не оставил в беде Своих верных слуг и молитвенников, дал им все необходимое. Прожив два дня в гостинице, они нашли приют в маленьком домике духовной дочери старца Веры Верховцевой, которая покидала Сергиев Посад, чтобы поселиться в Сарове, где еще продолжалась монашеская жизнь. Домик был деревянный в три окна, в нем были две комнаты: меньшая, которая стала кельей отца Алексия, и большая — для отца Макария. Новое жилище было чем-то похоже на их избушку в Зосимовой пустыни.

До 1925 года старец еще немного ходил по комнатам, несколько раз добирался до церкви. После он больше сидел в кресле, а потом уже полулежал на кровати. Отец Макарий сажал его есть или пить чай. Келейник вспоминал, что старец из последних сил старался вычитывать все дневные службы, исключая литургию, которую он в келье никогда не совершал, так как антиминса не имел. Когда он уже не мог стоять, то вычитывал службы сидя. Батюшка до последней возможности принуждал себя не только молиться, но и класть земные поклоны, подражая в этом своему старцу — отцу Герману, который делал частые земные поклоны, хотя и встать-то с колен не мог, ему помогали его близкие. Отец Алексий, когда уже совсем перестал ходить, все укорял себя, лежа в постели: «Какой же я монах, если не могу исполнять монашеских правил».

Смирение и чувство благодарности у старца были очень велики. Он постоянно благодарил келейника даже за самые незначительные услуги, ежедневно просил у него прощения.

Старец любил поминать на молитве живых и усопших и келейнику говорил, чтобы он никому не отказывал и от всех просящих помолиться принимал записки и передавал ему. Таким образом поминание его постепенно росло. В свое время на проскомидии старец около двух часов вынимал частицы по своему поминанию. В последние годы во время болезни старец благословил вести поминание келейнику: поминание прочитывалось старцу вслух и не все сразу, а по частям, чтобы не было обременительно для болящего. Так это и продолжалось до смерти старца.

Однажды, когда отец Алексий лежал от недомогания в постели, его приехал навестить патриарх Тихон. Старец, всегда с глубоким почтением относившийся к лицам, высоко стоящим в иерархии, был глубоко тронут

вниманием Святейшего и чувствовал себя крайне неловко, оттого что встречал его и беседовал лежа. Он несколько раз порывался спустить ноги на пол, но Святейший брал их и снова клал на кровать. У кого из этих старцев было больше смирения?

После 1927 года старец Алексий уже только лежал, он с трудом поднимал голову и шевелил пальцами правой руки. Принимал только своих близких духовных чад и монахов, и то не всех.

19 сентября 1928 года (это был вторник) тихо скончался.

Духовные наставления

◊ Сознание, что ты духовно не подвигаешься вперед, послужит для самоукорения. Смирять себя надо. Одно крыло — смирение, другое — самоукорение. Нужно наедине громко молиться Иисусовой молитвой.

◊ Что бы ни случилось с тобой, никогда никого не вини, кроме себя самой. За все неприятности и невзгоды благодари Бога. Если будешь верить в промысл Божий, поручишься ему, то обретешь великий мир.

◊ Плоды святого причащения — здоровье души и тела, мир душевный, какая-то радость духовная, легкое отношение к внешним скорбям и болезням. Бывает, например, так. Больной, причастившись святых Тайн, говорит: «Если бы я еще дольше не причащался, давно бы умер».

Эти плоды действуют, если мы не оскорбляем святыню. Если же оскорбляем ее, то в тот же день причащения она перестает действовать. А оскорбляем мы святыню чем? Зрением, слухом и другими чувствами; многословием и осуждением. Потому в день причащения надо преимущественно хранить зрение и больше молчать, держать язык за зубами.

◊ Если мы не получили плодов после святого причащения, надо раскаиваться, смирять себя, считать себя недостойным этих плодов. Быть может, и недостойно причастился? Рассеялся во время службы: можно ведь рассеяться не только блудными, а и другими посторонними мыслями. Отчаиваться же и скорбеть, что не получил плодов святого причащения, не нужно. Иначе оно будет для нас как некий талисман. Такое отношение к таинству — своекорыстно.

◊ Лучше перемолиться, чем недомолиться.

◊ Осуждаем, детынька, оттого, что за собой не смотрим и себя наперед не осуждаем. Не осуждай никого, не клевещи и не давай неправильных советов ближним, ну а если тебе придется сделать это, то спеши исправить зло. Скажи, что ты неправильно сделала, предупреди, извинись письмом, наконец, если не можешь увидеться, а то, знаешь, много неприятностей от этого бывает.

◊ Гордиться нам нечем, ведь есть и есть что хорошее в нас, то не наше, а Божие. Нашего ничего нет. Когда тебе в голову придет гордый и тщеславный помысл о себе, так ты гони его сию же минуту и говори прямо вслух: «Знаю я, какая я хорошая. А это кто сделал, а это кто сделал?» И начни перебирать свои грехи — помысл и отойдет.

◊ Не ропщи, детынька, не надо, если бы Господь забыл тебя или не был к тебе милостив, то жива-то не была бы. Только ты не видишь Его милостей, потому что хочешь своего и молишься о своем, а Господь знает, что тебе лучше и полезнее. Молись всегда об избавлении от скорбей и от грехов, но под конец молитвы всегда добавляй, говори Господу: «Обаче, Господи, да будет воля Твоя».

◊ Одна духовная дочь часто жаловалась старцу на то, что не может держать постов из-за домашних условий. Много неприятностей было от этого, и поститься значило для нее ничего не есть. На все просьбы разрешить нарушить пост старец говорил решительно и твердо: «Не могу, детынька, не могу я тебя на это благословить. Я — монах, и пост положен у нас в уставе. Смотри сама, молись, Бог видит условия твоей жизни. Только на исповеди не забывай каяться в нарушении постных дней».

◊ Она же поведала старцу как-то о своих смущениях, возникших у нее в душе из-за некоторых не понятых ею поступков духовного отца. На это старец очень внушительным и строгим тоном сказал: «От раз избранного духовного отца не уходи по причинам, выдуманным тобой. Знай, что диавол любит отводить нас от того, кто наиболее может быть нам полезен! Не слушай его внушений, если он будет шептать, что духовный отец невнимателен-де к тебе, он-де холоден с тобой и не хочет иметь тебя около себя. Кричи ему прямо вслух: „Не слушаю тебя, враг, это все неправда, я люблю и уважаю отца моего духовного“».

◊ Играть на рояле благословляю только классические вещи, например Бетховена, Шопена. Есть и некоторые легкие вещички хорошие, но вообще легкая музыка служит только страстям человеческим, там, знаешь, и аккорды-то все страстные. Ну а танцы — это совсем дело бесовское, унижающее достоинство человека. Знаешь, я как-то, когда был еще в миру, смотрел раз из своего окна и увидел в окне напротив бал. Так мне со стороны смешно даже смотреть было — кривляются люди, прыгают, ну точь-в-точь как блохи.

◊ «Батюшка, — сказала как-то старцу на исповеди духовная дочь, — я очень жестокая, не умею жалеть несчастных и больных людей». На это старец ответил: «Надо быть милостивой, детынька: „блажени милостивии, яко тии помиловани будут“ (Мф. 5, 7). Главное же, милуй души согрешающих ближних, потому что больных и страждущих душой надо жалеть больше, чем больных и страждущих телом. Милуй и не причиняй страданий даже животным, потому что и о них в Писании сказано: „блажен, иже и скоты милует…“»

◊ Не вдавайся очень в подвиги и желания через меру, выше твоих сил, можешь легко погибнуть. Иди средним путем. Средний путь — царский.

Нет цены умеренному деланию. Когда на молитве ты вдруг заплачешь, если вспомнишь, что кто-то тебя обидел или на тебя гневался, эти слезы не на пользу душе. Вообще, нужно подавлять слезы, чтобы не превозноситься, что «вот я какая — уже молюсь со слезами!». Если будешь думать о своих грехах и читать покаянные молитвы — это спасительно. Вообще же, знай, что враг всегда настороже, всегда за тобой следит, смотрит на выражение твоего лица, твоих глаз и старается уловить твою слабую сторону, слабую струнку: гордость ли, тщеславие ли, уныние.

◊ Все помыслы отгоняй молитвой Иисусовой, а когда они очень уж будут докучать тебе, то ты, незаметно для других, плюнь на них и на диавола, тебя смущающего. Ведь когда при крещении христианин сочетается со Христом, он и на диавола, и на дела его и дует, и плюет — так и ты делай! Святые отцы учат, что на хульные помыслы совсем не следует обращать внимания — сами тогда отскочат. Нужно только сказать врагу: «Это не моя мысль, а твоя, навеянная». Если он возразит — нет, твоя, то ответь ему: «Мой духовник мне приказал так говорить» — и тотчас враг отбежит от тебя.

◊ Если тебя будут пугать, что будто ты заразилась от мамы (раком), то отвечай так: «Ведь от смерти не уйти, ближе буду к Царству небесному, к соединению моему с мамой и с моим родителем. Чего бояться страдания?»

◊ «Отца твоего (лютеранина) нельзя поминать во время церковных служб: ты уж по нем не заказывай парастаса и заупокойных служб. Я тебе дам молитву, составленную отцом Леонидом Оптинским, которая как раз подходяща для твоего отца. Благословляю тебя с сегодняшнего дня начать молиться о нем. Еще при жизни отца Леонида были извещения о пользе этой молитвы». Старец вручил следующую молитву: «Помилуй, Господи, аще возможно есть, раба Твоего (имя), отшедшего в жизнь вечную в отступлении от святой Твоей Православной Церкви. Неисследимы судьбы Твои. Не постави мне в грех сей молитвы моей, но да будет святая воля Твоя».

◊ Когда во время Херувимской или в другие важные минуты приходят в голову разные житейские мысли, нужно тотчас прибегать к Иисусовой молитве. Твори крестное знамение и произноси молитву Иисусову тихонько вслух, это поможет не блуждать мыслями. Нужно собрать мысли и молиться с умилением, с сердечным сокрушением и детским доверием. Господь за такое доверие пошлет умиление, тогда и ощутишь великий плод от такой молитвы. Понуждай себя. Итак, если не будешь себя понуждать к молитве, то заглохнет в тебе молитвенный порыв. Сначала трудно, а затем как бы потечет внутренняя молитва, но принуждать себя надо непременно.

◊ Ты говоришь, что нет памяти смертной. Вот и смиряйся, и кайся в этом. Ты еще должна каяться в том, что у тебя нет должного чувства благоговения к Святейшему патриарху и к его сану. Столько благодати излилось на него при его посвящении. Без умиления нельзя было стоять при его посвящении.

◊ Духовная дочь спросила старца, не грешно ли думать, что когда приобщаешься святых Тайн, то теснейшим образом соединяешься и с Божией Матерью. Старец ответил: «Твоя мысль не еретическая, но лучше совсем не думать о таких вопросах, иначе додумаешься до ненужного и можно даже дойти до сумасшествия. Достаточно думать только о Спасителе и сознательно приобщаться Тела и Крови Христа».

◊ Если ты идешь утром в храм, то все равно полагается читать утренние молитвы. Нужно их прочесть дома, можно опустить только по болезни или если проспишь.

◊ Если по приказанию врача приходилось так или иначе нарушать пост, батюшка велел себя окаявать и молиться: «Господи, прости меня, что я, по предписанию врача, по своей немощи нарушила святой пост», — а не думать, что это как будто так и полагается. Смирять себя нужно.

◊ Рассказывает духовная дочь: «Однажды мне попало от старца за то, что оставляю детей одних дома и, вместо того чтобы следить за их учебой и поведением, отправляюсь в храм. В результате сын Андрей стал плохо учиться, пропускал уроки, и, наконец, меня вызвали в школу для объяснений. Батюшка страшно волновался, говоря: „Помни, я это сейчас говорю и на страшном суде скажу, что говорил тебе об этом. Тебя не спросят, какой ты была псаломщицей, а спросят, как ты детей воспитала“».

◊ О духовной жизни старец говорил, что у многих ее залогом являются духовные ощущения, а нужно поработать самому, чтобы получить постоянное духовное настроение, нужно приобрести тишину души, собранность мыслей, смирение. Никогда не нужно браться за духовные подвит ради ощущаемой от них сладости, но исключительно только для приобретения покаяния.

◊ Своих духовных детей он учил зорко следить за движениями своей души, указывая, с какой великой осторожностью необходимо всесторонне разбираться в каждом грехе отдельно, доискиваясь до его причин, начала, и следить за его последствиями.

◊ Старец часто говорил, что жизнь наша должна быть подобна колеснице, у которой переднее правое колесо есть смирение, левое — самоукорение, а на задней оси — терпение и предание себя воле Божией. А вот и еще слова старца: «Если ты заручишься крыльями смирения, терпения, самоукорения и молитвы, то у тебя появятся страх Божий и

память смертная. Только тогда ты обрящешь мир, когда будешь верить в промысл Божий».

◊ «Никогда не ложись спать не помолившись, — учил старец, — а вдруг в эту ночь тебе придется умереть, а ты легла не помолясь. Всегда во всем себя укоряй, сознавай свою немощь, кайся, плачь перед Богом».

◊ Когда кто страдает бессонницей, нужно молиться седмочисленным мученикам (Ефесским), а чтобы сон не одолевал во время молитвы, нужно молиться Спасителю, Божией Матери и святому великомученику Пантелеимону. Если по какой-нибудь уважительной причине не можешь прочитать положенных молитв, то не нужно расстраиваться. Богу наша молитва не нужна, а нужна Ему наша любовь.

◊ Одна богомолка подошла к старцу с жалобой, что все домашние ее обижают. Старец ответил: «Надо считать себя хуже всех и на обиду говорить: «Простите меня, Христа ради». Тогда и обиду не почувствуешь, и обижать никто не станет. А то тебе — слово, а ты — десять. Полезем в трубу, вымажемся сажей, да и удивляемся, откуда это?»

◊ При недомогании старец рекомендовал обращаться к врачам, говорил, что доктора вразумляются Богом, но к лечению нужно прибегать с молитвой. У Е. И. Шульгиной второй сын родился глухонемым. Она очень тяжело переживала это горе, временами доходила до отчаяния. Она поехала в Зосимову пустынь, все рассказала старцу и стала просить его помолиться о сыне, о его исцелении. Батюшка решительно отказался. «Ты должна радоваться, ты счастливая, — говорил ей старец, — что в наше горькое время твой сын не скажет и не услышит ничего дурного. А молиться о сыне твоем надо так: „Господи, если нужно для славы имени Твоего, чтобы сын мой говорил, то дай ему это, если же нет на то Твоей святой воли, то пусть он останется глухонемым“». Этот ответ батюшка произнес таким твердым и решительным голосом, что Е. И. ничего не могла возразить. И даже, наоборот, она не только перестала вдруг печалиться и тосковать, но вышла от старца вполне успокоенной и с тех пор совершенно покорилась воле Божией.

◊ Милостыню можно подавать не только за упокой, но и за здравие, ибо это приносит великую пользу душе.

◊ Быстрые движения не грешны, но это нехорошо: тогда утрачивается женственность. Ведь женщины должны служить примером. Нужно ходить спокойно, с опущенными глазами. Молю и прошу обратить на это внимание.

◊ Старец считал, что хорошо воздерживаться в еде, если здоровье это позволяет, но отнюдь не во вред себе.

◊ Не нужно быть недоверчивым, подозрительным, а нужно стараться всем верить.

◊ Старец внушал бдительно следить за детьми, не позволять им целовать кошек, собак, особенно спать с ними, а также не позволять детям спать на одной кровати вдвоем.

◊ Против блудной страсти нужно себя охранять следующим образом: никогда никого не осуждать, не гордиться, быть скромно одетой, в комнате должно быть все просто, немного есть и не слишком много спать — вот это главное.

◊ Мы всюду окружены соблазнами, но можно жить среди грешных, а самому не грешить, и наоборот. Надо поддерживать всегда и везде горение духа.

◊ Не нужно лениться, но и сверх сил работать тоже не следует.

◊ Не ходи во время поста в те дома, где тебя заставляют есть скоромное, или же говори, не стесняясь, что ты соблюдаешь устав святой Церкви по собственному глубокому убеждению.

◊ Скорби — это ладья, на которой мы плывем в небесное наше Отечество.

◊ Унывать не надо, а как увидишь, что согрешила, тотчас же, где бы ты ни была, кайся в душе перед Господом, а вечером особо. Так поступай всегда и чаще исповедуйся. На это ведь нам дано покаяние — очищение наше. А уныние — дело бесовское. Нельзя отчаиваться: пал — восстани, постарайся исправиться. Крепко надейся на Божие милосердие и на Его искупительную жертву.

◊ Никогда не лги — это тяжкий грех. Ложь — от сатаны, он отец лжи. Говоря неправду, ты становишься его сообщником. Не клевещи ни на кого.

◊ «Не ленись читать слово Божие и духовные книги. Святое Евангелие нужно непременно читать ежедневно. Слово Божие поддержит и укрепит в истине. Мирянину, желающему познакомиться с духовной жизнью, лучше всего сначала прочитать книгу епископа Феофана „Что есть духовная жизнь“. Эта книга представляет собой как бы ворота в духовную жизнь». В первую очередь старец советовал читать также наставления аввы Дорофея, Иоанна Лествичника и Иоанна Кронштадтского. «Духовные книги, — говорил старец, — нужно читать каждый день, чтобы питать душу. Есть и стихотворения, которые возвышают душу». Старец Алексий настоятельно советовал читать Библию и просил бороться против ложного мнения, что в Библии есть нечто соблазнительное и ее нельзя давать молодым. Он соглашался с апостолом, что «все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим. 3, 16).

◊ Святые отцы говорят: «Рассуждение выше всего, смирение дороже всего, молчание лучше всего, а послушание — это такая добродетель, без

которой невозможно спастись».

◊ Никогда не давай никаких обещаний. Как дашь, то тотчас враг и начнет мешать. Например, относительно употребления мяса. Не давай обета, а так — хоть всю жизнь не ешь.

◊ Гордость надо побеждать тремя словами: «Куда я падала?»

◊ Когда молишься, представляй, что Бог там, вверху, и видит тебя, а ты внизу, на земле. При молитве заключай ум в слова молитвы, то есть молись со вниманием. Если ум рассеивается, отбегает от слов молитвы, снова вводи его в эти священные слова, и так все время, постоянно.

Молитве помогут уединение и безмолвие. Как в огражденной стенами комнате ясно слышится входящий в нее звук, так и молитва, особенно же молитва Иисусова, ограждаемая уединением и безмолвием, совершается с большей полезностью для души.

◊ Еще отец Алексий советовал чаще причащаться святых Тайн, чаще очищать свою совесть исповедью: раз или два в месяц. На исповеди нужно открываться не только в дурных помыслах, но также и в хороших. Он говорил, что те, которые думают, что будто бы нельзя причащаться раньше чем через сорок дней, просто выдумали это, так как не хотят часто исповедоваться.

◊ О тайне исповеди старец часто говорил так: «Будь покойна, детынька, старческая душа — могила, что слышала она, то и похоронила в себе навеки и никому того не отдаст. Не надо и тебе другим рассказывать про исповедь. Зачем? Исповедь — это тайна твоя и духовника. Мало ли что может духовник сказать тебе на исповеди, что сказать-то другим неполезно».

◊ Рассказывает духовная дочь: «Помню, я однажды сказала отцу Алексию с горечью, что не чувствую в себе сердечной теплоты и любви к Божией Матери. Он мне так ответил: „Когда будешь растить детей и прибегать с молитвой к Божией Матери, тогда у тебя и чувства к Ней появятся“. Много раз вспоминала я после эти слова батюшки и убеждалась в их истинности».

◊ Нужно себя понуждать исполнять церковные установления, молиться. Сначала будет трудно, но потом станет легко, так что часами простоишь на молитве, сладость от этого ощутишь.

◊ Если нет времени, читай половину правила или сколько сможешь, но только всегда с благоговейным чувством, иначе ты прогневаешь Бога своей недостойной молитвой. Я знаю одного человека, простого, необразованного, которого Господь сподобил такой благодати, что он каждый раз, как становится на молитву, проливает потоки слез.

◊ Если нет духа исповедничества, трудно будет умирать. Тяжело будет отвечать перед Богом, Которого не исповедовала открыто, а только тайно,

боясь насмешек. Ты стыдилась отвечать неверующим, открыто исповедовать свою веру. Всегда, при любых обстоятельствах, можно говорить о Боге. Например, дети тебе скажут: «Нам не удается какая-то арифметическая задача». А ты в ответ: «Ничего, с Божией помощью одолеете ее. Молитесь Богу усерднее» и так далее. На каждом шагу можешь так поступать.

◊ Не было греха, которого бы старец Алексий не прощал мгновенно, за исключением греха духовной гордости. «Смирихся, и спасе мя Господь», — повторял он.

◊ «Знаешь ли ты, — поучал старец, — что люди оттого только и страдают, что не понимают истинного самоотречения во имя Распятого нас ради. Помни, где горе, где беда, ты должна быть первой. Много слез сокрушенного сердца проливает человек, чтобы сделаться способным утешать других о Господе. Нужно идти туда, где туга душевная так мучает человека, что он склоняется на самоубийство. Это нелегкий подвиг, граничащий с истинным распятием собственной греховности, ибо только тот может уврачевать отчаявшегося, кто сам, силой своего духа, сможет взять на себя его душевное страдание».

◊ «Нет ничего удивительного, что ты страдаешь, — нередко говорил старец, — это нужно, чтобы понять страдания других.

Терпи, Христос, будучи безгрешным, терпел поношения от твари, а ты кто такая, чтобы не страдать? Знаешь ли ты, что душа очищается страданием; знаешь ли, что Христос помнит тебя, если Он посещает тебя скорбями. Избрать путь жизни самой труднее всего. При вступлении в жизнь нужно молить Господа, чтобы Он управил твой путь. Он, Всевышний, всякому дает крест сообразно со склонностями человеческого сердца. Кто тебе сказал, что Бог наказывает людей за грехи, как принято у нас часто говорить при виде ближнего, впавшего в какую-либо беду или болезнь? Нет, пути Господни неисповедимы. Нам, грешным, не надо знать, почему всесильный Христос часто допускает непостижимые для человеческого ума как бы несправедливости. Он знает, что Он делает и для чего. Ученики Христовы никогда не думали, что Христос даст им счастье, в смысле земного благополучия. Они были счастливы лишь духовным общением со сладчайшим своим Учителем. Ведь Иисус явился в мир для того, чтобы Своей жизнью утвердить Своих последователей в мысли, что земная жизнь есть непрестанный подвиг. Христос мог избежать Своего страдания, однако Он Сам добровольно пошел на крест. Бог любит особенно тех, кто добровольно идет на страдания Христа ради».

◊ «Почему я должна жить не для себя?» — часто спрашивала одна духовная дочь отца Алексия. «Да потому, милая, — говорил батюшка, — что

ты только и обретешь мир о Господе, если отдашь себя на служение ближнему».

◊ Относительно молитвенного правила он давал мне всегда один очень определенный совет: «Твори молитву Иисусову всегда, что бы ты ни делала, если же рассеешься, вздохни перед Господом и снова продолжай».

◊ «Страх Божий — вот что потеряли люди, — говаривал старец. — Потому и скорбят, что думают, будто они сами, своими силами, могут чему-нибудь помочь. Нет, люди готовы умереть духовно, чем поступиться своим самолюбием, своей „благородной“, как они называют, гордостью. Гордость изгнала из рая прегордого Денницу, потерявшего из-за нее Свое небесное величие. Думают люди, что вот-вот они достигнут счастья и благополучия здесь, на земле, благодаря своим личным трудам, удивляются и печалятся, если выходит наоборот, забывая, что сам человек ничего не может сделать, если Всевышний не изъявит на то Своей воли. Волос человека не падает с головы без воли Божией, неужели же ты думаешь, что что-либо в жизни целых народов происходит без воли Творца? Нам, правда, часто кажется, что происходит что-то нецелесообразное, что-то прямо несогласное с Божественными законами. Да ведь не знаем мы, что из этого произойдет в психологии этих исстрадавшихся ныне, не знаем мы, что, быть может, Христос и решил очистить всех (старец повторял), помни — всех, благодаря этим нечеловеческим как бы страданиям. Христос есть предвечная любовь, любовь же „николиже отпадает“, и Христос с небесного Своего престола ни на минуту Своим взором не покидает грешной земли. Он все видит, все допускает, а вот почему Он допускает нам, грешным, знать неполезно.

Помни одно, что ты — христианка, и всегда поступай исходя из этого. Долг христианки какой? Исповедовать Христа безбоязненно и никогда ни в чем не поступаться своей христианской совестью. Вот я, — говорил о себе старец Алексий, — думал ли, что мне придется утешать стольких людей, — мне, когда я и теперь зачастую чувствую, что я сам немощен и телесно, и духовно, а тут стольких немощных беру под свою ответственность. Ведь я как бы на поруки беру перед Богом вверяющихся мне людей, придется ведь ответ за них давать перед престолом Божиим. Это не шутка — взять под свою ответственность пред Всевышним сотни людей, вверяющихся духовному руководству. Многие думают: что за важность советовать то или иное? Да ведь мне Христос полагает на сердце тот или иной ответ, я сам, как говорится, в себе не волен. Лучше совсем не спрашивать совета старца, чем не исполнять его. Враг Божий только и ждет, чтобы за непослушание человека Божию совету, полученному через старца, опутать несчастного своими сетями».

◊ «Всех, всех Христос пришел спасти», — повторял не раз старец, когда духовная дочь выражала ему свою скорбь за знакомых, не верующих в Бога людей. «Так и помни, — сказал он как-то раз особенно дерзновенно, — что ты сама только потому веруешь в Бога, что вера тебе Им дана, вера ведь — дар Божий. Нельзя никого судить за то, что он не может верить в Бога, так как это бывает зачастую промыслительно. Христос может сделать чудо мгновенно. Он может в один миг сделать из гонителя ревнителя. Апостол Павел из величайшего из гонителей сделался ревностнейшим проповедником Христовой истины. Но велико дело исповедничества Христовой истины, кому это, конечно, дано. „Всяк, иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим небесным“ (Мф. 10, 32). Есть два вида мученичества. Мученичество явное, открытое, — это когда физически мучают человека, распинают, четвертуют, вообще, подвергают каким-либо физическим истязаниям за имя Христово; это наши первые мученики. А сегодня мученики те, которые добровольно распинают свою плоть со всеми ее страстьми и похотьми. Вот взять хотя бы для примера угодников Божиих — Серафима Саровского, Сергия Радонежского, да и старцев, не прославленных еще открыто Церковью, — Амвросия Оптинского, Иоанна Кронштадтского[9]. Они жили совсем недавно, можно сказать, среди нас, а разве все оценили их по заслугам? Были люди, которые ценили, но были и такие, которые порицали их. И так было и будет во все времена, и нечего удивляться или негодовать по этому поводу, ибо и это происходит по воле Божией».

◊ Старец требовал: «Принуждай себя к милосердию, к добру к ближним, нужно помогать нуждающимся, развивать в себе жалость и любовь».

◊ Духовная дочь старца Алексия — Анна Григорьевна Лепель — как-то жаловалась старцу, что ей трудно дается молитва. На это он ответил: «Нужно стараться согревать в себе чувство раскаяния, сердечного покаяния перед Богом. Не нужно прибегать ни к каким искусственным приемам, например вдыханию или выдыханию (как некоторые учат), а просто развивать в себе чувство глубокого искреннего покаяния. Мало-помалу преуспеешь и тогда почувствуешь великую сладость от молитвы».

◊ Однажды Анна Григорьевна пожаловалась батюшке на некоторых своих воспитанниц, с которыми ей было невероятно трудно в институте: они были очень грубы и непослушны. Старец пристально на нее посмотрел и спросил: «А не виновата ли ты сама в этом? Всегда ли ты была с ними наравне, не возвышала ли на них голоса, не кричала ли, а иногда и спускала им все?» «Да, виновата», — отвечала та. — «Вот видишь, знай теперь, как с ними впредь поступать».

◊ Старец говорил, что два пути ведут к Богу (людей, еще не знающих Бога): проповедь и музыка — конечно, серьезная.

◊ Старец говорил, что душевный мир нарушается больше всего от осуждения ближних и от недовольства своей жизнью. Когда начинали о ком-нибудь говорить с осуждением, старец останавливал: «Нам до других дела нет, говори только свое. Правила святых отцов предписывают останавливать исповедующихся, когда они говорят о других».

«Кто любит говорить про других, — наставлял старец, — про того и люди много говорят».

◊ Когда душа обвинит себя во всем, тогда возлюбит ее Бог, а когда возлюбил ее Бог, тогда — что еще нам нужно?

◊ При ежедневном чтении Евангелия и Апостола лучше читать из того и из другого по одной главе в день. В Пасху и двунадесятые праздники Псалтирь оставляется и читаются только Евангелие и Апостол.

◊ Псалтирь в келье лучше читать стоя, нежели сидя, несмотря на то, что в церкви кафизмы выслушиваются сидя. Келейное чтение Псалтири есть молитвенный труд. Если в церкви и сидят во время кафизм, то ради седален, читаемых после кафизм, а не ради самих кафизм.

◊ Евангелие непременно надо читать стоя. Апостол можно читать и сидя и стоя, но лучше стоя.

◊ При исповеди, особенно женщин и молодых девушек, не следует смотреть исповедующимся в лицо, а лучше смотреть в профиль или на икону, ибо зрение, по словам святых отцов, есть сильный проводник блудной страсти.

◊ Надо молиться против нервности святым благоверным князьям Борису и Глебу, против порока пьянства святому мученику Вонифатию, против блудной страсти прежде всего Господу Богу, Божией Матери, ангелу хранителю, своему святому и затем преподобным Иоанну Многострадальному, Моисею Угрину, Мартиниану, преподобной Марии Египетской, святой мученице Фомаиде, апостолу Иоанну Богослову (девственнику) и всем святым.

◊ Не только монашествующие, но и живущие в миру должны считать себя хуже всех. Монах же вдвойне должен быть смиренным и ни на секунду не забывать, что он хуже всех.

Святой Праведный Иоанн Кронштадтский (1829–1908)

«Отец Иоанн Кронштадтский — самое значительное явление в русской Церкви конца XIX и начала XX века» — так начиналась одна из статей по поводу столетия со дня рождения великого святого.

Святой праведный Иоанн был глубоким мыслителем, великим духовным пастырем и учителем Церкви. Его творения составляют около четырех с половиной тысяч печатных страниц.

Такого влияния на все слои русского народа, какое имел праведный Иоанн, такой славы, какой пользовался любвеобильный пастырь и благотворитель, ни у кого из общественных деятелей и писателей не было. Сам же угодник Божий себе и о своей славе говорил так: «Я не ищу и не искал славы, она сама идет ко мне. Воздаю славу Тебе, Кто сказал: Я прославляю прославляющих меня» (1 Цар. 2, 30).

Не только в России знали силу молитв святого Иоанна; тысячи трогательных писем и телеграмм присылали из Германии, Франции, Испании, Италии, Америки, Индии, Англии, Австралии, Швеции, Португалии, Греции.

Люди тянулись к нему сначала десятками, затем сотнями, в пору его славы в кронштадтском Андреевском соборе собиралось до пяти-шести тысяч молящихся; ежегодно Кронштадт посещало более двадцати тысяч паломников, а позднее их число достигло восьмидесяти тысяч. На одной первой неделе Великого поста собиралось до десяти тысяч человек.

Почти ежедневно совершал святой праведный Иоанн Божественную литургию в Андреевском соборе.

Желающих исповедаться у святого пастыря было так много, что исполнить это желание было физически невозможно. Андреевский собор в Кронштадте во время службы отца Иоанна бывал переполнен, а между тем собор вмещал от пяти до семи тысяч человек. Само же причащение длилось иногда более двух часов.

Отслужив в Андреевском соборе раннюю обедню, отец Иоанн ехал в Петербург навещать больных, к которым был приглашен.

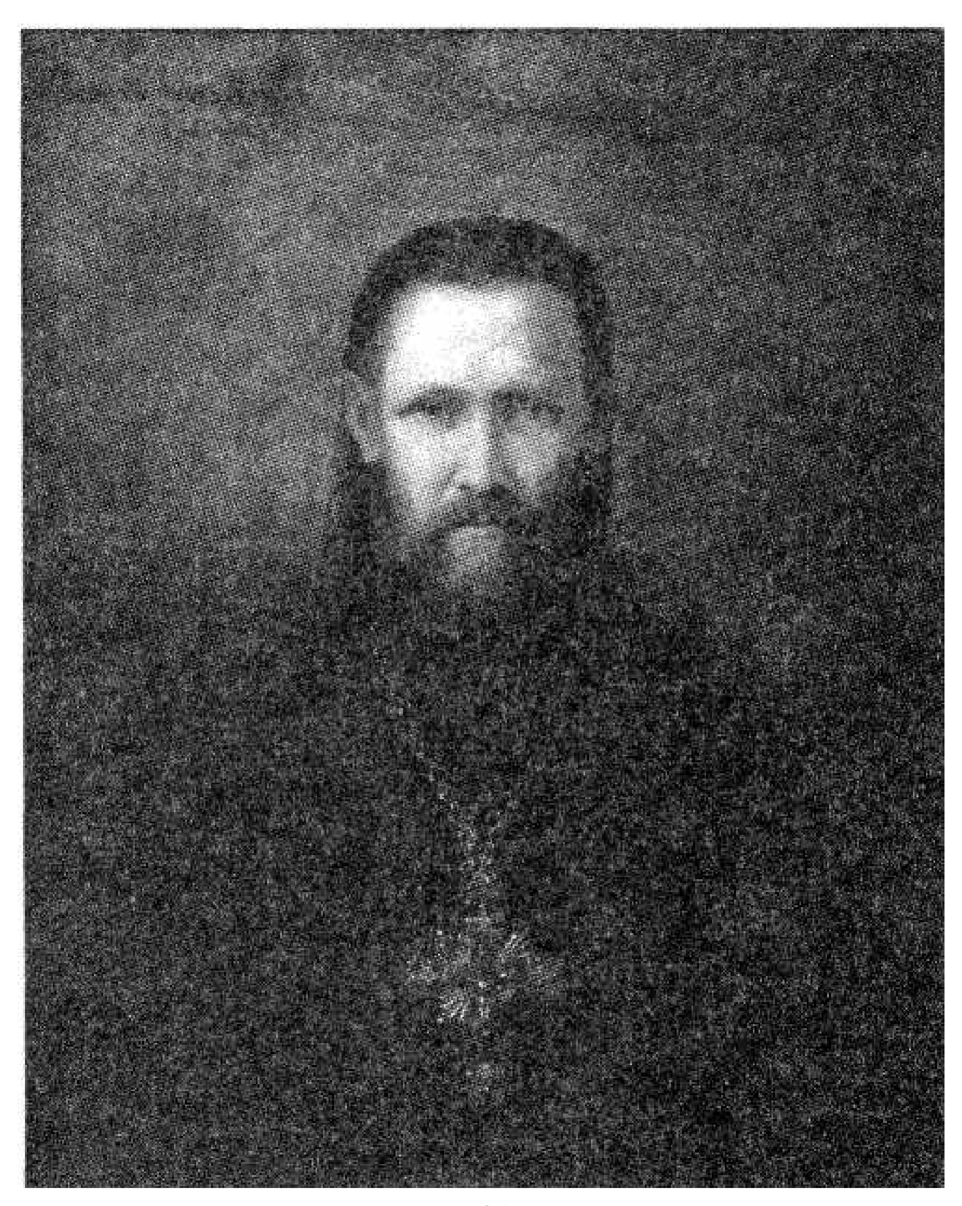
Если жители Петербурга замечали его едущим в карете по улицам столицы, то за каретой его бежали, у дома, куда он входил, тотчас собиралась толпа. Люди бросались к нему, чтобы, если возможно, получить от него благословение, попросить помолиться и тому подобное.

Толпа собиралась такая, что каждый раз, то есть многократно каждый день казалось, что отца Иоанна раздавят, но так продолжалось полвека и сила Божья хранила угодника Своего.

В нашем сборнике мы публикуем (с небольшими сокращениями) беседы праведного Иоанна Кронштадтского с игуменией Таисией (Солоповой), настоятельницей Леушинского монастыря. Среди множества тысяч и тысяч духовных чад дорогого батюшки игумения Таисия была, пожалуй, самой близкой по духу и верной его духовной дочерью.

Воспоминания игумения таисии

Имев счастье состоять в течение более тридцати пяти лет в самых близких духовных отношениях к незабвенному, в Бозе почившему отцу протоиерею Иоанну Сергиеву (Кронштадтскому), я нередко беседовала с ним, иногда подолгу и обстоятельно, о предметах духовного, возвышенного характера. Пользуясь такими случаями, я старалась предлагать ему вопросы, относящиеся к моей личной духовной, иноческой многотрудной жизни, и, слагая в сердце своем все ответы батюшки, уединяясь вечером в своей келье, тщательно записывала, стараясь упомнить каждое его слово. Из таких записей составилась целая тетрадь. За последние годы (в точности, указать год — не могу) я сказала об этом батюшке, и он пожелал сам проверить записи, нашел их правильными, сделал в некоторых местах поправки, где вписал своей рукой прибавления, а затем сказал мне: «Хорошо, что ты запоминаешь мои слова: „хвалю вас, — говорит апостол, — яко слово мое помните и предания моя держите“ (1 Кор. 11, 2). Значит, семя падает на добрую землю и принесет плод, довольный к насыщению и других».

Вот эти записи, начиная с 1891 года, то есть с первого года, как отец Иоанн стал ездить на свою родину, в село Суру, для постройки в нем приходского каменного храма.

Когда батюшка, обратным путем с родины по Мариинской системе, вступил в реку Шексну для следования по ней до города Рыбинска, его ожидал в городе Череповце большой пассажирский пароход, арендованный г-ми Л., приглашавшими батюшку в Рыбинск. Я накануне этого дня, 17 июля, по своему монастырскому делу прибыла в Череповец; но о предстоящем посещении его отцом Иоанном ничего не знала и не помышляла. К вечеру же в Череповце я узнала об этом, а поутру следующего дня стало известно, что батюшка уже приехал и находится у соборного старосты купца Крохина. Я направилась туда, едва пробираясь

через огромную толпу народа, и стала убедительно просить батюшку заехать в нашу обитель, находящуюся невдалеке от берега реки Шексны. Батюшка отказывался за неудобством задерживать пароход, арендованный хозяевами для доставления его к ним, а не для заездов. При этом он прибавил: «Если хочешь побеседовать, так лучше поедем с нами на пароходе и поговорим». И таким образом мы отправились. Но и тут я снова повторила ему свою просьбу, заручившись согласием на то хозяев парохода, и он согласился. На пристани (нашей монастырской) «Борки» мы сошли на берег и поехали в экипаже в обитель.

Первое слово батюшки, обращенное ко мне, было:

Отец Иоанн. Что ты так просила меня заехать? Вот мы с тобой виделись, побеседовали, не довольно ли?

Игумения Таисия. Оттого-то, батюшка, я и прошу Вас, что имела счастье побеседовать с Вами и видеть Вас. Получив это счастье для себя, я не могу не желать, чтобы и сестры мои удостоились того же. Если не употреблю для сего всех зависящих от меня мер, то это будет у меня на совести; если же сделаю все со своей стороны, но Вы сами не соизволите на это, то я уже не подлежу ответу пред Богом за то, что сестры не получат сего блага.

Батюшка внимательно взглянул на меня и сказал: «Вот как ты говоришь! Ну, вот мы и едем».

На пути мы начали беседовать.

Игумения Таисия. Желала бы я, батюшка, открыть пред Вами всю мою душу; я и всегда старалась это сделать, чтобы Вы видели ее, как внешнюю вещь, и могли указать, что ей на пользу, ибо это и есть цель моих с Вами бесед. Ведь мы часто себя сами не познаем, снисходя к своим немощам. Впрочем, я вижу, что Вы человек облагодатствованный, и сами видите, присущим Вам Духом Святым.

Отец Иоанн. Нам, пастырям, дана благодать особенная на дело спасения вверенных нам душ; а благодать сообщает и видение по мере надобности.

Игумения Таисия. Да, батюшка; но не всем одинаково; думаю — по мере личной способности воспринять ее. Вы-то особенно облагодатствованы и духом видите собеседника; я давно замечала это.

Отец Иоанн. А если замечала и понимаешь духовность в человеке, то нечего и сомневаться, а надобно верить. Это враг смущает нашу душу неверием и сомнением, чтобы не дать ей мира.

Игумения Таисия. Много приходится Вам, батюшка, видеть людей, выслушивать их разнообразные нужды, грехи, недуги, и чего-чего Вам не открывают, не поверяют люди!

Отец Иоанн. Да, родная; многое и многих приходится выслушивать! (И Батюшка тяжело вздохнул.)

И. Т. И тяжело же Вам, дорогой батюшка?

О. И. Не легко; но в том-то и заключается исполнение нами заповеди апостольской: «мы, сильнии, должни есмы немощи немощных носити» (Рим. 15, 1). Нелегка и широка эта заповедь; и относится она преимущественно к нам, пастырям.

И. Т. А ведь встречаются души чистые, святые, совершенные?

О. И. Совершенство наше там, — сказал батюшка, указывая на небо, — и «един Свят, един Господь Иисус Христос».

И. Т. Батюшка, доколе человек во плоти, он не может быть свободен от страстей и искушений и от соблазнов, которые отовсюду окружают его в мире?

О. И. Разумеется, не свободен: потому-то и надобно глубоко и неослабно внимать себе. Человек в минуты искушений подобен лежащему на весах, — куда его перетянет? Враг тянет его в гибель, а ангел и сама совесть человека удерживают его. В это время следует вооружиться страхом Божиим, представить себе ужас адских мучений. Необходимо присоединить и тайную молитву сердца, ибо без помощи Божией мы не сильны бороться с искушениями.

И. Т. Когда человек внимает себе и следит за собою, то и малейшее уклонение от Бога, волею или неволею допущенное, тяготит душу и нарушает ее мирное состояние (говорю, впрочем, из собственного опыта). С потерею мира, рождается тревога, смущение, теснота. О, как тяжело бывает душе и как трудно ей снова восстановиться!

О. И. Потребно немедленное тайное покаяние: «воззовет ко Мне, и услышу его». Господь знает наши немощи. Он готов простить нам все, если мы каемся и просим прощения. Не надобно коснеть, то есть останавливаться на мысли о совершенном грехе, а тотчас же каяться, памятуя милосердие Божие; тогда породится не тревога и рассеянность, а сокрушение и смирение сердца, которое «Бог не уничижит» (Пс. 50, 15), то есть не презрит.

И. Т. Как сохранить в душе мир с Богом, восстановленный в ней через таинства, или через тайное покаяние, или милосердием Божиим?

О. И. Ничем так не сохранишь мир, состоящий в общении с Богом, как вниманием к себе. Вообще человек, проходящий жизнь духовную и ревнующий о спасении, должен неослабно внимать себе, то есть замечать все движения своего сердца и ума.

За ними сильно назирает враг и ищет уловить их; и когда найдет скважинку, то есть минуту, не занятую вниманием самого домохозяина,

тотчас же вторгается и сам начинает хозяйничать в его душе, и много может навредить ей.

И. Т. А как тяжело чувствует себя душа, когда, очистившись и восстановив свое общение с Богом, опять нарушит его!

О. И. На чистом и белом виднее пятнышко и самомалейшее; так и на душе чистой; а в черном и грязном они и незаметны за общею чернотою и грязью. Опять-таки выходит, что надобно внимать себе и иметь непрестанное памятование о Боге и внутреннюю молитву.

И. Т. Да, батюшка, невольно приходишь к сознанию, как трудно человеку, особенно поставленному жизнью среди суеты, хотя бы и невинной, например начальственной, но хранящему самовнимание, — устоять на этом пути.

О. И. Пожалуй, и трудно; но какое же доброе дело и дается без труда? А с другой стороны, ведь в труде-то и спасение наше, ведь «Царствие Божие нудится» (Мф. 11, 12), то есть самопринуждением, силою, старанием берется, и только усиленные искатели достигают его. Потребна молитва.

И. Т. Батюшка, научите меня молиться.

О. И. Самое простое дело — молиться, а вместе и самое мудрое. Дитя малое умеет по-своему молить, просить своего отца или мать о том, чего ему хочется. Мы — дети Отца небесного; неужели детям ухищряться просить отца? Как чувствуешь, так и говори Ему свои нужды, так и открывай свое сердце. «Близ Господь всем призывающим Его во истине… и молитвы их услышит» (Пс. 144, 18, 19). «Еще глаголющу тебе, речет: се приидох!» О, как велико милосердие Божие к нам! Но вместе и будь мудра и осторожна, береги ум от рассеянности и скитания или суетности.

И. Т. С принятием сана начальственного, я мало молюсь, батюшка: вечером, — не знаешь, как до подушки добраться, так умаешься от дневных дел и забот; а утром, прежде еще чем я встану, дела встанут, и лишь отворишь дверь, то едва ли вернешься для молитвы.

О. И. Не «во многоглаголании» (Мф. 6, 7) молитва и спасение. Читай хотя и немного молитв, но с сознанием и с теплотою в сердце. А главное, в течение целого дня имей память о Боге, то есть тайную, внутреннюю молитву. Я и сам не имею времени выстаивать продолжительные монастырские службы; но везде и всегда: иду ли я, еду ли, сижу или лежу, мысль о Боге никогда не покидает меня, я молюсь Ему духом, мысленно предстою Ему и созерцаю Его пред собою. «Предзрех Господа предо мною выну, а не подвижуся» (Пс. 15, 8); мысль о близости Его ко мне никогда не покидает меня. Старайся и ты так поступать.

И. Т. А близким к себе Вы Его ощущаете, батюшка?

О. И. Да, родная, близким, весьма близким: Он всегда со мною, по слову Его: «и вселюся в них, и похожду, и буду им Бог» (2 Кор. 6, 16). Иначе как бы я мог так действовать по целым дням, если бы не благодать Божия?

И. Т. Да, батюшка, трудитесь Вы изумительно; Вы всецело приносите себя в жертву на служение людям, забывая о себе.

О. И. Пожалуй, ты и слишком уже сказала; но действительно, я стараюсь по мере сил моих, с помощью Божиею, служить спасению душ человеческих. Я готовил себя к этому с самого начала своего священствования. Пастыри, преемники апостолов, должны жить для паствы своей, а не для себя; мы — соль земли; «аще соль обуяет, чим осолится?» (Мф. 5, 13).

И. Т. Ведь Вы, батюшка, давно священствуете, а открыто явились людям не так давно?

О. И. То было время искуса. Можно ли исходить на брань, не приготовив себя и не искусившись?

И. Т. Да, не легко Вам было, батюшка, но зато теперь Вы стоите выше всех искушений и страстей; а что приразилось бы к Вам — сокрушится о камень веры и благодати, присущей Вам.

Перекрестился батюшка и сказал, вздохнув:

О. И. Много сказать — выше всех искушений и страстей; я не бесстрастен. Но Божия «благодать, яже во мне, не тща бысть» (1 Кор. 15, 10), всегда подкрепляла и ободряла меня. Наши ведь — одни немощи и грехи, а способность наша к служению — от Бога.

И. Т. Батюшка, а я часто колеблюсь, не в вере, конечно, в Бога, — о, нет! я в Него верую всегда твердо и несомненно, — а вот, например, в том, могу ли я надеяться на спасение избранным мною путем? от Бога ли было мое призвание и все видения мои, о которых Вы знаете? да и во многих других вопросах, которые мне хотелось бы проверить более духовным, облагодатствованным взглядом и укрепиться верою и упованием.

О. И. Напрасно смущаешься; первое твое видение Спасителя было тебе еще в детстве, какая же прелесть могла тут быть? Он этим призвал тебя на служение Ему и дал тебе как бы залог спасения.

И. Т. Он сказал мне в конце видения: «прежде потрудись!» — Я и тружусь изо всех сил; но так ли, как Ему угодно, тружусь, и примет ли Он мои труды, приятны ли они Ему, — я не могу быть уверена; ведь «ин суд Божий».

О. И. Как не примет, когда уже венчал их успехом? Смотри, какой собор воздвигла ты без всяких средств и в какое короткое время; не Господь ли венчал твои труды таким успехом? А за всю-то обитель, за сестер-

девственниц, которыми ты руководишь ко спасению, Господь воздаст тебе сторицею, потому что Он праведен и милостив.

И. Т. Да ведь это все внешнее, родной мой батюшка; ну, построила я собор, чужими, то есть сборными грошами, чужими руками; да и за это меня все хвалят — ну, вот и воздаяние внешнее за внешнее. А о душе своей говори, — что я приобрела для нее в течение многолетней жизни в монастыре?

О. И. Для души, говоришь, не приобрела ничего? об этом судить Богу сердцеведцу. Пока мы на земле, Таисия, душа неразрывно соединена с внешностию, и труды, хотя и вещественные, подъемлемые ради Господа и во славу Его, бесспорно приемлются Им. Говоришь: «чужими грошами построила»; да своими-то легче гораздо было бы, чем путем тяжелых сборов добывать эти гроши. А что хвалят тебя за собор, то как же не хвалить за такое великое дело? Ведь тут до скончания века имя Божие будет славословиться тысячами уст, и твоя память, как храмоздательницы, не перестанет поминаться Церковью[10].

И. Т. Я за то ныне с этими строительными и вообще начальственными заботами и трудами не имею ни молитвы, ни поста, ни подвигов монашеских.

О. И. Подвиги твои не для твоей одной души, а для общего блага, потому они и велики, и выше частных, собственно для себя. Что же касается поста, ты лжешь сама на себя: ведь пища твоя скудная, простая, а совсем не вкушать невозможно трудящемуся.

И. Т. А греха-то сколько в начальственной должности!

О. И. А на что же «Агнец Божий, вземляй грехи мира»? Проси у Бога веры и упования. «Совершенне уповайте на приносимую вам благодать», — говорит апостол Петр (1 Пет. 1, 13).

И.Т. Помолитесь за меня, дорогой батюшка, Вашими многомощными молитвами да поможет и мне Господь.

О. И. Молюсь и буду молиться. И ты молись за меня, и твоя молитва имеет дерзновение.

И. Т. Какая моя молитва? Я молюсь за Вас, отец мой, но только потому, с одной стороны, что хочется за Вас помолиться, как за любимого отца, которому желаешь всякого блага; а с другой, стыдно мне и страшно молиться за Вас, ибо кто я пред Богом сравнительно с Вами?

О. И. Что ты, Таисия, неправедно возвышаешь меня? Я первый из грешников. Сам апостол просит верующих молиться о нем: «молитеся о мне» (1 Сол. 5, 25). И другой апостол пишет: «молитеся друг за друга» (Иак. 5, 16). Да и нам легче молиться за тех, кто за нас молится.

И. Т. Я однажды писала Вам, батюшка, просила помолиться об исцелении меня от болезни; получила лишь облегчение, а не совершенное исцеление.

О. И. И не надобно, значит. Не ищи избавиться от болезней, надо же и поболеть, и потерпеть, все на пользу, на спасение наше.

Эта беседа наша с батюшкою в первое наше с ним путешествие в 1891 году июля 18-го дня записана мною почти дословно вечером того же дня; продолжалась она на пути от пристани до монастыря, где батюшка побыл весьма недолго, вследствие просьбы хозяев парохода не задерживать его, и на обратном пути из обители на пароход.

Когда уже оставалось недалеко до пристани и приближалась минута расстаться с дорогим отцом, мне стало грустно, и я сказала ему:

И. Т. Вот мы сейчас и расстанемся с Вами, дорогой батюшка, а как сладко мне было с Вами беседовать! А теперь, Бог знает, когда придется свидеться.

О. И. Будем благодарить Бога и за то, что получили; сама ты говоришь, что все это устроилось неожиданно, непредвиденно для тебя, так вот и гляди сама; а разве Господь-то не такой же милостивый будет и всегда? «Иисус Христос вчера и днесь, Тойже и во веки» (Евр. 13, 8). Что вперед заглядывать? — Будем надеяться!

И. Т. Вы очень спешили, батюшка, и даже не покушали ничего; мне очень совестно, что Вы совсем голодны.

О. И. Напротив, я сыт больше, чем нужно. Я хотел бы быть голодным; когда голоден телом, то душа сытее, свободнее, легче может возноситься горе, а сытое тело и душу пригнетает, порабощает, да и «не о хлебе едином жив будет человек» (Мф. 4, 4).

И. Т. Удивляться надобно, батюшка, как это Вы всякий и самый простой, заурядный случай и даже каждое слово обращаете в назидание, в урок. Вот хотя бы и из этого слова какой высокий смысл выносите!

О. И. Христианин должен весьма осторожно относиться к каждому слову и стараться обратить его в пользу себе и собеседнику.

И. Т. Ну вот, родной батюшка, подъезжаем к пристани, сейчас разлучимся. (И я заплакала).

О. И. «Кто ны разлучит от любве Божия?» (Рим. 8, 35). И нас с тобой, матушка, любящих Господа, ничто не разлучит ни в сей жизни, ни в следующей, — веруй и надейся. «Держи, еже имаши, да никтоже возьмет венца твоего».

И. Т. Чем могу я выразить Вам мою искреннюю, глубокую благодарность за посещение нашей обители? О, если бы я могла чем-нибудь послужить Вам или угодить!

О. И. Угождай Господу, больше мне ничего не надо, и ничто не может быть для меня более приятного.

И. Т. Если бы за Ваши святые молитвы и помог мне Господь преуспевать в духовной жизни, то все-таки это будет не Вам угождение, а прямая обязанность моя и польза для моей души; притом же как Вы узнаете об этом, чтобы порадовалось Ваше отеческое сердце? Ведь мы с Вами не часто видимся и живем довольно далеко друг от друга.

О. И. А я говорю тебе, что узнаю — верь этому, отныне мы будем часто видеться. Я ежегодно буду ездить на родину и обратным путем, может быть, буду заезжать в твою обитель.

С такою радостною надеждою оставил меня батюшка, сев на пароход; а я, вернувшись в обитель, тотчас же записала всю эту нашу беседу.

Эти слова батюшки отца Иоанна вполне сбылись; хлопоты мои о приобретении места в Петербурге для постройки подворья с целью материальной поддержки нашей обители, не имеющей ни капитала, ни обеспечения, начавшиеся еще при митрополите Исидоре, требовали иногда моего некратковременного пребывания в столице, где я нередко виделась с батюшкою, хотя вести с ним духовную беседу никогда не приходилось; но зато, во время заездов его к нам в монастырь летом на обратном пути с родины, мы получали поистине неземное наслаждение, находясь в непрерывном общении с этим благодатным пастырем в течение нескольких дней и даже недель. Он обыкновенно писал мне с родины с. Суры или из Архангельска о том, куда предполагает заехать, сколько где пробыть и когда приблизительно быть у нас и на своем ли пароходе или на арендованном, и мое дело было встретить его на назначенном месте. Вот тут-то начинался мой праздник, мой отдых, то есть буквально отдых душевный, обновление сил и подъем духа. Едем с ним, бывало, от пристани нашей «Борки» до монастыря; дорога все идет лесом, а версты за три до монастыря, пересекая дорогу, проходит полоса монастырского леса; и станет батюшка благословлять его на обе стороны: «Возрасти, сохрани, Господи, все сие на пользу обители Твоей, в ней же имя Твое святое славословится непрестанно». Дорогою расспрашивает о состоянии сестер, о здоровье их и тому подобное. Подъезжаем к деревне, расположенной за одну версту от обители и составляющей весь ее приход, а там по обеим сторонам пестреет народ, вышедший на благословение к великому гостю: мужички, с обнаженными головами, кланяются в пояс; женщины, с младенцами на руках, спешат на перерыв поднести своих деток, хоть бы ручкой-то коснулся их батюшка; только и слышно: «Батюшка кормилец», «родимый ты наш», «красное солнышко». А батюшка на обе стороны кланяется, благословляет, говоря: «Здравствуйте, братцы! Здравствуйте, матери! Здравствуйте,

крошечки Божии! Да благословит вас всех Отец наш небесный! Христос с вами! Христос с вами!»

А как только пойдут монастырские постройки — дома причта, гостиницы и прочее, тут встречают сестры с громким стройным пением: «Благословен грядый во имя Господне!» — и далее с пением же провожают до самого соборного храма, где встречают священнослужители, а звон в большой колокол давно уже гудит. Похоже на что-то пасхальное, прерадостное: общий подъем духа, общее торжество! После литургии, за которою всегда бывает много причастников, батюшка проходит прямо в сад, куда приглашают и все сослужившие ему священнослужители, гости, приехавшие к нему; туда же является и самоварчик со всеми своими атрибутами, и дорогой батюшка, зная, что всякому приятно получить чаек из его рук, старается всех утешить. Потом пойдет гулять по аллеям сада или один, или с собеседником, но никто не беспокоит его. Как только батюшка проходит через террасу в дом, — сад пустеет, так как все расходятся. Но ведь батюшка слишком любит чистый воздух: не только днем проводит все время или в саду, или катаясь со мною по полям и лесам, но иногда, в теплые, сухие ночи, и спит на террасе. Иногда в саду соберет более близких знакомых своих и некоторых сестер обители и, сам выбрав где-нибудь местечко, станет читать нам книгу, им же самим выбранную; но чаще всего читал Евангелие, Апокалипсис или книги пророков и все читаемое тут же объяснял. Иногда чтение прерывалось и беседами на объясняемую тему. Когда устанет сидеть или утомится чтением, скажет мне: «А что матушка, не худо бы и прокатиться нам в пустыньку твою». И конечно, это моментально исполняется, и мы едем. Катались мы всегда небыстро, медленно, потому что в это время батюшка или молился тайно, или беседовал со мною, или просто дремал; да и нужды не было скоро ехать: народ, как бы много его ни было, никогда у нас не бросался к нему, не беспокоил его на дороге.

Как-то, между прочим, зашел разговор о вере, и я, со своей стороны, сказала, что вера наша не так темна и слепа, как иные выражаются: «вера слепая».

И. Т. Я нахожу, что тайны веры доступны пониманию, не скажу — ума, а — души и сердца. Не слепо, не безотчетно я верую, а сознательно, так сказать осязательно, понимая — во что, почему и как верую.

О. И. Так сказать могут только люди духовные; а мирские, не упражняющиеся в предметах веры, не могут так сознавать тайн веры. Да и во всяком случае, есть тайны вполне непостижимые, недоступные пониманию; например: тайна Святой Троицы, — кто постигнет ее? Один — а три. Три — а один…

И. Т. Это объясняется различием лишь свойств Триипостасного Божества. Богословие объясняет это так: «Бог Отец — превечный Ум, Бог Сын — превечное Слово, Бог Дух — животворная, умная, ипостасная, всемогущая святыня, живот от живота», и тому подобное. Вы сами подобно сему в «Дневнике» пишете: «Я мыслю Отцем, говорю Словом, дышу Духом Святым». Следовательно, эта непостижимость тайны упрощается, уясняется сближениями и подобиями, и непроницаемость ее сглаживается.

О. И. Да, для верующих, просвещенных духовно; а все ли могут вместить это понятие? Впрочем, в том и состоит величие нашей веры, что она не так ясна, как познание; иначе она бы превратилась в знание и утратила бы свое величие. Могу ли я благоговеть пред тем, что, через мое всестороннее понимание, уступает моему знанию, становится как бы ниже меня? Нет; там, в будущем веке, «познаем» более полно, а теперь довольно нам «разуметь отчасти», как апостол о вере пишет: «ныне разумеем отчасти, тогда же познаем, якоже познани быхом» (1 Кор. 13, 12).

И. Т. «Ныне видим яко зерцалом в гадании, тогда же лицем к лицу», добавила я и продолжала: неужели, батюшка, мы увидим Господа лицом к лицу? Уж, кажется, и не выдержать человеческому бренному естеству.

О. И. Не выдержать, пока человек во плоти, пока живет на земле, вращается в земной суете; помнишь, что Бог сказал Моисею: «лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх. 33, 20). А в будущем веке, когда и сам человек одухотворится, Господь явит ему Себя, насколько он может вместить; уж это дело Божие. Чтобы не быть отверженными от Божественного неба, от пресветлых селений святых, во веки неветшающих и всегда живых, светлых, благоухающих, всерадостных, надобно здесь приуготовлять себя хранением заповедей Божиих, покаянием и упражнением в добрых делах, нужно ведать и посещать на земле дом Божий, знать великое его воспитательное назначение для душ христианских и заранее приучиться здесь дышать небесным воздухом, облагоуханным духовными ароматами христианских добродетелей, коими благоухает все небо, все собрание святых; ибо в храме непрестанно восхваляют добродетели и доблестные подвиги всех святых Христовой Церкви. Безмерно много дано людям благодати и милости Божией в воплощении Сына Божия; много требуется взаимно и от них: требуется непрестанное и внимательное размышление о делах домостроительства Божия, благодарность, выражающаяся исполнением заповедей Божиих, послушание, взаимная любовь и снисходительность друг к другу, правда, святость, а для этого необходимо внимание к самому себе, как сказано: «аще быхом себе рассуждали, не быхом осуждены были» (1 Кор. 11, 31). О, как враг двоит душу человека, отвращая ее от Бога

пристрастиями и любовию к плоти и всему плотскому, к миру и его благам: славе земной, красоте плотской, к богатству и ко всяким земным удовольствиям, по большей части греховным! Любовь к Богу погашается греховною любовию; поэтому как зорко надобно следить за всеми изгибами своего сердца, чтобы оно не отпало от Бога, этого единственного Источника всякого блага!

И. Т. Не знаю, родной батюшка, может быть, я и ошибаюсь, но, часто проверяя свое сердце, я не нахожу в нем пристрастия ни к чему земному. Не могу не сознавать, не ощущать, что мне как бы отвлеченно от земного живется, лишь по обязанности принимаешь во всем участие и вращаешься всюду.

О. И. Благодари Господа, что Он даровал тебе это бесстрастие. Это — не твое. Только Его святая сила может держать так человека.

И. Т. Главное подкрепление нахожу я в частом приобщении святых Тайн; в чтении Евангелия, которое, право, иногда отвечает на мои мысли и дает вразумление. А также прибегаю нередко и к Вашему «Дневнику»: «Как реки текут в море, так души людей к Богу». Или еще: «Я мыслю Отцем, говорю Словом, дышу Духом Святым». Какая высота!

О. И. Это не мое, а озарение свыше. Я чувствовал на себе это озарение и под влиянием его являвшиеся мысли считал грехом не записывать и не предавать памяти; десятки лет я вел эти записи, и составились целые книги.

И. Т. Они имеют, батюшка, какой-то особый характер. Они невольно восторгают читателя и переносят его как бы в глубину чистого Боговедения и света. На мой взгляд, Вы как будто разрушаете ими средостение между Богом и человеком, объединяете их. Например: «Я живу Богом, в Боге и с Богом, а Бог живет во мне!» Что же может быть выше этого? Ведь это Иоанново богословие: «Бог вселися в ны, и от исполнения Его мы вси прияхом благодать возблагодать» (Ин. 1, 14, 16)! Только оборот речи другой. Если только смею я так выразиться, это есть по отношению ко всему нашему православному учению — как бы продолжение его, изъяснение не постигнутого еще, усовершенствование недоконченного. Вы как бы предвкушаете будущую блаженную жизнь Церкви торжествующей и непостижимость будущей тайны упрощаете до близости и объединения.

О. И. Понимаю, что ты хочешь сказать. Однако не лишена и ты духовного разумения. Действительно, он с этою целью, для этого и писан. Какое средостение между образом и первообразом? Это грех! Но грех разорен Богочеловеком, завеса греха — раздрана; кто мешает или что преграждает нам путь?!

И. Т. При такой мысли о близости единения Бога с человеком, невольно прихожу к вопросу: к чему же такие наши подвиги, лишения, труды ради

Царствия небесного, если оно, как и дарующий его Бог, есть только любовь, мир и радость? Тысячи древних подвижников сияли подвигами; и нам, нынешним монахам, предписываются подвиги; а между тем, Бог, эта вечная Любовь, для Своего воцарения в сердце человека требует лишь любви: «сыне, даждь Ми сердце твое» (Притч. 23, 26), говорит Он. Подвиги изнуряют, убивают, гнетут; я иногда сравниваю их с буквою по отношению к закону: «письмя убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3, 6).

О. И. Ты смешиваешь одно с другим, между тем как всему свое время и место. Подвиги нужны и необходимы для воспитания своего внутреннего человека, для умерщвления в нем гнездящихся страстей, для выработки себя в ту «меру возраста исполнения Христова» (Еф. 4, 13), когда сделаемся способными принять и носить в своем сердце Царствие Божие. Бог всегда с нами, у дверей сердца нашего, как сказано: «се стою при дверех и толку» (Апок. 3, 20); да сердце-то всегда ли способно принять Его? Вот и указаны нам и книгами, и примерами подвиги, как сила вспомогательная для нашего усовершенствования, чтобы путем их очистить свое сердце для принятия внутрь его Царствия Божия, то есть Самого Христа. Знаешь ты тропарь святому великомученику Феодору Тирону: «яко хлеб сладкий Троице принесеся»? Что это значит? Как ты понимаешь эти слова? Для того, чтобы хлеб был сладкий, приятный, надобно прежде всего хорошенько просеять муку, очистить ее от всякой примеси, от всего негодного, чтобы было приятною Богу жертвой, надо прежде очистить от страстей, в нем находящихся, высеять их; тогда и будет оно приятно.

И. Т. Дорогой батюшка, как понимать заповедь о «добрых делах»? их ведь необходимо утаивать?

О. И. А я так не так это понимаю: «тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего небеснаго» (Мф. 5, 16). Пусть люди видят твои добрые дела, и чрез то Господа славят, и для себя имеют живой пример, живое побуждение к деланию добра. Вот от кого надобно скрывать (и при этом батюшка показал пальцем на свое сердце) добрые дела! От него утаивай все, «да не весть шуйца твоя, что творит десница твоя» (Мф. 6, 3). Шуйцей называется свое личное самомнение, тщеславие.

И. Т. Батюшка, я хотела бы и еще Вас спросить: вот я все стараюсь отдаляться от своих родных; редко, очень редко пишу им; вот уже четырнадцать лет, как не была у них; они все зовут, все стараются сблизиться со мною; и другие меня уговаривают, что и грех, будто бы, оставлять своих; если и посторонним делаешь добро, то своим и подавно надобно. А я все стараюсь отдаляться от них; ведь сказано: «врази человеку домашнии его» (Мф. 10, 36); да и что у нас общего? Они только отвлекут

меня от моих обязанностей; да я и боюсь, греха с ними много. Как ваш взгляд на это?

О. И. И прекрасно делаешь! Остерегайся, отдаляйся от них. Помни: «нельзя служить двум господам» (Мф. 6, 34). У тебя теперь другие родные — твои сестры о Христе, ты за них ответишь перед Богом; а родных раз уже оставила, «не озирайся вспять». Нет сильнее войны духовному человеку, как с родными его: «врази человеку домашнии его». Так было при Христе, так и теперь, так и всегда будет.

Однажды я исповедовалась у батюшки, говоря по порядку заповеди. Выслушав, он сказал:

О. И. Все это грехи как бы неизбежные, вседневные, в коих мы должны непрестанно каяться мысленно и исправляться. А вот ты мне что скажи: каково твое сердце, нет ли в нем чего греховного: злобы, вражды, неприязни, ненависти, лести, мстительности, подозрительности, мнительности, недоброжелательства? Вот яд, от которого да избавит нас Господь! Вот что важно!

Я отвечала, что не ощущаю в себе ни злобы, ни вражды, ни мести, ничего подобного, а только могу обвинить себя в подозрительности, или вернее в недоверии к людям, образовавшемся во мне вследствие многих людских несправедливостей и неправд.

Батюшка отвечал:

О. И. И в этом не оправдишься; помни: «любы не мыслит зла» и «доброе око не узрит зла» (1 Кор. 13, 15) даже и там, где оно есть. Покрывай все любовию, не останавливайся на земной грязи, достигай совершенства любви Христовой; впрочем, и «Христос не вдаяше Себе в веру их, зане Сам ведяше вся» (Ин. 2, 34).

И. Т. Батюшка, как же доверять и верить вполне людям, когда так много от них приходилось терпеть незаслуженно, безвинно? Иногда, из предосторожности для будущего, относишься недоверчиво и подозрительно.

О. И. Зачем нам заглядывать в будущее? — «довлеет дневи злоба его» (Мф. 6, 34). Предадимся, как дети, Отцу нашему небесному, «Он не оставит нас искуситися паче, нежели можем» (1 Кор. 10, 13). Подозрительностью лишь себя измучишь, да и делу не поможешь, еще повредишь, заранее представив себе зло там, где, может быть, его и не будет. Лишь бы мы не делали зла, а нам пусть делают, если попустит Господь.

И. Т. Иногда, батюшка, готовишься к принятию святых Тайн, а ночью совсем не можешь бодрствовать; или от дневных трудов утомишься до крайности, или от чего-либо другого, но так и клонит ко сну; потом и смущаешься этим в церкви.

О. И. Неужели ты думаешь, что наше неспание или какиелибо подвиги сильны и достаточны дать нам дерзновение перед святою Чашею? Помнишь разбойника? — Один вздох искреннего раскаяния, одна вера в заслуги Распятого, — вот наше оправдание, а не мнимые наши подвиги. Конечно, надо и подвизаться, но не с тем, чтобы в этих подвигах видеть и полагать свое оправдание и достоинство. «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19).

Я многократно просила батюшку принять наш монастырь под его духовное водительство, его покров, отнюдь не разумея тут какой-либо материальной помощи, о чем решительно никогда не беспокоила батюшку, а просила исключительно его духовного, благодатного наблюдения над нашей обителью, веруя и по опыту зная, что ему Господь открывает состояние сердец человеческих.

Батюшка отвечал:

О. И. Много ты мне, матушка, приписываешь, слишком высоко обо мне думаешь; если я что и имею, то лишь по благодати Божией. Конечно, «вся возможна суть верующим» (Мк. 9, 23). По вере твоей, если будет на то Его святая воля, не отказываюсь содействовать вам в деле спасения, буду, как уже и говорил, молиться за вас; и сам я люблю вашу обитель.

(Через некоторое время отец Иоанн прочитал игумении Таисии повествование, где говорилось, как сильны пред Богом молитвы преподобного Антония Киево-Печерского о всех, живущих в его обители. И сказал: «Господь даровал мне эту обитель твою, и я ваш молитвенник всегдашний». Мать Таисия стала благодарить батюшку.)

О. И. Богу благодарение, а не мне недостойному. Помнишь слова апостола: «лишше подобает нам внимати писанным, да не когда отпадем!» (Евр. 2, 1).

И. Т. Помню, батюшка, но этот текст мне не очень знаком, а Вы нередко его повторяете, запишите мне его для памяти.

О. И. Не хочется, Таисия, я устал. — Но, помолчав немного, он продолжал: «Ну, давай, напишу!»

И. Т. Нет, батюшка, если устали, так зачем же утруждать себя? Я и так запомню, или сама запишу. — И я повторила текст.

О. И. Давай, давай — напишу! Надо нудить себя; слышишь: надо нудить себя на пользу ближних во славу Божию

Я поняла урок для себя. «Спаси Вас, Господи, — отвечала я, — да, мне каждое Ваше слово дорого; я внимательно слушаю Ваши речи и после дома записываю все, о чем говорила с Вами. Это служит и для меня самой утешением и пользою, да и как отрадно прочесть хотя речи Ваши, когда,

расставшись с Вами, скучаешь о Вас; кроме того, думаю, и другим полезно слышать (то есть прочитать) Ваши благодатные беседы».

О. И. Что ж? Можешь давать и другим, но прежде дай мне самому просмотреть, что ты там записала.

Я показала батюшке эту самую тетрадку; он прочитал несколько страничек, кое-что поправил и, отдавая мне ее обратно, сказал:

О. И. Я просмотрел бы ее в более свободное время, так после подашь мне. Хорошо, что ты запоминаешь мои слова. «Хвалю вас, братия, — говорит апостол, — что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам» (1 Кор. 11, 2). Значит, семя мое падает на добрую землю и приносит плод, довольный к насыщению и других.

И. Т. Мне думается, батюшка, что рассеянность, хотя сама по себе и не есть особый вид греха, но едва ли не более других грехов мешает присутствию благодати Божией и заглушает ее.

О. И. А разве ты не считаешь рассеянность за грех? Она есть потеря внимания; о ней и Спаситель упоминал, когда говорил о семени, падшем при пути, и когда сказал апостолу Петру: «Симоне, Симоне, се сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу» (Лк. 22, 31) (сеял, то есть рассеивал).

И. Т. А разве это о рассеянности, батюшка?

О. И. Как же, о рассеянности.

Батюшка очень любил цветы и вообще природу: ему беспрестанно подносили цветы или из сада, или полевые. Бывало, возьмет в ручку розу или пион, какие расцветут к его приезду, и поцелует цветок, говоря: «Лобызаю Десницу, создавшую тебя столь дивно, столь прекрасно, благоуханно! О, Творец, Творец! Сколь дивен Ты и в самомалейшей травке, в каждом лепестке!» Подержит, бывало, батюшка в руке своей цветочек и отдаст комунибудь из присутствующих; и сколько радости получает с этим цветочком обладатель его! А батюшка продолжает восхвалять Творца за Его благодеяния к людям. Подадут ли ему ягод из сада, какие поспеют, он говорит: «Какой Господь-то, Отец наш небесный, милостивый, добрый, щедрый, всеблагой! Посмотрите, поймите — Он не только дает нам насущное, необходимое пропитание, а и услаждает нас, лакомит ягодками, фруктами, и какими разнообразными по вкусу, — одни лучше других! Заметьте, вот у каждого сорта ягод свой вкус, своя сладость, свой аромат».

Кто-то из приезжих заметил при этом ему однажды, что ныне культура усовершенствована и дает лучшие сорта продуктов. Батюшка, не глядя на говорившего, а продолжая смотреть на ягоды, ответил: «Культура — культурой, а Творец — Творцом. На то и дан человеку разум, чтобы он работал им, возделывал, совершенствовал, или, как ныне выражаются, культивировал прежде всего самого себя, а затем и другие творения Божии,

хотя бы и дерево, и плоды, и все, что предано в его руки Творцом. Из готового-то семени легко выращать, доводить до высшего качества; а семя-то самое создать, если его нет, одну каплю воды создать там, где ее нет, — попробуйте-ка с вашей культурой! Из готовой воды можно и водопады устраивать; из готовых веществ — земли, песка, глины можно какие угодно громады воздвигать; а при отсутствии этих веществ что вы сделали бы? О, Творче Всеблагий, Отче небесный, доколе создание Твое не познает Тебя и не падет в прах пред величием Твоим?!»

Любил также батюшка и сам собирать в саду ягоды и кушать их прямо с веточки. Бывало, заберется в кусты малины или в грядки клубники, кушает да позовет: «Матушка, у тебя в садике-то воры; что плохо следишь за своим добром!» Любил он наш садик и всякий раз перед отъездом из обители заходил в него и, как бы жалея его, прощался с ним: «Прощай, садик! Спасибо тебе за то удовольствие, которое ты доставляешь мне всегда! Сколько светлых минут проводил я в твоем уединении!» и тому подобное.

Бывало, скажешь ему на это: «Родной наш батюшка, да разве Вы на будущий год к нам не приедете?» Он ответит: «Будущее в руках Божиих; жив буду, — приеду».

Если случалось, что батюшка приезжал к нам во время сенокоса, то мы с ним ездили и на покос к сестрам, всегда приноравливая к тому времени, когда они там пьют чай. Вот радость-то сестрам! Подъезжаем, бывало, и издали уже виднеются черные фигуры в белых фартуках и белых платочках. Поодаль дымятся и самоварчики; тут же на траве разостлана большая простая деревенская (бранная) скатерть, пригнетенная по краям камушками, чтобы не поднимало ее ветром; на ней около сотни чашек чайных, сахар; подле стоят мешки с кренделями (баранками). Как только подъедет батюшка, певчие сестры грянут любимый батюшкин задостойник: «Радуйся, Царице». Батюшка идет к приготовленному для него столику, но иногда прежде погуляет по покосу, посидит на сене, побеседует с сенокосницами, и затем начинается чаепитие. Все собираются к кипящим кубам и самоварчикам, садятся на траву, и батюшка сам раздает им из мешка баранки, многим дает чай из своего стакана и, вообще, старается всех утешить.

Когда он уезжает с покоса, все бегут провожать его, певчие поют ему «многолетие», пока экипаж не скроется из вида. Вообще, батюшка любил наше пение и ежедневно призывал клирошанок петь, по большей части в саду, а при дождливой погоде и в кельях. Ежедневно после обеда подходила к нему регентша, которой он назначал, какие пьесы петь ему. Иногда он слушал их молча, сосредоточенно, в молитвенном настроении; иногда стоял

или даже ходил среди них и объяснял им смысл поемого, особенно ирмосов; иногда же с увлечением сам пел с ними и регентовал рукою.

Когда случалось нам с ним кататься по Волге, по его благословению я брала с собою на пароходе от четырех до шести певчих, которые пели ему на пароходе, также и в побережных церквах, где он останавливался для совершения литургии, без чего не мог провести ни одного дня.

Когда мы с ним катались по нашим лесам и полям, он всегда благословлял поля с молитвою о их плодоносии и изобильном урожае на пропитание обители. Бывало, когда увидит, что нет близко народа, велит остановить лошадей, снимет с себя рясу, положит на свое место и пойдет немножко пройтись в поле. По дорогам между монастырем и скитами у нас поставлено не мало скамеечек, так как по этим уединенным дорожкам гуляют монашенки и садятся иногда со своим рукоделием, или отдыхают, когда ходят в лес за ягодами или за грибами. Во время пребывания у нас батюшки, все таковые скамеечки служили местом для богомольцев, прибывавших к батюшке; зная, что мы с ним ежедневно, иногда и по нескольку раз, проезжаем тут мимо, они поджидали нас и, завидев издали экипаж, тихо, в полном порядке подходили к батюшке на благословение; иные девушки подносили ему полевые цветы, особенно часто фиалки белые и лиловые, которые батюшка очень любил. Так однажды, приняв эти букеты, он держал в руках один из них и, рассматривая его, сказал Евангельское слово:

О. И. «Ни Соломон во всей славе своей не одевался так, как каждая из полевых лилий. Если Отец небесный так одевает цветок, который сегодня есть, а завтра брошен будет в печь, то не тем ли более вас, маловерные». Как очевидна истина слова Божия: «ищите прежде Царствия Божия и правды Его, а все остальное приложится вам». Это я испытываю на себе: с тех пор как я начал усиленно искать и исключительно заботиться о благоугождении Господу молитвою и делами милосердия ближним и другими, я почти не имею надобности заботиться о себе, то есть о своих внешних нуждах; меня, по милости Божией, одевают, обувают, угощают добрые люди и сочтут за обиду, если бы я не принял их усердия.

Я на это отвечала ему: «А если бы Вы знали, батюшка, как приятно что-либо сделать для Вас, хотя чем-нибудь послужить Вам. Да и поверите ли, батюшка, что за все, что для Вас сделаешь, так скоро воздается сторицею! Я это и на себе лично испытала, да и от многих слышала».

О. И. Верю, и сам вижу на деле; да это и в порядке вещей; за все воздает нам Господь, даже за чашу холодной воды, поданную во имя Его.

И. Т. А я в этом отношении часто припоминаю слова: «приемляй праведника во имя праведниче, мзду праведничу приемлет» (Мф. 10, 41). Я

знаю, что это сказано к апостолам и не в том отношении, о каком мы теперь говорим, а вообще о вере и усердии к праведникам, то есть к людям, всецело отдавшимся Богу.

О. И. А помнишь апостольское слово: «не обидлив есть Бог забыти дела вашего и труда любве, яже показасте во имя Его, послужившe святым» (Евр. 6, 10). Конечно, не святых, на небесах живущих, надлежит разуметь, а служителей Его, которые трудятся для Него ради спасения людей. А строго же Он и судит тех, кто дерзает злословить их, особенно клеветать безвинно! Как Он чрез пророка Захарию говорит: «касаяйся вас (то есть избранников Божиих) яко касаяйся зеницы ока Его (Божия)» (Зах. 2, 8). Видишь, Своим «оком» называет их Господь! Да и святые-то как любили Господа! Несмотря на немощное плотское свое естество, ужасающееся и мысли о мучениях и пытках, ради любви Христовой охотно шли на всякое страдание и смерть, лишь бы в вечности не быть отринутыми от Него. Вот, святой Игнатий Богоносец и лично просил, и писал в своем послании к римлянамхристианам, когда они хотели освободить его от предстоявшей ему мученической смерти: «Не возбраняйте ми, то есть не мешайте мне прийти к Господу, хочу быти измолен, то есть измолот, зубами зверей, да буду в жертву благоприятну Господу моему!» (Посл. к Римл.) Вот высокая, святая любовь!

В 1903 году, в бытность свою у нас, отец протоиерей Иоанн совершил закладку зимнего Троицкого храма при громадном стечении народа, так как в этом году здесь были учительские курсы, в коих принимали участие свыше семидесяти учительниц.

Грешно было бы умолчать об одном слишком большой важности событии, совершившемся по молитвам отца Иоанна на глазах целой деревни и известном всей окрестности, о котором в свое время все говорили и писали, а теперь, уже после кончины батюшки, упоминал в газетах случившийся в то время у нас в монастыре г-н М. А. Гольтисон. Это было также в 1903 году, еще в начале июня месяца. Во всей здешней местности появилась «сибирская язва». Коровы и лошади падали ежедневно по нескольку голов. Со всех сторон были поставлены карантины, и я с ужасом помышляла о том, как выеду за батюшкой и как привезу его в обитель, ибо всем приезжавшим к нам на пароходе из более отдаленных местностей приходилось идти пешком все 10 верст от пристани до нас. В монастыре собственно скот не падал, не было никакой эпизоотии; но из него-то, окруженного карантинами, никуда нельзя было попасть иначе, как пешком. Наконец, необходимо стало решить вопрос, то есть или предупредить батюшку о невозможности посетить наше Леушино, или же, презрев опасность, подвергнуть эпизоотии весь наш скот, решиться ехать; и я,

помолившись с верою, избрала последнее. Со всякими предосторожностями, ночью, во избежание дневного жара, на легком простом тарантасе в одну лошадку, я поехала на пристань. Версты за две до нее, на карантине, мы едва пробрались, и то лишь потому, что все знали, что в обители пока все еще благополучно. Едва проехали эту заставу, как, на беду, нам пересекают дорогу двое дрог, везущие павших лошадей для закопки их в отведенном месте. Ужас мой и опасение удвоились, и я почти уверена была, что должна лишиться своей лошадки. Кое-как, наконец, добрались до пристани и, со всеми предосторожностями, опрыскав и окурив, убрали лошадь в конюшню. Утром я отправилась навстречу батюшке и еще на пароходе рассказала ему все. Выслушав меня молча, батюшка встал со своего места и стал ходить по трапу парохода и молиться. Через полчаса времени он снова сел подле меня и сказал: «Какое сокровище — молитва! Ею все можно выпросить от Господа, все получить, всякое благо, победить всякое искушение, всякую беду, всякое горе».

Я уже начинала смекать по этим словам, что и наша беда «сибирская язва» победится его молитвами, что и высказала ему. Батюшка ответил: «Что же, — вся возможна верующим!» (Мк. 9, 23).

Когда пароход подошел к пристани «Борки», то на ней уже собралась не одна сотня домохозяев и хозяек, намеревавшихся просить батюшку помолиться об избавлении их от такого тяжелого наказания, как потеря скота. «Что мы будем делать без скотинки-то, кормилец? Ведь ни земли не вспахать, ничего, — хоть по миру иди! Уж и без того-то бедно, а тут еще такая беда». — «За грехи ваши Господь попустил на вас такую беду; ведь вы Бога-то забываете; вот, например, праздники нам даны, чтобы в церковь сходить. Богу помолиться, а вы пьянствуете: а уж при пьянстве чего хорошего, сами знаете!» — «Вестимо, батюшка кормилец, чего уж в пьянстве хорошего, одно зло». — «Так вы сознаетесь ли, друзья мои, что по грехам получаете возмездие?» — «Как не сознаваться, кормилец! Помолись за нас, за грешных!» И все пали в ноги. Батюшка приказал принести ушат и тут же из реки почерпнуть воды; совершив краткое водоосвящение, он сказал: «Возьмите каждый домохозяин себе этой воды, покропите ею скотинку и с Богом поезжайте, работайте; Господь помиловал вас».

Затем батюшка вышел на берег, где уже стояли наши лошади, которых он сам окропил, равно и привезшую меня на пристань лошадку, и мы безбоязненно поехали в обитель.

В тот же день все мужички поехали куда кому было надо, все карантины были сняты, о язве осталось лишь одно воспоминание, соединенное с благоговейным удивлением к великому молитвеннику земли Русской. Хотя у нас в обители и не было падежа скота, но мы тем не менее

просили батюшку окропить его и помолиться о сохранении его на общую пользу. И бесценный наш молитвенник, совершив водоосвящение, приказал проводить мимо его весь рогатый скот поодиночке, причем каждого отдельно окроплял святой водою, также и лошадей.

Вообще батюшка любил животных; в пример этому могу привести случай, коему и я и все бывшие на пароходе были очевидными свидетелями.

Однажды мы с батюшкой ехали на пароходе по Волге вверх, против течения, около пяти часов пополудни, в сенокосное время. Все были на трапе (на палубе), где батюшка читал нам книгу, а мы окружали его, сидя кто на стульях, кто на скамьях, а кто и на полу. Прекратив чтение, батюшка обратился к бывшему тут же капитану парохода А. А. М. и сказал: «Пойдем, друг, помедленнее: чудный вечер, а аромат-то какой от свежего сена, — наслаждение!» Идя тихим ходом, мы подходили к большой, широко раскинувшейся по берегу Волги, деревне; а на противоположном берегу находился покос, где еще убирали сено: иные метали стоги, иные накладывали его на воза, чтобы увезти через реку в деревню на пароме, стоявшем у того берега. Вдруг одна лошадь с огромным возом сена, скативши его на паром, не могла остановиться и ринулась прямо в воду, увлекая за собою и воз, и державшего ее хозяина-крестьянина. На пароме произошел невообразимый переполох; и лошадь, и сено были обречены на верную гибель. Крестьянин, бросив вожжи в реку, моментально сел в лодочку и направился по течению, куда должно было нести и лошадь с возом. Наш пароход совсем остановился; в ужасе мы все смотрели на погибающее, как мы думали, животное. Но что же вышло? Батюшка, стоявший у самого борта, все время крестился, молился, произнося вслух: «Господи, пощади создание Твое, ни в чем неповинную лошадку! Господи, Ты создал ее на службу человеку: не погуби, пощади, Всеблагий Творец!» и тому подобное. Он часто изображал крестное знамение в воздухе по направлению к лошади, которая плыла с возом, как будто шла по дну. Когда она доплыла до самой середины реки, где очень глубоко, — просто сердце замерло, глядя на нее: вот-вот, думаешь, скроется под водою; но она продолжала плыть и вот уже была недалеко от другого берега. Крестьянин, плывший за нею в лодке, тоже подплывал к берегу; он подобрал волочившиеся по воде вожжи, опередил лошадь и помог ей поднять воз на берег. Из селения прибежали другие мужички и общими силами стали помогать потерпевшему. Сначала выпрягли лошадь, и она, почувствовав себя вне опасности, стала стряхиваться, кататься, то есть валяться по траве, и потом бодро встала на ноги. Сено подмокло, но и то не до самого верха, хотя нам и казалось, что уже только верхушка его не в воде. Так как это было у всех на глазах, и все видели, как отец Иоанн молился о спасении

животного, то много народа собралось на берегу, во главе с хозяином лошади, чтобы благодарить дорогого молитвенника и общего отца-печальника; но он, избегая этого, тотчас же приказал капитану парохода идти дальше.

Много, весьма много назидательного и отрадного удостоил меня Господь видеть и слышать во время моего пребывания с отцом Иоанном. Он имел удивительный навык и самомалейшие случаи, по-видимому и незаметные, заурядные, не стоящие и внимания, обращать в полезное назидание окружающим. Вот пример. Все мы однажды были с ним на трапе парохода, где, по обыкновению, батюшка нам читал. Окончив чтение, он сидел молча, приказав лишь убрать столик, на котором лежали книги. Был сильный ветер; опасаясь, чтобы он не спахнул книги в реку, я стала собирать книги, чтобы снести их в каюту. Батюшка, пристально смотревший на пол, окликнул меня и говорит: «Матушка, смотри, как бьется бедная муха! Видишь, вот, вот она! Пришибло ее бедную к полу, не может подняться, а все-таки не теряет надежды, борется с ветром: он ее относит назад, а она опять поползет; экая ведь умница! Вот так, и враг-диавол борет душу, относит ее как вихрь от пути спасительного, коим она идет, а она борется, не уступает ему. Вот и муха нас учит, урок нам дает».

Бывало, любуется на закат солнца в ясный летний вечер и скажет:

«Как дивен Творец в Своем творении! Смотри хотя бы на это солнышко, какая дивная красота! А если творение так величественно, то что же Сам Творец, каков Он-то!»

Да и не исчесть таких и подобных бесед и отрывочных фраз батюшки, которыми он услаждал дух своих спутников. О том, сколько на глазах наших совершилось исцелений, поразительных, разнообразных, я не стану описывать, потому что они и бесчисленны и всем известны; но не менее достойно предать памяти и случаи, говорящие о его проницательности и предвидении и вообще о близости его к миру духовному. Он, во время своей тайной молитвы, как бы созерцал Бога пред очами и беседовал с Ним, как с близким себе существом. Он как бы вопрошал Бога и получал от Него извещения. Пример сего могу привести следующий.

Однажды батюшка сидел на трапе парохода один, читая свое дорожное маленькое Евангелие, которое держал в руках. Я тоже была на трапе, но далеко от него. Вдруг батюшка, увидев меня, сделал знак рукою, чтобы я подошла к нему, что, конечно, я охотно исполнила. «Послушай, матушка, — обратился он ко мне, усаживая меня подле себя, — какой неправильный перевод: „аз рех во изступлении моем“ (Пс. 115, 2) переведено: „я сказал в безумии моем“ — ведь это совсем не то?» Я ответила, что надлежало перевести: «я сказал в восхищении, в восторге чувств», с чем и дальнейшие

слова согласуются: «что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми». Батюшка одобрил мои слова и, опустив книжечку, сидел молча.

Пользуясь его спокойным настроением и досужными минутами, я решилась высказать ему свои тревожные мысли о загробной участи моей матери, которая, будучи вполне религиозной христианкой, в то же время сильно противилась моему уходу в монастырь и не хотела дать мне на это своего благословения. Меня тревожила мысль — не вменит ли ей Господь во грех это ее упорство? И вот я, в описанную минуту, спросила о сем батюшку. Он сказал мне: «Молись за нее» — и, продолжая сидеть неподвижно с Евангелием в руках, сосредоточенно смотрел куда-то вдаль. Я уже более не повторяла вопроса, и мы сидели с ним молча около четверти часа. Вдруг батюшка, обернувшись ко мне, произнес твердо: «Она помилована!» Я никак не дерзала понять эти слова, как ответ на мой вопрос, считая его уже поконченным, и, в недоумении взглянув на батюшку, спросила: «Кто помилована? О ком Вы это сказали?» — «Да ты о ком спрашивала меня? О своей матери? — возразил он. — Ну, так вот я и говорю тебе, что она помилована». — «Батюшка, дорогой, — продолжала я, — вы говорите, как получивший извещение свыше». — «А то как же иначе? Ведь о подобных вещах нельзя говорить без извещения, — этим не шутят».

Могу привести примеры не только проницательности батюшки, но и того, что он именем Божиим властно запрещал бесам, козни которых он, очевидно, видел; приведу лишь немногие из них. Однажды мне довелось ехать с батюшкою по Балтийской ж. д., только вдвоем с ним, в отдельном купе. Мне хотелось поговорить с ним наедине о каком-то нужном деле. Началась беседа сердечная, духовная, откровенная. Вдруг батюшка порывисто, быстро поднялся на ноги (не отходя от места, где сидел) и, подняв правую руку вверх, потряс ею в воздухе, как бы грозя кому-то, и, устремив взор вдаль прямо (не в сторону), громко произнес: «Да запретит вам Господь Бог!» Сказав эти слова, он перекрестился, сел на свое место и с обычной своей кроткой улыбкой посмотрел на меня и, положив свою руку на мое плечо, произнес: «Что, матушка, ты не испугалась ли?» — «Испугалась, батюшка, — отвечала я, — но я сряду же поняла, что Вы запрещали бесам; неужели Вы их видите?» — «Да, матушка, да! Но что об этом говорить? Лучше продолжим нашу сладкую беседу». Таким образом в этой беседе мы доехали до Ораниенбаума; батюшка направился на пароход, идущий в Кронштадт, а я с тем же поездом, не выходя из вагона, вернулась в Петербург, утешенная и ободренная беседою с великим человеком, имеющим «власть на духов злобы поднебесных».

Второй подобный сему случай могу привести следующий. В день храмового нашей подворской церкви праздника святого апостола Иоанна

Богослова всегда служил у нас батюшка; для этого он приезжал накануне ко всенощной, выходил на величание, сам читал акафист и канон. Затем оставался у нас ночевать и в самый праздник совершал соборне с другими священниками позднюю литургию в десять часов. Вставал он всегда рано, иногда часа в четыре или пять, писал проповедь или свои заметки, а часов около семи-восьми ехал освежиться на воздухе, причем брал всегда с собою меня. Ездили мы обычно на острова, где поутру бывает всегда пусто, уединенно, что, при чистом свежем воздухе, действительно составляло отдых и отраду пастырю, окруженному в течение целого дня людьми и суетою. Эти часы батюшка употреблял для тайной созерцательной молитвы, и я, зная это, никогда не нарушала ее никакими разговорами, кроме тех случаев, когда он сам заговорит со мною. Однажды ехали мы по Николаевскому мосту, откуда заранее кучеру приказано было повернуть по набережной налево. Когда карета наша поравнялась с часовнею на мосту, мимо вдоль набережной, с левой стороны, везли покойника; дроги с гробом везла одна лошадь, а провожавших было не более восьми или десяти человек, почему каждый из них был ясно видим. Батюшка вдруг изменился в лице; он пристально глядел на погребальное шествие, и так как оно шло по набережной параллельно с нашей каретой с моей (левой) стороны, то ему приходилось наклоняться на мою сторону, причем я не могла не видеть перемены в лице его. Наконец, шествие свернуло на 1-ю линию; а батюшка, несколько успокоившись, стал креститься. Потом, обращаясь ко мне, произнес: «Как страшно умирать пьяницам!» Предположив, что батюшка говорит о покойном потому, что узнал провожающих его гроб, — я спросила: «А вы знаете его, батюшка?» Он ответил мне: «Так же, как и ты». Все еще не понимая ничего, я пояснила ему свое предположение, прибавив, что я никого из провожающих не знаю. «И я тоже, — сказал он, — но вижу бесов, радующихся о погибели души пьяницы».

Не могу умолчать о времени пребывания этого праведника у нас в обители в 1908 году. Это было уже последнее его посещение; он был уже очень слаб, почти ничего не мог кушать, мало разговаривал, все больше читал, уединялся, но служил ежедневно в соборном храме, который он всегда так хвалил и о котором говорил неоднократно, что ему легко в нем служить. Пробыл он у нас в обители девять дней и в день отъезда спросил меня: «Сколько дней я пробыл у вас, матушка?» Когда я ответила, то он продолжал: «Девятины справил по себе, уже больше не бывать мне у тебя. Спасибо тебе, спасибо за все твое усердие, за любовь, за все!» Сестры провожали его, как и обычно, с пением и со слезами, — всем было ясно, что бесценный светильник догорает. Когда мы с ним выехали из обители и, миновав деревню Леушино, свернули налево в поля, батюшка стал все

оборачиваться назад и глядел на обитель. Предполагая, что он забыл что-нибудь или хочет сказать едущим позади нас, я спросила его об этом; но он отвечал:

«Любуюсь еще раз на твою обитель: тихая, святая обитель! Да хранит ее Господь; поистине с вами Бог!» Теперь эти чудные, отрадные слова служат нам великим, высоким утешением.

С пристани «Борки» мы поехали на пароходе к Рыбинску и вниз по Волге на далекую Каму, куда приглашали батюшку. С нами было 5 сестер-певчих, которые по распоряжению батюшки отправляли на пароходе богослужение и в течение дня пели ему по его желанию. Это оставалось уже единственным утешением из обычного препровождения времени на пароходе. Накануне того дня, когда мы должны были расстаться с батюшкой, он попросил сестер-певчих пропеть все номера Херувимских песней, которые они знают. Таковых набралось очень много (так как ноты были с собою), и сестры, став подле батюшки, начали петь. Когда дошла очередь до «Симоновской» Херувимской, батюшка сказал: «Это моя любимая песнь, я сам ее пел, еще будучи мальчиком», и попросил ее повторить. Затем пропели по назначению же батюшки: «О тебе радуется» и «Высшую небес». Батюшка во все время пения сидел в кресле у борта парохода, закутанный в теплую рясу, и, сидя, регентовал правой рукой своей и подпевал. Когда пропели «Высшую небес», он заметил: «Это хорошо, но уже новый напев, а я певал иначе», и он своим мелодичным, но уже старческим, дрожащим голосом пропел всю эту песнь до конца, то есть до «во еже спастися нам». Все прослезились, да и могло ли быть иначе? Пропев, батюшка встал и, обратясь к певчим, произнес: «Ну, дай Бог и нам всем спастися! Спасибо вам, сестры, за ваше прекрасное сладкопение, которым вы и всегда утешали меня». На следующий день мы с батюшкой расстались: это было 6 июля 1908 года.

Прошу верить всему здесь написанному, принимая во внимание, что у меня не могло быть никаких побуждений говорить неправду на усопшего, уже предстоящего лицу Божию. Это было бы несообразно с моими воззрениями, ибо я не могу не понимать важности данного вопроса и в мои преклонные годы это было бы непростительно. Мне уже семьдесят лет, я готовлюсь последовать за батюшкой в вечность.

Святой Праведный Алексий Московский (Мечёв) (1859–1923)

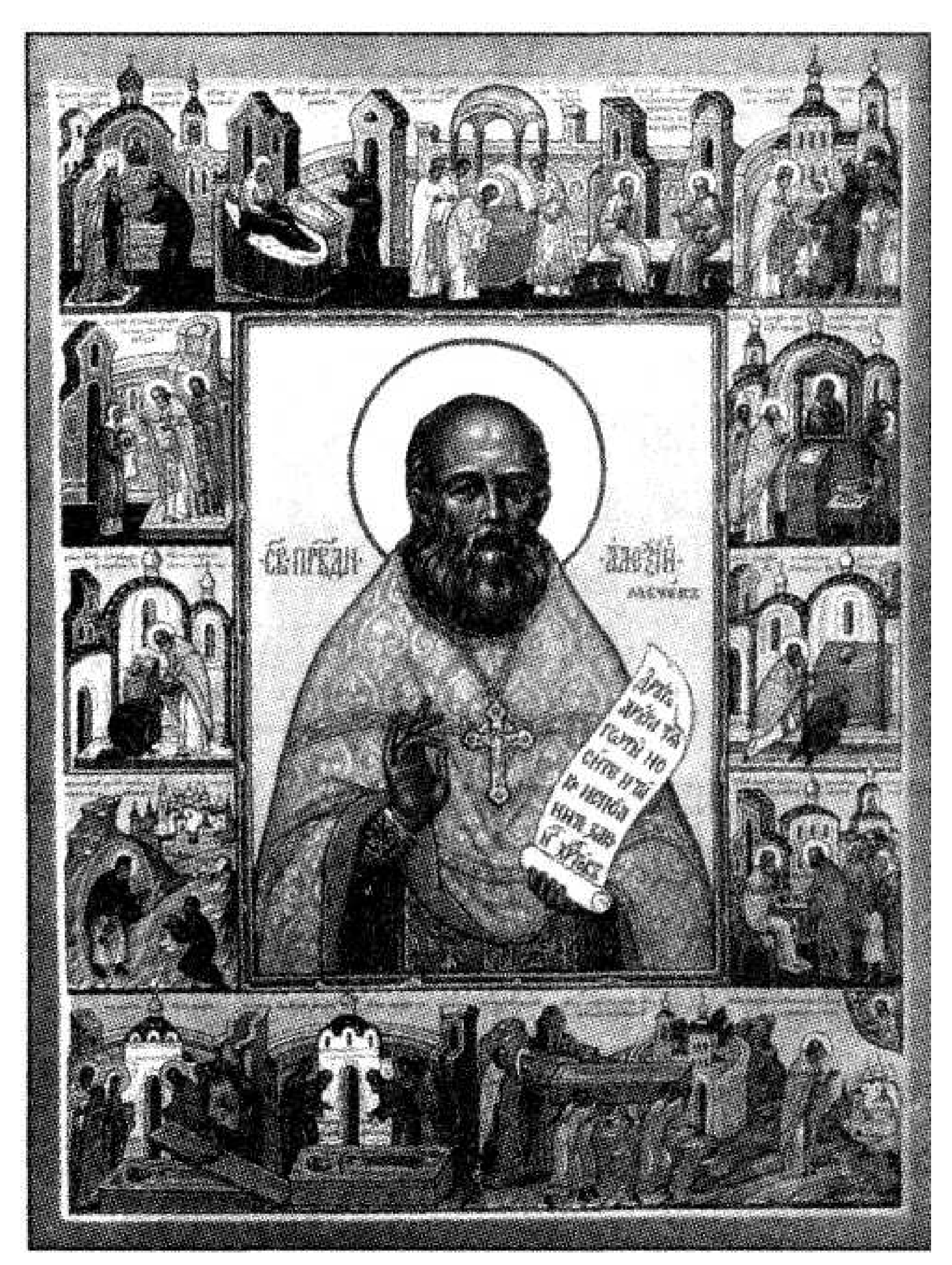
О своем рождении отец Алексий рассказывал так: когда наступили роды, покойная мать почувствовала себя очень плохо. Роды были трудные и так затянулись, что родильница была близка к смерти, за благополучный исход доктора не отвечали. В горе и тоске Алексей Иванович, отец батюшки, который служил регентом митрополичьего хора, поехал в Алексеевский монастырь к обедне, которую служил сам святитель Филарет. Алексей Иванович вошел в алтарь и стал молиться, полный печали. Святитель, горячо любивший регента своего хора, заметил Алексея Ивановича и, подзывая к себе, благословил и спросил: «Что ты сегодня такой печальный? Что у тебя?» — «Ваше Высокопреосвященство, жена в родах умирает». — «Бог милостив. Помолимся вместе. Все будет хорошо. Родится мальчик. Назови его Алексием, в честь святого Алексия, человека Божия, сегодня ведь как раз память его в Алексеевском монастыре». Когда, отстояв обедню, Алексей Иванович вернулся домой, то его встретили с радостью: родился мальчик, — это был отец Алексий.

Отец Алексий всегда с живейшей благодарностью, иногда со слезами вспоминал заботу и ласку святителя Филарета к их семье, и к нему самому, маленькому мальчику. Митрополит находил время и охоту входить во все нужды и заботы их семьи. Отец Алексий чтил в святителе Филарете великого подвижника, вдохновенного проповедника, и особенно святителя, полного любви и жалости к низшим себя, несмотря на кажущуюся его замкнутость и даже суровость.

В характере отца Алексия были подлинно Филаретовские черты: как тот, так и другой были необыкновенно, до безжалостности требовательны к себе и исполнительны во всем, что касалось их служения и долга. Оба были великие воздержники. Про святителя Филарета известно, что, будучи наделенным острой наблюдательностью, он замечал мгновенно все погрешности и опущения при его служении, но, в отличие от многих достойных служителей Церкви, никогда никому не делал никаких замечаний в церкви, не желая смущать служителей алтаря. Также поступал и отец Алексий. Великолепный знаток устава и службы, он все замечал, все видел, все погрешности, ошибки и опущения в службе, особенно у той молодежи, с которой служил за последние годы (и любил служить с ними), но было такое

впечатление, что он ничего не видит и ничего не замечает. Через много времени, в удобные и наиболее благоприятные для того минуты, он скажет бывало и поправит. Ошибки же слишком вопиющие, или отражающиеся на ходе богослужения, поправлял сам и незаметно для ошибившегося и тем более для богомольцев: сам запоет как надо, сам совершит то, что нужно сделать другому.

Вскоре после начала служения отец Алексий в величайшем горе приехал к святому праведному Иоанну Кронштадтскому — он был поражен смертью жены, оставшись с маленькими детьми на руках, в бедном приходе, в развалившемся гнилом доме. Он жаловался на свое горе святому праведному Иоанну и просил указаний как быть, что делать и чем помочь. Отец Иоанн сказал ему: «Ты жалуешься и думаешь, что больше твоего горя нет на свете, так оно тебе тяжело. А ты будь с народом, войди в его горе. Чужое горе возьми на себя и тогда увидишь, что твое горе маленькое, легкое в сравнении с тем горем, и тебе легко станет». Отец Алексий так и сделал: он принялся за «разгрузку» чужого горя. Тогда же отец Иоанн указал ему на первое и сильнейшее средство к излечению горя — молитву. Праведный Иоанн Кронштадтский рассказал отцу Алексию, что когда он был еще совсем молодой, никому не известный священник, на площади ему встретилась неизвестная женщина и сказала: «Батюшка, у меня сегодня решается такое-то дело, помолитесь обо мне». — «Я не умею молиться», — смиренно отвечает святой праведный Иоанн. — «Помолитесь, — настаивала женщина, — я верю, по вашим молитвам Господь пошлет мне». И святой праведный Иоанн Кронштадтский, видя, что она возлагает такие надежды на его молитвы, еще более смутился, утверждая, что он не умеет молиться, но женщина заметила ему: «Вы, батюшка, только помолитесь, я вас прошу, как там умеете, а я верю, Господь услышит». Почти принужденный женщиной отец Иоанн согласился и стал поминать ее за проскомидией и литургией, где только мог. Через некоторое время он опять встретил эту женщину, и она сказала ему: «Вот вы, батюшка, помолились за меня и Господь послал мне по вашим молитвам, чего я просила». Этот случай сильно повлиял на отца Иоанна, он понял силу иерейской молитвы. Отец Алексий много раз повторял этот рассказ праведного Иоанна Кронштадтского и этот совет, которому он следовал всю свою жизнь, в котором видел высшее руководство для пастыря и к следованию которому непрестанно звал всех.

«Я помолюсь», это был его неизменный ответ всем и всегда на всякую просьбу, на всякое горе, скорбь, беду, недоумение, сомнение, надежду, радость, на все и всегда: «Я помолюсь». Он верил непоколебимо, свято, глубоко в силу, дерзновение, всемогущество молитвы, — во всеобщую ее доступность, во всегдашнюю помощь.

В начале своей деятельности в московском храме святителя Николая в Клениках он говорил: «Восемь лет я служил литургию каждый день при пустом храме», — и прибавлял с грустью: «Один протоиерей говорил мне: как ни пройду мимо твоего храма, все у тебя звонят. Заходил я в церковь — пусто. Ничего не выйдет у тебя: понапрасну звонишь». А отец Алексий продолжал служить непоколебимо и пошел народ.

Он жил на людях, посреди людей и для людей, никогда, кажется, не бывал один. Всегда с людьми и на глазах у людей. И однако редко, редко, кто имел столько тайного и таимого, как отец Алексий. Никто не знал и никогда не узнает, скольким он помогал и скольких он обнимал своей любовью: это была его тайна.

«Я неграмотный», — часто говорил он, когда слышал и примечал у кого-нибудь нечто холодное, умовое в мысли, религиозном сочинении, разговоре, и этим возврашал к чему-то более теплому, действительному, более истинному и насущному. Ум же у него был глубокий, светлый, способный все понять. К нему шли советоваться и делились с ним, плакали священники, ученые, писатели, художники, врачи, общественные деятели, и «неграмотный» их понимал. Отца Алексия ни на минуту нельзя представить без людей, без толпы, которая обступала его и жужжала вокруг него как пчелы, и дети особенно; при выходе из храма его рука уставала благословлять, а от любящего и ласкового напора толпы ему становилось тяжело дышать и приходилось провожать его через толпу, чтобы он мог пройти.

Пастырь должен «разгружать» чужую скорбь и горе. Это и делал он в течение всей своей жизни. Иногда после такой разгрузки «разгруженный» выходил от батюшки в слезах, но с просветленным и умиленным лицом, или без слез, а с одним открытым обновленным взором, выйдет точно поднявшись, прибавив росту. А батюшка, «разгрузчик», сидел в своей келье — и на нем не было лица. Оно полно безграничной сочувственной скорби, в глазах слезы, голос прерывается от них, голос делается каким-то бесконечно мягким, ласкающим, тихим и, вместе с тем, глубоко скорбным. «Вот, — скажет, — была у меня…» — назовет местность, откуда была, и расскажет страшную страницу жестокого горя, столь обычного, нами и не замечаемого, особенно горького, женского горя. Казалось, нечем помочь, муж бьет, дети бьют, муж почти преступник по отношению к семье, дети воры, муж в церковь даже не пускает — украдкой сбежала; все в душе у нее оплевано, избито, все тело болит от побоев и непосильного труда; чуть ли не из петли вынули ее. Петля или прорубь на уме или еще хуже: «убью его». И все это отец Алексий взял на себя — прибавилось новое имя в его молитвах, прибавилась новая вечно памятуемая скорбь в его сердце, прибавилась новая молитвенная забота: лишний раз упорно, постоянно стучать за нее к Богу, за какую-нибудь скорбящую рабу Божию Параскеву. Прибавился тяжкий груз на его больном сердце и любовью болеющей душе. А ей сказано кратко и весело: «Бог милостив, все обойдется, буду молиться за тебя», — и вместе с просвиркой, иконкой и листочком ей отдано дорогое,

драгоценное веселье, накопленное молитвой и трудом. Она ушла веселая. Она никогда не узнает, что груз, ею оставленный, бесконечно тяжел.

Нельзя было не привыкнуть за частое служение с ним ко множеству имен, поминаемых им на проскомидии, во время Херувимской, при преложении святых Даров, на заздравных ектениях, в молитвах Богоматери и святителю Николаю (это были вставки, не предусмотренные текстом молитвы, но предусмотренные его любящим и пекущимся сердцем), за водосвятием; служащие с ним привыкли настолько ко множеству поминаемых им имен, что многие из них и сами знали наизусть, но всегда и неизменно прибавлялись в них целые потоки новых имен — а каждое новое имя для него значило — новая слеза, новая горячая молитва, новый вопль к Богу о помощи, помиловании и прощении. Иногда он совершал проскомидию часа полтора и даже больше, вычитывал один, с помощью сослужащих и даже с помощью молящихся в алтаре мирян, целые тетради имен; заздравная ектения на литургии при его служении превращалась в целый поток молитв, плескавшийся безчисленными именами болящих, скорбящих, заблудших, заключенных, путешествующих. Имена эти — для большинства молящихся только имена — жили в нем, как живые существа, наполняя сердце скорбью, горем и печалью, и редко радостью и благодарностью к Богу за милость и счастье. Но это все было только частью его «разгрузки». Он посещал разваливающиеся семьи, приносил мир в семью, ибо он приносил с собой только любовь, только всепрощающее понимание каждого и всех: для него не было виноватых, и оттого виновные молча и тайно начинали чувствовать свою вину. И не виня их, он виноватых обращал к любви и прощению; шуткой, народным словцом для всех понятным и близким. Он рассеивал тучи, низко ходившие над семьей, тучи злобы, будничного, мелкого, самого могучего вседневного зла. Усталый, измученный возвращался он из какого-нибудь московского, а иногда из за-московского захолустья, а дома его ждал накопившийся за его отсутствие народ. Он тотчас начинал прием, новую разгрузку, не отдохнув от только что совершенной. А какого труда стоила «разгрузка» какого-нибудь профессора или современного общественного деятеля, художника, писателя, которых только безысходное отчаяние кидало в его комнатку! Самый приступ к «разгрузке» требовал несколько часов, и совершенно исключительного, душевного, духовного и умственного подвига и труда; «разгрузка» длилась зачастую годами, ибо на место грузов, только что разгруженных отцом Алексием, жизнь нагружала новый тягчайший груз, а сгибавшийся под ним уже привычно и неизменно шел к отцу Алексию, и отказа не было никому никогда.

Он горячо любил и чтил настоятеля оптинского скита отца игумена Феодосия и обоюдно был глубоко чтим этим благодушным, любящим, тихо-величавым старцем. Карточка отца Феодосия стояла на столе у него. Отец Феодосий приехал как-то в Москву, посетил храм отца Алексия и сказал ему: «Да, на все это дело, которое вы делаете один, у нас в Оптине несколько человек понадобилось бы. Одному это сверх сил. Господь вам помогает».

О преподобном Анатолии Оптинском батюшка отзывался с такой любовью, с таким признанием и с таким благоговением, как ни о ком из живущих подвижников и духовных отцов. «Мы с ним одного духа», — много раз говорил он. Связь его с преподобным Анатолием была неразрывна и глубока, хотя у отца Анатолия он был только один раз. Между ними было общение, которое, шутя, близкие называли «беспроволочный телеграф».

Отец Алексий был Оптинский старец, только живущий в Москве. У него была живая связь с оптинцами — духовными и светскими питомцами оптинского духа и поучения. Из всех русских монастырей в глазах отца Алексия Оптина пустынь была высшим, совершеннейшим очагом истинного подвижничества и старчества — этого святого иноческого пастырства.

Духовные наставления

◊ При скорбях нужно не роптать и не спорить с Богом, а с благодарностью к Нему молиться. Господь не так, как люди; люди, если что-либо от кого потерпят, стараются отплатить, но Господь и в скорбях старается нас исправить. Если бы мы знали, как терпят другие, то не роптали бы.

◊ Со слезами прошу и молю вас: будьте солнышками, согревающими окружающих вас.

◊ Будьте теплом и светом для окружающих; старайтесь сперва согревать собою семью, трудитесь над этим, а потом эти труды вас так завлекут, что для вас уже узок будет круг семьи, и эти теплые лучи со временем будут захватывать все новых и новых людей и круг, освещаемый вами, будет постепенно все увеличиваться и увеличиваться; так старайтесь, чтобы ваш светильник ярко горел.

◊ Господь говорит: «доколе Я в мире, Я — свет миру», — этим Он говорит, что наш долг — светить другим. А между тем, мы сами ходим во тьме, не только уж не светим другим, поэтому мы должны обращаться к Господу, просить у Него помощи, потому что мы, как бы сильны ни были, какие бы преимущества ни имели, мы все-таки без Бога — ничто; и потом у нас великое множество грехов и потому сами мы не можем достигнуть того, чтобы светить и согревать других. И Господь зовет нас в Свою Церковь и говорит: «Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы», — перестаньте надеяться на свое «я», ищите помощи у Меня. В такое время тяжелое можно ли говорить, что смерть далека от нас, нет… ко многим из нас [она] очень и очень близка. Так спешите же исполнять свой долг, к которому призвал вас Господь, потому что, как Он Сам сказал, когда наступит ночь, тогда никто не может делать; всему, что мы ни делали доброго или злого, — всему конец. Поэтому спешите понять, в чем ваш долг, который мы должны исполнять со страхом и трепетом, какой вам дан талант от Господа.

А мне хочется плакать, и плакать, и плакать, видя, как многие из вас дожили до седых волос и не увидели своего долга, как будто не было никакой благодати, ничто их не касалось, как будто они были слепы от рождения. Нельзя же злоупотреблять милосердием Божиим без конца, проводить время в превозношении, злобе, ненависти, вражде. Господь зовет: «Приидите ко Мне, пока вы живы, и Я успокою вас».

◊ Бывают минуты, когда очень хочется какому-нибудь человеку помочь, это несомненно Господь располагает так сердце на спасение другого; только будьте чистыми сосудами, чтобы Он мог через вас действовать и иметь орудием в Своих руках.

◊ Господь и со Креста не сердится, простирает к нам руки и зовет нас. Хотя все мы Его распинаем, но Он есть любовь и готов все нам простить. У нас иногда считается простительным, когда устанешь, раздражиться, или еще что (себе позволить), но при каких бы ты обстоятельствах ни находился; как бы ты ни устал или ни был болен, ты должен делать только так, как заповедовал Христос.

◊ Всех объять любовью может только Господь, а поэтому полюбить всех мы можем только через Христа. Господь так полюбил человека! Мало того, что создал его, хотел дать ему счастье, радость, блаженство, Он Сам же был нянькой его, матерью любящей… Люди забыли Его, отошли от Него, Он Сына Своего дал нам и подарил нам небо… «Вы забыли, что — на небе, вы забыли, что там за жизнь, так вот, смотрите, — там — любовь». И Господь это показал, и в Нем это мы видели.

◊ Случаев нет на земле; все от Господа, все наши встречи не случайны. Господь нас сталкивает с людьми не напрасно. Мы вот все относимся к людям, встречающимся с нами в жизни, равнодушно, без внимания, а между тем, Господь его к тебе приводит, чтобы ты дал ему то, чего у него нет; помог ему; конечно, не в материальном смысле, но более широком: научил любви, смирению, кротости, словом, привел бы ко Христу своим примером. Если ты ему откажешь, ни в чем не послужишь, то помни, что он все-таки не будет лишен этого. Господь дает тебе случай сделать добро, приблизиться к Нему; если ты не хочешь, Он найдет другого человека, который даст требующему должное и нужное ему. Не надо сердиться на тех, которые тебя оскорбляют, они ведь ради своей злобы, ненависти и так удаляются от Бога, теряют, значит, все, потому что без Бога на что же годен человек, а тебе Господь дает случай спасти их, если сводит тебя с ними; а если так, значит, они ведут тебя к Господу, в рай, к блаженству, можно ли сердиться на них? Господь так любит нас, так благ к нам, так внимателен, что все эти «случаи» — встречи с разными людьми — не случай, а это все Господь через других людей действует; например: у нас есть обычай обращаться за советом к старцам, это прекрасный обычай. Ведь старец не сам от себя действует, а через него действует Христос. Примеров тому, что по слову старца все устраивалось как следует, без числа. Ясно, что здесь действует Христос. Бывает желание кому-нибудь помочь, или вот хочется сказать ласковое слово… Почему, да мало ли почему, расположение такое, лицо понравилось или еще что-нибудь, а потом, глядишь, это не случайно. Но нужно хранить

себя, быть чистым сосудом, чтобы Господь мог свободно располагать человеком (и Ему бы не мешали злые страсти, которые всегда противятся добру) для спасения других.

◊ Господь так близок ко всем нам, так нас любит, что всегда готов помочь нам. Поэтому, когда нападают помыслы, обратись ко Господу; чувствуешь, закипает злоба, ненависть к кому-нибудь, воззови к Божией Матери: «Владычице, помоги мне, я немощен, я не могу, мне хочется быть добрым, помоги же мне», — сердечно, слезно помолись, а потом, знаете, как мать, со всех ног бежит к ребенку, когда он заплачет, что-нибудь с ним случится, так Господь нас любит и всегда поможет. А о немощных, грешных, слабых Он особенно печется, как мать слабого ребенка больное дитя особенно любит и заботится о нем, так и Господь. Ведь Он пришел не праведников, а грешников спасти. Он всех зовет к Себе: «Приидите ко Мне вси», ко всем протягивает руки, всех обнимает.

◊ Господь так любвеобилен и благ, так о нас печется, что мы должны бы всю свою жизнь отдать Ему без остатка.

◊ Со смирением диавол не может бороться. А у нас его и нет, мы все думаем о себе, все стараемся устроить свое счастье сами, ставим себя на место Бога; а всякий гордый человек — несчастный человек, он удаляется от Бога; поэтому святые избегали чести, боясь, что они загордятся и удалятся от Господа, перестанут служить Ему, а начнут служить своему «я». Так вот, чтобы этого не было, надо следить за собой, каждый вечер вспомнить, что случилось днем, и записать, например: хотел раздражиться, но помолился и Господь отстранил это, Господи, прости мою злобу и тому подобное. Так потом мы увидим, что Господь всегда нам помогает.

◊ Мы должны подражать любви Божией. Случай сделать кому-нибудь добро — это есть милость Божия к нам, поэтому мы должны бежать, стремиться всей душой послужить другому. А после всякого дела любви так радостно, так спокойно становится на душе, чувствуешь, что так и нужно делать, и хочется еще и еще делать добро, а после этого будешь искать, как бы мне кого еще обласкать, утешить, ободрить. А потом в сердце такого человека вселится Сам Господь: «Мы приидем и обитель у него сотворим». А раз Господь будет в сердце, такому человеку нечего бояться, никто ему ничего не может сделать.

◊ Сила воли нужна, а она у нас не воспитана. Ребенок, например, при соблюдении постов, привыкает делать, как должно, вырастает у него сила воли и укрепляется, ему уже ничего не стоит сделать все.

◊ Мы должны «разгружать» друг друга, когда видим, что человеку тяжело; нужно подойти к нему, взять на себя его груз, облегчить, помочь чем можно, так поступая, входя в других, живя с ними, можно совсем

отречься от своего «я», совсем про него забыть. Вот когда мы будем иметь это и молитву, тогда мы нигде не пропадем, куда бы мы ни пришли и с кем бы мы ни встретились.

◊ У меня мать, несмотря на то, что нас самих было шесть человек в двух комнатах, когда у нее умер муж ее сестры, она, не задумываясь, берет 5 человек сирот и относится к ним даже лучше, чем к нам. Эта любовь, этот пример на всю жизнь на меня подействовали. После, когда отец поступил на службу, имел большую квартиру, все-таки у нас всегда было полно народу — и братья, и сваты и все; и все всегда находили приют, шли и знали, что будут успокоены, всегда принимались с радостью, так что я, оканчивая курс ученья, не имел отдельной комнаты, приходилось ночью вставать, чтобы готовиться к ответу. Но это все дало мне хороший пример на всю мою жизнь. Жизнь с народом, в народе — моя душа, я счастлив здесь. Не могу видеть, когда кто плачет, у кого какое горе, стрелой летишь туда, хочется с ним вместе плакать. Всем этим я обязан моей матери.

◊ Все наши встречи не случайны. Господь как бы говорит: «Вот твоя земля, твой участок, твоя нива, возделай ее. Окружающие люди, вот где ты должен трудиться».

◊ Никогда нельзя сказать, что ты уже застрахован от греха. Как часто было то, что многие святые, когда, казалось, уже победили грех, опять в него впадали (преп. Иаков Постник).

◊ Каждый дом есть домашняя церковь имени тех святых, имена которых носят живущие в нем.

◊ Истинно и твердо верующий, входя в общение с Господом, приобретает любовь Божественную. В общении с Господом объединяются семьи и государства.

◊ Где бы мы ни были, должны светить другим: исповедывать Господа и этим привлекать к Нему других.

◊ Для твердо верующего и живущего по Богу не страшно ничто.

Мы не терпим разных лишений, скорбей, уязвления нашего самолюбия и не благодарим Господа за то, что Он способствует этим нашему духу расти.

◊ Господь хочет, чтобы мы были святыми, чистыми.

◊ Чем больше человек вдумывается во все, тем ближе он к Господу.

◊ Вы связуетесь навсегда браком. «Тайна сия велика есть». Вы должны соединиться воедино: «Аз же глаголю — во Христа и Его церковь». Муж должен любить жену до положения живота за нее, и жена, видя такую любовь, должна соответствовать мужу. Каждый из брачующихся должен отказываться от себя и прививать другому добро, а добро прививается только любовью. Все мы люди-человеки, не с небес пришедшие, все имеем

недостатки и поэтому не должны недостатки других вменять им, а относить к воспитанию: если родители не смогли им этого дать, то они имеют право на наше снисхождение, на сочувствие.

◊ Ни богатством, ни связями не спасетесь.

◊ К чему Господь ни призовет, как бы это тяжело ни было, должно принять спокойно.

◊ Истинный, твердо верующий христианин не боится перекреститься, проходя мимо церкви, не боится войти в церковь — нет ли, мол, там знакомых, не увидел бы кто.

◊ Господь заботится обо всех и сильным велит поддерживать слабых.

◊ Как мы оскорбляем Господа, попирая все святое, не боимся предстать Господу. Вертится человек в суете, но когда настанет последняя минута, видит, что все кончено, возврата к жизни нет, все, чем наслаждался, делается противным. На земле есть лекарство от ожогов, но когда совесть проснется, и жечь начнет и мучить, и мучить будет без конца и никаких лекарств нет… Дай Бог, чтобы спокоен и безболезнен был переход каждого из вас в загробную жизнь, чтобы было сознание, что Господь призывал в жизни к Себе, ко спасению, и я исполнил свой долг, я не прилеплялся ни к чему здесь, я старался взлететь к Тебе — и вот этот последний полет уже настает.

◊ Входите в положение каждого человека, учитывайте то, кто перед вами, переживайте с другими, старайтесь разгружать других. Это даст вам возможность безболезненно отстать от своего «я». Тогда вы будете страдать за других, как Христос страдал за всех.

◊ Любовь приобретается путем работы над собой, путем насилия над собой и путем молитвы. Как подойти к Господу? Чаще размышляйте о том, что сделал для меня Господь и что Он делает — и что я для Него сделал и будет стыдно взглянуть на крест, на образ Господа: ведь я недостойный… Ты пролил за меня Свою кровь, а я стою ли того?..

◊ Господь каждому дает задание, а его мы можем исполнить только, когда мы будем иметь общение со Христом, уподобляться Ему, а это будет тогда, когда мы будем оказывать любовь Христову.

◊ Не задавайтесь большими заданиями, а делайте то, к чему призовет Господь.

◊ Ты расстроен, он расстроен, все расстроены… А Христос о Своем расстройстве никому не говорил, всех утешал только.

◊ Когда видишь что хорошее в ком, надо стараться собирать. Как я, бывало, где был, видел хорошие обычаи, думал: ах, хорошо бы нам это ввести.

◊ Когда человек начинает жить по-Божьи, следить за собой, враг сейчас же начинает восстанавливать против него других людей.

◊ Нужно постоянно следить за собой. Чем ближе подходим мы к Богу, чем дольше работаем, тем дольше должны мы смиряться и больше приписывать все Богу, бодро смотреть за собой, а не спать; никогда нельзя успокаиваться, если в одном месте одержали победу. Нельзя говорить: «Ну, теперь я застрахован от греха, уже все сделал, можно быть покойным». Господь по Своей любви к нам, желая нас еще более укрепить, сделать осторожнее и искуснее, попускает после первого другие искушения, еще более сильные, поэтому надо следить за собой, а не засыпать.

◊ Господь никогда не оставит человека, как бы низко он ни пал. Он употребляет все средства к тому, чтобы поднять его и спасти, и нельзя никогда говорить, что я уже ничего не могу сделать.

◊ Исповедь помогает человеку каяться, помогает еще больше почувствовать то, что ты сделал… Если бывает, что к друзьям появляются злые чувства, то это враг несомненно желает поссорить, разъединить. Нужно скорее помолиться за другого человека и вспомнить, привести себе на память то, что есть в нем доброго, хорошего. Господь попускает иногда пасть человеку, чтобы он сделался еще более внимательным и смиренным, как апостол Петр отрекся от Господа и потом всю жизнь плакал, так что, по преданию, у него глаза всегда были красны от слез. А ведь он после утвердил и прочих апостолов.

◊ Если к молитве примешиваются недолжные мысли и чувства, то помолись: «Иисусе Сладчайший, я сознаю свою немощь, прости мне».

◊ Любить всех — легко сказать… Полюбить всех есть дело жизни и опыта, и опыта не малого.

◊ — Как достигнуть смирения?

— Чаще входи в себя… Считай себя хуже всех.

◊ Все вы горячие… Я вот предлагаю одно средство, может быть, последнее: все вы знаете, что я вас люблю всех и все ваши переживания для меня все равно, что мои собственные, или моего сына или дочери… Так вот, когда вам захочется кого-нибудь обидеть, что-нибудь сказать, вспомните меня.

◊ А за зло надо платить добром. Часто бывает, что эти люди говорят нам то, чего мы сами-то за собой не замечаем.

◊ Как мы должны молиться, чтобы наша молитва была угодна Богу: во-первых, с верою (исцеление бесноватого), вовторых, со смирением (как мытарь), в-третьих, с постоянством и терпением (как хананеянка; притча о неправедном судии и бедной вдовице).

◊ Бог не исполняет нашей молитвы оттого, что просимое не принесет пользы.

◊ Нужно внимательно следить за мыслями, потому что если только мы остановимся вниманием на этом, то уже падение близко. Так пала тридцатилетняя девушка только потому, что остановилась на этом вниманием.

◊ За собой следить надо. Как видишь, что подходит прилог оскорбить, сказать колкость, сейчас же его прогнать, а то потом пойдет желание, а за ним дело.

◊ Подходя к исповеди, должно сознать то, что грешен я, виноват, до мелочей рассмотреть со всех сторон все так, чтобы это опротивело, почувствовать благость Божию: Господь пролил за меня кровь, заботится обо мне, любит меня, готов, как мать, принять меня, обнимает меня, утешает, а я все грешу и грешу. И тут уж, когда подойдешь к исповеди, то каешься Господу, распятому на кресте, как дитя, когда оно со слезами говорит: «Мама, прости, я больше не буду». И тут есть кто, нет ли, будет все равно, ведь священник только свидетель, а Господь все грехи наши знает, все мысли видит, Ему нужно только наше сознание себя виновными; как в Евангелии Он спросил отца бесноватого отрока, с которых пор это с ним сделалось. Ему это было не нужно, Он все знал, а Он это сделал для того, чтобы отец сознал свою виновность в болезни сына.

◊ В какой грех ни впал бы ты, кайся, и Господь готов принять тебя с распростертыми объятиями.

◊ Будь во всем, как дитя: и в вопросах веры, и в вопросах жизни.

◊ Следи за собой. Хочешь жить духовной жизнью, — следи за собой. Каждый вечер просматривай, что сделал хорошего и что плохого, за хорошее благодари Бога, а в плохом кайся.

◊ Когда тебя хвалят, а ты замечаешь за собой разные недостатки, то эти похвалы должны ножом резать по сердцу и возбуждать стремление к исправлению.

◊ Поменьше философии, побольше дела, и так в жизни первое развито в ущерб последнему.

◊ Относительно нечистых помыслов будь осторожнее.

Замечаешь поползновение к греху, положи два поклона Владычице с молитвой: «Пресвятая Богородице, молитвами родителей моих, спаси меня, грешнаго». — Дух родителей твоих сольется в молитве с духом твоим.

◊ Евангелие читать надо внимательнее.

◊ Так как молитва «Отче наш» есть сокращенное Евангелие, то и подходить к ней нужно с должным приготовлением.

◊ Постясь телесно, постись и духовно, не дерзи никому, а особенно старшим, этот пост будет выше телесного.

◊ Трудись над воспитанием своих младших братьев и сестер; влияй на них примером и помни, что если в тебе есть какие недостатки, они их легко могут перенять. А Господь потребует у тебя отчета в этом деле.

◊ Непосильных подвигов брать на себя не должно, но если на что решился, то должен исполнить во что бы то ни стало. В противном случае раз не исполнишь, другой, третий, а там будешь думать, зачем ты и делал-то это, так как это совершенно напрасно.

◊ Никогда не обращайся с Евангелием, как с гадательной книгой; а если явятся какие-нибудь важные вопросы, посоветуйся с более сведущими людьми, а то у меня тут была одна учительница, так она и записочки иконам кладет.

◊ К чтению Евангелия надо подходить с молитвенным настроением.

◊ Построже, построже, в духовном посте: то есть учись владеть собой, смиряйся, будь кроток.

◊ Когда видишь кругом себя что-либо нехорошее, посмотри сейчас же на себя, не ты ли этому причина.

◊ Какое мы имеем право презирать других?..

◊ Когда нападают на тебя нехорошие мысли, особенно в храме, представь себе, пред Кем ты предстоишь, или открой свою душу, скажи: «Владычице, помоги мне».

◊ Если, прикладываясь к образу, смущаешься какими-нибудь (маловерными или другими) помыслами, молись до тех пор, пока они не исчезнут.

◊ Надо считать себя хуже всех. Хочешь раздражиться, отомстить или другое что сделать, скорее смирись. Мы должны спасать себя и других, а для этого нужно знать себя и других. Строже следить за собой, а к другим быть снисходительнее, изучать их, чтобы относиться к ним так, как требует того их положение, характер, настроение; например, человек нервный или необразованный, а будем требовать от одного спокойствия, от другого деликатности, или еще чего-нибудь, так это будет безрассудно; и мы должны строже следить за собой.

◊ Ежедневно, как матери, кайся в грехах твоих Божией Матери.

◊ Надо быть умереннее в еде, а то ведь чревоугодие вредит пищеварению. Даже воду нужно употреблять в умеренном количестве.

◊ Если появляются маловерные помыслы, особенно перед причащением, скажи сейчас же: «Верую, Господи, помоги моему неверию».

◊ Желай счастья всем, и сама будешь счастлива.

◊ Против тщеславия: делать добро есть наш долг.

◊ Относительно письменной исповеди. Недостаточно того: перечислил все грехи — и конец, и ничего не получилось; а нужно, чтобы грех

опротивел, чтобы все это перегорело внутри, в сердце, когда начнешь вспоминать… И вот тогда-то уж грех нам будет противен, и мы уже не вернемся к нему, а то тут же и опять за то же. — Вопрос: «А если забудешь?» Ответ: «А если что больно, того не забудешь; где у меня болит, тут я и укажу».

◊ Всегда надо говорить правду, а если принуждают сказать ложь, то надо поговорить с человеком и повернуть дело так, чтобы спасти того, кто заблуждается, заставляя это делать; например, я никогда не лгал и лгать не буду, а если тебе так нужно, то я, пожалуй, сделаю это, только если возьмешь это на себя, и тому подобное.

◊ Не надо осуждать других; в чужом доме, если подадут что скоромное в постный день, не надо пренебрегать и отказываться. А дома можно восполнить этот пробел усилением либо телесного поста, а главное — духовного: то есть не раздражаться, не осуждать и прочее.

◊ Во всем так надо поступать: вот нужно что-нибудь сделать — сейчас вспомни, как бы тут поступил Иисус Христос, пусть это будет для тебя руководством во всем. Так постепенно все нехорошее, греховное будет отступать от тебя.

◊ Ничего не благословляю говорить такого, что может о других распустить нехорошую молву; а назидательное и полезное — долг наш говорить.

◊ Живешь больше умом, мыслию, плохо развито сердце, нужно развивать его: представляй себя на месте других.

◊ Если бы так легко было спасаться, так давно бы мы все были святыми.

◊ К окружающим нас мы должны относиться со всяким вниманием, а не небрежно, тогда и Господь, видя наше внимание, и нам окажет внимание.

◊ Нехорошие мысли надо гнать, они нежелательны.

◊ В храме подальше становись от тех, которые любят разговаривать.

◊ Если хочешь раздражиться, дерзость сказать, сейчас же вспомни: нет, мол, я не должен.

◊ Бодрее нужно быть духом.

◊ Твердости воли нет у тебя, а теперь-то и нужно развивать твердость воли. (Была сильная голодовка.)

◊ Не смей, не смей гордиться, гордиться ничем: одну сотую долю видишь за собой, а девяносто девять не видишь.

◊ Как только начнут появляться мысли нехорошие, если одна, начинай молиться, а если не одна, бери какую-нибудь книгу серьезную или начинай какое-нибудь дело.

◊ Легкомыслие пора отбросить, надо относиться ко всему серьезно.

◊ Надо маму успокаивать, не доводить до нее ничего. Почтительность к ней есть самая первая обязанность. И каждый вечер непременно проверяй себя. Ну, уж если провалишься, чтонибудь случится, ну положи три поклончика, — Божией Матери, проси у Нее прощения.

◊ Мысли нехорошие гони чтением, труд физический тут нужен. Представляй себя на Голгофе, вот крест перед тобой: (батюшка протянул руки в стороны…) кровь течет… Говори мыслям: духовный отец, мол, не велел вас слушать.

◊ Воскресший Господь требует нашего воскресения.

◊ — Очень много вижу в себе гадкого.

— А вот жизнь-то нам для того и дана, чтобы все это из себя выгнать.

— Кажется, что милосердие Божие скоро кончится…

— Милосердие Божие неизреченно.

◊ — Батюшка, я хотела сегодня не причащаться…

— Почему, ты ведь исповедовалась?

— Так, я очень нехорошая…

— Ну а это не твое дело…

◊ — Батюшка, можно мне сегодня не причащаться?

— Почему?

— Так, сердце очень нечисто.

— А когда оно у тебя будет чисто-то?..

◊ — Нехороший сон видела…

— Это бывает от неумеренности в пище, от пустых разговоров; а так как это у тебя всегда бывает, то ты всегда себе и жди этого…

Как проснешься — сейчас же вставай, не накрывайся одеялом.

◊ — Как держаться золотой середины, чтобы не быть угрюмой и излишне веселой?

— Когда видишь, что около тебя человек унывает, придешь, например, к Н., видишь, что она нос повесила, — тогда надо себя взять в руки, быть веселой, ободрить другого, а если все идет гладко, то надо говорить о серьезном, а не болтать; вообще заботиться о пользе других и делать все на пользу другим; и не только дела так располагать, но и слова. Если, например, видишь, что все говорят, ну, давай, мол, и я скажу, а это что же?.. Прежде чем сказать, нужно подумать, — Христа можно вспомнить, как бы Он тут поступил, и потом, как совесть твоя говорит, так и делать, и говорить; вот и будет золотая середина.

◊ — На Пасхальной седмице не надо читать Псалтири, а вместо вечерних и утренних молитв полагаются часы.

— Когда же оканчивать чтение Псалтири?

Батюшка с улыбкой неуверенно заметил: «Кажется, в среду на Страстной неделе кончается Псалтирь…» (Знаток устава; так велико было смирение дорогого батюшки.)

◊ Все чтобы было по порядку, и для еды должно быть определенное время, а если ты поздно пришла и тебе хочется есть, то, конечно, можно, ешь сколько там надо тебе… А вообще, чтобы был порядок.

◊ Человек, истинно любящий, забывает себя совершенно, забывает, что он существует, он думает только о том, как бы другого-то спасти. Надо стараться, чтобы не только действиями, но даже словами не соблазнять другого.

◊ Изволь, изволь бывать в церкви.

◊ Причащаться можно каждую неделю, только воздерживайся от главного греха.

◊ Знаешь свой долг, и нужно его спокойно и твердо исполнять. Иисусову молитву читать нужно. Как о любимом предмете человек всегда думает, так и о Господе должен думать и носить Его в своем сердце.

◊ — Как приобрести любовь к Богу?

— Чаще надо вспоминать, что сделал для нас Господь и что Он делает. Все и житейские дела надо освящать Христом, а для этого и молитва Иисусова. Как хорошо и радостно, когда солнышко светит, точно так же хорошо и радостно будет на душе, когда Господь будет в сердце нам все освящать.

◊ Надо помнить, что, ведь, если Господь всегда смотрит на меня, ведь Он все знает, так как же я поступлю против Него?

◊ — Иногда жаждешь всей душой соединения с Господом в таинстве святого причащения, но останавливает мысль, что недавно причащалась…

— Это значит Господь касается сердца, так что тут уже все эти холодные рассуждения напрасны и неуместны.

◊ — Думается, нужно установить порядок жизни: спать рекомендуется семь часов в сутки (я спала не больше пяти-шести часов), ну, если встаешь в семь часов, значит, отсчитай семь часов назад и ложись так уж; а то это влияет на здоровье.

◊ То, за что взялся, нужно делать во что бы то ни стало.

◊ Если будет кто-нибудь говорить о других плохо, да еще в церкви, нужно просто ответить, что я, мол, сама грешная, что мне еще на других смотреть. В церковь ходим не для разговоров.

◊ В пище умереннее надо быть.

◊ Чем нам с тобою гордиться?.. Грехами?..

◊ К родителям, если у них есть какие недостатки, надо относиться снисходительнее.

◊ — Батюшка, бывает, что утром проспишь, а встанешь, скорее бежишь к обедне и уже дома не молишься?..

— Ну, уж, если так, там, в церкви, помолишься, а то должен быть порядок во всем.

◊ Если кто в церкви будет разговаривать или расспрашивать о чем — скажи на меня и не отвечай.

◊ Непременно утром и вечером надо молиться.

◊ Перед чтением Евангелия перекрестись и скажи: «Господи, вразуми меня, дай мне понять, что тут есть». И после этого бывает, что нечаянно находит как бы какое осенение и начинаешь понимать смысл того или другого; и вот тогда надо взять и записать эти мысли.

◊ Установи порядок во всем, с мамой будь хорошая, с сестрами не ссорься, тетю не обижай. Ну, вот, пока и будет с тебя, а потом мы с тобой еще что-нибудь возьмем.

◊ Порядок чтобы у тебя был во всем… У меня тут был один немец, а у немцев, ведь, знаешь, какой во всем порядок-то, так вот он рассказывал. Были у него там гости… а у него был такой порядок: как 10 часов, так чтобы все были по местам. — Вот подходит время спать ложиться, он и объявляет, что через десять минут огонь будет потушен. Ну, все подумали, что он шутит, никто и не обратил на это внимания. Вдруг — смотрят — темно… А я его спрашиваю: «А как же гости-то?» — «А как хотят, — говорит, — если они такие беспорядочные». Вот он, хоть и немец, а поучиться у него есть чему.

◊ Нападут мысли, гони их: «А я вам не сочувствую, Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим», — вот и все.

◊ Строже будь к себе. (Разговор шел о воздержании в пище, батюшка был очень серьезен.) Все спишь, смотри не проспи.

◊ Молиться надо по-детски, с твердой верой.

◊ Лишнее поела, значит, нет в тебе никакой разумности, когда даже лишняя чашка воды и та может нас возбуждать.

◊ Царствие небесное нудится и только употребляющие усилие восхищают его, а ты палец о палец не ударишь.

◊ — Чем отличить пост от обычного времени, ведь теперь почти все одинаково: и пост, и нет поста, совсем не чувствуешь поста? (была голодовка).

— Усилить духовный пост.

— Да, ведь, этот пост всегда должен быть?

— Очень хорошую мысль ты провела. Да где уж нам всегда-то, а тут тебя будет мучить, что, мол, я что-то не делаю, и скорее будешь поступать как надо.

◊ Страсти, если хочешь, истребляй теперь же, а то поздно будет. У меня тут одна дама, так у нее страсть — взять чужое; она мне со слезами говорила, что была в одном доме и, вот, ложку серебряную увидела, и когда все ушли, она взяла ее. Теперь мучит это ее, а с собой справиться не может, в привычку у нее это вошло.

◊ Считай себя хуже всех, — да ты и так хуже всех…

◊ Спите вы все, а теперь время исповедническое. Может быть, и мне придется… Я-то готов, а вы-то что тут будете делать?..

◊ (Против вопросов на исповеди по книгам.) У меня тут один рассказывал, что прочел он какой-то грех в книге, и не понял, что это такое, и вот, начал все делать, чтобы узнать какнибудь, что это значит; покупал книжки разные, читал. Наконец, понял и сделался поклонником его (этого греха). Так что я этих вопросов не одобряю; не знаешь, и не надо.

◊ Когда бываешь в чужом доме и подают скоромное, не следует отказываться и тем осуждать других. У меня отец был близок к митрополиту Филарету и вот было так: митрополит Филарет часто бывал у одного там… Раз приходит как-то, застал обед, а пост был. Хозяин сконфузился, не знает, как быть — пост, а у него курица, что ли, там… А митрополит Филарет подошел к столу и сам попробовал все… Вот как они поступали.

◊ — Иногда по уставу не полагается класть земные поклоны, например, до Пятидесятницы и в другие праздники.

— А на это я вот что скажу: иногда чувствуешь, что и на икону-то, на лик Господа смотреть недостоин, как тут не положишь поклона; я вот, например, не могу не поклониться в землю, когда поют: «Поклонимся Отцу и Его Сынови и Святому Духу…» (всенощная под воскресение). Не воздержаться — не грех, а поклон положить — грех?..

Святой Праведный Иона (1855–1924)

Старец в миру праведный Иона Атаманский был настоятелем Портовой Николаевской церкви.

Наверное, за всю историю Одессы не было более известного приходского священника. К отцу Ионе за помощью и советом шли не только жители Одессы и окрестностей, но и многих других мест. Светозарный праведник Одессы, могучий и сильный духом, неоднократно изгонявший и побеждавший сатану, который «не имел в нем ни единой части», был для жителей всего юга столпом твердокаменным, опорой среди ужасов и скорбей. Его духовная жизнь была столь высока, что великие киевские подвижники того времени говорили о нем, белом священнике, имевшем много детей и внуков: «Мы, монахи, его не стоим. Он намного выше нас». Когда южане приезжали к святому праведному Иоанну Кронштадтскому, тот говорил: «Зачем вы трудитесь приезжать ко мне? У вас есть свой Иоанн Кронштадтский — отец Иона». Между ними, этими двумя светильниками, были взаимная любовь и почитание. Святой праведный Иоанн прислал святому праведному Ионе в подарок чудное белое облачение с отделкой василькового цвета. Отец Иона очень любил это облачение.

Особенно настоятеля Николаевского храма любили его родные прихожане — портовики и их семьи. Ни один пароход не отходил от причала без благословения отца Ионы, ни один таможенный досмотр не производился без него. Только отец Иона мог дать разрешение на вывоз икон.

Пастырское служение праведного Ионы Атаманского выпало на тяжелый период отечественной истории: Русско-японская война 1905 года, восстание на броненосце «Потемкин», Февральская революция и Октябрьский переворот 1917 года, гражданская война 1918–1920 годов, голод, разруха, автокефальный и обновленческий расколы в Церкви, воздвигнутое советской властью гонение на Православие.

Отец Иона был воистину чудотворец, силой дерзновенной молитвы своей творивший невероятные для нашего рационалистического времени чудеса, побеждавший привычную для всех смертных подчиненность законам вещественного мира.

Сестры и матушки Архангело-Михайловской обители были неоднократными свидетельницами чудотворений одесского праведника,

многие из которых были им совершены в стенах монастыря.

Как-то ксендзы, услышав о чудесных делах праведного Ионы и об изгнании им бесов, пришли к нему в храм, желая убедиться в истинности ходивших о нем слухов. С сомнением и любопытством ждали они случая проявления благодатной силы святого. Привели бесноватых. Вдруг они бросились на ксендзов, стали их бить и кричать: «Зачем пришли смотреть, что с нами делает и как нас изгоняет Иона?»

Много горя принесла праведнику его родная дочь София. Скорбя о ее душе, перед своей смертью он сказал: «Я вымолю тебе у Бога мучительную смерть для покрытия твоих грехов и для спасения». Впоследствии она сошла с ума и попала в дом умалишенных. Когда во время оккупации Одессу заняли немцы, они расстреляли ее вместе с другими психически больными.

Святой Иона умел удивительно чувствовать все прекрасное.

Убранство храма, красота облачений и предметов утвари, которые его окружали, свидетельствовали о его любви к прекрасному, к церковному благолепию.

Он прекрасно пел и сам сочинял умилительные, трогательные напевы на многие духовные песнопения. Им были написаны ноты к службе Успению Божией Матери. Но особенно неизгладимые впечатления оставляли его очень благолепные и необыкновенно благодатные богослужения. Во время служб отца Ионы стояла необычайная, глубокая тишина. В это время присутствующие благоговейно молились, увлеченные горячей молитвой священника.

Проникновенная вера слышалась в молитве батюшки. Он с Господом говорил, как древние праведники.

Святую Четыредесягницу батюшка проводил очень строго. Не вкушал ничего, часто причащался. Никуда не отлучался из церкви, даже домой. Изредка только выходил в находившуюся рядом с алтарем комнату, в которую никто не имел доступа, кроме него. В ней помещался громадный, во всю стену, образ преподобного Серафима Саровского, которого отец Иона очень чтил.

Духовные дети батюшки, с его благословения, также строго постились — в понедельник и вторник ничего не вкушали, в среду причащались и вкушали хлеб, который батюшка раздавал по окончании обедни, в четверг ничего не вкушали, в пятницу причащались и вкушали хлеб с чаем, в

субботу причащались и вкушали вареное без елея, в воскресенье причащались и вкушали вареное с елеем. И таким образом проводили пост.

В конце поста, как передавала одна его духовная дочь, проводившая так пост, она перестала ощущать вес своего тела. Такая была в ней легкость и радость духовная, по молитвам пастыря.

Наступала Пасха, самый радостный праздник. Накануне во двор храма въезжало четыре-пять подвод с провизией. После торжественного праздничного богослужения отец Иона христосовался с каждым, кто был в храме, и раздавал пасхальные подарки.

Вот как описывает один паломник из Москвы богослужение батюшки во святую Четыредесятницу:

«С трепетом и радостью переступил я порог маленькой СвятоНиколаевской церкви. Было еще рано, около половины седьмого утра, а людей в храме было много. После я узнал, что во всю святую Четыредесятницу двери храма не закрываются ни днем, ни ночью. Народ остается в церкви на всю ночь. Ночью в храме читается Псалтирь. В двенадцать часов ночи отец Иона совершает полунощницу и читает коленопреклонно акафист Страстям Господним, в субботу читает акафист Божией Матери, а в воскресенье — Пресвятой Троице. Служба оканчивается в два часа ночи. Народу бывает полный храм. Батюшка Иона всем молящимся раздает по куску черного хлеба. Приезжие бедняки только и питаются этим благословенным хлебом, остатки хранят как святыню, дорожа благословением дорогого батюшки. Когда я переступил порог храма, на меня повеяло чем-то небесным, святым. Я чувствовал себя, как среди древних христиан, которые собирались по ночам в катакомбах или подземных храмах на молитву. Вот вышел из алтаря отец Иона и стал прикладываться к иконам, изображая на себе крестное знамение широким крестом, с глубоким поясным поклоном. Приложившись к святым иконам, отец Иона стал совершать проскомидию. На клиросе чтец начал читать утренние молитвы. С благоговением я смотрел на батюшку. Я не мог отвести глаз от его кроткого, изможденного подвигами лица. Мир и небесный покой, необыкновенная сила и мощь души отражалась в каждой черте его лица.

По окончании утренних молитв отец Иона вышел на амвон и стал читать канон Пресвятой Троице, который он читает каждое воскресенье. Умиление, надежда, вера, упование, глубокое благоговение слышались в этом трогательном чтении. Читая, отец Иона как бы беседует, разговаривает с Пресвятой Троицей и Божией Матерью, как бы Они здесь перед ним находятся, а не там, где-то в недосягаемой для нас выси, в надземных

заоблачных мирах. В спокойном, тихом голосе слышится глубокая искренняя вера. Сам он при этом всецело сосредотачивался на читаемом.

На клиросе певчие пели ирмосы канона. Хорошо спетые певчие пели стройно, искренне, с воодушевлением. Никогда не забуду я охватившего меня молитвенного чувства, когда певчие, выйдя из клироса на середину храма, стали петь после Троичного канона: „Достойно есть, яко воистинну, славити Тя, Бога Слова, Егоже трепещут и трясутся херувими и славословят силы небесныя, воскресшаго тридневно из гроба Христа жизнодавца страхом прославим“ (песнопение, положенное на воскресной полунощнице. — Ред.). И что это было за пение! Чувство страха Божия, чувство торжества и победы над грехом слышалось в этом дивном, торжественном пении. Вместе с певчими пел и отец Иона, пели многие, стоящие в храме. Все как бы слились сердцем и устами в славословии Господа. Мне хотелось слушать это чудное славословие без конца. Но вот пение окончилось. Все певчие подходят к образу Божией Матери, вместе с отцом Ионой преклоняют колена и поют: „О, Всепетая Мати…“ Отец Иона, как и все люди, угодившие Богу, питает особую любовь к Божией Матери и заповедует всем прибегать к Ее всесильному предстательству. После канона начали звонить к литургии. На проскомидии просфор было так много, что их приносили сюда большими подносами. Я смотрел, как отец Иона долго-долго вынимал частицы и поминал о здравии и о упокоении. Душа моя ощущала здесь что-то особое, великое, святое. Я ощущал духом, что предо мною стоит и молится праведник. Вся жизнь моя, во грехах и лености проведенная, предстала предо мною во всей наготе. Душа жаждала чего-то лучшего, святого, небесного. Так этот дивный муж молча говорил мне, назидал меня, и столь глубоко и чувствительно, что я не мог удержаться от слез. Проскомидию отец Иона совершал вслух. При призывании Спасителя, Божией Матери и святых в каждом слове слышалась такая вера, что, казалось, призываемые здесь находятся и внемлют молитвенным словам. Сердце мое наполнилось священным страхом и благоговением.

Началась литургия. Молитвенный дух отца Ионы передавался и проникал в сердца певчих и всего народа. В храме была такая тишина, как будто весь народ замер для здешней жизни, как будто его не было совсем в храме, а слышались только возгласы отца Ионы и пение певчих. Постепенно молитвенный дух все усиливался. Не забуду никогда молитвенного чувства, охватившего меня под влиянием великого молитвенника — отца Ионы. Стоя в алтаре, мне казалось, что здесь небо соединилось с землею и вместе с находящимися в храме людьми славословят Господа ангелы и все святые. Вспомнил я тогда слова отца Иоанна Кронштадтского, который говорил: «Священник есть звено, соединяющее небо с землей».

Во время пения „Тебе поем“, когда бывает преложение Даров, душа моя наполнилась священным страхом и вместе с тем неизреченной радостью и умилением, и у меня из глаз полились покаянные слезы.

У отца Ионы всегда причащалось много народа. Он, подобно Иоанну Кронштадтскому, и сам очень часто приобщался святых Тайн. Приезжавшие к нему всегда говели по его благословению, подобно древним христианам, которые причащались очень часто. Во время причащения я увидел, как к чаше подводили больных, так называемых бесноватых, которые во время литургии изрыгают страшные и богохульные слова и кричат на всю церковь. К отцу Ионе привозят бесноватых очень часто, иногда их бывает по несколько. Вот ведут к чаше бесноватую женщину, она упирается и не идет, ее подносят на руках. После причащения она умиротворилась, успокоилась. „Дивны дела Твои, Господи!“ — подумал я. Потом подвели бесноватого мужчину, еще не старого. Он не хотел идти и говорил разные нелепости. Пред святой чашей он присмирел и причастился. По окончании литургии отец Иона стал раздавать всем антидор. На клиросе в это время пели очень протяжно и умилительно 33-й псалом: „Благословлю Господа на всякое время…“ Когда отец Иона раздавал антидор, подвели страждущую беснованием восемнадцатилетнюю девицу Елену Мазур, приехавшую с глубокой верой к отцу Ионе из Минской губернии, Новогрудского уезда, деревни Заполье, Кореличской волости. Она не хотела брать антидор. Отец Иона говорит ей: „Посмотри на меня“. Как только она взглянула в лицо отца Ионы, то, по ее словам, почувствовала, как некая сила осенила ее и внутреннее томительное и мучительное чувство исчезло. После сего она несколько раз причащалась у отца Ионы и совершенно выздоровела.

Раздав антидор, отец Иона вышел на середину храма и стал совершать освящение воды, которое он совершал каждое воскресенье и даже по будним дням. Молящиеся стали подавать массу записок. Сколько глубокой веры слышится в каждом молитвенном слове отца Ионы! Во время освящения воды впереди держали одну бесноватую женщину, которая выкрикивала страшные богохульные слова. Отец Иона оборачивается к бесноватой и говорит: „Замолчи“. — „Не замолчу“, — отвечает бесноватая. — „Я тебе говорю, замолчи“. — „Не замолчу“, — отвечает бесноватая. — „Я тебе приказываю, замолчи“, — в третий раз говорит отец Иона. — „Не замолчу", — повторяет бесноватая. После сего больная притихла.

Кончился молебен. Отец Иона погружает крест в воду и из креста льет воду в рот и на голову бесноватой. И — чудное дело! — бесноватая успокоилась, присмирела и встала в сторону. Я заметил, что крест у отца Ионы из кипарисового дерева, обложен по сторонам каким-то

вызолоченным металлом, в подножие вставлена частица животворящего Креста Господня. В середине креста есть пустота, в которую набирается вода и маленькими струйками льется чрез нижний конец креста. Богомольцы раскрывают рот и отец Иона льет воду из креста в рот и на лицо всем присутствующим в храме. После этого все прикладываются к кресту и отец Иона окропляет их святой водой.

После всех подошла к кресту и успокоившаяся страждущая бесноватая. Когда отец Иона окропил ее святой водой, она воздела вверх руки и проговорила: „Слава Тебе, Господи Боже мой, слава Тебе!“ Когда все приложились ко кресту, отец Иона сделал пред царскими вратами у образа Божией Матери земной поклон, а певчие громогласно запели: «Владычице, приими молитвы раб Твоих, и избави нас от всякия нужды и печали!» К певчим присоединились голоса многих молящихся в храме, и вся церковь, как бы едиными устами и единым сердцем, слилась в молитву. Не могу передать благоговейного чувства в этот момент, только скажу, что даже закоренелый грешник придет в умиление от такой молитвы всей церкви. Недаром говорят, что нигде не помолишься, как у отца Ионы. Да, в церкви у отца Ионы нет равнодушных к вере, нет неверующих. О сем свидетельствует сам отец Иона. „Я благодарен Богу, — говорил он, — что не встречался с неверующими и равнодушными к религии, о чем так скорбно слышать в последние дни в жалобах пастырей Церкви. Здесь и богатый, и бедный, и знатный, и простолюдин — все и всегда молились с глубокой верой, с чувством благоговения и с большим вниманием выслушивали мои поучения".

Окончилась служба, но молящиеся не расходились, несмотря на то, что было уже половина первого (иногда служба оканчивалась гораздо позже). Не хотелось выходить из храма, так было отрадно на душе. Меня пригласили в странноприимницу, где был приготовлен обед. Странноприимница находилась тут же с правой стороны храма. Это длинный одноэтажный каменный дом. Внутри по обе стороны устроены в два ряда нары. Посреди, немного справа, через всю комнату стоят длинные столы, где помещается более сотни богомольцев. Другой стол стоит впереди, поперек комнаты, за которым обыкновенно помещается отец Иона и певчие. Впереди, возле стены, стоит огромная икона святителя Николая в большом позолоченном киоте. Меня отец Иона пригласил сесть вместе с собой. Пред трапезой пропели „Отче наш…“. Во время трапезы пели духовные песни, например: „К Тебе, о Боже, я взываю, Ты не оставь, благий, меня“ и другие. Такие трапезы отец Иона устраивает каждое воскресенье и в праздничные дни. Здесь можно видеть и священника, и иеромонаха, и купца, и простолюдина. Нечто подобное было в первые века христианства, когда

устраивались так называемые „вечери любви“, когда у множества уверовавших было одно сердце и одна душа и все у них было общее (см.: Деян. 4, 32).

Мне казалось, что я очутился в святой первохристианской семье, которая во главе со своим отцом пела победные, священные, великие гимны. По окончании трапезы и молитвы я вышел вслед за отцом Ионой во двор. По дороге отца Иону останавливали богомольцы с разными просьбами. Вот мать подводит дочь и просит благословения на поступление в монастырь. Далее поджидает вдовица с сиротами. Там стоят с письмами какие-то дальние приезжие. Всех выслушивает батюшка, никого не оставляет без слова утешения. Я после узнал, что без благословения отца Ионы никто из его почитателей не начинает никакого важного дела или предприятия.

Мне не хотелось уходить отсюда. Казалось, я бы остался здесь навсегда, до конца дней моих.

На дворе я увидел толпу в несколько сотен нищих, так называемых босяков, поджидающих милостыни. Мне рассказывали, что отец Иона является для босяков родным отцом. Он не только помогает им материально, но приучил их к говению, многих спас от неверия и обратил на путь спасения. Отец Иона стал раздавать им билеты на обед. Получив билет, они бегом отправлялись в столовую, находившуюся где-то в городе. И где берет отец Иона средства на хлеб, который он раздает всем присутствующим в храме во всю святую Четыредесятницу, и на трапезу по воскресеньям, и на прокормление сотни босяков?

На эти вопросы отвечает нам слово Божие, которое говорит: „Дающего рука не оскудеет“. У отца Ионы все напоминает древние времена первых христиан. Это чувствуют все, кому приходилось хоть раз побывать у отца Ионы. Скажу о себе, что я был несколько раз в церкви отца Ионы и всегда выходил с обновленной душой, с чувством и жаждой лучшей, святой жизни».

В начале Японской войны 1905 года Одесскому праведнику было видение: он увидел Крест, на Кресте — распятый Христос, а под Крестом сидел японский микадо.

Победа была у японцев. Даже стихии помогали им: ветер дул в ту сторону, куда летели их снаряды, и прочее.

Во время бунта на броненосце «Потемкин» погиб матрос Вакуленчук. Градоначальник Одессы похороны его запретил. Все священнослужители отказались совершать над ним православное отпевание. Тогда матросы броненосца направили жерла пушек на город и послали делегацию к отцу Ионе. Он, несмотря на болезнь, отправился к городскому главе и уговорил

его разрешить похоронить матроса. Затем совершил отпевание над телом погибшего. Однако земле предали его за оградой кладбища, как бунтовщика.

После Октябрьского переворота и установления советской власти в городе отец Иона продолжал свое служение в портовой церкви. Он призывал своих прихожан не поддаваться духу времени, сохранять веру в Бога, быть верными чадами Православной Церкви.

В это время, как и в прежние годы, Господь по молитвам праведника творил чудеса для укрепления верных и для посрамления безбожников.

Раба Божия Л. Райкова свидетельствует: «Это было в 20-е годы. Отец моего мужа Райков Федор Сергеевич был болен эпилепсией. Ни один врач не смог вылечить его. Маме посоветовали обратиться к отцу Ионе. Когда отец Иона посмотрел на него, то сказал ей, чтобы она оставила его на некоторое время в храме. По молитвам отца Ионы свекор был исцелен».

Однажды в Одессу приехала крестьянка и привезла с собой двухлетнего сына, слепого от рождения. До нее дошли слухи, что профессор В. П. Филатов делает глазные операции и многим возвращает зрение. Она обратилась к нему. Но Филатов, продержав ребенка у себя в клинике, объяснил матери, что излечить ребенка он не может и что наука вообще в данном случае бессильна. Огорченная мать пошла к отцу Ионе и просила его помощи. Батюшка обещал помолиться. Девять ночей он простоял на молитве, служил непрерывно молебны и акафисты, а на десятый день ребенок на руках матери прозрел. Случай этот наделал в городе много шума. Дошло до профессора Филатова, и он был поражен. Советская власть устроила следствие и показательный суд. На суд вызвали Филатова. Отцу Ионе инкриминировали обман и шантаж, но профессор Филатов твердо заявил, что это именно тот ребенок, которого он не брался излечить, и признал наличность чуда. Судьи порочили Филатова, стыдили его и говорили: «Как можно допустить здесь чудо?» Но профессор твердо стоял на своем, и суд окончился ничем: никого не осудили, никого не наказали и веру религиозную не только не посрамили, но даже, наоборот, укрепили.

У одного крестьянина был слепорожденный ребенок. Мальчику было двенадцать лет. Услышав, что святой праведный Иона исцеляет слепых, крестьянин привез сына к нему. Батюшка отправил их к Филатову. «Только чудо может ему помочь», — сказал профессор. Родители вернулись к отцу Ионе. Батюшка предложил оставить мальчика у себя. Дело было в Великом посту. Отец Иона начал молиться о слепом и причащать его. Через две недели мальчик прозрел. После этого случая Филатов стал посещать святого праведного Иону и стал его духовным чадом. Когда спрашивали его, как он нашел способ пересадки тканей, он отвечал: «При помощи молитв отца Ионы».

В первые годы советской власти богоборцы не трогали отца Иону. Потом стали делать обыски в его доме и храме, вызывали на допросы.

В эти годы Церковь постигает еще одно бедствие — обновленческий и автокефальный расколы.

Накануне обновленческого раскола отцу Ионе явилось видение, когда он стоял у престола за всенощной. Он вдруг умолк, застыл и через некоторое время, подняв руки, стал восклицать: «Хвалите имя Господне, хвалите имя Господне! Аллилуиа, аллилуиа». Всего в слезах, увели его, не окончившего службу, из церкви домой. Присутствующие поняли, что батюшке было видение.

Старшая его дочь Вера видела только, как огнем наполнился весь алтарь. А позже святой праведный Иона рассказывал, что он видел: шел Христос, за Ним священники, раздирающие на Нем ризы. Рядом с Господом шел преподобный Серафим Саровский и горько плакал. А Господь сказал ему: «Не плачь, они покаются!»

Отец Иона и еще несколько священников не поддались диавольскому прельщению и во все годы гонений, несмотря на угрозы, твердо были верны Святейшему патриарху Тихону. Вразумляя своих малодушных собратьев, праведный Иона говорил: «Держитесь Богом посланного в наше смутное время второго Ермогена — Святейшего патриарха Тихона, и не идите за наемниками и за теми, которые „прелазят инуде“, ибо они „татие суть и разбойницы“» (Ин. 10, 1, 8).

Много бед, горя и скорбей причинили батюшке обновленцы. По их навету его хотели выслать. Но Господь охранял праведного Иону, как Своего избранника.

Как было показано в видении, позже обновленческие священники приходили к святому праведному Ионе каяться. При этом они кланялись ему в ноги и просили прощения. Батюшка им говорил: «Кланяйтесь не мне, а народу, который вы ввели в заблуждение!» Кающиеся священники выходили на амвон, становились на колени и кланялись людям, прося прощения.

В это время в городе появился некто, объявивший себя «антихристом», будораживший умы легковерных людей. В народе было немалое смятение. Отец Иона призвал своих прихожан к молитве о том, чтобы человек этот сам пришел к нему в Церковь. Тот не заставил себя долго ждать. Придя на литургию и растолкав людей, он вошел прямо в алтарь и просил разрешения выйти к народу в качестве «антихриста». На это батюшка сказал, указывая на главную святыню храма: «Вот престол и на нем восседает Царь Славы, поэтому ты, бес, молчи, а ты, Андрей, говори» — и стал с ним говорить и исповедовать его. Во время исповеди отец Иона несколько раз запрещал бесу и, наконец, совсем изгнал его. Выйдя из храма, человек этот,

измученный и утомленный, поплелся вверх по Потемкинской лестнице и, сев на одну из верхних ступенек, долго еще вытирал пот с лица. Он снова стал прежним Андреем, ушедшим от родных несколько лет назад и молитвами праведного Ионы возвращенным в лоно родной Православной Церкви. «Я уверен, — говорил батюшка, — что этот человек станет серьезным подвижником».

Отец Иона окормлял женский Михайловский монастырь, в котором у него много было духовных чад. Однажды фельдшер монастырской больницы монахиня Галина, будучи чем-то очень взволнована, допустила ошибку: вместо 0,06 граммов какого-то ядовитого вещества взяла 6 граммов. Дав выпить больной монахине это лекарство и увидев появление признаков отравления, монахиня Галина бросилась в Портовую церковь. Увидев отца Иону выходившим из храма, она упала к его ногам со словами: «Батюшка, я отравила сестру!» — и стала просить его молитв. Выслушав объяснение и просьбу, отец Иона стал молиться, сказав лишь кратко: «Молитесь и вы». Вернувшись в монастырь, матушка Галина увидела больную в добром здравии. «Напрасно ты ходила за врачом, — сказала она, — мне минут через сорок вдруг стало совсем хорошо». По времени это был момент молитвы праведного Ионы.

И другой случай исцеления. Служил в Михайловском монастыре молодой священник отец Никанор. Жил он там вместе с семьей и болел скрытой формой туберкулеза. В ту суровую осень он простудился. После долгой болезни туберкулез перешел в открытую форму. Началось сильное кровохарканье, больной метался в жару, и окружающие ничем не могли ему помочь. Опытный врач, осмотрев больного, сказал: «Поднимается температура. Если дойдет до сорока и выше, знайте, что наступает агония». Услышав такой приговор и видя уже грозные признаки наступающего конца, матушка Галина снова поспешила за помощью к отцу Ионе. Праведник, несмотря на усталость после богослужения, обещал прийти. Молча вошел он с надвинутой на глаза скуфией. Ни на кого не глядя и не здороваясь, он тихо шептал про себя молитву: «Ныне силы небесныя с нами невидимо служат». Когда окончилась исповедь, все присутствующие, стоявшие в коридоре у двери, явственно услышали громко произнесенные слова: «Отче, брате и чадо: прощаю, разрешаю, и… исцеляю!» Эти слова произвели на всех потрясающее впечатление. Ушел праведник так же молча, ни с кем не попрощавшись. А у больного прекратилось кровохарканье, упала температура. Через короткое время он уже поднялся, стал ходить. И на первом же после смертельной болезни богослужении ему сослужил его спаситель и молитвенник отец Иона Атаманский.

Отец Иона окормлял не только Михайловский монастырь, находящийся в городе, но и Благовещенский, стоявший в двадцати пяти верстах от Одессы. Батюшка любил его и называл «мое Благовещенское чадо». Монахиня этого монастыря матушка Онуфрия [в мантии Антония (Журова)] рассказывала: «Однажды приходит в монастырь женщина и спрашивает: „А кто здесь отец Иона?“ Когда ей объяснили, она рассказала свой сон. Явилась ей покойная мать и сказала: „Все забыли о нас, никто не молится, не посещает. И только отец Иона проездом навестил нас и мы получили великое утешение“».

Оказывается, действительно, отец Иона, проезжая мимо старого заброшенного кладбища, был тронут жалким его видом и остановился там помолиться.

В последние годы жизни, предвидя будущие скорби, праведный Иона в храме Благовещенского монастыря сказал: «Я вижу двести венцов мученических над сестрами». Во время гонений двести монахинь были замучены.

Великосветское общество города также духовно окормлялось у отца Ионы. Одна из его духовных дочерей, муж которой занимал большой пост, вспоминала: «Мы сидели в театре, когда того требовало служебное положение мужа, — в парижских шляпках, но творили молитву Иисусову».

В 1921 году советская власть под видом помощи голодающим провела акцию изъятия церковных ценностей, которая имела своей целью лишить Церковь богослужебной утвари и подорвать ее жизнеспособность. В это время Никольский храм лишился многого из своего имущества, а настоятель подвергся вскоре и аресту. Но в защиту своего пастыря выступило большое число людей. На Маразлиевской улице собралось такое множество его заступников из числа рабочих и крестьян, поднялся такой шум, что власти вынуждены были его выпустить. Слишком велика была любовь к нему народа, и это удерживало атеистическую власть от расправы над батюшкой.

Тяжелая болезнь — уремия приблизила кончину старца, и 17 мая 1924 года праведник отошел к Господу.

Похороны его были грандиозными. Отдать последний долг почившему пастырю в порту собралась вся верующая Одесса. Рабочие, несмотря на объявление этого воскресенья рабочим днем, крестьяне, нищие, так называемые «босяки», благодетелем которых был отец Иона, а также множество людей из окрестных сел и городов съехались хоронить своего молитвенника и благодетеля. Желая как-то уменьшить число людей, желающих присутствовать при погребении, власти перенесли день похорон с воскресенья на понедельник. Но в понедельник съехалось еще больше народа. Вся громадная Потемкинская лестница, внизу которой находилась

церковь святителя Николая и дом, где батюшка жил, была густо запружена многочисленной толпой народа. Рабочие просили задержать вынос тела до четырех часов вечера, когда оканчивается их трудовой день. После соборного отпевания и обнесения почившего вокруг храма с пением ирмосов «Помощник и Покровитель» погребальная процессия отправилась на кладбище. Толпа народа плавно поднималась за гробом по каменной лестнице на Ришельевскую улицу, на которой все балконы и окна были заняты людьми. Вблизи церквей и на перекрестках улиц служились литии.

С 16 часов до позднего вечера грандиозная похоронная процессия двигалась через весь город к православному кладбищу на Слободке, где со слезами, молитвой и пением многочисленным хором «Вечной памяти» тихо опустили в землю тело чтимого пастыря. Гроб, крышку и дубовый крест портовые рабочие, несмотря на дальнее расстояние, несли на руках от храма до могилы.

Место захоронения выбрал сам праведный Иона. Он запретил хоронить себя в Портовой церкви, предвидя ее разрушение. «Церковь разорят, храма этого не будет», — говорил священник и заповедал похоронить себя у могилы родителей, среди природы, которую он очень любил. «Храма не стройте, похороните около родных, чтобы птичка могла пропеть надо мной».

После смерти особым почитанием стала пользоваться комната, где отец Иона провел последние дни своей жизни. Это была маленькая узенькая спальня, где стояли кровать, кресло, в котором скончался праведник, и простой деревянный шкафчик, в котором под стеклом находилось много икон.

На двадцатый день после смерда, во время посещения этой спальни почитателями, ребенок, указывая на кресло, сказал: «Дедушка сидит».

Когда отца Иону уже похоронили, приехал издалека один священник. Узнав, что опоздал, он решил пойти на могилу праведного Ионы и проститься с ним. Было уже позднее время, совсем темно, и когда он подошел к могиле, то увидел над ней двух ангелов.

Преподобный Кукша
(1875–1964)

Преподобного старца Кукшу иногда называют Серафимом Саровским XX века. Действительно, в это грозное столетие, исполненное мрака нечеловеческих преступлений, Господь послал этого великого старца как удивительный пример веры, надежды и любви.

Простой крестьянский сын, еще с молодых лет он ощутил над собой особый промысл Божий. Когда юноша Косьма (так звали преподобного в крещении) посетил с паломниками Иерусалим, то возле всемирных святынь христианства с ним произошли несколько чудес, предзнаменовавших его великую будущность.

Существовал обычай погружаться в воду Силоамской купели всем паломникам, особенно бесплодным женщинам. Той из них, кто первой успеет погрузиться в воду, Господь даровал чадородие. Находясь у Силоамской купели, Косьма подошел близко к краю. Кто-то нечаянно задел его, и отрок в одежде неожиданно упал первым в воду купели, и таким образом вышел из воды весь мокрый. Люди стали смеяться, говоря, что у него теперь будет много детей. Но слова эти оказались пророческими, ибо у преподобного впоследствии действительно было множество духовных чад. Когда же паломники были в храме Воскресения Христова, они очень хотели помазаться елеем из лампад, горевших при Гробе Господнем. Неожиданно средняя лампада опрокинулась, излив на Косьму весь елей. Люди быстро окружили Косьму и, собирая руками стекающий по его одежде елей, благоговейно помазывались им. Впоследствии благодать Божия, обильно почивающая на преподобном, через него неоскудно подавалась людям.

По благословению киевского старца Ионы, известного своей прозорливостью и чудотворениями, будущий старец поехал на Афон, где жил под руководством опытных духовных наставников. Здесь он приобщился к неоценимому достоянию древней святоотеческой мысли, прошел школу монашеской жизни. А ведь тогда это был Афон преподобного Силуана, Афон, в котором подвизались в молитвенном трезвении десятки тысяч русских монахов, Афон в пору своего расцвета!

Вернувшись в родное Отечество, будущий старец поселился в Киево-Печерской лавре и, подобно преподобному Антонию Киево-Печерскому, принес на нашу землю духовность Святой горы.

Прошли годы. В пятьдесят шесть лет он неожиданно тяжело заболел, как думали, безнадежно. Решено было немедленно постричь умирающего в схиму. 8 апреля 1931 года при пострижении в схиму нарекли ему имя священномученика Кукши, мощи которого находятся в Ближних пещерах. Конечно, душа преподобного и тогда уже была готова ко вселению в

небесные обители, но Господь продлил дни его земной жизни для служения людям во спасение их. После пострига отец Кукша стал поправляться и вскоре совсем выздоровел.

С 1917 года для святой Православной Церкви и всего народа наступило время огненных испытаний. Эти испытания всецело разделил со своим народом и преподобный Кукша.

3 апреля 1934 года отец Кукша был рукоположен в сан иеродиакона, а 3 мая того же года — в сан иеромонаха. После того, как Киево-Печерскую лавру закрыли, батюшка служил до 1938 года в Киеве, в церкви на Воскресенской Слободке. Надо было иметь великое мужество, чтобы служить священником в то время. С 1938 года для батюшки Кукши начался тяжелый восьмилетний исповеднический подвиг — его, как «служителя культа», приговаривают к пяти годам лагерей в Молотовской (Пермской) области, а после отбытия этого срока — к трем годам ссылки.

Так в возрасте шестидесяти трех лет отец Кукша оказался на изнурительных лесоповалочных работах. Труд был очень тяжелым, особенно в зимнее время, в лютые морозы. Работали по четырнадцать часов в сутки, получая очень скудную и плохую пищу. Но всегда содержа в своей памяти, что «многими скорбями подобает нам внити в Царство небесное» (Деян. 14, 22), что «недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас» (Рим. 8, 18), батюшка, споспешествуемый благодатью Божией, не только терпеливо и благодушно сносил мучительную жизнь в заключении, но всегда духовно укреплял окружающих.

Господь, взирая на мужество исповедников, вот как однажды явно для всех утешил и укрепил присных Своих в терпении и уповании. Вместе с преподобным Кукшей в лагере содержалось много духовенства и иночествующих, как монахов, так и монахинь. В то время Киевским епископом был преосвященный Антоний, который хорошо знал отца Кукшу и почитал его. Однажды отец Кукша, будучи в заключении, получил от преосвященного Антония посылку, в которую владыка вместе с сухариками умудрился положить сто частиц просушеных запасных святых Даров. Проверяющие не обнаружили святые Дары или сочли их за сухари.

«Но разве мог я один потреблять святые Дары, когда многие священники, монахи и монахини, долгие годы находясь в заключении, были лишены этого утешения? — рассказывал впоследствии батюшка. — Я сказал некоторым священникам, что получил святые Дары. Верующие с большой осторожностью оповестили «своих», чтобы те в назначенный день в определенном месте незаметно для конвоя готовы были принять святое причастие. Мы сделали из полотенец епитрахили, нарисовав на них карандашом кресты. Прочитав молитвы, благословили и надели на себя,

спрятав под верхнюю одежду. Священники укрылись в кустарнике. Монахи и монахини по одному, по одной подбегали к нам, мы быстро накрывали их епитрахилями-полотенцами, прощая и отпуская грехи. Так в одно утро по дороге на работу причастилось сразу сто человек. Как они радовались и благодарили Бога за Его великую милость!»

Батюшка вспоминал: «Это было на Пасху. Я был такой слабый и голодный — ветром качало. А солнышко светит, птички поют, снег уже начал таять. Я иду по зоне вдоль колючей проволоки, есть нестерпимо хочется, а за проволокой повара носят из кухни в столовую для охранников на головах противни с пирогами. Над ними вороны летают. Я взмолился: „Ворон, ворон, ты питал пророка Илию в пустыне, принеси и мне кусочек пирога“. Вдруг слышу над головой: „Кар-р-р!“ — и к ногам упал пирог, — это ворон стащил его с противня у повара. Я поднял пирог со снега, со слезами возблагодарил Бога и утолил голод».

Весной 1943 года, по окончании срока заключения, отца Кукшу освободили, и он отправился в ссылку, в деревню близ города Кунгура. Взяв благословение у епископа в Соликамске, он часто совершал богослужения в соседнем селе. Как к светильнику, в ночи зажженному, стекались к нему люди.

Так в труде, в терпении, в деннонощной молитве старец подвизался до своего освобождения.

В 1947 году окончилось время ссылки и преподобный Кукша вернулся в Киево-Печерскую лавру, где был с великой радостью принят братией. Нес он послушание свечника в Ближних пещерах.

На преподобного Кукшу, искусного и опытного в духовной жизни, запечатлевшего верность Христу различными испытаниями, предочищенного несением скорбей, лишений и гонений, Господь возлагает подвиг служения страждущему человечеству путем духовного окормления людей — старчество. Безбожие, маловерие, нужда, горе, греховное пленение приводили к преподобному людей в те минуты, когда испытания достигали наибольшей остроты и становились невыносимыми, когда иссякала надежда. И старец оказывался тем несокрушимым камнем истинной веры, непоколебимого упования на Бога, о который бессильно разбивались пенящиеся волны многовидного зла. Ведает только Господь, скольким он помогал и скольких обнимал всепрощающей и всепокрывающей любовью, которая так привлекала людей, стремящихся к нему со всех концов страны. Как за полвека до этого в Иерусалиме паломники окружили Косьму и старались с его головы и одежды собрать чудесно излившийся из лампады елей, чтобы помазаться им, так и к отцу Кукше в страждущей земле нашей шла нескончаемая вереница людей, ждущих Божией помощи и благодати,

изливавшейся через молитвы, духовные советы и наставления святого подвижника.

Старец никогда не осуждал согрешающих и не сторонился их, а, наоборот, всегда с состраданием принимал их. Говорил: «Я сам грешный и грешных люблю. Нет человека на земле, который бы не согрешил. Един Господь без греха, а мы все грешные». Исповедь всю жизнь была его основным послушанием, и все стремились у него исповедаться и получить душеспасительные советы и назидание.

Старец Кукша имел от Бога дар духовного рассуждения и различения помыслов и дар прозорливости. Ему были открыты даже самые сокровенные чувства, которые люди едва могли понять сами, а он понимал и объяснял, от кого они и откуда. Многие шли к нему, чтобы рассказать о своих скорбях и спросить совета, а он, не дожидаясь объяснений, уже встречал их с нужным ответом и духовным советом. Еще, бывало, у дверей стоят, а он уже каждого по имени называет, хотя видит их в первый раз в жизни. Господь ему открывал.

Богоборческую власть раздражала жизнь угодника Божия. Он был постоянно преследуем и гоним. В 1951 году отца Кукшу из Киева переводят в Почаевскую Свято-Успенскую лавру.

В Почаеве старец нес послушание киотного у чудотворной иконы, когда к ней прикладывались монахи и богомольцы, и, кроме этого, должен был исповедовать людей. Свои обязанности он исполнял с отеческой заботой о всех приходящих, тонко и любовно обличая их пороки, прозорливо предостерегая от духовных падений и предстоящих бед.

Все, кто приезжал в Почаевскую лавру, старались обязательно попасть на исповедь к преподобному Кукше. Люди в храме сотнями стояли в очереди к нему. Многих принимал он и в своей келии, не жалея себя и почти без отдыха проводя целые дни, несмотря на преклонный возраст и старческие болезни.

Какую всенародную любовь имел старец, видно из следующего. Он, по афонскому обычаю, всю жизнь обувался только в сапоги. От долгих и многих подвигов у него на ногах были глубокие венозные раны. Однажды, когда он стоял у чудотворной иконы Божией Матери, у него на ноге лопнула вена, и сапог наполнился кровью. Его увели в келию, уложили в постель. Пришел знаменитый своими исцелениями игумен Иосиф (в схиме Амфилохий), осмотрел ногу и сказал: «Собирайся, отец, домой» (то есть умирать), и ушел. Все монахи и миряне горячо со слезами молились Матери Божией о даровании здравия дорогому и любимому старцу. Через неделю игумен Иосиф опять пришел к преподобному Кукше, осмотрел почти

зажившую рану на ноге и в изумлении воскликнул: «Вымолили чада духовные!»

В течение трех лет отец Кукша ежедневно совершал раннюю литургию в пещерном храме, за исключением редких дней болезни. Во время литургии, стоя у престола, он весь преображался, становился каким-то светлым, «воздушным».

Одна раба Божия рассказывала, что однажды она видела в алтаре пещерного храма во время совершения Божественной литургии отцом Кукшей благолепного мужа, сослужащего ему. И когда она сообщила об этом батюшке, он сказал, что это был преподобный Иов Почаевский, который всегда служил вместе с ним, и строго приказал никому не открывать этой тайны до самой его смерти.

«Иногда он благословлял, — говорила она, — положив обе ладони своих рук крестообразно на мою голову, читая про себя молитву, и я преисполнялась необыкновенной радости и безграничной любви к Богу с неудержимым желанием „разрешитися" (от бренного тела) и со Христом быти. Все земные муки казались ничто по сравнению с этой всепоглощающей любовью. В таком состоянии я пребывала дня по три». Так преподобный Кукша укреплял веру новоначальной.

Здесь, в Почаевской лавре, через старца Кукшу приходили к вере бывшие богоборцы, находили раскаяние сектанты, облекались в ангельский образ (монашество) многие словесные овцы стада Христова — духовные чада старца. Всем им он находил определение в жизни.

Братия лавры с любовью относилась к старцу, но ненавистник всякого добра, лукавый враг спасения посеял зависть и злобу в одном из них. На преподобном, всю жизнь терпевшем человеческую зависть и недоброжелательство, вполне исполнились слова Священного Писания: «Несть пророк без чести, токмо во отечествии своем, и в дому своем» (Мф. 13, 57). Старец благодушно и терпеливо переносил чинимые препятствия к духовному руководству людей. В период с марта по апрель 1957 года церковное священноначалие определяет ему пребывать в затворе «для совершенствования аскетической жизни и несения высшего схимнического подвига», и в конце апреля 1957 года старца на Страстной седмице Великого поста переводят в Крещатицкий Иоанно-Богословский монастырь Черновицкой епархии.

В небольшом Иоанно-Богословском монастыре было очень тихо и просто. Приход старца Кукши в эту обитель был для нее благотворным — ожила духовная жизнь братии. Как за пастырем спешат овцы, куда бы он ни направлялся, так и за добрым пастырем — старцем Кукшей сюда, в тихую обитель апостола любви, устремились духовные чада, а за ними — народ

Божий. Целыми днями по горной тропе, как трудолюбивые муравьи, тянулись вереницей богомольцы — одни в гору, другие навстречу. В основном на средства, передаваемые отцу Кукше, которые он сразу отдавал в монастырь, были возведены некоторые строения в обители. Сам он, несмотря на старческую слабость, чувствовал здесь себя хорошо. Он часто повторял: «Здесь я дома, здесь я на Афоне! Вон внизу сады цветут, точно маслины на Афоне. Здесь Афон!» И действительно, чувствовалась особая благодать Божия в этой святой обители, где люди получали утешение и исцеление по молитвам преподобного Кукши.

К концу своей жизни старец снова претерпел много зла, скорбей и преследований от богоборческой власти. В начале 60-х годов диавол воздвиг на Церковь новую волну гонений. Стараниями новых богоборцев-правителей закрывались храмы, обители, духовные школы. Святой апостол Павел говорит, что все, «хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут» (2 Тим. 3, 12). У безбожной власти лютую ненависть вызывали духовный авторитет, всеобщее почитание и народная любовь, какими пользовался старец Кукша.

Незадолго до расформирования монастыря во время Божественной литургии отец Кукша находился в алтаре Покровского храма. Вдруг на жертвенник с подсвечника упала свеча, загорелись покровцы и воздух, которыми были накрыты потир и дискос. Огонь тут же загасили, а батюшка сказал: «Враг и отсюда меня выживает», что вскоре и сбылось.

В 1960 году закрыли Черновицкий женский монастырь. Монахинь перевели в мужской Иоанно-Богословский монастырь, монахов отправили в Почаевскую лавру, а отца Кукшу — в Одесский Свято-Успенский мужской монастырь.

19 июля 1960 года старец прибыл в Одесский монастырь, где провел последние четыре года своей страдальческой подвижнической жизни. Но «любящим Бога вся поспешествует во благое» (Рим. 8, 28). Перемещения из монастыря в монастырь для старца были лишь «демонов немощными дерзостями». Господь злобу демонов и тщетные усилия богоборцев обратил во благо для спасения душ человеческих. Благодаря перемещениям батюшки по разным монастырям овцы стада Христова всего юга страны окормлялись у благодатного старца.

В Одесском Успенском монастыре отца Кукшу с любовью встретили насельники обители. Ему определено было послушание исповедовать людей и помогать вынимать частицы из просфор во время совершения проскомидии.

Всей душой желая «приметатися в дому Бога» (Пс. 83, 11), батюшка любил храм Божий и стремился всегда бывать на монастырских

богослужениях. Старец вставал рано утром, читал свое молитвенное правило, старался причащаться каждый день. Он любил литургисать, причем любил особенно раннюю литургию, говоря, что ранняя литургия для подвижников, а поздняя для постников. К святой чаше старец не разрешал подходить с деньгами, чтобы «не уподобиться Иуде». Так же и священникам запрещал с деньгами в кармане стоять у престола и совершать Божественную литургию. Ежедневно, идя в храм, старец под одежду надевал свою афонскую власяницу из белого конского волоса, которая больно колола его тело.

Келия старца в монастырском корпусе примыкала к Никольской церкви. С ним поселили и послушника-келейника, но старец, несмотря на немощи своего преклонного возраста, не пользовался посторонней помощью и говорил: «Мы сами себе послушники до самой смерти».

Несмотря на запрет властей посещать святого старца, люди и здесь не лишились его духовного окормления. Отца Кукшу очень любил Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий I. Еще будучи в Иоанно-Богословском монастыре, старец, бывало, садясь пить чай, возьмет в руку портрет святейшего Алексия I, поцелует его и скажет: «Мы со святейшим чай пьем». Слова его исполнились, когда он жил в Одесском монастыре. Сюда каждый год летом приезжал патриарх Алексий I, который всегда приглашал благодатного старца «на чашку чая», любил беседовать с ним, спрашивал, как было в Иерусалиме и на Афоне в старое доброе время.

Сокровенна, сокрыта от мира духовная жизнь схимника. Преподобный любил ночную молитву. Служа страждущему человечеству он, углубившись в себя, во внутреннюю клеть своего сердца (см.: Мф. 6, 6), как в пустыню, жил напряженной внутренней жизнью, предстоя всегда Богу, по реченному пророком: «Очи мои выну ко Господу» (Пс. 24, 15).

День жизни старца Кукиш уже клонился к вечеру. Однажды он с радостным лицом сказал своей духовной дочери: «Матерь Божия хочет взять меня к Себе». Игумения святой горы Афон и всех монашествующих — Пресвятая Богородица, призвавшая преподобного в монашество, призывала теперь его к Себе от земных трудов и скорбей.

В октябре 1964 года старец, упав, сломал бедро. Пролежав в таком состоянии на холодной сырой земле, он простудился и заболел воспалением легких. Он никогда не принимал лекарств, называя врачебницей святую Церковь. Даже страдая в предсмертной болезни, он также отказался от всякой врачебной помощи, полагая в Господе Боге единого помощника и покровителя, причащаясь каждый день святых Христовых Тайн.

Блаженный подвижник предвидел свою кончину. Духовная дочь старца схимонахиня А. вспоминает: «Батюшка иногда говорил: „Девяносто лет —

Кукши нет. Хоронить-то как будут, быстро-быстро, возьмут лопаточки и закопают“. И действительно, его слова исполнились в точности. Он упокоился в два часа ночи, а в два часа пополудни этого же дня над могильным холмиком возвышался уже крест. Скончался, когда ему было около девяноста лет».

Власти, боясь большого стечения народа, препятствовали тому, чтобы батюшку погребли в монастыре, а требовали совершить погребение на его родине. Но наместник монастыря, вразумленный Богом, мудро ответил: «У монаха родина — монастырь». Тогда власти дали срок на погребение два часа.

Так, пройдя земное поприще, претерпев все искушения, воздохнув из глубины души своей: «обратися, душе моя, в покой твой, яко Господь благодействова тя» (Пс. 114, 6), преподобный Кукша 11 (24) декабря 1964 года преставился ко Господу, в селения «идеже все праведнии почивают», вознося там молитвы о всех, прибегающих к его молитвенному предстательству.

Старец Кукша принадлежит к тем отечественным праведникам, которые в последние века подобно Серафиму Саровскому, Оптинским и Глинским старцам служением Богу светили миру светом любви, терпения и сострадания.

Преподобный был очень кротким и смиренным. Ни перед кем не заискивал, не человекоугодничал. Он не боялся обличить грешника, невзирая на чин и сан, делая это тонко, с любовью к образу Божию, с целью пробудить его совесть и подвигнуть на покаяние.

Бывало, старец идет через храм на исповедь — народу много, все проходы заполнены, — и никогда не попросит пропустить его, а остановится позади всех и ждет, когда можно будет пройти, не расталкивая и не беспокоя людей.

Преподобный имел искреннее смиренномудрие. Он избегал славы человеческой и даже боялся ее, памятуя сказанное псалмопевцем и пророком: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу, о милости Твоей и истине Твоей» (Пс. 113, 9). Поэтому добрые дела совершал незаметно, очень не любил тщеславия, всегда старался оградить или избавить от него своих духовных чад.

Старец советовал все новые вещи и продукты освящать святой водой, перед сном окроплять келию (комнату). Утром, выходя из келии, он всегда окроплял себя святой водой.

Преподобный ежедневно причащался святых Христовых Тайн и указывал, что причастие — это Пасха, благословляя после причащения читать пасхальный канон.

Преподобный Кукша имел великую любовь и сострадание к людям. Святой апостол Павел пишет, что «любы николиже отпадает» (1 Кор. 13, 8). Поэтому старец говорил, уповая на милость

Божию к нему в жизни будущего века, чтобы после кончины его приходили на могилку и все ему, как живому, говорили, изливая печали и нужды. И действительно, всякий, приходящий с верой к месту его земного упокоения, всегда получал утешение, вразумление, облегчение и исцеление от болезни по его богоугодным молитвам и предстательству.

Поучения батюшка произносил краткие, но заключавшие в себе все, что каждому вопрошающему необходимо ко спасению. А это невозможно без ведения воли Божией. Поэтому говорил старец не от человеческой мудрости, а при содействии благодати Святого Духа, просвещающего его.

Преподобный несомненно имел дар прозорливости. Однажды один генерал, переодевшись в штатскую одежду, приехал в Почаевскую лавру и смотрел с любопытством, как исповедует преподобный. Старец подозвал его к себе и беседовал с ним некоторое время. Отошел от старца генерал очень бледный, крайне взволнованный и потрясенный, спрашивая: «Что это за человек? Откуда он все знает? Он обличил всю мою жизнь!»

Когда преподобный был в Иоанно-Богословском монастыре, он послал свою духовную дочь В. посмотреть место, где можно построить большой корпус для множества монахов. Она пошла и по молитвам старца нашла хорошее место на горе, прямо над монастырем. Вернувшейся В. старец сказал, что там будет большой монашеский корпус, и что он должен приготовить место. Предсказание его начало сбываться спустя тридцать лет: после возвращения монастыря Церкви новое поколение монахов, не знавшее старца и его предсказания, начало строительство храма и монашеского корпуса на том самом месте, о котором шла речь.

В городе П. жили духовные чада старца — И. с молодой дочерью М. Года через полтора М. решила выйти замуж и спрашивала через свою подругу старца о венчальной одежде. Старец ответил: «Никогда М. замуж не выйдет!» Пришедшая сказала, что у молодых уже все готово к свадьбе, осталось только сшить венчальное платье и после Пасхи они будут венчаться. Но старец снова уверенно повторил: «М. никогда замуж не выйдет». За неделю до свадьбы у М. вдруг начались эпилептические припадки (чего раньше с ней не случалось), и испуганный жених немедленно уехал домой. Через несколько лет М. и ее мать приняли.

К старцу часто приезжала его духовная дочь Е. Она была научным работником — химиком, а ее муж — горным инженером. Муж был некрещен, и она очень скорбела об этом и даже хотела разойтись с ним, но старец велел ей терпеть и молиться, уверяя, что ее муж будет христианином.

Уже после смерти старца она поехала в Псково-Печерскую обитель и уговорила мужа проводить ее туда. В Печерском монастыре есть Богозданные пещеры, где погребают усопших монахов. Е. предложила мужу посмотреть на гробы, которые здесь по обычаю не закапывают, а ставят один на другой в пещерах. Когда муж Е. увидел своды пещер, он, как горный инженер, был поражен тем, что сыпучий песчаник веками не осыпается, держится как камень и обвалов не происходит. На него такое явное чудо произвело необыкновенное впечатление. Он понял, что песок держится только силой Божией, и пожелал немедленно креститься, а потом повенчался с женой, и по-детски был предан Богу и духовным отцам.

Одна женщина приехала к старцу со своей скорбью: в молодости ее выдали замуж в старообрядческую семью, детей ее крестили старообрядческие священники, и она считала, что это крещение недействительно. Она хотела узнать у старца, как ей теперь перекрестить своих взрослых детей. Со слезами подошла к двери келии преподобного (в Почаеве), а он выходит ей навстречу, благословляет и, не дав вымолвить ни слова, говорит: «Не плачь! Крещеные твои дети, крещеные!»

Раба Божия В., жительница Одессы, рассказывала, что однажды к ней приехала на время внучка ее сестры, девочка лет пятнадцати. Вдруг через два дня В. получает телеграмму от своей сестры (бабушки той девочки), чтобы девочка немедленно возвращалась домой. Удивленная и встревоженная В. с телеграммой поспешила к преподобному узнать причину вызова девочки. На ее вопрос старец смиренно сказал: «Я не прозорливый». Но В. продолжала просить об ответе. Тогда старец стал рассказывать В., что родители девочки (племянник В. с супругой) поехали ловить рыбу и, как выразился старец, «к рыбам попали», то есть погибли в воде, и добавил, что племянницу обнаружат в воде через пять дней, а племянника через девять, причем назвал их по именам, никогда их не зная. Впоследствии все подтвердилось так, как об этом рассказывал старец.

Как-то старец стоял, окруженный народом. К ним приближался молодой человек, у которого была супруга и двое детей. Вдруг батюшка позвал его: «Иеромонах!» Тот, протиснувшись через людей, сказал, что женат и у него двое детей, но батюшка снова назвал его иеромонахом и просил благословения. Впоследствии, когда супруга упокоилась и дети определились в жизни, этот человек стал иеромонахом.

Одна благочестивая девица просила батюшку благословить ее на монашество, но старец благословил ее на замужество. Велел ей ехать домой, сказав, что там ее ждет семинарист, и Господь благословил ее многочадием — было у нее семеро детей.

Батюшка как-то сказал архимандриту Михаилу, настоятелю Иоанно-Богословского монастыря: «Возьмем сумочки и поедем в Почаев умирать». После расформирования монастыря отец Михаил был назначен на приход. Вскоре он собрался съездить в Почаевскую лавру, взял сумку и приехал в Почаев. Вечером ему стало плохо, его постригли в схиму, назвали Митрофаном, и он скончался.

Духовная дочь старца Т, однажды придя к нему, застала его расстроенным и скорбным. Т. спросила причину такого его настроения. Старец печально ответил: «Брат умер, умер брат…» — и стал собираться в храм. После литургии, встретив Т., старец сказал: «Сейчас в алтаре мне подали телеграмму — умер мой брат» (Иоанн). Асам еще до получения телеграммы знал об этом. Он духовными очами прозрел кончину своего родного брата и печалился о нем.

Схимонахиня А. вспоминает:

«В 1961 году я хотела поступить в женский монастырь, но в то время войти в число насельниц обители было очень тяжело, препятствовали власти. Я устроилась на работу в трапезную Одесской Духовной семинарии. Жила на квартире. Очень хотела быть духовным чадом отца Кукши. Узнала, где живет батюшка. Подошла к двери келии и стала стучать. Долго дверь не открывалась, я уже думала, что не примет меня старец. Но потом, открыв дверь, я увидела батюшку, стоявшего перед иконами. Старец, ранее не знавший меня, сказал: „Иди, мое чадо духовное, иди“. Он принял меня в свои духовные чада, дал советы, наставления, благословил в праздничные дни причащаться.

Однажды в праздник святого апостола Иоанна Богослова, отстояв раннюю литургию, я не причастилась святых Тайн, так как не готовилась. После службы увидела батюшку, благословляющего народ. Я тоже подхожу под благословение, но он не благословил и сурово сказал: «Ты что сегодня не причащалась? Что, за ручку надо водить?» Этим он обличил меня за непослушание и показал свою прозорливость, ведь он не видел, кто подходил к святой чаше. Я попросила прощения, и старец благословил прочитать правило ко причащению и причаститься за поздней литургией».

«Я по какому-то делу зашла к нему, — продолжает матушка А., — а он говорит, что напротив Никольского храма сидит человек полный, в шляпе, такой голодный, голодный, и чтобы я ему передала пищи.

Я вышла с едой, и действительно, напротив Никольской церкви сидит тучный мужчина в шляпе. Я подошла и сказала, что батюшка Кукша передал ему еду. Он удивился этому, заплакал и сказал, что он действительно три дня уже ничего не ел и так обессилел, что не может подняться со скамейки. Оказывается, у этого человека на вокзале украли вещи и деньги. Стыдно

было ему просить, и он находился в сильном унынии. Долго удивлялся он прозорливости старца.

Помню, старец говорит мне: «Спаси Господи, что ты меня развязала». Я долго не могла понять этих слов. И только намного позже поняла их смысл. Когда батюшку положили во гроб, я завязала ему голову бинтом, чтобы уста были сомкнуты, но погребали настолько спешно, что только перед выходом из храма я вспомнила, что нужно снять повязку. Обратилась к наместнику монастыря, он благословил, и я развязала. Вот так сбылись слова преподобного.

Батюшка говорил: «Не будут пускать, а ты через забор — и у Кукши». И действительно, после похорон кладбище было закрыто, калитка была на замке. Я вспомнила предсказание и благословение старца и приходила к нему на могилку, перелезая через ограждение».

Монахиня М. рассказывала, что однажды, когда она была на братском кладбище мужского монастыря в Одессе, туда пришел старец Кукша и, подойдя к одному месту, сказал ей: «Вот здесь будут копать мне могилу, но лежать я здесь не буду, на этом месте зарыт гроб, а мне сделают рядом подкоп в земле (он указал место севернее того, где будет выкопана могила) и там поставят мой гроб». Так и случилось. Когда умер старец, на предсказанном месте выкопали могилу, но на дне ее оказался чей-то гроб, захороненный ранее. Чтобы не копать другую могилу, решили сделать подкоп с северной стороны могилы и туда поставили гроб старца.

Преподобный Кукша имел дар молитвы, хотя по смирению скрывал это от окружающих.

В монастыре был послушник. Он нес послушание дворника, заметал территорию монастыря. Когда его утомило это занятие, он попросил отца Кукшу: «Батюшка, помолитесь, чтобы дождь пошел и смыл землю».

«Хорошо, помолюсь». Часа через два на безоблачном небе появились тучи, полил проливной дождь, смывая весь сор с земли, и послушник отдыхал в тот день…

Божий дар врачевания и исцеления душевных и телесных недугов действовал в преподобном как при жизни его, так и после его кончины. Многих он исцелял своей молитвой. Раба Божия А. заболела раком: на лбу появилась, все увеличиваясь, злокачественная синяя опухоль. Женщину направили на операцию, и она, уже в отчаянии, приехала к старцу. Отец Кукша не велел ей делать операцию, поисповедал, причастил, дал ей металлический крестик, который велел все время прижимать к опухоли, что она и делала. Побыв у батюшки дня четыре и ежедневно причащаясь, она поехала домой. Крестик она прижимала ко лбу всю дорогу и вскоре обнаружила, что половина опухоли исчезла, на ее месте осталась белая

пустая кожа. Дома, недели через две, пропала и вторая половина опухоли, лоб побелел, очистился, не осталось и следов от рака.

Одну из своих духовных чад преподобный исцелил от душевной болезни, мучившей ее в течение месяца, — заочно, прочитав ее письмо с просьбой помолиться о ней. После получения старцем ее письма она стала совершенно здорова.

Все случаи исцелений старцем больных и недужных невозможно описать и перечислить, так как он совершал их почти ежедневно в течение десятилетий.

«Осенью 1993 года, — вспоминает одна его духовная дочь, — я пошла к могилке отца Кукши и увидела там много людей, которые приехали из Молдавии. Они рассказали, что одна женщина была тяжело больна желудком. Взяв землю с могилки старца, она приложила ее к животу и заснула. Проснувшись, она почувствовала себя исцеленной». Так же исцелилась раковая больная, жительница Одессы семидесятидвухлетняя М.

Есть многочисленные свидетельства того, как после натирания землей с могилки преподобного больных мест на теле с нарывами, ранами, опухолями, или при помазывании елеем из лампады на его могилке, раны исцелялись и очищались.

Преподобный Серафим Вырицкий (1866–1949)

Монашество преподобный Серафим (в миру Василий Николаевич Муравьев) принял в 1920 году одновременно со своей женой, поступившей в Воскресенский Новодевичий монастырь в Петрограде.

До принятия монашества Василий Николаевич был преуспевающим купцом, торговал пушниной с Англией, Францией, Данией, Германией, Австрией. Его духовным отцом и наставником был знаменитый старец Гефсиманского скита преподобный Варнава.

Отцу Серафиму пришлось пройти множество послушаний, и наконец он был назначен духовником Александре-Невской лавры. Перед этим он принял великую схиму.

В Александро-Невскую лавру, за наставлением и советом к старцу, потянулись люди. Часто в келью, где он принимал, тянулась длинная очередь. С отцом Серафимом советовались будущие новомученики святитель Серафим (Чичагов), епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев) и епископ Колпинский Серафим (Протопопов), епископ Петергофский Николай (Ярушевич), впоследствии митрополит Крутицкий и Коломенский. Архиепископу Хутынскому Алексию (Симанскому) старец предсказал будущее патриаршество.

«Бог сподобил меня быть келейницей у отца Серафима в то время, когда он был духовником Александро-Невской лавры, — вспоминает монахиня Вероника (Котляревская). — Много светлого и много тяжелого переживала я в эти годы. Надо было уметь поговорить со всеми приходящими и очень внимательно следить, чтобы благословение батюшки было передано в точности. В его келию стучались непривычные гости: профессора, люди искусства и литературы. Интеллигенция, так долго стоявшая вдали от Православия, теперь упорно стремилась к Церкви. Пришел раз к ранней обедне старик — профессор, известный специалист. Красивое, умное лицо, седые волосы и борода. Смиренно опустился он на колени перед иконой Спасителя и простоял так всю обедню, низко опустив голову. Только изредка, чтобы никто не видел, смахивал потихоньку набегавшие слезы.

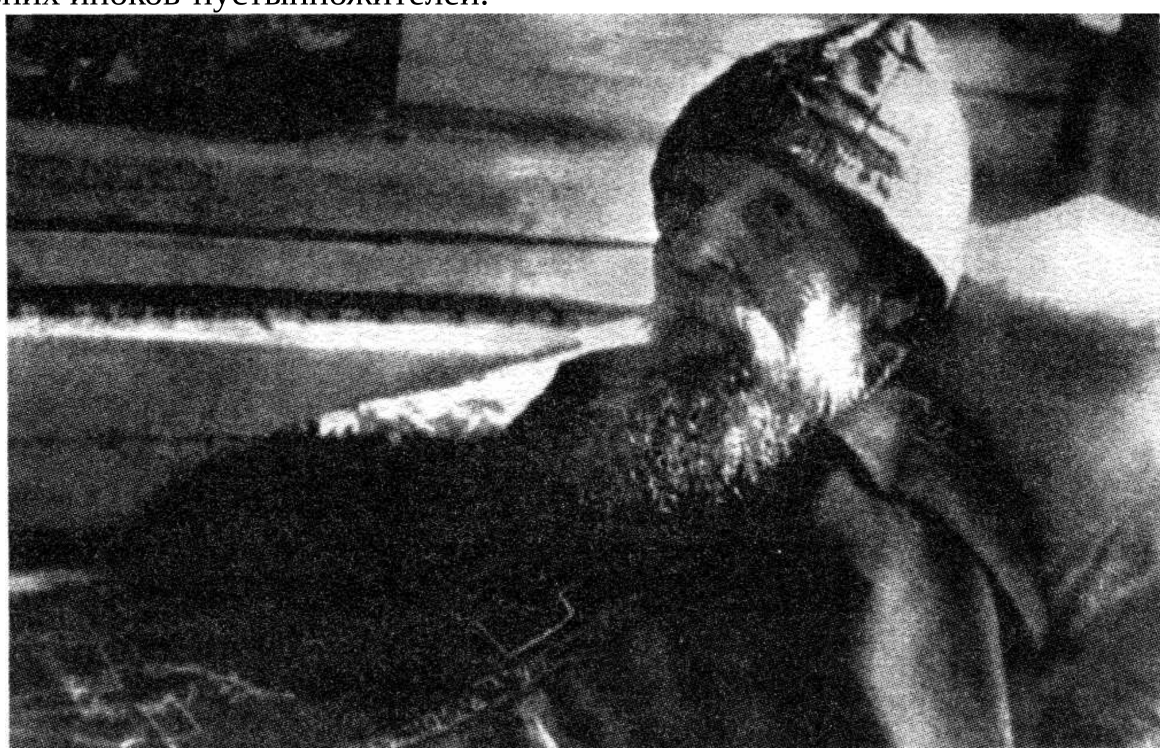
Отец Серафим принимал несчетное количество посетителей. Иногда он буквально падал с ног от усталости. Мне было жаль его, и я пыталась уговорить приходивших в поздний час к дверям его келии перенести

встречу на другой день, но батюшка уже звал их к себе. Чаще всего он ничего не спрашивал, а прямо передавал, как надо поступать и что делать, словно наперед знал, о чем с ним будут говорить. Сколько человеческого горя и страдания проходило перед нами! Были здесь и бесноватые, и больные, жаждавшие исцелений, и другие, со сложными запросами внутренней духовной жизни — интеллигентные и простые, нищие и богатые, старики и юноши. Людской поток неудержимо проносился перед смиренным иеросхимонахом, который раскрывал свое чуткое сердце чужим скорбям и радостям, словно собственным. Худенький, среднего роста, с небольшой седой бородой и ясными голубыми глазами, он был очень живописен в полной схиме, точно сошел со старинной новгородской иконы. „Ведь что такое мое послушание? — говорил он. — Я, словно хранилище, куда люди все свое горе складывают…“

Старенький и болезненный, спал он на узком, коротком деревянном сундуке, прикрытом потертым ковром.

Перед принятием схимы он видел во сне преподобного Серафима, имя которого должен был носить. Как наяву он постучался тогда в окошечко лесной келии преподобного. Тот открыл, и они долго беседовали.

После пострига в схиму по благословению епископа Григория отец Серафим нес тяжелые подвиги, которые можно сравнить только с подвигами древних иноков-пустынножителей.

Тихий и ласковый, он тем не менее никогда не отступал от раз сказанного, поста нарушать никому не разрешал. Порой кротко, но твердо

призывал своих чад духовных на трудные подвиги. Послушания требовал полного…

„Не я благословляю, а Господь. Страшно ослушаться Его воли. Не дай вам Бог!“

Рассказать обо всех происходивших по молитвам батюшки чудесах и исцелениях нет возможности. Для примера передам такой случай. Среди духовных чад отца Серафима были один инженер с женой. Детей у них не было. Молодая женщина попросила у батюшки благословения взять из приюта приемного сына. Он благословил. Мальчик оказался очень милым, с хорошим характером. Когда ему исполнилось три года, он тяжело заболел. Доктора и лекарства не помогали. Ребенок был при смерти. Пригласили одного известного специалиста по детским болезням. Тот осмотрел ребенка и объявил родителям, что мальчик ночью умрет. Обещал заехать утром, чтобы написать свидетельство о смерти. Уходя, доктор указал рукой на иконы: „Наша наука здесь бессильна. Разве только святые его спасут…“ Маленький страдалец метался в бреду. Черты личика обострились, губы посинели, изо рта сочилась пена, ноги тоже были синие. Он хрипло дышал.

Мать не выдержала и побежала в лавру к батюшке. Отец Серафим посоветовал ей, вернувшись домой, помолиться Божией Матери, Николаю Угоднику и преподобному Серафиму. Опустилась она на колени подле кроватки, спрятала голову в одеяльце и стала молиться. Ночью незаметно для себя задремала. Когда забрезжило утро, она боялась поднять глаза, думая, что ребенок уже скончался. Вошел муж. Они откинули одеяло: мальчик мирно спал, и на его щечках проступил чуть заметный румянец. Дышал он ровно и спокойно. В радостном испуге, не веря себе, родители позвали жившего по соседству врача. Он посмотрел на спящего ребенка и рассердился: „Зачем вы меня беспокоили, вызывая к здоровому мальчику?“ Явился и вчерашний доктор: „Где усопший?“ — тихо спросил он. Ему показали на мальчика, который завтракал, сидя в постели. „Ничего не понимаю! — пожал плечами знаменитый врач, — тут, действительно, произошло чудо“. Не раз потом видела я эту чету и ребенка, которому тогда было уже шесть-семь лет.

Иногда в моей жизни случались сильные искушения: то размолвка с руководящей старицей, то недоразумения с неверующими родными. Мучительно бывало, тяжело и одиноко. Иду к батюшке, прошу благословения навестить знакомых, чтобы отвлечься. „Это зачем? Помощи от людей ждете? Только один Бог силен помочь. Если хотите, поезжайте к блаженной Ксении или к окошечку батюшки отца Иоанна. А к людям за утешением идти нечего“.

Исключительное влияние оказывал лаврский схимник на молодежь. Целые общины юношей и девушек, сбитых с толку различными еретическими учениями, но искренне стремившихся к познанию истины, после его проповедей переходили в Православие. Несомненно, что все обращавшиеся к отцу Серафиму обретали через него всеблагую волю Божию. О самом же старце промысл Божий позаботился особым образом: незадолго до начавшихся в начале 30-х годов массовых арестов священнослужителей, отец Серафим тяжело заболел. Врачи объявили, что его может спасти только пребывание в деревне.

Батюшка категорически воспротивился переезду. Но правящий архиерей решил не так. Он вызвал из Новодевичьего монастыря бывшую жену батюшки, монахиню, и благословил ее увезти больного старца в деревню.

Все обстоятельства благоприятствовали — и помещение нашлось, и автомобиль достали. Старец не посмел ослушаться воли владыки и уехал в деревню. Аресты, разразившиеся вскоре, его не коснулись. Не коснулись батюшки и все последовавшие за этим гонения за веру — Господь хранил жизнь этого старца для прославления Своего имени».

Переезд в Вырицу, дачный поселок под Петербургом, состоялся летом 1930 года.

Годы пребывания старца Серафима в Вырице — это годы непрекращающейся болезни, старец не мог даже вставать с постели. Но это и время удивительных подвигов, повторяющих подвиги древних подвижников. Жизнь старца проходила в посте и молитве. О подвигах старца близкие и родные говорили, что «обыкновенному человеку смотреть без слез на все это было просто невозможно». Старец не принимал никакой пищи в понедельник, среду и пятницу, в другие же дни мог вкусить часть просфоры и запить святой водой, или же съесть картофелину, тертую морковь. И в это же время он принимал десятки и сотни людей, приезжавших в Вырицу за духовной поддержкой, советом. Ночи же старец, как замечали родные, проводил в молитве, вычитывая бесконечное число записок о здравии и упокоении, которые ему приносили духовные чада. Среди тех, кто в эти годы приезжал к старцу в Вырицу, академики Иван Петрович Павлов, Сергей Павлович Глазенап, Владимир Александрович Фок, Леон Агарович Орбели. В эти страшные годы, когда все меньше находилось священников на воле, все приходящие к старцу получали утешение.

Неоднократно старца приходили арестовывать, но и чекисты были обезоружены и внешним видом, и духовной силой старца Серафима. «Если бы таких старцев было бы больше, то мы все были бы верующими», —

произнес однажды начальник команды, которая в очередной раз пришла арестовывать старца Серафима. Но богоборческая власть не отступала от старца Серафима — в январе 1941 года был арестован (уже в четвертый раз) его сын Николай и вскоре был расстрелян.

В годы Великой Отечественной войны батюшка, в подражание подвигу преподобного Серафима Саровского, на огромном камне, лежащем в саду, молился пред иконой преподобного о спасении России. Больному, измученному болезнями старцу, который не мог практически ходить (к камню его подводили) шел тогда семьдесят шестой год… Он молился на камне каждый день — в жару, дождь, мороз, — молился, сколько позволяли силы — час, два, или же несколько часов, — но это стояние продолжалось все военные годы.

После окончания снятия блокады и окончания войны к старцу в Вырицу снова начинает съезжаться множество людей. Особенно многие спрашивали о судьбе родных, о том, как молиться о близких. Прозревая судьбу человека, старец говорил: «Молись, как за живого», или: «Молись об упокоении».

Одной женщине старец ответил: «Да откуда я знаю, на каком паровике он сейчас приедет, вот уже на какой-то садится в Ленинграде. Точно не знаю: на этом или на следующем». Как оказалось, ее сын в это время возвращался в Вырицу.

«В 1944 году после ранения на фронте меня демобилизовали, — вспоминала Антонина Л. — Я слышала от людей, что в Вырице есть священник отец Серафим, прозорливый. К нему идут за благословением, за советом. Был у меня один важный вопрос, поэтому я очень хотела попасть к старцу, но все не могла выкроить время. И вот однажды в воскресенье оказалась около Витебского вокзала и решила узнать расписание поездов на Вырицу. Оказалось, что поезд отходит через пятнадцать минут. Купила билет и поехала. В пути начались сомнения, как же мне ехать два часа в легком платье с короткими рукавами, вдруг пойдет дождь: легкомысленно все это!

Все же решила доехать. Сошла с поезда и неожиданно встретила старую подругу, с которой не виделась четырнадцать лет. Она обрадовалась встрече и сразу захотела повести меня в дом, где снимала дачу. Но я ответила: „Сначала мне нужно зайти еще в один дом, а потом к тебе приду“. Она пообещала приготовить обед и послать дочку встретить меня. Я тогда подумала: „Вот мне Господь посылает и кров и обед“. Когда подошла к дому отца Серафима, там было человек тридцать. Сначала батюшка принимал священников, потом подошла наша очередь. Старец был болен, и матушка Серафима просила писать ему записки с вопросами и просьбами; а она

отнесет их. Возвратившись, матушка передала: „Сегодня собрались очень хорошие люди, батюшка за всех будет молиться, поздравляет всех с праздником (воскресеньем)“ — и раздала всем ответы на записки. Дала всем по просфоре, а мне и еще одной женщине дала по две, сказав, что это для больных.

Женщина сразу запричитала: „Да откуда ж он узнал, ведь у меня четверо больных. Двое в квартире, один напротив живет, а один этажом ниже“. Я же подумала, что у меня больных нет, но просфоры и записку приняла и поблагодарила. Ответом тоже была недовольна. Я просила посоветовать, выходить ли замуж за человека, который сделал мне предложение, или нет. В записке было: „Тебе Господь Сам путь покажет". Ну, думаю, и ответ — он же ничего не говорит, где же я этот путь узнаю? Приезжаю домой, а там письмо на имя этого человека. Чужих писем я не читаю, а тут подумала: вдруг что-нибудь спешное, а он, может быть, приедет через неделю. Жил он по месту работы, а прописан был временно у меня, чтобы получать хлебные карточки, и письма шли на мой адрес. Открываю письмо, а там сообщают, что его жена родила сына. Вот так Господь Сам показал путь — выходить замуж за этого человека или нет. На другой день позвонила подруге, а она меня ругает: „Где ты пропала, не звонишь, моя мама лежит в больнице уже две недели и все тебя спрашивает“. Приехала в тот же день в больницу. Мать подруги говорит: „Давно тебя жду, мои-то коммунисты (дочь и сын) — их не допросишься. Пойди в церковь, подай записку и закажи молебен о здравии, у меня послезавтра операция, и не забудь принести просфору“. „А я уже принесла“. — „Откуда же ты узнала?“ — „А мне отец Серафим дал для больных“.

«После войны, — вспоминает Татьяна Н., — мой муж и одиннадцатилетний сын Володя оказались в Риге, а я — в Ленинграде. Случилось так, что неизлечимо заболел муж. Сын учился в четвертом классе в Риге. Я была в тоске и смятении, казалось, что положение безвыходное. Жить в Риге бессмысленно: все близкие в Ленинграде, это наш родной город и довоенное жилье сохранилось. Но муж все не решался вернуться в Ленинград. Тогда мне посоветовали отправиться к старцу Серафиму в Вырицу. Долго ожидала приема, а когда вошла в келью, очень растерялась: над кроватью батюшки висела икона преподобного Серафима Саровского, а на кровати как будто сам живой преподобный Серафим лежит. Батюшка понял мое состояние и с улыбкой спросил, назвав по имени (а я впервые у него, и он не знал меня): „Татьяна, какие у тебя скорби?“ А у меня уже нет никакой скорби, на сердце легко, светло и радостно. Я говорю, что муж в Риге, а я в Ленинграде. „Так приедет муж“, — говорит батюшка. Я продолжаю, что хочу взять и сына.

„Кончится учебный год — и сын приедет“. Мне все ясно, стою и молчу. Батюшка благословил, а у меня как будто крылья выросли, стала спокойно ждать, легко все делалось и на работе и дома. И все исполнилось в точности по словам старца. У сестры моей муж с первых дней войны ушел в ополчение и пропал без вести. Осталась одна с тремя детьми, две дочки и сын. После войны о муже никаких известий, а по закону раз нет похоронки — нет и пенсии на детей. Я предложила ей поехать к отцу Серафиму.

Когда подошла наша очередь, матушка Серафима сказала: „Там двое приехали, пусть заходят обе“. Я говорю: „Я недавно была у батюшки, мне больше на надо“. Матушка строго сказала: „Он и тебя зовет, и тебе надо!“ Вошли мы в келью, я встала у окна, а сестра начала говорить что-то несуразное, что, мол, она хочет жить в Вырице. Отец Серафим улыбнулся и сказал: „Да, в Вырице вам бы хорошо было“. Я поняла, что это он говорит мне, так как у меня была такая возможность и вера в его помощь. Вскоре сестра получила пенсию на детей за все время, как муж ушел на фронт, а я переехала в Вырицу».

«Мне было семнадцать лет, когда наша семья вернулась в Вырицу из оккупации, — вспоминала Лидия Д. — Позади концлагерь, скитания. В школе учеба не ладится, время-то упущено. По совету соседки пришла к отцу Серафиму. Лежит батюшка весь восковой, чистенький, беленький, светится теплом, как свечечка, — словами не передать. „Батюшка, мы приехали из Франции“. — „Знаю, знаю“. — „Благословите экзамен сдать“. — „Сдашь, только молись“. И сдала, и молюсь ему всю жизнь».

«Сразу после войны муж ушел к другой. Бедность несусветная, ребенка кормить нечем — дочке только исполнился годик. Изо дня в день варю пустую похлебку из щавеля, а он зарплату уносит в чужой дом. У батюшки в келье залилась горючими слезами. Подает мне конфетки: „Даю тебе две подушечки для дочки“. И, помолчав: „Мужа от миски не отгоняй. Не ругайся, а молись Богу“. И уж совсем неожиданное: „Вы хоромы построите“ (а мы жили чуть не в сараюшке). Верная его наставлению, стала молиться и за мужа, и за разлучившую нас женщину. И наша семья воссоединилась, а потом мы выстроили дом (лесоматериалы и участок под застройку чудесным образом достались почти за бесценок), в этом доме молитвами отца Серафима живу и до сих пор…» — вспоминает Татьяна Р.

«До четырнадцати лет я была глупой атеисткой, хотя мама и воспитывала в вере, — пишет Нина Н. — Однажды недостойно обратилась к иконе, и мне наяву был показан ад. После этого — а мы уже вернулись из эвакуации домой — у меня началось самое настоящее беснование. С места, бывало, не сойду, пока не додумаю тяжелую мысль. При этом плевалась, трясла головой. Стала пропускать уроки, потом и вовсе бросила школу.

Лечили в Бехтеревке гипнозом, я делала вид, что сплю, но темные силы не давали покоя. Мама подвела скорбный итог: „Бог наказал за то, что отступила“…В келье отца Серафима я оказалась зимой 1948 года. „Что, припадки у тебя?“ Помолчали. Благословил, положил руку на голову. Помолился. Миг, как молния. Словно ничего не произошло. Но с этой минуты все у меня удивительно и непостижимо изменилось…»

«В усадьбе около дома, где жил отец Серафим, — вспоминал Алексей С., — было много людей, так что трудно было подойти к крылечку. Время от времени на крыльце появлялась матушка Серафима и спрашивала: „Вы к батюшке?" Когда отвечали: „Да", — она уходила и, снова выйдя из дома, говорила, примет батюшка или нет. Перед нами стояли несколько человек, которым матушка говорила: „Отец Серафим вас принять не может, вы пришли не с чистым сердцем“.

Дошла очередь до нашей семьи. Матушка и нас спросила: „Вы хотите к батюшке на благословение?" Мы сказали: „Да", — и она ушла. Через несколько минут она вышла, сказав, что отец Серафим примет нас. Батюшка полулежал в своей келье на втором этаже, на главе его была синяя треугольная шапка, рядом стояла скамейка. Он нас очень хорошо встретил, предложил сесть на скамейку, благословил нашу дочку, дал ей конфет, погладил по головке. Потом обратился к нам: „С чем пришли?“ Я все рассказал о себе, что хочу устроиться на работу, но много препятствий. Он внимательно выслушал меня, спрашивал, куда я ходил, в какие организации. Я удивился его светлому разуму, он прекрасно знал весь город, все его предприятия и организации, поразило меня и его ясновидение.

Он благословил меня обратиться в одну организацию и потом, как бы между прочим, сказал: „Какие вы счастливые, хлеб скоро будет стоить три копейки“. Так, по благословению отца Серафима, я проработал в указанной им организации тридцать шесть лет. Когда мы уходили от батюшки, он нас благословил и сказал: „Когда умру, приходите ко мне на могилу и я вам буду помогать“. В течение всей прожитой жизни, когда бывали трудности и на работе, и в семье, всегда я бывал и бываю на могиле батюшки Серафима, и каждый раз ощущал его помощь. Когда собираюсь поехать к отцу Серафиму, у меня всегда появляется „зеленая волна“, даже если занят на работе».

Когда в 1948 году настоятель Вырицкого Казанского храма протоиерей Алексий Кибардин передал патриарху Алексию I образ Спасителя (этот образ был родовым в семье Муравьевых), патриарх просил передать старцу Серафиму, что просит его молитв. Отец Алексий Кибардин далее вспоминает: «Кончился прием, слышу в публике голос: „Да ведь за патриарха вся Церковь молится, а он просит молитв схимонаха…“ „Ну, это не простой схимонах, а старец“, — произнес неизвестный…»

До последних часов жизни окормлял старец своих духовных чад.

Перед кончиной старцу в окне его кельи явилась Божия Матерь. Старец, предчувствуя это, велел зажечь все лампады.

Скончался отец Серафим ночью 3 апреля 1949 года.

Духовные наставления

◊ Молитва ограждает и отражает страшные внушения темной силы.

И особенно сильна молитва близких. Молитва матери, молитва друга — она имеет великую силу.

◊ Всемогущий Господь управляет миром, и все, совершающееся в нем, совершается или по милости Божией, или по попущению Божию. Судьбы же Божии непостижимы для человека. Три святых отрока в пещи Вавилонской исповедовали Бога и воистину верили, что все духовные и гражданские бедствия, попущенные на них и на израильский народ, попущены по праведному суду Божию. Только такое воззрение на сущность всего происходящего привлекает в душу мир, не попускает увлечься разгорячением, направляет зрение ума к вечности и доставляет терпение в скорбях. Да и сами скорби представляются тогда кратковременными, ничтожными и мелочными.

◊ Не сетуй на тяжесть креста, в день скорби поведай печаль твою Господу, и Он утешит тебя.

◊ Никогда не надо просить у Господа ничего земного. Ему лучше нашего ведомо то, что нам полезно. Молитесь всегда так: «Предаю, Господи, себя, детей своих и всех родных и ближних в Твою святую волю».

◊ Ныне пришло время покаяния и исповедничества. Самим Господом определено русскому народу наказание за грехи, и пока Сам Господь не помилует Россию, бессмысленно идти против Его святой воли. Мрачная ночь надолго покроет землю Русскую, много нас ждет впереди страданий и горестей. Поэтому Господь и научает нас: «терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21, 19). Нам же остается только уповать на Бога и умолять Его о прощении. Будем вспоминать, что «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 16) и надеяться на Его неизреченное милосердие…

◊ Болящим старец советовал принимать по столовой ложке освященной воды через каждый час. Говорил, что сильней лекарства, чем вода и освященное масло, нет.

◊ «Как часто мы болеем, — говорил старец, — из-за того, что не молимся за трапезой, не призываем Божие благословение на пищу. Раньше все делали с молитвой на устах: пахали — молились, сеяли — молились, собирали урожай — молились. Сейчас мы не ведаем, какие люди готовили то, что мы вкушаем. Ведь часто еда приготовлена с хульными словами, руганью, проклятиями. Поэтому обязательно нужно окроплять трапезу

Иорданской (крещенской) водой — она все освящает, и можно не смущаясь вкушать то, что приготовлено.

Все, что мы вкушаем, — это жертва любви Божией к нам, людям; через пищу вся природа и ангельский мир служат человеку. Поэтому перед трапезой нужно особенно усердно помолиться. Прежде всего мы призываем благословение Отца небесного, читая молитву „Отче наш“. А там, где Господь, там и Божия Матерь, там и ангелы, поэтому поем: „Богородице Дево, радуйся…“ и тропарь ангельским силам: „Небесных воинств архистратизи…“ Недаром мы говорим: „Ангела за трапезой“ — и воистину ангелы с нами за трапезой, когда мы с молитвой и благодарением вкушаем пищу. А там, где ангелы, там и все святые. Поэтому мы поем тропарь святителю Николаю, призывая вместе с ним благословение всех святых на нашу трапезу».

◊ Господь силен восставить делателей, если мы будем просить. Давайте же молиться и просить — и тогда из камней восставит Господь избранников Своих.

◊ Хотя бы раз в жизни нужно поставить свечу за тех, кого мы обидели, обсчитали, у кого украли, не вернули долга.

◊ Старец говорил, что настанет время, когда за каждого верующего будут по сорок человек цепляться, чтобы он вытащил их.

◊ Господь тысячу лет будет ждать, чтобы хоть один человек спасся и восполнил число падших ангелов.

◊ Старец говорил, что душу нам дал Господь, но тело наше — от родителей и прародителей наших, поэтому часть их греховных страстей переходит к нам. Вот мы и должны молиться о наших родителях и прародителях. Они ждут нашей молитвы и так радуются, когда мы молимся о них; а те, кто уже находятся в Царстве небесном, помогают нам.

◊ В самые тяжелые времена удобно будет спасаться тот, кто в меру сил своих станет подвизаться в молитве Иисусовой, восходя от частого призывания имени Божия к молитве непрестанной.

◊ Мы имеем право судить только самого себя. Даже рассуждая о каком-либо человеке, мы невольно осуждаем его.

◊ Своим духовным чадам старец советовал как можно чаще читать молитву святого Ефрема Сирина «Господи и Владыка живота моего…». «В этой молитве, — говорил старец, — вся суть православия, все Евангелие. Ею мы спрашиваем у Господа помощи на приобретение свойств нового человека».

От Меня это было…

(Это стихотворение старец Серафим написал для своих духовных чад)

Думала ли ты когда-либо, что все, касающееся тебя, касается и Меня? Ибо касающееся тебя касается зеницы ока Моего.

Ты дорога в очах Моих, многоценна, и Я возлюбил Тебя, и поэтому для Меня составляет особую отраду воспитывать тебя, когда искушения на тебя и враг придет, как река,

Я хочу, чтобы ты знала, что От Меня это было.

Что твоя немощь нуждается в Моей силе и что безопасность твоя заключается в том, чтобы дать Мне возможность защитить тебя.

Находишься ли ты в трудных обстоятельствах, среди людей, которые тебя не понимают, не считаются с тем, что тебе приятно, которые отстраняют тебя, —

От Меня это было.

Я — Бог твой, располагающий обстоятельствами, и не случайно ты оказался на своем месте, это то самое место, которое Я тебе назначил.

Не просила ли ты, чтобы Я научил тебя смирению?

И вот Я поставил тебя в ту именно среду, в ту школу, где этот урок изучается.

Твоя среда и живущие с тобою только выполняют Мою волю. Находишься ли ты в денежном затруднении,

Трудно тебе сводить концы с концами, знай, что От Меня это было.

Ибо Я располагаю твоими средствами и хочу, чтобы ты прибегала ко Мне и знала бы, что ты в зависимости от Меня. Мои запасы неистощимы. Я хочу, чтобы ты убеждалась в в верности Моей и Моих обетований.

Да не будет того, чтобы тебе могли сказать в нужде твоей: «Ты не верь Господу Богу Твоему». Переживала ли ты ночь в скорби?

Ты разлучена с близкими и дорогими сердцу твоему, —

От Меня это послано тебе.

Я — муж скорбей, изведавший болезни,

Я допустил это, чтобы ты обратилась ко Мне и во Мне могла найти утешение вечное.

Обманулась ли ты в друге своем, в ком-нибудь, кому ты открывала сердце свое, —

От Меня это было.

Я допустил этому разочарованию коснуться тебя, чтобы познала ты, что лучший твой друг есть Господь.

Я хочу, чтобы ты все приносила ко Мне и говорила Мне. Наклеветал ли кто на тебя, предоставь это Мне, и прильни ближе ко Мне, убежищу твоему, душею твоею, чтобы укрыться от пререканий языков,

Я выведу как свет правду твою и судьбу твою, яко полудне.

Разрушились планы твои, поникла ты душею и устала — От Меня это было.

Ты создавала себе план, имела свои намерения, ты и принесла их Мне, чтобы Я благословил их.

Но Я хочу, чтобы ты предоставила Мне распоряжаться и руководить обстоятельствами жизни твоей, так как ты — только орудие, а не действующее лицо.

Постигли ли тебя нежданные неудачи житейские, и уныние охватило сердце твое, знай —

От Меня это было.

Ибо я хочу, чтобы сердце твое и душа твоя были всегда пламенеющими пред очами Моими,

и побеждали бы именем Моим всякое малодушие.

Не получаешь ты долго известий от близких, дорогих тебе людей, по малодушию твоему и маловерию впадаешь в ропот и отчаяние, знай —

От Меня это было.

Ибо этим томлением духа твоего испытую Я крепость веры твоей в непреложность обетований и силу дерзновения твоей молитвы о сих близких твоих, ибо не ты ли возлагала заботу о них на Мою промыслительную любовь?

Не ты ли и ныне вручаешь их покрову пречистыя Матери Моея?

Постигла ли тебя тяжкая болезнь, временная или неисцелимая, и ты оказалась прикованной к одру твоему —

От Меня это было.

Ибо Я хочу, чтобы познала ты еще глубже Меня в немощах твоих телесных и не роптала бы за сие ниспосылаемое тебе испытание, и чтобы ты не старалась проникнуть в Мои планы спасения душ человеческих различными путями, а безропотно и покорно преклонила бы главу твою под благость Мою о тебе.

Мечтала ли ты сотворить какое-либо особенное дело для Меня

и вместо этого сама слегла на одр болезни и немощи — От Меня это было.

Ибо тогда ты была бы погружена в дела свои, и Я не мог бы привлечь мысли твои к Себе, а Я хочу научить тебя самым глубоким мыслям и урокам моим. Чтобы ты была на службе у Меня.

Я хочу научить тебя сознавать, что ты — ничто без Меня. Некоторые из лучших сынов Моих суть те, которые отрезаны от живой деятельности, чтобы им научиться

владеть оружием непрестанной молитвы.

Призвана ли ты неожиданно занять трудное и ответственное положение, полагаясь на Меня —

Я вверяю тебе эти трудности.

И за это благословит тебя Господь Бог твой во всех делах твоих, и на всех путях твоих, во всем

Руководителем и Наставником твоим будет Господь твой.

В сей день в руки твои, дитя Мое, дал Я этот сосуд освященного елея, пользуйся им свободно.

Помни всегда, что каждое возникающее затруднение, каждое оскорбляющее тебя слово, каждая напраслина и осуждение, каждая помеха в твоей работе,

которая могла бы вызвать чувство досады, разочарования, каждое откровение немощи и неспособности твоей будет помазано этим елеем —

От Меня это было.

Помни, что всякая помеха есть Божие наставление, ж потому положи в сердце свое слово, которое Я объявил тебе в сей день —

От Меня это было.

Храни их, знай и помни — всегда, где бы ты ни была, что всякое жало притупится, когда ты научишься во всем видеть Меня.

Все это послано Мною для совершенствования души твоей, — Все от Меня это было.

Преподобный Севастиан Карагандинский (1884–1966)

В юные годы Стефан (так звали преподобного Севастиана в миру) был келейником преподобного Иосифа Оптинского.

9 мая 1911 года отец Иосиф скончался, и в его келью перешел преподобный Нектарий. Стефан остался при нем келейником и стал его духовным сыном. В 1917 году в Оптиной пустыни Стефан принял пострижение в монашество с именем Севастиан. В 1923 году, за два месяца до закрытия монастыря, принял рукоположение в иеродиакона.

В келье со старцем Нектарием отец Севастиан прожил до закрытия монастыря, до весны 1923 года, двенадцать лет. А затем еще пять лет — до 28 апреля 1928 года — они продолжали жить вместе вне монастыря, в селе Холмищи, в пятидесяти верстах от Козельска. Здесь в 1927 году преподобный Севастиан был рукоположен в иеромонаха.

Со старцем Иосифом отец Севастиан прожил пять лет, а со старцем Нектарием — семнадцать лет. Преподобный Нектарий благословил Севастиана после своей смерти уезжать служить на приход. Под руководством двух старцев преподобный Севастиан воспитал в себе кротость, рассудительность, высокий молитвенный настрой, милосердие, сострадание и другие духовные качества.

Неутешно плакал отец Севастиан на похоронах и потом на могиле старца. После похорон он уехал сначала в Козельск, затем в Калугу, а потом в Тамбов. Там он получил назначение на приход в город Козлов, ныне Мичуринск, в Ильинскую церковь, где настоятелем был протоиерей Владимир Нечаев, отец будущего митрополита Волоколамского Питирима. Прослужил преподобный Севастиан в городе Козлове пять лет, с 1928-го по 1933 год, и пользовался там большой популярностью и любовью.

В 1933 году отец Севастиан был репрессирован, осужден на десять лет и отправлен в Карагандинские лагеря, в Казахстан[11]. Близкие к нему и преданные ему монахини — матушки Аграфена, Феврония, Екатерина и Варвара — поехали за ним.

Они устроились на работу в ближайшем селе от того лагерного отделения, где отбывал срок батюшка. Они опекали батюшку все десять лет его заключения. Часто посещали его, носили ему еду, стирали ему белье, покупали ему все, что было нужно. Потом скопили денег и купили в Караганде домик в Михайловке (район города) на Нижней улице. Туда и

привезли в начале 1944 года матушки отца Севастиана. Он ходил по дому, все по-хозяйски осматривал и говорил, что нужно переоборудовать — матушки рассчитывали, что после войны вернутся в Россию, но отец Севастиан сказал, что придется обустраиваться здесь, в Казахстане. С четырьмя монахинями он каждый день служил в этом доме у себя в келье литургию и вечерню.

Когда батюшка обосновался на Михайловке, к нему стали съезжаться монашествующие со всей страны, и не только монашествующие, но и ищущие духовного руководства миряне. Ехали и из Европейской части, и с Украины, и из Сибири, и с дальних окраин Севера и Средней Азии. Он всех принимал с любовью и помогал устроиться с жильем.

Батюшка помогал всем приезжающим к нему и желающим остаться. Он давал деньги на покупку домика тем, у кого не было, или добавлял тем, кому не хватало. Деньги ему со временем возвращали, он отдавал их другим и так далее. Скоро на Михайловке батюшкиных стало очень много, и они все прибавлялись.

Среди тех, кто приехал к батюшке, была и монахиня Агния — духовная дочь преподобного Варсонофия Оптинского. Она хорошо знала отца Севастиана: видела его каждый год до закрытия Оптиной пустыни. Матушка Агния была иконописцем. Она говорила, что отец Севастиан в молодости был очень красивым, с каким-то особенно светлым лицом, был приветливым, ласковым с посетителями и старался для всех все сделать. Старец Варсонофий называл его благодатным. Старец Иосиф очень любил его и говорил о нем: «Он нежной души».

Скоро жители Михайловки узнали о нем и стали приглашать его к себе, в свои дома на требы, так как у себя дома он не мог принимать. После дневной трапезы брал батюшка оставленные ему адреса и уходил на требы до самого вечера. Разрешения на требы не было, но батюшка ходил безотказно. Народ в Караганде тогда верный был, «не продадут»; даже дети все знали и соблюдали закон «не скажи».

Так шли годы. Почти все тогда в Михайловке знали и любили батюшку, очень почитали его, верили в силу его молитвы.

Слышали о нем и в других районах люди и стремились его повидать. Да и не только люди, но и звери. Когда он, маленький, худенький, шел своей быстрой, легкой походкой по улицам Михайловки, в своем длинном черном пальто и черной шапочке, из всех подворотен выползали собаки, чтобы увидеть батюшку. Они торопились, боясь опоздать, пропустить его. Где щель в подворотне была узкая и они не могли пролезть в нее, то, почуяв батюшку, они подрывали лапой ямку, чтобы просунуть голову, распластавшись в тонкий блин. Там, где у домов были низкие ограды палисадников, собаки перелетали их, как птицы.

В 1952 году в Михайловке разрешили открыть молитвенный дом. В нем разрешалось выполнять только требы: крестить, венчать, отпевать покойников, собираться читать молитвы, исповедовать.

Одна верующая мордовка освободила и подарила преподобному Севастиану свой дом с большим двором. Еще одна верующая семья освободила неподалеку от дома мордовки свой большой дом для нужд батюшки, тоже с большим двором, а сами они переехали в меньший дом, который купили себе рядом.

В доме сняли перегородки между комнатами, матушка Агния стала писать большие иконы для иконостаса. Теперь могло обращаться к преподобному Севастиану за требами уже гораздо большее число людей. Особенно много было ежедневно крестин. Многие дети уже подросли, всех их вели крестить. Немало было и других треб, а преподобный Севастиан один, помогали ему только монахини. А главное — службы церковные не разрешались, и после утомительного дня, после молитв в своей келье каждую ночь в три часа шел преподобный Севастиан по темным улицам (фонарей было мало) не в молитвенный дом, а в другой — служить литургию.

По праздникам сначала служил всенощную с елеопомазанием, с часу ночи, а после нее сразу литургию. Окна все были плотно завешены, чтобы свет не пробивался. Внутри же дома — светло, тепло, многолюдно. Светлый любящий батюшка давал кому-нибудь булочку, яблочко или пачку печенья, хотел чем-то утешить, обласкать, помочь. Кончалась служба до рассвета, и шли люди по темным улицам домой, только не группами, а по одному, по два. Так было три года и все было благополучно.

Наконец разрешили открыть в Михайловке церковь. Молитвенный дом перестроили, на крыше поставили голубой купол.

В 1955 году наступил день освящения храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Священников преподобный Севастиан подбирал

сам. Сначала приглядывается к кому-нибудь из прихожан, потом позовет к себе и говорит: «А вам надо быть священником». Так было с Александром Павловичем Кривоносовым, ученым-агрономом, занимавшим хороший пост по агрономному хозяйству при облисполкоме. Сам же преподобный Севастиан благословил его за несколько времени до того взять на себя эту работу. Он испугался, не хотелось ему менять очень любимой профессии агронома (он окончил Московскую Тимирязевскую академию). Пришел он домой, долго думал, не спал и плакал. Но ослушаться не посмел. Пришел к отцу Севастиану и сказал: «Благословите, батюшка, я согласен». — «Ну, вот и хорошо, пока подучивайтесь, а потом поедете в Алма-Ату принимать посвящение».

Так было и с Серафимом Николаевичем Труфановым, экономистом по специальности, тоже одиноким, как и Александр Павлович. Он принял сан давно, по желанию своего отца, священника, но не служил, а работал экономистом. Они оба долго служили с отцом Севастианом.

Потом батюшка послал в Алма-Ату для рукоположения бывшего церковного старосту. Отец Павел стал третьим священником, а батюшка был назначен настоятелем храма и был четвертым. Диаконом тоже был ставленник батюшки — отец Николай Самарцев.

Прослужил отец Севастиан настоятелем храма одиннадцать лет, с 1955-го по 1966 год, до дня своей смерти. В 1957 году он был возведен в сан архимандрита, был награжден патриархом Алексием грамотой — «За усердное служение святой Церкви». А в конце 1965 года, ко дню именин, был награжден митрой и посохом. Перед смертью, за три дня, отец Севастиан был пострижен в схиму.

Церковные службы были для него не только долгом, но неотъемлемым условием его внутренней жизни. Он не пропускал ни одной службы, не допускал ни одного пропуска или сокращения, или ускорения. Преодолевая тяжелые болезни, он часто сам служил литургию и выполнял требы. Особенно любил он, по унаследованному монастырскому обычаю, заупокойные службы и ежедневно сам усердно служил панихиды, совершал отпевания до конца жизни. Говорил, что больше любит поминать и отпевать женщин потому, что на женщинах гораздо меньше грехов. Ему были видны все грехи усопшего.

«Золотая середина нужна во всем и умеренность. А в отношении служения Богу и своего спасения постоянство нужно, — говорил он, — оно — главное, а не спешка, не чрезмерность». И опять повторял: «Тише едешь — дальше будешь». Как-то отцу Севастиану сказали об одной женщине, что она стала очень много молиться. Он сказал: «Зачем, не надо, может замолиться». «Господь не попускает страданий сверх наших сил, потому что

надо все терпеть, — говорил он, — а вот гордость страшнее всего. Она — бесовское свойство».

Особенно он благоговел перед праздниками (и любил иконы к этим праздникам) Пресвятой Троицы и Вознесения, как завершением искупительного дела.

Много положил труда отец Севастиан на воспитание паствы. Говорили, что добрая половина Михайловки как бы негласный монастырь в миру.

При общении с батюшкой само собой, неоспоримо и даже наглядно ясно становилось без лишних слов, что душа живет вечно. Что со смертью наша жизнь не кончается, основная наша сущность не умирает, а только изнашивается наше тело. Что душа не есть что-то неясное, а это — весь человек, истинный, внутренний человек. И было это так просто, так понятно потому, что он говорил об этом просто, как о чем-то обычном, всем давно известном.

Преодолевая болезни, слабость, старость, отец Севастиан до последнего дня своей жизни выполнял свой пастырский долг, отказавшись от заветного желания своей души отойти от настоятельства на покой и принять схиму.

Все его чада не ступали шагу без его благословения. Батюшка очень огорчался, если кто не слушался и не выполнял его советы, потому что это было всегда во вред, а часто и к несчастью этого человека. Старец в таких случаях часто плакал. Часто он плакал и во время исповеди. Иногда сердился, но редко, всегда как бы желая заставить послушаться. Выходило это у него очень по-детски. Говорил: «Вот я возьму палку и так тебе дам, так тебе дам палкой». Люди часто падали в таких случаях на колени и просили прощения, не палка, конечно, была страшна, а то, что расстроили старца.

Отец Севастиан был вознагражден даром прозорливости. Как-то старец служил панихиду и читал записки с именами усопших. При чтении одной записки остановился и, держа ее в руке, оглянулся. «Кто это подал поминание: Ивана, Семена, Ольги, Марии?» — «Я, батюшка», — отозвалась одна женщина. «А Семен когда умер?» — «Давно, батюшка». — «Возьмите вашу записку, — сказал батюшка, — я не буду поминать. Принесете справку о его смерти». Женщина вспыхнула. «Что Вы, батюшка, я не молоденькая это делать». — «Вот и хорошо, принесите справку!» Оказывается, есть поверие, что если записать имя живого человека в поминание за упокой, он начинает сильно тревожиться, и его тянет вернуться к той, кто его так поминает. Женщины этой преподобный Севастиан не знал, она была приезжая, иначе не рискнула бы обманывать старца.

В 1955 году у матушки Марии стала болеть верхняя губа. Губа деформировалась растущей опухолью, была синяя, неприятная. Ее повели к

хирургу. Он сказал, что надо срочно оперировать, и дал направление в онкологическое отделение. Пошла матушка брать благословение на операцию, а батюшка сказал: «Опухоль уже большая, губу срежут, а в другом месте может появиться такое. Нет, не надо делать операции. Прикладывайся к иконе Святой Троицы, что в панихидной, Бог даст, так и пройдет». Матушка стала прикладываться к иконе Святой Троицы, и опухоль постепенно уменьшаться стала и совсем пропала.

Отец Севастиан считал, что очень важно прикладываться к иконам и ставить свечи. Иногда он звал к себе кого-нибудь из своих духовных детей или прихожан и давал пучок свечей. Иной раз большой, иной раз меньше. И говорил: «Молись и ставь свечи почаще». То ли угрожало что человеку, то ли он видел, что редко тот свечи ставит. Часто потом раскрывалось объяснение этому.

Об иконах преподобный Севастиан говорил с благоговением и любовью. Говорил: «Торжество Православия — праздник, что празднуется? Что иконоборческую ересь победили и низвергли.

На иконах благодать Божия. Они защищают нас от темной силы. Они — помощь нам от Бога. Есть особые святыни, где накопляется благодать Святого Духа. И иконы есть особые во славе благодати, намоленные веками — чудотворные иконы. Иконы, как ручейки, от Господа несут нам благодать. К иконе надо относиться с благоговением, любовью и благодарностью Богу».

Часто отец Севастиан повторял, как неуклонно надо свой долг выполнять. Как-то после панихиды его духовная дочь сказала: «Вы опять сегодня очень устали. Вы так долго служили панихиду». Старец взял с панихидного стола булочку и показал ее: «Вот видите, за каждую булочку я должен отмолиться».

Преподобный Севастиан часто напоминал о смерти, о переходе в вечность. Когда к нему обращались с вопросом: «Как же мы будем жить без вас?» — он строго отвечал: «А кто я? Что? Бог был, есть и будет! Кто имеет веру в Бога, тот, хотя за тысячи километров от меня будет жить, — и спасется. А кто, пусть даже и тягается за подол моей рясы, а страха Божия не имеет, не получит спасения. Знающие меня и видевшие меня после моей кончины будут ценить меньше, чем не знавшие и не видевшие». «Близко да склизко, далеко да глубоко».

Наступил Великий пост — последний в жизни старца. В субботу Страстной седмицы, во время литургии батюшка лежал в своей комнате. После окончания литургии надел мантию, клобук и вышел прощаться с народом. Поздравил всех с наступающим праздником и сказал: «Ухожу от вас. Ухожу из земной жизни. Пришло мое время расстаться с вами. Я

обещал проститься и вот, исполняю свое обещание. Прошу вас всех об одном: живите в мире. Мир и любовь — это самое главное. Если будете иметь это между собою, то всегда будете иметь в душе радость. Мы сейчас ожидаем наступления светлой заутрени, наступления праздника Пасхи — спасения души для вечной радости. А как можно достичь ее? Только миром, любовью, искренней сердечной молитвой. Ничем не спасешься, что снаружи тебя, а только тем, чего достигнешь внутри души своей и в сердце — мирную тишину и любовь. Чтобы взгляд ваш никогда ни на кого не был косым. Прямо смотрите, с готовностью на всякий добрый ответ, на добрый поступок. Последней просьбой своей прошу вас об этом. И еще прошу — простите меня». Поклонился в пояс, пошатнулся. Тихо, еле-еле зашел в алтарь и сказал, чтобы его несли домой, в келью. Народ не расходился, все плакали.

В субботу 16 апреля, в 9 часов утра, приехал из аэропорта митрополит Питирим. Сразу прошел к отцу Севастиану и был поражен его видом. «Таким я его никогда, ни при какой болезни не видел», — сказал он потом окружающим. Они долго беседовали наедине.

После обеда состояние батюшки резко ухудшилось, он просил срочно пригласить к нему владыку Питирима. Пришел владыка. Батюшка просил его сейчас же приступить к чину пострижения в схиму. Начались приготовления. Владыка попросил всех уйти, одна матушка Анастасия помогала при постриге.

После пострига батюшка говорил очень мало. Удивительно преобразилось его лицо и весь его вид. Он был преисполнен такой благодати, что при взгляде на него трепетала душа и остро ощущалась собственная греховность. Это был величественный старец и уже не здешнего мира житель.

Умер преподобный Севастиан 19 апреля в 4 часа 45 минут. Был вторник. Радоница.

Духовные наставления

◊ Нужно придерживаться золотой середины, края же гибельны. Золотая середина во всем земном, а наипаче небесном, духовном. Кто быстро вперед забегает, того надо остановить. А кто по нерадению или немощи слишком отстает и не заботится о душевном спасении, тому помочь воспрянуть ото сна, идти наравне со средними, вперед не забегать и сзади не отставать.

◊ В деле своего спасения не забывайте прибегать к помощи святых отцов и святых мучеников. Их молитвами Господь избавляет от страстей. Но никто не думайте своими силами избавиться от них. Не надейтесь на себя до самой смерти в борьбе со страстями. Только один Господь силен избавить от них просящих у Него помощи. И покоя не ищите до самой смерти.

◊ Когда говорили о видениях, преподобный Севастиан один ответ давал: «А я ничего не вижу!» И приводил слова святых отцов, что не тот выше, что видит ангелов, а тот, кто видит свои грехи.

◊ Кто не приучится слушать родителей, равных и старших тебя, и даже младших, тот, выросши, никого слушать не будет, и его потом никто никогда не послушается.

◊ Если сам ты не милуешь ближних и, что еще хуже, не прощаешь, то как у Господа будешь просить себе милостыни и прощения?

◊ Крестное знамение надо полагать правильно, со страхом Божиим, с верою, а не махать рукой. А потом поклониться, тогда оно имеет силу.

◊ Заходя в автобус, самолет, легковую машину и так далее, необходимо молча перекреститься, невзирая ни на кого, даже на смех других.

◊ Кто идет с самого начала постепенно, не делая скачков с первой ступени через две-три, а постепенно переходя с одной на другую до конца не торопясь, тот спасется.

◊ Не нужно гордиться тем, кто своевременно причащается, и не отчаиваться тем, кто по обстоятельствам не может этого делать. Бывает, лишь перед самою кончиной человек сподобляется причаститься во спасение души.

◊ Иногда Великим постом кто-нибудь скажет: «Много сегодня причастников было». А преподобный Севастиан ответит: «Причастников много, да причастившихся истинно не много».

◊ Умеренность, воздержание, рассуждение, своевременность, постепенность полезны всем и во всем.

◊ Молиться можно на всяком месте, во всякое время: стоя, сидя, лежа, во время работы, в пути. Только разговаривать в храме грешно.

◊ За несоблюдение без причины постов, придет время — постигнет болезнь. Тогда не по своей воле будешь поститься. Господь попустит за грехи.

◊ Для искоренения зависти надо смотреть на хуже тебя живущих, тогда мир будет в душе, а не смущение. И завидовать перестанешь.

◊ «Батюшка, помолитесь, зубы болят», он ответит: «А ты не бранись с ближними, живи мирно и не будут зубы болеть!»

◊ Равенства ни на небе, ни на земле нет и быть не может. Равенство только во Единой Святой Троице. Архангел Михаил смирением, терпением, мужеством победил Денницу. Архангел Гавриил — предвозвестник тайн Божиих и чудес. И все имеют свои обязанности.

◊ Молодые не должны уделять своей внешности большого внимания. Не надо им слишком за собой следить: ни часто мыться, не одеваться со вкусом, а небрежнее, не смущая свою душу и совесть, чтобы и для других не быть камнем претыкания. Сам хочешь спастись и другим не мешай. А старенькие должны быть чистыми и опрятными, чтобы ими не гнушались и не отворачивались от них.

◊ Лучше всего одеваться в синий или серый цвет, скромно. Черное не спасет и красное не погубит.

◊ Говорите всегда правду и истину и не смейтесь. В смехе и вольности начало блуда.

◊ Кто любит много говорить, празднословить и шутить, у таковых под конец жизни Господь отнимает речь.

◊ В утешение старым и больным, скорбящим, что не могут в храм Божий ходить: «Благословляю молиться умом молча: „Господи, помилуй“, „Боже, милостив буди мне, грешной“. Господь услышит. Терпи болезни без ропота. Болезни очищают душу от грехов».

◊ Болеть нам необходимо, иначе не спасемся. Болезни — гостинцы с неба.

◊ Запущенная, загноенная рана, скрываемая как от телесного, так и духовного врача, трудно поддается уврачеванию и исцелению. В самом начале искушения, когда я мог бы помочь, вы скрываете и ничего не говорите мне. А когда залезаете по уши в беду, тогда плачете и просите: «Батюшка, спаси!» А как я могу спасти, когда поздно уже!

◊ Самая лютая страсть — блудная. Она может бороть человека на болезненном и даже смертном одре, особенно тех, кто прожил жизнь земную до старости невоздержанно. Эта страсть в костях находится, она бесстыжее всех страстей. Никто сам по себе не может избавиться от нее. Только Господь может избавить, когда обращаешься к Нему со слезами и сокрушенным сердцем. Помнить нужно об этой брани до самой смерти.

Стоит только немного забыться, оставить молитву, потерять страх Божий, как она тут же даст о себе знать. Только непрестанная молитва, страх Божий, память смертная, память о суде, аде и рае отгонит ее.

◊ Тяжело умирать человеку, не имеющему веры, оставляя родных и богатство, а неверующим родным терять близкого человека, в котором полагали все свое земное счастье. Господь посекает их надежду, а они не понимают Божия произволения. Среди верующих родственники хотя и плачут по покойнику, но сдержанно, и скорбят, но умеренно. Все растворено молитвой и надеждой на помощь Божию. Верующий умирает спокойно, как засыпает, и по смерти на лице его запечатлевается последнее целование ангела хранителя.

◊ До самой смерти бойтесь падений и не надейтесь на свои силы, а только на помощь Божию, призывая Его в молитве со смирением.

◊ Тогда может быть покой, когда пропоют: «Со святыми упокой…» А до этого не ищи покоя до самой смерти. Человек рождается не для покоя, а для того, чтобы потрудиться, потерпеть ради будущей жизни (покоя). Здесь мы странники, пришельцы, гости. А у странников нет покоя в чужой стране, в чужих делах. Они, ступая шаг за шагом, идут вперед и вперед, чтобы скорее достичь родного отечества, то есть дома Божия, Царствия небесного. А если здесь, в земной юдоли скорбей, в мире удовольствий замедлить, то вечер (то есть закат дней) незаметно подступит и смерть застанет душу не готовой, без добрых дел, и времени их сотворить уже не будет. Смерть неумолима! Ни один богач богатством, ни сребролюбец деньгами, ни богатырь силою, ни царь, ни воин не могут откупиться от смерти, и никто из них не может взять с собою ничего, приобретенного ими. Наг человек родился, наг и отходит. Только вера, добрые дела, милостыня идут с ним в будущую жизнь, и никто не поможет: ни друзья, ни родные.

◊ Пред лицом Божиим ходить, в сердце Его носить. А Он входит в чистые сердца, не занятые гордостью, блудом, нечистотой и другими пороками и грехами. Господи, улови наше сердце и очисти! Господь снизойдет в сердца наши, когда мы откроем Ему туда вход смирением, терпением, чистотой, целомудрием, кротостью, добрыми делами, любовью к ближним, а наипаче к Богу, послушанием, молитвой, воздержанием душевных и телесных чувств, помыслов. Заграждаем невоздержанием, нечистотой чувств, помыслов, нетерпением скорбей и болезней, ропотом, неблагодарностью, воздаянием зла за зло.

◊ Я тоже вижу за людьми недостатки, но молчу, не обличаю. Лучше молча за людей молиться, чтобы сами свои недостатки осознали, а не обличать, как говорится, с плеча, от чего иные могут духом упасть и в отчаяние прийти.

◊ Зло находи в себе, а не в других людях или вещах, с которыми ты не сумел правильно обращаться. Так и ребенок обращается с огнем или мечом: себя же жжет, себя же режет.

◊ В наших грехах и страстях не виноваты ни вино, ни женщины, ни деньги, ни богатство, как иные хотят себя оправдать, а наша неумеренность. Пьяницы винят вино, блудницы или блудники винят мужчин или женщин, сребролюбцы винят деньги, богатые винят богатство и так далее. Выходит, что если бы не было вина, женщин, денег, богатства, то грешники не грешили бы. Богом устроено все премудро и прекрасно. Но от неразумного употребления и пользования вещами получается зло.

◊ Почему разогнали монастыри? Потому что монахи стали разъезжать на тройках да одеваться в шерстянку. А раньше монахи носили холщовые подрясники и мухояровые рясы, трудились по совести. И те были истинные монахи. Какая-нибудь игумения из дворян, а не из своих монахинь, быстро загоняла послушниц в Царство небесное своим бессердечным к ним отношением и жестокостью. Бедные монахини разговлялись капустой, а игумения, в угоду начальствующим, все им отдавала, а своих лишала необходимого.

◊ Часто преподобный Севастиан повторял слова: «Раб, знавший волю господина своего и не сотворивший ее, бит будет больше, нежели раб, не знавший воли господина своего». А некоторым прямо говорил: «Ведь ты знаешь все и Бога на мир променяла (или променял)». «Мир обещает злато, а дает блато». «Неженатый печется о Боге, а женатый — о жене». «Не связавший себя узами семьи всегда свободен. Одна забота — спасение души. Цель жизни — чистота, конец — Царство небесное!»

◊ Между нами, монахами, и миром глубокая пропасть. Миру никогда не понять нашей жизни, а нам — их. Если бы монахи знали заранее, сколько их ждет искушений и скорбей на узком, но спасительном пути, то никто не пошел бы в монастырь. А если бы мир знал о будущих благах монашествующих, то все пошли бы в монастырь.

◊ Дочь Иаира умерла, и Господь воскресил ее. Так человек умирает душой. Помыслы греховные, произволение и совершение греха. Тогда благодать отходит и душа умирает. Вот наше нерадение о душе. Не обращаемся к врачу тогда, когда болезнь только началась и легко исцелима. Не обращаемся и в период болезни. А когда уже умерла дочь (душа), тогда обратились к врачу душ и телес Господу: «Дочь моя умерла». «Не умерла, но спит», — сказал Господь.

Надо с юности своей приносить жертву Господу самим собою, когда находишься во цвете лет, здоровья, чистоты, духа бодрого, а не тогда, когда всего этого лишишься, поработав диаволу.

«Работай дондеже есть день (жизнь)», — говорит Господь, ибо настанет ночь, то есть старость, смерть, и тогда поздно будет. Так юродивые девы не имели елея, потому что была ночь, когда пришел Жених и купить елея было негде. Они день провели беспечно, нерадиво, и остались их светильники пустыми, и закрылась для них дверь чертога брачного. Так и мы принесем Господу не хромое, не кривое, не слепое, не гнилое, а здоровое, чистое, первородное. Так пророк говорит: возделывал землю, насаждал ниву, обрабатывал ее, полол, поливал, а когда пришел за плодами, ничего не обрел. Кое-где колос на ниве, кое-где виноград на лозе. Враги Господа пришли, украли и унесли все. Так вот и человек на ниве души своей должен трудиться не бесполезно, внимать себе, чтобы не пришли враги: мир, диавол, плоть и смерть, и не обокрали ее. Приходит мир — забирает свое, привлекая богатством, роскошью, честолюбием. Приходит диавол, все последнее уносит: чистоту, целомудрие, невинность, страх Божий. Приходит старость и смерть, человек хочет и сам пожать что-нибудь на ниве своей и ничего не обретает. Лишь кое-где намерение доброе дело сделать при греховной жизни. И жалеет человек, что прожил жизнь и не приобрел добрых дел для будущей жизни. И смерть пришла, и времени уже нет для покаяния, для слез и молитвы. Особенно опасна нечаянная смерть. А потому не нужно откладывать покаяние и приобретение добрых дел на старость лет, когда уже не будет сил ни телесных, ни душевных. Все врагами будет скрадено, а себе — ничего, пусты светильники.

◊ Молиться с любовью к Богу и все дела начинать с молитвы. А без молитвы только суетные дела бывают. В молитве просить исполнения воли Божией и Его заповедей, а не того, чего нам хочется. Любить Бога надо непрестанно и молиться непрестанно. Любить истинно и с верою молиться, и Господь не оставит Своею милостию. «На кого воззрю, как не на кроткого и смиренного сердцем» (см.: Ис. 66, 2). Уничижать себя, сознавать свое ничтожество перед Господом, Творцом всех и всего. «Если он меня не любит, то и я не буду его любить», — это бесовское слово. Пусть он тебя не любит, а ты побеждай его ненависть любовью. Любовью истинной и страхом Божиим побеждай страсть ненависти.

◊ Человек смотрит на лицо, а Господь — на сердце. Бог глаголет уму наставлениями, а сердцу — вдохновениями.

◊ Проси у Бога чистоты сердца и прощения грехов, сокрушаясь в покаянии о содеянном и считая себя хуже всех. И придет Сам Господь к тебе, и ты ощутишь такую радость в сердце, о которой не знает мир. Делай по Богу и для Бога, а не для людей, которых люби, но беги. «Взыщите Бога, и жива будет душа ваша». Нужно хранить чистоту совести и стяжать непорочное сердце. А отсюда и дела наши, и поступки должны

соответствовать заповедям Христовым, чтобы не сказали о нас: «А еще христианами зовутся, а еще молятся, а что делают?» Нужно чистоту и непорочную совесть хранить, чтобы враг не поживился от нас самым малейшим даже, чтобы совесть не упрекала за жизнь нашу, тогда будет мир и радость на сердце.

◊ Перед кончиной преподобный Севастиан сказал своим духовным чадам:

«Вот я всех вас прошу, чтобы вы утешали друг друга, жили в любви и мире, голоса бы никогда друг на друга не повысили. Больше ничего от вас не требую. Это самое главное для спасения. Здесь все временное, непостоянное, чего о нем беспокоиться, чего-то для себя добиваться. Все быстро пройдет. Надо думать о вечном».

Преподобный Лаврентий Черниговский (1868–1950)

В четырнадцать лет преподобный Лаврентий (в миру Лука Евсеевич Проскура) уже был самостоятельным регентом церковного хора, а монашеский постриг принял только на сорок пятом году жизни. Через два года он был рукоположен в иеродиакона, а в 1916 году — в иеромонаха. В 1928 году старец был возведен в сан архимандрита. Еще в дореволюционное время к нему уже стремились и простые люди, и черниговская интеллигенция (врачи, педагоги). Приезжие быстро узнавали, что в Троицком монастыре есть духовник высокой жизни. Его любвеобилие, дар рассудительности, дар прозрения привлекали не только мирян, но и многих духовных лиц. Со старцем Лаврентием держали совет и черниговские епископы, они весьма дорожили его суждением. Так владыка Пахомий обращавшихся за советом сначала направлял к батюшке, да и сам часто вместе с ним разрешал назревшие у него вопросы.

Когда в годы богоборчества монастырь закрыли и нужно было оставить свою келью, старец Лаврентий поселился в маленьком убогом домике недалеко от монастыря, под горой, на которой расположен храм в честь пророка Илии. Площадь комнатки, отведенной для батюшки, была около 10 квадратных метров. Какой подвиг нес он, выдерживая за стенкой живущего больного сына хозяйки дома, постоянно беспокоившего своим бессознательным поведением, часто криками не только днем, но и ночью. Общая кухонька, смежные двери позволяли несчастному Петру беспрепятственно заходить или забегать в помещение старца. Ни тени недовольства или раздражения не было у преподобного, только милосердие, снисхождение и любовь. И так на протяжении более двадцати лет. Эта крохотная комнатка-келья была свидетельницей бесед преподобного Лаврентия с черниговскими архипастырями — владыкой Пахомием, епископом Стефаном (будущий митрополит Харьковский), епископом Дамаскиным.

Богослужения совершались в маленьком Ильинском храме. Здесь отец Лаврентий продолжал управлять хором. Среди певчих не было монастырской братии. Здесь собирались его почитательницы, многих приходилось обучать пению. Настало время, когда и этот храм закрыли. Лишенный возможности в храме прославлять Бога песнопением, отец Лаврентий никогда не оставлял церковной молитвы. Бережно сохранял он

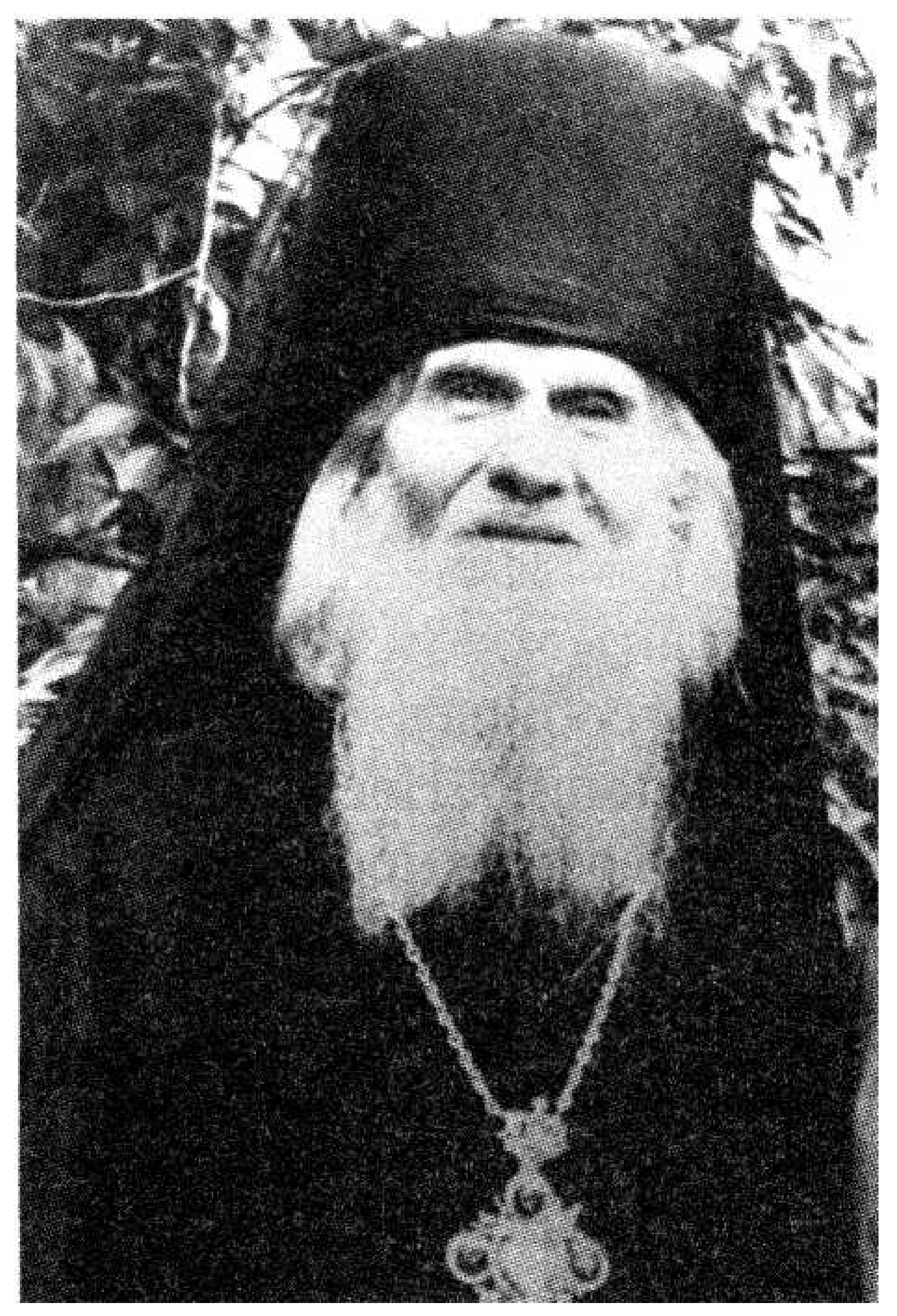
богослужебные книги и обширную нотную библиотеку. И когда его спрашивали: «Разве ноты еще понадобятся?» — неизменно отвечал: «Конечно, будем еще читать и петь».

Даже в такой трудный период все, кто общался со старцем, были свидетелями выражавшихся на его лице благодушия и радости. Своим благостным настроением он поддерживал, ободрял приходивших к нему. И калиточка у скромного его жилища частенько открывалась на негромкий стук в окно.

Своей внешностью отец Лаврентий походил на старцапустынника: выше среднего роста, убеленный чуть сероватыми седыми волосами. Светлое, иногда с легким румянцем и постоянной улыбкой лицо украшалось ясными, чистыми голубоватосерыми глазами, смотревшими всегда приветливо, светившимися всегда необыкновенной добротой. В этих глазах чувствовалась особенная глубина, взгляд был мягкий и ласковый.

Во время Великой Отечественной войны к отцу Лаврентию шли с просьбой помолиться об ушедших на войну. Очень скоро стал приближаться фронт к Чернигову. Немощным и старым батюшка советовал не оставаться в городе, постараться перебыть некоторое время в ближайших селах. Почитатели старца уговаривали и его на подводе выехать, но он отвечал, что поедет тогда, когда над городом будет «трах-бах». Так и было.

Дождь зажигательных бомб, разрывы фугасных застигли его в центре города. Но старец был спокоен, и Бог миловал: лошадка вывезла благополучно из огненного моря и доставила его в далекое пригородное село.

Когда фронт прошел, отец Лаврентий вернулся из села. Страшное зрелище представлял Чернигов: центр города — сплошные руины и пожарища, досталось и прилегающим улицам. Пострадали и храмы, особенно Пятницкая церковь, поврежден был и Спасо-Преображенский собор. Многие жители остались без крова, без одежды, без пропитания. Начался суровый, горький период оккупации. Так как домик, где жил преподобный Лаврентий, был расположен на окраине города, он уцелел. Вскоре последовало разрешение открывать церкви. Первыми привели в порядок Троицкий монастырь и зимний храм Елецкого монастыря. Первое богослужение состоялось в день Архистратига Михаила 8/21 ноября 1941

года. Несмотря на очень тяжелое время, приведены были в порядок несколько келий, и в них поселились будущие монахини. Главный престол Троицкого собора был освящен в Вербное воскресенье 16/29 марта 1942 года.

Под руководством схиархимандрита Лаврентия стало возможным в Троицком соборе, некогда освященном святителем Феодосием Черниговским, возобновить богослужение. Старец стал духовным отцом для поселившихся в монастыре монахинь.

Преподобный Лаврентий принимается за восстановление Троицкой обители. Корпуса частично разрушены, всюду выбиты стекла — и в храмах, и в постройках. Начинать нужно с остекления рам, но где раздобыть стекло? Случайно узнали, что в нескольких километрах от города стоят какие-то брошенные служебные здания, где частично уцелели стекла. Но как ими воспользоваться? Немецкие оккупанты, если нагрянут, могут на месте устроить расплату. Сообщают батюшке свои опасения. Он спокойно благословляет шесть человек идти туда. На вопрос, чем доставить тяжелый груз, ведь стекла нужно много, ответил: «Будет ехать подвода и привезет». О какой подводе могла быть речь, когда вся жизнь замерла? «Идите с Богом», — напутствовал старец. Сомнения и страх исчезли. Несколько часов потратили на извлечение стекол, получилось много и очень большой вес. За это время ни один человек не прошел по дороге, не говоря о транспорте. Но только завершили работу, сразу показалась телега. Не пришлось ждать ни единой минуты. Все были так поражены, что от радости заплакали. Ведь трудились будущие насельницы монастыря. Есть стекло — значит, можно будет жить в кельях. Хозяин охотно согласился доставить груз. Помимо воза стекло везли на тачке, которую имели при себе. Вскоре в кельях поселились будущие монахини, началась и служба в храмеусыпальнице.

Отец Лаврентий занимал небольшую келью, разделенную на две части. Никогда не закрывались двери к нему. Всегда благостный и радостный, несмотря на утомление, лишенный часто даже кратковременного отдыха, старец незаметно передавал приходящим состояние духовной бодрости и подъема.

Любил приезжать к преподобному Лаврентию экзарх Украины Киевский митрополит Иоанн, подолгу беседовал, советовался с «подвижником, подобным Оптинским старцам» — так он охарактеризовал батюшку.

Нравственная чистота, духовная высота, неистощимая любовь к людям вызывали необыкновенное расположение к старцу в каждом, кто хоть раз в жизни удостоился видеть его. Любовь старца была особенная, не знавшая

пристрастия, не взиравшая на лица, на душевные качества. Он любил всех и проявлял это чувство приветливостью, вниманием, советом. Все от него уходили согретые этой христианской любовью, ободренные, не обличенные в своих грехах, а с умиротворенной совестью и полным спокойствием на душе, независимо от того, с какими волнениями, огорчениями, переживаниями к нему обращались. Оступившихся старец направлял на правый путь, возбуждая искреннее намерение исправиться, вселяя надежду на милосердие Божие.

Отец Лаврентий был большим психологом, он знал духовный мир человека во всех его проявлениях и в самых тончайших оттенках. Он был нравственно прекрасен, и эта красота души его, как будто скрытая и незримая, привлекала отовсюду к нему множество людей.

И самое главное, чем велик был старец, — это дар прозорливости, дар предвидения.

К черниговской учительнице Е. Н. Михайловой приехала издалека приятельница, которую она не видела много лет. Пришли они в Троицкий монастырь, и Екатерина Николаевна посоветовала приезжей пойти на исповедь к старцу Лаврентию, а сама стала в сторонке в ожидании ее. Исповедь затянулась; по окончании подруга вся в слезах, потрясенная бросилась к ней и, рыдая, поведала о открытом ей старцем трагическом случае из ее детства, о котором она, будучи ребенком, совершенно забыла и только теперь вспомнила со всеми подробностями. Когда казалось, что исповедь завершается, старец Лаврентий неожиданно задал вопрос: «Вы никого не убили?» В полном недоумении ответила: «Мне даже муху жалко убить». — «А подумайте, хорошенько припомните». — «Да что Вы, батюшка, разве я могла бы совершить такое преступление?» — «Еще и еще вспомните. Давно, давно это было». И тут как бы пелена спала с ее мысленного взора, и ей представилась высокая веранда дома, где проходило ее детство. Она играет с младшим соседским мальчиком и толкает его. Тот падает вниз по каменным ступенькам лестницы и остается недвижимым. Что он был мертв, она тогда не сознавала, и об этом ей никто никогда не поведал, чтобы не омрачать всю жизнь тяжким воспоминанием. И тут старец Лаврентий разрешает ее от этого невольного греха. И слезы раскаяния, слезы утешения лились и лились из ее глаз. Неизвестно, может быть, кто-либо впоследствии рискнул открыть эту тайну, но она уже сбросила с себя камень. «Прощаю и разрешаю», — произнес старец.

Имя старца Лаврентия было известно далеко за пределами Чернигова. Ему писали знавшие его лично и только слышавшие о нем. Писали из Грузии, Москвы, Киева, Одессы и других мест. Кто просил молитв, кто спрашивал совета в духовных или житейских делах, кто выражал

сожаление, что не послушался благословения, поступил по-своему и вынужден терпеть. И старец давал четкий, определенный ответ на все сомнения и вопросы.

Крепким здоровьем отец Лаврентий не отличался. Болезни переносил очень терпеливо. По сохранившимся справкам еще в 1923 году был признан инвалидом 2-й группы с потерей трудоспособности. Но Бог помог прожить батюшке еще двадцать семь лет.

Шел 1949 год. Постепенно отец Лаврентий слабел. Как-то к концу лета он согласился сфотографироваться с группой монахинь. И когда был наведен фотоаппарат, преподобный Лаврентий быстрым движением снял скуфью, закрыл глаза и приоткрыл рот. Затвор аппарата щелкнул. Когда отпечатали снимок, получилось лицо неживого человека. «Скоро таким я буду», — сказал старец. Этим поступком предсказан был приближающийся исход из жизни.

6/19 января 1950 года в четверг в 21 час 45 минут дивный старец почил для жизни вечной.

Воспоминания духовных детей старца

◊ Приехал к старцу Лаврентию митрополит Киевский Иоанн. Насладившись беседой, попивши чайку, собирается митрополит домой и просит на это благословение. Был вторник. «Не теперь, а в четверг», — сказал отец Лаврентий. Но гость уехал. Через некоторое время старец посылает сестер: «Идите встречать митрополита». — «Да он далеко уже от Чернигова». — «А я говорю, идите открывайте ворота». Пошли: к монастырю уже подъехала машина. Митрополит несколько смущенно говорит: «Ливень размыл дорогу и проезда на Киев нет». Только в четверг смог митрополит уехать, поражаясь предвидению старца.

◊ Во время прохождения фронта несколько монахинь стояли у окна бывшей монастырской бани и смотрели вниз на луг. Старец проходил мимо и закричал: «Убегайте, а то сейчас снаряд прилетит». Только успели отскочить, на это место ударил снаряд. Среди сестер была матушка Е., которая рассказала об этом.

◊ В период оккупации на земле, прилегающей к монастырю, посеяли рожь, но землю отобрали и не разрешили жать. Старец послал экономку Е. в управу, но ее слушать не хотели и выгнали. Со слезами возвращается к старцу, а на другой день утром он опять благословляет идти к начальникам. Зашла молча в контору и удивлена была обходительностью тех же людей, которые беспрепятственно разрешили убрать урожай. Е. пришла довольная и рассказывает преподобному Лаврентию, как они переменились. Старец улыбнулся: «Да, когда человек злой, то в нем бес, а когда помолишься, то он отскочит и человек становится добрым».

◊ Для хозяйственных нужд в монастыре была лошадь. Нужда в сене. Обратились к городским властям, которые ведали распределением сена. Начальник категорически отказал. Матушка Е. сообщила об этом старцу; он выслушал и ничего не сказал. Прошло два дня. Старец, сидя в беседке, зовет к себе матушку Е. и посылает хлопотать насчет сена. «Как же я опять пойду, со мной и разговаривать не будут». — «Не тот, так другой, а сено даст». С робостью открыла она двери кабинета и видит, что за столом сидит другой начальник. Он внимательно выслушал и дал разрешение на получение сена. Оказывается, предыдущего начальника освободили от этой должности.

◊ Однажды к монахине Н. пришел племянник поделиться своей неудачей: купил корову, и она куда-то исчезла. Где ни искал, нигде не может найти. Н. повела своего племянника к старцу, а он спрашивает: «Ты венчан?» Он говорит: «Нет». — «Тогда у тебя и курица не будет держаться,

не то что корова. Ты обещай повенчаться, тогда мы с тобой и корову найдем». Племянник дал обещание. Тогда старец сказал: «Завтра в 6 часов утра иди на Холявинский шлях (дорога из Чернигова в с. Холявин) и спроси, кого встретишь, о корове».

Пришел он домой и уснул. А утром его кто-то будит: «Ты что?» Он проснулся и быстро пошел, куда велел ему старец идти. Встречает женщину, расспрашивает. Она говорит, что в их селе есть в одном дворе приблудная корова, и рассказала, какой масти. И он пошел, разыскал свою корову, поблагодарил хозяина двора и с радостью вернулся домой. А потом исполнил свое обещание, был признателен старцу, что направил его на истинный путь, и дивился его прозорливости.

◊ «Мне передали из села, — рассказывает матушка П., — что отец мой сильно заболел, и нужно было немедленно ехать, чтобы застать его в живых. Я быстро собралась в дорогу, но настоятель собора отец Александр, где я работала, не отпустил меня, так как это было накануне большого праздника и без меня им трудно было обойтись. Вместо меня поехала моя сестра М., а я побежала к батюшке отцу Лаврентию поделиться своей бедой. Он выслушал меня и говорит: „Отстоишь литургию, придешь домой, пообедаешь, а тогда и поедешь. А умирать отец твой будет потом вместе с мамой“. Я поклонилась старцу в ноги и сделала так, как он сказал. Отец, по милости Божией, после соборования почувствовал себя лучше и стал быстро поправляться. Прожил он еще тридцать лет и умер за три дня до смерти матери».

◊ Сестра одной монахини пришла к старцу Лаврентию с жалобой на мужа: он побил иконы, ее выгоняет из дома. Старец сказал, чтобы она привела мужа к нему в монастырь. Удалось только обманом привести его и еле втащить в келью. Старец с любовью встретил его, посадил за стол, угостил и долго с ним беседовал. Ушел он другим человеком. Потом часто приезжал к старцу, почитал иконы, любил жену. Так святыми молитвами преподобного Лаврентия обращались заблудшие.

◊ Пришла к старцу женщина с тревогой, что нет долго письма от сына, который был на фронте. Старец ее успокоил, сказал, что не успеет прийти домой, как получит письмо, и добавил: «Знай, что по молитвам матери ни в огне не сгорит, ни в воде не потонет». Когда она возвращалась домой, на улице почтальон вручил ей письмо.

◊ Одна девушка пришла к старцу за благословением поступить в монастырь, так как ее сверстницы получили благословение на это, а старец посмотрел на нее и говорит: «Ты иди замуж». Она стала возражать и не соглашаться. «А кто же будет рождать батюшек и архиереев?» Предсказание исполнилось. Ее сын стал протоиереем.

◊ Благочинная монастыря матушка В., будучи девочкойподростком, приехала из села в Чернигов со своей сестричкоймалолеткой и пошла в Троицкий монастырь к старцу. Сама подошла под благословение, а сестренку оставила в стороне, но старец Лаврентий сразу подозвал и ее, благословил, пригласил петь на хоры. Она смутилась, покраснела, а старец всем сказал, что это будет лучшая певчая-солистка. Прошло время, девочка выросла, была хороша собой и обладала очень красивым, нежным и вместе с тем сильным сопрано и была первой солисткой в хоре у старца. Ее голосом восторгались. Перед кончиной она приняла схиму.

◊ Вспоминает хористка, духовная дочь старца Лаврентия: «Во время оккупации, когда я была небольшой девочкой, в день праздника Георгия Победоносца во время чтения акафиста батюшка пальцем подзывает меня к себе, дает просфору и благословляет немедленно бежать домой. Я стояла в нерешительности, но он строго приказал: „Беги домой“. Тогда я поспешила, дома никого не было. Вдруг стучатся три человека, спрашивают, кто живет, какой состав семьи. А нас было трое детей, отец и мать. Они постояли, посмотрели на меня, подумали. Один из них махнул рукой и сказал: „А, ладно, пошли дальше“. И с этим ушли. Вечером узнали, что ходили отбирать коров, почти у всех соседей забрали, а нашу сохранил Господь по молитвам великого старца, который предвидел и подал руку помощи бедному семейству».

◊ У матушки А., ставшей регентом после старца Лаврентия, были две сестры-монахини, а третья — вдова жила в селе в старой хате, которая совсем разрушилась. Пошла она к старцу за советом и благословением. Он посоветовал строиться. А раз нет денег, то нужно продать корову, и тут же назначил цену. Казалось, что такой цены никто не даст, потому что корова невзрачная. Повела корову на базар, а старшая сестра (певчая) просит благословения у старца пойти помочь на базаре. Но старец строго запретил и сказал, чтобы продолжала петь, в это время случилась литургия. После пения «Отче наш…» тоже не разрешил, а в конце службы говорит: «Ну, теперь можно идти». Она бегом, а навстречу ей у входа в церковь идет сестра и радостно улыбается и сообщает, что корову продала за цену, которую назначил старец. Они поблагодарили Бога и Его истинного служителя преподобного Лаврентия. Деньги уже есть, но нужно где-то раздобывать материал, с этой задачей в селе она справиться не могла. И опять к старцу за помощью, а он говорит: «Бери сестру Р. и идите вдвоем туда, где выписывают строительные материалы. Ходите там сюда, туда, охайте…» Они так и сделали: ходили там, стояли там, утомленные сели молча и ожидают, что будет дальше. Наконец подходит мужчина, сжалился

над ними, а это был заведующий складом, и выписал им материал, так что уже можно было начинать строительство дома.

Нельзя было найти плотников. Опять пришла к старцу и жалуется, что некому строить. В ответ на это рассказал и даже показал рукой, где нужно найти плотников, выйдя по дороге из села на юг. Пошла, как указал старец, долго шла, перешла болото, потом спросила и нашла двух мастеров. Начали делать хорошо, но материала мало. Что делать? Страшно уже обременять старца своими нуждами, и все же со слезами пошла. А старец любезно принял да и говорит: «Возьми сумочку, вложи в нее кусок хлеба, бутылку молока и иди дорогой, что ведет в лес. Там увидишь старичка, который будет сидеть на пеньке. Ты подойди, поздоровайся, спроси, как его здоровье, не хочет ли он кушать, и отдай ему то, что у тебя в сумочке». Надеясь на молитвы старца, пошла она к лесу и увидела пожилого человека. Он не отказался от угощения. Разговорилась с ним, это оказался лесник, пожаловалась ему на свое безвыходное положение, и он обещал выписать по недорогой цене леса столько, сколько нужно было для окончания дома. Вот каким удивительным образом и необыкновенным участием помог преподобный Лаврентий построить дом одинокой вдове. Она приезжала к старцу и со слезами радости благодарила его.

◊ Я часто спрашивала у батюшки, как быть, что отец давно не причащался. И вот однажды встает отец утром и говорит: «Мне нужно причаститься. За меня кто-то помолился» — и рассказал свой сон: «Будто я лежу в могиле и на мне земля. Пришел какой-то священник и стал меня откапывать и говорит: „Вставай, Иван“. Я встал и иду. Встречаю на улице людей знакомых, а они говорят: „Ой, ой, Иван, ведь двадцать лет ты был мертвый и лежал в могиле и поднялся“. А я думаю, как же я мертв был, а вроде и жив. Тут я проснулся, стал припоминать, сколько лет не говел, и оказалось двадцать лет…» В Прощеное воскресенье отец поговел и в том же году умер.

◊ У одной матушки ущемилась грыжа, дочь ее прибежала к старцу просить о помощи, то есть помолиться. Старец вышел из-за стола, направился во двор и смотрит на дерево, которое росло рядом, а дочь стоит и плачет. Затем старец Лаврентий посылает ее узнать, не легче ли стало больной. Она побежала, а у больной уже все стало на место, и она успокоилась, обрадовавши окружающих.

◊ Один мужчина пришел к старцу за благословением в дорогу. Старец задержал его разговором, он был недоволен, так как не успевал уже на поезд. Оказалось, что этот поезд потерпел крушение, и чудом уцелевший пришел благодарить за спасение от смерти.

◊ Однажды игумения Троицкого монастыря матушка А. брала благословение на поездку в Киев. Но старец ей говорит: «Киев? Какой Киев? Я не знаю никакого Киева». Несмотря на это, она поехала и скоро вынуждена была вернуться из-за сильного ливня.

◊ «Когда-то в молодости, — сообщила матушка Р., — я была богатой и красивой девушкой и пошла к старцу за благословением выйти замуж. Старец выслушал и говорит: „Кони выдохнут, сады высохнут, а монастырь пребывает вовек. Пока не выходи“. В скором времени началась война, и все опрокинулось вверх дном. Жениха забрали на войну, а я пожелала идти в монастырь». Сбылось предсказание старца.

◊ Из рассказа монахини С. Как-то старец во время беседы, предсказывая будущее, предупредил, что когда будут нападать, то кричать нужно и в уме призывать его. Через некоторое время произошел такой случай: в помещение, где она делала уборку, зашел мужчина с недобрым намерением и стал приставать к ней. Она закричала, призвала на помощь старца, а его перекрестила. Он испугался, остановился и с вопросом: «Что ты со мной сделала?» — вышел. Так по молитвам преподобного Лаврентия Господь спас ее.

◊ Вспоминает та же монахиня С. Работала она на хлебозаводе, возила хлеб. И там же работал экспедитор, от которого она много терпела. Пошла она к старцу и умоляла помочь избавиться от преследования этого человека. Старец говорит: «Что-то придумаем». К ее радости, через два дня экспедитора сняли с работы.

◊ Старец никогда не оставался на венчание, но только однажды присутствовал, сказавши, что это очень достойная, чистая пара, даже ангелы присутствуют при их венчании. Хотя они знакомы ему не были.

◊ Матушка А. зашла к матушка М. и говорит: «Пойдем поздравим батюшку с днем ангела». Он жил под горой, а в это время был голод. У той, которая пришла, была булочка, а у второй нечего было взять, и она говорит: «Не пойду, мне неудобно». Но матушка А. уговорила: «Пойдем моей одной булочкой поздравим», и они пошли. Когда пришли, то батюшка говорит, благословляя матушку М.: «Спаси тебя Господи, что ты не пожалела своих ножек и пришла поздравить меня».

◊ Матушка Т., келейница игумении, пришла просить батюшку помолиться, так как ей непосильно было работать. А он говорит: «Потерпи, завтра помощь будет». Действительно, на другой день приняла игумения в помощь келейнице молодую послушницу.

◊ У инокини монастыря (матушки Е.) был обнаружен зоб тяжелой формы. Врач сказал, что ничего нельзя сделать, оперировать нельзя, а года три еще можно пожить. Она очень расстроилась, обратилась к

преподобному Лаврентию со своим горем. «Не скорби, по-ихнему не будет», — сказал старец и положил свою благословляющую руку ей на горло и произнес молитву. «Я не помню слов этой молитвы, но помню слова батюшки: «Сколько времени нарастал, столько будет и уменьшаться». И еще по батюшкиным молитвам я увидела во сне святителя Феодосия, который также благословил меня и произнес такие же слова, как и преподобный Лаврентий, и помазал горло маслом. И зоб начал постепенно уменьшаться, я поправилась. Сейчас мне шестьдесят два года, я пою в хоре», — сообщила эта матушка.

◊ Рассказ монахини Е.: «Еще молодыми девушками ходили мы к батюшке. Как-то у меня появились нарывы, а подруга заболела глазами. Батюшка направил нас в Седиев на источник. Через несколько дней мы выздоровели. Прошло несколько времени, мы выросли и стали ходить гулять. Но батюшку не забывали. Он прозрел, что мы занимаемся не тем, чем нужно, и послал отца Михаила в наше село посмотреть, как мы живем, чем занимаемся. На прощание отец Михаил сказал, чтобы мы гулять не ходили, а приходили петь в хор. Нам было неудобно, но гулять тянуло. Мне было тяжело на душе. Ночью в постели я долго плакала и молилась Матери Божией, чтобы послала мне болезнь — чахотку. Потом пошла к батюшке и тоже так сказала. Он ничего не ответил, но только в скором времени я заболела.

Стала идти горлом кровь. Пришла я к старцу за благословением лечь в больницу. Он не благословил, а только посоветовал обратиться к верующему доктору. И он мне помог. Мне стало лучше. И я в корне изменила образ жизни. Господь сподобил меня пожить в монастыре и принять монашество. Сейчас мне восемьдесят четыре года, и я еще потихоньку живу. Все это по молитвам великого нашего старца Лаврентия».

◊ Монастырь имел свой огород. На капусту напали гусеницы, никакие меры не помогали. Пошли к старцу за помощью. Он помолился, и утром обнаружили, что вся гусеница вползла в находящееся вблизи озеро.

Посадили рассаду, но птицы (галки) вытаскивали. Матушка, которая сторожила, не могла с ними справиться. Экономка обратилась к старцу. «Скажи сторожихе, чтобы она птицам сказала лететь в лес», — посоветовал старец. Когда экономка передала слова старца, сторожиха удивилась: «Да разве они меня послушают?» «Батюшку надо слушать», — возразила экономка матушка Е. Сторожиха выполнила послушание. И галок не стало. Через два дня посмотрел старец на колокольню, где гнездились галки, и говорит: «А скучно без птиц. Пусть сторожиха скажет, чтоб прилетели, но ничего не трогали». Вновь появились птицы, но вреда уже никакого не делали. Это чрезвычайно поразило матушек, и они благодарили старца.

Преподобный Симеон (Желнин) (1869–1960)

О том, что Василий Желнин (так звали преподобного Симеона в миру) будет монахом и великим старцем, предсказал преподобный Корнилий, монах Крыпецкого монастыря. Он любил благочестивую семью Желниных, гостил в их доме и часто говорил отроку Василию: «Будешь ты монахом, будешь старец великий».

В 1896 году Василий поступил послушником в Псково-Печерский монастырь, в 1900-м — был пострижен в монахи с именем Вассиан, в 1901 году рукоположен во иеродиакона, а через два года — посвящен в сан иеромонаха. После революции настоятель обители епископ Иоанн хотел поставить отца Вассиана наместником монастыря, но он стал отказываться и просил постричь его в схиму. 3 февраля 1927 года преподобный был пострижен с именем Симеон и назначен духовником братии и паломников Псково-Печерского монастыря. Настоятель обители привел его в убогую, сырую, темную келью, выкопанную в горе рядом с Успенским храмом, и сказал: «Вот тебе келья, здесь и умрешь». Так начался молитвенный и старческий подвиг иеросхимонаха Симеона, продолжавшийся тридцать три года. Почти все это время преподобный прослужил в Успенском храме, и печеряне даже прозвали этот храм «Симеоновым». Не прекращалась молитва старца и в келье.

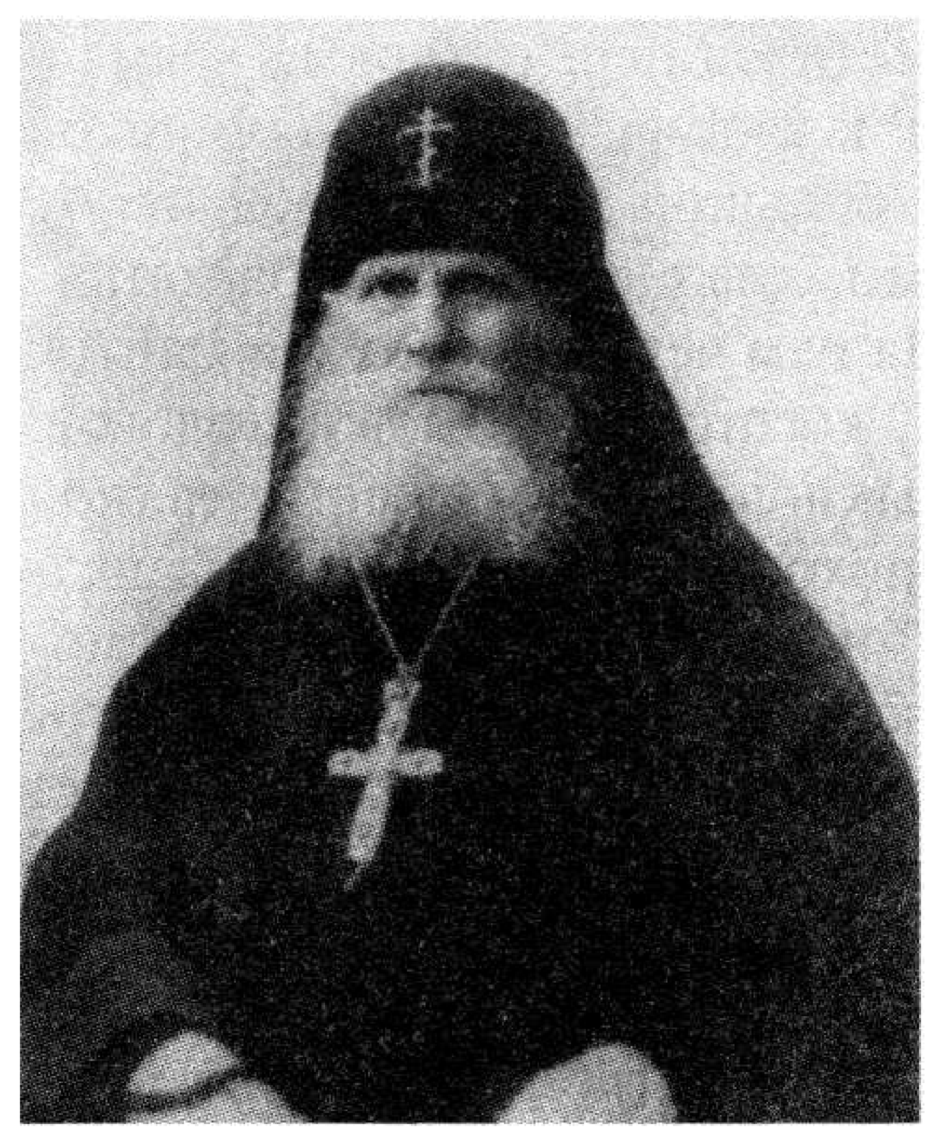
«Вот он, слегка согбенный, сухой, вышел из выдолбленной в скале пещерки, своей кельи, прищуренными с темноты глазами окинул пустынный, залитый вечерним светом монастырский двор, с поклоном широко перекрестился перед дверями храма и медленной походкой направился к скамеечке перед широкой железной дугой на цепях, перед большой клумбой под нею с пышными разноцветными астрами, гладиолусами и бархатнотемными анютиными глазками. На нем черный куколь и мантия с белыми гробовыми позументом, крестом и адамовой головой. А лицо схимника — лицо необыкновенной мягкости, легкой усталости и доброты — ничем не похоже на лицо аскета в западном понимании этого слова. Длиннопалая старческая рука, мозолистая и вместе с тем мягкая, как бы ищет человеческую голову — утешить, приободрить, приласкать… Провидцем слывет у верующих людей края отец Симеон: многие его советы в делах — и общественных и личных, сложных — сбываются подчас в полной точности.

— Да совсем я не прозорливец, — с мягкой досадой в голосе говорит он. — Великий дар прозрения дает Господь избранникам Его, а тут просто долголетие мое помогает — зашел в дом раньше других, вот и порядки его лучше знаю. Приходят ко мне люди с горестями своими и сомнениями, а взволнованный человек подобен ребенку, он весь на ладони. Случилось с человеком несчастье, вот он и точность душевных очей теряет, впадает либо в уныние и робость, либо в дерзость и ожесточение. А я и мирской круг хорошо знаю, и жизнь прожил долгую, и Сам Господней силой огражден от бед и соблазнов, и как же мне в меру малых сил моих не поддержать брата моего, спутника на земной дороге, когда он притомился раньше, чем я…

Улыбка ложится на иссеченное морщинами лицо, из-под густых, сильно выступающих вперед бровей живо вспыхивают светлые глаза.

— Всяческой малостью, суетой, неведением, слепотою люди омрачают чудо, — поворачивается он к собеседнику. — Дивный дар Господень — человеческая жизнь! Не купишь ее, не заработаешь, — на, человек, прими награду бесценную!.. Радость, радость, великая радость, — неторопливо протягивает он руку к горящим в закатном солнце золотым рипидам перед куполами собора, к вековым липам наверху, ко всему безмятежью, которым дышит этот тихий час уходящего дня», — писал один паломник, побывавший в Псково-Печерской обители в 1952 году.

Известны множество случаев исцелений, случившихся по молитвам старца. Паломники, десятками и сотнями приезжавшие в монастырь, знали, что по молитвам старца уладятся дела, устроится судьба детей и родных, пройдут боли. Никто не уезжал от старца неуспокоенным, без исповеди, без причастия.

Старец ждал своей смерти 2 (15) января 1960 года — в день преподобного Серафима, Саровского чудотворца. Но наместник монастыря, отец Алипий, поговорил со старцем, чтобы тот попросил Господа отодвинуть смерть на некоторое время, чтобы погребение не пришлось под праздник Крещения.

«Хорошо! Ты — наместник, а я — послушник: пусть будет потвоему», — ответил старец.

Умер отец Симеон в Крещенский сочельник, в десять часов утра. Похороны великого старца состоялись через день после празднования Крещения.

Святые мощи преподобного Симеона Псково-Печерского покоятся в Сретенском храме Псково-Печерского монастыря.

Духовные наставления

◊ Кто радеет о своей обители, хранит ее ценности, не расточает, а несет в обитель, того Господь спасет и наградит, и это послушание — радеть во всем об обители — Матерь Божия считает выше всего. И кто кладет в кружку (при сборе на монастырь), того Матерь Божия наградит талантом.

◊ Одна паломница спрашивала старца Симеона несколько раз про своего сына — спасется ли он? Однажды он ей ответил: «Ты мне надоела со своим сыном… Как он может спастись, если сам этого не хочет?» Но она начала опять испытывать терпение старца, продолжая спрашивать: спасется ли он? Тогда старец ответил ей: «Тебе очень хочется, чтобы он спасся? Он может спастись только через скорби, а все скорби падут на тебя. Но ты уж тогда не ропщи, переноси их с терпением и без ропота». И сын ее стал сильно болеть…

◊ Старец учил всех добросовестно относиться к труду. Иногда у паломника отпуск кончался прямо накануне большого праздника, но старец благословлял уезжать. «Кто любит свой труд, у того дар Божий», — говорил он.

◊ На вопрос: «Строить дом или обождать?» — старец давал благословение строить, при этом говорил: «Живой думает о живом».

◊ — Батюшка, как удобнее спастись? — спросил я старца.

— Дело спасения столь важно, — отвечал мне старец, — что все дела мира сего, как бы они ни казались великими, в сравнении с этим делом, первейшим и важнейшим, суть как бы безделье, или как тело без духа. Святые отцы называют дело спасения наукой из наук и искусством из искусств. Все науки и знания суть ничто без науки спасения. Священное Писание нам говорит, что спасение «во мнозе совете» (то есть должно совершаться со многим рассуждением), а посему нам должно обращаться с этим вопросом к опытным старцам и духовникам: «Если кого разумного, то есть опытного в духовной жизни, увидишь, то ходи к нему с раннего утра, и пусть нога твоя истирает пороги дверей его».

Надо знать, что путь спасения — путь Креста, а не льготной жизни. В деле спасения важнейшую роль играет Священное Писание и писания святых отцов — это лучшее руководство ко спасению. Сколько погибло крещеных христиан от того, что не хотели обратить внимания на основание нашей веры — священные книги. Некий святой отец сказал: «Все думы ваши посвятите прилежному чтению священных книг. Из них вы увидите, как спасти свои души». Через чтение священных книг спасающийся

избегает многих опасностей, ошибок и заблуждений, в особенности если он не имеет счастья быть под руководством опытного духовного отца. От незнания Священного Писания происходят ереси и развратная жизнь. Незнание Писаний — незнание Христа!

Но при чтении священных книг надо иметь осторожность: ни в коем случае не читать инославных сочинений — в них нет Духа Святого, у них свой дух — мрачный, льстивый, дух ереси темной и гордой.

После чтения священных книг немалую также роль для спасения души играет покаяние. Кроме покаяния, нет иного пути ко спасению. Ныне люди спасаются только скорбями и покаянием. Без покаяния нет прощения, нет и исправления: душа человеческая погибает. Если бы не было покаяния, то не было бы и спасающихся. Покаяние есть лестница, вводящая в рай. Да, в покаянии — вся тайна спасения. Как это просто, как ясно! Но мы как поступаем? Оставляем указанное нам Богом спасительное покаяние и стремимся к упражнению в мнимых добродетелях, потому что они приятны для наших чувств; потом малопомалу, неприметным образом заражаемся «мнением».

Посему желающему спастись надо чаще каяться. Бремя грехов наших снимается покаянием и исповедью.

Желающий спасти свою душу должен помнить, что спастись невозможно без скорби и искушений, а посему и должен благодарить Бога за все скорбное. Болезни, несчастья, клеветы, обиды, неприятности, гонения и тому подобное есть спасение для человека.

Скорби есть по преимуществу удел спасающихся последнего времени: «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22).

Спасение наше — на Кресте, а именно в крестных страданиях. Через напрасные скорби и страдания мы прививаемся ко Кресту Христову и из него приемлем силу Крестную — очищающую, освящающую и благословение Божие привлекающую. Нет иного пути ко спасению, как только через Голгофу и Крест. Как нельзя без воздуха дышать, без пищи — жить, без ног — ходить, так нельзя без скорбей войти в Царствие небесное. Кто чуждается скорбей, тот отрекается от своего спасения и за временную сладость этой жизни лишается вечного, присноблаженного покоя.

Наша жизнь — одна минута в сравнении с вечностью, и потому «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славою, которая откроется в нас» (Рим. 8, 18) (если будем достойны) в будущем веке.

Кроме вышесказанного, желающий спастись должен приобрести, по слову святого Варсонофия, великое смирение. А чтобы приобрести его, надо знать, в чем оно состоит.

Смирение же состоит в том, что человек признает себя грешником, не делающим никакого добра перед Богом; смирение — это когда он тщательно соблюдает молчание, когда не усиливается, чтобы кто-либо принял его слова, когда он отвергает собственную волю, удерживает зрение, постоянно имеет грядущую смерть перед глазами, воздерживается от лжи, не произносит пустых слов, старшему не противоречит, терпеливо переносит бесчестие и понуждает себя переносить труд и скорби.

Истинно смиренный всех, как себя, любит, никого даже мысленно не осуждает, всех жалеет, всем желает спастись, в себе же видит свою греховную нечистоту и со страхом помышляет, как будет отвечать на суде Божием; но не предается отчаянию или унынию, а твердо надеется на Спасителя своего.

Истинно смиренный, если и имеет какие от Бога дарования: молитву, или слезы, или пост, или что иное — все сие тщательно скрывает, ибо похвала людская, как моль или ржа, все изъедает.

Истинно смиренный себя всегда осуждает. Молит Бога даровать ему благодать не оправдываться. Смиренный, когда появляются нехорошие мысли, укоряет себя: «В таком грешнике, как я, и должны быть такие недостатки». Смиренный сознает себя достойным всякого наказания за злое произволение сердца своего. Но он не бежит от Бога и не отчаивается во спасении своем, а к Тому, Кого оскорбил и Кто готов праведно наказать его, к Тому Самому благонадежно обращаясь, взывает: «Боже! милостив буди мне, грешному!» (ср.: Лк. 18, 13). Смиренный делает добро тому, кто делает ему зло. Смиренный говорит о каждом брате в сердце своем: «Поистине он лучше меня» — и почитает его выше, разумнее себя, и приписывает свои подвиги подвигоположнику Богу. Смиренный чужд ненависти, прекословия и непокорства и обладает добрыми качествами: беззлобен, приветлив, удобоумилен, милосерден, тих, благопокорлив, беспечален, бодр, неленостен, не любопытствует о непостижимых предметах. Смиренный все последнее избирает, одежды любит самые простые и всякие трудные работы исправляет безропотно.

Чтобы соделать спасение своей души, недостаточно ограничить себя одним уклонением от зла, но надобно делать и добро. А святой Иоанн Златоуст говорит нам к тому же, что спасение не в том состоит только, чтобы не делать зла, но и в том, чтобы самим мужественно терпеть зло.

Спастись невозможно тому, кто ничего не делает для спасения ближнего, а посему самое главное внимание христианина должно быть обращено на спасение душ наших ближних. Живи для других — и сам спасешься.

Спасение еще заключается в борьбе с нашими страстями.

Кто в семье живет, тому спасение и от семейных добродетелей.

Весьма важную роль играет для спасения дружба и связь с людьми и место, где мы живем. Слово Божие нам говорит: «С преподобными преподобен будешь и с развращенными развратишься» (см.: Пс. 17, 26–27). И удобное уединенное место дает удобство для спасения. Уединение удаляет от человека суету мирскую, оставляет его с самим собою и Богом. Уединение способствует очищению сердца и помышлений. Оно возбуждает подвиги и самоотречение. От уединения рождаются умиление и кротость. Пребывание в келье в молчании, в упражнении (как в молитве, так и в поучении день и ночь закону Божию) делает человека благочестивым.

Спасение души, далее, немало зависит от последних минут жизни, по слову Спасителя: «В чем застану, в том и буду судить».

Вообще вся эта кратковременная земная жизнь с ее бедствиями и скорбями дана человеку, чтобы он употребил ее на свое спасение, то есть на возвращение себя от смерти к жизни. Спасение, или оживотворение Духом Святым, совершается при посредстве Искупителя, Господа нашего Иисуса Христа.

Закончу свое слово древним поучением: «Милостыней купи, стяжи себе помилование от Бога, смирением — вечную славу, чистотою и целомудрием — венец, кротостью — в рай вхождение, молитвою — с ангелами житие. Стяжи себе трудом — покой, молитвенным бдением — общение с Богом, постом и жаждою — наслаждение вечными благами. Имей рассуждение духовное: возноси ум свой к Богу, но низводи и долу, размышляя, что рано или поздно все в землю возвратимся. Внимай чтению книг Божественных, сокрушайся о грехах, говори одну правду, уста чаще открывай для молитвы, руки отверзай на подаяние нуждающимся, сердце удержи от гнева, в теле сохрани чистоту, в пище — воздержание, колена преклоняй на поклонение Богу. Если сохранишь сие, то и будешь чадом Света и сыном Царствия небесного — спасешь душу свою».

◊ — Отец Симеон, я замечаю в себе, что часто впадаю в осуждение. Как победить мне сей злой порок, хотя мне и приходилось читать предсказание преподобного Нила Афонского, что люди XX века очень будут осуждать других?

Старец Симеон на это отвечал мне:

— Добрый человек всех людей видит добрыми, а злой и лукавый не только криво, но и прямо ходящих подозревает, укоряет, осуждает и злословит.

Осуждаем же мы наших ближних оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, своими недостатками, грехами, страстями, тому некогда замечать за другими. Помня собственные

грехи, о чужих мы никогда не подумаем. Безумно оставить своего мертвеца, свою душу, и идти плакать над мертвецом ближнего.

Осуждая порочных людей, мы сами себя осуждаем, потому что и мы не свободны от грехов. Когда мы покроем согрешение брата своего, тогда и Бог покроет наши согрешения, а когда мы обнаружим грех брата, и Бог объявит согрешения наши.

Язык осуждающего злее ада: даже ад возьмет только злых, а язык пожирает и злых, и добрых. Строгий суд о ближнем показывает не доброжелательство, а ненависть к человеку.

Осуждая других и черня их честь, мы сами себя бесчестим.

Осуждающий вредит троим: себе самому, слушающему его и тому, о ком говорит. Ибо не только осуждать грешно, но и слушать осуждающих грех. «Кто говорит клевету, — сказал некто, — и кто слушает ее — оба имеют диавола: один — на языке, а другой — в ушах». Если бы ты был добр, то не стал бы говорить худо о другом. Даже и явных грехов нам оглашать не должно. Будем лучше замечать в других добродетели, а в себе находить грехи.

Чтобы не осуждать, мы должны заниматься своей душой, узнавать свои душевные болезни, свою нищету. Узнать самого себя — самое трудное и самое полезное знание. Сподобившийся увидеть себя, говорят отцы, выше сподобившегося увидеть ангелов.

Многие хотят узнать, что делается в чужих странах, а что в своей душе находится, не знают и не ищут. А ведь познание себя, своей греховности и есть начало спасения. Для того же, чтобы лучше и вернее узнать, изучить себя, нужно следить постоянно не только за своими словами и действиями, но и за мыслями, чувствованиями, желаниями — как корнем наших слов и дел.

Чтобы приучить себя никого не осуждать, нам надо сразу же помолиться о согрешающем, дабы Господь исправил его, надо воздохнуть о ближнем, дабы вместе с тем воздохнуть и о себе.

Не осуждай ближнего: тебе грех его известен, а покаяние его неизвестно.

Чтобы не осуждать, надо бегать от осуждающих и хранить свой слух. Возьмем одно правило для себя: осуждающим не верить; и другое: никогда не говорить худо об отсутствующих.

Не мысли ни о ком зла, иначе сам сделаешься злым, ибо добрый помышляет доброе, а злой — злое. Будем помнить старинные народные поговорки: «В чем кого осудишь — в том и сам побудешь»; «Знай себя — и будет с тебя». Краткий путь ко спасению — не осуждать. Вот путь — без поста, без бдения и труда.

◊ Еще спросил я:

— Отец Симеон, мне хотелось бы узнать, какие есть виды добрых дел?

Старец ответил:

— Ответ мы найдем в книге «Уставы». Вот что там пишется:

«Почитать всех людей, тело свое умерщвлять и порабощать, не искать утех, любить пост, быть чужду делам века сего, не быть многоядущим, вечной жизни желать духовным желанием, бояться дня судного, страшиться геенны, не любить многословия и слов, смех возбуждающих, часто прилежать молитве, грехи свои со слезами и стенаниями каждодневно исповедовать Богу в молитве; не желать, чтобы называли тебя святым, прежде чем будешь таким, не любить состязаний, прежде захода солнца мириться с тем, с кем придется размолвиться, никогда на отчаиваться в милосердии Божием».

Много еще имеется добрых дел, но одно — высшее всех — это рассуждение, или духовная мудрость, о которой не все знают. Она достигается через молитву и смирение — временем и опытностью, и каждая добродетель нуждается в ней — по слову святого Антония Великого. Не всякое добро угодно Богу, а только сделанное правильно, с рассуждением, как говорят, «в разуме».

Например, можно поститься, но с ропотом на пост, или на пищу, или на приготовителя пищи; можно поститься, но осуждать непостящихся, поститься и гордиться или тщеславиться постом, поститься от мертвого мяса, а есть «живое»: языком обижать или осуждать ближнего. Можно также терпеть болезнь или скорбь, но роптать на Бога или людей, жаловаться на свою участь, раздражаться, обижаться. Можно исповедоваться в грехах, но утаить грех, или не простить обидчика, или не иметь веры, что тебе грехи простятся, оправдывать себя, не сокрушаться о грехах и не иметь намерения исправить свою жизнь. Можно молиться, но без участия сердца, или рассеянно, или с леностью, или поспешно, или дремать при этом.

Такие «добрые дела» бывают неугодны Господу, так как делаются без рассудительности.

Духовную же мудрость можно приобрести:

1) через вопрошания и беседы со старцами и духовниками, то есть с духовно-мудрыми отцами;

2) через чтение священных книг, особенно святоотеческих и старческих;

3) через посещение храма Божия, где проповедуется Божие слово.

Не излишне также сказать, что к мудрости относятся: мудрое употребление времени, беззлобие, смирение, память смертная, трезвение

духовное; мудрость — знать, когда сказать и когда промолчать; мудрость еще заключается в выборе друга и вообще лица, которому можно было бы доверить свою душу; мудрость — иметь общение с теми, кто может быть полезен своею праведной беседой; мудрость — делать все с советом опытных, обдуманно; даже расходовать деньги только на нужное — есть тоже мудрость.

Старец Афиноген (в схиме Агапий) (1881–1979)

Старцу Афиногену довелось пройти крестный путь страданий — в сталинских лагерях, в ссылке, в оккупации. Но, как писал сам старец, «и в тюрьме, и в лагере — везде Господь охранял меня от смертных случаев».

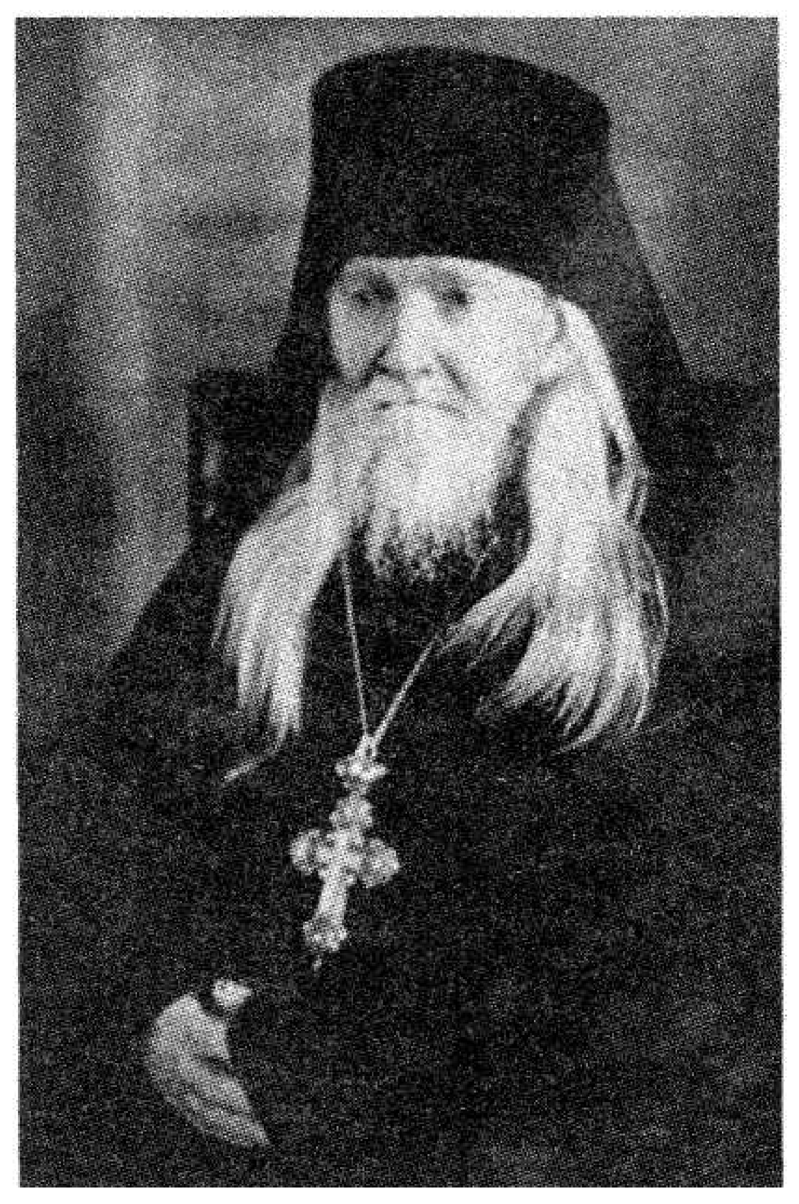
С 1947 года отец Афиноген стал проходить служение в Псково-Печерском монастыре.

В 1960 году он стал братским духовником и, кроме этого, ему было назначено послушание отчитки бесноватых. Сам преподобный Симеон перед кончиной благословил старца Афиногена на это послушание.

Последние годы старца были посвящены его духовным чадам и паломникам, Невозможно передать все случаи исцелений, которые произошли по молитвам старца.

«Еду к батюшке, рука болит и глаз совсем не видит. Плачу: „Батюшка, помоги! Ты только перекрести руку и глаз“. Батюшка потрогал мне руку и сказал: „Да будет тебе по вере твоей“. И глаз перекрестил. Через день домой уехала. Боль в руке прошла. И вдруг мысль: „Закрой здоровый глаз, читай другим“. А потом у меня в уме: „Ведь он же не видит совсем“. Но все-таки я попробовала так сделать, и оказалось, тот глаз прозрел и видит лучше, чем тот, который был здоров».

«Приехали из Норильска мать с дочкой. Девочке лет пять — не говорит и не слышит. Мать рыдает: „Батюшка, помолись“. Стали они ходить вместе с другими к батюшке отчитываться. Девочку подводили с трудом к елеопомазанию. Но месяца через два она стала говорить и слышать. И жили они до учебы примерно года полтора. Все ходили к батюшке. И это не случайность, а чудеса. Я была очевидицей этого чуда».

Духовные чада знали о прозорливости старца, о том, что он всегда с ними, знает о каждом их шаге, каждой мысли. Духовных чад старец исповедовал хотя и строго, но милостиво и обычно не назначал никаких особых епитимий. Порой старец, вздыхая, говорил: «Вот пойду ко Господу. Он меня и спросит: почему не давал епитимий? А я только и отвечу: уж очень я народ любил».

7 мая старец был пострижен в схиму с именем Агапий, а 24 июня 1979 года мирно отошел ко Господу.

Духовные наставления

◊ На исповеди старец прежде всего требовал осознать два великих наших греха и каяться в них: первый — это неблагодарность Богу за все, что Он дает нам, а второй — отсутствие истинного страха Божия, благоговения перед Ним; а уж потом нужно было рассказывать о всех других грехах, из этих двух проистекающих.

◊ Летом, живя на даче, я любила пройтись — погулять на свежем воздухе. Вот иду раз мимо соседнего дома — люди там сидят во дворе, отдыхают, в карты играют, а я все думаю: вот ведь ни о чем духовном даже и не помышляют, ничего-то, бедные, не переживают. Приезжаю затем к батюшке, а он вдруг и спрашивает: «Ну что — все гуляешь?» Отвечаю: «Да». А батюшка продолжает: «Вот люди-то — все сидят, все в карты играют, ни о чем духовном не думают. А мы ведь — мученики Христовы!» Я удивилась, как он мои мысли знает, и подумала: «Да отчего же — мученики? Какие же мы — мученики?» Он тут и отвечает: «А оттого, что если мы и согрешаем, то ведь как потом-то сами о своих грехах страдаем — и тем мучаемся… И вот, хоть нас и мало, а все же мы-то — Христовы!»

◊ Если тебе будет очень трудно, то ты моли Бога так: «Господи, дай мне покой…»

◊ Паломнице (по молитвам старца вылечился ее сын), спросившей, как можно за это отблагодарить, старец сказал: «Господа благодари». «А как Его благодарить?» — спросила женщина. Старец ответил: «Жизнь веди угодную Богу — вот и отблагодаришь…»

◊ Старец говорил о блудном сыне (см.: Лк. 15, 11–23), как тот все расточил, а потом вернулся к отцу с покаянием. Старший сын, говорил старец, — это ангелы, а младший — это мы, грешные. И Господь заклал тельца упитанного — Своего Сына, Иисуса Христа.

◊ Вот настанет третья тысяча лет, вот тогда Господь сатану освободит; вот он тогда верующих будет мучить через неверующих. Сатана всю свою силу пустит на верующих, но это еще не конец, а начало болезней. Голод будет сильный, будут есть свои тела.

◊ Ты живи проще — как малое дитя. Господь такой любвеобильный, что ты и представить себе не можешь. Хотя мы и грешные, все равно иди к Господу и проси прощения. Только не унывай — будь как ребенок. Он, хотя и разбил самый дорогой сосуд, все равно с плачем идет к отцу, а отец, видя свое дитя плачущее, забывает тот дорогой сосуд. Он берет это дитя на руки, целует его, прижимает к себе и сам же уговаривает свое дитя, чтобы оно не

плакало. Так и Господь, хотя, бывает, что мы делаем и смертные грехи, Он все равно ждет нас, когда мы к Нему придем с покаянием.

◊ То, что мы больные, то это надо только благодарить Господа: этим Он нас к Себе зовет.

◊ Надо приобрести смирение, и тогда вселится Святой Дух; все будет хорошо.

◊ Мы — земные, и поэтому все в страстях. И земные не могут быть с небесными, а когда победим все страсти, то будем и земные, и небесные.

◊ Старец так говорил о пути в Царствие небесное: «Надо постепенно туда идти, и тебе надо еще потрудиться над собой. Кто бежит бегом туда, то его тащат назад. Он — пустой. Чего там такому делать? А ты потихоньку — и дойдешь туда, только не спеши».

Потом говорит: «Сам Господь велит читать Псалтирь; ты это запомни хорошенько, что мне Господь сказал, когда я был у Него на Тайной вечери… Я ведь сейчас живу только телом здесь, а как закрою глаза, то и предстою в небесном кругу. У меня весь ум занят Господом… Я лежал у ног Спасителя; потом взял Он меня за руку и сказал: „Я тебе все грехи простил“. Еще Господь говорил мне: „Ты иди к себе и говори всем, что сотворил тебе Господь. Ты любишь Отца, а Отец любит тебя; ты Ему сын, а Он твой Отец, потому что ты исполняешь волю Его“. И ты следи за собой, ни на кого не смотри и ни с кем попусту не разговаривай».

◊ Без Бога — ни до порога. Если все твои дела идут хорошо, гладко, значит, Господь их благословил, и любое задуманное дело делается, а если какие препятствия будут в чем, значит, верно, это против Божией воли; лучше и не крутись — все равно ничего не получится, а подчинись воле Божией.

◊ Когда старцу сказали, что нет ни милостыни, ни милости, старец ответил: «Кто даст тебе по шапке, а ты поблагодари его — вот тебе и милостыня».

◊ Когда старцу говорили, что не могут удержаться от обиды, от злопамятства, старец отвечал: «В это время проси Господа — далеко-то ходить не надо — Дух Святой всегда здесь. Говори: „Душе Святый, помоги мне удержаться от злопамятства“».

◊ Ты меньше говори и положись вся на волю Божию, ведь так легче жить.

Ты все равно сама ничего не можешь сделать, помочь себе. И не обижайся ни на кого, а надейся на Господа. Пусть Он Сам управит тобою: упования же надеющихся на Него — не посрамит.

◊ Ты хочешь все добродетели сразу взять. А ты возьми одно что-нибудь маленькое и этим спасешься — будешь у Бога. Нужно послушание

духовному отцу; главное же — откажись от всех своих желаний.

◊ Старец говорил, что до сорока лет можно и от себя чего прибавить в разговоре, если что хорошее, а после сорока надо больше молчать.

◊ Если ты согрешаешь и просишь Господа о прощении, то Он и прощает — надо только самой осознать свои грехи. Я думаю, что Господь не сможет не простить наших грехов, если мы будем каяться.

Так очищаешь ты свое сердце.

◊ Живи, не тужи, никого не бойся. Если кто поругает — смолчи; а если мимо идешь, когда кто кого ругает или осуждает — ты не слушай.

◊ Старец вспоминает: «Я девочек учил читать Иисусову молитву, объяснял про Святого Духа, как Он действует. Учил их — говорите: „Иисусе Сладчайший, спаси нас“. И посетил их Святый Дух. Так и ты читай. Лукавые духи будут смущать душу, а ты держись крепко в одном богомыслии, говори: „Душе Святый, прииди и вселися в ны“. Конечно, бесы на тебя будут нападать, раз ты их с себя сбросила, но ты держи мысли свои, не отводя их от Бога».

◊ Старец благословлял со словами: «Душе Святый, дай ей быстрое соображение отвечать без застенчивости на вопросы; дай ей познать свою немощь, свои грехи и смирить себя, считать себя хуже всех».

◊ Когда старцу жаловались на уныние, он отвечал: «Ты духом-то побудь в аду, вот так и поживешь еще, чтоб быть совершенной. Человеку для того и дал Господь душу и тело. Если человек не смиряется, Господь наказывает его телесно. Если снова не смиряется, Господь еще больше наказывает, и человек, видя свою беспомощность, покоряется воле Божией, начинает делать добрые дела и кается, призывает Господа».

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) (1910–2006)

С детских лет отец Иоанн рос в церкви: в возрасте шести лет был пономарем, затем исполнял обязанности иподиакона. Владыка Николай (Никольский), услышав, что его двенадцатилетний иподиакон хочет быть монахом, сказал: «Сначала окончишь школу, поработаешь, потом примешь сан и послужишь, а в свое время непременно будешь монахом».

В 1929 году Иван Крестьянкин окончил бухгалтерские курсы, работал в Орле бухгалтером, но был уволен, и в 1932 году переехал в Москву, где стал работать главным бухгалтером на маленьком предприятии (это давало возможность часто посещать храм). С 1944 года будущий старец служил псаломщиком в храме Рождества Христова в Измайлове, а 14 января 1945 года митрополит Николай (Ярушевич) посвятил его в сан диакона. На праздник Иерусалимской иконы Божией Матери 25 октября того же года патриархом Алексием I диакон Иоанн был рукоположен в сан священника в Измайловском Христорождественском храме в Москве, где и остался служить.

Экзамены за курс семинарии отец Иоанн сдал экстерном, и в 1950 году, закончив четыре курса Московской Духовной академии, написал кандидатскую работу. Но закончить ее не удалось. В ночь с 29 на 30 апреля 1950 года за ревностное пастырское служение отец Иоанн был арестован и по приговору («антисоветская агитация») получил семь лет исправительно-трудовых лагерей с отбыванием наказания в лагере строгого режима. Отец Иоанн был отправлен в Архангельскую область, в Каргопольлаг, работал на лесоповале. Через три года по состоянию здоровья (без его просьбы) был переведен в инвалидное отдельное лагерное подразделение под Куйбышевым, где работал бухгалтером. Вернувшись из заключения досрочно 15 февраля 1955 года, отец Иоанн был назначен в Псковскую епархию, а в 1957 году перемещен в Рязанскую епархию, где священствовал, в общей сложности, почти одиннадцать лет.

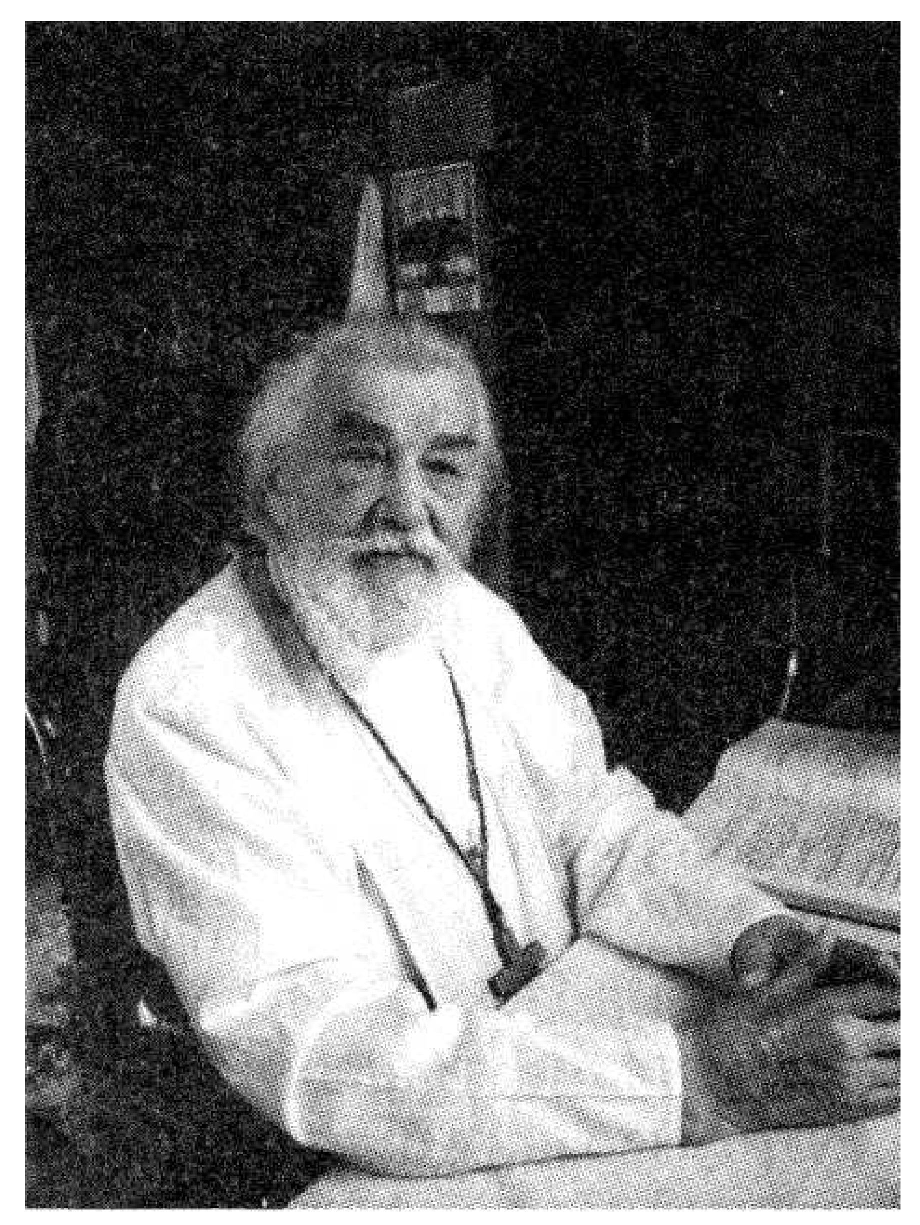
Молодого священника приняли под свое духовное попечение глинские старцы, и один из них, преподобный Серафим (Романцов), стал его духовным отцом, и именно он принял монашеские обеты своего духовного сына. Отец Иоанн принял монашество 10 июня 1966 года, на праздник преподобного Сампсона Странноприимца, в городе Сухуми.

5 марта 1967 года отец Иоанн поступил в Псково-Печерский монастырь и почти сорок лет был насельником этой обители. Со всех концов страны и из-за рубежа к отцу Иоанну приезжали верующие за советом и духовной помощью. Это был достойный наследник традиций печерского старчества, мудрый, радостный и прозорливый священник, строгий монах, усердный постник и молитвенник, искренний послушник, щедро делившийся своим богатым жизненным опытом, согревавший своей любовью каждого, кто обращался за его советом.

О том, как проходил день великого старца, рассказывает его письмоводительница: «Он вставал в пять часов каждый день и шел на братский молебен. Уже бьют в колокол к обеду, час дня, а он только врывается в келью и еще хвост посетителей с собой приводит. Причем он и в храме, и потом по дороге идет — все время в толпе людей, а потом еще назначает на после обеда, перед службой. Тех, кто в этот день уезжал, батюшка обязательно всех принимал. А ночью после двенадцати принимал братьев. А уж после них, я, бывало, уйду даже, до ворот дойду — кого-нибудь посылает за мной: „Пусть вернется“. Значит, кто-то еще там свалился на голову из приезжих. И утром все сначала. Не знаю, когда он отдыхал».

Иногда батюшка шутливо сетовал: «Вот, набрал чад полРоссии… Что теперь делать?»

Особое впечатление производило служение отца Иоанна. Его отличала собранность, благоговение, осмысленность всех действий и возгласов. Мы, например, часто автоматически произносим «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу». А у отца Иоанна каждое слово имело смысл: именно «Слава», именно «Отцу» и так далее. Каждое слово шло от сердца — и к сердцу стоящих в храме.

Достигнув преклонного возраста, батюшка не мог уже принимать всех нуждающихся, но до последнего времени отвечал на письма множества людей со всех концов мира. Часть из них была напечатана — вышли несколько изданий «Писем архимандрита Иоанна (Крестьянкина)», получили широкую известность публикации его проповедей и другие книги, в том числе «Опыт построения исповеди».

Скончался всероссийский старец через полчаса после причастия в своей келье 5 февраля 2006 года, в воскресенье, в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских, у ног которых он воспитывался и одним из которых был он сам.

Духовные наставления

◊ Три воли руководят жизнью: Божия, вражья и наша человеческая, и никто не освободит человека от борьбы при выборе, за кем последует он.

◊ Живите каждый день с Богом, и Он проведет нас сквозь бури жизни в покой и со спокойным сердцем. Все Им, все от Него и все к Нему.

◊ Жизнь сейчас трудная, шквал устрашающей информации расшатывает и без того хрупкое равновесие. Чтобы на эти от врага возбуждаемые бури мы не реагировали так болезненно, надо твердо верить, что миром правит только Бог, и стараться, елико возможно, жить по заповедям Божиим.

◊ Теперь, при оскудении духовных руководителей и при ослаблении веры верующих, Господь дал людям нелицеприятного руководителя, который и лечит, и учит, и вразумляет — это тяготы жизни — скорби и болезни. Ум людской — каверзен, сердце стало лукаво, и поэтому крайне трудно контролировать свои действия, а Господь, зная это, дал нам горькое Врачевство от душевных недугов — физические болезни. Так что молитесь, не отчаивайтесь.

◊ Воля Божия о нас та, чтобы мы, живя на земле, научились познавать Бога и с радостью и желанием следовать воле Божией — единственной спасительной и наполняющей жизнь истинным содержанием. А человек может делать любую работу — от самой ничтожной до самой великой — и спасаться этим или погибать. Будешь жить для Бога, ради Бога и во славу Божию — вот и спасение, вот и истинный, а не эфемерный смысл жизни.

◊ Волю Божию можно и нужно выполнять в любом деле и при любых занятиях и на любом месте. Дело не в том, чем мы занимаемся, но как относимся к делу и что для нас главное. Так что не сетуйте на творчество, это занятие ничем не хуже всякого другого. Если ты не забываешь, во имя Кого и во имя чего ты творишь, то и отношение будет разное: одно дело — во славу Божию проповедовать творчеством и жизнью своей идеи, которые принес Спаситель, другое дело — во славу свою блеснуть, отличиться. Разбирайся, детка! Твори во имя любви к людям, ведь это вторая главнейшая заповедь, и тогда любовь к миру изольется слезами по нему — страдающему, болящему, утратившему главное. Так не сетуй на внешнее, но исповедуй свою немощь, и смирится вознесенная было гордыня. Много надо трудов понести, чтобы строился дом души. Строй, детка. Он не раз еще будет шататься и даже нарушаться, пока созреют ум и душа. Набирайся терпения, чтобы терпеть свои несовершенства.

◊ Много всякой техники попустил Господь изобрести человеку, и пользовались ею и многие люди, которые впоследствии признаны в Церкви святыми. И техника не помешала им отдать свои сердца безраздельно Богу. Компьютер — это из той же серии. И одни выпускают на компьютере религиозную литературу, а другие творят безобразие. И пользуясь одной и той же техникой, одни спасаются, другие погибают уже здесь на земле. Так что не бойтесь «страха, идеже не бе страх». Живите по законам Божиим и отдавайте кесарю — кесарево, а Богу — Божие. И спасемся.

◊ Не планируй сейчас свою жизнь, молись: «Скажи ми, Господи, путь, воньже пойду, яко к Тебе взях душу мою». И увидишь чудо Божьего водительства по жизни. Главная цель — Богоугождение ради любви к Богу, из него возрастает спасительный плод.

◊ Благой закон супружеской жизни — к себе быть построже, а к мужу поснисходительнее.

◊ Одной девушке, приехавшей просить благословение на брак, батюшка сказал: «А на Голгофу готова? Если готова — выходи».

◊ Приучайте себя всякое дело начинать и оканчивать молитвой. И тогда жизнь пойдет внешне прежним руслом, но содержание ее будет иным. Она вся будет освящаться Божиим благословением.

◊ Попробуй, сама поживи внимательно хоть один день, понаблюдай за собой. Кто ты-то есть по отношению к людям? Сначала узнай себя, потом попробуй хоть день прожить, сопротивляясь греху. Узнаешь, как это трудно; а, узнав, научишься снисходить к немощам человеческим и не будешь никого осуждать. Два греха самых страшных для спасения в человеке — осуждение и соблазн.

◊ Красиво и почетно ставить поклонные кресты, но когда дело доходит до личного поклонения Кресту, то здесь мы стремимся поклонения избежать. Но если избегать, то и спасение сомнительно.

◊ Реставрацию не оставляй, тебя любят святые, которым ты даруешь свой труд. Но трудись по силе и возможностям, а не сверх сил.

◊ Я не мог бы благословить ваш брак. И объясняется это мое решение очень просто.

Ваш брак не будет христианским, вы не будете создавать домашнюю церковь и стремиться строить свои отношения, как того требует Церковь. Ведь по Вашему осознанию, Вы — человек неверующий. И вот это-то и есть тот самый «плуг», который пройдет по жизни З. и перепашет ее.

…От креста нам не уйти. Но есть во спасение, который несут с помощью Господа и по Его благословению, а есть самодельный, под которым человек часто падает, ибо нет ему помощи свыше, и этот крест не

утешает человека надеждой на спасение. Смею думать, что именно таким самодельным крестом было бы это замужество для З…

◊ Однажды батюшке рассказали об одном священнослужителе, который расстался со своей женой, а потом захотел жениться на другой. Он положил жребий за икону и сорок дней читал акафист. И выпал ему жребий — жениться. Он решил, что это воля Божия. Отец Иоанн ужаснулся: «Какие же ты мне страшные вещи рассказываешь! Разве мы по внушению, разве мы по жребию живем? Разве может быть воля Божия, чтобы каноны нарушать?! Ты ему скажи: если он будет каноны нарушать, люди в церковь не пойдут, и он там будет один, с холодным кадилом».

◊ То, от чего Вы собираетесь бежать, найдет Вас везде. И в глуши, и в столице: новая система учета вступает в действие. Нам бы всем не от компьютеров бежать надо (это техника), а от своих собственных грехов. Но ведь нет, их мы холим, раскармливаем до безобразия и живем, ими услаждаясь. И Писание предупреждает людей, что «наступят времена тяжкие, потому что люди будут горды, надменны, сребролюбивы более, чем боголюбивы». А об опасности от техники там нигде не сказано. Но то, что побегут с запада на восток и с востока на запад, тоже извещено, и все это будет совершаться под руководством врага. А Бог везде: и в Луге, и в Костроме, и чадам Своим поможет везде.

◊ В отношении новых документов, проходящих через компьютер, все уже сказал Святейший и наш Синод. Сейчас эти документы в том виде и с такой подачей опасности для нас не представляют. Но, безусловно, что это один из этапов в подготовке к будущему страху. Запомни и уясни для себя волю Божию: «Сыне, даждь Ми твое сердце» — не паспорт, не пенсионное удостоверение, не налоговую карточку, но сердце. Вот за чем следить-то надо неусыпно и со всем тщанием — кому мы в жизни служим, чем живем. Любовь, радость, мир, милосердие — при любых государственных системах Богом посрамлены не будут. А если человек забыл Бога и живет наживой неправедной, молитву и церковь из жизни даже и у священнослужителей вытеснил телевизор и всякие безобразные видики, то поверь мне, печать уже стоит у многих, даже и при документах старого образца. Ведь через то безобразие, чем напичкивает себя современный человек, причем сам, добровольно, с любовью и желанием, уже ничто Божественное пройти и войти в человека не может. Наше сопротивление грядущему страху одно-единственное — наша вера в Бога, наша жизнь по вере. А все те смущения, смятения и неразбериха для того так властно и входят в жизнь, и потому входят, что нет живой веры, нет доверия Богу. И все это вражье вытесняет спокойствие духа и благонадежие. Живи же спокойно, молись Богу и доверяй Ему. Господь ли не знает, как сохранить Своих чад от годины

лютой, лишь бы сердца наши были верны Ему? Писать прошения о присвоении нам номеров мы не будем, а если их проведут без нашего на то произволения, сопротивляться не будем. Ведь получали же мы в свое время паспорта и были все в системе учета государственного, так и ныне. Ничего не изменилось. Кесарю — кесарево, а Божие — Богу.

◊ Насчет войны мне ничего не известно, кроме той, что каждый человек ведет ежедневно. Молиться надо, это и есть школа молитвы. Молитве лучше всего учит суровая жизнь. Вот в заключении у меня была истинная молитва, и это потому, что каждый день был на краю гибели. Повторить теперь во дни благоденствия такую молитву невозможно. Хотя опыт молитвы и живой веры, приобретенный там, сохраняется на всю жизнь. Дело не в количестве, дело в живом обращении к живому Богу. Вера в то, что Господь к тебе ближе, чем кто-либо из самых близких, что Он слышит не шелест уст твоих, но слышит молитвенное биение твоего сердца и чем оно наполнено в момент твоего обращения к Богу. А ты человек семейный и за каждого члена семьи ответственен пред Богом, а значит, за всех должно болеть твое сердце. Умудри тебя Бог! И начни-ка с исполнения наказа преподобного Серафима Саровского: «Радость моя, стяжи дух мирен», — и не только твоя семья, но тысячи спасутся около тебя. Вот и все. Смотри, как учит нас жизнь жить. Хочешь быть довольным и счастливым — живи в Боге, а на нет — и счастья нет.

Архимандрит Геннадий (в схиме Григорий) (1911–1987)

Архимандрит Геннадий (Давыдов) служил в селе Покровка, недалеко от Белгорода. Здесь проходили ожесточенные бои Курской дуги, и храм был почти разрушен. Пришлось приложить немало усилий, чтобы восстановить храм.

С первых дней служения отца Геннадия в Покровке (он начал служить здесь в конце 1957 года) к нему потянулся народ. Батюшка обладал особым даром слова, его проповеди доходили до каждого сердца.

Служение старца происходило сосредоточенно, собранно, благочинно. В храме стояла тишина.

Отец Геннадий был прозорлив — мог открыть на исповеди грехи, в которых духовные чада не признавались даже самым близким, знал о внутреннем состоянии души исповедника. Когда у старца спросили, можно ли отпеть священника, который покончил жизнь самоубийством, старец на следующий день ответил, что его надо отпевать как убиенного. Вскоре выяснилось, что этого священника действительно задушил староста храма.

Молодой человек, приехавший за благословением на брак, показал старцу фотографию своей невесты, и старец сказал: «Так она же без креста». Девушка была действительно некрещеной, но не знала об этом.

Как-то к отцу Геннадию приехала паломница с просьбой помолиться о больной сестре, которая находилась при смерти. Старец сказал: «Сестра твоя будет жить, а ты готовься». Вскоре сестра выздоровела, а паломница через три месяца умерла.

Военному, которого отправляли в Афганистан, старец сказал: «В Афганистан, говоришь? Да, плохо, плохо. Ну ничего, вернешься через год, ну, самое большее, через год и два месяца». Тогда никто еще не знал о выводе войск из Афганистана. Но через год этот военный должен был выйти из Афганистана с первой группой войск, но затем вывод его части отложили на два месяца, и он приехал в срок, предсказанный старцем, без единой царапины.

Когда отца Геннадия спросили, почему так рано умер один молодой человек, которого он не знал, старец ответил: «Значит, он стал в тягость многим людям». Вспоследствии узнали, что он действительно отравлял жизнь нескольким семьям.

Время от времени у отца Геннадия обострялись болезни, которые тянулись еще со сталинских лагерей, с ссылки. Болящий старец сам посылал своих духовных чад к врачам, благословлял на необходимые операции, но перед этим требовал серьезно исповедаться, причаститься, пособороваться, отслужить молебны. Старец говорил, что, по словам премудрого Сираха, Врачевство — от Бога, советовал, помолившись Господу, призвать врача, ибо Господь умудрил его. Но прежде чем обратиться к врачу, говорил старец, нужно покаяться в своих грехах с семилетнего возраста, причаститься, пособороваться, отслужить молебен о здравии, и тогда небесный Врач поможет земному врачу, и тот сотворит чудо исцеления.

Сам отец Геннадий лечился у врачей, хотя любил приводить слова преподобного Амвросия Оптинского (его письма он всем советовал читать), который говорил, что избежать болезней по нашей греховности невозможно и немножко прибаливать бывает полезно для души. Нужно не лечиться, а подлечиваться.

Едва только состояние старца немного улучшалось, он начинал принимать многочисленных посетителей, полулежа на диване.

Он не исцелял явно, но известны многие случаи исцелений по его тайным молитвам. Когда старец узнал, что один водитель автобуса лежит в больнице с диагнозом рака, он сказал его друзьям: «Никакой у него не рак, а дурак, пусть не выдумывает. Работать не хочет». Узнав о словах старца, водитель сбежал из больницы, и на этом его болезнь кончилась.

Старец Геннадий был противником «отчиток» и считал, что раньше многие священники могли изгнать молитвой бесов, а сейчас таких людей почти нет. В наше время, считал он, Господь попускает страдать от болезней до конца жизни, чтобы люди искали помощи у Бога и каялись в своих грехах.

Старец любил идеальный порядок, следил, чтобы иконы содержались в идеальной чистоте. Когда видел пыль, мог провести пальцем и иронически сказать: «Святая пыль». За столом вели себя чинно, как на каком-нибудь приеме, где следят за соблюдением этикета. У старца было обыкновение начертывать крест ложкой в тарелке и только после этого есть. Часто, попробовав борщ, старец говорил: «Господи, помяни того, кто варил его». Как-то принесли чай. Старец, отхлебнув, приказал позвать того, кто его заваривал. Пришла некая раба Божия. «Ты молитву читала?» — «Простите, батюшка». — «Забирай, пить это невозможно».

Старец Геннадий, будучи монахом и строгим подвижником, жил в миру, служил на приходе, и потому был вынужден вникать в тонкости мирской жизни: знал, когда и что нужно сажать в огороде, как квасить капусту, мог приготовить вкусную скоромную еду.

В последние годы жизни отец Геннадий заметно ослабел, ходил с палочкой. Услышав звон часов, старец крестился и говорил: «Еще на один час ближе к смерти». Но и в болезнях он оставался бодрым духом, старался не пропускать ни одного богослужения, любил пошутить. Однажды женщина пожаловалась: «Батюшка, ноги болят», и старец, едва ходящий сам, ответил: «Возьми мои».

В апреле 1985 года старец Геннадий был пострижен в схиму с именем Григорий.

19 июля 1987 года схиархимандрит Григорий отошел ко Господу.

Духовные наставления

◊ Каких грехов у нас нет? Только тех, которые не существуют. Но какие грехи Господь не прощает? Только нераскаянные.

Что тяжелее: мешок песка или камней? Мешок песка. Так и наши грехи. Если они велики, но их не так много, то мы можем хотя бы их разглядеть и принести покаяние. А попробуй разглядеть песчинки! Это такие грехи, которые мы часто и за грехи не считаем: осуждение, обидчивость, пустословие, лень, подозрительность и другие. Но их-то целый мешок! Один старец, чтобы показать разницу в грехах и прежде всего серьезность мелких грехов, приказал тяжко согрешившему монаху занести тяжелый камень на колокольню. А другим монахам, его осуждавшим, предстояло поднимать мелкие камни. Их было видимо-невидимо, и носить их следовало по одному. Первый, хотя и с большим трудом, исполнил приказание, а другие небольшую часть перенесли и обессилели. Зато, осознав, как тягостно иметь множество мелких грехов, просили у старца прощения. Если у нас большая рана, бежим к врачу, а на царапины не обращаем внимания. Но бывает, что незаметная ссадина приводит к заражению крови. Так и малые грехи приводят порой к серьезным последствиям. Свои грехи человек будет помнить и на том свете. И святые сокрушались о грехах, хотя и прощенных. Так рана на теле человека хотя и не болит, а шрам виден.

◊ Человек, который не оставляет грехов, даже если и кается в них, подобен морю, которое, хотя в нею и впадает много рек, всегда остается соленым, и вода в нем непригодна для питья.

◊ Прохождение мытарств можно сравнить с подъемом по лестнице. Как по гнилой лестнице высоко не поднимешься, а свалишься и сломаешь себе шею, так и греховный человек не может пройти мытарства.

◊ Ионафан, сын Саула, чуть лизнул меду и едва не поплатился жизнью (см.: 1 Цар. 14, 24–45). Сладок грех — лизнул, а потерять можно жизнь вечную. Человеку дан от Бога разум, который он может использовать во зло или на добро. Если к человеку попал нож, он может им резать хлеб, а может и кого-нибудь убить. Так и мы свои способности вольны использовать на добро или во зло.

◊ Если старец видел, что кто-либо не приносит искреннего покаяния, а просто автоматически говорит: «Простите», — то отвечал: «Бог простит и прохворостит».

◊ Если будешь уделять так мало внимания своей духовной жизни, то уподобишься дорожному указателю, который хотя и показывает, куда ехать, но сам остается на месте.

◊ Часто старец говорил поговорками: «Не говорят тому, кто не слушает, и не бьют того, кто не плачет»; «С одного вола двух шкур не дерут» (когда хотели на одного человека взвалить всю работу); «Каждого барана привязывают за свои рога» (то есть каждый будет отвечать за свои грехи). О лукавых говорил: «Собачий хвост волку не приделаешь», «Серого волка добела не отмоешь».

◊ Когда зашла речь о воспитании детей и стали спорить, нужно ли их наказывать, старец взял зеленую веточку сирени, обмотал ее вокруг пальца несколько раз, показывая тем самым, что пока веточка молодая, мягкая, крути ее, как хочешь, а когда задеревенеет, чуть согнешь — она может и сломаться. Так и ребенок: пока маленький, его можно повернуть в нужную сторону, а подрастет, станет творить свою волю — не переделаешь. Наказывать ремнем можно, только нечасто и с вразумлением. Если при необходимости хотя бы раз накажешь чувствительно, потом достаточно будет только сказать: «Накажу», — или показать ремень, достигнешь того же эффекта. Если же угрозы не помогают, со временем можно еще раз проучить ремешком. Но все хорошо до определенного возраста, а дальше можно исправлять нравы только убеждением.

◊ Спастись можно только в Церкви. Если ты вскочил в переполненный автобус, то хотя тебя и давят со всех сторон, ты всетаки едешь. Так и церковный человек: хотя и имеет искушения, но с Божией помощью он преодолевает все.

◊ Когда при старце сказали, что в неверующей семье тяжело вести духовную жизнь, старец сказал: «Праведный Лот сумел спастись и в Содоме, а Иуда погиб и в обществе апостолов».

◊ Приехала к старцу как-то девяностолетняя монахиня и сказала: «Я ни разу в жизни не испытала блудной страсти». Старец ответил: «Погоди, еще испытаешь». Через некоторое время монахиня приезжает к нему со слезами, в отчаянии: «Батюшка, спасайте, погибаю, горю, как в огне». Старец стал молиться, и искушение прошло. «Никогда не хвались, запомни: нельзя тщеславиться своими добродетелями», — сказал старец.

◊ Престарелая монахиня жаловалась, что не в состоянии вычитывать свое монашеское правило. Старец сказал: «У нас с тобой теперь осталось одно правило: „Боже, милостив буди мне, грешному“».

◊ Старец очень внимательно относился к произнесению молитв: «Если твое имя будут коверкать, приятно тебе будет? А когда ты обращаешься к Богу, тем более нельзя делать ошибки».

◊ При унынии старец советовал читать 34-й псалом и молитву в конце 5-й кафисмы.

◊ Священники спрашивали, какую епитимию налагать за аборты. Старец отвечал: «Люди сейчас слабые, достаточно каждый день, утром и вечером, совершать по три земных поклона с молитвой „Пресвятая Троица, помилуй нас…“».

◊ На вопрос: «Можно ли избавиться от помыслов?» — старец отвечал: «А ты можешь поймать птицу в небе?» — «Нет». — «А не дать ей свить гнездо на дереве?» — «Могу». — «То же и с помыслами. Главное — не дать им свить гнездо в нашем сердце».

◊ Когда старца спрашивали, хорошо ли ездить по разным монастырям и церквам, он отвечал: «Когда оставишь себя, поезжай куда хочешь».

◊ Один священник спросил у старца, как спастись. Старец ответил: «Всех люби и от всех беги».

◊ Старец говорил: «Смирение — основа всех добродетелей. Колос, когда он пустой, болтается во все стороны, а когда нальется зерном, склоняется, и ветры ему уже не страшны. Так и человек: пустой болтается туда-сюда, а смиренный при всех искушениях не может повредиться».

◊ Одна прихожанка осуждала кого-то из духовенства. Старец сказал: «Давай лучше помолимся за него». Поставил ее с собой на молитву и три часа молился. После этого у женщины пропало желание осуждать священников.

◊ Когда старца спрашивали: «Если священник смущает своим поведением, можно ли у него исповедоваться и причащаться?» — старец отвечал: «Как по гнилым проводам идет ток, так и при совершении таинств благодать действует независимо от личных качеств священника».

◊ «Великий грех что-нибудь унести из церкви, — говорил старец. — Если человек гвоздь возьмет, то и за него даст ответ на страшном суде. И наоборот, если человек хотя бы и малое что сделает для церкви, например, полы помоет в храме, то не останется без награды. Кто получает в церкви деньги за работу, тот наемник, и горе такому человеку, если творит это дело с небрежением.

◊ Старец говорил, что без добрых дел, без любви к ближнему все тщетно. Даже регулярное хождение в храм не гарантирует спасения. Если при этом нет исполнения заповедей Божиих, то можно разделить участь бесплодной смоковницы. Старец предостерегал: «Господь, увидя, что на смоковнице нет плодов, сказал: „Да не будет же впредь от тебя плода вовек“ (Мф. 21, 19), — и она тотчас засохла. И мы не имеем никаких добрых дел, лишь одни слова, как та смоковница, которая только шумела листвой. Как

мать откликается на каждый крик ребенка, так и мы должны спешить делать добрые дела по первой же просьбе».

Схиархимандрит Серафим (Тяпочкин) (1894–1982)

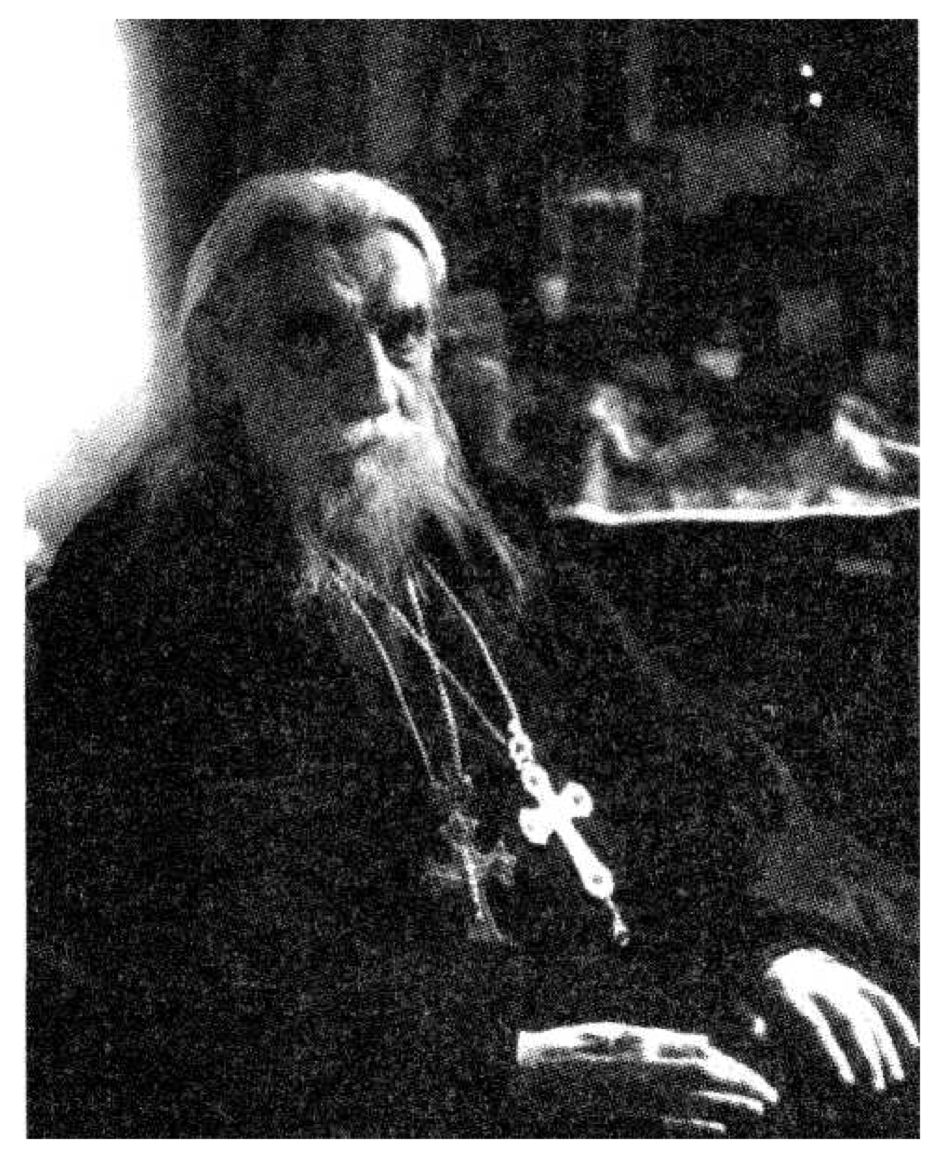
Отец Серафим (Тяпочкин) более двадцати лет был духовным чадом старца Геннадия — их приходы были расположены недалеко друг от друга, старцы довольно часто виделись друг с другом, и родство душ облегчало им тяготы пастырского служения.

До принятия монашества отец Димитрий (мирское имя старца Серафима) служил в разных храмах, и ему в полной мере пришлось пройти весь крестный путь русского священства — закрытие храмов, переход с места на место, пребывание в сталинских лагерях.

Когда старца много позже спросили: «Батюшка, били ли вас в лагере?» — он кротко ответил: «Чем я лучше других? Что всем было, то и мне. Я рад, что Господь сподобил меня пострадать вместе с моим народом и потерпеть сполна все скорби, которые не единожды выпадали на долю православных. Всю свою жизнь я благодарен Богу, что никогда не оставался в стороне от трудностей тех лет… Горе и лишения, которые происходят с нами, надо принимать как милость от Бога».

В 1960 году отец Димитрий принял монашеский постриг с именем Серафим (преподобного Серафима Саровского старец с детства считал своим небесным покровителем).

С 14 октября 1961 года и до конца жизни отец Серафим был настоятелем Никольского храма в селе Ракитном Белгородской области. Он принял храм в полной разрухе, с разбитыми окнами, с прогнившим полом. В алтаре стены были покрыты инеем, во время службы шел снег. В первые дни никто не приходил на богослужение, но службы шли ежедневно, хотя в храме был только старец Серафим и его келейница мать Иоасафа.

Когда келейница замерзала, старец отпускал ее погреться, а сам оставался на молитве в храме. Для него уже не имело значения — тепло или холодно в храме. Он везде ощущал силу Божиего присутствия, заступления и помощи. Главное было — молитва.

Постепенно Господь послал старцу помощников и благотворителей, храм стал ремонтироваться и украшаться. На службу стало приходить все больше молящихся, вокруг старца стали собираться люди.

«Как-то в храме во время ремонта работали строители, люди, совершенно далекие от веры. Не очень-то утруждая себя, они в обед подвыпили, хорошо закусили и, уже разомлевшие, готовились к послеобеденному отдыху. С приближением отца Серафима они запанибратски проронили: «Ну что, отец?» Наблюдая за этим, я внутренне сжался, подумал: «Как они себе такое позволяют? Ну, сейчас он им покажет!» Батюшка остановился, внимательно посмотрел на всех. Потом

стал подходить к каждому, обнимал, обхватывал ладонями голову, долго глядел в глаза и нежно целовал в обе щеки. Никакая грубость, никакое пренебрежение не могли устоять перед батюшкиной любовью! Ошеломленные, притихшие, вмиг протрезвевшие строители тут же взялись за дело», — вспоминал иеродиакон Николай (Трубчанинов).

Слава о старце шла по всей России. Пройдя круги ада в сталинских лагерях, он не утратил любви, сумел сохранить ее в своем сердце и к друзьям, и к врагам. А Господь, видя это, приумножил ее во сто крат. Со всех концов страны стекались к нему страждущие, жаждущие утешения, совета и молитвы. В келии и возле храма, где служил отец Серафим, каждый день можно было видеть десятки и даже сотни людей. Были здесь архиереи и священники, иноки и инокини, студенты Духовных школ и писатели, преподаватели вузов и военные, но больше всего было простых, известных одному только Богу мирян. Всех с любовью принимал батюшка Серафим. Никто не оставался неутешенным.

Все годы пастырского служения старец Серафим пребывал в стесненных обстоятельствах — он не мог принять всех, кто нуждался в его духовном окормлении. Эти обстоятельства порождались запретами уполномоченных Совета по делам религий, которых раздражало каждодневное паломничество в сельский храм. Своим духовным чадам старец все объяснял своей физической немощью.

Из бесед старца можно почувствовать, как он переживал сложившуюся ситуацию. Отец Серафим говорил: «Дети мои духовные! Отцовско-пастырским долгом считаю необходимым оповестить вас, что по состоянию своего здоровья и по сложившимся обстоятельствам не могу принимать вас у себя на дому и вести беседы. За мной остается духовное руководство лишь в храме, состоящее в молитвах. Болящие, страждущие и скорбящие! Вы обращаетесь ко мне, прося моих молитв. „Всецелебная моя сила — Христос!“ — восклицал в дни своей земной жизни святой великомученик Пантелеимон и я, недостойный, — тоже.

Сколько раз приходилось исправлять ваши обращения, „что прибыли сюда лечиться“. Я не лечу, а молюсь. И если по молитвам больные получают исцеление, страждущие — ослабу, скорбящие — утешение, то это от Господа. Вести об этих исцелениях распространились далеко. Вы стекаетесь сюда с разных мест, принять же вас я уже не в состоянии. В силу этого за мной остается общецерковная молитва о болящих, страждущих и скорбящих: в храме — у жертвенника и святого престола, частная — у себя в келии. Я повторяю, что никаких бесед отдельных я вести не могу ни в храме, ни на дому. Прошу за все прощения и ваших святых молитв. Да

укрепит пастыреначальник Христос мои телесные и духовные силы и даст возможность стоять у святого престола до последнего моего издыхания…»

Старец молился за всех, знал нужды каждого и делал все, чтобы облегчить страдания человеческой душе. О себе он не думал, никогда не отдыхал, в привычном понимании этого слова — когда чувствовал сильное утомление, ложился на кровать, не снимая сапог, и дремал пятнадцать-двадцать минут, и затем снова становился на молитву. Часто старец и спал, не снимая сапог. Его никогда не видели в другой одежде, кроме подрясника (у него и не было гражданской одежды). Он не снимал подрясника никогда, даже во время гонений и репрессий, хотя перенес в те времена много насмешек и поруганий.

По смирению старец Серафим скрывал свои подвиги и духовные дарования: прозорливость, дар исцелять. Но скрыть это было невозможно.

Одна из многочисленных паломниц, бывавшая у старца, рассказывала: «Батюшка говорит проповедь и сам плачет, вслед за ним начинают плакать все слушающие его. Однажды приехала к батюшке в Ракитное из Львовской области молодая женщина. Головные боли не давали ей покоя, врачи были бессильны помочь. Стоит в храме, вытирает платком слезы, непрерывно текущие из глаз, и говорит мне: „Ничего понять не могу. Приехала издалека с надеждой исцелиться, успокоиться, а тут и батюшка, и все плачут, вот и я плачу, не могу удержать слез, что происходит, понять не могу. Мне еще хуже стало. Стоять в храме тяжело, еще сильнее болит голова". Я ей отвечаю: „Посидите на скамеечке, отдохните и почаще приезжайте к батюшке. Господь поможет“. — „Да, да, мне говорили об этом…“ Она стала часто бывать у отца Серафима, исцелилась и уже не удивлялась, почему она и все слушающие проповеди отца Серафима плачут. Ибо через слово отца Серафима душа воспринимала Духа Святого, приходила в смирение и очищалась через слезы покаяния».

Старец Серафим отошел ко Господу 19 апреля 1982 года.

Духовные наставления

◊ Пробудим в себе жажду слышания слова Божия!

Как часто бывает в нашей жизни, что среди ежедневных трудов и забот нам некогда прийти в храм Божий, где проповедуется слово Христа, нам некогда и дома взять в руки Его спасительное слово. Осуетились мы с вами, погрязли в тине грехов и беззаконий, утопаем в повседневной суете.

И слышится нам предостерегающий голос Спасителя: «Марфо, Марфо, Печешися и молвиши о мнозе; едино же есть на потребу. Мария же благую часть избра» (Лк. 10, 41).

Не будем же лишать себя этой благой части. Будем и мы стараться слышать слово Божие и исполнять его. В нем мы найдем ответы на волнующие нас вопросы своей жизни. Постигнет ли нас какая-нибудь скорбь и болезнь, слово Божие нас утешит и научит, что все от Бога, что кого любит Бог, того и наказывает, что причина всякой скорби и болезни в нас самих — в грехах наших.

◊ Путь следования за Христом — путь Креста и самоотвержения, и другого пути нет. Не радость, не веселие завещал Божественный Учитель Своим ученикам, а в лице их и нам, но скорби и печали, из которых состоит жизнь. «В мире скорбни будете» (Ин. 16, 33). «Будете ненавидимы всеми». «Если бы вы были от мира, мир бы любил вас; но так как вы не от мира, то мир ненавидит вас». «Поминайте слово Мое…»

◊ Нам приходится переносить всякие жизненные испытания, и в них мы должны слышать голос Божий, призывающий нас.

В жизни нашей бывает так: муж лишается жены — самого верного, самого надежного друга в жизни. Несчастный страдающий брат! Это зовет тебя Христос. Иди к Нему. Он утешит тебя, Он даст тебе покой души.

Жена теряет мужа — жизненную опору свою, кормильца детей своих. Несчастная вдова! Это зовет тебя Христос. Иди к Нему. У Него обрящешь покой душе своей.

Смерть уносит в могилу дорогих и близких нам людей. В жизни нашей часто скорбь тяжелым камнем ложится на сердце, слезы льются из очей наших, руки опускаются. Мы теряемся, готовы впасть в уныние.

Но среди этой глубокой, беспросветной скорби, как светлый луч надежды, озаряет нас Христос и слышится голос Его: «Приидите ко Мне… и Аз упокою вы».

◊ Искание Царства Божия и правды Его должно быть основной целью нашего земного бытия, то есть всей нашей земной жизни.

Милосердный Господь сотворил окружающий нас мир, Он сотворил и нас с вами. Он сделал нас участниками мирского блаженства. Он воззвал нас из небытия в бытие, Он дал нам жизнь, которой дорожит каждый из нас.

Но для чего мы с вами живем? Для того ли только, чтобы заботиться, что нам есть и что пить, во что одеться? Нет, не для того. Не заботьтесь об этом. Господь говорит нам в сегодняшнем евангельском чтении: «Душа не больше ли пищи и тело одежды? Не заботьтесь и не говорите: что нам есть, или пить, или во что одеться? Потому что всего этого ищут язычники и потому что Отец ваш небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам». Этими словами Господь не запрещает нам трудиться, ибо Он любит и благословляет наши труды, ибо заповедал: «в поте лица твоего снеси хлеб твой» (Быт. 3, 19). Но наши труды, наши заботы о телесных потребностях не должны превышать забот и трудов о спасении наших душ, о искании Царства Божия и правды Его. Если в поте лица мы должны трудиться ради куска насущного хлеба, то не менее нужно приложить трудов для достижения Царства Божия и правды Его.

◊ Многими скорбями нам подобает внити в Царствие Божие (см.: Деян. 14, 22). Но как мы должны их переносить? А вот как. В сегодняшнем апостольском чтении апостол Павел говорит: «Хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения — опытность, от опытности — надежда, а надежда не постыжает…» (Рим. 5, 3–5).

Не страшиться мы должны скорбей, не бояться их, не смущаться ими, но, по слову апостола, хвалиться ими — радоваться.

Архимандрит Павел (Груздев) (1910–1996)

«Последний монах» — так называл себя отец Павел. С ранних лет он воспитывался и рос в монастырях — ребенком жил у своей тетки в Мологском Афанасьевском женском монастыре, выполняя монастырские послушания, позднее — в Варлаамо-Хутынском монастыре. Из рук святителя Тихона, который правил в те годы Ярославской епархией, принял маленький Павел подрясник, ремень, скуфейку и четки, принял как благословение на монашество. И хотя отец Павел был пострижен в монахи поздно, когда ему уже было за пятьдесят лет, он всю жизнь считал себя иноком и жил по-монашески — даже в заключении, в лагере, в ссылке.

«Иногда я (протоиерей Сергий Цветков. — Ред.) спрашивал у него: „Батюшка, вот тебе Господь помогает во всем, такие глубокие вещи открывает… Это за то, что ты нес в своей жизни такой подвиг?“ На эти вопросы он мне всегда отвечал: „А я ни при чем, это лагеря!“ Помню, как он разговаривал с матушкой Варварой, игуменьей Толгского монастыря, и на ее похожий вопрос ответил: „Это все лагеря, если б не лагеря, я был бы просто ничто!“

Только в 1958 году (после окончания ссылки, после получения реабилитации) Павел Груздев был рукоположен во диакона, затем во пресвитера, а через несколько лет пострижен в монашество, к чему давно стремился.

Он не был насельником монастыря, тридцать лет прослужил в сельском храме, но слава о прозорливом старце распространялась среди верующих людей, и многие ехали в ярославскую глубинку за советом и утешением.

«Все мы, кто общался с батюшкой, — вспоминает протоиерей Сергий Цветков, — знаем, что Господь наделил его даром прозорливости. Хотя, как человек смиренный, он этот дар тщательно скрывал ото всех. У него был особый дар совета. Все советы, которые он давал, были не то что полезны, а — спасительны. Очень глубоко он судил о жизненных случаях, ситуациях, которые происходили с его чадами. Его талантливость проявлялась даже в почерке: у него был ровный, абсолютно каллиграфический почерк, какого в наше время уже не встретишь.

Конечно, его таланты, в частности дар совета, имели духовную основу. За этой глубиной понимания стоял огромный опыт, молитвенный труд, знание духовной жизни. Сколько раз, когда я спрашивал его о каком-нибудь

человеке (которого он, кстати, в глаза никогда не видел!), он так метко и верно его оценивал, что я поражался… Особо мне хотелось бы сказать о подвиге юродства, который нес батюшка. Его юродство было очень тонкое, иногда на грани разумного, иногда вроде и переходя эту грань. Но если начать обдумывать — ничего неразумного в его поступках не было. Была парадоксальность, которой отличается поведение юродивых».

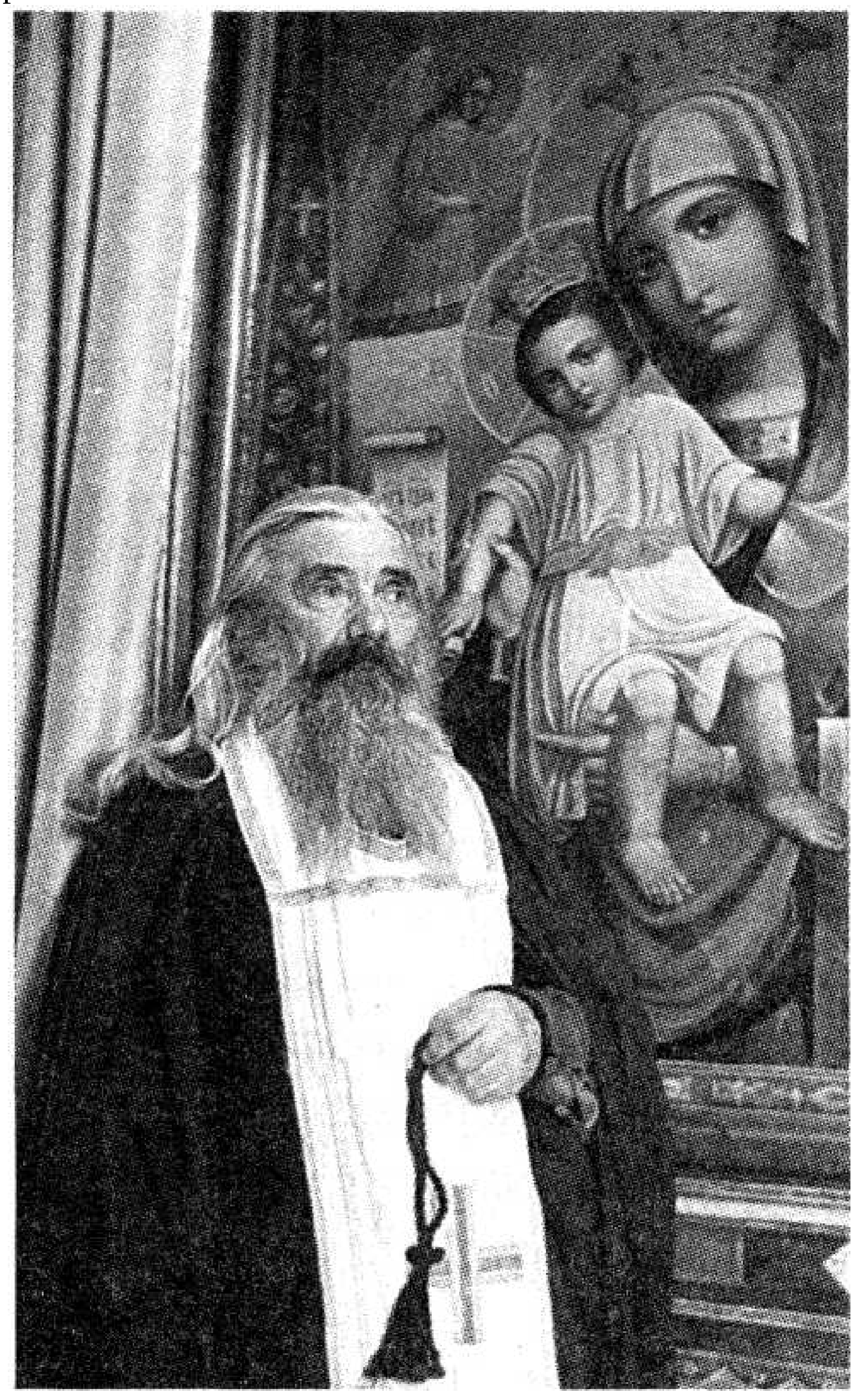
В конце восьмидесятых годов отец Павел почти ослеп и в 1992 году был вынужден уйти за штат, поселился в Тутаеве, при Воскресенском соборе, где, несмотря на болезнь, служил, проповедовал, принимал народ.

Его блаженная кончина последовала 13 января 1996 года.

«Старец был одним из тех немногих уходящих подвижников и исповедников веры, которых Господь хранил для Русской Церкви конца XX века, — писал об отце Павле Сергий Цветков. — Он был живым источником благодати и милости Божией. Вся его жизнь — подвиг и во многом вдохновляющий пример для подражания.

Читая воспоминания об отце Павле, невольно задумываешься: а был ли какой вид подвига, который бы отец Павел не совершил? Или какая заповедь, которую бы он не исполнил? Служение ближнему? — Он ухаживал за больными и помогал слабым. Служение Богу? — Он был исповедником и страдальцем за Него. Гостеприимство? — Он славился им на всю округу: всех поил и кормил с радушием. Спрошу еще, был ли он милосердным? — Да. Он утешал скорбящие сердца, тайно творил милостыню и учил этому других. Был ли он усердным молитвенником? — Да. Его горячая пастырская молитва была искренней, сердечной, действенной. И простираясь, словно столп огненный, от земли до неба, была по-детски простодушной. Исполнил ли он заповедь странноприимства? — Вполне. Он всех приезжих всегда устраивал на ночлег. Можно ли нам его самого назвать странником? — Да. И этот подвиг имел место в его жизни. Он очень любил ездить по святым местам, он также был странником и пришельцем, когда его насильственно перемещали по стране из лагеря в лагерь. Спросим, терпел ли батюшка болезни? — Да. Его терпению удивлялись лечащие врачи и восхищались все, кто видел, как он переносил страдания и боль. Был ли он тружеником? — Эту заповедь он соблюдал с малолетства и до старости. Он также прошел хорошую школу на разнообразных монастырских послушаниях. Кроме тайных подвигов отца Павла, ихже один Бог весть, нужно прибавить сюда его юродство Христа ради, которым он старался скрыть свою духовную высоту и святость. Нужно добавить сюда его старческое служение и нравственную чистоту, добавить, что он победил духа уныния и помогал победить его другим. Духовное обаяние старца было и в его слове, и в его деле, и во всем его монашеском

облике. Он был, по слову апостола, «для всех всем» и с каждым мог говорить на его языке.

Когда отец Павел умирал, он был похож на русского былинного богатыря. Во время последнего соборования в больнице его чистое

благородное лицо, в котором всегда отражался лик Христов, светилось неземной красотой, несмотря на страдания. И в самой его смерти и на похоронах его мы все ощущали прикосновение к небесному блаженству, чувство умиротворения и праздника. Потому что „благодать и милость в преподобных Его и посещение во избранных Его“».

Духовные наставления

◊ У отца Павла спрашивали: «Батюшка, как ты живешь?» Он отвечал: «„Раз дощечка, два дощечка — будет лесенка“. Пошел в лес, взял бревно, испек хлеб — вот тебе и живу. „Раз словечко, два словечко — будет песенка“. Я говорю: Марья (келейница отца Павла. — Ред.), благословен Бог наш. А она: Аминь. Так и живу».

— А нам-то как жить, батюшка?

— А вот как:

Друг любезный! Так живи:

Плохим мыслям и пожеланиям в сердце двери затвори.

Читай Иисусову молитву, да поменьше говори.

◊ Добро делай — верующему ли, неверующему. Не нам судить! Пьянице ли, разбойнику… Не пьянице делаешь ведь, человеку. Помни — первым разбойник вошел в небесное Царство: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!» И Господь сказал: «Сегодня же будешь со Мной в раю!» И ты — делай, как разбойник благоразумный, и Господь тебя помилует.

А молиться за всех надо. За всех! И за верующих, и за неверующих. По примеру Христа! Если обидят: «Господи! Прости! Не знают бо, что творят». А как жить? Святитель Митрофан говорил: «Употреби труд, имей мерность — богат будешь! Не объедайся, не опивайся — здоров будешь!» А всего шибче: «Твори благо, избегай злаго — спасен будешь!» Вот так. Ищите прежде Царствия Божия, а остальное все — приложится вам! Потихоньку да помаленьку.

◊ Родные мои! Копейки потеряешь — наплевать! Какую одежу потеряешь, украдут — да наплевать! Совесть не теряй! У совести нет зубов, а она загрызет до смерти.

Как чистая совесть — я пожил на веку, повертелся и на спине, и на боку — да как чистая-то совесть, старухи! Как придешь — чего поешь, да как ляжешь — на чем ляжешь… Да как спишь! Господи! Дольше бы не будили.

А как грязная-то совесть! Из бани придешь, чаю напьешься крепкого, сахару как льду в сахарнице-то, папошник (хлеб. — Ред.) мягкий. И похлебка теплая — всего нахлебаешься. Ляжешь. Да что же не спится-то? Аух! Совесть не дает!

Не теряйте совесть! Совесть потерять самое страшное. Родные мои! Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов!

◊ Сейчас идет пост. Пост — телу чистота, душе красота! Пост — ангелов радование, бесов горе. Но надо помнить: в наше время лучше

совсем не поститься, чем поститься без ума. Сказано: будьте мудры, яко змия. При жизни святителя Тихона был у него в монастыре келейник Кузьма. Вот в Великий пост идет Кузьма в церковь, а его приятель несет судака:

— Отец Кузьма! Я тебе судака несу на Вербное воскресенье.

— Спаси тебя Господи! На тебе целковый.

Судака отнес домой и опять в церковь. А там другой приятель Яков, двадцать годов не видались!

— Яков, ты как сюда попал?

— А вот так попал. Пришел с тобой прощаться. Больше не увидимся. Из Питера приехал к тебе.

«Господи, чем же я Якова угощу?» И бегом домой. Судака того очистил, из головы и потрохов уху сварил, остальное все зажарил. И снова в церковь. Помолились с Яковом.

— Яков, пойдем!

Сидят, едят судака в келье. Вдруг дверь открывается и входит святитель Тихон. Они ему в ноги:

— Владыка, прости!

А он:

— Ребята, ешьте! Любовь превышает пост. Ты последнее ему отдал, ешьте на здоровье!

И сам — а он великий постник был, святитель Тихон, — и кусок рыбы съел, и ухи похлебал.

Знаю старуху — она умерла. Постница была страшная. Шла наша старуха и вдруг упала. А мужик-пьяница на тракторе ехал, подобрал ее и в больницу привез.

Говорят:

— Отец Павел, Дуня-то из Марьино в больнице.

Пришел к ней:

— Ну, чего?

— Дак ведь упала, шибко испостилася.

— Это не ты постилася, а Васька, который тебя в больницу привез.

«Болен был, а вы посетили Меня». Да?

Еще старуха была. Постилася, молилася всю жизнь. На старости — аух — ослепла. Сидит на завалинке. Сын ее не обижает, внучата не обижали. Ну, ела вместе со всеми — молоко, мясо. Ну что есть — то и ешь!

Сердобольная соседка идет:

— Михайловна! Вон я тебе с грибами похлебки принесла. Сегодня постный день-то.

— Ой, да спасибо, Оля!

Сын идет:

— Что тебя, зараза, не кормят? Куски собираешь?

Как эту кастрюлю схватил, этой Оле пендаля дал, Оля через дорогу летела. Кастрюлю швырнул в крапиву. Мать за шиворот домой. Долго Михайловна стонала.

Ешьте, старые, что дадут! Чашка молока не отнимет Христа! Ты молоко-то пей, а из людей кровь не пей! Верно? Верно! Вот так.

Не особо давно позвали меня на Борок.

— Отец Павел! Приди! Маму причасти!

Пришел — интеллигентный дом, что ты! Живут — рай! Радостно у них в доме. Женщину причастил, напутствовал. Хозяин мне и говорит:

— Отец Павел, знаешь что, ты к нам никогда так не зайдешь. А я по такому случаю пригласил тебя к мамке-то.

Да Соловецкие чудотворцы! Да Никола Милостивый! Как распахнул дверь ту, а на столе-то, робята! Нажарено, напекено…

— Отец Павел! На любое место!

Я говорю:

— Парень! Пост!

А он и головушку повесил: «Недостоин, недостоин посещения твоего!» А жена только вздыхает. Я думаю: «Господи… А постто будет…»

— Парень! Режь пирога, давай рыбы, давай стопку!

Ребята! Напился, наелся на две недели и домой пришел с радостью. И парню благотворил. Дай ему, Господи, доброго здоровья. А пост-то… Поститеся да молитеся, когда люди не видят. Верно?

Не кажите себя перед людьми праведниками. Не делай явно, а делай тайно. И Господь тебе воздаст.

Как Христос в гости ходил

(из рассказов отца Павла)

В одном месте прошел слух, что Спаситель придет в этот город. Сам Христос. А кто хороший человек, благочестивый человек, Он придет в гости к нему. А Он каждый день к нам, каждый час к нам. А у этого человека благочестивого будет гостить.

Одна женщина — церковь она посещала, каждый день Евангелие читала, молилась, вела прекрасную жизнь, но гордость у нее была. И вот она сама себе говорит: «Спаситель ко мне придет, обязательно придет». Напекла, наготовила. Этого не было, а пример, притча. Все наготовила. Ждет Спасителя. Самовар вскипятила, мармашели наварила, пирогов напекла, яишницу сделала по-простому — Спаситель придет. Притом же она Евангелие каждый день читала.

Идет мальчишка-сосед и говорит:

— Тетя Маня, ради Христа, пойдем, помоги, с мамой плохо сделалося. Стонет, а мне ее не поднять.

— Не пойду. Ко мне Гость придет. А ты пришел, нахрямдал тута в грязных сапогах.

Прогнала ребенка. Ну чего. Мальчишонка домой пришел, мать поправилася. Слава Тебе, Господи!

А Мария ждет, она верила-верила неложному слову Христа. Обед прошел. Нет. Все глаза проглядела — нету Христа. Ладно. Идет из другой деревни мужчина:

— Мария, коровушка телится, да неладно. Пойдем, помоги ради Христа, ты по коровам-то понимаешь.

— Уходи, ко мне Гость придет, я Гостя жду.

Нету. Прогнала мужика. Мужик пришел домой, корова-то отелилась. Ладно.

А Мария ждет Христа, не дождется. Поздний-поздний вечер. Входит мужчина и говорит:

— Слушай-ка, баба, я овдовел давно да пропился. А как, сами знаете — «стопочки да рюмочки доведут до сумочки». Пропился, бельишко на мне-то старенько. Улатай, постирай.

Во принес грязного-то белья!

— Уходи, провалился бы ты. Выгнала:

— Я Гостя жду.

Нету Гостя. На варенье мухи насели, пирог как дуб сделался, зачерствел, самовар — все уголья пережгла. Нету Гостя, не пришел к ней Христос. Уснула.

Видит сон. Пришел к ней Спаситель. Она говорит:

— Господи, я верю неложному Твоему слову, потому что каждое слово Твое истинно. И вот сказали, что Христос придет, я ждала Тебя.

Он говорит:

— Да, Мария, Я за твою благочестивую жизнь, за твою любовь к храму Божиему к первой тебе пришел. Я к тебе три раза приходил, а ты Меня три раза выгнала.

— Господи. Нет, этого не было.

— Евангелие читаешь?

— Господи, ежедневно.

— Дак вот, — говорит, — баба, слушай, вот здесь написано: «Болен был, а вы посетили Меня». Это приходил-то не Васютко, а это Я к тебе приходил, а ты Меня выгнала.

— Не знала, Господи. Ну а второй-то раз когда?

— А второй раз мужик-то пришел, попросил тебя. Я послал мужика-то, Я навел на корову, чтоб тебя испытать, твою веру. «В беде были, а вы помогли Мне». А ты Меня выгнала.

— Господи, не знала! А третий раз когда, Господи?

— А третий-то раз приходил опять Я к тебе. «Наг был, а вы одели Меня».

— Не знала, Господи!

Врешь, зараза, знала! Потому что вот тут написано: «Кто сотворил единому из малых сих, Мне сотворил». А ты Евангелие читаешь. Вот, родные, вот из этого примера, этого поучения, себе сделайте пример.

Схиархимандрит Зосима (Сокур) (1944–2001)

Отец Зосима родился в тюремной больнице в Свердловской области, где его мать отбывала ссылку за исповедание веры. Детские годы Ивана (так звали отца Зосиму в миру) прошли в Авдеевке, шахтерском городке недалеко от Донецка. Здесь после окончания ссылок и заключений поселилось много сестер Иоанновского монастыря, среди которых была и матушка Антонина, сестра его матери. В этой монашеской общине и рос будущий старец.

В школе Ваню Сокура прозвали «попом». Он не был ни октябренком, ни пионером, ни комсомольцем. «У меня всю жизнь была одна партия, — говорил отец Зосима, — это Матерь Церковь, у меня был один партийный устав — это Евангелие и Закон Божий… Надо мной в школе очень издевались, за то что я в церковь ходил. Перевоспитывали учителя, привлекали школяров: вы там побейте этого попа, чтоб он в церковь не бегал!.. Гонимый, ненавидимый, шел и шел я в храм Божий, бесу на зло…»

С детских лет Ваня Сокур мечтал стать священником, но поступить в семинарию сразу не удалось — началась эпоха хрущевских гонений на Церковь, и у него не приняли документы. Он выучился в техникуме на ветеринара, а через год после окончания техникума стал послушником в Киево-Печерской лавре. После ее закрытия определился в Свято-Духовский скит Почаевской лавры. О недолгом пребывании в скиту отец Зосима вспоминал с любовью: в те годы в Почаеве подвизались преподобные старцы Кукша Одесский и преподобный Амфилохий.

Несмотря на множество препятствий, Ване Сокуру удалось все же поступить в Ленинградскую Духовную семинарию, а затем и в академию, которую он закончил в 1975 году. Тогда же он принял монашество с именем Савватий.

По распределению он был направлен в Одесскую епархию, в Свято-Успенский монастырь, где ему определили жить в той самой келье, которую прежде занимал преподобный Кукша Одесский. Отцу Савватию перешла и схимническая одежда преподобного Кукши, к которой батюшка относился как к великой святыне.

Чтобы ухаживать за матерью, отец Савватий переходит в Донецкую епархию, где становится настоятелем сельского храма святого Александра Невского.

За годы служения отца Зосимы в поселке Александровка Марьинского района полуразрушенная сельская церковь преобразилась. Отец Зосима служил в храме ежедневно. Как рассказывали его чада, «службы у него всегда были длинные, монастырские, но молился он пламенно». Слух об отце Зосиме шел по всей Украине.

Схимонахиня Фомаида вспоминала: «Меня с трудом уговорили поехать в Александровку, одна старая матушка упросила, чтобы я ее сопровождала, там монах служит: какая там молитва! Выехали под Покров. Всю дорогу шел дождь, и я, грешница, все время ворчала в автобусе: не все ли равно, в каком храме молиться, служба везде одинаковая. Мокрые, продрогшие, мы вошли в храм. Стала около дверей, везде темно, только алтарь светится. Я услышала только два слова батюшки: „Мир всем“. Я такого никогда не слышала и не знала, что есть такая молитва. Я как заплакала — и всю службу проплакала. Служба как одно мгновение прошла…»

Служение старца в Александровке, особенно последние два года, было исповедническим — богоборцы всячески притесняли его, арестовывали, избивали. До конца дней у батюшки болели отбитые легкие, на спине вырос горб, на ногах открылись раны.

В 1985 году по настоянию властей старца начали переводить из храма в храм, так что за год он сменил три прихода… В 1987 году отец Савватий был определен настоятелем Васильевского храма в селе Никольское Волновахского района.

«Они решили загнать его в такое место, — писала схимонахиня Фомаида, — куда транспорт не ходит. Проходного транспорта нету: туда уже к нему никто не приедет… Прямо около входа в храм туалет и мусорная свалка, церковный двор порос бурьяном. Храм заброшенный, полуразрушенный, иконостаса нету — вместо него фанерная доска — страшно было зайти. Около храма горелый деревянный сарай — дом священника, окна вросли в землю, внутри — мыши и крысы…»

Но Никольское оказалось святой землей — здесь до революции было явление Божией Матери, здесь жили монахини, изгнанные из Крымских монастырей, здесь хранили предание, что когда-то сюда придет служить монах и возникнут две обители. Так оно и случилось…

О том, что в Никольском служит благодатный старец, вскоре узнали повсюду, и в отдаленный сельский храм, а затем и в основанный отцом Савватием монастырь поехали за молитвой, за поучением, за помощью со всех концов страны. Как пишется в жизнеописании старца, «отец Зосима каждому человеку находил нужные слова, говоря на его языке, как бы вклиниваясь в волну его мыслей: и с ребенком, и с простой крестьянкой, и с ученым профессором, и с практичным хозяйственником, и с впечатлительным поэтом — со всеми говорил он как равный с равными, на их уровне».

Болезней старца хватило бы, по словам врачей, чтобы умереть, и на десятерых. Но, несмотря на свои недуги, до самой кончины, которая последовала в 2001 году, отец Зосима совершал старческое служение, молился и принимал людей. Перед своей кончиной старец снова и снова повторял духовным чадам: «Уже скоро я уйду от вас. Последние деньки моего жития на земле остаются. Всем духовное завещание оставляю: и после кончины держитесь Москвы, держитесь Русской Православной Церкви…»

Духовные наставления

◊ Старец мой покойный говорил: «В последнее время люди отступят от Бога, мало будут молиться Ему и угождать, но Бог от каждого рода будет избирать избранника. И этот избранник будет своей молитвой, своими подвигами, своими страданиями вымаливать грехи всего своего рода». Вот что такое монашество XXI века.

И часто я говорю приходящим, просящимся в обитель: почитаю вас всех как избранников Божиих от этого блудного безумного мира.

Не только за себя умолите Господа, но и за весь свой род умолите — и за прадедов грехи, и о всех сродниках должны монашествующие, как на Руси говорили, «умолить Бога», «вымолить».

◊ В наше время бес особенно культивирует мысли: нам все кругом «роблят» (делают. — Ред.), наводят порчу, колдуют. И когда испытания Господь нам посылает, идем не в храм Божий — к Божией Матери и Спасителю, нет, бес посылает: иди к колдовке, она тебе расскажет. А колдовка эта, бабка сатанинская: «Тебе „поробила“ (навела порчу) мать, тебе „поробила“ невестка, тебе сын „поробил“, там еще кто-то».

Была мирная христианская семья. Как загорелся этот огонь сатанинской злобы, ненависти, ругани — семья распадется. Вот так бес колотит и мутит.

Берегитесь этого, всегда помните: не люди нам «роблят» — мы сами себе «робим» своими грехами, и все за свои грехи страдают. И если страдаем — Богом мы не забыты. Это всегда помнить надо и за все благодарить Бога, как праведный Иов многострадальный. Не только за хорошее благодарить Бога, но и за плохое: за все испытания, за все скорби, за все болезни, за все невзгоды — за все слава Тебе, Господи.

Вот именно такая святая благодарность должна быть у нас: тогда мы и будем детьми Божиими…

◊ Бесконечно повторяю: это ложь нашего времени, мы лжецы, когда говорим: нам «поробили», нам поколдовали, на нас нашептали — ложь это все.

Не люди посылают, а Бог попускает. Попущение Божие и через людей бывает на человека, но люди здесь не виноваты: Господь дает. Книга праведного Иова нам об этом говорит. И мы очень часто лжем перед Богом, когда свои грехи, свои страдания списываем на кого-то; кто-то в чем-то виноват, а не мы.

Нам за это большой грех, что мы на невинных людей плохое думаем. Человек и не подозревает, что мы на него мерзость какую-то думаем. За этот

грех, за эти мысли скверные мы и на суде Божием будем отвечать строго, и эти люди будут свидетельствовать против нас.

Об этом думайте. Никогда не склоняйтесь к мысли, что вам «поробили», поколдовали, что вам порчу навели и все прочие глупости — воля Божия такова. Молитвенный вздох из сердца нашего должен исходить: «Господи, даешь Ты мне болезни, падение греховное какое-то, — помоги мне, дай мне силы спокойно эти болезни, это падение перенести, после падения стать, покаяться, осознать все…» Не будьте греховно упертыми, как некоторые из нас: упрется в грех — я прав, я права. Это гордые и надменные люди, лжецы и обманщики перед Богом.

Всегда духовные силы надо иметь осознать свою неправоту, иметь силы покаяться и исправиться.

Каждый будь себе судией: не оправдывайте свои грехи, не лгите перед Богом, не упорствуйте во грехе, смягчайтесь, исправляйтесь, чтобы за свое греховное упорство не пойти в ад, чтобы обязательно все спаслись, чтобы мы вновь не били своими нераскаянными грехами по лицу Спасителя…

◊ Особенно бойтесь на невинных людей думать плохое — какой это тяжкий грех.

По нашим глупостям люди падают в грех, по нашим глупостям семьи распадаются, по нашим глупостям болеют дети, а мы не думаем об этом, мы все кого-то обвиняем. Мы дочку обвиняем, мы зятя обвиняем — они виноваты. Да ты ж сама, злая змиюка, виновата во всем: через тебя страдают и внучка, и дите. Всех пообвиняет: «Они не понимают, они все во зле, только ж я такая страдалица невинная, я ж такая…» — хоть икону пиши. Это очень тяжкий грех прелести, гордыни нашей.

Берегитесь, осознайте ее. Даю пищу для размышления: из-за нас, из-за нашей гордыни внутренней, самооправдывания своих грехов страдают наши семьи — и мы не осознаем.

Часто приходят ко мне и жалуются на детей, на внуков. Я говорю: когда листочки на дереве болеют, что лечат — листочки или что? Вот вы сами и ответили — корень, родители лечатся, тогда и дети будут оживать, тогда и дети будут радостными, тогда вновь листочки зазеленеют.

Вот как мы должны поступать: в корень смотреть, себя исцелять мы должны, смирять, очищать, а тогда Господь даст чистоту и поколениям нашим.

◊ Прежде всего, родные мои, Бог нас не спросит: какой мы храм построили, какие кресты поставили, золотые или серебряные, какие колокола там будут звонить… А Бог на суде нас о чем спросит? О делах наших, о прошедшей жизни. От своих дел или прославишься, или постыдишься. Вот о чем спросит нас Бог: накормил ли ты голодного, принял

ли ты нищего или странника, посетил ли ты в темнице находящегося, сироту пригрел ли, вот о чем нас спросит Господь на суде — о добрых делах…

Как говорил знаменитый врач Гааз: «Спешите делать добро — жизнь коротка!»

◊ Самое святое слово — «мать». Это слово святейшее. Дай Бог, чтобы мы досмотрели своих родителей, особенно когда они станут беспомощными, немощными, аки дети станут, не роптать на них, не обижаться, не думать, в какой дом престарелых сдать скорей да желать, чтоб они околели, а с любовью докормить, помочь им во всех немощах ихних. Так, чтобы мы с чистой душой могли стоять у ихнего гроба, когда придет их кончина.

По исповедям знаю: сколько мучается сейчас людей, которые гадко относились к своим родителям при жизни. Родители ушли уже в вечность — какие муки совести, а уже поздно: поезд ушел, красные фонари горят…

Так что берегите родителей. Свято относитесь к ним…

◊ «Служу Отечеству!» — что может быть выше этих слов, чем служить Отечеству. Как священник служит святому алтарю, свой труд и молитву приносит на алтарь Божий, так и любой гражданин должен служить Отечеству. Особенно государственные деятели все, военные, и вы также, братия и сестры, служить должны Отечеству.

Вот тогда будет патриотизм у нас, тогда смысл жизни будет, тогда будет нам мирная, спокойная и долгая дальнейшая жизнь.

◊ Господь собрал нас под свод сего священного храма для святой Божественной литургии, для покаяния, для причащения Тела и Крови Христовой и особенно — для молитвы друг за друга. Друг о друге молиться завещевал нам Господь, святые апостолы — и мы это исполняем: и о здравии, и за упокой молимся, поминаем, всех благодетелей поминаем, всех врагов обязательно поминаем — за всех всеобъемлющей христианской молитвой молимся.

И дай, Господи, чтобы молитвы наши были простые — без лукавства, без хитрости, без лицемерия — детские молитвы. «Аще не будете, яко дети — не войдете в Царствие небесное».

Самое дорогое — когда сердце молится, а то часто бывает, что уста слова говорят, а сердце молчит, и пустая бессмыслица получается.

Дай, Господи, чтобы мы просто молились, с душой молились. Господь не требует от нас больших молитв, и святые угоднички Божии знали людскую тяжелую жизнь: не обременяли народ никогда длительными правилами. «Молитесь коротко, но с душой», — говорил преподобный Серафим Саровский. Дал он какое правило для людей? «Отче наш»,

«Богородицу», «Верую» читать — и за это слава Богу, и за эту молитву в этом безумном, тяжком, богоотступном мире — только от всего сердца…

Вот к этой чистой, детской, сердечной молитве помоги, Господи, стремиться, чтобы сердце всегда молилось, чтобы вздох сердечный шел — вот тогда будет и радость в молитве, и смысл в молитве. А то временами мы бормочем, стараемся много прочитать всего, а на сердце пустота — одно бормотание, одно словоблудие идет, одно лишь только отбытие очереди.

Вразуми, Господи, как правильно молиться, с воздыханием сердечным всегда творить молитву. Особенно, начиная какое-то дело, всегда попросите Божьего благословения, и всегда, оканчивая какое-то дело, поблагодарите Бога — за это будет великая помощь Божия нам в делах наших и в жизни нашей.

◊ Как часто привожу пример нашей русской княгини Ольги: как она молилась, как сильно страдала за сына своего — Святослава. Но за его жестокое сердце не призрел Господь на него: так он язычником и погиб лютой смертью. Но зато молитвы бабушки все на внуке Владимире исполнились. И мы чтим, славим, величаем нашего святого равноапостольного князя Владимира, внука святой равноапостольной княгини Ольги. На него по молитвам этой старицы великой призрел Господь, и он стал не только сам христианином, но и просветителем земли Русской.

Поэтому всегда говорю: не унывайте в молитвах! Некоторые по глупости говорят: «да вот, молюсь, да Бог меня не слышит, два года уже молюсь».

Еще двадцать только молимся, еще сорок только — и дай Бог молиться без уныния до последнего издыхания! Так что не унывайте в молитвах! Помните, что молитва наша даром никогда не пройдет — Господь услышит нас. Пусть не сегодня исполнится наша молитва — она через десять лет исполнится, она на внуках наших исполнится, но обязательно всяк глагол Божий исполнится в жизни нашей.

Протоиерей Николай Гурьянов (1909–2002)

Отец Николай родился 26 мая 1909 года в Петербургской губернии в купеческой семье. В семье Гурьяновых любили богослужение, церковное пение. Отец, Алексей Иванович Гурьянов, был регентом церковного хора, старший брат, Михаил Алексеевич Гурьянов, был профессором Санкт-Петербургской консерватории, младшие братья, Петр и Анатолий, также обладали музыкальными способностями. С детских лет Николай прислуживал в храме Архангела Михаила. Однажды в этом храме служил священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский. Отец Николай вспоминал: «Я мальчишкой совсем еще был. Владыка служил, а я посох ему держал. Потом он меня обнял, поцеловал и говорит: „Какой ты счастливый, что с Господом…“»

В 1926 году Николай Гурьянов окончил Гатчинское педагогическое училище, поступил в Ленинградский педагогический институт, но закончить его не удалось — в 1929 году молодой студент на собрании высказался против закрытия одного из храмов и был исключен. Три года он преподавал математику, физику и биологию в сельских школах, служил псаломщиком в храме города Тосно, в Никольском храме села Ремда Середкинского района Ленинградской (теперь Псковской) области. В 1931 году Николай был арестован и семь лет провел в Сыктывкаре в заключении. После освобождения ему не разрешили жить в Ленинграде, и Николай снова работал учителем в школах Тосненского района.

Когда началась война, Николая не призвали в армию: в лагере он покалечил ноги (все трое братьев отца Николая погибли на войне). Во время оккупации Николай вместе с другими жителями Гдовского района был угнан в Прибалтику, и в Вильнюсе он поступил в семинарию, которую открыли в 1942 году. Проучившись два семестра, он был рукоположен в священный сан экзархом митрополитом Сергием (Воскресенским) и затем служил на разных приходах Прибалтики. В 1949–1951 годах отец Николай обучался на заочном секторе Ленинградской Духовной семинарии, а в 1951 году был зачислен на первый курс академии, но, отучившись в ней заочно один год, продолжать далее обучение не стал.

В 1958 году отец Николай был переведен в Псковскую епархию и назначен настоятелем Никольского храма на острове Талабск (один из

островов на Псковском озере. В советское время остров переименован в Залит). В этом храме отец Николай и прослужил сорок четыре года.

Невозможно перечесть, сколько побывало паломников на этом отдаленном острове, сколько людей получили духовный совет,

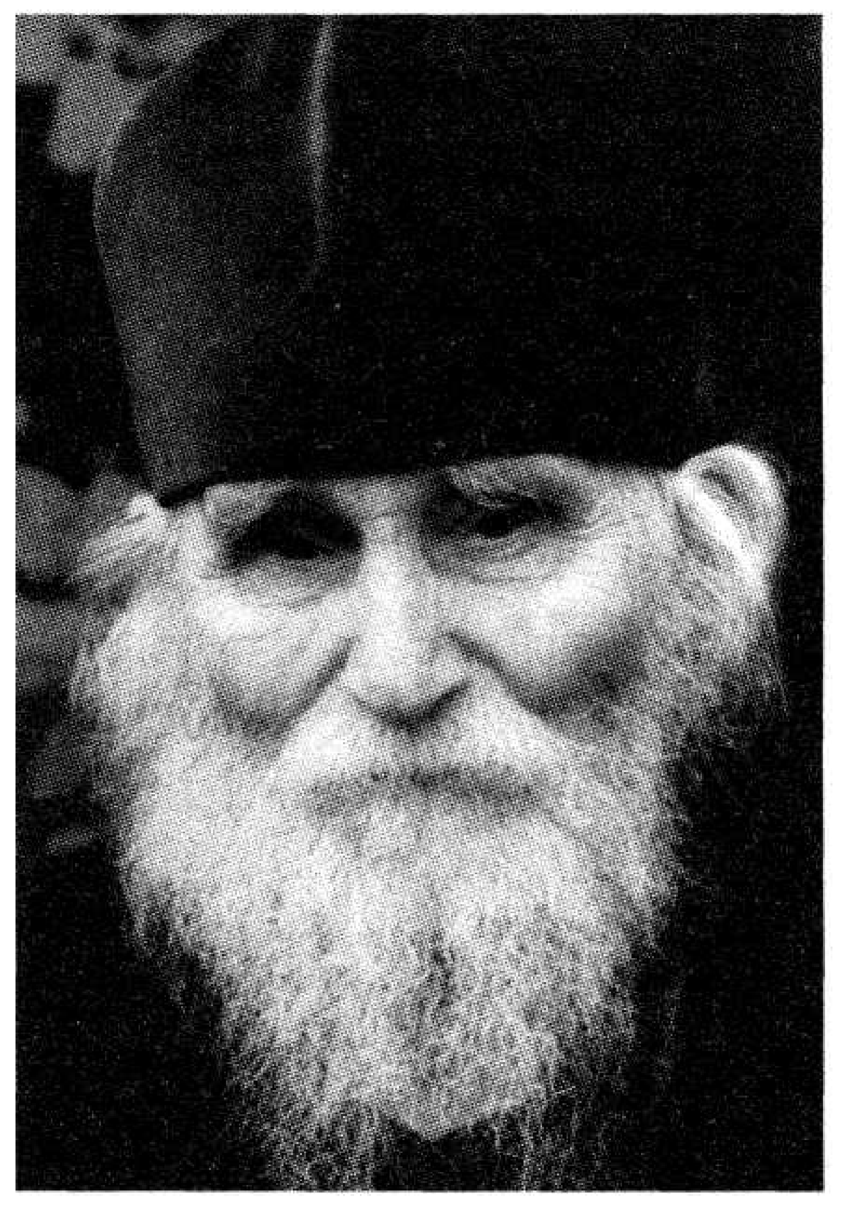
молитвенную помощь.

Духовные наставления

◊ Одной из духовных чад батюшка говорил: «Не гаси светоч огня в сердце своем. Смотри, только в вере не поколебайся, бери ружье, иди сражайся, как на передовую. Проси: „Господи, не лиши меня разума и зрения, сохрани, Господи, от гордости, от тщеславия“. Учись слушать волю Божию. Сейчас вся преисподняя на земле, смотри, держись».

◊ Отец Николай учил обязательно причащаться в день ангела, в день рождения, во все посты. Остальное — по возможности, только нужно готовиться, «всуе к чаше не подходить»: «Если только мелькнет против кого-то мысль плохая, к чаше не ходи. Если в сердце даже злейшему врагу не простила, к чаше не ходи. Примирись вначале с врагом своим».

◊ Батюшка часто повторял: «Не держите на людей зла, а что вам сделано, вы об этом забудьте. Знайте только, что вы хуже всех. Что ниспослано, все от Господа во исцеление, во исправление. Когда на тебя неправду скажут, ты поблагодари и попроси прощения. Только тогда будет награда, когда вы не виноваты, а вас ругают. Скажи только: «Прости меня ради Христа, я еще хуже, чем ты обо мне думаешь». А когда и поругают-то, благодарите Бога, награда-то какая. Все в ваших силах. Согрешил, покайся, и впредь старайся этого не делать».

◊ Батюшка советовал: «Спросят тебя, как ты живешь, а ты перекрестись и скажи: „За все слава Богу, что Господь дал, то и приму“. О детях никому не жалуйся, кроме святых угодников и Матери Божией, и не хвались, не раздражай врага. Будет плохо — людям радостно, будет хорошо — вызовешь зависть».

◊ «Единственное тебе правило обязательное, — говорил батюшка, — это утренние, вечерние молитвы и помянник. Остальное — как хочешь и сколько хочешь. Но меньше нельзя. Это тебе будут крылышки в Царствие небесное».

◊ Вначале батюшка благословил причащать мирян не меньше шести раз в год, то есть во все посты, в день рождения и в день ангела. В последние

годы он объяснил, что обстановка в мире изменилась, и теперь следует причащаться возможно чаще.

◊ Правил себе больших не набирай, а утренние и вечерние молитвы надо читать обязательно, а то бывает, что не читают. Перед едой дома надо перекреститься, на работе ведь не перекрестишься, если только незаметно.

◊ Во время исповеди батюшка не разрешал говорить ни о чем постороннем, кроме грехов: «Ты перед Евангелием стоишь. Если гневаешься, посердишься на кого, вот об этом говори».

◊ Перед началом работы отец Николай учил кратко помолиться: «Господи, благослови!», в процессе работы: «Господи, помоги!», и после работы: «Слава Тебе, Господи!»

◊ Старец был противником того, чтобы христиане пили водку: «Вино сокращает жизнь».

◊ На вопрос о влиянии злой силы батюшка ответил с удивлением и улыбкой: «А как Бог? О воле Божией забыли?»

◊ На вопрос о том, как нужно жить, отец Николай ответил: «Жить так, словно ты завтра умрешь».

◊ Батюшка все время повторял: «Все хорошо, да, все хорошо. Какие мы счастливые, что мы в Церкви, что мы причащаемся… Времена и сроки, которые Господь положил, — это не наши времена. Покойный отец Тихон Агриков говорил, что мы живем в прибавленное время. Чрезмерное внимание к проблеме ожидания второго пришествия, как и все чрезмерное, уводит от настоящего, заставляет забрасывать текущие, насущные дела, делает нас пассивными. Второе пришествие еще будет, а ты уже сейчас умираешь».

◊ Я спросила, спасет ли Господь Россию: «Тю! — легонько хлопнул по лбу меня батюшка. — Все может быть хорошо, молиться только надо».

◊ Старца спрашивали о России, а он отвечал: «Россия не умирала. Ох, как хорошо у нас. Слава Тебе, Господи. Господь не оставляет нас».

Библиография

Авель, иеромонах. Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки, в ней подвизавшиеся. М., 1853; 4-е изд. 1884.

Амвросий (Гренков), иеросхимонах. Собрание писем к монашествующим. Сергиев Посад, 1908–1909. 2 т.; также см. «Душеполезное чтение» 1892–1893. (Есть также современные репринтные издания.)

Антоний (Путилов), игумен. Письма к разным лицам. М., 1869.

Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1995.

Белгородский старец схиархимандрит Григорий (Давыдов). Сост. священник Сергий Клюйко. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1997.

Белгородский старец архимандрит Серафим (Тяпочкин). Сост. иеродиакон Софроний (Макрицкий). Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1999.

Большаков С. **Н.** На высотах духа. М.: 1993.

Боровскова-Майкова. Нил Сорский и Паисий Величковский / Сборник в честь С. Ф. Платонова. СПб., 1911.

Буланов И. Старец Гефсиманского скита иеросхимонах отец Варнава. Строитель Выкшинского Иверского женского монастыря. СПб., 1906.

Валаамский монастырь и его подвижники. 3-е изд. СПб., 1903.

Варсонофий Оптинский, преподобный. Духовное наследие. СвятоТроицкая Сергиева лавра, 1998.

Герасим (Добросердов), архимандрит. Краткий очерк жизни настоятеля Введенской Оптиной пустыни, о. архимандрита Моисея. СПб., 1865.

Григорий, архимандрит. Первоначальник и основатель Белобережской пустыни схимонах Симон / «Душеполезное чтение». 1896. № 6.

Григорий (Борисоглебский), архимандрит. Сказание о жизни оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1893.

Добронравов В. Иеромонах Клеопа, строитель Введенской пустыни. Владимир, 1908.

Жизнеописание игумена Филарета, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни. СПб., 1856.

Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882.

Жизнеописание настоятеля Малоярославского Николаевского монастыря, игумена Антония. М., 1870.

Жизнеописание старца Оптиной пустыни, иеросхимонаха Илариона. Калуга, 1897.

Житие старца Серафима Саровской обители, иеромонаха, пустынножителя и затворника. 2-е изд. СПб., 1863, 1884; 4-е изд. Муром, 1893. (Есть также современные репринтные издания.)

Жизнеописание старца Феодора, Санаксарского монастыря строителя. М., 1890 (2-е и 3-е изд.).

Жизнь и подвиги схимонаха Феодора. М., 1838; 3-е изд. 1907.

Жизнь монаха и пустынножителя Василиска. М., 1849.

Житие иеросхимонаха Анатолия (Потапова). Сост. иерей Геннадий (Беловолов) и М. Руденко. Введенская Оптина пустынь, 1995.

Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М., 1892. (Есть также современные репринтные издания.)

Житие и подвиги в Бозе почившего схимонаха Зосимы, его изречения и извлечения из его сочинений. 2-е изд. М., 1889. (Есть также современное репринтное издание.)

Житие оптинского старца Варсонофия. Сост. Виктор Афанасьев. Введенская Оптина пустынь, 1995.

Житие оптинского старца Нектария. Введенская Оптина пустынь, 1996.

Житие и поучения оптинского старца Анатолия (Зерцалова). Введенская Оптина пустынь, 1994.

Евстратий (Головановский), иеромонах. Игумен Вонифатий. Основатель и строитель скита Феофания. Киев, 1873. (Есть также современное репринтное издание.)

Игнатия, монахиня. Старчество на Руси. М., Издательство Московского подворья Троице-Сергиевой лавры, 1999.

Иеросхимонах Алексий, подвижник московского Симонова монастыря. 2-е изд. М., 1891.

Избранные письма оптинского старца скитоначальника схиигумена Анатолия к монахиням / Изд. С. Четверикова / «Душеполезное чтение», 1904. № 7.

Иувиан (Красноперов), монах. Валаамский летописец. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995.

Кавелин Л. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. СПб., 1862. (Есть также современные репринтные издания.)

Кирик, схиархимандрит. Иноческие поучения. Мадрид, 1973.

Кольцов С. Схимонах Филипп, основатель пещерной киновии при Гефсиманском ските / «Душеполезное чтение», 1881. № 3. С. 209–221.

Ковалевский А. Воспоминания о духовнике Киево-Печерской лавры, иеросхимонахе Антонии // «Душеполезное чтение», 1881. № 1. С. 337–368,

444–469.
Ковалевский А. Монахиня Дорофея, подвижница Сухотинского Знаменского монастыря Тамбовской губернии / «Душеполезное чтение», 1886. № 1. С. 60–82, 197–214.
Краткие поучения старца Феодора, настоятеля Санаксарской обители. М., 1847.
Леонид (Кавелин), иеромонах. Сказание о жизни и подвигах старца Оптиной пустыни, иеросхимонаха Макария. М., 1861.
Мария (Добромыслова), монахиня. Житие оптинского старца Никона. Введенская Оптина пустынь, 1996.
Макарий (Иванов), иеросхимонах. Собрание писем. М., 1862–1863. 4 т. (Есть также современные репринтные издания.)
Мисаил, епископ. Богородицкая Площанская пустынь. Орел, 1897.
Муравьев А. Н. Святая гора и Оптинская пустынь. М., 1852.
Назарий (Кондратьев), старец. Старческое наставление. М., 1853.
Никодим (Кононов), архимандрит. Жизнеописание отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв. М., 1908–1909. (Есть также современное репринтное издание, выпущенное издательством СвятоВведенской Оптиной пустыни.)
Нилус С. Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа. Сергиев Посад, 1911. (Многократно переиздана в наше время.)
О жизни и подвигах старца-затворника Гефсиманского скита, что близ Троице-Сергиевой лавры, отца иеромонаха Александра. Собрано его келейником Н. Н. М., 1900.
Описание Валаамского монастыря и скитов его. СПб., 1891; 5-е изд. 1904.
Описание жизни иеромонаха Амфилохия. М., 1846.
Описание Путивльской Рождественской Софрониевой пустыни. М„1846.
Оптина пустынь. Историческое описание скита во имя святого Иоанна, Предтечи Господня, находящегося при Козельской Оптиной пустыни. СПб., 1862.
Орловский. Пустынники Рославльских лесов. Смоленск, 1904.
Очерк жизни старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Иосифа. Издание казанской Амвросимовой женской пустыни, 1911.
«Пастырь добрый». Жизнь и труды московского старца Алексия Мечёва. Сост. Сергей Фомин на основе материалов из архива Елены Апушкиной. М., «Паломник», 1997.
Первый великий старец оптинский, иеросхимонах Леонид (в схиме Лев). 2-е изд. Шамордино, 1917.

Пимен, архимандрит. Воспоминания. М., 1877 (также в: Чтения. 1876–1877).

Письма в Бозе почившего Афонского старца иеромонаха отца Арсения к разным лицам. Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1899. (Есть также современные репринтные издания.)

Письма Георгия, затворника Задонского монастыря, с присовокуплением кратких сведений о жизни его / Сост. П. Григорьев. М., 1844. 2 т.; 4-е изд. Воронеж, 1860. (Есть также современные репринтные издания.)

Подвижническая жизнь схимонаха Феодора. М., 1901.

Порфирий, иеромонах. Жизнь и подвиги иеросхимонаха Иоанна, основателя Саровской пустыни. Муром, 1892.

Поселянин Е. Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVIII в. СПб., 1902; 2-е доп. изд. 1905.

Поселянин Е. Русские подвижники XIX века. 2-е изд. СПб., 1901; 3-е изд. 1910. (Есть также современные репринтные издания.)

«Русский паломник», 1992, № 5, 6; 1993, № 8.

Сказание о жизни и подвигах старца Киево-Печерской лавры иеросхимонаха Парфения. К., 1898.

Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти старца иеросхимонаха отца Стефана. Вятка, 1893.

Симеон (Холмогоров), архимандрит. Схиархимандрит Гавриил, старец Спасо-Елиазаровой пустыни. СПб, 1996.

Собеседник православных христиан. СПб, 1995.

Соловьев А. Старчество по учению святых отцов и аскетов. Семипалатинск, 1900.

Соль земли, то есть сказание о жизни старца Гефсиманского скита иеромонаха аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским. Сергиев Посад, 1909 (см. также: Христианин. 1908, № 10–12; 1909, № 1, 5).

Софроний, иеромонах. Старец Силуан. Париж, 1952 (эта книга была неоднократно выпущена и в России).

Смолим И. К. Русское монашество. М., 1999.

Старцы Брянской Белобережской пустыни по запискам иеромонаха Израиля / Орловские епарх. ведомости. 1909, № 44–45 (главным образом о старце Феодоре).

Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия. Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. Москва, 1913.

«Странник», 1800, № 7 (о старце архимандрите Агапите Нило-Столобенском).

Субботин Н. И. Архимандрит Феофан, настоятель Кириллова Новоезерского монастыря. СПб., 1862 (воспоминания старца Феофана на с. 57–72).

Тихон (Ципляковский), игумен. Историческое описание Темниковской пустыни Санаксарского монастыря. Темников, 1885.

«У пещер Богом зданных». Псково-Печерские подвижники благочестия XX века. Сост. Ю. Г. Малков и Ю. П. Малков. М.: «Правило веры», 1999.

Филимонов В. П. Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб., «Сатис», 1999.

Четвериков Сергий, протоиерей. Жизнеописание оптинского старца отца иеросхимонаха Амвросия. Козельск, 1912. (Есть также современное репринтное издание.)

Четвериков Сергий, протоиерей. Бог в русской душе. М., Крутицкое Патриаршее подворье. 1988.

Четвериков Сергий, протоиерей. Правда христианства. М., Крутицкое Патриаршее подворье. 1988.

Содержание бумажного издания с указанием номеров страниц

*** * ***

КИЕВСКИЕ СТАРЦЫ

*** * ***

РАДОНЕЖСКИЕ СТАРЦЫ

* * *

* * *

* * *

*** * ***

*** * ***

*** * ***

*** * ***

---

notes

Примечания

1

См. о нем на стр. 61.

2

Молитва святого Мардария, читается на 3-м часе.

3

То есть двое детей.

4

Замечание святителя Феофана.

5

Теперь Оптинские старцы прославлены Церковью в лике святых, их уже не поминают за упокой, но молятся им самим. — *Ред.*

6

Имеется в виду праведный Лазарь Четверодневный, тело которого при погребении было обмотано кусками ткани (см.: Ин. 11, 44).

7

Анатолия — настоятельница Борисовской пустыни, необыкновенной доброты и теплого сердца женщина. Аркадия — настоятельница Севского монастыря, которую, и по виду и по достоинству, старец как бы шутя называл царицею.

8

Это объяснение старец почерпнул из толкового Евангелия блаженного Феофилакта Болгарского, составленного по большей части на основании толкований святителя Иоанна Златоуста.

9

Ныне причислены к лику святых.

10

Леушинский монастырь и его храм ныне находятся на дне искусственного водохранилища. Но игумению Таисию помнит Церковь и молитвенно поминают многие и особенно, конечно, читатели ее небольших книжек. «Тоненькая тетрадочка, но богатая», — замечательно сказал об этих записках архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

Каждый год 6 июля на берегу Рыбинского водохранилища проходят Леушинские молитвенные стояния.

11

О своем пребывании в лагере отец Севастиан вспоминал, что там били, истязали, требовали одного: отрекись от Бога. Он сказал: «Никогда». Тогда его отправили в барак к уголовникам. «Там, — сказали, — тебя быстро перевоспитают». Можно представить, что делали урки с человеком пожилым, больным, слабым, священником. Но победили вера и любовь, которые были в сердце батюшки. Он привел к вере в Бога весь барак до одного человека, всех, кто там был. И не просто к вере, а к вере настоящей.